

А. С. БАРСЕНКОВ, А. И. ВДОВИН

ИСТОРИЯ РОССИИ

1917—2009

Издание третье, расширенное и переработанное

*Рекомендовано УМС по истории и искусствоведению
УМО по классическому университетскому образованию
в качестве учебного пособия для студентов высших учебных
заведений, обучающихся по специальности 020700 История*

АСПЕКТ ПРЕСС

Москва

2010

УДК 821.112.2.02
ББК 83.3(4Гем)
Б 86

Рецензенты:

Кафедра новейшей отечественной истории
исторического факультета МПГУ (заведующий проф. Э. М. Щагин);
зав. кафедрой истории Института переподготовки и повышения
квалификации МГУ имени М. В. Ломоносова проф. А. И. Уткин

Барсенков А. С., Вдовин А. И.

Б 86 История России. 1917–2009 / А. С. Барсенков, А. И. Вдовин. — 3-е изд.,
расш. и перераб. — М.: Аспект Пресс, 2010. — 846 с.
ISBN 978–5–7567–0575–1

В настоящем пособии — самом полном на сегодняшний день изложении университетского учебного курса отечественной истории с 1917 г. до наших дней — прослежена связь между советским и постсоветским периодами истории России. Показаны условия возникновения, особенности развития Советского государства и общества на разных этапах новейшей отечественной истории; определявшие их эволюцию факторы; причины и обстоятельства распада Советского Союза, становление Российской Федерации. Подготовленное на основе новейших исследований и документальных публикаций, пособие включает темы, которые ранее в учебной литературе не освещались, и предлагает новую трактовку многих известных проблем.

Для студентов высших учебных заведений исторических и политологических специальностей.

УДК 821.112.2.02
ББК 83.3(4Гем)

ISBN 978–5–7567–0575–1

© Барсенков А. С., Вдовин А. И., 2010
© Оформление. ЗАО Издательство
«Аспект Пресс», 2010

Все учебники издательства «Аспект Пресс» на сайте
www.aspectpress.ru

Предисловие

Разработка современной концепции истории советского и постсоветского общества ведется со смены эпох в новейшей отечественной истории, символически обозначенной рабочими технической службы Кремля В. Кузьминым и В. Архипкиным. 25 декабря 1991 г. в 19:38 они спустили государственный флаг СССР с флагштока над президентской резиденцией в Кремле и водрузили бело-сине-красное полотнище российского стяга. В тот же день РСФСР была официально переименована в Российскую Федерацию. Смена эпох положила начало переосмыслению предыдущего опыта российского народа и выработке новой концепции истории.

В рамках господствовавшего ранее формационного подхода история советского периода представлялась как переход от капитализма к социализму с последующим восхождением последнего по ступеням зрелости от неразвитых форм к более развитым. Последняя из достигнутых фаз официально именовалась «развитым социализмом». С неожиданным крахом социализма многим сторонникам формационного подхода его трактовка представляется неверной. Они полагают, что правильнее было бы говорить о нем как об одной из фаз «раннего социализма», который еще во многом требовалось доводить до развитых форм. Отказ же от самой идеи приверженцы социализма считают исторической ошибкой или преступлением.

Неудавшийся опыт социалистического строительства вроде бы оправдывает утверждение о «конце истории». Под этим имеется в виду, что часть человечества, находящаяся на современной капиталистической стадии развития, и впредь будет развиваться при капитализме. «Триумф Запада, западной идеи, — утверждается в статье «Конец истории» (1989) американского профессора Ф. Фукуямы, — очевиден прежде всего потому, что у либерализма не осталось никаких жизнеспособных альтернатив».

С этой точки зрения, социализм оказался одним из исторических тупиков, который просто вынудил пошедшие по нему народы возвратиться на магистральный путь истории и присоединиться к «передовой» части человечества. В наши дни фукуямовская идея о конце истории и одномерности социального прогресса представляется несостоятельной все большему числу авторитетных представителей мировой науки.

Как бы то ни было, поражение социалистической идеи в СССР и целом ряде других стран мира существенно поколебало веру в форма-

ционный подход к истории человеческого общества, базирующийся на различении способов производства материальных благ в истории общества. И хотя этот подход, безусловно, не исчерпал своих возможностей при характеристике минувших эпох, его прогностические возможности вызывают все большее сомнение.

С 1943 г., когда был упразднен 3-й Интернационал — знаменитая международная организация, объединяющая с 1919 г. компартии различных стран, — в нашей стране и мире все реже исполнялся созданный в 1933 г. гимн Коминтерна. Совсем мало остается приверженцев коммунистических идей, убежденных в том, что уже в ближайшем будущем «все страны охватит восстания костёр!». Вместе с тем, остаются еще члены КППРФ и других партий, считающих: «Мы красного фронта отряд боевой / И мы не отступим с пути своего!».

К формационному подходу в определенном отношении оказывается совсем близким и так называемый цивилизационный подход. Он предполагает, что человечество развивается, восходя от дикости к варварству и далее — к современным цивилизованным историческим формам. Так, социализм в свое время изображался цивилизацией высшего типа. «Мы создаем, и мы *создадим*, — говорил Н. И. Бухарин в 1928 г., — такую цивилизацию, перед которой капиталистическая цивилизация будет выглядеть так же, как выглядит “собачий вальс” перед героическими симфониями Бетховена». Ныне лидерство в развитии видится иначе: «Десятка западных стран движется вперед, а остальные догоняют». В качестве цивилизационного образца чаще всего выставляются США. Ориентируясь на него, отстающие «модернизируются». Считается, что главной задачей модернизации является перевод общества в новое качество, ликвидация отставания от экономически развитых стран.

Однако при ближайшем рассмотрении обнаруживается, что такая стратегия развития «отсталых» цивилизаций неосуществима, так как модернизировать все человечество по американскому образцу невозможно из-за ограниченности земных ресурсов, львиная доля которых потребляется теми же Соединенными Штатами. США производят около 20% мирового ВВП, а потребляют из него около 40%. Насчитывая около 5% жителей Земли, они расходуют 23% всей энергии, съедают 15% мяса, на американских дорогах используются 37% всех машин мира. Сегодня американец потребляет в четыре с лишним раза больше энергии, чем усредненный житель планеты, тратит в три раза больше воды, производит в два раза больше мусора и вырабатывает в пять раз больше углекислого газа. Зарботок гражданина США почти в пять раз больше заработка усредненного жителя планеты. Официальный порог бедности в США составляет 50 долларов в день, а у 3,5 миллиарда жителей Земли нет возможности тратить ежедневно и двух долларов. По международным критериям бедностью считается доход в 2–4 долл. в сутки на человека, а нищетою — менее 2 долл.

К нашим дням сформировалось понятие о «золотом миллиарде» населения земли — одном из 6,5 миллиарда землян, населяющих страны, достигшие высокого уровня технологического развития, — США, Канада, страны Западной Европы, Япония, Австралия, Новая Зеландия, Израиль. В 2001 г. «золотой миллиард» распоряжался почти 85% мирового продукта (в 1960 г. — 70%), на него приходилось 84% мировой торговли и 85% финансовых накоплений. В 1960 г. различия в доходах между наиболее богатыми и беднейшими 20% населения мира относились как 30:1, в 1970 г. — как 32:1, в 1990 г. — как 60:1, а к концу 2000 г. — как 100:1. Дальнейшее «улучшение» этих соотношений в пользу «развитых стран» и надежды на некоторое расширение «золотого миллиарда» за счет аутсайдеров фактически лишают перспектив четыре пятых населения планеты, делая их излишними на земном празднике жизни.

Представляется справедливым суждение Г. Х. Шахназарова о том, что цивилизационная теория, как и любая другая, имеет право на существование. Но при ряде достоинств ей присущи ошибки, чреватые серьезными последствиями. Претендуя на единственно правильную методологию постижения истории, всецело овладев умами и будучи положенной в основу политической стратегии, она «грозит вернуть мир в эпоху крестовых походов и джихадов — с той разницей, что вместо мечей, стрел и копий пойдут в ход ракеты с ядерными зарядами, электронное и информационное оружие». Недавние события в Югославии и Ираке в этом свете предстают как первые крестовые походы под флагом прав человека и утверждения нового цивилизационного порядка.

Обращает на себя внимание и тот факт, что цивилизации зачастую классифицируются по произвольной методике. До сих пор не удалось выявить объективных критериев, по которым выделяются цивилизации. По этой причине их число сильно отличается у разных авторов, вплоть до сведения любого народа к особой цивилизации. История стран, шествующих впереди других по столбовым дорогам цивилизации, расцветается положительными характеристиками исторических фактов, явлений, процессов и личностей. Сочинения же по истории «нецивилизованных» стран изобилуют негативной информацией и антигероями. Все это наблюдается и во многих учебных пособиях по отечественной истории, изданных в последние десятилетия. Они во многом напоминают исторические труды, вышедшие из-под пера историков известной школы М. Н. Покровского, главной задачей которых было показать дореволюционную отечественную историю исключительно в негативном свете.

Согласиться с «переизданием» такого подхода к освещению пройденного страной пути невозможно, поскольку при этом и советский этап предстает как самый темный период отечественной истории — цепь авантюрных попыток осуществления социальной утопии, тоталитаризм, административно-командный режим с нечеловеческим лицом, немотивированные репрессии, паранойя и маразм лидеров, насилие над народа-

ми, погружение страны в застойное историческое болото. С помощью такого «цивилизационного» подхода в школе и университете можно возвращать только национальных нигилистов, антипатриотов, внутренних и внешних эмигрантов.

Ограниченность формационного и цивилизационного подходов к истории, представляющих путь народов как линейное восхождение от низших форм к высшим, развитие по неким «передовым образцам», как модернизационные переходы от традиционных обществ к современным, преодолевается синергетическим подходом к истории. Его появление связано с творчеством бельгийского ученого российского происхождения И. Пригожина, удостоенного в 1977 г. Нобелевской премии за работы по термодинамике неравновесных систем, и немецкого физика Г. Хакена, давшего в 1973 г. изученным им эффектам самоорганизации в лазерном излучении название «синергетика» (от греч. *synergeia* — совместное, согласованное действие). Со временем было признано, что этот диалектический метод познания имеет универсальный характер и применим для постижения закономерностей развития общества. В наши дни он активно входит в методологию исторической науки.

Синергетический подход основан на таких понятиях, как нелинейность, неустойчивость, непредсказуемость, альтернативность развития. Историков это привлекает новым взглядом на развитие неустойчивых ситуаций в историческом процессе, для чего требуется учитывать влияние на него разного рода случайностей, малых воздействий, которые невозможно предугадать и прогнозировать. Особую значимость для понимания истории приобретает развитие в точке бифуркации — точке ветвления процесса, являющейся отправной для новой линии эволюции. Яркий исторический пример представляет собой социальная революция, означающая кардинальную перестройку общественной системы. С понятием бифуркации неразрывно связано представление о так называемом аттракторе. Н. Н. Моисеев объясняет эту связь следующим образом. Развитие динамической системы любой природы происходит в некотором аттракторе — ограниченной «области притяжения» одного из стабильных или квазистабильных состояний системы. Сложные нелинейные системы могут обладать большим числом аттракторов. В силу ряда причин: чрезмерно большой внешней нагрузки или накопления флуктуаций (противоречий в обществе) — ситуация однажды может качественно измениться, и система относительно быстро перейдет в новый аттрактор, или канал эволюции. Подобная перестройка системы называется бифуркацией.

Главное отличие нового подхода от классических заключается в том, что в рамках классической науки царствовали принципы детерминизма, а случайность считалась второстепенным, не оставляющим следа фактором в общем потоке событий. Неравновесность, неустойчивость

воспринимались как нечто негативное, разрушительное, сбивающее с «правильной» траектории развитие, которое мыслилось как безальтернативное. В синергетике идея эволюционного подхода сочетается с многовариантностью исторического процесса и многомерностью истории. С позиций синергетики XX век человеческой истории представляется настоящим веком бифуркации. Как пишут авторы монографии «Синергетика и прогнозы будущего» (2001), «развитие нелинейной математики, синергетики, а с ними и нового взгляда на мир и условия жизни в нем — не очередная мода, а естественная стадия развития науки и культуры».

Синергетический подход дает представление о сложности изучаемых в природе и обществе процессов. Однако при его применении следует иметь в виду особенности задач, решаемых обществоведами. Физики, добившиеся за последний век фантастических достижений в своей области, полагают, что их наука изучает «простейшие и вместе с тем наиболее общие закономерности явлений природы, свойства и строение материи и законы ее движения» (А. М. Прохоров). Перед аналогичными задачами, необходимостью установления наиболее общих закономерностей в развитии страны и российского общества, стоят историки. Однако решить такие задачи им оказывается труднее, потому что общество как объект познания неизмеримо сложнее объектов, изучаемых естественными и «точными» науками.

Историю творят миллиарды существ, наделенных разумом и чувствами. Они исполняют различные роли на разных этапах жизни, решают как собственные, так и проблемы сообществ, в которые оказываются включенными не только по своей воле. История любого государства — это судьбы отдельных людей, их отношения друг с другом, положения в коллективах и общественных объединениях, участие в делах семьи, организации, страны. Человек с рождения оказывается в перекрестии взаимодействий различных сторон жизни общества (экономика, политика, право, мораль, религия и т.д.). И в каждой из этих областей может оставить более или менее заметный след, результат творчества и свершений.

Интегральное понимание соотношений индивидуального, социального и общечеловеческого в общественно-историческом развитии чрезвычайно затруднено. Время кардинальных перемен в общественной жизни многократно усложняет проблему. Однако это не избавляет историков от необходимости создавать правдивые исторические полотна. Достоверные знания о прошлом своей страны и ее современном состоянии необходимы каждому современному человеку, ведь «человек может быть полезен своей стране только в том случае, если ясно видит ее» (П. Я. Чаадаев). Учебные пособия и предназначены для того, чтобы способствовать выработке такого видения, иначе говоря, хорошего понимания, формированию у учащихся не только необходимых знаний, но и лучших гражданских и патриотических качеств.

Нелишне напомнить, что историк сам должен обладать этими качествами. Лишь в этом случае он может соответствовать высоте своего призвания. «Историк, — писал патриарх отечественной историографии Н. М. Карамзин, — должен ликовать и горевать со своим народом. Он не должен, руководимый пристрастием, исказить факты, преувеличивать счастье или умалять в своём изложении бедствия; он должен быть прежде всего правдив; но может, и даже должен неприятное, всё позорное в истории своего народа передавать с грустью, а в том, что приносит честь, о победах, о цветущем состоянии говорить с радостью и энтузиазмом. Только таким образом может он сделаться национальным бытописателем, чем прежде всего должен быть историк».

А. С. Пушкина писал: «Я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя... но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог ее дал». В этих словах заключено не только высокое патриотическое чувство, но и констатация очевидного. Другой истории у народа не может быть, даже если этого очень бы хотелось. Прошлое историкам, как и всем людям, неподвластно, его можно познать, но нельзя изменить. Уместно вспомнить также утверждение выдающегося историка В. О. Ключевского о том, что правдивая история, историческое воспитание, формирование исторического сознания является непреложным условием бытия народа: «Без знания истории мы должны признать себя случайными, не знающими, как и зачем мы пришли в мир, как и для чего в нем живем, как и к чему должны стремиться». Развивая эту мысль применительно к соотечественникам, ученый полагал, что «каждый из нас должен быть хоть немного историком, чтобы стать сознательно и добросовестно действующим гражданином».

Объективная история — продукт честного исследователя и патриота. Л. Н. Толстой писал об особой значимости для историка евангельской заповеди «Не лжесвидетельствуй». В его дневнике значится: «Эпиграф к истории я бы написал: “Ничего не утаю”. Мало того, чтобы прямо не лгать, надо стараться не лгать отрицательно — умалчивать». Современный историк В. Д. Соловей справедлив в своем утверждении: «Объективно писать историю своей страны и своего народа способен лишь тот, кто любит их и признаёт их безусловную ценность. Патриотизм — не антитеза объективности, а её важнейшая предпосылка. Что, кстати, прекрасно знают англосаксы с их знаменитым девизом: *my country — right or wrong!* (это моя страна, права она или нет!). Сверхлиберальные американцы выражаются ещё более радикально: любви Америке или убирайся! А уж об американской (равно — английской, французской и т.д.) манере писать собственную историю и говорить нечего. Крупный современный английский историк назвал её агрессивным самовосхвалением». Русской манере самовосхваление не свойственно.

Историческая наука выполняет важнейшую общественную функцию — способствует сохранению и обогащению исторической памяти народа. В первую очередь — о великих событиях далекого и недавнего прошлого, о славных именах и деяниях предков. «Когда мы любим, гордимся отечеством — это значит, что мы гордимся его великими людьми, т. е. теми, которые сделали его сильным и уважаемым на исторической сцене», — говорил наш выдающийся соотечественник И. П. Павлов. Историческая память, в свою очередь, выполняет функции интеграции общества, скрепляет единство поколений, создает представление об общей исторической судьбе и исторической ответственности, поддерживает нравственное здоровье общества, питает национальную гордость.

Пренебрежение историей вредит ее творцам. Характерно, что нигилизм в отношении истории России, ее обесценение, изображение прошлого «темным», «проклятым», «мрачным», «рабским», и на этой основе прекращение преподавания истории в школах и университетах, санкционированное российской властью после революции 1917 г., продержались недолго. В начале 1930-х годов отечественная история была вновь востребована. Действующая власть для обоснования своего права на место в истории была вынуждена доказывать, что она призвана направлять развитие страны к благу граждан, но справляется с этим лучше и эффективнее прежних властителей. Только в случае легитимации власти в качестве законного наследника тысячелетней истории России руководству удастся сплотиться с народом. И только в этом случае власть заручается патриотическим настроением народа, способным защищать страну во времена суровых испытаний, успешно развивать государство, обеспечивать его благоденствие.

Отечественная история была не в чести и какое-то время после революционного 1991 г. По прошествии времени Б. Н. Ельцин говорил: «Я в 1991 г. ставил перед собой в качестве главной задачу всю жизнь повернуть круто и наоборот. Поэтому я подобрал команду, которая ничего из прошлого не ценила и должна была только строить будущее». На практике это свелось к разрушению всей советской коммунистической системы и советской экономики. «Наверное, по-другому было просто нельзя, — утверждал Ельцин. — Кроме сталинской промышленности, сталинской экономики, адаптированной под сегодняшний день, практически не существовало никакой другой. А она генетически диктовала именно такой слом — через колено. Как она создавалась, так и была разрушена». Первое постсоветское десятилетие, точно так же как и десятилетие после 1917 г., прошло под знаком отказа от постановки проблем патриотического воспитания.

В последнее время наметились перемены. Если в 1990-е годы средства массовой информации активно призывали россиян осудить имперское прошлое и стремление к великодержавию, не цепляться «за арха-

ичные национальные идеалы», осуществить «розовую мечту российского космополитизма» и стать, наконец, частью Европы, то с недавних пор официальная риторика меняется «с абстрактно-демократической на национал-патриотическую, подавляющее большинство либеральных партий только и говорят, что о Великой России... Запретные слова “нация” и “империя” обрели легальный статус в общественном сознании».

В феврале 2001 г. в России была принята Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001–2005 гг.». В аналогичной программе, рассчитанной на последующий период, средствами воспитания названы страницы как досоветского, так и советского прошлого. Иначе говоря, мы должны внимательно присмотреться к нашему прошлому и опираться «на все то положительное, что дал тысячелетний опыт нашего государства, в том числе и 74 года коммунистического правления» (Н. Н. Моисеев).

Всесторонне и критически оценивая советское время, создавая и уточняя картину прошлого в связи с появлением новых источников, фактов и доказательств, мы, безусловно, должны с уважением относиться ко всему позитивному, что было сделано соотечественниками. Не стоит забывать, отмечал Президент России Д. А. Медведев, что «мы во многом последние годы жили за счет того наследства, которое получили из Советского Союза», нам еще предстоит «выстроить планы по технологическому переоснащению нашего государства».

На встрече В. В. Путина с участниками Всероссийской конференции преподавателей общественных наук (июнь 2007) говорилось о «стандартах образования», которые обеспечивали бы фундаментальные исторические знания, обоснованные оценки. В пособиях по истории должна быть представлена альтернативная точка зрения, средство против стандартизации мышления. Однако в них не должно быть перегибов, оскорбляющих историческую память и национальное чувство. Трагические страницы истории (они были не только у нас; пострашнее еще были в истории других стран, например, колониальные захваты, нацизм, применение ядерного и химического оружия в отношении гражданского населения), не должны забываться, но и не должны использоваться для навязывания чувства вины. Материалы этой встречи имеют особую значимость для всех, кто профессионально изучает и преподаёт новейшую отечественную историю.

Главная цель настоящего пособия состоит в выявлении и характеристике исторических этапов, через которые Россия прошла в 1917–2009 гг., установлении их связи с предыдущим и последующим ее развитием. Принцип историзма, которым руководствуются авторы, определяется как один из основных в диалектическом подходе к изучению социальной действительности. Он обязывает рассматривать явления и события в их возникновении и развитии, неразрывной связи с конкрет-

ными историческими условиями. Такой подход предполагает всестороннее исследование объекта изучения: его внутренней структуры, как органического целого, системы; процесса (совокупности следующих друг за другом во времени исторических связей и зависимостей, характеризующих развитие объекта); выявления и фиксирования качественных изменений в структуре объекта; закономерностей его развития, законов перехода от одного исторического состояния к другому.

Понимаемый таким образом историзм совпадает с научной объективностью, исключая архаизацию настоящего и модернизацию прошлого. Принципу историзма целиком соответствуют высокие стандарты русской школы историков (ее яркими представителями в XX веке были С. Ф. Платонов, Е. В. Тарле, Б. Д. Греков) с такой его чертой, как научный реализм, сказывающийся прежде всего в конкретном, непосредственном отношении к источнику и факту, вне зависимости от историографической традиции. Неудовлетворенность результатами изучения истории советского общества, которая часто демонстрируется в постсоветской историографии, не имеет никакого отношения к принципу историзма и научному реализму.

Народы России, объединенные общностью судьбы и пределами своей страны, на протяжении минувшего века прошли путь, несоизмеримый по масштабу свершений и драматизму ни с одним из известных историкам столетий. Первая половина века вместила две мировые войны, трехкратные революционные потрясения основ жизни, Гражданскую войну, две коренные перестройки общественного сознания и хозяйствования. Люди, свершившие великую революцию 1917 г., стремились к радикальному обновлению общества и жили неодолимой жадной созидания. Неимоверные усилия вложены в социалистическую перестройку деревни и города. В результате удалось создать огромный экономический, научно-технический и военный потенциал, который позволил вывести страну на уровень наиболее развитых держав мира и отстоять ее независимость в противоборстве с фашизмом. К середине 1950-х годов Советский Союз значительно сократил отставание от США в производстве валового внутреннего продукта (совокупная стоимость конечных товаров и услуг, произведенных на территории страны, в соизмеримых ценах). С 1960-х годов разрыв снова увеличивался. В 1955 г. ВВП СССР составлял 35% от ВВП США, в 1965 — 28; в 1975 — 27; 1985 — 22; 1990 — 17; 1995 — 9; ныне — 5,8%. По данным на 2006 г., ВВП Российской Федерации составлял примерно 700 миллиардов долл., ВВП США — около 12 триллионов долл.

Политической культуры народа, мечтавшего о построении свободного и справедливого общества, оказалось недостаточно для решения задач, выдвинутых Великой Октябрьской революцией. Руководство страны не сумело адекватно воплотить народные ожидания в соответ-

ствующие программы действий. В стране постоянно возникали социальная напряженность и кризисные ситуации, сопровождаемые острыми столкновениями на властном Олимпе, беззащитным использованием грубого принуждения и насилия в отношении сограждан как средства в строительстве «светлой жизни». Советскому обществу не удалось отладить систему самоуправления и действенного контроля «низов» над «верхами», без чего они оказались беззащитными перед диктатурой вождей и всевластием партийно-государственной элиты.

Основной причиной распада Советского Союза, который ныне предстает не иначе как «крупнейшая геополитическая катастрофа столетия» (В. В. Путин, апрель 2005), явилось особенно заметное с 1970-х годов снижение темпов прироста валового внутреннего продукта, отставание во внедрении достижений научно-технического прогресса, неспособность руководителей страны к реформам и к обеспечению уровня достойной жизни. Тот факт, что во многих странах мира, находящихся на более низком уровне технологического и экономического развития, показатели потребления товаров первой необходимости на душу населения были выше, чем в СССР, сыграл решающую роль в стимулировании дезинтеграционных процессов.

Важнейшую роль в распаде СССР сыграл национальный фактор. Трудными многими исследователями показано, что «советский империализм» был ничуть не хуже, чем его западные классические образцы. В некоторых аспектах он давал «младшим» партнерам даже большие возможности, чем западные модели. Трудно представить, например, индийца премьер-министром Соединенного Королевства, а вьетнамца президентом Французской республики. В Советском Союзе из семидесяти лет его истории значительная часть приходится на годы правления, когда лидерами страны были лица нерусской национальности. История национальной политики большевиков с первых лет советской власти была историей постоянного преодоления возникающих в многонациональном государстве трудностей усилиями прежде всего русского народа.

К настоящему времени в процессе реформ в России осуществлена либерализация почти всех факторов производства. Тем не менее за десятилетие реформ, с 1989 по 1998 г. производство ВВП в России сократилось до 55,2%, продукции промышленности — до 45,8%, по инвестициям в основной капитал — до 20,9%, по доходам населения — до 52,3%. Начавшийся после 1999 г. экономический рост все еще остается неустойчивым, базируется в основном на сырьевом экспорте. В майском (2004) Послании Президента РФ Федеральному собранию отмечено, что «за время длительного экономического кризиса Россия потеряла почти половину своего экономического потенциала. За четыре последних года мы смогли компенсировать около 40% падения». В 2004 г. реальные доходы россиян достигли 88% от уровня доходов граждан в 1991 г.

Ежегодно празднуемая с 4 ноября 2005 г. «День народного единства» российская нация далеко не едина в социальном отношении. По итогам 2007 г. журнал «Форбс» насчитал в России 87 миллиардеров (вместо 53 в 2006 г.). Москва стала мировой столицей супербогачей. Здесь их стало 74 — больше, чем в каком-либо другом городе мира. В 2000 г. доходы 10% самых обеспеченных и 10% самых бедных россиян отличались в 13,9 раза, в 2006 г. разрыв, по данным Росстата, увеличился до 15,3 раза. А по экспертным оценкам Центрального экономико-математического института РАН этот разрыв значительно больше и составляет около 30 раз. В частности, в Москве, по официальным данным, в 2006 г. этот показатель составил 41 раз.

Несмотря на очевидные противоречия и жизненные трудности, у россиян в целом имеются основания для оптимизма. К концу 2006 г. по ВВП на душу населения Россия возвратилась к уровню 1989 г., когда наблюдался рекордный уровень экономического роста. В апрельском (2007) Послании Президента РФ Федеральному Собранию отмечено, что Россия «полностью преодолела длительный спад производства». На заседании Госсовета (февраль 2008) было доложено, что за восемь лет реальные доходы граждан возросли в 2,5 раза, почти на столько же повысились пенсии. При этом уровень безработицы и бедности снизился в два раза. В стране преодолено преобладание смертности над рождаемостью.

Казалось, что начался этап подлинного возрождения страны. К сожалению уже в ноябре 2008 г. Россия встретила с новой напастью — общемировым финансовым кризисом, начало которому положил американский ипотечный кризис. В результате объем валового внутреннего продукта РФ во II квартале 2009 г. снизился по сравнению с аналогичным периодом прошлого года на 10,9%. При таком повороте событий, цель удвоения ВВП России уже в начале 2010 г., которая казалась достижимой еще в сентябре 2008 г., отодвигается в неопределенное будущее. По прогнозам Всемирного банка, реальный ВВП России может вернуться на докризисный уровень к концу III квартала 2012 г. Залогом успешного развития страны являются имеющиеся у нее самые крупные в мире запасы газа, питьевой воды, леса, пахотной земли. Ее доля — 2,6% в населении Земли, 14% территории суши в мире, 35% мировых природных ресурсов.

Достижение объективного и достоверного знания о прошлом возможно при сочетании различных подходов к изучению и разных оценочных критериев в отношении событий, явлений, личностей. Это позволяет рассматривать и представлять отечественную историю XX в. как летопись многоцветной советской и российской цивилизации. Оценки роли личности в истории, как правило тоже неоднозначны. К примеру, Сталин, с точки зрения государственности, — великий герой, с точки зрения прав человека, — душегуб и злодей. При этом полагаем, что огуль-

ное осуждение прошлого, борьба с ним в традициях «школы Покровского» не только бессмысленно, но опасно. В данном случае актуален А. С. Пушкин, сказавший в свое время: «Уважение к минувшему — вот черта, отличающая образованность от дикости. Гордиться славою своих предков не только можно, но и нужно».

По мнению американского политолога С. Хантингтона, автора книги «Столкновение цивилизаций и передел мирового порядка» (1993), в современном мире, после разрушения СССР и, соответственно, крушения биполярной системы «холодной войны», формируется новая мировая система. Ее субъектами являются цивилизации, различия между которыми определяются в первую очередь религией. Столкновения между ними представляются неизбежными. Российские ученые находят такую категоричность безосновательной. Они полагают, что особенности цивилизаций диктуются прежде всего условиями жизни, особенностями территории, природно-климатическим фактором (Л. В. Милов). Религия государствообразующих народов оказывает огромное влияние на развитие цивилизаций. Однако она, как и системы взглядов, именуемые «национальными идеями», обычно гораздо моложе цивилизаций. «Цивилизации выбирают религию и адаптируют ее к своим традициям, оправданным историческим опытом» (Н. Н. Моисеев). Столкновение цивилизаций не предопределено их различиями. Его не произойдет при условии, если наиболее могущественная из цивилизаций перестанет претендовать на то, чтобы выработать «правила поведения государств на мировой арене» и возьмет курс «на приспособление к реальной перспективе многополярного мира» (Е. М. Примаков). В этой связи особую актуальность приобретают призывы А. А. Зиновьева о необходимости решительного отпора европо- и американоцентризму («западнизму»), выдающему себя на словах за «глобализацию» на базе «общечеловеческих ценностей», но на деле отождествляющему западную цивилизацию с общечеловеческой, а прогресс — со всемирной вестернизацией.

Задача народов состоит не в том, чтобы «модернизироваться» по образу и подобию «десятки западных стран», а в том, чтобы разумно использовать особенности своей цивилизации, своего природного и человеческого потенциала, устраивать свою жизнь и взаимоотношения с соседями как можно лучше и справедливее. Россия — самоценный мир, самостоятельная (в не меньшей степени, чем, например, германская, китайская, японская) цивилизация. Надо не только догонять, и уж явно не во всем, но, учитывая тенденции мирового развития, идти на опережение, определяя свой собственный путь. «Идущий по следу никогда не обгонит», — говорил Леонардо да Винчи.

Настоящее учебное пособие составлено в соответствии с действующей программой курса «Отечественная история XX–XXI вв.». В нем

делается попытка обобщения новейших исторических исследований и анализа публикаций исторических источников, вышедших из печати в последние годы. История прослеживается по этапам, различающимся своим историческим своеобразием.

Всего в отечественной истории с 1917 г. до наших дней выделяется 11 основных этапов, каждому из которых отведена одна из глав пособия. В первой освещаются события революции 1917 г., Гражданской войны и вооруженной иностранной интервенции (1918–1920). Далее излагаются перипетии образования и развития СССР в условиях новой экономической политики (1921–1928), форсированной модернизации СССР в период первых двух пятилеток (1928–1937). Специальные главы отведены истории Союза ССР накануне военных испытаний (1938–1941), эпохе Великой Отечественной войны (1941–1945), послевоенным годам сталинского правления, восстановления народного хозяйства, решения атомной проблемы (1945–1953); периоду модернизации страны на путях «десталинизации» в годы хрущевской «оттепели» (1953–1964), вместившему не только «волюнтаризм» политического руководства, взлет страны к звездным высотам во время беспрецедентного штурма космоса, но и начало отступления с позиций мировой сверхдержавы. Последующее развитие страны рассматривается в рамках периодов раннего (1964–1977) и позднего (1977–1985) «развитого социализма». В специальных разделах пособия представлены «перестройка» (с позиции синергетики — период утраты страной стратегической цели развития, скатывание к стихийности и хаосу, создание условий для реставрации старой системы), становление и первые этапы постсоветского развития Российской Федерации (1992–1999; 2000 — н.в.). Авторы пособия посчитали возможным использовать в названиях глав пособия символические понятия, рожденные в конкретных исторических обстоятельствах. Их смысл разъясняется по тексту книги.

За время, прошедшее с начала 1990-х годов, существенно расширились возможности создания все более адекватной картины сравнительно недавнего исторического прошлого страны. Из-под покрова тайн, умолчаний и догматических напластований высвобождаются идейные основы эволюции внутренней и внешней политики государства. В научный оборот введены разнообразные комплексы архивных документов. Необычайно расширился поток изданных воспоминаний и размышлений участников исторических событий. Освещаются события, имена и деяния, до недавнего времени составлявшие государственную тайну. Высказано немало оригинальных идей и концепций, по-разному объясняющих исторические факты и процессы. Распад СССР породил массу попыток вскрыть истинные причины этого события, побудил пристальнее анализировать противоречия, сопровождавшие развитие Союза от рождения до крушения.

Близится окончание первого двадцатилетия со времени вступления России в новый этап своего развития, ознаменованного разрывом с коммунистической идеологией и распадом СССР. Его итоги с некоторой определенностью позволяют говорить о том, что отказавшись от своего недавнего «интернационалистического» прошлого, страна не пошла по пути возврата к досоветским порядкам, не приняла предлагавшиеся ей проекты монархической и теократической направленности. В то же время она не принимает либерально-космополитические и глобалистские идеологические системы. Полагаем, что новое освещение отечественной истории от рубежа 1917 г. до наших дней, изложенное в новейших учебниках и пособиях для вузов, помимо своего прямого предназначения (давать знания о прошлом в систематизированном виде) может способствовать выработке рационального отношения к прошлому, формированию духовно-национальной идентичности, осознанному отношению к новым партийно-политическим программам и идеологиям, недостатка которых наше время явно не испытывает.

Характеризуя противоречивость российского исторического процесса, авторы стремились показать общество во взаимодействии различных областей, сфер и сил общества. Прослеживаются эволюция форм государственного правления и устройства, изменение политических институтов и структур власти, внутренняя и внешняя политика, социально-экономическое, духовно-идеологическое и культурное развитие страны. Особенностью книги является широкое освещение истории диссидентства, национальной политики и национальных движений, недостаточно представленных в других учебниках и пособиях для студентов университетов, обучающихся по специальности «История».

Книга снабжена списком изданий, послуживших основанием для составления ее текста и рекомендуемых для использования в работе семинаров и спецсеминаров. Именной указатель дает возможность быстрого поиска фрагментов текста, содержащих сведения об упоминаемых и характеризующих в пособии лицах, о событиях и явлениях, связанных с их именами, облегчает ознакомление и последующее обращение к материалу, способствуя его усвоению.

Пособие подготовлено авторами по совместному плану. Текст предисловия, глав по истории 1921–1985 гг. написан А. И. Вдовиным, главы по истории 1917–1920, 1985–2009 гг. — А. С. Барсенковым. Работая над пособием, авторы стремились следовать ориентирам в историческом образовании, культивируемым в МГУ: «профессионализм, воспитание гражданственности и патриотизма через объективный неконъюнктурный анализ событий и фактов, на основе общегуманитарной культуры и междисциплинарности».

РЕВОЛЮЦИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ. 1917–1920

---

§ 1. Революция 1917 г. в России

Падение самодержавия. 178-миллионная Россия вступила в Первую мировую войну наиболее слабой в экономическом отношении среди великих держав Европы, участвовавших в конфликте. Это, однако, не предвещало беды, поскольку в августе 1914 г. все были уверены, что война будет недолгой. Казалось, что на несколько месяцев резервов страны будет достаточно, чтобы достойно выполнить союзнические обязательства и участвовать в определении судьбы послевоенного мира в качестве одного из победителей.

Но война затянулась. А отставание военной промышленности от элементарных армейских запросов, ее несоответствие требованиям современной войны, неразвитость инфраструктуры (прежде всего транспортной), неповоротливость бюрократического аппарата самодержавия привели к тому, что расплачиваться за недостатки развития страны пришлось огромными жертвами. Русская армия понесла наиболее тяжелые потери, война вызвала чрезвычайное напряжение во всех сферах жизни российского общества.

Несмотря на то, что в 1916 г. в целом удалось наладить снабжение армии и несколько стабилизировать положение на фронте, моральный дух армии был низким; цели войны для большинства оставались неясными, а жертвы не выглядели оправданными. Большие тяготы общество несло в тылу: в деревне (уход в армию, реквизиция лошадей, сокращение поступлений промтоваров из города), в городах (напряжение на фабриках, рост дороговизны, перебои со снабжением). К этому добавлялась ненависть к тем, кто наживался на военных поставках.

Переживаемые трудности общество прямо связывало с недееспособностью «верхов». Происходившее в сфере властных отношений вызывало все большее возмущение (непопулярный премьер, «министерская чехарда», частая смена губернаторов, активность Распутина, игнорирование Думы). С конца 1915 г. все чаще стало звучать в политических кругах России слово «революция». Особенно нетерпимым было обеспечение продовольствием. Объявленная правительством в сентябре 1916 г. хлебная монополия оказалась проваленной основными держателями товарного хлеба. Все громче и резче становились протесты в горо-

дах, делая быстрое нарастание напряженности очевидным даже для сторонних наблюдателей. Уже в октябре 1916 г. британский посол в России Д. У. Бьюккенен достаточно точно спрогнозировал ближайшее развитие событий: «Волнения будут вызваны скорее экономическими, чем политическими причинами, и начнут их не рабочие на фабриках, но толпы, стоящие на морозе в очередях у продовольственных лавок».

И тем не менее, начало революции оказалось неожиданным для всех. В середине февраля 1917 г. из-за транспортных трудностей в Петрограде ухудшилось продовольственное снабжение. Длинные очереди за продовольствием усиливали недовольство, прежде всего, малоимущих городских слоев. Возмущение выплеснулось наружу 23 февраля (по старому стилю), когда отмечался Международный женский день. Тысячи работниц питерских предприятий вышли на улицы, протестуя против перебоев в снабжении хлебом и роста дороговизны. К ним присоединились мужчины забастовавших в городе заводов, и общее число участников выступления составило 128 тыс. человек. Демонстрации проходили как в центре, так и на окраинах города. Начались погромы магазинов, нарушилось движение общественного транспорта. А участие в манифестациях социалистических агитаторов привело к тому, что экономические лозунги переплелись с политическими «Долой войну!», «Долой самодержавие!».

Стихийное движение нарастало лавинообразно. 24 февраля бастовало более 200 тыс. человек, а 25-го — уже более 300. К рабочим присоединились другие слои городского населения. Правительство «проснулось» лишь 26 февраля: полиция и войска стреляли в демонстрантов, число убитых и раненых составило 30 человек. Это не только подхлестнуло рабочих, но и, что особенно важно, вызвало перелом в армейской среде. Утром 27 февраля начались солдатские бунты в элитных полках, и к вечеру 70 тыс. солдат из 200-тысячного Петроградского гарнизона были на стороне революции. 28 февраля антиправительственное движение в столице приобрело всеобщий характер. В распоряжении командующего Петроградским военным округом генерала С. С. Хабалова остался лишь небольшой по численности и неспособный влиять на ситуацию отряд. Толпы солдат и рабочих заполнили улицы города. Начались погромы полицейских участков наряду с магазинами и продовольственными складами. Захват арсеналов привел к увеличению числа вооруженных людей. Питер оказался во власти неконтролируемой революционной стихии. Гнев восставших обрушился на полицейских, офицеров, которых вылавливали и не просто избивали, а порой расстреливали на месте. Объектами насилия становились и представители обеспеченных слоев общества. Восставшие захватили Дом предварительного заключения и здание окружного суда. На волю выпускались не только политические заключенные,

но и уголовные арестанты. Современники констатировали, что в столице фактически не было никакой власти.

Уже в первые дни столкновений, по инициативе членов Союза рабочих кооперативов Петрограда, социал-демократической фракции Государственной Думы, Рабочей группы Центрального военно-промышленного комитета, возникла идея создания Советов рабочих депутатов. К вечеру 27 февраля в Таврическом дворце был сформирован Временный исполком Петроградского Совета рабочих депутатов, который обратился к рабочим и солдатам города с призывом выбирать депутатов в Совет. Вскоре прибыли примерно 250 депутатов, которые и сформировали Исполком Совета в составе 15 человек. Все они были социалистами (социал-демократами и эсерами). Председателем стал лидер социал-демократической фракции Думы меньшевик Н. С. Чхеидзе, его заместителями — трудовик А. Ф. Керенский и меньшевик М. И. Скобелев. В состав Исполкома вошли также большевики П. А. Залуцкий и А. Г. Шляпников. Группировавшиеся вокруг Совета политические силы стали называть себя представителями «революционной демократии». Первое, чем занялся Совет, было решение проблем обороны и продовольственного снабжения.

Одновременно с созданием Петроградского Совета лидеры либеральных партий в Государственной Думе образовали 27 февраля «Временный комитет членов Государственной Думы для водворения порядка в столице и для сношения с лицами и учреждениями». Комитет возглавил председатель Думы М. В. Родзянко, в него вошли лидеры Прогрессивного блока, а от революционной демократии — Н. С. Чхеидзе и А. Ф. Керенский. Временный комитет попытался перехватить политическую инициативу, с одной стороны, стремясь стабилизировать обстановку в столице и в провинции, а с другой — оказывая давление на царя, добиться от него уступок в сфере организации власти. Первоначально требовали создания ответственного перед Думой министерства, но затем стали настаивать на отречении Николая II в пользу сына при регентстве великого князя Михаила Александровича.

Что касается находившегося в могилевской Ставке царя, то все дни, с 24 по 27 февраля, он получал несвоевременную и неполную информацию, полагал, что в столице происходят лишь «беспорядки». Поэтому и приказал направить в Петроград для подавления волнений генерала Н. Иванова, наделив его по сути диктаторскими полномочиями. Намерения Николая первоначально разделял начальник штаба Ставки генерал М. В. Алексеев, который, однако, вскоре изменил свою точку зрения и солидаризировался с позицией Временного комитета Государственной Думы. Алексеев приказал Н. Иванову воздержаться от силовых методов наведения порядка, а к вечеру 28 февраля, заручившись под-

держкой командующих фронтов, убедил царя согласиться на формирование правительства, ответственного перед Думой. Если бы события не получили дальнейшего развития, то Россия превратилась бы в конституционную монархию. Однако уступки запоздали, находившиеся в Петрограде политики были настроены более решительно.

Уже 28 февраля все в столице осознали, что в стране происходит революция. Символический смысл событий отражала появившаяся вместо уничтожаемой царской новая атрибутика: повсеместно развевались алые флаги, одежду украшали красные банты. Город и его важнейшие объекты (Зимний дворец, Адмиралтейство, Петропавловская крепость, телеграф, вокзалы и др.) находились в руках восставших солдат и вооруженных рабочих. Именно их радикальные настроения определяли обстановку. Царское правительство ушло в отставку, некоторых министров арестовали. Вслед за этим в ночь с 1 на 2 марта в переговорах между Временным комитетом Государственной Думы и Исполкомом Петросовета была достигнута договоренность об образовании Временного правительства во главе с популярным земским деятелем князем Г. Е. Львовым.

В этих условиях руководимый М. В. Родзянко думский комитет ужесточил свою позицию на переговорах с царем и уже настоятельно требовал его отречения. К тому же стали склоняться и военные: второго марта все командующие фронтами поддержали телеграммами думскую инициативу, полагая, что избавление страны от непопулярного царя остановит революцию, сползание к хаосу, восстановит власть и порядок в стране и армии. После некоторых колебаний Николай в 15.00 второго марта 1917 г. отрекся за себя и за своего сына от престола в пользу великого князя Михаила Александровича. Однако третьего марта и тот отказался от принятия престола без согласия Учредительного собрания. Монархия в России перестала существовать.

Раскрепощение революционной стихии, начало самоорганизации

масс. Обусловленная войной февральская революция обнажила глубинные социально-экономические, политические и духовные противоречия России начала XX столетия. И лишённые сдерживающих начал рухнувшего в одночасье режима самые различные социальные группы поспешили заявить о своих интересах, безотлагательном решении накопившихся проблем. Все это привело к активизации существовавших и появлению новых организаций, объединений, которые стремились оказывать давление на зыбкую пока еще власть.

Вслед за Петроградом по всей стране стали возникать Советы. В марте 1917 г. только в губернских, уездных и промышленных центрах их было создано около 600, как правило, являвшихся объединенными Советами рабочих и солдатских депутатов, которые в ряде мест функционировали раздельно. Опираясь на поддержку масс, они действовали как

органы народовластия: отменяли распоряжения и приказы бывших царских чинов, производили аресты полицейских и жандармов, регулировали зарплату рабочих, вводили явочным порядком 8-часовой рабочий день, руководили снабжением населения продовольствием, решали другие экономические вопросы. Возникновение большого числа Советов и значительный размах их деятельности объективно диктовали необходимость определения их позиций и координации усилий. Поэтому в конце марта — начале апреля в Петрограде прошло Всероссийское совещание Советов рабочих и солдатских депутатов. На нем рассматривались важнейшие проблемы послефевральской жизни России: об отношении к войне и к Временному правительству, организации революционных сил, о подготовке к Учредительному собранию, продовольственном и земельном, а также рабочем и крестьянском вопросах. На основе решения этого совещания началось создание областных объединений Советов: к осени 1917 г. их было в России 13. Совещание избрало представителей в исполком Петросовета, который до созыва съезда стал центральным органом Советов страны.

Огромное значение для будущего России имели происходившие в армейской среде процессы. На основе приказа № 1 Петроградского Совета (издан 1 марта) в войсках началось формирование ротных, батальонных, полковых — вплоть до армейских — солдатских комитетов. Наиболее важным в приказе был третий пункт, предписывающий воинской части во всех политических выступлениях подчиняться Совету рабочих депутатов и своим солдатским комитетам. Этим подрывался основной принцип функционирования армии — единоначалие. Приказ предусматривал также установление контроля над оружием со стороны солдатских комитетов, которые становились реальными хозяевами воинских частей.

Первый советский приказ вызвал ликование уставшей и озлобленной войной, унижениями солдатской массы. Однако его реализация вела к тому, что армия из важнейшего государственного института превращалась в мощный инструмент политической борьбы, который мог быть направлен и на разрушение самого государства. Еще на упомянутом Всероссийском совещании Советов было подчеркнуто, что солдатские комитеты являются составной частью системы Советов.

Создание стройной системы солдатских организаций завершилось в мае 1917 г. Число солдатских комитетов на фронте приближалось к 50 тысячам, в них состояло до 300 тыс. солдат и офицеров. Высокой степенью организованности отличались моряки Балтийского флота. В конце апреля они создали Центробалт (Центральный комитет Балтийского флота) — высший выборный орган матросских масс. Его возглавил большевик П. Е. Дыбенко. На состоявшемся I съезде Балтийского флота в июне был принят устав, согласно которому Центробалт становился

высшей инстанцией флота. Без его санкции ни один приказ командования (кроме оперативных) или Временного правительства не имел силы.

После февральской революции активно шла самоорганизация рабочего класса. Помимо участия в создании Советов, рабочие промышленности и транспорта создавали фабрично-заводские комитеты (ФЗК). В ряде случаев они назывались советами фабрично-заводских старост, рабочих депутатов, заводских уполномоченных и т.д. Главной их задачей стало осуществление рабочего контроля за производством и распределением. ФЗК явочным порядком вводили 8-часовой рабочий день, решали вопросы расценок и зарплаты, приема и увольнения, снабжения рабочих продовольствием. Выясняли они также причины закрытия предприятий, сокращения объемов производства. При ФЗК создавались комиссии: рабочего контроля, расценочные, продовольственные, конфликтные, культурно-просветительной работы.

Предприниматели вынуждены были мириться с этими комитетами, хотя всячески стремились ограничить их деятельность. В середине июня 1917 г. состоялась первая конференция ФЗК Петрограда и его окрестностей, представлявшая 337 тыс. рабочих. На ней был избран Центральный совет (ЦС) ФЗК Петрограда, в котором доминировали большевики (19 из 25). Создавались такие комитеты и в других городах, а петроградский ЦС стал всероссийским центром ФЗК. К осени 1917 г. его объединения существовали более чем в 50 промышленных центрах.

В конце марта — начале апреля 1917 г. в ряде крупных городов (Петрограде, Москве, Харькове, Одессе и др.) началось формирование отрядов Красной гвардии. Она создавалась на основе добровольного участия рабочих. Инициатива в организации отрядов принадлежала районным организациям РСДРП(б) и ФЗК. Во внеурочное время рабочих обучали пользованию стрелковым оружием и военному строю. Отряды формировались по производственному признаку — на предприятиях, но в отдельных городах были общегородские или районные, а также дружины и отряды при Советах, реже — при комитетах РСДРП(б). Организована была и рабочая милиция, которая к июлю 1917 г. влилась в Красную Гвардию. К этому времени ее ряды только в Петрограде превышали 5 тыс. человек, а в октябре здесь было уже более 20 тыс. красногвардейцев. Причем Красная гвардия имела достаточно стройную структуру управления.

Победа февральской революции создала благоприятные условия для организации профсоюзов, их деятельности. К июню в стране существовало около 2 тыс. таких объединений. В отличие от ФЗК, объединявших рабочих одного предприятия, профсоюзы строились по профессионально-цеховому признаку (металлистов, печатников, кожевников и т.п.), у руководства большинства организаций стояли меньшевики и эсеры, что вело к концентрации внимания профсоюзов в основном на

экономической борьбе. Однако в совместных акциях с ФЗК происходила политизация и этих организаций. Для координации деятельности в пределах городов создавались соответствующие бюро, которые летом 1917 г. были переименованы в Советы профсоюзов. В июле этого года их было 51, объединявших около 70% всех членов профсоюзов.

После февральской революции дало о себе знать и крестьянское движение. В первые месяцы оно имело преимущественно мирные формы: у многих была уверенность, что созываемое Учредительное собрание наконец-то по справедливости решит аграрный вопрос. Эту уверенность подпитывала выступавшая от имени крестьян партия — эсеры. Они и народные социалисты («энесы») много сделали для создания органов, выражающих интересы жителей села. В деревнях создавались Советы, крестьянские комитеты. Воссоздан Всероссийский крестьянский союз, выстроена снизу доверху система Советов крестьянских депутатов. I Всероссийский съезд крестьянских депутатов, на котором рассматривались наиболее животрепещущие вопросы тех дней (о текущем моменте, об отношении к Временному правительству, аграрный, продовольственный, транспортный и т.д.), прошел организованно и почти на месяц раньше съезда рабочих и солдатских депутатов.

Ослабление центральной власти в России привело к активизации зародившихся еще в начале XX в. и вновь возникших национальных движений. Спектр требований, выдвигаемых национальными партиями, советами, комитетами был широк: предоставление независимости, автономии, установление федеративного устройства государства, учреждение национально-культурной автономии. В марте 1917 г. Временное правительство согласилось на требование предоставить независимость Польше, которая, правда, в то время была оккупирована Германией. В июле финляндский сейм принял закон, провозглашавший переход законодательной и исполнительной власти на территории Финляндии к сейму. В марте украинские националисты сформировали Центральную раду, а в апреле состоялся Украинский национальный конгресс представителей украинских партий и организаций, поддержавший требование о предоставлении Украине национально-территориальной автономии. 10 июня 1917 г. Центральная рада, вопреки желанию Временного правительства, провозгласила ее, а фактически — независимость Украины. Созданная в июле Белорусская рада добивалась предоставления автономии Белоруссии в рамках Российской республики. Самые разные планы обособления обсуждались в Закавказье: от требований предоставления автономии в рамках России до создания независимых Великой Армении, Великой Грузии и Великого Азербайджана с существенным расширением их границ.

Заметную тенденцию к консолидации проявило 20-миллионное мусульманское население России. В мае 1917 г. на Всероссийском му-

сультманском съезде была принята резолюция о государственном управлении. Она гласила: «... признать, что формой государственного устройства России, наиболее обеспечивающей интересы мусульманских народностей, является демократическая республика, построенная на национально-территориально-федеративных началах; причем национальности, не имеющие определенной территории, пользуются культурной автономией». Создан Всероссийский мусульманский совет.

Национальный вопрос неожиданным образом сказался на состоянии русской армии. Здесь в годы Первой мировой войны формировались литовские, кавказские, украинские и другие национальные части. После февраля 1917 г. в стране, как описывал генерал А. И. Деникин, «начались бесконечные национальные военные съезды, вопреки разрешению правительства и главного командования. Заговорили вдруг все языки: литовцы, эстонцы, грузины, белорусы, малороссы, мусульмане, требуя провозглашенного «самоопределения» — от культурно-национальной автономии до полной независимости включительно, а главное, немедленного формирования отдельных войск».

С падением самодержавия невиданный размах приобрел регионализм. В апреле на съезде кубанского казачества в Екатеринодаре была образована Кубанская краевая войсковая рада, избравшая свое правительство и атамана. Введено было военное положение, сформированы дружины из офицеров, юнкеров, зажиточного казачества. Позже правительство объявило себя верховной властью области.

1917 г. открыл новый этап в развитии сибирского областничества. Среди жителей края была популярной мысль о том, что Сибирь в качестве автономной единицы должна обладать всей полной власти на своей территории. Намечалось создание Сибирской областной думы, кабинета министров, судебных органов (в том числе с учетом национальных особенностей), местного самоуправления и контроля.

Февральская революция открыла ранее неизвестные в России возможности для деятельности различных политических партий. В течение нескольких месяцев возникло более 50 партийных объединений. Им предстояло адаптировать свои программные установки к изменившейся ситуации, предложить ответы на стоявшие перед страной наиболее остро вопросы, ввести революционную стихию в определенное русло. Все это предполагало участие в борьбе за власть, овладение которой в огромной степени зависело от способности чувствовать массовые настроения, выдвигать принимаемые большинством лозунги, иметь политическую волю и организацию, способную воплощать намеченный курс. В реальной политической жизни 1917 г. будущее страны определяли четыре политические партии: кадеты, меньшевики, эсеры и большевики.

Кадеты превратились из оппозиционной в партию, играющую главную роль в правительстве. Поэтому в первые послефевральские меся-

цы от проводимой ими политики зависело наведение порядка и осуществление очевидно необходимых преобразований. Поведение кадетов в правительстве диктовалось их программными установками. Как и представители подавляющего большинства партий, они полагали, что основы политического и социально-экономического строя России должно определить Учредительное собрание, поэтому выступили за провозглашение России демократической и парламентской республикой. Кадеты в целом негативно относились к Советам, отстаивая идею единой власти Временного правительства.

На местах власти Советов, по мнению лидеров этой партии, должны были противостоять городские думы и земства. Кадеты твердо и последовательно стояли за продолжение участия России в войне и за полное выполнение обязательств перед союзниками. Только по ее окончании считалось возможным созвать Учредительное собрание, поэтому решение всех проблем сознательно откладывалось (затягивалось) до завершения военных действий. По аграрному вопросу в программу был внесен туманный пункт о том, что земля должна принадлежать всему «трудовому земледельческому населению», т.е. капиталистическим помещикам и кулакам так же, как и трудящемуся крестьянству.

Признав летом 1917 г. — в обстановке острого кризиса — необходимость государственного регулирования экономики, кадеты призывали делать это осторожно, не ущемляя частных собственников. Сами же на введение этих мер так и не пошли. Они отказались (в связи с войной) от введения 8-часового рабочего дня, противодействовали росту заработной платы, установлению рабочего контроля. Кадеты были сторонниками широкой политической, экономической и культурной вестернизации России. Будучи самой «образованной» партией, включавшей специалистов высокого класса (управленцев, ученых, политиков), они демонстрировали редкостную нечувствительность к чаяниям подавляющего большинства населения.

Наибольшей популярностью после свержения царизма пользовались социалистические партии. Социализм рассматривался преимущественно как антитеза существовавшему порядку вещей, олицетворявшемуся с самодержавием, деспотизмом, несправедливостью, экономическим неравенством, культурной отсталостью. Поэтому сторонников различных течений социалистической мысли можно было встретить среди рабочих и крестьян, а не только интеллигенции.

Заметное место в политической жизни столицы и других крупных городов играли меньшевики. Н. С. Чхеидзе стал председателем Петроградского Совета. Меньшевики заняли ведущее место в его исполкоме (14 членов из 36). Наряду с другими умеренными социалистами, они во многом определяли линию поведения столичного, а также большинства провинциальных Советов. Их влияние было значительным еще и пото-

му, что в марте — апреле 1917 г. среди социал-демократов были сильны объединительные настроения, и в 54 из 68 губернских городов России существовали объединенные организации РСДРП, включавшие и большевиков, и меньшевиков.

Меньшевики считали, что в России произошла буржуазная революция, а на ближайшее время перед страной стоит задача упрочения и развития буржуазно-демократического строя на основе «единения всех живых сил нации», включая буржуазию. Ей отводилась в лице Временного правительства роль основного двигателя реформ, Советы же рассматривались как органы «максимального давления» и контроля.

Первоначально меньшевики не предъявляли никаких претензий на власть, затем серьезно колебались относительно вхождения в правительство. Они выступали за установление демократического мира, но вместе с тем считали необходимым участие России в войне, которая, по их мнению, теперь носит революционно-оборонительный характер. Выдвигая «правильные» идеи — установить рабочий контроль за производством, вести подготовку земельной реформы, обложить налогом военные сверхприбыли буржуазии, ускорить созыв Учредительного собрания, меньшевики не смогли повлиять на Временное правительство с целью проведения этих мер. Характерными чертами меньшевистской части российской социал-демократии были организационная рыхлость, разобщенность входивших в партию групп и объединений. По мере развития революционного кризиса в 1917 г. эти недостатки усугубились разногласиями, что ослабляло позиции партии перед ее противниками как «справа», так и «слева».

Одной из наиболее активных и массовых была партия эсеров. Ее численность росла высокими темпами и к лету 1917 г. достигла 800 тыс. человек. Эсеры принимали деятельное участие в создании Советов, солдатских комитетов, различных крестьянских организаций. Стратегической их целью в 1917 г. был созыв Учредительного собрания, в котором они рассчитывали — и не без оснований — получить большинство, с тем чтобы мирным, демократическим путем реализовать свою программу. После Февраля эсеры поддержали как Временное правительство, так и Советы. Во Временном правительстве они видели главный орган власти и государственного управления страной, Советы же рассматривали как «связующий центр народных и социалистических сил», подталкивающий правительство к проведению реформ и контролирующий его деятельность.

Вопроса о двоевластии для эсеров не существовало. Осознавая важность прекращения войны, они выдвинули лозунг: «демократический мир — всему миру». Однако на практике категорически отвергали сепаратный мир, выступали за сохранение «стратегического единства фронта с союзниками», разделяли идеи революционного оборончества.

Особенно много внимания эсеры уделяли аграрной проблематике. Они оставались верными своему требованию уничтожения частной собственности на землю, перехода ее в общенародное достояние без выкупа, при уравнительном трудовом пользовании угодьями. Хотя окончательное решение аграрного вопроса откладывалось до Учредительного собрания, это не мешало эсерам активно участвовать в подготовке законопроектов, реализация которых могла заметно продвинуть реформу.

Кроме того, они выступали за государственное регулирование производства и потребления, за контроль за внешней и внутренней торговлей и финансами. Однако подавляющее большинство эсеровских инициатив было провалено правительством. Как отмечал лидер эсеров В. М. Чернов, «решительно каждая мера, направленная к вмешательству в старые неограниченные прерогативы собственников, наткнулась на ожесточенную оппозицию и вне и внутри коалиционного правительства». В то же время, лидеры эсеров не стремились к немедленному овладению властью. Когда в августе 1917 г. одна из них М. А. Спиридонова предложила установить в стране единовластие партии эсеров как наиболее массовой и влиятельной, ее идея была отвергнута. Руководителям партии явно не хватало политической воли и решительности. Не было у эсеров и должного организационного единства, сплоченности. К осени 1917 г., по утверждению Чернова, существовали «не одна, а по меньшей мере три партии. И фактически существовало три центральных комитета». Все это ослабляло партию как инструмент борьбы за политическую власть.

Сразу после февральской революции партия большевиков существенно уступала меньшевикам и эсерам по численности (24 тыс.) и влиянию: в Советах они составляли очевидное меньшинство. Однако благодаря целому ряду объективных и субъективных обстоятельств произошел стремительный рост авторитета и массовости именно этой партии. Рубежом в ее истории можно считать возвращение в Россию В. И. Ленина в апреле 1917 г. До его приезда лидеры большевиков одобряли эсеро-меньшевистский курс условной поддержки Временного правительства. Считая февральскую революцию буржуазной, они предостерегали от «форсирования событий»; в партийной среде сильны были тенденции объединения с меньшевиками на платформе умеренной оппозиции войне.

Приезд Ленина радикально изменил ситуацию. Его речь перед соратниками «О задачах пролетариата в данной революции» (оформленная в виде статьи она получила известность как «Апрельские тезисы») содержала утверждение, что буржуазный этап революции в России закончился и необходим переход к следующей ее фазе — социалистической. Основными элементами этого плана перехода были: прекращение войны и поддержки Временного правительства с передачей всей власти

Советам; замена регулярной армии народной милицией; конфискация помещичьей собственности и национализация всей земли, контроль за производством и распределением со стороны Советов. Ленин коренным образом переосмыслил и роль Советов. Он рассматривал их в своей работе как рабочее правительство, выражающее интересы пролетариата и всей беднейшей части городского и сельского населения. Из этого вытекала новая партийная стратегия: борьба за передачу власти от Временного правительства Советам, с одной стороны, и борьба большевиков за преобладание в Советах, — с другой.

Первоначально ленинская позиция вызвала смятение соратников и протесты других социалистов. Ее называли «бредом», отмечали, что она ведет к расколу социалистических сил России. Тем не менее, в течение нескольких недель Ленину удалось переломить ситуацию, и на апрельской конференции большевиков основная часть его идей была одобрена. Последующее развитие событий подтвердило основные ленинские прогнозы, что способствовало росту авторитета и влияния вождя большевиков.

К числу их несомненных преимуществ перед другими партиями относились: наличие централизованной, с высоким уровнем дисциплины организации, яркий харизматический лидер, способный чутко улавливать настроения пришедших в движение народных масс, формулировать понятные лозунги, ставить четкие задачи и не боявшийся овладеть властью. Большевики не гнушались будничной, кропотливой работой в созданных революцией объединениях. При ЦК партии было сформировано Бюро фронтовых и тыловых организаций; в Советах действовали большевистские фракции; большое внимание уделялось работе в фабзавкомах и профсоюзах. Большевистские агитаторы старались максимально использовать возможности митингов, манифестаций, стачек и других народных выступлений. Огромное значение придавалось печатной пропаганде. С лета 1917 г. выходила тиражом 90 тыс. экземпляров «Правда», а общий тираж большевистских газет составил 320 тыс. Характерной чертой большевистской пропаганды была ее адресность: издания ориентировались на солдат, рабочих, женщин. 27 газет из 41-й выходили на русском, остальные — на грузинском, армянском, латышском, татарском и других языках. Результаты сказались уже в июне, когда численность большевиков выросла в 10 раз, достигнув 240 тыс. человек.

Изменения в системе государственной власти и политика правительства. Намерения правительства были изложены в декларации от 3-го и заявлении 6 марта 1917 г. Программа из восьми пунктов предусматривала «прочное устройство исполнительной власти»; установление свободы слова, печати, союзов, собраний, стачек; отмену со-

словных, вероисповедальных и национальных ограничений; немедленную подготовку к созыву Учредительного собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования; замену полиции народной милицией с выборным начальством, подчиненным органам местного самоуправления; выборы в органы местного самоуправления.

Правительство приступило к своей деятельности в условиях нарушения одной из важнейших государственных функций — поддержания общественного порядка, деформации исключительного права государства на применение насилия. Приказ № 1 резко снизил управляемость армии. Ликвидация полиции не сопровождалась быстрым созданием эффективной милиции. В то же время без санкции правительства существовали вооруженные формирования, которые находились под влиянием различных политических сил, а порой и вне их. Все это вело к разгулу преступности, поддерживало в обществе атмосферу тревоги и неопределенности.

Временное правительство осуществило важные преобразования в общественно-политической сфере. Отменены были смертная казнь и военно-полевые суды, узаконен разгром народными массами аппарата политической полиции, надзора и сыска, арест царского Совета министров. Упразднены каторга и ссылка, амнистированы все политзаключенные. Закон от 12 апреля 1917 г. разрешал свободу собраний и союзов.

Произошли изменения в системе управления территориями. Вместо прежних губернаторов — эти должности ликвидировались — назначались комиссары Временного правительства. Их чаще подбирали из числа председателей земских или городских управ, лидеров других общественных организаций. К маю 1917 г. в стране было 57 губернских, 353 уездных комиссаров. Проведена была серьезная реформа местного самоуправления, подготовлены и приняты законы о городском и земском самоуправлении. Закон от 21 мая учреждал земские волостные собрания и управы, ликвидировал устаревший институт земских начальников и крестьянские сословные организации. Впервые на волостном уровне утверждался принцип всеобщих, прямых и равных выборов при тайном голосовании. Расширялась компетенция земских органов, которые распространялись на новые территории страны. В то же время переплетение системы Советов, различных общественных комитетов и земств, непроработанность правовой основы их взаимоотношений мешали созданию эффективной системы управления на местах, а порой и усиливали беспорядок.

13 (26) марта 1917 г. было создано Особое совещание по подготовке выборов в Учредительное собрание. Однако начало работы откладывалось, и его заседания начались только в конце мая. В итоге выборы были назначены на 12 (25), а созыв самого собрания — на 28 ноября (11 де-

кабря) 1917 г. Всем было очевидно, что выборы в этот орган, с которым подавляющее большинство граждан России связывали свои надежды, Временное правительство сознательно затягивало.

Правительство понимало важность аграрных преобразований в России. В марте 1917 г. государственной собственностью стали кабинетские и удельные земли, принадлежавшие царской фамилии. 19 марта (1 апреля) при министре земледелия был образован Главный земельный комитет, а позднее земельные комитеты (губернские, уездные, волостные) появились и на местах. Положением от 21 апреля (4 мая) 1917 г. они создавались лишь для «подготовки земельной реформы и для разработки неотложных временных мер, впредь до разрешения земельного вопроса Учредительным собранием». Однако и здесь правительство не торопилось: к середине июля земельные комитеты, объявленные органами министерства земледелия, существовали лишь в $\frac{1}{3}$ губерний европейской России. В марте же было издано распоряжение о привлечении крестьян к уголовной ответственности за участие в «аграрных беспорядках», о противозаконности самочинных захватов, возмещении помещикам убытков в случае «народных волнений». Деятельность низовых крестьянских организаций часто входила в противоречие с правительственной линией: комитеты брали под контроль помещичьи имения, а кое-где приступили к их захвату. Крестьяне видели пассивность правительства при подходе к их проблемам, вполне активно действуя в пресечении «аграрных беспорядков».

Временное правительство унаследовало от царского такую нелегкую проблему, как продовольственная. В марте 1917 г. для ее решения создан был общегосударственный и местные продовольственные комитеты, а 25 марта (7 апреля) введена хлебная монополия и карточная система (установленная норма — 1 фунт хлеба в день). Однако основные держатели хлеба — помещики и состоятельное крестьянство — саботировали эти решения, а правительство не прибегало к жестким мерам. В результате того, что заготовки необходимого количества хлеба не предвиделось, уже в конце августа в Петрограде и Москве хлебный паек был сокращен до 0,5 фунта, и почти 3 (четвертая часть) из 12 млн солдат русской армии не получали необходимого довольствия. В то же время спекуляция должным образом не пресекалась. А когда местные Советы и продовольственные комитеты вынуждены были иногда прибегать к захвату помещичьего хлеба, эти действия жестко пресекались. Острую нужду в продуктах испытывали северные и центральные губернии, в районах Средней Азии начался голод.

Правительство предприняло некоторые ограниченные меры по рабочему вопросу. Для регулирования взаимоотношений между трудом и капиталом было создано Министерство труда, организовывались особые примирительные камеры, в которые входили как рабочие, так и админи-

страция. Правительство объявило начало разработки законов о профсоюзах, о страховании, об охране труда. Формально легализовав законом фабзавкомы, оно на практике ограничило их полномочия, что приводило к конфликтам. Так и не был принят закон о 8-часовом рабочем дне, который, однако, вводился в крупных городах по решению Советов. Не решилось государство пойти и на ограничение экономической свободы предпринимателей, как это сделали многие страны в условиях войны. Особенно преуспела в деле государственного регулирования экономики в 1916–1917 гг. противостоявшая России Германия.

Едва ли не главным вопросом политической жизни России в 1917 г. был вопрос о войне. В подходе к ней у Временного правительства и Советов были существенные различия. Уже 4 марта 1917 г. министр иностранных дел П. Н. Милюков информировал российских послов о намерении новой власти сохранять верность взятым ранее обязательствам и продолжать войну. Десятью днями позже Петросовет опубликовал манифест «К народам всего мира», в котором призвал бороться против империалистических целей войны, а ведущуюся Россией войну против Германии объявлял революционной.

18 апреля (1 мая) Милюков опубликовал адресованную союзникам ноту, в которой от лица правительства подтвердил готовность России вести войну до победы. Этот шаг вызвал неоднозначную реакцию. В Петрограде прошли многотысячные демонстрации. Лишь незначительная часть их участников поддержала ноту. Подавляющее же большинство сторонников Советов резко ее осудило. Рабочие и солдаты несли транспаранты: «Долой войну!», «Долой Временное правительство!», «Долой министров-капиталистов!» Вызванные для усмирения солдаты отказались стрелять в манифестантов. Так возник первый острый политический кризис.

Позиции правительства зашатались. Оно было вынуждено отправить в отставку Милюкова и военного министра А. И. Гучкова — двух наиболее последовательных сторонников продолжения войны. Вопрос о расширении политической базы кабинета стимулировал идею создания коалиционного правительства, в которое наряду с кадетами и их сторонниками вошли бы представители ведущих советских партий — меньшевики и эсеры. Это решение и правым (кадетам), и левым далось не без колебаний. Кадеты изначально относились к Советам без симпатий. Вынужденные оглядываться на эти органы народовластия, лидеры партии народной свободы считали их неприятной обузой, препятствующей проведению разумной политики, стремились либо избавиться от советской опеки, либо ограничить ее влияние на кабинет. Вынужденно пойдя на создание первого коалиционного правительства, кадеты и стоявшие за ними силы видели в этом прежде всего возможность сдержать напор стоящих за Советами партий и движений, сохранить основу проводимого курса.

Доминировавшие в Советах меньшевики и эсеры первоначально не хотели входить в правительство не только в связи с тем, что признавали революцию буржуазной, но и потому, что осознавали свою неподготовленность к практическому управлению страной. Однако угроза падения действующего кабинета заставила их изменить позицию: Исполком Петросвета 44 голосами против 19 одобрил идею вхождения социалистов в правительство. В основе этого решения были стремление контролировать «изнутри» буржуазное правительство, сохранить единство здоровых сил общества и не допустить сползания страны в пучину гражданской войны; желание с помощью этого кабинета преодолеть хозяйственную разруху и обеспечить достойный выход из войны.

5 (18) мая первое коалиционное правительство было создано. Премьером остался князь Львов, в состав кабинета вошли 10 министров-капиталистов и 6 министров-социалистов. Для последних результаты этого шага оказались неоднозначными. Во-первых, новые министры не оговорили те условия своего вхождения, которые должны были усилить социальную направленность политики кабинета и сделать его более популярным. Во-вторых, министры-социалисты получили самые «горячие участки»: А. Ф. Керенский стал военным и морским министром, В. М. Чернов — министром земледелия, М. И. Скобелев — министром труда, А. Пошехонов — министром продовольствия. Отныне нерешенность связанных с этими сферами проблем относилась не только на счет Временного правительства, но и умеренных социалистов, самих Советов. Наконец, советские партии, как и кадеты, не извлекли должного урока из апрельского кризиса. Несмотря на миролюбивую риторику, они ничего не сделали, чтобы добиться хотя бы перемирия; более того, поддержали непопулярную линию на продолжение военных действий. Результаты этой ошибочной тактики не замедлили сказаться.

Оппонентами Временного правительства и руководства Советов выступали большевики. Отношение к РСДРП(б) в мае — июне было сложным. С одной стороны, далеко не все принимали ленинский призыв превратить империалистическую войну в гражданскую, «классовую борьбу пролетариата против буржуазии» — в «гражданскую войну между враждебными классами». В апрельском лозунге Ленина о переходе революции к социалистическому этапу виделись элементы экстремистского утопизма: в стране, далеко не исчерпавшей возможности капиталистического развития, предлагалось отстранить от власти буржуазию, собственников, которых даже российские социалисты считали наиболее дееспособной частью общества. В 1917 г. была популярной и версия о связях партии с германской разведкой. С другой стороны, именно большевики, учитывая настроения нетерпения, обещали радикально и быстро решить волновавшие массы вопросы о мире, земле и хлебе.

На I съезде Советов крестьянских депутатов (май 1917) Ленин обратился с призывом объявить землю общенародной собственностью и немедленно приступить к ее раздаче крестьянам. На I съезде Советов рабочих и солдатских депутатов (июнь 1917) он заявил о готовности РСДРП(б) «взять власть целиком», не боясь существующих трудностей. Объективно большевистская агитация подогрела недовольство озлобленных войной и лишениями масс. Правящая коалиция с раздражением реагировала на критику, считала деятельность партии разжиганием гражданской войны. Но семена большевистской агитации попадали на хорошо подготовленную почву народного недовольства, чему особенно способствовали события на фронте. А 18 июня 1917 г. началось первое после свержения царизма наступление на фронте.

Помимо подтверждения верности союзническим обязательствам, этим шагом правительство предполагало ослабить революционное движение и укрепить свои позиции. Однако результат получился прямо противоположный. Начавшееся успешно наступление в силу целого ряда причин вскоре захлебнулось. Русская армия несла большие потери. В начале июля в контрнаступление перешли уже Германия и ее союзники. Россия вынуждена была оставить на юге Галицию, на севере — Прибалтику. Провал наступления имел далеко идущие политические последствия. Он нанес удар по патриотическим чувствам россиян, подчеркнул бездарность правительства, показал бессмысленность приносимых жертв. Это способствовало росту леворадикальных настроений, повышению симпатий к большевикам.

Взрыв недовольства произошел 2 июля 1917 г. Острый кризис (продолжался до 5 июля) имел две составляющие: мощное антивоенное выступление в столице и отставку министров-кадетов. Волнения начались стихийно, однако большевики использовали влияние в войсках и на флоте, чтобы объединить недовольных под своими лозунгами. 4 июля присланные в Питер «надежные» войска разогнали 400-тысячную демонстрацию; были и жертвы: более 50 убитых и около 660 раненых. Временное правительство объявило зачинщиками событий большевиков, которых следовало предать суду за «государственную измену». Многие политики считали свершившееся попыткой захвата власти. На партию начались гонения: были закрыты большевистские газеты, многие ее лидеры оказались в тюрьме, а некоторые, в том числе Ленин, ушли в подполье. Все это, однако, не привело к улучшению положения ни в стране, ни в столице, и сохраняющуюся ситуацию Л. Д. Троцкий метко охарактеризовал как «двоебезвластие».

«Корниловская альтернатива». Потеря контроля над основными экономическими, социальными и политическими процессами; стихийное движение масс; разнонаправленность действий государственных

структур и множества общественных организаций подводили к мысли, что восстановление порядка обычным, мирным путем уже невозможно. Вопрос состоял лишь в том, какие силы: революционная демократия в лице Советов или правые, пробуржуазные элементы, возглавят этот процесс.

После ухода из правительства кадетов и отставки Львова 8 июля премьером стал Керенский, который 20 июля сформировал новое, второе коалиционное правительство. В него вошли 7 эсеров и меньшевиков, 4 кадетов, 2 члена радикально-демократической партии и 2 беспартийных. Кабинет получил статус «Правительства Спасения Революции» и «неограниченные полномочия». Созданием такого кабинета было преодолено существовавшее после Февраля двоевластие: теперь Советы не противопоставляли себя правительству, напротив, входившие в них партии приняли деятельное участие в его формировании.

Оценку новой политической обстановки большевики дали на VI съезде РСДРП(б), проходившем с 26 июля по 3 августа в полуподпольных условиях в Петрограде. И хотя лидер партии не присутствовал на заседаниях, съезд исходил из ленинских установок о завершении мирного периода революции и необходимости снятия лозунга «Вся власть Советам!», подчеркнув при этом, что речь идет не о Советах вообще, а лишь о данных — соглашательских Советах. В качестве главной была поставлена задача «полной ликвидации контрреволюционной диктатуры и завоевания власти путем вооруженной борьбы».

В свою очередь, в мае — июле 1917 г. началась консолидация правых и крайне правых сил, которые группировались вокруг таких организаций, как Республиканский центр, Союз георгиевских кавалеров, Совет Союза казачьих войск, Союз офицеров армии и флота. Эти и подобные структуры поддерживались предпринимательскими кругами. В поисках «крепкой руки» в их среде все чаще привлекала внимание фигура Л. Г. Корнилова — популярного в армии, известного своей решительностью генерала, происходившего к тому же из простых казаков. Понимал необходимость армейской поддержки и Керенский. Хотя откровенно антиреволюционное окружение генерала не могло его не смущать, была надежда, что власть, сочетавшая «красное знамя Керенского» и «крепкую руку Корнилова», сможет покончить с анархией и навести порядок. В конце июля Корнилов был назначен Верховным главнокомандующим.

Для консолидации «ответственных сил» по инициативе Керенского 12 августа в Москве было созвано Государственное совещание. Выступая на нем, премьер взывал к единству и примирению, осуждал экстремизм «слева» и «справа». Намного больше симпатий вызвала речь Корнилова, призвавшего в ближайшее время принять решительные меры. Выступавший вслед за ним от имени казачьих войск России генерал А. М. Каледин уже прямо призвал ради спасения страны ликви-

ровать все революционно-демократические организации. Большевики же рассматривали Совещание как собрание контрреволюционных сил и бойкотировали его. Рабочие забастовки протеста прошли в Москве, Петрограде, Киеве, Нижнем Новгороде и других городах, что свидетельствовало о сохранении глубокого политического раскола в обществе.

После Государственного совещания вопрос о наведении порядка решил в практическую плоскость. Керенский и Корнилов находились в согласии относительно необходимости использовать армию для подавления «безответственных организаций» и «деструктивных сил». Однако были между ними и определенные расхождения. Керенский, пытаясь выполнять объединяющие функции, предпочитал лавировать между «правыми» и «левыми» (в те месяцы его часто обвиняли в «бонапартизме»). Стоявшие же за Корниловым силы не проявили склонности «церемониться»: в восстановлении дисциплины и порядка они готовы были пойти и на разгон массовых организаций, включая Советы. Препятствием для объединения стали и личные амбиции, питавшие взаимную подозрительность. Керенский считал, что как легитимный премьер именно он должен возглавить процесс «стабилизации». У военных были иные предпочтения. В их среде Керенский авторитетом не пользовался, и они полагали, что будущий орган чрезвычайного управления должен возглавить Корнилов, а Керенский мог бы войти в его состав лишь в качестве одного из заместителей генерала. Честолюбивый Керенский не мог согласиться на такой вариант. И буквально за одну ночь почти сложившийся альянс политика и генерала был расстроен.

26 августа Корнилов предъявил Керенскому ультиматум, в котором требовал передать ему «всю военную и гражданскую власть». Одновременно войскам под руководством генерала А. М. Крымова был отдан приказ двигаться на столицу. Актом поддержки Корнилова стал демарш министров-кадетов: в день выступления они объявили о своей отставке, спровоцировав очередной правительственный кризис. В ответ на это Керенский заявил об отставке Верховного главнокомандующего и потребовал себе диктаторских полномочий. 27 августа ВЦИК создал чрезвычайный орган — Комитет народной борьбы с контрреволюцией, в который вошли представители рабочих, солдатских и крестьянских организаций (Советов, профсоюзов и т.д.) Керенский вынужден был пойти на сотрудничество и с большевиками, без которых не приходилось рассчитывать на поддержку петроградской Красной гвардии и гарнизона. Раздав оружие рабочим, Комитет смог мобилизовать 60 тыс. человек. Им, однако, не пришлось вступить в бой, так как корниловские войска были разагитированы на подступах к Петрограду и в столицу не попали. Единственной жертвой конфликта стал покончивший с собой генерал Крымов.

Политические противники Корнилова события конца августа называли «заговором», контрреволюционным «мятежом». Другие же со-

временники полагали, что, строго говоря, был не «заговор Корнилова», а неудавшийся «сговор Керенского с Корниловым». Тем не менее, последствия случившегося трудно переоценить. Во-первых, были дискредитированы правые, окончательно потерявшие доверие масс. Подрыв авторитета сочувствовавшего Корнилову офицерства наносил удар по дисциплине и снижал боеспособность, вел к развалу армии. Во-вторых, политический урон понесли меньшевики и эсеры, долгое время выступавшие за сотрудничество с правыми. В-третьих, вырос авторитет большевиков как партии, не «запятнавшей» себя коалицией с буржуазными кругами. Неудавшееся выступление «правых» не снимало задачи наведения в России порядка. Однако сделать это могли теперь лишь левые силы, среди которых позиции большевиков становились все более предпочтительными. В этом смысле можно говорить о том, что поражение Корнилова открывало путь к завоеванию власти Лениным.

1 сентября для «восстановления потрясенного государственного порядка» была создана Директория в составе пяти человек: министр-председатель А. Ф. Керенский (эсер), М. И. Терещенко (беспартийный), беспартийные военные А. И. Верховский и Д. Н. Вердеревский, А. М. Никитин (правый меньшевик). В тот же день Россия была официально объявлена республикой. Тогда же на заседании исполкомов Советов было принято решение о роспуске Государственной Думы, которая, по мнению меньшевиков и эсеров, играла уже контрреволюционную роль. Итогом совместных заседаний исполкомов стала резолюция о созыве Демократического Совещания, призванного решить вопрос о составе правительства в «послекорниловских» условиях. Для этого к его работе, помимо представителей Советов, привлекались делегаты от других демократических организаций — органов местного самоуправления, кооперации, продовольственных организаций, профсоюзов, казаков, национальных партий и т.д.

Совещание начало работу 14 сентября. В центре дискуссии оказался вопрос о том, какие социальные и политические силы должны сформировать новое правительство. На Совещании прозвучали три точки зрения. Первая, выраженная большинством советской группы делегатов, исходила из того, что правительство не должно включать представителей ценовых, т.е. буржуазных кругов, а в его состав должны входить лица, ответственные лишь перед революционными и демократическими организациями. Сторонники второй позиции считали нужным призвать для участия в правительстве все ценовые элементы, «готовые осуществлять неотложные задачи революции» и не запятнавшие себя участием в корниловском мятеже. Третья принципиальная позиция принадлежала большевикам, которые, являясь сторонниками передачи власти лишь Советам, в тех конкретных условиях были готовы поддержать первую точку зрения.

Работа Совещания затягивалась. Многочасовые заседания, утомительные дебаты и словопрения, противоречивые позиции партий, фракций, «большинства» и «меньшинств», не привели к положительному результату. Итоги форума вызывали в памяти ленинские слова о «парламентском кретинизме»: Президиум Совещания большинством голосов (60 — «за», 50 — «против») склонялся к формированию однородного демократического правительства, однако решение по этому поводу так и не было принято. Более того, состав будущего кабинета перепоручалось определить Всероссийскому Демократическому Совету (Предпарламенту), которому не возбранялось привлекать в правительство представителей либеральной буржуазии и торгово-промышленных кругов. Именно такое, третье по счету, коалиционное правительство и было сформировано к 26 сентября. Его вновь возглавил Керенский, а в состав кабинета вошли 6 кадетов, 1 эсер, 3 меньшевика, 2 трудовика, 1 независимый и 2 военных. В результате возможность широкой демократической коалиции с опорой на социалистические силы была упущена. Вместо нее воссоздавалась уже дважды не оправдавшая себя кадетско-социалистическая коалиция, которая вызвала недовольство масс и способствовала новому витку радикализации общественных настроений.

Большевики приходят к власти. В то время как основные политические силы были заняты дележом власти и преодолением последствий связанных с этим кризисов, положение в стране продолжало стремительно ухудшаться. Ведущие тенденции социально-экономического и политического развития России осенью 1917 г. Ленин не без оснований характеризовал как «грозящую катастрофу». Резко осложнилось экономическое положение. Упала выплавка чугуна и стали, сократилась добыча угля и нефти, почти в полное расстройство пришел железнодорожный транспорт. С марта по октябрь закрылись более 800 предприятий. Росла безработица. Резко подскочила инфляция: за восемь месяцев Временное правительство выпустило бумажных денег больше, чем царское в годы Первой мировой войны. Значительно повысились рыночные цены на продукты питания и предметы первой необходимости. Как и накануне февраля 1917 г., правительство не смогло решить продовольственную проблему. Нормированное снабжение городов было полуголодным (0,5 фунта хлеба в день), а запасы продовольствия малы (в Питере в середине октября хлеба оставалось на 7–8 дней), что делало совершенно реальной угрозой голода.

Рост разрухи вызвал подъем рабочего движения: в сентябре — октябре в стачках участвовало около 2,4 млн рабочих. На саботаж предпринимателей и локауты рабочие отвечали расширением контроля за производством и распределением, что в свою очередь усиливало конфликтность. Уставшие ждать и утратившие доверие к власти крестьяне

стали прибегать к стихийному захвату помещичьих имений. Крестьянское движение переросло в восстание: осенью 1917 г. было зарегистрировано более 3,5 тыс. крестьянских выступлений. На Украине, в Прибалтике, Финляндии, Закавказье, Туркестане росли сепаратистские движения. Явочным порядком шло обособление от центра огромных частей бывшей Империи. Фактически начался процесс территориального распада формально единого государства. На грани разложения была и армия: участились случаи братания с солдатами противника, массовый характер приобрело дезертирство, до предела упала дисциплина. Все это свидетельствовало о недееспособности центральных властей, оказавшихся не в состоянии установить контроль хотя бы за одной сферой общественной жизни.

Результатом провала «корниловского мятежа», недовольства политикой Временного правительства и поддерживавших его советских партий стала начавшаяся с конца августа массовая большевизация Советов. На позиции РСДРП(б) по вопросу о власти перешли Петроградский и Московский Советы. Исполком Петросовета возглавил Л. Д. Троцкий, который месяцем раньше был избран членом ЦК большевистской партии. К середине сентября уже 80 местных Советов крупных городов России поддерживали большевиков. Складывалась ситуация, когда наиболее влиятельные местные Советы переходили в оппозицию не только Временному правительству, но и руководству ВЦИК. В этих условиях политическая стабильность во многом зависела от того, какой тактики будет придерживаться большевистское руководство.

При том что РСДРП(б) была партией с высоким уровнем дисциплины и наименее подверженной внутренним идеологическим «шатаниям», среди ее лидеров в сентябре и октябре обозначились заметные расхождения. Л. Б. Каменев и Г. Е. Зиновьев склонялись к компромиссу с другими силами «революционной демократии», крайне осторожно подходили к возможным вооруженным выступлениям. Ленин же, с его непревзойденным политическим чутьем, в начале октября твердо и с огромным напором доказывал не только возможность, но и необходимость восстания для захвата власти. На двух заседаниях ЦК (10 и 16 октября), которые впоследствии справедливо назвали историческими, он смог убедить большинство соратников в своей правоте, и резолюция о восстании была принята. Чуть позже, 24 октября, в письме тем же членам ЦК он вновь подчеркивал, что «на очереди стоят вопросы, которые не совещаниями решаются, не съездами (хотя бы даже съездами Советов), а исключительно народами, массой, борьбой вооруженных масс... История не простит промедления революционерам, которые могли бы победить сегодня (и наверняка победят сегодня), рискуя потерять много завтра, рискуя потерять все». Огромное значение имел сложившийся к тому времени альянс Ленина и Троцкого. Авторитет и воля создателя партии,

соединенные с кипучей энергией и организационным талантом Председателя Петросовета почти не оставляли шансов на успех их политическим конкурентам.

Именно при Петроградском Совете 12 октября возник Военно-революционный комитет (ВРК), ставший органом подготовки вооруженного восстания. Формально он был создан для противодействия выводу революционных войск из столицы. На деле он направлял своих комиссаров на заводы, вооружал отряды Красной гвардии: к этому времени только в Питере число их бойцов превысило 30 тыс. Красногвардейцы, большевизированные солдаты и матросы приступили к постепенному захвату ключевых объектов города. Спохватившийся Керенский 24 октября потребовал от Предпарламента особых полномочий для борьбы с большевиками, но было уже поздно. К утру 25 октября восставшие взяли Главный телеграф, Главпочтамт и вокзалы. В 10 часов ВРК выступил с обращением, в котором сообщалось о низложении Временного правительства и переходе власти в руки ВРК. К вечеру его сторонники овладели почти всем городом. В ночь с 25 на 26 октября был взят Зимний дворец, а находившиеся в нем министры последнего Временного правительства переправлены в Петропавловскую крепость. Керенского среди них не было: накануне он выехал на фронт в надежде привести в столицу верные правительству войска. Под давлением восставших прекратил свою работу и Предпарламент. Таким образом, к началу работы II съезда Советов вопрос о власти в столице был решен.

Съезд открылся 25 октября в 22 часа 40 минут в здании Смольного института. Из 670 делегатов 338 представляли большевиков, 100 — их союзников левых эсеров. Первым принятым съездом документом, который в сжатом виде объяснял смысл и цель происходящего, было написанное Лениным обращение — «Рабочим, солдатам, крестьянам!» В нем было заявлено: «... опираясь на волю громадного большинства рабочих, солдат и крестьян, опираясь на свершившееся в Петрограде вооруженное восстание рабочих и гарнизона, Съезд берет власть в свои руки... Советская власть предложит немедленный демократический мир всем народам и немедленное перемирие на всех фронтах. Она обеспечит безвозмездную передачу помещичьих, удельных и монастырских земель в распоряжение крестьянских комитетов, отстоит права солдата, проведя полную демократизацию армии, установит рабочий контроль над производством, обеспечит своевременный созыв Учредительного Собрания, озаботится доставкой хлеба в города и предметов первой необходимости в деревню, обеспечит всем нациям, населяющим Россию, подлинное право на самоопределение». И после этого следовало: «Съезд постановляет: вся власть на местах переходит к Советам Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов, которые должны обеспечить подлинный революционный порядок». Документ содержал пере-

чень наиболее острых проблем, волновавших подавляющее большинство населения России, и заявлял о готовности рождающейся власти решить их радикально и без проволочек.

Принципиальным, поставленным на съезде в числе первых, был вопрос о партийной структуре Советской власти: будет ли она опираться на все советские партии или ее характер будет определять лишь партия-победительница — большевики со своими союзниками? Делегаты от меньшевиков и эсеров осудили насильственные действия по захвату власти; выход из сложившегося по вине большевиков положения они видели в создании коалиционного правительства, включающего все силы революционной демократии. И съезд первоначально одобрил эту, изложенную Ю. О. Мартовым, позицию. Однако вскоре, под давлением Ленина и Троцкого, отверг ее. В знак протеста меньшевики и правые эсеры покинули съезд. В результате в избранный новый ВЦИК вошли 62 большевика и 29 левых эсеров, но определенное количество мест было зарезервировано и для «ушедших» советских партий. Правительство же, из-за отказа левых эсеров войти в него, оказалось чисто большевистским.

Огромное значение имело принятие съездом первых декретов: о мире, где новая власть заявляла о готовности немедленно подписать его без аннексий и контрибуций; о земле, передававшем крестьянам помещичьи имения без всяких предварительных условий. Съезд также сформировал Временное (до созыва Учредительного собрания) рабоче-крестьянское правительство, которое возглавил Ленин. Помимо председателя, в состав первого Совета народных комиссаров вошли наркомы: А. И. Рыков — по внутренним делам, В. П. Милютин — земледелия, А. Г. Шляпников — труда, В. А. Антонов-Овсеенко, Н. В. Крыленко и П. Е. Дыбенко — комитет по военным и морским делам, В. П. Ногин — по делам торговли и промышленности, А. В. Луначарский — народного просвещения, Л. Д. Троцкий — по иностранным делам, Г. И. Оппоков (Ломов) — юстиции, И. А. Теодорович — продовольствия, Н. П. Авилов (Глебов) — почт и телеграфа, И. В. Джугашвили (Сталин) — по делам национальностей. Правительство объявлялось ответственным перед ВЦИК. Чтобы продемонстрировать разрыв с прошлым члены кабинета были названы не министрами, а народными комиссарами.

Готовность большевиков опираться исключительно на пролетариат и беднейшее крестьянство углубляла раскол и толкала общество на путь гражданской войны. Большинство политических сил России оценили события 25–27 октября как «большевистский переворот» и не признали решения II съезда. Сразу же была предпринята попытка подавить мятеж вооруженным путем. Керенскому удалось убедить генерала Краснова двинуть на Питер войска, однако под Гатчиной они потерпели поражение. Одновременно в Петрограде меньшевики и эсеры совместно с кадетами и монархистами создали «Комитет спасения Родины и Рево-

люции», который восстанием в городе должен был поддержать поход Краснова. Однако организованное ими выступление юнкеров без труда было подавлено. 1 ноября Керенский сложил с себя обязанности премьер-министра и Верховного главнокомандующего и, переодевшись в матросскую форму, скрылся. Таким образом, к началу ноября 1917 г. Россия была лишена прежних органов центральной власти и управления, а большевистский Совет Народных Комиссаров оказался единственным, хотя и признаваемым далеко не всеми правительством. Это обстоятельство создавало большие трудности как при создании новых органов власти, так и для реализации провозглашенного на II съезде политического курса.

Смысл и значение событий, произошедших в Петрограде в октябре 1917 г., современники осознали далеко не сразу. По горячим следам их называли «октябрьским переворотом», «большевистским захватом власти»; затем — «Октябрьской революцией», «Пролетарской революцией», «Революцией 25 октября». К концу 1930-х годов в СССР говорили и писали об «Октябрьской социалистической революции», а после Великой Отечественной войны в политических документах и исторической науке утвердилось определение «Великая Октябрьская социалистическая революция». Действительно, Октябрьская революция оказала огромное влияние на судьбу России в XX веке, вызвала мощные тектонические сдвиги за пределами нашей страны. Те дни, по справедливому выражению известного американского журналиста Дж. Рида, «потрясли мир». Пафос революции был направлен на созидание нового общества — общества социальной справедливости, где не будет места эксплуатации трудящихся. Это на долгие годы предопределило горячие и искренние симпатии к Советской России со стороны эксплуатируемых классов и угнетенных народов во всем мире. В лице Советской России, а затем — СССР они всегда находили поддержку в своей борьбе за социальное и национальное освобождение.

§ 2. Первые преобразования Советской власти

Представления большевиков о переходе к социализму в России. Политические противники большевиков считали захват ими власти в октябре 1917 г. чистой воды авантюрой, поскольку в стране, едва сбросившей цепи самодержавия и еще не освободившейся от феодальных пережитков, трудно было найти убедительные предпосылки для перехода к социализму. Но для Ленина и его соратников здесь не было непреодолимого препятствия. Их уверенность в правоте своих действий основывалась на ясных (хотя и небесспорных) представлениях о состоянии мирового капитализма и перспективах социализма в начале XX века.

Во-первых, революция в России мыслилась как часть мировой, которая произойдет одновременно во многих (основных) развитых странах, и пролетариат более передовых государств окажет помощь тем, где капитализм был развит недостаточно. Во-вторых, хотя революция будет мировой, первоначально она произойдет лишь в нескольких или даже одной отдельно взятой стране. В-третьих, она будет не обязательно самой развитой, но той, где острее противоречия и больше взрывной потенциал. Такую страну Ленин называл «слабым звеном в цепи империализма», и Российская империя, по его мнению, была именно таковой. В-четвертых, начавшись в России, революция обязательно должна была продолжиться в других странах. В этой связи задача взявшего власть русского пролетариата — сделать все возможное, чтобы помочь, подтолкнуть мировую социальную революцию. В-пятых, для того чтобы продержаться до всемирной победы пролетариата, необходимо не только ликвидировать крупную буржуазию и помещиков, но и не дать мелкой буржуазии, а к ней Ленин относил подавляющее большинство крестьян (т.е. российского населения), сорвать то движение к социализму, которое вождь связывал лишь с рабочим классом и беднейшим крестьянством и авангардом пролетариата — РСДРП(б). Таким образом, мировая социальная революция и обуздание мелкобуржуазной крестьянской стихии были двумя главными условиями, которые, по мнению большевиков, делали возможным строительство социализма в такой стране, как Россия, после взятия власти пролетариатом.

В 1917 г. эти расчеты не казались беспочвенными. Мировая война ухудшила социально-экономическое положение во всех европейских странах. Особенно напряженно было в воевавшей на два фронта Германии. Это вызвало невиданный ранее подъем рабочего движения, которое повсеместно выливалось в мощные стачки и забастовки, направленные против войны и ведущих ее правительств. Большевики были уверены, что вслед за Россией в одной из крупных стран Европы вот-вот произойдет взрыв, который вызовет цепную реакцию. Традиции пролетарской солидарности существовали со времен Первого Интернационала Маркса, и сознательные пролетарии должны были сказать свое слово, поддержать русских товарищей. Осенью 1917 г. большевики были уверены также в том, что революция в Европе — дело ближайшего будущего (недель или, в крайнем случае, месяцев), поэтому задача взявшего власть российского пролетариата — продержаться, пока не восстанут рабочие Запада.

В период, непосредственно предшествовавший приходу к власти, Ленин активно развивал марксову идею диктатуры пролетариата. В концентрированном виде эти представления российского вождя были изложены в одной из самых важных его работ — «Государство и революция», написанной в июле — августе 1917 г. Во-первых, между капита-

лизмом и социализмом лежит переходный период, содержание которого — формирование социалистических отношений. Во-вторых, диктатура пролетариата предполагает демократию для рабочего класса, подавление буржуазии и ограничение демократии для мелкой буржуазии — крестьянства. В-третьих, учитывая неизбежное сопротивление свергнутых классов, государство диктатуры пролетариата сознательно широко использует принуждение и насилие для утверждения новых отношений. В-четвертых, особая роль при этом принадлежит авангарду пролетариата, его партии — «железной и закаленной в борьбе».

РСДРП(б) создавалась как партия борьбы, революции, главной задачей которой было свержение самодержавия. Большевики даже в начале 1917 г. не подозревали, что события в России будут развиваться столь стремительно. После прихода к власти в октябре 1917 г. они из партии борьбы превращались в партию государственного управления, которая должна была решать неведомые ей ранее задачи.

Большевики захватили власть, когда Россия находилась в крайне сложных условиях. Прежде всего, страна переживала всеобъемлющий кризис, когда почти все нити управления были оборваны. Кроме того, решать накопившиеся проблемы нужно было радикально и быстро: полновластные подходы уже доказали свою несостоятельность. Однако для срочного и последовательного решения этих проблем большевики не имели государственных инструментов — в конце 1917 г. далеко не все учреждения и организации были готовы им подчиняться, а большая часть чиновников просто саботировала указания самозванной, с их точки зрения, власти. Поэтому непременным условием реализации декретов было повсеместное утверждение Советов в качестве главных органов власти и управления. Переплетение этих двух процессов неизбежно приводило к противостоянию и острым конфликтам.

Дополнительным фактором раздражения были многие, шедшие от Маркса, утопические представления об устройстве нового общества. Творчество классика было посвящено главным образом обоснованию исчерпания капитализмом своих возможностей и неизбежности появления нового общества — социалистического. Контуры же нового строя были прописаны не столь обстоятельно, а футуристические зарисовки Маркса его сторонники воспринимали на веру. На долю большевиков выпало стать первой партией социалистов, получившей возможность испытать на практике некоторые марксистские идеи, хотя делать это в условиях российской реальности было особенно нелегко.

Начало утверждения Советской власти. Октябрь 1917 — март 1918.

Победа восстания в Петрограде положила начало утверждению Советской власти в масштабах всей страны. Трудности этого процесса были связаны с общим ослаблением власти, экономическим хаосом, социальной напряженностью. Формы установления нового режима

зависели от соотношения политических сил, которое имело значительные региональные особенности.

Во второй столице, Москве, становление Советской власти происходило сложнее, чем в Питере. Руководство московских большевиков занимало более осторожную, чем ЦК партии, позицию: в частности, еще накануне решающих событий в Петрограде оно выступало против вооруженного захвата власти. В Москве Совет рабочих депутатов не был объединен с Советом солдатских депутатов, и если первый находился под влиянием большевиков, то во втором были сильны симпатии в отношении умеренных социалистических партий. Кроме того, Московская дума инициативно попыталась объединить силы противников большевистского переворота.

Известие о решающих событиях в Петрограде московские большевики получили в полдень 25 октября и в тот же день создан партийный орган по руководству восстанием — Боевой центр, а затем на объединенном пленуме московских Советов — Военно-революционный комитет. Согласно приказу № 1 ВРК, части московского гарнизона приводились в боевую готовность и должны были исполнять только исходящие от ВРК распоряжения. Одновременно, 25 октября, Московская городская дума избрала Комитет общественной безопасности, которым руководили городской голова эсер В. В. Руднев и командующий войсками Московского военного округа полковник К. И. Рябцев. Комитет выступал с позиции защиты Временного правительства, но мог опираться главным образом на офицеров и юнкеров.

Первоначально обе стороны, стараясь консолидировать своих сторонников, не предпринимали решительных действий, конфликты носили локальный характер. Не был также до конца ясен исход событий в Петрограде: московские большевики лишь следили пока за переговорами питерских товарищей с другими социалистами о возможности создания однородного социалистического правительства. Сторонники же Комитета общественной безопасности рассчитывали на успех похода войск Керенского — Краснова. В этих условиях московский ВРК и думский Комитет вступили в переговоры о мирном соглашении. При этом обе стороны надеялись выиграть время и дожидаться подкреплений: Рябцев ожидал переброски в Москву «надежных» войск с фронта, ВРК — поддержки революционных сил. Войска с фронта присланы не были, зато прибыло около 5 тыс. вооруженных сторонников большевиков, в числе которых находились и 500 кронштадских матросов. Кровавые столкновения, в ходе которых применялась и артиллерия, начались вечером 27 октября и завершились 2 ноября: в этот день сдались оборонявшиеся в Кремле юнкера. Всего в московских событиях погибло около 300 человек. Успех большевиков в столицах во многом предопределил победу новой власти в стране.

Судьба Советской власти и политическое будущее большевиков после восстания в Петрограде в решающей степени зависели от позиций солдатских масс, в особенности частей, которые находились в непосредственной близости от главных событий. И здесь ситуация для большевиков складывалась в целом благоприятно. В войсках Северного и Западного фронтов, на Балтийском флоте их влияние было значительным еще до свержения Временного правительства. К октябрю 1917 г. там существовали крупные партийные ячейки, которые вели активную и успешную агитационно-пропагандистскую работу среди солдат. Не случайно бойцы этих фронтов и балтийские матросы активно поддерживали большевиков 24–26 октября 1917 г.

В конце октября — начале ноября 1917 г. созданные во всех армиях Северного фронта ВРК взяли армейскую власть в свои руки. Комиссаром фронта СНК назначил большевика Б. П. Позерна. Прошли переборы солдатских комитетов, армейские съезды. ВРК Пятой армии взял под контроль штаб армии в Двинске и преградил путь частям, которые выдвинулись на помощь Керенскому и Краснову. Этим в критический момент большевикам была оказана исключительно важная поддержка. Военная организация РСДРП(б) армии сообщала в ЦК: «На месте в 5-й армии власть в наших руках... Если вам теперь понадобится помощь, то через 24 часа после радиограммы наш отряд будет под Петроградом, под Смоленском, в Великих Луках, где хотите». На Западном фронте Минский Совет уже 25 октября взял власть. Здесь был создан ВРК Западной области, который сорвал попытку штаба фронта разгромить большевиков и сместил командующего фронтом. Прошедший 20 ноября в Минске съезд представителей Западного фронта избрал нового командующего — большевика А. Ф. Мясникова. Из 100 членов избранного фронтового солдатского комитета 80 были членами РСДРП(б).

Победа революции на Северном и Западном фронтах обеспечила условия для ликвидации Ставки Верховного главнокомандования. Поводом для этого шага послужила поддержка Главковерхом генералом Н. Н. Духониным попытки кадетов и меньшевиков в начале ноября сформировать альтернативное большевистскому правительству, которое должен был возглавить лидер эсеров В. М. Чернов. Распоряжением Ленина Духонин был смещен, а взбунтовавшиеся солдаты подняли его на штыки. Новым Верховным главнокомандующим был назначен прапорщик Н. В. Крыленко, который 20 ноября прибыл в Ставку с отрядом революционных рабочих и матросов, возглавив центральный аппарат управления войсками.

Борьба за солдатские массы на Юго-Западном, Румынском и Кавказском фронтах имела более сложный и затяжной характер. Отдаленность от пролетарских центров, близость к аграрным и национальным регионам предопределили более прочные позиции меньшевиков и эсе-

ров в армейских организациях. Власть СНК была признана на этих фронтах в декабре 1917 — январе 1918. Привлечением на свою сторону армии большевики лишили политических противников возможности организовать активное вооруженное сопротивление, облегчили и ускорили установление и упрочение Советской власти в России.

Время с конца октября 1917- го до начала марта 1918 г. Ленин выделял в особый период, когда, как он писал, «мы прошли победным триумфальным шествием большевизма из конца в конец громадной страны». Однако в целом по России ситуация была сложнее. В Центральном промышленном районе (Иваново-Вознесенск, Кострома, Тверь, Ярославль, Рязань и др.) многие местные Советы овладели властью еще до октябрьского восстания, и после него лишь узаконили свое положение. В Царицыне, Самаре, Симбирске и Сызрани власть Советов была установлена мирным путем. Но в некоторых местах использовалась и сила. Так, в Калуге власть была установлена с помощью революционных отрядов из Москвы и Минска. В целом в городах региона Советская власть утвердилась к концу декабря 1917 г. В Центрально-Черноземном районе и в Поволжье, где большим влиянием пользовались эсеры, процесс признания Советской власти затянулся до конца января 1918 г. Постепенно Советская власть распространялась на Урал, Сибирь и Дальний Восток.

Утверждение Советской власти за пределами столиц имело важные особенности. Прежде всего, она переходила первоначально к многопартийным Советам, где сотрудничали представители разных социалистических партий, что не означало установления большевистской диктатуры. Кроме того, в провинции большое распространение получили коалиционные органы власти, в которые наряду с представителями Советов входили деятели местного самоуправления (дум, земств), профсоюзов и кооперативов. В них преобладали умеренно-социалистические элементы, что создавало основу для коалиционной социалистической власти. При этом условия и формы сотрудничества были различными. Чаще подобные объединения носили название «комитета»: «Комитет народной власти» в Астрахани, Военно-революционный комитет «объединенной демократии» на Дону, Краевой комитет Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и местных самоуправлений на Дальнем Востоке и т.п. Любопытен опыт Забайкальской области. Здесь в «Народный Совет» на пропорциональной основе вошли представители основных групп сельского населения (крестьян, казаков, бурят), Советов рабочих и солдатских депутатов, а также городских органов самоуправления.

Однако постепенно ситуация менялась. Большевистские фракции стали объявлять властью себя; они создавали ревкомы, отстраняли от руководства думы и земства, эсеро-меньшевистское большинство в Советах. Такие действия обосновывались тем, что подобная перегруппи-

ровка сил произошла в столице и необходимо выстроить единую систему Советской власти. А поскольку происходило это порой в достаточно бесцеремонных формах, то становилось одной из предпосылок гражданской войны.

Что касается сельских и волостных Советов, они преимущественно оставались у сторонников эсеров. И к весне 1918 г. говорить о «победном триумфе большевизма» применительно к деревне было преждевременно.

Влияние большевиков на Северо-Западе и в Центральном промышленном районе, поддержка Советской власти солдатами Северо-Западного и Западного фронтов, овладение Ставкой Верховного главнокомандования практически лишили противников большевизма возможности организовать серьезное сопротивление в этих частях России. Вследствии этого недовольные новой властью весьма разнородные силы стали стекаться, прежде всего, на Юг, где формировались основные очаги контрреволюционного движения. В первые месяцы наиболее опасными для Советской власти были движения казаков на Дону и Южном Урале. В этот период на Юге происходит и формирование Белого движения.

Уже 25 октября 1917 г. генерал А. М. Каледин взял на себя управление в Донской области: ввел военное положение, пригласил в Новочеркасск Временное правительство для организации отпора большевикам, установил контакты с казачьим руководством Оренбурга, Кубани, Астрахани, Терека, вступил в союз с украинскими националистами. Располагая пятнадцатитысячным войском, он сумел захватить Ростов-на-Дону, Таганрог, значительную часть Донбасса. Однако противоречия между различными социальными группами в тылу (казаки, рабочие, «иногородние»), переброска надежных советских формирований к месту противостояния привели к вооруженному поражению каледиинцев в конце января 1918 г.

Первоначально успех сопутствовал атаману А. И. Дутову, который выступил почти одновременно с Калединым — 27 октября 1917 г. Казакам Дутова удалось захватить Оренбург, Троицк и Верхнеуральск. Но в середине января 1918 г. советские войска (среди которых был переброшенный из Петрограда летучий отряд революционных солдат и балтийских моряков) развернули наступление и освободили Оренбург. Однако борьба продолжалась с переменным успехом и далее, завершившись лишь в конце 1919 г.

В ноябре 1917 г. в Новочеркасске среди бежавших от большевиков оказалось много самых разных общественных деятелей и военных — П. Н. Милюков, П. Б. Струве, М. В. Родзянко, Г. Н. Трубецкой, М. М. Федоров, Б. В. Савинков, генералы М. В. Алексеев, А. И. Деникин, А. С. Лукомский, С. Л. Марков. В начале декабря сюда прибыл сохранявший

высокую популярность Л. Г. Корнилов. В этой среде вызрела идея создания для борьбы с «германо-большевизмом» Добровольческой армии, в командование которой вступил Корнилов (впоследствии дата 25 декабря 1917 г. стала считаться днем рождения этой армии). Ответственным за внутреннее управление и внешние связи был генерал Алексеев. Материально движение поддерживали деловые круги. К февралю численность Добровольческой армии достигла 4 тыс. человек. И хотя большевистские силы по численности заметно превосходили сторонников «Белого дела», весной 1918 г. ликвидировать очаг антисоветского сопротивления на Юге не удалось.

Приход к власти большевиков отозвался центробежными тенденциями на национальных окраинах бывшей империи. С одной стороны, доминировавшие там буржуазно-националистические партии стремились дистанцироваться от общего хаоса и безвластия в России, переждать его; с другой — у занятых борьбой в российских губерниях большевиков до отдаленных территорий просто не доходили руки. Вопрос существенно осложнялся повсеместным вмешательством иностранных сил (германских, турецких, британских, французских).

Новую политику в отношении нерусских народов сформулировали два документа Советской власти — «Декларация прав народов России» и Обращение «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», увидевшие свет соответственно 2 и 20 декабря 1917 г. Они провозглашали равенство и право всех народов России на самоопределение, вплоть до отделения. И хотя большевики никогда не агитировали за него, считаться с этим правом им приходилось.

Большевики признали независимость уже фактически отделившейся и находившейся под германской оккупацией Польши. Без охоты, вынужденно 18 декабря 1917 г. СНК признал и независимость Финляндии. Вскоре, однако, на ее территории началась гражданская война, исход которой весной 1918 г. был предрешен немецким вмешательством. На неоккупированных частях Эстонии и Латвии, а также в Белоруссии Советская власть утвердилась в октябре — ноябре 1917.

Более сложная ситуация складывалась на Украине. 7 ноября 1917 г. Центральная рада провозгласила образование Украинской Народной Республики, оговорив, однако, намерение «не отделяться от Российской Республики», помочь ей «стать федерацией равных, свободных народов». Первоначально между Петроградом и Киевом складывались терпимые отношения, которые к началу декабря были испорчены по двум главным причинам. В Киеве претензии на власть стали предъявлять поддерживаемые питерским СНК Советы. В свою очередь, Рада чинила препятствия борьбе советского правительства против восставшей Каледина. Таким образом, 4 декабря 1917 г. отношения были разорваны, а 11 декабря в Харькове украинские большевики созвали Всеукраинский

съезд Советов, который «принял на себя всю полноту власти на Украине», избрав украинский ЦИК. Большевики приветствовали новую власть как «подлинное правительство Народной Украинской республики». 9 января 1918 г. Рада провозгласила Украину независимым государством, а 26 января советские войска вступили в Киев и свергли Центральную Раду. Ее власть была восстановлена через три недели, но сделали это германские войска.

В Закавказье реакцией на октябрьскую революцию было образование в Тифлисе 15 ноября 1917 г. «Закавказского Комиссариата», созданного представителями региона, избранными в Учредительное собрание, а также деятелями ведущих местных партий. Сформированное правительство выступало от имени всей «Закавказской революционной демократии». Оно не признало разгон Учредительного собрания, после чего регион стал фактически независимым. Одним из последствий прекращения войны между Россией и Германией весной 1918 г. стала оккупация Турцией части грузинских территорий. В этих условиях, не надеясь на помощь России, в Тбилиси провозгласили 22 апреля 1918 г. образование независимой Закавказской Федеративной Республики, которая вскоре распалась. К концу мая 1918 г. в Закавказье существовали независимые Грузия, Армения и Азербайджан. Единственной цитаделью Советской власти в регионе после октябрьского восстания в Петрограде был Баку, где результатом сложной борьбы под руководством местных большевиков весной 1918 г. была создана республика, названная Бакинской Коммуной. Просуществовав чуть больше трех месяцев, она пала в конце июля 1918 г. под напором английских и турецких войск.

Значительным своеобразием отличалась ситуация в Туркестане. Еще в сентябре 1917 г. исполком Ташкентского Совета осуществил переворот и сверг власть представителей Временного правительства. Город стал местом пребывания первого Советского, хотя и не большевистского, правительства. Однако революционное движение в крае первоначально было ограничено русской колонией, мусульманское население находилось под влиянием местных феодалов. В апреле 1918 г. на краевом съезде Советов была создана Туркестанская советская республика в составе РСФСР; Бухарский эмират и Хивинское ханство стали фактически независимыми. В июле 1918 г. в Ашхабаде возникло Закаспийское временное правительство, состоявшее из эсеров, меньшевиков и местных националистов. В итоге огромная территория Туркестана на долгое время выпала из сферы влияния центрального советского правительства.

Вопрос об однородном социалистическом правительстве и формировании высших органов государственной власти. Победа октябрьского вооруженного восстания, свержение правительства Керенского и создание большевистского Совнаркома вызвали негативную

реакцию у большинства политических сил России. Ведущие лидеры и партии осуждали узурпацию власти большевиками и требовали немедленно изменить сложившееся положение. В рабочих коллективах Петрограда, Москвы, других промышленных городов от социалистических партий требовали создания единого правительства на советской основе. Профсоюзы выдвинули лозунг формирования «однородного социалистического правительства». Движение возглавил Викжель — Всероссийский исполнительный комитет профсоюза железнодорожников. Этот профсоюз был самым мощным (700 тыс. членов) и организованным в стране, в его руководстве доминировали эсеры и меньшевики. Угрожая всеобщей забастовкой на железных дорогах, он 29 октября 1917 г. ультимативно потребовал от большевиков создания коалиционного правительства. Для этого было предложено организовать совместное заседание ЦИК железнодорожников, ВЦИК Советов и делегатов социалистических партий с целью выработки общей платформы.

Переговоры проходили с оглядкой на действия Краснова — Керенского и события в Москве 26 октября — 2 ноября. 29 октября ЦК РСДРП(б) в отсутствие Ленина и Троцкого признал возможным расширить политическую базу правительства, изменив его состав. Главным условием вступления в коалицию с другими партиями большевики считали признание «платформы Второго съезда», т.е. его декретов и решений. Для ведения переговоров были делегированы Л. Б. Каменев и Г. Я. Сокольников — сторонники компромиссов, представители умеренного крыла в большевистском руководстве.

Викжель предлагал сформировать правительство из 18 человек, в котором большевикам принадлежало бы 5 портфелей. Каменев согласился на предложение эсеров заменить Ленина на посту предсовнаркома В. М. Черновым и на невхождение в правительство Троцкого (эти большевистские лидеры считались главными «виновниками Октября»). Каменев поддержал также предложение пополнить ВЦИК представителями от ЦИК Советов крестьянских депутатов, профсоюзов, петроградской и московской городских дум, превратив его во Временный народный совет. Идея формирования однородного социалистического правительства, опирающегося на достаточно широкую социально-политическую базу, едва не стала реальностью. Однако ситуация изменилась после подавления выступления Краснова — Керенского и решающих побед в Москве.

1 ноября на заседании ЦК партии Ленин подверг критике «капитулянтскую» линию Каменева, заявив, что «разговаривать с Викжелем теперь не приходится... Переговоры должны были быть как дипломатическое прикрытие военных действий». Однако ЦК партии не поддержал Ленина и десятью голосами против трех высказался за продолже-

ние переговоров, но на более жестких условиях: предоставления не менее половины наркомовских портфелей большевикам и безусловного участия в правительстве Ленина и Троцкого. Эти условия были неприемлемы для других участников вижжелевских переговоров, и 4 ноября, в результате давления Ленина и Троцкого на своих соратников, заседания были прекращены.

Срыв переговоров привел к расколу в руководстве партии и первому кризису новой власти. Пять членов руководства: Л. Б. Каменев, Г. Е. Зиновьев, В. П. Ногин, А. И. Рыков, В. П. Милютин — 4 ноября опубликовали в «Известиях» Заявление о выходе из ЦК, вновь высказав убежденность в необходимости единого социалистического советского правительства «для предотвращения кровопролития» и осудив «гибельную политику ЦК, проводимую вопреки громадной части пролетариата и солдат». В ответ на это ЦК решил снять Каменева с поста председателя ВЦИК и рекомендовал вместо него более «покладистого» Я. М. Свердлову. Четверо из одиннадцати народных комиссаров (Ногин, Рыков, Милютин, Теодорович) подали в отставку. Ленин осудил «дезертиров», а стремление к созданию однородного социалистического правительства заклеил как «вижжеление».

Кадеты изначально занимали антисоветские и антибольшевистские позиции. В Москве они стали создателями одной из первых подпольных организаций. Традиционно кадеты пользовались значительным влиянием на Юге, среди казачества. Не случайно они предпринимали попытки создать на Дону белую гвардию из офицеров, юнкеров, помещичьей и буржуазной молодежи. Закономерно и то, что к Милюкову обратился генерал Алексеев с просьбой составить «Декларацию Добровольческой армии». Кадетские активисты приняли деятельное участие в сборе средств среди деловых кругов России для организации антибольшевистского сопротивления. 28 ноября Совнарком утвердил написанный Лениным декрет, согласно которому кадеты объявлялись «партией врагов народа», а их лидеры подлежали аресту и суду революционного трибунала. Под стражу были взяты некоторые деятели кадетского ЦК, на местные Советы возлагалась обязанность особого надзора за этой партией. А 2 декабря ВЦИК объявил партию народной свободы вне закона.

Партии меньшевиков и эсеров не имели единой, четко выраженной линии политического поведения ни в отношении свергнутого правительства Керенского, ни в отношении Совнаркома и большевистско-лево-эсеровского ВЦИК. Среди меньшевиков были и сторонники соглашения с большевиками «на общей политической платформе», и лица, выступавшие за «полный разрыв с большевизмом не только на словах, но и на деле», а также те, кто считал необходимым сотрудничество с большевиками посредством их склонения к уступкам.

Еще более драматично складывалась ситуация в эсеровской среде. К моменту вооруженного восстания уже фактически существовала, хотя и не была формально конституирована партия левых эсеров, поддержавшая на II съезде декреты о земле и мире, согласившаяся на вхождение во вновь избранный ВЦИК. За это лидеры левых эсеров были исключены из партии. Окончательное разделение этой самой массовой российской партии произошло на ее IV съезде (конец ноября — начало декабря 1917). Раскол партии вызвал дезорганизацию в ее рядах, сократил возможности политического влияния. Один из делегатов эсеровского съезда писал, что он «производит на меня впечатление группы лиц, потерпевших политическое поражение». Как меньшевики, так и правые эсеры не допускали никакого иного решения, кроме как низложения руководимого Лениным правительства и передачи всей полноты власти Учредительному собранию и созданным по его решениям органам.

Большевики энергично и эффективно использовали раскол в эсеровской среде для расширения и укрепления социально-политической основы захваченной власти. Уже 9 ноября они начали переговоры с левыми эсерами о вхождении их в правительство, но окончательный союз сложился в результате работы Всероссийского (Чрезвычайного) и II Всероссийского съездов Советов крестьянских депутатов (Петроград, ноябрь — декабрь 1917). Из 790 делегатов II съезда было: большевиков — 91, левых эсеров — 350, правых эсеров — 305. Вначале все работали вместе, но по мере нарастания противоречий (на девятый день) съезд раскололся примерно пополам, и «раскольники» заседали раздельно.

Правые эсеры увели за собой депутатов, стоявших на позиции защиты Учредительного собрания и считавших «так называемый "Совет народных комиссаров" незаконным захватчиком власти». Другая часть съезда стояла на платформе II съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, что позволило большевикам и левым эсерам заключить важные соглашения, в том числе о вхождении 108 членов нового избранного исполкома съезда в объединенный ВЦИК Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. 17 ноября и 13 декабря представители левых эсеров вошли в состав Совнаркома. А. Л. Колегаев возглавил Наркомат земледелия, В. А. Карелин — Наркомат имуществ Российской Республики, П. П. Прошьян — Наркомат почт и телеграфов, В. Е. Трутовский — Наркомат местного самоуправления, И. З. Штейнберг — Наркомат юстиции; В. А. Алгасов и А. И. Бриллиантов получили статус «наркомов без портфеля». В почти ежедневных заседаниях СНК наркомы — левые эсеры принимали деятельное и конструктивное участие.

Оформившийся союз большевиков и левых эсеров имел важные политические последствия. Во-первых, социалистические партии разделились на два лагеря: сторонников советской и парламентарной де-

мократии. Во-вторых, усилились позиции Совнаркома и объединенного ВЦИК, получивших возможность выступать от имени большей части трудового населения России. В-третьих, раскол единой партии эсеров и блок левых эсеров с большевиками давали сторонникам Ленина сильнейшие доводы для собственной, достаточно широкой, интерпретации итогов выборов в Учредительное собрание.

Назначены они были на 12 ноября еще правительством Керенского. Подготовкой занималась Всероссийская комиссия по делам о выборах («Всевыборы»). 27 октября Совнарком на первом же заседании подтвердил, что выборы состоятся в назначенный срок. Идя на это, большевики питали надежду, что смогут вместе с поддерживавшими их левыми эсерами и меньшевиками-интернационалистами получить в Учредительном собрании большинство, подтвердив законность новой власти общенародно избранным форумом. Однако вскоре настроение ленинцев стало меняться.

12 ноября в 68 округах состоялись выборы депутатов в Учредительное собрание, в которых приняли участие 44,4 млн избирателей. За большевиков проголосовало 24%, за эсеров, меньшевиков и схожих с ними различных национальных партий — 59, за кадетов и стоящих правее их организаций — 17. Из 703 избранных депутатов 229 были эсерами, 168 — большевиками, 39 — левыми эсерами, 17 — кадетами, 16 — меньшевиками.

Итоги выборов свидетельствовали, что большинство граждан высказалось за демократическое будущее России на базе многопартийности при соблюдении принципа социальной справедливости, который в разной форме исповедовали получившие подавляющее большинство голосов социалистические партии. В то же время преобладание меньшевиков и правых эсеров, готовых к союзу с кадетскими депутатами, делало реальной угрозой нового двоевластия. Теперь субъектами противостояния могли стать, с одной стороны, структуры, признающие верховенство власти Советов в ее большевистско-левоэсеровском варианте, с другой — те государственные институты, которые предстояло создать антибольшевистскому по своему политическому составу Учредительному собранию.

Впервые идея роспуска еще неизбранного собрания обсуждалась на заседании Петроградского комитета РСДРП(б) 8 ноября. И хотя тогда она не была поддержана, участники заседания все же допускали роспуск в том случае, если «массы ошибутся с избирательными бюллетенями» и новый учредительный орган займет враждебную в отношении Советской власти позицию. Знакомство с итогами голосования подтолкнуло большевиков к практическим действиям в этом направлении. Первоначально разрабатывались промежуточные варианты: ссылаясь на организационные трудности, предлагали отложить дату созыва, открыть Учредительное собрание, когда в столицу прибудет свыше 400 де-

путатов, добиться, чтобы большинство среди них составляли большевики и левые эсеры. Последние предлагали и другой вариант: присоединить фракции большевиков и левых эсеров к ВЦИК, избранному II съездом Советов, провозгласив это новое собрание революционным Конвентом. (По образцу законодательного органа эпохи Великой Французской революции.)

Учитывая эти настроения, меньшевики и эсеры в конце ноября 1917 г. организовали Комитет защиты Учредительного собрания, который развернул активную устную и печатную агитацию в пользу его своевременного созыва. К середине декабря позиции сторон ужесточились. 12 декабря ЦК РСДРП(б) одобрил написанные Лениным «Тезисы об Учредительном собрании», где прямо говорилось, что интересы революции «стоят выше формальных прав» вновь избранного органа. «Единственным шансом на безболезненное разрешение кризиса», по мнению вождя, могло стать «безоговорочное заявление» Учредительного собрания о признании им Советской власти и принятых ею декретов. Тезисы звучали как ультиматум, неприятие которого грозило вполне предсказуемыми последствиями, которые, однако, прямо не назывались. О твердости этих намерений свидетельствовала публикация тезисов в «Правде» 13 декабря. Не сидели сложа руки и противники большевиков. Активизировалась Военная комиссия партии эсеров. На предприятиях Петрограда и в частях его гарнизона агитировали за вооруженное восстание против большевиков, которое собирались приурочить ко дню открытия Учредительного собрания. Эсеровские боевики готовились уничтожить Ленина и Троцкого. 1 января 1918 г. по дороге в Смольный автомобиль Ленина был обстрелян, и председатель Совнаркома едва не погиб.

Большевики, назначив открытие собрания на 5 января 1918 г., тщательно готовились к этой дате. ВЦИК, Петросовет и Чрезвычайная комиссия по охране Петрограда предприняли энергичные меры по предотвращению попыток выступления против Советской власти. В боевую готовность были приведены части петроградского гарнизона, подступы к Таврическому дворцу и Смольному блокировали заградительные отряды, патрулировались улицы города. Для «охраны» Таврического дворца, где должно было работать Учредительное собрание, был приглашен «надежный отряд матросов» с крейсера «Аврора» и броненосца «Республика». Утром 5 января мирная манифестация в поддержку Учредительного собрания была обстреляна и затем рассеяна; около ста человек были убиты и ранены. Эти акции стали фоном, на котором в 16.00 открылось первое и последнее заседание Учредительного собрания.

Вскоре после начала его работы Я. М. Свердлов зачитал «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа», которую утвердил накануне ВЦИК. По сути это был ультиматум эсеровскому большинству: Учредительное собрание должно было либо принять Советскую

власть и одобрить ее декреты, либо быть готовым к другому сценарию, контуры которого были обозначены утром. Избранный председателем Учредительного собрания лидер эсеров В. М. Чернов отказался обсуждать этот документ в первоочередном порядке, после чего большевики и левые эсеры покинули сначала зал заседаний, а затем и само Совещание в знак протеста против «контрреволюционной» линии его руководства. Работа, тем не менее, продолжалась, и к утру 6 марта был принят ряд важных законопроектов. «Основная часть закона о земле» провозглашала отмену частного землевладения; Обращение к правительствам и народам воюющих стран призывало начать мирные переговоры; закон «О государственном устройстве России» объявлял ее «демократической федеративной республикой, союзом свободных народов, в пределах федеральной конституции суверенных».

В 4 часа утра в президиуме собрания появился начальник караула Таврического дворца матрос А. Г. Железняков и заявил: «Я получил инструкцию, чтобы довести до вашего сведения, чтобы все присутствовавшие покинули зал заседания, потому что караул устал». Явившихся к 17 часам для продолжения заседания депутатов в здание не пустили. В ночь с 6 на 7 января ВЦИК принял декрет о роспуске Учредительного собрания. Этот акт почти не вызвал протестов. Ощущение от содеянного достаточно точно выразил один из современников: «Впечатление «неправа», совершенного большевиками над Учредительным Собранием было в значительной степени смягчено недовольством самим Учредительным Собранием; его, как говорили, «недостойным поведением», трусливостью и податливостью председателя В. М. Чернова. Учредительное Собрание бранили больше, чем большевиков, разогнавших его».

Важную роль в становлении государственности нового типа сыграл III Всероссийский съезд Советов, работавший 10–18 января 1918 г. в Петрограде. Большевики стремились придать ему характер подлинно народного парламента, противопоставляя только что разогнанной «Учредилке». Съезд принял решение о слиянии Советов рабочих и солдатских депутатов с Советами крестьянских депутатов, создав тем самым единую систему советской государственности. Избран новый ВЦИК, в который вошли 306 человек, из них 160 большевиков, 125 — левых эсеров, 7 — правых эсеров, 7 — максималистов, 3 — анархиста-коммуниста, 2 — меньшевика-оборонца, 2 — меньшевика-интернационалиста. Съезд принял «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа» — конституционный акт, объявлявший Россию Республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Утверждена была также резолюция «О федеральных учреждениях Российской Республики», где говорилось, что новое государство строится на основе добровольного союза народов «как федерация советских республик этих народов». Из всех документов исчезло указание на временный харак-

тер власти Совнаркома. ВЦИК получил поручение подготовить к следующему съезду проект «основных положений конституции Российской федеративной республики».

Таким образом, к концу января 1918 г. в столицах и центральных районах страны вопрос о власти был решен в пользу Советов. Однако в это время высшие органы Советской власти уже формировались при решающем участии и доминировании представителей большевиков. После разгона Учредительного собрания Ленин прямо заявил, что «власть принадлежит нашей партии, опирающейся на доверие широких народных масс». При этом вождь большевиков считал, что «ропуск Учредилки правительством Советов означает ликвидацию идеи демократии в пользу диктатуры». Такая постановка вопроса делала неизбежными острые столкновения между большевиками и их политическими противниками, которые были ослаблены и рассеяны, но не прекратили борьбу за свой путь революции в России.

К концу января 1918 г. можно было подводить первые итоги строительства Советского государства. Высшим органом власти в стране стал Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Между съездами его функции выполнял избранный съездом ВЦИК. Им был подотчетен Совнарком — высший орган исполнительной власти, направлявший деятельность наркоматов и других органов управления, создание которых началось 26 октября 1917 г. Руководство хозяйственно-экономической жизнью республики возлагалось на Высший совет народного хозяйства (ВСНХ). Его главной задачей была организация рабочего управления на национализированных предприятиях. Однако, кроме того, ВСНХ должен был координировать деятельность всех хозяйственных наркоматов — финансов, земледелия, торговли и промышленности, продовольствия, путей сообщения.

Сделаны были важные шаги в сфере создания новых органов охраны общественного порядка. Первоначально эту функцию выполнял Петроградский ВРК, который после своего упразднения (в начале декабря 1917) передал ее Народному комиссариату внутренних дел (НКВД) и созданной при СНК Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК). Вместо упраздненных прежних органов юстиции учреждались выборные народные суды, а для рассмотрения особо опасных преступлений — революционные трибуналы. Их контролировал Наркомат юстиции.

Одной из неотложных задач новой власти стала организация обороны республики. Строительством новой армии призван был заниматься Комиссариат по военным делам. Непопулярность войны, развал старой армии, с одной стороны, и необходимость противостоять «контрреволюционным» силам — с другой, предопределили поиск нестандартных подходов. В армии была проведена глубокая демократизация: отмене-

ны все воинские звания, введен принцип выборности командиров, солдатские комитеты контролировали штабы и другие военные учреждения. Одновременно началась планомерная демобилизация старой армии. 15 января 1918 г. Ленин подписал Декрет «О рабоче-крестьянской Красной Армии», согласно которому первоначально вооруженные силы строились на добровольческих началах.

Руководство социальной сферой осуществляли наркоматы труда, государственного призрения. В числе первых были созданы наркоматы просвещения и по делам национальностей.

В первые месяцы работа преобразованных и вновь созданных государственных структур сопровождалась большими трудностями. Приход к власти большевиков вызвал неприятие большей части чиновничества. Только в Петрограде около 50 тыс. служащих государственных и коммерческих структур прекратили выполнять свои обязанности. Сломить «саботаж» удалось в основном к весне 1918 г. Нехватку служащих компенсировали направлением в советские учреждения рабочих крупных питерских предприятий. В некоторых случаях за их счет комплектовалось до 75% штатов. Большевики поощряли этот процесс, полагая, что самоуправление трудящихся способно заменить погрязший в бюрократизме чиновничий аппарат. Верность революционным идеалам новых советских служащих часто неоправданно противопоставлялась профессионализму старых «буржуазных» специалистов, что имело негативные последствия для управления.

Социально-экономические преобразования первых месяцев Советской власти. Первый этап революции, когда решался вопрос о власти, Ленин назвал политическим. Некоторые историки в этой связи говорят о разрушительной фазе революции, в рамках которой прежде всего подавляется политическая и экономическая мощь буржуазии. Отмечая эту тенденцию, Ленин в 1918 г. говорил: «...Точно бывала в истории хотя бы одна великая революция без разложения, без потери дисциплины, без мучительных шагов опыта». Вслед за этим появляется возможность перейти к созидательной фазе, сосредоточившись на утверждении нового типа общественных отношений.

Преобразования октября 1917 — февраля 1918 г. глубоко потрясли отношения собственности, привели к коренному изменению принципов управления хозяйственной жизнью. На характер происходившего повлияли: инерционность многих разрушительных социально-экономических процессов, начавшихся до прихода к власти большевиков и доставшихся им по наследству; обстановка противостояния Советской власти; готовность большевиков радикально изменять существующие отношения и делать это с широким применением методов насилия.

Отношение к революции основной массы российского населения — крестьянства — определялось решением двух коренных вопросов: о вой-

не и земле. Не случайно первые декреты касались именно этих проблем. Декрет о земле провозглашал уничтожение всякой частной собственности: все помещичьи, монастырские, церковные и удельные земли передавались «в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных Советов крестьянских депутатов, вплоть до Учредительного собрания». Осуществлять декрет подлежало на основе «Примерного наказа», составленного эсерами на основе обобщения 242 наказов, доставленных депутатами I съезда Советов крестьянских депутатов. «Наказ» выступал как эсеровская программа по аграрному вопросу, которая включала: экспроприацию помещичьих имений, запрет на применение наемного труда, запрещение купли и продажи земли, «уравнительное распределение земли... смотря по местным условиям, по трудовой и потребительской норме», а также периодическое перераспределение, которое должно осуществляться органами местного самоуправления. Установление такого порядка означало бы, по мнению эсеров, победу социализма в российской деревне.

Большевиков сближало с эсерами отрицание помещичьего землевладения, однако социализм в деревне они представляли иначе. Эсеровские сторонники «Наказа» считали, что земля не может быть в чьей-либо собственности, а должна находиться в пользовании тех, кто ее обрабатывает. Ленинцы же полагали, что подлинный социализм наступит тогда, когда земля будет национализирована, т.е., передана в руки государства, а затем на ней будут созданы коллективные, желательны крупные, хозяйства крестьян. Тем не менее, именно большевики предложили эсеровскую программу. Это был исключительно важный тактический ход, которым решался ряд важных задач. Во-первых, большевики обрели симпатии крестьянства; во-вторых, смогли внести раскол в среду эсеров и привлечь их левое крыло к сотрудничеству; в-третьих, реализация Декрета рассматривалась как первый шаг на пути воплощения собственной программы.

Важный этап аграрных преобразований связан с январем 1918 г. В это время экспроприация помещичьих земель была практически завершена. Хотя земельные комитеты, где были сильны позиции эсеров, ждавших решения Учредительного собрания о земле, еще не начали ее перераспределение. В этих условиях III съезд Советов 31 января 1918 г. рассмотрел проект Декрета «О социализации земли» (окончательный текст закона опубликован 19 февраля — в годовщину отмены крепостного права). Частная собственность на землю отменялась, а ее распределением поручалось заниматься земельным отделам Советов, которые должны были заменить прежние земельные комитеты. Тем самым влияние эсеров было сокращено, а большевики получили возможность реализации одного из пунктов закона, который предусматривал развитие коллективного хозяйства в земледелии. К весне 1918 г. на территории

Центральной России процесс перераспределения завершился. В итоге 86% конфискованной земли роздано крестьянам, 11 перешло к государству, а 3 — сельскохозяйственным коллективам.

Аграрное законодательство первых месяцев содержало и зерна потенциальных конфликтов между большевиками и эсерами. Прежде всего землю предписывалось делить «по трудовой или потребительской норме». В первом случае речь шла о распределении по работникам, во втором — по едокам. Большевики чаще поддерживали последнее, но в обоих случаях предпочтение оказывалось бедным и малоземельным. Эсеры же стремились распределять в соответствии с трудовыми возможностями, что благоприятствовало лишь зажиточным крестьянам. Кроме того, эсеры не разделяли большевистских идей о продуктивности крупных государственных хозяйств в деревне и централизованном над ними контроле. Наконец, оставался открытым вопрос о том, какие земли должны были объединяться в общий фонд, предназначенный для последующего распределения.

Из «Наказа» следовало, что он составлялся из крестьянских наделов и конфискованных имений, и уже из общей массы земли должны нарезаться новые наделы. Однако отстаивавшие интересы более обеспеченных крестьян эсеры часто выступали за то, что земля, которая уже находится в индивидуальном пользовании крестьян, должна остаться в неприкосновенности, а перераспределять нужно лишь конфискованную помещичью землю. На практике все эти вопросы решали местные органы власти — земельные отделы Советов, и от их состава зависело, чьи партийные установки и насколько твердо они готовы были воплощать. Все эти подспудные противоречия вышли наружу весной — летом 1918 г., когда большевики вынуждены были прибегнуть к непопулярным мерам при решении продовольственной проблемы.

Кризис промышленного производства с неспособностью навести порядок в экономике был одной из главных причин падения как самодержавия, так и Временного правительства. Решать эти задачи пришлось Советскому правительству. Предоктябрьские представления большевиков о приоритетах экономической политики сформулированы Лениным в брошюре «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» (опубликована в середине октября 1917). Он считал, что необходимы: национализация банков и крупных торговых и промышленных синдикатов (сахарного, угольного, железного, нефтяного и пр.); отмена коммерческой тайны; принудительное объединение мелких предприятий в союзы с целью облегчения контроля; регулирование потребления. При этом национализация не означала конфискацию предприятий, а предполагала «контроль, надзор, учет, регулирование со стороны государства, установление правильного распределения рабочих сил в производстве и распределении продуктов». Важное место в этой схеме отводилось и рабочему контролю, понимание которого в 1917 г. претерпело изменения.

Необходимость регулирования производства (в смысле бесперебойной работы, предотвращения закрытия предприятий) и распределения продуктов (для их регулярного поступления, предотвращения голода) в условиях военной экономики была объективно необходима и признавалась ведущими политическими силами. Однако государственного регулирования наладить не удалось: созданные правительством Керенского Экономический совет и Главный экономический комитет не обладали для этого ни властью, ни должной инициативой. В то же время стихийно возникшие по инициативе снизу в марте 1917 г. органы рабочего контроля, продемонстрировали свою жизнеспособность. Весной и летом требование рабочего контроля со стороны социалистических партий означало регулирование экономических и социальных отношений с учетом интересов всех социальных групп, что осталось лишь лозунгом. Однако численность низовых органов рабочего контроля (фабзавкомов) росла, они все активнее вмешивались в деятельность своих заводов, и осенью 1917 г., подобно стихийному захвату земли крестьянами, стали применять это к промышленным предприятиям, что вело к конфликтам с предпринимателями. Между тем Ленин накануне революции рассматривал рабочий контроль в более широком контексте, включал в это понятие совместную деятельность предпринимателей и рабочих по поддержанию производства.

Октябрьский переворот не только не остановил, но и усилил анархо-синдикалистские тенденции. Рабочие не просто вмешивались в деятельность предприятий, но проникались убеждением, что отныне промышленный аппарат страны принадлежит им, и они могут управлять им в своих интересах. Часто фабзавком от имени рабочих брал власть на предприятии в свои руки. Не обладая, однако, необходимыми экономическими и техническими знаниями, рабочие были неспособны поддерживать нормальную деятельность предприятия, используя оказавшиеся в их распоряжении ресурсы на элементарное их «проедание».

14 ноября 1917 г. ВЦИК принял Декрет о рабочем контроле. Документ был ориентирован на то, чтобы обуздать анархические тенденции и нормализовать производственные процессы. Именно поэтому в нем указывалось, что рабочий контроль учреждается «в интересах планомерного регулирования народного хозяйства». Декрет содержал чрезвычайно важный пункт об отмене коммерческой тайны, что устраняло одну из важнейших составляющих традиционных рыночных отношений. Ответственными за реализацию документа объявлялись как владельцы, так и рабочие предприятия. Первоначально предполагалось создание системы Советов рабочего контроля (в городах, губерниях и т.д.), которая напоминала бы политическую систему Советов и увенчивалась Всероссийским Советом рабочего контроля. В измененном виде эта идея была реализована в форме создания Высшего Совета Народного Хо-

зяйства (ВСНХ). Соответствующий декрет от 5 декабря определял его цель — «организация народного хозяйства и государственных финансов». Новый орган должен был «согласовывать и объединять» деятельность как местных, так и центральных учреждений экономического плана. В него должны были входить члены Всероссийского Совета рабочего контроля, представители всех наркоматов, а также эксперты (с правом совещательного голоса). Несколько дней спустя Ленин констатировал, что «от рабочего контроля мы шли к созданию Высшего совета народного хозяйства». Создавались и местные — городские, губернские — совнархозы.

В числе прочих на ВСНХ возлагалась функция конфискации, секвестирования и принудительного синдицирования предприятий. Продолжена была широкая национализация промышленности. В ноябре 1917 — марте 1918 г. на территории 31 губернии у прежних владельцев было изъято 836 промышленных объектов. Как отмечал впоследствии А. И. Рыков, в то время национализация «производилась независимо от вопросов снабжения, от хозяйственных соображений, а исходя исключительно из необходимости непосредственной борьбы с буржуазией». Современники выделяли «карательную» и «стихийную» национализацию. В первом случае речь чаще шла о нежелании хозяев сотрудничать с новой властью и об угрозе закрытия важных предприятий; такие акты чаще принимались центральными властями. Во втором — об инициативе рабочих на местах. В первые месяцы существования Советской власти доминировала «стихийная» национализация.

В первые месяцы были предприняты решительные шаги к изменению отношений в денежно-финансовой сфере. Первым поручением, полученным председателем ВСНХ, был контроль за захватом Государственного банка. Это произошло 14 декабря 1917 г. Одновременно в тот же день отряды вооруженных рабочих, матросов и солдат заняли помещения частных коммерческих банков и кредитных учреждений. Изъяты были ключи от кладовых, сейфов индивидуального пользования, наложен арест на банковскую документацию. Вечером 14 декабря, постановлением ВЦИК оформил эти акты своим декретом. Тогда же постановлением СНК «О ревизии стальных ящиков» все находящееся в сейфах золото конфисковывалось в общегосударственный фонд, а в случае неявки владельцев в трехдневный срок все их средства подлежали конфискации «в собственность народа».

Чуть ранее (7 декабря) ВЧК получил от СНК поручение взять на учет состоятельных граждан в связи со следующим его постановлением: «Лица, принадлежащие к богатым классам (т.е. имеющие доход в 500 руб. в месяц и свыше, владельцы городских недвижимостей, акций и денежных сумм свыше 1000 руб.), а равно служащие в банках, акционерных предприятиях, государственных и общественных учреждениях,

обязаны в трехдневный срок представить в домовые комитеты в трех экземплярах заявления, за своей подписью и с указанием своего адреса, о своем доходе, своей службе и своих занятиях». Эти лица должны были обзавестись потребительско-рабочими книжками, в которые надлежало еженедельно вносить записи о своих доходах и расходах. Указом от 23 декабря 1917 г. прекращались платежи дивидендов по акциям и паям частных предприятий, сделки с ценными бумагами. Банковское дело объявлялось монополией государства в лице «единого народного банка». При этом делались оговорки о готовности соблюсти интересы «мелких трудящихся собственников», что в условиях общего подрыва кредитно-финансовой системы было трудно выполнить.

1 января 1918 г. СНК принял Декрет об аннулировании государственных займов (подтвержден Декретом ВЦИК от 21 января). Проблема решалась резко и безоговорочно: недействительными объявлялись все государственные займы — внутренние и внешние, «заключенные правительствами российских помещиков и российской буржуазии». К тому моменту государственный долг составлял гигантскую сумму в 50 млрд руб., в том числе 12 млрд — иностранный. Этот шаг советского правительства не только подорвал позиции российских собственников, но имел и крайне отрицательный международный резонанс (проблема выплаты «тех» долгов обсуждается Российской Федерацией и поныне). Отражая специфику периода, Ленин характеризовал политику до марта 1918 г. как «красногвардейскую атаку на капитал».

Приход к власти большевиков и внешний мир. Международная деятельность большевиков в первые месяцы пребывания у власти направлялась на решение главной, с их точки зрения, задачи — стимулирование мировой революции. Достичь этой цели предполагалось через использование нетрадиционных для дипломатии методов: отказа от тайной дипломатии, отстранения от власти буржуазии и решения вопроса о мире трудящимися массами, интернационального взаимодействия и взаимопомощи трудящихся в установлении мира и совершении революции. В соответствии с этими представлениями установление подлинно демократического выхода из войны было неотделимо от революционного преобразования общества. Поэтому внешняя политика понималась не как инструмент отстаивания национально-государственных интересов страны, а как средство осуществления идеи пролетарского интернационализма, который стал главным принципом внешней политики Советской власти в первые годы ее существования. Исходя из такого видения международной обстановки, строилась и конкретная деятельность РСДРП(б), Совнаркома и Народного комиссариата иностранных дел (НКИД). О значимости этого направления политики свидетельствовало то, что НКИД возглавил «большевик № 2» — Л. Д. Троцкий.

Первым внешнеполитическим актом был Декрет о мире. Документ, призванный стимулировать революционные процессы в Европе, произвел сильное впечатление на правящие круги и трудящиеся массы воюющих стран. Он содержал, во-первых, призыв заключить всеобщий демократический мир без аннексий и контрибуций; во-вторых, был обращен как к правительствам, так и к народам, которые должны были стать самостоятельными субъектами борьбы за выход из войны.

Предложение заключить мир без территориальных претензий не могло вызвать поддержки правящих кругов воюющих стран. Это означало бы отказ от целей, которые были причиной войны, а согласие с большевистскими предложениями было бы равнозначно признанию бессмысленности тягот и жертв 1914–1917 гг. Кроме того, обе воюющие коалиции в конце 1917 г. рассчитывали на успех в 1918 г. Важное место в их планах занимала и Россия. Державам Антанты было жизненно необходимо сохранить ее участие в войне, так как она оттягивала на себя огромные германские силы. Цели истощенной войной на два фронта Германии были противоположными. Еще летом 1917 г. она дважды предлагала Временному правительству заключить мир на достаточно почетных для России условиях. Предложение же большевиков давало кайзеру шанс завершить военные действия на Востоке и обрушить всю мощь на западный фронт.

Большевики рассчитывали использовать эти противоречия и взорвать обстановку в воюющих странах. Огромное значение придавалось агитации и пропаганде, обращениям и воззваниям к рабочим и особенно солдатам противостоящих армий. 9 ноября 1917 г. в России и за рубежом было распространено обращение «Радио всем», подписанное Лениным и Крыленко. Фронтовым армейским комитетам предписывалось выбирать «тотчас уполномоченных для формального вступления в переговоры о перемирии с неприятелем». Обращение встретило широкую поддержку в армии, противостоящие части стали заключать «солдатские миры», и к середине ноября 20 дивизий из 125 заключили перемирие в письменной форме, а большинство остальных договорились о прекращении огня.

Важную роль в стимулировании революции, по представлениям большевиков, должна была сыграть публикация тайных договоров, заключенных «империалистическими» державами. Касаясь преимущественно раздела сфер влияния и территориальных изменений народов «колониальных и зависимых» стран, они осуществлялись тайно за их спиной. Обнародование этих документов было призвано разоблачить истинные цели войны, вызвать взрыв недовольства среди рабочих Европы и подтолкнуть выступления в колониях. Именно поэтому сразу же после создания НКВД в числе центральных направлений в его работе были выявление и публикация соглашений, заключенных царским и

Временным правительствами с другими великими державами. Всего до конца 1917 г. получили огласку более 100 таких документов. Их появление в прессе сопровождалось широкой агитационной работой, во многом ориентированной на зарубежных читателей.

Однако стремление большевиков посадить за стол переговоров о перемирии представителей всех воюющих держав не увенчалось успехом. Государства Антанты игнорировали неоднократные предложения советского правительства, которое вынуждено было начать сепаратные встречи с державами Четверного союза. Российскую делегацию на переговорах в Брест-Литовске возглавляли большевики А. А. Иоффе (руководитель делегации), Л. Б. Каменев, Г. Я. Сокольников; левые эсеры А. А. Биценко и С. Д. Масловский. Первый тур продолжался с 20 ноября по 1 декабря 1917 г. и закончился подписанием перемирия на срок до 1 января 1918 г. Второй тур переговоров начался 12 декабря. В основу программы советской делегации легла декларация, которая предусматривала вывод войск с оккупированных территорий, предоставление политической самостоятельности лишившимся ее народам, отказ от контрибуций, а также право свободно распространять революционную литературу.

Германская сторона не решилась открыто выступить против предоставления народам права на самоопределение, но пошла по пути реализации концепции «косвенной аннексии». Она предусматривала предоставление права на политическое самоопределение народам России, проживавшим на оккупированных немцами территориях. На деле это означало создание новых «свободных», но подконтрольных Германии стран. Фактически от России отторгались 18 губерний. Отказав в праве провоза литературы и листовок в Германию, немцы согласились на ее провоз из России во Францию и Англию.

Третий раунд переговоров начался 27 декабря 1917 г. Советскую делегацию возглавил уже сам нарком Л. Д. Троцкий. В этот день Германия заявила, что поскольку державы Антанты не присоединились к переговорам, немецкая сторона считает себя свободной от советской формулы мира — без аннексий. Перед Троцким встала исключительно сложная задача: сделать как можно меньше уступок Германии при подготовке мирного договора, используя при этом переговоры для разоблачения германского империализма в глазах мирового общественного мнения. Вторую задачу нарком выполнял успешно, почти ежедневно в заявлениях и декларациях остро критически освещая ход переговоров и агитируя в пользу революции (в одном из обращений он призывал немецких солдат убивать своих офицеров, если те поведут их на бойню). Троцкий, однако, не был готов взять на себя ответственность за решение территориального вопроса и выехал в Петроград по вызову ЦК РСДРП (б) для обсуждения создавшегося положения.

К началу января 1918 г. большевики столкнулись с ситуацией, когда развитие событий существенно отличалось от их недавних прогнозов. Как отмечал один из членов брестской делегации историк М. Н. Покровский, изначально общей установкой было «тянуть» переговоры, а при удобном случае и разорвать их, при этом «деловая сторона переговоров не могла интересовать большевиков». Также подходил к ним и Троцкий: вести «революционную внешнюю политику» в Бресте, а потом «закрывать лавочку», перестать играть в переговоры с буржуазными правительствами и перейти к методам революционной войны для достижения социализма в Европе с помощью России. (На переговорах Иоффе не постеснялся прямо заявить одному из руководителей немецкой делегации: «Я надеюсь, мы сумеем поднять революцию в вашей стране».)

Накануне прихода к власти большевики даже не обсуждали возможность конструктивного взаимодействия с правительствами буржуазных государств. А через два месяца после Октября российские левые социалисты вынуждены были не только контактировать с одним из самых консервативных режимов Европы, но и не имели сил противиться его требованиям, унижительным и с революционной, и с патриотической точек зрения. Именно поэтому вопрос о возможности мира с Германией в середине января 1918 г. вызвал острейшую полемику и даже раскол как в большевистской партии, так и в Советах.

Ленин полагал, что мирный договор нужно подписать немедленно, дабы не спровоцировать Германию на возобновление военных действий против ставшей фактически недееспособной русской армии. Главное — ценой любых потерь сохранить островок уже существующей пролетарской власти, который можно использовать как будущий плацдарм ее утверждения в других странах. Однако партийное и советское большинство стояло на иных позициях. (Их сторонников стали называть «левыми коммунистами», главным идеологом которых был Н. И. Бухарин).

«Левые коммунисты» были искренне убеждены в том, что, невзирая на состояние армии, с Германией нужно вести «революционную войну», которая должна стать детонатором европейской революции. Ставя идею международной пролетарской солидарности выше возможности сохранения власти пролетариата в России, бухаринцы готовы были согласиться на падение Советской власти в центре и отойти далеко в глубь российской территории, где, по их мнению, немецкая армия «завязнет». Там, как они полагали, повсеместно стихийно вспыхнет народная война рабочих и крестьян, которую они будут вести за каждую фабрику, каждое село. Ленин называл такую позицию «странный и чудовищный».

Не считал возможным подписать мир с «немцами» и Троцкий, который не причислял себя к «левым коммунистам» и не выступал за ведение революционной войны. Объединяла же их позиция твердая уверенность в том, что германский пролетариат вот-вот поддержит русскую

революцию, и его нужно немножко «подтолкнуть». Троцкий предлагал «попытаться поставить немецкий рабочий класс и немецкую армию перед испытанием: с одной стороны, рабочая революция, объявляющая войну прекращенной; с другой стороны, гогенцоллернское правительство, приказывающее на эту революцию наступать».

Соотношение трех позиций ярко продемонстрировало совещание партийного руководства 8 января 1918 г., где за предложение Ленина проголосовали 15, Троцкого — 16, а Бухарина — 32 человека. Компромиссное решение достигнуто на заседании ЦК партии 11 января. По настоянию Ленина, было решено «всячески затягивать подписание мира», по предложению Троцкого — «в случае немецкого ультиматума объявить войну прекращенной, но мира не подписывать». При этом Троцкий получил от Ленина устную инструкцию подписать мирный договор в случае угрозы Германии возобновить военные действия.

17 января Троцкий вернулся в Брест-Литовск, где 18 января Германия ужесточила свою позицию. Она предъявила российской делегации карту с обозначенной на ней линией, за которую большевики должны были отвести свои войска. Немцы не скрывали, что она «проведена в соответствии с военными соображениями». России предписывалось отказаться от территории площадью в 150 тыс. кв км, что составляло примерно треть ее европейской части. Троцкий продолжал «тянуть время», однако 27 января страны Четверного союза подписали в Брест-Литовске сепаратный договор с Украинской Центральной Радой, власть которой к тому времени была уже фактически свергнута войсками Красной Армии. Германский блок гарантировал Раде помощь против большевиков, а советской делегации в тот же день был предъявлен ультиматум. Под угрозой возобновления военных действий, от России потребовали, помимо обозначенных 18 января, отказаться еще от ряда северных и прибалтийских территорий. В этих условиях 28 января Троцкий довел до сведения Германии, что Советская Россия договор о мире подписывать не будет, войну прекращает, а армию демобилизует. В ответ советской делегации было заявлено, что в случае неподписания мира, договор о перемирии теряет свою силу и Германия возобновит военные действия. После этого Троцкий отбыл в Петроград, а 29 января Главком верх Н. В. Крыленко сообщил командованию фронтов о прекращении войны, демобилизации и «увводе войск с передовой линии».

Осведомленное о печальном состоянии русских армий немецкое командование отдало приказ о переходе в наступление, которое началось через неделю, 18 февраля. (26 января 1918 г. принято решение о переходе на новый календарь, и февраль в России начался не с первого, а с 14 числа.) Вечером того же дня на экстренном заседании ЦК РСДРП (б) Ленину большинством в два голоса (7 — за, 5 — против, 1 — воздержался) удалось склонить соратников к заключению мира. О готовности сде-

лать это Германию известили 19 февраля, однако та продолжала наступление, почти беспрепятственно захватывая все новые территории. Только 22 февраля немцы согласились на мир, предъявив более жесткий ультиматум, ответить на который предстояло в течение 48 часов. В Петрограде же продолжалась борьба между сторонниками и противниками этого мира. О неприятии условий договора заявило большинство членов ВЦИК, «левые коммунисты» вновь выступили против, а Бухарин вышел из состава ЦК и оставил пост редактора «Правды». Возник острейший политический кризис. Только пригрозив выйти из состава правительства, Ленин 23 февраля склонил членов ЦК принять германский ультиматум (7 — за, 4 воздержались). В Брест-Литовск выехала делегация в составе Г. Я. Сокольникова (председатель), Г. В. Чичерина, Г. И. Петровского, Л. М. Карахана. 3 марта от лица советского правительства они подписали продиктованный немцами документ.

Страсти, однако, по-прежнему бурлили, и специально для обсуждения подписанного мирного договора был созван VII Экстренный съезд РСДРП (б), работавший 6–8 марта 1918 г. Ленину вновь с трудом удалось убедить делегатов принять нужную резолюцию, однако «левые коммунисты» голосовала против, будучи уверенными, что ущерб, наносимый договором международной революции и экономике самой России, несравним с пользой от мирной передышки. Окончательно Брестский мир ратифицировал 15 марта IV Чрезвычайный съезд Советов.

Ленин называл этот мир «похабным». Согласно его условиям, от России отторгались Прибалтика и часть Белоруссии. На Кавказе к Турции отходила часть грузинских земель. Россия признавала независимость Финляндии и Украины. На отторгаемых территориях до войны проживала треть населения страны, производилась примерно половина промышленной продукции. Здесь располагалась треть пахотных земель, девять десятых запасов угля, более двух третей — железной руды. Советское правительство должно было демобилизовать армию, страна практически лишилась права использовать военно-морской флот, обязывалась вернуть 630 тыс. военнопленных. Согласно дополнению к Брестскому договору (подписано 27 августа 1918 г. в Берлине), советское правительство обязалось выплатить Германии контрибуцию в 6 млрд марок (предполагалось, в частности, передать 240 564 кг чистого золота на сумму в 1,5 млрд золотых марок. До начала ноябрьской революции в Германию прибыли первые два эшелона с 93 535 кг золота). Договор имел огромные внутренние и международные последствия.

Мирная передышка весны 1918 г. В экономике она ознаменовалась переходом от «красногвардейской атаки на капитал» к национализации крупной промышленности. Заключение Брест-Литовского договора и обретение мирной передышки выявили в полной мере картину разрухи и хаоса, которая характеризовала состояние россий-

ской экономики к весне 1918 г. На дооктябрьские трудности управления наложились последствия стихийной национализации, введения рабочего контроля, национализации банковского дела. Следствиями нарушения сложившихся связей стали массовое закрытие крупных предприятий, усиление безработицы, которая, в соединении с продовольственным кризисом, создавала взрывоопасную ситуацию. В этих условиях главными задачами правительства становятся наведение порядка в экономике, восстановление бесперебойной работы промышленности и обеспечение населения продовольствием. Добиться этого предполагалось через установление максимального контроля за производством и распределением продуктов. Как отмечал Ленин, в течение первого периода лозунг «Грабь награбленное!» был совершенно правильным, во втором — девиз должен быть другим: «Награбленное сосчитай и врозь его тянуть не давай, а если будут тянуть к себе прямо или косвенно, то таких разрушителей дисциплины расстреливай!».

В этой связи ставилась задача доведения до конца национализации промышленности. В отличие от предшествующего периода, теперь она должна была носить не карательный, а планомерный характер, переводу в собственность государства подлежали лишь подготовленные для этого отрасли. Такая национализация преследовала цель повышения производительности труда. Однако относительно того, как перейти к решению созидательных задач революции, в руководстве РКП(б) не было единства. Между «левыми коммунистами» и сторонниками более умеренных взглядов разгорелись споры о взаимоотношениях революционного правительства с лидерами (собственниками и управленцами) капиталистической промышленности. «Левые» выступали за общую «социализацию» крупной промышленности и осуждали соглашения с «капитанами промышленности», поскольку возникающие при этом объединения (тресты, синдикаты) вели не к социализму, а к государственному капитализму. Они полагали, что заинтересованной инициативы органов «рабочего контроля» будет вполне достаточно для нормализации экономической жизни. Напротив, Ленин приходит к выводу о возможности и желательности в условиях России использовать госкапитализм как переходную ступень к социализму. (Под государственным капитализмом он понимал высококонцентрированную и монополизированную экономику, фактическое управление которой осуществляется капиталистами; при этом номинально сохранялась частная собственность, строгий контроль над которой осуществляет пролетарское государство.)

Вождь большевиков постоянно обращал взор в сторону Германии. «Да, учись у немца!» — писал Ленин. По его мнению, к началу 1918 г. история породила «две разрозненные половинки социализма»: политическая революция произошла в России, а экономическая организа-

ция имела в Германии. Немец воплощает «начало дисциплины, организации, стройности, стройного сотрудничества на основе новейшей машинной индустрии, строжайшего учета и контроля». Поэтому задача российских социалистов в ожидании мировой революции «учиться государственному капитализму у немцев, всеми силами перенимать его, не жалеть диктаторских приемов для того, чтобы ускорить это перенимание еще больше, чем Петр ускорял перенимание западничества варварской Русью, не останавливаясь перед варварскими средствами борьбы против варварства».

К середине мая 1918 г. полемика завершилась без решающей победы «левых» или «умеренных»: с одной стороны, не было налажено сотрудничество с «капиталистами», с другой — был взят курс на централизацию управления и ужесточение контроля. Начало национализации целых отраслей было положено еще в период «красногвардейской атаки на капитал». 23 января 1918 г. Декретом СНК в госсобственность перешел морской и речной торговый флот, затем были национализированы крупнейшие частные железные дороги. В апреле введена монополия внешней торговли. 2 мая декретом СНК национализирована сахарная промышленность. Вопрос об организации управления промышленностью был предметом специального рассмотрения на I Всероссийском съезде Советов народного хозяйства (проходил в конце мая — начале июня 1918 г. и рассматривался как хозяйственный парламент). В его резолюции прямо говорилось о необходимости «перейти к национализации отраслей промышленности и в одну из первых очередей — металлообрабатывающей и машиностроительной, химической, нефтяной и текстильной. Проведение национализации должно быть лишено случайного характера и может проводиться исключительно или ВСНХ или СНК по заключению ВСНХ».

Однако вскоре процесс перевода в госсобственность отраслей экономики происходит уже под влиянием преимущественно неэкономических факторов. В июне 1918 г. идет стремительная эскалация гражданской войны, потребовавшая ужесточения контроля за производством и ресурсами. Кроме того, в это время германские компании начали в широких масштабах скупать акции российской тяжелой промышленности, что потенциально могло вызвать германское вмешательство против национализации. С учетом всех этих обстоятельств СНК 28 июня 1918 г. поспешил издать декрет о национализации всех важных отраслей промышленности.

Ухудшение продовольственного снабжения и введение продовольственной диктатуры. Огромное влияние на социально-политическое развитие страны оказывало состояние продовольственного обеспечения городского населения. В основе продовольственного кризиса зимы — весны 1918 г. были связанные с общими последствиями

четырёхлетней мировой войны причины и результаты проводимой после октября 1917 г. политики.

Перестройка промышленности на выпуск военных заказов привела к сокращению производства гражданской продукции (в том числе товаров для деревни) и как следствие, к их подорожанию. В свою очередь, крестьянство уменьшило поставки продовольствия на рынок, что обострило проблему снабжения городов. Нормальный товарооборот между городом и деревней нарушился, и требовались государственно-административные рычаги для его поддержания на элементарно необходимом уровне. В аналогичных условиях в Германии еще 25 января 1915 г. был принят закон о хлебной монополии. Государство контролировало производство, обмен, устанавливало твердые цены, отбирало весь продукт. Нормировалось не только распределение промышленного сырья, но и потребление людей через систему карточек и пайков. В стране вводилась трудовая повинность, свободная торговля большинством товаров была свернута. И хотя уровень потребления продуктов питания в сравнении с довоенным временем снизился в 2–3 раза, население практически не испытывало перебоев в снабжении. В России же ничего этого не было сделано, и продовольственные трудности сыграли свою роль как при падении самодержавия, так и при отторжении политики Временного правительства осенью 1917 г.

Приход к власти большевиков и последовавшая «красногвардейская атака на капитал» еще более сократили возможности нормализации товарообмена с деревней. Ситуацию усугубили усложненные с конца 1917 г. связи с производящей зерно Украиной, которая после заключения Брестского мира оказалась в зоне германского влияния. Все это привело к тому, что в конце 1917 — первой половине 1918 г. централизованные заготовки зерна постоянно сокращались: в ноябре этот показатель составил 641 тыс. т, в декабре — 136, в январе 1918 г. — 46, в апреле — 38, а в июне — только 2 тыс. т. В некоторых промышленных центрах положение было тяжелым уже зимой 1917–1918 гг. В январе раздавались отчаянные призывы правительства: «Хлеба, хлеба, хлеба!!! Иначе Питер может околоть».

Первоначально нехватку продовольствия связывали с саботажем торговцев и лавочников. Для поиска спрятанного зерна формировали специальные отряды. Но их рейды, обыски у «спекулянтов» и стихийные «реквизиции у буржуев» не могли решить проблему. А имевшие зерно крестьяне не хотели везти его в города и сдавать по твердым ценам, которые не шли ни в какое сравнение со свободными. Однако те социальные группы, на которые опирались большевики, не были в состоянии покупать продовольствие по этим ценам. Вот почему задача изъятия продовольствия внеэкономическими средствами встала перед правительством уже в январе 1918 г.

31 января 1918 г. СНК назначил освободившегося от переговоров в Брест-Литовске Троцкого председателем Чрезвычайной комиссии по продовольствию и транспорту. Он ввел строгие меры борьбы со спекуляцией, установил расстрел «мешочников» на месте в случае их сопротивления, организовал формирование вооруженных отрядов для реквизиции продовольствия.

В марте 1918 г. была предпринята попытка извлечения из деревни продовольствия путем налаживания товарообмена. В условиях разрыва традиционных хозяйственных связей и обесценивания денег крестьянин мог пойти на сдачу хлеба непосредственно в обмен на промышленные товары. СНК принял 26 марта соответствующий декрет. Однако вскоре стало очевидно, что и товарообмен провалился. Во-первых, для этого не оказалось достаточного фонда товаров, способных заинтересовать крестьянина. Во-вторых, практически отсутствовал местный аппарат для его осуществления: прежние органы местного самоуправления (земские, думские и т.п.) к тому времени были почти везде ликвидированы, а у Советов своих распределительных механизмов еще не было. И, в-третьих, сказалась классовая нацеленность этого, казалось бы, экономического мероприятия: имеющиеся товары подлежали распределению среди всех крестьян (волости, района), а не только тех, кто сдал продукты.

К началу мая 1918 г. проблема продовольственного снабжения выходит на первый план в крупных промышленных центрах — потребляющих губерниях Северо-Запада, Центрально-промышленного района и Урала. Даже в Петрограде и Москве запасов муки порой оставалось на два-три дня. В этих условиях начинается новый этап политики большевиков в отношении деревни, связанный с введением продовольственной диктатуры. 9 мая 1918 г. ВЦИК одобрил Декрет «О предоставлении Народному Комиссариату Продовольствия чрезвычайных полномочий по борьбе с деревенской буржуазией, укрывающей хлебные запасы и спекулирующей ими». В нем констатировалось, что период убеждения и уговоров держателей хлеба закончился, а ситуация диктует необходимость перехода к насильственному изъятию продовольствия: «На насилие владельцев хлеба над голодающей беднотой ответом должно быть насилие над буржуазией».

Несколько дней спустя Ленин призывает рабочих «спасти революцию» организацией «продовольственных отрядов», говорит о важности массового «крестового похода» передовых рабочих, способных выступить руководителями деревенской бедноты. 20 мая 1918 г. глава государства Я. М. Свердлов развил эти идеи: «Мы должны самым серьезным образом поставить перед собой вопрос о расслоении в деревне, о создании в деревне двух противоположных враждебных сил, поставить перед собой задачу противопоставления в деревне беднейших слоев

кулацким элементам. Только в том случае, если мы сможем расколоть деревню на два непримиримых враждебных лагеря, если мы сможем разжечь там ту же гражданскую войну, которая недавно шла в городах... только в том случае мы сможем сказать, что мы и по отношению к деревне сделали то, что смогли сделать для городов».

В декрете от 27 мая 1918 г. предусматривалось создание продовольственных отрядов и конкретизировались их задачи. Они должны были, с одной стороны, содействовать изъятию продовольственных запасов, с другой — организовать трудовое крестьянство против кулаков. С этой целью декретом от 11 июня 1918 г. предусматривалось создание комитетов деревенской бедноты (комбедов). Их формировали местные Советы при обязательном участии продотрядов. В состав комбедов могло быть избрано сельское население, за исключением «заведомых кулаков и богатеев, хозяев, имеющих излишки хлеба или других продовольственных продуктов, имеющих торгово-промышленные заведения, пользующихся батрацким или наемным трудом и т.п.» За содействие изъятию излишков участники комбедов часть конфискованной продукции вначале получали бесплатно, а затем — по льготным ценам.

Государственно-политическое развитие России. Принятие первой Советской Конституции. Весной 1918 г. произошли заметные изменения в государственно-политическом развитии страны. Заключение Брестского мира изменило отношения большевиков с их партнерами по правительственной коалиции — левыми эсерами. Первоначально они поддерживали переговоры с Германией, но оказались не готовы к заключению сепаратного мира, который, по их мнению, отодвигал перспективы мировой революции. В вопросе о ее судьбе в России левые эсеры стояли на полуанархических позициях: их не смущало отсутствие армии для ведения революционной войны, поскольку они считали, что революция — дело не армий, а масс. Поэтому их лозунг был: «Не война, но восстание!» — и оно должно было, по их мнению, повсеместно вспыхнуть в случае германо-австрийской оккупации.

На IV (Чрезвычайном) Всероссийском съезде Советов левоэсеровская фракция голосовала против ратификации мира и отозвала своих наркомов из правительства. При этом было заявлено, что партия обещает Совнаркому «свое содействие и поддержку». Разрыв, однако, был неполный: левые эсеры остались во ВЦИК, входили в коллегии наркоматов, работали в других учреждениях. Левые эсеры составляли треть коллегии ВЧК и такую же часть ее отрядов. Колебания партии в полной мере проявились на ее съезде, созванном 17 апреля 1918 г. в Москве. К числу противоречий с большевиками были отнесены вопросы о мире, социализации земли, об узурпации правительством прав ВЦИК, функции которого были сведены к формальному утверждению декре-

тов. Делегаты не поддерживали большевистские идеи демократического централизма, требовали большей свободы творчества на местах. Специально подчеркивалось, что Советы должны быть проводниками «диктатуры пролетариата и трудового крестьянства», которое называлось «самым сильным отрядом восставшей армии трудящихся России». Не ставя под сомнение власть Советов, участники съезда выступали против ее использования как орудия только большевистской политики.

Противоречия левых эсеров и большевиков резко обострились в мае — июне 1918 г., после принятия декретов о продовольственной диктатуре и комбедах. Левые эсеры были против диктатуры в продовольственном деле, а идея его централизации Наркомпродом противопоставляли децентрализацию, предлагая передать осуществление продовольственной политики местным Советам. Эсеры были против развязывания гражданской войны в деревне. Лидеров партии смущало, что в официальных документах фигурировали не только «кулаки» и «деревенская буржуазия», но и «держатели хлеба». Они не без оснований опасались, что декреты ударят не только по кулаку, против чего никто не возражал, но и по среднему, мелкому крестьянству: документ обязывал каждого «владельца хлеба» сдать его, а «всех, имеющих излишек хлеба и не вывозящих его на ссыпные пункты», объявлял «врагами народа». Левые эсеры негативно отнеслись и к созданию комбедов, называя их «комитетами лодырей».

Откровенно негативным к правлению большевиков было отношение правых эсеров и меньшевиков. Они считали необходимым восстановить в правах Учредительное собрание, осуждали подписание Брест-Литовского мирного договора, выступали против проводившейся большевиками экономической политики. Оставаясь до лета 1918 г. легальными оппозиционерами, эти партии использовали социально-экономические трудности и ошибки новой власти для укрепления своих позиций. Большим успехом оппозиционные социалистические партии пользовались среди участников так называемого «движения уполномоченных». В нем участвовали выборные представители предприятий, на которых коллективы возложили защиту своих экономических и политических интересов перед властями. Сторонники движения дистанцировались как от традиционных профсоюзов, так и от государственных органов управления. Движение зародилось в Петрограде, затем распространилось на Центральный промышленный район. Летом 1918 г. предполагалось созвать Всероссийскую конференцию уполномоченных, но большевики арестовали активистов движения и не позволили реализовать задуманное.

Обобщающим показателем снижения популярности большевиков после нескольких месяцев пребывания у власти были итоги перевыборов Советов в апреле — мае 1918 г. Во многих местных Советах в круп-

ных городах меньшевики и эсеры одержали победу. Они превзошли большевиков в Костроме, Рязани, Твери, Ярославле, Туле, Орле, Воронеже, Тамбове, Вологде и других городах. Однако ленинцы не признали своего поражения и в большинстве случаев новоизбранные Советы были разогнаны.

Учитывая нарастание осложнений в отношениях со своими социалистическими противниками, большевики перешли в наступление. 14 июня 1918 г. голосами большевистской фракции (левые эсеры воздержались) из ВЦИК были исключены меньшевики и эсеры, что было фактическим переворотом, ибо сделать это имел право только съезд. Вслед за ними была решена участь и партии левых эсеров, которая к лету 1918 г. оставалась самой массовой (в ее состав входило не менее 300 тыс. человек). Руководство левых эсеров попыталось добиться перемен большевистской политики на V Всероссийском съезде Советов (работал 4–10 июля 1918 г. в Москве). Однако располагавшим на съезде 30% голосов делегатов левым эсерам сделать этого не удалось. Тогда они прибегли к популярной в их партии форме давления — политическому террору. Эту позицию поддержал ЦК партии.

6 июля левый эсер Я. Г. Блюмкин застрелил германского посла Мирбаха. Эта акция не была антисоветским мятежом. «Единственная цель июльского восстания, — вспоминал впоследствии один из его участников, — сорвать контрреволюционный Брестский мир и выхватить из рук большевиков партийную диктатуру, заменив ее подлинной Советской властью». Однако выступление было плохо подготовлено организационно и не имело четкого плана. Лишь вечером 6 июля, задним числом, левозэсеровский ЦК одобрил шаг Блюмкина. Сам он после теракта укрылся в отряде ВЧК, которым командовал левый эсер Д. И. Попов. Явившийся туда с требованием выдать виновников Дзержинский был задержан, а вслед за ним изолированы еще около 30 коммунистов. По телеграфу в различные города были разосланы телеграммы с призывом к восстанию против германского империализма.

Произошедшее большевики использовали как повод для разгрома оппозиции. Изолирована была фракция левых эсеров на V съезде, а ее лидер М. А. Спиридонова стала заложницей. В ночь на 7 июля 4 тыс. верных большевикам латышских стрелков привели к повиновению отряд Попова, который насчитывал 600 человек. 12 участников выступления во главе с заместителем Дзержинского В. А. Александровичем были расстреляны. Эхом московских событий стало выступление в Симбирске командующего Восточным фронтом левого эсера М. А. Муравьева, которое также было подавлено.

После 6 июля большевики не позволили фракции левых эсеров участвовать далее в работе V Съезда. В партии начался раскол, охвативший как руководящие органы, так и низовые организации. Одни партий-

цы поддержали свой ЦК, другие перешли на сторону большевиков, третьи объявили о своей независимости. В считанные дни одна из самых массовых российских партий превратилась в конгломерат разрозненных групп и де-факто прекратила существование как единая организация. Большевики заявили, что будут сотрудничать лишь с теми эсерами, которые не поддержали свой ЦК, после чего развернулась чистка местных Советов от нелояльных левых эсеров, что свело их влияние практически к нулю. Таким образом завершилось существование Советской власти на двухпартийной основе, а Советы фактически превратились в органы однопартийной большевистской диктатуры.

Одновременно с решением сложных экономических и политических задач шла работа по конституционному закреплению произошедших после октября 1917 г. перемен. 1 апреля 1918 г. ВЦИК создал комиссию по составлению проекта Конституции. Возглавил ее Я. М. Свердлов, а в состав вошли представители фракций большевиков, левых эсеров и группы максималистов. К концу июня проект был готов и поступил в специальную комиссию ЦК РКП(б), которая работала под руководством В. И. Ленина. После доработки и утверждения Комиссией, текст Конституции единогласно принят 10 июля 1918 г. V Всероссийским съездом Советов.

Первая Конституция РСФСР носила открыто классовый характер. В ней провозглашался принцип: «Не трудящийся, да не ест»; цель государства определялась как «уничтожение всякой эксплуатации человека человеком, полное устранение деления общества на классы... установление социалистической организации общества». Право защищать революцию с оружием в руках предоставлялось только трудящимся. Конституция определяла устройство государства диктатуры пролетариата, утверждала экономические основы нового строя (общественная собственность на средства производства), закрепляла федеративное устройство России. Согласно документу, вся законодательная, исполнительная власть принадлежала Советам, а принцип разделения властей отвергался как буржуазный. Высшим органом государственной власти утверждался Всероссийский съезд Советов, высшим законодательным, распорядительным и контролирующим органом между съездами — ВЦИК, который формировал правительство Республики — СНК. Органами Советской власти на местах были областные, губернские, уездные, волостные съезды Советов, городские и сельские Советы, их исполкомы. Провозглашалось строительство государственной власти на основе демократического централизма.

Основной Закон РСФСР призван был обеспечить руководящую роль рабочего класса в государстве диктатуры пролетариата. С этой целью рабочие получали значительные преимущества в сравнении с крестьянами. На съезде Советов РСФСР их представлял один человек от

25 тыс., а крестьян — один от 125 тыс. избирателей. Выборы проводились открытым голосованием, что увеличивало возможности «контроля» за ними. Кроме того, часть взрослого населения лишалась избирательных прав: к «лишенцам» относились бывшие помещики, буржуазия, чиновники старого режима, жандармы, духовенство и кулачество.

Конституция принималась в условиях, когда многопартийные ранее Советы стали однопартийно-большевистскими. Поэтому она фактически узаконила государственную власть РКП(б), хотя официально об этом не говорилось.

Несмотря на заключение Брестского мира, внешнеполитическое положение Советской России оставалось шатким и неопределенным. Практически по всему периметру Республики возникли очаги напряжения, что в марте — мае 1918 г. становилось все более ощутимым. В Прибалтике и Белоруссии существовали марионеточные прогерманские правительства. Сами державы Четверного союза с упоением «осваивали» Украину, оккупируя все новые ее области. Не считаясь с условиями заключенного мира, германская армия заняла ряд российских территорий на юге. На Дону вокруг пятитысячной Добровольческой армии концентрировались убежденные противники большевизма. Вместе с ними против Советской власти поднималось местное казачество.

В районе Оренбурга большой свободой пользовался атаман А. И. Дутов. На Севере, в Закавказье, в Средней Азии и на Дальнем Востоке появились пока еще незначительные воинские контингенты Англии, Франции, США и Японии, вокруг которых группировались антибольшевистские силы. «Миной замедленного действия» оказался Чехословацкий корпус, части которого были растянуты от Поволжья до Дальнего Востока. Формально он был составной частью французской армии, однако и большевики боролись за влияние на чехов и словаков. Так в составе Красной Армии и был сформирован 1-й Чехословацкий революционный полк. Однако, в результате конфликта с Советским правительством «чехословаки» подняли 25 мая 1918 г. антибольшевистский мятеж и захватили важные узлы на Сибирской железной дороге. Посол Франции в России Нуланс заявил, что союзники решили начать интервенцию и «рассматривают чешскую армию в качестве авангарда союзной армии». Чехословацкий мятеж стал катализатором вооруженных восстаний против большевиков на обширной территории в Поволжье и Сибири. Военный вопрос выходил на главное место в жизни Советской Республики, начиналась крупномасштабная Гражданская война.

§ 3. Апогей вооруженного противостояния

Сущность и особенности Гражданской войны в России. Революция и Гражданская война в России теснейшим образом связаны друг с дру-

гом. Ленин прямо ставил знак равенства между ними, рассматривая революцию «как разрыв гражданского мира». В этом смысле Гражданская война началась в конце февраля — начале марта 1917 г. (растрел революционных рабочих и солдат, свержение самодержавия) и завершилась в ноябре 1922 г. (ликвидация очагов белогвардейского сопротивления на Дальнем Востоке и окончательное утверждение Советской власти). Если февральская революция и последующие события 1917 г. были результатом социально-политического и культурного кризиса, который привел к распаду Российской империи, то развернувшуюся гражданскую войну можно рассматривать как процесс завоевания России, восстановления ее разрушенной государственности. В более узком понимании Гражданская война датируется с конца мая 1918 г. до конца 1920 г.

Известный русский социолог П. А. Сорокин справедливо обращал внимание на то, что любая революция означает разлив бурной, неподдающейся управлению стихии. Это своеобразно ощущала и русская интеллигенция. Ф. И. Шаляпин писал: «Зачем же нужна была революция? Но в том-то и дело, что революция никого ни о чем не спрашивает. Получив толчок, она *прет*, когда ей вздумается». Однако, как отмечал Сорокин, рано или поздно любая революция вступает в фазу обуздания хаоса. Эта фаза неизбежно сопряжена с применением насилия, масштабы которого определяются как остротой накопившихся к этому времени противоречий, так и действиями тех общественных сил, которые взяли на себя ответственность за стабилизацию положения. В свою очередь, политика этих сил базируется на только им присущих представлениях, которые и предопределяют практические действия. В российской истории на роль такой силы выдвинулись большевики. Поэтому особенности Гражданской войны во многом связаны с большевистскими представлениями о формах преодоления российской Смуты и путях дальнейшей эволюции общества.

В процессе вооруженного противостояния выявились три основные социально-политические силы, участвовавшие в гражданской войне. Первая — большевики, которые опирались на большинство рабочего класса и беднейшего крестьянства. Вторую составили представители свергнутых классов и примыкающих к ним социальных групп (помещики, буржуазия, офицеры, большая часть казачества, часть чиновников, интеллигенции). В третью группу входила самая многочисленная часть населения, которую большевики называли «мелкой буржуазией». Она включала среднее крестьянство, мелких торговцев, ремесленников. И если первые две силы занимали непримиримые позиции, то большинство крестьян проявляло значительные колебания и, в зависимости от обстановки, склонялось на сторону то белых, то красных, пытаясь защититься от тех и других.

Гражданская война — сложное, многоплановое явление. Оно включает противостояние в таких сферах, как военно-организационная, социально-экономическая, идейно-политическая, культурная, внешнеполитическая, каждая из которых оказывает огромное влияние на конечный исход борьбы. Формы гражданской войны также разнообразны. Это и военные операции регулярных армий, и вооруженные столкновения отдельных отрядов; действия подполья, восстания и мятежи; политический бандитизм, партизанская борьба, саботаж, диверсионно-террористические операции.

Важной особенностью гражданской войны в России было ее тесное переплетение с интервенцией государств Антанты. Зарубежная помощь была одним из главных источников снабжения белых армий оружием, боеприпасами, прочим снаряжением, что вело к затягиванию военного противостояния. В то же время, всячески способствуя борьбе против большевизма, бывшие союзники России решали на ее территории свои задачи. Во-первых, они были заинтересованы в том, чтобы «пожар революции» не перекинулся на их страны. Во-вторых, экспроприация иностранной собственности и отказ Советской власти выплачивать внешние долги вызвали понятное желание отстоять собственные имущественные права. Наконец, ослабление России и фактическое отпадение от нее ряда крупных регионов европейские государства, США и Япония стремились использовать для своего экономического утверждения на этих территориях.

Превращение Советской республики в единый военный лагерь. Военное давление на Советскую Россию уже весной 1918 г. поставило задачу создания многочисленной боеспособной Красной Армии, однако было нелегко сделать это быстро. До середины января 1918 г. главным образом решалась задача демократизации старой армии. 15 января 1918 г. Ленин подписал декрет о создании Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА) на добровольческих началах. В этот период она комплектовалась из числа сознательных рабочих и беднейших крестьян. К 10 мая 1918 г. в частях Красной Армии служили 306 тыс. человек (250 тыс. красноармейцев и 34 тыс. красногвардейцев), из них более 70% коммунистов и сочувствующих. 29 мая было принято решение об обязательной мобилизации рабочих и крестьян ряда призывных возрастов, а 10 июля 1918 г. V Всероссийский съезд Советов законодательно закрепил переход к комплектованию армии и флота на основе всеобщей воинской повинности.

При создании Красной Армии новой власти пришлось преодолеть ряд трудностей. Весной 1918 г. войска не имели единых штатов, формы одежды, однотипного вооружения. Управление воинскими частями осуществлялось выборными командирами и коллегиальными органами. Уровень дисциплины и боевой подготовки красноармейцев и комсоста-

ва был невысок. Сохранялись подозрительность власти в отношении офицерского корпуса и враждебность многих офицеров к большевикам. Все это нужно было преодолевать решительно и в сжатые сроки.

Переход ко всеобщей воинской обязанности позволил резко увеличить численность Красной Армии: осенью 1918 г. она превышала полмиллиона, а к концу года — 1 млн бойцов. Предпринимались меры по восстановлению дисциплины: В. И. Ленин требовал «заставлять командный состав, высший и низший, выполнять боевые приказы ценою каких угодно средств». С именем наркома по военным и морским делам Л. Д. Троцкого связывают широкое и сознательное применение к нарушителям воинской дисциплины репрессий. Помимо восстановленной еще в феврале смертной казни, летом и осенью 1918 г. на фронтах прибегали к децимации — казни каждого десятого бойца отступившей без приказа части.

Для повышения профессионализма было принято решение привлечь в новую армию офицеров и генералов прежнего режима. Использование военных специалистов Ленин рассматривал и как одну из форм классовой борьбы. Для осуществления партийного контроля за ними был создан институт военных комиссаров, которые «приставлялись» к военспецам. Без подписи комиссаров приказы командиров не имели силы. Семьи бывших офицеров ставились под контроль ВЧК и фактически находились в положении заложников. В то же время многие офицеры искренне приняли новую власть и сознательно с ней сотрудничали. В целом за годы Гражданской войны на стороне Советов воевали 75 тыс. бывших царских генералов и офицеров. Бывшие военные специалисты составили 48% высшего комсостава и административного аппарата, 15% были из бывших унтер-офицеров. Выпускники первых советских курсов и школ составляли лишь 37% красных командиров. К концу 1920 г. в рядах Красной Армии насчитывалось около 5,5 млн человек.

Милитаризация управления и концентрация ресурсов. С начала Гражданской войны Советское руководство предприняло энергичные меры по мобилизации для победы всех имеющихся ресурсов. 2 сентября 1918 г. создан Революционный военный совет Республики (РВСР). Он осуществлял непосредственное руководство армией и флотом, а также всеми учреждениями военных и морских ведомств. Председателем был назначен нарком по военным и морским делам Л. Д. Троцкий. Основными рабочими органами РВСР были Полевой штаб, ведавший вопросами военных действий, и Всероглавштаб, занимавшийся организацией тыла, комплектованием и подготовкой войск.

30 ноября 1918 г. образован Совет рабочей и крестьянской обороны. Новый чрезвычайный орган возглавил Председатель СНК В. И. Ленин. Деятельность Совета обороны охватывала прежде всего хозяйственные вопросы, решение которых было необходимо для обеспечения единства

фронта и тыла. Собираясь, как правило, регулярно — два раза в неделю, Совет обсуждал возникающие проблемы, предпринимал оперативные меры по преодолению трудностей. Он выносил также решения об объявлении тех или иных районов страны на военном (осадном) положении и передаче всей полноты власти в них ревкомам.

В сложных условиях гражданской войны особое значение приобрело поддержание порядка в тылу. Для этой цели была создана специальная система военных и репрессивно-террористических органов защиты революции. Она включала ВЧК, милицию, Войска внутренней охраны (ВОХР), Части особого назначения (ЧОН), Войска внутренней службы (ВУНС), продовольственную армию и некоторые другие воинские формирования, находившиеся вне подчинения командования РККА и действовавшие преимущественно в тылу. Особая роль среди них принадлежала ВЧК. С середины 1918 г. шло форсированное создание местных (губернских, уездных, волостных, сельских) чрезвычайных комиссий. В соответствии с решением ВЦИК от 28 октября 1918 г. все они получили право создавать при себе вооруженные отряды, численность которых к марту 1919 г. достигла 30 тыс. человек. В опасные моменты на некоторых территориях местные ЧК брали на себя функции органов Советской власти.

Большевики уже летом 1918 г. пошли на жесткое подавление всех оппозиционных политических сил, стремясь пресекать даже возможность их консолидации. С этого времени все чаще звучит слово «террор». Разъясняя его смысл в конце июня 1918 г., председатель ВЧК Ф. Э. Держинский говорил: «Общество и пресса не понимают правильно задачи и характер нашей комиссии. Они понимают борьбу с контрреволюцией в смысле нормальной государственной политики и поэтому кричат о гарантиях, судах, о следствии и т.д. Мы не имеем ничего общего с военно-революционными трибуналами, мы представляем организованный террор. Это нужно сказать открыто». Не менее характерно августовское высказывание руководителя петроградской организации РКП(б) Г. Е. Зиновьева: «Мы теперь спокойно читаем, что где-то там расстреляно 200–300 человек. На днях я читал заметку, что, кажется, в Ливнах Орловской губернии было расстреляно несколько тысяч белогвардейцев. Если мы будем идти такими темпами, то мы сократим быстро буржуазное население России».

После покушения на жизнь Ленина и убийства главного петроградского чекиста М. С. Урицкого 5 сентября 1918 г. был издан Декрет СНК, который предписывал расстреливать на месте всех связанных с белогвардейскими заговорами лиц. Массовое явление приобрело заложничество. По оценкам специалистов только в сентябре — октябре 1918 г. на территории Советской России было расстреляно около 15 тыс. человек. Главными жертвами были представители офицерства, дворянства,

буржуазии, интеллигенции, а порой и члены их семей. Одновременно по стране развернулось создание сети концентрационных лагерей, контингент которых исчислялся десятками тысяч.

В годы войны большевикам удалось создать жесткую систему изъятия продовольствия у крестьян для снабжения солдат и частично — городского населения, прежде всего пролетариата. Налажена была также работа предприятий, обеспечивающих выпуск вооружений, боеприпасов, обмундирования для действующей армии. И хотя организация хозяйственной жизни строилась в значительной степени с использованием принуждения, а количество производимого было далеко от оптимальных потребностей, она все же позволила создать необходимые условия для выживания Советской республики.

Большую роль в мобилизации рабочих и крестьян на отпор врагу большевики отводили агитационно-пропагандистской работе, которая была налажена в общегосударственном масштабе. В этой деятельности принимали участие как политические работники, так и деятели культуры. Большими тиражами издавались листовки, плакаты, брошюры, газеты, по стране курсировали агитпоезда и агитпароходы. План монументальной пропаганды предусматривал создание серии памятников революционерам и прогрессивным деятелям «всех времен и народов». Общественные здания, учреждения, а также праздники и другие массовые мероприятия оформлялись знаменами, плакатами, транспарантами, содержание которых пропагандировало цели новой власти, величие труда, союз рабочих и крестьян («Что несет революция трудящимся»; «Мир народов будет заключен на развалинах буржуазного владычества»; «Заводы — трудящимся»; «Земля — крестьянам» и т.п.) Интервенция стран Антанты, зарубежная поддержка Белого движения, война Польши против Советской России дали большевикам возможность перехватить у своих врагов лозунги защиты свободы и независимости Отечества.

Этапы фронтовой гражданской войны. В истории Гражданской войны и интервенции выделяют четыре этапа: с конца мая до ноября 1918 г.; с ноября 1918 г. по февраль 1919 г.; с марта 1919 г. до весны 1920 г. и с весны по ноябрь 1920 г.

На первом этапе Гражданской войны на роль ведущей и консолидирующей силы в борьбе против большевиков выдвинулись социалистические партии — эсеры и меньшевики. Очаг сопротивления возник на Востоке страны, что не было случайным. С одной стороны, в Поволжье, на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке в результате выступления чехословацкого корпуса была свергнута Советская власть; с другой — в этих регионах был велик удельный вес зажиточного крестьянства, которое было особенно недовольно продовольственной политикой большевиков и на первых порах охотно поддержало их противников. Все это привело к тому, что летом — осенью 1918 г. на этой территории и на

Русском Севере было образовано до тридцати преимущественно эсеровских правительств. Среди них — Комитет членов Учредительного собрания (КОМУЧ) в Самаре, Западно-Сибирский комиссариат в Новониколаевске (с 1925 — Новосибирск), Временное сибирское правительство в Томске, Верховное управление Северной области в Архангельске и др. Доминировавшие в составе правительств партии «революционной демократии» попытались выступить в роли «третьей силы», противопоставляя себя и диктатуре большевиков, и буржуазно-монархическим силам. Программы эсеровских кабинетов, как правило, включали лозунги созыва Учредительного собрания, восстановления политических прав всех граждан, свободы торговли, денационализации промышленности и банков, налаживания социального партнерства.

В первый же день своего существования, 8 июня 1918 г., КОМУЧ опубликовал приказ о создании Народной армии, в рядах которой к 1 августа насчитывалось около 30 тыс. человек. Для борьбы с ней Советская республика создала Восточный фронт (под командованием И. И. Вацетиса и С. С. Каменева). Первоначально успех сопутствовал Народной армии, однако в начале сентября ценой колоссальных усилий Красной Армии удалось добиться перелома и развернуть наступление от Средней Волги к Уралу. В это время эсеры, а также кадеты, образовали Директорию, объявившую себя всероссийской властью (создана в Уфе, затем переехала в Омск). Стремясь консолидировать антибольшевистские силы, она пригласила на должность военного министра популярного в армейской среде адмирала А. В. Колчака. Однако группировавшиеся вокруг него офицеры отрицательно относились к партиям «революционной демократии», считая их недееспособными, а также ответственными за приход к власти большевиков. Это предопределило недолговечность наметившегося было союза и переход инициативы в антибольшевистской борьбе от умеренных социалистов к белым. 18 ноября 1918 г. Колчак разогнал Директорию и провозгласил себя Верховным правителем России.

Особенности второго этапа Гражданской войны и иностранной интервенции (ноябрь 1918 — февраль 1919) во многом связаны с изменением международной обстановки осенью 1918 г. В ноябре Германия и ее союзники признали свое поражение и капитулировали перед Антантой. Войска стран Четверного союза были эвакуированы с российских территорий. В то же время после ухода Германии буржуазно-националистические правительства Польши, Украины, Белоруссии, Прибалтики переориентировались на Антанту. В самой Германии и Австро-Венгрии начались революции. 13 ноября 1918 г. Советская Россия аннулировала Брест-Литовский мирный договор. Все это привело к тому, что в руководящих кругах Антанты сочли момент подходящим для непосредственного вмешательства в дела России.

В конце ноября 1918 г. к российским берегам в Черном море подошла объединенная англо-французская эскадра в составе 32 кораблей. В Одессе и Севастополе высадились французские войска, в Батуме и Новороссийске — английские. Всего к февралю 1919 г. на Юге России находилось около 130 тыс. интервентов. Значительными были многонациональные воинские контингенты и в других регионах: на Севере — 20 тыс., на Дальнем Востоке и в Сибири — 150 тыс., в Закавказье — 30 тыс. человек. Однако негативное отношение местного населения, боевые действия Красной Армии и партизан, а также активная революционная пропаганда большевиков в частях противника привели к тому, что боеспособность оккупационных войск была далека от ожидаемой. Более того, на французских кораблях в Одессе и Севастополе вспыхнуло восстание разогитированных матросов. В результате руководство Антанты приняло решение об эвакуации своих войск, которая в целом была завершена в апреле 1920 г. Лишь отряды японцев находились в Южном Приморье до октября 1922.

Одновременно шла консолидация Белого движения. После провозглашения Колчака Верховным правителем России о признании его в этом качестве заявили белогвардейские генералы: Е. К. Миллер (действовал на Севере), Н. Н. Юденич (на Северо-Западе), А. И. Деникин (на Юге). Однако в конце 1918 — начале 1919 г. белым не удалось добиться существенных результатов: Красная Армия не только отбила атаки Колчака на северо-востоке и Краснова в районе Царицына, но и восстановила Советскую власть на большей части Украины, Белоруссии, Прибалтики. Тем не менее, основные бои были впереди. К весне 1919 г. Колчаку путем мобилизаций удалось создать 400-тысячную армию, а Деникин сумел объединить свою Добровольческую и Донскую армию генерала П. Н. Краснова, создать Вооруженные силы юга России численностью до 100 тыс. человек.

Третий этап Гражданской войны (с марта 1919 до весны 1920) был самым тяжелым в ее истории. Основными противниками Советской республики были белогвардейские армии. Помимо поддержки белых генералов, Верховный совет Антанты сумел мобилизовать на борьбу против большевиков войска Польши, Финляндии, а также буржуазных правительств Латвии, Эстонии и Литвы.

В марте с Востока развернула наступление армия Колчака. В числе главных ее задач было соединение с войсками Деникина для последующего совместного похода на Москву. Однако в конце апреля наступление колчаковцев было остановлено Красной Армией, которая сама перешла в наступление. Уже в августе колчаковские части потерпели сокрушительные поражения и были отброшены за Урал, а к началу 1920 г. были разгромлены окончательно. Сам Колчак 4 января 1920 г. отрекся от титула «Верховного правителя Российского государства» и главно-

командующего. Затем он был захвачен в плен и 7 февраля 1920 г. расстрелян по решению Иркутского ВРК. В тот же день подписано соглашение о перемирии с чехословацким корпусом, который эвакуирован через Владивосток к октябрю 1920 г.

В июле 1919 г. центр борьбы против Советской республики переместился на юг европейской части России, где перешли в наступление армии Деникина. Их успешные операции привели к освобождению от большевиков обширных территорий, Ленин писал, что настал «самый критический момент революции». В сентябре Деникин поставил задачу овладеть Москвой. Его войскам противостояли части Южного фронта Красной Армии. В августе — сентябре их спешно укрепляли коммунистами и комсомольцами, перебрасывали сюда лучшие части (в их числе конный корпус Буденного и дивизия латышских стрелков). В итоге к середине октября инициатива и на этом участке перешла к Красной Армии. К весне 1920 г. деникинцы были вытеснены с Украины и Северного Кавказа, а сам генерал с остатками армии в марте перебрался в Крым, сдал командование генералу П. Н. Врангелю и эмигрировал.

Более сложная обстановка складывалась на Северо-Западе. Здесь дважды — весной и летом 1919 г. — были отбиты наступления на Петроград 18-тысячной армии Н. Н. Юденича. В то же время организовать должный отпор буржуазным армиям Литвы, Латвии и Эстонии не удалось, и к концу 1919 г. Советская власть в Прибалтике была ликвидирована. Сюда, на территорию буржуазной Эстонии, в декабре 1919 г. отошли остатки разбитой армии Юденича. В феврале 1920 г. войска Красной Армии вступили в Северную область, и генерал Е. К. Миллер также эмигрировал.

Основными событиями *четвертого этапа Гражданской войны (весна — осень 1920)* были война против Польши и разгром в Крыму последней белой группировки — армии Врангеля. 25 апреля 1920 г. польская армия вторглась на территорию Советской Украины, 6 мая овладела Киевом и к середине мая вышла на левый берег Днепра. Действиями главы польского государства маршала Ю. Пилсудского руководила идея создания «Великой Польши», включающей не только польские, но и украинские, белорусские, литовские территории. Откровенная польская агрессия вызвала подъем патриотических чувств в России. Во второй половине мая войска двух советских фронтов — Западного (командующий М. Н. Тухачевский) и Юго-Западного (А. И. Егоров) — перешли в наступление. Им удалось отбить Киев; к концу июля советские части продвинулись в сторону Польши и достигли так называемой «линии Керзона» — официально признаваемой на Западе границы Польши. В этих условиях страны Антанты выступили с предупреждением в адрес России, что в случае пересечения «линии Керзона» союзники сочтут себя обязанными защитить польскую нацию «всеми средствами,

имеющимися в их распоряжении». Тем не менее советское руководство, явно переоценив свои силы, приняло решение начать поход на Варшаву, движимое убежденностью в том, что польский пролетариат не выступит против русских рабочих, а «красная интервенция» в Польшу, а затем в Германию, сможет подтолкнуть революцию в Европе. Однако польское население встретило «освободителей» враждебно. В результате просчетов советского командования Красная Армия (ее части в Польше переименовывались в «РККА имени Коминтерна») потерпела сокрушительное поражение. Поляки вновь вторглись на советскую территорию. В октябре 1920 г. было заключено перемирие, а в марте 1921 — мир («Рижский»), по которому Польше отходила часть украинских и белорусских земель, выплачивалась контрибуция.

В июне 1920 г., в разгар войны Советской России против Польши, на Юге перешли в наступление войска Русской армии Врангеля, который отклонил предложение Пилсудского о совместных действиях против большевиков. Из Крыма был высажен десант на Дон и Кубань, предпринята попытка овладеть Донбассом. Однако эти остатки белых армий стратегически были обречены. В конце октября 1920 г. войска Южного фронта под командованием М. В. Фрунзе перешли в наступление и после ожесточенных боев полностью овладели Крымом. Врангелю лишь удалось организовать массовую эвакуацию морем военных и гражданских беженцев.

После освобождения Крыма было осуществлено его «очищение» от классово «чуждых элементов», в результате чего было расстреляно 8 тыс. белых офицеров. Разгромом Врангеля был положен конец Белому движению в России, а военный вопрос перестал быть главным в жизни Советской республики. Хотя ликвидация отдельных очагов антибольшевистского сопротивления на окраинах страны продолжалась еще несколько лет.

Победив белогвардейцев в Центре страны, большевики предприняли усилия по восстановлению Советской власти в Закавказье. Несмотря на определенные местные различия, этот процесс в регионе имел общие черты. Азербайджанские, армянские, а затем и грузинские большевики поднимали восстания, создавали ревкомы, объявляли о свержении буржуазных правительств. После провозглашения своей республики социалистической следовало обращение к СНК РСФСР, и Красная Армия быстро приходила на помощь «братским трудящимся» Закавказья. В Азербайджане это произошло в апреле, в Армении — в ноябре 1920 г., а в Грузии — в феврале 1921 г.

Завершение гражданской войны и восстановление Советской власти на Дальнем Востоке отличались своеобразием. После разгрома остатков колчаковских войск в районе Иркутска в начале марта 1920 г. возникла угроза прямого столкновения Красной Армии с японскими

частями. Понимая, что война с Японией в то время для России была «непосильна», большевики приняли решение о создании на территории от Байкала до Тихого океана «государственного образования под демократическим флагом». Так была провозглашена 5 апреля 1920 г. Дальневосточная республика (ДВР), изначально рассматриваемая как временное «буферное образование», политика которого диктовалась из Москвы. Когда части советской армии и отряды красных партизан осенью 1922 г. разбили и вытеснили остатки банд белых атаманов в Манчжурию, Япония вынуждена была эвакуировать свои войска из Приморья. 15 ноября 1922 г. ДВР ликвидирована, а ее территория объявлена «нераздельной частью РСФСР».

Гражданская война за линией фронта. Успехи и неудачи противников на фронтах в решающей степени определялись прочностью положения на прифронтовых территориях и в тылу, зависели от отношения к власти основной массы населения — крестьянства. Получившие же землю крестьяне, не желая участвовать в Гражданской войне, помимо своей воли, втягивались в нее активными действиями белых и красных. Это породило движение «зеленых». Так назывались крестьянские повстанцы, боровшиеся против реквизиций продовольствия, мобилизаций в армию, произвола и насилия как белых, так и красных властей. По масштабам и численности движение значительно превосходило белое движение. «Зеленые» не имели регулярных армий, объединялись в небольшие отряды, чаще из нескольких десятков, реже — сотен человек. Действовали повстанцы преимущественно в районах своего проживания, однако само движение охватывало всю территорию России. Не случайно Ленин считал «мелкобуржуазную контрреволюцию» опаснее, чем «взятые вместе» Колчак и Деникин.

Развертывание этого массового протеста крестьян приходится на лето — осень 1918 г. Осуществление «продовольственной диктатуры», означавшей изъятие «излишков» продовольствия у среднего и зажиточного крестьянства, т.е. большинства сельского населения; «переход от демократического к социалистическому» этапу революции в деревне, в рамках которого началось наступление на «кулаков»; разгон демократически избранных и «большевизация» сельских Советов; насильственное насаждение коллективных хозяйств — все это вызвало резкие протесты в крестьянской среде. Введение продовольственной диктатуры совпало по времени с началом «фронтной» Гражданской войны и расширением применения «красного террора» как важнейшего средства решения политических и экономических проблем.

Насильственное изъятие продовольствия и принудительные мобилизации в Красную Армию взбудоражили деревню. В результате основная масса селян отшатнулась от Советской власти, что проявилось в

массовых крестьянских восстаниях, которых в 1918 г. насчитывалось более 400. Для их подавления использовались карательные отряды, захват заложников, артиллерийские обстрелы и штурмы деревень. Все это усиливало антибольшевистские настроения и ослабляло тыл красных, в связи с чем большевики вынуждены были пойти на некоторые экономические и политические послабления. В декабре 1918 г. они ликвидировали вызывавшие неприязнь комбеды, в январе 1919 г. вместо продовольственной диктатуры ввели продразверстку. (Ее основной смысл — регламентация заготовок продовольствия.) В марте 1919 г. был провозглашен курс на союз с середниками, которые ранее как «держатели хлеба» фактически объединялись с кулачеством в одну категорию.

Пик сопротивления «зеленых» в тылу красных войск приходится на весну — лето 1919 г. В марте — мае восстания охватили Брянскую, Самарскую, Симбирскую, Ярославскую, Псковскую и другие губернии Центральной России. Особенно значительным был размах повстанческого движения на Юге: Дону, Кубани и на Украине. Драматично развивались события в казачьих областях России. Участие казаков в антибольшевистской борьбе на стороне белых армий в 1918 г. стало причиной массовых репрессий, в том числе против мирного населения Кубани и Дона в январе 1919 г. Это вновь всколыхнуло казаков. В марте 1919 г. на Верхнем, а затем и на Среднем Дону они подняли восстание под лозунгом: «За Советскую власть, но против коммуны, расстрелов и грабежей». Казаки активно поддержали наступление Деникина в июне — июле 1919 г.

Сложным и противоречивым было взаимодействие красных, белых, зеленых и национальных сил на Украине. После ухода с ее территории германских и австрийских войск здесь восстановление Советской власти здесь сопровождалось широким применением террора со стороны различных ревкомов и «чрезвычайек». Весной и летом 1919 г. местные крестьяне испытали на себе продовольственную политику пролетарской диктатуры, что также вызывало резкие протесты. В результате на территории Украины действовали как небольшие отряды «зеленых», так и достаточно массовые вооруженные формирования. Наиболее известными из них стали движения Н. А. Григорьева и Н. И. Махно.

Бывший штабс-капитан русской армии Григорьев в 1917–1918 гг. служил в войсках Центральной рады, у гетмана Скоропадского, присоединился к петлюровцам, а после их поражения в начале февраля 1919 г. перешел на сторону Красной Армии. В качестве командира бригады, а затем дивизии, участвовал в боях против интервентов. Но 7 мая 1919 г., отказавшись перебросить свои войска на помощь Венгерской Советской республике, он увел их из фронтовой зоны и поднял мятеж в тылу Красной Армии, сражавшейся против Деникина. Военные силы Григорьева составляли 20 тыс. человек, свыше 50 орудий, 700 пулеметов, 6 бронепоездов. Основные лозунги — «Власть Советам Украины без коммуни-

стов»; «Украина для украинцев»; «Свободная торговля хлебом». В мае — июне 1919 г. григорьевцы контролировали обширные земли в Причерноморье. Однако в июне основные их силы были разгромлены, а остатки ушли к Махно.

Убежденный анархист Махно создал отряд в апреле 1918 г. и прославился партизанской борьбой против немцев; противостоял режиму гетманщины и частям Петлюры. К началу 1919 г. численность его армии превысила 20 тыс. и включала дивизии, полки, имела свой штаб и реввоенсовет. В феврале 1919 г., когда войска Деникина вторглись на территорию Украины, части Махно вошли в состав Красной Армии. Однако политически махновцы были далеки от большевиков. В мае Махно писал одному из советских лидеров: «Я и мой фронт остаются неизменно верными рабоче-крестьянской революции, но не институту насилия в лице ваших комиссаров и чрезвычайек, творящих произвол над трудовым населением». Махновцы выступали за «безвластное государство» и «вольные Советы», их главный лозунг был: «На защиту Украины от Деникина, против белых, против красных, против всех, нападающих на Украину». Махно отказался от взаимодействия с Врангелем против большевиков, но трижды подписывал соглашения с красными о совместной борьбе против белых. Его части внесли большой вклад в разгром Деникина и Врангеля. Однако после решения общих задач Махно отказывался подчиняться Советской власти и в итоге был объявлен вне закона. Тем не менее, его движение носило не локальный характер, а охватывало обширную территорию от Днестра до Дона. «Революционно-повстанческая армия Украины», насчитывавшая в 1920 г. 50 тыс. человек, включала в себя разношерстные элементы, не чуравшиеся грабежей и погромов, что также было характерной чертой движения.

После разгрома основных сил белых в конце 1919 — начале 1920 г. крестьянская война в Европейской России вспыхнула с новой силой, и началась, как полагают многие историки, самая кровопролитная фаза Гражданской войны. Внутренний фронт для Красной армии стал главным. 1920 — первую половину 1921 г. называют периодом «зеленого потопа», так как это было время наиболее кровавых расправ, сожжений сел и деревень, массовых депортаций населения. В основе крестьянского недовольства лежала политика «военного коммунизма»: война завершилась, а чрезвычайные меры в экономической политике не только были сохранены, но и усилены. Крестьяне выступали против продразверстки, воинской, конной, гужевой и других повинностей, за невыполнение которых следовали арест, конфискация имущества, взятие в заложники, расстрел на месте. Массовый характер приобрело дезертирство, которое в отдельных частях достигало 20, а то и 35% состава воинских частей. Большая часть дезертиров пополняла отряды «зеленых», которые на советском официальном языке именовались «бандами». На Украи-

не, Кубани, Тамбовщине, в Нижнем Поволжье и Сибири крестьянское сопротивление носило характер настоящей крестьянской войны. В каждой губернии были группы повстанцев, которые скрывались в лесах, нападали на карательные отряды, брали заложников и расстреливали. Против «зеленых» направлялись регулярные части Красной Армии, которые возглавляли военачальники, уже прославившиеся в борьбе против белых: М. Н. Тухачевский, М. В. Фрунзе, С. М. Буденный, Г. И. Котовский, И. Э. Якир, И. П. Уборевич и др.

Одним из наиболее масштабных и организованных было начавшееся 15 августа 1920 г. восстание крестьян в Тамбовской губернии, получившее по имени руководителя название «антоновщины». Здесь губернский Съезд трудового крестьянства не без влияния эсеров принял программу, которая включала: свержение власти большевиков, созыв Учредительного собрания, формирование временного правительства из оппозиционных партий, отмену продналога и введение свободной торговли. В январе 1921 г. численность «бандитов» достигла 50 тыс. В распоряжении их «Главного оперативного штаба» находились две армии (в составе 21 полка) и одна отдельная бригада. Перерезана была Юго-Восточная железная дорога, что срывало подвоз хлеба в центральные районы, разграблено около 60 совхозов, убито свыше двух тысяч партийных и советских работников. Против восставших использовались артиллерия, авиация, бронетехника. Руководивший подавлением мятежа Тухачевский писал, что войскам приходится вести «целую оккупационную войну». В июне 1921 г. разгромлены основные силы, и лишь в июле восстание было подавлено окончательно.

В октябре 1920 г. произошло восстание в гарнизоне Нижнего Новгорода. Красноармейцы — мобилизованные крестьяне — на беспартийной конференции приняли резолюцию с требованием улучшения питания, свободных выборов в Советы и разрешения свободной торговли. В ней осуждались также командиры и комиссары, которые не разделяли тягот солдатской жизни. Когда руководители конференции были арестованы, в ответ на это разразилось восстание. Оно отражало настроения, ставшие массовыми в армии и на флоте, явилось предшественником Кронштадского мятежа.

Едва ли не наиболее трагичными на внутреннем фронте в 1920–1921 гг. были события на Дону и на Кубани. После ухода белых в марте — апреле 1920 г. большевики установили здесь режим жесточайшего контроля, обращаясь с местным населением как победители в завоеванной враждебной стране. В ответ на Дону и Кубани в сентябре 1920 г. вновь началось повстанческое движение, в котором приняли участие 8 тыс. человек. Его подавление ознаменовало переход большевиков к политике массового террора в отношении всего населения региона. Территория была разделена на сектора, а в каждый были посланы тройки

из представителей ЧК. Они имели полномочия расстреливать на месте всех, уличенных в связях с белыми. Простор для их деятельности был велик: в отдельные периоды до 70% казаков воевали против большевиков. Кроме того, были созданы концентрационные лагеря для членов семей активных борцов против Советской власти, а в число «врагов народа» попадали старики, женщины, дети, многие из которых были обречены на смерть.

Неспособность консолидировать антибольшевистские силы, навести порядок в своем тылу, организовать пополнение и наладить снабжение армейских частей продовольствием были основными причинами военных неудач белых в 1919–1920 гг. Первоначально крестьянство, а также городское население, испытавшие на себе продовольственную диктатуру и террор красных «чрезвычайек», встречали белых как освободителей. И наиболее громкие победы они одержали, когда их армии по численности в несколько раз уступали советским частям. Так, в январе 1919 г. в районе Перми 40 тыс. колчаковцев взяли в плен 20 тыс. красноармейцев. В войска адмирала влились 30 тыс. вятских, ижевских рабочих, которые стойко воевали на фронте. В конце мая 1919 г., когда власть Колчака простиралась от Волги до Тихого океана, а Деникин контролировал обширные пространства на Юге России, их армии насчитывали сотни тысяч человек, регулярно поступала и помощь союзников.

Однако уже в июле 1919 г. на Востоке, с колчаковского фронта, начинается закат белого движения. И белые, и красные хорошо представляли своих врагов. Для большевиков это были буржуазия, помещики, офицеры, кадеты, казаки, кулаки, националисты, для белых — коммунисты, комиссары, интернационалисты, сочувствующие большевикам, социалисты, евреи, сепаратисты. Однако если большевики выдвигали понятные массам лозунги и выступали от имени трудящихся, то у белых ситуация была иной. В основе белого движения лежала идеология «непредрешенчества», согласно которой выбор формы политического устройства, определение социально-экономического порядка надлежало осуществить лишь после победы над Советами. Генералам же казалось, что одного неприятия большевиков достаточно для объединения в один кулак их разнородных противников. А поскольку основная задача момента заключалась в военном разгроме противника, в котором главная роль отводилась белым армиям, то на всех своих территориях они установили военную диктатуру, которая либо резко подавляла (Колчак), либо задвигала на задний план организованные политические силы (Деникин). И хотя белые утверждали, что «армия стоит вне политики», они сами столкнулись с необходимостью решать острые политические проблемы.

Именно такой характер приобрел аграрный вопрос. Колчак и Врангель откладывали его решение «на потом», жестоко пресекая захваты земли крестьянами. На деникинских территориях прежним владельцам

возвращали их земли, часто расправлялись с крестьянами за пережитые страхи и грабежи 1917–1918 гг. Конфискованные предприятия тоже переходили в руки прежних собственников, а выступления рабочих в защиту своих прав подавлялись. В сфере социально-экономических отношений во многом произошло отбрасывание к дофевральской ситуации, которая, собственно, и привела к революции.

Стоя на позициях «единой и неделимой России», военные подавляли любые попытки автономного обособления внутри страны, чем оттолкнули от себя национальные движения, прежде всего буржуазию и интеллигенцию; не единичными были проявления ксенофобии, особенно антисемитизма. Нежелание пойти навстречу казачеству и признать его права на автономию и самоуправление привело к разладу белых с их верными союзниками — кубанцами и донцами. (Белые даже называли их «полубольшевиками» и «сепаратистами».) Такая политика превращала их естественных антибольшевистских союзников в собственных врагов. Будучи честными офицерами, искренними патриотами, белогвардейские генералы оказались некудышними политиками. Во всех этих вопросах большевики проявляли намного большую гибкость.

Логика войны вынуждала белых проводить на своих территориях политику, аналогичную большевистской. Попытки мобилизации в армию провоцировали рост повстанческого движения, крестьянские выступления, на подавление которых направлялись карательные отряды и экспедиции. Это сопровождалось насилием, грабежами мирного населения. Массовый характер приобрело дезертирство. Еще более отталкивающей была хозяйственная практика белых администраций. Основу управленческого аппарата составляли бывшие чиновники, воспроизводившие волокиту, бюрократизм, коррупцию. На поставках в армию наживались близкие к власти «предприниматели», а нормальное снабжение войск так и не было налажено. В результате армия вынуждена была прибегать к самоснабжению. Осенью 1919 г. американский наблюдатель так характеризовал эту ситуацию: «... система снабжения была настолько необеспеченной и стала настолько неэффективной, что у войск не было другого выхода, как снабжать себя самим с местного населения. Официальное разрешение, узаконившее эту практику, быстро выродилось во вседозволенность, и войска несут ответственность за всякого рода эксцессы».

Белый террор был столь же беспощаден, как и красный. Их различало лишь то, что красный террор был организованным и сознательно направлялся против классово враждебных элементов, белый же был более спонтанным, стихийным: в нем преобладали мотивы мести, подозрения в нелояльности и враждебности. В итоге на контролируемых белыми территориях установился произвол, восторжествовали анархия и вседозволенность тех, у кого были власть и оружие. Все это отрица-

тельно воздействовало на моральное состояние, снижало боеспособность армии.

Негативно на отношение к белым со стороны населения повлияли их связи с союзниками. Без их помощи наладить мощное вооруженное сопротивление красным было невозможно. Но откровенное стремление французов, англичан, американцев, японцев завладеть российской собственностью, используя слабость государства; вывоз в крупных масштабах продовольствия и сырья вызывали недовольство населения. Белые оказывались в двусмысленном положении: в борьбе за освобождение России от большевиков они получали поддержку тех, кто рассматривал территорию нашей страны как объект экономической экспансии. Это также работало на Советскую власть, которая объективно выступала как патриотическая сила.

Гражданская война в России и внешний мир. Эскалация гражданской войны с лета 1918 г. диктовала особый внешнеполитический курс Советской республики. С одной стороны, он определялся надеждой на мировую революцию и сильной поддержкой революционных начинаний пролетариата соседних стран. С другой — стремлением (ценой возможных территориальных и экономических уступок) добиться прекращения военной интервенции и поддержки западными странами белых генералов, а также восстановления экономических связей, разрыв которых больно бил по России.

«Революционная внешняя политика» вызвала появление нетрадиционных форм дипломатической деятельности. Установленная после октябрьского переворота 1917 г. Советская власть не была признана на Западе, лидеры которого в своих столицах продолжали общаться с русскими послами, назначенными еще Временным правительством. Тем не менее при взаимной неприязни, и Россия, и Запад нуждались в прямых контактах. Так в России возник своеобразный институт полпредов (полномочных представителей) — полудипломатических, полуреволюционных представителей Москвы. Их деятельность, скорее, должна была способствовать «революционному пробуждению Европы», нежели организации собственно дипломатической работы.

В письме советскому полпреду в Швейцарии Я. А. Берзину (октябрь 1918) Ленин рекомендует ему максимум времени тратить «на руководство агитацией», используя при этом немцев, итальянцев, французов. «Из них назначьте агентов, платите и за поездки и за работу архищедро. На официальщину (т.е. дипломатическую работу. — *Авт.*) начхать: минимум внимания. На издания и нелегальные поездки максимум внимания», — учил он. Советские полпреды работали в Англии (М. М. Литвинов), Швеции (В. В. Воровский), Дании (Я. З. Суриц), Австрии (П. Ф. Симонов), Швейцарии (Я. А. Берзин) и в некоторых других странах. Эта ответственная работа была связана с определенным риском,

поскольку агитационно-пропагандистская деятельность вызывала неприязнь официальных властей стран пребывания. Так, в феврале 1918 г. из Петрограда в Европу для революционной пропаганды выехали Л. Б. Каменев и И. А. Залкинд. Следуя через Швецию, они прямо заявили, что едут в Англию и Францию для того, «чтобы вызвать в этих странах революцию, аналогичную русской». После этого дипломаты-агитаторы были высланы из Англии, а затем арестованы (в Финляндии). Каменев с группой товарищей провели в заключении около полугода и лишь в августе 1918 г. были обменены на финских шпионов.

Осенью 1918 г. большевики по-прежнему большие надежды возлагали на Германию. В сентябре — октябре в атмосфере ожидаемого военного разгрома, политической катастрофы, радикализации народных масс, все, казалось, было готово к свержению кайзеровского правительства и установлению рабоче-крестьянского государства. РСФСР не скрывала своей заинтересованности. Как вспоминал позже посол в этой стране А. А. Иоффе, он заплатил 100 тыс. марок за оружие для революционеров. Наше посольство в Берлине «было главным штабом германской революции... Тонны антимонархической и антивоенной литературы печатались в совпосольстве». Туда «тайком» приходили социалисты, «чтобы получить советы». В итоге за три дня до восстания в ноябре 1918 г. Иоффе вместе с посольством был выслан из Германии. Позднее он как глава делегации ВЦИК (вместе с К. Б. Радеком, Х. Г. Раковским и Н. И. Бухариным) был направлен на первый съезд советов Германии. Однако советская делегация не была пропущена германскими военными властями. Только Радек проник в страну нелегально, 15 февраля 1919 г. он был арестован и пробыл в тюрьме до декабря 1919 г. А в ноябре 1920 г. вновь нелегально выехал в Германию на «революционную работу».

Несмотря на неудачу, германская революция воодушевила большевистское руководство, ибо вселяла надежду, что революционное брожение в Европе не завершено и принесет ожидаемый результат. Эти ощущения разделяли не только они. Британский премьер-министр Ллойд Джордж в секретном меморандуме весной 1919 г. признавал, что «народные массы Европы, от края до края, подвергают сомнению весь существующий порядок, все нынешнее политическое, социальное и экономическое устройство». Действительно, весной и летом 1919 г. революционные выступления имели место в Австрии, Германии, Венгрии, Словакии.

На волне этих настроений 2–6 марта 1919 г. в Москве состоялся I конгресс Коминтерна (Коммунистического Интернационала). Его участники исходили из того, что мир вступил в эпоху разложения капитализма и коммунистических революций, а задача коммунистов — объединить свои усилия для их скорейшего приближения. Коминтерн рассматривал себя как штаб мировой революции, все входившие в него компартии считались его национальными секциями. Для координации

связанной с этой работой было создано Бюро Исполнительного Комитета Коминтерна (ИККИ), который возглавил Г. Е. Зиновьев. Помимо центрального, в Москве, были открыты региональные бюро ИККИ — в Скандинавии, Центральной и Восточной Европе, на Балканах.

Создание Коминтерна было и тактически удобным для советского правительства: вступая в контакт с «буржуазными» странами, оно могло формально отмежеваться от курса на «экспорт революции», указывая, что это — функция другой, не государственной структуры, а международной организации. Тем не менее, Коминтерн, опираясь на ресурсы Советской России, организационно и материально поддерживал коммунистическое движение в мире, не чураясь инициативных действий. Так, Ленин в июле 1920 г. писал Сталину: «Положение в Коминтерне превосходное. Зиновьев, Бухарин, а также и я думаем, что следовало поощрить революцию тотчас в Италии. Мое личное мнение, что для этого надо советизировать Венгрию, а может, также Чехию и Румынию». В этом контексте была логичной позиция Ленина в «польском вопросе» летом — осенью 1920 г. Выступая в сентябре на IX партийной конференции, он ставил вопрос о переходе «от оборонительной к наступательной войне, чтобы помочь советизации Польши, штыком пощупать, не созрела социальная революция пролетариата в Польше?». В случае успеха похода не исключалась еще одна попытка «революционирования Германии». М. Н. Тухачевский вел свои войска под лозунгом: «Вперед на Варшаву! Вперед на Берлин!».

В разгар революционной эйфории допускались и самые дерзкие проекты. В августе 1919 г. Троцкий обратился в ЦК РКП(б) с письмом, в котором предлагал создать на Урале корпус, с тем чтобы бросить его на Индию и Афганистан. Внимание коммунистов к Востоку заметно усилилось в 1920–1921 гг. По мере угасания надежд на Европу, национально-освободительные движения в колониальных и зависимых странах виделись как естественные союзники в борьбе за подрыв позиций буржуазии европейских метрополий.

Летом и осенью 1918 г. все основные империалистические державы встали на путь военно-дипломатической, морской блокады России и участия в организации вооруженной интервенции противосоветских сил в разных частях страны. Это побудило советское руководство искать такой курс внешней политики, который имел бы успех на Западе. В его основу была положена экономика. Торговля, концессии должны были стать новым полем боя между капитализмом и социализмом, на котором и будет решаться вопрос, сумеет ли советское государство, пойдя на некоторые уступки, получить возможность длительного развития по пути социализма, или же буржуазный Запад сделает их каналами своего влияния на внутреннюю жизнь России в нужном ему направлении? Для проведения этой линии Россией использовалась ранее апробиро-

ванная с Германией «брестская тактика». Ленин называл ее тактикой «отступления, выжидания, лавирования». Основанный на ней курс определял два первых этапа советской внешней политики. Первый, собственно «брестский», охватывал отношения с Германией после подписания мира 3 марта и добавочных соглашений от 27 августа 1918 г. — до аннулирования Брест-Литовского договора 13 ноября. На втором этапе эта политика проецировалась на отношения с государствами Антанты. Целью данного этапа было добиться мирного соглашения с бывшими союзниками ценой крупных территориальных уступок, «дани» (контрибуций) и т.п.

Возможность прибегнуть к этой тактике связывалась с тем, что на Западе были силы, которые помимо прямого военного вмешательства в дела России, готовы были использовать «германский опыт» военно-политического давления. В ноте от 22 января 1919 г. великие державы Запада обратились к советскому правительству и белогвардейским режимам России с предложением провести совещание, чтобы согласовать на нем все меры уступок, которые должна осуществить Советская Россия для заключения мира. (Посвященную этому конференцию планировалось созвать на Принцевых островах в Мраморном море.) В ответной ноте советского правительства от 4 февраля выражалась готовность предоставить державам «горные, лесные и другие концессии, с тем чтобы экономический социальный строй Советской России не был затронут внутренними распоряжениями этих концессий». В ней шла также речь об уплате всех довоенных долгов и территориальных уступках в отношении тех областей, которые были заняты войсками Антанты или теми силами, которые пользовались ее поддержкой. Советское правительство обязывалось не вмешиваться и во внутренние дела держав Согласия, не прекращая, однако, международной революционной пропаганды.

Большевики стояли на грани заключения второго мира на «брестских» условиях. Его главное отличие от «первого Бреста» состояло в том, что теперь границы уступок предложило само советское правительство, а не его противник. Обсуждению этой темы был посвящен специально созданный пленум ЦК РКП(б) 14 марта 1919 г. Чуть позже Ленин говорил: «Когда мы ответили согласием на предложение конференции на Принцевых островах, мы знали, что идем на мир чрезвычайно насильственного характера». Однако весной 1919 г. началось колчаковское наступление, Колчак и Деникин заявили об отказе участвовать в переговорах с советским правительством, и мирная конференция не состоялась.

В конце 1919 г., когда Красная Армия добилась перелома на основных фронтах, Антанта принимает решение о прекращении помощи белым. В феврале 1920 г. Верховный Совет Антанты заявил, что «не рекомендует крайним государствам вести войну против Советской России, но Антанта защитит их, если Советская Россия на них нападет;

дипломатические отношения с Россией не возобновляются». Но именно «окраинные» прибалтийские государства, испытывавшие материальные трудности, недостаток вооружения и противодействие народов своих стран, не желавших продолжать бойню, были более других предрасположены к нормализации отношений с Россией, чем не замедлило воспользоваться ее правительство.

Еще 31 августа 1919 г. Ленин обратился к правительству буржуазной Эстонии с предложением начать мирные переговоры. Аналогичные предложения были сделаны правительствам Латвии, Литвы и Финляндии. 5 декабря 1919 г. в Юрьеве, после одобрения идеи Англией, начался завершающий этап переговоров с Эстонией. По словам Чичерина, действия советской делегации состояли в том, чтобы устранить ненужное сопротивление и идти на значительные уступки ради мира, в то же время отвергая всякие преувеличения и домогательства противной стороны. Хотя эти уступки и находились в рамках «брестской тактики», они были значительно меньшими, чем ранее. Эстония получила три уезда Псковской области, часть золотого запаса Российской империи, признание независимости и обещание советской стороны отказаться от антиправительственной деятельности в Эстонии. На таких условиях 2 февраля 1920 г. был подписан Тартуский мирный договор с Эстонией. Современники чрезвычайно высоко оценили его значение, назвав «генеральной репетицией соглашения с Антантой», первым экспериментом «мирного соглашения с буржуазными государствами». Договор положил начало выходу России из политической изоляции, что позволяло прорубить и «торговое окно в Европу». Вскоре аналогичные соглашения были подписаны с Латвией, Литвой, Финляндией.

Потерпев неудачу в вооруженном подавлении большевизма, страны Запада должны были «определяться» в изменившихся условиях. Ленин справедливо выделил ту сферу интересов, где взаимодействие было наиболее вероятным. «Мы знаем, что экономическое положение тех, кто нас блокировал, оказалось уязвимым. Есть сила большая, чем желание, воля и решение любого из враждебных правительств или классов, эта сила — общие экономические всемирные отношения, которые заставляют их вступить на этот путь общения с нами». Однако колебания по поводу снятия военно-морской и экономической блокады западные страны проявляли на протяжении 1920–1921 гг. В это время и Ленин начинает постепенно разделять «революционную» и «государственную» составляющие внешней политики. Первая все больше связывается с Коминтерном, государственные же структуры он ориентирует на решение конкретных вопросов в отношениях с буржуазными странами. В его работах чаще звучат темы о возможности длительного сосуществования с государствами иного общественного строя и об условиях этого «мирного сожительства».

Советско-британские торговые переговоры с переменным успехом шли с конца февраля 1920 г. Первоначально британская сторона настаивала на принятии предварительных политических условий торгового соглашения (отказ от «революционных» действий против Англии, принципиальное согласие советского правительства возместить долговые, имущественные убытки иностранным подданным, признание польских границ в британской редакции и т.п.). Однако осенью 1920 г. британские министры были уже уверены, что «ближайшей перспективы падения советского правительства» уже нет, и советовали использовать торговлю как средство «приручить» или «свалить большевизм». Принципиальное решение о подписании торгового соглашения с Россией принято 18 ноября 1920 г., а итоговый текст подписан 16 марта 1921 г. Советско-британское торговое соглашение имело огромное значение. Его не случайно называют «торгово-политическим». Фактически оно положило начало более широкому процессу нормализации отношений между Россией и странами Запада. Торгово-политические договоры, аналогичные советско-британскому, заключили с Россией в 1921 г. Германия (май), Норвегия (сентябрь), Австрия (декабрь).

В то же время Россия была отстранена от участия в подведении итогов Первой мировой войны. Главную роль в этом процессе играли Англия, Франция и США. Итоговые документы готовились в ходе Парижской (1919–1920) и Вашингтонской (1921–1922) мирных конференций. Принятые на них соглашения предопределили формирование так называемой версальско-вашингтонской системы послевоенного устройства мира. Она фиксировала произошедшие в 1914–1922 гг. в мире перемены, но содержала зерна будущих конфликтов.

«Военный коммунизм». Экономическую политику, проводимую Советской властью с середины 1918 г. по март 1921 г., обычно называют политикой «военного коммунизма». Между тем, это определение во многом условно. Во-первых, сам термин «военный коммунизм» появился лишь в 1921 г., когда при введении «новой экономической политики» началось осмысление предшествующего ей экономического курса, который привел к острейшему социально-экономическому и политическому кризису начала 1921 г. и едва не стоил большевикам власти. Во-вторых, та модель общественного устройства, которая утвердилась в результате Гражданской войны, складывалась постепенно, во многом стихийно и противоречиво, под давлением чрезвычайных обстоятельств военного времени. Цель проводимых в 1918–1920 гг. мероприятий была одна: сохранение Советской власти в условиях фактической дезинтеграции страны, враждебного окружения, развала экономики и скудости ресурсов.

Все это объективно предопределило курс на централизацию управления экономикой; жесткую регламентацию производства и потребления;

сведение на нет роли экономических рычагов; усиление административно-репрессивных методов регулирования хозяйственной жизни. И хотя проводимая в середине 1918 — начале 1921 г. политика базировалась на единых принципах, в истории «военного коммунизма» можно выделить два этапа: «складывание» системы в период решающих боев на фронтах гражданской войны (лето 1918 — начало 1920) и «расцвет» «военного коммунизма» в условиях, когда главные враги были разгромлены, а сохранение и «усугубление» чрезвычайных мер становилось все менее оправданным (весна 1920 — март 1921). Историки выделяют следующие черты экономической политики и хозяйственного развития тех лет.

Национализация крупной, средней и части мелкой промышленности. Если осенью 1918 г. в собственности государства было 9,5 тыс. предприятий, то в 1920 — более 37 тыс. Изменилась система управления народным хозяйством, где ведущей стала тенденция централизации. В структуре ВСНХ были созданы «главки» — чисто пролетарские органы управления соответствующими отраслями экономики. По нарядам главка подчиненные ему предприятия получали сырье, полуфабрикаты, а всю производимую продукцию сдавали государственным органам. К лету 1920 г. существовали 49 главков, центров и комиссий. Их специализацию характеризуют названия: Главметалл, Главторф, Главтекстиль, Главтоп, Центрохладобойня, Чеквалап (Чрезвычайная комиссия по заготовке валенок и лаптей) и т.п. А деятельность была ориентирована прежде всего на удовлетворение нужд фронта. Для персонификации ответственности назначались комиссары с чрезвычайными полномочиями. Так, в июле 1919 г. председатель ВСНХ А. И. Рыков был назначен чрезвычайным уполномоченным Совета Обороны по снабжению Красной Армии (Чусоснабарм). Он мог использовать любой аппарат, смещать должностных лиц, реорганизовывать предприятия, изымать товары со складов и у населения под предлогом «военной спешности». Чусоснабарму подчинялись все заводы, работавшие на оборону. Для управления ими был образован Промвоенсовет.

Одним из центральных элементов политики 1919 — начала 1921 г. была *продразверстка*, введенная декретом СНК 11 января 1919 г. Формально в ее основе лежала идея регламентации поставок: если проводившаяся с конца весны 1918 г. «продовольственная диктатура» предполагала просто изъятие «излишков» у всех имевших их крестьян, то теперь губернии облагались «разумным» налогом в зависимости от представлений об их запасах. Эти задания «разверстывались» по уездам, волостям, общинам. На практике же изъятие хлеба по разверстке осуществлялось без учета реальных возможностей хозяев, что вызывало их недовольство и сопротивление. Планы заготовок постоянно срывались, а это, в свою очередь, усиливало репрессии заготовительных органов. Помимо хлеба, к концу 1919 г. по разверстке стали собирать картофель и мясо.

Хронический продовольственный кризис вызвал к жизни нормированное снабжение населения, через карточную систему. В соответствии с классовым принципом и в зависимости от сферы деятельности, городские жители были поделены на четыре категории, от принадлежности к которой зависели объем и порядок снабжения. Число продовольственных и промышленных товаров, подлежащих нормированию, постоянно увеличивалось. Так, в январе 1919 г. в Петрограде было 33 вида карточек: хлебные, молочные, хлопчатобумажные, обувные и т.п. Нормы постоянно менялись, но все время были очень низкими. В мае 1919 г. в Петрограде по первой, высшей, категории, выдавалось 1/2 фунта (200 г), а по третьей — 1/8 фунта (50 г) хлеба в день. О скудости питания свидетельствуют и нормы обеспечения нарождающейся советской элиты или «номенклатуры». На обед в столовой ВЦИК в 1920 г. можно было получить на выбор: 100 г. мяса, или дичи, или рыбы, или 150 г селедки. Все это можно было заменить на 75 г каши, или макарон, или риса, или на 200 г картошки. Еще можно было добавить около 30 г гарнира и 8 г масла. Отказавшись от масла можно было претендовать на соль. Хлеба полагалось 100 г. В столовой СНК эти нормы были в 2–3 раза выше.

В 1920 г. по нормированному снабжению обеспечивались 24 млн человек. Сбор и распределение продовольственных и промышленных товаров были возложены на Наркомпрод, который становился вторым по важности — после военного — ведомством. Подчиненные ему Продармия (в 1920 — 77,5 тыс. человек) и аппарат потребительской кооперации (на 1 первое января 1920 — 53 тыс. обществ) обеспечивали решение этих задач.

Введение нормированного снабжения сопровождалось резким ограничением торговых операций. Национализированы были частные торговые фирмы, склады и даже мелкая торговля, что формально вело к ее запрещению (разрешалось продавать лишь ненормированные продукты, набор которых стремительно сокращался). Однако на деле добиться этого не удалось: мизерные «твердые» закупочные цены вынуждали производителей, а также спекулянтов продавать товары на «черном» рынке по реальным ценам. В результате мелкая рыночная торговля в местном масштабе продолжала существовать. Власти были вынуждены терпимо относиться к этому явлению. Символом неформальных отношений такого рода между властью и населением стала московская «Сухаревка» (рынок в районе Сухаревской площади, аналоги которого существовали повсеместно), где можно было купить и обменять практически все: продовольствие, бриллианты, одежду, валюту, книги, мебель и т.п. В августе 1919 г., в «разгар» «военного коммунизма», Ленин признавал, что городские рабочие приблизительно половину потребляемых ими продуктов получали по госцене из органов Наркомпрода, другую — покупали на частном рынке по спекулятивным ценам.

В 1918–1920 гг. произошла натурализация заработной платы — ее выдача рабочим и служащим продовольствием и предметами первой необходимости. В 1920 г. денежная часть оплаты труда составила лишь 7,4 %. Это было обусловлено резким *падением роли денег* в 1918–1920. Расстройство же денежного обращения было напрямую связано с хозяйственной разрухой. Источники бюджетных поступлений сократились, но государство должно было содержать армию, госаппарат, обеспечивать необходимые отрасли экономики, поддерживать инфраструктуру в городах. В 1918–1920 гг. эти траты осуществлялись за счет безудержной денежной эмиссии: к началу 1918 г. в обращении находилось 22 млрд руб., 1919 — 61,3 млрд, 1920 — 225 млрд, 1921 г. — 1,2 трлн. При этом в ходу были разные денежные знаки: царские («николаевки»), думские деньги, «керенки» (выпущенные Временным правительством), а с февраля 1919 — и «расчетные знаки РСФСР». Нехватка денег и разрыв связей между районами в условиях гражданской войны приводили к появлению местных денег или их суррогатов. Помимо фактически отделившихся окраин, «свои деньги» печатали в Ижевске, Иркутске, Казани, Калуге и других городах. В качестве заменителей использовали разные чеки, боны, трамвайные книжки, этикетки от винных бутылок и т.п. Всего в 1918–1922 гг. на территории бывшей Российской империи «ходил» 2181 денежный знак.

Обесценивание денег вело к немыслимому росту цен. Коробка спичек или билет в трамвае стоили миллионы рублей. В 1921 г. покупательная способность 50-тысячной советской купюры приравнивалась к довоенной монете в одну копейку. И хотя в государственном секторе формально сохранялись различия в зарплате (в 1919 — в пять раз между высшей и низшей категориями), на практике это не имело значения, так как основную часть все работники получали натуральными пайками, а здесь разрыв в обеспечении составлял от 2 до 9%. Таким образом, сложилось уравнительное распределение как неотъемлемая часть существовавшей в стране экономической системы.

Столь же характерным ее элементом была *милитаризация труда*, во многом обусловленная невозможностью его экономического стимулирования. Первоначально трудовая повинность касалась только представителей буржуазии, но с октября 1918 г. все трудоспособные граждане от 16 до 50 лет должны были встать на учет в отделах распределения рабочей силы, которые могли направить их на любую необходимую работу. С конца 1918 г. власти прибегали к призыву (подобно армейскому) рабочих и служащих на госслужбу и в определенные отрасли экономики. Работники принудительно закреплялись на предприятиях и в учреждениях, самовольный уход приравнивался к дезертирству и карался по законам военного времени (суд трибунала, заключение в концлагерь).

Содержание экономической политики и способы ее осуществления в 1918–1919 гг. во многом совпадали с теоретическими представлениями большевиков о том, каким должно быть социалистическое общество. Это историческое совпадение породило определенную эйфорию в отношении военных, командных, административных мер, которые стали рассматриваться не как вынужденные, а как основной инструмент социалистического строительства. Совокупность этих представлений Ленин позднее назвал «военно-коммунистической идеологией». Она оформилась к началу 1920 г., когда объективные условия применения чрезвычайных методов сходили на нет. Красная Армия добывала остатки крупных белогвардейских соединений, и основная масса населения не желала далее жить в условиях «деспотического социализма», рассчитывая на восстановление привычной жизни, в которой снабжение осуществлялось не по карточкам через малоэффективные структуры Наркомпрода, а посредством рынка, торговли, где главные действующие лица — покупатель и продавец — легко находили общий язык без навязчивых советских посредников. Между тем, именно в начале 1920 г. был взят курс на дальнейшее «закручивание гаек» по всем направлениям.

В марте 1920 г. под руководством Л. Д. Троцкого была создана Комиссия для подготовки плана строительства социализма в мирных условиях. Ее рекомендации носили ярко выраженный военно-коммунистический характер. Предусматривались расширение продразверстки, огосударствление экономики, разработка общегосударственного плана, расширение всеобщей трудовой повинности, создание трудовых армий и милитаризация всей системы управления.

Предложения Комиссии были с энтузиазмом одобрены большинством делегатов IX съезда РКП(б), работавшего с 29 марта по 5 апреля 1920, которые своим решением «осветили» изложенный Троцким курс. В соответствии с этим в 1920 г. ненавидимая деревенским большинством продразверстка была распространена на новые виды сельхозпродуктов и сырья (к хлебу, мясу, картофелю прибавились молоко, яйца, шерсть, кожа, лен и т.д.). Сохранялось привлечение крестьян к другим видам трудовых «повинностей». Утвержден план засева полей, следить за реализацией которого должны были следить посевкомы. В конце 1920 г. были национализированы и мелкие предприятия («с числом рабочих более десяти или пяти, но использующих механический двигатель»). В декабре 1920 г. на VIII съезде Советов был принят план ГОЭЛРО. Формально посвященный энергетике, он содержал перспективную комплексную программу создания социалистической экономики. Апофеозом милитаризации труда стали трудовые армии. Они формировались с начала 1920 г. из высвобождающихся на фронте воинских частей. В июле в народном хозяйстве были заняты 2,5 млн красноармейцев, которых стали именовать «трудармейцами» и использовали главным об-

разом на тяжелых работах в строительстве и на транспорте. Однако производительность их труда была низкой.

В конце 1920 — начале 1921 г. была достроена до своего логического конца военно-коммунистическая система уравнительного обеспечения населения: отменены плата за пользование жильем, транспортом, другие коммунальные услуги. В 1919–1920 гг. широкий размах приобрела кампания за упразднение денег. В июне 1920 г. ВЦИК даже принял резолюцию о важности распространения безналичных расчетов «с целью полной отмены денежной системы». В принципиальном плане по этому поводу в руководстве не было расхождений, реализация идеи уперлась в нерешенность вопроса о том, чем заменить рубль в качестве единицы измерения труда и расчета между предприятиями. Предлагалось вместо него ввести «треды» — трудовые единицы. Однако дискуссия не была завершена, ее тема отпала лишь при переходе к нэпу.

Несмотря на последовательность «военно-коммунистического» курса, на рубеже 1920–1921 гг. он все чаще давал сбои. Резко сократил перевозки железнодорожный транспорт, что было обусловлено нехваткой топлива, которое без охоты поставляли крестьяне и полуголодные шахтеры. В результате снизился подвоз продовольствия в промышленные центры. На этом сказались и массовые крестьянские выступления; их участники не только сами не сдавали хлеб, но и препятствовали его доставке другими. Армия, состоявшая в подавляющем большинстве из крестьян, становилась все менее надежным союзником в борьбе на «внутреннем фронте». Более того, демобилизованные красноармейцы, возвращаясь домой, часто прямоком шли в «бандиты».

В связи с ухудшением снабжения обострилась социальная ситуация в городах, участились рабочие волнения. В этой среде также требовали замены разверстки налогом. В феврале 1921 г. в «колыбели революции» — в Петрограде — против бастующих рабочих власти направили войска. Таким образом, в движение приходила основная опора большевиков — рабочий класс и армия. Перед руководством страны возник выбор: либо во имя идеи продолжать «военный коммунизм» и рисковать властью, либо пойти на уступки и выждать более удобного момента для дальнейшего наступления. Как прагматик Ленин сделал выбор в пользу второго варианта. И уже в феврале 1921 г., еще до кронштадского выступления моряков, в партии активно обсуждались варианты снижения налогового бремени крестьян.

При общем усилении централизации и укоренении авторитарных методов, в 1918–1920 гг. в партийной верхушке сохранялись элементы демократизма и достаточно свободное обсуждение принципиальных вопросов. В дискуссиях участвовали коммунисты, представлявшие различные элементы советской политической системы: ЦК РКП(б), ВЦИК, СНК, ВСНХ, ВЦСПС. Сторонники общих позиций объединялись в

различные «группы», «платформы» и т.п. Причем весьма существенными были «оттенки» во мнениях: все чаще раздавались голоса в пользу проведения более гибкой экономической политики, прежде всего в отношении крестьянства.

В 1920 г. важное место занимали вопросы внутрипартийной жизни, а в более широком плане — методы управления страной. Под огонь критики попал и Ленин. Представители партийной группировки «децистов» («демократических централистов»), отмечая его выдающуюся роль в сложившейся системе «пролетарского единодержавия», указывали, что «у вождя пролетарской диктатуры политические интересы и способности подавляюще господствуют над организационными». Обращалось внимание на «бюрократическое перерождение верхушек правящего аппарата». В июле 1920 г. появилось письмо секретаря ЦК РКП(б) Е. А. Преображенского о симптомах разложения партии, которое положило начало дискуссии о «верхах и низах». «Низы» выступали против диктата «обуржуазившихся лжекоммунистов, генералов, шкурников, партбюрократов», настаивали на демократизации партии, предоставлении большей самостоятельности ее организациям.

Те же мысли звучали на IX партийной конференции (сентябрь 1920) из уст представителей «рабочей оппозиции» (возглавляли А. Г. Шляпников, С. П. Медведев, А. М. Коллонтай), которые говорили об отрыве партии от рабочего класса и ее «засоренности» непролетарскими элементами, о бюрократическом перерождении «верхов» и необходимости партийной чистки. С конца ноября 1920 г. до марта 1921-го продолжалась бурная дискуссия о профсоюзах, многие ее участники осуждали официальный курс на «огосударствление профсоюзов», выступали против их превращения в придаток бюрократического управленческого аппарата. «Верхи» реагировали на все это созданием ЦКК (Центральной контрольной комиссии), призванной следить за единством и пресекать злоупотребления в партии; в феврале 1921 г. были сокращены привилегированные пайки и уравнены нормы снабжения руководящих кадров и рабочих. В то же время уже весной 1921 г. Ленин предпринял энергичные меры по подавлению «оппозиционеров» и «раскольников», сохранению в партии «железной» дисциплины.

§ 4. Культурная и церковная политика Советской власти

В советской исторической науке широко использовался термин «культурная революция». Под ним понимали коренной переворот в духовной жизни общества, произошедший в России после Октября 1917 г. При этом обращалось внимание почти исключительно на положительные последствия перемен в идеологической жизни, образовании, науке,

художественном творчестве. Сейчас же, напротив, многие авторы избегают писать о культурной революции. И такой отказ представляется не вполне корректным.

Большевистские преобразования в области культуры носили действительно революционный характер, качественно отличались от культурной практики как старой России, так и других государств. Поэтому под «культурной революцией» следует понимать исторически конкретный тип политики, который предопределил условия и содержание духовного развития российского общества после 1917 г. Содержанием «культурной революции» были утверждение социалистической идеологии в качестве единой мировоззренческой основы всех советских граждан и широкая демократизация культурной жизни. А демократизация представлялась и как просвещение народа, и как его вовлечение в создание культурных ценностей. Этот путь отмечен не только несомненными достижениями, но и значительными потерями.

На культурную политику Советской власти 1917–1920 гг. оказывали влияние теоретические представления большевиков о роли и задачах культуры, обстановка острейшего противостояния Гражданской войны, а также состояние социокультурного раскола, в котором находилось российское общество с начала XX в.

В своих взглядах на культуру В. И. Ленин продолжал линию российской революционной эстетики. Он полагал, что искусство призвано отражать жизнь с позиций определенных классов, способствовать изменению отживших порядков. С этой точки зрения вождь и литературу, и другие виды художественного творчества рассматривал как часть «общепролетарского дела» борьбы против буржуазии и помещиков. А поскольку интересы рабочих и капиталистов несовместимы, то из прошлого необходимо брать лишь «освободительные элементы культуры», связанные с творчеством и деятельностью революционеров.

Опираясь на такой подход, Ленин сформулировал теорию «двух культур», существующих в каждой национальной культуре. Он выделял, с одной стороны, «буржуазную», «помещичью», с другой — «пролетарскую культуру». Из этого следовал вывод, что само понимание единой национальной культуры — ложное, национальной же культуры не существует. Причем непролетарскую культуру он ставит в кавычки, отказывая ей в праве считаться таковой. При этом «реакционная» культура, по Ленину («помещичья», «буржуазная», «черносотенная») — национальна, а «прогрессивная» культура пролетариата — интернациональна.

В ленинском подходе всей культуре, за вычетом пролетарской, объявлялась «беспощадная», «непримиримая» борьба. Ленин гордился тем, что великорусская нация дала «человечеству великие образцы борьбы за свободу и социализм», то есть культуру он приравнивает к борьбе. Такой методологический подход ставил перед победившей большевистской вла-

стью практически неразрешимую задачу: из всей дореволюционной культуры предстояло «вырезать» ее пролетарские части, подавив при этом непролетарские. Учитывая незначительный удельный вес пролетариата и «социалистической интеллигенции» (главным образом профессиональных революционеров) в социальной и политической структуре России, можно объяснить и понять, почему новая власть столь широко применяла методы принуждения и насилия при создании «социалистической культуры». А ленинскому взгляду противостояло общедемократическое толкование культуры как области свободного духовного творчества, не ограниченного рамками партийной идеологии и тем более не подчиненного какой-либо партийной организации и ее дисциплине.

Большевистские взгляды на дореволюционную культуру имели определенную почву для распространения в связи с тем социокультурным расколом русского общества, который в начале XX века стал осознаваемой всеми реальностью. С одной стороны — утонченная, европеизированная культура элиты (дворянство, буржуазия, интеллигенция), с другой — бескультурная, забитая, неграмотная масса крестьян и городских низов. Первые с опасением ожидали прихода «Грядущего хама» (Мережковский). Вторые в культурной элите часто видели «бар», «господ», к которым относились неприязненно. В годы войны эта неприязнь перерастала в нетерпимость, а затем — в ненависть. «Просвещенные классы» часто платили тем же, относясь к революционным массам без всякой симпатии.

Постепенно формировалась советская система руководства культурным строительством. 9 ноября 1917 г. совместным Декретом ВЦИК и СНК учреждена Государственная комиссия по просвещению, на которую возлагалась задача руководить всей системой народного образования и культуры. Комиссия занималась и созданием аппарата Наркомата просвещения РСФСР, который был образован 18 июня 1918 г. Наркомпрос возглавил А. В. Луначарский, его заместителем стал историк М. Н. Покровский. Структура наркомата отражала многогранность его деятельности. Осенью 1918 г. в его состав входили отделы введения всеобщей грамотности, внешкольного образования, школьного строительства, высшей школы, народных университетов, театрального, изобразительного искусств. В своей работе Наркомпрос опирался на отделы народного образования, создававшиеся при местных Советах.

Вопросам народного просвещения и совершенствованию руководства этой сферой придавалось большое значение со стороны партийных структур. В конце 1920 — начале 1921 г. шла подготовка реорганизации НКП. Новое Положение о его работе (утверждено Декретом СНК 11 февраля 1921) разрабатывалось по решению Пленума ЦК РКП(б) комиссией во главе с Лениным. Согласно документу, Наркомпрос подразделялся на Академический центр (в составе научной и художествен-

ной секций, Главархива и Главмузея), Организационный центр, Главпрофобр (Главное управление социального воспитания и политехнического образования), Главполитпросвет (Главное внешкольное управление), Госиздат (Главное управление государственного издательства) и Совет по делам просвещения национальных меньшинств.

Особое место в налаживании культурно-просветительской работы и организации управления культурой в 1917–1920 гг. занимал Пролеткульт. Как негосударственный союз пролетарских, культурно-просветительских организаций он оформился организационно в октябре 1917 г. В 1918 г. зарегистрировано 147 губернских, районных и фабрично-заводских организаций. В сентябре 1918 г. на I Всероссийской конференции пролеткультов был принят устав и избран Центральный комитет, который создал Всероссийский совет и отделы: организационный, литературный, издательский, театральный, школьный, библиотечный, книжный, музыкально-вокальный и хозяйственный.

Наибольший размах пролеткультовского движения пришелся на 1919 г., когда в нем участвовало почти полмиллиона человек, издавалось около 20 журналов. Между тем теоретики и руководители Пролеткульта (А. А. Богданов, В. Ф. Плетнев, Ф. И. Калинин) по ряду вопросов занимали существенно отличные от большевистских позиции. Во-первых, они полагали, что рабочий класс должен сначала выработать свою, «пролетарскую культуру», а затем критически освоить прошлую; некоторые отвергали всю предшествующую культуру. Во-вторых, считали, что Пролеткульт должен оставаться организацией, независимой от партийных и государственных структур, и, более того, вмешательство государства в творчество является «большим унижением культурного достоинства рабочего класса, отрицанием его права культурно самоопределиваться».

Ленина как политика не устраивала именно эта «неподконтрольность» массовых пролетарских объединений. В октябре — ноябре 1920 г. по разным линиям давление на «пролеткультовцев» усилилось и было принято принципиально важное решение о слиянии Пролеткульта с Наркомпросом: в составе последнего создавался отдел пролетарской культуры. 1 декабря 1920 г. в «Правде» было опубликовано письмо ЦК РКП(б) «О пролеткультах», где расставлялись все точки над «i»: в своей деятельности пролеткульти должны были руководствоваться «направлением, диктуемым Наркомпросу РКП».

Напряженно складывались отношения Советской власти с интеллигенцией. Большая часть работников умственного труда с энтузиазмом встретила свержение царизма и приветствовала начало демократических преобразований. Однако вскоре наступило разочарование бездейственным Временным правительством, затем — возмущение большевиками, захватившими власть и разогнавшими демократически избранное Учредительное собрание. Поэтому после Октября 1917 г. многие

профессиональные союзы интеллигенции и служащих отказались от сотрудничества с Советской властью, которая смогла «сломить саботаж» лишь к лету 1918.

Большая часть интеллигенции была настроена либерально, но не готова принять те масштабы применения насилия и радикализм преобразований, которые достаточно скоро проявились в политике большевиков. Массовый террор, Гражданская война, немедленное введение социализма, мировая революция — все это оттолкнуло от ленинцев даже тех, кто ранее симпатизировал революционерам (А. М. Горький, В. Г. Короленко, А. А. Блок, Ф. И. Шаляпин и др.). Фундаментальное противоречие в отношении большевиков к культуре состояло в том, что, признавая необходимость овладевать достижениями культуры прошлого, они неприязненно относились к интеллигенции как слою — хранителю, носителю и создателю духовных ценностей. Ленин писал: «Капитализм оставил нам громадное наследство, оставил нам своих крупнейших специалистов, которыми должны непременно «воспользоваться», но для этого необходимо их «перевоспитать» в духе «марксистского мирозерцания».

Многие представители интеллигенции из соображений экономических и патриотических пошли на сотрудничество с Советской властью, но слой в целом оставался под подозрением, часто становился объектом репрессий. 11 сентября 1919 г. ЦК РКП(б) даже рассматривал вопрос «О массовых арестах среди профессоров и ученых». М. Горький в 1918–1920 г. постоянно выступал в роли просителя перед высшими партийными чиновниками за арестованных деятелей культуры; «пролетарский писатель» указывал на «бессмыслие и преступность истребления интеллигенции в нашей безграмотной и некультурной стране». Все это привело к массовой эмиграции лиц интеллигентских профессий.

Сложным и противоречивым было отношение новой власти к культурному наследию. Не только руководители Пролеткульта, но и влиятельные большевистские вожди (Л. Д. Троцкий, Н. И. Бухарин и др.) разделяли нигилистическое отношение к культуре прошлого. У руководства ряда отделов искусств Наркомпроса, а также во главе многих творческих организаций, художественных учебных заведений оказались «левые», которые при всех различиях между ними, не считали нужным включать в социалистическую культуру достижения классического культурного наследия. Влиятельный тогда Д. Бедный так выразил эти настроения: «... пролетарские писатели имеются. Пусть не первого ранга. Пока не беда. Пусть три сопливеньких, но свои».

В октябре 1917 г. предприняты шаги по сохранению культурного наследия. Луначарский подписал распоряжение об объявлении Зимнего дворца государственным музеем. Позже музеи были открыты во дворцах Царского Села, Петергофа, Гатчины. Совнароком принял важные Декреты «О запрещении вывоза за границу предметов особого художе-

ственного и исторического значения», «О регистрации, приеме на учет и сохранении памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений», «О признании научных, литературных, музыкальных и художественных произведений государственным достоянием» и др. Эти акты ориентировали на бережное отношение к культурному наследию. Однако обстановка Гражданской войны, слабость государства, нехватка кадров не позволяли в полном объеме выполнять принятые решения. Большие масштабы приобрели разрушение и разграбление художественных ценностей, многие из которых погибли, были растащены грабителями, вывезены за рубеж. Попыткой навести порядок в этой сфере было создание по инициативе М. Горького в 1919 г. специальной Экспертной комиссии для выявления, сбора, изучения национализированных произведений искусства, антикварных ценностей, предметов роскоши.

В то же время, уже с начала 1918 г. в Петрограде и Москве начинается стихийная распродажа за бесценок целых галерей, богатых библиотек, предметов искусства и старины с последующим их вывозом за границу. Вскоре к этой «деятельности» подключилось и государство. 12 февраля 1921 г. было опубликовано подписанное В. И. Лениным постановление Совнаркома «О составлении государственного фонда ценностей для внешней торговли». Документ предписывал создание «запаса художественных ценностей и предметов роскоши и старины», которые Наркомат внешней торговли мог использовать для своих коммерческих операций. Эта, осуществлявшаяся негласно в 1920–1930-х годах практика, приобрела широкий размах, и многие ценные произведения искусства, ранее принадлежавшие России, оказались в зарубежных музеях и частных коллекциях.

Одной из наиболее тяжелых для новой России была проблема ликвидации массовой неграмотности населения. Большевики рассматривали ее и как образовательную, и как политическую задачу. Ленин писал: «Я могу сказать, что пока у нас в стране есть такое явление, как безграмотность, о политическом просвещении слишком трудно говорить... Безграмотный человек стоит вне политики, его надо сначала надо обучить азбуке». Государственная комиссия по просвещению (создана 9 ноября 1917) заявила о намерении правительства «добиться в кратчайший срок всеобщей грамотности путем организации сети школ, отвечающих требованиям современной педагогики и введения всеобщего обязательного и бесплатного обучения». Однако реально приступить к решению этой задачи удалось лишь в конце Гражданской войны.

26 декабря 1919 г. Совнаркомом издал Декрет «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР», согласно которому все граждане от 8 до 50 лет, не умеющие читать и писать, должны были обучаться грамоте. Для концентрации усилий и обобщения опыта в июле 1920 г.

при Наркомпросе организована Всероссийская чрезвычайная комиссия по ликвидации безграмотности (ВЧКликбез). Она занималась подготовкой преподавателей, выпуском учебников, открытием школ грамоты. За год выпущено 6,5 млн экз. букварей, в 1920 г. грамоте удалось обучить 3 млн человек. Однако основная работа была впереди: к этому времени читать умели лишь 32% жителей центральной части России.

Большие изменения в 1917–1920 гг. претерпела школа. Здесь позиции Советской власти были сформулированы в двух документах: «Положение об организации дела народного образования в Российской республике» (утверждено СНК 18 июня 1918) и «Положение о единой трудовой школе» (утверждено ВЦИК 30 сентября 1918). Ликвидирована была прежняя школьная система: начальная, различные виды средней школы — гимназии, реальные училища. Вместо них вводилась двухступенчатая школа: первая для детей от 8 до 13, вторая — 13 до 17 лет, что на три года сокращало прежний срок обучения. Вводилось совместное обучение мальчиков и девочек, из учебных планов были изъяты некоторые предметы (древние языки, закон божий), введены новые. Определены были новые принципы образовательного процесса: светский характер обучения, органическая связь обучения с производительным трудом — решением практических задач общества. Не обошлось и без «перегибов»: в школах отменялись экзамены, домашние задания, оценки, отказывались от разработки учебных планов и программ (под лозунгом: «Изучать жизнь, а не учебные предметы»).

Несмотря на тяжелые условия, ежегодно открывались тысячи новых городских и сельских школ (к 1920 г. открыто 13 тыс. новых школ, а число учащихся на 1 млн превысило уровень 1914 г и достигло 9 млн). За годы войны были предприняты важные шаги в подготовке учительского корпуса: число педагогических вузов в сравнении с дореволюционным временем удвоилось и достигло 55. В 1920 г. их закончили около 5 тыс. человек. Менялось представление о роли учителя в учебном процессе. На VIII съезде РКП(б) в 1919 г. отмечалось, что «учителя обязаны рассматривать себя как агентов не только общего, но и коммунистического просвещения. В этом отношении они должны быть подчинены не только контролю своих непосредственных центров, но и местных партийных организаций».

С большими трудностями столкнулась новая власть при перестройке высшего образования. Поставлена была задача демократизации состава студенчества за счет привлечения в вузы выходцев из социальных низов. Идеологическое преобразование высшего образования требовало изменения учебных программ, чему противился профессорско-преподавательский корпус, в основной массе негативно относившейся к Советской власти и ее стремлению установить контроль над вузами. Чтобы переломить ситуацию, с середины 1918 г. СНК предпринял ряд

важных шагов. 2 августа 1918 г. утвержден Декрет «О правилах приема в вузы», согласно которому каждый гражданин, достигший 16 лет, мог быть принят в вуз без экзаменов; при этом документы о среднем образовании не требовались. Он предписывал принимать прежде всего «лиц из среды пролетариата и беднейшего крестьянства, которым будут предоставлены в широком размере стипендии». Декрет привел к резкому увеличению числа первокурсников, большая часть которых, однако, была отсеяна из-за неподготовленности.

Выход был найден в создании рабочих факультетов: на рабфаках в сжатые сроки выходцы из рабочих и крестьян должны были ликвидировать пробелы в школьном образовании и подготовиться для дальнейшей учебы в вузах. Первый рабфак был создан в феврале 1919 г. в московском коммерческом институте (ныне Российская экономическая академия имени Г. В. Плеханова), затем их организовали при большинстве вузов. И хотя классовый принцип при наборе студентов проводился последовательно, задачу «пролетаризации» высшей школы решить так и не удалось: большую часть студенчества составляли выходцы из непролетарских групп.

Осенью 1918 г. предпринята попытка подорвать позиции старой профессуры. С 1 октября 1918 г. отменялись все научные степени и звания; а преподаватели оказались выбывшими из числа сотрудников вузов и могли быть избранными лишь по всероссийскому публичному конкурсу. Это, однако, не привело к ожидаемым властью результатам: заменить вузовских «спецов» власти было нечем, и большая часть преподавателей осталась на своих местах. В 1919 г. были ликвидированы гуманитарные факультеты университетов, которые заменили факультетами общественных наук и комплектовали более лояльными кадрами.

Новое наступление на высшую школу началось с конца 1920 г. Во главе МГУ был поставлен Временный президиум, состав которого частично назначался Наркомпросом, частично избирался. Председателем президиума стал назначенный Наркомпросом профессор-коммунист Д. П. Благолепов. Право замещения профессорских должностей перешло к Государственному ученому совету (ГУС) Наркомпроса. 3 декабря 1920 г. был опубликован Декрет СНК «О реорганизации преподавания общественных наук в высших учебных заведениях». Преподавателям предписывалось в сжатые сроки пересмотреть сквозь призму марксизма содержание курсов и обучать студентов на основе перестроенных по-новому программ. Несмотря на изменение качества образования, общее число вузов за годы гражданской войны выросло: в 1914 г. в России было 105 вузов, а в конце 1920 — 255, в которых обучались 216 тыс. студентов. Перестройка высшей школы продолжалась в 1920–1930 гг.

В сложных условиях войны и связанных с ней лишений происходило развитие отечественной науки. Большевики изначально ставили за-

дачу привлечения ученых для развития производительных сил страны. Нехватка кадров и материальных ресурсов привела к тому, что в организацию научной деятельности стало активно внедряться плановое начало. Вопросы управления наукой были в центре внимания двух государственных учреждений: ВСНХ и Наркомпроса. В августе 1918 г. при ВСНХ был создан Научно-технический отдел (НТО), в задачу которого входило привлечение к социалистическому строительству сотрудников различных лабораторий, научных и технических обществ, опытных станций. В его составе создано Бюро иностранной техники, призванное отслеживать зарубежные научно-технические нововведения с целью их своевременного внедрения в нашей стране.

Если ВСНХ чаще ориентировался на прикладные аспекты научной деятельности, то Наркомпрос курировал более широкий круг вопросов организации науки. В феврале 1921 г. в его составе создан Академический центр, куда входил Государственный ученый совет (ГУС) с тремя секциями: научно-политической, научно-технической и научно-педагогической. В рамках этих направлений наркомат осуществлял руководство как научными центрами, так и высшей школой.

Весной 1918 г. устанавливаются рабочие контакты правительства с Академией наук (президент — А. П. Карпинский). Особенно активно действовала академическая комиссия по изучению естественных производительных сил России (КЕСП), в работе которой принимали участие известные ученые академики В. И. Вернадский, А. Н. Крылов, Н. С. Курнаков, П. П. Лазарев, А. Е. Ферсман и др. В составе комиссии действовали 20 специализированных отделов. Всего же за 1918–1920 гг. было создано около 50 научно-исследовательских институтов, в числе которых такие известные, как Центральный аэрогидродинамический институт (ЦАГИ), Государственный физико-технический институт, Институт изучения мозга и психической деятельности, Рентгенологический и радиологический институт, Институт по изучению Севера. Символичным для нового характера отношений между наукой и властью стало участие 200 видных специалистов в работе Государственной комиссии по электрификации России, которая разработала план ГОЭЛРО. Этот комплексный перспективный план (рассчитан на 10–15 лет) предусматривал ускоренное развитие энергетики, тяжелой промышленности, рациональное размещение производительных сил.

Значительно сложнее дело обстояло с положением общественных наук. Дореволюционные философия, социология, экономика, право, история считались «зараженными» буржуазной идеологией и в подавляющей части непригодными для победившего пролетариата. Активное неприятие носителей «реакционных» взглядов было продемонстрировано насильственной высылкой за рубеж по инициативе В. И. Ленина в мае 1922 г. более 160 видных ученых-гуманитариев. В то же время,

кадров образованных марксистов, необходимых для решения научных и педагогических задач, было катастрофически мало. Это вело к тому, что освоение марксистского наследия происходило одновременно с созданием учебных и научных центров коммунистического профиля, сопровождалось значительным упрощением и вульгаризацией социальной теории.

После Октября 1917 г. заметно изменились условия художественного творчества. На первый план вышли «левые», авангардные течения, которые претендовали на роль единственных представителей нового пролетарского искусства. Особым влиянием пользовались футуристы, которым симпатизировал А. В. Луначарский. Он писал: «В футуризме есть одна прекрасная черта — это молодое и смелое направление. И поскольку лучшие его представители идут навстречу коммунистической революции, постольку они легче могут стать виртуозными барабанщиками нашей красной культуры».

Футуристы привлекали власти тем, что призывали деятелей искусства активно служить своим творчеством революции, искали новые яркие формы художественной выразительности. К числу своих достижений периода Гражданской войны они относили плакатную живопись Д. С. Моора и А. П. Апсита, агитационную пьесу В. В. Маяковского «Мистерия-буфф» в режиссуре В. Э. Мейерхольда, создание «Башни Третьего интернационала» (модель памятника III Интернационалу) В. Е. Татлина. Однако в 1921 г. В. И. Ленин выразил недовольство чрезмерным развитием «формалистического» искусства, широким распространением футуризма. В беседе с Луначарским он предлагал поддержать и реалистическое направление в искусстве.

К этому времени сложилось представление об основных задачах политики Наркомпроса как главного проводника государственной политики в области художественного творчества. Они были сформулированы А. В. Луначарским на встрече с представителями Всероссийского союза работников искусств: сохранение действительных ценностей искусства прошлого; критическое освоение их пролетарскими массами; всемерное содействие созданию опытных форм революционного искусства; использование всех видов искусства для пропаганды идей коммунизма и их проникновения в массу работников искусства; объективное отношение ко всем художественным течениям; демократизация всех художественных учреждений и широкая их доступность массам.

Итогом революционных событий 1917–1920 гг. стало разделение русской культуры, формирование трех ее потоков. Первый, руководимый идеологическими аппаратами партии, «официальный». Второй — «несоциалистическая» художественная культура, существовавшая в условиях советской легальности. Третий — культура русского зарубежья. В первом случае непременным требованием к произведению было

сочетание социалистической направленности с убедительностью художественной формы, при этом приоритет отдавался мировоззренческой, идеологической составляющей. Во втором литераторы и художники развивали прежние, часто дореволюционные традиции, но их произведения не несли в себе заряда «социалистического воспитания». Власть их терпела, однако создавала препятствия распространению их работ. Эти люди становились объектами идеологических и других репрессий. Третий поток русской культуры, развивался вне зависимости от коммунистического диктата, но изолированно от Родины и потому не оказывал заметного влияния на ее духовную жизнь. Воссоединение этих трех потоков началось лишь в конце XX в.

Драматично складывались отношения между Советской властью и Церковью. РСДРП(б) была партией атеистов и рассматривала религию как один из инструментов угнетения трудящихся. Маркс писал: «Религия — это вздох угнетенной твари, сердце бессердечного мира, подобно тому как она — дух бездушных порядков. Религия есть опиум народа». Программные требования партии были обоснованы Лениным в статье «Социализм и религия» (1905). «Государству не должно быть дела до религии, религиозные общества не должны быть связаны с государственной властью. Всякий должен быть совершенно свободен исповедывать какую угодно религию или не признавать никакой религии, т.е. быть атеистом, каковым и бывает обыкновенно всякий социалист. Никакие различия между гражданами в их правах в зависимости от религиозных верований совершенно недопустимы. Всякие даже упоминания о том или ином вероисповедании граждан в официальных документах должно быть безусловно уничтожено. Не должно быть никакой выдачи государственной церкви, никакой выдачи государственных сумм церковным и религиозным обществам, которые должны стать совершенно свободными, независимыми от власти союзами граждан-единомышленников... Полное отделение церкви от государства — вот требование, которое предъявляет социалистический пролетариат к современному государству и современной церкви». Однако большая часть партийных лидеров стояла на позиции воинствующего атеизма и была настроена не на сосуществование с Церковью, а на ее активное подавление. Да и сам Ленин, говоря о духовенстве, как правило, пользовался определениями «черносотенное», «реакционное», «рабовладельцы».

Однако Русская Православная церковь (РПЦ) к 1917 г. тоже находилась в состоянии кризиса. Созданная в стране система церковного руководства была частью государственного аппарата, управление Церковью носило светский, бюрократический характер. Это вело к падению авторитета официальных церковных структур. Многие церковные деятели тяготились таким положением и стремились к выходу РПЦ из «подневольно-государственного положения к свободному выборному

строю». Широкий круг проблем глубокого реформирования Церкви был призван рассмотреть Поместный Собор, который работал (с перерывами) в течение 13 месяцев (с 15 августа 1917 по 20 сентября 1918). Он восстановил патриаршество. 5 декабря 1917 г. на этот пост был избран пользовавшийся авторитетом в церковной среде митрополит Московский Тихон (В. И. Беллавин).

Тем временем захватившие власть большевики начали планомерное наступление на Церковь. По декрету от 4 декабря 1917 г. все земли, включая церковные и монастырские, отбирались в руки государства. Постановлением Наркомпроса от 11 декабря в его ведение перешли церковно-приходские школы, семинарии, духовные академии. 18 декабря был введен гражданский брак, а церковный аннулировался; регистрация рождения также была изъята у Церкви. И наконец, 31 декабря 1917 г. был опубликован проект декрета «О свободе совести», который вызвал особенно широкий резонанс. Помимо общедемократических установлений, отделявших церковные дела от государственных, в нем сообщалось, что отныне «церковные общества не имеют права владеть собственностью и не имеют прав юридического лица»; «все имущество церковных и религиозных обществ... поступает в собственность государства» и что «имуществом приходов будут ведавать волостные, земские и городские самоуправления». Таким образом, по проекту декрета Церковь становилась не только нищей, но и бесправной.

В глазах многих легитимность проекта декрета была сомнительной. Вопрос о месте Церкви в новой политической системе должно было решить Учредительное собрание, до созыва которого и советское правительство имело статус «временного». И это, далеко не всеми признаваемое, правительство взялось решить судьбу института, много веков игравшего важную роль в истории страны. Поэтому объяснимо то возмущение, которое выразили как церковные иерархи, так и рядовые верующие. Патриарх Тихон направил правительству послание, в котором предал большевистскую власть анафеме; принятые в отношении Церкви акты он назвал проявлением «самого разнузданного своеволия и сплошного насилия на святой Церковь». Тихон призвал пастырей Церкви «устраивать духовные союзы» и организовать «ряды духовных борцов» на защиту «попираемых прав Церкви». Проект декрета был осужден Поместным Собором. В Петрограде и Москве прошли крестные ходы в защиту Церкви, в которых приняли участие сотни тысяч верующих.

Советская власть ответила быстро и жестко. 20 января 1918 г. Ленин изучил представленный Наркомюстом итоговый проект декрета, внеся в него более резкие формулировки. В тот же день «Декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах» был утвержден Совнаркомом. Предвидя непопулярность документа, его подписали, кроме Ленина, еще восемь членов правительства. В официальном пра-

вительственном издании декрет появился 23 января 1918 г. под другим названием: «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Именно эта дата и название утвердились в литературе.

Публикация декрета не сопровождалась подготовкой разъяснений и инструкций по его применению, что привело к многочисленным эксцессам. Жертвами безбожных чиновников и разнузданных грабителей становились те, кто пытался препятствовать захвату церковного имущества и ценностей. Насилие порождало насилие: весной 1918 г. произошло более 1400 кровавых столкновений, в ходе которых убито 138 представителей партии и Советской власти. С целью упорядочения работы по реализации декрета в мае 1918 г. при Наркомосте для решения церковных дел создан специальный отдел, который получил характерное название «ликвидационный». По февральскому (1919) постановлению наркомата осуществлялось публичное вскрытие святых мощей, что использовалось для атеистической пропаганды.

Все это привело к тому, что конфликт между большевиками и верующими стал одним из факторов эскалации Гражданской войны. Духовенство приняло активное участие в организации сопротивления большевизму. В белогвардейских армиях действовали кадры военного духовенства. В армии Деникина было около 1000 священников, у Врангеля — более 500, у Колчака — несколько тысяч. В Сибири под общим руководством омского епископа Сильвестра (Ольшанский) созданы «полки Иисуса», «полки Богородицы», возглавлявшиеся священниками. Подобные части действовали и на Юге.

В свою очередь, росла ненависть большевиков к церковникам: закрывались монастыри и храмы, реквизировалось церковное имущество, массовый характер носили убийства священников. Антицерковные погромы достигли своего апогея в 1922 г. В то же время, уже в годы Гражданской войны, в среде духовенства возникает течение в пользу сотрудничества с новой властью. В сентябре 1920 г. в Москве учрежден «Комитет по делам духовенства всея России», одной из целей которого было «умственное и моральное развитие (духовенства) в соответствии с запросами времени и для приспособления его к новому строю». Протест церковников против политики Тихона проявился и в так называемом «обновленческом» движении (возглавлялось протоиереем А. И. Введенским), участники которого требовали прекращения «Гражданской войны Церкви против государства».

* * *

Революция и гражданская война явились результатом обострения российских противоречий начала XX в., которые были усугублены войной. Неспособность правящей элиты адекватно отреагировать на вызовы времени стала главной причиной революционного взрыва.

Февраль 1917 г. коренным образом изменил политическую систему России. Перед страной открывалась возможность обновления, глубоких преобразований в экономической, социальной, политической и духовной сферах. Однако оказавшиеся на гребне революционной волны партии и лидеры всячески оттягивали решение насущных российских проблем. «Нашелся бы на свете хоть один дурак, который пошел бы на социальную революцию, если бы вы действительно начали социальную реформу?» — адресовал справедливый вопрос меньшевикам и эсерам В. И. Ленин.

На фоне пассивности «буржуазных» и «мелкобуржуазных» партий позиции большевиков оказывались намного предпочтительнее. С весны 1917 г. их признанный лидер демонстрировал превосходство над другими политиками в искусстве улавливать общественные настроения и вновь адресовать их массам в виде понятных лозунгов; в 1917 г. в их основе лежали стремление к миру и социальной справедливости. Это искусство, а также жесткая партийная дисциплина, сыграли решающую роль в захвате власти ленинцами в октябре этого года.

Большевики приступили к овладению властью в стране, находившейся в состоянии глубокого кризиса. Задача сохранения целостности государства, необходимость восстановления порядка соединились с их стремлением реализовать свой социальный идеал для России. Это, а также вмешательство извне, обусловили ожесточенность и длительность Гражданской войны.

Для России Гражданская война и иностранная интервенция обернулись подлинной трагедией. Общий ущерб, нанесенный экономике, превысил 50 млрд золотых рублей. С 1914 по 1920 г. промышленное производство сократилось в 7 раз, сельскохозяйственное — на 38%. Более других пострадала крупная индустрия, в упадке был транспорт; страна переживала топливный голод. Велики были людские потери: за 1917–1920 гг. страна потеряла 8 млн человек, большая часть которых погибла от голода, болезней, красного и белого террора. По образному замечанию В. И. Ленина, после войны Россия представляла собой «до полу-смерти избитого человека».

В обществе произошли глубочайшие изменения: из социальной структуры устранились целые классы: помещики, крупная и средняя буржуазия; большой урон был нанесен духовенству, казачеству, зажиточному крестьянству. 2,5 млн россиян оказались в эмиграции; среди них доминировали дворянство, предприниматели, интеллигенция. Сокращение и без того тонкого образованного слоя закрепляло разрыв нового общества с историко-культурной традицией страны.

К концу войны сформировался особый политический режим, где главную роль играла партия-государство, в которую превратилась РСДРП(б) после прихода к власти. За 1918–1920 гг. произошла ра-

дикализация большевизма: на первом послеоктябрьском съезде в марте 1918 г. (VII по общему счету) партия была переименована в Российскую коммунистическую партию (большевиков). И это была не просто смена названия. Ленинцы сознательно порывали с европейской социал-демократией и российскими социалистами из-за их умеренности, склонности к компромиссам, «буржуазному демократизму». Новые идейные основы, ставшие на долгие годы политическим эталоном для российских коммунистов, были закреплены в Программе партии, принятой в разгар Гражданской войны и «военного коммунизма» (VIII съезд, март 1919). К обрисованному в ней образу светлого будущего предполагалось двигаться, в полной мере используя мощь пролетарского государства. Это стало обоснованием для чрезвычайной централизации управления всеми сферами, привело к фактическому подчинению государству обычно независимых структур гражданского общества: судов, прессы, профсоюзов, кооперативов и т. д. В экономической сфере частная инициатива и рынок заменялись диктатом государства, организующим производство и распределение продукции.

Начало 1921 г. высветило неприятие проводимой большевиками политики даже со стороны массовых трудящихся слоев — крестьянства и рабочих, что нашло отражение в популярном тогда лозунге «За Советы без коммунистов!». Стремление сохранить власть предопределило политику лавирования, проводившуюся в 1920-е годы, в которой, однако, отступления от линии 1919–1920 гг. рассматривались как вынужденные и временные.

Уже к 1920 г. были фактически ликвидированы все политические партии, а Советы превратились в орудие однопартийной диктатуры, при которой государственные структуры становились проводниками большевистских идей и взглядов. В 1918–1920 гг. активно формируется партийный аппарат, роль которого растет как в самой партии, так и в государственных учреждениях. При этом развитие аппарата происходило на фоне общей бюрократизации советской системы управления. Свертывание рыночного регулирования экономической деятельности, переход к государственному учету, контролю и распределению ресурсов вызвали колоссальный рост чиновничества. К «традициям» старой бюрократии («спецов») прибавилось «комчванство» — стиль поведения вышедших из коммунистической среды чиновников, «товарищей с портфелями». Этому способствовали и значительные изменения, произошедшие в составе РКП(б): к 1920 г. вырос удельный вес служащих (до 25%), но, что особенно важно, 70% составляли люди, вступившие в нее после октября 1917 г. Многие рассчитывали на привилегированное положение в обществе за счет принадлежности к правящей партии.

В результате к концу Гражданской войны произошло, по выражению Н. И. Бухарина, «превращение необходимого централизма в бю-

рократический отрыв от масс». Говорили, что место диктатуры пролетариата заняла «диктатура партийного чиновничества». В сравнении с 1917 г. ситуация изменилась разительно: степень влияния партийного и государственного деятеля определялись теперь не только его личными качествами, но и в значительной мере способностью выстроить отношения с управленческим аппаратом, починить его себе.

Обстановка Гражданской войны привела к милитаризации управления: решения руководящих органов принимали форму военных приказов. К 1921 г. демократические основы внутрипартийной жизни были уже во многом подорваны. Победа над многочисленными противниками усилила готовность использовать военно-коммунистические методы в условиях мирного времени. Милитаризация сознания стала одним из результатов Гражданской войны. Стоящие перед страной задачи в последующие годы формулировались в терминах военных кампаний: «хозяйственный фронт», «идейный враг», «борьба за выполнение плана», «битва за урожай» и т.п.

В 1919–1920 гг. началась романтизация насилия против «эксплуаторов», превозносилась борьба «трудящихся», «рабоче-крестьянского государства» против «буржуазии», «помещиков», «интервентов». После завершения Гражданской войны идеализация «красных» и демонизация их противников, замалчивание сложностей и противоречий стали традицией советской идеологической жизни и длительное время формировали искаженную картину великой национальной трагедии.

ОБРАЗОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ СССР В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ. 1921–1928

---

§ 1. Переход к нэпу, первые этапы его осуществления

«Военный коммунизм» был периодом экономического тоталитаризма, во время которого закладывались основы административно-командной экономической системы реального социализма. Он порождался утопическими представлениями большевистских властителей России о возможности сравнительно быстрого (за 6 месяцев, как нередко звучало на заседаниях СНК в начале 1918 г.) перехода к плановому функционированию полностью обобщественного производства и бесплатному коммунистическому труду на пользу общества. Этот период окончился экономической катастрофой 1921 г. 00000000000

В результате семи лет мировой и Гражданской войн численность населения советских республик к началу 1921 г. сократилась до 134,3 млн человек. Потери одних только вооруженных формирований (и красных, и белых) за годы Гражданской войны и интервенции составляли 2,5–3,3 млн человек. С осени 1917 до начала 1921 г. население России уменьшилось на 10 887 тыс. человек. Сокращение продолжалось в 1921 (на 1854 тыс.) и в 1922 г. (на 1592 тыс.). К концу 1921 г. не менее 1850 тыс. человек — почти вся политическая, финансово-промышленная, значительная часть научно-художественной элиты, их семьи — вынуждены были эмигрировать из России.

Производство в крупной промышленности в стране в 1920 г. составило 14,6% от уровня 1913 г.; в металлообработке — 7%; в производстве чугуна — 2%. Большинство промышленных предприятий бездействовали, численность рабочих сократилась вдвое. Разоренная войной и продразверсткой деревня не обеспечивала промышленные центры продовольствием. В стране не было запасов на случай неурожая.

К весне 1920 г. Центральный регион страны, Поволжье, Северный Кавказ, Украина были охвачены голодом. В мае 1921 г. в Поволжье и ряде губерний Центра началась засуха, уничтожившаяся посевы и усугубившая народное бедствие. В мае 1922 г. голодало 22–27 млн человек, к этому времени от истощения и заболеваний, обострившихся в результате голода (цинга, дизентерия, сыпной и брюшной тиф), погибло около миллиона крестьян, столько же эвакуировано из пораженных бед-

ствием губерний. В апреле 1923 г. насчитывалось 5,5 млн голодавших. Помощь государства была минимальной: суточная норма пайка, позволявшего спастись от голодной смерти, определялась Наркоматом продовольствия в 877 ккал для взрослого и 706 ккал для ребенка (менее 30% от научно обоснованной нормы в 3000 ккал.); районы бедствия снабжались семенами для озимого и ярового посевов.

Картину народного бедствия дополняла масса осиротевших детей. В 1922 г. насчитывалось 7 млн беспризорников. Начавшаяся демобилизация армии увеличила безработицу. Поднялась волна бандитизма. С окончанием Гражданской войны обострились противоречия в партийном руководстве страной.

Решение стоявших перед разоренной страной первоочередных задач (восстановление народного хозяйства, переход к социалистическому производству и общежитию) большевики в начале 1921 г. видели на путях расширения и углубления политики «военного коммунизма». Жизнь вроде бы давала надежды на успешное продвижение по этому пути. В 1920 г. методами разверстки было заготовлено в 1,5 раза больше хлеба, чем в 1919 г. В ноябре — декабре 1920 г. выпуск промышленной продукции был значительно выше, чем в предыдущие месяцы. Все это позволяло надеяться, что в условиях мирного времени, при отсутствии неизбежных ошибок военных лет, командная экономика покажет свои достоинства.

Надежды на успех связывалось и с дальнейшей централизацией управления экономикой, национализацией всех промышленных предприятий, с расширением государственного (социалистического) сектора экономики и окончательным вытеснением всех иных секторов (государственно-капиталистический, частнокапиталистический, мелкотоварный, патриархальный).

Постановлением ВСНХ от 29 ноября 1920 г. были объявлены национализированными не только крупные, но все средние, мелкие промышленные предприятия с числом работников более 10 (или 5 при наличии механического двигателя). Свертывались товарно-денежные отношения. В декабре была отменена оплата населением продовольствия, предметов широкого потребления, топлива, коммунальных услуг, а в январе 1921 г. — квартплата. В феврале рассматривался вопрос об отмене денег. Ю. Ларин, руководитель отдела финансовой политики ВСНХ, писал в «Правде»: «Наши дети, выросши, будут знакомы с деньгами уже только по воспоминаниям, а наши внуки узнают о них только по цветным картинкам в учебниках истории».

Расширялась практика перевода воинских формирований на положение трудовых армий. К существовавшим с января — апреля 1920 г. 1-й Уральской революционной армии труда, Украинской, Кавказской, Петроградской, 2-й особой железнодорожной и 2-й революционной трудовой армиям прибавились Донецкая (декабрь 1920 г.) и Сибирская (ян-

варь 1921 г.) трудовые армии. К марту 1921 г. численность «трудовых» армейских частей составляла около четверти всего состава РККА.

Однако попытки расширить практику «военного коммунизма» в условиях мирного времени встретили сильное сопротивление крестьян и значительной части рабочих. В 1920–1921 гг. против продразверстки с оружием в руках выступали крестьяне в Воронежской, Саратовской, Пензенской губерниях, в Сибири, на Дону и Украине. К весне 1921 г. число участников восстаний по стране достигло нескольких сотен тысяч человек. Особенно упорным и кровопролитным было восстание под предводительством эсера А. С. Антонова в Тамбовско-Воронежском регионе (около 60 тыс. крестьян). На Украине действовали анархо-крестьянские отряды Н. И. Махно численностью до 35 тыс. человек. В Западной Сибири число повстанцев-крестьян (более 200 тыс.) было соизмеримо с численностью советских войск, расположенных между Уральским хребтом и Байкалом. Восстание охватило Тюменскую, часть Омской и Челябинской губерний. Повстанцы требовали отмены продразверстки, созыва Учредительного собрания на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, свободы торговли, денационализации промышленности.

На подавление восстаний была брошена регулярная армия. Герои отшумевшей Гражданской войны (С. С. Каменев, М. Н. Тухачевский, М. В. Фрунзе и др.) были вынуждены вести части Красной Армии на подавление недавних классовых союзников. Наиболее серьезным был мятеж в марте 1921 г. в гарнизоне и на кораблях Балтийского флота в Кронштадте под лозунгами «Власть Советам, а не партиям!», «Советы без коммунистов!».

Во многих городах бастовали рабочие. Они тоже добивались замены продразверстки натуральным налогом. Этого, в частности, потребовала конференция металлистов Москвы и Московской губернии в начале февраля 1921 г. Особую тревогу вызывали забастовки и демонстрации работников Трубочного, Балтийского, Путиловского и других заводов и фабрик в Петрограде, грозившие слиться с восстанием в Кронштадте.

Под страхом утраты власти и крушения революции в России власть была вынуждена предпринять срочные меры для установления нового соглашения с крестьянством, пойти на смену внутриполитического курса. Ранее идея нэпа выдвигалась М. И. Калининым (1918), эсерами и меньшевиками (1919), Л. Д. Троцким (1920, правда, вскоре он же выдвинул программу милитаризации труда, проникнутую духом «военного коммунизма»). В феврале 1921 г. В. И. Ленин составил «Предварительный, черновой набросок тезисов насчет крестьян», в котором предложил удовлетворить их желание о замене разверстки хлебным налогом. Одновременно предлагалось «расширить свободу использования земледельцем его излишков сверх налога в местном хозяйственном оборо-

те». Ранее проводившуюся экономическую политику в этой связи пришлось назвать вынужденным «военным коммунизмом», который не отвечал и не мог отвечать хозяйственным задачам пролетариата.

X съезд РКП(б) (8–16 марта 1921 г.) в предпоследний день работы принял резолюцию «О замене разверстки натуральным налогом». Нэп вводился в расчете на то, что «10–20 лет правильных соотношений с крестьянством» обеспечат победу в всемирном масштабе, «иначе 20–40 лет мучений белогвардейского террора». Что касается отдельно взятой России, Ленин полагал, что «с мужиком нам придется повозиться, пожалуй, лет шесть». Допускалось, что нэп продлится 10–25 лет (Н. А. Милютин, Н. Осинский). Во всяком случае, переход к нэпу позволял не так трагично, как раньше, реагировать на «затяжку» мировой революции. Ленин считал, что в результате новой стратегии, дожидаясь мировой революции, «мы в России выдержим не только 5 лет, но и больше».

Опасаясь утраты социалистической перспективы при слишком больших уступках мелкой буржуазии и капиталистам, уже через год после перехода к нэпу он заявил, что экономическое отступление можно остановить и заняться тем, чтобы правильно развернуть и группировать силы. В действительности становление системы нэпа заняло 1921–1923 гг., его расцвет пришелся на 1924–1926 гг. Позднее, с началом масштабной «социалистической реконструкции», а по сути — модернизации народного хозяйства, нэп был быстро свернут.

Первым актом новой экономической политики стал Декрет ВЦИК от 21 марта 1921 г., заменявший продразверстку продналогом. Поставки по налогу были почти в два раза ниже, чем по продразверстке, их размер не мог меняться в течение хозяйственного года, приспособленного к циклу сельскохозяйственного производства. В 1921–1930 гг. хозяйственный год в России начинался и заканчивался в 0 часов 1 октября.

Декрет о продналоге был встречен повсюду с удовлетворением. Это выразилось в расширении крестьянами посевных площадей, в оживлении промышленности и прежде всего — в спаде повстанчества. К концу 1921 г. очаги крестьянских восстаний были в основном погашены. Оставалось, конечно, много недоверчивых, усматривавших в перемене партийного курса всего лишь стремление накануне сева побудить крестьян расширить его размеры, чтобы вскоре снова вернуться к продразверстке. Приходилось убеждать, что нэп вводится «всерьез и надолго».

Отказ от продразверстки полностью разрушал уже укоренившиеся представления большевиков о возможности непосредственного перехода от капитализма к социализму, о прямом продуктообмене между производителями, об отмене денег и отмирании рынка. Стремясь не допустить крушения иллюзий, руководители страны поначалу полагали, что «излишки» производившегося крестьянами продукта будут обмениваться на промышленные товары государственных предприятий в пределах

местного оборота — в волости, уезде, губернии — через государственные хозяйственные органы и подконтрольную государству кооперацию. Предполагалось, что таким образом можно будет исключить частный капитал из процесса обмена.

Однако вскоре выяснилось, что малый объем обменного фонда промышленных товаров не позволяет ограничить продуктообмен определенными рамками. Уже летом 1921 г. товарообмен явочным порядком стал выходить за пределы местного оборота и заменяться денежной куплей-продажей. В октябре 1921 г. Ленин констатировал: «С товарообменом ничего не вышло, частный рынок оказался сильнее нас, и вместо товарообмена получилась обыкновенная купля-продажа, торговля». Властям ничего не оставалось, как «отойти еще немного назад» от решений X съезда, учиться торговать, приняться за государственное регулирование денежного обращения и реформу налогообложения. Натуральная часть оплаты труда заменялась денежной. В 1920 г. последняя составляла всего 7,4% заработка фабрично-заводского рабочего; в 1921 г. — 19,3; в первом полугодии 1922 г. — 32; во втором — 61,8; в начале 1923 г. — 80%.

В 1921 г. продразверстка была заменена системой из 13 налогов в натуральной форме (продналог, подворно-денежный, трудгужналог, местные налоги). Произведенная в крестьянском хозяйстве продукция после уплаты налога могла непосредственно обмениваться на промтовары. Чтобы заработать деньги на уплату налогов и приобретение необходимой промышленной продукции, крестьяне были вынуждены продавать свою продукцию государству. В 1923 г. налоги объединили в единый сельхозналог, выплачивавшийся сначала натурой и деньгами, а с 1924 г. — только в денежной форме. Первоначальная величина продналога на уровне 20% от чистого продукта крестьянского хозяйства затем была снижена до 10% урожая. Единый сельхозналог в денежной форме выплачивался по ставке 5% от дохода с каждого крестьянского двора. Это позволяло крестьянам наладить, наконец-то, свое хозяйство. Налоги существенно разнились в классовом отношении. Например, с обычного единоличника брали 18, а с кулака — 172 рублей в год. К десятой годовщине Октября 35% всех крестьянских хозяйств (бедняцких и маломощных) были вообще освобождены от сельхозналога. Льготами пользовались коллективные хозяйства.

Важным звеном нэпа в деревне было разрешение аренды земли и наемного труда. Это право было зафиксировано в новом Земельном кодексе РСФСР, принятом IV сессией ВЦИК 30 октября 1922 г. Крестьянам были также предоставлены права на выход из сельской общины и выбор форм землепользования. Однако запрет на куплю, продажу, завещание, дарение, залог земли не был снят: земля оставалась в собственности государства. Тем не менее право аренды земли и найма работников давало шансы для появления слоя крестьян-товаропроизводителей.

В мае 1921 г. начался процесс денационализации промышленности. В системе ВСНХ было решено оставить наиболее крупные и эффективные предприятия. Объединенные в тресты, они стали работать на принципах хозрасчета, самофинансирования и самоокупаемости. Ликвидировалась уравнительная система оплаты труда. Нерентабельные предприятия закрывались или сдавались в аренду. За 1921–1922 гг. возникли свыше 10 тыс. частных предприятий. Нередко они сдавались в аренду бывшим владельцам на срок от 2 до 5 лет взамен 10–15% производимой продукции. Арендованные предприятия порой насчитывали до 300 работников. Частникам разрешалось открывать собственные предприятия с числом занятых не более 20 человек. На арендованных мелких и средних предприятиях производились в основном потребительские товары. Всего к середине 1920-х годов на долю частного сектора приходилось от 20 до 25% производства промышленной продукции.

Началось создание смешанных акционерных обществ с участием государства и частных предпринимателей. Разрешалось предоставление концессий иностранным предпринимателям на предприятия или территории для разработки природных ресурсов. Государство контролировало использование ресурсов, не вмешиваясь в хозяйственные и административные дела. Концессии облагались теми же налогами, что и госпредприятия. Часть полученной продукции отдавалась в качестве платы государству, другая могла реализовываться за рубежом. Общее число концессионных предприятий было невелико: в 1924 г. — 55, в 1925 г. — 70, в 1926 г. — 82, в 1927 г. — 74, в 1928 г. — 68, в 1929 г. — 59. В 1926/27 хозяйственном году на них выпускалось немногим больше 1% промышленной продукции. Однако в некоторых отраслях роль концессионных предприятий была весьма заметной. В середине 1920-х годов они давали почти 85% марганцевой руды, более 60% добытого свинца и серебра, 30% — золота, 26% — цинка, 19% — меди, 22% — производимой одежды и галантереи.

Несмотря на частичную денационализацию и концессионирование, государство сохраняло в своем распоряжении самый мощный сектор народного хозяйства. Полностью вне рынка оставались энергетика, металлургия, нефтедобыча и нефтепереработка, добыча каменного угля, оборонная промышленность, железные дороги. На XIV съезде партии (декабрь 1924 г.) отмечалось, что удельный вес концессий и аренды в стране минимален: первые насчитывали 50 тыс. рабочих, вторая — 35 тыс. Тогда же было заявлено о необходимости устранения экономической зависимости от заграницы.

Система управления государственной промышленностью была децентрализована. Вместо 50 прежних отраслевых главков и центров ВСНХ осталось 16, численность управленческого аппарата сократилась почти втрое. Основной формой управления производством стали трес-

ты — объединения однородных или взаимосвязанных предприятий. Работая на условиях хозяйственного расчета, они самостоятельно решали, что производить, где реализовывать продукцию, несли материальную ответственность за организацию производства, качество продукции, сохранность государственного имущества. Законом предусматривалось, что «государственная казна за долги трестов не отвечает».

К концу 1922 г. 421 трест объединял около 90% всех промышленных предприятий (40% — центрального подчинения, 60% — местного), из которых 80% было охвачено синдикатами — добровольными объединениями трестов для оптовых закупок сырья, оборудования, сбыта готовой продукции, кредитования. Все эти операции осуществлялись через сеть товарных бирж, ярмарок, торговых домов (фирм). К 1928 г. в стране насчитывалось 23 синдиката, действовавших почти во всех отраслях промышленности. Все это явно напоминало структуру дореволюционной промышленности и, видимо, в наибольшей мере отвечало российским условиям.

В феврале 1921 г. была организована Государственная плановая комиссия (Госплан). Первоначально ее деятельность сводилась к конкретизации основных направлений плана ГОЭЛРО, разработке годовых планов по отдельным отраслям народного хозяйства. С 1924 г. разрабатывались промфинпланы (в них стали учитываться финансовые возможности развития отдельных отраслей). В 1925 г. отраслевые планы впервые сливались в единый годовой план промышленности и строительства. Планирование приобретало всеобъемлющий характер.

Реформы коснулись и армии. Трудовые армии были расформированы 30 декабря 1921 г. Численность РККА была сокращена с 5 млн (конец Гражданской войны) до 600 тыс. в феврале 1923 г. и до 562 тыс. человек к 1925 г. С 1923 г. началось создание территориально-милиционных частей. При новой армейской системе формирования имели численно небольшие постоянные кадры. Переменный рядовой состав обучался военному делу на кратковременных сборах без длительного отрыва от производства. Территория страны была разделена на 10 военных округов. Ежегодные расходы на Вооруженные силы в расчете на душу населения в 1925 г. в СССР составляли 3 рубля. (Для сравнения: в странах Прибалтики — 7, во Франции — около 14).

С переходом от политики «военного коммунизма» к нэпу революционные методы преобразования общества уступали эволюционным — на основе сосуществования всех форм собственности и разных экономических укладов: патриархального, мелкотоварного, частнокапиталистического, государственно-капиталистического, социалистического. В понятие «государственный капитализм» включались все формы использования частного капитала под контролем правительства (кооперация, аренда, концессии, торговля). Расчет делался на то, что с по-

мощью государственной поддержки более высокий социалистический уклад со временем вытеснит остальные.

Стратегическими целями нэпа объявлялись построение социализма, восстановление хозяйственных связей города и деревни, укрепление союза рабочего класса и крестьянства. Сущность нэпа заключалась в частичном восстановлении рыночной экономики при сохранении командных рычагов в руках партийного и советского руководства. Начальный период нэпа (1921–1925) связан с восстановлением народного хозяйства и созданием исходных позиций для реконструкции экономики.

Относительно времени окончания нэпа до недавнего времени ученые расходились во мнениях. В 1960–1970-е годы историки полагали, что задачи, поставленные перед нэпом, были решены к середине 1930-х годов, и он завершился победой социализма. В наши дни начало ограничения нэпа датируется 1924 г., а отказ от него — началом свертывания в стране рыночных отношений или реализации всеобщего фактического огосударствления сельского хозяйства. В первом случае свертывание нэпа связывается с принятием октябрьским (1925) пленумом ЦК РКП(б) решения о введении абсолютной монополии на внешнюю торговлю. Во втором — с началом осуществления первого пятилетнего плана развития народного хозяйства. В. П. Данилов, один из наиболее авторитетных исследователей аграрной истории России, считал, что 1928 г. был временем перехода к фронтальному слову нэпа, а в 1929 г. с ним было покончено.

С 1928/29 г. экономическая политика СССР становится частью опробованной в годы «военного коммунизма» и выстроенной позднее административно-командной системы. Главным инструментом имманентного системе политического режима (его называют «тоталитарным») оставалась никакими моральными и юридическими нормами не ограничиваемая в конкретно-исторических условиях конца 1920-х — начала 1950-х годов диктатура правящей партии, приведшая со временем к неслыханной концентрации власти в руках ее лидера и безмерному злоупотреблению властью.

Длительные споры историков о том, была ли альтернатива нэпу, как политике, целью которой был социализм, к нашим дням утихли. Считается, что действенной альтернативой нэпу является политика, ведущая к нормальной рыночной экономике, функционирующей в условиях демократической политической системы, не терпящей монополии партийно-государственной власти.

§ 2. Образование и конституционное оформление СССР

Образование СССР. Согласно коммунистической доктрине, национальный вопрос (противоречия в отношениях между народами)

представлялся второстепенным в сравнении с межклассовыми противоречиями. Его разрешение ставилось в прямую зависимость от успехов социалистического строительства. Считалось, что с переходом к социализму и уничтожением классовых различий национальные противоречия и различия будут также преодолены.

Большевики с дореволюционных времен были известны как сторонники централистского государства. Прогресс в государственном развитии представлялся как переход от разного типа союзных государств к единой республике, а от нее — к безгосударственному общественному самоуправлению. «Пока и поскольку разные нации составляют единое государство, — писал Ленин в 1913 г., — марксисты ни в коем случае не будут проповедовать ни федеративного принципа, ни децентрализации». В 1918 г. российская власть взяла курс на федерализм как новую форму государственного устройства для всей бывшей территории Российской империи, однако при этом неизменно подчеркивала стратегическую временность этой формы. «Принудительный централистский унитаризм» считалось целесообразным заменить федерализмом добровольным, для того чтобы со временем он уступил место «добровольному социалистическому унитаризму».

На начальных этапах этого пути численно преобладающему русскому народу было предназначено оказать помощь в социально-экономическом и культурном развитии отсталым и угнетенным в прошлом народам России. Такая политика усиливала факторы, способствующие их объединению в едином государстве: общность исторических судеб; сложившуюся на основе разделения труда между территориями единую хозяйственную систему и единый общероссийский рынок; общую транспортную сеть, почтово-телеграфную службу; исторически сформированную перемешанность полиэтничного населения; налаженные культурные, языковые и другие контакты; союзы между советскими республиками, оформившиеся в основном в последние годы и после Гражданской войны.

Были и факторы, препятствующие объединению: память о русификаторской политике старого режима; стеснение прав отдельных национальностей и боязнь повторения такой политики в новом виде; немалый вкус к независимой власти, приобретенный национальными элитами окраинных народов в период революционной смуты. Большевицкая власть акцентировала внимание на так называемом праве наций на самоопределение. Реализация этого права в условиях Гражданской войны превратила Россию в совокупность различных национально-государственных образований. Финляндия, Польша, Тува, Литва, Эстония, Латвия силой обстоятельств были отделены от России. Украина, Белоруссия стали независимыми советскими республиками. В Средней Азии существовали Хорезмская (с февраля 1920 г.) и Бухарская (с октября 1920 г.) народные советские республики. На Даль-

нем Востоке в 1920 г. образована «буферная» ДВР, в составе которой с 1921 г. находилась Бурят-Монгольская автономная область (АО). Советизированные республики Закавказья (Азербайджан, апрель 1920 г.; Армения, ноябрь 1920 г.; Грузия, февраль 1921 г.) в марте 1922 г. образовали конфедеративный союз закавказских республик, преобразованный в декабре 1922 г. в Закавказскую Социалистическую Федеративную Советскую Республику (ЗСФСР).

В составе РСФСР на протяжении 1918–1922 гг. возникло множество автономных образований. Первыми из них были Туркестанская АССР (апрель 1918 г.), Трудовая коммуна Немцев Поволжья (октябрь 1918 г.), Башкирская АССР (март 1919 г.). В 1920 г. созданы Татарская АССР, Карельская трудовая коммуна, Чувашская АО, Киргизская (с 1925 г. — Казахская) АССР, Вотская (с 1932 г. — Удмуртская) АО, Марийская и Калмыцкая АО, Дагестанская и Горская АССР; в 1921 г. — Коми (Зырянская) АО, Кабардинская АО, Крымская АССР; в 1922 г. — Карачаево-Черкесская АО, Монголо-Бурятская АО, Кабардино-Балкарская АО, Якутская АССР, Ойротская (с 1948 г. — Горно-Алтайская) АО, Черкесская (Адыгейская) АО, Чеченская АО. В Закавказье образованы: на территории Азербайджана — Нахичеванская Советская Республика (1920), на территории Грузии — Аджарская АССР (1921) и Юго-Осетинская АО (1922); в 1921 г. создана Абхазская ССР.

Потенциал возникновения новых национально-государственных образований на территории бывшей царской России был весьма значителен. По переписи 1926 г. насчитывалось 185 наций и народностей — лишь 30 из них в той или иной форме обрели государственность к концу 1922 г. Основная масса малых национальностей была индифферентна к федеративному строительству и спокойно существовала в рамках прежнего статуса. К моменту создания СССР национальные образования далеко не покрывали всей территории страны, наравне с ними продолжали существовать административно-территориальные единицы, сохранявшие преемственную связь с дореволюционным губернским, областным, уездным и волостным делением.

Вопрос об укреплении государственного единства страны с множеством советизированных независимых и автономных образований, возникших в годы революционной смуты, появился сразу же, едва забрезжила победа в Гражданской войне. Уже в середине 1919 г. заместитель председателя Реввоенсовета республики Э. М. Склянский официально предлагал объединить все независимые советские республики в единое государство путем их включения в РСФСР. Это была одна из первых формулировок «плана автономизации» после победы Октября. На X съезде РКП(б) (март 1921 г.) говорилось, что «живым воплощением» исконной формы федерации всех советских республик является РСФСР — федерация, основанная на автономизации ее субъектов. План

автономизации приобрел чрезвычайную актуальность в начале 1922 г. в связи с подготовкой к международной конференции в Генуе, где предстояло обсуждать судьбу долгов царского и Временного правительств и иностранной собственности в Советской России.

Наркомат иностранных дел полагал неразумным участие в конференции всех республик, образованных на месте царской России. «Если мы на конференции заключим договоры как девять параллельных государств, это положение дел будет юридически надолго закреплено, и из этой путаницы возникнут многочисленные затруднения для нас в наших сношениях с Западом», — писал Г. В. Чичерин в ЦК. Избежать международных осложнений предлагалось включением «братских республик» в РСФСР.

Идея «поставить державы перед свершившимся фактом» уже на открытии конференции в апреле 1922 г. была весьма привлекательна. Но и на этот раз она оказалась неосуществленной. И. В. Сталин в связи с предложением НКВД сожалел, что «нам нужно быть готовыми уже через месяц», а этого недостаточно для реализации идеи. Полное дипломатическое единство советских республик было обеспечено подписанным 22 февраля протоколом о предоставлении Российской Федерации полномочий защищать в Генуе права Украины, Белоруссии, Грузии, Армении, Азербайджана, Бухары, Хорезма, ДВР и подписывать от их имени выработанные на конференции акты, договоры и соглашения.

К «автономизации» вновь вернулись летом 1922 г., когда под председательством В. В. Куйбышева приступила к работе комиссия Оргбюро ЦК по подготовке вопроса «о взаимоотношениях РСФСР и независимых республик» к назначенному на 6 октября пленуму ЦК РКП(б). Сталин, возглавивший подготовку соответствующей резолюции, вряд ли долго над ней размышлял.

Проект резолюции (именно он в последующем назывался сталинским планом автономизации) предусматривал необходимость «признать целесообразным формальное вступление независимых Советских республик: Украины, Белоруссии, Азербайджана, Грузии и Армении в состав РСФСР, оставив вопрос о Бухаре, Хорезме и ДВР открытым и ограничившись принятием договоров с ними по таможенному делу, внешней торговле, иностранным и военным делам и прочее». План, возведенный после разоблачения культа личности в разряд едва ли не «трагедии партии и народа», был лишь очередным выражением известного положения о РСФСР как воплощенной форме федерации всех советских республик.

Принятый комиссией документ был разослан руководству Украины, Белоруссии и Закавказья, однако не встретил единодушной поддержки. Не ставя под сомнение необходимость сохранения «диктатуры пролетариата» (иначе говоря, права на власть в государстве коммунистической партии) и подчиненность этому «права наций на самоопреде-

ление», местное партийное и государственное руководство разделилось на сторонников «жестких» и «мягких» форм федерации.

Сторонники первого варианта (Ф. Э. Дзержинский, С. М. Киров, В. В. Куйбышев, В. М. Молотов и др.) соглашались с предложениями Сталина, реализация которых позволила бы ликвидировать «отсутствие всякого порядка и полный хаос» в отношениях между центром и окраинами, дала бы возможность создать «действительное объединение советских республик в одно хозяйственное целое», обеспечивая при этом реальную автономию республик в области языка, культуры, юстиции, внутренних дел, земледелия и пр. Миренческую позицию по отношению к этому варианту занимали Л. Б. Каменев (первый заместитель Ленина в Совнарком и СТО, председатель Моссовета) и Г. Е. Зиновьев (председатель Исполкома Коммунистического Интернационала, председатель исполкома Петроградского Совета).

Сторонниками второго варианта (на Украине Х. Г. Раковский, Н. А. Скрыпник; в Грузии — Ф. И. Махарадзе, П. Г. Мдивани; в Центре — Н. И. Бухарин, Л. Д. Троцкий и др.) полагали необходимым сохранить за союзными республиками «атрибуты национальной независимости», считали, что они будут в большей мере способствовать хозяйственному возрождению республик, отвечать интересам свободного развития наций и оказывать «максимум революционного эффекта за границей».

22 сентября 1922 г. Сталин направил Ленину письмо, в котором обращал внимание на заявления азербайджанского и армянского партийного руководства «о желательности автономизации», а также ЦК КП Грузии «о желательности сохранения формальной независимости». Познакомившись с письмом и другими материалами, Ленин 25 сентября обсудил их с наркомом Г. Я. Сокольниковым, сторонником включения в РСФСР не только независимых советских республик, но и Хивы, Бухары. 26 сентября он имел продолжительную беседу со Сталиным и в тот же день направил письмо Л. Б. Каменеву (копии — всем членам Политбюро), из которого следовало, что «Сталин немного имеет устремление торопиться» в решении «архиважного» вопроса. Ленин полагал, что вместо «вступления» независимых республик в РСФСР нужно вести речь о «формальном объединении» всех независимых республик в новый союз, в рамках которого «мы признаем себя равноправными с Украинской ССР и др. и вместе и наравне с ними входим в новый союз, новую федерацию, “Союз Советских республик Европы и Азии”».

Каменев тут же откликнулся запиской, рекомендуя «провести Союз так, чтобы максимально сохранить формальную независимость», и обязательно зафиксировать в договоре о Союзе пункты о праве одностороннего выхода из Союза и разграничении областей ведения Союза и республик. К записке была приложена в виде схемы «Развернутая форма Союза Советских Республик».

Ленин продолжал изучать вопрос об объединении республик и на личных встречах с Председателем Совнаркома Грузии П. Г. Мдивани

(27 сентября), Г. К. Орджоникидзе (28 сентября), членами ЦК Компартии Грузии М. С. Окуджавой, Л. Е. Думбадзе, К. М. Цинцадзе, с председателем Совнаркома Армении А. Ф. Мясниковым (29 сентября). В результате проект резолюции предстоящего пленума ЦК был исправлен. В новом проекте значилось: «Признать необходимым заключение договора между Украиной, Белоруссией, Федерацией Закавказских Республик и РСФСР об объединении их в “Союз Социалистических Советских республик” с оставлением за каждой из них права свободного выхода из состава Союза».

Исправленная резолюция означала рождение знаменитой аббревиатуры «СССР» и окончательные похороны «плана автономизации», так как Ленин неожиданно для многих встал на сторону «независимцев» Грузии и Украины. Сталин не нашел нужным противиться «национал-либерализму», поскольку не вполне устраивавший его ленинско-каменевский проект образования СССР не исключал установления отношений подчиненности во всех главных вопросах окраин Центру.

В отношении к устройству Союза Ленин и Сталин осенью 1922 г. заняли позиции, прямо противоположные тем, которые каждый из них занимал в июне 1920 г. Ленин работал в то время над тезисами ко II конгрессу Коминтерна по национальному и колониальному вопросам, можно сказать, над проектом устройства будущей Мировой социалистической республики, и собирал на него отзывы ближайших соратников. Он полагал, что советская федерация уже в то время «обнаружила свою целесообразность», как в отношениях РСФСР к другим советским республикам (например, Венгерской, Финской, Латвийской, Азербайджанской, Украинской), так и внутри РСФСР (например, к Башкирской и Татарской автономным республикам). Задачи Коминтерна, по мнению Ленина, заключались в том, чтобы развивать и проверять опытом эти новые федерации и направлять их движение «к более полному федеративному союзу» и созданию «единого, по общему плану регулируемого пролетариатом всех наций всемирного хозяйства как целого».

В отзыве на этот проект Сталин предложил использовать на начальных этапах строительства Мирового социалистического государства конфедеративные связи в качестве одной из переходных форм сближения трудящихся разных наций. Будущие советские Германия, Польша, Венгрия, Финляндия, писал он, едва ли, став советскими, «согласятся пойти сразу на федеративную связь с Советской Россией типа башкирской или украинской... для этих национальностей наиболее приемлемой формой сближения была бы конфедерация (союз самостоятельных государств)». Ленин не согласился с доводами. В ответном «грозном письме» подобные предложения были заклеены как шовинизм и национализм, делающие невозможным «мировое хозяйство, управляемое из одного органа». Сталинский план, решительно

отвергнутый Лениным летом 1920 г. как чрезмерная уступка возможному национализму европейских народов, в сентябре 1922 г. был найден вполне подходящим в качестве уступки национализму «независимцев» Грузии и Украины.

Явное раздражение Сталина либерализмом, который проявили Ленин и его соратники при выработке проекта образования СССР, вызывалось его демонстративной избирательностью и усугублением несправедливости, закладываемой в основание Союза. Декларация прав народов России на заре советской власти обещала равенство, суверенность, право на свободное самоопределение и развитие всем без исключения народам страны. Теперь же оказывалось, что к созданию Союза ССР «вместе и наравне» допускались народы лишь четырех субъектов федерации. Все остальные оказывались в явно неравноправном положении. Сталина смущало, что, отвергая план автономизации как основы устройства СССР, Ленин и другие члены высшего политического руководства не видели необходимости что-либо менять в автономизации как основе РСФСР, на которую приходилось 90% площади и 72% населения создаваемого Союза.

Пытаясь отстаивать свою позицию, Сталин обращал внимание членов Политбюро на нелогичность образования единого государства как союза национальных республик по принципу «вместе и наравне», но без русской республики. 27 сентября 1922 г. в письме членам Политбюро Сталин предостерегал, что «решение в смысле поправки т. Ленина должно повести к обязательному созданию *русского ЦИКа*», исключению из РСФСР восьми автономных республик и их переводу (вместе с возникающей русской республикой) в разряд независимых. Федеральная постройка, возводимая на фундаменте с очевидным изъяном, заведомо не могла обладать должной прочностью.

Тем не менее Сталину, вынужденному согласиться с ленинской идеей, впоследствии «по долгу службы» приходилось не раз и не очень убедительно отстаивать решение октябрьского пленума ЦК. Уже на X Всероссийском съезде Советов член коллегии Наркомнаца М. Х. Султан-Галиев отметил, что с образованием нового союза происходило разделение народов СССР «на национальности, которые имеют право вхождения в союзный ЦИК, и на национальности, которые не имеют этого права, разделение на пасынков и на настоящих сыновей. Это положение, безусловно... является ненормальным».

Исправленный под диктовку «национал-независимцев» проект резолюции октябрьского (1922) пленума ЦК вдохновил их на дальнейшие притязания. Уже после отказа Центра от плана автономизации Х. Г. Раковский поставил вопрос о сохранении независимости Украины. Управляющий делами Совнаркома Украины П. Солодуб полагал, что «будущий союз республик будет ничем иным, как конфедерацией

стран, ибо субъектами союза являются не области и автономные республики, а суверенные государства».

Руководители Грузии на заседании расширенного пленума ЦК КПП 19 октября 1922 г. предложили ликвидировать образованную в марте того же года Закавказскую федерацию, по их мнению, искусственную и нежизненную. 20 октября решением Заккрайкома Председателя совнаркома Грузии Окуджаву сняли с поста. 21 октября грузинский ЦК в знак протеста почти в полном составе сложил свои полномочия. Однако в Москве к коллективной отставке отнеслись прохладно.

Между тем партийные разборки в Тбилиси к 20-м числам ноября дошли до оскорблений, перебранок и рукоприкладства. Последнее случилось в квартире Орджоникидзе, куда для свидания с остановившимся там А. И. Рыковым пришел его товарищ по ссылке в Сибири А. А. Кабахидзе. Во время общего разговора этот сторонник Мдивани стал выражать недовольство тем, что «товарищи, стоящие наверху», в материальном отношении обеспечены гораздо лучше других членов партии. Руководителю большевиков Закавказья был брошен упрек в принятии взятки — белого коня и содержании его на казенный счет. Во время начавшейся ссоры Орджоникидзе, услышав, что он и сам является «сталинским ишаком», не сдержался и ударил гостя. При вмешательстве других участников сцены инцидент был прекращен. Жалоб от Кабахидзе по партийной линии не поступало, политической подоплеки в рукоприкладстве не усматривалось, однако о нем стало известно за пределами узкого круга свидетелей.

Комиссия во главе с Ф. Э. Дзержинским, назначенная Секретариатом ЦК РКП(б) для рассмотрения грузинских событий, после четырехдневных слушаний в Тифлисе в начале декабря 1922 г. пришла к заключению, что политическая линия Заккрайкома и Орджоникидзе «вполне отвечала директивам ЦК РКП и была вполне правильной», направленной против тех коммунистов, «которые, встав на путь уступок, сами поддались давлению напора мелкобуржуазного национализма». Большого значения «инциденту» комиссия не придала.

Ленин остался недоволен таким заключением. Позднее он сказал: «Накануне моей болезни Дзержинский говорил мне о работе комиссии и об “инциденте”, и это на меня очень тяжело повлияло». 13 декабря 1922 г. повторились два тяжелейших приступа болезни. 16-го, затем 23 декабря состояние здоровья Ленина еще более ухудшилось. 18 декабря на Сталина, по решению пленума ЦК, была возложена персональная ответственность за соблюдением Лениным режима покоя, что, как оказалось, не способствовало улучшению отношений больного и особенно его жены Н. К. Крупской со Сталиным.

Тем временем работа по созданию Союза на основании принятой октябрьским (1922) пленумом ЦК резолюции «О взаимоотношениях

между РСФСР и независимыми республиками» продолжалась. Из партийных организаций она уже перешла в республиканские ЦИК. Обсуждение проекта и решения о создании СССР 10–16 декабря 1922 г. провели съезды Советов трех объединявшихся республик: VII Всеукраинский, I Закавказский, IV Всебелорусский. 26 декабря последним (чтобы не оказывать давление на другие народы) аналогичное решение принимал X Всероссийский съезд Советов. Российская федерация к этому времени существенно выросла территориально. Дальневосточная республика была очищена от белогвардейцев и японских оккупантов и 15 ноября 1922 г. прекратила свое существование, войдя в состав РСФСР.

29 декабря в Москве работала конференция полномочных делегаций четырех союзных республик. На ней были утверждены проекты Декларации и Договора об образовании союзного государства, намечен срок открытия объединительного съезда Советов.

I Всесоюзный съезд Советов состоялся 30 декабря 1922 г. Он принял Декларацию и Договор об образовании СССР, избрал Центральный Исполнительный Комитет Союза ССР — однопалатный орган власти в составе 371 представителя республик по пропорциональному принципу. ЦИК получил верховные полномочия на период между съездами Советов. Избранному тогда же Президиуму ЦИК было поручено разработать Положения о наркоматах СССР, о СНК и Совете Труда и Обороны, о ЦИК и его членах, проекты флага и герба СССР. Для руководства работой ЦИК были избраны 4 председателя — М. И. Калинин (от РСФСР), Г. И. Петровский (УССР), Н. Н. Нариманов (ЗСФСР), А. Г. Червяков (БССР) и секретарь А. С. Енукидзе. Так, в обновленном варианте и со многими издержками было воссоздано тысячелетнее Российское государство, гарантирующее безопасность существования и развития всем российским народам.

Пока в Москве праздновали рождение прообраза Мирowego СССР, прикованный к постели Ленин обдумывал недостатки его конструкции и продиктовал заметки, которые позднее получили широкую известность как статья «К вопросу о национальностях или об “автономизации”». Приветствуя образование СССР, Ленин подчеркивал, что его укрепление необходимо «всемирному коммунистическому пролетариату для борьбы с всемирной буржуазией». В то же время он не исключал, что уже на следующем съезде Советов придется вернуться назад, оставив союз «лишь в отношении военном и дипломатическом, а во всех других отношениях восстановить полную самостоятельность отдельных наркоматов». Начиная же он с осуждения первоначального сталинского предложения: «Видимо, вся эта затея “автономизации” в корне была неверна и несвоевременна» в условиях активного выражения «независимцев» и ненадежности государственного аппарата. Большинство его сотрудников, как отмечалось, было «по неизбежности заражено буржу-

азными взглядами и буржуазными предрассудками», а по другому выражению представляло собой «море шовинистической великорусской швали». Именно поэтому предлагалось не форсировать, а подождать с автономизацией «до тех пор, пока мы могли бы сказать, что ручаемся за свой аппарат, как за свой».

Особенно негативные последствия имела озлобленная позиция автора «диктовки» в отношении русской нации, названной «угнетающей» и «великой только своими насилиями, великой только так, как велик держиморда». Впоследствии на всем протяжении советской истории постоянно воспроизводились якобы ленинские слова о том, что интернационализм со стороны русской нации «должен состоять не только в соблюдении формального равенства наций, но и в таком неравенстве, которое возмещало бы со стороны нации угнетающей, нации большой, то неравенство, которое складывается в жизни фактически». План автономизации не был осуществлен. Недавно увидело свет обстоятельное исследование В. А. Сахарова. «“Политическое завещание” Ленина: реальность истории и мифы политики» (2003), ставящее под сомнение авторство Ленина в случаях со статьёй «К вопросу о национальностях или об “автономизации”», «Письмом к съезду» и некоторыми другими текстами, традиционно включавшимися в состав его «Завещания».

Дебаты по вопросам образования СССР положили начало двум течениям большевизма в отношении национальной государственности. Первое, ортодоксальное, — за «подлинный интернационализм», отождествлявшийся с социалистическим космополитизмом и мировой революцией. Второе, государственное (национально-большевистское), которое чаще всего связывалось с именами Сталина и Молотова, — за укрепление государства и роли в нем основного государствообразующего русского народа. В 1923 г. борьба течений проявилась в связи с XII съездом партии, на котором национальный вопрос занял одно из центральных мест. Сталин, докладчик по этому вопросу, в основном занимал оборонительные позиции, всячески стремился следовать ленинским установкам. 21 февраля на пленуме ЦК РКП (б) обсуждались подготовленные им тезисы «Национальные моменты в партийном и государственном строительстве».

Решение обсуждавшихся проблем предлагалось вести исходя из того, что пролетариат уже «нашел в советском строе ключ к правильному решению национального вопроса», что «путь организации устойчивого многонационального государства на началах национального равноправия и добровольности» уже открыт, но для полного и окончательного разрешения вопроса еще предстояло преодолеть препятствия, переданные в наследство «пройденным периодом национального гнета». Главное препятствие усматривалось в «пережитках великодержавного шовинизма, являющегося отражением былого привилегированного поло-

жения великорусов» и получающих подкрепление «в кичливо-пренебрежительном и бездушно-бюрократическом отношении русских советских чиновников к нуждам и потребностям национальных республик». Вместе с тем отмечались пережитки «радикально-националистических традиций» среди местных коммунистов, которые порождали «уклон в сторону переоценки национальных особенностей, в сторону недооценки классовых интересов пролетариата, уклон к национализму». В частности, обращалось внимание на грузинский шовинизм, направленный против армян, осетин, аджарцев и абхазцев; азербайджанский — против армян; узбекский (в Бухаре и Хорезме) в отношении туркмен и киргизов. Однако все это трактовалось как «своеобразная форма обороны от великорусского шовинизма».

«Пережитки» и «уклоны» предлагалось осудить, сделав упор на «особую опасность уклона к великодержавному шовинизму». Главное условие «полного и окончательного» разрешения национального вопроса виделось в «уничтожении фактического национального неравенства». Задача эта возлагалась на русский народ. Преодолеть национальное неравенство, как подчеркивалось в тезисах, «можно лишь путем действительной и длительной помощи русского пролетариата отсталым народам Союза в деле их хозяйственного и культурного преуспеяния».

В специальной записке Сталина, направленной в Политбюро в феврале 1923 г., вновь ставился вопрос, не получивший ясного ответа в ходе образования СССР: «Входят ли наши республики в состав Союза через существующие федеративные образования (РСФСР, Закфедерация) или самостоятельно, как отдельные государства (Украина, Грузия, Туркестан, Башкирия)? Вопрос был явно нацелен на необходимость выравнивания статуса республик в составе СССР.

Продолжая полемику главным образом с грузинскими «независимцами» и как бы становясь на их точку зрения, Сталин отмечал резоны в их требованиях: «Вхождение отдельными республиками (а не через федеральные образования) имеет несомненно некоторые плюсы: а) оно отвечает национальным стремлениям наших независимых республик; б) оно уничтожает среднюю ступеньку в строении союзного государства». Вместе с тем отмечались и «существенные минусы», якобы не позволяющие принять предложения «независимцев». Разрушение Закавказской федерации требовало аналогичного отношения к РСФСР. Но это, по мнению Сталина, было неприемлемо, так как обязывало «создать новую русскую республику, что сопряжено с большой организационной перестройкой», и вынуждало выделить русское население из состава автономных республик. При этом Башкирия, Киргизия, Татарстан, Крым рисковали лишиться своих столиц. В создании русской республики, по Сталину, не было «политической необходимости». Интересы русского народа предлагалось обеспечить через представительство «русских губерний» в Союзном собрании.

В связи с позицией Сталина по национально-государственному устройству Союза некоторые историки высказывают предположение, что в конце жизни Ленин стремился уравновесить силы в политической связке «Троцкий — Сталин», а то и вовсе устранить последнего из политики. Троцкий уже 6 марта выступил с резкой критикой сталинских тезисов «Национальные моменты в партийном и государственном строительстве». Он не соглашался с констатацией, что мы уже «наладили мирное сожительство и сотрудничество наций», считал из двух названных в резолюции уклонов «абсолютно необходимым выдвинуть на первое место» великодержавный и подчеркнуть, что «второй уклон, национальный, и исторически и политически является реакцией на первый». В состоявшейся тогда же беседе с Каменевым Троцкий высказывался еще определеннее: «Я хочу радикального изменения национальной политики, прекращения репрессий против грузинских противников Сталина... Сталинская резолюция по национальному вопросу никуда не годится».

Сталин был вынужден согласиться с критикой. В записке членам Политбюро он отметил, что считает поправки Троцкого «неоспоримыми», и предложил «еще больше подчеркнуть» в резолюции XII съезда особый вред «уклона к русской великодержавности». Разумеется, это было сделано.

При обсуждении национальных проблем на съезде Бухарин считал нужным открыто признать неравноправное положение русского народа. «Мы, — говорил он, — в качестве бывшей великодержавной нации должны... поставить себя в неравное положение в смысле еще больших уступок национальным течениям. Только... этой ценой мы сможем купить себе настоящее доверие прежде угнетенных наций». По сути, именно эту цель преследовала резолюция съезда по национальному вопросу, закреплявшая в развернутом виде известное ленинское положение об «интернационализме большой нации».

Представители «независимцев» на съезде вновь пытались провести предложение о реорганизации СССР в пользу своих республик. Раковский прямо заявил, что «союзное строительство пошло неправильным путем... Нужно отнять от союзных комиссариатов девять десятых их прав и передать их национальным республикам». Фрунзе предлагал «превратить ряд новых республик в независимые». Предлагалось закрепить отход от русского великодержавничества переименованием РКП(б) в КПСС. Н. А. Скрыпник утверждал: «Только тот, кто в душе великодержавен, только тот может цепляться за старое название». Однако предложения были отвергнуты.

Не получила поддержки съезда и атака на принципы построения СССР, предпринятая Султан-Галиевым. Он считал, что доклад Сталина «не разрешает национального вопроса» в силу своей нелогичности и неясности исходных позиций. В частности, обращалось внимание на отсутствие определения того, какие национальности «доросли» до предо-

ставления им автономий, а какие нет. Он удивлялся нападкам на грузинских уклонистов за их несогласие на образование Закавказской Федерации и в то же время отсутствию законных оснований для объединения в федерации родственных народов Северного Кавказа, народов Поволжья, народов Средней Азии.

Однако делегаты съезда не стали углубляться в разбирательство нелогичностей, целиком полагаясь на способность руководства партии обеспечивать должную централизацию Союза ССР. В разъяснениях Троцкого на съезде это прозвучало следующим образом: «Национальность вообще не логичное явление, ее трудно перевести на юридический язык», поэтому необходимо, чтобы над аппаратом, регулирующим национальные отношения, «стояла в качестве хорошего суфлера партия... Если будут очень острые конфликты по вопросу о финансах и т. д., то, в конце концов, в качестве суперарбитра будет выступать партия».

Все это целиком соответствовало установке VIII съезда партии (март 1919 г.) на то, что существование особых советских республик «отнодь не значит, что РКП должна, в свою очередь, организовать на основе федерации... Все решения РКП и ее руководящих учреждений безусловно обязательны для всех частей партии, независимо от национального их состава. Центральные комитеты украинских, латышских, литовских коммунистов пользуются правами областных комитетов партии и целиком подчинены ЦК РКП». Как показали дальнейшие события, унитаризм конфедеративного СССР (по признаку свободы выхода республик из союза) определялся особой, по сути диктаторской ролью в государстве коммунистической партии и ее лидеров.

Централизаторская роль партии проявилась уже вскоре после завершения съезда и выразилась в дальнейшем оттеснении от власти наиболее влиятельных «национал-уклонистов», в ряде случаев оказавшихся невольными пособниками «великорусского национализма». Так, обвиненный в связях с антисоветскими кругами Султан-Галиев был снят со всех постов, исключен из партии и вскоре арестован.

Султан-Галиев, опровергая обвинения, объяснял, что призывал сторонников активнее выступать с изложением позиций по проблемам национальных отношений лишь с тем, чтобы убедить руководство страны в целесообразности создания Туркестанской федерации (представлялась как фактор, способствующий ускоренному развитию производительных сил региона и пробуждению революционной активности трудящихся зарубежного Востока), независимой Республики Туран (объединение тюркских территорий Киргизии, Кашгарии, Хивы, Бухары, Афганистана и Персии), организации «Колониального Интернационала». Позднее Султан-Галиев писал о возможности создания на Востоке четырех федераций, которые должны быть включены в Советский Союз «на равных совершенно с Украиной правах»: Федерации Урало-Волжских республик (Башкирии, Татарии, Чувашии), Марийской и Вотской областей; Общекавказской федерации с включени-

ем всех нацреспублик Закавказья, Северного Кавказа, Дагестана, Калмыкии и Кубано-Черноморья в целом; Казахстана как союзной единицы; Среднеазиатской, или собственно Туранской, республики в составе Узбекистана, Туркмении, Киргизии и Таджикистана.

Все это было свидетельством наивного революционаризма в смеси с татарским национализмом. Опасным скорее всего представлялось бесстрашие в низвержении «ленинских» принципов, на основе которых до сих пор строился СССР. Сам Султан-Галиев ничего предосудительного «с точки зрения интереса международной социальной революции» в своих предложениях не видел. Напротив, подчеркивал он в письме в ЦКК РКП(б) в июне 1923 г., «это страшно для русского национализма, это страшно для западноевропейского капитализма, а для революции это не страшно». Группа руководящих работников Татарии в своем обращении к ЦК от 8 мая расценила его арест как «недоразумение» и просила об отмене репрессии.

14 июня Политбюро ЦК по предложению ВЧК приняло решение освободить Султан-Галиева из-под стражи. Ходатайство о его восстановлении в партии было отклонено. Вместе с тем, стремясь не допустить даже малейших сомнений в незыблемости освященных именем Ленина принципов устройства СССР, Политбюро решило изложить дело Султан-Галиева на специальном «совещании из националов окраинных областей».

Четвертое совещание ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей состоялось 9–12 июня 1923 г. Официально оно созывалось для выработки практических мер по проведению в жизнь резолюции XII съезда партии по национальному вопросу. Докладчиком по основному вопросу совещания был Сталин. Положение дел на местах обрисовали представители 20 партийных организаций. Все были солидарны в том, что коммунистические организации на окраинах могут окрепнуть, сделаться настоящими, марксистскими только преодолев национализм.

Большое значение имел представленный на совещании от имени Центральной контрольной комиссии доклад В. В. Куйбышева о деле Султан-Галиева. Отмечалось, что султан-галиевщина получила наиболее широкое распространение в восточных республиках, особенно в Башкирии и Татарии. Совещание расценило действия обвиняемого как самое уродливое выражение уклона к местному национализму, ставящее его «вне рядов коммунистической партии».

В резолюции отмечалось, что уклон к местному национализму «является реакцией против великорусского шовинизма». На совещании раздавались призывы «заткнуть глотку» чудовищу великодержавничества (Н. А. Скрыпник), «вытравить его окончательно, прижечь каленым железом» (Г. Е. Зиновьев), настраиваться на длительную борьбу, поскольку «великорусский шовинизм будет, пока будет крестьянство» (А. И. Микоян).

Совещание наметило целую систему мер по вовлечению местного населения в партийное и советское строительство. Предусматривались чистка государственно-партийного аппарата от националистических элементов (имелись в виду «в первую голову русские, а также антирусские и иные националисты»); неуклонная работа «по национализации государственных и партийных учреждений в республиках и областях в смысле постепенного ввода в делопроизводство местных языков, с обязательством ответственных работников изучать местные языки»; вовлечение национальных элементов в профессиональное и кооперативное строительство.

Большое место на совещании заняли проблемы Конституции СССР. В итоге было решено учредить в составе ЦИК СССР две палаты (Союзный Совет, Совет Национальностей), установив равенство их прав и соблюдение условий, при которых ни один законопроект, внесенный на рассмотрение первой или второй, не может быть превращен в закон без согласия на то обеих палат. Конфликтные вопросы предлагалось решать посредством согласительной комиссии, в крайнем случае — съезда Советов. В решениях было записано, что во второй палате автономные и независимые республики будут иметь одинаковое представительство (4 человека или более), а каждая национальная область — по одному представителю.

Установлено было также, что палаты формируют единый Президиум ЦИК. Предложение Раковского о создании двух президиумов с законодательными функциями было отклонено. Это означало бы «раздвоение верховной власти, что неминуемо создает большие затруднения в работе». Сталин в этой связи высказывался еще определеннее: «Украинцы навязывают нам конфедерацию», «мы создаем не конфедерацию, а федерацию республик, одно союзное государство», отсутствие единого президиума ЦИК сводило бы «союзную власть к фикции».

Закрепление сталинской линии в решении национального вопроса после совещания выразилось в проведении чистки от «буржуазных националистов» всех партийных организаций Востока. Наиболее влиятельный уклонист Раковский был смещен с поста главы правительства Украины и направлен на дипломатическую работу. Таким образом, успех совещания в борьбе с национал-уклонизмом наиболее явно выразился в оттеснении от власти представителей наиболее крупных нерусских этнических групп, способных реально препятствовать дальнейшему укреплению единства СССР.

Конституционное оформление СССР заняло больше года (1923 г. — январь 1924 г.). Его результатом были предложения о создании в ЦИК наряду с палатой классового представительства второй — национального представительства, а также об объединении принятых на I съезде Декларации и Договора в один документ под названием «Конституция (Основной Закон) СССР» и отклонении конфеде-

ралистских предложений Х. Г. Раковского — создавать не Конституцию, а дорабатывать Союзный договор.

Проект первой общесоюзной Конституции рассмотрели и одобрили сессии ЦИК России, ЗСФСР, Украины и Белоруссии, а 6 июля 1923 г. он был утвержден и введен в действие II сессией ЦИК СССР. (Вплоть до принятия новой Конституции СССР в 1936 г. день 6 июля праздновался как День Конституции.) 13 июля ЦИК СССР в «Обращении ко всем народам и правительствам мира» известил о создании СССР и начале деятельности первого состава Совнаркома СССР. Главой правительства был избран В. И. Ленин, к тому времени безнадежно больной. Его заместителями стали Л. Б. Каменев (одновременно председатель СТО), М. Д. Орехелашвили (председатель Совнаркома ЗСФСР), А. И. Рыков (председатель ВСНХ), А. Д. Цюрупа (нарком РКИ), В. Я. Чубарь (председатель СНК Украины). В состав Совнаркома вошли также 10 наркомов СССР — руководители 5 общесоюзных и 5 объединенных наркоматов.

На этой же сессии ЦИК было решено упразднить Наркомат по делам национальностей РСФСР. Он «закончил свою основную миссию по подготовке дела образования национальных республик и областей и объединения их в Союз республик». В дальнейшем функции комиссариата выполняли Совет национальностей ЦИК СССР и другие специальные органы по осуществлению национальной политики — отдел национальностей при Президиуме ВЦИК, постоянные комиссии по делам национальных меньшинств в республиках, при областных и краевых исполкомах.

В январе 1924 г. прошли съезды Советов союзных республик, ратифицировавшие Конституцию СССР. Окончательно утвердить ее текст должен был II Всесоюзный съезд Советов, созванный 26 января 1924 г. Он работал в траурные дни: 21 января умер В. И. Ленин. Съезд принял специальное обращение к трудящемуся человечеству и ряд постановлений об увековечивании имени вождя (сооружение мавзолея и памятников, переименование Петрограда в Ленинград, издание сочинений). Тело Ленина было помещено в мавзолей на Красной площади в Москве, ставший местом паломничества миллионов людей.

II съезд Советов завершил юридическое оформление союзного государства как Федерации суверенных союзных республик. 31 января 1924 г. Конституция СССР была утверждена. Как и первая Конституция РСФСР 1918 г., она носила ярко выраженный классовый характер. Верховный орган государственной власти — съезд Советов состоял из делегатов городских Советов (1 депутат от 25 тыс. избирателей) и губернских съездов Советов (1 депутат от 125 тыс. жителей). Этим обеспечивалась «руководящая роль рабочего класса». Выборы были многоступенчатыми. Классовый характер Конституции четко просматривался и в избирательном праве, которое было всеобщим только для трудящихся. Не избирали и не могли быть избранными лица, испол-

зовавшие наемный труд или жившие на нетрудовые доходы: частные торговцы, монахи и профессиональные служители религиозных культов всех исповеданий; бывшие полицейские и жандармы, лишенные избирательных прав по суду; душевнобольные.

К ведению высших органов власти были отнесены дела, связанные с внешними функциями государства (международные сношения, торговля, защита границ); хозяйственные дела (общее управление народным хозяйством, руководство его важнейшими отраслями); вопросы урегулирования межреспубликанских отношений и решения важнейших социально-культурных проблем. Наркоматы были общесоюзные (по иностранным делам, по военным и морским делам, внешней торговле, путей сообщения, почт и телеграфов) и объединенные, позднее называвшиеся союзно-республиканскими (ВСНХ, продовольствия, труда, финансов и рабоче-крестьянской инспекции), руководившие порученной им отраслью государственного управления через одноименные народные комиссариаты в каждой из союзных республик. В ведении союзных республик находились внутренние дела, земледелие, просвещение, юстиция, социальное обеспечение и здравоохранение, возглавлявшиеся республиканскими народными комиссариатами.

На основе новой Конституции СССР разрабатывались и принимались конституции союзных и автономных республик. В апреле 1925 г. введена в действие Конституция ЗСФСР, в мае — РСФСР. В 1927 г. принят Основной Закон Белоруссии. Первые после образования СССР изменения в Конституцию Украины были внесены уже на IX съезде Советов Украины: переработанный проект утвержден в мае 1929 г. Из конституций автономных республик в 1920-е годы был разработан и вступил в силу Основной Закон Молдавской АССР. Высшими исполнительными и распорядительными органами государственной власти союзных республик являлись Советы народных комиссаров, включающие соответствующие союзно-республиканские и республиканские наркоматы.

Иерархический федерализм, оформившийся в СССР с принятием Конституции 1924 г., объясняется фактическим неравенством народов. Считалось, что он представлял собой ту необходимую форму, в которой пролетариат решал национальную задачу путем действенной и длительной помощи отсталым народам в деле их хозяйственного, культурного развития, в их переходе к социализму. Автономная область и округ представлялись как форма самоуправления народов, особо нуждавшихся в поддержке центральной власти. Поэтому распределение средств между нациями в СССР осуществлялось по правилу «больше тому, кто слабее». Подобный патернализм имел и негативные следствия, порождая иждивенческие настроения среди части населения и стремление местных элит обрести более высокий этнополитический статус. Это таило реальную опасность возвращения сепаратизма «на законных основаниях».

Конституция СССР 1924 г. принималась и в расчете на возможность расширения Союза по мере успехов революции в других странах. Она объявляла СССР интернациональным государством, открытым «всем советским республикам, как существующим, так и имеющим возникнуть в будущем». О надежде большевиков на создание «Федерации Советских республик всего мира» свидетельствовал государственный гимн «Интернационал».

§ 3. Политическая борьба за утверждение курса на строительство социализма в одной стране

Борьба за власть в последние годы жизни Ленина. Налаживание мирной жизни после Гражданской войны представлялось по-разному как в рядах правящей партии (в начале 1921 г. — 730 тыс. коммунистов), так и сохранявшим влияние в массах эсерам, меньшевикам и пр. В РКП(б) это наглядно проявилось в дискуссии о профсоюзах. Часть партийцев, составивших особую группу сторонников «демократического централизма» (Т. В. Сапронов, Н. Осинский и др.), считали предстоящий период хозяйственного строительства невыносимым без коллегиального управления промышленными предприятиями, невмешательства партии в работу Советов, свободы создания групп и фракций в самой партии. Лидеры «рабочей оппозиции» (А. Г. Шляпников, А. М. Коллонтай и др.), пропагандировавшие сходные «анархо-синдикалистские» идеи, требовали полностью отказаться от назначений работников на должности.

Противоположную позицию занял включившийся в дискуссию в ноябре 1920 г. Л. Д. Троцкий. Он и его сторонники основной целью Советской власти считали подготовку к «революционной войне», всемерное подталкивание мировой революции. Предлагалось превратить страну в военный лагерь, милитаризовать ее, резко ограничить демократизм, «держат в узде» многомиллионное крестьянство. Заодно — «перетряхнуть», слить с хозяйственными органами, фактически превратить в придаток государства профсоюзы, ввести военизированные методы в практику работы других общественных организаций.

Состоявшийся в ноябре 1920 г. пленум ЦК РКП(б) отверг предложения Троцкого и высказался за отказ от военных методов в руководстве профсоюзами. Однако троцкистов это не остановило. В Центральном комитете объединенного профсоюза работников железнодорожного и водного транспорта (с марта 1920 г. его возглавлял Троцкий) работа по-прежнему велась военными методами. Членов союза за различные проступки заключали под стражу, отправляли на принудительные работы.

На стороне Троцкого в дискуссии участвовали все три секретаря ЦК (Н. Н. Крестинский, Е. А. Преображенский, Л. П. Серебряков) и фак-

тически Н. И. Бухарин. Ленин был вынужден неоднократно выступать против оппозиционеров. В опубликованном 18 января 1921 г. «Проекте постановления X съезда РКП(б) о роли и задачах профсоюзов» (подписали В. И. Ленин, Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, И. В. Сталин и др.), подчеркивалось, что важнейшей ролью профсоюзов в эпоху диктатуры пролетариата «остается их роль, как *школы коммунизма*», главным методом работы — не принуждение, а убеждение, непосредственной задачей — мобилизация трудящихся на восстановление и развитие промышленности, усиление организационного, идейного влияния городского пролетариата на трудящиеся массы деревни.

Победа над оппонентами в профсоюзной дискуссии далась ленинцам с большим трудом. Одним из ее результатов стала принятая на X съезде резолюция «О единстве партии», предусматривающая роспуск всех группировок и недопущение каких-либо фракционных выступлений. Невыполнение этого влекло «безусловное и немедленное исключение из партии». Резолюция была направлена главным образом против Троцкого, выдвинувшегося за годы Гражданской войны на роль второго по влиятельности человека в Советской России. С ослаблением здоровья Ленина, дававшим о себе знать с конца 1920 г., политический деятель, совсем недавно являвшийся непримиримым противником большевизма, становился опасным претендентом на высшую власть в партии и государстве.

Для усиления противодействия троцкистам на мартовском (1921) пленуме ЦК численность Центрального комитета была увеличена с 19 до 25 членов в основном за счет сторонников Ленина. Членом Политбюро был избран Зиновьев вместо Крестинского, новым кандидатом в члены Политбюро стал Молотов. Полностью обновился Секретариат ЦК. С середины 1921 г. контакты Ленина и Троцкого на заседаниях Политбюро приобретали все более конфликтный характер. После выхода Троцкого, назвавшего однажды Ленина «хулиганом», участвовавшие столкновения затрудняли коллективную работу. В июле 1921 г. предпринималась попытка удалить Троцкого из Москвы и назначить наркомом продовольствия Украины.

В этой связи летом 1921 г. полномочиями секретаря ЦК был фактически наделен наиболее последовательный оппонент Троцкого Сталин. 22 августа Политбюро поручило Сталину общее руководство работой отдела агитации и пропаганды ЦК РКП(б), а в сентябре обязало «около трех четвертей своего времени уделять партийной работе». Власть стала сосредотачиваться в руках «триумvirата» — Каменева, Зиновьева и Сталина.

На укрепление руководящей роли коммунистической партии были направлены меры по ликвидации остатков многопартийности в стране. Гонения против непролетарских партий в 1921 г. приняли характер открытой репрессии, хотя эти партии заявили о лояльности к Советской

власти. В 1921 г. арестованы активные анархисты. В марте объявил о самороспуске Всеобщий еврейский рабочий союз (Бунд), примыкавший к меньшевикам. В конце 1921 г. началось следствие по делу правых эсеров, закончившееся летом 1922 г. открытым судебным процессом и приговором 12 руководителей партии к расстрелу за террористическую деятельность против Советской власти.

В августе 1922 г. постановление ВЦИК и СНК о регистрации тех обществ и союзов, чьи цели не противоречили Конституции РСФСР, подводило юридическую базу под запрет небольшевистских партий и организаций. В 1923–1924 гг. они прекратили существование. К середине 1920-х годов обстановка в стране стала полностью соответствовать ситуации, обрисованной в 1927 г. председателем ВЦСПС М. П. Томским в выступлении против «новой» оппозиции: «В обстановке диктатуры пролетариата может быть и две, и три, и четыре партии, но только при одном условии: одна партия у власти, а остальные в тюрьме. Кто этого не понимает, тот ни черта не понимает в диктатуре пролетариата».

Резолюция X съезда РКП(б) о запрете фракций в коммунистической партии была действенным инструментом при наличии такого авторитетного лидера, как Ленин. Однако в конце 1921 г. его здоровье сильно пошатнулось: Ленин с трудом готовился к XI съезду партии, эпизодически участвовал в его работе (27 марта — 2 апреля 1922 г.), присутствуя лишь на 4 из 12 заседаний.

В этих условиях огромное значение для будущего страны имели перестановки в высшем политическом руководстве, осуществленные в последний период активной деятельности Ленина. На апрельском (1922) пленуме ЦК был сформирован новый состав Политбюро (члены: Ленин, Троцкий, Сталин, Каменев, Зиновьев, Томский, Рыков; кандидаты в члены: Молотов, Калинин, Бухарин). Порядок перечисления фамилий в списках отражает факт упрочения политических позиций Сталиным и Молотовым. Важнейшим решением пленума стало учреждение поста генерального секретаря ЦК. Избрание на него Сталина было предопределено выборами членов и кандидатов в члены ЦК на съезде партии. В бюллетенях для голосования рядом с именем Сталина в скобках значилось: генеральный секретарь. Введение этой должности фактически означало замену Троцкого Сталиным в качестве одного из лидеров партии.

Опираясь на подчиненный партийный аппарат, Сталин взял под контроль назначение и подбор кадров на важнейшие руководящие посты в партии и государстве. В июне 1923 г. принято постановление ЦК РКП(б) «О назначениях», в ноябре — о подборе кадров руководящих работников). Согласно постановлением руководители центральных учреждений и их местных органов назначались и смещались в соответствии с двумя списками. По списку № 1 они назначались Полит-

бюро и Секретариатом ЦК. По списку № 2 — организационно-распределительным отделом ЦК. С января 1926 г. вводился список № 3. В соответствии с ним на руководящие должности назначения проводили уже те, кто вошел в списки № 1 и 2. Назначения эти согласовывались с орграспредотделом ЦК. В последующем номенклатурные списки расширялись, росло и число лиц, назначаемых на должности решениями руководящих органов ЦК. Новые назначения позволили не только упрочить значимость этих органов, но и создать генеральному секретарю собственную опору в руководящем звене партии и государства. Уже за первый год деятельности орграспредотдел ЦК произвел около 4750 назначений на номенклатурные посты.

Выдвижение на высокие руководящие посты сопровождалось всесторонним улучшением положения выдвиженцев. В августе 1922 г. на XI партконференции была принята резолюция «О материальном положении активных партработников». В их среде (15 325 человек) были выделены 6 разрядов. По высшему из них оплачивалась работа членов ЦК и ЦКК, заведующих отделами ЦК, областных бюро ЦК, секретарей областных и губернских комитетов партии. Помимо высокой зарплаты номенклатурные работники обеспечивались в жилищном и медицинском отношениях, а также в плане воспитания и образования детей.

С введением нэпа радикально изменилась позиция «левого» Бухарина, который принял критику Лениным. Из противника нэпа он вскоре превратился в его страстного проповедника. Обретя новую веру, Бухарин стал полагать, что в период ожидания революции Россия вполне могла обойтись укреплением своей аграрной сущности. С осуществлением революции, писала редактируемая им «Правда» в октябре 1923 г., «соединение самой могучей техники и промышленности Германии с сельским хозяйством нашей страны будет иметь неисчислимые благодетельные последствия. И та, и другая получают громадный толчок в развитии». Бухарин стал иначе смотреть и на индустриализацию. Он считал, что необходимость в ее ускоренном проведении отпадала, поскольку с победой революции в Германии большевистское руководство мирового пролетариата автоматически обретало бы промышленность советской Германии. Крайнюю «правизну» Бухарина Ленин не одобрял. «У меня, — говорил он, — допустим, 25 аргументов за введение нэп, товарищ Бухарин к ним хочет добавить еще 50. Боюсь... он просто утопит нэп, превратив его в нечто такое, с чем я уже согласиться не могу. Поэтому лучше останемся с 25 аргументами».

После XI съезда Ленин все более утрачивал влияние на развитие событий. В мае 1922 г. его частично парализовало, нарушилась речь. В августе Ленин возвратился к работе, но уже в декабре снова вышел из строя. Полупарализованный, он смог продиктовать с 23 декабря 1922 г. по 2 марта 1923 г. восемь статей, вошедших в историю как его «Завеща-

ние». Пять из них («Странички из дневника», «О кооперации», «О нашей революции», «Как нам реорганизовать Рабкрин», «Лучше меньше, да лучше») излагали идеи политической реформы и плана строительства социализма в СССР и тогда же были опубликованы. Остальные («Письмо к съезду», «О придании законодательных функций Госплану», «К вопросу о национальностях или об «автономизации») предназначались только для руководства партии (впервые опубликованы в журнале «Коммунист», 1956, № 9).

Статьи, если исходить из их действительной принадлежности Ленину, свидетельствовали о разочаровании Сталиным. В «Письме к съезду» отмечено, что «Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью». В добавлении к письму от 4 января 1923 г. указывалось: «Сталин слишком груб и этот недостаток... становится нетерпимым в должности генсека» и предлагалось назначить на это место человека, который был бы «более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам». Письмо создавало впечатление, что единственным приемлемым кандидатом на руководство партией и страной является Л. Д. Троцкий. Неслучайно тот постоянно пытался интерпретировать «Письмо к съезду» именно как попытку обеспечить ему лидирующее положение в партии. «Завещание меньше всего ставило себе задачей затруднить мне руководящую работу в партии, — писал он в декабре 1932 г. — Оно... преследовало прямо противоположную цель». Утверждение это верно лишь в том смысле, что письмо действительно обслуживало политический интерес Троцкого.

В конце 1922 — начале 1923 г. Троцкий не использовал шанс упрочить свое положение в борьбе за политическое лидерство. В ноябре и январе ему трижды предлагалось занять пост первого заместителя Ленина по Совнаркому. Троцкий, ссылаясь на свое «еврейство», отказался.

В марте 1923 г. здоровье Ленина резко ухудшилось. Он полностью лишился речи, с конца марта находился на лечении в Горках под Москвой. В середине октября наступило новое ухудшение здоровья. 21 января 1924 г. Ленина не стало. Его преемником на посту Председателя Совнаркома стал А. И. Рыков. Коммунист с 1898 г., прекрасный организатор и прагматик, он не страдал излишней амбициозностью. Это, по-видимому, сыграло решающую роль при его назначении. Реальная власть в Коминтерне и СССР с декабря 1922 г. перешла к «тройке»: Каменев, Зиновьев, Сталин.

Впереди была долгая череда внутривнутрипартийных столкновений, ибо в нищей разрушенной стране невероятно трудно было нащупать реальные пути ее модернизации, под какими бы лозунгами ни шли поиски этих путей. Под модернизацией в широком плане подразумевается процесс превращения общества из традиционного (аграрного) в современ-

ное, индустриальное, городское, демократическое, индивидуалистское. Период с 1917 по 1928 г. можно характеризовать как время неустанных интеллектуальных поисков реальных путей ускоренной модернизации российской экономики, страны в целом, а последующий период (1928–1953) — как единый этап мобилизационной модернизации экономики. В политическом лексиконе этих лет, как и в трудах историков, термин «модернизация» не использовался, обходились привычными понятиями — прогресс, развитие, рост и т. п. Это, однако, сути дела не меняло.

«Триумвират» и троцкистская оппозиция. «Триумвиры» (Каменев, Зиновьев, Сталин) и другие бывшие соратники Ленина по-разному воспринимали его наследие и перспективы развития общества в условиях нэпа. «Левые» во главе с Троцким были сторонниками усиления регулирующей роли государства, увеличения налогов с крестьян и нэпманов, быстрых темпов развития промышленности, свертывания нэпа. Смысл провозглашенного в октябре 1923 г. «нового курса» Троцкого состоял в требовании вернуться от нэпа к Октябрю, к «настоящей» коммунистической политике. «Правые» со своим духовным лидером Бухариным выступали за ограниченное плановое вмешательство в экономику, умеренные темпы индустриализации и налоги на крестьян, сохранение нэпа как условия продвижения к социализму. Центр в лице сторонников Сталина поначалу пытался уравновесить «левых» и «правых», но в конце 1920-х годов вынужден был «отбросить» нэп и форсировать модернизацию экономики.

До начала 1-й пятилетки в революционной идеологии отчетливо различаются два этапа. На первом (с октября 1917 г. до конца 1924 г.) руководство СССР пыталось разжечь «пожар революции» во всем мире, подчиняя этой идее все ресурсы «родины революции». Однако «запаздывание» революции вынуждало прагматически мыслящих лидеров все больше и больше переключаться с мировых проблем на обустройство «отвоеванной у мирового капитала» России. Идея строительства социализма первоначально в одной, отдельно взятой, стране впервые после смерти Ленина высказанная Бухариным и Рыковым, а затем (17 декабря 1924 г.) Сталиным, была поддержана большинством членов ЦК на XIV конференции РКП(б) в апреле 1925 г. Сталин подчеркивал, что именно Ленин, а не кто-либо другой, открыл истину о возможности построения социализма в отдельно взятой стране. Несмотря на это, идея еще несколько лет оставалась дискуссионной. То было время острой полемики между революционерами, считавшими невозможной победу социализма в России без мировой пролетарской революции, и их противниками, которые призывали, не дожидаясь ее, построить социализм в одной стране, чтобы использовать его в свою очередь как «базу и инструмент мировой революции».

Первыми критиками нэпа были представители «рабочей оппозиции», тесно связанные с государственным сектором экономики. К 1923 г. отдельные выступления против нэпа оформились в единое политическое течение «левой» оппозиции, лидером которой стал Троцкий. Его выступление против «капитулянтского» курса было предпринято в октябре 1923 г. на фоне поразившего страну экономического кризиса. Оживавшая промышленность увеличивала выпуск товаров для деревни, но цены на них явно завышались, и к осени общий их уровень втрое превысил цены на сельскохозяйственную продукцию. «Ножницы цен» стали причиной затоваривания складов, остановки промышленного производства, роста безработицы. Для ликвидации кризиса пришлось снизить цены на промтовары и повысить заготовительные цены на сельхозпродукцию. В этой связи оппозиция требовала усиления плановости в экономике, пресечения попыток «бюрократической верхушки» поддерживать мелкобуржуазный сектор народного хозяйства в ущерб пролетариату.

Левые не выступали прямо против нэпа, они повели наступление на «правое» партийное руководство под флагом борьбы с бюрократизацией партии и общества, расширения внутривнутрипартийной демократии и ослабления «диктатуры одной фракции». В «Письме 46-ти», направленном в октябре 1923 г. в ЦК РКП(б) сторонниками Троцкого (Преображенский, Серебряков, Бубнов, Пятаков и др.), «фракция большинства в Политбюро» обвинялась в непоследовательной политике, приведшей к экономическому кризису.

На XIII партийной конференции (16–18 января 1924 г.) первые атаки троцкистов были отбиты. Сталин резко выступил против Троцкого, защищая при этом партийный аппарат. Позиция сторонников Троцкого, его брошюра «Новый курс» (напечатана в декабре 1923 г. в «Правде», начале 1924 г. — отдельным изданием) были определены как «явно выраженный мелкобуржуазный уклон», «прямой отход от ленинизма», «капитулянтство».

Кончина Ленина обострила борьбу за лидерство в РКП(б) и определение основных принципов внутренней и внешней политики Советского государства. На XIII съезде партии (23–31 мая 1924 г.) обсуждалось ленинское «Завещание» и, в частности, предложение о смещении Сталина с поста генсека. Но оно было отклонено. Не было удовлетворено и его собственное заявление об отставке.

Продолжая претендовать на роль лидера партии, Троцкий в июне 1924 г. опубликовал брошюру «О Ленине». К годовщине революции вышел сборник его статей и речей. В предисловии, названном «Уроки Октября», автор предстает руководителем ленинского масштаба, истинным революционером, способным преодолеть меньшевизм во взглядах на революцию. В развернувшейся после выхода сборника кампании по обвинению автора в сознательном извращении истории партии Сталин

взял на вооружение эффектный тезис о возможности построения социализма в одной стране, разоблачая неверие Троцкого в реальность такой победы в СССР. Убийственным для оппонента оказалось обнародованное письмо Троцкого к Н. С. Чхеидзе (апрель 1913 г.), содержащее уничижительный отзыв о Ленине: «Все здание ленинизма в настоящее время построено на лжи и фальсификации и несет в себе ядовитое начало собственного разложения. Каким-то бессмысленным наваждением кажется дрянная склока, которую разжигает сих дел мастер Ленин, этот профессиональный эксплуататор всякой отсталости в русском рабочем движении».

В обстановке благоговения перед Лениным такие отзывы звучали кощунственно; Троцкий не нашел способа отвести нападки в свой адрес. В январе 1925 г. он направил в ЦК письмо с просьбой освободить его от обязанностей председателя Реввоенсовета, но выразил готовность работать в партии «под контролем ЦК». Пленум ЦК (17–20 января 1925 г.) осудил попытку подменить ленинизм троцкизмом и постановил продолжать разъяснение «мелкобуржуазного» характера троцкизма, начиная с 1903 г.

В 1924 г., когда Троцкий открыто призывал к устранению «самодовольно-консервативной верхушки» партии и «капитулянтской» («правой») модели социалистического переустройства общества, многих пугала опасность военного переворота в Москве. Страшились, что Троцкий мог, опираясь на армию, в первую очередь на войска Московского военного округа во главе с его сторонником Н. И. Мураловым, попытаться овладеть властью. Москва наполнилась слухами о письме начальника политуправления РВС В. А. Антонова-Овсенко в Политбюро с предупреждением, что если тронут Троцкого, то вся Красная Армия встанет на его защиту. Однако Троцкий на переворот не отважился, полагая, что власть ему будет вручена по причине его интеллектуального превосходства, организаторских талантов и бывших военных заслуг. Между тем «триумвиры» вызвали из Харькова командующего войсками Украинского военного округа М. В. Фрунзе. Сменив Э. И. Склянского на посту зампреда РВС, он начал, по постановлению пленума ЦК, военную реформу и чистку армии от сторонников Троцкого. Одним из эпизодов реформы была отставка Тухачевского с поста командующего Западным фронтом (фронт позднее был упразднен).

«Дуумвират», «новая» и «объединенная» оппозиции. В начале 1925 г. лидерство в партии (соответственно в стране) перешло от «триумвирата» (Каменев, Зиновьев, Сталин) к «дуумвирату» (Сталин, Бухарин). 5 января эти два члена Политбюро, отличавшиеся до того лояльностью к руководителю «тройки» Каменеву, внесли на рассмотрение Политбюро свой контрпроект резолюции предстоящего Пленума ЦК о Троцком. Старшие члены «триумвирата» (Каменев

и Зиновьев) полагали дальнейшую работу Троцкого на постах председателя Реввоенсовета и члена Политбюро «невозможной». Сталин и Бухарин предложили изменить соответствующий пункт проекта решения «в том смысле, что т. Троцкий освобождается только от поста Предреввоенсовета и остается членом Политбюро». Они полагали, что исключение из Политбюро должно повлечь отсечение от партии «других членов оппозиции, занимающих важнейшие посты, что создаст для партии лишние затруднения и осложнения». Мирлобтивное предложение оказалось беспроигрышным. 7 января оно было поддержано большинством членов Политбюро. К тому же сам Троцкий 15 января прислал в ЦК письмо с просьбой освободить его от обязанностей председателя РВС и выразил готовность работать в партии «под контролем ЦК», подчеркивая тем самым нежелание идти на дальнейшее обострение конфликта.

17 января 1925 г. Пленум ЦК РКП(б) принял решение о снятии Троцкого с руководства РВС и военным наркоматом, предупредив, что если он вновь рискнет нарушить единство партии, то будет немедленно изгнан из Политбюро. 25 января Президиум ЦИК СССР снял Троцкого с должностей председателя РВС и наркома. Заменил его на этих постах выдвиженец Каменева и Зиновьева М. В. Фрунзе, его заместителем стал сторонник Сталина К. Е. Ворошилов. Троцкий оказался вытесненным на второстепенные роли председателя Главного концессионного комитета, начальника электротехнического управления и председателя научно-технического отдела ВСНХ. И хотя он еще оставался членом Политбюро, претендовать на место преемника Ленина уже не мог.

Каменев и Зиновьев, потерпев серьезное политическое поражение в январе 1925 г., составили «новую оппозицию» и повели борьбу против «дуумвирата» с надеждой отвоевать утраченные руководящие позиции. Надежды не оправдались. И хотя Каменев по-прежнему председательствовал на совещаниях Политбюро, при возникавших разногласиях между Сталиным и дуэтом Каменева и Зиновьева последние все чаще оказывались в меньшинстве. Троцкий в 1925 г. от дискуSSIONНЫХ столкновений уклонялся. Вплоть до 1928 г. высшее партийное руководство олицетворялось Сталиным и Бухариным. Их влиятельными союзниками стали Рыков и Томский.

Первое из наиболее серьезных столкновений фракции Сталина и новых оппозиционеров произошло в апреле при обсуждении тезисов «О задачах Коминтерна и РКП(б) в связи с расширенным Пленумом ИККИ». Выдвинутый «дуумвирами» тезис о возможности построения социализма в одной стране оппозиционеры расценивали как измену делу мировой революции. Зиновьев предлагал зафиксировать в резолюции, что победа социализма может быть достигнута только в международном масштабе. Пленум отверг его проект, призвав «строить социалистическое общество

в уверенности, что это строительство может быть и наверняка будет победоносным». Тем не менее, оппозиционеры продолжали настаивать, что сама идея строительства социализма в отсталой России есть «национал-большевизм», предательство пролетарского интернационализма, результат национальной ограниченности авторов идеи.

Слабым местом дуумвирата, на котором также сосредоточивалась критика оппозиционеров, стала предложенная Бухариным модель нового стратегического курса «врастания в социализм через нэп». Особенно уязвимой была фраза, неосторожно произнесенная Бухариным 17 апреля на собрании московского актива. Коснувшись «новых задач в области нашей крестьянской политики», Бухарин произнес: «Крестьянам, всем крестьянам надо сказать, — обогащайтесь, развивайте свое хозяйство и не беспокойтесь, что вас прижмут». Оппозиция осуждала этот призыв как кулацкий антибольшевизм «любимца партии», как отступление перед капитализмом. В данном случае Сталин вместе с остальными членами Политбюро заставил Бухарина публично дезавуировать лозунг, однако не стал втягиваться в пикировку с его автором.

Осенью 1925 г. взгляды оппозиции были оформлены в так называемой «платформе четырех» — Каменева, Зиновьева, Сокольникова и Крупской. Политбюро вновь предупреждалось о росте опасности усиления кулака и классово-борьбы в деревне, о неприемлемости линии Бухарина на мирное «врастание» кулака в социализм, критиковались лозунг «Обогащайтесь!», обещания уравнивать в политических правах крестьян с рабочими, либеральные статьи бухаринцев.

Разногласия «дуумвирата» и оппозиции был призван разрешить XIV партсъезд (декабрь 1925 г.). 18 декабря Сталин зачитал перед делегатами политический отчет ЦК. 19 декабря с содокладом по требованию 43 делегатов-ленинградцев выступил Зиновьев, в пух и прах раскритиковавший крестьянский либерализм Бухарина. 21 декабря Каменев углубил критику Бухарина за поправки кулаку, а Сталина — за покровительство Бухарину. В заключение он предложил переизбрать Сталина, якобы мешающего членам Политбюро честно бороться между собой за большинство.

Пленум не внял доводам «новой оппозиции». Предложение о смещении Сталина с поста генсека было отвергнуто. 28 декабря съезд обратился к коммунистам Ленинграда с призывом положить конец всем попыткам подрыва единства ленинской партии, исправить «ошибки, допущенные ленинградской делегацией». Была одобрена прокламация, фактически разрешавшая ЦК руками рядовых членов партии разогнать руководящие партийные органы Ленинграда — райкомы, укомы и губком. Было принято постановление о смене редколлегии «Ленинградской правды». Каменеву было отказано в праве доложить съезду «Очердные вопросы хозяйственного строительства».

После съезда позиции Сталина в партии окрепли. Январский (1926) пленум ЦК ввел в Политбюро его сторонников — Калинина, Молотова и Ворошилова, назначенного после смерти Фрунзе наркомом по военным и морским делам. Каменев был переведен из членов Политбюро в кандидаты. Это означало, что он терял право председательствовать в Политбюро и СТО. 5 января в Ленинград прибыла делегация членов ЦК во главе с В. М. Молотовым и за две недели не оставила камня на камне от вотчины Зиновьева. 8 января первым секретарем Ленинградского губернского комитета был избран Киров. Однако это не означало прекращения партийной борьбы.

На апрельском (1926) пленуме ЦК образовался «Троцкистско-зиновьевский блок», расценивающий политический курс Сталина и его сторонников как результат перерождения диктатуры пролетариата в бюрократический режим. Блок призывал усилить давление на «классово чуждые» элементы в городе и деревне, прежде всего на «кулачество».

Запрет на открытую пропаганду своих взглядов заставил оппозиционеров использовать нелегальные формы работы в массах. Начиная с лета 1926 г. конспиративный центр, руководимый Троцким и Зиновьевым, приступил к распространению агитационных материалов среди рабочих, однако успеха не достиг. 23 июля на объединенном пленуме ЦК и ЦКК оппозиция была осуждена, Зиновьев исключен из Политбюро ЦК. 23 октября очередной объединенный пленум предложил освободить Зиновьева от поста председателя Исполкома Коминтерна (освобожден в ноябре 1926 г.), вывел Троцкого из состава, а Каменева — из кандидатов в члены Политбюро.

Продолжая борьбу, левая оппозиция активно использовала провал одобренной сталинским руководством политики союза компартии Китая с Гоминьданом, закончившейся поражением коммунистов и приходом к власти в Китае Чан Кайши. В конце мая 1927 г. 83 участника троцкистско-зиновьевского блока направили в Политбюро письмо-платформу. В нем утверждалось, что провалы на внешнеполитической арене были бесспорным свидетельством неверности теории о возможности построения социализма в одной стране. Она объявлялась «мелкобуржуазной» и не имеющей ничего общего с марксизмом-ленинизмом. На июньском заседании Президиума ЦКК Троцкий назвал ее термидоринской. В постановлении ЦК–ЦКК эти обвинения были названы неслыханными и клеветническими. В своей «Второй речи на заседании Центральной контрольной комиссии» (июнь 1927 г.) Троцкий продолжал твердить: «Мы можем победить только как составная часть мировой революции. Нам необходимо дотянуть до международной революции, даже если бы она отодвинулась на ряд лет».

После попыток распространения брошюры с изложением «платформы большевиков-ленинцев» (сентябрь 1927 г.) и организации новой

дискуссии Зиновьев и Троцкий были выведены из ЦК (октябрь 1927 г.), а после организации в день десятой годовщины Октября альтернативных демонстраций под своими лозунгами («Против оппортунизма, против раскола — за единство ленинской партии!», «Выполним завещание Ленина!», «Долой термидор!») вперемешку с портретами Троцкого, Зиновьева и Каменева, объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) исключил Зиновьева и Троцкого из партии.

На пленуме Троцкий произнес речь, навсегда запомнившуюся его противникам и во многом предопределившую его гибель: «Вы — группа бездарных бюрократов. Если станет вопрос о судьбе советской страны, если произойдет война, вы будете бессильны организовать оборону страны и добиться победы. Тогда, когда враг будет в 100 километрах от Москвы, мы сделаем то, что сделал в свое время Клемансо (премьер-министр и военный министр Франции в 1917–1920 гг. — *Авт.*), — мы свергнем бездарное правительство; но с той разницей, что Клемансо удовлетворился взятием власти, а мы, кроме того, расстреляем эту тупую банду ничтожных бюрократов, предавших революцию. Да, мы это сделаем. Вы тоже хотели бы расстрелять нас, но вы не смеете. А мы посмеем, так как это будет совершенно необходимым условием победы».

В декабре 1927 г. XV съезд ВКП(б) исключил из партии 93 видных оппозиционеров, в том числе Каменева, Пятакова, Радека, Раковского, Смилгу. На следующий день после завершения съезда такие меры были приняты к тысячам троцкистов. Левая оппозиция утратила все свои официальные позиции в партии. В январе 1928 г. были высланы из Москвы наиболее видные оппозиционеры. Троцкий выслан вначале в Алма-Ату, а в феврале 1929 г. — за границу. Зиновьев и Каменев, написавшие покаянное письмо в президиум съезда ВКП(б), в июне 1928 г. были восстановлены в партии. Сталин, вероятно, полагал, что их помощь может понадобиться в борьбе с правыми оппозиционерами.

Начало борьбы с «правой» оппозицией. Весной 1928 г. «дуумвират» дал трещину. Сталинская группировка вступила в борьбу с наиболее последовательными защитниками нэпа в партийном руководстве. Причиной стал кризис нэпа, ярко проявившийся в хлебозаготовительной кампании. Весной 1927 г. пошли слухи о близкой войне с Англией, разорвавшей дипломатические отношения с СССР. Население стало впрок заготавливать товары первой необходимости, прежде всего муку и зерно. Нэпманы начали скупать червонцы и пытаться отправить их за границу. Рыночные цены выросли в несколько раз, превысив государственные. Положение усугубилось решением государства понизить заготовительные цены на хлеб, чтобы заинтересовать крестьян в развитии животноводства и производстве технических культур. В результате срыва плана хлебозаготовок 1927 г. возник острый продовольственный кризис. Местное

партийное, советское руководство и торгующие организации под давлением социального недовольства и угрозы срыва производства стали вводить хлебные карточки. Они выдавались только горожанам с целью гарантировать их потребление в условиях наплыва иногородних жителей. «Саботаж» держателей зерна пытались сломить «экстраординарными» мерами. Чтобы заставить крестьян продавать хлеб только государству, закрывали хлебные базары, а у застав городов и на станциях вновь, как в пору «военного коммунизма», составляли заградительные отряды. «Спекулянтов» стали карать тюремным заключением и конфискацией имущества.

Апрельский (1928) пленум ЦК одобрил проводимую Политбюро «линию», однако после неурожая 1928 г. ситуация с заготовками еще более ухудшилась. Новая волна «экстраординарных» мер породила волну слухов об отмене нэпа. Поиск выхода из создавшейся ситуации стал предметом очередной внутрипартийной дискуссии. В центре внимания были вопросы: как сохранить высокие темпы индустриализации, повысить товарность сельскохозяйственного производства, избежать «крестьянских бойкотов» в будущем. Бухарин считал возможным совместить высокие темпы индустриализации с сохранением в неизменном виде хозяйственной системы нэпа. Он предлагал повысить налог на верхушечные слои деревни, увеличить выпуск промышленных товаров. По расчетам Рыкова, разрыв между развитием промышленности и сельского хозяйства (из-за недостаточной товарности последнего) можно было ликвидировать за два года путем специальных мер по укреплению индивидуального производства и повышению товарности бедняцко-средняцких хозяйств.

И. В. Сталин искал выход в ином направлении. Он предлагал не просто ликвидировать кризисные явления и стабилизировать положение путем уступок мелкобуржуазной стихии, а уничтожить саму возможность подобных кризисов. Для этого было необходимо развить социалистический сектор в деревне, создавая коллективные и советские хозяйства. Товарность хлеба в колхозах (50%) была почти в 5 раз выше, чем в середняцких хозяйствах (11%). В этой форме хозяйствования усматривался механизм, позволяющий осуществлять перераспределение средств и снабжать города и армию хлебом, не создавая угрозы экономических и политических потрясений. Нэп, таким образом, отодвигался на второй план. Вместо бухаринской эволюционной концепции строительства социализма стране перед лицом внешней и внутренней угрозы предлагался мобилизационный план. Его элементами стали «бешеные темпы», «сплошная коллективизация», «усиление классовой борьбы». Следствием отказа от нэпа, хозрасчета (значит и от материальной заинтересованности) становилась командно-административная система, упование, с одной стороны, на энтузиазм масс, проникшихся

величием и благотворностью планов, с другой, — на принуждение трудящихся работать по плану, подчиняться трудовой дисциплине.

Борьба с правыми уклонистами особенно обострилась после попыток Бухарина в июле 1928 г. наладить контакты с лидерами троцкистско-зиновьевской оппозиции. Через год с небольшим ноябрьский (1929) пленум ЦК исключил Бухарина из Политбюро ЦК ВКП(б). Окончательное вытеснение лидеров «правого уклона» с высот политической власти произошло в 1930 г.

§ 4. Восстановление народного хозяйства, переход к индустриализации и коллективизации

Финансы и торговля. Провал политики продуктообмена и возвращение в экономику торгово-денежных отношений повлекли за собой необходимость восстановления банков — учреждений, обслуживающих денежный оборот и кредитные отношения, осуществляющих эмиссию денег и контроль за хозяйственно-финансовой деятельностью предприятий. В октябре 1921 г. открылся Государственный банк, в ноябре, с выпуска новых денежных знаков, получивших название «червонцев», началась денежная реформа. При этом новый рубль приравнивался к 10 тыс. прежних. В 1923 г. выпущены другие «совзнаки», один рубль которых равнялся 100 рублям образца 1922 г. Одновременно с новыми «совзнаками» Госбанк с конца ноября 1922 г. стал выпускать банковские билеты — червонцы с твердым покрытием. Один червонец приравнивался к 7,74 г чистого золота, или дореволюционной золотой десятирублевой монете. В январе 1924 г. курс доллара на Московской бирже равнялся 2 рубля 20 копеек, в апреле — 1 рубль 95,5 копеек, и на этом остановился. Денежная реформа завершилась 31 мая 1924 г. с прекращением обмена обесцененных совзнаков на новые казначейские билеты. Финансовая система в стране стабилизировалась. В 1925 г. червонец официально котировался на различных валютных биржах мира.

Кредитование предприятий промышленности и торговли на коммерческой основе поначалу осуществлял только Госбанк. Позднее были созданы специализированные банки (Торгово-промышленный, Электробанк, Внешторгбанк, Центральный банк коммунального хозяйства и жилищного строительства и др.). Они осуществляли кратко- и долгосрочное кредитование, распределяли ссуды, назначали ссудный, учетный и процент по вкладам. Наряду с государственными возникли акционерные банки (их акционерами были Госбанк, синдикаты, кооперативы, а также частные лица и иностранные предприниматели). Кредитование предприятий потребительской кооперации осуществляли созданные для этой цели кооперативные банки, для сельскохозяйственного кредита — сельскохо-

зяйственные, для кредитования частной промышленности и торговли — общества взаимного кредита, для мобилизации денежных накоплений населения — сберкассы. В 1926 г. работал 61 банк, а доля Госбанка в общих кредитных вложениях к этому времени снизилась до 48%.

Вопросы регулирования торговли, которая играла роль основного звена нэпа, в мае 1921 г. были переданы от ВСНХ и Наркомпрода в специально созданную Комиссию внутренней торговли. В 1924 г. она была преобразована в Наркомат внутренней торговли. Наряду с государственными торговыми организациями возникли смешанные торговые общества. Допускалась свобода частной торговли. Заработали ярмарки, торговые выставки и биржи. Большое развитие получила потребительская кооперация. Но основные позиции в торговле занимало государство. Через Наркомвнешторг оно целиком контролировало внешнюю торговлю, куда частный капитал не допускался. Государственным торговым организациям принадлежало 77% оптовой торговли внутри страны, 15 — частному капиталу и 8% — кооперации. У частного капитала поначалу были особенно сильны позиции в розничной торговле: в разгар нэпа она на 75% контролировалась капиталистами. Планомерное наступление на нэпманов, занятых в этой сфере, началось в декабре 1923 г., когда были осуществлены операции ОГПУ по административной высылке из Москвы, а затем и из других крупных городов спекулянтов, контрабандистов, валютчиков и других «социально опасных элементов». В феврале 1924 г. в Москве были обвинены в спекуляции и высланы на Север более тысячи нэпманов. В целом этот год стал периодом новой «красногвардейской атаки на капитал». В 1925/26 хозяйственном году удельный вес капиталистического сектора в торговле понизился до 42,2%, а в 1927/28 г. — до 24,8%. Частный капитал из этого сектора вытеснялся в основном кооперацией.

Торговля и цены были основным механизмом неэквивалентного обмена между городом и деревней, позволявшим получать накопления крестьян для индустриализации. Промышленность, объединенная в синдикаты, диктовала цены рынку. В погоне за прибылью синдикаты в урожайном 1923 г. всего за несколько месяцев подняли цены на промышленные товары в два с лишним раза. Чтобы купить плуг крестьянин должен был продать 36 пудов ржи (в 1913 г. — 10). В некоторых губерниях пара сапог была эквивалентна стоимости 44 пудов муки. Крестьяне не могли покупать товары по таким ценам. В итоге промышленные товары лежали на складах, заводы оставались без выручки. Кризис 1923 г. стал следствием первой попытки перехода к «сверхиндустриализации», предлагавшейся Л. Д. Троцким.

Сельское хозяйство. В условиях преимущественно аграрной страны восстановление народного хозяйства после Гражданской войны было решено начинать с сельского хозяйства и легкой промышленности.

Это позволяло создать основу для подъема тяжелой индустрии. Однако рост сельскохозяйственного производства начался не сразу. К концу 1922 г. деревня не оправилась от засухи 1921 г. И лишь с урожайного 1923 г. сельское хозяйство пошло на подъем. В 1925 г. посевная площадь в стране составила 99,3% от уровня 1913 г. Сбор зерновых культур достиг почти 4,5 млрд пудов и был на 11% выше среднегодовых сборов пяти предвоенных лет. Валовая продукция сельского хозяйства в 1924 г. составляла 90% от уровня 1913 г., а в 1925 г. превзошла этот уровень на 12%. Это позволяет говорить, что сельское хозяйство страны в целом вышло на уровень 1913 г. в январе 1925 г. (РСФСР — в начале 1928 г.).

К 1927 г. поголовье крупного рогатого скота, овец и свиней превысило показатели 1916 г. — наиболее высокие в дореволюционной истории России. В стране насчитывалось 30 млн коров (на 15,1% больше, чем в 1916 г.), 126,8 млн овец (больше на 12,2%), 23,2 млн свиней (больше на 11,1%). Меньшим, чем в довоенное время, оставалось поголовье лошадей. В 1916 г. в стране их насчитывалось 35,8 млн, к 1920 г. — 30,5 млн, к весне 1927 г. — 31,5 млн (88,2% от уровня 1916 г.).

1925 год был последним годом в истории России, когда наблюдалось возрастание применения сох в крестьянском хозяйстве. К весне 1926 г. количество сох, косуль (род сохи, отваливающей землю в одну сторону) и сабанов сократилось по сравнению с весной 1925 г. на 100,3 тыс., а к весне 1927 г. — еще на 253,3 тыс. В то же время количество плугов и буккеров возросло соответственно на 614,1 тыс. и 924 тыс. Весной 1927 г. на территории СССР использовалось всего 17,3 млн пахотных орудий, в том числе 11,6 млн (72,8%) плугов и 5,7 млн (32,9%) сох. Замена сохи плугом обеспечивала улучшенную обработку почвы и заметное (на 15–20%) повышение урожайности.

По данным на 1927 г., когда число крестьянских хозяйств достигло своего максимума, средний надел крестьянского хозяйства землей в европейской части РСФСР составлял 13,2 га (до революции он равнялся 10,1 га). При этом только 15,2% крестьянских хозяйств имели те или иные машины (данные в среднем по СССР). Одна сеялка приходилась на 37 хозяйств, жнейка — на 24, сенокосилка — на 56, молотилка — на 47, веялка или сортировка — на 25 хозяйств. Это означает, что повсеместно преобладал ручной сев; коса и серп, деревянный цеп и молотильный каток продолжали оставаться основными орудиями уборки и обмолота урожая.

Ситуация была сравнительно лучшей на Украине, где удельный вес хозяйств с машинами составлял 20,8%, причем в Степном крае — 35%. На Северном Кавказе машины были у 22,9% крестьянских хозяйств, в Сибири — у 26,1%, в Нижнем Поволжье — у 19,3%. В крестьянских хозяйствах потребляющей полосы РСФСР, Белоруссии и Закавказья машин было в 2–4 раза меньше; в республиках советского Востока — в 10–

11 раз меньше, чем в РСФСР. В конце 1920-х годов производство сельскохозяйственных машин и орудий значительно увеличилось: с 1926/27 по 1928/29 гг. производство плугов выросло с 953,2 до 1677,3 тыс. штук; буккеров — с 22,3 до 36,6; сеялок — с 57,2 до 105,3; культиваторов — с 60,7 до 91,5; лобогреек — с 89,0 до 166,3; зерноочистительных машин — с 99,7 до 233,2 тыс. штук. Выпуск тракторов на отечественных предприятиях за эти годы увеличился с 732 до 3267. В 1929 г. в стране были выпущены первые комбайны.

Сбор зерна с одного гектара по СССР в годы нэпа колебался от 6,2 ц (1924) до 8,3 ц (1925). Средняя урожайность зерновых в России в 1922–1928 гг. составляла 7,6 ц с га (в 1909–1913 гг. она равнялась 6,9 ц). Среднегодовой сбор зерна за пятилетие 1925–1929 гг. составил свыше 733,3 млн ц, что превышало довоенный уровень на 12,5%. Валовая продукция сельского хозяйства, достигавшая в 1921 г. 60% довоенного уровня, уже в 1926 г. превзошла его на 18%.

Существенно изменился социальный облик сельского населения. В 1924/25 г. 61,1% самодеятельного населения деревни составляли середняки, 25,9 — бедняки, 9,3 — сельскохозяйственные рабочие (батраки), 0,4% — служащие. Кулаков, по данным на этот год, было 3,3% от сельского населения. К 1927/28 г. удельный вес бедняцких хозяйств сократился до 22,1%; середняцких — увеличился до 62,7%, кулацких — до 3,9%, пролетарских — до 11,3%.

Большую роль в налаживании сельскохозяйственного производства сыграли сбытовые, потребительские, машинные кооперативы, в которые объединялись относительно зажиточные крестьяне, производившие товарную продукцию. Бедняки, которые не производили продукцию на продажу, чаще создавали коллективные хозяйства — коммуны, артели и товарищества по совместной обработке земли (ТОЗы). В артелях основные средства производства обобществлялись, а в ТОЗах сохранялись в частной собственности при совместном труде. В 1925 г. в кооперативах состояли более четверти, а в 1928 — 55% всех крестьян. В районах специализированного производства (льноводческие, свеклосахарные, овощеводческие, молочные хозяйства) кооперация охватывала подавляющее большинство крестьян. В 1925 г. кооперативный товарооборот составлял 44,5% розничного товарооборота страны. В РСФСР на долю кооперации в 1926/27 г. приходилось 65% снабжения крестьян орудиями и машинами.

Колхозы и совхозы, которые пользовались большой поддержкой государства, были весьма немногочисленны. К середине 1927 г. в СССР существовало 14 832 колхоза, в которых объединились 194,7 тыс. крестьянских семей (0,8% от их общего числа по стране). Через год колхозы объединяли уже 416, 7 тыс. крестьянских хозяйств — 1,7% их общего числа. Еще малочисленнее были совхозы (4398 в начале 1927 г.). Хотя

их обслуживало примерно 40% тракторов, имевшихся во всем сельском хозяйстве страны, на них приходилась ничтожная доля (1,5%) зернового производства (в 1929–1,8%).

В 1927 г. возникла идея организации государственных предприятий для обслуживания деревни машинной техникой. Сначала это были тракторные колонны (первая образована в сентябре 1928 г. в Азовском районе Донского округа из 18 тракторов для обслуживания двух колхозов и одного земельного общества). В ноябре 1928 г. на базе колонны в совхозе имени Шевченко (Одесская обл.) создана машинно-тракторная станция. В дальнейшем МТС сыграли важнейшую роль в коллективизации крестьянских хозяйств и развитии сельскохозяйственного производства в стране.

Промышленность. По сравнению с сельским хозяйством восстановление промышленности шло медленнее. Оно началось с легкой и мелкой промышленности, не требовавших, в отличие от сильно разрушенной тяжелой промышленности, огромных капиталовложений, дорогостоящего сырья и топлива (железо, уголь). Легкая промышленность, получая сырье от возрождающегося сельского хозяйства, могла обходиться дешевым топливом (дрова, торф). В силу этого она была привлекательной для частников и артельщиков.

Предприятия легкой и мелкой промышленности производили ткани, обувь, мыло и многие другие потребительские товары массового спроса, способствующие быстрому налаживанию товарооборота между городом и деревней. Легкая промышленность вплотную приблизилась к довоенному уровню производства уже в 1925 г. Вместе с тем большая часть промышленного производства находилась на низкой стадии развития — мелкого кустарно-ремесленного производства. В 1925 г. им занималось две трети всех работников промышленного производства. Кустарей было вдвое больше, чем рабочих, они давали треть всей промышленной продукции.

Промышленность в целом, находившаяся в 1920 г. на уровне 13,8% от 1913 г., в 1925 г. достигла 73% от довоенного уровня. Однако уже в следующем, 1926 г., валовая продукция промышленности СССР составила 98% (добыча нефти — 90%, угля — 89, выплавка чугуна — 52, стали — 69%). Машиностроение при этом удалось развивать более высокими темпами. В 1925 г. оно достигло 92,6% от уровня 1913 г., а в 1926-м превзошло его на 33,4%. Грузовой оборот железных дорог, от которых во многом зависело развитие индустрии, в 1925/26 составлял 88,1% по сравнению с 1913 г. На довоенный уровень промышленность страны в целом была выведена в январе 1927 г. (РСФСР — в январе 1926 г.).

Особое внимание уделялось выполнению плана ГОЭЛРО. Вслед за открытием в 1922 г. Каширской и Петроградской районных электростанций в 1924/25 г. вступили в строй Кизеловская (на Урале), Шатурская

и Нижегородская (Балахнинская) государственные районные электростанции (ГРЭС); завершалось строительство Штеровской (Донбасс), Ярославской и Волховской станций, строились местные электростанции в Азербайджане, Белоруссии, Туркестане, Грузии. В 1925 г. мощность всех электростанций страны составила 1,4 млрд кВт. Выработка электроэнергии в 1,5 раза превысила довоенный уровень.

План ГОЭЛРО в восстановительный период был основной базой для дальнейшего совершенствования планирования. Г. М. Кржижановский (председатель комиссии ГОЭЛРО; в 1921–1923 гг. и 1925–1930 гг. — председатель Госплана СССР) подчеркивал насущную потребность «в обобщающей перспективе, необходимой при составлении планов». В апреле 1925 г. Госплан поставил задачу постройки ряда металлургических заводов — Александровского (Запорожского), Криворожского и Керченского на юге страны; у горы Магнитной на Урале; Кузнецкого в Кузбассе. В декабре 1925 г. утвержден план строительства 14 новых машиностроительных заводов, в том числе тракторного на Волге, вагонного в Нижнем Тагиле, завода тяжелого машиностроения в Свердловске, заводов сельскохозяйственного машиностроения в Челябинске и Ростове-на-Дону. По сути, намечались контуры будущей промышленной карты 1-й пятилетки. Всего к концу 1925 г. в стадии проектирования и начального строительства находилось 28 шахт, более 100 предприятий, предназначенных для выпуска тракторов, автомобилей, самолетов, машин для электротехнической и текстильной промышленности, строительства морских и речных судов. По существу это было уже начало технической реконструкции народного хозяйства.

Основные итоги развития народного хозяйства в 1921–1925 гг. подвела XV конференция партии (26 октября — 3 ноября 1926 г.). В ее резолюции отмечалось, что «восстановительный период может считаться в общих чертах законченным. Теперь народное хозяйство входит в новый период своего развития — период перестройки хозяйства на основе новой, более высокой техники». В 1925 г. объем валового внутреннего продукта в России (28 млрд рублей в сопоставимых для всего XX в. ценах) был в 1,3 раза меньше, чем в 1917 г., и в 1,1 раза больше, чем в 1923 г. — самом неблагоприятном в этом отношении за все время советской власти. На уровень 1913 г. (47,2 млрд руб.) ВВП России был выведен в ноябре 1928 г.

Изменения в структуре народного хозяйства, составе и условиях жизни населения. За годы восстановления окреп «социалистический сектор» народного хозяйства. В 1924/25 г. государственная и кооперативная промышленность составляла 79,3%, частная — 20,7%. К концу 1925 г. 91,5% оптовой и 57,7% розничной торговли приходилось на долю государственных и кооперативных предприятий. 28% крестьянских хозяйств были охвачены различными видами кооперации.

По мере восстановления промышленности на фабрики и заводы возвращались рабочие, покинувшие их в годы войны и разрухи. К 1926 г. общее число рабочих в ценовой промышленности насчитывало 2261,7 тыс. (87,6% от уровня 1913 г.). Основная масса рабочих концентрировалась в промышленных районах РСФСР и Украины. Их заработная плата в промышленности составляла 94% от довоенного уровня.

1917 г. положил начало динамичным преобразованиям социальной структуры населения бывшей царской России. Перед Первой мировой войной население России включало 16,3% рабочих и служащих, 66,7% крестьян-единоличников, некооперированных кустарей и ремесленников, 17% помещиков, представителей крупной и мелкой буржуазии, торговцев и кулаков. В 1928 г. численность рабочих и служащих СССР выросла до 17,6%, крестьян-единоличников, некооперированных кустарей и ремесленников — до 74,9%. Появились колхозное крестьянство и кооперированные кустари — 2,9% населения страны. Из социальной структуры были вытеснены помещики, крупные буржуа, торговцы и значительная часть кулаков. 4,6% населения принадлежала к мелкой городской буржуазии, торговцам и кулакам.

Общее число жителей СССР с 1923 г. увеличивалось примерно на 2% в год. Перепись населения 1926 г. зафиксировала 147 млн жителей, из которых 120 млн (82%, как и в 1913 г.) жили на селе. Значительный прирост населения (на 13 млн за 1923–1926 гг.) во многом имел компенсаторный характер после войны и голодных лет.

Восстановление объемов выработки важнейших товаров народного потребления позволяло улучшить жизнь населения. В 1926 г., по сравнению с 1913 г., было произведено хлопчатобумажных тканей — 102,2%, фабричной обуви — 143,8%, спичек — 110,7%, мыла хозяйственного — 125,6%. Продолжало оставаться более низким производство сахарного песка (64,8%), соли (78,5%), резиновой обуви (94%), однако и по этим товарам в 1927 г. довоенный уровень был превзойден. Валовая продукция всего сельского хозяйства достигла в 1926 г. 118%, по сравнению с 1913 г., в том числе по продукции земледелия — 114 и животноводства — 127%. Все это существенным образом сказывалось на уровне жизни.

В ноябре 1924 г. (после денежной реформы) средний заработок рабочего в промышленности составлял 38,5 рублей, а прожиточный минимум (стоимостная оценка суммарного потребления человека, определяемая на основе минимальных норм) по РСФСР — около 18 рублей. В 1926 г. средний заработок промышленного рабочего поднялся до 55,4 рубля, зарплата специалистов равнялась 165 рублей, служащих — 101 рубль. Работники искусства получали в среднем 73 рублей, работники просвещения — 42 рубля в месяц. При этом до 1-й пятилетки зарплата коммунистов ограничивалась 100–150% средней зарплаты в тех учреждениях, где они работали (партмаксимум). К примеру, директор

завода получал 187,9 рубля, если он был членом партии, и 309,5 рубля, если был беспартийным. Годовой заработок чернорабочего в 1926/27 г. равнялся 455 довоенных рублей, разрешенный для специалистов максимум — 1811 рублей.

Энергетическая ценность продуктов питания в семьях фабричных рабочих в 1918 г. составляла 1786 ккал на взрослого едока в день, в 1922 г. — 2461, а в 1926 г. — 3445 ккал. При этом улучшалось качество питания, что выражалось в увеличении количества белков и жиров в рационе рабочего. В 1922 г. продукты животного происхождения составляли 4,4% потребляемых продуктов, а в 1926 г. они достигали уже 13,8%.

В крестьянской семье в 1926 г. на едока приходилось 30–32 кг мяса (до революции — около 16 кг в год. Его производство зависело не только от поголовья скота, но и от сборов зерна. Для получения пуда свинины нужно скормить 5 пудов зерна, или его эквивалентов). Достигнутый уровень питания крестьянского населения в 1926 г. превышал довоенный в переводе на хлебные продукты в потребляющей полосе на 6%, а в производящей на 2%. В производящей полосе питание на одного взрослого едока в день составляло в ккал: у беспосевных крестьян — 3827, у малопосевных — 4043, у среднепосевных — 4228, у многопосевных — 4689 (в этом случае питание больше всего соответствовало расходу энергии, требуемой для выполнения тяжелой физической работы). По сравнению с дореволюционным временем разница в питании между этими группами значительно уменьшилась, поскольку удельный вес деревенской бедноты понизился в 2 с лишним раза, а удельный вес средних слоев крестьянства возрос более чем в 3 раза.

Данные обследования питания сельского населения РСФСР в феврале и октябре 1927 г. (месяцы наибольшего потребления мяса и жиров) дают следующую картину. В потребляющей полосе в февральские дни приходилось на человека в среднем разной муки (преимущественно ржаной) 538 г, в октябрьские — 549 г; круп и бобовых — соответственно 74 и 61 г, картофеля — 644 и 680 г; овощей и фруктов — 117 и 213 г; мяса — 101 и 100 г; рыбы — 25 и 24 г; сала — 12 и 9 г; коровьего масла — около 4 г; растительного масла — 7 и 5 г; сахара и сахаросодержащих продуктов — 17 г; молока — 281 и 346 г, яиц — 1 и 4 г в день. В производящей полосе в крестьянском рационе несколько меньше было картофеля (соответственно 396 и 435 г) и молока (226 и 267 г), больше — муки (595 и 593 г), мяса (113 и 94 г.) и яиц (5 и 7 шт.).

В 1927/28 г. в семьях крестьян в среднем на одного человека приходилось 239 кг хлеба и хлебобудованных продуктов (в семьях рабочих — 187 кг), 41 кг мяса (у рабочих — 57 кг), 4,3 кг сахара (у рабочих — 14,6 кг). Основными продуктами питания крестьян в конце 1920-х годов, как и встарь, были хлеб, картофель («второй хлеб», как его называли) и молоко. Эти же продукты оставались основными и на последующие 3–4 десятилетия советской власти.

С переходом к нэпу в СССР был отменен «сухой закон». В августе 1921 г. СНК разрешил продажу виноградного вина крепостью до 14 градусов, а в декабре — до 20 градусов. В конце 1922 г. легальным напитком стал коньяк. В декабре 1924 г. с винного склада № 1 (будущий завод «Кристалл») пошли в продажу 30-градусные наливки, настойки и водка, получившая в народе название «рыковка» по имени нового главы правительства. В августе 1925 г.

власть восстановила государственную монополию на изготовление 38-градусной водки, вскоре доведенной до «нормы» в 40 градусов. Поначалу водка продавалась по рублю за поллитровую бутылку, в 1926 г., после ряда колебаний цена установилась на уровне 1 руб. 10 коп. В 1927 г. доходы от продажи водки в бюджете страны составили 12% , против 26,5% в 1913 г.

Рост народного потребления ограничивался недостатком промышленных товаров. В 1925 г. производство предметов потребления достигло только 72,1% от уровня 1913 г. Однако и при этом общая сумма денежных затрат на покупку одежды и обуви увеличилась в среднем на душу населения в 1924/25 по сравнению с 1923/24 г. на 37,7%. В 1925 г. наиболее дефицитными товарами были ткани, кожа, обувь, сортовое железо, в еще большей степени — гвозди, кровельное железо, стекло, махорка.

Особенно остро ощущалась неустроенность быта из-за плохих жилищных условий населения. Расширение общей площади городского жилищного фонда в 1926 г. по сравнению с 1913 г. на 36 млн кв. м значительно отставало от прироста городского населения. По переписи 1926 г., жилая площадь на душу фабрично-заводских рабочих в среднем составляла 4,91 кв. м, у служащих — 6,96 кв. м. Недостатки жилья скрашивались низкими ставками его оплаты (взимание платы было возобновлено в апреле 1922 г.). В 1924 г. средняя месячная плата за 1 кв. м жилой площади составляла 11 коп. Жилищная плата покрывала лишь часть издержек по содержанию жилища.

Реальным завоеванием трудящихся было сокращение по сравнению с дореволюционной Россией продолжительности рабочего дня. До 1917 г. средняя продолжительность рабочей недели в целом по промышленности равнялась почти 60 ч (10 ч в день). В 1925/26 г. продолжительность рабочего дня промышленных рабочих составляла 7,4 ч. Все рабочие и служащие имели право на ежегодный очередной отпуск не менее двух недель. К 1923 г. в СССР сложилась система социального страхования на случай временной потери трудоспособности вследствие болезни и увечья, беременности и родов, ухода за больным членом семьи и т. д. Система соцстраха в СССР являлась по тому времени самой прогрессивной в мире. Страховые фонды составлялись целиком и полностью из общественных фондов в государственных и кооперативных предприятиях (в 1924 г. 13,6% от всей суммы выплаченной зарплаты). В 1923 г. при временной потере трудоспособности пособие равнялось 65,9% фактического заработка, с января 1924 г. пособие выдавалось в размере полного заработка. Однако полностью провести все эти меры в жизнь стало возможным после ликвидации в стране безработицы.

Приметами послереволюционных социально-политических сдвигов в деревне стали новые учреждения административно-общественного, производственного и культурного назначения: сельсоветы, избы-читальни, клубы, народные дома, размещавшиеся зачастую на месте старых

административных учреждений, в помещичьих и кулацких домах, в бывших церквях. Началось строительство и новых зданий, особенно для школ и больниц. В деревнях появлялись первые электрические «лампочки Ильича».

В 1920-е годы постепенно менялся и внешний облик советского человека. Вместо шинелей, ватников и гимнастерок военного времени все большее распространение среди горожан получали довольно узкие и короткие брюки навыпуск и свободная блуза с матерчатым поясом (толстовка). Женщины носили короткие платья прямого покроя, юбки и блузки. Распространенным женским головным убором стал красный платочек, повязанный концами назад. В то же время были широко распространены кожаные куртки, ставшие во время войны как бы формой для коммунистов, а также френчи, галифе полувоенного покроя, матросские тельняшки и брюки «клеш». С 1923 г. в СССР стали популярными модели одежды, приемы кройки и шитья.

Переход к индустриализации и коллективизации. В декабре 1925 г. XIV съезд партии переименовал РКП(б) во Всесоюзную Коммунистическую партию (большевиков) — ВКП(б). Главным решением съезда было принятие курса на индустриализацию страны, необходимость которой сознавали все противоборствующие в партии группировки. Они исходили из представлений об СССР как осажденной врагами крепости и не теряли надежд на мировую революцию. Общее настроение определяла альтернатива: либо ликвидировать отставание, либо погибнуть.

Концепция Бухарина (продолжение нэпа, сбалансированное развитие промышленности и сельского хозяйства, приоритетное развитие тяжелой промышленности при одновременном внимании к производству предметов потребления, кооперирование крестьянских хозяйств на добровольной основе) была отвергнута. Утверждалась сталинская: свертывание нэпа, усиление роли государства в развитии экономики, ужесточение дисциплины, форсированное развитие тяжелой промышленности, использование деревни как поставщика средств и рабочей силы для нужд индустриализации.

Старт мобилизационному штурму в промышленности дала XV конференция партии (октябрь — ноябрь 1926 г.). Была поставлена амбициозная цель — в минимальный срок «нагнать, а затем превзойти» уровень индустриального развития передовых капиталистических стран. В качестве источников индустриализации, как и ранее, назывались накопления госпромышленности, бюджетное перераспределение средств из других отраслей (главным образом за счет изъятия прибавочной части необходимого продукта из сельского хозяйства) в пользу строительства тяжелой индустрии и привлечение сбережений населения через займы. Заметную роль среди источников индустриализации играли до-

ходы от экспорта сельскохозяйственной продукции (зерно) и сырья, в основном леса и нефти (только за 1926–1929 гг. экспорт вырос в цене более чем на 70%), а также от продажи алкоголя. Государственные займы также составляли значительную часть бюджета СССР (в 1927/28 — 10%). Вместе с тем партия отвергла предложения сторонников Троцкого по дальнейшему повышению отпускных цен на промышленные товары.

Наиболее циничным выразителем троцкистской экономической программы был Е. А. Преображенский (член коллегии наркомата финансов в 1924–1927 гг.). В 1925 г. он вместе с Г. Л. Пятаковым (зампред ВСНХ) полагал: если допустить, что возможно построение социализма в одной стране, то это нужно делать с максимальной быстротой, форсируя темпы строительства. В своей книге «Новая экономика» (1926) Преображенский обосновывал экономическое понятие «первоначальное социалистическое накопление», предлагая черпать средства в основном «вне комплекса государственного хозяйства», а создавать «первичное накопление капитала за счет крестьянства». Рыков и Бухарин называли эту идею возмутительной.

Однако, по сути, на практике все и сводилось к перераспределению средств деревни, легкой и пищевой промышленности на нужды тяжелой. Конечно, это ограничивало и даже снижало жизненный уровень трудящихся. Активная часть общества считала, что индустриализация требует жертв. Фактически руководство партии в лице Сталина и его сторонников со временем все более склонялись к позиции Преображенского.

Отличительной особенностью первого этапа индустриализации было сочетание восстановительных процессов в промышленности с развертыванием нового строительства по планам ГОЭЛРО. В 1928 г. валовая продукция народного хозяйства СССР почти на треть превышала уровень 1913 г. При этом крупная промышленность только за 1926–1928 гг. выросла почти вдвое. Однако производство чугуна в 1928 г. составляло всего 78% от довоенного уровня. В эти годы завершилось строительство крупных по тем временам электростанций, а в 1927 г. началось строительство 10 новых станций, в их числе мощной электростанции на Днестре, а также Ростовского завода сельскохозяйственных машин, Сталинградского тракторного завода, Керченского металлургического и крупного завода в Кривом Роге. Велась подготовка к строительству Кузнецкого металлургического завода, сырьевой базой которого стали коксующиеся угли Кузбасса и железные руды Урала. Развернулись работы на северном и южном участках Туркестано-Сибирской железной дороги (1452 км от Семипалатинска через Алма-Ату до станции Луговая).

Всего за первые 10 лет советской власти в России было построено, восстановлено и введено в строй 2,2 тыс. крупных промышленных предприятий. В первые годы индустриализации, начиная с 1926 г., начато строительство более 600 новых промышленных предприятий, на многих

старых проводилась коренная реконструкция, почти равная новому строительству. Все это позволило поднять удельный вес промышленного производства (в сравнении с аграрным) с 36% в 1926 г. до 48 — в 1928-м. Начался процесс превращения страны из аграрной в индустриальную.

Основные экономические показатели сельского хозяйства в 1926–1928 гг. тоже превосходили показатели предреволюционной России. Валовой аграрной продукции в стране производилось на 18–20% больше по сравнению с 1913 г. Однако три четверти посевных работ в стране велось ручным способом; до половины зерновых убиралось косой и серпом, обмолачивалось цепом и другими примитивными орудиями. Низкая урожайность и частые недороды, суровые природные условия усугубляли ситуацию. Товарного хлеба (для города) деревня производила на 30% меньше, чем до революции. Число крестьянских хозяйств достигло максимума в 1927 г. — 25 млн против 21 млн в 1916 г. Основную их массу составляли бедняцко-средняцкие хозяйства, производившие зерно в основном для собственного потребления. На фоне роста промышленности нерентабельность мелкого крестьянского производства проявлялась все отчетливее. Надежды на улучшение связывались с переводом мелких хозяйств на рельсы крупного производства.

Резолюция XV съезд партии (декабрь 1927 г.) «О работе в деревне» призывала «широко развернуть пропаганду необходимости и выгоды для крестьянства постепенного перехода к крупному общественному сельскому хозяйству». Начавшаяся индустриализация открывала возможность для подготовки материально-технической базы преобразования сельского хозяйства, расширяя поставку тракторов, прицепных машин и орудий.

Подготовке массовой коллективизации способствовали простейшие формы кооперации. В кооперативы (сбыто-снабженческие, ТОЗы — товарищества по совместной обработке земли и др.) к осени 1927 г. объединено около трети крестьянских хозяйств, а в 1929 г. — более 55%. Однако в колхозы (высшую форму кооперации) к июню 1929 г. было вовлечено лишь 3,9% крестьянских хозяйств. Большевики были полны решимости добиться массовой коллективизации в кратчайший срок.

Разработка пятилетнего плана. На XV съезде партии было решено разработать комплексный план развития народного хозяйства страны, устанавливавший пропорции и темпы развития различных секторов и отраслей хозяйства, регионов страны на пятилетний период. Работа была сосредоточена в Госплане и ВСНХ, проходила в острой борьбе, отражая различия во взглядах в высшем руководстве на перспективы развития страны. По предложению председателя Госплана Г. М. Кржижановского готовились два варианта пятилетнего плана — минимальный (отправной) и оптимальный. Наметки первого были на 20% ниже, чем во втором.

В ВСНХ под руководством В. В. Куйбышева разрабатывался только оптимальный вариант. В этом плане индустриализация трактовалась как ускоренное развитие собственной (не импортируемой) промышленности и прежде всего продукции машиностроения, энергетики, химической промышленности, металлургии. ВСНХ намечал обеспечить ежегодный прирост промышленной продукции на 19–20%. Старые буржуазные специалисты (В. А. Базаров, В. Т. Громан, И. А. Калинин), ссылаясь на мировой опыт, считали реальным вдвое меньший темп индустриального развития по сравнению с намеченным в оптимальном варианте плана. Против высоких темпов возражали и представители «правой оппозиции» (Бухарин, Рыков, Томский). Однако ноябрьский пленум ЦК (1928) заявил о возможности «догнать и перегнать в технико-экономическом отношении капиталистические страны... только при напряженном темпе развития индустрии и индустриализации страны». Вариант контрольных цифр пятилетнего плана, предусматривавший рост всей промышленности на 167% (тяжелой — на 221, легкой — на 130), ВСНХ подготовил в середине декабря 1928 г.

В апреле 1929 г. оптимальный вариант плана был принят правительством, несмотря на возражения Кржижановского (в ноябре на этот пост назначен Куйбышев), затем одобрен XVI партийной конференцией и утвержден V Всесоюзным съездом Советов. План был рассчитан на период с октября 1928 г. до октября 1933 г. Хозяйственный год в условиях индустриализации и укрепления плановых основ в сентябре 1930 г. решили перенести с 1 октября на 1 января, начиная с 1931 г.

План предусматривал увеличение за пятилетие выпуска промышленной продукции в 2,8 раза (тяжелой — в 3,3) и сельскохозяйственной — в 1,55; повышение реальной зарплаты в промышленности на 71%, доходов крестьян — на 67%. Намечалось перевести в общественный сектор сельского хозяйства к концу пятилетки 4–5 млн крестьянских хозяйств (18–20% их числа) и 17,5% общей посевной площади. Одновременно планировалось ввести всеобщее обязательное начальное образование, ликвидировать неграмотность населения в возрасте до 40 лет, подготовить квалифицированные кадры для всех отраслей народного хозяйства. Однако многие наметки пятилетнего плана уже вскоре изменились. Летом 1929 г. ЦК принял ряд постановлений о форсированном развитии ряда отраслей промышленности.

§ 5. Изменения в составе СССР, эволюция национальной политики

Изменения в составе СССР. Принятие Конституции завершило первый этап создания и укрепления единого союзного государства.

В дальнейшем СССР пополнялся новыми членами. В октябре 1923 г.

Хорезмская, а в сентябре 1924 г. Бухарская народные республики провозгласили себя социалистическими. Осенью того же года на территории этих республик и Туркестанской АССР в результате национально-территориального размежевания образовались две новые союзные республики — Узбекская и Туркменская, одна автономия — Таджикская АССР в составе Узбекской), две российские автономные области — Кара-Киргизская (в 1925 г. переименована в Киргизскую АО, а в 1926 г. преобразована в Киргизскую АССР) и Кара-Калпакская АО в составе Казахской АССР. В январе 1925 г. в состав Таджикистана вошла территория Памира (Горно-Бадахшанская АО), в мае III съезд Советов СССР включил в состав Союза на правах союзных республик Узбекистан и Туркменистан. В 1929 г. в союзную республику была преобразована Таджикская АССР. Национальное размежевание в Средней Азии охватило территорию с населением более 17 млн человек, что позволило на долгое время обрести спокойствие и устойчивость развития всему региону.

Появились новые национальные образования в составе Азербайджана (Нагорно-Карабахская АО, 1923 г.) и Украины (Молдавская АССР, 1924 г.). Созданный в 1923 г. Нахичеванский автономный край в составе Азербайджанской ССР в 1924 г. преобразован в Нахичеванскую АССР. Тогда же на основе союзного договора были оформлены отношения Грузии и Абхазской ССР, которая в 1931 г. была включена в состав Грузии на правах АССР.

В 1924 и 1926 гг. к Белоруссии были присоединены смежные территории РСФСР (части Витебской, Гомельской и Смоленской губерний) с преобладанием белорусского населения и развитой промышленностью. В результате территория БССР увеличилась в 2,5 раза, а ее население — более чем в 3 раза.

В составе РСФСР Бурят-Монгольская и Монголо-Бурятская автономные области в 1923 г. образовали единую Бурят-Монгольскую АССР. В автономные республики преобразованы Карельская трудовая коммуна (1923), Автономная трудовая коммуна немцев Поволжья (1924), Чувашская автономная область (1925).

В июле 1924 г. вместо упраздненной Горской АССР, изначально включавшей 7 национальных округов — Балкарский, Владикавказский, Кабардинский, Карачаевский, Назрановский (Ингушский), Чеченский и Сунженский казачий, в результате размежевания появились Ингушская и Северо-Осетинская автономные области (1924); были созданы Карачаевская (1926) и Черкесская (1928) АО. Существовавшая с 1922 г. в Краснодарском крае Адыгейская (Черкесская) АО в 1928 г. была преобразована в Адыгейскую АО. При национальном размежевании на Северном Кавказе земли с преобладанием славянского населения были выведены из подчинения автономий. В Кабардино-Балкарии, Осетии,

Чечне создавались казачьи автономные округа. Владикавказ и Грозный с пригородами были отдельными округами за пределами Северной Осетии и Чечни. В начале 1-й пятилетки эти округа, вопреки интересам славянского населения, снова присоединили к Чечне и Северной Осетии. Грозный стал столицей Чечни, а Владикавказ (с 1931 г. — Орджоникидзе) был до 1934 г. столицей и Северной Осетии, и Ингушетии.

Во время проводившегося в 1920-е годы районирования старое административное деление (губерния, уезд, волость), не учитывавшее экономические и национальные особенности регионов, к концу 1929 г. было заменено в РСФСР трехзвенной системой: район, округ, область (край), а в других союзных республиках — двухзвенной (район, округ). Вместо 766 старых уездов в СССР было создано 176 округов. Районирование несколько изменяло положение автономных образований. Автономные области включались в состав краев и областей. В постановлении ВЦИК РСФСР от 28 июня 1928 г. подчеркивалось, что автономные республики, входя на основе добровольности в краевые объединения, полностью сохраняют конституционные права. Местные органы власти в автономиях получили возможность решать многие вопросы без согласования с центром.

При районировании национально-государственное строительство доходило до самых мелких административных единиц. В республиках выделялись округа, уезды и районы, волости и сельсоветы, компактно населенные народами, отличающимися от основного населения. При этом численная норма, необходимая для создания соответствующей национальной административной единицы, снижалась в среднем в 2,5 раза. Так в стране появились национальные округа, уезды, районы, волости и сельсоветы. Работа по их созданию получила значительное ускорение после III съезда Советов СССР, установившего 20 мая 1925 г., что «должен быть принят... ряд дополнительных мероприятий, обеспечивающих и защищающих интересы национальных меньшинств». Постановление предусматривало, в частности, «в случаях значительной численности национальных меньшинств образование отдельных Советов с употреблением языков этих меньшинств, организацию школ и судов на родном языке». В том же году образовался Коми-Пермяцкий национальный округ в Пермской, а в 1928 г. — Саранский (Мордовский) в Средне-Волжской области (в январе 1930 г. на его базе создана Мордовская АО). Помимо этого, в России были созданы 33 национальных района, 110 национальных волостей, 2930 национальных сельсоветов. Такие же миниатюрные автономии появились в других союзных республиках. Это обеспечивало наиболее полное выявление возможностей экономического, политического и культурного развития каждой национальности.

Большую роль в советизации народов Севера и Дальнего Востока, находившихся к 1920 гг. на стадии патриархально-общинных отноше-

ний, сыграл Комитет содействия народностям северных окраин (Комитет Севера), работавший при ВЦИК с июня 1924 г. Поначалу в этих районах создавались «родовые Советы» и «туземные исполкомы», которые соответствовали сельсоветам и райсоветам, развивалась промысловая кооперация.

Национальная политика СССР середины и второй половины 1920-х годов за пределами русских областей была сравнительно корректной и взвешенной. В среднеазиатских республиках сохранялись вакуфные владения (земли мусульманского духовенства), старый мусульманский суд (суд казиев) и учебные заведения (медресе). В государственный аппарат привлекались «именитые и влиятельные люди» из состоятельных слоев общества. Для вовлечения в новую жизнь патриархального крестьянства Востока создавались массовые организации бедноты и середняков — «Кошчи» и «Жарлы», не имевшие аналогов в других республиках. В отношении ислама не велось широкой антирелигиозной пропаганды. У народов Северного Кавказа действовали суды адата и шариата, производившие разбирательства спорных дел по нормам местных обычаев и религиозного права. Вместе с тем причину трудностей в проведении масштабных преобразований (национальное размежевание, земельная реформа) Центр нередко усматривал в деятельности так называемых национал-уклонистов. В 1925 г. под огонь критики попал председатель Совнаркома Узбекистана Ф. Ходжаев, обвинявшийся в противодействии земельно-водной реформе и покровительстве баям-землевладельцам. В конце 1928 г. возобновились репрессии против султангалиевцев.

Углубление во второй половине 1920-х годов курса на ограничение и вытеснение капиталистических элементов, особенно переход к коллективизации, сопровождалось сужением прав национальных республик и автономных образований. Самостоятельность, свободу национального развития и «расцвет» наций центральное руководство пыталось все более ограничивать только культурно-национальной сферой. Однако и это не гарантировало от разного рода «уклонов» и националистических проявлений. Например, на Украине серьезной проблемой стали «хвyleвизм», «волобуевщина» и «шумскизм», получившие свое название по именам видных представителей национальной элиты.

Нарком просвещения А. Шумский упрекал партийную организацию республики в том, что она недостаточно активно ведет борьбу с великодержавным шовинизмом, предлагал форсировать темпы украинизации партийного и государственного аппарата, учреждений культуры. Нарком сочувствовал писателю Н. Хвyleвому, который ориентировался в своих произведениях на буржуазный Запад и выступил с призывом «Прочь от Москвы». Экономист М. Волобуев, отрицая необходимость единого со-

циалистического хозяйства СССР, проповедовал идею экономической самостоятельности Украины — практически ее изоляции от СССР.

Изддержки национальной политики на Украине пытались отнести также и на счет Сталина. Зиновьев на заседании Президиума ЦКК в июне 1927 г. назвал его политику в национальном вопросе «архибеспринципной», утверждая, что «такая» украинизация «помогает петлюровщине», а настоящему шовинизму отпора не дает. Сталин в ответ обвинял в великодержавных настроениях и извращении ленинизма оппозицию. Основания для этого имелись. Например, в теоретической работе «О национальной культуре» (1927) троцкист В. А. Ваганян писал, что «под национальной культурой следует понимать только господствующую классовую культуру буржуазии». Он утверждал, что «борьба за коммунизм немыслима без самой решительной борьбы с национальной культурой», «при социализме совершается процесс, который... приведет... к постепенному уничтожению национальных языков, слиянию их в один или несколько могучих интернациональных языков». Русский язык изображался им, с одной стороны, как «язык всесоюзной коммунистической культуры, которую мы вырабатываем все вместе», с другой — как «межнациональный язык нашего Союза».

Критикуя подобные воззрения (особенно выводы для практической политики), Сталин говорил в августе 1927 г., что Ленин призывал к развитию национальной культуры в национальных областях и республиках, а Зиновьев «думает теперь перевернуть все это, объявляя войну национальной культуре». А для пущей важности было добавлено: «То, что здесь наболтал Зиновьев о национальной культуре, следовало бы увековечить для того, чтобы партия знала, что Зиновьев является противником развития национальной культуры народов СССР на советской основе, что он является на деле сторонником колонизаторства».

Адепты мировой республики неустанно раздавали обещания о помощи всем «угнетенным» народам. Начиналось это до революции. «Когда будем правительством, — писал Ленин в 1916 г., — мы все усилия приложим», чтобы оказать отсталым и угнетенным народам «бескорыстную культурную помощь», «помочь им перейти к употреблению машин, к облегчению труда, к демократии, к социализму». В 1921 г. при конкретизации таких обещаний было сформулировано одно из центральных положений всей послеоктябрьской советской национальной политики: «Суть национального вопроса в РСФСР состоит в том, чтобы уничтожить ту фактическую отсталость (хозяйственную, политическую и культурную) некоторых наций, которую они унаследовали от прошлого, чтобы дать возможность отсталым народам догнать центральную Россию и в государственном, и в культурном, и в хозяйственном отношениях».

Партия, решением X съезда, обязывалась помочь отставшим народам: «а) развить и укрепить у себя советскую государственность в фор-

мах, соответствующих национально-бытовым условиям этих народов; б) развить и укрепить у себя действующие на родном языке суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения; в) развить у себя прессу, школу, театр, клубное дело и вообще культурно-просветительные учреждения на родном языке; г) поставить и развить широкую сеть курсов и школ как общеобразовательного, так и профессионально-технического характера на родном языке».

Однако организацией ударной работы «отсталых народов» партия не ограничилась. Она не только призывала, но и приказывала. На X съезде РКП(б) об очередных задачах партии в национальном вопросе прямо говорилось, что только «одна нация, именно великорусская, оказалась более развитой... Отсюда фактическое неравенство... которое должно быть изжито путем оказания хозяйственной, политической и культурной помощи отсталым нациям и народностям». Русские крестьяне, в большинстве своем оставшиеся на низком уровне развития, и другие представители «развитой нации», не проявлявшие должным образом готовности помогать, рисковали быть обвиненными в великорусском национализме. Представители окраинных народов, не желавшие перестраиваться на «социалистический лад», попадали в разряд местных националистов. Особенно наглядно такая перспектива обнаружилась в конце 1922 г.

Союзный центр с момента образования СССР опасался, что в случае появления полноправных органов власти в РСФСР он не сможет сохранить полноту власти в своих руках, использовать республику как полигон для различных социальных и национальных экспериментов. Не исключено, что именно для подавления неизбежного недовольства неравноправным положением Российской Федерации в Советском Союзе был выдвинут лозунг «борьбы с великодержавным русским шовинизмом».

Вместе с тем официальная идеология вплоть до конца 1920-х годов исходила из тотального осуждения дореволюционной истории страны. Русскому народу навязывалась мысль, что до революции у него не было и не могло быть своего отечества. Россия именовалась не иначе, как тюрьмой народов, русские — эксплуататорами, колонизаторами, угнетателями других народов. Патриотизм как таковой приравнивался к национализму — свойству эксплуататоров и мелкой буржуазии. Руководство страны призывало искоренить национализм в любой его ипостаси. При этом главная опасность виделась в великодержавном (великорусском) национализме, местный национализм до некоторой степени оправдывался.

С утверждением у власти Сталина как единоличного политического лидера его представления о процессах в национальной сфере жизни общества приобретали все большее значение. С его именем связывалось

классическое определение нации, представления о новых, советских нациях. Общечеловеческая культура, к которой идет социализм, изображалась им как пролетарская по содержанию и национальная по форме. Переход к такой культуре мыслился происходящим в порядке одновременного развития у национальностей СССР культуры национальной (по форме) и общечеловеческой (по содержанию). Сталин внес успокоение в национальную среду дискредитацией положения о том, что в СССР уже за период социалистического строительства исчезнут нации. Особенно воодушевляющей для «националов» стала установка, согласно которой период победы социализма в одной стране будет этапом роста и расцвета ранее угнетенных наций, их культур и языков; утверждения равноправия наций; ликвидации взаимного национального недоверия; налаживания и укрепления интернациональных связей между нациями.

В наиболее общем виде диалектика национального вопроса представлена Сталиным 27 июня 1930 г. в политическом отчете ЦК XVI съезду партии: «Надо дать национальным культурам развиваться и развернуться, выявив все свои потенции, чтобы создать условия для слияния их в одну общую культуру с одним общим языком в период победы социализма во всем мире. Расцвет национальных по форме и социалистических по содержанию культур в условиях диктатуры пролетариата в одной стране для слияния их в одну общую социалистическую (и по форме и по содержанию) культуру с одним общим языком, когда пролетариат победит во всем мире и социализм войдет в быт, — в этом именно и состоит диалектичность ленинской постановки вопроса о национальной культуре». Таким образом, выходило, что в обозримой исторической перспективе национальным культурам не угрожало ничего, кроме «расцвета». Всю совокупность сталинских теоретических новшеств, как и национальную политику второй половины 1920-х годов, можно расценить как уступку «националам».

Обретение народами бывшей Российской империи государственности и автономии вело к пробуждению чувства национальной общности, росту национальных настроений. Политика коренизации (вовлечение представителей всех национальностей в состав руководящего аппарата, интеллигенции, рабочего класса) вела не только к позитивным сдвигам в структуре коренного населения, но и к оформлению местных элит с присущей им национальной спецификой, попытками обретения бесконтрольной самостоятельности, уклонами к местному национализму и сепаратизму.

Организуя реальную помощь отсталым в прошлом народам, государство в то же время превентивными ударами пыталось обезопаситься от национал-уклонизма и сепаратизма. Результатом стали растущие потери народов от репрессий. Однако это не означает, что национальная политика в СССР представляла собой возврат к политике великорус-

ского национализма и восстановлению бывшей империи. С этим не согласуется отсутствие признаков господства русских над «порабощенными» народами. Эксплуатация русскими объединенных с ними народов была напрочь исключена. Русские области РСФСР, начиная с 1917 г., вынуждены были постоянно больше отдавать, чем получать от других народов, имевших свои национальные образования. Русские, как и до революции, оставались главной опорой, государствообразующей нацией и во многом обеспечивали выживание и модернизацию всех советских республик.

§ 6. Преобразование культуры

Составной частью плана перехода от капитализма к социализму была так называемая культурная революция, предполагавшая переворот в духовной жизни общества, преобразование общественного сознания на основе марксистско-ленинской идеологии, формирование у советских людей некоторого стандартного, одинакового для всех способа понимания окружающих явлений бытия. Предстояла грандиозная работа по перевоспитанию старшего и воспитанию подрастающих поколений в духе коммунистической идейности и нравственности, интернационализма и патриотизма, коллективистской психологии. Революция не мыслилась без подавления всякого рода носителей антисоветского и антикоммунистического сознания. Она нацеливалась на создание культуры принципиально нового типа — «социалистической» по содержанию, «интернациональной» по природе (состоящей из лучших элементов всех национальных культур), национальной по форме. Придавая громадное значение предстоящему перевороту в культурной сфере, Ленин в своем «Завещании» подчеркивал: «Для нас достаточно теперь этой культурной революции для того, чтобы оказаться вполне социалистической страной».

Важнейшее место в государственном управлении культурой занимал Народный комиссариат просвещения РСФСР, призванный руководить не только просвещением, но и внешкольным образованием, литературой, театрами, изобразительным искусством, музыкой. Для этого в Наркомпросе был создан Отдел просвещения национальных меньшинств. Местные Советы имели отделы народного образования, которым подчинялись все (и общественные, и частные) учреждения культуры. Партийное руководство культурой осуществлял созданный в 1920 г. Агитационно-пропагандистский отдел ЦК РКП(б). Помимо него при ЦК работали постоянные комиссии практически по всем отраслям культуры: антирелигиозная, по самообразованию, библиотечная, клубная, школьная, художественная, радиокомиссия, кинокомиссия. В 1922 г. в составе Наркомпроса созданы Главное управление по делам литературы и издательств, на которое возлагались функции цензуры, и Главный

репертуарный комитет, ведавший цензурой театрально-концертной деятельности. Координация руководства культурой во всесоюзном масштабе осуществлялась Совещанием наркомов просвещения республик.

Переход к мирному строительству после Гражданской войны выявил огромный недостаток в образованных кадрах для создания государственного аппарата, управления народным хозяйством, армией, собственно культурой. Провозглашена была политика привлечения интеллигенции к сотрудничеству с Советской властью с последующим ее перевоспитанием в советском духе или заменой новыми кадрами специалистов.

Значительная часть старой интеллигенции, руководствуясь идеей служения своему народу, пошла на сотрудничество с властью, часть заняла выжидательную позицию. Переход к нэпу был воспринят ею как начало эволюции Советской власти в направлении демократии и породил такое явление, как «сменовеховство». Название произошло от сборника «Смена вех», изданного в Праге в 1921 г. Стремясь расширить в условиях нэпа социальную опору в непролетарских массах, Советская власть разрешила издание в стране ряда журналов различных направлений, в том числе сменовеховских. Наиболее яркими выразителями сменовеховских идей были в зарубежье Ю. В. Ключников и Н. В. Устрялов (возвратились в 1922 и 1935 гг. и погибли в условиях репрессий), в СССР — литератор И. Г. Лежнев, редактировавший в 1922–1926 гг. сменовеховский журнал «Новая Россия».

Суть этого идейного движения сводилась к признанию Советской власти, сумевшей спасти государственность в России и найти выход из революционной «смуты» через нэп. Призывы «сменовеховцев» к сотрудничеству с большевиками основывались на том, что жизнь сама заставит их пойти по пути возрождения и разумного устройства страны вопреки революционной риторике. Переход к нэпу способствовал возвращению части эмигрантов на родину. За 1921–1931 гг. в Россию вернулись 181 432 эмигранта, из них 121 843 — в 1921 г. Советская власть допустила также свободное соревнование различных группировок в литературе и искусстве, ставшее основой для образования группы писателей, названных «попучиками». К ним относили писателей непролетарского происхождения, которые принимали Советскую власть, сотрудничали с ней, но в политическом отношении хотели оставаться нейтральными.

Однако так называемый классовый подход оставался главным принципом выстраивания властной политики в отношении интеллигенции. При малейшем подозрении в противодействии власть немедленно прибегала к репрессиям. Узкий догматический подход был противопоставлен реальному многообразию жизни и ее культурных проявлений. И вновь пролетарская социальная основа революции пришла в противоречие с реальной сложной социальной и культурной структурой

российского общества, которая имманентно включала и должна была включать так называемые мелкобуржуазные компоненты. Противоречия эти ликвидировались варварскими методами. В 1921 г. более 200 человек были арестованы по делу так называемой Петроградской боевой организации во главе с В. Н. Таганцевым (профессор географии, секретарь Сапропелевого комитета Академии наук). По решению Петроградской ЧК от 24 августа 61 из арестованных, включая выдающегося русского поэта Н. С. Гумилева, были расстреляны.

В июне 1921 г. Ф. Э. Дзержинский направил в Политбюро докладную записку об антисоветских организациях среди интеллигенции, из которой следовало, что нэп создает опасность объединения и консолидации сил буржуазных и мелкобуржуазных групп. Особое внимание обращалось на антисоветскую профессуру в вузах, различных научных обществах. Противников Советской власти обнаружили вокруг журналов «Экономист», «Экономическое возрождение», «Летопись Дома литераторов», вестника Пироговского общества врачей, а также в частных издательствах. Отмечалось, что вокруг издательства «Задруга» группируются члены партии энесов, а издательства «Берег» — преимущественно члены ЦК партии кадетов; издательство «Книга» находится в руках ЦК меньшевиков. В записке подчеркивалась «необходимость решительного проведения ряда мероприятий, могущих предотвратить возможные политические осложнения».

На основании записки Политбюро в июне 1922 г. создало специальную комиссию в составе И. С. Уншлихта, Д. И. Курского и Л. Б. Каменева. Она должна была подготовить предложения по арестам и высылке интеллигенции, закрытию органов печати. Инициатива высылки принадлежала Ленину, а контроль за исполнением операции был возложен на Сталина. «Надо бы несколько сот подобных господ выслать за границу безжалостно. Очистим Россию надолго», — писал Ленин. Политбюро несколько раз рассматривало работу комиссии по высылке интеллигенции, находя ее неудовлетворительной «как в смысле недостаточной величины списка, так и в смысле его недостаточного обоснования».

С июля 1922 по апрель 1923 г. из России в несколько приемов (в том числе на пароходах) было выслано более ста старых интеллигентов (вместе с семьями 228 человек). Среди них были профессора Московского университета, Московского высшего технического училища, Петровско-Разумовской сельскохозяйственной академии, Института инженеров путей сообщения, Археологического института; лица, проходящие по делу издательства «Берег» и по делу группы В. В. Абрикосова — священника римско-католической церкви в Москве, сторонника объединения римско-католической и православной церквей; агрономы, кооператоры, врачи, инженеры, литераторы. Среди высланных были также бывший ректор М. М. Новиков и декан физико-математического факультета Московского университета В. В. Стратонов; экономисты С. Н. Прокопович и Б. Д. Бруцкус, историк А. А. Кизевет-

тер, писатель М. А. Осоргин, философы Н. А. Бердяев, Д. П. Карсавин, Е. О. Лосский, П. А. Сорокин, Ф. А. Степун, С. Л. Франк. Нашумевшая высылка вошла в историю под названием «философский пароход», хотя на пароходах в изгнание отбыло около 50 ученых, с членами семей — примерно 115 человек.

Высланные представители старой интеллигенции пополнили почти двухмиллионную эмиграцию, оказавшуюся за пределами России в результате революции и Гражданской войны. Многие другие ее представители оказались среди репрессированных по политическим мотивам внутри СССР. Согласно данным МВД, общее число арестованных органами ВЧК — ОГПУ¹ за все виды преступлений в 1921–1928 гг. составило 842 232 человека, из них 152 633 осуждено. В числе арестованных за контрреволюционные преступления насчитывалось 457 347 человек. Удельный вес «контрреволюционеров» среди всех арестантов вырос с 38% в 1921 г. до 64 — в 1928 г. и 82% — в 1929 г.

В ноябре 1923 г. ОГПУ пыталось сфабриковать дело по обвинению в антисемитизме С. Есенина, его друзей А. Ганина, С. Клычкова, П. Орешина. Затравленный поэт покончил жизнь самоубийством в 1925 г. (по другой версии убит), позднее погибли и другие обвиняемые. В ноябре 1924 г. арестовали группу писателя А. Ганина, объединенную идеей борьбы с «интернационально-коммунистическим режимом во имя спасения национальной России». Группа получила название «Орден русских фашистов». В марте 1925 г. Ганина с шестью товарищами расстреляли, семерых отправили на Соловки, откуда вернулись лишь двое.

В мае–июле 1928 г. состоялся показательный процесс над «вредителями» в угольной промышленности («шахтинское дело»). Всего по делам об экономической контрреволюции в Донбассе, московского и харьковского «центров» к судебной ответственности привлекли 53 человека, в том числе 36 инженеров, 11 техников. Они обвинялись в создании организации, которая «щедро субсидировалась поляками, французскими, немецкими фирмами и своим парижским центром», «активно готовилась к интервенции и практически намечала совершенно реальные мероприятия по взрыву тыла изнутри». Пятеро из арестованных были расстреляны, остальные получили разные сроки лишения свободы.

Особой жесточечностью отличалась борьба по искоренению религиозного сознания и священнослужителей, которые были зачислены в

---

¹ Созданная в 1917 г. ВЧК (Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем) в феврале 1922 г. преобразована в ГПУ (Государственное политическое управление) при НКВД РСФСР, в сентябре 1923 г. — ОГПУ (Объединенное ГПУ) при СНК СССР. В 1934 ОГПУ упразднено с включением его состава в Главное управление государственной безопасности (ГУГБ) НКВД СССР. Органы госбезопасности в 1917–1926 гг. возглавлял Ф.Э. Дзержинский, в 1926–1934 гг. — В.Р. Менжинский.

стан контрреволюции. Пионеры и комсомольцы оказались наиболее отзывчивыми на призывы покончить с «поповским мракобесием». К 1922 г. было закрыто более двух третей из примерно 1200 православных монастырей, а в Москве — все домовые церкви, составлявшие около четверти общего числа столичных храмов (в 1917 г. в Москве действовало 845 храмов различных конфессий). Началось планомерное разрушение церковных сооружений. В Москве первым снесли выдающийся памятник церковной архитектуры — часовню Александра Невского на Манежной площади. Кампания по изъятию церковных ценностей, предпринятая в голодном 1922 г., обернулась дальнейшим разгромом культурно-исторического достояния страны. Однако сломить пассивное сопротивление церкви властям не удалось.

В начале мая 1922 г. Политбюро, по предложению Ленина, дало директиву московскому трибуналу немедленно привлечь патриарха Тихона к суду. Патриарха арестовали и намеревались судить по обвинениям в антисоветских преступлениях. До суда дело не дошло. И не столько из-за того, что патриарху пришлось «раскаяться в своих поступках», сколько из-за опасения бурной реакции в зарубежных странах. Например, британское правительство заявило об отзыве дипломатической миссии, если начнется намеченный на апрель 1923 г. процесс по его делу.

Созданные в СССР и издававшиеся большими тиражами газета «Атеист» (начало 1922 г.), газета и журнал под одноименным названием «Безбожник» (декабрь 1922 г.), различные антицерковные семинары, кружки, организация «Друзья газеты “Безбожник”», преобразовавшаяся в 1925 г. в «Союз безбожников» (с 1929 — «Союз воинствующих безбожников») вели целенаправленную работу по атеизации верующих. Стремясь ослабить Русскую православную церковь, власти поддерживали «обновленцев» — группировки духовенства, пытавшиеся провести в РПЦ реформы, нацеленные, по сути, на разрушение церкви. Различные группы «обновленцев», возглавлявшиеся протоиереем А. Введенским, священником В. Красницким, епископом Антонином (А. Грановским) и другими, заявляли о своей приверженности «христианскому социализму», отрицали патриаршество «как монархический и контрреволюционный способ руководства церковью», требовали изменений в церковных обрядах, выступали за разрешение епископам вступать в брак, овдовевшим священникам жениться вторично. Среди обновленцев была «Свободная трудовая церковь», призывавшая к слиянию всех религий. В течение 1922–1923 гг. «обновленцы» захватили многие приходы, 37 из 73 епархиальных архиереев подчинились созданному в апреле 1923 г. обновленческим «Собором живой церкви» Высшему церковному управлению. Однако большинство верующих не пошло за «обновленцами».

Надеясь спасти церковь от разгрома, патриарх Тихон 16 июня 1923 г. обратился в Верховный Суд РСФСР с письмом, которым подтверждал

лояльность к установившейся в России власти, признал ошибочность ряда своих действий (в частности, обращения по поводу Брестского мира, анафемствования в 1918 г. власти, воззвания против декрета об изъятии церковных ценностей). «Я заявляю Верховному Суду, — писал он, — что я отныне советской власти не враг. Я окончательно и решительно отмежевываюсь как от зарубежной, так и от внутренней монархическо-белогвардейской контрреволюции». После этого письма Тихон был освобожден из-под стражи и получил возможность вернуться к руководству церковью. Решения обновленческого собора он объявил «неканоническими и раскольническими». Большинство «обновленцев» вернулось в патриаршую церковь. К концу 1920-х годов неканоническое движение фактически прекратило свое существование, но официально «Обновленческая церковь» во главе с А. Введенским существовала вплоть до послевоенных лет.

С прекращением судебного «дела» патриарха гонения на церковь не прекратились. После смерти Тихона (1925) был арестован патриарший местоблюститель митрополит Петр (П. Ф. Полянский, расстрелян в 1937 г.). Главным местом заточения церковных иерархов в 1920-х годов стал Соловецкий лагерь, куда к 1926 г. были помещены 24 епископа. Многие епископы были высланы из епархиальных городов на север, в Сибирь, Казахстан и Среднюю Азию. В 1922 г. только по суду было расстреляно 3447 священнослужителей, общее число преданных смертной казни в начале 1920-х годов достигло 10 тыс. Всего за годы Советской власти уничтожено около 200 тыс. священнослужителей.

Реальным предстоятелем Русской православной церкви еще при жизни митрополита Петра стал заместитель патриаршего местоблюстителя митрополит Сергей (И. Н. Страгородский). 29 июля 1927 г., чтобы смягчить репрессии против церкви, он с группой архиереев-«сергианцев» обнарудовал «Послание к пастырям и пастве» — декларацию, в которой заявлялось о безусловной лояльности церкви по отношению к государству.

Многие видные церковные иерархи (в том числе и находившийся в ссылке митрополит Петр) поддержали декларацию как единственную возможность сохранения церкви. Однако она не была поддержана Русской православной зарубежной церковью, возглавляемой с 1921 г. митрополитом Антонием (А. П. Храповицким). Состоявшийся в сентябре 1927 г. в сербском городе Сремски-Карловцы Собор русского заграничного духовенства отстаивал позицию бескомпромиссной борьбы с советской властью и заявил, что отныне «заграничная часть церкви должна управляться сама» (позже это событие стали называть «Карловацким расколом»). В том же 1927 г. от Московской патриархии отделились приходы Северной Америки, основавшие Американскую православную церковь (ее автокефалию РПЦ признала в 1970 г.). В самом СССР не-

согласные с июльским посланием Сергия образовали несколько групп под названием «катакомбная», или «Истинно православная церковь», продолжавших считать советскую власть «властью Антихриста». Вскоре почти все приверженцы «катакомбной» церкви оказались в ссылке и в лагерях, оставшиеся на свободе преследовались за антисоветскую деятельность вплоть до начала 1980-х годов.

Однако и декларация митрополита Сергия не остановила гонений на религию и церковь. Со сломом нэпа и переходом в деревне к «революции сверху» гонения усилились. Из 48 тыс. церковных приходов, существовавших в России в 1918 г., к 1930 г. осталось менее 30 тыс.

Другой важнейшей задачей модернизации культуры («культурной революции») была ликвидация неграмотности, почти соизмеримой по масштабам с религиозностью основной массы трудящихся. В начале нэпа из каждой сотни населения в стране 32 человека были неграмотными, а в ряде национальных регионов неграмотность была едва ли не поголовной; у десятков национальностей отсутствовала письменность. Перепись населения 1920 г. показала, что даже в городах около половины населения оставалось неграмотным. Прекрасно сознавая, что неграмотный человек стоит вне политики, идеологического воздействия, большевистское руководство страны стремилось как можно скорее добиться грамотности всего населения.

Работа по преодолению неграмотности, начавшаяся с первых лет революции и проводившаяся в неразрывной связи с культурно-политическим просвещением населения, в первый год нэпа несколько затормозилась. С оживлением экономики этот спад был остановлен. В декабре 1922 г. X Всероссийский съезд Советов обязал губисполкомы принять все меры по предотвращению сокращения сети пунктов ликбеза. Тогда же, по решению Всероссийского съезда по ликвидации неграмотности, эта работа была сосредоточена на обучении грамоте «организованных групп населения» в возрасте 18–30 лет (красноармейцы, допризывники, рабочие, комсомольцы). В августе 1923 г. ВЦИК и СНК утвердили план ликвидации неграмотности населения РСФСР к десятилетию советской власти. Для привлечения общественности к этой работе осенью 1923 г. было создано общество «Долой неграмотность!» во главе с М. И. Калининым.

Несмотря на все усилия, быстро победить неграмотность не удалось. По данным Всесоюзной переписи населения (декабрь 1926 г.), грамотность в РСФСР составляла 60,9%, а в стране в целом — 56,6%. К 1930 г. она возросла до 63%. Число неграмотных постоянно пополнялось за счет подростков. Прекратить это можно было введением всеобщего обучения детей. Но такие возможности появились только к середине 1-й пятилетки: обязательное всеобщее начальное обучение в стране введено с сентября 1930 г.

На протяжении нэпа развитие школьной системы сдерживалось нехваткой средств. Количество начальных школ в стране сократилось со 114 тыс. в 1921 г. до 87,3 тыс. в 1923 г. Количество школьных помещений в 1924 г. составляло 83% от уровня 1914 г. По мере достижения экономической стабильности негативные тенденции замедлялись. С осени 1924 г. возобновилось государственное финансирование системы образования. В 1921–1922 гг. она включала базовую четырехклассную, школу-семилетку и девятилетку. На базе начальной можно было получить специальную подготовку в технических и аграрных школах, на профессиональных курсах. Особенно быстро стали расти школы фабрично-заводского ученичества, рабочей, крестьянской молодежи. Выпускники семилетки могли получить профессиональное образование в техникумах, которые, однако, не давали необходимой подготовки для продолжения образования в вузах. Обучение в школах велось на основе учебных планов и программ, составленных Наркомпросом. По окончании Гражданской войны появились первые советские школьные учебники.

В 1924 г. характер школьного обучения был изменен. Новые комплексные учебные программы строились на отказе от традиционного для отечественной школы предметного принципа изложения учебного материала. Математику, физику, химию отныне предлагалось изучать не на соответствующих уроках, а по темам: «Трудовая деятельность людей», «Природа как объект трудовой деятельности людей», «Общество как результат труда людей». Теоретики реформы полагали, что при такой перестройке образования легче внедрить в сознание марксистскую диалектическую методологию и сконцентрировать внимание детей на реалиях окружающей жизни. Одновременно пропагандировались лабораторно-исследовательские методы, коллективные формы занятий, самостоятельная работа, при которой учитель играл роль консультанта. Новые программы Наркомпроса носили рекомендательный характер. Но многие учителя считали, что они не обеспечивают систематических знаний и продолжали придерживаться старых приемов обучения. В 1927/28 учебном году в стране насчитывалось уже 120,1 тыс. общеобразовательных школ, в них обучалось 11,6 млн учащихся. Преподавательскую работу вели 551 тыс. учителей, но только 10% из них имели законченное (или неполное) высшее образование.

Внешкольное образование на протяжении 1920-х годов находилось в ведении Главного политико-просветительского комитета. В городах центрами этой работы были клубы. При них открывались библиотеки, читальни, школы и курсы ликбеза. Активную просветительскую работу вели также библиотеки, музеи, центры пропаганды новой техники и политехнического обучения, Дома и Дворцы культуры. В деревне культпросветработа проводилась через избы-читальни. В 1924 г. было со-

здано «Всероссийское общество культурной смычки», занимавшееся организацией шефской помощи деревне (сбор средств, книг, направление лекторов и т. п.). В Красной Армии политпросветработу вели органы политуправления, многочисленные шефы.

В 1920-е годы существенно обновились средства массовой информации. К середине десятилетия в основном сложилась сеть периодических изданий. Большими тиражами выпускались газеты «Труд» (с 1921 г.), «Рабочая газета» (1922), «Крестьянская газета» (1923), центральная военная газета «Красная Звезда» (1924), «Учительская газета» (1924), «Комсомольская правда» (1925); журналы «Пролетарская революция» (1921), «Под знаменем марксизма» (1922), «Большевик» (1924) и др. Расширяли деятельность государственные издательства. Краткий период подъема пережили частные (в феврале 1922 г. в одной только Москве зарегистрировано свыше 143 частных издательств). В 1928 г. было издано 270,5 млн экземпляров книг, 303 млн экземпляров — журналов и других периодических изданий. Разовый тираж издающихся газет достиг 9,4 млн экземпляров. (В 1913 г. издано 99 млн экземпляров книг, 117 млн экземпляров журналов, 3 млн экземпляров газет.)

С 1921 г. на главных площадях крупных городов размещались громкоговорящие радиотелефонные установки, периодически передававшие сообщения Российского телеграфного агентства. С октября 1924 г. начались ежедневные передачи радиопрограмм. В 1928 г. в стране насчитывалось около 100 тыс. радиоточек. Радио стало одним из ведущих средств массовой коммуникации.

Социалистическая перестройка народного хозяйства и социальной структуры населения не мыслилась властью без подготовки кадров «собственных» специалистов со средним и высшим образованием. Выходцам из рабочих и крестьян создавались наиболее благоприятные условия для поступления в вузы и техникумы.

К середине 1920-х годов в СССР было создано около тысячи индустриально-технических, педагогических, сельскохозяйственных, медицинских, экономических, художественных техникумов. В 1927/28 учебном году в них было подготовлено 28,6 тыс. специалистов. Примерно таким же в этом году был выпуск из 148 высших учебных заведений. Многие выпускники вузов нэповского периода пришли в вузы через рабочие факультеты, где за 1921–1925 гг. получили подготовку 26 тыс. человек. В 1925/26 учебном году на рабфаках обучалось 57 тыс. человек.

Основные трудности высшей школы были связаны с проводимым в стране курсом жесткой экономии, направлением материальных и финансовых ресурсов в основном на нужды восстановления народного хозяйства. Прием в вузы в 1924 г. был уменьшен по сравнению с предыдущим годом почти втрое — с 37 до 13 тыс. человек. В то же время в вузах была произведена очередная чистка по классовому принципу,

20% от числа всех студентов (представители непролетарских слоев населения) исключены. С 1922 г. в университетах вводились государственные стипендии. В 1924 г. единая государственная стипендия составляла 20 рублей, в 1925 г. ее размеры увеличились вдвое. К концу 1920-х годов стипендией обеспечивались до 75% студентов, а при ее распределении стала учитываться успеваемость.

Учеба в вузах строилась в соответствии с уставом высшей школы, утвержденным в 1921 г. Правительственные положения о научном минимуме, обязательном для преподавания, и о факультетах общественных наук, принятые в том же году, вводили в качестве обязательных дисциплин в вузах исторический материализм, историю пролетарской революции, экономическую политику диктатуры пролетариата. С 1924 г. эти дисциплины дополнились историей коммунистической партии и основами ленинизма.

Для повышения роли коммунистов и координации деятельности студенческих партийных ячеек создавались всероссийское и городские объединения коммунистического студенчества. Партийные организации отчисляли 1% средств партийных организаций для специальных пособий студентам-коммунистам.

Высококвалифицированные кадры для высшей школы и руководящей работы в партийно-государственном аппарате, общественных организациях готовили Институт красной профессуры (1921), институты философии, истории, литературы, искусства, советского строительства и права, мирового хозяйства и мировой политики, экономики, аграрный, естествознания, Социалистическая (с 1924 г. — Коммунистическая) академия. В 1925 г. была восстановлена аспирантура, готовившая научных работников и преподавателей высшей школы. Для подготовки национальных партийно-советских кадров в 1921 г. были созданы Коммунистический университет трудящихся Востока, Коммунистический университет национальных меньшинств Запада, Среднеазиатский и Закавказский комуниверситеты.

М. Н. Покровский, занимавший ключевые посты в системе революционной науки об обществе, был бессменным руководителем Социалистической (Коммунистической) академии, Института красной профессуры, Общества историков-марксистов, Института истории, Централархива, редактором журналов «Красный архив», «Борьба классов», «Историк-марксист». Он резко противопоставлял фронт историков своей школы как марксистский «немарксистскому фронту» историков старой русской школы (В. В. Бартольд, С. В. Бахрушин, Ю. В. Готье, В. И. Пичета, Н. П. Лихачев, М. К. Любавский, П. Г. Любомиров, Е. В. Тарле, С. Ф. Платонов, А. И. Яковлев и др.). Противостояние закончилось переходом в октябре 1929 г. к судебной расправе над выдающимися историками дореволюционной формации по сфабрикованно-

му «академическому делу», которые обвинялись в создании контрреволюционного «Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России». После смерти Покровского значительная часть его «вклада» в науку правомерно была перечеркнута как проявление вульгарного марксизма, вульгарного социологизма, национал-нигилизма и нигилистического отношения к дореволюционной русской истории. Воинствующими борцами за «чистоту марксизма-ленинизма» в исторической науке были историки партии Е. М. Ярославский и М. А. Савельев.

Переход от войны к миру в начале 1921 г. резко поднял значимость подлинной науки, особенно прикладных исследований, без которых планы модернизации страны в социалистическом духе остались бы неосуществимыми. В первую очередь государство предприняло ряд мер, направленных на спасение ученых от голодной смерти. С 1920 г. появилась особая форма их обеспечения — натуральный академический паек (выдавался до 1923 г.). В 1921 г. были приняты декреты «Об улучшении быта ученых», «О мерах к улучшению жилищных условий научных работников». В 1921–1931 гг. при Совнаркомом действовала Центральная комиссия по улучшению быта ученых. В 1921 г. был издан специальный декрет «О создании благоприятных условий для работы академику Павлову», единственному в то время российскому нобелевскому лауреату.

Главную форму организации науки в стране представляла собой Российская академия наук. С 1917 по 1936 г. ее возглавлял А. П. Карпинский. Другими центрами науки были университеты и специальные высшие учебные заведения, сочетавшие преподавание с научно-исследовательской деятельностью. Научные подразделения создавались также при наркоматах и ведомствах. К 1921 г. в стране существовало свыше 70 научно-исследовательских институтов, не считая имеющихся при вузах. Около 20 НИИ в области физики, химии, биологии, общественных наук работали при Наркомпросе. По данным на 1922 г., 30 научных подразделений различного профиля функционировало при ВСНХ, 40 НИИ обслуживали сферу здравоохранения, при Наркомземе было 4 НИИ и десятки опытных станций. Военная угроза стимулировала использование науки в интересах укрепления обороны страны. Общее число научных сотрудников в стране к 1927 г. составляло около 25 тыс., что было почти в 2,5 раза больше, чем до революции.

В июле 1925 г. РАН была признана решением правительства «высшим всесоюзным научным учреждением» и получила статус АН СССР. В 1926 г. для усиления руководства наукой со стороны государства образовались межведомственная комиссия при СНК для содействия Академии наук, отдел научных учреждений СНК, комитет по заведению учебными и учебными учреждениями при ЦИК СССР. С этого года лучшие работы в области науки стали отмечаться премиями имени В. И. Ленина.

В 1920-е годы советские ученые внесли существенный вклад в мировую науку. Успешно работал выдающийся специалист в области теории чисел И. М. Виноградов. Ценные труды по математической физике, минералогии и геохимии Земли завершили академики В. А. Стеклов, В. И. Вернадский, А. Е. Ферсман. Академик А. Ф. Иоффе внес крупный вклад в разработку физики кристаллов. Д. С. Рождественский сделал важные открытия в атомной спектроскопии. Н. Н. Семенов успешно работал над теорией цепных реакций.

Теоретические работы А. И. Берга по радиофизике способствовали решению проблемы радиофикации страны. Выдающийся радиотехник А. Л. Минц создал ламповую радиостанцию (1922), поступившую на вооружение войск связи (1923). В октября 1924 г. начались регулярные передачи созданной им Сокольнической радиостанции, в 1925 г. был организован первый радиорепортаж с Красной площади (с похорон М. В. Фрунзе), проводились первые опыты передачи по радио концертов и спектаклей. К 1927 г. была разработана система телевидения (Л. С. Термен, А. П. Константинов и др.). В 1923 г. по проекту коллектива, возглавляемого А. Н. Туполевым (с октября 1922 — руководитель Комиссии ЦАГИ по металлическим самолетам), был построен легкий спортивный самолет АНТ-1, положивший начало серии самолетов различных модификаций. В мае 1924 г. был испытан в полете АНТ-2 — первый советский цельнометаллический самолет. В ноябре 1924 г. в туполевском КБ были начаты проектирование и постройка самолета ТБ-1. Конструкция оказалась столь удачной, что самолет пошел в серию и стал прототипом всех последующих многомоторных бомбардировщиков моноплановой схемы. В 1930 г. завершено строительство первого гидросамолета АНТ-22. В 1928 г. создан учебный двухместный самолет У-2 (с 1944 г. — По-2) конструкции Н. Н. Поликарпова, выпускавшийся до 1959 г. К. Э. Циолковский в конце 1920-х годов приобрел мировую известность как глава нового научного направления — ракетодинамики. Ф. А. Цандер разработал и в 1930 г. построил первый в мире реактивный двигатель, работавший на бензине и сжатом воздухе. А. Л. Чижевский вел пионерские работы по практическому применению аэроионизации.

В те же годы увидели свет новые крупные научные труды академика И. П. Павлова в области физиологии; работы Д. Н. Прянишникова и В. Р. Вильямса в области агробиологии, агрохимии, физиологии растений. Выдающийся биолог и генетик Н. И. Вавилов, открыл закон гомологических рядов в наследственной изменчивости организмов (1920), выявил исторические центры происхождения культурных растений (1927). Эти открытия занесли имя ученого в ряды классиков генетики и ботаники. Широкую известность получила деятельность И. В. Мичурина по селекции новых сортов плодовых деревьев. В 1925 г. его питомик стал научным учреждением общегосударственного масштаба. В кон-

це 1920-х годов учеными-зоотехниками были выведены новые типы тонкорунных овец — новокавказский меринос (П. Н. Кулешов), асканийская порода (М. Ф. Иванов).

Важное значение имели труды А. В. Чайнова и Н. Д. Кондратьева по проблемам выживаемости крестьянских хозяйств и планированию сельского хозяйства, исследования С. Г. Струмилина по методологии статистики. П. А. Флоренский, один из разработчиков плана ГОЭЛРО, выдающийся ученый-энциклопедист и богослов, пытался разрешить проблему культурно-исторического баланса между Хаосом и Логосом, полагая, что «культура есть борьба с мировым уравниванием — смертью» (так называемый второй закон термодинамики). Советские ученые и специалисты разработали проекты крупных тепловых и гидравлических электростанций. Осуществление научных и технических работ позволило выполнить рассчитанный в 1920 г. на 10–15 лет план ГОЭЛРО к 1931 г. К 1935 г. он оказался перевыполненным в 2,5 раза.

В начале нэпа возобновилось участие российских ученых в международных конференциях и заграничных научных экспедициях. В 1925 г. состоялся первый в СССР после революции международный научный форум специалистов в области изучения пресных вод — III лимнологический конгресс. На празднование двухсотлетия Российской академии наук в том же году прибыло свыше 130 ученых из 25 стран.

Писатели и другие творческие работники с переходом страны к нэпу также стремились реализовать свои возможности в переустройстве действительности. Переломная эпоха оказалась очень бурной для литературно-художественной жизни страны. Советское руководство на первых порах сдерживало свое стремление к диктату в сфере художественного творчества, ограничиваясь лишь политической цензурой и полагая, что писатели, художники, композиторы, театральные деятели сами выработают оптимальные формы социалистического искусства. В конце 1920 г. ЦК партии направил на места письмо «О пролеткультах». Письмо свидетельствовало об озабоченности претензиями Союза пролетарских культурно-просветительных и литературно-художественных организаций (возникло до революции, просуществовало до 1932 г.) на выработку и утверждение в обществе особой пролетарской культуры. Пролеткульт характеризовался как движение «теоретически неверное и практически вредное». Вред усматривался в том, что под видом, «пролетарской культуры» обществу прививаются нелепые, извращенные вкусы, а вместо помощи молодежи серьезно учиться навязывались полубуржуазные философские системы и взгляды.

Однако пролеткультовские идеи оказались живучими и обнаруживались в программах многих творческих объединений, возникавших в 1920-х годах и включавших в свои ряды талантливую молодежь. Только с 1920 по 1926 г. впервые выступили в печати более 150 писателей,

участников Гражданской войны, среди них Н. Асеев, А. Жаров, В. Каверин, Л. Леонов, Л. Сейфуллина, Н. Тихонов, А. Фадеев, М. Шолохов.

Пролеткультовские идеи давали о себе знать в творчестве писателей объединения Всероссийской ассоциации пролетарских писателей (ВАПП, 1920 г.)¹, литературной группы «Кузница» (1920)², и в ряде новых объединений, литературных групп, возникших в основном в 1922–1923 гг. (только в Москве насчитывалось более 30 литературных течений). Заметный след в литературной жизни оставили Петроградская литературная группа «Серрапионовы братья» (1921)³, группа пролетарских писателей «Октябрь» (1922)⁴, литературная группа «Молодая гвардия» (1922)⁵, «Левый фронт искусств» (1922)⁶, Московская ассоциация пролетарских писателей (1923)⁷, Литературный центр конструктивистов (1923)⁸, литературная группа «Перевал»

---

¹ Оформилась на 1-м Всероссийском съезде пролетарских писателей в Москве (18–21 октября 1920) В состав правления избраны члены группы «Кузница» В. Александровский, П. Арский, М. Герасимов, М. Волков и др. Центральным органом стал журнал «Кузница» (1921).

² Создана поэтами (В. Александровский, М. Герасимов, В. Казин, С. Обрадович, С. Родов и др.), вышедшими в 1920 г. из Пролеткульта. В 1931 г. волилась в Российскую ассоциацию пролетарских писателей (РАПП).

³ Основана 1 февраля 1921 г. в Петрограде. В нее входили И. Груздев, М. Зошенко. Вс. Иванов, В. Каверин, Л. Лунц, Н. Никитин. Е. Полонская, М. Слонимский, Н. Тихонов, К. Федин. Названа по наименованию кружка друзей в одноименном романе Э. Гофмана. Существовала до 1929 г.

⁴ Существовала в 1922–1925 гг. Ядро группы составляли писатели, вышедшие из «Кузницы»: А. Малышкин, А. Дорогойченко, С. Родов. Участвовали также Ю. Либединский, А. Тарасов-Родионов; позже — Ф. Березовский, Д. Фурманов. В 1923 г. вместе с группами «Молодая гвардия» и «Рабочая весна» волилась в МАПП. Члены группы вошли в руководство журнала «Октябрь».

⁵ Возникла в конце 1922 г. Весной 1923 г. волилась в МАПП. Участники: А. Безыменский, А. Жаров, М. Светлов, М. Голодный, И. Молчанов, М. Колосков, В. Герасимова, А. Исбах и др. В группе начинал литературную деятельность М. Шолохов.

⁶ Объединение создано в Москве в конце 1922 г. во главе с В. Маяковским. В его составе были поэты Н. Асеев, В. Каменский, С. Кирсанов, Б. Пастернак (до 1927), художники М. Родченко, В. Татлин, теоретики искусства Б. Арватов, О. Брик, С. Третьяков, Н. Чужак, В. Шкловский и др. Издавался журнал «ЛЕФ» (1923–1925), «Новый ЛЕФ» (1927–1928). В 1929 г. ЛЕФ преобразован в РЕФ (Революционный фронт искусств).

⁷ Оформилась на 1-й Московской конференции пролетарских писателей (15–16 марта 1923). Объединяла группы «Октябрь», «Молодая гвардия», «Рабочая весна», «Вагранка». Возглавлялась правлением (А. Безыменский, А. Дорогойченко, В. Плетнев — председатель Пролеткульта, С. Родов, А. Соколов). Печатным органом МАПП стал литературно-критический журнал «На посту». С июня 1924 г. выходил литературно-художественный и общественно-политический журнал МАПП «Октябрь» (отв. ред. С. Родов), ставший с 1925 г. органом ВАПП (гл. ред. в 1926–1929 — А. Серафимович).

⁸ ЛЦК как поэтическое течение был провозглашен в 1923 г. К. Зелинским, И. Сельвинским и А. Чичерным. Центр оформился в 1924 г., распущен в 1930. В него входили Б. Агапов, Н. Адуев, Э. Багрицкий, Е. Габрилович, В. Инбер, В. Луговской, Н. Ушаков и др.

(1923)¹, Всесоюзная и Всероссийская ассоциации пролетарских писателей (1925)², Всесоюзное объединение крестьянских писателей (1926), Всесоюзное объединение ассоциаций пролетарских писателей с головным отрядом — Российской ассоциацией пролетарских писателей (1928)³.

До 1924 г. существовала возникшая в 1919 г. литературная группа «Имажинисты»⁴, представители которой декларировали фатальную неизбежность антагонизма искусства и государства. Особую позицию в группе занимал С. Есенин, утверждавший необходимость связи поэзии с естественной образностью русского языка.

В литературе этого периода выделяются два основных течения. Одно, так называемый левый фланг искусства, искало новые формы. Другое вело поиски в русле традиционного реалистического искусства. Активными борцами за литературу, создаваемую силами писателей-пролетариев, были ассоциации ВАПП, МАПП, РАПП и журналы «На посту» (1923–1925), «На литературном посту» (1926–1932). Литературно-художественные силы тех лет делились в журнале на три лагеря: пролетарские, крестьянские писатели и «попутчики». «Напостовцы» считали свое объединение орудием диктатуры партии в области литературы, выступали от лица рабочего класса, подвергали разгромной критике «попутчиков», к которым относили, например, В. Маяковского, М. Горького, С. Есенина, А. Толстого, Л. Леонова.

Противоположную позицию занимал журнал «Красная новь», в котором публиковались наиболее яркие, вне зависимости от политических

---

¹ Возникла в конце 1923 г. при журнале «Красная новь» (ред. А. Воронский). Участвовали А. Веселый, М. Светлов, М. Голодный, А. Ясный; позднее — И. Катаев, Э. Багрицкий, Н. Огнев, М. Пришвин, А. Мальшкин, А. Караваева, Дж. Алтаузен и др. Выступала против сектантства, левачества и администрирования «напостовцев» и рапповцев, рационализма и формализма левовцев и конструктивистов, за сохранение преемственной связи советской литературы с лучшими традициями русской и мировой.

² Создана в Москве на 1-й Всесоюзной конференции пролетарских писателей с участием представителей других городов (6–11 января 1925). В правление ассоциации избраны Д. Бедный, И. Вардин, Г. Лелевич, С. Родов и др. После выхода резолюции ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы» (18 июня 1925), поддержавшей идею о свободном соревновании различных художественных направлений, в руководстве ВАПП произошел раскол. Группа И. Вардина, Г. Лелевича, С. Родова осталась на левосектантских позициях. Большинство во главе с Л. Авербахом, Б. Волиным, В. Киршоном, Ю. Либединским, Д. Фурмановым приняли установки резолюции ЦК. Вскоре к ним присоединились А. Фадеев, А. Селивановский, В. Ермилов, В. Сутырин и др. Новый критический журнал ВАПП «На литературном посту» отмежевался от «напостовского» нигилистического отношения к культурному наследию.

³ ВОАПП и РАПП образованы на 1-й Всесоюзном съезде пролетарских писателей в Москве (30 апреля — 8 мая 1928). Они объединяли все национальные отряды пролетарских писателей. Распущены в 1932.

⁴ «Имажинистами» (от англ. *image* — образ) именовались С. Есенин, И. Грузинов, Р. Ивнев, А. Кусиков, А. Мариенгоф, В. Шершеневич и др.

убеждений и социального происхождения авторов, произведения. Главный редактор журнала А. Воронский выступал за приоритет эстетических критериев над политическими, считая, что пролетарское течение равноправно другим и не должно пользоваться привилегиями.

Резолюция ЦК ВКП(б) «О политике партии в области художественной литературы» (1925) осуждала крайности «напостовской» линии, призывала бережно относиться к «попутчикам», но в целом высказывала поддержку пролетарским литературно-художественным силам. Видимо, поэтому коренных изменений в позиции «неистовых ревнителей» пролетарской чистоты в литературе не произошло. В 1927 г. сторонники РАПП добились отстранения Воронского от руководства «Красной новью», а позднее обрушились на школу профессора В. Переверзева за некое вульгарно-социологическое истолкование литературных явлений. Весной 1928 г. состоялся Первый съезд писателей страны, на котором было создано Всесоюзное объединение ассоциаций пролетарских писателей — ВОАПП во главе с Л. Авербахом, П. Керженцевым, А. Фадеевым и др. Рапповцы расширили свое влияние.

В результате относительно свободного соревнования различных течений и группировок в 1920-е годы созданы произведения, вошедшие в золотой фонд отечественной культуры. В 1922 г. посмертно опубликованы мемуары В. Короленко «История моего современника»; А. Толстой написал романы «Сестры» (1922) и «Восемнадцатый год» (1928); В. Вересаев — «В тупике» (1922), «Пушкин в жизни» (1927). С. Есенин создал такие поэтические шедевры, как «Анна Снегина», «Черный человек» (1925). А. Горький, проведший большую часть 1920-х годов за границей, написал «Мои университеты» (1923), «Дело Артамоновых» (1925). Эпоха Гражданской войны ярко отражена в романах Д. Фурманова «Чапаев» (1923) и «Мятеж» (1925); А. Серафимовича «Железный поток» (1924); И. Бабеля «Конармия» (1926); М. Булгакова «Белая гвардия» (1927); М. Шолохова «Тихий Дон» (1 часть, 1928). Одним из первых романов на тему восстановления промышленности стал «Цемент» Ф. Гладкова (1925), о деревенской жизни — «Виринея» Л. Сейфуллиной (1924). Широкое признание получили «Города и годы» К. Федина (1924); «Кюхля» (1925) и «Смерть Вазир-Мухтара» (1928) Ю. Тынянова; «Одеты камнем» О. Форш (1925).

Критическое отношение писателей к советской действительности выражено в антиутопии «Мы» Е. Замятина (1924), в сборниках рассказов «Роковые яйца», «Дьяволиада» М. Булгакова (1925), в «Повести непогашенной луны» Б. Пильняка (1927).

Это было время расцвета могучего поэтического творчества С. Есенина и В. Маяковского. В полный голос заявили о себе поэты Н. Асеев, Э. Багрицкий, О. Мандельштам, Б. Пастернак, Н. Тихонов, М. Светлов, А. Сурков. Родона начальниками советской детской литературы стали Б. Житков, С. Маршак, К. Чуковский

Русская деревня в 1920-е годы также обрела новых оригинальных художников. Наряду с такими талантами, как С. Есенин, Н. Клюев, С. Клычков, П. Карпов, А. Ширяевец, еще в 1914–1915 гг. составивших группу «Новокрестьянские поэты», стали певцами деревни (расширительно — всей крестьянской России) и выразителями ее проблем П. Васильев, А. Ганин, И. Грузинов, Г. Деев-Хомяковский, И. Дорошин, П. Дружинин, А. Жаров, М. Исаковский, И. Молчанов, В. Наседкин, П. Орешин, А. Прокофьев, П. Родимов. Отличительной особенностью крестьянской поэзии была ее сдержанность к историческому пафосу современности.

Изобразительное искусство, также как и другие его виды, развивалось в 1920-е годы в условиях противостояния и взаимодействия различных объединений и группировок. Основной тон задавала Ассоциация художников революционной России (АХРР)¹. Активно проявляли себя художники, составлявшие «Общество станковистов»² и общество «Четыре искусства»³.

Традиции «Мира искусства» (художественное течение «Серебряного века») продолжали художники общества «Жар-цвет» (1923–1929)⁴, традиции «Бубнового валета»⁵ — художники объединений «Маковец»⁶, «Бытие» и «НОЖ» (Новое общество живописцев)⁷. В 1925 г. «бубновалетовцы» создали объединение «Московские живописцы»⁸. В 1926 г. это

---

¹ Художники АХРР (1922–1932, с 1928 — Ассоциация художников революции) И. Бродский, А. Герасимов, М. Греков, Б. Иогансон, Е. Кацман, Г. Рязжский развивали традиции передвижников в новых условиях.

² ОСТ (1925–1932) основанное Д. Штернбергом, объединяло до 30 художников, в основном выпускников Вхутемаса (Ю. Анненков, П. Вильямс, А. Гончаров, А. Дейнека, И. Ключ, Н. Куприянов, А. Лабос, С. Лучишкин, Ю. Пименов, А. Тышлер и др.) которые стремились к отражению типических явлений современной действительности, к лаконизму и динамике формы.

³ Общество живописцев, графиков, скульпторов и архитекторов в Москве (1924–1931) включало главным образом бывших членов «Мира искусства» и «Голубой розы» (И. Жолтовский, А. Кравченко, П. Кузнецов, А. Матвеев, В. Мухина, М. Сарьян, А. Щусев), решительно выступавших против авангардизма.

⁴ Художники М. Добужинский, А. Остроумова-Лебедева, К. Богаевский, М. Волошин и др.

⁵ Объединение московских художников (1910–1916), в которое входили М. Ларионов (автор названия), П. Кончаловский, А. Куприн, А. Лентулов, И. Машков, Р. Фальк, Н. Гончарова и др., творившие в духе творчества П. Сезанна, фовизма и кубизма, а также приемов русской иконописи и лубка, народной игрушки. Отвергало академизм и реализм.

⁶ Объединение художников и поэтов (1921–1925), ставивших задачей романтическое осмысление действительности. Члены: С. Герасимов, Л. Жегин, В. Чекрыгин, Н. Чернышев и др. (более 20 человек). Сотрудничали Н. Асеев, Б. Пастернак, В. Хлебников и др.

⁷ Общество объединяло художников, тяготевших к живописи примитивизма, существовало в 1921–1924 гг. Входили: С. Адливанкин, А. Глузкин, А. Нюрнберг, Н. Попов, Г. Рязжский.

⁸ Объединение (1924–1926) представляли И. Грабарь, А. Куприн, П. Кончаловский, Б. Королев, А. Лентулов, П. Машкин, А. Осьмеркин и др. Они ставили целью создать «действительный синтез современного содержания и современной реальной формы».

объединение в полном составе вошло в АХРР, однако в 1927 г. большая его часть вышла из ассоциации и учредила в 1928 г. Общество московских художников (ОМХ)¹.

К. Малевич, основоположник одного из видов абстрактного искусства «супрематизма» (комбинирование на плоскости простейших геометрических фигур, окрашенных в контрастные цвета) и лидер витебского объединения «Утвердители нового искусства»², в 1924 г. стал директором Государственного института художественной культуры в Ленинграде. Московский институт художественной культуры находился под влиянием абстракциониста В. Кандинского. Борьба за Советскую власть, восстановление народного хозяйства стали темами картин И. Бродского, А. Дейнеки, К. Петрова-Водкина, Ю. Пименова, П. Соколова-Скаля. М. Греков начал создавать советскую батальную живопись.

В 1926 г. в Москве образовалось Общество русских скульпторов, в которое вошли мастера различных художественных школ³. Москва была украшена скульптурой «Бульжник — орудие пролетариата» И. Шадра (1927). Н. Андреев стал автором памятников А. И. Герцену и Н. П. Огареву у старого здания Московского университета (1922), А. Н. Островскому у Малого театра (1929). С. Меркуров изваял скульптуру К. А. Тимирязева у Никитских ворот (1923).

В архитектуре наибольшее признание в 1920-е годы получил и конструктивизм, развиваемый Обществом современных архитекторов (1925)⁴ и рационализм, проявившийся в творчестве архитекторов Ассоциации новых архитекторов (1923)⁵. Идеи конструктивизма проповедовали В. Татлин, Л. Лисицкий, И. Леонидов. Братья Леонид, Виктор и Александр Веснины в 1923 г. разработали проект Дворца труда в

---

¹ ОМХ объединяло около 70 бывших «бубновалетовцев», предшественников «Московских живописцев», «Бытия», «маковцев» и молодых мастеров (С. Герасимов, И. Грабарь, Н. Григорьев, А. Древин, А. Лентулов, П. Кончаловский, Б. Корорлев, Н. Крылов, А. Куприн, И. Машков, А. Осмеркин, В. Рындин, Н. Удальцова, Р. Фальк, А. Фонвизин, Н. Чернышёв, А. Шевченко и др.). После распада ОМХ некоторые его члены перешли в АХР.

² В объединение УНОВИС (1919–1922) входили художники В. Ермолаева, М. Добужинский, А. Лепорская, Л. Лисицкий, К. Малевич, В. Стерлигов, Р. Фальк, М. Шагал, Л. Юдин и др.

³ В Общество русских скульпторов (1926–1932) входили А. Голубкина, А. Матвеев, Н. Андреев, И. Шадр, В. Мухина, С. Лебедева, И. Чайков, В. Ватагин, В. Домогацкий, И. Ефимов и др.

⁴ Члены объединения, существовавшего до 1931 г. (братья Веснины, А. Буров, М. Гинзбург, И. Голосов, И. Леонидов, А. Никольский, Г. Орлов и др.), выступали под лозунгами конструктивизма и функционализма, пропагандировали использование новейших конструкций и материалов, типизацию и индустриализацию строительства.

⁵ Основана преподавателями Вхутемаса (Н. Ладовский, К. Мельников, А. Рухлядев, А. Родченко), выдвинувшими идею создания архитектуры на базе синтеза пластических искусств (включение в архитектуру революционной эмблематики и лозунгов, выполненных средствами скульптуры, живописи и декоративного искусства). В 1930 г. АСНОВА вошла в Московское отделение Всесоюзного архитектурного научного общества.

Москве, который не был осуществлен, однако способствовал утверждению конструктивистского направления в архитектуре. По проектам Весниных воздвигнуты редакционное здание газеты «Ленинградская правда» (1924), Дом акционерного общества «Аркас» (1924). По проектам К. Мельникова сооружены павильон и торговый сектор СССР на международной выставке декоративного искусства и промышленности в Париже (1925), клубы завода «Каучук» (1927), имени И. В. Русакова, собственный дом архитектора в Кривоарбатском переулке Москвы (1927–1929).

В 1928–1930 гг. по проекту конструктивиста М. Гинзбурга в Москве построен экспериментальный «коммунальный» дом (Новинский бульвар, 25) для сотрудников Наркомфина, завершавший эпоху длительных поисков кардинальной перестройки в сфере социально-бытового уклада молодой Советской республики. Индивидуальные квартиры сочетаются здесь с помещениями, предназначенными для коллективного обслуживания обитателей. Здание стало прообразом многих домов нового быта, в том числе возведенного в 1969 г. Дома аспиранта и стажера МГУ. В целом, однако, проекты новых жилых комплексов, предлагавших утопические идеи и, как правило, осуществлявшиеся со значительными отклонениями от первоначальных замыслов, успеха не имели. В 1920-е годы разрабатывались также планы реконструкции Москвы (руководители А. Щусев, И. Жолтовский) и Ленинграда (И. Фомин). Приумножение культурного достояния в эти годы сочеталось с варварским уничтожением ценнейших историко-архитектурных памятников.

В 1920-е годы одну из первых ролей в просвещении и воспитании масс стал играть кинематограф. Вслед за первым полнометражным документальным фильмом о Гражданской войне, снятом в 1920 г., появились и художественные картины: о народовольцах — «Дворец и крепость» (1923; режиссер А. Ивановский), С. Эйзенштейна о революционной борьбе: «Стачка» и «Броненосец Потемкин» (1925); В. Пудовкина — «Мать» (1926), «Конец Санкт-Петербурга» (1927), «Потомок Чингисхана» (1928). На экраны вышли приключенческий и фантастический фильмы «Красные дьяволята» И. Перестиани (1923) и «Аэлита» Я. Протазанова (1924); кинокомедия «Папиросница от Моссельпрома» Ю. Желябужского (1924). Становление и развитие кинодокументалистики связано с именем Д. Вертова, создателя киножурнала «Кино-правда» (1922–1925), фильма «Шестая часть мира» (1926), и творчеством других режиссеров группы «Кино-глаз» — «киноки» (М. Кауфман, Е. Свилова, И. Беляков и др.).

Большим успехом у зрителей пользовались такие театральные постановки, как «Любовь Яровая» К. Тренева и «Дни Турбинных» М. Булгакова в Малом театре (1926); «Шторм» В. Билль-Белоцерковского в Театре имени МГСПС (1926); «Разлом» Б. Лавренева в Театре имени Вахтангова (1927); «Броненосец 14–69» Вс. Иванова во МХАТе (1927).

Прочное место в репертуаре занимала классика (пьесы А. Островского, Н. Гоголя и др.). Наряду с признанными мастерами театра К. Станиславским и В. Немировичем-Данченко широкую известность приобрели Е. Вахтангов, В. Мейерхольд, А. Таиров. На сцене блистали артисты В. Качалов, В. Пашенная, Н. Хмелев, Б. Щукин; молодые актеры Н. Баталов, Е. Гоголева, Б. Ливанов, А. Тарасова, М. Яншин и др.

Крупные симфонические произведения создали в 1920-е годы композиторы Н. Мяковский, Ю. Шапорин, Д. Шостакович. В различных музыкальных жанрах проявили себя И. Дунаевский, Д. Кабалевский, братья Дмитрий и Даниил Покрас, В. Шебалин. Пианист Л. Оборин занял первое место в Международном конкурсе имени Шопена (1927). Среди вокалистов выделялись В. Барсова, С. Лемешев, И. Козловский, М. Максакова.

Определенный вклад в отечественную культуру вносили представители культуры российского зарубежья. Высокого уровня культурными ценностями стали: проза, поэзия и публицистика нобелевского лауреата И. Бунина, И. Шмелева, Д. Мережковского, С. Черного, З. Гишиус, М. Цветаевой, В. Ходасевича, Г. Иванова; музыка и исполнительское искусство С. Рахманинова, И. Стравинского, А. Глазунова, А. Гречанинова, Ф. Шаляпина, Н. Плевницкой; театр М. Чехова и балет М. Фокина, В. Нижинского, С. Лифаря; живопись К. Коровина, В. Кандинского, Н. и С. Рерихов, М. Ларионова, Ф. Малявина, З. Серебряковой; философия И. Ильина, Н. Бердяева, Л. Карсавина, Н. Лосского, С. Франка, Б. Вышеславцева; правоведение Н. Алексеева, П. Новгородцева, П. Гронского, богословие митрополита Антония (А. Храповицкого), В. Ильина, исторические труды академика Н. Кондакова, Г. Вернадского, М. Ростовцева, П. Бицилли, П. Милюкова, С. Мельгунова, А. Лампе; лингвистика Н. Трубецкого, Р. Якобсона, социология П. Сорокина, геополитика и геоэкономика П. Савицкого; экономическая теория В. Леонтьева, изобретения В. Зворыкина, И. Сикорского, С. Тимошенко и многих других — важнейшие источники обогащения культуры постсоветской России.

§ 7. Внешняя политика

Главным направлением внешней политики РСФСР, а затем СССР в 1920-е годы была борьба за прорыв дипломатической блокады и укрепление позиций на международной арене. Центром принятия основных решений внешнеполитического характера в это время, как и на протяжении всех лет советской власти, оставалось Политбюро ЦК. В. И. Ленин, неоднократно заявлявший о том, что большевики пошли на захват власти в России «исключительно в расчете на мировую революцию», после прихода к ней выстраивал внешнюю политику на основе крайнего прагматизма. С одной стороны, провозглашалась готовность к мирному сосуществованию, сотрудничеству с несоветскими государствами

в области экономики, с другой — оказывалась всяческая помощь коминтерновским организациям, призванным «двигать вперед мировую пролетарскую революцию».

Ленин полагал, что правительства зарубежных стран в своем стремлении завоевать советский рынок «откроют кредиты, которые послужат нам для поддержки коммунистической партии в их странах и, снабжая нас недостающими у нас материалами и техниками, восстановят нашу военную промышленность, необходимую для наших будущих победоносных атак против наших поставщиков. Иначе говоря, они будут трудиться по подготовке их собственного самоубийства». Мирополитическая внешняя политика не обещала быть долгим. Выступая на собрании ячеек Московской организации РКП(б) 26 ноября 1920 г. Ленин заверил слушателей: «Но как только мы будем сильны настолько, чтобы сразить весь капитализм, мы немедленно схватим его за шиворот».

Руководители капиталистических стран не обманывались в истинных целях советской внешней политики. Они также выстраивали свои отношения с позиции силы, поддержки всего противостоящего руководству внутри советской страны и за ее пределами, настраивали российскую белую эмиграцию на военные авантюры против нее. Большие надежды при этом возлагались на возможное внутреннее перерождение правящего режима (что в конце концов и произошло к 1990-м годам). Наиболее действенным побудительным мотивом к налаживанию «добрососедских» отношений была потребность в дешевом сырье, которым располагала наша страна.

Проводниками советской внешней политики стали наркоматы иностранных дел и внешней торговли, иностранный отдел ГПУ (с 1923 г. — ОГПУ), а также Исполком Коминтерна. Успехи политики во многом были связаны с деятельностью Г. В. Чичерина, возглавлявшего НКВД с марта 1918 до июля 1930 г. и действовавший, в силу разделения функций с другими ведомствами, не «революционными», а только дипломатическими методами.

Заключив к 1921 г. мирные договоры с Эстонией, Литвой, Латвией и Финляндией, Советское государство положило начало длительному процессу своего дипломатического признания. 26 февраля 1921 г. был подписан договор между Советской Россией и Ираном, по которому эта страна освобождалась от долгов царской России. Ирану передавались все русские концессии, шоссейные дороги, железнодорожные и телеграфные линии, построенные Россией на его территории. Согласно 6-й статье Договора Советская республика получала право вводить туда свои войска случае попыток других стран использовать иранскую территорию для нападения на РСФСР или ее союзные государства. (Именно это позволило ввести войска СССР на территорию Ирана в 1941 г.)

28 февраля 1921 г. Советская Россия заключила договор о дружбе с Афганистаном, первой из всех держав признав его суверенитет. Заключенный в Москве договор надолго стал основой развития дружественных отношений между двумя соседними странами.

14 марта 1921 г. РСФСР и УССР подписали в Риге мирный договор с Польшей (предварительный заключен 12 октября 1920 г.). Согласно Рижскому договору, стороны обязывались установить дипломатические отношения друг с другом, признавали независимость Украины и Белоруссии. Однако при поддержке Антанты Польша добилась отторжения западных областей Украины и Белоруссии, где по данным на 1919 г. проживало более 16 млн человек. Советско-польская граница устанавливалась значительно восточнее «линии Керзона», которая в 1919 г. предлагалась Верховным военным советом Антанты в качестве восточной границы Польши. Стороны обязывались предоставить русским, белорусам, украинцам в Польше и полякам в РСФСР и УССР права, обеспечивающие свободное развитие их культуры, языка, выполнение религиозных обрядов.

5 ноября 1921 г. были установлены дружественные отношения с Монголией, в которой в июле этого года победила народная революция.

Нормализации отношений Советской России с зарубежьем способствовали торговые договоры, заключенные в 1921 г. с Германией, Италией, Норвегией, Австрией. 16 марта 1921 г. было подписано советско-английское соглашение, предусматривавшее установление торговых связей между двумя странами; при этом стороны обязывались не предпринимать враждебных актов по отношению друг к другу. Это означало, что Британия фактически признала Советскую республику.

В октябре 1921 г. советское правительство выразило готовность вести переговоры со странами Антанты об уплате довоенных долгов царского и Временного правительств при условии дипломатического признания Советской России, предоставления ей кредитов и возмещения ущерба, причиненного интервенцией. Предложение заинтересовало руководителей западных стран. 6 января 1922 г. тот же Совет Антанты решил созвать международную конференцию по экономическим и финансовым вопросам с участием всех европейских стран, включая Советскую Россию. 7 января итальянское правительство направило Советской республике официальное приглашение на конференцию в Генуе, открытие которой намечалось на 10 апреля 1922 г.

Долги царского и Временного правительств, которые требовали вернуть западные страны, составляли около 18,5 млрд золотых рублей. По подсчетам советской стороны, убытки, причиненные народному хозяйству России за годы интервенции 1917–1922 гг., равнялись 39 млрд золотых рублей. Эта цифра, названная 15 апреля на конференции руководителем советской делегации Г. В. Чичериным, привела западных де-

легатов в явное замешательство. Несмотря на это, Чичерин заявил о готовности советского правительства признать довоенные долги и преимущественное право за большинством собственников получить в концессию или аренду принадлежавшее им ранее имущество при условии признания Советского государства де-юре, оказания ему финансовой помощи, аннулирования военных долгов и процентов по ним. Предлагалась программа широкого сотрудничества в экономической, политической, культурной областях; невмешательства во внутренние дела; признания принципов ненападения; полного равноправия и взаимной выгоды; разрешения всех конфликтов мирными средствами. Советская делегация внесла также предложение о всеобщем сокращении вооружений.

Дискуссии по всем этим вопросам на Генуэзской конференции, продолжавшейся до 19 мая, оказались безрезультатными. По предложению английского премьера Д. Ллойд-Джорджа, «русский вопрос» был передан для дальнейшего изучения «комиссии экспертов», которая собралась в Гааге 15 июня и работала до 19 июля 1922 г. Здесь, с участием делегаций тех же 29 государств, что и на Генуэзской конференции (за исключением Германии), предложения советской делегации были конкретизированы. М. М. Литвинов заявил, что Россия, при условии получения кредита для восстановления хозяйства в размере 3,2 млрд золотых рублей и отказа стран Антанты от требований военных долгов, готова снять контрпретензии за ущерб, причиненный интервенцией, признать довоенные долги и реально компенсировать тех бывших иностранных собственников в России, которые не получают удовлетворения в форме концессий и участия в смешанных предприятиях. Условия, выставленные советской стороной, вновь оказались неприемлемыми для западных держав, и конференция не принесла ощутимых результатов. Однако Запад все-таки согласился на предоставление кредитов России в обмен на ее согласие разместить концессии.

Крупным успехом советской дипломатии в борьбе за установление мирных отношений с западными странами стал договор, заключенный в Рапалло во время Генуэзской конференции, между РСФСР и Германией — странами, находившимися после Первой мировой войны в тяжелейшем экономическом положении и в международной изоляции. Подписанный Г. В. Чичериным и В. Ратенау (министр иностранных дел Германии) 16 апреля 1922 г. в предместье Генуи договор предусматривал: немедленное восстановление в полном объеме дипломатических отношений; урегулирование всех спорных отношений между двумя странами путем взаимного отказа от претензий; развитие торговых, хозяйственных и правовых связей на основе принципа наибольшего благоприятствования. Ленин приветствовал зафиксированное договором «действительное равноправие двух систем собственности *хотя бы как временное состояние, пока весь мир не отошел от частной собственности*».

20 ноября 1922 г. по инициативе Великобритании, Франции и Италии была созвана конференция в Лозанне (Швейцария) для подготовки мирного договора с Турцией и установления режима черноморских проливов. После заявления советского правительства о том, что решения, принятые без его участия, не будут им признаны, организаторы конференции вынуждены были пригласить и советскую делегацию, но только для участия в обсуждении вопроса о режиме проливов. Стремясь поставить Россию в унижительное положение, представители Великобритании и Франции навязали участникам конференции конвенцию, допускающую свободный проход в Черное море не только торговых, но и военных судов любой страны мира, что создавало угрозу безопасности России и других причерноморских государств. Требование советской делегации, чтобы Россия, Украина и Грузия пользовались равными с другими странами правами в торговом мореплавании через проливы, а проход в Черное море закрыть для всех (кроме турецких) военных судов, было проигнорировано. В результате СССР не ратифицировал принятую на Лозаннской конференции конвенцию о режиме проливов как нарушающую его законные права и не гарантирующую мир и безопасность причерноморских стран. В 1936 г. она была пересмотрена в Монтре (Швейцария) на конференции, принявшей договорной акт с определением современного правового режима черноморских проливов.

На всем протяжении Лозаннской конференции (до 24 июля 1923 г.) предпринимались попытки устранить советскую делегацию от участия в ее работе, нагнеталась скандальная истерия. В этих условиях 10 мая был убит полномочный делегат В. В. Воровский и ранены еще два сотрудника советской делегации. Швейцарский суд оправдал организатора и исполнителя террористического акта. В результате возник советско-швейцарский конфликт, выразившийся в бойкоте Швейцарии со стороны СССР, урегулированный лишь 14 апреля 1927 г. после «всемерного осуждения» теракта правительством Швейцарии.

Весной 1923 г. обострились отношения СССР и Британии. 8 мая советскому правительству была предъявлена британская нота, составленная министром иностранных дел лордом Д. Н. Керзоном и содержащая ультимативное требование: отказаться от антибританской пропаганды и отозвать советских полпредов из Ирана и Афганистана; выплатить компенсации в связи с арестом и расстрелом английских шпионов в 1920 г., а также незаконным якобы задержанием английских траулеров, занимавшихся ловлей рыбы в советских территориальных водах. Английские эскадры намеревались войти в Черное, Белое и Балтийское моря. 11 мая советское правительство решительно отвергло эту ноту.

В конечном счете Керзон пошел на компромисс и правительство СССР тоже согласилось на уступки. В июне 1923 г. обе стороны заявили об исчерпанности конфликта. А после прихода к власти в Британии

лейбористов в январе 1924 г. правительство Д. Р. Макдональда уже 1 февраля признало СССР, а 8 августа подписало с ним общий и торговый договоры. Однако после опубликования 15 сентября в Британии так называемого «письма Зиновьева», предлагавшего английским коммунистам от имени Коминтерна активизировать подготовку кадров для грядущей Гражданской войны, консерваторы вновь одержали победу на выборах. Новое британское правительство С. Болдуина, несмотря на признание «письма» фальшивкой, отказалось от ратификации англо-советского договора.

Попытку восстановить дипломатические и экономические отношения с СССР в декабре 1923 г. предпринимала Франция. Условием выступала выплата довоенных долгов России. Советское правительство сочло эти требования неприемлемыми. Признание Францией правительства СССР произошло в октябре 1924 г., после прихода к власти правительства «левого блока» во главе с Э. Эррио.

К концу 1924 г., вошедшем в историю советской внешней политики как «полоса признания» Советского Союза, дипломатические отношения с ним установили Италия, Норвегия, Швеция, Дания, Австрия, Венгрия, Мексика, Китай. В 1925–1927 гг. были налажены отношения с Японией, укреплены взаимовыгодные связи с Турцией, Афганистаном, Ираном. Из великих держав только США не хотели признавать СССР, хотя ряд американских фирм вел торговлю с ним. Признание и переговоры, по словам президента США К. Кулиджа, были невозможны, поскольку СССР опровергал обоснованность международных обязательств, отказывался от компенсации национализированного имущества американских граждан и предполагал, к тому же совершить революцию в США.

В 1923 г. осложнились отношения СССР с Германией. В августе под влиянием обострившейся внутренней обстановки и угрозы всеобщей забастовки ушел в отставку правительственный кабинет во главе с В. Куно. Новое правительство Г. Штресемана, стремясь ликвидировать кризис в стране, взяло курс на отказ от «восточной ориентации» на Москву, начав искать пути сотрудничества с Францией. В ответ на это руководство СССР и подчиненного ему Коминтерна активизировали подготовку революционного переворота в Германии. В СССР для помощи бастовавшим и локализованным германским рабочим был объявлен сбор средств; 1 млн золотых марок выделил Профинтерн. В Германию направились «группа товарищей», имевших большой опыт революционной работы (М. Н. Тухачевский, И. С. Уншлихт, И. И. Вацетис, В. Р. Менжинский и др.), а также выпускники и слушатели старшего курса Военной академии РККА.

В октябре 1923 г. для непосредственного руководства восстанием утверждается секретная комиссия в составе: К. Б. Радек (руководитель),

Ю. Л. Пятаков (заместитель руководителя), В. В. Шмидт, И. С. Уншлихт. В Берлине к «четверке» присоединился член Политбюро, полпред РСФСР в Германии Н. Н. Крестинский. На финансирование революции выделяется гигантская сумма в 300 млн золотых рублей. (И это в то время, когда СССР еще не оправился от страшного голода.) По распоряжению Л. Д. Троцкого части Красной Армии начали выдвигаться к западным границам СССР, чтобы по первому приказу двинуться на помощь германскому пролетариату. Большевицкое руководство, настроивая страну на скорую победу коммунистов в Германии, разослало 18 октября всем губкомам закрытое письмо «Германия накануне великих боев», в котором утверждалось: «Объединение Советской Германии с СССР будет последним ударом по капитализму и неизбежно приведет скоро к рабоче-крестьянской революции в других странах Европы и всего мира».

Вооруженное восстание начали рабочие и портовики Гамбурга 22 октября 1923 г. Однако оно не было поддержано в других землях и уже через два дня подавлено армией и полицией. 23 ноября последовал официальный запрет Компартии Германии.

Г. Штреземан, демонстрируя отход от Москвы, добился в августе 1924 г. распространения на Германию плана Ч. Г. Дауэса (вице-президент США в 1925–1929 гг.). Германии предоставлялся международный заем на сумму 200 млн долларов для восстановления в стране тяжелой индустрии. Расчет был на то, что для уплаты репараций Германии потребуются новые рынки сбыта, которые она найдет в СССР, подрывая тем самым его индустриализацию. В соответствии с планом Дауэса в октябре 1925 г. в Локарно (Швейцария) состоялось подписание договора европейских государств о нерушимости западных границ Германии, однако ее восточные границы не гарантировались.

В то же время Германия не хотела отказываться от выгод сотрудничества с СССР на основе Рапальского договора. Учитывая это, Советский Союз добился ослабления антисоветской направленности Локкарнских договоров, подписав 24 апреля 1926 г. договор с Германией о ненападении и нейтралитете сроком на 5 лет (продлен в 1931 г. с правом каждой стороны денонсировать его с предупреждением за год в любое время). Эти договоренности создавали основу для развития экономических и военных связей, помогавших Германии обойти решения Версальской (1919) и Вашингтонской (1922) конференций, запрещавшие ей иметь современную технически хорошо оснащенную армию. Германия получила согласие создавать на советской территории центры военно-учебной подготовки кадров и производство новейшего оружия. По условиям военного договора, подписанного летом 1922 г., немецкая фирма «Юнкерс» производила самолеты на заводе в Филях; фирма Крупа — артиллерийские орудия в Средней Азии. Германская армия имела на территории СССР танковую (в Казани) и военно-химичес-

кую (в Самаре) школы, тренировочный центр подготовки летчиков (в Липецке). В 1926 г. Германия предоставляла Советскому Союзу кредит в 300 млн марок, что до известной степени компенсировало трудности тайного военного сотрудничества двух стран.

Установление дипломатических отношений с ведущими странами мира не означало отказа советского руководства от идеи мировой революции и распространения коммунистической идеологии за рубежами СССР. В 1926 г. СССР открыто поддержал забастовку английских шахтеров, перечислив в их фонды по линии профсоюзов месячную зарплату советских рабочих — 16 млн рублей. 23 февраля 1927 г. министр иностранных дел Великобритании О. Чемберлен направил СССР ноту, в резкой форме потребовав прекращения антибританской пропаганды и прямого вмешательства во внутренние дела Англии. 12 мая в Лондоне был произведен обыск помещения советского торгпредства, 27 мая заявлено о расторжении торгового соглашения и разрыве дипломатических отношений с СССР. В Москве была развернута антибританская кампания под лозунгом «Наш ответ Чемберлену» с признаками всеобщего военного психоза (закупки продовольствия на случай войны и пр.). Антисоветские акции были поддержаны Канадой, также разорвавшей дипломатические отношения с СССР, и нашими эмигрантами, которые организовали в июне 1927 г. убийство полпреда СССР в Польше П. Л. Войкова. Однако дальнейшей эскалации напряженности не произошло. В немалой степени этому способствовала позиция Германии, министр иностранных дел которой заявил при вступлении в Лигу Наций в сентябре 1926 г., что его страна осудит любую агрессию против Советского Союза и при необоснованных акциях не пропустит войска через свою территорию.

Разрывом дипломатических отношений закончилось вмешательство СССР во внутренние дела Китая. Под влиянием Октябрьской революции в России там стало шириться антиимпериалистическое и антифеодальное движение, которое приобрело форму войны между правителями различных провинций. На юге страны было создано революционно-демократическое правительство во главе с основателем Национальной партии (Гоминьдан) Сунь Ятсеном. По его просьбе в 1923 г. на юг Китая были направлены военно-политические советники В. К. Блюхер и М. М. Бородин, более 130 военных специалистов, ассигновано 2 млн долларов; осуществлялась помощь оружием, боеприпасами, военным снаряжением, медикаментами. Коминтерн полагал, что Китай созрел для социалистической революции. Советские советники получили указание сначала использовать Гоминьдан, а затем поддерживать Компартию Китая, действующую с 1921 г.

Заподозрив коммунистов в том, что те хотят его отстранить, Чан Кайши, ведавший организацией армии в правительстве Сун Ятсена и

выходивший на первую роль в Гоминьдане после его смерти (12 марта 1925 г.), повел с ними борьбу. В марте 1926 г. он разоружил воинские части, которыми командовали офицеры-коммунисты; арестовал их сторонников в Гоминьдане; в феврале 1927 г. подавил восстание в Шанхае, а в декабре расправился с восставшими в Кантоне и обрушил террор на коммунистов. Остатки революционных войск отступили в глухие сельские районы, где под руководством КПК создавались революционные опорные базы. Гоминьдановское правительство Китая приостановило дипломатические отношения с Советским Союзом и закрыло все советские дипломатические представительства, за исключением Маньчжурии и Восточного Туркестана (Синьцзяна), где у власти стояли местные правительства, отказавшиеся выполнить указания, поступившие из тогдашней китайской столицы Нанкина.

«Двойная бухгалтерия» СССР во внешней политике стала причиной неприятия предложенного советской делегацией проекта конвенции «О немедленном полном и всеобщем разоружении», который рассматривался подготовительной комиссией Лиги Наций в марте 1928 г. Он предполагал обширную и явно невыполнимую программу: в течение года распустить все вооруженные силы; уничтожить имевшееся оружие; ликвидировать военно-морской флот и военную авиацию, крепости, морские и сухопутные базы, военные заводы; издать законы, отменяющие военную службу. Западные политики противопоставили этим, явно нацеленным на разоблачение «буржуазного пацифизма» предложениям тезис: «Сначала безопасность, потом разоружение».

В целом в 1920-е годы советскому правительству удалось значительно укрепить международное положение СССР, обеспечить мирные условия для восстановления его экономики. В то же время громадные средства безрассудно, невзирая на нищенское существование основной массы населения страны, бросались в очаги всевозможных восстаний, национально-освободительных движений, на содержание разнообразных революционных организаций и экстремистского подполья по всему свету.

ФОРСИРОВАННАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ СССР. 1928–1937

---

§ 1. Идеология и политика социалистических преобразований

Период реализации двух первых пятилетних планов в СССР с 1 октября 1928 до конца 1937 г. был временем осуществления уникального в мировой истории опыта построения социализма «в отдельно взятой стране», объективная суть которого сводилась к модернизации страны. Проект строительства вырисовывался в 1924–1928 гг. в постоянных спорах между своеобразными «почвенниками», призывавшими строить социализм на территории СССР, не дожидаясь победы мировой революции, и «интернационалистами», полагавшими невозможным его построение без помощи будущих «передовых» социалистических стран Европы и Америки.

Победа одной из сторон далась нелегко и трагично. Она сопровождалась изгнанием с властного Олимпа, из Политбюро ЦК ВКП(б), принципиальных противников «ограниченной, националистической идеи». Однако это было не только время политических дуэлей. За эти годы, в условиях рыночных отношений, страна в основном восполнила экономический урон, понесенный в ходе революции и Гражданской войны. В хозяйственной жизни наряду с государственными участвовали капиталистические предприятия, кооперативы. К октябрю 1928 г. народное хозяйство СССР по ряду показателей уже существенно превосходило наиболее высокий в дореволюционной истории уровень 1913 г. Троцкий, Зиновьев и Каменев к этому времени были вытеснены с высших партийных и государственных постов и прямо влиять на принятие политических решений не могли.

К началу 1-й пятилетки стали просматриваться контуры конкретного плана индустриализации страны. ВСНХ во главе с членом Политбюро В. В. Куйбышевым определял ее как ускоренное в течение целого ряда лет развитие социалистической промышленности, прежде всего производства продукции машиностроения, энергетики, химии, металлургии, при обеспечении ежегодного прироста на 19–20%, с тем чтобы

промышленность стала главной отраслью народного хозяйства. Промышленный рынок должен был превратить ввозящую машины и оборудование страну в производящую их. Поскольку СССР противопоставлял себя капиталистическому миру, он вынужден был создавать военную промышленность, не рассчитывая на импорт стратегически важных товаров из капиталистических стран. Основные средства для создания индустрии должна дать социалистически перестраиваемая деревня.

Само собой подразумевалось, что перестройка таких масштабов в условиях «диктатуры пролетариата» не могла обойтись без принуждения как отдельных членов правящей партии, так и широких масс трудящихся к выполнению партийных и государственных решений. Руководящим участникам российского политического процесса репрессии представлялись «необходимым элементом» перестройки страны.

Опора на экономические рычаги в изыскании средств для индустриализации предполагала использование существовавших в условиях нэпа разных форм собственности, товарно-денежных отношений, предприимчивости в ведении сельского хозяйства и легкой промышленности ради накопления в этих отраслях средств, которые можно использовать для создания тяжелой промышленности. Этот путь, по которому предлагал идти лидер возникшего в партии «правого уклона» Н. И. Бухарин, предполагал продолжение нэпа. На него встали члены Политбюро А. И. Рыков (председатель правительств СССР и РСФСР) и М. П. Томский (глава ВЦСПС); кандидат в члены Политбюро в 1926–1929 гг., секретарь ЦК, первый секретарь Московского комитета партии (1924–1928), нарком труда СССР (1928–1930) Н. А. Угланов.

Второй путь, к которому все больше склонялись Сталин и его сторонники, имел целью концентрацию всего хозяйства в руках государства, использование внеэкономических, командно-административных, методов мобилизации имеющихся в стране ресурсов для индустриализации. Это означало свертывание нэпа, жестокое и рискованное изъятие ресурсов из сферы отнюдь не самодостаточного сельского хозяйства и легкой промышленности, использование их для ускоренного создания тяжелой промышленности, которая в свою очередь могла послужить основой для перевооружения и ускоренного развития всех других отраслей народного хозяйства.

30 сентября 1928 г. Бухарин опубликовал в «Правде» статью «Заметки экономиста», в которой вновь писал о необходимости и возможности бескризисного развития промышленности и сельского хозяйства, резко критиковал не названных по именам «сверхиндустриализаторов». Статья, воспринятая как явный выпад против сталинской группы, вызвала острую перепалку на заседании Политбюро, где Сталин потребовал от Бухарина прекратить «линию торможения коллективизации», на что последний в запальчивости назвал генсека «мелким восточным деспотом».

1 октября 1928 г. страна приступила к выполнению пятилетнего плана развития экономики. Однако конкретных заданий для каждой отрасли экономики пока не было. ВСНХ в течение октября все еще сводил баланс по контрольным цифрам плана. В ноябре пленум ЦК рассмотрел эти цифры и принял план на первый год пятилетки, преодолев обвинения «правых» в том, что предусматривающийся высокий налог на крестьян означает их «военно-феодалную эксплуатацию».

Между тем Бухарин, надеясь на расширение числа своих сторонников, пытался наладить контакты с бывшими лидерами «левой оппозиции». В июле 1928 г. он встретился с Каменевым, специально приехавшим из Калуги, где отбывал ссылку. Бухарин при встрече сетовал, что «революция погублена», что Сталин — «Чингисхан», «интриган самого худшего пошиба», которого «ничего не интересует, кроме сохранения власти», что он «меняет теории ради того, кого в данный момент следует убрать». Правые видели свою цель в том, чтобы «постепенно разъяснить губительную роль Сталина и подвести середняка-цекиста к его снятию». Каменев на предложенный союз не пошел, однако не упустил возможности досадить одному из своих бывших гонителей. Откровения Бухарина в записи Каменева были переданы Зиновьеву, позднее попали к Троцкому. В середине января 1929 г. троцкисты распространили их по Москве в листовке под названием «Партию с завязанными глазами ведут к пропасти».

Бухарин пытался перетянуть на свою сторону К. Е. Ворошилова и М. И. Калинина; председателя ОГПУ Г. Г. Ягоду и его заместителя М. А. Трилиссера. В январе 1929 г. вместе с Рыковым и Томским он выступил против высылки Троцкого. Но сталинское большинство санкционировало высылку, поскольку в письмах из Алма-Аты Троцкий призывал своих сторонников перейти к активным действиям — организации стачек на предприятиях, срыву коллективных договоров, предсказывал (на самом деле подсказывал), что «в СССР может сложиться военный заговор и армия может положить конец большевистскому режиму». Троцкий был вывезен из Алма-Аты (22 января), посажен на пароход, направлявшийся из Одессы в Константинополь (11 февраля) и уже никогда не возвратился в Россию. В 1933 г. он переехал во Францию, в 1935 г. — в Норвегию; с января 1937 г. жил в Мексике. В августе 1940 г. его жизнь оборвал удар альпинистского топорика агента НКВД, бывшего лейтенанта Испанской революционной армии Р. Меркадера.

Не прекращал своей активности и Бухарин. За первые месяцы пятилетки он трижды высказался на страницах «Правды» против стилистической «генеральной линии». Наиболее резко это прозвучало в речи, посвященной пятилетию со дня смерти В. И. Ленина (опубликована 24 января под заголовком «Политическое завещание Ленина»). Статья, излагавшая ленинские работы о плане построения социализма, воспри-

нималась как антисталинский манифест в защиту нэповской философии и политики. Ее заголовок напоминал об известном членам партийного руководства пункте «завещания» — о необходимости перемещения Сталина с поста генсека.

Все это привело к решающему столкновению в руководстве партии на совместном заседании Политбюро ЦК и Президиума ЦКК (30 января — 9 февраля 1929 г.). Оно завершило новый раскол в Политбюро. Сталин впервые назвал имена группы «правых»: Бухарин, Рыков, Томский. Обвинялись не просто их теоретические ошибки, а порочные взгляды «группы Бухарина», ее «правооппортунистическая, капитулянтская платформа», намерение «сколотить антипартийный блок с троцкистами». Обозначившаяся победа над «правыми» была закреплена на объединенном пленуме ЦК и ЦКК (16–23 апреля 1929 г.), созванном для принятия пятилетнего плана по промышленности. Рассчитывать на успех Бухарину не приходилось: из 300 с лишним участников пленума его сторонниками оказались немногим более десятка.

На утверждение пленума, впервые полностью проинформированного о тянувшейся уже год борьбе с «правыми», была предложена резолюция Политбюро с резкой критикой Бухарина. Он, по словам Сталина, выступал и во внешней и во внутренней политике за линию, претворение которой в жизнь означало бы «предать рабочий класс, революцию». Причину этого усматривалась в том, что Бухарин, как был при Ленине, так и остался теоретиком «не вполне марксистским». Его новые претензии на эту роль объявлялись «гипертрофированной претенциозностью недоучившегося теоретика». Результатом было решение об отстранении Бухарина от работы в «Правде» и Коминтерне. (После смещения Зиновьева институт председателя ИККИ был упразднен, в политсекретариат Коминтерна был выдвинут Бухарин. Став лидером «правого уклона в ВКП(б)», он не смог закрепиться в руководстве ИККИ и был исключен из секретариата 25 июня 1929 г., но еще раньше роль руководителя делегации ВКП(б) в Коминтерне занял В. М. Молотов.) Уничтожающей критике на объединенном пленуме были подвергнуты также Рыков и Томский, смещенный с поста председателя ВЦСПС. Лидеры правых были предупреждены о выводе их из состава Политбюро при новых попытках пропаганды «капитулянтских» взглядов. 29 апреля 1929 г. Пленум ЦК освободил от обязанностей кандидата в члены Политбюро, члена Оргбюро и секретаря ЦК правоуклониста Н. А. Углова, еще раньше, в 1928 г., замененного Молотовым на посту первого секретаря Московского комитета партии.

Созванная вслед за пленумом XVI партийная конференция (23–29 апреля 1929 г.) отвергла защищавшийся «правыми» минимальный проект пятилетнего плана и высказалась за оптимальный вариант. Принятый в мае 1929 г. V Всесоюзным съездом Советов, он представлял

собой программу развернутого наступления социализма по всему фронту хозяйства и построения фундамента социалистической экономики.

Между тем ситуация в стране, обострившаяся после срыва плана хлебозаготовок в 1927 г., еще более усугубилась после очередного неурожая 1928 г. К лету 1928 г. хлебные карточки существовали уже во многих городах. К зиме 1928/29 г. с санкции местной власти они появились в Москве. Расширение репрессий против крестьян — держателей хлеба в конце заготовительной кампании (с января 1929 г.) не помогло: заготовительные планы выполнены не были, и это предвещало катастрофу. В этих условиях Политбюро приступило к оформлению повсеместной системы нормированного распределения хлеба. 14 февраля 1929 г. карточная система на хлеб стала всесоюзной. Хлеб населению отпускался по т. н. «заборным книжкам». Книжки получало только трудовое население городов. Остальным хлеб продавался из того, что оставалось после обеспечения главных потребителей и по двойной цене. 13 января 1931 г. карточная система была официально распространена на другие продукты питания и на непродовольственные товары первой необходимости.

Система действовала до 1936 г., была иерархичной. Существовало 4 списка снабжения (особый, 1-й, 2-й и 3-й). При этом потребители первых двух списков получали 70–80% поступающих в торговлю фондов. Вне действия карточной системы находились крестьяне и лишённые политических прав («лишенцы»), составлявшие вместе 80% населения страны. Высший уровень снабжения представляли распределители для «номенклатуры», обеспечивавшие включенных в нее лиц пайками литер «А» и «Б». Ко времени отмены карточной системы число руководящих работников получающих литерные пайки составляло 46 тыс. человек (4,5 тыс. по литере «А», 41,5 тыс. — по литере «Б»). Международные сопоставления показывают, что материальные возможности советской элиты находились примерно на уровне высших слоев среднего класса Запада. В целом неравенство, существовавшее в советском обществе, было неравенством в бедности.

Поиск выхода из создавшейся ситуации был предметом продолжавшейся в 1929–1930 гг. дискуссии, в центре которой оставался вопрос, как сохранить высокие темпы индустриализации и в то же время повысить товарность сельскохозяйственного производства. Победа Сталина и его сторонников над «правоуклонистами» открывала путь безудержному форсированию индустриализации и коллективизации. Несмотря на принятый закон о пятилетнем плане, Сталин уже через несколько недель добился увеличения его показателей. В январе 1929 г. в «Правде» была впервые опубликована написанная Лениным в 1917 г. статья «Как организовать соревнование». Вскоре после этого в стране началось своеобразное движение за то, кто «больше пообещает» в деле досрочного выполнения пятилетки. 14 августа 1929 г. Президиум ВСНХ принял решение об увеличении во втором году пятилетки прироста валовой продукции крупной промышленности не на 21, а на 28%.

В октябре 1929 г. в газеты опубликовали обращение рабочих завода «Красное Сормово» к трудящимся Советского Союза с призывом начать борьбу за выполнение пятилетки в четыре года. Через несколько дней этот лозунг подхватили крупнейшие предприятия страны. В ноябре пленум ЦК партии одобрил начинания угольщиков о выполнении пятилетки за 4 года и тракторостроителей — в 3 года обогнать Америку. Первый всесоюзный съезд ударных бригад (5–10 декабря 1929 г.) принял обращение к рабочим страны с призывом о досрочном выполнении заданий пятилетки за четыре года.

К осени 1929 г. стали приносить свои плоды мероприятия по подготовке перехода деревни к сплошной коллективизации, предпринимавшиеся с XV съезда партии (декабрь 1925 г.). Если летом 1928 г. в стране существовало 33,3 тыс. колхозов, объединявших 1,7% всех крестьянских хозяйств, то к лету 1929 г. их стало 57 тыс. В них было объединено свыше миллиона, или 3,9% хозяйств. В некоторых районах Северного Кавказа, Нижней и Средней Волги, ЦЧО колхозными стали до 30–50% хозяйств. За три месяца (июль — сентябрь) в колхозы вступило около миллиона крестьянских дворов, почти столько же, сколько за 12 послеоктябрьских лет. Это означало, что на путь колхозов стали переходить основные слои деревни — середняки. Немаловажным обстоятельством, облегчавшим этот процесс, были общинные традиции в ментальности российского крестьянства.

Опираясь на эту тенденцию, Сталин и его сторонники, вопреки ранее принятым планам потребовали завершить коллективизацию в основных зерновых районах страны за год. Теоретическим обоснованием форсирования перестройки деревни явилась статья Сталина «Год великого перелома» (7 ноября 1929 г.). В ней говорилось, что крестьяне пошли в колхозы «целыми деревнями, волостями, районами» и уже в текущем году достигнуты «решающие успехи в деле хлебозаготовок», «рухнули, рассеялись в прах» утверждения «правых» о невозможности массовой коллективизации.

Пленум ЦК (10–17 ноября 1929 г.), обсудивший итоги и дальнейшие задачи колхозного строительства, подчеркнул в резолюции, что произошедший перелом в отношении крестьянства к коллективизации «в предстоящую посевную кампанию должен стать исходным пунктом нового движения вперед в подъеме бедняцко-середняцкого хозяйства и в социалистической перестройке деревни». Это был призыв к немедленной сплошной коллективизации.

В разгар работы пленума, 12 ноября лидеры «правых» обратились к членам ЦК и ЦКК с заявлением. Признав «рекордные цифры по промышленности и развитию коллективных форм земледелия» в истекшем году, они предупреждали, что отказ от нэпа и возрождение идеалов «военного коммунизма» приведут к кризису в сельском хозяйстве, небла-

гоприятно скажутся на снабжении больших городов продовольствием. Ответная резолюция была суровой: «Бухарина, как застрельщика и руководителя правых уклонистов, вывести из состава Политбюро». Пропаганда взглядов «правого» оппортунизма и примиренчества с ним была признана несовместимой с пребыванием в рядах партии.

Резолюция подействовала отрезвляюще. 26 ноября лидеры «правых» решили, казалось бы, окончательно прекратить борьбу. В опубликованном от имени Томского, Бухарина и Рыкова в «Правде» заявлении говорилось: «В течение последних полутора лет между нами и большинством ЦК ВКП(б) были разногласия по ряду политических и тактических вопросов... Мы считаем своим долгом заявить, что в этом споре оказались правы партия и ее ЦК... Признавая свои ошибки, мы со своей стороны приложим все усилия к тому, чтобы вместе со всей партией повести решительную борьбу против всех уклонов от генеральной линии партии, и прежде всего против правого уклона». В последующие дни один за другим заявили о своем отходе от оппозиции и члены «бухаринской школы» — представители интеллигенции, занимавшие руководящие посты в центральных и местных идеологических учреждениях, плановых и хозяйственных органах.

Таким образом, в ноябре 1929 г. Центральным комитетом была дана установка местным партийным и советским органам развернуть сплошную коллективизацию не только селений и округов, но и областей. Для оказания помощи в организации колхозов было решено направить в деревню не менее 25 тыс. передовых рабочих. Один из них изображен в романе М. Шолохова «Поднятая целина» в образе Семена Давыдова.

В речи на конференции аграрников-марксистов в декабре 1929 г. Сталин сформулировал задачу ликвидировать класс кулачества как необходимое условие развития колхозов и совхозов. «Большим скачком» в развитии, новой «революцией сверху» предполагалось разом покончить со всеми социально-экономическими проблемами, коренным образом сломать и перестроить сложившийся хозяйственный уклад и народнохозяйственные пропорции. Революционное нетерпение, энтузиазм масс, настроения штурмовщины, в определенной мере присущие русскому национальному характеру, умело эксплуатировались руководством страны. В управлении экономикой возобладали административные рычаги, материальное стимулирование стало подменяться работой на энтузиазме людей. Конец 1929 г., по существу, стал завершением периода нэпа.

Декабрь 1929 г. был отмечен празднованием 50-летия Сталина. Генсек, приведший своих сторонников к победе в борьбе с политическими оппонентами, утверждался в их глазах и мнении всех соотечественников беспорным вождем ВКП(б) и Коминтерна. Культ личности, ярко проявлявшийся на предыдущих этапах российской истории не только в отношении царей и патриархов, но также в отношении Ленина (в пар-

тии), Троцкого (в армейских кругах), Зиновьева (в Ленинграде), к концу 1920-х годов сосредоточился на фигуре Сталина, который обеспечил себе поддержку большинства в новом правящем слое, интересам которого служил. Празднование его юбилея показало, что началось целенаправленное формирование нового культа личности, неотделимого в последующую четверть века, с одной стороны, от достижений и побед, с другой — от поражений и трагедий советского народа.

В начале 1930-х годов можно было предполагать, что с разгромом «правых» инакомыслие надолго уйдет из партии. Однако этого не произошло. С проявлением первых трудностей и массового недовольства крестьян во время форсированной коллективизации Бухарин в завуалированной форме стал вновь выражать сомнение в том, что это продуманное продолжение нэпа. А когда Сталин в статье «Головокружение от успехов» (1930, 2 марта) отмежевался от экстремистов, допуская «перегибы» в деревне, Бухарин немедленно (7 марта) опубликовал памфлет «Финансовый капитал в мантии “папы”». В нем иронически повествуется о том, как наместник Христа на земле пустил людей по миру, а затем попытался переложить ответственность за это на других.

XVI съезд партии (26 июня — 13 июля 1930 г.), названный съездом развернутого наступления социализма по всему фронту, призвал «добиться действительного выполнения пятилетки в четыре года». Выступая на съезде, Сталин не преминул показать превосходство партийной политики над «крохоборнической мудростью троцкистов», которые «с точки зрения темпов, являются самыми крайними минималистами и самыми поганенькими капитулянтами». Он утверждал, что пятилетка в некоторых отраслях может быть выполнена даже за 1,5–2 года, ежегодное производство чугуна в конце пятилетки должно быть поднято до 17 млн т (в отличие от 10, намеченных планом), тракторов — до 170 тыс. (вместо 53 тыс.), автомобилей — до 200 тыс. (при запланированных 100 тыс.).

Правые уклонисты на съезде вновь обвинялись за предложения снизить темпы индустриализации. В этой связи Сталин сказал: «Люди, болтающие о необходимости снижения темпов развития нашей промышленности, являются врагами социализма, агентами наших врагов». Сущность правого уклона, пытающегося использовать трудности колхозного движения для дискредитации линии партии, была определена как кулацкая. К этому были добавлены обвинения «правых» в террористических намерениях «насильственно изменить состав ЦК». Накануне съезда на Политбюро обсуждались «сходки» на квартире старого партийца Б. Г. Козелева, где велись такие разговоры.

В октябре 1930 г. Сталин упрекнул в проповеди терроризма Бухарина. Последний отвечал: «Я считаю твои обвинения чудовищной, безумной клеветой, дикой и в конечном счете неумной». Этим меня не

запугаешь, но провокация, «на которой ты строишь свою политику... до добра не доведет, хотя бы ты и уничтожил меня физически».

Идеологическая борьба, обострившаяся из-за опасений возникновения единого оппозиционного «право-троцкистского» фронта, закончилась победой сторонников Сталина. Она закреплялась вытеснением оппозиционеров из руководства. Томский утратил пост члена Политбюро в июле, а Рыков — в декабре 1930 г. Занимаемый Рыковым пост Председателя СНК СССР был передан Молотову.

В ноябре 1930 г. из числа кандидатов в члены Политбюро выведен С. И. Сырцов, сменивший в 1929 г. Рыкова на посту Председателя правительства РСФСР. В августе 1930 г., в связи с трудностями со снабжением, Сырцов направил в парторганизации письмо с названием «Что-то надо делать?». В нем предлагалось снизить темпы коллективизации, открыть колхозам и совхозам свободный доступ на рынок, ослабить плановое регулирование. Письмо было расценено как «право-левацкая растерянность», «клевета» и «попытка создать новую оппозиционную группировку». В декабре 1930 г. Сырцов и солидаризировавшийся с ним первый секретарь Закавказского крайкома ВКП(б) В. В. Ломинадзе были осуждены комиссией ЦК и ЦКК как организаторы блока, «платформа которого совпадает с взглядами “правого уклона”». Выдвинутый на пост Председателя Совнаркома РСФСР Д. Е. Сулимов позднее, в июне 1937 г., был также репрессирован.

Места «вычищенных» из Политбюро оппозиционеров занимали приверженцы сталинской линии на осуществление революции сверху. В июле 1930 г. новыми членами Политбюро стали Л. М. Каганович, С. М. Киров и С. В. Косиор (первый секретарь ЦК Компартии Украины), в декабре — Г. К. Орджоникидзе. С исключением Рыкова из Политбюро в составе этого органа из числа входивших в него при Ленине оставался только Сталин. Таким образом, коллективное руководство, возглавлявшее партию и государство в первые годы после смерти Ленина, к концу 1930 г. разрушилось. «Диктатура пролетариата» превращалась в сталинский диктаторский режим власти.

Утверждение этого режима и его эволюция в дальнейшем уже не приводила к появлению на политическом небосклоне новых ярких звезд и сколько-нибудь значительных оппозиционных групп. Можно сказать, что последующая история сталинского режима сопровождалась «боями местного значения» и зачистками политического поприща от приверженцев Троцкого, Зиновьева, Каменева, Бухарина. По числу жертв эти бои, в силу особенностей личных качеств Сталина (главным образом легкости, с которой он прибегал к насилию и террору для подавления несогласных с его политической линией, не останавливаясь перед уничтожением действительных и мнимых противников режима), многократно превосходили жертвы 1920-х годов. В идейном плане анти-

сталинисты чаще всего не могли простить ему «измены» идее мировой революции и других утраченных альтернатив исторического развития.

Например, в 1932 г. ряд членов партии попытались создать организацию и развернуть антисталинскую пропаганду. Идейным вдохновителем протеста стал М. Н. Рютин, секретарь Краснопресненского райкома партии Москвы в 1924–1928 гг., кандидат в члены ЦК в 1927–1930 гг., исключенный из партии в сентябре 1930 г. с формулировкой: за «предательско-двурушническое поведение в отношении партии и за попытку подпольной пропаганды правооппортунистических взглядов». Пытаясь защититься, Рютин писал в ЦКК, что он действительно «допустил отступление от линии в вопросе о темпах и оценке положения в деревне», но «Сталин напрасно ошельмовал меня и... вышвырнул с партийной работы. Я считаю это нечестным с его стороны». Такой способ защиты привел к новой репрессии. Выпущенный из-под ареста в январе 1931 г., Рютин стал размышлять о причинах деградации советского общества и вскоре вместе со старыми большевиками В. Н. Каюровым и М. С. Ивановым пришел к выводу, что без свержения сталинской тирании не обойтись.

К марту 1932 г. М. Н. Рютин подготовил два документа. В обращении «Ко всем членам ВКП(б)», в частности, говорилось: «Авантюристические темпы индустриализации, влекущие за собой колоссальное снижение реальной заработной платы рабочих и служащих, непосильные открытые и замаскированные налоги, инфляция, рост цен и падение стоимости червонца; авантюристическая коллективизация с помощью невероятных насилий, террора... привели всю страну к глубочайшему кризису, чудовищному обнищанию масс и голоду как в деревне, так и в городах... Ни один самый смелый и гениальный провокатор для гибели пролетарской диктатуры, для дискредитации ленинизма не мог придумать ничего лучшего, чем руководство Сталина и его клики».

В другом документе — «Сталин и кризис пролетарской диктатуры» — политика генсека бичевалась как изменническая по отношению к международному социализму, начиная с Брестского мира: «Ленин подходил к вопросу о Брестском мире как большевик-интернационалист, Сталин же — как национал-большевик. Для Ленина Брестский мир был средством задержаться до появления общей социалистической революции... Ленин страстно верил в революционное движение на Западе и видел его, Сталин не верил в него».

Документы не получили широкого распространения, так как «Союз марксистов-ленинцев» был разгромлен в самом зародыше. В сентябре члены партии Н. К. Кузьмин и Н. А. Стороженко передали в ЦК полужелтое ими для ознакомления обращение «Ко всем членам ВКП(б)». На следующий день члены «право-левацкого» союза были арестованы. К этому времени с документами ознакомились Зиновьев, Каменев, Угланов, члены «бухаринской школы» (Д. П. Марецкий, А. Н. Слепков,

Я. Э. Стэн и др.). Создатели «Союза» и все, кто имел какое-либо отношение к его деятельности (30 человек), были привлечены к ответственности. В октябре 1932 г. отправились в ссылку Зиновьев и Каменев за то, что знали о документах и не сообщили о них в ЦКК.

В октябре 1932 г. были арестованы также 38 участников «группы Слепкова и других» («бухаринская школа»). В качестве обвинений выдвигались два факта: проведение конференции в августе 1932 г. на квартире В. Н. Астрова (в его ходатайстве о реабилитации утверждалось, что это была дружеская встреча сокурсников) и подготовка террористических актов против руководителей партии и правительства. В апреле 1933 г. 34 человека из «школы» были осуждены на различные сроки лишения свободы по обвинению в создании организации, «ставившей своей целью активную борьбу с Советской властью и восстановление капиталистического строя в СССР».

К концу 1932 г. в списке «контрреволюционных заговорщиков» оказались известные участники Гражданской войны В. Н. Толмачев и Н. Б. Эйсмонт, входившие до 1927 г. в «объединенную троцкистско-зиновьевскую оппозицию», а также член ЦК партии А. П. Смирнов (член Президиума ВСНХ СССР, в 1928–1930 гг. секретарь ЦК). «Преступным» оказался разговор на вечеринке 7 ноября 1932 г., в котором Толмачев заявил о необходимости «убрать Сталина», а согласившийся с этим Эйсмонт предложил своему близкому знакомому Н. В. Никольскому «самоопределиться» и высказать мнение «относительно своего участия в этом деле».

Обвиняемые категорически отрицали наличие у них террористических намерений. Тем не менее январский (1933) объединенный пленум ЦК и ЦКК своим постановлением их в этом обвинил и потребовал, чтобы члены ЦК Томский, Рыков и кандидат в члены ЦК Шмидт, якобы поощрявшие антипартийную деятельность группы, коренным образом изменили свое поведение. Результатом стало заключение Толмачева и Эйсмонта в спецлагерь сроком на 3 года. Смирнов был исключен из членов ЦК.

Под впечатлением событий рубежа 1932–1933 гг. речь Сталина на этом пленуме была довольно резкой. Он вновь заявил, что по мере успехов социализма классовая борьба будет обостряться и «на этой почве могут ожить и зашевелиться» разбитые группы старых контрреволюционных партий эсеров, меньшевиков, буржуазных националистов центра и окраин, осколки контрреволюционных элементов из троцкистов и правых уклонистов.

Однако в отношении к главным лидерам оппозиционеров «обострения» не наблюдалось. Зиновьев, исключенный из партии в октябре 1932 г. и отправленный в ссылку в Кустанай, в декабре 1933 г. был вторично восстановлен в партии, избран членом правления Центросоюза, позднее включен в редкол-

легию журнала «Большевик». Каменев, приговоренный в 1932 г. к 3 годам ссылки в Минусинске, в декабре 1933 г. тоже был возвращен в партийные ряды и назначен директором издательства «Academia», позднее стал директором Института мировой литературы АН СССР. Изгнанный из Политбюро Бухарин вскоре был избран академиком АН СССР, оставался членом ЦК (после XVII съезда — кандидатом в члены) и членом ЦИК СССР, начальником Научно-технического управления и членом Президиума ВСНХ, работал в наркомате тяжелой промышленности. 27 февраля 1934 г. он был назначен ответственным редактором газеты «Известия». Томский, пониженный в партийном статусе с члена Политбюро до кандидата в члены ЦК партии, с 1932 по 1936 г. заведовал Объединенным государственным издательством.

XVII съезд партии (26 января — 10 февраля 1934 г.), фигурировавший в истории как съезд победителей, отметил победу на фронте социалистического строительства в результате успешного выполнения первого пятилетнего плана и утвердил резолюцию «О втором пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР (1933–1937 гг.)», задачей которого были окончательная ликвидация капиталистических элементов и завершение технической реконструкции народного хозяйства. Съезд провозгласил полный идейный разгром всех фракционных и оппозиционных группировок.

Однако к концу съезда, несмотря на клятвы верности вождю и отповеди оппозиционерам, самобичевание и льстивые речи бывших «левых» и «правых» уклонистов (Каменев призывал «всеми силами, всей энергией противодействовать малейшему колебанию» авторитета Сталина, Бухарин величал его фельдмаршалом пролетарских сил), обнаружались признаки новой «оппозиции», наметившейся при обсуждении кандидатур на пост генерального секретаря.

Участники событий (А. В. Снегов, в 1934 г. секретарь Иркутского горкома партии; старый большевик Л. С. Шаумян; Н. Андреасян, возглавлявший одну из счетных подкомиссий на съезде; О. Г. Шатуновская, в 1934 г. парторг МК и МГК, репрессированная позднее за принадлежность к троцкистской организации) рассказывали, что на роль генсека на XVII съезде партии «примерялись» кандидатуры Г. К. Орджоникидзе, Я. Э. Рудзутака, И. М. Варейкиса и чаще всего — С. М. Кирова. Известно, что 8 депутатов во главе с секретарем Северо-Кавказского крайкома Б. П. Шеболдаевым приглашали его на совещание и предлагали выдвинуть на пост генсека. Но он не просто отказался, а сообщил об этом предложении Сталину. И это имело трагические последствия.

10 февраля 1934 г. пленум ЦК, избранный XVII съездом партии, сформировал Политбюро, Оргбюро и Секретариат. В Политбюро вошли Андреев (нарком путей сообщения СССР), Ворошилов, Каганович, Калинин, Киров, Косиор, Куйбышев (зампред СНК, председатель Комиссии советского контроля), Молотов, Орджоникидзе, Сталин. Секретариат ЦК образован в составе Жданова, Кагановича, Кирова и Ста-

лина. С этого времени и вплоть до апреля 1966 г. должности генерального секретаря в ЦК партии не было. До появления в ЦК должности первого секретаря (сентябрь 1953 г.) формально все секретари ЦК были равноправны. Можно сказать, Сталин с 1934 г. сохранял «неформальное» лидерство в партии, фактически выполняя функции генсека.

1934 год вошел в историю не столько как год XVII съезда партии, сколько как год убийства Кирова и начала широкомасштабных репрессий против участников бывших оппозиций. Киров был одним из самых последовательных сторонников Сталина. С января 1926 г. и вплоть до убийства он был первым секретарем Ленинградского обкома и горкома партии. В октябре 1926 г. на пленуме ЦК Киров предложил вывести из состава Политбюро Троцкого и Каменева, а сам был избран кандидатом в члены Политбюро. В 1930 г. он стал полноправным членом Политбюро, а с февраля 1934 г. вдобавок еще и секретарем ЦК партии.

Казалось, ничто не предвещало его гибели. Накануне XVII съезда партии, 17 января 1934 г., Киров выступил на объединенной областной и городской Ленинградской конференции с «культовым» докладом «Сталин — великий организатор побед рабочего класса». С конца июля по август отдыхал в Сочи вместе со Сталиным и с Ждановым. С 3 по 30 сентября был в командировке в Казахстане. 25–28 ноября принимал участие в работе пленума ЦК в Москве, а 29 ноября возвратился в Ленинград и стал готовить доклад, с которым должен был выступить 1 декабря в 18 часов на партийном активе. Но за полтора часа до выступления был убит выстрелом из револьвера в коридоре Смольного. Убийство совершил бывший партработник Л. В. Николаев, у которого было не все ладно с психикой. Незадолго до убийства (15 октября) он задерживался с пистолетом у квартиры Кирова. Однако это не вызвало подозрений: уволенный с работы партиец ходатайствовал о предоставлении должности; пистолет принадлежал ему на законных основаниях. На вопрос, зачем он совершил убийство, ответил, что кто-то ведь должен был показать неблагополучие в стране, повторив подвиг А. И. Желябова (организатор покушений на императора Александра II, убитого 1 марта 1881 г.).

Действительные причины убийства обнаружились вскоре с начала следствия. Но, как писал позднее один из руководителей МВД П. А. Судоплатов, следователи не могли объявить, что член Политбюро погиб, запутавшись в интимных связях с замужними женщинами, в частности с привлекательной латышкой Мильдой Драуле, женой убийцы.

Вероятно, Сталину сразу же пришла в голову идея использовать убийство в политических целях как повод для организации расправы над негодными кадрами партии и государства. В момент поступления сообщения об убийстве в кремлевский кабинет Сталина он тут же, до какого-либо расследования, заявил соратникам, что зинovieвцы, потерпев поражение в открытой борьбе, перешли к террору против партии.

Уже в первые часы после убийства Сталин, совещаясь с ближайшими сподвижниками, подготовил постановление, получившее название «закона от 1 декабря». Вечером того же дня закон был введен в действие постановлением Президиума ЦИК. На обсуждение и утверждение сессией ЦИК СССР, как это требовалось по Конституции, постановление не выносилось, хотя действовало до апреля 1956 г. Справедливости ради следует отметить, что, спустя десятилетия, точно так же, в политических целях, хотели использовать убийство Кирова и разоблачители культа личности. Они безуспешно пытались доказать, что Сталин только ждал, а может быть, готовил убийство как повод для резкой смены курса страны. Судя по всему, он не готовил, а использовал убийство в политических целях. Следователи получили установку: «Ищите убийц среди зиновьевцев». 6 декабря определилась схема следствия, согласно которой якобы существовало два центра. Первый — в Ленинграде под руководством Н. И. Котолынова, одного из лидеров ленинградского комсомола до 1925 г. Второй — в Москве во главе с Зиновьевым и Каменевым. Уже 29 декабря были расстреляны 14 членов первого центра, обвиненные в непосредственной организации убийства.

Декабрьские события в Ленинграде увеличили число арестованных по стране за год по обвинению в подготовке террористических актов и за высказывания террористического характера до 6501. По данным на 30 декабря 1934 г., на оперативном учете НКВД состояло всего 418 зиновьевцев (113 из них уже находились под следствием) и 10 835 бывших троцкистов (из них 1765 отбывали наказания или находились под следствием). По оценкам Сталина на февральско-мартовском (1937) пленуме ЦК, общее число лиц, увлеченных антипартийным течением (троцкисты, зиновьевцы, «рабочая оппозиция», «правые», демократический централизм), составляло около 30 тыс. членов партии.

Зиновьева и Каменева арестовали 16 декабря 1934 г. Вскоре было объявлено о существовании руководящего «Московского центра» в составе 19 человек. 18 января 1935 г. ЦК разослал по местным партийным организациям закрытое письмо «Уроки, связанные со злодейским убийством тов. Кирова». В письме говорилось о существовании заговора, в который были вовлечены троцкисты и зиновьевцы, содержался призыв выискивать и изгонять из партии сочувствовавших Троцкому, Зиновьеву, Каменеву. Все это стало предвестником широкой волны террора, призванного положить конец самой возможности зарождения каких-либо новых оппозиций.

§ 2. Индустриализация

Основой первого пятилетнего плана стала обширная строительная программа. Новое строительство поглотило безработицу (1365 тыс. чело-

век на 1 октября 1928 г.) и аграрное перенаселение (около 9 млн человек по оценкам на середину 1920-х годов). В 1931 г. была закрыта биржа труда и торжественно провозглашено отсутствие и недопущение впредь безработицы. С 1927 по 1930 г. в СССР было сдано в эксплуатацию 323 новых предприятия. В одном только 1931 г. введено в строй 518 предприятий отечественной индустрии (по одному — два в день). Создавались новейшие по тем временам промышленные комбинаты с десятками производств — автомобильные и тракторные, заводы тяжелого машиностроения, электростанции, металлургические и химические комбинаты. Однако удвоения и утроения темпов промышленного развития (по сравнению с запланированными) не получилось. К примеру, чугуна в СССР в 1928 г. было произведено 3,3 млн т, в 1932 г. планом предусматривалось поднять производство до 10 млн, а по «поправкам» Сталина до 15–17, фактически же произведено 6,1 млн т. По тракторам были аналогичные цифры (тыс. штук): 1,8, 53, 170 и 50,8; по автомашинам — 0,8, 100, 200 и 23,9.

Искусственное взвинчивание темпов роста промышленности привело к серьезному нарушению баланса между отраслями. Распыление ресурсов на строительство не предусмотренных планом объектов не могло быть компенсировано только энтузиазмом строителей нового общества. Новостройки создавались в тяжелейших условиях: не хватало механизмов, строительных материалов, инженеров и техников. Однако большевикам удалось создать обстановку вдохновенного труда. Строители, мечтавшие через четыре года преобразить новостройки в «город-сад», жили в наскоро построенных бараках и землянках, скудно питались, не имели подобающей одежды. Почти каждый индустриальный центр имел район трущоб, называемый «шанхаем». Материальные трудности испытывали не только рядовые труженики, но и «номенклатура». Хрущев писал: «В 1913 г. я лично (в то время квалифицированный рабочий. — *Авт.*) был обеспечен материально лучше, чем в 1932 г., когда работал вторым секретарем Московского комитета партии». Тем не менее новые заводы строились в невиданно короткие сроки. В июне 1930 г. был введен в действие Сталинградский тракторный завод, построенный за 11 месяцев, в январе 1932 г. опубликован рапорт о вводе в строй Нижегородского автомобильного завода, построенного и смонтированного за 17 месяцев.

Большой проблемой оказалось освоение новых предприятий. За пятилетку численность рабочих в стране более чем удвоилась (в 1928 г. в промышленности, строительстве и на транспорте было 4,6 млн рабочих, в 1932 г. — 10 млн), но многим из них катастрофически не хватало квалификации: вчерашние строители и землепашцы с трудом осваивались с непривычной заводской техникой. Запускать новые предприятия помогали специалисты из других стран. Немаловажное значение

имели вновь используемые материальные стимулы (индивидуально-целевая оплата труда, премии за сэкономленное сырье, материалы, инструменты). В последующем возобновилось движение хозрасчетных бригад, поощрялся труд ударников; обеспечена была поддержка движению за передачу передовыми рабочими своего опыта молодежи и отстающим, названное изотовским по имени его зачинателя — донецкого шахтера Н. А. Изотова.

Индустриализации СССР «помогал» совпавший с советской пятилеткой мировой экономический кризис, начавшийся в «черный четверг» 24 октября 1929 г. с обвала курса акций на нью-йоркском рынке ценных бумаг. Кризис длился до 1933 г., когда падение производства несколько приостановилось, и он перешел в фазу депрессии. В условиях кризиса запреты на продажу стратегических товаров было трудно контролировать, Советский Союз имел практическую возможность закупать оборудование, приглашать на работу специалистов и квалифицированных рабочих.

В ходе индустриализации осуществлялась реорганизация управления промышленностью. Начало ей положило принятое 5 сентября 1930 г. постановление ЦК ВКП(б) «О мерах по упорядочению управления производством и установлению единоначалия». Совершенствовалась система ВСНХ, однако с расширением производства он становился все более громоздким и малоэффективным. Поэтому в январе 1932 г. был преобразован в наркоматы: тяжелой промышленности (нарком Г. К. Орджоникидзе, после его смерти — В. И. Межлаук), лесной (С. С. Лобов) и легкой (И. Е. Любимов). В числе крупных организаторов производства были также М. Л. Рухимович, А. П. Серебровский, И. В. Косиор, А. И. Микоян. Широкую известность в стране имели такие руководители крупных строек и производств, как А. В. Винтер и И. Г. Александров (Днепрогэс), И. П. Бардин (Кузнецкий металлургический комбинат), А. П. Банников (Уралмаш), А. М. Бодров (1-й государственный подшипниковый завод в Москве), А. П. Завенягин (Магнитогорский и Норильский металлургические комбинаты), И. Ф. Тевосян (объединение заводов «Спецсталь»).

Достигнутые в экономике успехи позволили уже в январе 1933 г. объявить о выполнении пятилетки за 4 года и 3 месяца. В строй действующих за это время вступили 1500 крупных предприятий. Значит, в стране каждый день вводилось в действие новое предприятие. Удельный вес производства средств производства в валовой продукции промышленности поднялся до 53% в 1932 г. против 39,5 — в 1928-м. За пятилетку заново созданы тракторостроение, автомобильная промышленность, станкостроение, авиационная промышленность, современное сельскохозяйственное машиностроение, мощная черная металлургия. По объему всей промышленной продукции к концу пятилетки СССР

занял второе место в мире и первое в Европе. Что касается легкой промышленности и производства сельскохозяйственной продукции, то итоговые показатели их прироста за пятилетку оказались ниже запланированных. Производство хлопчатобумажной ткани составляло 59%, шерстяной — 34% от уровня 1928 г.

С учетом опыта 1-й пятилетки тактика претворения в жизнь форсированной индустриализации на новом этапе была изменена. Искусственного взвинчивания темпов уже не наблюдалось. В целом плановые задания 2-й пятилетки (1933–1937), принятые на XVII съезде партии, оказались более взвешенными по сравнению с первоначальными (намечены XVII партконференцией в феврале 1932). Выступающие на съезде предлагали отказаться от излишне централизованного планирования и предоставлять большую инициативу местным органам власти; говорили о роли хозрасчета, отрицательных последствиях чрезвычайщины. В окончательном варианте план был одобрен на заседании ЦИК и СНК СССР в ноябре 1934 г.

Как и предыдущая, пятилетка объявлена выполненной досрочно — за 4 года и 3 месяца. Основные усилия в этот период были подчинены задаче завершения технической реконструкции народного хозяйства, завершению строек и освоению новых предприятий. За 1933–1937 гг. в различных регионах СССР возведено 4,5 тыс. новых заводов, фабрик, шахт, электростанций (в отличие от 1-й пятилетки, каждый день в строй действующих вступало не одно, а в среднем три новых крупных предприятия). По сравнению с 1932 г., основные производственные фонды страны выросли в 2,2 раза. Гордостью советских людей надолго стали автогиганты в Москве и Нижнем Новгороде, Турксиб (построен в 1930 г.), Ростсельмаш (1930), Сталинградский (1930), Харьковский (1931) и Челябинский (1933) тракторные заводы; Днепрогэс (1932), Кузнецкий (1932) и Магнитогорский (1934) металлургические комбинаты, Московский станкостроительный (1932), Уральский завод тяжелого машиностроения (1933), Березниковский (1932) и Соликамский (1934) химические комбинаты, первые в мире Ярославский и Воронежский заводы синтетического каучука (1932), город Комсомольск-на-Амуре (1932), Новокраматорский машиностроительный завод в Донбассе (1934), Чимкентский свинцовый завод (1934), Беломорско-Балтийский (1933) и канал имени Москвы (1937), первая очередь Московского метрополитена (1935).

В крупнейшие центры промышленного развития превращались бывшие национальные окраины, где реконструкция народного хозяйства проводилась более высокими темпами, чем в РСФСР. Заработали крупный моторный завод в Уфе, текстильные и трикотажные комбинаты в Ташкенте, Бухаре, Баку. Крупным районом цветной металлургии, добычи угля и химической промышленности стал Казахстан. В Башки-

рии и Татарии, между Волгой и Уралом, возник новый крупный район нефтедобычи — «Второе Баку». Карелия и Коми стали крупными поставщиками лесоматериалов, Якутия — золота.

К концу 2-й пятилетки техническая реконструкция СССР была в основном завершена. Неимоверным напряжением сил всего населения обеспечивался постоянный рост промышленного производства, в среднем на 17% за год. За пятилетку оно в целом выросло на 120% (группа «А» — на 139, группа «Б» — на 99%). Станочный парк машиностроения в 1937 г. состоял на 75% из новых станков отечественного и зарубежного производства. Введенные в строй заводы тяжелого машиностроения начали производить полные комплекты сложного оборудования для предприятий черной металлургии, ранее ввозимого из-за рубежа. Прекратился импорт паровозов и вагонов, тракторов и врубовых машин, паровых котлов, молотов, прессов, подъемно-транспортного оборудования. По производству валовой продукции в некоторых отраслях СССР обогнал Германию, Великобританию, Францию или вплотную приблизился к ним. Однако он еще весьма значительно, до 5 раз, отставал от этих стран по производству продукции на душу населения.

Необходимость индустриализации далеко не в последнюю очередь диктовалась неотложностью модернизации Вооруженных сил страны. К началу 1-й пятилетки по технической оснащенности они лишь немногим отличались от времен Гражданской войны и значительно уступали армиям ведущих европейских стран. В армии было, например, всего 92 танка, 300 тракторов-тягачей, 1200 грузовых автомашин, 1394 самолетов устаревших конструкций. Летные испытания первого отечественного серийного истребителя И-5 конструкции Н. Н. Поликарпова начаты лишь в апреле 1930 г.

В 1935 г. на вооружении РККА находилось 7633 танка различного назначения; свыше 35 тыс. автомобилей; 6672 самолета, в том числе истребители И-15, И-16, бомбардировщики СБ, ТБ-3, разведчик Р-5. Впервые в войска стали поступать зенитные пушки и пулеметы, новейшие по тем временам средства связи, в том числе полевые радиостанции, шифровальные машинки. Модернизированы или разработаны заново образцы стрелкового оружия (винтовка образца 1891–1930 гг., пулеметы и пистолеты). Восстанавливались и модернизировались корабли Военно-Морского флота. Новым центром военного судостроения на Дальнем Востоке стал город Комсомольск-на-Амуре.

Нарастание угрозы мировой войны требовало дальнейшего укрепления оборонной мощи СССР. В декабре 1936 г. образован общесоюзный Наркомат оборонной промышленности (наркомы: М. Л. Рухимович, 1936–1937; М. М. Каганович, 1937–1939). Во 2-й пятилетке, как и в первой, советский ВПК развивался более быстрыми темпами, чем промышленность в целом. За 1933–1937 гг. общий прирост производства

ВПК возрос на 286% по сравнению с общим промышленным приростом на 120%. Численность Красной Армии увеличилась с 900 тыс. человек в марте 1933 г. до 1,5 млн к концу 1937 г.

Расширение строительства и промышленного производства в годы 2-й пятилетки не потребовало столь же масштабного увеличения численности рабочих. За 1932–1937 гг. их ряды выросли с 10 до 11,7 млн человек. Костяком рабочего класса СССР были промышленные рабочие. В 1-й пятилетке их численность увеличилась на 93%, во 2-й — на 32%. Они составляли 34–38% всех рабочих и 27–30% от общего числа рабочих и служащих страны.

Государство много сделало для повышения культурно-технического уровня рабочего класса. Практически все рабочие за годы 2-й пятилетки без отрыва от производства прошли через школы и курсы повышения квалификации. Производительность труда, выросшая за 1-ю пятилетку, по официальным данным, на 40%, в годы 2-й пятилетки увеличилась на 82%.

Высокие темпы промышленного развития были достигнуты в том числе и за счет низкого стартового уровня, а также командно-приказных методов руководства. Целям форсированной индустриализации отвечало массовое использование дешевой рабочей силы и энтузиазма масс, воодушевленных утопической идеей строительства бесклассового, изобильного общества. Большую роль сыграли различные формы социалистического соревнования — ударничество в годы 1-й пятилетки, стахановское движение за повышение производительности труда и лучшее использование техники — во 2-й. Движение получило название по фамилии забойщика донбасской шахты А. Г. Стаханова, который 30 августа 1935 г. добыл за смену вместе с двумя крепильщиками 102 т угля вместо 7 по норме. Его знаменитыми последователями были кузнец А. Х. Бусыгин, фрезеровщик И. И. Гудов, машинист паровоза П. Ф. Кривонос, обувщик Н. С. Сметанин, колхозница М. С. Демченко, ткачихи Е. В. и М. И. Виноградовы и многие тысячи других героев труда. В ноябре 1935 г. состоялось Всесоюзное совещание стахановцев. Назвав движение «высшим этапом социалистического соревнования», Сталин не преминул отметить, что оно появилось «вопреки воле» и даже «в борьбе» с администрацией и консервативной технической интеллигенцией.

Вина за срывы планов, многочисленные аварии, поломки, пожары, росту которых объективно способствовала и неподготовленность кадров, и форсирование индустриализации и коллективизации, зачастую перекладывалась на всевозможных «вредителей». Так, в феврале 1930 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «О ходе ликвидации вредительства на предприятиях военной промышленности». В августе была осуждена за массовый падеж лошадей в деревнях группа ученых-бактериологов; в сентябре якобы за организацию в стране продоволь-

ственных трудностей расстреляли 48 руководителей пищевой промышленности.

2 сентября 1930 г. Политбюро постановило опубликовать в газетах сообщение о том, что арестованы Н. Д. Кондратьев, В. Г. Громан, А. В. Чайнов, Л. Н. Юровский, Н. Н. Суханов (Гиммер), Л. К. Рамзин и другие «участники и руководители контрреволюционных организаций, поставивших целью свержение Советской власти и восстановление власти помещиков и капиталистов».

В ноябре — декабре 1930 г. проходил суд над Промышленной партией. Согласно обвинительному акту, Промпартия была образована в конце 1920-х годов, включала более 2 тыс. представителей старой технической интеллигенции и создавала почву для переворота, который должны были поддержать англо-французские интервенты. Обвиняемые (профессор МВТУ и директор Теплотехнического института Л. К. Рамзин, ответственные работники Госплана и ВСНХ И. А. Иконников, В. А. Ларичев и др.) «признались», что в случае прихода к власти намеревались сформировать правительство, в которое вошли бы П. И. Пальчинский (товарищ министра торговли и промышленности во Временном правительстве, председатель Всесоюзной ассоциации инженеров при Советской власти — в качестве премьер-министра), Е. В. Тарле (известный историк — министра иностранных дел) и др.

Позднее было объявлено о ликвидации «вредительских центров», куда, кроме Промпартии, входили Союзное бюро ЦК меньшевиков и Трудовая крестьянская партия. В 1933 г. осудили 18 специалистов фирмы «Метрополитен-Виккерс» (6 из них — британские граждане), якобы организовавших в СССР вредительскую сеть. Осужденные по этим и другим, часто вымышленным, делам пополняли армию заключенных и ссыльных. К началу 1933 г. общее число заключенных в лагерях составило примерно 300 тыс. человек, в 1937 г. — уже 996,4 тыс.

Еще в 1928 г. заместитель наркома рабоче-крестьянской инспекции Н. М. Янсон в письме Сталину предложил использовать труд заключенных в освоении отдаленных местностей, на заготовках леса и добыче полезных ископаемых, на трудоемких земляных и других неквалифицированных работах. По сути дела реанимировалась идея «трудовых армий». В июне 1929 г. Политбюро одобрило это предложение и постановило создать в ведении ОГПУ систему исправительно-трудовых лагерей. 11 июля 1929 г. появилось постановление СНК СССР об использовании труда уголовнозаключенных. В апреле 1930 г. в составе ОГПУ было образовано Управление лагерями (с октября 1930 г. — Главное управление). Так появился ГУЛАГ, ставший символом советской репрессивной политики. Труд заключенных стал включаться в государственные планы. Лагерный сектор экономики возглавляли его руководящие работники ОГПУ (с 10 июля 1934 г. — НКВД) Г. Г. Ягода, М. Д. Берман, И. И. Плинер,

Я. Д. Рапопорт, С. Г. Фирин, Н. А. Френкель и др. По данным на начало 1938 г., в лагерях и исправительно-трудовых колониях (для осужденных к лишению свободы на сроки до 3 лет) находились 1 851 570 заключенных. Кроме того, использовался труд так называемых «спецпоселенцев», численность которых составляла 880 007 человек.

По плану на 1937 г. НКВД поручалось освоить около 6% общесоюзных капиталовложений. В 1930-е годы трудом заключенных строились города (Магадан, Ангарск, Норильск, Тайшет), каналы (Беломорско-Балтийский, Москва–Волга), нефтяные промыслы Ухты и Печоры, угольные шахты Воркуты, золотые прииски Колымы и Магадана, Карагандинские угольные шахты и Балхашский медный комбинат, Норильский никель-кобальтовый комбинат, леспромхозы и многие тысячи километров железных дорог. В 1936 г. в составе НКВД создано Главное управление шоссежных дорог, которому было поручено все дорожное строительство.

§ 3. Коллективизация

Коллективизация крестьянства (80% населения страны) была призвана не только интенсифицировать труд и поднять уровень жизни на селе. Она облегчала перераспределение средств и рабочей силы из деревни в город. Предполагалось, что получать хлеб из сравнительно небольшого числа работающих по плану колхозов (коллективные хозяйства) и совхозов (государственные сельскохозяйственные предприятия) будет значительно легче, чем от 25 млн распыленных частных производителей. Именно такая организация производства позволяла максимально концентрировать рабочую силу в решающие моменты земледельческого цикла работ. Массовая коллективизация обещала также высвободить из деревни рабочую силу, необходимую для строительства и промышленности.

Для государственного управления процессом коллективизации и сельскохозяйственного производства в ноябре 1929 г. создан Народный комиссариат земледелия СССР. В 1930-е годы его возглавляли Я. А. Яковлев (1929–1934), М. А. Чернов (1934–1937), Р. И. Эйхе (1937–1938), И. А. Бенедиктов (1938–1943). В состав Наркомзема вошел Колхозцентр СССР, образованный в 1928 г. специально для управления колхозами. В качестве образца для будущих хозяйств в советской деревне был избран кибуц — близкая к коммуне модель кооператива, разработанная в начале XX в. во всемирной сионистской организации. Выбор оказался неудачным, поскольку он изначально был ориентирован на колонистов-горожан, не видевших смысла в крестьянском подворье. Представление о методах руководства коллективизацией дает напутствие председателя Колхозцентра Г. Г. Каминского собранным в январе 1930 г. в Москве

представителям районов сплошной коллективизации: «Если в некотором деле вы перегнете и вас арестуют, то помните, что вас арестовали за революционное дело».

Старт форсированной коллективизации дан 5 января 1930 г. постановлением ЦК ВКП(б) «О темпах коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству». В нем выделялись зерновые районы (Нижняя и Средняя Волга и Северный Кавказ), в которых коллективизацию предстояло завершить в первую очередь — осенью 1930 или весной 1931 г., и районы второй очереди (Украина, Центральная Черноземная область, Урал, Сибирь и Казахстан) с возможной ее отсрочкой на год. Для других районов сроки отодвигались на 1933 г. Основой колхозного строительства постановлением признавалась сельскохозяйственная артель как «переходная к коммуне» форма хозяйства. Такая формулировка сориентировала «коллективизаторов» на усиление обобществления средств производства и личного имущества крестьян. (Уровень обобществления в Товариществах по совместной обработке земли достигал 30%, в артелях — 50, коммунах — 100%.) Сразу после опубликования постановления была развернута «безоглядная» кампания, всемерно поощрявшая ускорение темпов коллективизации. Роль авангарда в борьбе за колхозы играли бедняцко-средняцкие группы в деревнях и направленные из городов рабочие-коммунисты.

Пятилетний план по коллективизации был выполнен в январе 1930 г., когда в колхозах числилось свыше 20% всех крестьянских хозяйств. Но уже в феврале «Правда» ориентировала читателей: «Наметка коллективизации — 75% бедняцко-средняцких хозяйств в течение 1930/31 года не является максимальной». Угроза быть обвиненными в правом уклоне из-за недостаточно решительных действий толкала местных работников на разные формы давления в отношении крестьян, не желающих вступать в колхозы (лишение избирательных прав, исключение из состава Советов, правлений и других выборных организаций). Спротивление оказывали чаще всего зажиточные крестьяне.

Резкому обострению ситуации способствовало принятое 30 января 1930 г. постановление Политбюро ЦК «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». Оно отменяло действие принятого ранее закона об аренде и применении наемного труда, предписывая конфисковать у кулаков средства производства, скот, хозяйственные и жилые постройки, предприятия по переработке продукции, продовольственные, фуражные и семенные запасы.

Кулаки делились на три категории. Первая, «контрреволюционный актив», подлежала заключению в концлагеря, а организаторы терактов, повстанчества — расстрелу. Вторая — «элементы кулацкого актива, особенно из наиболее богатых кулаков и полупомещиков» — подлежала высылке в отдаленные районы данного края и за его пределы. В третью

входили кулаки, расселявшиеся на территории данного района за пределами колхозных массивов на худших по плодородию, неудобных землях. Указывалось, что общее число ликвидируемых хозяйств должно оставаться в пределах 3–5% от общего числа.

Это значительно превышало установленное ранее число кулацких хозяйств (осенью 1929 г. их насчитывалось 2,3%, около 600 тыс.). Названные в постановлении цифры предполагали «раскулачивание» середняков, не соглашавшихся вступить в колхозы. В действительности число раскулаченных в отдельных районах достигало 10–15%. Конфискованные у кулаков имущество и вклады подлежали передаче в неделимые фонды колхозов в качестве вступительных взносов бедняков и батраков. Это способствовало привлечению в колхозы неимущих слоев деревни. Раскулачивание стало мощным катализатором коллективизации, и позволило уже к марту 1930 г. поднять ее уровень в стране до 56, а по РСФСР — 57,6%.

Общее количество ликвидированных «кулацких хозяйств» только в 1929–1931 гг. составило 381 тыс. (1,8 млн человек), а всего за годы коллективизации достигло 1,1 млн хозяйств. В январе 1932 г. первый заместитель председателя ОГПУ Г. Г. Ягода докладывал Сталину, что в спецпоселках Урала, Сибири, Европейского Севера и Казахстана расселено 1,4 млн крестьян. Большинство из них работали на лесозаготовках, в горнодобывающей промышленности и «неуставных» колхозах. Примерно 10% от общей численности раскулаченных приговаривались к заключению в лагерь.

Нежелание работать в «уставных» колхозах резко усилило поток крестьян, перебиравшихся в города. Только за 1931 г. их число составило более 4 млн. Среди них была и часть кулаков, заблаговременно распродавших свое имущество и сумевших избежать репрессий. Неконтролируемую миграцию была призвана упорядочить введенная в декабре 1932 г. система паспортов и прописки (ранее она осуждалась как проявление полицейщины в странах капитала). Колхозники могли получить паспорта только с согласия правления колхоза.

Коллективизация сопровождалась разгромом экономической науки. Был многократно усилен нажим на церковь. Уже к началу 1931 г. было закрыто около 80% всех сельских храмов страны. Значительная часть духовенства попала в разряд «раскулаченных».

Все это не могло не вызвать ответных мер отпора, в том числе с оружием в руках. По данным ОГПУ, за январь–апрель 1930 г. произошло 6117 выступлений, насчитывавших 1755 тыс. участников. Другим следствием спешки и административного произвола стал массовый стихийный забой скота. Власть была вынуждена пойти на уступки. 2 марта 1930 г. в «Правде» одновременно с Примерным уставом сельскохозяйственной артели появилась статья Сталина «Головокружение от успе-

хов», осуждавшая «перегибы». Вслед за этим, 14 марта, было принято постановление ЦК ВКП(б) «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении», требовавшее прекратить практику принуждения, не допускать перевода сельхозартелей на устав коммуны.

К августу 1930 г. в колхозах осталось 21,4% крестьянских хозяйств, т.е. на уровне заданий пятилетки. Погоня за темпами принесла огромный вред. Однако осенью того же года колхозное наступление возобновилось. К июню 1931 г. колхозы объединили 53% всех крестьянских хозяйств. Сплошная коллективизация завершилась в важнейших сельскохозяйственных районах страны. Значительное число единоличников сохранялось в Закавказье и Таджикистане (здесь показатель коллективизации к лету 1931 г. составлял 42%), в Белоруссии (49%), а также на севере, северо-западе и в центральных нечерноземных районах. К концу пятилетки в стране было создано более 200 тыс. довольно крупных (в среднем по 75 дворов) колхозов, объединивших около 15 млн крестьянских хозяйств, 62% их общего числа. Наряду с колхозами были образованы 4,5 тыс. совхозов. По замыслу они должны были стать школой ведения крупного социалистического хозяйства. Их имущество являлось государственной собственностью; крестьяне, работавшие в них, были государственными рабочими. В отличие от колхозников они получали за работу фиксированную заработную плату.

Опыт организации труда в колхозах позволил уже к началу 1931 г. установить, что наиболее целесообразной формой учета колхозного труда является трудодень с применением сдельщины. VI съезд Советов СССР в марте 1931 г. утвердил его как общую для всех колхозов меру учета количества и качества труда, основной принцип распределения колхозных доходов. Организованности труда способствовало создание производственных бригад с постоянным составом колхозников. ЦК партии постановлением от 4 февраля 1932 г. предлагал создать их во всех колхозах.

Хозяйственные результаты исключительно благоприятного по погодным условиям первого колхозного года были обнадеживающие: колхозы дали стране около трети валовой и товарной продукции, доходы колхозников были выше, чем у единоличников. Однако в целом коллективизация и раскулачивание подорвали производительные силы деревни. Поголовье скота в стране за пятилетку сократилось почти наполовину.

Поступление зерновых государству к концу 1931 г. снизилось. Уже в этом году в ряде регионов начался голод. Весной 1932 г. пришлось снизить нормы карточного снабжения горожан хлебом. В связи с пониженным сбором зерна (отчасти из-за погодных условий, но главным образом вследствие тяжелого продовольственного положения крестьян и их массового сопротивления хлебозаготовкам, проводимым по принципу продразверстки) в августе 1932 г. принят жестокий закон, сурово карающий даже мелкие хищения колхозной собственности. На-

чались аресты за «саботаж хлебозаготовительной работы». Одновременно правительство пошло на некоторые уступки крестьянам, своего рода неонэп — сокращение государственного плана хлебо- и мясозаготовок, разрешение торговли по свободным ценам в случае выполнения поставок государству. Однако эти запоздалые меры не дали облегчения.

Голод, охвативший в 1932–1933 гг. ряд зерновых районов на Украине и в России, унес жизни, по не установленным еще точно историками данным, около 5 млн человек. Нередки были и случаи людоедства. Жертвами голода на Украине и в РСФСР стали более 3 млн человек, причем основные потери понесли сельские жители — 2 млн. Из них не менее 1 млн приходится на российские регионы — Поволжье, Дон, Кубань и Ставрополье. Сильно пострадал Казахстан, население которого из-за смертей и безвозвратных откочевок за границу с 1931 по 1933 г. сократилось почти на 1,8 млн человек.

Введенная в декабре 1932 г. паспортная система была призвана препятствовать массовому наплыву голодающих крестьян в города. Масштабы народной трагедии из-за ограниченности государственных хлебных запасов в стране не удалось снизить ни резким сокращением экспорта, ни попытками найти валюту за счет продажи музейных ценностей. Ситуация усугублялась и тем, что во имя политических целей сталинское руководство пыталось скрывать сам факт голода и отказалось от международной помощи.

О хозяйственных результатах коллективизации в годы пятилетки можно судить по следующим цифрам. Объем сельскохозяйственного производства в 1932 г. составлял 73% от уровня 1928 г., животноводческой продукции — 47. В то же время «товарность» сельскохозяйственного производства повысилась с 15% накануне коллективизации до 36–40% во 2-й и 3-й пятилетках. В 1930 г. собрано 84 млн т зерна, в 1931 — 70, в 1932 — 67, в 1933 — 68 млн т. Заготовки хлеба государством с 10,8 млн т в 1928 г. и 16,1 млн т в 1929 г. выросли до 23,3 млн т в 1933 г. Разница цифр означает, что для внутреннего потребления в деревне хлеба оставалось все меньше и меньше. Значительная часть заготовленного зерна направлялась на экспорт, закупку крайне необходимого промышленно-оборудования за границей. За годы 1-й пятилетки было вывезено 12 млн т зерна, в 1930 г. — 4,8, в 1931 г. — 5,1, в неурожайном 1931 г. — 1,8 млн т. (Для сравнения: царская Россия в 1909–1913 гг. вывозила в среднем 11,6 млн т зерна в год.)

Начало 2-й пятилетки в деревне связано с преодолением трудностей и провалов, порожденных ошибками предыдущего этапа коллективизации. В целях укрепления колхозного строя и усмирения деревни в январе 1933 г. партия приняла решение о создании чрезвычайных органов управления — политотделов МТС и совхозов, наделенных огромными правами. Они осуществляли политический контроль за расста-

новкой и использованием на работе колхозников и работников совхозов, обеспечивали своевременное выполнение колхозами обязательств перед государством. Под лозунгом «Сделать колхозы большевистскими, а колхозников зажиточными!» в феврале 1933 г. была организована работа Первого всесоюзного съезда колхозников-ударников.

Призыв съезда организовать Всесоюзное соревнование за высокую урожайность, напрямую связанный с возможностью повысить благосостояние колхозников, усиливал и материальную заинтересованность, и производственную инициативу. Налаживанием работы в колхозах занялись свыше 250 тыс. колхозников, в том числе около 30 тыс. председателей колхозов, выдвинутых на руководящие должности политотделами МТС за два года своей работы (преобразованы в обычные партийные органы в ноябре 1934 г.).

В 1933–1935 гг. власть сумела добиться выполнения поставок хлеба каждой республикой, краем и областью. Экспорт зерна был сокращен, с 1934 г. он не превышал 1 млн т в год. Тогда же стали прибегать к дополнительным государственным закупкам сельхозпродукции по заготовительным ценам, которые были на 25–30% выше плановых. Благодаря этому объем дополнительных хлебозаготовок увеличился с 4,1 млн ц в 1933 г. до 33,6 — в 1934-м. Часть хлеба государство получало от колхозов в виде натуральной оплаты за работу МТС. С 1933 по 1935 г. эти поступления выросли в структуре хлебозаготовок с 15,5 до 25,4%. Ноябрьский (1934) пленум ЦК принял решение сократить (или даже вовсе прекратить) экспорт хлеба, направив его на внутренний рынок.

Однако перелом ситуации в деревне и улучшение продовольственного снабжения населения городов в основном определялись расширением поставок техники в сельское хозяйство. Перед революцией почти половина земель в стране все еще обрабатывалась сохой. К 1928 г. соху вытеснил железный плуг (сохой обрабатывалось 10% пашни), в стране насчитывалось 25 тыс. тракторов, с их помощью обрабатывался 1% пашни. К концу 1-й пятилетки тракторным инвентарем обрабатывалось 22% пашни, к концу второй — до 60%. Снабжение деревни машинами осуществлялось главным образом через МТС.

К лету 1930 г. организовано 158 государственных и 479 кооперативных МТС. В районах их деятельности уровень коллективизации был на 20–30% выше, чем там, где их не было. Первоначально МТС задумывались как межколхозные акционерные предприятия, но расходы на них для колхозов оказались непосильными, и в конце 1-й пятилетки все они стали государственными предприятиями. За годы пятилетки сельскому хозяйству было поставлено 154 тыс. тракторов, из них 94 тыс. отечественных (в 1923–1924 гг. всего 13 тракторов). В конце 1934 г. сельское хозяйство располагало 281 тыс. тракторов, 31 тыс. комбайнов, 34 тыс. грузовых автомобилей, многими другими сложными сельскохозяйствен-

ными машинами. Во 2-ю пятилетку сельское хозяйство получило 405 тыс. тракторов, и все они были изготовлены на отечественных заводах. Число МТС за эти годы удвоилось и достигло в 1937 г. 5,8 тыс. Если в 1932 г. они обслуживали только треть колхозов страны, то в 1937 г. — 78%. Применение новейшей сельскохозяйственной техники улучшало обработку земли, повышало урожай.

Успехи в колхозном строительстве были закреплены в новом колхозном Уставе, принятом в феврале 1935 г. Вторым всесоюзным съездом колхозников-ударников. В него было внесено положение о закреплении за колхозами земли на вечное и бесплатное пользование: она не подлежала ни купле-продаже, ни сдаче в аренду. Устав разрешал колхознику вести личное подсобное хозяйство на 0,25–0,5 га, а в отдельных районах — до 1 га земли, иметь 2–3 коровы, неограниченное количество птицы.

В личном подсобном хозяйстве к концу 2-й пятилетки производилась значительная масса валовой продукции колхозного сектора: 52,1% картофеля и овощей, 56,6 — плодовых культур, 71,4 — молока, 70,9% — мяса. Основная часть шла на личное потребление, но примерно четверть животноводческой продукции и до половины картофеля, овощей продавались на рынке. Рыночные цены к 1938 г. по сравнению с 1933 г. снизились на 64%.

К концу 2-й пятилетки коллективизацию можно считать завершённой. Число крестьянских хозяйств в стране уменьшилось с 25,6 млн на 1 июня 1929 г. до 19,9 млн на 1 июня 1937 г. В связи с коллективизацией, с налоговыми, заготовительными и другими хозяйственно-политическими кампаниями в 1929–1937 гг. было раскулачено около 750 тыс. крестьянских хозяйств (в ссылку отправлено 2,4 млн человек). Кроме того, примерно 200–250 тыс. хозяйств «самораскулачились», т. е. распродали или побросали свое хозяйство или ушли из деревни. К июню 1937 г. индивидуальных крестьянских хозяйств оставалось 7% (1,4 млн). Большую их часть составляли хозяйства скотоводов, оленеводов, охотников, рыболовов на окраинах страны. Основными ячейками сельской жизни стали колхозы, которых по всей стране насчитывалось 242,5 тыс. В 1937 г. в стране был собран хороший урожай (98 млн т), животноводство приблизилось к довоенному уровню.

Коллективизация в национальных регионах проводилась с некоторым учетом местных хозяйственно-бытовых особенностей. Ее завершение здесь отодвигалось на более поздние сроки. Наиболее распространенной формой объединений в Закавказье, Казахстане, Средней Азии и Бурятии были ТОЗы. Колхозникам разрешалось содержать не только продуктивный, но и рабочий скот. В Казахстане и Киргизии скотоводы могли иметь до 20 коров, 100–150 овец, 10 лошадей, 8 верблюдов. Проведению коллективизации в Средней Азии во многом способствовало государственное строительство ирригационных систем.

По мере решения задач сплошной коллективизации сокращалась численность «кулацкой ссылки». В 1933 г. на спецпоселение отправлено почти 400 тыс. кулаков и членов их семей, в 1934-м — 255 тыс., 1935-м — 246 тыс., 1936-м — 165 тыс., в 1937 г. — 128 тыс. В мае 1934 г. трудпоселенцы были восстановлены в гражданских правах, с января 1935 — в избирательных. Однако они все еще не имели права возвращаться на старые места своего проживания, не призывались в армию. Эти ограничения были сняты с них в конце 1938 г., когда все неуставные артели были переведены на устав обычной сельскохозяйственной. К началу Великой Отечественной войны многие спецпереселенцы вернулись на места прежнего жительства, но 940 752 человека (из них 871 851 «бывших кулаков») оставались на спецпоселении, продолжали жить и трудиться в сельском хозяйстве, в совхозах, артелях и предприятиях Наркомзема (208 тыс. человек), в промышленности (526 тыс.), на предприятиях НКВД и в стройбатах Красной Армии (34 тыс.). Всего с начала сплошной коллективизации и до начала войны было выслано, с учетом вселенных в спецпоселки после освобождения из тюрем и лагерей, около 4 млн человек.

Если сравнить коллективизацию, проведенную в конце 20-х — 30-е годы XX в., с осуществлявшейся двумя десятилетиями ранее столыпинской аграрной реформой, можно обнаружить, что второе по времени преобразование деревни в известном смысле явилось завершением первого, несмотря на внешне принципиальные различия в их проведении. Как известно П. А. Столыпин стремился создать на селе средний класс «крепких и сильных» единоличных собственников — фермеров-хуторян и отрубников. Во втором случае речь шла тоже о создании на земле крупных сельскохозяйственных предприятий, только осуществлялось оно уже после национализации помещичьей земли путем ликвидации кулацких и обобществления бедняцких и середняцких хозяйств. В конечном итоге, и в первом и во втором случае дело сводилось к созданию на земле очагов крупного сельскохозяйственного производства. Однако в первом случае оно базировалось на разрушении общины и ее традиций, а во втором на сохранении и использовании общинных (коллективистских) традиций. Большевикам, в отличие от Столыпина и несмотря на все жестокое варварство раскулачивания и других форм принуждения и насилия над крестьянами, задачу создания крупных земледельческих хозяйств в целом решить удалось.

Вместе с тем коллективизация, кардинально изменившая весь облик российской деревни, не могла не положить начало новому процессу — так называемому «раскрестьяниванию», разрушению многовекового уклада деревенской жизни, традиций и опыта сельского мира. Она превращала крестьянина из мелкого собственника в зависимого от государства работника, отчужденного от средств производства и лишеного права распоряжаться результатами своего труда. По закону от

17 марта 1937 г. колхознику запрещалось покидать свой колхоз без согласия администрации. Из жизни деревни уходили в прошлое трудовая этика и нравственные устои, основанные на трудолюбии, бережливости, общности, семейных и религиозных традициях. Еще труднее эти черты могли сохранить миллионы крестьян, вынужденных отправиться из родных краев в места спецпоселений, на строительные площадки и в промышленные города.

Валовой внутренний продукт России, в создание которого значительный вклад вносили и труженики деревни, в течение двух пятилеток возрастал ежегодно на 14–15%. В 1937 г. его объем (141 млрд рублей в сопоставимых для всего XX в. ценах) превышал уровень 1928 г. в 3,6 раза, уровень 1932 г. — почти в 2 раза.

Увеличение ВВП не влияло автоматически на улучшение благосостояния народа, однако оно позволило уже в ноябре 1934 г. принять решение «Об отмене карточной системы по хлебу и некоторым другим продуктам». В 1935 г. возобновилась свободная продажа хлеба (январь), мясных продуктов, сахара, жиров и картофеля (октябрь). С января 1936 г. были отменены карточки на промышленные товары. Несмотря на это, уровень жизни рабочих оставался в среднем более низким, чем до революции. С 1925 (когда этот уровень приближался к довоенному) по 1937 г. номинальная заработная плата рабочих выросла в 5,5 раза, а стоимость продуктов питания — минимум в 8,8 раз. В 1937 г. зарплата низкоплачиваемых рабочих и служащих фабрично-заводской промышленности при повременной оплате составляла не ниже 115 руб. в месяц, а при сдельной — не ниже 110 руб. При этом килограмм пшеничной муки стоил 4,6 руб., лущеного гороха — 3,6, гречки — 1,82, мятных пряников — 5,75, банка сардин — 3,5, кеты натуральной — 3,5, поллитровая бутылка водки — 6 руб. Общий рост народного хозяйства позволял развернуть жилищное строительство и несколько улучшить быт трудящихся. Значительной реконструкции подверглись Москва, столицы республик, расширялись новые города.

В конечном счете, форсированная модернизация страны была настоящим подвигом рабочих, крестьян и всего советского народа. С точки зрения цивилизационного подхода, в это время осуществлялся переход от доиндустриального и раннеиндустриального к развитому индустриальному типу производства. Однако по прошествии многих лет у потомков героев и историков сложилось убеждение, что и индустриализация, и преобразование деревни могли бы иметь более значительные результаты без немыслимых жертв (штурмовщина, голод, искусственное обострение классовой борьбы, репрессии) и авторитарно-деспотического режима, подчинявшего жизнь не правовой, а произвольной, командно-приказной власти.

§ 4. Первые пятилетки как этап «культурной революции»

Руководство преобразованиями в культурной сфере по партийной линии в годы первых пятилеток осуществлялось Управлением агитации и пропаганды ЦК ВКП(б). В январе 1930 г. оно было подразделено на два отдела — культуры и пропаганды с секторами научной работы и просвещения, включая искусство; пропаганды марксизма-ленинизма; печати, в том числе художественной литературы и отдел агитации и массовых изданий, состоящий из секторов общей агитации, массовых кампаний промышленного характера, массовых кампаний сельскохозяйственного характера, массовой работы среди работниц и крестьянок. На тех же началах выстраивался культурно-идеологический аппарат ЦК компартий союзных республик, краевых, областных, городских и районных партийных органов.

В январе 1932 г. культпропотделы были разукрупнены. Число секторов в них увеличено до 12. Имелись самостоятельные сектора партучебников и политграммоты, преподавания ленинизма в вузах и средней школе; массовой пропаганды ленинизма и политики партии; народного образования; научно-исследовательских учреждений; производственно-технической пропаганды; культурного обслуживания заводов и колхозов; газетный; журнальный; научной литературы; искусства. Дальнейшее развитие культурного строительства потребовало новой перестройки Культпропа ЦК, придания его аппарату функционально-отраслевого характера. В мае 1935 г. на базе Культпропа созданы 5 отделов: партийной пропаганды и агитации (руководитель А. И. Стецкий); печати и издательств (Б. В. Таль); школ; культурно-просветительной работы (А. С. Щербаков, с 1938 г. — А. А. Жданов); науки, научно-технических изобретений и открытий (Б. М. Волин).

Непосредственное руководство партийных органов всеми делами культуры обеспечивало во многих случаях эффективное решение вопросов культурного строительства. В то же время такое их всевластие приводило к ущемлению конституционных прав государственных органов.

Практическую реализацию установок партии в области культурного строительства осуществляли наркоматы просвещения союзных республик. В России эту работу вел наркомат под руководством А. В. Луначарского (до 1929 г.) и А. С. Бубнова (1929–1937). В сентябре 1933 г. в Наркомпросе было создано пять управлений: начальной и средней школы; подготовки учителей; университетов и научно-исследовательских учреждений; библиотечное; театральных и зрелищных предприятий. В структуре Наркомпроса сохранялись Главлит, Главрепертком и ОГИЗ. Соответствующим образом были организованы наркоматы других союзных республик.

Развернутое наступление на всех направлениях социалистического строительства с началом 1-й пятилетки требовало организации новой мощной атаки на фронте борьбы с неграмотностью. (К 1927/28 учебному году неграмотное население городов составляло 21,5; села — 56,7%.) Начатый в 1928 г. по инициативе комсомола всесоюзный культпоход по борьбе с неграмотностью превратился в массовое движение. В 1930 г. на эту борьбу было мобилизовано более миллиона студентов, слушателей советских партийных школ, учителей, культпросветработников. В 1931 г. число обучающихся взрослых достигло 10 млн.

Система общеобразовательных школ России к концу 1920-х годов включала несколько их типов. Действовали начальная, школа второй ступени, семилетка, девятилетка, школы фабрично-заводского ученичества (ФЗУ) и школы крестьянской молодежи. Всеми формами обучения было охвачено около 8% населения. С сентября 1930 г. в стране вводилось всеобщее бесплатное и обязательное начальное (четырёхклассное) обучение детей. В городах и рабочих поселках всеобщее предусматривалось в объеме школы-семилетки. Местным советским органам предоставлялось право вводить обязательное образование и в других районах. В деревне предлагалось значительно увеличить количество дневных и вечерних школ для молодежи.

Государственные ассигнования на школьное образование в 1930 г. выросли в 10 раз по сравнению с 1925/26. В августе 1930 г. разработана и утверждена программа введения обязательного начального образования. Финансовое ее обеспечение предопределяло сооружение новых школ, бесплатное снабжение учащихся начальных классов одеждой, обувью, питанием, учебниками, письменными принадлежностями. Соответственно новые задачи предстояло решать бумажной промышленностью, полиграфии и т. д.

Нехватку учителей с переходом к всеобучу решали предоставлением права каждому, кто имел семилетнее образование, работать в начальной школе — достаточно было закончить краткосрочные (от полугода до трех недель) курсы по подготовке и переподготовке учителей. Проводились ускоренные выпуски из пединституты и училищ. Прием в педагогические вузы увеличился более чем в 2, в педтехникумы — в 3 раза. В 1930–1932 гг. комсомол провел три всесоюзные мобилизации на педагогическую работу комсомольцев. Все это позволило охватить к концу 1-й пятилетки обучением в начальной школе 98% детей в возрасте от 8 до 11 лет (в 1927/28 г. — 51,4%). Одновременно велась работа по обучению неграмотных и малограмотных. План обучения неграмотных и малограмотных в 1-й пятилетке (18,5 млн) был перевыполнен в СССР более чем в 2,5 раза. На просвещение в 1932 г. было истратено средств в 6 раз больше, чем в 1927/28, и почти в два раза больше, чем предусматривалось пятилетним планом.

Индустриализация страны потребовала ускорить подготовку квалифицированных кадров для промышленности. Обучение рабочих осуществлялось в стационарных учебных заведениях с отрывом и без отрыва от производства. Массовую подготовку осуществляли школы ФЗУ.

С переходом к индустриализации было перестроено также средне-техническое и высшее образование. С 1931 г. ускорение темпов создания новой технической интеллигенции осуществлялось под лозунгами: «Пора большевикам самим стать специалистами», «Техника в период реконструкции решает все». Для реализации этих задач было предложено за 2–3 года увеличить число новых кадров технических специалистов в 4 раза, в связи с чем срок обучения в технических вузах сокращался с 5 до 3 лет. Старшие классы общеобразовательных школ превращались в техникумы, некоторые многоотраслевые техникумы — в вузы, ряд политехнических институтов и вузов разукрупнялись — их факультеты и отделения становились самостоятельными учебными заведениями. В результате выпуск специалистов из технических вузов был увеличен к концу 1-й пятилетки почти в 4 раза, из техникумов — в 6,5. За 1929–1932 гг. в вузах было подготовлено 170 тыс. специалистов, 1933–1937 гг. — 370 тыс. Всего в вузах и техникумах за 1928–1937 гг. подготовлено около 2 млн специалистов. Но при сокращении сроков обучения сохранить высокий уровень профессиональной подготовки было очень трудно.

Для подготовки высококвалифицированных кадров хозяйственных руководителей в конце 1920-х годов создана Всесоюзная промышленная академия в Москве (первый выпуск состоялся в 1930 г.). Аналогичные учебные заведения работали в других промышленных городах. Проблемы улучшения качества и приближения подготовки кадров технических специалистов к производству с началом 1-й пятилетки решались путем передачи части соответствующих вузов из ведения Наркомпроса в отраслевые наркоматы. Это способствовало укреплению материально-технической базы вузов.

В середине 1930-х годов после ряда левацких экспериментов 1920-х годов удалось создать эффективную систему образования. В начале 1930-х отменили практиковавшийся ранее бригадный метод зачетов, резко снижавший личную ответственность и качество учебы студентов. В июне 1936 г. было принято постановление СНК СССР «О работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школой», которое узаконило лекции, семинары, производственную практику.

Новая советская интеллигенция формировалась из трех источников — специалистов дореволюционной школы, выдвиженцев из рабоче-крестьянской среды и путем подготовки в средних специальных и высших учебных заведениях. Для общего руководства вузами в 1933 г. создан Всесоюзный комитет по высшему техническому образованию при

ЦИК СССР, преобразованный в 1936 г. во Всесоюзный комитет по делам высшей школы при СНК. С мая 1936 г. по ноябрь 1937 г. комитет возглавлял И. И. Межлаук, позднее — С. В. Кафтанов.

Во 2-й пятилетке в СССР была в основном создана материальная база для реализации программы достижения сплошной грамотности: появилось до 20 тыс. новых школ — примерно столько же, сколько было в царской России. Школьное образование приобрело большую смысловую стройность. В соответствии с постановлением правительства от 15 мая 1934 г. «О структуре начальной и средней школы» устанавливались три типа общеобразовательной школы: начальная (1–4 классы), неполная средняя (1–7) и средняя (1–10).

Численность учащихся начальной и средней школы во 2-й пятилетке выросла с 21,3 млн до 29,4 млн. Расходы государства на культурное строительство (школа, кадры, наука, печать и т. п.) в 5 раз превысили затраты 1-й пятилетки. В 1934–1938 гг. был вдвое увеличен выпуск школьных учебников.

С развитием всеобща менялось само понятие ликбеза. Азбучная грамотность перестала удовлетворять, поскольку не обеспечивала запросов хозяйственного и культурного строительства. Человек, не имевший знаний в объеме четырех классов, стал считаться малограмотным. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О работе по обучению неграмотных и малограмотных» (январь 1936 г.) ставило задачу в течение двух лет добиться реальных успехов в полной ликвидации неграмотности и малограмотности трудящихся в возрасте до 50 лет. В соответствии с этим было расширено обучение взрослых в общеобразовательных школах. Действия властей в этой сфере жизни резко поднимали настроение трудящихся масс.

Развитие науки в стране было во многом направлено на помощь народнохозяйственному производству. V съезд Советов СССР (май 1929 г.) предложил «немедленно» приступить к возможно полному развертыванию научно-исследовательских институтов в целях развития сельскохозяйственного опытного дела». Всесоюзная сельскохозяйственная академия с 12 институтами, созданная в 1929 г., была подчинена Наркомзему СССР и включена в единую систему научно-исследовательских институтов, охватывавших все отрасли сельскохозяйственного производства. С реконструкцией народного хозяйства была тесно связана и деятельность промышленных научно-исследовательских институтов. В 1928–1931 гг. их количество увеличилось с 30 до 205. К концу 2-й пятилетки в стране насчитывалось 867 научно-исследовательских институтов и 283 их филиалов, где работали почти 38 тыс. научных сотрудников. На протяжении 1930-х годов связи науки с практикой хозяйственного строительства укреплялись также путем развертывания сети заводских лабораторий.

13 января 1934 г. Совнарком принял постановление «Об ученых степенях и званиях». Вместо существовавшего с 1918 г. единого звания ученого специалиста устанавливались ученые степени кандидата и доктора наук (первая присуждается на основе защиты кандидатской, вторая — докторской диссертации) и ученые звания ассистента, младшего научного сотрудника, доцента, профессора, действительного члена научного учреждения. Звания присваивались в зависимости от выполняемой педагогической и научно-исследовательской работы. К 1 января 1936 г. в СССР было более 2500 профессоров, свыше 3800 доцентов, около 1800 докторов и 3 тыс. кандидатов наук.

Высокая общественная значимость труда работников вузов выразилась в принятой в 1937 г. штатно-окладной системе заработной платы преподавательского состава, с увеличением ее более чем на 30%. Преподаватели стали получать от 500 рублей (ассистент, не имеющий ученой степени) до 1500 рублей (профессор, доктор наук, заведующий кафедрой). Вузы могли ходатайствовать о персональных окладах для отдельных преподавателей: до 2000 рублей для профессоров, 1500 рублей для доцентов. Стипендии в вузах составляли от 173 до 183 рублей, их получали от 60 до 70% всех студентов. (Для сравнения: в 1937 г. минимум зарплаты составлял 110 рублей, а в 1939 г. среднемесячная денежная заработная плата рабочих и служащих народного хозяйства СССР составляла 328 рубля.)

Академия наук СССР, которую возглавляли крупные ученые и организаторы — президенты А. П. Карпинский (1917–1936) и В. Л. Комаров (1936–1945), в 1930 г. перешла в ведение Ученого комитета ЦИК СССР. Согласно новому Уставу она стала основным центром страны по разработке теоретических проблем развития науки. 14 декабря 1933 г. вышло постановление ЦИК СССР, переводившее Академию в ведение Совнаркома СССР. В апреле 1934 г. она переехала из Ленинграда в Москву.

Всего в СССР к весне 1929 г. насчитывалось 1227 научных учреждений (из них 7 академий и ассоциаций, 789 институтов, 34 центроархива). В них трудилось около 25 тыс. научных работников (в 1917 г. — около 12 тыс.), каждый третий из них был выпускником советского вуза. В годы 1-й пятилетки к ранее созданным научным учреждениям Академии наук СССР добавились вновь образованные институты: Геологический (1930), Энергетический (1930), Институт физической химии (1931).

Перевод АН СССР в Москву вызвал перебазирование многих академических научных учреждений. Сюда переехал Президиум Академии, физико-математические, химические, геологические и частично биологические учреждения. Образован целый ряд новых академических научно-исследовательских институтов: Математический имени В. А. Стеклова (1934) Физический имени П. Н. Лебедева в Москве (1934, руководитель С. И. Вавилов); Институт органической химии (1934, А. Е. Фаворский и Н. Д. Зелинский), общей и неорганической химии (1934, Н. С. Курнаков); физических проблем (1934, П. Л. Капица). В 1930-е годы начали исследовательскую работу Азербайджанский,

Армянский, Грузинский, Дальневосточный, Казахский и Уральский филиалы; Кольская, Северная и Таджикская базы АН СССР. С середины 1930-х годов разворачивается сеть научно-исследовательских институтов в вузах. Большой вклад в совершенствование военно-технических знаний и боевой техники вносили новые специализированные военные академии: механизации и моторизации РККА, артиллерийская, Военно-инженерная, Военно-химическая, Военно-электротехническая, Военно-транспортная и др.

Во главе всех крупных научных центров и НИИ стояли известные ученые, создатели научных школ и новых исследовательских направлений. За особо выдающиеся научные достижения с 1925 по 1934 г. присуждались премии имени В. И. Ленина. С 1934 г. в этих же целях АН СССР учредила и начала присуждать премии имени выдающихся отечественных ученых и деятелей Советского государства.

1930-е годы отмечены важными достижениями в естествознании. Укрепляла свои позиции в мире советская математика. И. М. Виноградов, Д. Ф. Егоров, С. Н. Бернштейн, Н. Н. Лузин, А. Н. Колмогоров, Л. С. Понтрягин, Н. Н. Боголюбов внесли крупнейший вклад в развитие новейших разделов математики и ее приложений.

В конце 1920-х — 1930-е годы советские ученые сделали ряд выдающихся открытий. Например, явления комбинационного рассеяния света на кристаллах (1928, Л. И. Мандельштам и Г. С. Ландсберг); квантовую теорию этого явления разработал И. Е. Тамм, а метод обнаружения космических лучей — Д. В. Скобельцын (1929); обнаруженное особое свечение чистых жидкостей под действием гамма-лучей, получило название «Эффект Вавилова–Черенкова» (1934); полная теория эффекта представлена И. Е. Таммом и И. М. Франком (1937). За открытие и объяснение этого явления Черенков, Франк и Тамм в 1958 г. удостоены Нобелевской премии. В 1934 г. опубликована монография Н. Н. Семёнова «Химическая кинетика и цепные реакции». Дальнейшие работы над проявлением деталей цепной реакции и обобщением результатов открытий, сделанных ученым и его учениками, отмечены Нобелевской премией по химии в 1956 г. Большое практическое значение имела созданная в 1936 г. в МХТИ имени Менделеева профессором А. С. Бакаевым рецептура пороха для реактивных снарядов, используемая для изготовления снарядов «катюш».

В начале 1930-х годов в СССР получили развитие исследования по физике атомного ядра. Первые успехи в этой области связаны с теоретическими работами: протон-нейтронная модель ядра (Д. Д. Иваненко), обменные силы (Тамм и Иваненко). Л. Д. Ландау в 1932 г., после открытия нейтрона, предсказал существование нейтронного состояния вещества. Передовые позиции СССР в ядерных исследованиях проявились на первой (сентябрь 1933 г.) и второй (сентябрь 1937 г.) всесоюз-

ных конференциях по физике атомного ядра, в которых принимали участие иностранные ученые. И. В. Курчатов в 1934 г. открыл явление разветвления ядерных реакций. В 1937 г. в Радиевом институте был создан первый в СССР и Европе циклотрон — установка для расщепления атомного ядра.

Больших успехов достигли ученые в области физики твердого тела, полупроводников и диэлектриков (А. Ф. Иоффе, И. Е. Тамм, И. К. Кирилин). П. Л. Капица в 1934 г. создал первый в мире гелиевый ожижитель, его последующие разработки в этой области стали большим вкладом в развитие советской и мировой техники ожижения газов.

Незадолго до старта 1-й пятилетки берет свое начало советский ракетный проект. Он возник на базе работ исследовательской группы инженеров Н. И. Тихомирова — В. А. Артемьева. Созданная ими и впервые запущенная 3 марта 1928 г. ракета на бездымном порохе пролетела 1,3 км. Для форсирования работ была организована Газодинамическая лаборатория. После смерти Тихомирова ее возглавлял Б. С. Петропавловский, а с 1933 г. — И. Т. Клейменов, Г. Э. Лангемак. Именно здесь создавались реактивные снаряды «эрэсы». Уже к концу 1937 г. снаряды были хорошо отработаны, в последующем они лишь совершенствовались. Однако это происходило уже без участия Клейменова и Лангемака, арестованных в декабре 1937 г. и подписавших показания о якобы своем «участии в антисоветской троцкистской организации» наряду с С. П. Королевым и В. П. Глушко.

17 августа 1933 г. на инженерном полигоне рядом с подмосковным поселком Нахабино поднялась в воздух первая жидкостная ракета, созданная работниками Группы по изучению реактивного движения под руководством С. П. Королева. Ракета находилась в полете всего 18 секунд и поднялась на высоту 400 м, но именно ей суждено было стать прообразом советских ракет, осваивавшим космическое пространство. Результатом первого успеха стало создание Реактивного НИИ в сентябре того же года.

21 августа 1934 г. под Москвой проведены испытания первых радиолокаторов (создатели П. К. Ощепков и др.). В 1937 г. созданы первые отечественные радиопеленгаторы для кораблей и подводных лодок. Одним из пионеров электронной технологии, основанной на применении электронных и ионных пучков, электрических и электромагнитных полей, был А. Л. Чижевский. Ему принадлежит первое в мире изобретение способа электроокраски. Он же стал основоположником гелиобиологии — науки о взаимосвязи солнечных явлений с жизнью земных организмов, которая в те годы была несправедливо подвергнута критике.

Блестящая школа советских ученых-механиков сложилась в ЦАГИ под руководством С. А. Чаплыгина. В 1930-е годы институт превратился в уникальный научный центр теоретических и экспериментальных

исследований в области гидроаэродинамики применительно к задачам авиации, гидромашиностроения, кораблестроения и других отраслей промышленности. Для развертывания научно-исследовательских работ в этих областях из ЦАГИ были выделены отделы и на их базе созданы Всесоюзный институт авиационных материалов и Центральный институт авиационного моторостроения. В 1934 г. туполевцы создали крупнейший в мире восьмимоторный транспортный самолет АНТ-20 «Максим Горький». В 1930 г. оторвался от земли первый советский вертолет, созданный А. М. Черемухиным. Советская авиация выходила в мировые лидеры по дальности, высоте полетов, грузоподъемности и другим параметрам. Самолеты отечественной конструкции позволили осуществить перелеты, прославившие Советский Союз. В частности, в июне и июле 1937 г., затем в 1939 г. совершены беспосадочные перелеты из Москвы в США через Северный полюс.

В 1930-е годы Н. И. Вавилов успешно развивал учение о биологических основах селекции, обогащал созданную им мировую коллекцию семян культурных растений. На биологии и генетике пагубно сказывалось противостояние школ классических генетиков (Н.И. Вавилов, Н. К. Кольцов, А. А. Серебровский и др.) и группы, формировавшейся вокруг агронома и селекционера Т. Д. Лысенко (директор Всесоюзного селекционно-генетического института в 1929–1938 гг., директор института генетики АН СССР в 1940–1965 гг.) и философа И. И. Презента. Причиной расхождений было увлечение рядом генетиков евгеникой (наукой об улучшении человеческой расы путем обора, воплощенной в 1920–1930-х гг. в ряде стран Европы и Америки в законах о стерилизации «нежелательных для общества» лиц), замалчивание учения И. В. Мичурина, разрыв теории с практикой (отсутствие у «формальных» генетиков заметных достижений в улучшении сельского хозяйства), чрезмерные траты на коллекцию семян. Тем не менее сельскохозяйственная практика в 1930-е годы обогащалась достижениями научных школ по травопольной системе земледелия (глава школы В. Р. Вильямс), вопросам питания растений и химизации сельского хозяйства (Д. Н. Прянишников) и борьбе с засухой (Н. М. Тулайков). Под руководством последнего составлялась новая почвенная карта страны. Заметные практические результаты принесли и ученые школы Т. Д. Лысенко.

Менее значимыми оказались достижения в гуманитарной и художественной сферах. Литература, искусство, кино переживали процесс организационной и идейной унификации. Идеология «социалистического наступления» характеризовалась свертыванием многообразия процессов духовной жизни, присущих 1920-м годам, и утверждением монополизма, вождизма и культового сознания. В апреле 1932 г. ЦК партии принял постановление о перестройке литературно-художественных организаций, призванное преодолеть их раздробленность, кружковую замкну-

тость и «отрыв от политических задач современности». В литературе и искусстве насильственно насаждался «творческий» метод «социалистического реализма», который требовал изображать действительность в «социалистической перспективе» и превращал деятелей литературы и искусства в апологетов социализма.

Многие произведения, созданные в традициях «социалистического реализма», проникнуты духом вульгарной политизации, классовой вражды и ненависти. Однако разнообразие приемов художественного творчества в рамках единого метода, творческий талант позволяли создавать масштабные художественные произведения, навсегда вошедшие в золотой фонд литературы, музыки, кинематографии, живописи, оказавшие огромное воздействие на общество и формирующие в нем новые идеалы, интересы, потребности, стандарты, стереотипы поведения.

Советская литература и искусство в 1930-е годы обогащены новыми произведениями А. Горького, М. Шолохова, А. Толстого, А. Фадеева, П. Павленко, Ф. Гладкова, Ф. Панферова, Л. Леонова, М. Булгакова, А. Платонова, С. Маршака, К. Чуковского, М. Зощенко, И. Ильфа и Е. Петрова, Б. Пильняка, Е. Замятина, И. Бабеля, Н. Клюева, О. Мандельштама; спектаклями К. Станиславского и В. Немировича-Данченко, В. Мейерхольда и А. Таирова; фильмами Н. Экка (режиссер первого звукового фильма), С. Герасимова, Г. и С. Васильевых, Г. Александрова, С. Эйзенштейна, Г. Козинцева, Д. Трауберга, Е. Дзигана; музыкой С. Прокофьева, Д. Шостаковича, А. Хачатуряна, Т. Хренникова, Д. Кабалевского, И. Дунаевского; живописью М. Грекова, Б. Иогансона, М. Нестерова, П. Корина, И. Грабаря, А. Дейнеки, А. Пластова, Ю. Пименова, К. Петрова-Водкина, П. Кончаловского, А. Рылова, М. Сарьяна, П. Филонова, К. Малевича; скульптурами В. Мухиной, Н. Томского, М. Манизера, Н. Андреева, И. Шадра; архитектурными сооружениями В., Л. и А. Весниных, К. Мельникова, А. Щусева, И. Жолтовского, Б. Иофана, А. Лангмана, Л. Руднева.

Заметный след в истории культур национальных и всего советского народа оставили мастера культуры республик СССР. К их числу относятся, например, такие писатели и поэты, как М. Бажан, М. Рылский, П. Тычина, В. Сосюра, А. Корнейчук (Украина), Я. Купала, Я. Колас, П. Бровка (Белоруссия), Т. Табидзе, П. Яшвили (Грузия), С. Зорьян, Е. Чаренц (Армения), С. Рустам, С. Вургун (Азербайджан), М. Турсун-заде, С. Айни (Таджикистан), Б. Кербобаев (Туркмения), Зульфия, Айбек (Узбекистан), М. Ауэзов (Казахстан), К. Кулиев (Кабардино-Балкария), Сулейман Стальский, Г. Цадасы (Дагестан), Ш. Кемал, М. Джалиль (Татария) и многие другие.

Утверждению основ новой идеологии и культуры служили не только созданные в 1930-е годы единые организации творческой интеллигенции (союзы писателей, художников, композиторов, архитекторов), но и цензурные органы (Главлит, Главискусство, Главрепертком), осуществлявшие идеологический контроль за деятельностью творческих организаций, проведением выставок, конкурсов, выпуском кинофильмов, репертуаров театров. Этим же целям служили «чистки» библиотек

и передача на «спехранение» научных трудов, художественных и публицистических произведений, не укладывающихся в новую систему ценностей. Сознательное игнорирование этих установлений, как и отклонение художников от партийной линии, вело к исключению из союза, лишению возможности обнародования произведений (а значит, и материальных благ), прямым репрессиям.

1930-е годы связаны с целой серией кампаний по критике и переосмыслению состояния философии, политэкономии, искоренению враждебных взглядов и теорий. Наиболее значимым оказалось переосмысление роли исторической науки и образования как наиболее действенных средств контроля над памятью народа и формирования патриотических чувств. Исторический нигилизм, насаждавшийся школой М. Н. Покровского, был осужден. В марте 1934 г. Политбюро признало необходимым восстановить с 1 сентября исторические факультеты в Московском и Ленинградском университетах, а затем в Томском, Казанском, Ростовском и Саратовском. С открытием исторических факультетов в университетах началась кампания по пересмотру отношения к истории страны, восстанавливалась преемственность в развитии истории Российской империи и СССР.

Утверждению таких представлений в массовом сознании служили одобренный в августе 1937 г. правительственной комиссией учебник А. В. Шестакова по истории СССР для начальной школы и «Краткий курс истории ВКП(б)», написанный по большей части Е. М. Ярославским и П. Н. Поспеловым. Он был впервые опубликован в «Правде» в сентябре 1938 г. Автором названий всех глав книги, текста центрального раздела IV главы «О диалектическом и историческом материализме», многочисленных вставок, редакционной правки был Сталин.

Преподавание общественных дисциплин давало широкие возможности для приобщения к истории страны и пониманию значения революционного опыта последних десятилетий. Однако преподавание было слито с пропагандой культа личности, оправданием репрессий, шпиономанией. Так, в учебнике Шестакова сообщалось, что «у врагов народа была программа — восстановить в СССР ярмо капиталистов и помещиков... Шпионы пробираются на заводы и фабрики, в большие города и села. Надо тщательно следить за всеми подозрительными людьми, чтобы выловить фашистских агентов».

§ 5. Конституция 1936 года и борьба с «врагами народа»

Конституция СССР 1936 г., ее особенности. К середине 1930-х годов в стране произошли существенные экономические, социальные и политические изменения. Ликвидированы были многоукладность экономики, остатки господствующих классов; социально трансформи-

ровалось крестьянство, сформировались новая интеллигенция и новый правящий слой. 1 февраля 1935 г. пленум ЦК ВКП(б) выступил с предложением внести «некоторые изменения» в существующую Конституцию. Но в процессе работы выяснилось, что одними уточнениями и поправками текста Основного Закона страны обойтись не удастся. В результате к маю 1936 г. появился новый целостный его проект.

Прежняя Конституция СССР в юридическом плане состояла из двух частей: Декларации и Договора об образовании Союза ССР. Конституционная комиссия, созданная на VII Всесоюзном съезде Советов 6 февраля 1935 г., практически отошла от договорного характера, свойственного первой союзной Конституции и встала на путь подготовки принципиально нового документа — единой общегосударственной Конституции, охватывающей все стороны государственной жизни.

Проект Конституции, одобренный в начале июня 1936 г. пленумом ЦК партии и Президиумом ЦИК, 12 июня опубликован для всенародного обсуждения. Оно продолжалось почти полгода. Было зарегистрировано около 170 тыс. предложений по изменению и дополнению текста. Конечно, подавляющее большинство из них не получили отражения в Конституции, но некоторые были все же учтены. В ноябре, после публичного обсуждения проекта, он подвергся на VIII Чрезвычайном съезде Советов дополнительному редактированию. 5 декабря 1936 г. съезд утвердил проект Конституции.

Новый Основной Закон провозгласил победу социализма в стране. Экономической основой государства объявлялась социалистическая собственность, существовавшая в двух формах — государственной и кооперативно-колхозной. Наряду с социалистической системой хозяйства закон допускал мелкое индивидуальное хозяйство, основанное на личном труде. Наиболее существенное отличие новой Конституции заключалось в том, что она не содержала «Декларацию об образовании СССР» — самую идеологизированную часть прежнего Основного Закона.

Статья 2 новой Конституции декларировала: «Политическую основу СССР составляют Советы депутатов трудящихся». При этом вместо всесоюзных, республиканских и областных съездов Советов закреплялась система, включавшая районные, городские, республиканские Советы. Вершиной пирамиды государственной власти становился Верховный Совет СССР, образованный вместо прежнего ЦИК, как высший орган власти в СССР, избираемый всеобщим прямым и тайным голосованием и состоящий из двух равноправных палат.

Одна из палат — Совет Союза — избиралась по округам при норме один депутат на 300 тыс. жителей. Другая — Совет Национальностей — по союзным и автономным республикам, автономным областям и национальным округам по норме: 25 депутатов от каждой союзной респуб-

лики, 11 депутатов от каждой автономной республики, 5 депутатов от каждой автономной области, 1 депутат от каждого национального округа.

Впервые в Конституции законодательно определялись место и роль Компартии в политической системе. ВКП(б) объявлялась «передовым отрядом трудящихся», представляющим собой «руководящее ядро всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных». Статья 126, содержащая эту запись, в действительности понималась как конституционное закрепление монополии партии на политическую власть. Партийным комитетам учреждений, предприятий, МТС и колхозов, как следовало из Устава ВКП(б), принятого на ее первом съезде после вступления в силу новой Конституции, предоставлялось право контроля за деятельностью администрации.

Реальная власть в стране фактически сосредоточилась в руках узкой группы лиц, входящих в Политбюро ЦК. А всю управленческую систему государственных и общественных организаций полностью контролировал ЦК ВКП(б). В аппарате ЦК действовало Управление кадров, в котором было 45 отделов по всем отраслям государственной, хозяйственной и общественно-политической жизни. Оно не только формировало руководство, назначая высших руководителей (рекомендовало избрать или утвердить в должности), но и осуществляло повседневный контроль за номенклатурными работниками.

В статье 126 Конституции фактически определялась структура политической системы общества, перечислялись все ее элементы. Помимо ВКП(б), назывались «профессиональные союзы, кооперативные объединения, организации молодежи, спортивные и оборонные организации, культурные, технические и научные общества». Это значило, что только названные элементы системы рассматривались как законные. Иные организации, партии или движения, которые могли возникнуть, должны были рассматриваться как неформальные, незаконные.

В новой Конституции, по сравнению с предыдущей, усиливалась централизация экономической и политической жизни. Основной Закон содержал перечень союзных, союзно-республиканских и республиканских наркоматов. К первым относились наркоматы обороны, иностранных дел, внешней торговли, путей сообщения, связи, водного транспорта, тяжелой промышленности, оборонной промышленности. Ко вторым — наркоматы пищевой, легкой, лесной промышленности, земледелия, зерновых и животноводческих колхозов, финансов, внутренней торговли, внутренних дел, юстиции, здравоохранения. Ряд отраслей государственного управления находился только в ведении союзных республик: просвещение, местная промышленность, коммунальное хозяйство, социальное обеспечение.

Конституция декларировала широкий круг гражданских и личных прав, включая право на труд, отдых, образование, материальное обеспе-

чение в старости, а также в случае болезни и потери трудоспособности. Объявлялось равноправие всех граждан независимо от их национальности и расы во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни, а также равноправие мужчин и женщин.

Однако принцип равноправия во многом остался лишь на бумаге. Например, он не действовал в отношении представителей наций и национальных меньшинств, народов, создавших свою национальную государственность и не имеющих таковой. Не был доведен до конца этот принцип и в ситуации с правовым равенством городского и сельского населения. Большинство сельских жителей, в отличие от горожан, не имели паспортов и были фактически прикреплены к колхозам; на них не распространялись пенсионное законодательство и другие социальные гарантии.

Конституция впервые говорила о неприкосновенности личности, жилища и охране тайны переписки (ст. 127, 128). Это должно было гарантироваться тем, что аресты, обыски, выемки корреспонденции могли производиться лишь с санкции прокурора или по решению суда. Однако эти гарантии повсеместно нарушались при массовых репрессиях.

Новая Конституция отразила ужесточение позиции государства в отношении Церкви, произошедшее в начале 1929 г. Статья 124 закрепляла явное неравноправие между верующими и неверующими. За первыми уже не признавалось право вести религиозную пропаганду, им гарантировалась лишь свобода отправления религиозных культов. Вторые же имели по закону право вести антирелигиозную пропаганду.

Конституция 1936 г. провозглашала отмену ограничений демократии, свойственных переходному периоду. Устанавливались всеобщие прямые (вместо многоступенчатых), равные (вместо пропорциональных), тайные (вместо открытых) выборы в Советы всех уровней. Было отменено исключение из политической жизни каких-либо категорий населения, кроме осужденных судом и умалишенных. Лишение избирательных прав резко расширилось в конце 1920-х годов. Во время избирательной кампании 1928–1929 гг. в СССР в списки лишенцев были внесены 3,7 млн человек, или 4,9% взрослого населения (4,1% жителей сельской местности и 8,5 — горожан). В 1930 г. категория лишенцев пополнилась бывшими «нэпманами». Теперь в ней значились «бывшие»: землевладельцы, торговцы, кулаки, дворяне, полицейские, царские чиновники, владельцы частных предприятий, члены оппозиционных политических партий, белые офицеры, а также служители культа, монахи. В 1932 г. «лишенцы» вместе с семьями насчитывали 7 млн человек не имеющих прав — избирательных, на жилье, медицинское обслуживание и даже продуктовые карточки.

На основе новой Конституции СССР были разработаны и приняты Конституции союзных республик, в частности — РСФСР (21 января

1937 г.). Она закрепила новые системы органов власти, управления и выборов; изменившееся административно-территориальное деление, вызванное резко усилившейся централизацией управления при переходе к форсированной индустриализации и коллективизации сельского хозяйства.

В 1929 г. трехзвенная система административно-территориального деления страны — область (край), округ, район — была признана неэффективной, поскольку центральный партийно-государственный аппарат оставался слишком далеким от управления местными органами. Переход к двухзвенной системе привел к росту во всех республиках СССР количества районов (с 2443 в 1934 г. до 3463 в 1938 г.), краев и областей (в 2,5 раза на протяжении 1930-х годов).

Ликвидация не коснулась национальных округов. Напротив, их число увеличилось за счет созданного в 1929 г. Ненецкого национального округа в Архангельской области и появившихся в 1930 г. сразу нескольких новых национальных округов: Витимо-Олекминский (Читинская область; упразднен в 1938 г.), Корякский (Камчатская область); Остяко-Вогульский (с 1940 г. Ханты-Мансийский — в Тюменской области), Таймырский (Красноярский край); Чукотский (Магаданская область); Эвенкийский (Красноярский край), Ямало-Ненецкий (Тюменская область). В 1934 г. возник Аргаяшский национальный округ в Читинской области (упразднен в ноябре того же года). В 1934–1936 гг. существовал Охотский национальный округ в Нижнеамурской области. В 1937 г. были образованы Агинский бурятский и Усть-Ордынский бурятский национальные округа. В том же году в Калининской (Тверской) области были созданы Карельский и Опочецкий национальные округа (упразднены в 1938 и 1944 гг.). На территории СССР в июле 1934 г. насчитывалось 240 национальных районов и 5300 национальных сельсоветов. К категории национальных относился каждый 10 район и 8–9-й сельсовет в стране.

В РСФСР к началу 1931 г. насчитывалось 14 краев и областей, 11 автономных республик, 14 автономных областей, 2085 районов. К принятию новой Конституции СССР ее состав существенно изменился. В автономные республики были преобразованы Кара-Калпакская (1932), Мордовская (1934) и Удмуртская (1934) автономные области. В 1934 г. образованы Чечено-Ингушская и Еврейская автономные области. 5 декабря 1936 г. созданы Коми, Марийская, Северо-Осетинская, Кабардино-Балкарская и Чечено-Ингушская автономные республики. В то же время Казахская и Киргизская АССР выделены из состава России и на правах союзных республик вошли в Союз ССР.

В новой Конституции СССР и разработанных на ее основе конституциях союзных республик ничего не говорилось о национальных районах и сельсоветах, что, как вскоре оказалось, означало переход к политике, направленной на их ликвидацию. Раньше национальные районы рассматривались едва ли не в первую очередь как средство для распространения идеи мировой революции через национальные диаспоры в приграничных регионах. В условиях избавления от утопии, совпавшего с ужесточением репрессив-

ного режима, отношение к ним кардинально изменилось. На них стали смотреть не столько как на проводников революционных идей, сколько как на потенциальную «пятую колонну», готовую в случае войны выступить заодно с зарубежным ядром своего народа.

В 1937 г. РСФСР состояла из 5 краев, 19 областей, 17 автономных республик, 6 автономных областей, 10 автономных округов. Накануне Отечественной войны, 31 марта 1940 г. Карельская АССР преобразована в Карело-Финскую ССР, также выведенную из состава РСФСР. Созданные автономные образования обеспечивали наиболее полное выявление возможностей экономического, политического и культурного развития соответствующих национальностей, обеспечивали наиболее благоприятные условия для подготовки национальных кадров.

Система органов власти и управления в союзных республиках строилась по аналогии с центральными. Конституции союзных республик должны были соответствовать Основному Закону СССР. В случае расхождения союзного и республиканского вариантов действовал союзный закон.

Главной особенностью Конституции СССР 1936 г. было провозглашение победы социализма в стране задолго до ее выхода на более высокий уровень развития по сравнению с передовыми капиталистическими странами.

Г. В. Плеханов, один из крупнейших теоретиков научного социализма, в своем политическом завещании, продиктованном в апреле 1921 г., полагал, что господство социализма в России можно обеспечить за 100–160 лет мирных преобразований. Он считал, что на первом, раннем этапе социализма (25–30 лет) следует конфисковать лишь самые крупные банки, заводы, фабрики, транспорт, помещичьи и церковные земли, крупные торговые предприятия. Этап можно будет считать законченным, когда производительность труда в государственном секторе сравняется с производительностью труда лучших частных заводов, а уровень жизни россиян достигнет уровня жизни в западных странах.

Вульгаризация Сталиным и теоретиками из его окружения представлений о сущности социализма и явное забегание вперед в констатации успехов в его строительстве в СССР к 1936 г. не могло не повести к последующим деформациям создававшегося в стране нового строя «реального социализма».

«Ежовщина». Выборы в новые органы власти, в соответствии с новыми конституциями, проходили в 1937 и 1938 гг. в праздничной обстановке. Однако «триумф демократии» уживался с массовыми репрессиями. Они назывались «ежовщиной» — по имени назначенного в сентябре 1936 г. наркомом внутренних дел СССР Н. И. Ежова, который сменил обвиненного в заговоре Г. Г. Ягоду.

Идеологическая кампания, связанная с принятием новой Конституции СССР и проведением на ее основе первых выборов, стала своеобраз-

разной ширмой, скрывавшей до предела обострившуюся к этому времени борьбу с инакомыслием в партии и стране в целом. Истоки ее следует искать в стремлении И. В. Сталина и его окружения не допускать оппозиции в условиях проведения в жизнь дерзостных, почти авантюристических планов перестройки страны. Конфронтации периода коллективизации заставили обратиться к испытанному ранее оружию — «красному террору» против «классовых врагов». Оправданием решительных мер служила необходимость быть во всеоружии перед угрозой со стороны гитлеровской Германии.

Убийство С. М. Кирова послужило поводом для физического устранения всех действительных и вероятных противников Сталина, способных стать потенциалом действующей в случае войны на стороне врага «пятой колонны». (Выражение вошло в обиход с октября 1936 г., с заявления по радио франкистского генерала Э. Моло о том, что его войска наступают четырьмя колоннами на Мадрид, а пятая, ранее созданная в самом Мадриде, готова в любой момент ударить изнутри, в спину республиканцам.)

В СССР официальным стал тезис, что «враги народа» проникли всюду — во все партийные, советские, хозяйственные органы, в руководство Красной Армии. В одном из выступлений конца 1934 г. М. И. Калинин говорил: «Вот, товарищи, зарубите себе на носу, что пролетарии Советского Союза находятся в осажденной крепости, а в соответствии с этим и режим Советского Союза должен соответствовать крепостническому». В согласии с именно такими представлениями в 1935–1938 гг. велась кампания по выявлению и очищению «крепости» от «врагов», которая сопровождалась многочисленными судебными процессами.

Первыми из наиболее громких был процесс по делам «ленинградской контрреволюционной зиновьевской группы Г. И. Сафарова, П. А. Залуцкого и других» (январь 1935 г.) и «московской контрреволюционной организации — группы “рабочей оппозиции”» (март–апрель 1935 г., главные обвиняемые А. Г. Шляпников, С. П. Медведев).

В самом начале 1935 г. возникло так называемое «кремлевское дело», в результате которого был снят с поста секретаря ЦИК А. С. Енукидзе. Как отмечалось в постановлении Политбюро «Об аппарате ЦИК СССР и тов. Енукидзе» (апрель 1935 г.), действительные мотивы его перемещения «на меньшую работу» не могли быть объявлены официально, «поскольку их опубликование могло дискредитировать высший орган Советской власти».

Окружение Енукидзе обвинялось в распространении «клеветы о товарище Сталине». Здесь активно обсуждалась версия о неестественной смерти его жены — о том, что самоубийство, а возможно, убийство Аллилуевой, было вызвано ее несогласием с проводимым в стране политическим курсом. Вопреки официальной трактовке смерти Кирова утверждалось, что убийство не

носит политического характера, а является результатом личной мести. В результате «дела» на работе в Кремле из 107 работников секретариата осталось только 9 человек. Остальные в большей своей части были репрессированы.

«Кремлевское дело» отразило разочарование политикой Сталина значительной части революционеров ленинского призыва, не связанных ранее ни с какими оппозициями, в частности, его явной «изменой» идее мировой революции, выразившейся во вступлении СССР в буржуазную Лигу Наций. «Дело» укрепило Сталина в необходимости физического устранения разного рода оппозиционеров, включая старых революционеров. В мае 1935 г. было ликвидировано «Общество старых большевиков», в котором состояли 3,3 тыс. членов. В июне 1935 г. ЦИК принял постановление «О ликвидации Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев» (2,7 тыс. членов).

Новым толчком к репрессиям могла послужить изданная летом 1936 г. книга Л. Д. Троцкого «Что такое СССР и куда он идет?» («Преданная революция»). В ней не только развивалась тема о «бюрократическом абсолютизме» в СССР, но и содержался открытый призыв к советской секции Четвертого Интернационала и ко всем оппозиционерам в ВКП(б) (20–30 тыс. человек, по оценке Троцкого) начать революцию против сталинского режима. «Снять бюрократию, — писал он, — можно только революционной силой и, как всегда, с тем меньшими жертвами, чем смелее и решительнее будет наступление».

19–24 августа 1936 г. советская и мировая общественность были шокированы публичным процессом над крупнейшими деятелями ВКП(б) и Советского государства по делу о так называемом «антисоветском объединенном троцкистско-зиновьевском центре».

К уголовной ответственности были привлечены Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, Г. Е. Евдокимов (секретарь ЦК партии в 1926–1927 гг.), И. П. Бакаев (член ЦКК в 1925–1927 гг.), С. В. Мрачковский (командующий Приуральским, затем Западно-Сибирским военными округами в 1920–1925 гг.), В. А. Тер-Ваганян (секретарь Московского комитета РСДРП(б) в 1917 г., ответственный редактор журнала «Под знаменем марксизма» в 1922–1923 гг.), И. Н. Смирнов (нарком почт и телеграфа в 1923–1927 гг.), И. И. Рейнгольд (заместитель наркома земледелия до декабря 1934 г.), Р. В. Пикель (в прошлом заведующий секретариатом председателя ИККИ), Е. А. Дрейцер (комиссар дивизии в годы Гражданской войны, накануне ареста — заместитель директора завода «Магnezит» в Челябинской области), Э. С. Гольцман (сотрудник Наркомата внешней торговли), а также члены Германской компартии И.-Д. И. Круглянский, В. П. Ольберг, К. Б. Берман, М. И. и П. Л. Лурье, прибывшие в СССР в начале 1930-х годов якобы по заданию Троцкого с целью совершения террористических актов. Подсудимым вменялись в вину подготовка и осуществление террористического акта против Кирова, подготовка покушения на Сталина и лиц из его ближайшего окружения. Все 16 подсудимых приговорены к расстрелу.

23–30 января 1937 г. Военная коллегия Верховного суда СССР в открытом судебном заседании рассмотрела уголовное дело «параллельного антисоветского троцкистского центра».

По нему арестованы, преданы суду и приговорены к расстрелу Ю. Л. Пятаков (первый заместитель наркома тяжелой промышленности с 1932 г.), Л. П. Серебряков (секретарь ЦК РКП(б) в 1920–1921 гг.), Н. И. Муралов (один из руководителей Московского вооруженного восстания в октябре 1917 г.), а также ряд менее известных партийных и хозяйственных руководителей. Другие участники процесса — Г. Я. Сокольников (кандидат в члены Политбюро в 1924–1925 гг., первый заместитель наркома лесной промышленности с 1935), К. Б. Радек (заведующий бюро международной информации ЦК с 1932 г.) и В. В. Арнольд (заведующий гаражом и отделом снабжения на рудниках в Кузбассе) — приговорены к десяти, а М. С. Строилов (главный инженер треста Кузбассуголь) — к восьми годам тюремного заключения. Впоследствии все они тоже погибли.

Полной неожиданностью для многих советских людей стало сообщение (12 июня 1937 г.) о разоблачении «антисоветской троцкистской военной организации в Красной Армии» и расстреле 8 осужденных — представителей ее высшего командования.

В прошлом это были: первый заместитель наркома обороны маршал М. Н. Тухачевский; командармы 1-го ранга, командующие особыми военными округами, Киевским — И. Э. Якир, Белорусским — И. П. Уборевич; командарм 2-го ранга начальник Военной Академии имени Фрунзе А. И. Корк; комкоры Р. П. Эйдеман, Б. М. Фельдман, В. М. Примаков и В. К. Путьна. Начальник Политуправления Красной Армии армейский комиссар 1-го ранга Я. Б. Гамарник застрелился накануне ареста.

Наиболее вероятной причиной репрессий в армии была борьба внутри военного ведомства за власть — между «кавалеристами» (Ворошилов, Буденный и др.) и «мотористами» (Тухачевский, Уборевич и др.). В мае 1936 г. Тухачевский и его сторонники уже ставили перед Политбюро вопрос об отставке Ворошилова с поста наркома. Следовательно, «антиворошиловский заговор» в армии не был ни для кого секретом. Но снятие его было бы явным умалением власти Сталина, а передача армии в руки, по мнению сталинистов, сомнительного в политическом отношении наркома и его сторонников была и вовсе неприемлемой.

Уже через 9 дней после суда над «троцкистской военной организацией» по обвинению в военном заговоре были арестованы 980 командиров и политработников, в том числе 1 маршал, 3 командарма, 29 комбригов, 37 комдивов, 21 комкор, 16 полковых комиссаров, 17 бригадных и 7 дивизионных комиссаров. Обвинение военных в первую очередь коснулось лиц, которые в 1923–1925 гг. учились в Военной академии РККА и голосовали на партийном собрании за резолюцию, предложенную сторонниками Троцкого. От арестованных были получены показа-

ния об участии в заговоре, послужившие основанием для арестов новых тысяч командиров и политработников.

Таким образом, в результате судебных и внесудебных репрессий уже к концу 1937 г. физически ликвидированы значительная часть старой большевистской гвардии, многочисленные представители партийного и государственного аппарата, Вооруженных сил, заподозренные в нелояльности к существующему в стране режиму. В этом отношении характерна судьба 1966 делегатов XVII партийного съезда, представлявших значительную часть управленческой верхушки советского общества. 1108 (56,4%) делегатов были арестованы и большинство из них погибли. Из 139 членов и кандидатов в члены ЦК партии, избранных на съезде, 97 (69,8%) впоследствии репрессированы, пятеро (3,6%) покончили самоубийством, четверо (2,9%) расстреляны за нарушения законности. Масштабы репрессий позволяют говорить о фактическом перевороте в партии. Пик террора пришелся на период с августа 1937 по ноябрь 1938 г.

Начало «большому террору» было положено приказом наркома внутренних дел СССР «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» от 31 июля 1937 г. Наряду с бывшими кулаками в приказе назывались репрессированные в прошлом церковники и сектанты, бывшие активные участники антисоветских вооруженных выступлений, кадры антисоветских политических партий — эсеров, грузинских меньшевиков, дашнаков мусаватистов, иттихадистов, бывшие активные участники бандитских восстаний, белые, каратели, репатрианты и т. п. Все эти миллионы обиженных политикой власти людей и составляли отнюдь не вымышленный потенциал «пятой колонны», внушавшей страх представителям правящего режима. Приказом предписывалось до декабря текущего года арестовать 268 950 человек, значительную часть из них заключить в лагерь сроком на 8–10 лет, а 75 950 человек — расстрелять. (Цифры были результатом сводки предложений местных управлений НКВД.) Таким образом уничтожалась и изолировалась в ГУЛАГе значительная часть населения, пострадавшая от режима в недавнем прошлом, но получившая по Конституции 1936 г. право голосовать наравне со всеми на предстоящих выборах.

В руководящих кругах не было сомнений в том, что голоса этой части электората на альтернативных выборах, при тайном голосовании, будут поданы против представителей партийной и государственной власти, баллотирующихся в Верховный Совет СССР. Работавшие на местах члены ЦК, первые секретари обкомов, крайкомов, ЦК национальных компартий явно не желали альтернативных выборов. Они прекрасно сознавали, что при тайном голосовании многие из них окажутся забаллотированными. Не случайно «квоты» на репрессии, зафиксированные в июльском приказе НКВД по первоначальным наметкам рес-

публиканских, областных и краевых управлений НКВД, по настоянию местных властей, наиболее обеспокоенных исходом голосования, были увеличены в 3–5 раз. Среди репрессированных в 1937 г. было 137 тыс. служащих культа, из них расстреляно свыше 85 тыс.

С сентября 1937 г. в репрессивной политике обнаружилась новая тенденция. Началась кампания в печати против «буржуазного национализма». Многие из репрессированных в национальных регионах погибли по обвинениям в национализме и связанном с ним шпионаже, измене Родине. Репрессии были напрямую связаны с представлениями о враждебности к Союзу ССР окружающих государств. Идеи национального и государственного патриотизма, военно-государственного противостояния, которые стали все в большей мере определять советскую национальную политику, отодвинули на задний план традиционные схемы классовой борьбы и во многом обусловили жестокость репрессий против всех, кто был прямо или косвенно связан с государством «враждебного окружения».

20 июля 1937 г. Политбюро ЦК постановило «дать немедленно приказ по органам НКВД об аресте всех немцев, работающих на оборонных заводах». 30 июля подписан приказ, касавшийся уже советских граждан немецкой национальности. В августе появились аналогичные решения относительно поляков, а затем и корейцев, латышей, эстонцев, финнов, греков, китайцев, иранцев, румын. Под нож репрессий попали 30 938 советских граждан, ранее работавших на Китайско-Восточной железной дороге и вернувшихся в СССР после продажи дороги в 1935 г. В приказе НКВД от 20 сентября 1937 г. говорилось, что они «в подавляющем большинстве являются агентурой японской разведки». 23 октября издан приказ, в котором делался упор на то, что агентура иностранных разведок переходит границу под видом лиц, ищущих политического убежища, и предлагалось: «всех перебежчиков, независимо от мотивов и обстоятельств перехода на нашу территорию, немедленно арестовывать». Предавались суду и профессиональные революционеры, переходившие на территорию СССР. В результате выполнения названных приказов к 10 сентября 1938 г. были осуждены к расстрелу 172 830 человек, к разным мерам наказания — 46 912 человек.

Соображениями государственной безопасности были продиктованы и меры об «очищении» приграничной полосы от населения, этнически родственного народам сопредельных стран. Первые операции такого рода были проведены в 1929–1930 гг. Они коснулись небольшой части корейцев, поляков и финнов, живших в приграничных районах. С 1933 г. началось выселение неблагонадежных граждан из так называемых режимных городов, местностей и железнодорожных узлов (со временем их число достигло 340). С 1935 г. стала расширяться практика выселения из приграничной зоны шириной от 15 до 200 и даже (на Дальнем Востоке) — до 500 км. В апреле 1936 г. правительство СССР приняло решение о переселении из Украины в Казахстан 45 тыс. поляков и

немцев. В 1937 г. из районов Дальнего Востока депортированы в Казахстан и Узбекистан 172 тыс. корейцев. С включением в СССР Западной Украины и Белоруссии, республик Прибалтики и Молдавской ССР политика депортаций получила дальнейшее развитие. За 1939–1941 гг. только на территории новых западных областей Украины и Белоруссии арестовано 134,5 тыс. бывших граждан польского государства и около 200 тыс. выслано.

Растущей подозрительностью в отношении всех, кто был прямо или косвенно связан с враждебными Советскому Союзу государствами, вызвана ликвидация многих культурно-образовательных и территориально-управленческих учреждений нацменьшинств. 1 декабря 1937 г. Оргбюро ЦК рассмотрело вопрос «О ликвидации национальных районов и сельсоветов». В обосновании решения указывалось, что «в ряде областей и краев искусственно созданы различные национальные районы и сельсоветы (немецкие, финские, корейские, болгарские и др.), существование которых не оправдывается национальным составом их населения. Более того, в результате специальной проверки выяснилось, что многие из этих районов были созданы врагами народа с вредительскими целями». В результате численность национальных районов и сельских Советов в стране существенно уменьшилась.

Средством избавления ВКП(б) от членов, замешанных в связях с оппозицией и «врагами народа», были «чистки партии». По решению XVI партийной конференции генеральная чистка партии прошла в 1929–1930 гг. (исключено 7,8% коммунистов). Еще одна чистка проводилась по постановлению объединенного пленума ЦК и ЦКК (январь 1933 г.). К середине 1930-х годов в стране насчитывалось 1,5 млн бывших членов партии.

Жесточайшие репрессии и чистки выросли по существу из идейных споров, возникших после смерти Ленина между сталинистами и оппозицией. Вместе с тем логика идеи «социализма в одной стране» уже в 1934 г. привела к осознанию, что победа мировой революции невозможна без опоры на наиболее многочисленный в СССР русский народ, его патриотизм и национальные традиции. Эта же логика повлекла выдвижение во власть нового слоя людей.

Согласно официальным данным, в процессе «обострения классовой борьбы» за уголовные и политические преступления в 1929–1934 гг. по делам ОГПУ — НКВД приговорены к смерти 39 899 человек, причем большинство (77,4%) приходилось на 1930 и 1931 годы — первые годы массовой коллективизации; в 1935 г. — 1229 человек, в 1936 — 1118. В последующие два года «большого террора» число репрессированных достигло своего пика. В 1937 г. — 353 074 приговоренных к расстрелу, в 1938 г. — 328 618. Общее число осужденных за период с 1921 по 1940 г. за контрреволюционные и другие «особо тяжкие преступления» составило 3 080 574 человека.

Жертвами массового террора становились не только руководители партийных, советских, хозяйственных, военных структур, но и многие рядовые члены партии, деятели науки и культуры, инженеры, рабочие, колхозники. Молотов, оправдывая репрессии, утверждал позднее: «Если учесть, что мы после революции рубили направо-налево, одержали победу, но остатки врагов разных направлений существовали, и перед лицом грозящей опасности фашистской агрессии они могли объединиться. Мы обязаны 37-му году тем, что у нас во время войны не было пятой колонны».

§ 6. Национальная политика

Годы первых пятилеток были временем кардинальных изменений в национальной политике Советского государства. Если национальную политику 1920-х годов расценивать как постоянную уступку «националам», то с началом 1930-х годов начинает меняться отношение к русским национальным чувствам и интересам. Этот поворот обнаружил себя в решении положить конец экспериментам с русской национальной письменностью. В январе 1930 г. Политбюро ЦК дало указание прекратить разработку вопроса о латинизации русского алфавита, рассматривавшейся ранее необходимым условием приобщения к «передовой» европейской культуре. 12 лет советской истории превращали этот проект в явный анахронизм.

Формально СССР уже назывался страной социалистической (значит, передовой) культуры, а латинизированный Запад — буржуазной (следовательно, отсталой). Вместе с тем победа мировой революции все далее отодвигалась за горизонт обозримого будущего, а объективные интересы СССР требовали знания единого межнационального языка от всех его граждан. Обстоятельствами исторического развития таким языком с давних пор становился русский, и власть проявила готовность признать эту роль языка вместе с кириллической основой его письменности. Латинизация стала представляться искусственной преградой, загораживающей нерусскому населению доступ к средству межнационального общения.

В октябре 1933 г. комиссия под руководством М. И. Калинина предложила заменить латинизированный алфавит у малочисленных народов СССР русским. В 1934 г. в только начавших создаваться школах для кетов и ительменов было решено ввести преподавание целиком на русском языке, в остальных школах народов Севера вводить его изучение со второго класса, и с третьего переводить на него обучение. Практически перевод на кириллицу письменности народов Севера (а позже и других) начался после выхода постановления Президиума ЦИК (июнь 1935 г.).

Показательным было также постановление Секретариата ЦК конца 1930 г., резко осуждавшее помещенные в «Правде» и «Известиях» фе-

льетоны Демьяна Бедного, в которых в привычном дотоле духе огульно охаивались дореволюционная Россия как страна «рабски-ленивая, дикая, в хвосте у культурных Америк, Европ», и патриоты такой России с их якобы неизменно низменными чувствами. Предметом нападок фельетониста были К. Минин и Д. Пожарский, «исторических два казнокрада». Памятники таким патриотам предлагалось «взрывать динамитом» и вместе с прочим «историческим хламом» сметать с городских площадей. Бичевались «национальные черты» русских — «лень», «сидение на печке», «рабская, наследственно-дряблая природа». Фельетоны были осуждены как клевета на народ, развенчание СССР, русского пролетариата и как выражение троцкистских представлений о России.

В феврале 1931 г. краеугольный камень в основание нового идеологического курса в решении национального вопроса заложило выступление Сталина на всесоюзной конференции работников социалистической промышленности. Он заявил: «В прошлом у нас не было и не могло быть отечества. Но теперь, когда мы свергли капитализм, а власть у нас, у народа, — у нас есть отечество и мы будем отстаивать его независимость». Новое определение «социалистического отечества» потребовалось для того, чтобы сузить его неопределенные пролетарско-мировые очертания до реальных границ СССР. Это позволяло «реабилитировать» патриотизм в его привычном для широких масс виде, начать его культивирование как высшей доблести советских людей.

31 октября 1931 г. в письме в редакцию журнала «Пролетарская революция» Сталин сделал особе ударение на «русском первенстве» в мировом революционном движении. Он утверждал, что русский пролетариат является авангардом международного пролетариата, а последовательный и до конца революционный интернационализм большевиков — образец пролетарского интернационализма для рабочих всех стран. Согласно этому, не западные марксисты должны давать уроки своим русским товарищам, а наоборот. Несогласие с подобного рода русоцентризмом означало, по определению Сталина, «троцкистскую контрабанду».

Окончательному закреплению поворота к признанию значимости отечественной истории и патриотизма в сплочении советского общества способствовал приход Гитлера к власти в Германии в январе 1933 г. под лозунгами национального возрождения, реваншизма и расширения «жизненного пространства» для немецкой нации. Развитие германских событий ускорило эволюцию сталинского режима в национал-большевистском направлении, все более отклонявшемся от курса на мировую революцию. 19 декабря 1933 г. Политбюро ЦК заявило о готовности СССР вступить в Лигу Наций и заключить в ее рамках региональное соглашение «о взаимной защите от агрессии со стороны Германии». Вскоре после принятия 18 сентября 1934 г. СССР в Лигу Наций Ста-

лин начал утверждать, что намерений произвести мировую революцию «у нас никогда не было».

Важные последствия имел анализ ситуации в Германии в Политбюро с участием Г. Димитрова. (В феврале 1933 г. он был обвинен в поджоге рейхстага и заключен в нацистскую тюрьму. Спустя год освобожден и вскоре после прибытия в Москву введен в Президиум Исполкома Коминтерна.) Политбюро пришло к выводу, что главная причина неудач коммунистов крылась в неправильном подходе к европейским рабочим, в пропаганде, замешанной на национальном нигилизме, игнорировании своеобразия национальной психологии. Димитров, избранный генеральным секретарем Исполкома Коминтерна, начал перестраивать его работу с учетом выявленных ошибок.

Исправление ошибок в СССР началось со снятия проклятия с «великорусского национализма». Постановление X съезда РКП(б) «Об очередных задачах партии в национальном вопросе» (март 1921 г.) решало этот вопрос однозначно: из двух возможных уклонов в национальном вопросе «особый вред» представляет «великорусский». XVII съезд партии (январь 1934 г.) предписал парторганизациям впредь руководствоваться положением о том, что «главную опасность представляет тот уклон, против которого перестали бороться и которому дали, таким образом, разрастись до государственной опасности». Как показали дальнейшие события, репрессии чаще всего сопрягались с обвинениями в местном национализме.

Важнейшее значение имел пересмотр взглядов на роль исторической дисциплины в школьном и вузовском образовании. Было признано необходимым использовать ее как мощное средство целенаправленного формирования общественного исторического сознания и воспитания патриотических чувств. С марта 1933 г. работала комиссия при Наркомпросе РСФСР по написанию нового учебника по истории России и СССР. Первые опыты оказались неудачными.

20 марта 1934 г. вопрос об учебнике стал предметом обсуждения на расширенном заседании Политбюро. Подготовленные учебники были забракованы Сталиным, считавшим, что в них представлены только «эпохи» без фактов, событий, людей. На заседании был сформулирован важный тезис о роли русского народа в отечественной истории. В этой связи Сталин заметил: «Русский народ в прошлом собирал другие народы. К такому же собирательству он приступил и сейчас».

По итогам обсуждения были сформированы и утверждены авторские группы по написанию новых учебников. В 1934–1937 гг. прошел конкурс на составление лучшего учебника по истории СССР. Его проведение отразило столкновение национально-русской и национал-нигилистской позиций. Член конкурсной комиссии Бухарин полагал, что учебник должен содержать описание вековой русской отсталости и России как

«тюрьмы народов». Этапы становления Руси — принятие христианства, соби́рание русских земель — предлагалось рассматривать с нигилистических позиций. В проекте, подготовленном группой И. И. Минца, события делились на революционные и контрреволюционные. Контрреволюционерами представлялись Минин и Пожарский. В этой связи, по свидетельству А. С. Шербакова, «уже в конце 1935 г. по указанию Центрального Комитета был поставлен вопрос о Минине и Пожарском, о защите Москвы... Поставленные вопросы многих удивили. Много было нигилизма к своей русской истории (непонимание наследства)».

Не дожидаясь итогов конкурса СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли 15 мая 1934 г. постановление «О преподавании гражданской истории в школах СССР». Три недели спустя, 9 июня, передовая статья «Правды» возвела в ранг высших общественных ценностей понятия «Родина», «патриотизм». Честь и слава, мощь и благосостояние Советского Союза провозглашались высшим законом жизни патриотов. Советский патриотизм (любовь и преданность своей родине) определялся как высшая доблесть советского человека. Опубликованное тогда же постановление ЦИК «О дополнении Положения о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для Союза СССР опасных преступлениях против порядка управления) статьями об измене родине» возводило такую измену в разряд преступления, караемого расстрелом виновного и лишением свободы членов его семьи. В августе 1934 г. Сталин, Жданов и Киров подготовили замечания о конспектах учебников по «Истории СССР» и «Новой истории». Замечания были незамедлительно доведены до сведения историков, участвовавших в создании учебников.

Таким образом определился курс на превращение СССР в родину советских патриотов. В качестве силы, призванной по-новому собирать другие народы, был признан русский народ. По сталинской футурологии, русские должны были стать своеобразным цементом «зональной» общности советских народов.

Новое качество этой общности отмечено в связи с принятием новой Конституции СССР. По Сталину, она стала результатом: уничтожения эксплуататорских классов, «являющихся основными организаторами междунациональной драки»; наличия у власти класса — носителя идей интернационализма; фактического осуществления взаимной помощи народов. Наконец, она связывалась с расцветом национальной культуры народов СССР. «Изменился в корне облик народов СССР, исчезло в них чувство взаимного недоверия, развилось в них чувство взаимной дружбы и наладилось, таким образом, настоящее братское сотрудничество народов в системе единого союзного государства».

Конституция СССР 1936 г. и конституции союзных республик, принятые на ее основе, не упоминали о национальных меньшинствах, существовавших в то время национальных районах и сельсоветах, о политике

«коренизации», которой придавалось большое значение в 1920-е годы. Было объявлено, что в Советский Союз входит «около 60 наций, национальных групп и народностей», несмотря на то, что перепись населения 1926 г. зафиксировала в три раза больше национальностей, проживающих в стране. Все это не могло не свидетельствовать о коренном изменении политики в отношении национальных меньшинств и малых народов.

В начале 1936 г. пресса отмечала большие успехи на языковом фронте строительства социалистической культуры, выразившиеся, в частности, в переходе на латинизированный алфавит 68 национальностей, или 25 млн советских граждан. Для развития успеха ЦИК предлагал провести в апреле 1936 г. всесоюзное совещание по вопросам языка и письменности национальностей СССР и «о руководстве этим делом в центре и на местах». Однако на документе, представленном на утверждение высшего руководства, появилась неожиданная резолюция: «Против. И. Сталин, В. Молотов». Совещание не состоялось. Более того, в мае 1936 г. отдел науки, научно-технических изобретений и открытий ЦК партии осудил уже проделанную работу по латинизации алфавитов как «левацкий загиб Наркомпроса и т. Луначарского». Латинизация названа «надуманной и вредной», поскольку «враги», «прикрываясь разговорами о “международном характере” латинской основы... отстаивали ориентацию на буржуазную культуру Западной Европы». В июле 1937 г. Всесоюзный центральный комитет нового алфавита был ликвидирован.

Новая Конституция уже не рисовала перспективу превращения СССР в будущем в мировую республику. Она исходила из представлений об отечестве, суженном до реальных границ государства. Отношение к его прошлому резко менялось. Этот поворот был явно обозначен в год принятия Конституции. В начале 1936 г. Бухарин, живописуя в «Известиях» блеск большевистских достижений в перестройке страны, привычно пытался усиливать их сопоставлениями с позорной отсталостью дореволюционной России, темнотой и убогостью ее народов: «Нужны были именно большевики... чтобы из аморфной, малосознательной массы в стране, где обломовщина была самой универсальной чертой характера, где господствовала *нация* Обломовых, сделать ударную бригаду мирового пролетариата! ...Эта расейская растяпа! Эти почти две сотни порабощенных народов, растерзанных на куски царской политикой! Эта азиатчина! Эта восточная “лень”! Куда все это девалось?»

Упражнениям такого рода было решено положить конец. Передовая статья «Правды» гласила: «Только любители словесных выкрутасов, мало смыслящие в ленинизме, могут утверждать, что в нашей стране до революции “обломовщина была самой универсальной чертой характера”». «Правда» призвала преодолеть «левацкий интернационализм», непонимание того, что «коммунисты отнюдь не должны отгораживаться от положительной оценки прошлого своей страны». Дело изображалось таким образом, будто

«партия всегда боролась против каких бы то ни было проявлений антиленинской идеологии “Иванов, не помнящих родства”, пытающихся окрасить все историческое прошлое нашей страны в сплошной черный цвет».

знаком решительных перемен на историческом фронте стала ликвидация Коммунистической академии, возглавлявшейся ранее М. Н. Покровским. К преодолению ошибок его школы были привлечены ранее осуждавшиеся как «великорусские националисты» историки дореволюционной школы С. В. Бахрушин, Ю. В. Готье, Б. Д. Греков, В. И. Пичета, Е. В. Тарле, А. И. Яковлев и др. Выученики «школы Покровского» (Н. Н. Ванаг, А. Г. Пригожин, С. Г. Томсинский, Г. С. Фридлянд и др.), не сумевшие правильно сориентироваться в новых условиях, были репрессированы. Их участь разделил и академик Н. М. Лукин (директор Института истории Комкадемии в 1932–1936 гг., затем директор Института истории АН СССР), бывший после смерти Покровского фактическим руководителем советских историков.

Основание «национальной» школы советских историков связывается с именем академика Б. Д. Грекова, возглавлявшего Институт истории АН СССР в 1937–1953 гг. Отличие новой исторической концепции от прежней заключалось в трактовке места и роли русского народа в отечественной и мировой истории.

В канун принятия новой Конституции СССР значимость новой исторической концепции наглядно продемонстрирована в случае с постановкой А. Я. Таировым в Камерном театре Москвы пьесы Д. Бедного «Богатыри». Герои былилинного эпоса выведены в спектакле в карикатурном виде. В духе антирелигиозных кампаний 1920-х годов в спектакле было представлено крещение Руси как случайное событие «по пьяному делу». Казалось, что постановку с использованием музыки великого русского композитора А. П. Бородина ожидал больший успех в сравнении со столь же карикатурным спектаклем «Крещение Руси» (шел в Ленинграде в 1931–1932 гг.).

Однако реакция на «Богатырей» оказалась совершенно иной. На премьере спектакля был Председатель Совнаркома Молотов. Посмотрев один акт, он демонстративно встал и ушел. Режиссеру передали его возмущенную оценку: «Безобразие! Богатыри ведь были замечательные люди!». Пьеса Д. Бедного никак не соответствовала изменившемуся отношению к истории. Газета «Правда» подвергла спектакль подлинному разгрому. Официальная реакция на постановку, усиленная многочисленными собраниями творческой интеллигенции, воочию демонстрировала серьезность намерений власти отбросить негодные традиции в изображении истории русского народа.

В 1937 г. концепция об исторической роли русского народа приобрела новую составляющую. «Великого» и «первого среди равных» впредь было предложено именовать еще и «старшим братом» других советских

народов. Связано это было скорее всего с новой трактовкой старой задачи о ликвидации фактического неравенства наций. В 1920-е годы она отличалась явно некорректной прямолинейностью. Например, в книге Г. С. Гурвича «Основы Советской Конституции» (1929) утверждалось: «Одно из драгоценнейших прав отсталых наций в Советском Союзе есть их право на активную помощь, и праву этому соответствует обязанность “державной нации” оказать помощь, которая есть только возвращение долга».

Новое титулование русского народа позволяло по существу дезавуировать заявления об окончательном разрешении национального вопроса, которые вели к нежелательным практическим выводам, в частности о том, что дальнейшей помощи «отставшим» народам и регионам со стороны русского народа не требовалось. В интересах же «отставших» было продолжение политики ликвидации «остатков» национального неравенства. В 1938 г. обозначившаяся коллизия разрешилась в пользу продолжения помощи.

Концепция отечественной истории, отражавшая новое видение исторической роли русского народа, складывалась при подготовке нового школьного учебника по истории и сопровождалась постоянной критикой участников конкурса в нежелании отречься от схемы Покровского. Авторы почти всех 46 конкурсных рукописей учебников, заявил А. С. Бубнов на заседании жюри конкурса в январе 1937 г., проводят антиисторическую линию при анализе процесса собирания Руси, образования и укрепления Московского княжества. Их упрекали, в частности, в непонимании того, что вхождение Украины и Грузии в единое Московское царство в конкретных исторических условиях было «наименьшим злом» для этих народов. Историков призывали к пересмотру старой точки зрения, «которая изображала колониальную политику России как сплошное черное пятно в истории».

Лучшим из представленных на конкурс учебников был признан «Краткий курс истории СССР» для 3–4 классов, подготовленный историками Московского государственного педагогического института во главе с А. В. Шестаковым. Советский период истории рассматривался в нем в преемственной связи с общим развитием российской государственности. Доработанный с участием опытных историков старой школы (К. В. Базилевич, С. В. Бахрушин, Б. Д. Греков, Н. М. Дружинин, В. И. Пичета) и утвержденный в июле 1937 г. текст учебника представлял своеобразный сплав двух главных идей — возвеличивания старой государственности, а также неизбежности и благотворности победы социализма в России. В начале октября 1937 г. издание вышло в свет. Воплощенные в нем государственно-патриотическая концепция отечественной истории, идея преемственности лучших традиций предков новыми поколениями соотечественников повторялись другими учебниками.

Для занятий в высшей школе были рекомендованы переизданные тогда же курс русской истории В. О. Ключевского, материалы из учебника по русской истории С. Ф. Платонова, другие работы историков старой школы. Решено было переиздать «Историю XIX века» французских историков Э. Лависса и А. Рамбо — с частью, посвященной истории России. Особенно примечательно в этом издании предисловие Е. В. Тарле, напечатанное и в журнале «Большевик». Роль России и русского народа в мировой истории представлялась здесь в духе, диаметрально противоположном «школе Покровского». Россия, писал Тарле, была не только жандармом Европы; от начала и до конца XIX в. она оказывала колоссальное влияние на судьбы человечества. Этот век был временем, когда русский народ властно занял одно из центральных, первенствующих мест в мировой культуре. Россия дала миру не только четырех титанов — Пушкина, Гоголя, Толстого, Достоевского. Одно из первых мест заняли русские и в области живописи (Суриков, Репин, Верещагин, Серов), и в музыке (Глинка, Мусоргский, Римский-Корсаков, Даргомыжский, Рахманинов и Чайковский), и в точной науке (Лобачевский, Менделеев, Лебедев, В. Ковалевский). Этот век «был временем, когда впервые особенно ярко проявилось мировое значение русского народа, когда впервые русский народ дал понять, какие великие возможности и интеллектуальные и моральные силы таятся в нем и на какие новые пути он может перейти сам и в будущем повести за собой человечество».

Новая историческая концепция, утверждавшаяся в 1936–1937 гг., отнюдь не была лишь событием науки. В условиях подготовки к войне она становилась основой массовой пропаганды, героико-патриотического воспитания, духовной мобилизации населения на защиту Родины. Традиции Гражданской войны и пролетарской солидарности для Отечественной войны мало подходили. Новым целям историко-патриотического воспитания служили и широкое празднование столетия памяти А. С. Пушкина в начале 1937 г., и выход на экраны в июле кинофильма «Петр Первый», в котором российский император предстал перед зрителями положительным героем, величайшим государственным деятелем, пекущимся исключительно о благе отечества. 7 сентября 1937 г. состоялось открытие Бородинского исторического музея, приуроченное к 125-летию войны с Наполеоном. Оно стало поводом для прославления фельдмаршала Кутузова и других полководцев, еще недавно изображавшихся врагами трудящихся, реакционерами.

§ 7. Внешняя политика

С конца 1920-х годов на обстановку в мире и внешнюю политику СССР во многом влиял мировой экономический кризис, приобретший наиболее выраженный характер в 1929–1933 гг. Это привело к значительному сокращению промышленного производства в развитых капиталистических странах: в США — на 46%, в Германии — 40, во Франции — 31, в Англии — 16%. Начало кризиса расценивалось в СССР, и

особенно в Коминтерне, как предвестие нового этапа долгожданной мировой пролетарской революции. Однако капитализм в очередной раз продемонстрировал свою прочность: кризис был преодолен. Во многом — благодаря усилению государственного вмешательства в экономическую и общественную жизнь и перекачке ресурсов из колониальных и зависимых стран. Преодоление кризиса в силу особенностей разных стран носило либерально-реформистский (характерно для США, Англии), социал-реформистский (Скандинавские страны, на первых порах Франция) и тоталитарный (Германия, Италия, Япония) характер.

Советский Союз, приступивший к модернизации своей экономики в условиях враждебного окружения, фактически был вынужден вести борьбу за выживание. В наиболее отчетливой форме такая стратегия выражена И. В. Сталиным в феврале 1931 г. на первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности: «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут». Внешняя политика на период форсированной модернизации страны имела целью обеспечить безопасность для проведения реконструкции народного хозяйства страны и создания надежных Вооруженных сил, способных огрadyть страну от внешней угрозы.

По Конституции страны, самыми высокими полномочиями в области внешних сношений обладал Верховный Совет СССР. Общее руководство сношениями возлагалось на правительство. В действительности непосредственно руководили внешней политикой Политбюро и его глава. Повседневную внешнеполитическую деятельность осуществляли Наркомат (министерство) иностранных дел (главы: Г. В. Чичерин, 1923–1930 гг.; М. М. Литвинов, 1930–1939 гг.; В. М. Молотов, 1939–1949 гг.), внешнеэкономическую — наркоматы, ведавшие внешней торговлей.

В начале 1-й пятилетки внешнюю политику СССР пришлось вести в условиях усиления интервенционистских настроений в империалистических странах. Стремясь к мирному сосуществованию государств с различными социально-политическими системами, Советский Союз присоединился к подписанному в Париже девятью державами в августе 1928 г. «пакту Бриана — Келлога» (инициаторы — министр иностранных дел Франции и госсекретарь США) об отказе от войны как средства внешней политики и первым ввел его в действие. В октябре 1929 г. удалось восстановить дипломатические отношения СССР и Великобритании, разорванные в 1927 г.

В том же 1929 г. Советская страна впервые после окончания Гражданской войны подверглась серьезной военной провокации. 10 июля отряды маньчжурских войск и белогвардейцев разгромили советское консульство в Харбине; захватили Китайско-Восточную железную дорогу, находившуюся с 1924 г. в совместном советско-китайском управ-

лении; арестовали советскую администрацию дороги (более 200 человек). Одновременно маньчжурские войска начали обстреливать советские пограничные заставы и населенные пункты. Попытки советского правительства разрешить конфликт мирными средствами были сорваны, 16 августа оно разорвало дипломатические отношения с Китаем. Была создана Особая дальневосточная армия под командованием В. К. Блюхера (18,5 тыс. бойцов и командиров), которая в октябре – ноябре 1929 г. изгнала интервентов из советских районов Приморья и Забайкалья. 22 декабря 1929 г. было подписано советско-китайское соглашение, по которому на КВЖД восстанавливалось прежнее положение. Однако полномасштабное восстановление дипломатических отношений между двумя странами произошло лишь в 1932 г.

В 1931 г. на Дальнем Востоке возникла новая опасность. Япония, захватив Маньчжурию, стала превращать ее в военный плацдарм для нападения на СССР. Началась интенсивная подготовка Квантунской армии к будущей войне. Япония отказывалась подписать предложенный СССР акт о ненападении. В 1935 г. Советский Союз был вынужден продать КВЖД властям Маньчжоу-Го – Маньчжурской империи, созданной Японией на территории северо-восточных провинций Китая (существовала с марта 1932 г. до августа 1945 г.). Поставлен он был также и перед необходимостью преодолеть экономическую блокаду со стороны западных держав.

В 1930 г. Вашингтон и Лондон обвинили СССР в вывозе на мировой рынок товаров по демпинговым ценам и добились введения запретов на советский экспорт. Правительство Франции в мае 1930 г. выступило с планом создания блока европейских государств под названием «пан-Европа», направленного против Советского Союза. Враждебную политику в отношении СССР вело правительство США. Оно упорно отказывалось признать его.

Советское правительство отвечало на эти меры перенесением внешнеторговых сделок на страны, которые воздерживались от подобных действий. В условиях кризиса многие капиталистические фирмы, несмотря на эмбарго, продавали Советскому Союзу станки и оборудование. В США удалось закупить до 50% общего экспорта тракторов из этой страны, в Германии – около 25% сельскохозяйственных машин, в Англии – более 10% текстильного оборудования, в Польше – почти все ее литье. Таким образом, советские заказы даже помогали выходу экономики этих стран из кризиса. Поэтому и деловые круги Запада были заинтересованы в нормализации отношений с СССР. В результате Франция отменила запретительные меры в отношении советского экспорта, Германия и Италия предоставили Советскому Союзу кредиты.

В 1932 г. международные позиции СССР значительно окрепли. После длительных переговоров состоялось подписание договоров о ненапа-

дении с Латвией, Эстонией, Финляндией, Францией и Польшей. В том же году советская делегация выступила на Международной конференции в Женеве с предложением о всеобщем и полном разоружении.

В 1933 г., в условиях нарастания военной угрозы в Европе (после прихода в Германии к власти фашистов) и Азии (в связи с агрессией Японии против Китая), СССР стал участником Конвенции об определении агрессора и выступил с инициативой создания системы коллективной безопасности в Европе и Азии. В августе 1933 г. он подписал акты об определении агрессора с Литвой, Ираном, Латвией, Польшей, Румынией, Турцией, Чехословакией, Эстонией, Югославией и Афганистаном. В 1934 г. к конвенции присоединилась Финляндия. В сентябре 1933 г. заключен договор о ненападении и нейтралитете между СССР и Италией. Позиции нашей страны укрепились также с признанием существования Советского Союза правительством США. Дипломатические отношения между СССР и США были установлены 16 ноября 1933 г.

20 декабря 1933 г. состоялось важное заседание Политбюро ЦК, рассмотревшее разработанный наркоматом по иностранным делам план по созданию системы коллективной безопасности. Одобрение нового внешнеполитического курса на развертывание «борьбы за коллективную безопасность против агрессоров», заключение «регионального соглашения о взаимопомощи большого числа европейских государств», возможность вступления СССР в Лигу Наций означало отказ от обанкротившейся тактики «разжигания мировой революции» и сосредоточение на борьбе за сохранение мира на Европейском континенте.

18 сентября 1934 г. СССР был принят в Лигу Наций. К середине 1930-х годов он установил дипломатические отношения с большинством стран мира. Одной из его инициатив было предложение о заключении «Восточного пакта», в который, помимо СССР, вошли бы Польша, Чехословакия, Финляндия, Эстония, Латвия, Литва и Германия. Пакт предусматривал оказание военной помощи любому его участнику, подвергшемуся агрессии, кто бы ни был агрессором, и был направлен на то, чтобы создать препятствие на пути развязывания войны, в первую очередь со стороны Германии. Одновременно предлагалось заключить и Тихоокеанский пакт с участием СССР, США, Англии, Голландии и Японии. Предложения не были приняты. В сентябре 1934 г. отвергла свое участие в пакте Германия. Ее поддержала Польша. Однако Советскому Союзу удалось заключить в мае 1935 г. пакты о взаимопомощи в случае агрессии с Францией и Чехословакией. Тогда же обе эти страны заключили договор о взаимопомощи между собой.

В СССР была резко сокращена риторика о мировой революции. VII конгресс Коминтерна, работавший в Москве в июле–августе 1935 г., провозгласил курс на создание единого антифашистского народного

фронта. Между тем обстановка на Европейском континенте продолжала обостряться. В 1935 г. фашистская Германия односторонним актом порвала Версальский мирный договор 1919 г., введя в марте всеобщую воинскую повинность и объявив о создании военной авиации. В июне 1935 г. Великобритания и Германия заключили морское соглашение, разрешавшее Германии, вопреки Версальскому договору, иметь военноморской флот до одной трети надводных и почти половину подводных судов от уровня английского флота. 3 октября 1935 г. Италия напала на Абиссинию (Эфиопию) и оккупировала ее в начале мая следующего года. 9 мая 1936 г. в Риме провозглашено создание итальянской империи. Из крупных держав только СССР, не имевший дипломатических отношений с Абиссинией, решительно выступил в ее защиту. Однако западные державы блокировали советские предложения о бойкоте агрессора.

1936 г. принес новое обострение международной обстановки. 7 марта гитлеровская Германия отказалась от Локарнских соглашений 1925 г., по которым обязалась соблюдать положения Версальского мирного договора относительно демилитаризации Рейнской области. Германские войска были введены на территорию области и вышла к границам Франции. Последняя не воспользовалась правом по Версальскому договору принудить Германию отвести свои войска. В сентябре 1936 г. в Нюрнберге прошел съезд нацисткой партии, на котором объявлено о четырехлетнем плане подготовки Германии к большой войне за «жизненное пространство» для немцев. 30 января 1937 г. Гитлер заявил в рейхстаге о том, что «Германия убирает свою подпись с Версальского договора». После этой декларации новая война в Европе становилась неизбежной.

25 октября 1936 г. воодушевленные безнаказанностью агрессоры оформили Берлинским соглашением союз Германии и Италии под названием «Ось Берлин — Рим». В нем признавался захват Италией Эфиопии, устанавливалась общая линия поведения в отношении событий в Испании, фиксировалась договоренность о разграничении сфер «экономического проникновения» на Балканах и в бассейне реки Дунай. Образование «оси» положило начало формированию блока фашистских агрессоров, готовивших Вторую мировую войну.

Продолжением этой политики стало подписание 25 ноября 1936 г. Германией и Японией «Антикоминтерновского пакта». Участники этого соглашения обязывались информировать друг друга о деятельности революционной пролетарской организации и вести борьбу против нее. Другим государствам рекомендовалось «принять оборонительные меры» в духе соглашения или присоединиться к пакту. Пакт был нацелен против СССР, где располагалась штаб-квартира Коминтерна. В 1937 г. к пакту присоединилась фашистская Италия. Ненависть, которую питали многие обыватели по всему миру к Коминтерну, объясня-

ет, почему фашистские государства 1930-х годов нередко рассматривались как «бастион против большевизма».

Стремясь соответствовать таким представлениям, фашистская Германия вместе с Италией с 1936 г. участвовала в интервенции против республиканской Испании. В феврале 1936 г. к власти в этой стране по результатам выборов пришло правительство Народного фронта, созданного по инициативе компартии. В июле того же года в стране вспыхнул военно-фашистский мятеж, возглавленный генералом Франсиско Франко, который опирался на «Испанскую фалангу» (правую политическую партию Испании, основанную в 1933 г.) и большую часть армии (до 100 тыс. человек). Мятежники были открыто поддержаны фашистскими державами. Лига Наций отклонила требование республиканского правительства о применении коллективных действий против агрессоров. Из Германии и Италии в помощь мятежникам направлялись военная техника, вооружение, а также офицеры, военные инструкторы. Когда этого оказалось недостаточно, начали поступать регулярные войска: из Германии — более 50 тыс. (легион «Кондор»), из Италии — около 200 тыс. Правовой основой появления этих, лишь формально добровольческих, войск интервентов стало признание 18 ноября 1937 г. Германией и Италией режима Франко.

В развернувшейся гражданской войне помощь испанским республиканцам оказывали коммунисты и социалисты многих стран. Советский Союз, откликнувшись на просьбу законного испанского правительства, поставлял республиканцам оружие и военную технику (самолеты, танки, бронев автомобили, торпедные катера, артиллерийские орудия, пулеметы, винтовки, патроны, снаряды, авиабомбы). Около 3 тыс. советских добровольцев (военные советники, летчики, танкисты, моряки и другие специалисты) сражались против фалангистов в рядах интернациональных бригад, включавших более 50 тыс. человек из 64 стран мира. Главными военными советниками в Испанской республике были Я. К. Берзин, Г. М. Штерн, К. М. Качанов.

Англия, Франция и другие западные державы проводили политику «невмешательства» в национально-революционную войну. С сентября 1936 г. в Лондоне работал Международный комитет по невмешательству в дела Испании, состоящий из представителей 27 европейских стран. Однако, как вскоре обнаружилось, фактически он стал служить ширмой для прикрытия германо-итальянской интервенции в Испании. Советский представитель в комитете И. М. Майский вел борьбу за прекращение помощи мятежникам со стороны Германии, Италии, Португалии, оказывавшейся при пособничестве Англии, Франции и фактическом попустительстве США. В октябре 1936 г. правительство СССР заявило, что, поскольку соглашение о невмешательстве «перестало фактически существовать», оно считает необходимым «вернуть правитель-

ству Испании права и возможность закупать оружие вне Испании». Благодаря усилиям Советского Союза в сентябре 1937 г. удалось заключить соглашение о мерах борьбы с пиратскими действиями подводных лодок фашистских держав.

Однако политика пособничества агрессии не позволила сделать Комитет по невмешательству действенным политическим инструментом. Это во многом предопределило падение республиканской Испании.

Укрепляя свои позиции на Дальнем Востоке, СССР в марте 1936 г. заключил договор о взаимопомощи с Монгольской Народной Республикой. Это было предупреждением для японских милитаристов. Однако, продолжая экспансию на Дальнем Востоке, Япония 7 июля 1937 г. напала на Китай. Поводом стала ночная стычка между подразделением так называемой японской Гарнизонной армии, размещенной вдоль железной дороги Пекин–Тяньцзинь и ротой гоминдановских войск, охранявших старинный мраморный мост Лугоуцяо в окрестностях Пекина. Китайцы отбили нападение, убив нескольких японцев. Спровоцированное столкновение послужило для японцев поводом для оккупации северных районов страны, захвата Шанхая, Пекина и других важных центров. В этих условиях Советский Союз, подписав 21 августа 1937 г. с Китаем договор о ненападении, предоставил ему крупный заем на льготных условиях, поставлял самолеты, оружие, горючее.

Таким образом, к концу 1937 г. усилия СССР по организации системы коллективной безопасности не достигли своих целей. Не удалось использовать и возможности создания широкого народного фронта для совместной борьбы против фашизма и войны. «Инцидент» на мосту Лугоуцяо, ставший прологом открытой агрессии Японии против Китая, фактически, как это считается в китайской традиции, положил начало Второй мировой войне.

СОЮЗ ССР НАКАНУНЕ ВОЕННЫХ ИСПЫТАНИЙ. 1938 — 22 ИЮНЯ 1941

---

§ 1. Внешняя политика в условиях нарастания военной опасности. Расширение СССР

Празднуя наступление нового, 1938 г., мало кто из советских людей мог предположить, что через 1237 суток им предстоит вступить в четырехлетнюю полосу смертельных испытаний Великой Отечественной войной. Между тем события, которые развертывались на международной арене с началом 3-й пятилетки в СССР, все отчетливее обнаруживали втягивание мировых держав в орбиту военной эскалации.

Не встречая сопротивления со стороны Англии, США и Франции Гитлер в марте 1938 г. оккупировал Австрию и провозгласил ее присоединение к Германии. 16 апреля премьер-министр Великобритании Н. Чемберлен подписал соглашение с главой фашистского правительства Италии Б. Муссолини. Оно содержало обязательство Италии отозвать своих «волонтеров» из Испании, но только «после окончания гражданской войны». Тем самым британское правительство молчаливо соглашалось на участие итальянских войск в борьбе на стороне Франко.

Весной 1938 г. национально-освободительная война испанского народа вошла в заключительную фазу. Преимущество, остававшееся за республикой до августа 1936 г., стало переходить к франкистам. Политика пособничества агрессии практически парализовала работу Комитета по невмешательству, и после 5 июля 1938 г. он фактически перестал действовать. В марте 1938 г. мятежники, усилившиеся за счет новой помощи от немцев и итальянцев, прорвали Арагонский фронт и 15 апреля вышли к Средиземному морю, разрезав надвое территорию республики. 28 марта 1939 г. пал Мадрид. В стране установилась фашистская диктатура. Главой государства стал Ф. Франко, сразу же присоединивший Испанию к «Антикоминтерновскому пакту».

В конце сентября 1938 г. Великобритания и Германия приняли декларацию, содержащую обязательство «никогда не воевать друг с другом». 6 декабря такую же декларацию о ненападении подписала Франция с Германией. Министр иностранных дел Франции Ж. Бонне полагал, что с этого момента германская политика «ориентирована на борьбу против большевизма».

29 сентября 1938 г. Германия на переговорах в Мюнхене добилась согласия Великобритании и Франции на отторжение от Чехословакии Судетской области, населенной в основном немцами (в Чехословкии наряду с 7,5 млн чехов, 2,5 млн словаков проживало почти 3,5 млн немцев), а в марте 1939 г. с «согласия» тогдашнего чехословацкого президента Э. Гахи оккупировала всю территорию этой страны. 16 марта декретом Гитлера Чехословакия была расчленена на протекторат Богемия и Моравия, включенный в состав Третьего рейха, и Словакию, ставшую фактически полным вассалом Германии. Вслед за тем 22 марта немецкие войска заняли литовский порт Мемель (Клайпеда), навязав Литве «договор» об уступке этого порта Германии. 23 марта в Бухаресте был подписан румынско-германский договор о развития экономических отношений, по которому румынское правительство обязалось принять меры по увеличению добычи и переработки нефти для поставки ее в Германию. В том же месяце Гитлер предъявил территориальные претензии Польше, потребовал включения Данцига в состав Германии. Польша отвергла эти требования. Гитлер расторг договор о ненападении с Польшей. В апреле 1939 г. союзница Германии — Италия оккупировала Албанию.

В феврале 1939 г. к «Антикоминтерновскому пакту» (в котором объединялись Германия, Япония и Италия), присоединились Венгрия и Маньчжоу-Го. Месяцем позже пакт подписала Испания. 27 сентября 1940 г. он был превращен в открытый военный союз («Берлинский пакт»). В ноябре 1941 г. действие пакта продлялось на 5 лет. Тогда же к нему присоединились Болгария, Финляндия, Румыния, Дания, правительства Словакии, Хорватии и Нанкина (столица Китая, находившаяся в 1937–1945 гг. в зоне японской оккупации). Этим актом было закончено оформление складывавшегося с середины 1930-х годов агрессивного блока фашистских государств и их сателлитов.

Одновременно с обострением политической ситуации в Европе накалялась обстановка на Дальнем Востоке. Милитаристская Япония, оккупировав северные районы Китая, в 1938 г. продолжила войну за захват всей этой страны. В июле 1938 г. японские войска вторглись на советскую территорию Приморья в районе озера Хасан, в мае 1939 г. совершили нападение на Монголию в районе реки Халхин-Гол. Изгнав агрессоров с советской земли, Советский Союз, связанный с МНР пактом о взаимопомощи, пришел ей на помощь. Англия пыталась подогреть советско-японский конфликт, обязуясь не препятствовать действиям Японии в Китае, что было зафиксировано в июле 1939 г. англо-японским соглашением, вошедшим в историю как «дальневосточный Мюнхен». В августе 1939 г. советско-монгольские войска, сведенные в 1-ю армейскую группу под командованием Г. К. Жукова (57 тыс. бойцов и командиров), разгромили японских интервентов. 15 сентября в Москве

было подписано соглашение между СССР, МНР и Японией о ликвидации конфликта.

СССР оказывал морально-политическую поддержку и значительную материальную помощь народу Китая в его борьбе за национальную независимость. К середине февраля 1939 г. в Китае работали и участвовали в борьбе с японскими захватчиками 3665 советских военных специалистов. Всего с осени 1937 до начала 1942 г., когда советские советники и специалисты в основном выехали из Китая, в тылу и на фронтах антияпонской борьбы трудилось и воевало более 5 тыс. советских людей. За эти годы СССР поставил Китаю 1285 самолетов, 1600 орудий, 82 танка, 1850 тракторов, большое количество пулеметов, винтовок, боеприпасов, имущества связи, медицинского оборудования.

К концу 1930-х годов СССР имел дипломатические отношения с большинством стран мира. С 1934 г. он был представлен в Лиге Наций, международной межправительственной организации, призванной обеспечивать «развитие сотрудничества между народами и гарантию их мира и безопасности». В 1935 г. наша страна заключила с Францией и Чехословакией договоры о взаимопомощи в случае агрессии. Однако сентябрьский (1938) мюнхенский сговор премьер-министров Н. Чемберлена (Великобритания) и Э. Даладье (Франция) с А. Гитлером и Б. Муссолини и его одобрение правительством США вновь поставили СССР в положение международной изоляции, практически сводя на нет усилия по созданию действенной системы коллективной безопасности. Советское правительство осудило мюнхенскую сделку как незаконную, но это не изменило сложившейся ситуации. В условиях быстрого роста военного потенциала Германии западные страны стояли перед выбором. Они могли пойти на создание единого фронта против потенциального агрессора и в этом случае — на взаимодействие с СССР или договариваться с Германией за счет третьих стран. Западные «демократии» пошли по второму пути.

Судя по докладу И. В. Сталина на XVIII съезде партии (10 марта 1939 г.), советское правительство стремилось «соблюдать осторожность и не давать втянуть в конфликты нашу страну провокаторам войны, привыкшим загребать жар чужими руками». Оно критиковало политику «нейтралитета» Англии и Франции, за которым угадывалось желание «не мешать Германии впутаться в войну с Советским Союзом». Из речи следовало, что именно Англия и Франция, а не Германия, являются поджигателями войны. Таким образом, открывалась возможность сближения СССР с Германией.

Тем не менее после оккупации Чехословакии, произошедшей в дни работы съезда, советское правительство в целях предотвращения новой агрессии со стороны Германии внесло 17 апреля 1939 г. предложение о заключении англо-франко-советского договора о взаимопомощи и во-

енной конвенции. Гитлер, уже принявший решение о подготовке войны с Польшей, стремился не допустить англо-франко-советского договора и предложил западным державам заключить «пакт четырех» (Германия, Италия, Англия, Франция). Советскую линию в хитросплетениях мировой политики был призван проводить Молотов. 3 мая 1939 г., оставаясь Председателем СНК, он заменил на посту наркома иностранных дел М. М. Литвинова.

В конце мая британское и французское правительства сделали свой выбор в пользу переговоров по политическим вопросам с СССР. Однако их истинной целью было не столько достижение конкретных договоренностей, сколько противодействие возможной нормализации отношений между Германией и СССР. Британский премьер-министр заявил, что он «скорее подаст в отставку, чем подпишет союз с Советами», который предусматривал бы немедленную помощь Англии и Франции Советскому Союзу, если последний окажется в состоянии войны с Германией. Переговоры Молотова с британским и французским дипломатическими представителями в Москве в июне—июле 1939 г. успеха не имели. Западные партнеры не хотели связывать себя обязательствами гарантировать независимость пограничным с СССР державам от Балтийского до Черного моря.

Считая целесообразным для успокоения общественного мнения какое-то время поддерживать переговоры, французское и британское правительства согласились продолжить переговоры о заключении одновременно с политическим и военного соглашения с СССР. Однако их военные миссии, прибывшие в Москву 12 августа, состояли из второстепенных лиц, не имевших полномочий на его заключение. Советская сторона на переговорах предложила план, предусматривающий совместные действия вооруженных сил трех стран во всех возможных случаях агрессии в Европе. Запрошенное в этой связи правительство Польши отказывалось принять предложение о пропуске советских войск через свою территорию в случае нападения Германии. Переговоры зашли в тупик. Сожалея об упущенных возможностях, бывший французский премьер П. Рейно в 1947 г. говорил: «С кем мы должны были заключить союз? Здравый смысл, география, история и планы Гитлера давали нам ясный ответ на этот вопрос. Когда Гитлер объявил о своем намерении “рассчитаться” с Францией, а потом расчленил Россию, он, можно сказать, собственноручно толкал наши страны к заключению союза. Но, может быть, в этом союзе, который был столь явно необходим, нам отказали? Нет, нам его предлагали, но мы сами его отвергли». Неудача англо-франко-советских переговоров в Москве в августе 1939 г. способствовала развязыванию Германией Второй мировой войны.

Прекращение Москвой англо-франко-советских переговоров во многом объясняется также получением ею к этому времени конкретно-

го предложения от Германии о «возобновлении политической линии, которая была выгодна обоим государствам в течение прошлых столетий». Оно было подтверждено Гитлером в личной телеграмме Сталину от 21 августа 1939 г. Германия явно опасалась успешного завершения московских англо-франко-советских переговоров. Ранее о возможности нормализации отношений с Советским Союзом германский министр иностранных дел И. Риббентроп говорил 25 мая, а 26 июля советскому поверенному в делах Германии Г. А. Астахову было сообщено о готовности немецкой стороны «на деле доказать возможность договориться по любым вопросам, дать любые гарантии». Согласие на переговоры с Германией советское руководство дало 3–4 августа, окончательное решение в пользу заключения пакта было принято 19–21 августа.

Обсуждая с членами Политбюро 19 августа 1939 г. складывающуюся ситуацию, Сталин решал непростую дилемму: «Если мы заключим договор о взаимопомощи с Францией и Англией, то Германия откажется от Польши и станет искать “модус вивенди” с западными державами. Война будет предотвращена, но в дальнейшем события могут принять опасный характер для СССР. Если мы примем предложение Германии о заключении с ней пакта о ненападении, она, конечно, нападет на Польшу, и вмешательство Франции и Англии в эту войну станет неизбежным. В этих условиях у нас будет много шансов остаться в стороне от конфликта, и мы сможем надеяться на наше выгодное вступление в войну». Ему явно импонировал второй вариант развития событий, открывавший, помимо всего прочего, «широкое поле деятельности для развития мировой революции». Поэтому, заключал Сталин, «в интересах СССР — Родины трудящихся, чтобы война разразилась между рейхом и капиталистическим англо-французским блоком. Нужно сделать все, чтобы эта война длилась как можно дольше в целях изнурения двух сторон. Именно по этой причине мы должны согласиться на заключение пакта, предложенного Германией». Сталинское заключение вполне согласовывалось с подписанным 19 мая 1939 г. секретным францужско-польским протоколом, по которому Франция обязалась в случае агрессии оказать Польше немедленную военную помощь, а также с заключенным 25 августа того же года соглашением о взаимопомощи между Англией и Польшей.

19 августа 1939 г. советское правительство дало согласие на прибытие в Москву И. Риббентропа. В тот же день в германской столице подписано торгово-кредитное соглашение, предусматривавшее предоставление СССР 200-миллионного кредита на 5 лет под 4,5% годовых. Соглашение стало поворотным моментом в развитии отношений между СССР и Германией.

23 августа 1939 г., после трехчасовых переговоров, в Москве был подписан советско-германский пакт о ненападении сроком на 10 лет, получивший название «пакт Молотова — Риббентропа». Приложенный к нему секретный протокол определял разграничение сфер интересов двух стран

в Европе. Особый смысл имели положения протокола о том, что «в случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Прибалтийских государств (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва), северная граница Литвы одновременно является границей сфер интересов Германии и СССР.. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского государства, границы сфер интересов Германии и СССР будут приблизительно проходить по линии рек Нарева, Вислы и Сана... Касательно юго-востока Европы с советской стороны подчеркивается интерес СССР к Бессарабии. С германской стороны заявляется о ее полной политической незаинтересованности в этих областях». Это означало, что в случае войны немецкие войска не будут вторгаться в Латвию, Эстонию, Финляндию и Бессарабию, а на территории Польши продвигаться дальше названных рек.

Договор и протокол стали политико-юридической базой для дальнейшего развития советско-германских отношений. Они потеряли силу после нападения Германии на СССР. Делая выбор в пользу рокового августовского решения, сталинское руководство по примеру Англии и Франции также предпочло занять позицию «невмешательства», чтобы при случае не проливать кровь за чужие интересы и, более того, «подталкивать» одну капиталистическую страну против другой. Во всяком случае, договор давал возможность выиграть время для укрепления обороны СССР. Вдобавок он ослаблял единство внутри фашистского блока. Например, правительство Японии 25 августа 1939 г. решило прекратить линию на усиление антикоминтерновской «оси» между Японией и Германией и «ликвидировать прежние планы». Кабинет министров во главе с К. Хиранумой, выступавший застрельщиком совместной японо-германской войны против СССР, 28 августа подал в отставку.

Как показало дальнейшее развитие событий, «пакт Молотова — Риббентропа» в значительной степени предопределил победный исход Великой Отечественной войны. Кто знает, если бы у СССР не было двух дополнительных лет подготовки к отражению агрессии, немецкие армии, начав наступление с прибалтийского плацдарма, могли быстро прийти до Москвы. Вместе с тем послевоенная публикация секретного протокола, в котором подписавшие его государственные деятели фактически решали судьбы третьих стран без их участия, вызвала справедливое осуждение этих деятелей в СССР и других странах мира.

1 сентября Германия напала на Польшу. 3 сентября войну Германии объявили Великобритания и Франция. Началась Вторая мировая война. Польская армия не смогла оказать достаточного сопротивления германским войскам и отступала к востоку. 17 сентября части Красной Армии вошли на территорию Польши, заняли западноукраинские и западнобелорусские земли. Польша как независимое государство перестала существовать. 28 сентября был подписан советско-германский

договор «О дружбе и границах», по которому западная граница СССР проходила по рекам Западный Буг и Нарев. Договор сопровождался секретным дополнительным протоколом, гласившим, что подписанный 23 августа 1939 г. документ изменяется «таким образом, что территория Литовского государства включается в сферу интересов СССР, так как с другой стороны Люблинское воеводство и части Варшавского воеводства включаются в сферу интересов Германии».

В походе во имя освобождения «единокровных украинцев и белорусов» советскими войсками были взяты в плен 450 тыс. польских военнослужащих, в том числе 18,8 тыс. офицеров. Судьба многих из них оказалась трагичной. По решению Политбюро ЦК от 5 марта 1940 г. 21 857 офицеров и других арестованных поляков были расстреляны. Сказалась неприязнь к «белополякам», беспощадно уничтожавшим пленных красноармейцев во время и после советско-польской войны 1920 г. (К сентябрю 1921 г. из 130 тыс. русских пленных в Польше погибло 60 тыс.) «Катынское дело» — своего рода «ответное преступление» сталинского режима, которое углубляло противоречия с соседним народом.

После «освободительного похода» на запад Украины и Белоруссии взоры советского правительства были устремлены на Финляндию. В октябре 1939 г. ее правительству СССР предложил отодвинуть на несколько десятков километров советско-финляндскую границу на Карельском перешейке и сдать Советскому Союзу в аренду территорию у входа в Финский залив для обеспечения защиты Ленинграда. После того как эти предложения были отвергнуты, советское руководство начало войну. В качестве предлога использован обстрел советской пограничной территории у деревни Майнила на Карельском перешейке, объявленный финнами провокацией Москвы. Начавшиеся 30 ноября военные действия рассматривались советской стороной как завершение борьбы с «финской белогвардейщиной». В отданном этим днем приказе по Ленинградскому военному округу говорилось: «Мы идем в Финляндию не как завоеватели, а как друзья и освободители финского народа от гнета помещиков и капиталистов». Однако «освобождаемые» не сочли такую позицию правомерной. В декабре Советский Союз как «агрессор» был исключен из Лиги Наций.

Неся большие потери, части Красной Армии в феврале 1940 г. прорвали финскую систему укреплений (линию Маннергейма) и начали наступление на Хельсинки. 12 марта был заключен советско-финляндский мирный договор. Согласно договору к СССР отходила значительная территория на Карельском перешейке, передавался в аренду полуостров Ханко. 31 марта 1940 г., после всех этих событий, в составе СССР образована новая, двенадцатая по счету, Карело-Финская союзная республика. Ее правительство возглавил известный деятель Коминтерна О. В. Куусинен.

В июне 1940 г. советское правительство обвинило Латвию, Литву, Эстонию в нарушении пактов о взаимопомощи, заключенных в сентябре — октябре 1939 г., и ввело на их территории свои войска. Во всех трех странах были сформированы просоветские правительства, а вскоре при поддержке местного населения провозглашены Латвийская, Литовская и Эстонская ССР, которые в августе 1940 г. включены в состав СССР.

В конце июня 1940 г. СССР потребовал от правительства Румынии вывести войска из оккупированной в 1918 г. Бессарабии, а также из Северной Буковины, населенной преимущественно украинцами. Бессарабия присоединена к Молдавской АССР, которая была преобразована в шестнадцатую союзную советскую республику. Северная Буковина вошла в состав Украины.

Стремясь также обезопасить и свои дальневосточные рубежи, советское руководство весной 1941 г. добилось подписания договора о нейтралитете с Японией. Оккупировав к тому времени Северный Индокитай, она расширяла экспансию в южном направлении и не желала быть раньше времени втянутой в войну с СССР по союзническим обязательствам с Германией. Советско-японский пакт о нейтралитете сроком на 5 лет был подписан 13 апреля после непростых переговоров с министром иностранных дел Японии И. Мацукокой.

Германия, находившаяся с сентября 1939 г. в состоянии войны с Великобританией и Францией, под влиянием быстрого успеха в Польше сосредоточилась на расширении «жизненного пространства» за счет западных стран. 9 апреля 1940 г. гитлеровские войска вторглись в Данию и Норвегию, 10 мая — в Бельгию, Нидерланды, Люксембург, затем в результате блицкрига одержали верх над Францией, которая капитулировала 24 июня. С 10 июня на стороне Германии в войне участвовала Италия. Потери Германии — 27 тыс. убитых в кампании против Франции, по немецким оценкам, были вполне терпимы, «учитывая грандиозность достигнутого успеха». Экономика оккупированных стран была поставлена на службу рейху.

24 августа 1940 г. в «Правде» была помещена статья «Смерть международного шпиона», сообщавшая о кончине Л. Д. Троцкого. Причиной смерти стала активизация его деятельности по вовлечению СССР в мировую войну в расчете на то, что именно она приведет к «политической революции» в Советском Союзе. Политики Лондона, Парижа и Финляндии обсуждали возможности Троцкого и его сторонников для организации в СССР переворота и отстранения от власти Сталина. В соответствии с этими планами Троцкий 25 апреля 1940 г. составил «Письмо советским рабочим», в котором призывал их к подготовке вооруженного восстания против «Каина Сталина и его камарильи». Отпечатанное в виде листовки воззвание предполагалось доставить на территорию СССР сразу же после намечавшегося англо-французского удара в Закавказье и по черноморским коммуникациям СССР. В мае был принят троцкистский «Манифест об империалистической

войне и пролетарской революции», в котором провозглашалось: «Подготовка революционного свержения московских правителей является одной из главных задач IV Интернационала». Такое заявление было равнозначно официальному объявлению войны правительству СССР. Ответом на это и стала «Утка» — операция советских спецслужб, приведшая к гибели Л. Д. Троцкого.

В то же время события 1939–1940 гг. в целом оказались далеки от прогнозов Сталина. Самый большой его просчет состоял в том, что соседние с Германией страны оказали неожиданно слабое сопротивление агрессии. Изнурительной «драки» между капиталистическими странами по существу не случилось. Потенциал Германии не только не был ослаблен, но и значительно возрос. Однако для успешного завершения войны с Англией ресурсы Германии оказались недостаточными. Гитлер поддался соблазну сначала нарастить их за счет завоевания СССР, а потом достичь господства над всей Европой.

В июле 1940 г. в германском генштабе началась разработка конкретного плана войны против СССР, и уже 18 декабря 1940 г. Гитлер утвердил директиву, согласно которой вооруженным силам предписывалось «разбить Советскую Россию в кратковременной кампании еще до того, как будет закончена война против Англии (вариант «Барбаросса»)». По «оптимистическим» прогнозам, кампания могла быть успешно завершена за 1,5–2 месяца, по «более осторожным» за 4–5. Во всяком случае, войну планировалось закончить в 1941 г. до наступления зимы. Ставка делалась на уничтожение СССР и радикальное сокращение его населения от военных действий, голода и насильственного выселения на восток от линии Астрахань — Волга — Архангельск. Гитлеровцы рассчитывали, что сопротивление нашествию можно ослабить путем выдвижения лозунга освобождения советских людей от «угнетательской», чуждой народу «жидо-большевистской» власти.

Дата нападения на СССР была назначена распоряжением главнокомандующего сухопутными войсками Германии от 10 июня 1941 г. Оно гласило: «22 июня, 3 часа 30 минут, начало наступления сухопутных войск и перелет авиации через границу. Если метеорологические условия задержат вылет авиации, то сухопутные войска начнут наступление самостоятельно». Запаздывание с нападением на СССР на месяц от ранее намечавшегося срока объясняется непредвиденными войнами Германии против Югославии и Греции в апреле 1941 г. В Югославии война возникла в связи со свержением 27 марта профашистского правительства, присоединившегося к Тройственному пакту (соглашение о политическом и военно-экономическом союзе между участниками антикоминтерновского пакта от 27 сентября 1940 г., известное также как «ось Берлин–Рим–Токио»). Война велась с 6 по 17 апреля и закончилась поражением Югославии. 6–29 апреля Германия была занята также

войной с Грецией, где она была вынуждена спасать от поражения итальянские войска, ведшие с октября 1940 г. захватническую войну.

Неотвратимость войны с Германией отчетливо осознавалась высшим руководством СССР и подавляющей частью советского народа. Среди них определенно имелись люди, видевшие в надвигающейся войне возможность побед очередных «большевистских революций». Некоторым предстоящие события представлялись еще проще. Л. З. Мехлис, начальник Главного политического управления Красной Армии, говорил на XVIII съезде партии, что задачу, поставленную Сталиным на случай войны, надо понимать так: «Перенести военные действия на территорию противника, выполнить свои интернациональные обязанности и умножить число советских республик». Сталин же, занявший 5 мая 1941 г. пост Председателя правительства, сознавал неготовность Вооруженных сил к участию в современной войне. Надеясь, что пока Германия не разделается с Англией, она не решится напасть на СССР, он избрал тактику всемерного оттягивания начала войны, с тем чтобы завершить техническое перевооружение и увеличить численность армии. В конкретных условиях июня 1941 г. сталинская тактика привела к катастрофе.

По широко распространенному мнению, если бы военным и политическим деятелям, обладавшим данными о неотвратимом нападении Германии на СССР, удалось добиться приказа о приведении войск в боевое состояние до германского нападения, Победа наступила бы задолго до 1945 г. В действительности директива о возможном нападении немцев и их союзников «в течение 22–23 июня» и необходимости войскам соответствующих военных округов «быть в полной боевой готовности» была передана в округа в 00.30 мин 22 июня, за три часа до начала войны, и не успела дойти даже до всех командиров дивизий.

§ 2. Предвоенная модернизация экономики и Вооруженных сил

К началу 3-й пятилетки техническая модернизация СССР была в основном завершена. По общему объему промышленного производства страна вышла на первое место в Европе и второе в мире. (В 1938 г. СССР производил 13,7% мировой продукции, США — 41,9%, Германия — 11,6%, Англия — 9,3%, Франция — 5,7%.) Однако по эффективности производства СССР все еще значительно отставал от США, Англии, Франции, Германии. Третий пятилетний план развития народного хозяйства рассчитывался на 1938–1942 гг. Окончательная разработка, утверждение его XVIII съездом партии (10–21 марта 1939 г.) и выполнение при-
шлись на годы постоянного нарастания военной угрозы.

Задачей нового пятилетнего плана было догнать и перегнать наиболее передовые капиталистические страны по производству на душу насе-

ления. Объем капитальных вложений в народное хозяйство устанавливался планом в 192 млрд рублей, что почти равнялось вложениям за 1928–1937 гг. Планировалось увеличить объем промышленной продукции на 92%, в 1,5 раза увеличить производство продукции сельского хозяйства и народное потребление. Расширились угольно-металлургическая база на востоке страны, нефтяная — между Волгой и Уралом. Особое внимание уделялось развитию качественной металлургии и химической промышленности. Особенностью индустриализации на этом этапе было форсированное наращивание потенциала машиностроения, оборонной промышленности; создание стратегических резервов. Доля расходов на оборону в государственном бюджете выросла с 5,4% в 1-й пятилетке до 12,7% во 2-й и до 25,4% в 3-й.

Стремительное развертывание производства потребовало разукрупнить громоздкие главки и наркоматы. В 1940 г. число промышленных наркоматов увеличилось с 6 до 21. Каждый из них осуществлял руководство технологически однородными отраслями производства. По решению XVIII Всесоюзной партийной конференции (февраль 1941 г.) в горкомах, обкомах и крайкомах партии был создан институт секретарей по основным отраслям промышленности и транспорту. Предусматривалось новое увеличение расходов государства на оборону: с 1939 по июнь 1941 г. их доля в бюджете повысилась с 26 до 43%. В восточных районах строились оборонные заводы и предприятия-дублиеры. Накануне войны там находилась почти пятая часть всех военных заводов.

За три первых года 3-й пятилетки валовая продукция промышленности выросла в 1,5 раза (машиностроения — в 1,7) и составляла 86% от уровня, намеченного на конец пятилетки. Введено в действие около 3 тыс. новых крупных промышленных предприятий. Среди вступивших в строй были Уфимский нефтеперерабатывающий завод (1938), Грозненский нефтемаслозавод (1939), Среднеуральский медеплавильный завод (1939), целлюлозно-бумажные комбинаты в Волжске Марийской АССР (1938) и в Сегеже Карельской АССР (1939), Уральский алюминиевый завод (1939), Новотагильский (1940) и Петровско-Забайкальский (1940) металлургические заводы, Кемеровская ТЭЦ (1940), Угличская ГЭС (1940). В 1939 г. было закончено строительство крупных оросительных систем в долине реки Вахш в Таджикистане, Чимбайской системы в Узбекистане, Алхан-Чуртской, Алейской, Терско-Кумской систем в РСФСР.

Численность промышленных рабочих в стране за мирные годы 3-й пятилетки выросла с 7,9 до 8,3 млн человек (на 5%), количество строителей осталось на уровне 1937 г. (1,9 млн), транспортники увеличили свои ряды с 1,9 до 2,4 млн (на 26,3%). Общее число рабочих в этих ведущих отраслях народного хозяйства с 1937 по 1940 г. выросло с 11,6 до 12,6 млн человек (на 8,6%). Большую роль для качественного пополне-

ния рабочего класса стала играть созданная в 1940 г. система трудовых резервов, позволявшая готовить значительно более квалифицированных рабочих по сравнению с прежней системой индивидуальной подготовки и краткосрочного обучения в системе ФЗУ.

Поистине жертвенный труд народа обеспечил увеличение выпуска промышленной продукции в 1940 г. на 45% по сравнению с 1937 г. Ежегодный прирост всей промышленной продукции в мирные годы 3-й пятилетки составлял в среднем 13%, а оборонной — 39%. Опасность близившейся войны требовала всемерного развертывания работы предприятий военно-промышленного комплекса. Наркомат оборонной промышленности СССР, созданный в 1936 г., в январе 1939 г. был разделен на четыре самостоятельных общесоюзных наркомата: авиационной промышленности (руководители: М. М. Каганович, А. И. Шахурин), судостроительной промышленности (И. Ф. Тевосян, И. И. Носенко), вооружения (Б. Л. Ванников, Д. Ф. Устинов), боеприпасов (И. П. Сергеев, П. Н. Горемыкин). На укрепление отрасли военной промышленности были брошены все силы и средства, часто в ущерб остальным отраслям. Например, в 1939 г. Ростсельмаш выполнил свое годовое плановое задание на 80%, но в том числе план по военной продукции — на 150%. Однако опыт войны в Испании показал, что советские истребители И-16 и танки БТ-5 с появлением у немцев истребителя «Мессершмитт-109» и танков Т-3 устарели. Надо было срочно ликвидировать отставание.

Развитию авиационной промышленности во многом способствовала деятельность ЦАГИ. В 1940 г. институт был подвергнут новой реконструкции. Из опытно-конструкторского бюро, в недавнем прошлом возглавлявшегося А. Н. Туполевым, выделились самостоятельные конструкторские бригады во главе с В. М. Петляковым, А. А. Архангельским, П. О. Сухим, В. М. Мясичевым. Были созданы новые конструкторские бюро под руководством А. И. Микояна, М. И. Гуревича, С. А. Лавочкина, М. И. Гудкова, В. П. Горбунова. В области моторостроения наряду с действовавшими конструкторскими бюро В. Я. Климова, А. А. Микулина, А. Д. Шевцова стали работать коллективы С. К. Туманского, Е. В. Урмина, А. Д. Чаромского и др. Деятельность этих и других конструкторских бюро содействовала укреплению оборонного потенциала СССР.

В конце 1930-х — начале 1940-х годов страна осваивала производство новых видов военной техники, превосходивших зарубежные аналоги: танк Т-34 (конструкторы М. И. Кошкин, А. А. Морозов, Н. А. Кучеренко), тяжелый танк «Клим Ворошилов» (Ж. Я. Котин), реактивный миномет БМ-13 (А. Г. Костиков, Ю. А. Победоносцев, И. И. Гвай и др.), штурмовик Ил-2 (С. В. Ильюшин). В серийное производство были запущены верно служившие в годы войны истребители Як-1 (конструктор А. С. Яковлев), МиГ-3 (А. И. Микоян, М. И. Гуревич), ЛаГГ-3

(С. А. Лавочкин, М. И. Гудков, В. П. Горбунов), скоростной пикирующий бомбардировщик Пе-2 (В. М. Петляков). Хорошо зарекомендовали себя в годы войны артиллерийские орудия и минометы, созданные в 1930-е годы В. Г. Грабиным, И. И. Ивановым, Ф. Ф. Петровым, автоматическое оружие В. А. Дегтярева и Ф. В. Токарева.

Широкое применение в танко- и судостроении, в изготовлении многих других металлоконструкций получили созданные в 1939 г. в институте электросварки АН УССР под руководством Е. О. Патона аппараты скоростной автоматической электросварки под слоем флюса. На вооружение Красной Армии приняты системы для радиообнаружения самолетов и определения расстояния до них, разработанные под руководством Ю. Б. Кобзарева (РУС-1) и А. Б. Слепушкина (РУС-2). В 1940 г. создан первый отечественный гидролокатор «Тамир». Показателем успешного продвижения ученых и техников СССР в области ракетостроения является состоявшийся 28 февраля 1940 г. первый полет (летчик-испытатель В. П. Федоров) на экспериментальном одноместном ракетоплане с жидкостным ракетным двигателем конструкции С. П. Королева.

Все это позволяло существенно повысить техническую оснащенность Красной Армии и Военно-Морского Флота. С января 1939 г. по 22 июня 1941 г. промышленность СССР дала армии 17 745 боевых самолетов, свыше 7 тыс. танков, около 30 тыс. полевых орудий, почти 52,4 тыс. минометов. С 1938 г. флот пополнили 276 боевых кораблей, в том числе 212 подводных лодок. Ежегодный прирост военной продукции в 1938–1940 гг. втрое превосходил прирост всей промышленной продукции. Однако и при таких темпах полностью обеспечить армию новым вооружением можно было лишь в 1942–1943 гг.

При реализации к июню 1941 г. трех первых пятилетних планов (соответственно 2-й, 3-й и 4-й этапы индустриализации) обеспечен постоянный рост промышленного производства (в среднем на 15% за год). В строй действующих вступило около 9 тыс. крупных, передовых по мировым меркам тех лет, промышленных предприятий. Во второй половине 1930-х годов СССР достиг экономической независимости от Запада. Если в 1913 г. доля России в мировой торговле составляла 3,9%, а в 1929 г. — 1,3%, то в 1938 г. она снизилась до 1,1%. Это означало, что страна, даже оказавшись в полной экономической изоляции, могла продолжать развиваться, опираясь на возможности только своей промышленности.

Валовой внутренний продукт СССР в 1941 г. достиг 219 млрд рублей (в сопоставимых для всего XX в. ценах) и был в 1,6 раза больше, чем в 1937 г. и на 4,8% превышал уровень предвоенного 1940 г. Однако расширение объемов производства мало сказывалось на уровне жизни населения. Цены на потребительские товары в годы 3-й пятилетки продолжали расти, хотя и не так значительно, как в годы первых двух пяти-

леток. Правда, на отдельные виды товаров цены снижались. В целом за 3 предвоенные пятилетки индекс розничных цен вырос в 6,3 раза, а индекс заработной платы — в 6,4 раза. Доступность товаров населению увеличилась незначительно.

В 1939 г. среднегодовая заработная плата рабочих и служащих по СССР составляла 3943 рубля, на Дальнем Востоке и в Восточной Сибири — 5396 рублей. По данным на 1940 г. среднемесячная денежная заработная плата рабочих и служащих народного хозяйства СССР равнялась 331 рубль; средняя зарплата рабочих промышленности — 324 рублей, инженерно-технических работников — 696, служащих — 360 рублей, зарплата строительных рабочих — 311 рублей, рабочих в сфере торговли, общественного питания, материально-технического снабжения — 206 рублей, рабочих в совхозах — 207 рублей. По данным на 1940 г. зарплата председателя райисполкома составляла 17 тыс. рублей в год, торгпред во Франции получал 16 тыс., первый секретарь ЦК ВЛКСМ — 24 тыс. рублей. В 1939 г. власти обнаружили, что примерно такой же доход (15–20 тыс. рублей) приносит подсобное хозяйство отдельных крестьянских хозяйств и стали жестче следить за «порядком»: участки, превышающие колхозным уставом нормы, обрезали, личный скот передавался в колхозы, размеры обязательных поставок государству с подсобных хозяйств были увеличены.

8 февраля 1932 г. Политбюро отменило так называемый партмаксимум — максимальный уровень окладов коммунистов, занимавших руководящие посты в государственных учреждениях и организациях, соизмеримый с зарплатой высококвалифицированных рабочих. В результате уже на протяжении 1930-х годов разрывы в уровне жизни (с учетом не только зарплаты, но и обеспеченности жильем, одеждой, личным транспортом, качества питания, медицинского обслуживания и т.д.) между верхушкой номенклатуры и наименее обеспеченными слоями населения стали приближаться к величинам, характерным для капиталистического общества, хотя пока еще и сдерживались установкой на материальный эгалитаризм. Постановления СНК СССР (от 25 мая 1936 г. и от 9 мая 1937 г.) предусматривали выплату дотаций в размере 80 рублей на питание работникам аппарата ЦК ВКП(б), ЦК ВЛКСМ, ряда центральных партийных учреждений. В таком же размере дотация выплачивалась работникам обкомов, крайкомов, ЦК компартий союзных республик и горкомов партии областных и республиканских центров. Однако привилегии номенклатурных работников в целом вряд ли можно считать значительными. Немецкий писатель Л. Фейхтвангер, посетивший СССР в 1937 г., отметил: «Тяжелее всего ощущается жилищная нужда... Видные политические деятели, ученые с высокими окладами живут примитивнее, чем некоторые мелкие буржуа на Западе». Жизнь большинства рядовых тружеников была намного тяжелее. Начало Второй мировой войны не оставляло надежд на ее облегчение. 17 сентября 1939 г. Молотов еще говорил по радио о том, что «страна обеспечена всем необходимым», а люди бросились запасаться самым необходимым. Соль, спички, крупы и другие «стратегические» продукты были сметены с магазинных полок.

Выполнение напряженных планов 3-й пятилетки во многом обеспечивалось возвратом к милитаризации труда. Под угрозой заключения рабочим и служащим было запрещено переходить с одного предприятия на другое без разрешения дирекции. В 1938 г. были введены «трудовые книжки», которые хранились в отделе кадров по месту работы. В них записывались как благодарности за хорошую работу, так и нарушения трудовой дисциплины. Без отметки в трудовой книжке о причинах увольнения с предыдущего места работы человека не могли принять на новую работу.

В 1940 г. рабочий режим промышленных предприятий стал еще более жестким. Если в 1939 г. опоздание на работу на 20 мин без уважительной причины считалось прогулом, то с 1940 г. за это рабочий мог быть осужден на шесть месяцев «условно»: он продолжал трудиться на своем месте, но у него вычитали до 25% заработка в пользу государства. С 26 июня 1940 г. длительность рабочего дня увеличилась с 7 до 8 ч, вместо шестидневной рабочей недели была введена семидневная. Воскресенье, соответственно религиозной традиции, вновь стало единым днем отдыха. Ранее оно таковым не было: с 24 сентября 1929 г. действовала пятидневная рабочая неделя (4 дня работы и 1 день отдыха), а с декабря 1931 г. еще и шестидневная (5 дней работы и 1 выходной). Помимо воскресных дней, нерабочими были 22 января, 1 и 2 мая, 7 и 8 ноября, 5 декабря.

Фактически многие отрасли промышленности переводились на полугодовые рельсы. С 1940 г. ежегодно проводилась мобилизация молодежи для обучения в ремесленных училищах. Стремление построить коммунизм в одной стране, догнать и перегнать наиболее передовые капиталистические страны по производству на душу населения в этих условиях приобретало специфические очертания.

Высокие темпы промышленного развития в 1930-е годы были достигнуты как за счет низкого стартового уровня, так и тотального внедрения командных методов руководства. Целям форсированной индустриализации отвечало массовое использование дешевой рабочей силы и энтузиазма масс, воодушевленных идеей строительства бесклассового общества. Большую роль сыграли различные формы соревнования (ударничество в годы 1-й пятилетки, стахановское движение во второй и третьей) за выполнение и перевыполнение производственных заданий. Для стимулирования производительного труда 27 декабря 1938 г. были учреждены медали «За трудовую доблесть», «За трудовое отличие», звание «Герой Социалистического Труда». (В 1927–1938 гг. лица, имеющие особые заслуги в области производства, научной деятельности, государственной или общественной службы удостоивались звания Героя Труда. Такое звание имели 1014 человек. Первым из них по решению ЦИК СССР от 2 января 1928 г. стал рабочий владимирской тек-

стильной фабрики «Парижская коммуна» Н. А. Бушуев, отдавший предприятию 50 лет трудовой жизни.) Утопическое сознание формировалось официальной пропагандой, утверждавшей, к примеру, что «коммунизм станет в ближайший исторический период таким же реальным фактом, каким является уже построенный в основном социализм — первая фаза коммунизма».

Такая пропаганда велась в период, когда в стране широко использовался труд сотен тысяч заключенных. Перед Великой Отечественной войной ГУЛАГ включал 53 лагеря, 425 исправительно-трудовых колоний, 50 колоний для несовершеннолетних. Внутри системы были созданы специальные отраслевые управления: Главлеслаг, Главпромстрой, Главное управление лагерей горнометаллургической промышленности, Главное управление лагерей железнодорожного строительства. В 1934 г. число заключённых в лагерях составляло 500 тыс. человек, в 1940 г. — более 1,5 млн. Общее их число в канун войны достигало 2,2 млн человек. Трудом заключенных выполнялось до 10% всех объемов и до 20% — объема строительных работ в стране. В 1940 г. удельный вес капиталовложений, освоенных НКВД, в общих централизованных капитальных вложениях достиг самого высокого уровня за весь период 1930 — начала 1950-х годов — 14%. По объему выпускаемой продукции система ГУЛАГа занимала первое место среди всех наркоматов. На предприятиях НКВД производили цемент, строили пароходы, катера, баржи, авто-тракторные прицепы, дорожную технику, сельскохозяйственные орудия, выпускали мебель, трикотаж, обувь и многое другое.

К 1939 г. в «ведомстве Берии» оказался ряд талантливых конструкторов и инженеров, возникли конструкторские бюро, именуемые на лагерном жаргоне «шарашками». В них работали авиаконструкторы А. Н. Туполев, В. М. Петляков, В. М. Мясищев, Р. Л. Баргини, ракетостроители С. П. Королев, В. П. Глушко. Одна из причин недоверия ко многим из них заключалась в том, что они начинали свою деятельность в научно-исследовательских институтах и конструкторских бюро, курируемых по военной линии «троцкистом» М. Н. Тухачевским. Всего на учете в ГУЛАГе к концу 1939 г. состояло свыше 36 тыс. специалистов различных профессий, но только несколько сотен (по данным на июль 1939 г. — 316 человек) работали по своей специальности.

Заключенные внесли значительный вклад в решение ряда насущных технических и экономических задач. Однако следует принимать во внимание, что в общем числе экономически активного населения страны (более 100 млн человек) доля заключенных составляла не более 2%. Их труд не использовался в таких областях экономики, как электроэнергетика, машиностроение, транспорт и другие решающие области экономики. Производительность труда заключенных не могла быть выше, чем у тружеников основных производств. Это значит, что общий

вклад ГУЛАГа в создание ВВП вряд ли мог намного превышать долю его обитателей в общем числе занятых в народном хозяйстве.

В годы 3-й пятилетки стабилизировалось положение в аграрном секторе. Коллективизация была практически завершена (по данным на 1 июля 1940 г. в СССР в границах до 17 сентября 1939 г. было коллективизировано 96,9% крестьянских дворов, в новых границах — 82,3%). Сельскохозяйственное производство имело тенденцию к росту, хотя и сдерживалось переключением внимания и ресурсов на оборонные отрасли хозяйства. Если в канун «революции сверху» в стране ежегодно производилось 72–73 млн т зерна, более 5 млн т мяса, свыше 30 млн т молока, то в конце 1930-х — начале 1940-х годов соответственно: 75–80, 4–5 и 70 млн т. В расчете на душу населения валовой сбор зерна достиг примерно 475 кг, и это было серьезным достижением, на центнер превышавшим дореволюционную норму. Вместе с тем в конце 1920-х годов эту продукцию производили 50–55 млн единоличников, а в предвоенные годы 30–35 млн колхозников и рабочих совхозов. И самое главное, ради чего проводилась перестройка сельского хозяйства: она уже в 1940 г. позволила увеличить государственные заготовки зерна до 36,4 млн т, в 3,37 раза большие, чем накануне коллективизации, в 1928 г.

К началу Великой Отечественной войны в СССР производилось товарного зерна больше, чем перед Первой мировой войной. Повышение производительности труда в деревне обеспечило высвобождение для индустрии, других отраслей народного хозяйства и Вооруженных сил 20 млн человек. Оценивая итоги драматической истории коллективизации, В. П. Данилов, один из крупнейших отечественных историков, писал: «Уже в первые годы коллективизации — даже при общем снижении сельскохозяйственного производства — стало возможным сначала вдвое, а затем втрое увеличить хлебозаготовки, обеспечить экспортные операции и снабжение городов, армия беженцев из деревни пополнила армию городского рабочего класса... Иными словами, насильственная коллективизация предопределила в некоторой мере успех индустриализации, нашу победу над фашизмом».

Численность Красной Армии, перешедшей в 1938 г. от территориально-кадровой к кадровой системе комплектования, быстро наращивалась. 1 сентября 1939 г. в СССР был принят закон «О всеобщей воинской обязанности». В соответствии с ним призывной возраст снижался с 21 года до 18 лет, увеличивались сроки военной службы, удлинялся срок пребывания военнообязанных в запасе. Это позволило уже через год удвоить армейские ряды. В начале 1939 г. в Вооруженных силах СССР служили 2485 тыс. человек, а к 22 июня 1941 г. — 5774 тыс. (Для сравнения: германский вермахт на 15 июня 1941 г. насчитывал 7329 тыс. человек.) Для улучшения управляемости Вооруженными си-

лами были разукрупнены военные округа: в 1933 г. их было 8, к началу 1939 г. — 14, к июню 1941 г. — 16. Помимо этого, имелся Дальневосточный фронт, 4 военно-морских флота и 5 военных флотилий. В руководство армией выдвигались командиры, отличившиеся в Испании, Монголии и Финляндии. В мае 1940 г. С. К. Тимошенко сменил К. Е. Ворошилова на посту наркома обороны. В июне 1940 г. Г. К. Жуков выдвинут на пост командующего войсками Киевского особого военного округа, а в январе 1941 г. — на пост начальника Генштаба — заместителя наркома обороны СССР.

Подготовке молодежи к военному делу способствовало развертывание оборонно-массовой работы в стране. Только в Добровольном обществе содействия обороне, авиации и химическому строительству к 1941 г. состояло около 14 млн человек. Квалифицированные военные кадры готовились в быстро расширявшейся системе военных училищ и школ. Офицерский корпус советских Вооруженных сил за 1937–1940 гг. вырос в 2,8 раза, при этом число офицеров с высшим и средним военным образованием увеличилось в 2,2 раза — со 164 тыс. до 385 тыс. Однако, по данным на начало 1941 г., в сухопутных войсках некомплект комсостава составлял 66,9 тыс. командиров, в летно-техническом составе ВВС — 32,3%. Лишь 7,1% наличного комсостава имели высшее военное образование. К началу Великой Отечественной войны три четверти командиров находились на своих должностях менее года и не обладали должным военным опытом.

3-я пятилетка модернизации народного хозяйства страны завершила целый период развития советской экономики, начатый 1-й пятилеткой. За это короткое время были заложены основы успешного развития советской экономики на протяжении нескольких последующих десятилетий. Была фактически заново создана материальная база развития тяжелой промышленности и пищевой промышленности, коренной реконструкции подверглась материально-техническая база растениеводства, создано крупное производство в сельском хозяйстве, обучена огромная масса инженерно-технических работников и рабочих. Был подобран сильный состав руководящих работников в промышленности и на транспорте, в управлении экономикой. Была создана разветвленная сеть научно-исследовательских институтов, высших и средних учебных заведений. Начали создаваться специализированные строительные производства. Наиболее слабыми местами советской экономики в предвоенный период, которые только начали преодолеваться в 3-й пятилетке, были низкая квалификация большинства рабочих и инженерно-технических работников основных отраслей экономики, расточительное использование материальных и производственных фондов, плохая организация труда, низкое качество продукции. Одни из этих недостатков

носили системный характер, другие стали следствием ускоренных темпов индустриализации и коллективизации. Значительная их часть была обусловлена малым опытом управления командной экономикой при необходимости направлять огромные средства на укрепление военной мощи страны.

17 января 1939 г. в СССР проведена Всесоюзная перепись населения, призванная заменить январскую (1937), признанную дефектной. В 1937 г. в СССР насчиталось 162 млн человек. Это означало, что население страны по сравнению с переписью 1926 г. увеличилось на 15 млн человек. Однако результат существенно расходился с прогнозами, по которым численность населения Союза должна была составить 166–180 млн человек. На этом основании результаты переписи, которые по оценкам современных историков являются довольно точными (считается, что перепись недоучла около 0,4% населения страны, 700 тыс. человек), посчитали сфальсифицированными (а значит, увеличивавшими и без того большую цифру потерь населения от репрессий). Данные 1939 г. некоторые современные специалисты считают завышенными на 1,6–1,7%.

Перепись 1939 г. зафиксировала 170,5 млн человек, в РСФСР — 109,4 млн. Она отразила бурный процесс урбанизации страны в межпереписной период. Городское население СССР выросло за это время на 34,3 млн человек (в России на 19,8 млн). Если в 1926 г. горожанами были 17,8% жителей СССР и 17,9% жителей РСФСР, то в 1939 г. в СССР горожан насчиталось 31,7%, а в России — 33,5%. Коренные изменения в социальном составе общества выразились прежде всего в росте числа рабочих (33,3% от всего населения), колхозников и кооперированных кустарей (47,2%), служащих и интеллигенции (16,5%), сужении слоя крестьян-единоличников и некооперированных кустарей до 2,6%. При росте между переписями населения СССР на 16% число инженеров увеличилось в 7,7 раз, агрономов — в 5, работников науки — в 7, учителей — в 3,5, врачей — в 3,3, культурно-просветительных работников — в 8,4 раза. По сравнению с дореволюционным временем значительно сократилось число занятых в сельском хозяйстве (с 75 до 50%), выросло число занятых в промышленности и строительстве (с 9 до 26%), а также в непроизводственной сфере экономики (с 5 до 13%).

С присоединением к СССР в 1939–1940 гг. новых территорий численность советских людей на 22 июня 1941 г. выросла до 196,7 млн человек. 73% жителей страны насчитывали три славянских народа. Русских было около 102 млн человек (51,8%), украинцев — около 34 млн (17,6%), белорусов — более 7 млн (3,6%). К началу Второй мировой войны демографический потенциал Советского Союза был более высоким, чем у его вероятного военного противника. Население Третьего рейха насчитывало 69,3 млн человек, с аншлюсом Австрии (март 1938 г.) оно увеличилось до 80 млн человек. В 1939–1941 гг. Фашистская Германия покорила 11 стран Европы с населением 130 млн человек.

§ 3. Удары по потенциалу «пятой колонны»

К середине 1930-х годов руководство СССР во многом прониклось представлениями и пыталось убедить все население страны в том, что во всех партийных, советских, хозяйственных органах, в руководстве Красной Армии безнаказанно орудуют «враги народа». «Очищение» страны от «внутренних врагов» приобрело массовый характер в 1937 г. Столь же интенсивно оно велось и в 1938 г., вызываясь, по заверениям сталинистов, необходимостью ликвидации «пятой колонны» в условиях надвигающейся войны. Это было верным только отчасти. Одновременно это была борьба за сохранение сталинского режима. Оппозиционеры, вероятно, не только в 1920-е, но и на протяжении значительной части 1930-х годов искали пути устранения Сталина и его ближайшего окружения.

Из судебных процессов, проведенных в 1938 г., наиболее громким был процесс по делу «Правотроцкистского антисоветского блока». Он начался 2 марта в Октябрьском зале Дома Союзов. На скамье подсудимых находился 21 человек. Трое из них были членами ленинского состава Политбюро — Н. И. Бухарин, А. И. Рыков, Н. Н. Крестинский. Еще один бывший член этой когорты — М. П. Томский — покончил жизнь самоубийством накануне ареста. Среди подсудимых были также бывшие высшие работники центрального государственного и партийного аппарата — наркомы внешней торговли А. П. Розенгольц, лесной промышленности В. И. Иванов, земледелия М. А. Чернов, финансов Г. Ф. Гринько, внутренних дел Г. Г. Ягода, председатель Центросоюза И. А. Зеленский.

В качестве подсудимых оказался также ряд бывших первых лиц в руководстве союзных республик: председатель СНК Украины Х. Г. Раковский, первый секретарь ЦК КП Белоруссии В. Ф. Шарангович, председатель СНК Узбекской ССР Ф. У. Ходжаев, первый секретарь ЦК КП Узбекистана А. И. Икрамов. К этим главным политическим обвиняемым были присоединены несколько бывших работников менее высокого ранга — советник советского торгпредства в Берлине, секретарь НКВД, заместитель наркома земледелия, бывшие секретари Ягоды, Куйбышева и М. Горького, 3 врача.

В обвинительном заключении значилось, что подсудимые, «являясь непримиримыми врагами Советской власти, в 1932–1933 гг. по заданию разведок враждебных к СССР иностранных государств организовали заговорщическую группу, именуемую “правотроцкистским блоком”, который объединил подпольные антисоветские группы троцкистов, правых, зиновьевцев, меньшевиков, эсеров, буржуазных националистов Украины, Белоруссии, Грузии, Армении, Азербайджана, Среднеазиатских республик. “Правотроцкистский блок” якобы ставил своей целью свержение существующего в СССР социалистического общественного и государственного строя, восстановление в СССР капитализма и влас-

ти буржуазии путем диверсионно-вредительской, террористической, шпионско-изменнической деятельности, направленной на подрыв экономической и оборонной мощи Советского Союза и содействие иностранным агрессорам в поражении и расчленении СССР».

Подсудимые обвинялись и в других преступлениях — совершении ряда диверсионно-вредительских актов по снижению и порче урожая; сокращению поголовья коней и крупного рогатого скота; искусственному распространению эпизоотии, в результате которой только в Восточной Сибири в 1936 г. пало около 25 тыс. лошадей; финансировании Троцкого; подготовке бандитско-повстанческих кулацких кадров для организации вооруженных выступлений в тылу Красной Армии к началу интервенции против СССР; создании террористической группы для подготовки и совершения террористических актов в отношении Сталина, Молотова, Кагановича и Ворошилова; личной попытке совершить теракт против Сталина; убийстве Кирова, умерщвлении М. Горького и его сына, а также Куйбышева, Менжинского; поручении совершить теракт в отношении Ежова. В приговоре указывается также, что в 1918 г. Бухарин и его сообщники ставили цель убить Ленина, Сталина и Свердлова; сформировать новое правительство из бухаринцев, троцкистов и левых эсеров; а покушение на жизнь Ленина 30 августа 1918 г. явилось прямым результатом замыслов левых коммунистов во главе с Бухариным.

13 марта 1938 г. Военная коллегия Верховного суда СССР объявила приговор. Для 18 подсудимых — смертельный. В результате этой и подобных судебных и внесудебных расправ физически ликвидировалась значительная часть старой большевистской гвардии, многочисленные представители партийного и государственного аппарата, заподозренные в нелояльности и непригодности.

В 1938 г. завершились чистки по «национальным операциям». Общее число репрессированных по ним за 1937–1938 гг. составило 335 513 человек, из которых приговорено к расстрелу 247 157 (73,6%). Предавались суду и профессиональные революционеры, переходившие из сопредельных стран на территорию СССР. В январе 1938 г. Политбюро ЦК приняло специальное решение — расстреливать всех задерживаемых перебежчиков, если они перешли границу «с враждебной целью», когда же такой цели не обнаруживалось — осуждать на 10 лет тюремного заключения.

Репрессии по национальному признаку не обошли и силовые структуры. В соответствии с директивой наркома обороны (24 июня 1938 г.) из армии подлежали увольнению военнослужащие всех «национальностей, не входящих в состав Советского Союза», в первую очередь — родившиеся за границей, а также имеющие там родственников. В мае 1938 г. ЦК партии дал указание об удалении из органов НКВД всех сотрудников, имеющих родственников за границей и происходивших из «мел-

кобуржуазных» семей. Из руководящего состава НКВД исчезли поляки, латыши, немцы, значительно сократилось число евреев (с 21,3% на начало сентября 1938 г. до 3,5% — к концу 1939 г.).

Резкое снижение удельного веса евреев в составе работников НКВД в 1939 г. произошло не из-за того, что к этому времени, как пишет С. Л. Берия в книге «Мой отец Берия» (2002), «верхушку партийного аппарата и государства заняла группа русофилов, которые не доверяли “иноземцам” и ненавидели их». В группу «русских шовинистов» мемуарист включил Молотова, Андреева, Маленкова, Жданова, приказы которых выполняли Ежов и Ягода. Вынужденным «русофилом» стал якобы и отец мемуариста. Собранная им информация показала, что «три четверти следователей и руководителей контрразведки были евреи. Опасаясь, что их слишком активное присутствие в репрессивных органах может вызвать волну антисемитизма, он решил сменить их на русских. Ибо в тот период часто раздавались упреки, что евреи притесняют и уничтожают русский народ». Статистика национального состава репрессированных показывает, что их основную массу действительно составляли русские. Таким образом, «русофильство» Л. П. Берии, выраженное в изменении национального состава руководителей и следователей НКВД, находит свое объяснение в заботе о благополучии вовсе не русского народа.

К концу 1938 г. борьба за уничтожение «пятой колонны» пошла на спад. 17 ноября правительственным постановлением запрещалось проведение «массовых операций по арестам и выселению» и осуждающее «нарушение законности». 25 ноября от должности наркома внутренних дел освобожден, в апреле 1939 г. арестован по обвинению в заговоре и в феврале 1940 г. расстрелян Н. И. Ежов. Его участь разделил 101 высший руководитель ведомства — все заместители наркома, почти все начальники отделов центрального аппарата НКВД, наркомы внутренних дел союзных и автономных республик; начальники многих краевых, областных и городских управлений. По данным справочника «Кто руководил НКВД. 1934–1941» (2002), всего в 1933–1939 гг. репрессировано 22 168 сотрудников ОГПУ–НКВД. В это число, наряду с работниками госбезопасности, входят и составляют абсолютное большинство сотрудники милиции, пожарной охраны, служащие войск НКВД, системы ГУЛАГа, загсов и т.д.

При новом наркоме НКВД масштабы репрессий сократились. В 1939 г. «за контрреволюционные и государственные преступления» приговорены к смерти 2552 человека, в 1940–1941 г., включая военное положение, — 8001 человек. В 1939–1940 гг. реабилитированы и освобождены из мест заключения 837 тыс. человек.

Уменьшились репрессии и в самой правящей партии. Январский (1939 г.) пленум ЦК ВКП(б) призвал партийные организации испра-

вить «серьезные ошибки», допущенные в работе по очищению партийных рядов от «троцкистско-правых агентов фашизма», обязал их «решительно покончить с массовыми, огульными исключениями из партии», в течение трех месяцев рассмотреть все апелляции исключенных и не позже чем к 15 февраля 1938 г. обеспечить их поступление на работу. Партийным организациям было предписано «привлекать к суровой ответственности лиц, виновных в клевете на членов партии». 26 января 1938 г. в «Правде» была помещена передовица: «Реабилитировать неправильно исключенных, сурово наказать клеветников!». Все это привело к резкому сокращению репрессий в отношении членов партии. О динамике репрессий можно судить по числу исключенных из ее рядов: в 1937–1938 гг. — 216 тыс. человек, в 1939 г. — 26,7 тыс., в 1940 г. — около 40 тыс. В то же время в 1939–1940 гг., в партии восстановлено 164,8 тыс. человек. Из 34 членов Политбюро, входивших в него в 1917–1939 гг., репрессировано 17, из 27 членов Секретариата ЦК — 15, из 64 членов Оргбюро — 42, из 71 члена ЦК — 49, из 18 председателей и заместителей председателя Совнаркома СССР — 10.

В марте 1939 г. Сталин обнародовал цифры, согласно которым на XVIII съезде партии было представлено на 270 тыс. коммунистов меньше, чем на предыдущем съезде в 1934 г. За период между съездами «были выдвинуты на руководящие посты по государственной и партийной линии более 500 тыс. молодых большевиков, партийных и примыкающих к партии». Если предположить, что выдвижения осуществлялись главным образом для замены репрессированных руководителей, то можно сделать заключение и о числе репрессированных коммунистов, занимавших руководящие посты в партии и государстве.

В результате репрессий, завершивших «революцию сверху», в стране окончательно утвердился режим личной власти Сталина, который умел подчиняться социальным и экономическим реальностям, но и в дальнейшем широко использовал страх, жестокое насилие наряду с иными методами управления обществом.

Наиболее пострадавшей от репрессий оказалась Красная Армия, особенно ее высший командный состав. Из 837 человек, имевших в 1935 г. персональные воинские звания от полковника и выше, арестовано 720 (86%). Всего же в 1937–1938 гг. из РККА уволено 37 тыс. офицеров (для сравнения: до 1935 г. во всей армии их было около 40 тыс.), из них по политическим мотивам — 29 тыс. К 1941 г. 13 тыс. из них были восстановлены в армии, арестовано было до 8 тыс., расстреляно — до 5 тыс. человек. Число уволенных составляло около 2,5% от общей численности офицеров накануне войны.

В нагнетание атмосферы подозрительности, шпиономании, поиска врагов народа в армии, помимо Сталина и Ворошилова, большой вредоносный вклад внесли Л. З. Мехлис, занимавший высшую политическую должность

в РККА после самоубийства начальника Политуправления Красной Армии Я. Б. Гамарника, а также заместитель наркома обороны по кадрам Е. А. Щаденко. По версии тех лет, руководство заговором в армии после разоблачения Тухачевского осуществлял маршал А. И. Егоров (с 1935 г. начальник Генерального штаба, с мая 1937 г. первый зам. наркома обороны СССР, в январе 1938 г. назначен командующим войсками Закавказского Военного округа; в апреле того же года арестован), затем командарм 1-го ранга И. Ф. Федыко (командовал в 1937 г. Киевским военным округом, с января 1938 г. — первый зам. наркома обороны; в июле 1938 г. арестован).

Выдающиеся военные деятели СССР позднее почти единодушно отмечали губительную роль репрессий в армии в предвоенные годы. Маршал Г. К. Жуков считал: «Не будь 1937 года, не было бы и лета 1941 года». Такой же позиции придерживался маршал И. С. Конев. «Не подлежит сомнению, — говорил он, — что если бы тридцать седьмого — тридцать восьмого годов не было, и не только в армии, но и в партии, в стране, то мы к сорок первому году были бы несравненно сильнее, чем были». «А я скажу больше, — утверждал маршал А. М. Василевский. — Без тридцать седьмого года, возможно, и не было бы вообще войны в сорок первом году». Правда, некоторые, например известный философ А. А. Зиновьев, утверждали: «Если бы не сталинские жестокие меры, нас уже в 41-м году не было бы».

§ 4. Модернизация в культуре и патриотическая подготовка населения к войне

Модернизация в культуре в годы 3-й пятилетки, как и раньше, в основном определялась политикой советского руководства в сфере образования и науки. Со времен Гражданской войны в стране велась ликвидация неграмотности. Созданы были тысячи школ, кружков, пунктов, где грамоте обучали взрослых и детей. С середины 1930-х действовала эффективная система народного образования. В средней и высшей школе фактически была восстановлена дореволюционная модель с регламентированной системой занятий и достаточно жесткими требованиями к оценке знаний. Введены обязательные государственные программы обучения, стабильные учебники, строгий порядок учебного процесса. Вместе с тем политика во многом подчинялась задаче создания тотального контроля над всей социокультурной сферой жизни общества.

В соответствии с правительственным постановлением «О работе по обучению неграмотных и малограмотных» (январь 1936 г.) к концу 1930-х годов расширено обучение взрослых в средних общеобразовательных школах. В 1939 г. здесь обучалось более 750 тыс. человек (81% — в подготовительных и 5–7-х классах, 19% — в 8–10-х классах). Налажена была система заочного обучения взрослых с использованием кон-

сультационных пунктов. В РСФСР заочным обучением охвачено около 40 тыс. человек.

К концу 1930-х годов в стране функционировало 152 тыс. школ, более 800 вузов (в 1917 г. их было немногим более 100, в 1941 г. — 817), более 3,7 тыс. техникумов и других средних специальных учреждений. Число учащихся в школах достигло 34 млн, в вузах — 601 тыс., в техникумах — 1,1 млн. Всего же в стране обучалось около 48 млн человек. В городах к этому времени был завершен переход к семилетнему образованию, поставлена задача перехода к всеобщему среднему образованию в городах, и семилетнему — в сельской местности и национальных районах.

С 1920 по 1940 г. в стране было обучено грамоте до 60 млн взрослых — поистине великое достижение. В 1940/41 учебном году количество учащихся средних школ по сравнению с 1937 г. увеличилось почти в 10 раз, почти в 3 раза выросло число учащихся неполных средних школ на селе. Число лиц, имеющих среднее образование, росло с каждым годом. Если в 1918–1928 гг. среднее образование, полное и неполное, общее и специальное, в среднем за год получали 67 тыс. человек, то в 1929–1932 гг. — уже 222 тыс., а в 1938–1940 гг. — 468 тыс. В начале 1940-х годов СССР вышел на первое место в мире по числу учащихся, по темпам и объему подготовки специалистов.

По данным переписи 1939 г., 81,2% жителей СССР умели читать и писать (в 1913 г. — 27). Однако в целом уровень грамотности в стране оставался невысоким. Законченное высшее образование имели 1,2 млн человек, среднее (полное и неполное) и незаконченное высшее — 14,7 млн. В составе населения в возрасте 10 лет и старше лиц с высшим образованием насчитывалось 0,8%, со средним (полным и неполным) 10%. Образование в объеме семилетки имело 8% рабочих и 1,8% колхозников. Даже на самом «верху», среди членов и кандидатов в члены ЦК, всей номенклатуры союзных и автономных республик, краев и областей с высшим образованием было всего 6%, у большинства из них образование ограничивалось двухклассной церковно-приходской школой и различного рода краткосрочными курсами, совпартшколами. На 1 января 1941 г. высшего образования не имели 81,6% руководящих работников и специалистов в промышленности (от директора до мастера и экономиста цеха). Эти цифры — явное свидетельство незавершенности модернизации культуры. Тем не менее фактическая ликвидация безграмотности основной массы населения страны, наряду с другими достижениями в области культуры, характеризует период 1934–1939 гг. как поистине период «культурной революции». Без нее, как и без индустриализации, коллективизации победа в Великой Отечественной войне была бы невозможной.

Нужда в специалистах удовлетворялась через формирование кадров новой интеллигенции — преимущественно за счет выходцев из ра-

бочих и крестьян. Всего за 1930-е годы вузы дали народному хозяйству около 900 тыс. специалистов. В 1940 г. при вузах и НИИ имелось 16,9 тыс. аспирантов против 3 тыс. в 1930 г. Среди ученых росла партийная прослойка. Если в 1929 г. в АН СССР было всего 16 членов партии (из 1158 сотрудников), а в 1933 г. — 348, то к началу 3-й пятилетки в научных учреждениях страны их насчитывалось 13,6 тыс.

К концу 1930-х годов в стране действовали 90 институтов сельскохозяйственного профиля, 127 социально-экономических и педагогических НИИ, 268 научных учреждений в системе народного здравоохранения. В 1940 г. исследовательскую работу в стране вело 1821 научное учреждение. В системе АН СССР работало 200 научных учреждений, в том числе 78 институтов. С 1938 г. Академия наук СССР имела 8 отделений: физико-математических, технических, химических, биологических, геолого-географических наук, экономики и права, истории и философии, литературы и языка. В 1938–1939 гг. система Академии расширилась за счет создания институтов теоретической геофизики, автоматики и телемеханики, металлургии, механики. В 1939–1941 гг. были организованы Узбекский, Туркменский и Таджикский филиалы АН ССР. В январе 1941 г. на базе филиала была создана Академия наук Грузинской ССР и образована Академия наук Литовской ССР.

Численность сотрудников АН СССР возросла с 1018 человек в 1927 г. до 16 335 — в 1940 г. Во всех областях науки трудились 98,3 тыс. человек, в 4 раза больше, чем в 1928 г. Среди научных сотрудников Академии наук было 126 действительных и почетных членов и 191 член-корреспондент, 402 доктора и 1271 кандидат наук.

В вузах страны в предвоенном учебном году работали 61,4 тыс. научных работников и преподавателей, а в научных учреждениях системы здравоохранения — 9166 научных сотрудников. Всего в народном хозяйстве страны к концу 1940 г. трудились 2,4 млн специалистов с высшим и средним специальным образованием (в 1913 г. — 190 тыс.).

К началу 1940-х годов многие представители старой интеллигенции встали на путь тесного сотрудничества с советской властью. Доля старой интеллигенции среди работников умственного труда в 1939 г. составляла 10%, (в 1926 г. — 50). Это позволяло говорить, что формирование новой советской интеллигенции в СССР в основном завершалось.

Во второй половине 1930-х годов было осуществлено массовое обновление руководящих кадров народного хозяйства. Одним из варварских способов их замены на более квалифицированных и энергичных был «большой террор» 1937–1938 гг. Характеризуя эти годы, известный специалист в области управления академик Д. М. Гвишиани писал, что объективная причина выдвигания плеяды новых молодых руководителей «состояла в вынужденной потребности в компетентных кадрах управления народным хозяйством». Это обстоятельство заставило от-

казаться от сложившейся практики назначения руководящих кадров по принципу идеологической преданности. Новые люди были специалистами, выросшими на производстве, способными отвечать за конкретное дело. Приближение войны спасло от проводившегося прежде фактически планомерного уничтожения колеблющихся в политическом отношении и просто сохранявших независимость суждений интеллигентов старой формации.

В. М. Молотов, отвечая много лет позднее на вопрос поэта Ф. И. Чуева, «почему сидели Туполев, Стечкин, Королев», незамысловато объяснял: «Они ведь не поддерживали нас... Некоторое время они были противниками, и нужно было еще время, чтобы приблизить их к Советской власти... И не считаться с тем, что в трудный момент они могут стать особенно опасны, тоже нельзя. Без этого в политике не обойдешься. Своими руками они коммунизм не смогут построить... Иван Петрович Павлов говорил студентам: «Вот из-за кого нам плохо живется!» — и указывал на портреты Ленина и Сталина. Этого открытого противника легко понять. С такими, как Туполев, сложнее было. Туполев из той категории интеллигенции, которая очень нужна Советскому государству, но в душе они — против, и по линии личных связей они опасную и разлагающую работу вели, а даже если и не вели, то дышали этим».

Молотов был по-своему прав. Но своя правда была и у А. Н. Туполева, который обращался в «шараге» к товарищам по несчастью: «Нас не информируют, нам приказывают, однако только осел не может не видеть, что дело идет к войне. Не менее ясно, что никто, кроме нас, спроектировать нужный стране бомбардировщик не может. Вероятно, я буду прав, если скажу, что мы любим свою родину не менее других и, наверно, больше, чем те, кто собрал нас сюда. Условия трудные, а если отрешиться от личных огорчений и взглянуть шире, — трагичные. И понимая все это, я ставлю перед вами задачу, которую никто, кроме вас, не выполнит. А вы — я знаю, что вы выполните, на то вы и есть вы».

И если верно заключение о том, что победа в войне была невозможна без «культурной революции» (прежде всего — приобщения к грамотности основной массы населения страны), то с такой же уверенностью можно утверждать, что победа была бы невозможна и без труда представителей старой интеллигенции, перешедших или силой переведенных на позиции Советской власти. Стране нужны были орудия, танки, самолеты, моторы, подводные лодки, ракеты, радиолокаторы и другие научно-технические новшества. И многие представители интеллигенции дореволюционной формации, с присущим им чувством долга, культурой, гуманизмом, патриотизмом, совестью, жертвенностью, выполнили свою миссию, внося едва ли не решающий вклад в создание научно-технического потенциала, сокрушившего фашистскую Германию.

Вторая половина 1930-х годов отмечена рядом выдающихся научных достижений. П. Л. Капица внес уникальный вклад в развитие техники

ожижения газов: создал первый в мире гелиевый ожижитель (1934), предложил метод ожижения газов с использованием цикла низкого давления (1939), открыл сверхтекучесть гелия (1938). Объяснение сверхтекучести было дано Л. Д. Ландау (1941). Оба они позднее за эти работы стали лауреатами Нобелевской премии. В 1938 г. аспиранты Ю. П. Маслоковец и Г. Т. Коломиец под научным руководством А. Ф. Иоффе изобрели серно-талиевый фотоэлемент с рекордным для того времени коэффициентом преобразования солнечной энергии в электрическую. Это был первый шаг на пути к решению в перспективе проблемы энергоснабжения посредством «солнечных крыш». 14 июня 1940 г. Г. Н. Флеров и К. А. Петржак (лаборатория Курчатова) открыли явление спонтанного деления урана.

О накоплении значительного опыта в изучении физики атомного ядра свидетельствовали III (1938), IV (1939) и V (1940) Всесоюзные конференции советских ядерщиков и специалистов по космическим лучам. Советские ученые уже перед Великой Отечественной войной держали в руках ключи к решению задач по овладению атомной энергией. Подчеркивая это, П. Л. Капица говорил в октябре 1941 г.: «Последнее время дает нам новые возможности использования внутриатомной энергии, об использовании которой писалось раньше только в фантастических романах... Теоретические подсчеты показывают... атомная бомба, даже небольшого размера... с легкостью могла бы уничтожить крупный столичный город с несколькими миллионами населения».

Новые успехи советских химиков позволили приступить к работам по синтезированию каучуков специального назначения и к изготовлению искусственных алмазов. Физико-химик И. В. Петрянов-Соколов в 1933–1939 гг. разработал методы исследования аэрозолей, предложил и внедрил в производство технологию изготовления сверхэффективных тонковолокнистых фильтров («фильтры Петрянова»).

Большую работу проделали во второй половине 1930-х годов советские геологи и географы. К 1939 г. территория страны уже на 45,6% была охвачена геологической съемкой (в 1929 г. — на 17,7). В конце 1930-х годов СССР занимал первое место в мире по выявленным запасам нефти, гидроэнергии, торфа, железной и марганцевой руд, цинка, свинца, апатита, калийных солей. Огромное значение для изучения и освоения Арктики, прогнозирования погоды и ледовых условий плавания по Северному морскому пути имела работа научных обсерваторий, организуемых на дрейфующих льдах Северного Ледовитого океана. Первая из таких обсерваторий — полярная станция «Северный полюс — 1» работала в 1937–1938 гг. под руководством И. Д. Папанина.

Сельскохозяйственная практика обогащалась достижениями научных школ В. Р. Вильямса, Д. Н. Прянишникова. Под руководством Н. М. Тулайкова составлялась новая почвенная карта страны. В 1939 г.

была опубликована сводка по почвам СССР в трех томах. В то же время обострение борьбы представителей научных школ генетиков и биологов за утверждение монополии в науке, взаимные обвинения «конкурентов» во вредительстве и покровительстве «врагов народа» привели к репрессиям против Н. И. Вавилова, Н. М. Тулайкова, Н. К. Кольцова, А. С. Серебровского. Н. И. Вавилов был арестован в феврале 1940 г. по обвинению в шпионаже и руководстве контрреволюционной организацией, приговорен к смертной казни, замененной 20 годами заключения, умер от болезни в Саратовской тюрьме в 1943 г.

Значительно скромнее в сравнении с естественными и точными науками были достижения гуманитарных наук, в наибольшей степени испытывавших на себе давление господствующей идеологии. Тем не менее в 1939 г. была опубликована работа Л. В. Канторовича «Математические методы в организации и планировании производства», где давалась общая постановка задачи линейного программирования и метод ее решения. За работы в этой области ученый был удостоен Нобелевской премии по экономике (1975). В 1930-е годы появились и другие оригинальные труды по экономике и истории народного хозяйства (Е. С. Варга, П. И. Лященко), а также — по истории русского феодализма (Ю. В. Готье, Б. Д. Греков, С. В. Бахрушин), общественному движению XIX в. (Н. М. Дружинин, М. В. Нечкина), источниковедению (М. Н. Тихомиров, С. Н. Валк, С. А. Никитин), славяноведению (В. И. Пичета), всеобщей истории (Е. А. Косминский, С. Д. Сказкин, Е. В. Тарле и др.).

Постановлением СНК от 20 декабря 1939 г. для поощрения «выдающихся работ в области науки и искусства, за лучшие изобретения и выдающиеся достижения в области военных знаний были учреждены Сталинские (с 1966 г. они стали называться Государственными) премии. Первые такие премии были присуждены в марте 1941 г.

В 1930-е годы, как и ранее, большое значение придавалось подготовке кадров в системе партийно-государственного руководства культурой. Их подготовкой занимались Высшая школа марксизма-ленинизма, Высшая школа партийных организаторов, Высшая партийная школа. С середины 1920-х годов в вузах действовали кафедры истории партии и ленинизма. Изучение истории партии велось сначала на основе четырехтомной «Истории ВКП(б)» под редакцией Е. М. Ярославского, изданной в 1926–1930 гг. С сентября 1938 г., сразу после выхода в свет «Краткого курса истории ВКП(б)» текст его стал каноническим, и началась проработка его во всех вузах, где были созданы однотипные кафедры основ марксизма-ленинизма, а также в пропагандистской системе страны.

«Культурной революции» во многом способствовало расширение приобщения советских поколений к отечественной истории, народным традициям, национальным ценностям. Национально-патриотические чувства формировали различные мероприятия, напоминавшие о судь-

боносных для народа исторических победах, деяниях выдающихся людей, при активном содействии исторических, художественных, мемориальных музеев. Особое значение в воспитании патриотизма имело почитание великих предков народа. «Когда мы любим, гордимся отечеством — это значит, что мы гордимся его великими людьми, т. е. теми, которые сделали его сильным и уважаемым на исторической сцене» (И. П. Павлов). Чувство принадлежности к нации формировалось и регулярным приобщением к произведениям искусства и архитектуры, созданным людьми, идентифицировавшими себя с нацией. Все это в полной мере стало использоваться для сплочения советского общества в предгрозовые 1930-е годы.

В мае 1938 г. страна торжественно отметила 750-летие со дня создания национальной святыни «Слова о полку Игореве». В этом году в серии «Жизнь замечательных людей» вышла книга К. Осипова «Суворов». «Великое прошлое русского народа в памятниках искусства и предметах вооружения» стало темой выставки, открытой в Эрмитаже в сентябре 1938 г. В ноябре того же года на киноэкранах появился фильм, созданный С. М. Эйзенштейном, «Александр Невский» — «патриотический фильм о величии, мощи и доблести русского народа, его любви к родине, о славе русского оружия, о беззаветной храбрости в борьбе с захватчиками русской земли», как писала о нем газета «Правда».

Значительным событием культурно-политической жизни Москвы стала открытая в феврале 1939 г. в Третьяковской галерее выставка, на которой впервые за годы советской власти были представлены свежие из разных городов страны лучшие полотна русских художников, работавших в области исторической живописи, — В. Васнецова, В. Верещагина, В. Перова, И. Репина, Г. Угрюмова и др. Большой резонанс имела опера «Иван Сусанин» (первичное название «Жизнь за царя»), премьера которой состоялась в апреле 1939 г. Осенью того же года широко отмечалось 125-летие со дня рождения «великого поэта-патриота» М. Ю. Лермонтова. В 1939 г. была восстановлена как музей «Кутузовская изба» в Филях, началась реставрация памятников Отечественной войны 1812 г. на Бородинском поле. В октябре 1939 г. состоялась всесоюзная премьера фильма «Минин и Пожарский» В. И. Пудовкина. В первой половине 1941 г. вышли на экраны кинофильмы «Богдан Хмельницкий» (кинорежиссер И. А. Савченко) и «Суворов» (Пудовкин), прочно вошедшие в обиход советской классики. В канун войны особую актуальность приобрело обращение А. В. Суворова к потомкам: «Горжусь, что я русский!.. Потомство мое прошу брать мой пример... до издыхания быть верным Отечеству».

Историческое и национальное самосознание народов СССР во многом обогащалось творчеством писателей. Во второй половине 1930-х годов они все чаще обращались к созданию образов выдающихся государ-

ственных и военных деятелей прошлого, к раскрытию поворотных событий в истории страны и отдельных народов. Наибольшую известность получил роман А. Толстого «Петр Первый». Героической историей русского народа были вдохновлены поэмы К. Симонова «Ледовое побоище» и «Суворов», роман С. Бородина «Дмитрий Донской». Трагические страницы русской истории получили художественное освещение в романе В. Яна «Чингис-хан». Высоким духом патриотизма были пронизаны романы «Цусима» А. Новикова-Прибоя, «Севастопольская страда» С. Сергеева-Ценского, «Порт-Артур» А. Степанова. Культурно-историческими и патриотическими мотивами пронизаны романы «Десница великого мастера» К. Гамсахурдиа, «Великий Моурави» А. Антоновской.

Искренние приверженцы пролетарского интернационализма воспринимали вполне обозначившуюся тенденцию отхода от «принципов коммунизма» в национальном вопросе как пагубную ошибку. Некоторые из них пытались опорочить произведения на патриотическую тему как якобы олицетворение квасного патриотизма («кузьма-крюковщины»). Таким приверженцам социалистического космополитизма «объясняли», что отношение большевиков к патриотизму было уже «далеко не таково, как во времена Кузьмы Крюкова (донской казак, один из прославленных героев Первой мировой войны. — *Авт.*), когда ленинцы стояли на пораженческих позициях». Специальное постановление ЦК партии (сентябрь 1939 г.) осуждало «вредные тенденции огульного охаивания патриотических произведений».

В конце 1930-х годов были внесены существенные изменения в национально-языковую политику государства, означавшие дальнейшее отступление от политики 1920-х годов. С ликвидацией большого числа национальных районов, пришедшейся на 1938 г., соответственно решалась судьба национальных школ в этих районах: отдельные национальные школы (финские, эстонские, латышские, немецкие, греческие и др.) реорганизовывались «в советские школы обычного типа». Одновременно развертывалась работа по приобщению населения всех национальных республик к русскому языку. Огромную роль в этом сыграло правительственное постановление «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей» от 13 марта 1938 г., обязавшее ввести с сентября обучение языку во всех нерусских начальных школах со второго класса и во всех неполных средних и средних школах — с третьего. Увеличивалось количество часов на изучение русского языка, расширялась подготовка учителей, активизировалось издание учебной и методической литературы.

Приобщение к русскому языку облегчалось переводом латинизированной письменности на кириллицу. В соответствии с решением от 16 октября 1936 г. на кириллицу переведена письменность кабардинцев. Аналогичными мерами унифицировали письменность других на-

родов РСФСР, имевших автономные республики и области, национальные округа. С декабря 1939 г. преобразования коснулись письменности «титульных» народов Узбекской, Азербайджанской, Таджикской, Туркменской, Киргизской, Казахской, Молдавской союзных республик.

Новая фаза в языковой политике открывала следующий этап в строительстве Красной Армии. В Конституции СССР 1936 г. записано: «Всеобщая воинская обязанность является законом». Реализовать этот закон в полном объеме становилось возможным лишь со знанием русского языка (языка армейских приказов, команд, уставов и наставлений) призывниками из национальных регионов.

Практически одновременно с постановлением о русском языке принято постановление «О национальных частях и формированиях РККА». В 1920–1930-е годы создававшиеся со времен Гражданской войны по территориальному принципу части выступали одной из основных форм привлечения к военной службе представителей национальностей, «ранее в армии вовсе не служивших (узбеки, туркмены, бурят-монголы, киргизы, часть народов Северного Кавказа и т. д.)». Сыграв свою роль, национальные формирования, как гласило постановление, «в настоящее время не могут оправдать своего назначения». Они опирались на местные культурные и хозяйственные условия, были прикованы к своей территории, что лишало возможности осуществлять подготовку бойцов и частей к действиям в различных условиях климата, быта и боевой обстановки.

Начавшиеся в соответствии с законом «О всеобщей воинской обязанности» призывы на службу в Средней Азии и Закавказье выявили «неожиданно большие» масштабы контингента красноармейцев, не владеющих русским языком. Проблему пришлось решать на основе постановления Политбюро «Об обучении русскому языку призывников, подлежащих призыву в Красную Армию и не знающих русского языка» (от 6 июля 1940 г.).

Государственная политика, определяемая сознанием особой значимости национального фактора в жизни страны, требовала соответствующего информационного обеспечения. С 1935 г. в аппарате ЦК вводилась новая форма учета номенклатурных кадров (справка-объективка), в которой впервые предусматривалась графа «национальность». «Пятый пункт» официальных кадровых документов становился для их обладателей таким же важным, как и пункт о социальном происхождении. 2 апреля 1938 г. установлен новый порядок указания национальности в паспортах, свидетельствах о рождении и других официальных документах. Если раньше в них фиксировалась национальность, к которой причислял себя сам гражданин, то теперь следовало исходить исключительно из национальности родителей.

С конца 1930-х годов политика явно определялась стремлением сгладить вполне очевидные диспропорции в представленности национальностей в

структурах власти. Вопреки установке на преодоление фактического неравенства национальностей и значительному продвижению общества по этому пути годы советской власти были также временем возникновения нового неравенства, не отвечающего тенденции укрепления единства и консолидации народов Советского Союза. По представленности в партийном и государственном аппаратах, сферах науки и искусства к 1930 годам с большим отрывом от других лидировала еврейская национальность. В 1930-е годы такое фактическое неравенство стало восприниматься как ненормальное положение. Оно усугублялось начавшейся сразу после прихода Гитлера к власти игрой нового германского руководства на противоречиях в СССР для дискредитации якобы «еврейской большевистской власти» в глазах «угнетенных ею» народов.

Власть была вынуждена с этим считаться. Поначалу ее действия носили чисто декоративный характер. Летом 1936 г. И. В. Сталин позвонил главному редактору газеты «Правда» Л. З. Мехлису и предложил дать русские псевдонимы евреям, работавшим в редакции. Совет был принят к немедленному исполнению. Вскоре декорации были отброшены. В мае 1939 г. при назначении В. М. Молотова на пост наркома иностранных дел Сталин сказал ему: «Убери из наркомата евреев». «Слава Богу, что сказал! — говорил впоследствии Молотов. — Дело в том, что евреи составляли там абсолютное большинство в руководстве и среди послов. Это, конечно, неправильно».

Лидеры СССР открыто демонстрировали готовность устранить «неправильности». Перемещение евреев с постов в государственном аппарате и в общественной жизни в угоду другим «национальным кадрам», их гибель в ходе чисток не могли не восприниматься определенными кругами как проявление политики государственного антисемитизма. Однако, по данным статистики, потери еврейского населения в относительном исчислении не превышали потерь других народов СССР. В 1937–1938 гг. по делам НКВД было арестовано 29 тыс. евреев, что составляло 1,8% общего числа арестованных. По данным за период с января 1936 г. по июнь 1938 г. среди 1 420 711 арестованных было 30 542 (2,1%) евреев. В составе всех лагерных заключенных на начало 1939 г. русские составляли 63; украинцы 13,8; белорусы 3,4; евреи 1,5%. В населении страны эти национальности насчитывали соответственно 58,4; 16,5; 3,1 и 1,8%. Следовательно, среди заключенных русские и белорусы были представлены в 1,1 раза больше своего удельного веса в населении страны, а меньше — в 1,2 раза украинцы и в 1,4 — евреи. При политике государственного антисемитизма эти соотношения были бы, очевидно, иными.

В условиях начавшейся мировой войны советское руководство убеждалось в правоте избранного ранее курса национальной политики и воспитательной работы с населением. Война с Финляндией показала тщетность надежд на пролетарскую солидарность в предстоящей большой войне. Политуправление Красной Армии настраивалось искоренять «вредный предрассудок», согласно которому население стран, вступающих в войну с СССР, «якобы неизбежно и чуть ли не поголовно восстанет и будет переходить на сторону Красной Армии». Беспробитыш-

ным представлялось воспитывать армию на ее героических традициях и прошлом русского народа.

В конце 1930-х годов появились признаки явных изменений политики государства в отношении религии и церкви. На 1 апреля 1936 г. в СССР было 15 835 действующих православных храмов (28% от числа действовавших до революции), 4830 мечетей (32% от дореволюционных), несколько десятков католических и протестантских храмов. При перерегистрации служителей культа их число оказалось равным 17 857 (15,8% от их численности в 1914 г. и 25,5% — от 1928 г.). По данным переписи населения 1937 г., о своей вере в Бога заявили более 45% населения СССР. При этом среди пожилых людей верующих оказалось почти в два раза больше, чем неверующих; среди неграмотных верующие составляли 74%. Это свидетельствовало о тщетности усилий по завершению атеизации населения за годы «безбожных пятилеток». (Начиная в 1932 г. вторую из них, Союз воинствующих безбожников полагал, что на ее третьем году «должна быть разрушена последняя церковь, а на пятом в стране вообще не будет произноситься слово «Бог».)

Возрождая некоторые русские традиции, власть сочла необходимым умерить антирелигиозный пыл партийных богоборцев. Пошли на убыль и безвозвратные потери служителей Церкви. Среди арестованных в 1937 г. было 136 900 православных священнослужителей, из них расстреляно — 85 300; в 1938 г. арестовано 28 300, расстреляно — 21 500. В предвоенные годы репрессии не прекращались, но их размах сужается. По данным правительственной комиссии по реабилитации жертв политических репрессий, в 1939 г. было арестовано 1500 православных священнослужителей, из них расстреляно 900 (в 95 раз меньше, чем в 1937 г.); в 1940 г. арестовано 5100, расстреляно — 1100 (в 77 раз меньше); в 1941 г. арестовано 4000, расстреляно 1900 (в 45 раз меньше, чем на пике террора).

Составной частью работы по воспитанию советского патриотизма стала борьба с носителями «низкопоклонства» перед границей, собственного отдельным представителям как старой интеллигенции, так и новой политической элиты. Открытие нового «фронта» было связано с именем выдающегося математика дореволюционной школы Н. Н. Лузина, который в июле 1936 г. подвергся шельмованию на страницах «Правды» за то, что подобно многим другим крупным ученым публиковал свои работы в зарубежных изданиях. С января 1937 г. главными «низкопоклонниками» изображались троцкисты. На XVIII съезде партии «низкопоклонство» было распространено едва ли не на всех «вычищенных» из общества «врагов народа». Отдавая дань классовому шовинизму, Сталин объявил: «Троцкистско-бухаринская кучка шпионов, убийц и вредителей, пресмыкавшаяся перед границей, проникнутая рабским чувством низкопоклонства», есть лишь «кучка людей, не

понявшая того, что последний советский гражданин, свободный от цепей капитала, стоит головой выше любого зарубежного высокопоставленного чинуши».

По мере изживания крайностей национального нигилизма в 1930-е годы заявила о себе и тема о необходимости преодоления космополитизма. Так, писатель И. Катаев призывал: «Безнадежных “космополитов”, отщепенцев, эту вялую богему, не помнящую родства, надо поскорее выместить вон из искусства». А. Толстой, проследившая развитие отечественной литературы, говорил, что к 1941 г. она «от пафоса космополитизма, а порою и псевдоинтернационализма пришла к Родине, как к одной из самых глубоких и поэтических своих тем».

В канун Великой Отечественной войны И. В. Сталин намеревался по-новому разъяснить связь между национальными и интернациональными основами патриотизма. «Нужно развивать идеи сочетания здорового, правильно понятого национализма с пролетарским интернационализмом, — говорил он Г. Димитрову в мае 1941 г. — Пролетарский интернационализм должен опираться на этот национализм... Между правильно понятым национализмом и пролетарским интернационализмом нет и не может быть противоречия. Безродный космополитизм, отрицающий национальные чувства, идею родины, не имеет ничего общего с пролетарским интернационализмом. Этот космополитизм подготавливает почву для вербовки разведчиков, агентов врага». Однако реабилитация национализма не произошло. Видимо, останавливал страх из-за возможного отождествления сталинской политики с гитлеровской.

Поражения СССР на первых этапах войны с Германией вызваны многими причинами. В их ряду были изначально ошибочные установки национальной политики, обусловившие пороки в национально-государственном устройстве СССР, в отношении к дореволюционной отечественной истории, к роли русского народа в межнациональных отношениях. Коррекция национальной политики, начавшаяся в конце 1924 г., и особенно заметная с середины 1930-х годов, не позволила до конца преодолеть все эти изъяны. Процессы консолидации народов СССР в единый советский народ оказались далеко не завершенными. Не способствовали этому и репрессии.

Политика утверждения общенационального советского патриотизма к началу войны еще не стала столь действенной, как это изображалось в официальной пропаганде. Подготовка Советского Союза в этом отношении оказалась незавершенной. Все это сказалось уже в первые недели Великой Отечественной войны. Без решительного перехода правящей партии на национально-патриотические позиции защиты общенародных интересов победа в войне была бы недостижима.

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

---

§ 1. Начальный период. 22 июня 1941—19 ноября 1942

Гитлеровское вторжение. Германия напала на Советский Союз на рассвете воскресного дня 22 июня 1941 г. На основных участках советско-германской границы немецкие войска начали боевые действия в 3 ч 15 мин. Через 15 минут в Генштаб РККА стали поступать сводки о бомбардировках советских городов Украины и Белоруссии. С первыми залпами немецкой артиллерии началось осуществление плана «Барбаросса», предусматривавшего исчезновение СССР с карты мира через считанные недели.

Планируя блицкриг, верховное командование немецких вооруженных сил намеревалось достичь линии Астрахань — Архангельск «максимум через 70 дней» после начала военных действий. Согласно документам, фигурировавшим на процессе главных немецких военных преступников в г. Нюрнберге, поверженный СССР предполагалось расчленить на 7 государств. «Великороссию» намечалось максимально ослабить «полным упразднением еврейско-большевистского управления». Громадная часть коренного населения обрекалась на смерть. Гитлер требовал расстреливать «каждого, кто посмеет поглядеть на немца косо». Полагались и на голод, который, по словам генерал-фельдмаршала Г. Рундштедта, «действует гораздо лучше, чем пулемет, особенно среди молодежи».

Планировалось также в ближайшие 30 лет выселить с территории Польши, Чехословакии и западных районов СССР более 50 млн человек, а на эти территории переселить 10 млн немцев, которых оставались бы обслуживать 14 млн коренных жителей. Значительную часть населения Литвы, Латвии и Эстонии предполагалось переместить в центральные районы России. Новые Балтийские провинции рейха намечалось заселить народами германской расы, «очищенными от нежелательных элементов» — поволжскими немцами, датчанами, норвежцами, голландцами, англичанами.

Центральное место в планах составляли «соображения» о политике по отношению к русскому народу. «Речь идет не только о разгроме государства с центром в Москве, — говорилось в одном из дополнений к плану Ост, — достижение этой исторической цели никогда не означало бы полного решения проблемы. Дело заключается скорей всего в том,

чтобы разгромить русских как народ, разобщить их... Важно, чтобы на русской территории население в своем большинстве состояло из людей примитивного полуевропейского типа. Считалось, что их обучение ограничивалось бы тем, чтобы они запомнили дорожные знаки, выучили таблицу умножения «до 25», и научились подписывать свою фамилию.

Все планы в отношении СССР держались в тайне. Выступая на совещании по вопросам реорганизации Восточных областей 16 июля 1941 г., Гитлер говорил: «Мы не должны опубликовывать действительные наши цели, но мы должны точно знать, чего мы хотим. Надо действовать так, как мы действовали в Норвегии, Дании, Бельгии и в Голландии. Мы объявим, что мы вынуждены оккупировать, управлять и умиротворять, что это делается для блага населения; что мы обеспечиваем порядок, сообщение, питание. Мы должны изображать себя освободителями. Никто не должен догадываться, что мы подготавливаем окончательное устройство, но это не мешает нам принимать необходимые меры — высылать, расстреливать — и эти меры мы будем принимать. Мы будем действовать так, как будто мы здесь только временно. Но мы-то хорошо будем знать, что мы никогда не покинем этой страны».

Бомбардировка советских городов началась до предъявления германской декларации об объявлении войны. Германский посол в Москве Ф. Шуленбург вручил ее наркому В. М. Молотову. В Берлине соответствующий документ был вручен министром И. Риббентропом советскому послу В. Г. Деканозову. Сталин был извещен о начале войны в 3 ч 15 мин, с 5 ч он начал обсуждение ситуации с Берией, Молотовым, Маленковым, Жуковым и Тимошенко. Другие члены высшего руководства СССР узнали о войне и германской декларации по прибытии (5 ч 45 мин) в кабинет Сталина в Кремле. Действия немецкой стороны представлялись в декларации превентивными мерами (слово «война» не использовалось). Впоследствии эта фашистская позиция неизменно воспроизводилась политиками и историками, пытающимися обелить величайшее преступление XX в., придать нападению на СССР хотя бы какую-то видимость морального оправдания. В действительности Германия не усматривала никакой угрозы со стороны Советского Союза. Гитлер был уверен, что «русские не нападут еще сто лет».

Решение о вторжении принято не потому, что СССР угрожал Германии, а потому, что гитлеровцам представлялось нетрудным реализовать свой план. В заявлении фюрера, зачитанном по немецкому радио министром пропаганды Й. Геббельсом в 7 ч утра, утверждалось, что опасность с Востока может быть быстро устранена. Если для разгрома Франции, армия которой считалась сильнейшей в мире, потребовалось шесть недель, то для того, чтобы покончить с Россией, усилий понадобится еще меньше. Экономическую систему России Гитлер представлял как

находящуюся в состоянии хаоса, коммунистическую диктатуру — ненавидимой народами страны. Руководитель прессы Третьего рейха Г. Фриче на Нюрнбергском процессе в 1946 г. говорил, что «никаких оснований к тому, чтобы обвинить Советский Союз в подготовке военного нападения на Германию, у нас не было».

Внезапность нападения вызвала явное замешательство руководства СССР. В Кремле обсуждалась возможные пути предотвращения дальнейшего военного развития событий. В директиве Главного военного совета СССР, направленной в войска начальником Генерального штаба РККА генералом армии Г. К. Жуковым через 15 мин после трансляции речи Гитлера, предписывалось «обрушиться на вражеские силы и уничтожить их в районах, где они нарушили советскую границу», но «границу не переходить».

До середины дня советский народ оставался в неведении о начавшейся войне. Председатель СНК И. В. Сталин отказался выступить с обращением к стране. Видимо, он чувствовал вину за тяжкий просчет и внезапность нападения бывшего союзника. Только в полдень 22 июня В. М. Молотов объявил собравшимся у радиоприемников и громкоговорителей о том, что «сегодня в четыре часа утра без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу и без объявления войны германские войска напали на нашу страну». Призвав советский народ дать решительный отпор агрессору, Молотов закончил лаконичное выступление словами, ставшими программными для всех дней войны: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами».

В первые же дни в войну против СССР на стороне Германии вступили Румыния, Финляндия, Италия; в июле к ним присоединилась Венгрия. Военные действия на границе с Финляндией начались 29 июня, на границе с Румынией — 1 июля. В войне против СССР участвовали также части, укомплектованные гражданами Албании, Бельгии, Дании, Испании, Люксембурга, Нидерландов, Норвегии, Польши, Сербии, Франции, Хорватии, Чехии, Швеции. Помимо того, в конце войны в вермахте насчитывалось почти 500 тыс. иностранцев, главным образом немцев, проживавших ранее вне территории Германии.

Вооруженные силы Германии перед нападением на Советский Союз насчитывали 8,5 млн человек. К западным границам СССР были выдвинуты 153 дивизии и 2 бригады. Кроме того, там приводились в боевую готовность 29 дивизий и 16 бригад союзников Германии. Всего в восточной группировке противника насчитывалось 5,5 млн человек, 47,2 тыс. орудий и минометов, 4,3 тыс. танков, 5 тыс. боевых самолетов.

Им противостояли советские войска в западных военных округах численностью 2,9 млн человек (60,4% личного состава армии и флота). Кроме того, в формированиях других ведомств, состоявших на довольствии в наркомате обороны, находилось около 75 тыс. человек. Еще

805,3 тыс. военнообязанных было в войсках на «больших военных сборах». С объявлением мобилизации 22 июня они были включены в списочную численность войск. Войну восприняла на себя в основном молодежь 1919–1921 годов рождения, находившаяся на действительной военной службе, выпускники школ 1938–1941 годов.

Объявленная в первый день войны мобилизация резервистов 1905–1918 годов рождения, в возрасте от 23 до 36 лет, позволила уже к июлю пополнить армию на 5,3 млн человек. 10 августа 1941 г. для восполнения боевых потерь, а также для создания резервов, были мобилизованы военнообязанные 1890–1904 гг. и призывники 1922–1923 годов рождения. Летом 1942 г. в армию ушли призывники 1924 года рождения, в январе 1943 г. была призвана молодежь 1925 года рождения. В том же году с 25 октября по 15 ноября прошел призыв родившихся в 1926 г. С 15 по 30 ноября 1944 г. в СССР развернулся последний призыв военных лет, охвативший юношей 1927 года рождения. От призыва за годы войны было освобождено 20–25% мужчин в возрасте от 18 до 55 лет (по наличию брони, инвалидности, политическим и национальным признакам).

11 апреля 1942 г. ГКО принял постановление, согласно которому за период с 15 апреля по 15 мая 1942 г. предстояло мобилизовать 35 тыс. детей переселенцев (бывших кулаков) призывного возраста, а с апреля по октябрь 1942 г. в районах спецпоселений было мобилизовано еще 61 тыс. человек. С октября 1942 г. члены семей переселенцев, призванных в Красную Армию, снимались с учета трудссылки и освобождались от 5% отчислений с их зарплаты на содержание административно-управленческого аппарата трудссылки. Источником пополнения армии были также бывшие заключенные (за исключением отбывавших сроки по «политическим» статьям). Всего за годы войны в действующую армию было переведено из лагерей и колоний свыше 1 млн заключенных. Многие из них с честью выполнили свой долг перед Родиной. Помимо советских граждан в 1941–1942 гг. из лагерей освобождены 43 тыс. поляков, 10 тыс. чехов и словаков, направленных в национальные части.

За все годы войны в армию и для работы в промышленности были мобилизованы, с учетом уже служивших к началу войны и ушедших воевать добровольцами, 34,5 млн человек, или 17,5% от довоенной численности населения страны (для сравнения: в 1940 г. в народном хозяйстве СССР всего было занято 23,9 млн рабочих, 10 млн. служащих и 29 млн колхозников). Более трети мобилизованных находились в армейском строю, из них 5–6,5 млн — в действующей армии. (Для сравнения: на службу в вермахт были привлечены 17 893 тыс. человек, или 25,8% численности населения Германии в 1939.) Мобилизация позволила сформировать в 1941 г. 410 новых дивизий, а за всю войну — 648. В отражении гитлеровского нашествия участвовали все народы Совет-

ского Союза, включая самые малочисленные. К примеру, среди нанайцев и ульчей участники войны составили 8% от их общей численности.

Советские войска, выдвинутые к западным границам страны, имели 167 дивизий и 9 бригад; в них насчитывалось 32,9 тыс. орудий и минометов, 14,2 тыс. танков, 9,2 тыс. боевых самолетов. Запущенные накануне войны в серийное производство новейшие танки Т-34 и КВ составляли лишь 10% всего танкового парка, 2,7 тыс. самолетов новейших конструкций не могли существенно изменить соотношение старой и новой техники в авиационных частях.

В целом силы и средства Германии и ее союзников в начале войны в 1,2 раза превосходили имевшиеся у СССР. По ряду позиций Вооруженные силы СССР количественно превосходили армии противника, однако уступали ему в стратегическом развертывании, качестве многих образцов вооружения, опыте и подготовке кадров. В отличие от германских, 75% советских войск не обладали современным боевым опытом. Значительная часть командных кадров (55%) занимали свои должности менее шести месяцев. Это было связано с тем, что численность Красной Армии увеличилась почти вдвое с 1939 г. Кадрам был нанесен урон сталинскими чистками.

Настроенные на блицкриг германские войска после недолгой артподготовки устремились вглубь СССР по трем основным направлениям. Группа армий «Север» (командующий генерал-фельдмаршал В. Лееб) имела задачу уничтожить советские войска в Прибалтике и захватить Ленинград. Группа «Центр» (генерал-фельдмаршал Ф. Бок) наступала по линии Минск — Смоленск — Москва. Группа «Юг» (генерал-фельдмаршал Г. Рундштедт) должна была разгромить силы Красной Армии на Западной Украине, выйти к Днепру и наступать в направлении на Киев. Основную задачу войны должны были решить войска Ф. Бока, обладающие наибольшей мощностью. Советские стратеги ошиблись в определении направления основного удара, и основные силы отпора врагу были сосредоточены на южном направлении.

К исходу первого дня войны германские войска продвинулись в глубь советской территории в Прибалтике на расстояние до 80 км, в Белоруссии — до 60, на Украине — до 20 км. В тот же день германская авиация уничтожила 1489 советских самолетов на земле и 322 в воздухе. Немецкие танковые колонны, не опасаясь атак с воздуха, быстро продвигались вперед. На основных направлениях германской армии удалось обеспечить трех-четырёхкратное превосходство в силе над пытавшимися наступать советскими частями. В течение решающих первых дней войны московское руководство не обеспечило управление войсками. Верхом непонимания складывающейся ситуации была направленная войскам вечером 22 июня, в 21 ч 15 мин, директива, предписывав-

шая немедленно перейти в контрнаступление, в течение двух дней «окружить и уничтожить» главные силы группировки противника.

В ряде приграничных мест советские войска оказали ожесточенное сопротивление наступающим войскам противника и надолго задержали его продвижение в глубь страны. 3,5 тыс. защитников Брестской крепости (в их числе героически сражались представители более 30 народов СССР) во главе с капитаном И. Н. Зубачевым и полковым комиссаром Е. М. Фоминым целый месяц сковывали пехотную дивизию врага, поддерживаемую танками, артиллерией и авиацией. Контрудары 8-го, 9-го и 19-го механизированных корпусов (к началу войны создано 9 таких корпусов, 20 находились в стадии формирования) нанесли серьезный урон наступающим немецким танковым дивизиям в районе Дубно, Луцка и Ровно, отбросив их на 1–35 км, что не только задержало вражеское наступление на Киев до конца июня, но и позволило вывести из-под угрозы окружения главные силы Юго-Западного фронта в районе Львова.

Не имея должного представления об обстановке на фронтах, советское правительство занялось спешной перестройкой руководства Вооруженными силами. 22–24 июня на базе довоенных приграничных округов были образованы Северный, Северо-Западный, Западный и Юго-Западный фронты. Их командующими стали генерал-лейтенант М. М. Попов, генерал-полковник Ф. И. Кузнецов, генерал армии Д. Г. Павлов, генерал-полковник М. П. Кирпонос. 25 июня из 9-й и 18-й армий был сформирован Южный фронт (генерал армии И. В. Тюленев). На последующих этапах войны одновременно действовало до 10–15 фронтов. Каждый из них включал: 5–9 общевойсковых армий по 8–9 стрелковых дивизий; 1–3 танковые, 1–2 воздушные армии; несколько отдельных танковых, механизированных и кавалерийских корпусов; соединения и части артиллерии; специальные войска фронтового подчинения. Численность офицеров и солдат в составе фронта достигала 800 тыс. человек.

На второй день войны СНК и ЦК партии создали Ставку Главного Командования во главе с маршалом Тимошенко. Ставка была призвана принимать решения стратегического характера, она включала в себя маршалов Советского Союза, начальника Генерального штаба, руководителей военно-морских и военно-воздушных сил; позднее в нее были включены главы родов войск.

Смятение в Москве длилось до конца июня. Из всех приказов, поступающих в войска, фактически действовал лишь один — сражаться до последнего. Однако ситуация на фронтах не улучшалась. Советские войска отступали. 24 июня они оставили Вильнюс, 28 июня были вынуждены покинуть Минск. 30 июня немцы захватили Львов, вели бои за Ригу, которая пала 1 июля. Непрерывной бомбардировке подверга-

лись Мурманск, Орша, Могилев, Смоленск, Киев, Одесса, Севастополь. 29 июня Гитлер заявил: «Через четыре недели мы будем в Москве, и она будет перепахана». 30 июня Гальдер произнес: «Русские потерпели поражение в этой войне в течение первых же восьми дней». Эти оценки, пока еще вполне согласные с «планом Барбаросса» и самоуверенностью агрессора, были ошибочными. Основные события на советско-германском фронте только начинались.

Перестройка страны на военный лад. Начавшаяся с первых часов войны, перестройка жизни в стране стала приобретать заметную организованность с конца июня 1941 г. По образному замечанию наркома ВМФ Н. Г. Кузнецова, «государственная машина, направленная по рельсам невероятности нападения Гитлера, вынуждена была остановиться, пережить период растерянности и потом повернуть на 180 градусов». Вечером 29 июня Сталин был крайне удручен потерей Минска и грандиозностью масштаба катастрофы, разворачивающейся на западе страны. При выходе из наркомата обороны он произнес фразу, которую позже в разных вариантах воспроизводили мемуаристы: «Все, что создал Ленин, мы потеряли навсегда». Ответственность за катастрофическое развитие событий, во многом лежавшая лично на диктаторе, не могла не вывести его из равновесия. Он воспрянул духом только после того, как соратники не только не высказали ему претензий, но предложили образовать и возглавить чрезвычайный орган — Государственный Комитет Обороны (ГКО), передав ему всю полноту партийной и государственной власти в стране.

Решение Президиума Верховного Совета СССР, ЦК ВКП(б) и Совнаркома о создании ГКО принято 30 июня. Вначале в него, помимо Сталина, были включены В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов, Г. М. Маленков, Л. П. Берия. В дальнейшем постановлениями Президиума Верховного Совета СССР в феврале 1942 г. в состав ГКО введены А. И. Микоян, Н. А. Вознесенский и Л. М. Каганович, а в ноябре 1944 г. — Н. А. Булганин, сменивший Ворошилова. При образовании ГКО заместителем председателя был назначен Молотов. Однако, с учреждением 8 декабря 1942 г. Оперативного бюро ГКО и утверждением Берии его руководителем и зампредом ГКО, Молотов стал постепенно утрачивать свое положение, а на вторые роли после Сталина выходили Берия и Маленков.

Комитет обладал обширной компетенцией: назначал и смещал высшее командование, решал военно-стратегические вопросы, занимался подготовкой военных и трудовых резервов, налаживал работу промышленности, транспорта, сельского хозяйства. Каждый член ГКО ведал определенным кругом вопросов. Постановления Комитета имели силу законов военного времени. Все партийные, государственные, военные, хозяйственные и профсоюзные органы были обязаны беспрекословно выполнять его решения и распоряжения. В своей деятельности ГКО

опирался на аппарат СНК СССР, своих уполномоченных на местах, которыми, как правило, были секретари партийных комитетов краев и областей; на местные городские комитеты обороны, партийные и государственные органы.

Рабочими органами и исполнителями решений Комитета были наркоматы обороны, ВМФ и их управления. Стратегическое руководство вооруженной борьбой осуществлялось через Ставку ВГК. В городах, оказывавшихся в непосредственной близости к фронту, создавались городские комитеты обороны (в составе председателя из местных руководителей, командующего фронтом, представителя НКВД¹). Они действовали в более чем 60 городах и наделялись правом объявлять город на осадном положении; производить мобилизацию, эвакуацию населения; создавать народные ополчения и истребительные отряды; давать предприятиям задания по выпуску вооружения и боеприпасов; организовывать строительство оборонительных рубежей.

За годы войны ГКО принял около 10 тыс. постановлений, руководил деятельностью всех государственных ведомств и учреждений, от которых зависели ход и исход войны. Под руководством Комитета Ставка спланировала 9 кампаний, 51 стратегическую и 250 фронтовых операций. Не все оказались успешными, но многие из них стали, по оценке Г. К. Жукова, «беспримечными в истории войн, как по своим масштабам, так и по классическому их осуществлению». К их числу принадлежат битвы под Москвой и Сталинградом, на Курской дуге; Ясско-Кишиневская операция; разгром немецких войск в Белоруссии; Висло-Одерская и Берлинская операции.

30 июня 1941 г. Совнарком СССР утвердил общий мобилизационный народнохозяйственный план, предусматривающий перестройку экономики на военный лад в кратчайшие сроки. В августе принят военно-хозяйственный план на последний квартал 1941 г. и на весь 1942 г. по районам Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии.

Основная программа действий по превращению страны в единый боевой лагерь сформулирована в «Директиве СНК СССР и ЦК ВКП(б)

---

¹ В феврале 1941 г. НКВД был разделен на два наркомата — НКГБ (в который перешли подразделения госбезопасности) во главе с В.Н. Меркуловым, и НКВД во главе с Л. П. Берией. Тогда же особые отделы НКВД (военная контрразведка) были переданы в наркоматы обороны и ВМФ. В начале войны, 17 июля 1941 г. контрразведка была возвращена в НКВД, а 20 июля НКВД и НКГБ вновь объединены в один НКВД во главе с Берией. В апреле 1943 г. МВД был вновь реформирован. На основе его подразделений 14 апреля создан Народный комиссариат государственной безопасности во главе с Меркуловым, 19 апреля — Главное управление контрразведки «Смерш» («смерть шпионам») во главе с В. С. Абакумовым. Руководство НКВД с 1943 г. оставалось за Берией, с декабря 1945 г. осуществлялось С. Н. Кругловым. В марте 1946 г. наркоматы были переименованы в министерства, а «Смерш» в мае 1946 г. включен в состав МГБ, возглавлявшийся до июля 1951 г. Абакумовым.

партийным и советским организациям прифронтовых областей о мобилизации всех сил и средств на разгром фашистских захватчиков» от 29 июня 1941 г. В ней осуждались сохранявшиеся в стране с довоенных времен «благодушно-мирные настроения», непонимание смысла угрозы и опасности, создающейся продолжавшимся наступлением германских войск. Разъяснялось, что целью нападения является не только уничтожение советского строя, но и ограбление страны, захват хлеба, нефти, восстановление власти помещиков и капиталистов, что в войне «решается вопрос о жизни и смерти Советского государства, о том — быть народам Советского Союза свободными или впасть в порабощение». Родина оказалась в величайшей опасности, и «мы должны быстро и решительно перестроить всю свою работу на военный лад».

Особый упор в директиве делался на оборонительных задачах, на необходимости «отстаивать каждую пядь советской земли, драться до последней капли крови за наши города и села, проявлять смелость, инициативу и сметку, свойственные нашему народу». Предписывалось «организовать беспощадную борьбу со всякими дезорганизаторами тыла, дезертирами, паникерами, распространителями слухов, уничтожать шпионов, диверсантов, вражеских парашютистов, оказывая во всем этом быстрое содействие истребительным отрядам». Отдельный пункт директивы требовал «немедленно предавать суду военного трибунала всех тех, кто своим паникерством и трусостью мешает делу обороны, невзирая на лица».

При вынужденном отходе частей Красной Армии директива призвала оставлять на пути захватчиков лишь выжженную землю и ни одного паровоза, ни одного вагона, ни килограмма хлеба, ни литра горючего, угонять скот. «Все ценное имущество, в том числе цветные металлы, хлеб и горючее, которое не может быть вывезено, должно безусловно уничтожаться». В занятых врагом районах требовалось «создавать партизанские отряды и диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде».

Содержание директивы составило основу выступления Сталина по радио 3 июля и определило характер действий советского руководства и всего народа в годы войны. Сталин, однако, включил в речь ряд новых важных тем, а главное, сумел найти такие слова и такой тон, которые превратили директиву в одну из самых волнующих его речей, оказавших колоссальное воздействие на сограждан. Он признал тяжелые потери, оправдывал заключенный в 1939 г. пакт с Германией, сказал о нависшей над страной громадной опасности, выразил надежду на помощь Британии и Америки, которые становились союзниками в борьбе. Необычными были первые слова обращения: «Товарищи! Граждане! Братья и сестры!», явно переключавшиеся с обращениями служителей РПЦ.

Сталин, скорее всего, был уже ознакомлен с «Посланием пастырям и пасомым Христовой Православной церкви» Патриаршего Местоблюстителя, митрополита Московского и Коломенского Сергия. Оно было написано утром 22 июня и разослано по всем приходам страны. Священники (в 1941 г. их было 5665) оглашали послание в церквях после богослужений, и вскоре оно стало известным значительной части верующего населения страны.

В своем послании высший иерарх церкви призывал «пасомых» встать против неправды и голого насилия «врагов православного христианства», помнить по примеру предков «не о личных опасностях и выгодах, а о священном своем долге перед Родиной», вспомнить святых вождей Александра Невского, Дмитрия Донского и неисчислимые тысячи простых православных воинов, полагавших свои души за народ и Родину. В заключение говорилось: «Православная наша Церковь всегда разделяла судьбу народа. Вместе с ним она и испытания несла, и утешалась его успехами. Не оставит она народа своего и теперь. Благословляет она небесным благословением и предстоящий всенародный подвиг». Слово председателя РПЦ несло огромный заряд патриотизма, указывало на глубинный исторический источник народной силы и веры в конечную победу над врагами. Послание стало важным сигналом к изменению отношения власти к церкви и верующим. Вероятно, Сталин осознал, что с богоборчеством в условиях начавшейся войны надо кончать, а проявлениям веры народа в божие заступничество за Россию не следует препятствовать. В июле 1941 г. состоялась его краткая встреча с митрополитом Сергием, положившая начало нормализации государственно-церковных отношений. В стране прекратилась антирелигиозная пропаганда, перестали выходить в свет журналы «Безбожник», «Антирелигиозник».

С началом войны были прекращены всякие попытки актуализировать популярную ранее идею о превращении войны в революцию. Г. Димитров уже утром 22 июня получил указание: «Коминтерн пока не должен выступать открыто. Партии на местах развертывают движение в защиту СССР. Не ставить вопрос о социалистической революции. Советский народ ведет Отечественную войну против фашистской Германии. Вопрос идет о разгроме фашизма, поработившего ряд народов и стремящегося поработить и другие народы». На срочно собранном заседании Секретариата ИККИ Димитров развил эти установки. В шифровках компартиям, секциям Коминтерна, отправленным в тот же день, подчеркивалось: «Учтите, что на данном этапе вопрос идет о защите народов против фашистского порабощения, а не о социалистической революции».

Эти же мысли прозвучали в июльской речи Сталина. В ней особый упор сделан на то, что война с фашистской Германией не должна рассматриваться как обычное противостояние между армиями, это — «война всего советского народа», «всенародная отечественная война», «вой-

на за свободу нашего отечества», которая «сольется с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы». Он говорил и об опасности разрушения национальной культуры и национальной государственности народов Советского Союза, угрозе их онемечения, превращения в рабов немецких князей и баронов.

Выступление, начинавшееся со слов о вероломстве врага и громадных потерях, о зловещей угрозе, нависшей над страной, по ходу речи давало психологическую установку на активное сопротивление нашествию, ставило конкретные задачи, уверенно призывало к решительным действиям и немедленной перестройке всей работы и жизни страны и каждого советского человека на новый, военный лад, в результате чего врагу не должно быть пощады. По определению К. Симонова, главное впечатление, возникавшее у слушателей этой волнительной речи, можно было обозначить как «конец иллюзиям». В то же время выступление воодушевляло и вселяло уверенность: Сталин готов возглавить страну в час тяжелейших испытаний и привести ее к победе.

В основу перестройки деятельности партии, органов государственной власти и управления был положен принцип максимальной централизации руководства. За годы войны ни съездов партии, ни пленумов ЦК (за исключением январского 1944 г.) не проводилось. Оргбюро ЦК не собиралось, решения от имени Секретариата принимались путем устного опроса. Политбюро осуществляло свои функции постольку, поскольку практически из его состава был сформирован ГКО.

Тенденция к централизации прослеживается и в эволюции такого института, как Ставка. 10 июля 1941 г. Ставка Главного Командования была реорганизована в Ставку Верховного Командования. Вместо Тимошенко ее фактически возглавил Сталин. С 19 июля он заменил Тимошенко и на посту наркома обороны. Тенденция к централизации и дальнейшее восстановление исторических традиций проявились также в учреждении в СССР поста Верховного Главнокомандующего. Одним из деятельных проводников этих тенденций был заместитель наркома обороны Б. М. Шапошников, признанный военный теоретик, начальник Генерального штаба с июля 1941 г.

8 августа 1941 г. указом Президиума ВС на пост Верховного Главнокомандующего назначен Сталин. Тогда же Ставка Верховного Командования преобразована в Ставку Верховного Главнокомандования. Возглавляя одновременно партию, правительство и Вооруженные силы, Сталин был наделен чрезвычайными полномочиями по отношению ко всем ведомствам и учреждениям страны. Г. К. Жуков, назначенный в августе 1942 г. первым заместителем наркома обороны и заместителем Верховного Главнокомандующего, позднее вспоминал: «Трудно было разобрать, где кончается Государственный Комитет Оборона и начинается Ставка, и наоборот». Сталин «командовал всем, он дирижировал,

его слово было окончательным и обжалованию не подлежало». Но, отмечал полководец, в начале войны он «плохо разбирался в способах, методике и формах ведения современной войны». По мнению маршала А. М. Василевского, «на первых порах войны Сталин явно переоценивал свои силы и знания в руководстве войной». На практике это увеличивало потери на фронте.

Осуществляя перестройку экономики страны на военный лад, правительство в начале июля 1941 г. приняло постановление, значительно расширявшее права наркомов в условиях военного времени. В сентябре и ноябре были образованы новые наркоматы — танковой промышленности, минометного вооружения. На военный лад перестраивалась и ВКП(б). Свыше 500 секретарей, начиная с ЦК компартий союзных республик, были мобилизованы и назначены членами Военных советов фронтов и армий. 270 ответственных сотрудников ЦК направлены в Красную Армию и на ВМФ. Одновременно расширился институт парторгов ЦК. Они работали на 1170 крупных заводах. В ноябре созданы политотделы в МТС и совхозах (существовали до мая 1943 г.). За первое полугодие войны в армию влилось более миллиона членов партии, что составляло треть ее состава. В 1942 г. в рядах Красной Армии и Флота находилось свыше 2 млн коммунистов, 54,3% всего состава партии; в конце войны — 2,6 млн коммунистов из 6 млн.

В июле 1941 г. Политбюро ЦК приняло постановление об организации партизанского движения на оккупированных противником территориях силами партийных органов, диверсионных военных групп и органов НКВД. (На оккупированной территории осталось более 5,5 млн военнообязанных рождения 1890–1925 гг.) К концу года стали создаваться штабы и отделы партизанского движения при политуправлениях фронтов. В мае 1942 г. при Ставке Верховного Главнокомандования образован Центральный штаб партизанского движения (начальник П. К. Пономаренко). Главнокомандующим партизанским движением в сентябре — ноябре 1942 г. был К. Е. Ворошилов.

Ухудшившееся продовольственное снабжение страны заставило уже 18 июля 1941 г. ввести в Москве, Ленинграде, их пригородах карточки на хлеб, мясо, жиры, сахар и другие важнейшие продукты, в октябре их пришлось ввести почти во всех городах, в конце года — по стране в целом. Поначалу на карточное снабжение перевели 56 млн человек — 26,9 млн работающих, 17,4 млн иждивенцев, 11,7 млн детей до 12 лет. К декабрю 1942 г. в связи с оккупацией территории, где до войны проживали 80 млн человек, численность населения, снабжаемого по карточкам, сократилась до 38,1 млн человек, затем она снова увеличилась. Население деревни на государственное довольствие не принималось. Основным источником питания для огромной массы крестьянских семей были приусадебные участки.

Летом 1941 г. началась эвакуация промышленных предприятий в восточные районы страны. Для этой работы был создан Совет по делам эвакуации при ГКО. В октябре образован Комитет по эвакуации продовольственных запасов, промышленных товаров и предприятий промышленности. За годы войны из прифронтовой полосы и угрожаемых районов было эвакуировано более 17 млн человек. К началу 1942 г. перевезены и вскоре запущены более 1,5 тыс. промышленных предприятий (из них 1360 оборонных), число эвакуированных рабочих достигало трети штатного состава. С 26 июня 1940 г. действовала уголовная ответственность за самовольный уход, прогулы и опоздания на работу, а с 26 декабря 1941 г. рабочие и служащие военных предприятий объявлялись мобилизованными на весь период войны, самовольный уход с предприятий карался как дезертирство.

Оборонительные бои лета и осени 1941 г. Этап тяжелейших неудач и отступления Красной Армии продолжался до декабря 1941. Немецкие войска рвались к Ленинграду, Москве и Киеву — центрам районов, в которых находилось около 70% всех военных заводов страны. Усилия советских войск, действующих на этих направлениях, координировали созданные 10 июля три штаба главного командования войск направлений: Северо-Западного (главнокомандующий К. Е. Ворошилов, член Военного совета А. А. Жданов), Западного (С. К. Тимошенко и Н. А. Булганин), Юго-Западного (С. М. Буденный и Н. С. Хрущев). Главную роль на войне были призваны играть герои Гражданской войны. Однако, как показали дальнейшие события, бывшие герои-конники, несмотря на личную храбрость, заслуги и популярность, с этой ролью справлялись плохо. Уже через полтора-два месяца Ворошилова и Буденного освободили от должности главкомов. 27 августа 1942 г. Буденный был снят с поста первого заместителя наркома обороны (назначен Г. К. Жуков).

В попытках остановить катастрофическое развитие ситуации на фронтах власть прибегла к экстраординарным мерам. Через три недели после начала войны, 16 июля 1941 г. были восстановлены институты военных комиссаров в корпусах, дивизиях и полках, а также политруков в ротах, батареях и эскадрильях. В последующем эти органы по усилению партийного влияния в Вооруженных силах были распространены на другие структурные части РККА и ВМФ. Институт военных комиссаров ограничивал принцип единоначалия в армии и должен был способствовать всемерному укреплению стойкости командиров и личного состава, их готовности сражаться до конца. В июле 1941 г. были преданы суду, обвинены в трусости, бездействии, сознательном развале управления войсками и приговорены к высшей мере наказания командующий Западным фронтом Д. Г. Павлов, группа генералов Западного и Северо-Западного фронтов. До апреля 1942 г. по обвинениям в подоб-

ных преступлениях расстреляны 30 генералов. 16 августа 1941 г. издан приказ об ответственности военнослужащих за сдачу в плен и оставление врагу оружия. По нему пленные командиры и политработники объявлялись «злостными дезертирами», их семьи подлежали репрессиям, родные пленных солдат лишались льгот. Однако методы устрашения не давали ожидаемого результата. Просуществовав 15 месяцев, 9 октября 1942 г. институт военных комиссаров был упразднен.

Уже в первые месяцы войны Красной Армии пришлось оставить Прибалтику, Белоруссию, Молдавию, западные области Украины. В результате двухмесячного Смоленского сражения (город оставлен 29 июля, бои на востоке от него продолжались до 10 сентября) германский план молниеносной войны был сорван, однако наступление немцев продолжалось. К концу июля сложилась угрожающая обстановка для советских войск в районе Киева. Жуков предложил сдать город. Возмущенный предложением Сталин сместил его с поста. Новым начальником Генштаба стал маршал Б. М. Шапошников. Жуков был назначен командующим Резервного фронта, и ему удалось успешно провести наступательную операцию по разгрому группировки немецких войск в районе Ельни. 5 сентября город был освобожден. Это была первая, пусть не очень масштабная, победа советского оружия в Великой Отечественной войне.

На других направлениях успех сопутствовал вражеским войскам. 1 сентября они взяли станцию Мга, и Ленинград попал в кольцо блокады. Вместе с полутора миллионами жителей в городе оказались запертыми 30 советских дивизий. 16 сентября фашисты вошли в Новгород, перерезали в Чудове Октябрьскую железную дорогу, соединявшую Москву с Ленинградом.

В середине августа наступавшие на Москву войска столкнулись с упорным сопротивлением. В начале сентября гитлеровское командование отдало приказ о переходе войск на московском направлении к временной обороне и начало готовить наступательную операцию по захвату Москвы под кодовым названием «Тайфун». Танковая группа немецкого генерал-полковника Х. Гудериана получила приказ повернуть из района Смоленска на юг. Созданный для отражения опасности Брянский фронт (командующий генерал-лейтенант А. И. Еременко) не сумел помешать движению. 15 сентября наступающие с севера немецкие войска сомкнулись в Лохвице, в 200 км восточнее Киева, с танковой группой Э. Клейста, наступавшей из района Кременчуга.

Окруженный Киев пал 19 сентября. 655 тыс. советских солдат были пленены; при выходе из окружения погибли командующий Юго-Западным фронтом М. П. Кирпонос, член Военного совета фронта секретарь ЦК КП Украины М. А. Бурмистенко, начальник штаба фронта В. И. Тупиков. Выйдя из пределов Украины, немецкие войска взяли Белгород

(24 октября) и Курск (2 ноября). 25 октября был захвачен Харьков. К ноябрю немцы овладели частью Донбасса, в ноябре вышли на подступы к Ростову-на-Дону и создали угрозу прорыва на Кавказ. 21 ноября город был оставлен, но через неделю его отбили. 16 октября сдана врагу героически сражавшаяся 73 дня и оказавшаяся в глубоком тылу противника Одесса. Более 100 тыс. ее защитников и большое количество различной техники и вооружения было перевезено в Крым кораблями и судами Черноморского флота. К концу октября фронт на полуострове приблизился к Севастополю. 16 ноября советские войска были вынуждены оставить крымский промышленный центр и порт Керчь. С 30 октября шло беспрецедентное по ожесточенности сражение за Севастополь, длившееся 250 дней и ночей.

30 сентября немецкие войска приступили к осуществлению операции «Тайфун». Началась битва за Москву. Под командованием фельдмаршала Бока было стянуто три четверти германских войск. Им противостояли три советских фронта. Войска Западного (генерал-полковник И. С. Конев) занимали полосу обороны шириной 340 км, от Осташкова до Ельни. Войска Резервного (маршал С. М. Буденный) обороняли фронт протяженностью 100 км на рославльском направлении и располагались в тылу Западного фронта. Войска Брянского фронта (генерал-полковник А. И. Еременко) удерживали рубеж западнее и южнее Брянска протяженностью 290 км. При этом советские войска значительно уступали немецким в танках, авиации, противотанковой и зенитной артиллерии.

К 7 октября противнику удалось окружить в районе Вязьмы четыре советские армии. Под командованием генерал-лейтенанта М. Ф. Лукина они до середины октября сражались в окружении. 10 октября войска Западного и Резервного фронтов были объединены в Западный под командованием Г. К. Жукова и продолжали вести бои на Можайской линии обороны. К концу октября враг был остановлен на рубеже восточнее Волоколамска и далее — по рекам Нара и Ока до Алексина.

Немецкие танковые войска, наступавшие из районов Рославля и Шостки, обошли основные силы Брянского фронта. 3 октября был захвачен Орел. 9 октября пресс-секретарь Гитлера заявил: «Все военные задачи решены, с Россией покончено». Однако советские войска к 23 октября прорвали фронт окружения и отошли на линию Белев — Мценск — Поньри. Преодолев этот рубеж, немцы к концу месяца вышли на линию Таруса — Тула. Но все попытки захвата Тулы, предпринимавшиеся с 29 октября, были отбиты. 18 ноября фашисты начали наступление с целью ее обхода с востока и к 25 ноября вышли на подступы к Кашире, продвинулись в направлении Рязани, создавая угрозу прорыва в район восточнее Москвы. Контрудары войск Западного фронта вынудили противника в начале декабря начать отход с северо-востока от Тулы.

Особенно тревожная обстановка складывалась к северо-западу от Москвы. 14 октября, несмотря на упорное сопротивление войск Западного фронта, немцы овладели городами Ржев и Калинин (Тверь). Войскам созданного 17 октября нового Калининского фронта (генерал-полковник И. С. Конев) удалось отбить попытки их прорыва из Ржева на Торжок (в тыл Северо-Западному фронту) и закрепиться на рубеже Селижарово — Калинин — Волжское водохранилище.

Самые тяжелые дни для Москвы начались 15 октября. В тот день ГКО принял постановление об эвакуации столицы. На совещании у Сталина командующему Московским военным округом генерал-лейтенанту П. А. Артемьеву было приказано подготовить план обороны города и удерживать хотя бы часть его до тех пор, пока подойдут войска из Сибири и вышибут немцев из Москвы. Грузовики развозили взрывчатку для минирования мостов, которые должны были взрываться «при виде противника». Двести поездов и 80 тыс. грузовиков вывозили польское и государственное имущество. В Москве даже квалифицированные рабочие принимались в истребительные батальоны. Более полумиллиона москвичей рыли мерзлую землю, создавая оборонительные рубежи вокруг столицы.

Между тем слухи о приближении немецких войск и решении правительства покинуть Москву быстро распространились по городу. В ряде случаев они породили беспорядочное бегство административных работников разного уровня, сожжение архивной документации, грабежи брошенных магазинов. 17 октября по поручению Сталина по московскому радио выступил руководитель столичной парторганизации А. С. Щербаков. Он заверил: «За Москву будем драться упорно, ожесточенно, до последней капли крови». И все же панические настроения и беспорядки не прекратились до тех пор, пока не стало ясно, что представители власти и сам Сталин остаются в Москве.

19 октября ГКО ввел в столице осадное положение. Всякое движение — как отдельных лиц, так и транспорта — запрещалось с 24 ч до 5 ч утра, нарушители порядка немедленно привлекались к ответственности. За два месяца действия этого положения на месте были расстреляны 16 нарушителей; 357 — расстреляны по приговорам военного трибунала; осуждены на тюремное заключение на разные сроки 4741 человек. Беспорядки были пресечены. Тем временем к Москве спешно выдвигались дивизии с Дальнего Востока, где 750 тыс. хорошо обученных и хорошо оснащенных солдат и офицеров готовились отражать японскую агрессию. К декабрю советская сторона располагала надежной информацией о том, что Япония не намеревалась начинать военные действия против СССР.

15 ноября противник усилил натиск на клинско-солнечногорском и волоколамско-истринском направлениях. Врагу удалось выйти к Дмитрову, занять Яхрому, на одну ночь Лобню, а также несколько деревень

на восточном берегу канала имени Москвы, захватить Красную Поляну, Крюково. 30 ноября, в зимнюю ночную пургу, мотоциклисты немецкого разведывательного батальона прошли сквозь северо-западные пригороды столицы и вышли на мост через канал Москва-Волга (вблизи нынешней станции метро «Речной вокзал») в 15 км от Кремля. В ночь на 1 декабря авиадесант противника был высажен на Воробьевых горах и в Нескучном саду — в 4 км от Кремля. Мотоциклисты были отогнаны, авиадесант уничтожен. Наступление немцев на Москву выдохлось.

Германское командование полагало, что к декабрю 1941 г. силы Красной Армии будут полностью исчерпаны. Между тем 59 новых советских пехотных и 17 кавалерийских дивизий уже ждали приказа вступить в бой. 30 ноября Жуков представил на утверждение план контрнаступления под Москвой.

Итоги летне-осенней кампании 1941 г. были ужасающими. К 5 декабря 1941 г. противник занял территорию, на которой до войны проживало 74 531 тыс. (39,1%) населения СССР, безвозвратные потери личного состава советских войск составили 3,1 млн человек (из них 0,8 млн убиты и умерли от ран, 2,3 млн пропали без вести и пленены). Вместе с санитарными потерями (раненые, контуженные, заболевшие) потери увеличивались до 4,5 млн человек. То большое преимущество в танках и самолетах, которое имела Красная Армия в начале войны, растаяло. Противник захватил треть железнодорожных путей. Страна потеряла треть самого плодородного клина пахотной земли, имея теперь хлеба и мяса на душу населения вдвое меньше, чем до войны. Производство жизненно важных для военной индустрии алюминия, меди, марганца упало на две трети. Потеря трехсот военных заводов резко сократила поступление в армию снарядов, мин, бомб.

Падение производства боеприпасов продолжалось до конца года. Выпуск самолетов сократился с 2,3 тыс. в сентябре до 627 в ноябре. С лета 1941 г. отправлена на фронт лишь половина запланированного количества танков. Объем валовой продукции промышленности СССР с июня по ноябрь 1941 г. уменьшился в 2,1 раза. Объем производства в этом месяце составил 51,7% от объема ноября 1940 г., и был самым низким за все годы войны. Большая часть военных заводов еще перемещалась на восток. Сотни тысяч квалифицированных рабочих были либо убиты, либо мобилизованы в армию, их заменили ранее не работавшие на производстве женщины, подростки, старики. Однако Челябинский тракторный завод уже размещал на своих площадях оборудование Харьковского дизелестроительного завода, производившего непревзойденный дюралюминиевый мотор для Т-34, и цеха частично эвакуированного из Ленинграда Кировского завода. В декабре 1941 г. падение промышленного производства в стране удалось остановить, а с марта 1942 г. начать быстрое его наращивание.

Неудачи первого этапа войны поставили под сомнение коренные, казавшиеся ранее незыблемыми идеологические постулаты, определявшие жизнь общества, внутреннюю и внешнюю политику государства. Создание антигитлеровской коалиции приглушило антиимпериалистическую пропаганду. Международная классовая солидарность на поверку не обнаружила своей действенности. Германские пролетарии, вопреки наивным призывам из советских окопов, вовсе не спешили повернуть оружие против своего правительства и не выказывали никакого почтения к «отечеству мирового пролетариата».

Национальная солидарность сплачивала людей несравненно прочнее, нежели классовая, не только в стане врага, но и в самом СССР. В беседе с У. А. Гарриманом, возглавлявшим делегацию США на московском совещании представителей СССР, США и Великобритании (29 сентября — 1 октября 1941 г.), Сталин сказал: «Мы знаем, народ не хочет сражаться за мировую революцию; не будет он сражаться и за советскую власть... Может быть, будет сражаться за Россию».

Неожиданное признание Сталина было явным признаком существенного пересмотра идейных основ партийно-политической работы в армии и стране. Отсюда — демонстрация готовности уважать традиционные верования, воскрешение вдохновляющих традиций старой русской армии, выразившаяся, в частности, в возрождении 18 сентября 1941 г., после героического Смоленского сражения, гвардейских званий. Слово «гвардия», появившееся в России еще в петровское время, всегда означало самые отборные, боеспособные, отличающиеся особым мужеством войска.

7 ноября 1941 г., выступая с трибуны Мавзолея, Сталин призвал уходящих на фронт солдат помнить имена тех, кто создал и защитил Россию, ее исторических героев — Александра Невского, Дмитрия Донского, Александра Суворова, Михаила Кутузова. 10 декабря 1941 г. был отдан приказ о снятии со всех военных газет лозунга «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», чтобы он не мог «неправильно ориентировать некоторые прослойки военнослужащих». Спасение страны и социализма виделось в превращении войны в отечественную, национальную, а не классовую. Идеологический поворот, уже в 1941 г. получивший название «идеологический нэп», с позиций коммунистического фундаментализма мог быть вынужденным и временным отходом от идей революции и пролетарского интернационализма. Тем не менее выбор этот оказался единственно верным. Идеологический поворот предшествовал коренному повороту в войне.

Московская битва. К контрнаступлению под Москвой привлекались войска Западного (командующий генерал армии Г. К. Жуков), Калининского (генерал-полковник И. С. Конев) и Юго-Западного (маршал С. К. Тимошенко) фронтов. Замысел контрнаступления заклю-

чался в одновременном разгроме угрожающих Москве ударных группировок группы армий «Центр». У советской стороны было 1100 тыс. солдат и офицеров, 7,7 тыс. орудий и минометов, 774 танка, 1 тыс. самолетов против 1708 тыс. вражеских солдат и офицеров, 13,5 тыс. орудий и минометов, 1170 танков, 615 самолетов. Решить исход сражения должны были боевой дух войск, воля и талант полководцев.

Моральный дух германских войск был существенно надломлен. Их потери на Восточном фронте к декабрю 1941 г. оказались в три раза больше, чем за всю кампанию в Польше и на Западном фронте. Потери в офицерском корпусе были в пять раз больше, чем в 1939–1940 гг. В битве под Москвой только с 16 ноября по 5 декабря германские войска потеряли 155 тыс. человек убитыми и ранеными, около 800 танков, 300 орудий и до 1,5 тыс. самолетов. Всего с начала войны и до конца 1941 г. войска Германии и ее союзников потеряли на Восточном фронте 273,8 тыс. человек убитыми, 802,7 тыс. ранеными, 57,2 тыс. пропавшими без вести.

На нашей стороне был не только известный «генерал Мороз», который преподнес немало сюрпризов пол-летнему обмундированным немцам. По плану «Барбаросса» их «работа» на Восточном фронте должна была закончиться задолго до наступления холодов. В этой связи имперский министр вооружения фон Тодт 29 ноября 1941 г. заявил Гитлеру: «Войну необходимо немедленно прекратить, поскольку она в военном и военно-экономическом отношении уже проиграна». Гитлер не захотел признать правоту министра. В дальнейшем убеждать его пришлось главным образом советским военным вождям, овладевшим современным военным искусством.

В 3 ч ночи 5 декабря 1941 г. при температуре минус 30 градусов на заснеженные передовые позиции германских войск обрушились войска советских фронтов. Ценой невероятных усилий и героизма Красная Армия перешла в контрнаступление на фронте от Калинина (Тверь) до Ельца. Одновременно наши войска вели активные боевые действия юго-восточнее Ленинграда и в Крыму, что лишало немцев возможности перебрасывать подкрепления своим войскам под Москву.

Эффект внезапности сработал в полной мере. Немецкие войска дрогнули и начали отступать. Их стойкость не увеличилась и после того, как Гитлер снял с командных постов 35 корпусных и дивизионных командиров и отправил в отставку главнокомандующего сухопутными войсками вермахта генерал-фельдмаршала В. Браухича (этот пост Гитлер занял сам). Продвигаясь вперед, советские войска за первые шесть дней отбили у врага 400 городов и деревень. 15 декабря освобожден Клин, 16 — Калинин, 20 — Волоколамск, 30 — Калуга, 17 января 1942 г. — Великие Луки.

Наступающим войскам открывалась варварская жестокость врага. В Московской битве возникало то, что И. Г. Эренбург назвал «подлин-

ной ненавистью к врагу», что переводило в реальность сталинское предостережение: «Если немцы хотят иметь истребительную войну с народами СССР, они ее получают». Воспитывая ненависть к врагу, советские идеологи всеми средствами нагнетали критически-негативную характеристику германского государства и его армии. И, напротив, побуждая граждан СССР защищать его от врага, усиливали апологетику советского общества, выделяли и поддерживали достоинства его защитников, замалчивали недостатки.

За месяц кровопролитных боев были освобождены Московская, Тульская и значительная часть Калининской области, устранена угроза взятия Москвы немецкими войсками. Однако к марту 1942 г. мощь советского наступления иссякает — сибирские дивизии понесли тяжелые потери. Развить успех в контрнаступлении советских войск по всему фронту, которое продолжалось до 20 апреля 1942 г., не удалось.

Не достигла целей наступательная операция в районе Барвенково (к югу от Харькова), проведенная 18–31 января 1942 г. Сил и искусства для ее успешного развития явно не хватало. Неудачей окончилась попытка прорвать блокаду Ленинграда. Январь 1942 г. был пятым месяцем блокады города. Здесь уже умерли 200 тыс. жителей. 2-я ударная армия Волховского фронта, на которую возлагались особые надежды по прорыву блокады, в январе попала в окружение и несла огромные потери. В июле ее командование оказалось в плену. Командующий армией генерал-лейтенант А. А. Власов, находясь в Винницком военном лагере для пленных офицеров, согласился сотрудничать с врагами своего народа и возглавить русское «антисталинское движение». (12 мая 1945 г. он был пленен, позднее казнен.)

Тем не менее главным событием первого года Великой Отечественной войны, одного из самых горьких в русской истории, стал явный переход стратегической инициативы к СССР и первое крупное поражение Германии в битве под Москвой «блицкриг» был окончательно похоронен. Обозначился коренной поворот: перед Германией вырисовывалась перспектива затяжной и губительной для нее войны. Союзные ей Турция и Япония воздержались от выступления против СССР. Начался подъем антифашистского сопротивления в Западной Европе. Советский Союз превращался в решающий фактор Второй мировой войны.

Создание и укрепление антигитлеровской коалиции. После нападения Германии на Советский Союз правительства Англии и США заявили о поддержке СССР в его борьбе против агрессии. Они не верили, что он сможет оказывать длительное сопротивление немецким войскам (британская разведка определяла этот срок в 10 дней), но были заинтересованы в том, чтобы оказывать помощь. «Не для того, чтобы обеспечить ошеломляющую русскую победу, а для того, чтобы

удерживать Германию связанной до тех пор, пока наш собственный вес в войне не станет решающим», — так считали в военных кругах США. Как бы то ни было, жизненные интересы СССР и ведущих стран западной демократии на ближайшее время совпадали. Вечером 22 июня глава британского кабинета У. Черчилль объявил по Би-Би-Си о намерении предоставить СССР « всю возможную помощь ». Президент США Ф. Рузвельт сделал такое же публичное заявление на пресс-конференции 24 июня.

12 июля 1941 г. в результате переговоров в Москве подписано советско-английское соглашение о совместных действиях в войне с Германией. Обе страны обязывались оказывать друг другу помощь и поддержку, не вести с Германией переговоры и не заключать перемирия или мирного договора иначе, как с обоюдного согласия. Аналогичные соглашения были заключены с находящимися в изгнании правительствами Чехословакии (18 июля) и Польши (30 июля). В соответствии с ними на территории СССР создавались чехословацкие и польские военные формирования.

В августе 1941 г. Великобритания и США подписали декларацию о целях войны, получившую наименование « Атлантическая хартия ». В ней говорилось, что территориальные изменения по итогам войны возможны лишь по согласию заинтересованных в том государств, что они будут уважать право народов самим выбирать формы правления, создавать равные возможности для экономического сотрудничества. Советское правительство выразило согласие с основными принципами хартии. Однако вопрос об открытии второго фронта против Гитлера в Северной Франции, поставленный Сталиным в послании У. Черчиллю от 18 июля 1941 г., не встречал понимания. Премьер-министр английского правительства считал, что Англия для этого « не могла быть готова ранее лета 1943 г. »

Более конкретных результатов удалось достичь на конференции СССР, США и Англии по вопросам военных поставок (Москва, 29 сентября — 1 октября 1941 г.). США и Англия обязывались ежемесячно с октября 1941 по июнь 1942 г. поставлять в СССР 400 самолетов, 500 танков, 200 противотанковых ружей, материалы военного значения. Советское правительство в свою очередь обязалось поставлять союзникам сырье для производства военной продукции. Нашей стране предоставлен беспроцентный кредит на сумму в 1 млрд долларов.

7 ноября 1941 г. президент США принял решение о распространении на Советский Союз действия закона о ленд-лизе от 11 марта 1941 г. По этому закону США предоставляли оружие и снаряжение займы или в аренду любой стране, оборона которой становилась жизненно важной для США. Материалы, поставленные по ленд-лизу и уничтоженные, утраченные или потребленные во время войны, не подлежали после ее окончания никакой оплате. Оставшиеся оплачивались полностью или частично и могли быть затребованы обратно.

Помощь по ленд-лизу, без сомнения, укрепляла военную мощь СССР. В общей сложности поставки составили около 4% продукции, произведенной в нашей стране в годы войны. В стоимостном выражении американские поставки СССР с учетом транспортных расходов и услуг составили около 11 млрд долларов (24% общей суммы американских расходов по ленд-лизу). По ряду видов помощи — танки и самолеты, особенно грузовые автомобили, консервы — помощь была существенной. Оценивая значимость ленд-лиза, А. И. Микоян полагал, что без него «мы бы наверняка еще год–полтора лишних провоевали».

Связь с союзниками становилась более осязаемой в дни битвы под Москвой и по другим причинам. 7 декабря 1941 г. Япония без объявления войны напала на американскую военно-морскую базу Пирл-Харбор. На следующий день США объявили войну Японии, то же самое сделала и Англия. 11 декабря Германия и Италия объявили войну США. 1 января 1942 г. 26 государств антифашистской коалиции (включая СССР и Китай) подписали декларацию, по которой обязались использовать свои военные и экономические ресурсы против фашистского блока. Впоследствии к декларации присоединились более 20 стран. Все вместе они стали называться «Объединенными Нациями».

Новые неудачи на фронте. Поздравляя красноармейцев и краснофлотцев по случаю 1 мая 1942 г., Сталин приказал Красной Армии «добиться того, чтобы 1942 год стал годом окончательного разгрома немецко-фашистских войск и освобождения советской земли». Мнение Шапошникова и Жукова, предлагавших перейти к стратегической обороне на период, пока военная промышленность освоит новые образцы вооружений и решительно превзойдет германскую промышленность, поддержки не нашло. Однако успешного советского наступления по всем направлениям не получилось.

Весной и летом 1942 г. германские войска воспользовались просчетами советского командования, ожидавшего нового наступления на Москву и сосредоточившего здесь более половины армий, 62% самолетов, до 80% танков. Немецкие стратеги готовили основной удар на юге, стремясь овладеть Кавказом и Нижним Поволжьем. Советских войск на юге явно недоставало для сдерживания удара. Отвлекающие, по замыслу Сталина, наступательные операции в Крыму и на харьковском направлении при недостатке сил обернулись крупными поражениями.

30 декабря 1941 г. советские войска освободили Керчь и начали готовить новое наступление. На Керченском полуострове плотно друг к другу стояли три советские армии Крымского фронта, призванные оттянуть германские силы от Севастополя. Фронтом командовал генерал-лейтенант Д. Т. Козлов, представителем Ставки ВГК был начальник Главного политического управления РККА Л. З. Мехлис. Немцы ими-

тацией удара сумели отвлечь внимание командования Крымского фронта к северному флангу, а сами 8 мая нанесли удар с юга, смешали порядок в советских войсках и через неделю вышли к пригороду Керчи. Шесть дней продолжалась отчаянная переправа людей и техники на Таманский полуостров. 14 мая немцы вновь заняли Керчь, захватили большие трофеи, взяли в плен 176 тыс. солдат и офицеров.

Крупной неудачей окончилась и попытка нанести удар по германским войскам в районе Харькова силами войск Юго-Западного направления (главнокомандующий С. К. Тимошенко, член Военного совета Н. С. Хрущев, начальник штаба И. Х. Баграмян). Харьковское сражение (12–29 мая) было проиграно. При этом в плен попали 240 тыс. человек, захвачено 1249 танков, 2026 орудий.

Стратегическая инициатива вновь оказалась в руках противника. После керченской катастрофы осложнилось положение осажденного Севастополя. Несмотря на самоотверженность защитников города, их силы таяли. 4 июля, после 250-дневной героической обороны, Севастополь пал. 28 июня германская армейская группа «Вейхс» начала наступление из района северо-восточнее Курска на воронежском направлении. 6 июля противнику удалось овладеть большей частью Воронежа. Гитлеровцы назвали его «проклятым городом» из-за жесточенности боев на выживание в городских кварталах. Основные силы Воронежского фронта (командующие Ф. И. Голиков, Н. Ф. Ватутин) с боями отходили за Дон в его нижнем течении.

В боях на южном крыле советско-германского фронта немецкие войска заняли Донбасс, вышли в большую излучину Дона, создавая угрозу Сталинграду. 24 июля противник захватил Ростов-на-Дону — ключ к воротам Кавказа. Положение складывалось критическое. Неудачи летних сражений отрицательным образом сказались на боеспособности войск, их моральном духе. По воспоминаниям Г. К. Жукова, «вновь появились панические настроения и нарушения воинской дисциплины».

28 июля нарком обороны издал приказ № 227 («Ни шагу назад!»), который имел целью самыми жестокими мерами пресечь проявления трусости и дезертирства, категорически запрещал отступление без особого распоряжения командования. Он был зачитан всем бойцам Красной Армии. Суровый приказ сыграл свою роль, поскольку способствовал осознанию величайшей опасности государству и отвечал внутреннему настрою народа. Отступать действительно было некуда. Летом и осенью 1942 г. война велась уже на территории РСФСР и становилась в полном смысле войной за спасение России. 29 июля учреждены военные ордена в честь военных героев российского прошлого: Суворова, Кутузова, Александра Невского.

Приказ № 227 вводил штрафные батальоны и роты для отбывания военными служащими наказания за уголовные и воинские преступления. Они

использовались на наиболее тяжелых и опасных участках боевых действий и несли в 3–6 раз большие потери, чем обычные войска. В 1942 г. в них направлено 25 тыс. человек, в последующие годы войны — 403 тыс. В соответствии с приказом, в пределах каждой армии создавались 3–5 заградотрядов (по 200 человек в каждом), обязанных в случае паники и беспорядочного отхода частей дивизии расстреливать паникеров на месте. Надобность в таких отрядах, о которых позднее распространялось много небылиц, через 3 месяца, с изменением обстановки в пользу для Красной Армии отпала. Отряды были расформированы по приказу наркома обороны от 29 октября 1944 г. Через штрафные батальоны прошли 1,24% военнослужащих времен Великой Отечественной войны.

В августе 1942 г. противник вышел к берегам Волги в районе Сталинграда и к предгорьям западной части Кавказского хребта, к перевалам его центральной части, и на рубеж реки Терек, в район Моздока. На этих рубежах враг был остановлен. 25 августа началась битва за Сталинград, проходившая для советских солдат зачастую на грани человеческих возможностей. Германское командование придавало особое значение городу, захват которого позволял перерезать Волжскую транспортную артерию и создать смертельную опасность центру страны. 13 сентября начался штурм города, продолжавшийся более двух месяцев. Натиск немцев отражали войска Юго-Восточного и Сталинградского фронтов под единым командованием генерал-полковника А. И. Еременко. Сталинград стал синонимом массового героизма солдат, стойкости советских людей.

Основная тяжесть борьбы выпала на долю армий, возглавляемых В. И. Чуйковым, М. С. Шумиловым, А. И. Лопатыным; дивизий А. И. Родимцева, И. И. Людникова, на долю всех жителей города-героя. Оборонительная операция в Сталинграде стоила жизни 324 тыс. советских воинов. Немногим меньшими цифрами измерялись санитарные потери. Немецкие генералы вспоминали сражение за город как «не поддающуюся никакому описанию битву, ставшую символом борьбы двух враждебных миров». К середине ноября наступательные возможности немцев окончательно иссякли, и они перешли к обороне.

§ 2. Коренной перелом в войне. 19 ноября 1942 — 1943

Победа под Сталинградом. Стойкость советских войск позволила в очередной раз выиграть время, мобилизовать резервы и подготовить наступление в районе Сталинграда. Ко второй половине 1942 г. советскому руководству удалось добиться общего превосходства сил над войсками противника. Промышленность, переведенная на военные рельсы, стала быстро наращивать выпуск вооружений. Численность Красной Армии, несмотря на все потери, начинала увеличиваться и

приближалась к 6,6 млн человек против 6,2 млн у вермахта и его союзников. Достигнуто было превосходство по орудиям (78 тыс. против 52), танкам (7,3 тыс. против 5), самолетам (4,5 тыс. против 3,5).

Идея контрнаступления под Сталинградом родилась практически с началом вражеского штурма города. 12 сентября Г. К. Жуков и А. М. Василевский (начальник Генштаба с июня 1942 г.) докладывали обстановку в городе и вокруг него И. В. Сталину. Когда он начал изучать карту с расположением резервов Ставки, стратеги, отойдя подальше от стола, стали говорить, что, видимо, надо искать какое-то иное решение, нежели просто помогать резервами обороняющимся. Услышав этот разговор, Сталин попросил «подумать хорошенько», что надо предпринять в складывающейся ситуации.

Идея, которая легла в основу плана операции, была простой: активной обороной ослабить противника, затем нанести во фланги вражеской группировки удары большой силы, которые резко изменили бы стратегическую обстановку на юге страны. План получил название «Уран» и тщательно разрабатывался в сентябре — октябре 1942 г. Операцию удалось подготовить втайне от противника. Она осуществлялась войсками вновь созданного Юго-Западного фронта (командующий Н. Ф. Ватутин), Донского, образованного в результате переименования бывшего Сталинградского фронта (К. К. Рокоссовский), и вновь созданного Сталинградского фронта (А. И. Еременко) при содействии Волжской военной флотилии (контр-адмирал Д. Д. Рогачев). Руководство подготовкой контрнаступления по Юго-Западному и Донскому фронтам было возложено на Г. К. Жукова, по Сталинградскому — на А. М. Василевского.

19 ноября 1942 г. советские войска перешли в контрнаступление. 23 ноября танковые части Сталинградского и Юго-Западного фронтов соединились у города Калач-на-Дону и замкнули кольцо окружения, в котором оказалось 22 дивизии врага (более 330 тыс. человек). Уничтожение и пленение окруженных войск продолжалось до 2 февраля 1943 г. Днем ранее московское радио сообщило о взятии в плен командующего 6-й армии генерал-фельдмаршала Ф. Паулюса. Всего в Сталинградской битве противник потерял четвертую часть сил, действовавших на Восточном фронте.

Успешное осуществление Сталинградской операции отмечено присвоением звания Маршал Советского Союза выдающимся полководцам — Г. К. Жукову (18 января) и А. М. Василевскому (16 февраля). 6 марта того же года маршальское звание присвоено И. В. Сталину. Это были первые присвоения высшего воинского звания с начала войны. В 1944 г. его обладателями стали еще шесть военачальников: И. С. Конов, Л. А. Говоров, К. К. Рокоссовский, Р. Я. Малиновский, Ф. И. Толбухин, К. А. Мерецков. Всего за годы советской власти в СССР был 41 Маршал Советского Союза.

Победа под Сталинградом была подкреплена общим наступлением советских войск. Врага вынудили вывести части с Северного Кавказа. От оккупации были освобождены миллионы советских людей и огромная территория, потенциально богатая хлебом, углем, нефтью. Огромное значение имел частичный прорыв блокады Ленинграда, совершенный 18 января 1943 г. после семидневных боев. Между Ладожским озером и линией фронта был образован коридор шириной до 11 км, по нему за две недели проложены автомобильная и железная дороги. Город-герой, потерявший за время блокады 642 тыс. человек от голода, болезней и 21 тыс. от артобстрелов, но обеспечивавший выпуск промышленной продукции в объеме 30% от довоенного уровня, вздохнул свободнее. За первую половину 1943 г. освобождены города Ржев, Вязьма, Ростов-на-Дону, Шахты и многие другие. 8 февраля 1943 г. советские войска освободили город Курск, который вскоре приковал к себе всеобщее внимание в связи битвой, завершившей перелом в ходе Великой Отечественной войны.

Курская битва. К лету 1943 г. фронт стабилизировался. Стороны готовились к летней кампании. Немецкое командование с апреля разрабатывало операцию «Цитадель», надеясь «добиться успеха быстро и тотально». Планировалось разгромить войска Центрального и Воронежского фронтов, оборонявших так называемую (по конфигурации линии фронта) Курскую дугу, и развить наступление на Москву. Для осуществления операции немцы сконцентрировали свыше 900 тыс. человек, около 100 тыс. орудий и минометов, 2700 танков и штурмовых орудий, более 2 тыс. самолетов. Пополнения войск удалось достичь за счет тотальной мобилизации.

На этот раз советское командование своевременно разгадало вражеский замысел и разработало ответный план, рассчитанный на то, чтобы сначала обескровить врага в оборонительных боях, затем перейти в контрнаступление. Важные сведения о готовившейся «Цитадели» были получены из Британии. Английские криптографы в июле 1941 г. разгадали код немецкой шифровальной машины «Энигма» («Загадка»), используемый на Восточном фронте. К 1943 г. советская сторона имела возможность не раз убедиться в достоверности сведений английской разведки. Расшифрованная «Энигма» позволяла следить за «Цитаделью» начиная с 15 апреля. Сыграли свою роль и сведения, поступавшие от агентурной группы лондонской резидентуры советской разведки, известной как «Кембриджская пятерка». Д. Кернкросс, один из членов пятерки, накануне Курской битвы сообщил о дислокации на этом направлении 17 немецких аэродромов. Советская авиация уничтожила на них 500 самолетов.

5 июля 1943 г. немецкие войска перешли в наступление с целью окружения советских частей в районе Курска. Пленные накануне не-

мецкие солдаты показали, что наступление назначено на 4 ч утра, а солдаты уже получили шнапс и рацион на пять дней. Таким образом, удалось уточнить сведения о начале наступления, которое ранее неоднократно переносилось. Командующие фронтов К. К. Рокоссовский (Центральный) и Н. Ф. Ватутин (Воронежский) приказали предупредить наступление артиллерийской контрподготовкой.

Противнику удалось вклиниться в нашу оборону на отдельных участках до 10–35 км. На северном крыле курского выступа немцы к 7 июля продвинулись к населенному пункту Поньри, который стал, как отметил один из германских участников событий, «Сталинградом Курской битвы». Здесь произошло мощное сражение между ударными частями трех немецких танковых дивизий и советскими войсками 2-й танковой (командующий генерал-лейтенант А. Г. Родин) и 13-й армии (генерал-лейтенант Н. П. Пухов). Потеряв до 50 тыс. человек убитыми и около 400 танков, противник вынужден был прекратить наступление.

На южном фланге курского выступа кульминация битвы пришлось на седьмой день немецкого наступления. На рассвете 12 июля в расположении войск Воронежского фронта, у деревни Прохоровка, на поле примерно 7 на 5 км началось сражение, в котором во встречном бою сошлись до 1200 советских и немецких танков и самоходных орудий. Невиданная битва продолжалась 18 ч кряду и затихла далеко за полночь. На поле остались остовы 300 немецких танков из 400 участвовавших в наступлении. Среди них 70 новых «Тигров». Советские войска потеряли в этом сражении 500 из 800 танков. Битва не закончилась в один день, хотя потери немцев были такими, что уже нельзя было рассчитывать на решающий прорыв. Тем не менее три последующих дня они бросались на Прохоровку, но пробиться ни через нее, ни в обход не смогли.

Всевластие вермахта на полях сражений кончилось. Элитную танковую дивизию «Мертвая голова» немцы были вынуждены вывести из фронтовой полосы. Танковая армия Г. Гота потеряла половину личного состава и машин. Тяжелые потери понесли советская 5-я гвардейская танковая армия (генерал-лейтенант П. А. Ротмистров), два танковых корпуса и пехотинцы 5-й гвардейской армии (генерал-лейтенант А. С. Жадов).

15 июля операция «Цитадель» была прекращена, немцы перешли к обороне. Командующий группой армий «Юг» генерал-фельдмаршал Э. Манштейн и его штаб полагали, что для активных действий у советской стороны сил не осталось. Это было ошибкой: Г. К. Жуков и А. М. Василевский уже приступили к реализации второй части плана. 12 июля войска Брянского (командующий М. М. Попов), Центрального (К. К. Рокоссовский) и части Западного (В. Д. Соколовский) фронтов перешли в наступление на орловскую группировку противника (операция «Кутузов»), первым крупным результатом которого было освобождение Орла (5 августа). 3 августа началось осуществление белгородско-

харьковской наступательной операции «Румянцев». 5 августа был освобожден Белгород, 23 августа — Харьков. 5 августа впервые за годы войны Москва салютовала 122 пушками в честь освобождения Орла и Белгорода. Этот салют звучал и в память 70 тыс. человек, polegших в боях на Курской дуге. А всего пали смертью храбрых при осуществлении операций «Кутузов» и «Румянцев» 183 тыс. наших воинов.

Великая победа под Курском достигнута меньшей, чем прежние, кровью. Сталинград унес жизни 470 тыс. наших солдат и офицеров. Все более ощутимыми становились и потери германской стороны. По ее данным, с начала войны по 31 августа 1943 г. вермахт потерял на Восточном фронте 548,5 тыс. солдат и офицеров убитыми и более 2 млн ранеными. Увеличивалось число военнопленных противника: в 1941 г. — 10,6 тыс., в 1942 — 178,8 тыс., в 1943 г. — 442,6 тыс. человек. Восполнить эти потери Германии оказалось очень трудно. Советская сторона располагала возможностями возместить относительно большие потери своих войск и наращивать их превосходство.

Освободив Орел, Белгород, Харьков, советские войска перешли в общее стратегическое наступление по фронту в 2 тыс. км. Коренной перелом в войне, начатый под Сталинградом, завершился битвой за Днепр. 6 ноября освобождена столица Украины. От врагов очищен ряд областей РСФСР, Левобережная Украина, Донбасс, захвачены плацдармы под Новороссийском («Малая земля») и в Крыму (на северо-восточной окраине Керчи и южнее города). С ноября 1942 по декабрь 1943 г. было освобождено 46,2% захваченной ранее советской территории, а с учетом территории, освобожденной до ноября 1942 г. — 53% (до войны здесь проживали почти 46 млн человек). К 1944 г. разгромлена половина дивизий противника, начался распад фашистского блока. Из войны была выведена Италия.

Разгром итальянских войск под Сталинградом и высадка англо-американских войск на Сицилии (9 июля 1943 г.) привели к смещению короля 25 июля с поста премьер-министра и аресту Б. Муссолини. Однако он был освобожден немцами и создал под их защитой «республику Сало». 8 сентября 1943 г. север и центр Италии были оккупированы Германией. Фашисты держались здесь до конца войны, ведя борьбу с партизанскими отрядами итальянского Сопротивления.

§ 3. Внутренняя и внешняя политика в годы войны

Мобилизация народного хозяйства. Главным фактором коренного перелома в войне на советско-германском фронте стала завершившаяся к середине 1942 г. перестройка тыла на военный лад. На выпуск военной продукции было переключено производство практически всех отраслей промышленности, выпуск гражданской резко сокра-

тился. За 1941–1942 гг. на восток страны удалось эвакуировать и ввести в строй более 2,5 тыс. предприятий. Урал и другие восточные районы стали основной базой военного хозяйства. Удельный вес предприятий военной промышленности в восточных районах повысился с 18,5% в июне 1941 до 76% в июне 1942 г. Героическим трудом местного и эвакуированного в эти края населения производилось три четверти всей боевой техники, вооружения, боеприпасов. В 1942 г. объем валовой продукции промышленности превзошел уровень 1941 г. в 1,5 раза. К концу 1942 г. в СССР создано слаженное военное хозяйство, в 1943 г. выпуск военной продукции вырос еще на 20%

В августе 1943 г., в соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от оккупации», к военному производству подключались все новые, отвоеванные у врага, территории. Несмотря на тяготы военного времени, в стране с июня 1941 до января 1946 г. построено 3,5 тыс. новых и восстановлено 7,5 тыс. крупных промышленных предприятий. В 1944 — начале 1945 валовой объем промышленной продукции превысил довоенный, выпуск военной возрос в 3 раза. Предметы военного потребления составляли около 65–68% всей произведенной в СССР в годы войны промышленной продукции. В области военной экономики СССР достиг полного превосходства над Германией.

Сверхцентрализованная система управления экономикой демонстрировала свои преимущества в условиях войны. В СССР в расчете на 1 тыс. т выплавленной стали выпускалось в 5 раз больше танков и оружия, чем в Германии. Располагая в целом меньшим, чем Третий рейх и работающие на него страны, промышленным потенциалом, СССР с конца 1942 г. значительно больше, чем они, стал выпускать танков, самолетов, других видов вооружения. К 1945 г. трудоемкость изготовления танка Т-34 по сравнению с предвоенным уровнем снизилась в 2,4, а производительность труда в танкостроении выросла в 2 раза. Качество советской боевой техники — истребителей А. С. Яковлева, С. А. Лавочкина, штурмовиков С. В. Ильюшина; бомбардировщиков А. Н. Туполева, Н. Н. Поликарпова, В. М. Петлякова; средних и тяжелых танков М. И. Кошкина, А. А. Морозова, Ж. Я. Котина; артиллерийского вооружения В. Г. Грабина, Ф. Ф. Петрова, И. И. Иванова — было выше аналогичных образцов германской армии.

Потери первых месяцев войны выявили острую нехватку стрелкового оружия, а также орудий и минометов. В 1942 г. нехватка была ликвидирована: оружейные заводы Тулы и Ижевска отправили воинам 4 млн винтовок, освоили производство автоматов Г. С. Шпагина, отличавшихся своей безотказностью. За время войны советская промышленность выпустила 1515,9 тыс. пулеметов всех типов, 12 139,9 тыс.

винтовок и карабинов, 6173,9 тыс. пистолетов-пулеметов. Для борьбы с танками выпускались новые образцы противотанковых ружей В. А. Дегтярева и С. Г. Смирнова. Утолению нужды в боеприпасах способствовали предприятия и гражданского сектора, где их производством занимались в основном женщины. В этот период выпуск боеприпасов увеличился до такой степени, что вес артиллерийско-минометного залпа, составлявший в 1941 г. 548 кг, вырос в декабре 1944 г. до 1589 кг. В 1942 г. промышленность удовлетворила потребность армии в минометах, был освоен серийный выпуск особенно грозных для врага реактивных систем залпового огня («катюша»). Быстро расширялись самолетостроение (особенно в Поволжье) и производство танков.

К концу 1941 г. на площадке Челябинского тракторного завода был размещен эвакуированный из Ленинграда Кировский завод, возник огромный комбинат по производству танков («Танкоград»). Эвакуированный Харьковский завод имени Коминтерна объединен с Уралвагонзаводом в Нижнем Тагиле. Здесь создавались тяжелые и средние танки. Знаменитые Т-34 выпускались также на Уралмаше, горьковском судостроительном заводе «Красное Сормово». В августе 1942 г. в эвакуированном в Нижний Тагил институте электросварки под руководством Е. О. Патона была создана линия автоматической сварки бронекорпусов танка Т-34, внедренная на 40 заводах страны. Электросварка повышала производительность труда в 8 раз и впервые в мире позволила применить вместо индивидуального конвейерно-поточный метод изготовления танков. За годы войны Урал дал фронту более 70% всех боевых машин.

Ведущими отраслями и предприятиями военной экономики умело руководили талантливые и волевые организаторы производства: Б. Л. Ванников (нарком боеприпасов), В. А. Малышев (нарком среднего машиностроения, танковой промышленности), П. И. Паршин (нарком минометного вооружения), И. Т. Пересыпкин (нарком связи), И. Ф. Тевосян (нарком черной металлургии), Д. Ф. Устинов (нарком вооружений), А. В. Хрулев (начальник Главного управления тыла Красной Армии и одновременно нарком путей сообщения), А. И. Шахурин (нарком авиационной промышленности) и другие «генералы и маршалы от нефти, металлургии и транспорта, машиностроения и сельского хозяйства». За 1942 г. в СССР произведено 28 тыс. танков и самоходных артиллерийских установок, в 1943 г. — 27,3, в 1944 — 34,7, в 1945 г. (с января по август) — 13,5 тыс. Боевых самолетов соответственно — 22, 33,1, 35,6, 15 тыс.; орудий всех видов и калибров — 57,4, 57,7, 41,3, 9,8 тыс.; установок реактивной артиллерии — 3,3, 3,3, 2,6, 0,8 тыс.

Сражения на трудовом фронте выиграны при сокращении числа занятых в общественном хозяйстве на 10,8 млн человек. В 1945 г. по сравнению с 1940 г. численность рабочих уменьшилась с 23,9 до 20 млн,

служащих — с 10 до 8 млн, колхозников — с 29 до 23,5 млн. Значительную часть занятых в экономике составляли женщины. В 1945 г. их было до 60% общей численности рабочих и служащих и до 70% работников сельского хозяйства. Помимо них, на заводах и в колхозах трудились сотни тысяч подростков и стариков. Патриотизм, убежденность в правоте своего дела, для многих — и вера в Бога, в Сталина помогли не сломиться от страшного напряжения.

В первый день войны было захвачено в плен или убито 136 тыс. военных строителей, оборудовавших укрепленные районы на западной границе. Тем не менее совместными усилиями военных и гражданских строителей только за первые 2 года войны было возведено более 50 тыс. км укрепленных рубежей. Объем работ, трудовых и материальных затрат на них намного превысил аналогичный показатель всей совокупности гидротехнического строительства предшествовавших двух десятилетий Советской власти.

На трудовом фронте использовались и заключенные советской пенитенциарной системы. За первые три года войны на подведомственных НКВД стройках (железные дороги, шоссе, аэродромы, нефтепроводы, возведение промышленных предприятий) работали более 2 млн заключенных. Часть из них трудилась на предприятиях оборонной промышленности, в сельскохозяйственных и рыболовецких лагерях и колониях.

Потери, понесенные индустрией и сельским хозяйством, привели к сокращению производства продуктов народного потребления. Значительная часть произведенной продукции направлялась на вещевое и продовольственное снабжение фронта. Доля же рыночных фондов для личного потребления населения уже в 1942 г. уменьшилась по сравнению с 1940 г.: сахара — в 6,6 раз, кондитерских изделий — в 4,8, жиров — в 2, мясных продуктов — в 2,8, хлопчатобумажных тканей — в 12, льняных тканей — в 11,6, кожаной обуви — в 11, мыла хозяйственного — в 4,4, спичек — в 8 раз.

К началу 1942 г. в СССР был осуществлен переход к карточной системе снабжения населения хлебом, мясом, жирами и другими важнейшими продовольственными товарами, а также промтоварами первой необходимости. При этом по первой, более высокой категории, хлебом по норме от 0,8 до 1,2 кг в сутки снабжались рабочие и служащие предприятий оборонной, угольной, нефтяной, химической промышленности, а также строительные и транспортные рабочие. По второй категории хлебом по норме в среднем 0,5 кг снабжались работники остальных отраслей промышленности и народного хозяйства.

Особые трудности приходилось переживать населению прифронтовых городов. В блокированном Ленинграде за сентябрь — ноябрь 1941 г. нормы выдачи продуктов снижались 5 раз. В июле ленинградские рабочие получали 800 г хлеба, с 20 ноября — 250 г, а служащие,

иждивенцы и дети — по 125. С февраля 1942 г. норму снабжения ленинградских рабочих и ИТР вновь удалось поднять до 500 г хлеба в сутки. В последние дни обороны Севастополя его население довольствовалось в среднем 200–300 г. хлеба в сутки.

Резко изменился внешний вид городов и горожан и в тыловых районах. Текущий ремонт домов, тротуаров и дорог с начала войны по существу прекратился. Вечером города погружались в сплошную тьму. Увеличилось число нищих, попрошайек, гадалок, особенно на базарах. Резко возросло число верующих. Одежда горожан потеряла всякие претензии на моду, стала однообразнее, беднее. Большая часть ресторанов, кафе, увеселительных учреждений закрылась, но кинотеатры, театры, парки культуры, библиотеки продолжали работать. Большое значение приобрело самообеспечение предприятий продуктами питания, в частности — огородничество. Число огородов рабочих и служащих за годы войны увеличилось в 3,5 раза, а производство картофеля на них — в 5 раз.

Труженикам многострадальной, часто недоедающей деревни в исключительно тяжелых условиях (мобилизация мужчин на фронт, потеря наиболее хлебородных районов, сокращение машинно-тракторного парка и поголовья лошадей, мизерность капиталовложений) из последних сил удавалось поставлять продовольствие фронту и городам. Валовая продукция сельского хозяйства в засушливом 1943 г. составляла всего 37% от уровня 1940 г. Валовые сборы зерна в колхозах сократились с 76,2 млн т. в 1940 г. до 33,3 млн в 1945 г.

Потребление важнейших продуктов питания на селе в годы войны сократилось по сравнению с невысоким довоенным уровнем в 2–3 раза. Из-за недостатка муки в хлеб нередко приходилось добавлять тертый картофель, отруби и даже жмых. С крестьянского стола почти полностью исчезло мясо и такие продукты промышленного производства, как сахар, кондитерские изделия. Сахар при случае заменялся полученным в обмен на картошку сахарином, вырабатываемым из толуола, синтетическим продуктом, очень сладким, но совершенно бесполезным для организма человека, поскольку не усваивался. Чаще заменой сахара была обжаренная свекла, а заваркой вместо чая служили фруктовая смесь, настои из листьев и трав, желуди. Основным блюдом на крестьянском столе был картофель с молоком, а чаще с луком, огурцами или грибами. Крахмальный, тем более овсяной кисель с молоком был праздничным угощением. В южных районах страны ассортимент питания был, естественно, разнообразнее. В других же местах нередко случалось и так, что к маю — июню не оставалось и картошки. Тогда в пищу шли свекольный лист, крапива, лебеда, щавель.

Во время войны в деревенский быт вернулись ручные мельницы-самоделки, картофелетерки, прялки, дедовские ступы, кресала, лучины, оживилось старое ремесло, восстанавливались самоткаческие навыки, приемы плетения лаптей (в 1944 г. их было изготовлено около 740 тыс. пар). В деревнях резко возросла роль старинной русской печи. В ней не только готовили еду, она была источником тепла, служила постелью, когда нужно — становилась

и баней, обогревала подполье, сушила зерно, овощи, одежду. Ватная стеганка, хлопчатобумажные шаровары, ручной катки валенки с галошами — такова, чаще всего, была одежда крестьян в осенне-зимний сезон. Летом было легче — донашивали старую одежду любого размера, солдатские гимнастерки, для подростков приспособляли отцовские вещи. Перелом к лучшему в деревенском быту наметился только к концу войны.

Невзирая на чрезвычайные тяготы военного времени, жертвенность и героизм сельчан вкупе с исключительными мобилизационными возможностями колхозно-совхозной системы позволили государству сосредоточить в своих руках большое количество продукции сельского хозяйства. За 1941–1944 гг. в СССР было заготовлено 4264 млн пудов хлеба, из которых почти 83% дало крестьянство. (Для сравнения: в Первую мировую войну хлеба в России было заготовлено и закуплено втрое меньше.) Даже в самые трудные дни военного лихолетья фронт и города снабжались необходимым минимумом продовольствия. Все это имело важнейшее значение для исхода войны. «В венок Великой Победы, — по образному выражению М. А. Шолохова, — навечно вплетен мозолистыми крестьянскими руками и золотой колос».

На фоне всеобщего материального бедствия обеспеченность партийно-государственной номенклатуры представлялась высокой. Так, с образованием Кемеровского обкома ВКП(б) в январе 1943 г. были утверждены фонды зарплаты его аппарата. Оклад первого секретаря обкома составлял 2000 рублей (такие же оклады были у директоров трех крупнейших заводов области), оклады секретарей обкома — 1800 рублей, помощников секретарей — 950, заведующих отделами — 1600, их заместителей — 1000–1600, заведующих секторами и лекторов — 950, инструкторов обкома — 900 рублей (для сравнения: зарплата обкомовской машинистки и кассира составляла 325 рублей, уборщицы — 160, дворника — 150, гардеробщицы — 125 рублей). В районном звене зарплата партработников и обслуживающего персонала была меньше на 30–50%. Руководящие работники имели право на бесплатное получение промышленных и продовольственных товаров по так называемым «лимитным книжкам». В 1944 г. этот вид снабжения по Кемеровской области распространялся на 331 партийного, комсомольского, советского и профсоюзного работника. При этом 60 человек имели право на получение товаров общей стоимостью 1000 рублей, а 271 человек — 750 рублей.

Большой вклад в победу над фашизмом внесли ученые. Физики создавали теоретические и экспериментальные предпосылки для конструирования новых видов вооружения; математики разработали приемы наиболее быстрых вычислений для артиллерии, авиации и боевых судов; химики нашли новые способы производства взрывчатых веществ, сплавов, фармацевтических средств; биологи отыскивали дополнительные ресурсы питания для Красной Армии. Ученые много сделали для мобилизации ресурсов и развития производительных сил восточных райо-

нов. В частности, благодаря поискам геологов начата эксплуатация крупной Волго-Уральской нефтегазоносной области. Успешно решались и сложные проблемы в достижении технического превосходства над противником (обезвреживание электромагнитных мин, создание новых оптических приборов, использование автоматической электросварки, технологии направленного взрыва и др.). Неоценимую роль в обеспечении армии лучшими в мире образцами вооружения и боевой техники сыграли выдающиеся ученые И. Б. Бардин, А. И. Берг, А. А. Благонравов, С. И. Вавилов (президент АН СССР в 1945–1951 гг.), А. Н. Колмогоров, М. А. Лаврентьев, Е. О. Патон. В 1942 г. изготовил свой первый пистолет-пулемет М. Т. Калашников. Его дальнейшие разработки увенчались созданием знаменитого АК-47.

Наряду с Т-34, «катюшами» и другим грозным оружием победа достигалась и менее заметными, но тоже очень важными достижениями. Так, острую нехватку обуви в годы войны удалось преодолеть с изобретением кожаменителя (кирзы). Молодой химик И. В. Плотников получил первые результаты в решении этой проблемы еще перед войной, однако до конца она решена не была. В августе 1941 г. он отправился добровольцем на фронт. Во время обсуждения проблемы снабжения войск о кирзе вспомнили. Химик был отозван с фронта, назначен руководителем лаборатории и завода «Кожимит». Ему удалось создать химический состав для пропитки многослойной хлопчатобумажной ткани и сделать непромокаемую кирзу. В народе ее называли «чертова кожа». В ноябре 1941 г. началось массовое производство кирзовых сапог. Экономический эффект внедрения равнялся 30 млн рублей в год. Армия была избавлена от участи быть обутой в башмаки и лапти с обмотками. В апреле 1942 г. изобретение кирзы было отмечено Сталинской премией.

В 1943 г. Сталинскую премию получили И. Ястребов и другие специалисты Лысьвенского металлургического завода. Это был единственный в стране завод, на котором выпускались армейские каски. Премия присуждена за разработку особой марки стали, пластичной и прочной. Сделанные из нее каски не пробивались пулей, выпущенной с расстояния 25 м. За годы войны каски спасли жизни сотням тысяч солдат.

В самый тяжелый период войны СССР приступил к созданию ядерного оружия (в США такая работа велась с октября 1939 г.). Начало исследованиям положили распоряжения ГКО «Об организации работ по урану» (сентябрь 1942 г.) и «О дополнительных мероприятиях в организации работ по урану» (февраль 1943 г.). В соответствии с этими решениями в Москве создана Лаборатория № 2 Академии наук СССР (апрель 1943 г.). Научное руководство атомным проектом возглавил 39-летний профессор Ленинградского физико-технического института И. В. Курчатов. Первые шаги к успеху вместе с ним делали его брат Б. В. Курчатов, В. А. Давиденко и Г. Н. Флеров, физики-теоретики Ю. Б. Харитон, Я. Б. Зельдович, И. Я. Померанчук и др.

Существенный вклад в общую победу вносили многочисленные представители медицинской науки и военно-медицинские работники. Благодаря новым методам военной медицины им удалось до предела уменьшить смертность в госпиталях. Этот самоотверженный труд позволил за годы войны возвратить в строй 72% поступивших в медучреждения (8% умерли, 20% уволены из армии). Во время войны 43 военных медиков удостоены звания Героя Советского Союза, свыше 115 тыс. организаторов здравоохранения, врачей, фельдшеров, медсестер и санитарных работников награждены орденами. В их числе — Т. Е. Болдырев (главный эпидемиолог Советской Армии), Н. Н. Бурденко (главный хирург), М. С. Вовси (главный терапевт), Ф. Г. Кротков (главный гигиенист), Е. И. Смирнов (начальник главного военно-санитарного управления).

В тылу врага. Одним из факторов победы стала стойкость советских людей, попавших под оккупацию. На захваченных территориях гитлеровцы установили режим, полностью соответствующий их человеконенавистнической идеологии и преступным планам. Экономическая эксплуатация и грабеж сопровождались массовыми репрессиями и уничтожением населения. Общее число жертв оккупационного режима превысило 14 млн человек, что составило примерно пятую часть проживавшего здесь населения. Свыше 4,8 млн человек угнали на рабский труд в Германию. поголовному истреблению подвергались евреи и цыгане. На разобращение народов СССР было рассчитано решение военных властей от 25 июля 1941 г. об освобождении из германского плена немцев Поволжья, украинцев, белорусов, латышей, литовцев, эстонцев, румын и финнов. Соответствующий приказ действовал до ноября 1941 г., освобождено 318,8 тыс. человек.

Лживой пропагандой, посулами и угрозами оккупанты пытались привлечь на свою сторону часть местного населения, недовольного большевистским режимом. Коллаборационисты направлялись в полицейские части, в различные воинские формирования. На оккупированной территории одних только полицаяв, сельских старост и мелких чиновников из местного населения к 1942 г. насчитывалось 60,4 тыс. человек. Выпускалось 130 газет (из них 60 на украинском языке, 16 — на русском) с участием местных журналистов. К примеру, А. Г. Авторханов, впоследствии известный на Западе советолог, в 1942–1944 гг. редактировал орган всех антибольшевистских сил на Кавказе — газету «Газават», имевшую эпиграф: «Аллах над нами, а Гитлер с нами».

В сентябре 1943 г., в разгар Сталинградской битвы, советская армейская разведка обнаружила, что против войск Закавказского фронта действуют вместе с немецкими войсками национальные формирования из военнопленных — выходцев с Кавказа и из среднеазиатских республик. В составе вермахта были также легионы из мусульман Поволжья и Крыма, казачьи соединения, с начала войны — западноукраинские и

прибалтийские эсэсовские дивизии. К концу войны украинские коллаборационисты были объединены в Украинское освободительное войско («бандеровцы»), а русские — в Русскую освободительную армию («влазовцы»). Общая численность таких формирований достигала миллиона человек. Всего на германских фашистов в годы войны работало до 1,5 млн предателей: почти миллион из них находился на службе в вермахте и СС, до 0,4 млн — в полиции и других формированиях на оккупированной территории.

Официальная фашистская пропаганда с первого дня представляла войну как освобождающую народы СССР от «еврейско-большевистского ига». Обращаясь к немецкому народу утром 22 июня 1941 г., Гитлер утверждал, что «никогда немецкий народ не испытывал враждебных чувств к народам России... Не Германия пыталась перенести свое националистическое мировоззрение в Россию, а еврейско-большевистские правители в Москве неуклонно предпринимали попытки навязать нашему и другим европейским народам свое господство». В тот же день Й. Геббельс разослал своим пропагандистам «Указание № 13», озаглавленное — «Ответ Германии на предательство еврейско-большевистского Кремля», которое предписывало им представлять войну как вынужденную самооборону: «Война ведется не против народов страны большевиков, а против еврейского большевизма и тех, кто его представляет».

В СССР, по сути только начинавшим выходить из состояния «обострения классово-борьбы», еще не оправившимся от потрясений, вызванных коллективизацией, массовыми репрессиями, существовала определенная часть не только населения, но и партийно-государственной элиты, недовольная экономической и социальной политикой Сталина. Некоторые из этих людей допускали, что с приходом немцев «хуже не будет»: германцы, дескать, «простых людей бить не будут», они только избавят страну «от евреев и коммунистов», покарают воинствующих атеистов — «врагов самого Бога», а к нуждам верующих будут относиться с пониманием. Отражая эти настроения в крайне преувеличенном виде, А. Солженицын позднее писал: «Прогремело 22 июня 1941 года... и все взрослое население, и притом всех основных наций Советского Союза, задышало в нетерпеливом ожидании: ну, пришел конец нашим паразитам! Теперь-то вот скоро освободимся». Давали о себе знать и прозападнические настроения части советской интеллигенции. Некоторым казалось, что «при нашей военно-технической отсталости нам одним сломать гитлеровскую налаженную и испытанную военную машину, пожалуй, не под силу, что на какой-то срок нами могут завладеть варяги — англичане и американцы — и навести в стране политический и экономический порядок».

Однако предатели и разного рода коллаборационисты не имели шансов привлечь на свою сторону основную массу народа, противопос-

тавить его руководству страны и оказать серьезное влияние на исход войны. Подлинное состояние страны и ее армии хорошо выразил один из попавших в немецкий плен и с достоинством державшийся генерал: «Когда дело касается судьбы России, русские будут сражаться — потеря территории ничего не означает, и указывать на недостатки режима бессмысленно». Репрессии ужесточившегося в годы войны режима не прекращались, но характер их изменился. На первое место при этом вышли мотивы измены, коллаборационизма, национал-сепаратизма. (Одними только особыми отделами НКВД, а с апреля 1943 г. созданным на их основе Главным управлением контрразведки СМЕРШ во главе с В. С. Абакумовым, за период с июля 1941 по май 1946 г. были арестованы около 700 тыс. человек, из них 70 тыс. расстреляны.)

Основная масса людей на захваченной врагом территории не теряла надежды на освобождение. Одни сопротивлялись оккупантам, саботируя их мероприятия, другие — уходя в подпольные организации и партизанские отряды. Их основу составляли заранее подготовленные партийные и советские работники, не сумевшие выйти из окружения военнослужащие, разведывательно-диверсионные группы, перебрасываемые из-за линии фронта. Уже в 1941 г. на оккупированной территории действовали 18 подпольных обкомов партии, объединявших 65,5 тыс. коммунистов — партизан и подпольщиков. К осени 1943 г. число подпольных обкомов увеличилось до 24. Общая численность партизан за годы войны составила 2,8 млн человек. Действуя как вспомогательные силы Красной Армии, они отвлекали на себя до 10% вооруженных сил противника. В августе — сентябре 1943 г. операциями «Рельсовая война» и «Концерт» партизаны на длительное время дезорганизовали железнодорожные перевозки в тылу врага. Одновременно по тылам противника был проведен Карпатский рейд под командованием С. А. Ковпака. Борьба советских людей в тылу врага сыграла немалую роль в обеспечении коренного перелома в Отечественной войне и освобождении в 1944 г. советской земли от оккупантов.

Фашистская пропаганда и оккупационная политика не могли не обострять существовавшие в стране противоречия, в частности, в межнациональных отношениях. Одним из результатов этого стала подлинная трагедия еврейского населения на оккупированной гитлеровцами территории СССР. На неоккупированной территории «еврейский вопрос» обострялся из-за явного несоответствия представленности этой национальности в руководящей и культурной элите, среди эвакуированных и на фронте, на чем особенно успешно играли гитлеровцы. Согласно переписи 1939 г. евреи насчитывали 1,8% населения СССР, к началу войны их доля в населении увеличилась до 2,5%. По данным на начало декабря 1941 г., евреи составляли 26,9% от всех эвакуированных

из районов, которым грозила оккупация гитлеровскими войсками. Среди мобилизованных на фронт евреи составляли 1,4%.

Партии пришлось фактически признать изъязыны в проводимой прежде национальной политике. Так, в докладной записке управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) секретарям ЦК партии от 17 августа 1942 г. отмечалось, что «в течение ряда лет во всех отраслях искусства извращалась национальная политика партии». Выразилось это в том, что «в управлениях Комитета по делам искусств и во главе учреждений русского искусства оказались нерусские люди (преимущественно евреи)». Такие же «извращения» были обнаружены в Большом театре Союза ССР, Московской государственной консерватории, музыкальной критике; в отделах литературы и искусства центральных газет. В результате производилось «частичное обновление» руководящих кадров не только в учреждениях культуры, но и в других ведомствах.

Патриотизм — важнейший фактор победы. В коренном переломе военной ситуации в пользу СССР обнаружила себя несопоставимость духовных потенциалов агрессора и жертвы. Человеконенавистнической фашистской идеологии расизма и геноцида в отношении поработаемых народов советская сторона противопоставляла такие общечеловеческие идеи, как национальная независимость, солидарность и дружба народов, справедливость, гуманизм. Несмотря на то что практическая политика по претворению этих принципов была далека от идеалов, постоянное декларирование питало надежду на их полное воплощение в жизнь после победы.

В идеологии в течение всей войны проводилась линия на укрепление патриотизма и межнационального единства народов СССР. В ряды Красной Армии призывались граждане всех национальностей, на фронте они сражались за общую Родину. В самую тяжелую пору, когда довоенная армия была, по сути дела, уничтожена врагом, а украинские и белорусские земли оккупированы, пришлось в большей мере использовать демографический потенциал неславянских народов СССР. Создавались национальные воинские формирования в значительной мере из-за слабого знания русского языка призывниками. Национальные республики Востока приняли эвакуированные предприятия, вовлекались в налаживание их работы, вносили посильный вклад в общую борьбу. Укрепление братского содружества народов было одной из ведущих тем пропаганды. Хотя в годы войны имели место многие случаи измены и предательства среди представителей разных национальностей, а также проявлялось недоверие к некоторым народам, дружба народов это тяжелое испытание в целом выдержала.

По ходу войны объективно и во все большей мере возрастала роль русского народа. В канун войны русских в составе всего населения СССР

было 51,8%. Их удельный вес среди мобилизованных составлял 65,4% и был особенно велик в кризисный период войны. Это заставляло руководство страны постоянно обращаться, как к наиболее вдохновляющим, к исконным стремлениям и ценностям русского народа, к его историческим корням и самобытным традициям. Классовые, социалистические ценности заменялись обобщающим понятием «Отечество». В пропаганде перестали делать особый упор на принцип классового интернационализма. Утверждению этих тенденций способствовала смена руководства Главного политического управления Красной Армии, произошедшая весной 1942 г. Л. З. Мехлиса на ответственном посту начальника управления сменил А. С. Щербаков, имеющий стойкую репутацию патриота-государственника. В том же году началась работа по замене «Интернационала» на патриотический гимн, в котором был бы отражен исторический путь народов страны, а не борьба международного пролетариата. С начала 1944 г. официальные торжественные мероприятия и ежедневные передачи советского радио начинались с исполнения гимна о нерушимом союзе республик, сплоченных великой Русью. В его основу положена величественная музыка А. В. Александрова с ее устремленностью и призывом к подвигу, так необходимыми сражающейся стране.

Огромную вдохновляющую роль сыграли ордена, учрежденные в честь Александра Невского, Суворова, Кутузова (июль 1942 г.), Богдана Хмельницкого (октябрь 1943 г.), ордена и медали Ушакова и Нахимова (март 1944 г.). Красной Армии возвращаются традиционная форма русской военной одежды с погонами (январь 1943 г.), офицерские звания. Учреждаются Суворовские и Нахимовские училища (август 1943 г.) типа старых кадетских корпусов. Данью историческим традициям стало введение с сентября 1943 г. раздельного обучения мальчиков и девочек в средней школе (существовало до июля 1954 г.). На фронте и в тылу пропагандистская работа организуется на основе директивы о воспитании советского патриотизма на примерах героического прошлого русского народа. В октябре 1944 г. на самом высоком уровне рассматривался вопрос об официальном разрешении военнослужащим носить полученные еще в Первую мировую войну солдатские Георгиевские кресты. Задуманы были ордена, носящие имена Дениса Давыдова (для награждения партизан), Николая Пирогова (офицерам-медикам). Для гражданских лиц проектировался орден Михаила Ломоносова, а также медали, которые носили бы имена Чернышевского, Павлова, Менделеева. Известны и проектные рисунки советского ордена «Петр Великий». Проекты остались неосуществленными, видимо, из-за отсутствия острой необходимости в дальнейшем поощрении «националистической» тенденции в наградном деле.

В мае 1943 г., когда события на фронте для советской стороны вновь поворачивались к худшему, а второй фронт еще не был открыт, руко-

водство ВКП(б) пошло на роспуск Коминтерна, известного всему миру «штаба мировой революции». Такая идея впервые выдвигалась в апреле 1941 г. Тогда она мыслилась как разменная карта в торге с Гитлером, способная устранить основу антикоминтерновских пактов. В условиях весны 1943 г. важно было как можно скорее развеять распространенные на Западе подозрения о коминтерновских планах «большевизации» Европы и добиться укрепления союзнических отношений с капиталистическими странами ради расширения их помощи советскому народу. Между тем эти отношения в мае 1943 г. совсем не удовлетворяли СССР, причем настолько, что советские послы М. М. Литвинов и И. М. Майский были отозваны из столиц США и Великобритании. О роспуске Коминтерна было объявлено в прессе 15 мая, в самом начале Вашингтонской конференции с участием Рузвельта и Черчилля, от результатов которой зависело, когда будет открыт второй фронт. Объявление, положительно воспринятое в странах Запада и особенно в США, привело к укреплению их отношений с Советским Союзом.

С 1943 г. получило широкую известность сталинское суждение, во многом определившее последующую национальную политику: «Необходимо опять заняться проклятым вопросом, которым я занимался всю жизнь, но не могу сказать, что мы его всегда правильно решали... Это проклятый национальный вопрос... Некоторые товарищи еще недопонимают, что главная сила в нашей стране — великая великорусская нация... Некоторые товарищи еврейского происхождения думают, что эта война ведется за спасение еврейской нации. Эти товарищи ошибаются, Великая Отечественная война ведется за спасение, за свободу и независимость нашей Родины во главе с великим русским народом».

Сугубо прагматическими соображениями вызвалось и широко разрекламированное решение январского (1944) пленума ЦК о расширении прав союзных республик в области обороны и внешних сношений. Оно было связано с предложениями добиваться включения в состав создававшейся ООН 16 советских республик. Попытаться сделать это можно было, придав (хотя бы символически) большую «суверенность» союзным республикам. В расчете на это приняты указы ВС СССР о преобразовании союзных наркоматов обороны и иностранных дел в союзно-республиканские. Конституция СССР была дополнена статьей 18: «Каждая союзная республика имеет право вступать в непосредственные сношения с иностранными государствами, заключать с ними соглашения и обмениваться дипломатическими и консульскими представителями». Республики получили конституционное право иметь самостоятельные воинские формирования.

Впервые о необходимости включения в число членов ООН всех союзных республик СССР было официально заявлено в августе 1944 г. на заседании глав делегаций на переговорах представителей СССР, США

и Великобритании в Думбартон-Оксе. Встретившись с неприятием этой инициативы, руководители СССР позднее, на Крымской (Ялтинской) конференции (февраль 1945 г.), говорили, что было бы справедливо, если «три или по крайней мере две из советских республик находились в числе инициаторов международной организации». При этом речь велась об Украине, Белоруссии и Литве, которые «принесли наибольшие жертвы в войне и были первыми территориями, на которые вторглись немцы».

В конечном итоге усилия советской стороны увенчались соглашением о включении в ООН, помимо СССР, еще двух советских республик. Несомненное достижение советской дипломатии на международной арене с внутривластной точки зрения выглядело явной дискриминацией остальных «равноправных» субъектов федерации. Особенно Советской России, изначально лишенной возможности какого-либо самостоятельного участия в деятельности международных организаций. Объяснение этому видится одно — советским руководством РСФСР рассматривалась как государствообразующая республика, и в силу этого факта отпадала необходимость ее отдельного представительства в международных организациях.

«Расширение прав» отдельных народов в годы войны уживалось с тенденцией противоположного характера. По предложению наркомата внутренних дел, ГКО 31 января 1944 г. принял постановление о выселении чеченцев и ингушей в Казахскую и Киргизскую ССР, фактически предрешив ликвидацию Чечено-Ингушской АССР. За годы войны это был уже четвертый случай ликвидации советского национально-государственного образования (в 1941 г. приняты решения о выселении немцев Поволжья, в 1943 г. — карачаевцев и калмыков).

Противоречил декларациям о великой дружбе народов и морально-политическом единстве советского общества ряд других постановлений ГКО. 10 января 1942 г. было принято решение, предписывающее «всех немцев — мужчин в возрасте от 17 до 50 лет, годных к физическому труду, выселенных в Новосибирскую и Омскую области, Красноярский и Алтайский края и Казахскую ССР, мобилизовать... в рабочие колонны на все время войны» и направить на лесозаготовки, строительство заводов и железных дорог. В октябре 1942 г. принято постановление о дополнительной мобилизации немцев. Мобилизация распространялась на мужчин в возрасте от 15–16 до 51–55 лет и женщин в возрасте от 16 до 45 лет включительно. 14 октября 1942 г. январское постановление, касавшееся немцев, было распространено на проживавших в СССР румын, венгров, итальянцев, финнов. В соответствии с постановлениями ГКО от 13 октября 1943 г. и 25 октября 1944 г., не производился призыв в Вооруженные силы представителей коренного населения Средней Азии, Закавказья, Северного Кавказа. По данным на январь 1942 г. только на Урале трудовая армия насчитывала около 290 тыс. бойцов. Более

чем на 50% она состояла из советских немцев и выходцев из Средней Азии и Казахстана. В марте 1942 г. в СССР было 1473 рабочих колонн, в которых служили свыше 1,2 млн человек.

В достижении победы значительную роль сыграла церковь. Тяготы войны, утраты и лишения оживили религиозные настроения в народе. Власть постаралась использовать эти настроения. На протяжении войны нарастал поток денежных средств и вещей для нужд фронта от православных верующих и верующих других конфессий. Всего за годы войны в Фонд обороны от граждан поступило 24 млрд рублей.

Нормализации государственно-церковных отношений в СССР способствовало пророчество митрополита Гор Ливанских Илии Салиба из Антиохийского патриархата. В декабре 1941 г., в тяжелейшие дни войны, митрополит несколько дней подряд молился перед иконой Божией Матери в древней пещерной церкви монастыря «Дейр Сайдет эль Нурия» («Монастырь Божией Матери, несущей свет»), расположенном в 60 км к северу от Бейрута в высокой скале. Илия просил Богородицу за далекий Советский Союз, за Россию. «Спустившись в каменное подземелье... где не было ничего кроме иконы Божией Матери, Владыко затворился там. Не вкушал пищи, не пил, не спал, а только молился Божией Матери, и просил ее открыть, как можно помочь России. Каждое утро Владыке приносили сводку о числе убитых на фронтах и о том, куда дошел враг. И вот через трое суток, в огненном столпе явилась ему Сама Мать Божия и объявила, что он как истинный молитвенник и друг России, избран для того, чтобы передать определение Божие этой стране. Если это определение не будет выполнено, Россия погибнет». Определение было таким: «Должны быть открыты по всей стране храмы и духовные монастыри. Священники должны быть возвращены из тюрем. Ленинград не сдавать, но обнести город Святой иконой Казанской Божией Матери. Потом икону везти в Москву и совершить там молебен, и далее везти ее в Сталинград». Митрополит связался с главами Русской Православной церкви, написал им о повелениях Божией Матери. Полагают, что начальник Генерального штаба маршал Б. М. Шапошников, открыто религиозный человек, лично докладывал о письме Сталину и советовал поступить согласно предсказанию. Сталин прислушался к повелению. Все пророчества митрополита Илии сбылись. В 1947 и 1948 годах он посещал Россию, где ему была подарена икона Казанской Божией Матери, золотой наперсный крест с драгоценностями и две украшенные драгоценностями панагии — знаки митрополичьего сана. Илия была также присуждена Сталинская премия за помощь в войне с фашистами. От денежной награды митрополит отказался, сказав, что монаху деньги не нужны, и велел отдать премию детям, лишившимся в войну родителей.

В 1942 г. советское государство сделало ряд новых шагов к признанию важной роли церкви. Ей была отдана типография Союза воинствующих безбожников, где напечатана большая книга под названием «Правда о религии в России». В книге отмечались полная свобода религии в СССР, традиционный патриотизм Русской православной церкви, под-

церкивалась тесная связь между русским народом и его церковью. В конце марта в Ульяновске был создан первый за время войны Собор епископов Русской православной церкви. На нем были осуждены иерархи, вставшие на путь сотрудничества с германскими оккупационными властями. Осуждение «изменников веры и отечества» не могло не сокращать общих масштабов коллаборационизма на оккупированных территориях. Оно во многом способствовало тому, что большинство попавших в оккупацию рядовых священников сохраняли верность Родине, помогали партизанам, укрывали мирных жителей от репрессий гитлеровцев. Патриотическая деятельность священников нещадно каралась оккупантами.

Демонстрируя меняющееся отношение к церкви, московские власти в апреле 1942 г. впервые способствовали организации религиозного празднования православной Пасхи. 2 ноября 1942 г. один из трех высших иерархов РПЦ, митрополит Николай (Б. Д. Ярушевич), был включен в Чрезвычайную государственную комиссию по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков. 5 января 1943 г. митрополит Сергей послал Сталину телеграмму с просьбой разрешить открытие Церкви банковского счета, на который вносились бы деньги, жертвуемые на оборону. В ответной телеграмме Сталин дал свое согласие и поблагодарил Церковь за ее труды. Открытие банковского счета означало признание Церкви де-факто юридическим лицом. Главные перемены в отношениях между государством и Церковью произошли после встречи Сталина с митрополитами Сергием, Алексием и Николаем. Во встрече участвовали также В. М. Молотов и начальник отдела НКВД Г. Г. Карпов, намеченный на пост будущего председателя Совета по делам Русской православной церкви при Совмине СССР.

Встреча состоялась 4 сентября 1943 г. На ней был очерчен круг вопросов, требующих решения для нормализации государственно-церковных отношений в СССР. Сразу же после встречи Патриархии был передан особняк, занимаемый ранее германским послом. 8 сентября был созван Архиерейский собор для избрания патриарха, престол которого пустовал со дня смерти патриарха Тихона. 12 сентября Собор в составе 19 иерархов (16 из них были доставлены из лагерей и ссылок) избрал митрополита Московского Сергия новым Патриархом Московским и всея Руси. Затем Сергий, уже в новом качестве, объявил об образовании совещательного органа при Патриархе — Священного синода из трех постоянных и трех временных членов. Собор принял актуальный для военного времени документ, в котором говорилось, что «всякий виновный в измене общецерковному делу и перешедший на сторону фашизма, как противник Креста Господня, да числится отлученным, а епископ или клирик — лишенным сана». Не менее значимым было обращение Собора к христианам всего мира с призывом «объединиться во имя Христа для окончательной победы над общим врагом».

8 октября 1943 г. образован Совет по делам Русской православной церкви при СНК СССР. С конца года открываются для службы храмы, растет число православных общин, возвращается из лагерей репрессированное духовенство. В ноябре 1944 г. правительство приняло решение об открытии Православного богословского института и богословско-пастырских курсов для подготовки кадров священнослужителей.

По мере освобождения советских земель от оккупантов в лоно РПЦ возвращались монастыри и храмы, в большом количестве открытые по разрешению немецких властей в целях противопоставления их советской власти. Всего за 3 года на занятой гитлеровцами территории восстановлено около 9400 церквей, более 40% от их дореволюционного количества. В то же время фашистское нашествие привело к разрушению 1670 православных храмов, 237 костелов, 532 синагог, 69 часовен, 258 других культовых зданий. Гитлеровцы, в принципе враждебно относящиеся к любой форме христианства, религиозную свободу допускали временно. В последующем, как писал гитлеровский идеолог А. Розенберг, христианский крест должен быть заменен свастикой. Однако первый этап религиозной политики гитлеровцев на оккупированной территории оказал существенное влияние на государственно-церковные отношения в СССР.

Кульминацией признания советской властью роли и авторитета церкви стало проведение Поместного собора РПЦ (31 января — 2 февраля 1945 г.), созванного в связи со смертью патриарха Сергия. Собор принял «Положение об управлении Русской Православной церкви» и избрал тринадцатым Патриархом Московским и всея Руси ленинградского митрополита Алексия (С. В. Симанский).

Урегулирование государственно-церковных отношений распространилось и на другие религиозные объединения, развернувшие активную патриотическую деятельность в годы военного лихолетья. Так, Союз мусульман, созданный в Уфе в июне 1942 г., призвал всех мусульман страны к борьбе против фашистов и осудил сотрудничество части мусульман с гитлеровцами. Евангельские христиане-баптисты собрали средства на транспортный самолет, а Армяно-григорианская церковь — на танковую колонну «Давид Сасунский».

К концу войны в СССР действовали 10 547 православных церквей и 75 монастырей, в то время как перед ее началом было только около 380 церквей и ни одного монастыря. В 1945 г. в РПЦ возвращается Киево-Печерская лавра, из запасников музеев передаются в действующие храмы «чудотворные мощи», изъятые в 1920–1930-е годы. Годы войны стали годами религиозного возрождения в СССР.

Любовь к Родине, ненависть к врагу, вера в победу, патриотизм и героизм советского народа были ведущими темами произведений литературы и искусства. Советская литература еще до начала войны, по сло-

вам А. Толстого, «от пафоса космополитизма пришла к Родине». Война многократно усилила эту тенденцию в публицистике и всей художественной культуре. Практически в первые часы войны появилась торжественная песня А. Александрова на стихи В. Лебедева-Кумача «Священная война», ставшая гимном военных лет. В августе 1941 г. К. Симонов написал стихотворение «Жди меня», которое, как молитву, постоянно твердило почти все население страны. Появились задевающие самые заветные струны души произведения А. Толстого, раскрывающие русский характер. Поистине народной стала поэма А. Твардовского «Василий Теркин». Настоящим подвигом было создание и исполнение в блокадном Ленинграде «Ленинградской симфонии» Д. Шостаковича.

Все это, включая публицистику М. Шолохова и И. Эренбурга, лирику А. Суркова, симфонии С. Прокофьева, песни Б. Мокроусова и В. Соловьева-Седого, выступления популярных артистов фронтовых театров Л. Руслановой, Л. Утесова, К. Шульженко, живопись С. Герасимова, П. Корина, А. Дейнеки и многие другие выдающиеся достижения культуры военных лет, поднимало моральный дух советских граждан, развивало чувство национальной гордости, укрепляло настроенность на победу. Укреплению этого духа служила знаменитая серия ЖЗЛ (книги: И. П. Павлов, К. А. Тимирязев, И. Е. Репин, Н. Е. Жуковский, М. С. Щепкин, А. С. Пушкин, В. В. Маяковский, А. Н. Радищев, М. И. Глинка, С. О. Макаров, К. Д. Ушинский, Г. Я. Седов, П. С. Нахимов, Ф. Ф. Ушаков; Л. Н. Толстой, П. И. Чайковский, М. Ф. Казаков, М. Ю. Лермонтов, В. Г. Белинский, Д. К. Чернов, И. М. Сеченов, Н. В. Гоголь, И. А. Крылов, Н. И. Лобачевский, А. С. Попов, И. И. Мечников, В. И. Баженов).

Свою лепту в общее дело победы внесли общественные организации — 25-миллионные профсоюзы (организаторы массового соцсоревнования и других патриотических починов); 10-миллионный комсомол, роль которого в вооруженной борьбе и организации труда в тылу была очень большой; Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству, Общество Красного Креста и Красного Полумесяца, антифашистские комитеты.

Воспитание у советских людей чувства ненависти и мести средствами публицистики, кино, всей системой политико-воспитательной работы, особенно поощряемое на первых этапах войны и выраженное в призывах «Смерть немецким оккупантам!», «Убей немца!», имело свои пределы. На заключительном этапе войны была дана установка на сдерживание крайностей, с тем чтобы ненависть к врагу не вылилась во всеобщую слепую ярость ко всему немецкому народу.

Имело свои границы и отступление в духе «националистического нэпа». В 1944 г. в ЦК состоялось совещание историков, на котором осуждались крайности, идущие по линии как очернения прошлого русского народа, преуменьшения его роли в мировой истории, так и сползания на позиции «великодержавного шовинизма» и «квасного патриотизма».

В частности, были отвергнуты предложения о включении в число исторических героев А. А. Брусилова, А. М. Горчакова, А. П. Ермолова, М. И. Драгомирова, К. П. Кауфмана, М. Д. Скобелева, М. Г. Черняева и других военных и государственных деятелей дореволюционной России.

Еще более жестким было осуждение «националистических проявлений» в других республиках. 31 января 1944 г. Сталин принял личное участие в обсуждении киноповести А. Довженко «Украина в огне» и негодуяще заметил: «Если судить о войне по киноповести Довженко, то в Отечественной войне не участвуют представители всех народов СССР, в ней участвуют только украинцы». Заключение было суровым: повесть является «ярким проявлением национализма, узкой национальной ограниченности». В феврале Политбюро КП(б)У приняло решение, в соответствии с которым А. Довженко сняли со всех занимаемых должностей как в государственных учреждениях, так и в общественных организациях.

В августе 1944 г. ЦК ВКП(б) принял постановление, осуждающее республиканскую газету «Красная Татария» за принижение роли Красной Армии в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками и «преклонение перед военной мощью, техникой и культурой буржуазных стран». Татарскому обкому партии предлагалось устранить «серьезные недостатки и ошибки националистического характера в освещении истории Татарии (приукрашивание Золотой Орды, популяризация ханско-феодального эпоса об Идееге)». В январе 1945 г. аналогичное внушение сделано руководству Башкирской партийной организации. Серьезные идеологические просчеты были обнаружены в подготовленных к печати «Очерках по истории Башкирии», в литературных произведениях «Идукай и Мурадым», «Эпос о богатырях», в пьесе «Кахым-Тура». Формулировки постановлений были ужесточены на X пленуме правления Союза советских писателей (май 1945 г.). Здесь уже говорилось, что в Татарии «поднимали на щит ханско-феодальный эпос об Идееге и делали Золотую Орду передовым государством своего времени»; нечто подобное произошло и в Башкирии с эпосом «Карасахал», где тоже «извратили историю и впали в идеализацию патриархально-феодального прошлого».

Таким образом, историкам и литераторам предписывалось впредь быть очень осторожными в проведении грани между «героическим прошлым» народа и «идеализацией» его исторического прошлого.

Мобилизация внешнеполитических сил. Успехи советских войск в битве под Сталинградом создали благоприятные условия для открытия второго фронта в Европе. На конференции в Касабланке (январь 1943 г.) США и Англия решили объединить усилия в целях захвата Сицилии, а по отношению к Германии пока ограничиться воздушными налетами. В начале июня 1943 г. союзники известили И. В. Сталина о своем решении не открывать второй фронт в Евро-

пе в 1943 г. Отношение к этому вопросу изменилось после победы советских войск под Курском. У союзников возникли опасения, что без второго фронта противодействие советской политике окажется невозможным.

На конференции в Квебеке (август 1943 г.) лидеры США и Англии пришли к соглашению о начале операции «Оверлорд» по форсированию Ла-Манша 1 мая 1944 г. На конференции министров иностранных дел в Москве (октябрь 1943 г.) был подписан протокол, подтверждающий намерения США и Англии начать операцию в Северной Франции весной 1944 г. США при этом рассчитывали, что Берлин должны занять их войска.

На конференции в Тегеране (28 ноября — 1 декабря 1943 г.) состоялась первая встреча глав правительств «Большой тройки», решавшая кардинальные вопросы ведения войны и послевоенного устройства мира. В итоговом документе этой конференции зафиксировано, что форсирование Ла-Манша будет предпринято в течение мая 1944 г. Стремясь обезопасить операцию, союзники выдвинули требование: немцы не должны иметь возможности перебросить с других фронтов более 15 дивизий в течение первых 60 дней операции. И. В. Сталин заверил союзников, что советские войска предпримут наступление в это время с целью предотвратить переброску германских войска.

В Тегеране обсуждалось и послевоенное устройство Европы. Союзники согласились на передачу Советскому Союзу части Восточной Пруссии и восстановление независимой Польши в границах 1918 г. Признано было также присоединение Прибалтики к СССР. В обмен на эти уступки Сталин соглашался на то, что Советский Союз объявит войну Японии не позднее чем через три месяца после победы над Германией. Эти договоренности во многом способствовали скорейшему победному окончанию Второй мировой войны.

Свою лепту в мобилизацию внешнеполитических факторов победы над фашизмом были призваны внести созданные в 1941–1942 гг. антифашистские комитеты. Таких комитетов было пять: советских женщин, молодежи, ученых, всеславянский и еврейский. Они были образованы при Совинформбюро для налаживания и объединения усилий советской и зарубежной общественности в борьбе против фашизма.

Драматические последствия имела деятельность Еврейского антифашистского комитета. Идея его создания принадлежала Л. П. Берии. Первоначально предполагалось использовать для его образования лидеров еврейской социалистической партии Польши Г. Эрлиха и В. Альтера, арестованных в Восточной Польше в 1939 г. На встрече с ними в сентябре 1941 г. Берия предложил организовать работу ЕАК, и они согласились. Планировалось, что председателем комитета будет Эрлих (известный в широких кругах с 1917 г., когда он был членом Исполкома

Петросовета), его заместителем — С. М. Михоэлс, ответственным секретарем — Альтер. Однако от плана пришлось отказаться. Эрлих и Альтер на намеченные роли не подошли. Они, как писал П. А. Судоплатов, «слишком много знали о намерениях Сталина воспользоваться ими для выколачивания денег на Западе». В декабре 1941 г. их арестовали по обвинению в пропаганде в пользу подписания мирного договора с Германией, а руководителем создаваемого ЕАК стал С. М. Михоэлс, известный актер и режиссер, народный артист СССР, художественный руководитель (с 1929 г.) Московского государственного еврейского театра.

В начале 1943 г. через каналы Коминтерна были установлены контакты с руководством Американского комитета еврейских писателей, артистов, ученых и Еврейского совета помощи России, которые организовали официальное приглашение в США Михоэлсу и секретарю ЕАК поэту И. С. Феферу. И уже в середине июня американский журналист и общественный деятель Б. Гольдберг, выходец из России, встречал их. Помимо США, они посетили также Мексику, Канаду и Великобританию. В Москву делегация вернулась в начале декабря 1943 г.

Вскоре по предложению Молотова руководство ЕАК подготовило письмо, адресованное Сталину, с предложением создать в Крыму еврейскую республику. 15 февраля 1944 г. проект был представлен Молотову. После редактирования письма заместителем наркома иностранных дел С. А. Лозовским оно было направлено Маленкову, Щербакову и Вознесенскому с поручением рассмотреть этот вопрос.

Образование еврейской республики в Крыму, куда могли бы приехать евреи со всего мира, обещало приток в СССР больших капиталов. Сталину говорили о возможности получить таким путем от Запада 10 млрд долларов на восстановление разрушенной войной экономики. Предложение было заманчивым, но требовало переселения значительной части жителей Крыма. В 1944 г. ГКО принял постановления (от 2 апреля и 11 мая) о выселении крымских татар, составлявших, по переписи 1939 г., 19,4% населения Крыма. Обосновывая предложение, Берия писал Сталину: «Учитывая предательские действия крымских татар против советского народа и исходя из нежелательности дальнейшего проживания крымских татар на пограничной окраине Советского Союза, НКВД СССР вносит на Ваше рассмотрение проект решения ГКО о выселении всех татар с территории Крыма». Операция была осуществлена 18–20 мая.

Депортация открывала возможность для перехода к практической реализации плана ЕАК. Однако с его осуществлением решили повременить. Изменившиеся с окончанием войны условия, связанные главным образом с подготовкой провозглашения государства Израиль на территории Палестины, сделали организацию еврейской социалистической республики в Крыму неосуществимой.

§ 4. Победный этап войны. 1944—1945

Победа над Германией. К 1944 г. для укрепления Восточного фронта германское командование перебросило с запада 75 дивизий. Промышленность Германии уже не была в состоянии удовлетворять возрастающий спрос вермахта на боевую технику; мобилизации становились недостаточными для качественного возмещения потерь в живой силе. Однако германская армия вместе с войсками сателлитов на советско-германском фронте все еще представляла внушительную силу. Она насчитывала 4,9 млн человек. На вооружении войск было 54,6 тыс. орудий и минометов, 5,4 тыс. танков и штурмовых орудий, более 3 тыс. самолетов. Советские Вооруженные силы к этому времени почти по всем параметрам превосходили вражеские. В самом начале 1944 г. советские войска захватили инициативу и уже не выпускали ее.

В январе усилиями Ленинградского и Волховского фронтов (командующие — генералы армии Л. А. Говоров и К. А. Мерецков) полностью ликвидирована 900-дневная блокада Ленинграда. С взятием 19 января Вороньей горы, одной из твердынь возведенного гитлеровцами «стального кольца Северного вала», где был захвачен артиллерийский комплекс крупнокалиберных и дальнобойных орудий, прекратился каждодневный обстрел города. Ленинград начал постепенно залечивать раны. До конца 1944 г. историки особо выделяют еще девять наиболее крупных ударов по врагу.

В конце января и феврале в результате Корсунь-Шевченковской наступательной операции, блестяще осуществленной войсками 1-го, 2-го и 3-го Украинских фронтов, ведомых генералами армии Н. Ф. Ватутиным, И. С. Коневым, Р. Я. Малиновским, освобождена Правобережная Украина. В марте советские войска вышли к границе с Румынией, а в ночь на 28 марта форсировали пограничную реку Прут.

В апреле и мае освобождены Одесса, Севастополь и весь Крым (4-й Украинский фронт, командующий генерал армии Ф. И. Толбухин).

В июне Ленинградский и Карельский фронты (командующие генералы армии Л. А. Говоров и К. А. Мерецков) нанесли удар по врагу на Карельском перешейке. В августе наши войска освободили Карелию и вывели из войны Финляндию. Президент Финляндии К. Маннергейм был вынужден принять решение о выходе страны из агрессивного Берлинского пакта и войны. 19 сентября Финляндия подписала соглашение о перемирии с СССР.

23 июня началась одна из крупнейших в войне наступательных операций «Багратион». Ее осуществляли 1-й Белорусский (маршал К. К. Рокоссовский), 2-й Белорусский (генерал армии Г. Ф. Захаров), 3-й Белорусский (генерал армии И. Д. Черняховский), 1-й Прибалтийский фронт

(генерал армии И. Х. Баграмян). Результатом операции стало освобождение Белоруссии, Литвы и части Латвии. 17 августа войска вышли на западную границу Белоруссии.

В июле началась и продолжалась все лето битва за освобождение Западной Украины. Ее вели войска 1-го Украинского фронта (маршал И. С. Конев), партизаны С. А. Ковпака, П. П. Вершигоры. С успешным завершением в августе наступательной Львовско-Сандомирской операции Украина была полностью освобождена.

В августе войсками 2-го и 3-го Украинских фронтов (генерал армии Р. Я. Малиновский, маршал Ф. И. Толбухин) разгромлена Ясско-Кишиневская группировка германской армии. Ее результатом стали освобождение Молдавии, капитуляция Румынии и Болгарии. К концу октября войска 2-го Украинского фронта совместно с румынскими частями, выступившими против Германии, полностью освободили Румынию. 8 сентября Красная Армия вступила на территорию Болгарии. Освободители были встречены хлебом-солью, цветами. Их появление дало новый импульс народному вооруженному восстанию против фашистской диктатуры, начавшемуся в конце августа. 9 сентября фашистское правительство было свергнуто. Власть перешла в руки Отчественного фронта.

В сентябре и октябре войска Ленинградского фронта (маршал К. А. Мерецков) и Балтийского флота (адмирал В. Ф. Трибуц) освободили Эстонию, большую часть Латвии и прижали остатки немецкой группы армий «Север» к морю в Курляндии, в районе Мемеля (Клайпеды).

Тогда же (в сентябре и октябре) последовал удар войск 4-го Украинского фронта (генерал армии И. Е. Петров) между Тисой и Дунаем. Нарастивая его, советские войска к февралю 1945 г. овладели Венгрией, соединились с войсками союзной Югославии, освободили Закарпатье.

В октябре нанесены удары войск Карельского фронта (маршал К. А. Мерецков) и Северного флота (вице-адмирал А. Г. Головкин) на севере. Советское Заполярье было освобождено, части Красной Армии вступили на территорию Норвегии.

Лето и осень 1944 г. принесли свободу столицам союзных республик: Петрозаводску (освобожден 28 июня), Минску (3 июля), Вильнюсу (13 июля), Кишиневу (24 августа), Таллину (23 сентября), Риге (13 октября), тысячам других городов и сел. В начале 1944 г. под вражеской оккупацией оставалась территория, где до войны проживало 30,4% населения СССР, к 22 июня эта цифра уменьшилась до 10,5%, а к 2 августа — до 2,7%. Войска Германии и ее союзников были полностью изгнаны с территории СССР в ноябре 1944 г. (исключение составляли районы Лиепайи и Вентспилса в Латвии, освобожденные в мае победного года). На алтарь победы в 1944 г. советский народ принес 1,6 млн жизней своих лучших сыновей и дочерей. Однако основные потери на фронте несли уже захватчики. В 1944 г. только в советском плену оказа-

лось 1,2 млн вражеских солдат и офицеров. Всего с начала войны и до 9 мая 1945 г. Германия потеряла на Восточном фронте пленными 3777 тыс. человек.

6 июня 1944 г. западные союзники, полностью убедившись в способности СССР самостоятельно завершить разгром Германии, высадили свои войска на северо-западе Франции. (В период между июнем 1941 г. и июнем 1944 г. 93% общих военных потерь немцы понесли в боях с советскими войсками.)

Объединенными войсками союзников в Западной Европе командовал генерал армии США Д. Эйзенхауэр. Нормандская десантная операция по форсированию Ла-Манша была крупнейшей во Второй мировой войне. В ней участвовало до 1 млн человек. К середине сентября войска союзников вышли к западной границе Германии. СССР оказался верен обязательствам, взятым в Тегеране. В момент высадки союзников советские войска провели успешную операцию на северном крыле советско-германского фронта, а 23 июня начали одну из крупнейших в войне операцию «Багратион».

В конце 1944 г. и первые месяцы 1945 г. Красная Армия освободила Румынию, Болгарию, Югославию (совместно с частями Народно-освободительной армии Югославии), Венгрию, Польшу, часть Австрии, Чехословакию. Страхивали с себя коричневое наваждение и становились свободными столицы европейских государств: в 1944 г. — Бухарест (23 августа), София (9 сентября), Белград (20 октября); в 1945 г. — Варшава (17 января), Будапешт (13 февраля), Вена (13 апреля), Прага (9 мая). В Румынии и Болгарии были свергнуты профашистские правительства, их войска выступили против бывшего союзника. 3 марта 1945 г. в войну против Германии на стороне СССР вступила Финляндия. Турция сделала это десятью днями ранее.

20 января 1945 г. войска 3-й армии (командующий генерал-полковник А. В. Горбатов), преследуя неприятеля, пересекли польскую границу, вступили на территорию Восточной Пруссии и ворвались в Алленштейн (позднее польский город Ольштын). Война пришла на землю Третьего рейха. 13 апреля был взят центр Восточной Пруссии Кенигсберг. В 1945 г. советские войска успешно осуществили крупнейшие за годы войны наступательные операции: Восточно-Прусскую (завершена 23 апреля), Восточно-Померанскую (4 апреля), Венскую (15 апреля), Берлинскую (8 мая), Пражскую (11 мая).

Заключительным сражением в Великой Отечественной войне стала начавшаяся 16 апреля битва за Берлин, который ожесточенно обороняли более миллиона немецких солдат. Для проведения операции привлекались войска 2-го Белорусского (командующий маршал К. К. Рокоссовский), 1-го Белорусского (маршал Г. К. Жуков) и 1-го Украинского фронтов (маршал И. С. Конев), часть сил Балтийского флота. Наступа-

ющие войска насчитывали 2,5 млн бойцов, 41,6 тыс. орудий и минометов, 6250 танков и САУ, 7,5 тыс. самолетов.

21 апреля танкисты 3-й гвардейской танковой армии, ведомой лучшим танковым генералом Советской Армии П. С. Рыбалко, первыми ворвались на северо-восточные окраины Берлина. 25 апреля войска 1-го Белорусского фронта перерезали все пути, ведущие к нему с запада, и соединились северо-западнее Потсдама с войсками 1-го Украинского фронта, окружавшими Берлин с юга. Тем же днем бойцы одной из рот 58-й стрелковой дивизии (командир роты — лейтенант Г. С. Голобородько) встретились в центре Германии в районе города Торгау на реке Эльба с разведгруппой 9-й пехотной дивизии США (командир группы — лейтенант А. Л. Котцебу. Встреча на Эльбе разрешила немецкие войска надвое.

Окруженным в Берлине гитлеровским войскам отступить было некуда, они ожесточенно оборонялись, надеясь на деблокирование столицы 12-й армией генерала В. Венка, снятой с Западного фронта. Надежды оказались тщетными. На девятый день штурма Берлина, в 21 ч 50 мин 30 апреля сержант М. А. Егоров и младший сержант М. В. Кантария водрузили Знамя Победы на рейхстаге. За шесть часов до этого покончили жизнь самоубийством А. Гитлер и его жена Ева Браун. Днем позже их примеру последовал Й. Геббельс со своим семейством.

В 6 ч 30 мин 2 мая начальник обороны Берлина генерал Г. Вейдлинг сдался в плен и отдал приказ остаткам войск берлинского гарнизона о прекращении сопротивления. Столица Германии капитулировала. В середине дня сопротивление гитлеровцев в городе прекратилось. Тогда же совместными действиями войск 1-го Украинского и 1-го Белорусского фронтов ликвидированы окруженные группировки немецких войск юго-восточнее Берлина. В этот день Москва салютовала победителям дважды: в 21 ч залпами из 222, а в 23 — из 324 орудий. В военной истории Берлина ставилась точка. Начиналось официальное оформление итогов войны.

В ночь на 9 мая в берлинском предместье Карлхорсте в здании бывшего военно-инженерного училища подписан Акт о капитуляции германских вооруженных сил. От имени германского военного командования его подписали уполномоченные К. Дёница (по завещанию Гитлера гросс-адмирал, командовавший всеми подводными силами Германии, с 1 мая 1945 г. был ее рейхсканцлером и верховным главнокомандующим): бывший начальник штаба Верховного командования вермахта генерал-фельдмаршал В. Кейтель, главнокомандующий военно-морскими силами адмирал флота Х. Фридебург и генерал-полковник авиации Г. Штумпф. От командования союзных стран Акт скрепили подписями маршал Г. К. Жуков (он поставил свою подпись в 22 ч 43 мин по центральноевропейскому времени, в Москве было 0 ч 43 мин 9 мая),

главный маршал авиации Великобритании А. Теддер, командующий стратегическими воздушными силами США генерал К. Спаатс, главнокомандующий французской армии генерал Ж. М. де Латр де Тассиньи. Великая Отечественная война завершилась. 9 мая объявлено в СССР Днем Победы.

Вопросы послевоенного устройства мира на конференциях в Ялте

и Потсдаме. На завершающем этапе Второй мировой войны союзники по антифашистской коалиции выработали ряд принципиальных решений, определивших основные черты послевоенного мироустройства. На Крымской (Ялтинской) конференции глав правительств «Большой тройки» (4–11 февраля 1945 г.) были согласованы планы окончательного разгрома Германии, условия ее капитуляции, порядок оккупации, механизм союзного контроля. Оккупация, к которой на равных правах с великими державами привлекалась Франция, предпринималась в целях демилитаризации, денацификации и демократизации Германии. Законными признаны требования СССР о немецких репарациях в размере 10 млрд долларов. «Декларация об освобожденной Европе», принятая на Ялтинской конференции, предусматривала необходимость уничтожения следов нацизма в освобожденных странах Европы и создания демократических учреждений по собственному выбору народов. На ее основании СССР добился укрепления своих позиций в Польше, Чехословакии, Румынии, Болгарии, Югославии. И. В. Сталин подтвердил на конференции обещание вступить в войну с Японией и получил согласие союзников на «восстановление прежних прав России, нарушенных предательским нападением японцев в 1904 г.» — возвращение Советскому Союзу южной части Сахалина, передачу Курильских островов, использование Порт-Артура как военно-морской базы и права на Китайско-Восточную железную дорогу (с августа 1945 г. магистраль находилась в совместном управлении СССР и Китая; в 1952 г. советские права на дорогу безвозмездно переданы КНР). В Ялте принято также решение о созыве 25 апреля 1945 г. в Сан-Франциско конференции Объединенных Наций (стран, которые объявили войну общему врагу к 1 марта 1945 г.) с целью подготовки устава международной организации безопасности.

Острое противоборство по проблемам послевоенного урегулирования развернулось 17 июля — 2 августа 1945 г. на Берлинской (Потсдамской) конференции глав правительств держав-победительниц во Второй мировой войне. Советскую делегацию возглавлял И. В. Сталин, американскую — Г. Трумэн (президент США, сменивший умершего 12 апреля 1945 г. Ф. Рузвельта), английскую — сначала У. Черчилль, а с 28 июля его преемник на посту премьер-министра К. Этли. Как представитель державы, взявшей столицу рейха, Сталин чувствовал себя на

конференции увереннее представителей других союзных держав, пытавшихся отстаивать «жесткий курс» (предвестник послевоенной «холодной войны») в отношении Советского Союза. Однако этот курс, по некоторым данным, впервые наиболее полно выраженный на закрытом заседании Совета по международным отношениям в марте 1945 г. в докладе руководителя политической разведки США А. Даллеса о реализации американской послевоенной доктрины против СССР (официально курс закреплен в принятой по инициативе Даллеса директиве Совета национальной безопасности США 20/1 «Цели США в войне против России» от 18 августа 1948 г.), даже несмотря на испытание в США атомной бомбы, не повлиял на позицию главы советской делегации.

На конференции удалось достичь взаимоприемлемых решений о проведении в отношении Германии так называемой политики четырех «Д», предусматривающей демилитаризацию — роспуск всех вооруженных сил Германии, ликвидацию военной промышленности; декартелизацию — уничтожение монополий; денацификацию — запрет национал-социалистической партии, нацистской и военной пропаганды, наказание военных преступников; демократизацию — постепенную реконструкцию политической жизни на демократической основе. (В соответствии с этим решением политические и военные руководители фашистской Германии — Г. Геринг, Р. Гесс, И. Риббентроп и др., признанные главными виновниками, приговорены в октябре 1946 г. судом в Нюрнберге к смертной казни, остальные — к пожизненному заключению.) Конференция подтвердила передачу СССР города Кенигсберга и прилегающего к нему района, установила новые западные границы Польши по рекам Одер и Нейсе.

Для управления Германией на период ее оккупации был учрежден Контрольный совет — совместный орган СССР, США, Великобритании и Франции. В него от каждой стороны входил главнокомандующий вооруженных сил в зоне оккупации. Представителем Советского Верховного Главнокомандования в Контрольном совете 31 мая 1945 г. назначен главнокомандующий Советскими оккупационными войсками в Германии маршал Г. К. Жуков, он же возглавлял Советскую военную администрацию в Германии, будучи Главным начальствующим СВАГ. За неделю до этого назначения по решению руководителей союзных держав правительство К. Дёница было распущено, члены правительства и чиновники правительственных учреждений арестованы. С ликвидацией нацистского правительства Третий рейх как государство официально перестал существовать.

Германия в первые послевоенные годы представляла собой четыре зоны оккупации. Ее население, по данным всеобщей переписи в октябре 1946 г., составляло 65,9 млн человек. Из них 17,3 оказались в восточной (советской) зоне оккупации, 22,8 — в северо-западной (английской)

зоне, 16,7 – в юго-западной (американской) и 5,9 – в западной (французской) зоне; 3,2 млн человек населяли Берлин.

В апреле–июне 1945 г. в Сан-Франциско состоялась учредительная конференция Организации Объединенных Наций. На ней был разработан и 26 октября 1945 г. вступил в силу Устав ООН. Этот день стал днем рождения ООН как инструмента поддержания и укрепления мира между народами и государствами.

Разгром Квантунской армии. 9 августа 1945 г., выполняя союзнические обязательства перед странами антигитлеровской коалиции, Советский Союз вступил в войну с Японией. К этому времени ее военно-экономический потенциал был серьезно подорван поражениями в районе Тихого океана. 6 августа США сбросили атомную бомбу на Хиросиму, а 9 августа – на Нагасаки. Миру была продемонстрирована страшная сила новых средств массового уничтожения, что и преследовали правящие круги США, поскольку бомбардировки не имели военно-стратегического смысла.

К августу советское командование перебросило на Дальний Восток часть высвободившихся на западе войск (свыше 400 тыс. человек, свыше 7 тыс. орудий и минометов, 2 тыс. танков). Вместе с дислоцированными там войсками они составили три фронта: Забайкальский (командующий маршал Р. Я. Малиновский), 1-й Дальневосточный (маршал К. А. Мерецков) и 2-й Дальневосточный (генерал армии М. А. Пуркаев). Против миллионной Квантунской армии были сосредоточены свыше 1,5 млн воинов, более 27 тыс. орудий и минометов, свыше 700 реактивных минометных установок, 5,2 тыс. танков и САУ, более 3,7 тыс. самолетов. К проведению операции привлекались силы Тихоокеанского флота (командующий адмирал И. С. Юмашев), Амурская флотилия, пограничные войска. Действия сил ВМФ и ВВС координировали адмирал Н. Г. Кузнецов и главный маршал авиации А. А. Новиков. Главнокомандующим советскими войсками на Дальнем Востоке был маршал А. М. Василевский. Вместе с нашими войсками против японских вооруженных сил выступили войска Монгольской народной революционной армии.

9 августа Квантунская армия подверглась одновременным ударам с суши, воздуха и с моря. Японцы не выдержали мощных ударов. Наши войска за первую неделю наступления форсировали Амур, Уссури, преодолели горные хребты Большого и Малого Хингана, пустынные степи Внутренней Монголии. К 20 августа они продвинулись вглубь Северо-Восточного Китая с запада на 400–800, с востока и севера на 200–300 км, вышли на Маньчжурскую равнину, расчленили вражеские войска на изолированные группировки и завершили их окружение. В порты Северной Кореи высадились морские десанты, в города Харбин, Гирич, Далян, Чаньчун, Шеньян, Порт-Артур – воздушные десанты советских воинов. С 19 августа японцы стали капитулировать. 19 августа маршал

А. М. Василевский и главнокомандующий Квантунской армии генерал О. Ямада подписали Акт о капитуляции Квантунской армии. 24 августа части 1-го Дальневосточного фронта освободили Пхеньян. Их продвижение на юг Кореи было остановлено на 38-й параллели — линии разграничения между советскими и американскими войсками. Потери японцев за 25 дней войны насчитывали 83,7 тыс. человек убитыми и более 640 тыс. пленными. Безвозвратные потери Советской Армии в этой войне составляли около 12 тыс. человек, монгольской армии — 72 человека. Успешное проведение наступательной операции позволило в сравнительно короткие сроки освободить Маньчжурию, Северо-Восточный Китай, северную часть Кореи — территорию с населением свыше 40 млн человек, а также Южный Сахалин и Курильские острова.

В 9 ч 4 мин 2 сентября 1945 г. на борту американского линкора «Миссури», вошедшего в Токийский залив, подписан Акт о безоговорочной капитуляции Японии. От имени императора и японского правительства Акт подписал министр иностранных дел И. Сигэмицу, от имени императорского генштаба — генерал Й. Умэдзу. От всех союзных наций, находившихся в состоянии войны с Японией, — Верховный командующий союзных войск американский генерал Д. Макартур и от СССР — генерал-лейтенант К. Н. Деревянко. Вторая мировая война закончилась.

Каждый из годов Великой Отечественной войны, казавшийся ее участникам вечностью, навсегда врезался в историческую память отличительной доминантой: 1941-й — как год тяжелейших поражений, 1942 г. — как поворот в ходе войны, 1943-й — как год коренного перелома, 1944-й — как год освобождения советских земель и большей части Восточной Европы от гитлеровской оккупации, 1945-й — как год великого праздника Победы.

Итоги и последствия войны. Советский Союз выходил из войны с самой многочисленной армией в Европе (11 млн 365 тыс. человек) и расширенными границами своего государства. Договоренности с союзниками закрепляли права СССР на территории Прибалтики, Западной Украины и Западной Белоруссии, Бессарабии, Северной Буковины, присоединенные в начале Второй мировой войны; на часть Пруссии (Кенигсберг и прилегающие к нему районы, ставшие Калининградом и Калининградской областью РСФСР). С Литовской ССР воссоединилась Клайпеда. По соглашению о перемирии с Финляндией Советский Союз расширился за счет района Петсамо (ныне Печенгский район Мурманской области) и стал граничить с Норвегией. По договорам о границах с Чехословакией и Польшей в СССР включены Подкарпатская Русь (нынешняя Закарпатская область Украины) и район Владимира-Волынского. На востоке в границы нашей страны вошли Южный Сахалин и Курильские острова, а в октябре 1944 г. к РСФСР добровольно присоединилась на

правах автономной области Тува, преобразованная позже в автономную республику (1961).

Главным итогом Великой Отечественной войны была ликвидация угрозы порабощения и геноцида народов СССР. Враг всего за 4 месяца дошел до Москвы и вплоть до Курской битвы сохранял наступательные возможности. Перелом в войне и победа стали результатом неимоверного напряжения сил, массового героизма народа, изумлявшего и врагов, и союзников. Идеей, вдохновлявшей тружеников фронта и тыла и даже примиряющей с жестокостями чрезвычайных мер собственного руководства, колоссальными жертвами, явилось осознание необходимости защиты Отечества как дела правого и праведного. Победа пробудила в народе чувство национальной гордости, уверенности в своих силах.

Власть объясняла победу главным образом преимуществами социалистического строя, «морально-политическим единством советского народа». Однако вынуждена была признать, что победу обеспечили не танки и коммунистические доктрины, а прежде всего патриотизм русского народа. В знаменитом победном тосте: «За здоровье русского народа» (24 мая 1945 г.) — И. В. Сталин провозгласил, что этот народ «является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза» и «заслужил в этой войне общее признание, как руководящей силы Советского Союза». К сожалению, в послевоенной подготовке СССР к дальнейшей борьбе за установление социалистического строя во всем мире была сделана ставка не столько на «ясный ум» народа, сколько на такие его качества, как стойкий характер и терпение, доверие правительству в моменты отчаянного положения, готовность идти на жертвы. Можно добавить: столь великие, что власть долгие годы даже не могла вымолвить правду об их размерах. Все это стало окрашивать послевоенную сталинскую внешнюю, внутреннюю политику и советский патриотизм в цвета русского национализма и великодержавия. Трансформированные таким причудливым образом идея мировой революции и русская вселенская отзывчивость получили подпитку самим фактом победы, несмотря на ужасающе большую цену.

Ущерб, нанесенный войной Советскому Союзу, огромен. Официальные данные о людских потерях, впервые названные в феврале 1946 г., были явно занижены и оценивались в 7 млн человек. 5 ноября 1961 г. Н. С. Хрущев уточнил: война унесла два десятка миллионов жизней. Через четыре года, согласно уточнению Л. И. Брежнева, оказалось, что страна потеряла в войне свыше 20 млн человек. В марте 1990 г., на страницах «Военно-исторического журнала» были изложены результаты многолетней работы комиссии, работавшей под эгидой Министерства обороны СССР. Президент М. С. Горбачев, сославшись на эти результаты, объявил в докладе, посвященном 45-летию Победы: война унесла «почти 27 млн» жизней советских людей.

В наиболее полном виде новейшие данные о потерях представлены в книгах «Россия и СССР в войнах XX века» (2005), «Великая Отечественная без грифа секретности» (2009) и в энциклопедии «Великая Отечественная война. 1941–1945» (2005). По этим данным, за период с июня 1941 г. до начала 1946 г. население страны сократилось с 196,7 до 170,5 млн. Общие безвозвратные демографические потери СССР в результате войны составили 26,6 млн человек — 13,5% от довоенной численности населения. В России довоенная численность населения была восстановлена лишь в 1955 г.

Потери Вооруженных сил СССР за годы войны, в том числе и за компанию на Дальнем Востоке, составили 11,4 млн (33% от мобилизованных в армию) человек. Из них 5,2 млн погибли в боях и умерли от ран на этапах санитарной эвакуации; 1,1 млн умерли от ран в госпиталях. 0,6 млн составили разные небоевые потери — от болезней, в результате происшествий, самоубийств, расстрелов; 5 млн человек пропали без вести и попали в фашистские концлагеря. С учетом вернувшихся из плена после войны (1,8 млн) и почти миллиона человек из числа учтенных ранее как пропавшие без вести, но выжившие и вторично призванные в армию на освобожденной территории, демографические потери Вооруженных сил СССР равнялись 8 668 400 человек.

Это означало, что каждые сутки на советско-германском фронте выбывали из строя в среднем 21 тыс. человек, из них около 8 тыс. — безвозвратно. Самые большие среднесуточные потери отмечались в летне-осенних кампаниях 1941 г. (24 тыс.: 17,1 безвозвратные, 6,9 санитарные) и 1943 г. (27,3 тыс.: 7,6 безвозвратные, 19,7 санитарные).

Общие демографические потери СССР (26,6 млн) почти в 2 раза превышают потери Германии. Безвозвратные потери Германии и ее союзников (убито, умерло от ран, попало в плен и пропало без вести) составили около 11,8 млн человек (из них более 1,7 млн приходится на союзников). Потери гражданского населения рейха (погибшие от бомбежек и военных действий, пропавшие без вести, жертвы фашистского террора) — около 3,3 млн человек. Большая разница в утратах объясняется геноцидом гитлеровцев в отношении гражданского населения на оккупированной советской территории, унесшим жизни 17,9 млн человек. (Для сравнения: США потеряли во Второй мировой войне 405 тыс., Великобритания — 350 тыс., Франция — 635 тыс. человек).

Жертвами войны стали миллионы мирных граждан. Более 3 млн гражданских лиц погибло от боевого воздействия в прифронтовых районах, в блокадных и осажденных городах, от голода, обморожений и болезней. 7,4 млн советских людей преднамеренно истреблены гитлеровцами на оккупированной территории. 5,3 млн советских граждан насильственно вывезены на работы в Германию. Из них 2,2 млн человек погибли в фашистской неволе, 451 тыс. не вернулись по разным причи-

нам и стали эмигрантами. На 4,1 млн человек сократилось население на оккупированной территории в результате повышенной смертности от жестоких условий оккупационного режима (голод, инфекционные болезни, отсутствие медицинской помощи). По причине повышенной смертности умерли 1,3 млн детей из числа родившихся в годы войны. Не следует забывать и о том, что в Восточной Европе в силу более сурового климата совокупность базовых потребностей была существенно большей, чем на Западе, а условия их удовлетворения — гораздо менее благоприятными, что несомненно усугубило наши потери.

Помимо своей страны, советские войска освободили полностью или частично 13 стран Европы и Азии. В освобождении европейских стран непосредственно участвовали около 7 млн советских воинов, свыше 1,5 млн участвовали в освобождении от японских захватчиков Северо-Восточного Китая (Маньчжурии) и Северной Кореи. Это стоило жизни более чем миллиону советских солдат, покоящихся в земле Польши (более 600 тыс.), Венгрии (свыше 140 тыс.), Чехословакии (около 140 тыс.), Германии (102 тыс.), Румынии (69 тыс.), Австрии (26 тыс.), Китая (9,3 тыс.), Югославии (8 тыс.), Норвегии (3,4 тыс.), Болгарии (977 человек), Северной Кореи (691 человек), Дании (30 человек).

Развязанная гитлеровцами Вторая мировая война обернулась трагедией для самой Германии и ее союзников. Только на советско-германском фронте (с 22 июня 1941 г. по 9 мая 1945 г.) безвозвратные потери Германии составили 7181 тыс. военнослужащих, а вместе с союзниками — 8 649 тыс. человек. Из общего числа людских потерь, которые понесла немецко-фашистская армия во Второй мировой войне, более 73% приходится на Восточный фронт. На этот же фронт приходится 75% всех потерь Вермахта в авиации, танках, артиллерийских и штурмовых орудиях.

Соотношение между советскими и немецкими безвозвратными потерями военнослужащих составляет 1,3:1. На это соотношение во многом повлиял тот факт, что количество военнопленных, погибших в нацистских лагерях (более 2,5 млн из 4,6 млн), в 5 с лишним раз превысило число военнослужащих противника, умерших в советском плену (420 тыс. из 4,4 млн). К примеру, более 55 тыс. советских евреев, попавших в плен к гитлеровцам, стали жертвами Холокоста, тогда как 10 172 евреев, сражавшимся на стороне Германии и попавшим в советский плен, подобная участь не грозила.

Война оставила после себя миллионы раненых, искалеченных, потерявших здоровье людей. По состоянию на 1 июля 1945 г. на лечении в госпиталях находились более миллиона человек. Среди 3,8 млн человек, уволенных в годы войны из армии по ранению и болезни, 2,6 млн стали инвалидами. Специфика войны и оккупации привела к появлению особых демографических категорий населения. По материалам ставки Гитлера, к концу войны на советской территории побывали

почти 11 млн немецких военнослужащих, от которых родилось около 3 млн детей. По данным ФРГ, в советской зоне оккупации от военнослужащих Красной Армии немецкие женщины родили их около 292 тыс.

В годы войны несли невосполнимые утраты все народы СССР. При этом потери граждан России равнялись 71,3% от общих демографических потерь Вооруженных сил СССР. Известно, что в составе населения СССР накануне войны русские составляли 51,8%, украинцы — 17,6; белорусы — 3,6. Среди мобилизованных на выполнение ратного долга перед Отечеством в годы войны русские насчитывали 65,4%; украинцы — 17,7; белорусы — 3,2; татары — 1,7; евреи — 1,4; казахи и узбеки — по 1,1, другие народы СССР — 8,3%. Из погибших военнослужащих по национальному составу наибольшая доля приходится на русских — 5,7 млн (66,4% погибших); украинцы составляли 1,4 млн (15,9%); белорусы — 253 тыс. (2,9); татары — 188 тыс. (2,2); евреи — 142 тыс. (1,6); казахи — 125 тыс. (1,5); узбеки — 118 тыс. (1,4%); другие народы СССР — 8,1%.

Огромная территория на западе СССР к маю 1945 г. была практически в руинах. Материальный ущерб, нанесенный стране войной, равен потере почти 30% ее национального богатства. (Для сравнения: в Великобритании — 0,9%, в США — 0,4%.) Враг полностью или частично разрушил 1710 городов и поселков, более 70 тыс. деревень, около 6 млн зданий; лишил крова 25 млн человек. Уничтожены почти все находившиеся на этой территории заводы, фабрики, шахты; 65 тыс. км железнодорожных путей; разграблены музеи и библиотеки. Восстановление хозяйства к концу войны свелось здесь большей частью к разборке завалов; ремонту сохранившихся сооружений; вводу в строй предприятий, наименее пострадавших от разрушений или крайне необходимых для военных и хозяйственных нужд, восстановлению железнодорожных путей. К концу войны промышленность освобожденных районов обеспечивала выпуск 30% объема довоенного производства.

Труднейшее положение к концу войны сложилось в деревне, на которую приходится гораздо большие по сравнению с городом человеческие потери. (На одного мужчину 21–23 лет в послевоенной деревне среднем приходилось по 5 девушек-ровестниц.) Хлебозаготовки почти подчистую опустошали запасы колхозных и личных хозяйств. В освобожденных от оккупантов сельских районах на месте многих сел и деревень остались только печные трубы. 7 млн лошадей, 17 млн голов крупного скота было угнано в Германию или уничтожено. Возвращавшиеся на родные пепелища жители вынуждены были начинать все с начала: обзаводиться жильем, скотом, орудиями производства, семенами. Помощь этим районам ложилась дополнительным бременем на крестьянство, не пострадавшее от оккупации. Весной 1944 г. ценой чрезвычайных усилий на освобожденной территории удалось засеять 60% посевных площадей.

К концу войны со всей остротой встала проблема репатриации на родину 5 млн советских граждан («перемещенных лиц», включая военнопо-

ленных, «восточных рабочих», узников концлагерей, военнослужащих в немецких формированиях и пр.), оказавшихся за пределами СССР и оставшихся в живых. Согласно соглашениям в Ялте, «перемещенные лица» должны были в обязательном порядке возвращаться на родину. До 1 марта 1946 г. в СССР было репатрировано 4,2 млн советских граждан (2,7 млн гражданских лиц, 1,5 млн военнопленных). В результате разлада между союзниками обязательный принцип репатриации начал нарушаться сначала в отношении «западников» (граждане из районов СССР, присоединенных после 1939 г.), а затем и «восточников». «Невозвращенцы» составили так называемую вторую волну эмиграции из России на Западе. В 1952 г. численность этой эмиграции (в основном не желающих или побоявшихся возвратиться в СССР) составила около 620 тыс. человек, из них 140 тыс. — бывшие советские немцы, принявшие гражданство ФРГ.

Судьба тех, кто был возвращен в СССР, также оказалась непростой. Сталинское руководство опасалось, что длительное бесконтрольное пребывание советских людей за границей повлияло на их мировоззрение и политические настроения. «Контраст между уровнем жизни в Европе и у нас, контраст, с которым столкнулись миллионы воевавших людей, — писал К. М. Симонов, — был нравственным и психологическим ударом, который не так легко было перенести нашим людям, несмотря на то что они были победителями в этой войне». Этот контраст мог стать основой «низкопоклонства перед Западом», распространения которого среди советских людей очень опасались во властных структурах страны. Им же была порождена особая настороженность властей к согражданам, побывавшим в годы войны в капиталистических странах Европы.

Этапом возвращения репатриантов к родным домам стали сборно-пересыльные пункты наркомата обороны и проверочно-фильтрационные — НКВД (для гражданских лиц), специальные запасные части военных округов (для военнопленных — бывших военнослужащих Красной Армии). Выявленные в результате проверки «преступные элементы» (служившие у немцев), а также «внушающие подозрение» направлялись в проверочно-фильтрационные лагеря НКВД «для дальнейшей проверки». В итоге 2,4 млн репатриантов направлены к месту жительства, 800 тыс. призваны в армию, 608 тыс. зачислены в рабочие батальоны НКО и 273 тыс. (среди них 123 тыс. офицеров) переданы в лагерь НКВД.

Особая участь ждала «власовцев», всех коллаборационистов, а также дезертиров, уклонявшихся от службы в армии в военное время. В составе германских вооруженных сил (войска СС, вермахт, вспомогательные формирования, полиция, самооборона) воевали 1178 тыс. бывших граждан СССР. В их числе были русские (32,6%), украинцы (21,2%), латыши (12,7%), эстонцы (7,6%), белорусы (5,9%), литовцы (4,2%), народы Средней Азии (3,8%), азербайджанцы (3,3%), народы Северного Кавказа (2,4%), грузины (2,1%), армяне (1,9%), народы Поволжья и Урала (1,1%), крымс-

кие татары (0,85%), калмыки (0,6%). (Сравнение этих цифр с удельным весом национальностей в населении страны накануне войны позволяет говорить о более и менее «отличившихся» в этом отношении.)

Помимо коллаборационистов, по данным НКВД СССР, начиная со второй половины 1941 г. по июль 1944 г. по Союзу ССР было выявлено 1210,2 тыс. дезертиров и 456,7 тыс. уклонявшихся от службы в армии. В некоторых случаях уклонение приобретало значительные размеры. К примеру, 63% чеченских мужчин, призванных в армию в начале войны, нарушили присягу и стали дезертирами; мобилизацию на территории Чечни пришлось прекратить. Созданные в горах мятежные отряды чеченцев при приближении немецких войск установили с ними связь и вели крупные бои в тылу Красной Армии.

По законам военного времени многих стран лицам, перешедшим на сторону противника, полагалась смертная казнь. Смягчая правило, советское руководство заменило эту меру для большинства рядовых коллаборационистов заключением или шестилетней ссылкой на поселение. Клеймо изменника стало для них позорным и страшным. Работа по их выявлению и наказанию продолжалась долгие послевоенные годы. Среди заключенных лагерей и колоний на 1 января 1951 г. числились 335 тыс. «изменников родины», среди спецпоселенцев — 135 тыс. «власовцев» (на 1 января 1949 г.). Суровое наказание ожидало и тех, кто запятнал себя сотрудничеством с немцами в оккупированных областях. Проверки, проводимой карательными и политическими органами, не избежали партизаны и подпольщики.

В освобожденных районах граждане обязаны были в 24 часа сдать оружие и военное имущество. Уклонение влекло за собой лишение свободы, а при отягчающих обстоятельствах — расстрел. Особое внимание обращалось на мужчин призывного возраста. Выяснялось, почему они оказались на оккупированной территории, примкнули или нет к партизанам, как проявили себя в их рядах. Почести и продвижение по службе получали участники борьбы с оккупантами.

Следствием войны были вооруженные антисоветские националистические организации на территориях, вошедших в состав СССР незадолго до ее начала, главным образом на Западной Украине и в Прибалтике. Сотрудничавшие ранее с гитлеровцами и сражавшиеся в одних рядах с ними против Красной Армии националисты и после их ухода продолжали вооруженную борьбу с советской властью. С марта 1944 г. развернулись акции НКВД по подавлению отрядов Организации украинских националистов (ОУН) и Украинской повстанческой армии (УПА) на Западной Украине. Только с февраля по октябрь 1944 г. уничтожено более 44 тыс. оуновцев, взято в плен более 37 тыс., выслено из городов и сел и отправлено в ссылку около 100 тыс. человек. Всего в 1944 г. внутренние войска провели 5627 специальных операций против национа-

листических формирований. Среди бандитов погибло, ранено, захвачено 76 386 человек. Потери внутренних войск составили 2202 человека. В 1945 г. проведено более 20 тыс. специальных операций, в ходе которых было убито 28 845 участников банд, ранено 77 027, сдалось 35 615 человек. Борьба с бандитизмом продолжалась и после окончания войны.

Трагическим наследием Великой Отечественной войны стала депортация в Казахстан, Сибирь и другие восточные районы населения из ряда национальных регионов. Причиной выселения одних была повышенная готовность к пособничеству оккупантам или подозрения в этом (ингерманландцы, финны и немцы, 1941 г.; карачаевцы и калмыки, 1943; чеченцы, ингуши, балкарцы, крымские татары, 1944 г.). Другие народы выселялись только за то, что имели несчастье жить в приграничных районах, рискующих стать новым театром военных действий (курды, турки-месхетинцы в 1944 г.). Выселение мусульманских народов Кавказа и Крыма во многом связано с напряженными отношениями между СССР и Турцией во время войны, а также с пантюркистскими планами турецких националистов, получавшими одобрение со стороны гитлеровской Германии. В основном депортации осуществлялись по соображениям военно-стратегического характера. По данным на конец 1945 г., в местах спецпоселений насчитывалось 967 085 семей, 2342,5 тыс. человек. Среди них оказались около 157 тыс. (6,7%) отозванных из армии представителей «наказанных народов».

7 июля 1945 г. Президиум ВС объявил амнистию в связи с победой над Германией. По указу были освобождены 841 тыс. заключенных, осужденных на срок не свыше трех лет. Амнистия не коснулась осужденных за контрреволюционные преступления, доля которых среди заключенных выросла до 59%. Преимущественно за счет этого контингента пополнялся ГУЛАГ, а также вся сфера принудительного труда и в последующем.

Однако главное, что осталось в народной памяти о войне, — это беспощадность врага и величайшие испытания, с честью выдержанные нашими соотечественниками. Навсегда в благодарной памяти потомков сохранятся акты высочайшего самопожертвования и героизма во имя Победы. Их олицетворением и символами стали командир эскадрильи бомбардировщиков Н. Ф. Гастелло (совершил свой бессмертный подвиг в июне 1941 г.), бойцы-панфиловцы во главе с политруком В. Г. Клочковым (ноябрь 1941 г.), подпольщица Лиза Чайкина (ноябрь 1941 г.), партизанка Зоя Космодемьянская (ноябрь 1941 г.), летчик-истребитель А. П. Маресьев (март 1942 г.), сержант Я. Ф. Павлов и его знаменитый «Дом Павлова» в Сталинграде (сентябрь 1942 г.), подпольщик из «Молодой гвардии» Олег Кошевой (февраль 1943 г.), рядовой Александр Матросов (февраль 1943 г.), разведчик Н. И. Кузнецов (март 1944 г.), юный партизан Марат Казей (май 1944 г.), генерал-лейтенант инженерных войск Д. М. Карбышев (февраль 1945 г.) и многие тысячи других героев Великой Отечественной войны.

На 41-м километре Ленинградского шоссе стоит величавый памятник погибшим защитникам Москвы. Здесь в декабре 1941 г. гвардейцы-пехотинцы 7-й и 8-й стрелковых дивизий А. С. Грязнова и И. В. Панфилова, гвардейцы-кавалеристы 2-го кавалерийского корпуса Л. М. Доватора и гвардейцы-танкисты 1-й танковой бригады М. Е. Катукова совместно с другими частями и соединениями 16-й армии остановили рвавшиеся к Москве фашистские полчища, разгромили их и сделали первые шаги к Великой Победе. Здесь же 3 декабря 1966 г. был взят прах Неизвестного солдата, торжественно со всеми воинскими почестями перевезен в Александровский сад и похоронен у Кремлевской стены. 8 мая 1967 г. над могилой зажжен Вечный огонь (факел доставлен из Ленинграда от Вечного огня на Марсовом поле). И стал Неизвестный солдат гордостью Отечества на все времена.

За мужество и героизм защитникам Родины вручено более 38 млн орденов и медалей, звание Героя Советского Союза получили свыше 11,6 тыс. человек. Среди них были представители большинства национальностей страны, в том числе 8160 русских, 2069 украинцев, 309 белорусов, 161 татарин, 108 евреев, 96 казахов. 104 человека удостоены этого высокого звания к концу войны дважды, а А. И. Покрышкин, Г. К. Жуков и И. Н. Кожедуб — три раза. Указом Президиума ВС СССР от 9 мая 1945 г. учреждена медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Ее получили все военнослужащие, принимавшие участие в войне на фронте, а также не принимавшие участия в военных действиях, но прослужившие определенное время в системе наркомата обороны; работники тыловых эвакуогоспиталей Красной Армии и Военно-Морского Флота; рабочие, служащие и колхозники, принимавшие участие в борьбе с оккупантами в составе партизанских отрядов в тылу врага. Всего этой медалью награждены 14 млн 900 тыс. человек, а медалью «За победу над Японией» награждено — более 1 млн 800 тыс. Высшим полководческим орденом «Победа» награждены 11 выдающихся советских военачальников: маршалы Л. А. Говоров, И. С. Конев, Р. Я. Малиновский, К. А. Мерецков, К. К. Рокоссовский, С. К. Тимошенко, Ф. И. Толбухин и генерал армии А. И. Антонов, а генералиссимус И. В. Сталин, маршалы Г. К. Жуков и А. М. Василевский награждены этим орденом дважды.

Массовый героизм советских воинов на фронте, слагавшийся из миллионов подвигов, совершавшихся в экстремальных боевых условиях, дополнялся героизмом коллективов рабочих, служащих, колхозников, деятелями науки и культуры, работниками советских, партийных, профсоюзных и других общественных организаций, обеспечивавших победу предельно напряженным физическим и духовным трудом. 16 млн 100 тыс. этих тружеников тыла награждены медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Для того чтобы

удостоиться этой чести, надо было проработать в период с июня 1941 по май 1945 г. не менее одного года. Звание Героя Социалистического Труда за годы войны присвоено 202 труженикам тыла. Среди них были народный комиссар боеприпасов Б. Л. Ванников, директор Уралмаша Б. Г. Музруков, конструктор тяжелых танков Н. Л. Духов, ставшие в октябре 1949 г. первыми в Советском Союзе дважды Героями Социалистического Труда за вклад в создание первой очереди атомной промышленности и разработку первого отечественного атомного заряда.

Не все подвиги были оценены вовремя и по достоинству. Например, находившийся в ссылке в одном из отдаленных поселков Красноярского края епископ Лука (В. Ф. Войно-Ясенецкий) с началом войны телеграфировал М. И. Калинину: «Являясь специалистом по гнойной хирургии, могу оказать помощь воинам в условиях фронта или тыла, там, где будет мне доверено. Прошу ссылку мою прервать и направить в госпиталь. По окончании войны готов вернуться в ссылку». Епископ был талантливейшим хирургом своего времени, доктором медицинских наук, профессором и не хотел оставаться безучастным свидетелем постигшей страну трагедии. Ответ на его телеграмму пришел незамедлительно. В сентябре 1941 г. епископу разрешили переехать в Красноярск и назначили главным хирургом эвакуационных госпиталей. Профессор немедленно приступил к работе, проводя в операционной по 9–10 часов и совершая до пяти сложнейших операций ежедневно. Результаты были блестящими, слухи о сибирском чудотворце распространились очень широко. Лечение раненых епископ совмещал с архиерейским служением. В 1943 г. он был назначен управляющим Красноярской епархией, а в феврале 1944 г. переведен в Тамбов, стал архиепископом Тамбовским и Мичуринским, одновременно работал в местных госпиталях. Награда в декабре 1945 г. медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» и Сталинская премия 1-й степени вряд ли соответствовали подвигу врача-хирурга и архиепископа, причисленного в 2000 г. Русской Православной церковью к лику святых.

На Балтике прекрасно воевал, но крупно проштрафился капитан 3-го ранга А. И. Маринеско. Изрядно выпив с товарищами-офицерами в ресторане порта Турку (Финляндия), он остался ночевать у хозяйки заведения и появился на своей базе только на третий день. Преступление полагалось «смыть кровью». 13 января 1945 г. «штрафники» вышли в море и после длительных поисков обнаружили в районе Данцигской бухты немецкий суперлайнер. 30 января «Вильгельм Густлов» был потоплен торпедной атакой подлодки «С-13». Вместе с ним на дно пошли свыше 5 тыс. германских солдат и офицеров, в том числе и около 1300 высококвалифицированных подводников для укомплектования 80 экипажей субмарин. Это потопление приравнивают к гибели нескольких «Титаников». После потопления суперлайнера на подлодке еще был неизрасходованный торпедный боезапас, который позволил потопить 10 февраля еще один крупный транспорт «Генерал фон Штойбен» с 3,6 тыс. солдат и офицеров вермахта. Реакцией Гитлера на потерю «Вильгельма Густлова» были приказания: «Расстрелять командира конвоя! Советского командира подлодки приговорить к смерти! Это личный мой враг, враг рейха! И траур! Трехдневный траур по всей Германии!..». По приказу Черчилля подводнику был прижизненно установ-

лен памятник в музее военно-морского флота в Портсмуте «за срыв блокады Великой Британии». В родной стране из-за строптивости характера подводник был удостоен звания Героя Советского Союза в 1990 г., много лет спустя после смерти, последовавшей в 1963 г. Общее водоизмещение судов, потопленных подводными лодками, которыми командовал А. И. Маринеско, составило пятую часть водоизмещения вражеских судов, уничтоженных подводниками в Балтийском море. Количество уничтоженных фашистов, приходящихся на каждого члена экипажа подлодки, также поражает воображение. Особенно если учесть, что выведение из строя каждого солдата вермахта на советско-германском фронте требовало ратного труда в среднем четырех вооруженных людей.

Дерзкие подвиги совершали и советские военнослужащие, оказавшиеся в германском плену. Например, 13 июля 1944 г. самолет старшего лейтенанта М. П. Девятаева был сбит, летчик попал в плен и оказался в концлагере на острове Узедом. 8 февраля 1945 г. группа из 10 советских военнопленных, смертельно рискуя, захватила немецкий бомбардировщик «Хейнкель 111». Девятаев сумел поднять его в воздух и после двух часов полета посадить в расположении советских войск. Сразу же после побега летчик и весь его экипаж подверглись, как говорил позднее Девятаев, «довольно жесткой проверке». С 1946 г. уволенный в запас летчик работал в Казанском речном порту. К сожалению, его подвиг тоже не был своевременно оценен. Лишь 15 августа 1957 г. ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

В мае 1945 г. СССР выходил из войны не только с радостью победы и надеждой его народов на лучшее будущее. И не только с новыми территориальными приобретениями. Но и с деформированной экономикой, с однобоким развитием военно-промышленного комплекса, с нарушенной социальной структурой общества, с еще более ущербной, чем до войны, социальной сферой и подорвавшим свои силы народом. Вместе с тем этот выход был сопряжен и с укorenившейся привычкой начальства действовать приказами и принуждением, с нетерпимостью к инакомыслию, излишней уверенностью в неисчерпаемости сил и ресурсов страны. Многие оказались во власти победной эйфории и полагали, что вышедшая в центр Европы многомиллионная Красная Армия «свободно могла железной лавой прокатиться до Атлантического океана». Эйфорией были захвачены не только рядовые участники войны, но и известные военные деятели, например, Буденный. Жуков предлагал Сталину: путь открыт, можно идти до Ла-Манша. Ответом было: «Это была бы авантюра. Наш народ истекает кровью, в армии осталось немного солдат, которые два или три раза не прошли бы через госпиталь. А Америка за океаном только набирает силы... Конфликт с ней стал бы бесконечным и бесперспективным». К началу послевоенного периода на долю США приходилось примерно 50% мирового промышленного производства, 35% мирового экспорта товаров, более 50% золотого запаса. За годы войны реальная заработная плата в США выросла на 50%, а потребление продовольствия на душу населения увеличилось на 15–25%.

СССР В ГОДЫ ПОСЛЕВОЕННОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ. 1945–1953

---

§ 1. Внешняя и внутренняя политика в послевоенный период

Начало «холодной войны». Послевоенная жизнь в СССР во многом определялась изменениями внешнеполитических условий развития страны. Народ возвращался к миру с надеждой не только на лучшую жизнь в своей стране, но и на согласие, расширение связей с бывшими союзниками по войне. Большая его часть, окрыленная гордостью за свою державу-победительницу, испытывала ощущение непобедимости, возможности утверждения, по меньшей мере, в Европе, праведных коммунистических идей.

Население в целом и после войны продолжало верить в мудрость И. В. Сталина. Советские люди поддерживали возглавляемые им партию, правительство. Все это отразилось на выборах в высшие органы власти в феврале 1946 г. Отвечая на чаяния сограждан, Сталин в предвыборных заявлениях подтвердил довоенный курс на построение полного социализма в ближайшие 15–20 лет, утверждая при этом, что коммунизм в одной стране построить можно, особенно в такой, как СССР. Для начала, считал он, надо в ближайшие три пятилетки втрое поднять уровень промышленности. Это послужило бы гарантией «от всяких случайностей».

Вместе с тем он хорошо представлял соотношение потенциалов СССР и капиталистического мира и не разделял чрезмерных иллюзий насчет быстрых побед на международной арене. Согласно его выступлениям, не предназначенным для печати (апрель 1945 г.), через 15–20 лет следовало ожидать непрямого возобновления войны между СССР и капиталистическими странами. В то же время в сталинском окружении, как свидетельствовал Н. С. Хрущев, были надежды на то, что Европа, «пережив катастрофу Второй мировой войны, станет советской». В частности, полагали, «что послевоенная Германия устроит революцию и создаст пролетарское государство... были такие же надежды в отношении Франции и Италии». И действительно, огромный вклад СССР в победу вызвал всплеск симпатий в мире не только к СССР (к концу войны число стран, установивших с ним дипломатические отношения,

выросло с 26 до 52) но и к социализму. Численность компартий за годы Второй мировой войны увеличилась на Западе почти втрое. В 1945–1947 гг. коммунисты входили в правительства 13 буржуазных государств мира, в Италии и Франции они были близки к приходу к власти.

Относительная сплоченность держав-победительниц после войны наблюдалась недолго. Она проявилась при создании Организации Объединенных Наций на конференции в Сан-Франциско в июне 1945 г.; во время Нюрнбергского процесса 1945–1946 гг., покаравшего главных немецких военных преступников; при подписании мирных договоров государств — победителей во Второй мировой войне с пятью бывшими союзницами гитлеровской Германии: Италией, Финляндией, Болгарией, Венгрией и Румынией. Договоры были подписаны 10 февраля и вступили в силу 15 сентября 1947 г. после их ратификации СССР, США, Великобританией и Францией.

Однако по ряду других важных вопросов согласовать позиции не удавалось. Руководители США полагали, что со временем весь мир будет жить по американским принципам. Уверенность опиралась на мощный экономический потенциал государства, выросший за годы войны в полтора раза. Производство промышленной продукции в США за эти годы увеличилось в 2,5 раза и было в 5 раз больше, чем в СССР. Выпуск сельскохозяйственной продукции возрос на 36%. У Соединенных Штатов уже к концу 1945 г. был сделан запас в 196 атомных бомб, которых не было в СССР.

«Холодная война» началась в декабре 1945 г. с поручения президента Г. Трумэна госсекретарю Д. Бирнсу проводить «жесткую политику в отношении СССР», ее окончание провозглашено 1 февраля 1992 г. после переговоров президентов Б. Н. Ельцина и Дж. Буша в Кэмп-Дэвиде. Это была реакция Запада во главе с США на революционные процессы и рост советского влияния в мире. Одним из главных ее выражений стала идеологическая конфронтация проамериканского и просоветского блоков государств.

Особую подозрительность в отношении СССР демонстрировал У. Черчилль, руководитель Великобритании, теряющей лидерство в мире. Еще весной 1945 г. он предложил командующему британскими войсками в Германии фельдмаршалу Б. Монтгомери собирать немецкое оружие для вооружения пленных немцев в случае, если русские не остановятся в Берлине и продолжат поход на Запад.

В начале апреля 1945 г. объединенный штаб планирования военного кабинета Великобритании получил задание Черчилля на разработку операции «Немыслимое» против войск Красной Армии. Начало военных действий приурочивалось к 1 июля 1945 года. В них должны были принять участие американские, британские, канадские силы, польский экспедиционный корпус и 10–12 немецких дивизий, которые сохраня-

лись нерасформированными в Шлезвиг-Гольштейне и в южной Дании. Война не началась из-за того, что имперский генеральный штаб пришел к выводу о неосуществимости операции ввиду превосходства сил Красной Армии. В 1946 г. Великобритания все еще пыталась втянуть в реализацию «Немыслимого» американцев и канадцев. В речи в Вестминстерском колледже города Фултон (США, штат Миссури, 5 марта) Черчилль в присутствии американского президента заявил, что «Советская Россия хочет... безграничного распространения своей силы и своих доктрин», и призвал противопоставить этому силу «братской ассоциации народов, говорящих на английском языке».

Такие призывы находили отклик в США, где уже в 1945 г. также началась разработка планов ведения войны против СССР (к декабрю составлен план бомбардировки промышленных центров СССР и трассы Транссибирской магистрали атомными бомбами). Однако в сентябре 1946 г. генерал Д. Эйзенхауер и фельдмаршал Б. Монтгомери пришли к выводу, что если Советская Армия предпримет в Европе наступление, западные союзники не в силах будут его остановить. План операции «Немыслимое» был отправлен в архив. Инициатива в разработке новых планов войны против СССР перешла к США, в дальнейшем — к НАТО.

К нашим дням известно о ряде американских планов применения атомных бомб в войне против СССР. По плану «Флитвуд» (сентябрь 1948 г.) предполагалось одновременно сбросить на 70 городов 133 атомные бомбы (8 на Москву, 7 на Ленинград), а в случае затягивания войны использовать до 200 бомб, которые, по расчетам, привели бы к разрушению 40% промышленности СССР, гибели 7 млн человек. План «Тройан» (конец 1949 г.) предусматривал применение 300 атомных бомб против 100 городов. По плану «Дропшот» (начало 1950 г.) войну предполагалось выиграть за 2–4 недели интенсивных ядерных ударов; результат виделся в оккупации территории СССР сухопутными силами и ее расчленении на 5 зон.

Послевоенная политика США в отношении СССР определялась задачей не допустить дальнейшего расширения сферы влияния Советского Союза. Концепция «сдерживания социализма» была впервые изложена американским дипломатом Дж. Ф. Кеннаном в феврале 1946 г. и получила политическое воплощение в «доктрине Трумэна», обнародованной на заседании Конгресса 12 марта 1947 г. Согласно доктрине, мир в целом должен был принять американскую систему, а Соединенные Штаты обязаны вступать в бой с любым революционным движением, любыми притязаниями Советского Союза. В соответствии с доктриной была оказана широкомасштабная помощь странам Европы, которая поставила их экономику в зависимость от США и фактически закрепила американскую гегемонию в мире (осуществлялась в соответствии

с программой, выдвинутой государственным секретарем США Дж. К. Маршаллом в июне 1947 г. и вступившей в действие в апреле 1948 г.). Эту же цель преследовало создание военно-политических союзов стран во главе с США, направленных против СССР, размещение у его границ сети военных баз, поддержка антисоциалистических сил внутри стран советского блока. В апреле 1953 г. доктрину «сдерживания» сменила еще более агрессивная доктрина «отбрасывания коммунизма» к его прежним границам (официально провозглашена президентом Д. Эйзенхауэром). Выдвигая ее в качестве альтернативы «сдерживанию коммунизма», государственный секретарь США Дж. Ф. Даллес предлагал бороться за «освобождение» Восточной Европы методами, «близкими к настоящей войне — войной политической, психологической и пропагандистской».

В информационно-психологическом отношении «холодную войну» подогревали радиостанции — британская Би-Би-Си, американская «Голос Америки», начавшие вещание на СССР соответственно в апреле 1946 и феврале 1947 г. В 1950 г. к ним присоединилась государственная американская радиостанция «Свободная Европа», в 1953 г. — «Свобода» со штаб-квартирой в Мюнхене. Все эти радиостанции, в русских редакциях которых работали российские эмигранты первой волны и советские невозвращенцы, вели свои передачи в духе наступательного антикоммунизма, апологетики либерализма и западной демократии. С апреля 1949 г. СССР был вынужден вести дорогостоящую работу «по забивке антисоветского радиовещания», которая, однако, не могла полностью заглушить «вражеские голоса».

Конфронтация сторон начала отчетливо проявляться в связи с обсуждением «плана Маршалла» на совещании министров иностранных дел Великобритании, Франции и СССР летом 1947 г. в Париже. Заинтересованность в нем проявили и страны Центральной Европы. Однако условия для осуществления плана, выдвинутые В. М. Молотовым на совещании и не допускавшие диктата США, не были приняты. В связи с этим СССР, «страны народной демократии» и Финляндия отказались от участия в нем. Примкнувшие к плану Маршалла 16 стран получили за четыре года его осуществления помощь в виде поставок товаров массового потребления на 12,4 млрд долларов США. Важнейшим политическим условием получения американской помощи стало требование удаления коммунистов из правительств стран-реципиентов. Требование было выполнено уже в 1947 г. Реализация плана фактически завершила раздел сфер влияния в Европе.

1947 год стал переломным и в оформлении просоветского блока государств. И. В. Сталин надеялся, что в условиях, когда на конференциях «Большой тройки» де-факто признан послевоенный раздел мира на сферы интересов великих держав, социалистические преобразова-

ния в Восточной Европе пройдут постепенно и без ухудшения отношений с союзниками. Эти надежды не оправдались. Коммунистические правительства сразу после освобождения от оккупантов были созданы лишь в Югославии и Албании. В Восточной Европе процесс шел сложнее. Приход коммунистов к власти в этих странах был осуществлен в два этапа.

Первый продлился до середины 1947 г. Основной моделью государственного устройства была «народная демократия», в основе которой лежала концепция «национальных путей к социализму», опиравшаяся на признание постепенного поступательного движения к новому строю путем эволюционного развития. Такой процесс ориентировался на гражданский мир и широкий межклассовый союз, исключал гражданскую войну и «диктатуру пролетариата». В экономике отрицалась советская практика насильственной экспроприации частной собственности. Но «холодная война» внесла существенные коррективы в эти планы. С середины 1947 г. ситуация в Европе сместилась вправо. Коммунисты потеряли свои позиции во Франции, Италии и Финляндии. Коммунистическое Сопротивление потерпело поражение в Греции. Боясь потерять свое влияние в Восточной Европе и стремясь оградить ее от американского влияния, СССР взял курс на форсирование здесь социально-экономических и политических преобразований.

Преобразования восточноевропейских стран по советской модели означали отставку коалиционных правительств «народного фронта» и выдвижение к руководству коммунистов. В ноябре 1946 г. такое правительство во главе с Георгием Димитровым сформировано в Болгарии. В январе 1947 г. президентом и председателем Государственного совета Польши стал председатель ЦК Польской объединенной рабочей партии Болеслав Берут. В августе 1947 г. коммунистический режим был установлен в Венгрии, в декабре — в Румынии, в феврале 1948 г. — в Чехословакии. Вместе с СССР, Монголией, Северной Кореей, Северным Вьетнамом и Китаем все эти страны составили единый социалистический лагерь или, как стали говорить позднее, мировую систему социализма. Однако в этой системе, как показала дальнейшая ее судьба, далеко не все было благополучно. Внутрипартийная борьба за власть нередко выдвигала на первые посты далеко не самых умных и тонких политиков, да и действия советских коллег в этих странах подчас ущемляли национальные чувства народов. Для координации их экономического сотрудничества в январе 1949 г. был создан Совет экономической взаимопомощи. В него вместе с СССР вошли еще пять европейских стран народной демократии (Болгария, Венгрия, Польша, Румыния, Чехословакия), а позднее Албания, Вьетнам, ГДР, Куба, Монголия. Одной из форм сплочения коммунистов социалистического лагеря и других стран Европы стал Коминформ, образованный в сентябре 1947 г.

Открытое противостояние бывших союзников по Второй мировой войне возникло летом 1948 г. Поводом послужил германский вопрос. Советское правительство пыталось не допустить раскола оккупированной Германии (в том числе из-за репараций). Американцы, англичане, а затем и французы, объединив свои зоны оккупации (в июле 1946 г. в «бизонию», в мае 1948 г. — в «тризонию»), повели дело к образованию отдельной Западной Германии. В связи с обострением отношений между СССР и западными державами Контрольный совет в Германии в марте 1948 г. прекратил свое существование. 17 июня в «тризонии» была введена особая валюта, распространявшаяся и на Западный Берлин. Пытаясь воспрепятствовать этому, Советский Союз 24 июня закрыл железнодорожное и автотранспортное сообщение с Западным Берлином. Возник острейший кризис, грозивший перерасти в полномасштабную войну. После длительных переговоров четырех держав в Нью-Йорке кризис удалось преодолеть. 12 мая 1949 г. караван украшенных цветами грузовиков с Запада, проехав по территории Восточной Германии, въехал в Берлин. Кризис ускорил образование Федеративной Республики Германии.

ФРГ возникла 20 сентября 1949 г., когда было объявлено о создании правительства во главе с К. Аденауэром в Бонне. В ответ на это 7 октября в советской зоне оккупации создана ГДР во главе с президентом В. Пиком. Раскол Германии (длился до октября 1990 г.) стал ярким проявлением разделения мира на два лагеря. Оно было закреплено образованием противостоящих военно-политических блоков. Одну сторону представляли блок НАТО, образованный в апреле 1949 г. США, Канадой и десятью западноевропейскими странами, и АНЗЮС (сентябрь 1951 г., с участием США, Австралии, Новой Зеландии). Другой стороной была Организация Варшавского договора, образованная в мае 1955 г. В нее вошли СССР, Болгария, Венгрия, ГДР, Польша, Румыния, Чехословакия и Албания (последняя не участвовала в работе организации с 1962 г. и вышла из договора в 1968 г.).

В 1948 г. произошел раскол в советско-югославских отношениях. Причиной стало негативное отношение Сталина к стремлению компартии Югославии занять руководящее положение на Балканах. Его раздражала независимость И. Б. Тито, который оспаривал принадлежность Триеста Италии, юга Каринтии — Австрии и части Македонии — Греции, разрабатывал планы присоединения к своей стране Албании. В конце 1947 г. Тито объявил о решении начать поэтапное осуществление федерации, в которой сначала объединились бы Югославия и Болгария, а в последующем и другие страны. Подразумевалось, что Югославия явилась бы ядром федерации, а Тито — лидером нового объединения. 28 января 1948 г. «Правда» осудила идею об «организации федерации или конфедерации Балканских и придунайских стран, включая сюда Польшу, Чехословакию, Грецию». Утверждалось, что названным стра-

нам не нужна никакая искусственная федерация. 10 февраля Сталин созвал советско-болгарско-югославское совещание, на котором, вопреки высказанному ранее мнению, стал настаивать на создании болгаро-югославской федерации, рассчитывая с помощью болгар получить возможность контролировать действия Белграда. 1 марта Югославия отклонила советское предложение. Тито вывел из своего правительства министров, поддерживавших это предложение, и отказался предстать в качестве обвиняемого перед Коминформом. 29 июня Коминформ осудил «неправильную линию» югославского руководства и обратился к «здоровым силам» югославской компартии с призывом «сменить нынешних руководителей КПЮ и выдвинуть новое интернационалистское руководство». Этим же днем пленум КПЮ осудил резолюцию Информбюро. Его сторонники (таких в КПЮ нашлось 55 тысяч, около 12% всех коммунистов) были исключены из партии, из них более 16 тыс. арестованы и заключены в спецлагеря. В результате СССР аннулировал экономические соглашения с Югославией и 25 октября 1949 г. разорвал с нею дипломатические отношения. В ноябре 1949 г. в «Правде» была помещена очередная резолюция Коминформа. Ее заголовок гласил: «Югославская компартия во власти убийц и шпионов». В итоге нормальных дипломатических и экономических отношений с Югославией долгое время не имел не только СССР, но и другие страны соцлагеря.

В результате поражения во Второй мировой войне Япония утратила свои позиции в Корее (с 1905 г. она находилась под протекторатом Японии, с 1910 г. была ее колонией). В освобожденной советскими войсками северной части страны в 1946 г. под руководством Трудовой партии Кореи (лидер Ким Ир Сен) была осуществлена народно-демократическая революция. К югу от 38-й параллели с сентября 1945 г. функционировала американская военная администрация. В мае 1948 г. здесь была образована Республика Корея со столицей в Сеуле, опиравшаяся на поддержку США. В противовес этому в Пхеньяне в сентябре 1948 г. была провозглашена Корейская Народно-Демократическая Республика. Оккупационные войска СССР из Кореи были выведены в декабре 1948 г., войска США — в июне 1949 г.

После образования КНР (1 октября 1949 г.) между советским и китайским руководством установились самые дружественные отношения. 14 февраля 1950 г. обе страны подписали договор о дружбе, союзе и взаимной помощи, содержавший взаимные гарантии по оказанию военной помощи в случае, «если одна из сторон подвергнется нападению Японии или ее союзников». После переговоров лидеры СССР и Китая согласились оказать помощь руководству Северной Кореи во главе с Ким Ир Сеном вооруженным путем воссоединить страну.

29 июня 1950 г. войска КНДР вторглись на юг и к середине сентября освободили почти всю территорию страны. Южнокорейцы обратились за помо-

щью к американцам. США возложили ответственность за эту войну на СССР и заявили, что с ним «нельзя вести переговоры, пока он не согласится со своим поражением на всех фронтах холодной войны». Совет Безопасности ООН единогласно (СССР бойкотировал его в знак протеста против участия в нем Тайваня вместо КНР) обвинил КНДР в агрессии и санкционировал военную поддержку Южной Кореи войсками ООН, на 2/3 представленными американцами. Под флагом ООН в войне принимали участие войска Австралии, Бельгии, Великобритании, Греции, Турции, Франции и др.

Советский Союз оказывал КНДР помощь вооружением и специалистами. Важную роль в отражении американской агрессии сыграли советские летчики и зенитчики. С ноября 1950 г. непосредственное участие в боях принимал советский 64-й истребительный корпус, численность которого в 1952 г. достигала 26 тыс. человек. Советские летчики, которых водили в бой опытные участники Великой Отечественной войны во главе с И. Н. Кожедубом, сбили 1309 самолетов противника (еще 212 были уничтожены огнем зенитной артиллерии), потеряв при этом 335 своих самолетов. С октября 1950 г. в войне участвовали китайские добровольцы. Вооруженное противостояние в Корее продолжалось до стабилизации фронта по 38-й параллели. 28 июля 1953 г. удалось достичь перемирия, по которому между КНДР и Республикой Корея была образована демилитаризованная зона шириной в 4 км.

Война принесла неисчислимые страдания корейскому народу и многочисленные людские потери. Авиация США беспощадно превращала в руины города и села КНДР, сбросив на них больше бомб, чем на Германию и Японию за годы Второй мировой войны. Американцы потеряли в этой войне 57 тыс. военнослужащих, их союзники из 15 государств — 3,1 тыс., южнокорейская армия — 1,3 млн, северокорейская — 520 тыс., китайская — 900 тыс. Потери мирного населения Кореи — около 3 млн человек. В боях погибли 315 советских военнослужащих.

Корейская война продемонстрировала превосходство советской авиации над американской. Знаменитые американские «сверхкрепости» (бомбардировщики «Боинг-29», прототип советского ТУ-4, серийно выпускавшегося с осени 1947 г.) оказались беззащитными против пушек советского реактивного истребителя МИГ-15. Изобретенная молодым летчиком-инженером В. В. Мацкевичем портативная радиолокационная станция «Сирена» обеспечила превосходство наших истребителей и над американскими «Сейбрами». Все это во многом предопределило решение руководства США не начинать в тогдашних условиях ядерную войну против СССР.

Корея осталась разделенной. Такая же участь постигла и Вьетнам. После освобождения этой страны от японских оккупантов в ее северной части в результате Августовской революции 1945 г. была провозглашена Демократическая Республика Вьетнам, правительство которой возглавил лидер патриотического фронта Хо Ши Мин. Независимость вьетнамского народа отстаивалась в войне, которую повели против ДРВ французские войска из южных районов Вьетнама. Война длилась более 10 лет и была прекращена после ряда серьезных поражений французов. Она завершилась заключением Женевских соглашений 1954 г. Вьетнам оставался разделенным демаркационной линией, к югу от которой в 1956 г. была создана Республика Вьетнам, опиравшаяся на поддержку США.

Обстановка «холодной войны» не позволила Советскому Союзу своевременно прекратить состояние войны с Японией. Американско-английский проект мирного договора с этой страной был подготовлен без участия СССР и рассматривался на сан-францисской конференции в сентябре 1951 г. Глава советской делегации А. А. Громыко внес ряд поправок и дополнений к проекту договора, предусматривавших, в частности, признание суверенитета СССР над южной частью Сахалина и Курильскими островами и отказ Японии от всех прав, правооснований и претензий на эти территории. США при поддержке своих союзников добились в сентябре 1951 г. подписания договора без учета советских требований и поправок, который вступил в силу 28 апреля 1952 г. СССР, Польша и Чехословакия его не подписали. Согласно договору, Япония отказывалась от всех своих захватов, в том числе сделанных до Второй мировой войны. Отказывалась она и от претензий на Курильские острова и Южный Сахалин. Тем самым их отход к СССР явно подразумевался. Однако в договоре умалчивалось о возвращении этих территорий СССР. Таким образом, в 1951 г. была создана формальная «небрежность» в признании законных прав СССР на Курильские острова и был порожден длящийся до сих пор территориальный спор с Японией.

Впрочем, глава Советского государства не был склонен драматизировать ситуацию. В книге «Экономические проблемы социализма в СССР» он писал: «Чтобы устранить неизбежность войн, надо уничтожить империализм». В свете такого вывода территориальные споры представлялись мелочью. В январе 1951 г. Сталин заявил, что в течение ближайших четырех лет существует возможность установить социализм по всей Европе. С начала 1950-х годов быстрыми темпами велось сооружение аэродромов на Чукотке, Камчатке на случай войны с Соединенными Штатами. Весной 1952 г. принято решение о формировании в СССР 100 дивизий реактивных бомбардировщиков и выпуске сверхплана более 10 тыс. этих боевых машин. С ликвидацией ядерной монополии США и опережением СССР в работах над созданием термоядерного оружия опасность нападения США на СССР была отодвинута. В 1949 г. при вручении наград атомщикам И. В. Сталин сказал: «Если бы мы опоздали на один-полтора года с атомной бомбой, то, наверное, попробовали бы ее на себе».

Новому обострению отношений между СССР и США во многом способствовали принятое американским Конгрессом в октябре 1951 г. решение об ассигновании до 100 млн долларов на использование в подрывной работе против социалистического лагеря проживавших там лиц (в частности спланированная А. Даллесом операция под названием «Расщепляющий фактор») и воинственные призывы Д. Эйзенхауэра к «освобождению» Восточной Европы в ходе предвыборной президентской кампании 1952 г. В непосредственной связи с этими актами следует рас-

смагивать спровоцированные американскими спецслужбами аресты и обвинения в национализме, заговорщической деятельности, шпионаже в пользу США заместителя председателя Совета министров Народной Республики Болгария и секретаря ЦК Болгарской компартии Трайчо Костова (май 1949), министра внутренних дел Венгрии Ласло Райка (июнь 1949), министра государственной безопасности СССР Виктора Абакумова (июль 1951), генерального секретаря Польской компартии Владислава Гомулки (август 1951), генерального секретаря Компартии Чехословакии Рудольфа Сланского (ноябрь 1951), а также группы «врачей-убийц» из 9 человек в СССР (январь 1953 г.).

С 1953 г. усилия американских спецслужб по развалу СССР осуществлялись в соответствии с планом «Лиоте» — постоянно действующей тайной операцией, названной по имени французского маршала, в свое время командовавшего войсками в Алжире и отличившегося приказанием высадить вдоль дорог пальмы, которые спасали бы от жары. Его не смущало, что деревья растут долго. «Ничего, — говорил он, — через 50 лет меня вспомнят». Эта же идея лежала и в основе плана «Лиоте»: «Сейчас начинаем, а через 50 лет возможен успех».

Переход к мирному строительству, изменения в структурах власти. Главной задачей внутренней политики СССР в послевоенные годы было восстановление народного хозяйства. Оно началось еще в 1943 г. и расширялось по мере изгнания оккупантов. Сразу же после победы над Германией ГКО постановил перевести часть оборонных предприятий на выпуск товаров для населения. Пересмотрен был государственный бюджет на III и IV кварталы 1945 г. и на 1946 г. Предусматривалось сокращение ассигнований на военные нужды и увеличение расходов на развитие гражданских отраслей экономики. В августе 1945 г. Госплан СССР получил задание подготовить проект плана восстановления и развития народного хозяйства. Выпуск военной продукции в 1945 г. был сокращен на 31% по сравнению с 1944 г.

В июне 1945 г. принят закон о демобилизации тринадцати возрастов личного состава армии. 17 июля на Белорусский вокзал Москвы прибыли первые эшелоны с демобилизованными, которых встречали тысячи горожан с цветами. В 1947 г. демобилизация в основном завершилась, к мирной жизни вернулись 8,5 млн человек. Численность Красной Армии сократилась с 11,4 млн человек (май 1945 г.) до 2,9 млн (конец 1948 г.).

В соответствии с задачами мирного времени после войны была проведена реорганизация ряда наркоматов. В 1946 г. наркомат боеприпасов стал Министерством сельскохозяйственного машиностроения, наркомат минометного вооружения — Министерством машиностроения и приборостроения, наркомат танковой промышленности — Министерством транспортного машиностроения. Создавались новые министер-

ства — промышленности средств связи; медицинской промышленности и др. Возобновлению нормального режима труда способствовала отмена обязательных сверхурочных работ, восстановление восьмичасового рабочего дня и ежегодных оплачиваемых отпусков.

4 сентября 1945 г. был упразднен ГКО. Основные функции по управлению страной сосредоточились в руках Совнаркома. 10 февраля 1946 г. состоялись выборы в Верховный Совет СССР второго созыва. Как и до войны, в бюллетени вносились фамилии предварительно согласованных во всех инстанциях кандидатов в депутаты. В марте 1946 г. открылась первая сессия нового Верховного Совета СССР. На ней утвердили пятилетний план восстановления и развития народного хозяйства на 1946–1950 гг., сформировали новое правительство. На пост Председателя Президиума избран Н. М. Шверник, а М. И. Калинин с почестями отправлен на пенсию. 15 марта принят закон о преобразовании Совнаркома в Совет министров СССР. Новое наименование шло в русле возвращения от революционной символики к традиционной российской. Незадолго до этого была осуществлена реформа органов военного управления. 25 февраля 1946 г. был упразднен наркомат Военно-морского флота (образован в декабре 1937 г.), военно-морские силы включены в состав наркомата Вооруженных сил СССР, Красная Армия переименована в Советскую Армию.

В 1945–1952 гг. роль Политбюро как генератора политического курса по сравнению с предвоенным временем заметно снизилась. За эти годы состоялось только два его заседания с протоколами, в остальных случаях решения принимались опросом. Сталин возглавлял Совмин СССР и в официальных случаях именовался «Глава Советского Государства». Функции партийных и государственных органов переплетались все теснее. Внутри Политбюро сложился узкий круг приближенных к Сталину лиц (в разное время так называемые «пятерка», «шестерка», «семерка», «восьмерка», позже — «девятка» руководителей). С марта 1946 г. в состав «семерки» входили Сталин, Молотов, Берия, Микоян, Маленков, Жданов, Вознесенский. На «ближний круг» замыкались вопросы внешней политики и внешней торговли, госбезопасности, вооружения и функционирования армии, другие вопросы государственного управления.

Совет министров с февраля 1947 г. был разбит на восемь бюро, каждое из которых координировало родственные министерства и ведомства. Председателями бюро стали Маленков, Вознесенский, Сабуров, Берия, Микоян, Каганович, Косыгин, Ворошилов. В аппарате ЦК партии остались только два управления: кадров, агитации и пропаганды, а также два отдела — оргинструкторский и внешней политики; отраслевые отделы были ликвидированы. В публичных выступлениях упоминание о «руководящей роли Коммунистической партии» звучало сравнительно реже. В феврале 1946 г. Сталин заявил, что единственная разница меж-

ду коммунистами и беспартийными состоит в том, что первые являются членами партии, а вторые нет, что тоже воспринималось как снижение авангардной роли партии.

Разногласия, имевшиеся в руководстве СССР при определении наметок плана 4-й пятилетки, вызывались различием представлений об основных тенденциях послевоенного развития. А. А. Жданов, Н. А. Вознесенский и ряд других деятелей считали, что с возвращением к миру в капиталистических странах наступит экономический кризис, усилятся межимпериалистические противоречия и конфликты. Это сулило ослабление угрозы СССР со стороны западных держав и позволяло отказаться от традиционной политики форсированного развития тяжелой промышленности, остановиться на сравнительно либеральных вариантах плана, в большей мере опираться на экономические рычаги (цены, стоимость, кредит, прибыли) в дальнейшем развитии народного хозяйства.

Маленков, Берия и другие больше полагались на экономические оценки и прогнозы академика Е. С. Варги и не исключали способности капитализма справиться с внутренними противоречиями. С этой точки зрения послевоенная международная обстановка виделась крайне тревожной, наличие у противника атомной бомбы делало ее еще мрачнее. Отказ от дальнейшего форсированного развития индустриальных и оборонных отраслей и от командно-административных методов руководства экономикой исключался. Развитие событий оправдывало прогнозы политических «ястребов».

Соратники И. В. Сталина, занимавшие ключевые посты в партийных и государственных структурах власти, были вовсе не единой и однородной командой, как могло казаться в свете показного почитания и словословий, расточавшихся в адрес лидера. Стремясь закрепить свою власть, они в определенном отношении выступали единой командой, но в других — не брезговали древнейшими методами политической интриги. Победы и поражения в невидимой для населения страны борьбе за выход на ближайшие подступы к власти позволяют различать три этапа в почти восьмилетнем послевоенном сталинском руководстве. Рубежами между ними выступают март 1949 г. и июль 1951 г.

Преследование военачальников, руководителей военной промышленности. На первом этапе Сталин несколько дистанцировался от наиболее влиятельных в годы войны членов ГКО и постарался обезопасить властный Олимп от возможных покушений со стороны генералитета, вышедшего из войны в ореоле спасителей Отечества. К концу войны Советские Вооруженные Силы имели в своих рядах 12 маршалов Советского Союза, 3 главных маршала и 12 маршалов родов войск, специальных войск, 2 адмирала флота. В августе 1944 г. в Красной Армии, без ВМФ, НКВД и НКГБ, насчитывалось 2952 генерала, из которых 1753 получили генеральские звания в период войны.

Под пристальным вниманием сразу же после войны оказался Г. К. Жуков. 27 июня 1945 г. он пригласил на дачу под Москвой знатных гостей. Среди них были военачальники С. И. Богданов, В. В. Крюков с женой, прославленной исполнительницей русских народных песен Л. А. Руслановой, А. В. Горбатов, В. И. Кузнецов, В. Д. Соколовский, К. Ф. Телегин, И. И. Федюнинский, В. И. Чуйков. Продолжая праздновать победу, они всячески превозносили вклад в нее Жукова, говорили о нем как о победителе Германии. А на следующий день с записями разговоров был ознакомлен Сталин, и это стало одной из первых причин его послевоенного недовольства маршалом.

Западная пропаганда подогревала подозрения в советских верхах в отношении военных, утверждая, что они выступят на ближайших выборах в Верховные Советы союзных республик с альтернативными списками кандидатов в депутаты. Выдвижение на самые высшие посты в государстве прочили Г. К. Жукову. Полководец оправдывал эти ожидания и подозрения самостоятельностью и независимостью в действиях, проявлением явного непочтения к одному из тогдашних фаворитов Сталина министру госбезопасности В. С. Абакумову, не особенно скрываемым желанием видеть себя на посту министра обороны.

Для компрометации полководца было использовано так называемое «дело авиаторов». Командующий Военно-воздушными силами Советской армии А. А. Новиков и нарком авиационной промышленности А. И. Шахурин, по показаниям арестованного в начале 1946 г. маршала авиации А. С. Худякова, были обвинены в приеме на вооружение самолетов и моторов с производственными дефектами, что вело к большому числу катастроф. На основе сфабрикованных в ведомстве В. С. Абакумова материалов Новиков, Шахурин и пятеро их подчиненных были осуждены на разные сроки лишения свободы. Тень пала и на Маленкова с Берией, отвечавших за работу авиационной промышленности. Во время следствия были также получены показания о попытках Жукова «умалить руководящую роль в войне Верховного Главнокомандования».

Весной 1946 г. были арестованы 74 генерала и офицера Группы советских войск в Германии по обвинениям в растрате фондов и вывозе для себя из Германии и Австрии разного имущества, мебели, картин, драгоценностей. Но вскоре в обвинениях стал фигурировать антигосударственный заговор военных во главе с Жуковым.

Г. К. Жуков был отозван с руководящих постов в Германии, где его заменил возведенный в маршальское звание В. Д. Соколовский, а затем (с марта 1949 г. по март 1953 г.) генерал армии В. И. Чуйков. В марте 1946 г. Жуков получил назначение на пост главнокомандующего Сухопутными войсками Советской Армии и заместителя министра обороны СССР. А 1 июня 1946 г. состоялся разбор «дела Жукова» на заседании Высшего военного совета с участием маршалов Советского Союза и

родов войск. Обвинения против него поддержали члены Политбюро Г. М. Маленков и В. М. Молотов. Однако маршалы И. С. Конев, А. М. Василевский, К. К. Рокоссовский, П. С. Рыбалко, хотя и отметили недостатки характера обвиняемого, ошибки в его работе, твердо стояли на том, что заговорщиком он быть не может. «Он патриот Родины, и он убедительно доказал это в сраженьях Великой Отечественной войны», — утверждал маршал Рыбалко. Обсуждение закончилось выводом Сталина: «А все-таки вам, товарищ Жуков, придется на некоторое время покинуть Москву». Внешне казалось, что он не желал идти из-за маршала на конфликт с членами Политбюро.

3 июня 1946 г. Жуков получил назначение на пост командующего Одесским военным округом. Однако этим дело не закончилось. Против него выдвигались новые обвинения, в частности, в присвоении и вывозе из Германии для личных нужд большого количества различных ценностей. В феврале 1947 г. его вывели из числа кандидатов в члены ЦК, в январе 1948 г. назначили на командование менее значимым Уральским военным округом. Сталин, сложивший с себя обязанности министра Вооруженных сил СССР, передал их сначала Н. А. Булганину (март 1947 г.), затем А. М. Василевскому (март 1949 г.). Последний исполнял их до марта 1953 г.

В феврале 1950 г. из Министерства вооруженных сил СССР были выделены Военно-морские силы и образовано Военно-морское министерство (министры — И. С. Юмашев, Н. Г. Кузнецов), а Министерство Вооруженных сил переименовано в Военное министерство. 15 марта 1953 г. оно вновь объединено с Военно-морским министерством в одно — Министерство обороны СССР, просуществовавшее до 26 декабря 1991 г. Опала Жукова закончилась летом 1951 г., а на XIX съезде партии его вновь избрали кандидатом в члены ЦК.

Жертвами интриг после войны стали и другие представители генералитета. Г. И. Кулик и В. Н. Гордов изобличены как «сторонники реставрации капитализма в СССР»; флотоводцы Н. Г. Кузнецов, Л. М. Галлер, В. А. Алафузов, Г. А. Степанов обвинены в том, что в рамках соглашений об обмене военно-технической информацией передали союзникам во время войны документацию на парашютную торпеду; Кузнецов был понижен в звании, остальные приговорены к различным срокам заключения. Репрессиям подверглись В. В. Крюков и его жена.

Маршал артиллерии Н. Д. Яковлев (начальник Главного артиллерийского управления в годы войны, а с 1948 г. заместитель военного министра) постановлением Совмина «О недостатках 57-мм автоматических зенитных пушек С-60» снят с поста и арестован по обвинению во вредительстве (февраль 1952 г.). Вместе с ним были арестованы начальник ГАУ И. И. Волкотрубенко и заместитель министра вооружения И. А. Мирзаханов. Но за 15 с лишним месяцев следствие так и не выявило фактов, которые могли бы дать основание для их осуждения.

Новая расстановка сил в Политбюро. Уже к концу войны становились заметными изменения в расстановке сил в самом Политбюро ЦК. Явно ослабевали позиции старших по политическому возрасту соратников Сталина. Л. М. Каганович снят с поста наркома путей сообщения как «не сумевший справиться с работой в условиях военной обстановки» (март 1942 г.). К. Е. Ворошилов выведен из ГКО (1944). В. М. Молотов был резко осужден за санкцию на публикацию речи Черчилля в советской печати, обещания ослабить цензуру (декабрь 1945 г.) и даже за согласие в 1946 г. на избрание почетным членом АН СССР, в котором Сталин увидел умаление достоинства «государственного деятеля высшего типа». Главной причиной отстранения Молотова от власти было, видимо, намерение Сталина со временем переложить на него ответственность за неудачный союз с Германией и катастрофическое начало Великой Отечественной войны. Особое недовольство вызвано тем, что он не удержал собственную супругу «от ложных шагов и связей с антисоветскими еврейскими националистами».

«Дело авиаторов» пошатнуло позиции Г. М. Маленкова. 6 мая 1946 г. вышло постановление Политбюро, в первом пункте которого утверждалось: «Установить, что т. Маленков, как шеф над авиационной промышленностью и по приему самолетов — над военно-воздушными силами, морально отвечает за те безобразия, которые вскрыты в работе этих ведомств (выпуск и приемка недоброкачественных самолетов), что он, зная об этих безобразиях, не сигнализировал о них в ЦК ВКП(б)». Второй пункт постановления гласил: «Признать необходимым вывести т. Маленкова из состава Секретариата ЦК ВКП(б)». Утратив секретарский пост он тем не менее остался одним из заместителей Председателя Совета Министров и членом Политбюро (избран в марте 1946 г.). 13 мая 1946 г. он возглавил Специальный комитет по реактивной технике и первые месяцы опалы был сосредоточен на его проблемах.

Как некоторое умаление власти Берии следует рассматривать его перемещение с поста министра внутренних дел на пост председателя Специального комитета при ГКО по руководству «всеми работами по использованию внутриатомной энергии урана». На эту должность он был назначен 20 августа 1945 г.; на посту министра в декабре 1945 г. его заменил С. Н. Круглов. Оставаясь в Политбюро, Берия и Маленков пользовались любой возможностью для дискредитации Жданова и его выдвиженцев Н. А. Вознесенского (председатель Госплана СССР), А. А. Кузнецова (секретарь ЦК), М. И. Родионова (председатель Совмина РСФСР).

Неблагоприятно для «ленинградцев» развивались события на международной арене. Вопреки их предположениям, противоречия между социализмом и капитализмом проявились в большей мере, чем внутри ведущих капиталистических стран. Объективно виноватыми они оказались

и в том, что в подведомственном Жданову Ленинграде был проявлен либерализм в отношении поэтессы А. Ахматовой и писателя М. Зощенко.

Главным прегрешением Ахматовой было то, что она в ноябре 1945 г. несколько раз без санкции властей встречалась с Исайей Берлиным, вторым секретарем британского посольства в СССР, известным литературоведом (в 1920 г. десятилетним мальчиком был увезен родителями из Петербурга в Англию). Они беседовали не только о поэзии, Достоевском, Джойсе и Кафке, но и о гибели Н. Гумилева и О. Мандельштама, о расстрелах в лагерях. В то же время с оптимизмом смотрели в будущее, отводя в нем не последнюю роль и себе. «Он не станет мне милым мужем, / Но мы с ним такое заслужим, / Что смутится Двадцатый Век», — написала позднее Ахматова о Берлине. Недовольство Сталина было вызвано также восторженным приемом, оказанном Ахматовой 3 апреля 1946 г. в Колонном зале Дома Союзов на вечере встречи с ленинградскими поэтами. Вечер был проведен в нарушение касающегося Ахматовой негласного постановления 1925 года: не арестовывать, но и не печатать. У Зощенко «недостатки» оказались еще существеннее. Недоброжелатели Жданова играли на том, что сатирические произведения писателя использовались в годы войны Геббельсом для уничижительных оценок русского человека.

Проигрыш «ленинградцев» явственно обозначился 1 июля 1948 г. в связи с возвращением из опалы Маленкова и назначением его на пост секретаря ЦК. Внезапная смерть Жданова 31 августа 1948 г. ускорила разгром «ленинградцев». В начале 1949 г. от обязанностей секретаря ЦК был освобожден Кузнецов, из Политбюро вывели Вознесенского. Падение «ленинградцев» еще больше ослабило позиции «старой гвардии» — Молотова, Микояна, Андреева, которые нередко поддерживали их в решении политических вопросов. В марте 1949 г. Молотов утратил пост министра иностранных дел (назначен А. Я. Вышинский). Микоян (связанный родственными отношениями с Кузнецовым) был освобожден от обязанностей министра внешней торговли. Смещение Молотова, остававшегося в сознании народных масс вторым лицом в государстве, фактически означало лишение его возможности наследовать высшую власть в стране в случае ухода от дел Сталина.

Период с марта 1949 г. по июль 1951 г. характеризуется резким усилением в руководстве позиций Маленкова и Берии (шансы последнего подкреплялись успешным испытанием атомной бомбы), приближением к властному Олимпу Н. С. Хрущева (в декабре 1949 г. избран первым секретарем МК и МГК, секретарем ЦК партии). Параллельно происходило укрепление позиций заместителя председателя Совмина СССР Н. А. Булганина. В феврале 1948 г. он был переведен из кандидатов в члены Политбюро, а в феврале 1951 г. утвержден председателем бюро Совмина по военно-промышленным и военным вопросам.

«Ленинградское дело». В 1949 г. по сфабрикованному при активном участии Маленкова «ленинградскому делу» началось уголовное

преследование большой группы руководителей. Первые аресты произведены в августе. Обвинялись А. А. Кузнецов, М. И. Родионов, П. С. Попков в проведении в Ленинграде Всероссийской оптовой ярмарки без специальной санкции правительства, Н. А. Вознесенский — в умышленном занижении государственных планов, фальсификации статистической отчетности и утере секретных документов. Очевидно, что в связи с арестами «преступников» столь высокого ранга в январе 1950 г. восстановлена смертная казнь, отмененная 26 мая 1947 г.

Подоплека преследований «ленинградцев» хорошо представлена в подготовленном Маленковым и Берией проекте закрытого письма Политбюро членам и кандидатам в члены ЦК от 12 октября 1949 г.: «Можно считать установленным, что в верхушке бывшего ленинградского руководства уже длительное время сложилась враждебная партии группа... С одним из руководящих членов этой группы Капустиным, как выяснилось теперь, во время пребывания его в 1936 г. в Лондоне установила связь английская разведка. Сейчас стало очевидным, что Кузнецов А. и Попков имели сведения об этом, но скрыли их от ЦК... Во вражеской группе Кузнецова неоднократно обсуждался и подготавливался вопрос о необходимости создания Российской коммунистической партии большевиков... и ЦК РКП(б) и о переносе столицы РСФСР из Москвы в Ленинград. Эти мероприятия Кузнецов и др. мотивировали в своей среде клеветническими доводами, будто бы ЦК ВКП(б) и Союзное правительство проводят антирусскую политику и осуществляют протекционизм в отношении других народов за счет русского народа». Большую долю ответственности Маленков и Берия возлагали и на покойного Жданова.

На еще одну причину подозрительности Сталина в отношении «ленинградцев» указывается в книге А. И. Микояна «Так было. Размышления о минувшем» (1999). «Ленинградцы» были якобы «недовольны засильем кавказцев в руководстве страны и ждали естественного ухода из жизни Сталина, чтобы изменить это положение, а пока хотели перевести Правительство РСФСР в Ленинград, чтобы оторвать его от московского руководства». П. С. Попкову припоминали, что он в разговорах со «встречными и поперечными» «агитировал» за создание, по образцу других союзных республик, компартии России со штаб-квартирой в Ленинграде, за перевод туда правительства РСФСР. О Вознесенском говорили как о будущем председателе Совета министров РСФСР, о Кузнецове — как о первом секретаре ЦК КП РСФСР, о Жданове — как о генеральном секретаре. У обвиняемых были и другие прегрешения, но главные, «и “кавказцы”, и желание отдалить руководство России от руководства СССР были рассчитаны на Сталина: он охотно клевал на такие вещи». И тут он легко поддался внушению: «Если из его рук уходит

российская партия и российская государственность, то он остается генералом без армии». Так или иначе, но Сталин не дал своей санкции на рассылку письма Маленкова и Берии от октября 1949 г., однако карательную машину против «ленинградцев» не остановил.

В конце сентября 1950 г. обвиняемые предстали перед судом. Средства массовой информации о нем ничего не сообщали, чтобы не давать повода для слухов о расколе в руководстве страны. После расстрелов 26 главных обвиняемых (1 октября 1950 г.) последовала «чистка», закончившаяся увольнением с работы и осуждением 69 руководителей, обязанных своим выдвижением ленинградской партийной организации, и 145 их близких и дальних родственников. Из 214 осужденных 36 работали в Ленинградском обкоме и горкоме партии, в областном и городском исполкомах, 11 занимали руководящие посты в других обкомах партии и облисполкомах. 9 — в райкомах и райисполкомах Ленинградской области.

Проигрыш «ленинградцев» обусловлен отнюдь не тем, что их противники оказались более искусными в интригах и аппаратных комбинациях. В более широком плане он означал поражение направления в руководстве страной, ориентированного на первоочередное решение внутренних политических, экономических и гражданских проблем — смещение приоритетов хозяйственного развития в сторону группы «Б», решение проблем политического образования и культуры, подготовку новых Конституции и Программы партии. Одновременно это было победой направления, связанного с руководством военно-промышленным комплексом и делавшего ставку на его всемерное развитие как главного инструмента в сражениях на фронтах «холодной войны» и, в конечном счете, на достижение мирового господства под флагами социализма и коммунизма.

«Дела» МГБ и Еврейского антифашистского комитета. С арестом министра государственной безопасности В. С. Абакумова (июль 1951 г.) начался этап подготовки более радикальных изменений в руководстве страной. Министр МГБ, бывший главным исполнителем расправы над «авиаторами», Жуковым, «ленинградцами», видимо, не вполне устраивал Сталина как организатор расследования «преступлений» Еврейского антифашистского комитета.

Преследования комитета перешли в активную фазу со времени гибели (январь 1948 г.) его руководителя С. М. Михоэлса, подозревавшегося в попытках использовать дочь Сталина Светлану и ее мужа Г. И. Морозова в корыстных интересах евреев. Особое негодование Сталина вызвало то, что по каналам еврейского комитета в США транслировались слухи о его виновности в гибели (1932) жены Надежды Сергеевны, других родственников. В этой связи арестованы в конце 1947 г. два сотрудника академических институтов, «изобличившие» родственников Сталина по линии жены — А. С. Аллилуеву, Е. А. Аллилуеву, ее второго мужа Н. В. Молочникова и

дочь от первого брака К. П. Аллилуеву как источник «клеветнических измышлений по адресу членов правительства». Михоэлс был «изобличен» как «еврейский националист» и распространитель этих измышлений.

С деятельностью ЕАК было решено покончить после приезда в Москву в сентябре 1948 г. израильского посланника Голды Меерсон (Меир, с 1956 г.). Произошло это после ряда восторженных встреч, устроенных посланнице недавно возникшего государства Израиль (провозглашено 14 мая 1948 г. на основе решения Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1947 г.). Израиль сразу же установил самые тесные отношения с США. Особую настороженность вызывала готовность многих советских евреев переселиться на историческую родину или отправиться добровольцами на войну израильтян с арабами. Все это расценено как измена социалистической Родине. Не нравились Сталину и дружеские отношения, завязавшиеся у Меерсон с женой Молотова П. С. Жемчужиной.

Советское руководство пыталось удержать Израиль в орбите своего влияния, помогая оружием, а также беспрецедентным предложением переселить палестинских арабов-беженцев (свыше 500 тыс.) в советскую Среднюю Азию и создать там арабскую союзную республику или автономную область. Его сделал осенью 1948 г. в Совете Безопасности ООН советский представитель Д. З. Мануильский. Однако это не вызвало ожидаемой реакции.

Еврейский «национализм», как и в случае с другими наказанными народами, было решено покарать. 28 ноября 1948 г. Политбюро ЦК постановило «немедля распустить» ЕАК. Вскоре были арестованы 14 членов его президиума и активистов, в число которых входили поэты Д. Р. Бергельсон, Л. М. Квитко и П. Д. Маркиш; С. Л. Брегман, заместитель министра Госконтроля РСФСР; В. Л. Зускин, занявший пост Михоэлса в еврейском театре; И. С. Фефер, секретарь ЕАК; Б. А. Шимелиович, главный врач Центральной клинической больницы имени С. П. Боткина; академик Л. С. Штерн, руководительница Института физиологии Академии медицинских наук; И. С. Юзефович, младший научный сотрудник Института истории АН СССР. Аресту подверглись также бывший заместитель министра иностранных дел и начальник Совинформбюро С. А. Лозовский, отвечавший за работу комитета по линии государственных структур, и П. М. Жемчужина, оказывавшая протекцию комитету.

В. С. Абакумов проявил медлительность в организации расследования «дела ЕАК». (Оно завершено уже без его участия летом 1952 г.) Появились подозрения, что делает он это намеренно. Такое предположение высказано 2 июля 1951 г. в письме следователя по особо важным делам МГБ СССР М. Д. Рюмина на имя Сталина, которое готовилось с помощью аппарата Маленкова. В нем утверждалось, что Абакумов сознательно тормозил расследование дела «еврейского националиста», врача Я. Г. Эттингера, что позволяло якобы получить сведения о масштабной вредительской деятельности врачей.

Немедленно созданная постановлением Политбюро комиссия в составе Маленкова, Берии, заместителя председателя Комиссии партийного контроля при ЦК партии М. Ф. Шкирятова, представителя ЦК в

МГБ С. Д. Игнатъева (министр госбезопасности с августа 1951 г.) должна была проверить изложенные Рюминым факты. Так зародилось «дело врачей-отравителей», будто бы погубивших членов Политбюро А. С. Щербакова, А. А. Жданова и намеревавшихся известить других высших руководителей страны, привести к власти Абакумова с заговорщиками из руководимого им министерства.

Правдоподобность существования заговора обосновывалась показаниями арестованного заместителя начальника следственной части по особо важным делам МГБ полковника Л. Л. Шварцмана, оговорившего многих своих коллег по репрессивному ведомству и признавшегося в самых невероятных собственных преступлениях, включая ярый национализм, организацию убийства Кирова, гомосексуализм, инцест, в явном расчете на то, что его сочтут сумасшедшим. Однако судебно-психиатрическая экспертиза признала Шварцмана вменяемым. Часть его показаний признана настолько существенной, что дело Абакумова впрямь именовалось делом Абакумова–Шварцмана.

В раскручивании дела использовались письма заведующей отделением лечебно-санитарного управления Кремля Л. Ф. Тимашук, по недавним еще представлениям давшие толчок «делу врачей», в которых отстаивался правильный диагноз смертельного заболевания Жданова. Письма стали поводом для дискредитации возглавлявшего почти четверть века личную охрану Сталина генерал-лейтенанта Н. С. Власика, и А. Н. Поскребышева, члена ЦК, бессменного заведующего канцелярией руководителя партии с августа 1935 г.

Для Сталина версия о заговоре в МГБ стала большой находкой. Используя жупел национализма и сионизма, можно было не только окончательно устранить от власти Молотова, Ворошилова, Микояна, Кагановича, Андреева и многих других партийных и государственных деятелей, имевших родственные связи в еврейской среде, но и указать на них, как на причину отсутствия заметных улучшений в материальной и духовной жизни народа-победителя.

Кадровые перестановки, оформленные после XIX съезда партии на пленуме ЦК 16 октября 1952 г., положили начало процессу обновления руководящих кадров. Если по решению предшествующего съезда в Политбюро было 9 членов и 2 кандидата, а в Секретариате 4 члена, то новый состав Президиума ЦК КПСС (новое название высшему органу партийной власти дал XIX съезд) включал 25 членов и 11 кандидатов, Секретариат — 10 членов. Расширение этих структур мотивировалось упразднением существовавшего прежде Оргбюро ЦК.

Новый ареопаг становился своего рода резервом для выдвижения на первый план новых властителей. На пленуме Сталин обрушился с резкой критикой на Молотова и Микояна, обвиняя их в нестойкости, трусости и капитулянтстве перед американским империализмом. Как

грубая политическая ошибка было расценено стремление Молотова быть «адвокатом незаконных еврейских претензий на наш Советский Крым». Принародно выражено политическое недоверие Ворошилову. В образованном на пленуме, но не предусмотренном Уставом партии бюро Президиума ЦК, помимо Сталина, значились только Берия, Булганин, Каганович, Маленков, Сабуров и Хрущев. Представительство «старой партийной гвардии» в ближайшем окружении Сталина сводилось к минимуму.

«Мингрельское дело». В ноябре 1951 г. начало рассматриваться еще одно «дело», чреватое важными политическими последствиями. Было принято постановление «О взяточничестве в Грузии и об антипартийной группе Барамия», в котором утверждалось, что в этой республике вскрыта мингрельская националистическая организация, которую возглавлял секретарь ЦК КП Грузии М. И. Барамия. Новое постановление ЦК (от 27 марта 1952 г.) о положении дел в Компартии Грузии «уточняло», что нелегальная националистическая группа «ставила своей целью отторжение Грузии от Советского Союза». По этому «делу» арестованы как «буржуазные националисты» 7 из 11 членов бюро ЦК КП Грузии, 427 секретарей обкомов, горкомов и райкомов партии. Арестован весь партийный актив Мингрелии. В одном из докладов Сталину по этому «делу» Рюмин и Игнатъев изложили подозрения министра государственной безопасности Грузии Н. М. Рухадзе в адрес Берии, который якобы скрывал свое еврейское происхождение и тайно готовил заговор против Сталина. Таким образом, «мингрельское дело» могло обернуться и против «самого большого мингрела». Позднее, будучи арестованным, Берия отмечал в письме от 28 июня 1953 г. благотворительную роль Маленкова в своей судьбе, «особенно когда хотели меня связать с событиями в Грузии».

Скорее всего Берия не оставался безучастным к надвигавшейся опасности. Незадолго до марта 1953 г. оказались арестованными Поскребышев и Власик, неприязненно относившийся к Берии. 15 февраля 1953 г. скончался полный сил комендант Кремля генерал-майор П. Е. Косынкин, назначенный Сталиным на эту должность из своей охраны. Оставаясь на своих постах, они вряд ли позволили бы проявить медлительность в оказании медицинской помощи сраженному инсультом Сталину, какую продемонстрировали Берия, Маленков и Хрущев. По их распоряжению врачи были вызваны к постели больного только через 10 часов после обнаружения его охраной лежащим на полу в одной из комнат подмосковной Ближней дачи в полупарализованном состоянии.

«Дело врачей» приобрело зримые очертания в ноябре 1952 г., когда на Лубянке оказались начальник Лечебно-санитарного управления

Кремля П. И. Егоров, известные профессора медицины В. Н. Виноградов, В. Х. Василенко, М. С. Вовси, Б. Б. Коган. Сталин был недоволен нерешительностью министра Игнатъева, приказал отстранить от дела одного из главных его вдохновителей — Рюмина, который, видимо, опасаясь участи Ягоды, Ежова, Абакумова, явно умерил свой пыл. 15 ноября вместо Рюмина был назначен новый следователь по «делу врачей» — заместитель министра госбезопасности С. А. Гоглидзе. Вскоре врачи «дали» нужные показания.

Вопросы о вредительстве в лечебном деле и положении в МГБ были вынесены на обсуждение Президиума ЦК КПСС. Заседание состоялось 1 декабря 1952 г. Судя по дневниковым записям члена Президиума ЦК В. А. Малышева, Сталин говорил: «Чем больше у нас успехов, тем больше враги будут стараться нам вредить. Об этом наши люди забыли под влиянием наших больших успехов, появилось благодушие, ротозейство, зазнайство. Любой еврей-националист — это агент американской разведки. Еврей-националисты считают, что их нацию спасли США (там можно стать богачом, буржуа и т. д.). Они считают себя обязанными американцам. Среди врачей много евреев-националистов. Неблагополучно в ГПУ (используется одно из старых названий органов МВД и МГБ. — *Авт.*) притупилась бдительность. Они сами признаются, что сидят в навозе, в провале. Надо лечить ГПУ». Лечить принялись безотлагательно.

Уже 4 декабря в постановлении ЦК партии вина за деятельность «врачей-отравителей» возлагалась на Абакумова и Власика. Снят с поста министр здравоохранения Е. И. Смирнов. Принято также постановление «О положении в МГБ», в котором отмечалось, что «партия слишком доверяла и плохо контролировала» его работу, указывалось на необходимость «решительно покончить с бесконтрольностью в деятельности органов».

9 января 1953 г. бюро Президиума ЦК обсудило проект сообщения ТАСС об аресте группы «врачей-вредителей». 13 января появилась «хроника ТАСС» о раскрытии органами госбезопасности «террористической группы врачей, ставящих своей целью путем вредительского лечения сократить жизнь активным деятелям Советского Союза». В числе ее участников были названы девять человек. Шестеро из них были евреями по национальности, трое — русскими. 22 февраля по всем областным управлениям МГБ разослан приказ, предписывавший немедленно уволить из МГБ сотрудников еврейской национальности. Однако до суда над «врачами-отравителями» дело не дошло. «Дело врачей», по словам Л. М. Кагановича, «пошло на убыль само собой» еще при Сталине. После 25 февраля 1952 г. в СССР была приглушена антиссионистская и антиамериканская риторика. Объяснение видится в публично данном этим днем согласия президента США Эйзенхауэра на встречу со Сталиным. Оно могло быть расценено как поворот США к более реалистичной по-

литике в отношении стран социалистического лагеря, делающий излишним продолжение демонстрации утрашения в отношении прозападнически настроенной еврейской диаспоры этих стран.

Тем не менее, открытие советскими властями в послевоенные годы неожиданного и неприятного факта возросших прозападных симпатий среди граждан еврейского происхождения, которые расширяли возможности их использования в интересах американской стратегии, обусловило политику, направленную на дальнейшее сокращение доли евреев в советской номенклатуре.

По данным статистического сборника о руководящих кадрах партийных, советских, хозяйственных и других органов, подготовленного в 1952 г. по указанию Маленкова, количество евреев-руководителей среди руководящих кадров центрального аппарата министерств и ведомств СССР и РСФСР сократилось с начала 1945 г. до начала 1952 г. с 516 до 190 человек (с 12,9% до 3,9% в общей массе руководителей этого звена, насчитывающей 4 тыс. человек в 1945 г. и 4,9 тыс. в 1952 г.). Среди руководителей предприятий и строек (около 4,2 тыс. человек) доля евреев за этот же период снизилась — с 11,2 до 4,6%, среди директоров промышленных предприятий (около 2 тыс. человек) — с 12,3 до 4,6%, среди руководителей НИИ, КБ и проектных организаций (около 430 человек в 1945 г. и 1 тыс. в 1952 г.) — с 10,8 до 2,9%, среди руководящих кадров центральной печати (около 300 человек в 1945 г. и 480 в 1952 г.) — с 10,7 до 5,4%, среди руководителей вузов и партшкол (около 730 человек в 1945 г. и 1900 в 1952 г.) — с 10,9% до 3,1%. В то же время доля евреев среди секретарей обкомов, крайкомов и ЦК компартий союзных республик (около 770 человек в 1945 г. и 1000 в 1952 г.) сократилась с 1,3 до 0,1%, доля евреев среди наиболее многочисленной когорты руководителей основных окружных, городских и районных советских и хозяйственных учреждений и организаций (свыше 50 тыс. в 1945 г. и около 57 тыс. в 1952 г.) снизилась с 2,8 до 2,2%.

Смерть Сталина. Передел власти. В ночь с 28 февраля на 1 марта 1953 г. И. В. Сталина сразил удар. Диагноз прибывших на дачу 2 марта главного терапевта Минздрава СССР профессора П. Е. Лукомского, академиком АМН А. Л. Мясникова, Е. М. Тареева и других был установлен быстро: инсульт с кровоизлиянием в мозг. 3 марта врачам стало ясно, что смерть неизбежна. По радио передали правительственное сообщение о болезни Председателя Совета Министров СССР и секретаря Центрального Комитета КПСС. 5 марта в 21 час 50 минут Сталин умер. Миллионы советских людей были искренне опечалены утратой, но многие связывали с ней и надежды на лучшую жизнь.

С этой смертью заканчивалась одна из наиболее противоречивых эпох отечественной истории. Эпоха, вобравшая в себя героизм, энтузиазм, социальное творчество масс, форсированную модернизацию страны, победу в Отечественной войне и утверждение крайне жестких ко-

мандных методов их достижения; прорывы к демократии и насаждение культа личности вождя, безжалостно уничтожавшего не только политическую оппозицию, но зачастую и ростки здравого инакомыслия.

Гигантское разнообразие мнений и оценок исторической роли И. В. Сталина до сих пор не позволяет прийти к какому-то единому мнению. Очевидно, однако, что посмертный суд над Сталиным, начатый по инициативе Л. П. Берии, а затем Н. С. Хрущева, и попытки оценить его роль только негативно и даже полностью вычеркнуть это имя из истории не удаются.

Пожалуй, наибольшей сбалансированностью отличается характеристика Сталина, данная премьер-министром Великобритании, ярким противником коммунистических идей У. Черчиллем, который по случаю 80-летия Сталина говорил, что «он был выдающейся личностью, импонирующей жестокому времени... В его произведениях всегда звучала исполинская сила. Эта сила настолько велика в Сталине, что он казался неповторимым среди руководителей государств всех времен и народов... Он был непревзойденным мастером находить в трудную минуту путь выхода из самого безвыходного положения... Сталин был величайшим, не имеющим себе равных диктатором. Он принял Россию с сохой, а оставил оснащенной атомным оружием. Нет! Что бы ни говорили о нем, таких история и народы не забывают». После распада СССР, когда появилась возможность сравнивать различные периоды в истории страны, стали говорить, что сталинская эпоха была «подобна взрыву сверхновой звезды, на затухающем импульсе которого мы двигались почти сорок лет».

5 марта в 20 ч 40 мин (более чем за час до смерти Сталина) в Кремле закончилось совместное заседание членов ЦК, Президиума ВС СССР, министров правительства. Л. П. Берия от имени бюро Президиума ЦК предложил избрать на пост Председателя правительства Г. М. Маленкова. Собрание единогласно поддержало предложение. Пакет новых кадровых назначений далее собранию предлагал уже новый глава Совмина. На посты первых заместителей Предсовмина выдвинуты Л. П. Берия, В. М. Молотов, Н. А. Булганин и Л. М. Каганович. Председателем Президиума ВС СССР предложено избрать К. Е. Ворошилова, а освобождающегося от этого поста Н. М. Шверника — председателем ВЦСПС. Предлагалось также объединить ряд министерств, в том числе слить МГБ с МВД и назначить главой укрупненного министерства Берию. На пост министра иностранных дел выдвинут Молотов, министра Вооруженных сил — Булганин, министра внутренней и внешней торговли — Микоян. Здесь же было решено иметь в ЦК партии вместо Президиума и бюро Президиума один орган — Президиум, «как это определено Уставом». В его состав предложили 11 человек вместо избранных ранее 25.

Членами Президиума ЦК были избраны Сталин, Маленков, Берия, Молотов, Ворошилов, Хрущев, Булганин, Каганович, Микоян, Сабуров, Первухин. Секретарями ЦК вместо одиннадцати прежних стали четверо: Н. С. Хрущев, С. Д. Игнатьев, П. Н. Поспелов, Н. Н. Шаталин. Хрущев среди них был единственным членом Президиума ЦК. Постановление совещания было объявлено 7 марта (уже без имени Сталина среди членов Президиума ЦК). Новая конфигурация власти определилась. На самый верх властной пирамиды возвращены представители потесненной Сталиным старой гвардии. Значительная часть сталинских выдвиженцев октября 1952 г. (за исключением Сабурова, Первухина, Поспелова, Шаталина) свои позиции утратила. На заседании объявлено о поручении Маленкову, Берии и Хрущеву привести в должный порядок документы и бумаги Сталина, что было своеобразным индикатором принадлежности к подлинной власти в послесталинском СССР.

Что касается причин смерти Сталина, то многие историки склонны считать, что она стала следствием заговора ряда лиц из его ближайшего окружения с неизменным участием министра Игнатьева. Берия приспосабливал эту заслугу себе. 1 мая 1953 г. он говорил на трибуне Мавзолея Молотову так, чтобы слышали стоявшие рядом Хрущев и Маленков: «Я всех вас спас... Я убрал его очень вовремя». Эта версия получила широкое хождение. К примеру, в мае 1964 г. первый секретарь ЦК Албанской компартии Энвер Ходжа резко осуждал советских лидеров, которые «имеют наглость открыто рассказывать, как это делает Микоян, что они тайно подготовили заговор, чтобы убить Сталина». Хрущев на митинге 19 июля 1964 г. в честь венгерской партийно-правительственной делегации свою филиппику в адрес Сталина закончил недвусмысленным заявлением: «В истории человечества было немало тиранов жестоких, но все они погибли так же от топора, как сами свою власть поддерживали топором».

Наиболее существенной в новой конфигурации власти является полная «реабилитация» совсем было оттесненных от нее Ворошилова, Микояна, Молотова, Кагановича. Молотов, имевший большой запас политического опыта и пользовавшийся большой популярностью в стране, объективно становился возможным кандидатом на пост председателя правительства, который он занимал с декабря 1930 г. по май 1941 г. Это проявилось в событиях 1957 г.

§ 2. Восстановление и развитие народного хозяйства. Изменения в социальной сфере

Восстановление и развитие промышленности. Утвержденный в марте 1946 г. план 4-й пятилетки предусматривал восстановление разрушенного войной народного хозяйства, а также увеличение выпуска

промышленной продукции по сравнению с довоенным уровнем на 48%, сельскохозяйственной — на 27%. Одной из первоочередных задач пятилетки было «обеспечение технического прогресса во всех отраслях». На Западе этот план посчитали нереальным. Известные экономисты предрекали, что только на восстановление советской экономики потребуется 40–50 лет. С особым скепсисом за рубежом отнеслись к заявлению Вознесенского о том, что «Россия, используя преимущества советской системы, может опередить капиталистические страны на всех путях прогресса, включая и технологию».

Тем временем далекий от мрачных политических интриг и прогнозов народ напряженно трудился над восстановлением мирной жизни страны. Труд народа, талант организаторов производства, ученых и конструкторов обеспечили выполнение и перевыполнение плановых заданий пятилетки как раз в тех областях экономики, где западные скептики ожидали этого меньше всего. Конверсия промышленности (перевод на выпуск мирной продукции), сопровождавшаяся сокращением объемов производства на 17%, завершилась в 1946 г. Еще около года понадобилось, чтобы вывести экономику на довоенные уровни выпуска промышленной продукции. С октября 1947 г. страна уже наращивала предвоенный уровень, через 4 года и 3 месяца выполнила плановые задания и к концу пятилетки увеличила выпуск промышленной продукции на 73% по сравнению с 1940 г. За пятилетку пущено 6200 восстановленных и вновь построенных предприятий. Это были феноменальные темпы развития.

В соответствии с планом, первоочередное внимание уделялось развитию отраслей тяжелой промышленности. Сюда направлялись значительные финансовые средства, материальные и трудовые ресурсы. Уже в 1946 г. вошли в строй действующих восстановленные Макеевский труболитейный, Днепродзержинский азотно-туковый, Рижский электромашиностроительный, Минский станкостроительный заводы. Восстанавливались предприятия металлургической промышленности (Запорожсталь и Азовсталь), угольные шахты Донбасса. Одновременно создавались новые угольные районы, расширялась металлургическая база на востоке страны. Новые гиганты индустрии возникли на Урале, в Сибири, республиках Закавказья и Средней Азии (Закавказский металлургический завод, Усть-Каменогорский свинцово-цинковый комбинат, Кутаисский автомобильный завод). Построены Калужский турбинный, Коломенский завод тяжелого станкостроения, Рязанский станкостроительный.

Большой объем индустриальных работ осуществлен в республиках и областях, включенных в состав СССР накануне войны. В западных областях Украины, республиках Прибалтики созданы новые промышленные отрасли, в частности, газовая и автомобильная, металлообраба-

тывающая и электротехническая. В Западной Белоруссии получили развитие электроэнергетика и торфяная промышленность. В 1946–1950 гг. вступили в строй газопроводы Саратов – Москва, Кохтла-Ярве – Ленинград.

Особое внимание уделялось наращиванию производства электроэнергии. В 1945 г. восстановлена Волховская ГЭС, начаты работы по восстановлению Дубровской, Свирской и других электростанций в Ленинградской области. Быстрыми темпами восстанавливался ДнепрогЭС, крупнейшая электростанция Европы. Уже в 1947 г. станция дала первый ток, а к концу пятилетки заработала на полную мощность. Начали действовать Рыбинская и Сухумская гидроэлектростанции. Построены Нижнетурильская и Щекинская государственные районные электростанции (ГРЭС). В конце 1940-х годов в СССР для производства электричества решили использовать атомную энергию, начато строительство атомной станции в Обнинске (Калужская обл.). Электровооруженность труда в промышленности к концу пятилетки в полтора раза превзошла уровень 1940 г.; предприятия оснащались новой технологией, увеличилась механизация трудоемких процессов.

Важными событиями послевоенной экономической жизни стали открытие в 1948 г. крупного нефтяного месторождения нефти в Татарии – Ромашкинское (к 1965 г. в Татарии добывалось около 32% общесоюзной нефти) и ввод в строй 7 ноября 1949 г. первой нефтяной скважины на Каспийском море (к 1953 г. их было уже несколько десятков). В угольной промышленности были сделаны серьезные шаги по завершению механизации подземной транспортировки угля, по переводу машин и механизмов на автоматическое и дистанционное управление. Большими успехами увенчались работы по автоматизации на электростанциях и электросетях. К 1950 г. были автоматизированы агрегаты на более чем 65% ГЭС. К 1953 г. работа 25% ГЭС переведена на телемеханическое управление.

В августе 1950 г. опубликованы правительственные решения о начале строительства Сталинградской и Куйбышевской ГЭС на Волге. В сентябре объявлено о начале строительства Каховской ГЭС на Днепре, главного туркменского оросительного канала Аму-Дарья – Красноводск длиной 1100 км, Южно-Украинского и Северо-Крымского оросительных каналов. Вместе с планом создания полезащитных полос грандиозные гидроосоружения в печати стали именовать «великими стройками коммунизма».

Важнейшее место в послевоенный период отводилось оборонной промышленности и в первую очередь – решению атомной проблемы. Импульс этой работе был придан в августе 1945 г. образованием Специального комитета при ГКО по реализации советского аналога американского «уранового проекта».

В комитет вошли государственные деятели Л. П. Берия (председатель), Г. М. Маленков, Н. А. Вознесенский, физики И. В. Курчатов и П. Л. Капица, выдающиеся организаторы производства Б. Л. Ванников, А. П. Завенягин, В. А. Махнев, М. Г. Первухин. Для предварительного рассмотрения научных и технических вопросов, вносимых на обсуждение Спецкомитета, создавался Технический совет под председательством Ванникова. В него были включены академики А. И. Алиханов (ученый секретарь), А. Ф. Иоффе, П. Л. Капица, И. В. Курчатов, В. Г. Хлопин, член-корреспондент АН СССР И. К. Кикоин, профессор Ю. Б. Харитон и др.

Непосредственное руководство организациями и предприятиями, решавшими атомную проблему, осуществляло Первое главное управление при СНК, подчиненное Спецкомитету. Начальником ПГУ назначен Б. Л. Ванников. Н. А. Вознесенский обязывался организовать в Госплане управление по обеспечению заданий Спецкомитета. В постановлении ГКО подчеркивалось, что никакие организации, учреждения и лица не имеют права вмешиваться в административно-хозяйственную и оперативную деятельность ПГУ. Постановление предусматривало организацию «закордонной разведывательной работы по получению более полной технической и экономической информации об урановой промышленности и атомных бомбах». В апреле 1946 г. в системе ПГУ было организовано КБ-11 («почтовый ящик» Арзамас-16) во главе с П. М. Зерновым и Ю. Б. Харитоновым и четкой задачей — изготовить атомную бомбу. Первоначально испытание плутониевой бомбы намечалось осуществить не позднее января, а урановой — не позднее июля 1948 г. Однако в феврале 1948 г. эти сроки пришлось перенести на март–декабрь 1949. С середины 1948 г. активно работали две группы физиков-теоретиков (одна под руководством Я. Б. Зельдовича в Институте химической физики, другая под руководством И. Е. Тамма в физическом институте АН СССР) над проблемами термоядерного взрыва.

В апреле 1946 г. в Кремле было созвано совещание, посвященное перспективам развития советской авиации. На нем была рассмотрена и утверждена динамика развития реактивного двигателестроения и самолетостроения. В результате в СССР было создано несколько конструкторских бюро, и уже в августе, в День Военно-воздушных сил опытные образцы реактивных истребителей МИГ-9 и Як-15 пролетели над Тушинским аэродромом, вскоре началось их серийное производство.

Параллельно разворачивалось ракетостроение. В апреле 1946 г. оно было выделено в самостоятельную отрасль оборонной промышленности, в следующем месяце создан Спецкомитет № 2 по реактивной технике (председатель Г. М. Маленков, затем — Н. А. Булганин). Вскоре, 18 октября 1947 г., на построенном в том же году полигоне Капустин Яр была испытана советская ракета среднего радиуса действия — копия немецкой ракеты Фау-2, воспроизведенная под руководством С. П. Королева.

Успехам в развитии ракетостроения во многом способствовала Совет главных конструкторов в ракетной технике. В Совет входили С. П. Королев (председатель), В. П. Глушко, Н. А. Пилюгин, В. П. Бармин, М. С. Рязанский, В. И. Кузнецов.

Уже в 1950 г. на вооружение был принят первый отечественный ракетный комплекс с ракетой Р-1 (стартовая масса ракеты — 13,4 т, дальность полета 270 км, снаряжение 785 кг обычного взрывчатого вещества). Ракетный комплекс Р-2 (принят в 1951 г.) имел стартовую массу 20 т, дальность — 600 км, массу боевого заряда 1008 кг. Ракетный комплекс Р-5 (принят в 1955) доставлял такой же боевой заряд на 1200 км. Его модернизация (комплекс Р-5М), принятый на вооружение в 1955 г., был первой в мировой истории военной техники ракетой-носителем ядерного заряда. В мае 1954 г. принято решение о разработке двухступенчатой баллистической ракеты Р-7, которая могла донести ядерный боевой заряд до любой точки, расположенной на территории вероятного противника.

10 июля 1946 г. при Совете министров СССР создан специальный Комитет № 3 по радиолокации, также развернувший работы по упрочению оборонного щита страны. Комитет возглавил М. З. Сабуров, он был создан на базе действовавшего с июня 1943 г. Совета по радиолокации во главе с Г. М. Маленковым.

В июле 1950 г. создается Специальное конструкторское бюро под руководством Н. А. Доллежала, ориентированное на разработку реактора для атомной электростанции. В ноябре 1952 г. вышло постановление Совмина СССР по проектированию атомной подводной лодки. Научным руководителем проекта был назначен А. П. Александров, главным конструктором атомной установки — Н. А. Доллежал, главным конструктором подлодки — В. Н. Перегудов.

Все эти проекты требовали огромных затрат и усилий. В годы Корейской войны только прямые военные расходы СССР поглощали четверть годового бюджета страны. В 1980 г., А. П. Александров, уже в ранге президента АН СССР, говорил: «Теперь можно прямо и откровенно сказать, что значительная доля трудностей, пережитых советским народом в первые послевоенные годы, была связана с необходимостью мобилизовать огромные людские и материальные ресурсы с тем, чтобы сделать все возможное для успешного завершения в самые сжатые сроки научных исследований и технических проектов для производства ядерного оружия».

Решение атомной, ракетной и других оборонных проблем велось в десятках новых закрытых городов с уникальными предприятиями, лабораториями, конструкторскими бюро. Позже эти производственные центры стали известны как Саров (Арзамас-16); Озерск (Челябинск-40); Снежинск (Челябинск-70); Новоуральск (Свердловск-44); Лесной (Свердловск-45); Трёхгорный (Златоуст-36); Заречный (Пенза-19); Приозерск (берег оз. Балхаш); Шиханы (Саратовская обл.); Камбарка

(Удмуртия); Капустин Яр (Астраханская обл.); Сунгул (Южный Урал); целые районы вокруг Красноярска, Томска, Москвы.

Основные работы по строительству предприятий атомной промышленности выполняли инженерные войска НКВД и 300 тысяч заключенных системы ГУЛАГа. С конца 1945 по август 1949 г. только Главпромстроем НКВД–МВД было построено 35 крупных специальных объектов, 5400 зданий с общей площадью 800 тыс. кв. метров. НКВД был также организатором геологической разведки и добычи ураносодержащих руд. К концу 1945 г. в СССР круглосуточно работало 12 геологоразведочных партий. В 1950 г. их было уже 270, разведку вели около 15 тысяч геологов, а суммарная длина пройденных шахт и скважин составила 1600 км. К 1948 г. на территории страны были открыты крупные месторождения урана и организована его добыча в масштабах полностью обеспечивающих потребности атомного проекта. Головным предприятием в СССР по добыче урановой руды и рафинированию (очистке) урана был комбинат № 156 в Таджикистане, куда входили 7 рудников и 5 заводов.

25 декабря 1946 г. И. В. Курчатов запустил опытный урано-графитовый реактор в Москве и осуществил на нем цепную ядерную реакцию деления. Это было событием фундаментального научного и практического значения, важнейшим этапом создания первого промышленного реактора для получения плутония. Работы по созданию опытного реактора велись с марта 1943 г., важную роль в его пуске сыграл трофейный уран. В СССР изготовление металлического урана и рабочих блоков из него для последующей загрузки в реактор осуществлялось на заводе № 12 в г. Электросталь, ставшем впоследствии лидером в производстве ядерного топлива для АЭС, атомных ледоколов и подводных лодок.

Старт работам по созданию промышленного реактора был дан 1 декабря 1945 г., когда было принято решение о создании комбината № 817 (Челябинск-40, ныне ПО «Маяк»), включавшем промышленный реактор и два завода: радиохимический (по выделению плутония из облученного в реакторе урана) и металлургический (по производству плутония и плутониевых деталей). Директором комбината был Б. Г. Музруков, научным руководителем — Н. А. Доллежалъ. Промышленный ядерный реактор был запущен в июне 1948 г., тогда же введен в эксплуатацию завод по производству плутония. Началось накапливание продукции для первого ядерного заряда. Позднее были пущены в ход новые реакторы, построенные в Челябинске-40, Томске-7, Красноярске-26.

Успешное испытание советской атомной бомбы (РДС-1, мощностью 22 килотонны тротилового эквивалента) было проведено 29 августа 1949 г. на полигоне в 170 км западнее Семипалатинска. Это была бомба, созданная на основе американской схемы. Бомбы собственной оригинальной конструкции разрабатывались с весны 1948 г. Первая из них (РДС-2, мощностью 38,3 килотонн) испытана в сентябре 1951 г., вторая

(РДС-3, мощностью 41,2 килотонн) — в октябре 1951 г. Они были почти в 2 раза легче копии американской и в 2 раза мощнее ее. К окончанию «эпохи Сталина» в СССР насчитывалось 120 ядерных бомб (в США — 1436). Первым основным носителем ядерного оружия в СССР был дальний бомбардировщик Ту-14 конструкции А. Н. Туполева. Помимо США и СССР в клуб ядерных держав позднее вошли Великобритания (1952), Франция (1960), Китай (1964), Индия и Пакистан (1998), а также ряд государств, официально не являющихся его обладателями.

Приоритетное развитие тяжелой индустрии, перераспределение средств в ее пользу способствовало решению Советским Союзом задач мирового значения. Но в то же время оно углубляло разрыв в производстве продукции групп «А» и «Б». Это была своего рода мина замедленного действия. Планы по развитию легкой и пищевой промышленности не выполнялись. Тем не менее годы первой послевоенной пятилетки стали временем начала массового выпуска ряда сложных потребительских товаров — легковых автомобилей «Победа» и «Москвич», мотоциклов, радиоприемников, телевизоров, существенно преобразивших облик городов и быт советских людей.

По новым генеральным планам развития обновлялись разрушенные войной Ленинград, Киев, Минск, Сталинград, Севастополь. В ноябре 1945 г. принято специальное решение о восстановлении 15 крупных и старейших русских городов (Новгород, Смоленск, Курск, Орел, Калинин, Великие Луки и др.). Восстанавливались пострадавшие исторические памятники и сооружения. В Москве с 1947 г. возводились помпезные «сталинские» дома, высотные здания, определившие на долгие годы новый облик столицы. К концу пятилетки введено в строй 100 млн кв. м жилья, однако до решения жилищного вопроса было еще далеко, большинство населения городов жили в коммунальных квартирах.

Восстановление промышленности и транспорта, новое индустриальное и жилищное строительство привели к росту численности рабочего класса. За годы 4-й пятилетки ряды рабочих увеличились на 8 млн человек. Общая численность рабочих и служащих в народном хозяйстве в 1950 г. достигла 40,4 млн человек. Из них в промышленности трудились 15,3 млн, на стройках — 2,6 млн, на транспорте — более 4 млн. Производственный героизм советских людей, выразившийся в многочисленных трудовых подвигах, способствовал успешному выполнению планов пятилетки. Широкую известность и поддержку в эти годы получили начинающие токарей — ленинградца Г. С. Борткевича и москвича П. Б. Быкова (скоростное резание металла); слесаря московского часового завода А. Я. Якушина; ткачих из Купавны М. И. Рожневой и Л. Ф. Кононенко (сокращение производственных потерь); помощников мастеров предприятий московской легкой промышленности В. И. Волошина (повышение культуры производства) и А. С. Чутких (движение за звание бригад от-

личного качества). Возникшие вместе с этим заорганизованность и планирование починов мало способствовали расширению самих движений.

Свой вклад в развитие народного хозяйства СССР вносили заключенные (в 1945 численность лагерников составляла 1,5 млн человек, в 1950 — 2,6 млн, в 1953 — 2,5 млн); спецпереселенцы (к концу 1940-х годов — 2,3 млн), военнопленные (1,5 млн немцев и 0,5 млн японцев). Трудом заключенных строились военные объекты, рудники, шахты, Байкало-Амурская железнодорожная магистраль, железная дорога Воркута — Салехард — Норильск. В Московской области прокладывались кольцевые бетонированные дороги в радиусе 50 и 100 км от центра столицы, связывающие 56 зенитно-ракетных комплексов, — создавалась система ПВО Москвы «Беркут» (позднее называлась С-25, разработана под руководством П. Н. Куксенко, С. Л. Берия, А. А. Расплетина). В Башкирии и Иркутске возводились крупнейшие нефтехимические комбинаты.

Существенной была роль репараций, полученных СССР от побежденной Германии на сумму 4,3 млрд долларов. В счет репараций из побежденных стран вывозилось промышленное оборудование, включая целые заводские комплексы. Этот источник позволил оснастить оборудованием значительную часть восстановленных и вновь построенных промышленных предприятий. Взимание репараций прекратилось с 1 января 1954 г.

Сельское хозяйство. Аграрный сектор экономики вышел из войны крайне ослабленным. В деревне почти на треть уменьшилось трудоспособное население. На протяжении нескольких лет сюда не поставлялась новая техника; на оккупированных территориях была уничтожена почти четверть довоенного тракторного и комбайнового парка. Недостаток техники не мог быть восполнен живой тягловой силой — поголовье лошадей в колхозах сократилось за годы войны более чем наполовину.

В отличие от 1920-х годов решено было начать восстановление хозяйства не с деревни, а с тяжелой промышленности. На село продолжали смотреть как на источник сырья, рабочих рук и хлеба для промышленности. Это означало, что помощь города ему была минимальной. Положение осложнилось тем, что 1946 г. оказался неблагоприятным по погодным условиям: сильная засуха охватила Украину, Молдавию, правобережные районы Нижнего Поволжья, Северный Кавказ, центрально-черноземные области. На востоке урон урожаю нанесли затяжные дожди. Валовой сбор зерновых в 1946 г. был в 2,2 раза меньше, чем в 1940 г. Начавшийся голод привел к гибели 770,7 тыс. человек и вызвал массовый отток сельского населения в города. Летом 1946 г. 87,8 млн человек были переведены на централизованное государственное снабжение. Крайняя острота продовольственной проблемы была снята лишь сравнительно хорошими урожаями 1947 и 1948 г.

Обязательные поставки сельхозпродуктов государству большей частью колхозов выполнялись на пределе возможного, а для многих оказывались непосильными. Как и в 1930-е годы, заготовительные цены оставались значительно ниже себестоимости, возмещая лишь небольшую часть затрат. В 1950 г. на зерновые это составляло 8 рублей за центнер при себестоимости 49. Заготовительные цены на молоко в Белоруссии возмещали колхозам четвертую часть его себестоимости, на свинину — двадцатую часть. Планы хлебозаготовок в 1944 г. выполнили 58% колхозов страны, в 1945 г. — 50, в 1946 г. — 42, в 1948 г. — 44%.

Вознаграждение за труд в колхозах носило символический характер. Это был, по сути, бесплатный труд. На предложение Молотова (конец 1946 г.) оплачивать поставки хлеба государству по более высоким ценам, «поскольку крестьяне никак не заинтересованы в производстве зерна», Сталин говорил: «У государства нет такой возможности. Делать этого не следует». Колхозники были вынуждены жить в основном за счет личных подсобных хозяйств. В годы войны эти хозяйства заметно расширились за счет колхозных земель с разрешения правлений и председателей колхозов, а в ряде случаев путем самозахвата земель. Городские жители также разбивали огороды и садовые участки на общественных землях. На территории, оказавшейся в годы войны под оккупацией на колхозных землях возникли тысячи новых хуторов, многие из которых по существу были единоличными хозяйствами. По окончании войны государство усмотрело во всем этом тенденцию к реставрации доколхозных порядков.

19 сентября 1946 г. принято правительственное постановление «О мерах по ликвидации нарушений устава сельхозартели в колхозах». В нем отмечались факты «расхищения» земель колхозов и колхозной собственности, злоупотреблений со стороны партийно-советских органов. Постановление обязывало руководителей всех уровней положить конец «извращениям и нарушениям», а виновных «привлекать к судебной ответственности». Для контроля за соблюдением устава и решения вопросов дальнейшего колхозного строительства был создан Совет по делам колхозов во главе с членом Политбюро А. А. Андреевым. Деятельность Совета и его представителей на местах способствовала наведению порядка, однако подъема хозяйств это обеспечить не могло. Отношение к индивидуальным крестьянским хозяйствам в последующем постоянно ужесточалось, налоги с приусадебных участков увеличивались.

Неурожайный 1946 г. заставил руководство страны обратить особое внимание на положение в деревне. В феврале 1947 г. вопрос о мерах подъема сельского хозяйства рассматривался на пленуме ЦК. В соответствии с его решениями был увеличен выпуск тракторов, сельскохозяйственных машин и удобрений, расширились работы по электрификации села. Это позволило к концу пятилетки создать свыше тысячи

новых МТС, обновить материально-техническую базу производства. В 1950 г. в колхозах и совхозах тракторов и комбайнов стало на 40–50% больше, чем до войны. Принятый правительством план развития сельской электрификации на 1948–1950 гг. позволил снабдить к концу пятилетки электроэнергией 15% колхозов (в 1940 г. — 4), 80% МТС и 76% совхозов. Однако в колхозах энергия использовалась пока главным образом на освещение.

20 октября 1948 г. Правительство СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О плане полезащитных лесонасаждений, внедрения травопольных севооборотов, строительства прудов и водоемов для обеспечения высоких и устойчивых урожаев в степных и лесостепных районах европейской части СССР». В его основе лежало учение В. В. Докучаева, П. А. Костычева и В. Р. Вильямса о борьбе с засухой. План был рассчитан на 1950–1965 гг., в печати тех лет он именовался «Сталинским планом преобразования природы». Из-за дороговизны план выполнялся медленно, а после смерти автора практически свернут. Тем не менее удалось внедрить государственные лесозащитные полосы длиной более 6 тыс. км; миллионы деревьев и кустарников выращивались в полезащитных полосах местного значения. Это благотворно сказывалось на урожайности.

В апреле 1949 г. принят «Трехлетний план развития общественного колхозного и совхозного продуктивного животноводства». Из-за недостатка капиталовложений выполнить его тоже не удалось. Однако к концу пятилетки производство мяса, молока и шерсти в стране в целом превысило довоенный уровень. Задел для последующего повышения продуктивности животноводства создавали достижения сельскохозяйственной науки послевоенных лет. Ученые-зоотехники разработали методы замораживания семени производителей (В. К. Милованов, И. И. Соколовская) и технику искусственного осеменения. В каракулеводстве стал использоваться метод искусственного повышения плодовитости животных (М. М. Завадовский). Были разработаны нормы кормления (М. Ф. Томмэ), методы промышленного скрещивания сельскохозяйственных животных.

На рубеже 1940–1950-х годов, в соответствии с курсом на концентрацию колхозно-совхозного производства, проведено укрупнение колхозов. С 1950 по 1953 г. их число уменьшилось с 255 до 94 тыс. К этому же времени можно говорить и о завершении коллективизации в СССР в его послевоенных границах. В 1945 г. вне колхозов оставалось 3,6 млн крестьянских хозяйств. К началу 1949 г. было коллективизировано лишь 3,8% крестьянских хозяйств Литвы, 5,5% — Эстонии и 10,2% — Латвии. К концу 1950 г. колхозный строй был введен во всех республиках, хотя часть крестьян западных областей Белоруссии и Украины, Правобережной Молдавии и республик Прибалтики продолжала оставаться вне

колхозов — от 2% (Украина) до 16,3% (Белоруссия). Понадобилось еще полтора-два года, чтобы коллективизация была практически завершена. В 1955 г. в СССР насчитывалось немногим более 100 тыс. единоличных крестьянских хозяйств, однако они составляли лишь 0,5% от 19,7 млн крестьянских дворов, объединенных в 85,7 тыс. колхозов. Коллективизация завершалась по образцам 1930-х годов, сопровождалась репрессиями и депортациями населения. Только из Прибалтики на спецпоселение выслано в 1945–1949 гг. 142,5 тыс. «кулаков, бандитов и националистов» с семьями, что, несомненно, оборачивалось усилением протестных националистических движений и далеко идущими последствиями.

Предпринимавшиеся государством меры и стремление крестьян к улучшению условий своей жизни оказались недостаточными для того, чтобы вывести деревню на уровень заданий пятилетнего плана. Урожай, не говоря об ущербности природно-климатических условий, из-за нехватки сельскохозяйственной техники, удобрений и дряхлеющей многие годы незаинтересованности колхозников в труде были низкими. «Зверские» (по фамилии министра финансов А. Г. Зверева) налоги по-прежнему душили крестьянское личное подсобное хозяйство. На протяжении 1940-х годов размер налогов вырос в 2,7 раза.

По официальным данным, в 1950 г. продукция земледелия всех категорий хозяйств составляла 97% от уровня 1940 г.; показатели животноводства оказались выше довоенных; валовая продукция сельского хозяйства в целом составила 99% довоенного уровня. Однако производство зерна и в 1951 г. составляло от уровня 1940 г. лишь 82%, картофеля — 77, овощей — 69%. Даже в относительно благоприятном 1952 г. валовой сбор зерна не достиг довоенного уровня, а урожайность в 1949–1953 гг. составляла 7,7 ц с гектара (в 1913 г. — 8,2).

Оказались невыполненными и планы повышения уровня потребления продовольственных товаров жителями страны. В 1950 г. его удалось лишь приблизить к довоенному. На протяжении 1946–1951 гг. 42–65% совокупного дохода колхозникам приносило подсобное хозяйство, в то время как оплата по выработанным в колхозе трудодням составляла 15–20%. В некоторых районах доля личного подсобного хозяйства на рубеже 1940–1950-х годов превышала 90%. В мирные годы это выглядело преступным цинизмом по отношению к крестьянам.

Подавляющее большинство колхозов в послевоенные годы оставались слабыми и убыточными. Только отдельные из них во главе с такими опытными председателями, как Ф. И. Дубковецкий (колхоз «Здобуток Жовтня» Черкасской области), П. А. Малинина (колхоз «12-й Октябрь» Костромской области), К. П. Орловский («Рассвет» в Белоруссии), М. А. Посмитный (имени Буденного Одесской области), П. А. Прозоров («Октябрь» Кировской обл.) и другие, удавалось достичь высоких производственных результатов.

Одними из самых важных событий в социальной сфере стали отмена в декабре 1947 г. карточной системы, введенной в годы войны, и денежная реформа, носившая в значительной степени конфискационный характер. Вклады в сберегательных кассах за первые 3 тыс. рублей сохранялись (за 1 рубль старых денег вкладчик получал 1 рубль новых); суммы от 3 до 10 тыс. обменивались в соотношении 3:2; свыше 10 тыс. — 2:1. Находящиеся у населения наличные деньги обменивались в соотношении 10:1. Таким образом, все, кто хранили доходы дома, крупно проигрывали. Денежная реформа, по оценке министра А. Г. Зверева, «позволила ликвидировать последствия войны в области денежного обращения, излишние деньги изъяты из обращения. Ликвидированы крупные накопления, образовавшиеся у отдельных групп населения в результате высоких рыночных цен, а также спекуляции. Сокращен государственный долг и уменьшены связанные с ним расходы государственного бюджета».

Одновременно с денежной реформой было объявлено о снижении розничных цен на основные продукты питания и промышленные потребительские товары. В 1947–1950 гг. розничные цены на товары массового потребления снижались пять раз, и к концу пятилетки они были на 43% ниже уровня 1947 г. Жизненный уровень населения, хотя в целом оставался довольно низким, имел тенденцию к повышению. Среднемесячная зарплата рабочих и служащих составляла 640 рублей в 1948 г., а в 1953 г. — более 800 рублей. После отмены карточек в 1947 г. килограмм ржаного хлеба стоил 3 руб., пшеничного — 4,4, килограмм гречки — 12, сахара — 15, сливочного масла — 64, подсолнечного масла — 30, мороженого судака — 12, кофе — 75 руб., литр молока — 3–4, десяток яиц — 12–16 руб. в зависимости от категории, поллитровая бутылка жигулевского пива — 7, «Московской особой» водки (выпускалась с 1940 г.) — 60 руб.

В сравнении покупательной способности одного часа затраченной работы советские трудящиеся значительно отставали от собратьев по классу в развитых капиталистических странах. Если взять один и тот же объем продуктов, который мог купить рабочий в СССР в 1928 г. и в 1951–1952 гг. в СССР, за 100, то по другим странам, за те же годы, показатели будут такими: Австрия — 90 и 167; Франция — 112 и 200; Германия — 142 и 233; Великобритания — 200 и 361; США — 370 и 556. Иными словами, в 1951–1952 гг. покупательная способность одного часа работы американского рабочего была почти в 5,6 раза более высокой, чем рабочего в СССР.

Отмена карточной системы в послевоенном СССР сопровождалась дальнейшим обособлением партийно-советской верхушки от основной массы трудящихся в материальном отношении. Согласно декабрьскому (1947) постановлению Политбюро, должностные оклады в 10 тыс. руб. устанавливались Председателю Совмина и Председателю Президиума ВС СССР, заместителям предсовмина и Секретари ЦК получали по 8 тыс. руб. С января 1948 г. в соответствии с решением правительства в

дополнение к основному окладу, руководящим работникам выплачиваться так называемое «временное денежное довольствие». К примеру, первый секретарь Кемеровского обкома ВКП(б) довольствовался тремя дополнительными месячными окладами, секретари обкома — 2,5; заместители секретарей и секретарь партколлегии — 1,5; заведующие отделами и их заместители — одним дополнительным окладом в месяц. Выплаты производились, как говорится в наши дни, «черным налом». В соответствии со специальной ведомостью кассир приносил в кабинет номенклатурного чина деньги в запечатанных конвертах, с них не взимались налоги, партийные и иные взносы. По форме это смахивало на банальный подкуп должностных лиц. Установившийся порядок содержания номенклатуры действовал до 1956 г.

В декабре 1955 г. временное денежное довольствие по стране выплачивалось 9136 работникам партийных органов на сумму 169 млн рублей в год. В дальнейшем выплаты в конвертах не осуществлялись. Вместе с тем значительно расширился круг ответственных работников (как в центре, так и на местах), получивших все более ощутимые льготы и привилегии без фиксации их общего денежного выражения: улучшенное жилье, медицинское обслуживание, лечебное питание, льготные санаторные путевки, пользование автомобилями, дачами, улучшенное пенсионное обеспечение. Предоставление руководителям кадрам все новых и новых льгот и привилегий приводило к снижению их социального престижа в сознании основной массы трудящихся.

Социально-экономическое положение в начале 1950-х годов. Экономика в начале десятилетия развивалась на основе сложившихся в предшествующий период тенденций. Созванный 5 октября 1952 г. XIX съезд ВКП(б) проходил в обстановке, когда промышленная продукция СССР составила 223% от уровня довоенного 1940 г., а сельское хозяйство было лишь выведено на довоенный уровень. Теоретическим обоснованием принципов дальнейшей экономической политики стала работа И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР», опубликованная незадолго до съезда. Утвержденными съездом партии директивами по пятому пятилетнему плану на 1951–1955 гг. намечалось повысить промышленное производство на 70%, примерно вдвое увеличить продукцию машиностроения, металлообработки и мощность электростанций, на 65% — производство предметов потребления. В области сельского хозяйства ставились задачи увеличить за пятилетие валовой урожай зерна на 40–50%, молока — на 45–50%, мяса и сала — на 80–90%.

Однако при выполнении плана новой пятилетки, как и прежде, первостепенное внимание уделялось тяжелой и особенно оборонной индустрии. Выпуск предметов народного потребления (хлопчатобумажные ткани, обувь и др.) значительно отставал от плановых заданий и нужд

населения, со времен войны мечтавшего о лучшей жизни. Сельское хозяйство, как и раньше, не удовлетворяло потребностей легкой и пищевой промышленности в сырье. Обострявшаяся международная обстановка, согласно действующим стереотипам политики, также сдерживала принятие мер по улучшению условий жизни населения.

Сосредоточение усилий на развитии промышленности и нового строительства позволило уже в 1953 г. довести выпуск валовой продукции промышленности до объемов, в 2,5 раза превышавших уровень 1940 г. На площадках гигантских новостроек (Куйбышевская, Сталинградская, Каховская ГЭС; Волго-Донской судоходный канал; Цимлянский гидроузел) появилась самая мощная по тем временам техника. 27 июля 1952 г. Волго-Дон был открыт для движения судов.

12 августа 1953 г. в СССР была испытана водородная бомба, мощностью 400 килотонн. Бомба имела такие же габариты и вес, как и сброшенная на Хиросиму, но превосходила ее по мощности в 20 раз. Через два года, 22 ноября 1955 г., была испытана бомба РДС-37, ставшая основой для создания современного термоядерного оружия. В США взрыв первой транспортабельной термоядерной бомбы мощностью 15 мегатонн состоялся в марте 1954 г. (Справка: Для перевозки обычной взрывчатки для взрыва в одну мегатонну, а это — миллион тонн тринитротолуола, необходим поезд длиной 200 миль.)

Отцом водородной бомбы в Советском Союзе считается А. Д. Сахаров. Среди создателей атомной и водородной бомб в первой шеренге стоят также И. В. Курчатов (научный руководитель ядерных программ), И. Е. Тамм, Ю. Б. Харитон, Я. Б. Зельдович, К. И. Щелкин, Е. И. Забабахин.

Поступательное в целом развитие СССР в послевоенные годы демонстрируют обобщающие экономические показатели. По официальным данным, в 1941–1950 гг., несмотря на тяжелейшую войну, производство национального дохода в СССР (вновь созданная стоимость во всех отраслях сферы материального производства) в среднегодовом исчислении выросло на 4,7%, а на протяжении следующего десятилетия — по 10,3% в год (в то время как в 1922–1940 гг. — на 15,3%). Альтернативные данные показывают, что в 1922–1940 гг. национальный доход ежегодно возрастал на 8,5%, а в 1941–1950 гг. составлял отрицательную величину, минус 0,6% в год; на протяжении же следующего десятилетия он возрастал на 9,3% в год.

Валовой внутренний продукт страны в 1952 г. достиг величины в 406 млрд рублей (в сопоставимых для всего XX в. ценах) и был в 1,9 раза больше, чем в предвоенном 1940 г., и превышал уровень 1945 г. в 1,5 раза. Национальное богатство России (совокупность материальных благ, которыми располагает общество, в основном созданные трудом людей за весь предшествующий период его развития) в 1920-е годы приросло в

среднем на 3,4% в год, в 1931–1940 гг. — по 6% в год, а в 1941–1950 гг. сократилось на 4,6% по сравнению с предшествующим десятилетием. В целом за 1941–1950 гг. среднегодовой темп прироста национального богатства имел отрицательную величину и составлял минус 0,5% в год. В 1950-е годы национальное богатство страны увеличивалось в среднем на 10% ежегодно. В целом сталинский период правления (1922–1953) характеризуется ежегодным приумножением национального богатства на 4%, вводом в действие более 25 тыс. новых крупных и крупнейших промышленных предприятий, созданием 353,3 тыс. колхозов и 4 тыс. совхозов, введением в действие 201 млн квадратных метров жилья. Все это, наряду с победой в Великой Отечественной войне, служит основанием для общей положительной оценки результатов его исторической деятельности многими соотечественниками.

Население СССР к началу 1950 г. насчитывало 178 547 тыс. человек против 170 550 тыс. на начало 1946 г., в последующем оно ежегодно увеличивалось более чем на 3 млн. человек. К началу 1953 г. в СССР из-за опасений перерастания «холодной войны» в «горячую» были созданы внушительные резервные запасы, превышающие довоенные стратегические резервы по зерну в 4 раза, цветным металлам — в 10 раз, нефтепродуктам — в 3 раза, по углю — в 5 раз. Запасы золота в СССР к концу 1940-х годов составили 1500 тонн.

§ 3. Культурная жизнь. Идеологические кампании и дискуссии

Послевоенные достижения и проблемы науки, образования и культуры. Сталинское правительство в полной мере признавало решающую роль образования, науки, культуры в осуществлении стоящих перед страной задач и дальнейших преобразованиях самого общества. Несмотря на крайнее напряжение госбюджета, были изысканы средства на их развитие. В 1947 г. общая сумма ассигнований на развитие науки увеличилась против 1946 г. на 1,5 млрд руб., по сравнению с 1940 г. — более чем в 3 раза.

Были созданы необходимые материально-бытовые условия для работников науки. В 1946 г. в среднем более чем в 2 раза была повышена заработная плата профессорско-преподавательскому составу и научным работникам. Зарплата профессора, доктора наук поднята с 2 тыс. до 5 тыс. рублей, доцента, кандидата наук с 1,2 до 3,2 тыс. рублей. Соотношение зарплаты доцента, кандидата наук и квалифицированного рабочего составляло примерно 4 к 1, а профессора, доктора наук 7 к 1. В годы 4-й пятилетки почти на треть увеличилось число научно-исследовательских институтов (в 1946 г. их было 2061), созданы академии наук в Казахстане, Латвии и Эстонии, образована Академия художеств СССР.

Сразу же после войны была восстановлена отстроенная в 1930-е годы система всеобщего начального образования. С 1952 г. в СССР обязательным становится семилетнее образование, открываются вечерние школы для работающей молодежи. Уже к 1948 г. была превзойдена довоенная численность студентов. В 1953 г. в стране насчитывалось свыше 4,5 млн человек с высшим и средним специальным образованием.

Возможности культурной и политической просвещенности населения резко расширялись с развитием вещания радио и телевидения, делавшего пока еще свои первые шаги. Московский и Ленинградский телецентры вели регулярные передачи с 1938 г. В 1945 г. в стране было несколько сот телевизоров, в 1953 г. — несколько десятков тысяч. В 1949 г. создан телеприемник КВН-49 (основные конструкторы: В. К. Кенигсон, Н. М. Варшавский, И. А. Николаевский), ставший первым народным телевизором. До 1962 г., выпущено 2,5 млн приемников этого типа, в 1962 г. на смену ему пришли телевизоры типа «Рекорд».

История первого послевоенного периода отмечена выдающимися достижениями ученых и конструкторов, обеспечивших использование атомной энергии в военных и мирных целях, развитие реактивной авиации, создание комплексов автоматически управляемых ракет дальнего действия и зенитных ракет ПВО, создание электронно-вычислительных машин первого поколения. Советская литература этого периода обогатилась появлением литературных произведений, ярко отразивших минувшую войну (А. Фадеев, Б. Полевой, В. Некрасов) и другие этапы исторического прошлого советских народов (Л. Леонов, Ф. Гладков, К. Федин, М. Ауэзов); новыми достижениями композиторов (С. Прокофьев, Д. Шостакович, Н. Мясковский), живописцев (А. Герасимов, П. Корин, М. Сарьян), кинорежиссеров (И. Пырьев, В. Пудовкин, С. Герасимов) и др.

Годы войны породили у интеллигенции большие надежды на либерализацию послевоенной общественной жизни, ослабление жесткого партийно-государственного контроля в области литературы и искусства, расширение свободы творчества. Личные впечатления миллионов советских людей, побывавших в Европе, ослабляли пропагандистские стереотипы об «ужасах капитализма». Союзнические отношения со странами Запада в военные годы позволяли надеяться на расширение культурных связей и контактов после войны.

А. Н. Толстой, к примеру, послевоенное время представлял так: «Десять лет мы будем восстанавливать города и хозяйство. После мира будет нэп, ничем не похожий на прежний нэп. Сущность этого нэпа будет в сохранении основы колхозного строя, в сохранении за государством всех средств производства и крупной торговли. Но будет открыта возможность личной инициативы, которая не станет в противоречие с основами нашего законодательства и строя, но будет дополнять и обога-

щать их. Будет длительная борьба между старыми формами бюрократического аппарата и новым государственным чиновником, выдвинутой самой жизнью. Победят последние. Народ, вернувшись с войны, ничего не будет бояться. Он будет требователен и инициативен. Расцветут ремесла и всевозможные артели, борющиеся за сбыт своей продукции. Резко повысится качество. Наш рубль станет мировой валютой. Может случиться, что будет введена во всем мире единая валюта. Стена довоенной России рухнет. Россия самым фактом своего роста и процветания станет привлекать все взоры».

Начавшаяся «холодная война» перечеркнула подобные прогнозы и надежды. Противоборство с капиталистическим миром заставило вспомнить об уже наработанных в 1930-е годы приемах и методах утверждения «классового подхода» в идеологическом воспитании масс. С первыми признаками похолодания в отношениях с Западом руководство СССР принялось «завинчивать гайки» в отношении интеллигенции, которые ослабли в военные годы. Основной целью советской идеологии в новых условиях являлась, как и прежде, апологетика советского строя, идеологическое воспитание и беспощадное осуждение всего, что этому не соответствовало. Уже через несколько месяцев после известной фултонской речи идеологические службы СССР приступили к осуществлению конкретных мероприятий, нацеленных на укрепление идеологической стойкости советских людей, их готовности решительно отстаивать ценности советского образа жизни не только в идеологическом, но и в открытом военном противоборстве с капиталистическим Западом.

Развертывание кампании по укреплению советского патриотизма.

Основой долговременной пропагандистской кампании по воспитанию народов СССР в духе советского патриотизма стало выступление И. В. Сталина на приеме в Кремле в честь командующих войсками Красной Армии 24 мая 1945 г. В тосте «за здоровье русского народа» в сущности признавалось, что победа достигнута не только за счет преимуществ социалистического строя, но прежде всего за счет патриотизма русского народа. В выступлении провозглашалось, что этот народ «является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза», что он заслужил в войне «общее признание как руководящей силы» Союза. Отмечены были не только его «ясный ум», но и такие качества, как стойкий характер и терпение, доверие правительству в моменты отчаянного положения, готовность идти на жертвы.

Политика и патриотическое воспитание народов СССР с опорой на эти качества таили определенную опасность окрашивания их в цвета русского национализма и великодержавия. Некоторые усматривали проявление национализма уже в самом сталинском тосте, выделявшем в многонациональном советском народе только одну «выдающуюся»

нацию. Это не могло не вызывать обеспокоенности за будущность национального развития у представителей других народов страны. К примеру, участник приема в Кремле И. Г. Эренбург был так поражен и раздосадован тостом, что не смог сдержать слез.

Руководители пропагандистского аппарата старались не допустить кривотолков в понимании тоста. Передовые статьи «Правды» и других изданий разъясняли, что патриотизм советского, русского народа ничего общего не имеет с выделением своей нации как «избранной», «высшей», с презрением к другим нациям. Утверждалось, что русскому народу, «старшему и могучему брату в семье советских народов», довелось взять на себя главную тяжесть борьбы с гитлеровцами, и он с честью исполнил эту великую историческую роль. Без помощи русских «ни один из народов, входящих в состав Советского Союза, не смог бы отстаивать свою свободу и независимость, а народы Украины, Белоруссии, Прибалтики, Молдавии, временно поработанные немецкими империалистами, не могли бы освободиться от немецко-фашистской кабалы». Вслед за интерпретациями давались установки: «Партийные организации обязаны широко пропагандировать замечательные традиции великого русского народа как наиболее выдающейся нации из всех наций, входящих в состав СССР. Партийные организации должны разъяснять, что сталинская оценка русского народа... является классическим обобщением того исторического пути, который прошел великий русский народ». Требовалось также разъяснять, что «история народов России есть история преодоления... вражды и постепенного их сплочения вокруг русского народа», а освободительная миссия русского народа, его руководящая роль заключаются только в том, чтобы «помочь всем другим народам нашей страны подняться в полный рост и стать рядом со своим старшим братом».

Победа в войне позволяла по-новому оценить значение русской культуры для культур других народов СССР и мировой. Вызвано это было не только тем, что советские ученые и деятели культуры внесли большой вклад в уничтожение угрозы истребления гитлеровцами многовековых завоеваний человеческой культуры. Другим фактором, способствовавшим переоценке русской культуры, было стремление противопоставить ее достижения культуре Запада, представление о высоком уровне которой в ее повседневных проявлениях могли составить многие миллионы побывавших за годы войны в Европе советских людей.

Молотов, вероятно, хотел, более чем кто-либо, быть уверенным в правоте своих слов, когда 6 ноября 1947 г. говорил: «Наемные буржуазные писаки за рубежом предсказывали во время войны, что советские люди, познакомившись в своих боевых походах с порядками и культурой на Западе и побывав во многих городах и столицах Европы, вернутся домой с желанием установить такие же порядки на Родине. А что вышло? Демобилизованные...

взялись с еще большим жаром укреплять колхозы, развивать социалистическое соревнование на фабриках и заводах, встав в передовых рядах советских патриотов». Признавая, что «у нас еще не все освободились от низкопоклонства и рабопочтения перед Западом, перед Западной культурой», он пытался вдохновить слушателей сталинскими «историческими словами»: «Последний советский гражданин, свободный от цепей капитала, стоит головой выше любого зарубежного высокопоставленного чинуши, влачащего на плечах ярмо капиталистического рабства».

Власти стремились питать исторический оптимизм советского человека не только героизмом свершений советского периода истории, но и всей многовековой культурой страны. Уже в военные годы начались прославления ее деятелей, с именами которых связывались «великие вклады в мировую науку, выдающиеся научные открытия, составляющие важнейшие вехи развития современной культуры и цивилизации». С новой силой они были продолжены после ее окончания. В приветствии, которое направили 16 июня 1945 г. в адрес Академии наук СССР в связи с ее 220-летием СНК СССР и ЦК ВКП(б), говорилось: «Советский народ по праву гордится основоположником русской науки Ломоносовым, гениальным химиком Менделеевым, великими математиками Лобачевским, Чебышевым и Ляпуновым, крупнейшим геологом Карпинским, всемирным географом Пржевальским, основателем военно-полевой хирургии Пироговым, великими новаторами-биологами Мечниковым, Сеченовым, Тимирязевым и Павловым, замечательным преобразователем природы Мичуриным, искусным экспериментатором-физиком Лебедевым, создателем радиосвязи Поповым, основоположниками теории современной авиации Жуковским и Чаплыгиным, выдающимися двигателями русской революционной мысли — Белинским, Добролюбовым, Чернышевским, великим пионером марксизма в нашей стране — Плехановым».

2 января 1946 г. П. Л. Капица направил Сталину письмо, в котором сетовал, что мы «мало представляем себе, какой большой кладезь творческого таланта всегда был в нашей инженерной мысли. В особенности сильны были наши строители». Рекомендуя к изданию книгу Л. И. Гумилевского «Русские инженеры» (издавалась в 1947 и 1953 гг.), он утверждал: «Большое число крупнейших инженерных начинаний зарождалось у нас», «мы сами почти никогда не умели их развивать (кроме как в области строительства)», причина в том, что «обычно мы недооценивали свое и переоценивали иностранное». Переоценку заграничных сил, излишнюю скромность инженеров ученый называл недостатком еще большим, чем излишняя самоуверенность.

Логика борьбы против низкопоклонства и национального нигилизма уже вскоре привела к утверждению не подлежащих обсуждению положений о необходимости «твердо помнить» о том, что «русская куль-

тура всегда играла огромную, а теперь играет ведущую роль в развитии мировой культуры». По этой причине утверждалось, что «нелепо и политически вредно» изображать «корифеев» русской философской и научной мысли учениками западноевропейских мыслителей и ученых.

В ходе антизападнической кампании пропагандировалась концепция исторического приоритета нашей страны во всех важнейших областях науки, техники, культуры. К. Е. Ворошилов (председатель Бюро по культуре при Совмине СССР в 1947–1953 гг.), предлагая издать двухтомник «Люди русской науки» (1948), писал, что многие открытия и изобретения, носящие имена иностранцев, принадлежат нашим ученым: «Закон сохранения вещества открыт Ломоносовым, а не Лавуазье, так называемая “вольтова дуга” открыта Петровым, а не Дэви, что первая паровая машина изобретена Ползуновым, а не Уаттом, изобретение радиотелеграфа принадлежит Попову, а не Маркони, открытие неэвклидовой геометрии — Лобачевскому, а не Гауссу» и т. д. Явные перегибы в кампании по выдвиганию претензий на первенство, стремление объявить детищем русских талантов почти любое изобретение, от велосипеда до самолета, уже вскоре после развертывания кампании стали пищей для анекдотов о «России — родине слонов».

Однако и послевоенные проявления «националистического нэпа» власти стремились держать в определенных рамках. Получив в июле 1947 г. записку А. А. Жданова с материалами к проекту новой Программы партии, Сталин против слов: «Особо выдающуюся роль в семье советских народов играл и играет великий русский народ... он по праву занимает руководящее положение в советском содружестве наций» написал выразительное: «Не то». В редакционной статье журнала «Вопросы истории» (1948. № 2) вновь прозвучали жесткие требования: не допускать ошибочного понимания, игнорирования классового содержания советского патриотизма; сползания на позиции квасного патриотизма. Не менее опасными и вредными представлялись и ошибки, идущие по линии «очернения прошлого», преуменьшения роли русского народа в истории. Подчеркивалось, что «всякая недооценка роли и значения русского народа в мировой истории непосредственно смыкается с преклонением перед иностранщиной. Нигилизм в оценке величайших достижений русской культуры, других народов СССР есть обратная сторона низкопоклонства перед буржуазной культурой Запада». Таким образом, известный баланс в отношении уклонов в национальном вопросе восстанавливался.

В этой связи несправедливой критике подверглись работы академика Е. В. Тарле. За «ошибочное положение об оборонительном и справедливом характере Крымской войны». За оправдание войн Екатерины II «тем соображением, что Россия стремилась якобы к своим естественным границам». За пересмотр характера похода в Европу в 1813 г., представленного «таким же, как освободительный поход в Европу Советской Армии». Осуждались «требования пересмотреть вопрос о жандармской роли России в Европе в

первой половине XIX в. и о царской России как тюрьме народов», попытки поднять на щит генералов М. Д. Скобелева, М. И. Драгомирова, А. А. Брусилова как героев русского народа. Как недопустимый объективизм в науке осуждены предложения о замене «классового анализа исторических фактов оценкой их с точки зрения прогресса вообще, с точки зрения национально-государственных интересов». Историкам напоминалось, что все эти «ревизионистские идеи» осуждаются Центральным Комитетом партии.

Ярким примером критики будто бы ошибочного понимания советского патриотизма, игнорирования его классового содержания была критика произведений А. Т. Твардовского тогдашним литературным начальством. В декабре 1947 г. была опубликована статья главного редактора «Литературной газеты» В. В. Ермилова о книге Твардовского «Родина и чужбина». Раздумья знаменитого поэта и писателя о войне, природе патриотизма, о свойствах и качествах народа, проявленных в годы бедствий, были охарактеризованы как «фальшивая проза», «попытка поэтизировать то, что чуждо жизни народа».

Критики писали о «русской национальной ограниченности» поэта, которая «несколько не лучше, чем азербайджанская, якутская, бурят-монгольская». В книге усматривали «накладные расходы войны, которые сейчас возможно быстрее надо ликвидировать» и начать вновь осознавать себя передовыми людьми человечества, «не думать о нашей национальности в узком, ограниченном смысле этого слова», воспринимать слово «советский» «новой, широкой национальностью». В «Василии Теркине» обнаруживалось те же пороки — любование литературного героя своим маленьким мирком, отсутствие признаков интернационализма. Утверждалось, что творчество Твардовского, «будучи само по себе очень талантливо, в поэтическом отношении консервативно, а в идейном реакционно». Это аргументировалось тем, что Теркин «на протяжении 5000 строк не заметил ни революции, ни партии, ни колхозного строя, а битву с германским фашизмом рассматривает как войну с немцем». История с огульной критикой А. Твардовского обнаружила явное стремление влиятельных литераторов признавать советский патриотизм не иначе как в отождествлении с «подлинным интернационализмом» (социалистическим космополитизмом).

Партийные постановления по вопросам культуры. Первым из череды постановлений ЦК ВКП(б) по вопросам культуры, принятым после войны, было постановление «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» (14 августа 1946 г.). Оно обличало поощрение журналами «низкопоклонных чувств» перед заграницей, западно-американской литературой (это отмечалось при подготовке постановления, в частности Сталиным) и то, что в журналах появилось «много безыдейных, идеологически вредных произведений», которые не помогают государству «воспитать новое поколение бодрым, верящим в свое дело... готовым преодолеть всякие препятствия». Постановление подвергло беспощадной критике творчество писателя Михаила Зощенко, названного «пошляком и подонком литературы», изображающим советскую действительность в «злостно хулиганской», «уродливо

карикатурной» форме, советских людей — «примитивными, малокультурными, глупыми, с обывательскими вкусами и нравами». Анна Ахматова названа «типичной представительницей чуждой нашему народу пустой безыдейной поэзии», застывшей на позициях «буржуазно-аристократического эстетства и декадентства» и наносящей «вред делу воспитания нашей молодежи». С разъяснением постановления выступал в Ленинграде 29 сентября главный идеолог партии А. А. Жданов. Поэт Сергей Наровчатов, как и многие советские люди, безошибочно воспринял постановление как «часть обширного идеологического поворота, который является следствием уже совершившегося послевоенного поворота в политике. Соглашение с Западом окончилось... Складывается коалиция для будущей войны, где нам будут противостоять англичане и американцы. Отсюда резкое размежевание идеологий».

Постановление «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению» (26 августа 1946 г.) требовало запретить постановки театрами пьес буржуазных авторов. В них усматривалась пропаганда реакционной буржуазной идеологии и морали. Постановления «О кинофильме “Большая жизнь”» (4 сентября 1946 г.), «Об опере “Великая дружба”» (10 февраля 1948 г.) давали уничижительные оценки творчеству режиссеров Л. Лукова, С. Юткевича, А. Довженко, С. Герасимова; композиторов В. Мурадели, С. Прокофьева, Д. Шостаковича, В. Шебалина. Им вменялись в вину безыдейность творчества, искажение советской действительности, заискивание перед Западом, отсутствие патриотизма. Неблагополучие в советской музыке связывалось с распространением среди композиторов формалистического направления с характерным для него отрицанием принципов классической музыки, атональностью, диссонансом и дисгармонией, увлечением сумбурными, невропатическим состояниями. С. Эйзенштейна обвиняли в том, что он «обнаружил невежество в изображении исторических фактов, представив прогрессивное войско опричников Ивана Грозного в виде шайки дегенератов, наподобие американского Ку-Клус-Клана»; создателей «Великой дружбы» — за то, что они представили грузин и осетин врагами русских в 1918–1920 гг., в то время как «помехой для установления дружбы народов в тот период на Северном Кавказе являлись ингуши и чеченцы».

«Дело» Клюевой–Роскина. В 1947 г. для повсеместной кампании по искоренению низкопоклонства было использовано «дело» члена-корреспондента Академии медицинских наук Н. Г. Клюевой и профессора Г. И. Роскина. Их книга «Биотерапия злокачественных опухолей» (М., 1946) вселяла уверенность в получении в скором времени действенного лекарства от рака. Авторами заинтересовался американский посол в Москве У. Смит. С разрешения министра

здравоохранения СССР Г. А. Митерева он встретился с учеными, предложил издать книгу в США и продолжить работу над препаратом совместно с американскими специалистами. Командированный в США академик-секретарь АМН СССР В. В. Парин (возглавлял группу ученых-медиков) по указанию заместителя министра здравоохранения 27 ноября передал американским ученым рукопись книги и ампулы с препаратом. Однако накануне МИД СССР, настаивавший на отказе от американской поддержки, запросил мнение Сталина. Тот оказался категорическим противником передачи сведений о «важнейшем открытии советских ученых» американцам. В феврале 1947 г. Митерева освободили от занимаемой должности, а возвратившегося из командировки Парина сразу же арестовали и осудили в апреле 1948 г. на 25 лет тюремного заключения за измену Родине.

Все эти события и стали основой для широкомасштабной пропагандистской кампании. В марте 1947 г. по инициативе Сталина было принято постановление Совмина СССР и ЦК ВКП(б) «О Судах чести» в министерствах и центральных ведомствах, призванных содействовать «делу воспитания работников государственных органов в духе советского патриотизма и преданности интересам советского государства... для борьбы с проступками, роняющими честь и достоинство советского работника». В мае Сталин апробировал основные идеи закрытого письма по этому поводу в партийные организации в беседе с писателями А. Фадеевым, Б. Горбатовым, К. Симоновым. Он сетовал, что у наших интеллигентов среднего уровня «недостаточно воспитано чувство советского патриотизма. У них неоправданное преклонение перед заграничной культурой. Все чувствуют себя еще несовершеннолетними, не стопроцентными, привыкли считать себя на положении вечных учеников. Эта традиция отсталая, она идет от Петра... У военных тоже было такое преклонение...».

В июне 1947 г. в Министерстве здравоохранения СССР был проведен «суд чести» над Клюевой и Роскиным, со всеми атрибутами — членами суда, выступлением главного обвинителя, показаниями свидетелей, попытками обвиняемых оправдаться. И вынесен приговор: общественный выговор. Тогда же начались съемки фильма «Суд чести» по сценарию А. Штейна (вышел на экраны страны 25 января 1949 г., в канун антикосмополитической кампании). О серьезности подхода к делу свидетельствовали суровые наказания фигурантам «дела», ставшими прообразами героев фильма.

17 июня 1947 г. парторганизациям страны направлено закрытое письмо ЦК «О деле профессоров Клюевой и Роскина», заканчивавшееся предложением создавать «суды чести» по всем аналогичным проступкам. Всего по стране было создано 82 суда — в научных, учебных заведениях, в государственных учреждениях, министерствах, творческих со-

юзах. В июле 1948 г. срок действия судов был продлен на год, но после этого власти потеряли к ним интерес. За два года существования судов состоялось около 50 процессов.

Следствием политики изоляции, направленной на устранение потенциально возможного воздействия со стороны капиталистического мира на советских граждан, стал выпущенный 15 февраля 1947 г. указ «О воспрещении регистрации браков граждан СССР с иностранцами» (отменен в октябре 1953 г.). Эти же цели преследовались и в ходе ряда послевоенных «научных дискуссий», проходивших зачастую под председательством секретарей ЦК.

Дискуссии по истории буржуазной философии и экономике. В 1947 г., в январе и июне, были проведены две дискуссии по книге Г. Ф. Александрова «История западноевропейской философии» (1946). Книга подвергалась критике за объективизм, терпимость к идеализму и декадентству, за отсутствие полемического задора в критике философских противников. Существенным пороком было расценено «невключение истории развития русской философии в учебник и тот факт, что изложение истории философии доводилось только до 1848 г.». В этом усматривалось «умаление роли русской философии». Осуждение «беззубого вегетарианства» настраивало ученых на более решительное наступление на философском фронте и борьбу с буржуазным объективизмом. Однако дискуссия была связана не только с выяснением философских истин, но и с борьбой в ЦК за важный пост начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), занимаемый автором учебника. От руководства Управлением Александров был освобожден. Правда, это не помешало ему стать директором Института философии АН СССР.

В мае 1947 г. состоялась дискуссия по книге Е. С. Варги «Изменения в экономике капитализма в итоге Второй мировой войны» (1946). Особой критике в книге академика подверглись главы «Возросшая роль государства в экономике капиталистических стран» и «Регулирование хозяйства и бесплановость в капиталистических странах во время войны». Как научная и политическая ошибка расценивался вывод о возможности функционирования «организованного капитализма». Если в прошлом эффективность регулирования не признавалась для мирного времени, то теперь она трактовалась как невозможная в годы войны. Критиковались места в книге, посвященные прогрессу производительных сил капитализма: в этом усматривался достойный осуждения «техничко-экономический уклон». Осуждались положения автора, «ведущие к выводу» об ослаблении классовых противоречий капитализма и к тому, что государство в США и Англии осуществляет политику не только буржуазии, но и трудящихся. Тональность критики быстро повышалась — от обвинений в «недопонимании» до ярлыка «агента». Отмеча-

лось также, что в книге «нет ничего патриотического». Уничижительной оценке анализ Варги удостоен со стороны Н. А. Вознесенского. «Рассуждения некоторых теоретиков, считающих себя марксистами, о “решающей роли государства в военном хозяйстве капиталистических стран”, — писал он, — являются пустяками, не заслуживающими внимания». Результатом «дискуссии» стало состоявшееся осенью 1947 г. решение о закрытии возглавляемого Е. С. Варгой с 1927 г. Института мирового хозяйства и мировой политики.

Дискуссии по вопросам биологии, кибернетики, физики. Философская и экономическая дискуссии 1947 г. стали предвестниками ужесточения идеологического контроля и в других областях науки, а также тщетности надежд на расширение научных контактов с зарубежными коллегами, свободы дискуссий и мнений, общей послевоенной либерализации. Навязывание косных идеологических догм отрицательным образом сказывалось на развитии не только гуманитарных наук, но и естествознания. Монопольное положение в агробиологии, занятое группой академика Т. Д. Лысенко, пагубно сказалось на целом ряде научных областей. По личному заданию Сталина Лысенко вел безуспешные работы по селекции ветвистой пшеницы, обещая, тем не менее, «очень высокие урожаи, порядка 50–100–150 центнеров с гектара».

После августовской (1948 г.) сессии ВАСХНИЛ, закончившейся разгромом «вейсманизма-морганизма-менделизма» (интерпретирован как идеалистическая теория, экспортированная из-за рубежа), в стране были свернуты исследования в области генетики, преданы забвению выдающиеся достижения таких ученых как Н. И. Вавилов, Н. К. Колцов, С. С. Четвериков, А. А. Серебровский. От работы отстранялись оппоненты Лысенко не только среди генетиков, но и среди физиологов, морфологов, почвоведов, медиков.

В конце 1940-х годов с порога отвергалась кибернетика — наука об общих законах получения, хранения, передачи и переработки информации, становление которой связано с книгой американского ученого Н. Винера «Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине» (1948). «Реакционная лженаука», сказано о кибернетике в «Кратком философском словаре» (1954). Научный совет по комплексной проблеме «Кибернетика» был создан в СССР лишь в 1959 г.

В конце 1948 г. началась подготовка (создан Оргкомитет) Всесоюзного совещания заведующих кафедрами физики — для исправления упущений в науке в соответствии с духом времени: физика-де преподавалась в отрыве от диамата, учебники излишне пестрят именами иностранных ученых. После августовского успеха Лысенко выдвигались идеи разгромить в физике «эйнштейнианство». Издан был сборник статей «Против идеализма в современной физике», в котором атаквались со-

ветские последователи А. Эйнштейна. Среди них значились Л. Д. Ландау, И. Е. Тамм, Ю. Б. Харитон, Я. Б. Зельдович, В. Л. Гинзбург, А. Ф. Иоффе и др.

Пагубность назначенного на 21 марта 1949 г. совещания физиков скорее всего была осознана в комитете, ведущем работы по атомной проблеме. И атомщики не остались в стороне от защиты науки. Когда Берия поинтересовался у Курчатова, правда ли, что теория относительности и квантовая механика — это идеализм и от них надо отказаться, он услышал в ответ: «Если от них отказаться, придется отказаться и от бомбы». Берия сразу же отреагировал: самое главное — бомба, а все остальное — ерунда. Видимо, он поделился своей тревогой со Сталиным. Совещание было отменено. Таким образом, «бомба спасла физиков». По позднейшим оценкам, если бы совещание состоялось, то наша физика была бы отброшена на 50 лет назад — к доквантовой эре. Тем не менее борьба с «физическим идеализмом» и «космополитизмом» на этом не закончилась, она продолжалась до середины 1950-х годов.

После августовской сессии ВАСХНИЛ в затруднительном положении оказался основоположник эволюционной физиологии академик Л. А. Орбели, вице-президент АН СССР, академик-секретарь Отделения биологических наук, начальник Военно-Медицинской Академии. Как последователь И. П. Павлова в изучении генетики высшей нервной деятельности и поведения животных, он продолжал развивать это направление на основе открытий классиков генетической науки. Такой же позиции придерживались академики А. Д. Сперанский, П. К. Анохин, И. С. Бериташвили. Все эти ученые обвинялись (К. М. Быковым, А. Г. Ивановым-Смоленским, Э. Ш. Айрапетьянцем и др.), в недостаточном внимании к изучению творческого наследия своего учителя, в неверном определении направлений исследований и были отстранены от руководства возглавляемыми ими НИИ. Ликвидировать несправедливость удалось далеко не сразу. В октябре 1950 г. по решению Президиума АН для индивидуальной работы академика Орбели создается небольшая группа сотрудников (8 человек). В сентябре 1954 г. группа преобразована в лабораторию эволюционной физиологии АН СССР. В январе 1956 г. на базе этой лаборатории организуется Институт эволюционной физиологии АН СССР имени И. М. Сеченова. Л. А. Орбели назначается директором Института.

Большую роль в приглушении пагубных тенденций в науке в послевоенные годы сыграл С. И. Вавилов, избранный президентом АН СССР 17 июля 1945 г. По свидетельству Орбели, Вавилов, остро переживая гибель брата, поначалу не хотел избираться и согласился лишь после того как узнал, что в случае его отказа президентом будет Лысенко.

Развертывание борьбы с космополитизмом, его теоретическое осмысление. В первое послевоенное время на переднем плане идеологической работы находилась борьба за укрепление советского патрио-

тизма на основе искоренения низкопоклонства перед Западом и умаления мировой значимости русской культуры. «У нас, — говорил В. М. Молотов в связи с 30-летием Октябрьской революции, — еще не все освободились от низкопоклонства и раболепия перед Западом, перед капиталистической культурой». С седины 1947 г. акцент переносился на борьбу с космополитизмом. В редакционной статье «Против буржуазной идеологии космополитизма» (Вопросы философии. 1948. № 2) отмечалось, что необходимость активной борьбы против идеологии космополитизма и национального нигилизма вытекает из того, что «на протяжении ряда лет в нашей печати имели место ошибки, шедшие по линии умаления достоинства и славы русской культуры, так и культуры других народов СССР. Эти ошибки находили себе место в исторической литературе, в литературе по истории философии и общественной мысли, в работах по биологии, по литературе и искусству, в работах по истории науки и техники, по политической экономии».

Конкретных примеров обнаружилось много. В статье критиковался действующий учебник «История СССР. Россия в XIX в.» (М., 1940) для исторических факультетов университетов за «низкопоклонническую тенденциозность» разделов о русской культуре, в частности о Радищеве. «Литературная форма “Путешествия” была взята Радищевым у английского писателя Стерна, автора “Сентиментального путешествия по Франции и Италии”... Радищев — ученик французских рационалистов и враг мистицизма, хотя в некоторых его философских представлениях материалистические идеи Гольбаха и Гельвеция неожиданно смыкаются с идеалистическими представлениями, заимствованными у Лейбница, которого Радищев изучал в Лейпциге. Его идеи о семье, браке, воспитании восходят к Руссо и Мабли... Общие мысли о свободе, вольности, равенстве всех людей сложилось у Радищева, по его собственным словам, под влиянием другого французского просветителя — Рейналя». Это давало возможность заключить: «Так великий русский революционер и оригинальный мыслитель оказался в изображении авторов учебника сшитым из иностранных лоскутков. Это и есть ярко выраженный национальный нигилизм, ликвидаторство в отношении нашего великого исторического наследства, открытая форма бесстыдного преклонения перед Западом».

Явные признаки космополитизма были обнаружены в книге профессора-литературоведа И. М. Нусинова «Пушкин и мировая литература» (1941). Поэт Николай Тихонов отмечал (май 1947 г.), что Пушкин и вместе с ним вся русская литература представлялись в этой книге «всего лишь придатком западной литературы», лишенным «самостоятельного значения». По Нусинову выходило, что все у Пушкина «заимствовано, все повторено, все является вариацией сюжетов западной литературы», что «русский народ ничем не обогащал мировую культуру». Такая позиция современного «беспачпортного бродяги в человечестве» объявлялась следствием «преклонения» перед Западом и забвения заповеди: только наша литература «имеет право на то, чтобы учить других новой общечеловеческой морали». Вскоре

(в июне) эта тема была вынесена на пленум правления Союза писателей СССР, где критика «очень вредной» книги была развита А. Фадеевым. С этого выступления дискуссия стала перерастать в кампанию по обличению низкопоклонства, отождествленного с космополитизмом.

Первые результаты послевоенного теоретического осмысления феномена космополитизма в сравнении с патриотизмом и национализмом предложил известный партийный теоретик О. В. Куусинен в статье «О патриотизме», открывавшей в 1945 г. первый номер нового журнала «Новое время». Автор признавал, что в прошлом патриотизм сторонников коммунизма и социализма долгое время оспаривался, а обвинения коммунистов и всех левых рабочих в отсутствии у них патриотизма было свойственно врагам рабочего движения. В действительности же возрожденный в годы войны патриотизм означал «самоотверженную борьбу за свободное, счастливое будущее своего народа». Национализм в социалистической стране исключался по определению: «Даже умеренный буржуазный национализм означает противопоставление интересов собственной нации (или ее верхушечных слоев) интересам других наций». Ничего общего с национализмом не мог иметь и истинный патриотизм. «В истории не было ни одного патриотического движения, которое имело бы целью покушение на равноправие и свободу какой-либо чужой нации». Космополитизм — безразличное и пренебрежительное отношение к отечеству — тоже органически противопоставлен трудящимся, коммунистическому движению каждой страны. Он свойствен представителям международных банкирских домов и международных картелей, крупнейшим биржевым спекулянтам — всем, кто орудует согласно латинской поговорке “ubi bene, ibi patria” (где хорошо, там и отечество).

В «Вопросах философии» (1948. № 2) космополитизм определялся как «реакционная идеология, проповедующая отказ от национальных традиций, пренебрежение национальными особенностями развития отдельных народов, отказ от чувства национального достоинства и национальной гордости. Космополитизм проповедует нигилистическое отношение человека к своей национальности — к ее прошлому, ее настоящему и будущему. Громкими фразами о единстве общечеловеческих интересов, о “мировой культуре”, о взаимном влиянии и взаимопроникновении национальных культур космополитизм маскирует либо империалистический, великодержавный шовинизм в отношении к другим нациям, либо нигилизм в отношении к своей нации, предательство ее национальных интересов. Идеология космополитизма враждебна и коренным образом противоречит советскому патриотизму — основной черте, характеризующей мировоззрение советского человека. Особая политическая актуальность борьбы против идеологии космополитизма связана в настоящее время с тем обстоятельством, что реакционный американский империализм сделал космополитизм своим идеологическим знаменем».

Еще одна попытка подвести единую теоретическую базу под антипатриотизм и космополитизм сделана Г. Ф. Александровым в статье «Космополитизм — идеология империалистической буржуазии» (Вопросы философии. 1948. № 3). Антипатриоты, писал он, выступают под флагом космополитизма, потому что под ним удобнее всего пытаться разоружить рабочие массы в борьбе против капитализма, ликвидировать национальный суверенитет отдельных стран, подавить революционное движение рабочего класса. Космополитами в статье представлены известные ученые и общественные деятели дореволюционной России П. Н. Милюков, А. С. Яценко, М. И. Гершензон, «враги народа» Пятаков, Бухарин, Троцкий. «Безродными космополитами» изображались «лютые враги социалистического отечества», перешедшие в годы войны в лагерь врага, завербованные гитлеровцами шпионы и диверсанты, а также все пытавшиеся сеять среди советских людей дух неуверенности, пораженческие настроения. Расширительное толкование приверженцев «безродного космополитизма» вызвало негативную реакцию. Открыто автору ставилось в вину то, что он чрезмерно много места уделяет «мертворожденным писаниям реакционных буржуазных профессоров».

Установки на проведение кампании по борьбе с низкопоклонством и космополитизмом были даны в статье Д. Т. Шепилова «Советский патриотизм» (Правда. 1947. 13 августа). Из ее содержания видно, что советские лидеры готовы были подозревать в антипатриотизме всякого, кто не был уверен, что теперь не мы догоняем Запад в историческом развитии, а «странам буржуазных демократий, по своему политическому строю отставшим от СССР на целую историческую эпоху, придется догонять первую страну подлинного народовластия». Соответственно утверждалось, что советский строй «в сто крат выше и лучше любого буржуазного строя»; «Советский Союз является страной развернутой социалистической демократии»; «теперь не может идти речь ни о какой цивилизации без русского языка, без науки и культуры народов Советской страны. За ними приоритет»; «капиталистический мир уже давно миновал свой зенит и судорожно катится вниз, в то время как страна социализма, полная мощи и творческих сил, круто идет по восходящей». Наличие низкопоклонства перед Западом в СССР признавалось, но изображалось свойством отдельных «интеллигентиков», которые все еще не освободились от пережитков «проклятого прошлого царской России» и с лакейским подобострастием взирают на все заграничное только потому, что оно заграничное, умиляются даже мусорным урнам на берлинских улицах.

Наиболее громким рупором в этой кампании был секретарь ЦК А. А. Жданов. Выступая в феврале 1948 г. на совещании в ЦК деятелей советской музыки, он выдвинул универсальное обоснование резкого

поворота от интернационализма как некоего социалистического космополитизма к интернационализму как высшему проявлению социалистического патриотизма. Применительно к ситуации в искусстве он говорил: «Интернационализм рождается там, где расцветает национальное искусство. Забыть эту истину — означает потерять руководящую линию, потерять свое лицо, стать безродным космополитом».

Кампанию по борьбе с космополитизмом направляло Управление пропаганды и агитации ЦК (в июле 1948 г. понижено в ранге до уровня отдела). После отставки Г. Ф. Александрова его возглавлял М. А. Сулов (с сентября 1947 по июль 1948 г. и снова с июля 1949 г.) и Д. Т. Шепилов (в 1947–1948 гг. первый заместитель начальника управления, в июле 1948 — июле 1949 г. заведующий отделом).

Международные аспекты борьбы с космополитизмом. Особая политическая актуальность борьбы против идеологии космополитизма выявлялась по мере появления на Западе различных проектов объединения народов и государств в региональном и мировом масштабах. В годы войны Черчилль предлагал объединить Англию и Францию. После войны он активно пропагандировал замену ООН англо-американским союзом, поддерживал лозунг создания «Соединенных Штатов Европы» под верховным покровительством США. Английский министр иностранных дел Э. Бевин 23 ноября 1945 г. говорил о «новом изучении вопроса о создании мировой ассамблеи, избранной прямо народами мира в целом», о законе, обязательном для всех государств, образующих объединенные нации: «Это должен быть мировой закон с мировым судом, с международной полицией». В СМИ западных стран утверждалось, что «мировое правительство» стало неизбежным» и его стоит добиваться, даже если для этого придется провести «катастрофическую третью мировую войну»; в объединенной наднациональной Европе «страны полностью откажутся от своего национального суверенитета»; его предлагалось заменить понятием «сверхсуверенитета международной общности». Известный английский философ Бертран Рассел считал (сентябрь 1948 г.), что «кошмар мира, разделенного на два враждующих лагеря», может кончиться только с организацией «мирового правительства». Он полагал, что такое правительство будет создано под эгидой Америки и «только путем применения силы». Борьба за «единую всемирную федерацию» представлялась философу «наилучшим желанным выходом в условиях людского безумия».

В июне 1946 г. советский журнал «Новое время» познакомил общественность со сборником статей крупнейших американских ученых-атомщиков (вышел из печати одновременно с фултоновской речью Черчилля), в котором обосновывалась идея превращения ООН в «мировое государство», призванное спасти мир от атомной войны и осуществлять

контроль над атомной энергией. В сентябре 1948 г. «Литературная газета» дала представление о «движении мировых федералистов» в США, возглавляемых представителем крупного бизнеса К. Мейером. Под давлением этой организации, насчитывающей 34 тысяч членов, законодательные собрания 17 штатов США приняли резолюции, предлагающие конгрессу внести решение о пересмотре устава ООН, а на случай неприятия предложения Советским Союзом действовать без него. Был разработан проект «конституцию мира», известной под названием «чикагский план». Над его созданием особый комитет «федералистов» трудился два года. В преамбуле документа провозглашалось: «Эпоха наций приходит к концу, начинается эра человечества». По примеру США «всемирного президента» предлагалось наделить огромными полномочиями, он должен возглавлять все вооруженные силы в мире, стать главным судьей и председателем «всемирного суда».

Американское движение за создание «всемирного правительства» возникло в конце Второй мировой войны. В сентябре 1945 г. к движению примкнул знаменитый физик А. Эйнштейн, заявивший, что единственный способ спасения цивилизации и человечества — создание мирового правительства, решения которого должны иметь обязательную силу для государств-членов сообщества наций. К этой теме ученый неоднократно возвращался и позже. В сентябре 1947 г. в открытом письме делегациям государств-членов ООН он предлагал реорганизовать Генеральную ассамблею ООН, превратив ее в непрерывно работающий мировой парламент, обладающий более широкими полномочиями, чем Совет Безопасности, который якобы парализован в своих действиях из-за права вето.

В ноябре 1947 г. крупнейшие советские ученые (С. И. Вавилов, А. Ф. Иоффе, Н. Н. Семенов, А. А. Фрумкин) в открытом письме высказали свое несогласие с А. Эйнштейном. Наш народ, писали они, отстоял независимость в великих битвах Отечественной войны, а теперь ему предлагается добровольно поступиться ею во имя некоего «всемирного правительства», «прикрывающего громко звучащей вывеской мировое господство монополий». Советские физики дипломатично писали, что их коллега обратился к «политическому прожектерству», которое играет на руку врагам мира, вместо того, чтобы прилагать усилия для налаживания экономического и политического сотрудничества между государствами различной социальной и экономической структуры. В ответном письме Эйнштейн назвал опасения мирового господства монополий мифологией, а неприятие идеи «сверхгосударства» тенденцией к «бегству в изоляционизм», особенно опасный для Советского Союза, «где правительство имеет власть не только над вооруженными силами, но и над всеми каналами образования, информации, а также над экономическим существованием каждого гражданина». Иначе говоря, утверждалось, что только разумное мировое правительство может стать преградой для неразумных действий советских властей. С такими выводами в СССР, естественно, согласиться не могли. Соответствующие разъяснения Эйнштейну были даны в статье с говорящим названием «О беззаботности в политике и упорстве в заблуждениях» (Новое время. 1948.

№ 11). Единственный путь к предотвращению новой войны советская сторона видела в объединении всех антиимпериалистических и демократических сил, их борьбе против планов новых войн, против нарушения суверенитета народов в целях их закабаления.

На Западе тем не менее продолжали рассчитывать на принятие Советским Союзом предложений о создании «мировой федерации» и «привитие» западного понимания культуры «русским коммунистам», поскольку коммунистическое учение выросло «из Западной философии». В 1948 г. группа американских ученых, называющих себя «гражданами мира» и представителями «единой мировой науки», вновь обращалась «к ученым всего мира» с предложением поддержать создание «Соединенных Штатов Мира». По представлениям многих приверженцев этой космополитической идеи, образцом мирового государства являлись США, и дело оставалось лишь за тем, чтобы все независимые народы и страны были сведены к положению штатов Техас или Юта.

Реакция И. В. Сталина на подобные предложения нашла выражение в надписи на странице проекта новой Программы партии: «Теория “космополитизма” и образования Соед[иненных] Штатов Европы с одним пр[авительст]вом. “Мировое правительство”». Эта надпись, сделанная летом 1947 г., неразрывно связывает теории космополитизма и сверхгосударства, объясняет, по существу, главную причину открытия в СССР кампании по борьбе с космополитами. «Идея всемирного правительства, — говорил А. А. Жданов на совещании представителей компартий в Польше в сентябре 1947 г., — используется не только как средство давления в целях идейного разоружения народов... но и как лозунг, специально противопоставляемый Советскому Союзу, который неустанно и последовательно отстаивает принцип действительного равноправия и ограждения суверенных прав всех народов, больших и малых». На протяжении 1945–1953 гг. советские СМИ неоднократно обращались к теме о всемирном правительстве, разоблачая его «реакционную сущность».

Реагируя на выступление американского президента Г. Трумэна перед канзасскими избирателями, в котором утверждалось, что «народам будет так же легко жить в добром согласии во всемирной республике, как канзасцам в Соединенных Штатах», советский ученый Е. А. Коровин в своей статье «За советскую патриотическую науку права» (1949) писал: «Первая и основная ее задача — отстаивать всеми доступными ей средствами национальную независимость, национальную государственность, национальную культуру и право, давая сокрушительный отпор любой попытке посягательства на них или хотя бы на их умаление».

Кампания по борьбе с космополитизмом была направлена не только против претензий США на мировое господство под новыми лозунгами, но и против возникавших там новых проектов, нацеленных на разрушение советского патриотизма и замену его «общечеловеческими ценностями». Ценности эти оказывались вполне совместимыми с тра-

диционным патриотизмом американцев и отношением к Америке «космополитов» в других странах, призывавших, по примеру французского литератора Жоржа Бернаноса, признать Америку «своей дорогой родиной». К началу 1949 г. в проповеди космополитизма объединялись представители самых разных сил Западного мира — «от папы римского до правых социалистов». В СССР в этом усматривали создание единого фронта против СССР и стран новой демократии, подготовку войны.

Пик и спад антикосмополитической кампании. Начавшаяся после войны кампания по укреплению советского патриотизма, преодолению низкопоклонства перед Западом, к концу 1948 г. стала приобретать заметно выраженный антисемитский оттенок. Если поначалу космополитами представлялись приверженцы определенных направлений в науке (школы академиков А. Н. Веселовского в литературоведении, М. Н. Покровского в истории) без различия национальности, то со временем среди них стали все чаще фигурировать еврейские фамилии. Происходило это, скорее, по объективной причине. Евреи, как исторически сложившаяся диаспора Европы, издревле занимали прочные позиции в области интеллектуального труда. После Октябрьской революции они были представлены в советской интеллигенции во много раз большим удельным весом, чем в населении страны, и активно участвовали в политической и идеологической борьбе по разные стороны баррикад.

После войны евреи составляли 1,3% населения СССР. В то же время, по данным на июль 1946 г., среди ведущих сотрудников Совинформбюро евреев насчитывалось 48%, русских — 39,6%. По данным на начало 1947 г., среди заведующих отделами, лабораториями и секторами Академии наук СССР по отделению экономики и права евреев было 58,4%; по отделению химических наук — 33, физико-математических наук — 27,5; технических наук — 25. В начале 1949 г. 26,3% преподавателей философии, марксизма-ленинизма и политэкономии в вузах страны были евреями. В академическом Институте истории они составляли в начале 1948 г. 36% всех сотрудников, в конце 1949 — 21%. При создании Союза советских писателей в 1934 г. в московскую организацию было принято 351 человек, из них писателей еврейской национальности — 124 (35,3%), в 1935–1940 гг. среди вновь принятых писателей этой национальности насчитывалось 34,8%; в 1941–1946 — 28,4; в 1947–1952 — 20,3. В 1953 г. из 1102 членов московской организации Союза писателей русских было 662 (60%); евреев — 329 (29,8); украинцев — 23 (2,1); армян 21 (1,9); других национальностей — 67 человека (6,1%). Близкое к этому положение существовало в ленинградской писательской организации и в Союзе писателей Украины.

В такой ситуации любые сколько-нибудь значительные по количеству участников идеологические баталии и давление на «интеллигентов» со стороны власти представляли как явления, затрагивающие преимущественно еврейскую национальность. В том же направлении «ра-

ботали» довольно простые соображения: США стали нашим вероятным противником, а евреи там играют видную роль в экономике и политике. Израиль, едва успев родиться, заявил себя сторонником США. Советских евреев, имеющих широкие связи с американскими и израильскими сородичами и в наибольшей степени ориентированных со времен войны на развитие экономических и культурных связей с буржуазными странами Запада, необходимо рассматривать как сомнительных советских граждан и потенциальных изменников. Выводы созданной по личному поручению Сталина комиссии в составе А. А. Кузнецова, Н. С. Патоличева и М. А. Сулова по обследованию и изучению деятельности Совинформбюро (сформулированы в записке от 10 июля 1946 г.) о недопустимой концентрации евреев в учреждении, неудовлетворительно ведущем нашу пропаганду за рубежом, стали, пожалуй, первым послевоенным предвестником грядущей кампании борьбы с космополитизмом.

Кампания по борьбе с космополитами приобрела разнузданную форму вскоре после арестов активистов Еврейского антифашистского комитета. Поводом для ее развязывания стал доклад Г. М. Попова, первого секретаря МК и МГК ВКП(б). В первой половине января 1949 г., будучи на приеме у Сталина, он обратил его внимание на то, что на пленуме Союза советских писателей при попустительстве Агитпропа ЦК «космополиты» сделали попытку сместить А. Фадеева, он же из-за своей скромности не смеет обратиться к товарищу Сталину за помощью. (На протяжении 1948 г. Агитпроп не придавал значения рекомендациям Фадеева заняться Всероссийским театральным обществом — «гнездом формалистов, чуждых советскому искусству».) Когда Д. Т. Шепилов, в свою очередь принятый Сталиным, начал говорить о жалобах театральных критиков на гонения со стороны руководства ССП и в доказательство положил на стол соответствующее письмо, Сталин, не взглянув на него, раздраженно произнес: «Типичная антипатриотическая атака на члена ЦК товарища Фадеева». После этого «оказавшемуся не на высоте» Агитпропу не оставалось ничего иного, как немедленно включиться в отражение «атаки».

24 января 1949 г. решением Оргбюро ЦК главному редактору «Правды» П. Н. Поспелову было поручено подготовить по этому вопросу редакционную статью. После указаний Маленкова она получила название «Об одной антипатриотической группе театральных критиков» и опубликована 28 января 1949 г.

В статье говорилось: «В театральной критике сложилась антипатриотическая группа последней буржуазного эстетства, которая проникает в нашу печать и наиболее развязно орудует на страницах журнала “Театр” и газеты “Советское искусство”. Эти критики утратили свою ответственность перед народом; являются носителями глубоко отвратительного для советского человека, враждебного ему безродного космополитизма; они мешают раз-

витию советской литературы, тормозят ее движение вперед. Им чуждо чувство национальной советской гордости». Антипатриотами представлены А. М. Борщаговский, Г. Н. Бояджиев, Я. Л. Варшавский, А. С. Гурвич, Л. А. Малюгин, Е. Г. Холодов, Ю. (И. И.) Юзовский.

На следующий день в редакционной статье «Литературной газеты» с названием «До конца разоблачить антипатриотическую группу театральные критиков» к ним был добавлен И. Л. Альтман. Вслед прогремели залпы газетных статей с заголовками «Эстетствующие клеветники»; «Космополиты в кинокритике и их покровители»; «Против космополитизма и формализма в поэзии»; «Безродные космополиты в ГИТИСе»; «Против космополитизма в музыкальной критике»; «Решительно разоблачать происки буржуазных эстетов»; «До конца разгромим космополитов-антипатриотов»; «Против космополитизма в философии»; «Разгромить буржуазный космополитизм в киноискусстве»; «Наглые проповеди безродного космополита»; «Против космополитизма и формализма в музыкальном образовании»; «Убрать с дороги космополитов»; «Против буржуазного космополитизма в литературоведении»; «До конца разоблачить буржуазных космополитов в музыкальной критике»; «Изгнать буржуазных космополитов из советской архитектурной науки» и т.п., в которых разгромной критике подвергнуты еще десятки представителей советской интеллигенции.

Научные журналы помещали отчеты о собраниях, призванных искоренять космополитизм, в менее эмоционально окрашенных статьях с заголовками типа «О задачах советских историков в борьбе с проявлениями буржуазной идеологии», «О задачах борьбы против космополитизма на идеологическом фронте». Космополиты обнаруживались повсюду, но главным образом в литературно-художественных кругах, редакциях газет и радио, в научно-исследовательских институтах и вузах. В процессе кампании 8 февраля 1949 г. принято решение Политбюро о роспуске объединений еврейских писателей в Москве, Киеве и Минске, о закрытии альманахов на идиш. Дело не ограничивалось критикой и перемещениями «космополитов» с престижной на менее значимую работу. Их преследование нередко заканчивалось арестами. По данным И. Г. Эренбурга, до 1953 г. арестовано 217 писателей, 108 актеров, 87 художников, 19 музыкантов.

С 23 марта 1949 г. кампания пошла на убыль. Еще в ее разгар Сталин дал указание Поспелову: «Не надо делать из космополитов явление. Не следует сильно расширять круг. Нужно воевать не с людьми, а с идеями». Видимо, было решено, что основные цели кампании достигнуты.

При этом арестованных не освободили, уволенных с работы на прежние места не взяли. Однако наиболее ретивые участники кампании по борьбе с космополитизмом были сняты со своих постов. Среди них оказались заместитель заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК профессор Ф. М. Головенченко, выступавший повсеместно с докладом

«О борьбе с буржуазным космополитизмом в идеологии», и редактор газеты «Советское искусство» В. Г. Вдовиченко. Последний, как отмечалось в письме Шепилова Маленкову от 30 марта 1953 г., до недавнего времени всячески привлекал к работе в газете критиков-антипатриотов, а после их разоблачения поднял в газете шумиху, изображая дело так, что космополиты проникли всюду. Во всем этом обнаруживался почерк автора статьи «Головокружение от успехов». Молва приписывала произвол исполнителям, а Сталин будто бы его останавливал.

Следует, однако, принимать во внимание, что в период кампании происходили наиболее масштабные перемещения в высших структурах власти, а ее жертвами были далеко не одни евреи. По оценкам израильских исследователей, в общем числе пострадавших они составляли не слишком значительное меньшинство. Среди арестованных по «делу врачей» представителей других национальностей было в три раза больше, чем евреев. Объяснять кампанию по борьбе с космополитами в СССР сталинским антисемитизмом некорректно. Как и кампании 1930-х годов, она была связана и с политической борьбой на международной арене, и с глубинными социальными, национально-политическими процессами, со сменой элит в советском обществе.

Большой разброс мнений о причинах кампании позволяет выделить некоторые из них. К. М. Симонов обращает внимание на то, что в послевоенной жизни и сознании «кроме нагло проявившегося антисемитизма» наличествовал «скрытый, но упорный ответный еврейский национализм», обнаруживавший себя «в области подбора кадров». М. П. Лобанов видит причину в том, что еврейство вышло из войны «с неслыханно раздутой репутацией мучеников, вооружавшей его на далеко идущую активность», борьба с космополитизмом явилась реакцией на «еврейские притязания — стать откровенно господствующей силой в стране». В диссидентских кругах борьбу с космополитами объясняли отходом Сталина от «основной коммунистической догмы — космополитизма, антинационализма» и переходом его на патриотические позиции. «Патриотизм — огромный скачок от наднационального коммунизма. С коммунистической точки зрения, — писал В. Чалидзе, — обращение к патриотизму даже во время войны — еретично». И. Данишевский представляет послевоенную борьбу с космополитами воистину кампанией «против коммунизма, ибо коммунизм по сути своей космополитичен, коммунизму не нужны предки, ибо он сам без роду без племени».

На наш взгляд, процессы 1948–1949 гг. наиболее адекватно характеризует академик И. Р. Шафаревич. Сопоставляя два наиболее громких «дела» тех лет, он пишет в своей книге «Трехтысячелетняя загадка» (2002): «Если рассматривать “дело ЕАК” как яркое проявление “сталинского антисемитизма”, то “Ленинградское дело” надо было бы считать столь же ярким проявлением сталинской русофобии. На самом же деле

в обоих случаях режим стремился взять под контроль некоторые национальные импульсы, допущенные им во время войны в пропагандистских целях. Эти действия составляли лишь элементы в цепи мер, принятых после войны для консолидации победившего и укрепляющегося коммунистического строя».

Дискуссия о языкознании. В 1950 г. Сталин принял личное участие в дискуссии по проблемам языкознания. К этому времени учение академика Н. Я. Марра, провозглашенное в конце 1920-х годов «едиственно правильным», обнаруживало несостоятельность своих основ. Вопреки обычным лингвистическим представлениям о постепенном распаде единого праязыка на отдельные, но генетически родственные, «новое учение» утверждало прямо противоположное, а именно, что языки возникали независимо друг от друга. Марр полагал, что первичная звуковая речь состояла всего из четырех элементов — *сал, бер, йон, рош*. Считалось, что эти элементы («диффузные выкрики», как говорил наиболее влиятельный последователь Марра академик И. И. Мещанинов) возникли вместе с другими искусствами в эволюции трудового процесса, представлявшего собой магию, и долгое время не имели никакого словарного значения. Элементы (чаще всего в модифицированном виде) без труда обнаруживались в каждом из слов любого языка. В своем развитии языки, по Марру, претерпевали процессы скрещивания: в результате взаимодействия два языка превращались в новый, третий, который в равной степени являлся потомком обоих.

Теории Марра были созвучны представлениям 1920-х годов о близкой мировой революции и надеждах многих еще успеть поговорить с пролетариями всех континентов на мировом языке. Подобно тому, писал Марр, «как человечество от кустарных разобщенных хозяйств и форм общности идет к одному общему мировому хозяйству... так и язык от первоначального многообразия гигантскими шагами продвигается к единому мировому языку». В Советском Союзе Марр видел не только создание новых национальных языков, но и то, как в результате их скрещивания (взаимопроникновения) развивается процесс «снятия множества национальных языков единством языка и мышления».

К началу 1950-х годов явно утрачивали актуальность предложения о форсировании работы по созданию искусственного мирового языка. Время выявило особую роль русского языка в процессе перехода к будущему мировому языку в пределах СССР. Об этом, в частности, говорилось в написанной ранее, но только что опубликованной статье Сталина «Ленинизм и национальный вопрос». После ее появления последовательная смена мировых языков изображалась в «Правде» следующим образом: латынь была языком античного мира и раннего средневековья; французский был языком господствующего класса фе-

одальной эпохи; английский стал мировым языком эпохи капитализма; заглядывая в будущее, мы видим русский «как мировой язык социализма»; его распространение обогащает национальные литературы, «не посягая на их самостоятельность».

К 1950 г. выявилось также, что марризм оскорбляет национальные чувства китайцев и грузин. Известен целый ряд случаев, когда китайские студенты и стажеры, обучавшиеся в СССР, отказывались изучать языковедение по Марру. Согласно его учению, выделялись четыре стадии развития языков. На низшей пребывал китайский и ряд африканских языков; на второй находились угро-финские, турецкие и монгольские языки; на третьей — яфетические (кавказские) и хамитские; на высшей — семитские и индоевропейские (арабский, еврейский, индийский, греческий, латинский). Получалось, что китайский язык связан лишь с начальным этапом развития языков, а грузинский по развитию стоял ниже еврейского.

Немаловажным было и то, что марризм вошел в противоречие с национально-политическими устремлениями влиятельной части грузинской элиты, обнаружившей, что он содействует суверенным настроениям в Абхазии. Марр не относил абхазский язык к иберийской группе языков. В противовес этому развивалась концепция единства кавказско-иберийских языков, включая в них кабардинский, адыгейский, абазинский, абхазский. Это соответствовало стремлениям грузинской элиты со временем поглотить Абхазию и территории, подвассальные Грузии во времена ее наибольших военно-политических успехов.

С чисто академической точки зрения представления о стадийности развития языка оспаривали крупные ученые В. В. Виноградов, А. А. Реформатский и др. С позиций марризма, они продолжали «отжившие свой век традиции дореволюционной либерально-буржуазной лингвистики». Ситуация в языкознании по настоянию первого секретаря ЦК КП Грузии К. Н. Чарквиани была обрисована в письме Сталину, направленному грузинским академиком А. С. Чикобавой в марте 1950 г. Большое значение имела и поддержка ученого со стороны такого «лингвиста», как Л. П. Берия.

Личные беседы Сталина с приглашенным в Москву А. С. Чикобавой укрепили его в необходимости пересмотреть господствующую в стране языковедческую теорию. Маленков беседовал по этим вопросам с академиком В. В. Виноградовым. По предложению Сталина Чикобава подготовил статью по проблемам языкознания для «Правды». 9 мая 1950 г. она была опубликована «в порядке обсуждения». В ней говорилось о необходимости пересмотра общелингвистических построений Марра, без чего «невозможна разработка системы советской лингвистики». Марристов это требование поразило. Некоторые считали его безумной выходкой сошедшего с ума языковеда. Они опровергали Чикоба-

ву до 20 июня 1950 г., пока в «Правде» не появилась статья Сталина «Относительно марксизма в языкознании». 11 и 28 июля последовало продолжение. Позднее эти работы издавались в брошюре под общим названием «Марксизм и вопросы языкознания».

Сталин решительно отвергал утверждения о том, что краеугольные положения теории Н. Я. Марра («язык есть надстройка над базисом», «классовый характер языка», «стадиальность развития языка») являются марксистскими. С этого времени Марр стал восприниматься как ученый, который хотел быть марксистом, но не сумел стать им: «Он был всего лишь упростиателем и вульгаризатором марксизма, вроде “пролет-культуровцев” или “рапповцев”».

Освобождение советского языкознания от пут марризма не обошлось без курьеза. В. В. Виноградов, готовивший материалы для сталинских статей о языкознании, увидел в «Правде» от 11 июля, что в объяснении происхождения русского языка допущена ошибка. Вместо того чтобы сказать, что русский язык произошел из курско-московского диалекта, написано: из курско-орловского (по аналогии с курско-орловской дугой). Виноградов позвонил Поскребышеву, сказал об ошибке. Тот ответил: «Раз товарищ Сталин написал про курско-орловский диалект, значит, из него теперь и будет происходить русский язык».

Существенной для теории и практики была интерпретация сталинских статей. Русский представлялся теперь языком, который «будет безусловно одним из наиболее богатых и выдающихся зональных языков, мощных средств межнационального общения и сыграет большую роль в создании будущего единого мирового языка, в создании его основного словарного фонда и грамматического строя».

Дискуссия по вопросам политэкономии. Еще одна дискуссия, оставившая большой след в истории науки и идеологической жизни страны, состоялась в ноябре 1951 г. Она была связана с подготовкой учебника политической экономии, которому придавалось исключительно большое значение. Работа эта началась еще до войны. По поручению Сталина ее вел известный экономист Л. А. Леонтьев. После войны работа была продолжена, однако ни один из подготовленных вариантов Сталина не удовлетворил. В мае 1950 г. решением Политбюро ЦК написание учебника поручили группе ученых-экономистов (К. В. Островитянов, Л. А. Леонтьев, Д. Т. Шепилов и др.).

Через год макет учебника был представлен в Политбюро, затем разослан специалистам по общественным наукам, партийным и хозяйственным работникам с предложением обсудить его на Всесоюзной экономической дискуссии. Председательствовавший на ней Г. М. Маленков подчеркивал, что ЦК готов рассмотреть любые предложения, связанные с совершенствованием макета. С 10 ноября по 8 декабря 1951 г. в рамках дискуссии проведено 21 заседание, в которых приняли

участие около 240 ученых. В их числе были крупные экономисты И. А. Анчишкин, Е. С. Варга, Я. А. Кронрод, В. С. Немчинов, А. Н. Ноткин, К. В. Островитянов, А. М. Румянцев.

По воспоминаниям Д. Т. Шепилова, подавляющее большинство участников одобрили подготовленный проект, вносили поправки, давали советы по структуре и формулировкам, но были и «явно заушательские», «вульгарные, совершенно неквалифицированные» выступления. На основе материалов дискуссии были подготовлены и посланы Сталину предложения по улучшению макета, устранению ошибок и неточностей, справка о спорных вопросах.

1 февраля 1952 г. Сталин откликнулся на прошедшую дискуссию и присланные материалы «Замечаниями по экономическим вопросам, связанными с ноябрьской дискуссией 1951 г.». Высказав ряд собственных соображений по содержанию учебника, он не согласился с разностной критикой макета, считая, что он «стоит на целую голову выше существующих учебников». Решением Политбюро его авторам был предоставлен еще один год для доработки учебника. Свою роль в его подготовке Сталин свел к написанию замечаний к проекту и ответов на адресованные ему вопросы. («Ответ т-щу Ноткину, Александру Ильичу», «Об ошибках т. Ярошенко Л. Д.», «Ответ товарищам Саниной А. В. и Венжеру В. Г.»). Их содержание вошло в книгу «Экономические проблемы социализма в СССР», ставшую последней теоретической работой И. В. Сталина.

В ней, по сути дела, отвергалась рыночная экономика; обосновывались еще большее огосударствление экономической жизни в стране, приоритетность развития тяжелой промышленности, необходимость свертывания и превращения кооперативно-колхозной собственности в государственную, сокращение сферы товарного обращения. Книга содержала важные в политическом отношении положения: «неизбежность войн между капиталистическими странами остается в силе»; «чтобы устранить неизбежность войн, надо уничтожить империализм».

С высоты наших дней видно, что в этом произведении не получили поддержки новаторские подходы ученых, которые выступали за учет интересов широких масс трудящихся и за более масштабное включение в производственный процесс хозяйственных методов. Существенно была также переоценена степень внутренних противоречий капиталистической системы и не учтены ее способности к саморегуляции. Объясняется это тем, что постаревший Сталин оказался в состоянии эйфории от казавшейся близкой окончательной победы социализма.

Некоторые положения классиков марксизма-ленинизма Сталин объявил несостоятельными. Так, неверным было названо положение Ф. Энгельса о том, что ликвидация товарного производства должна стать первым условием социалистической революции. Сталин утверждал, что

законы товарного производства действуют и при социализме, но их действие носит ограниченный характер. Отбрасывалось как ошибочное положение Энгельса, будто стирание грани между городом и деревней должно повести к гибели больших городов. Объявлен был устаревшим тезис Ленина (1916) о том, что, «несмотря на загнивание капитализма в целом, капитализм растет неизмеримо быстрее, чем прежде». Отказался Сталин и от собственного, высказанного до войны, тезиса «об относительной стабильности рынков в период общего кризиса капитализма». По поводу развития ведущих капиталистических стран он заявил: «Рост производства в этих странах будет происходить на суженной базе, ибо объем производства в этих странах будет сокращаться». Отдельные члены Политбюро (Молотов, Микоян) не были уверены в правильности положений «Экономических проблем». Это стало причиной дальнейшего охлаждения к ним Сталина.

Пожалуй, наиболее значимым для тогдашних властей в этой книге было положение о возможности построения коммунизма в СССР даже в условиях капиталистического окружения. Для решения этой исторической задачи, по Сталину, требовалось бы выполнить три условия. 1) Обеспечить не только рациональную организацию производительных сил, но и непрерывный рост всего общественного производства с преимущественным развитием производства средств производства, что дает возможность осуществить расширенное воспроизводство. 2) Путем постепенных переходов поднять колхозную собственность до уровня общенародной, а товарное обращение тоже постепенно заменить системой продуктообмена с целью охвата им всей продукции общественного производства. 3) Добиться такого культурного роста общества, который бы обеспечил всем членам общества всестороннее развитие их физических и умственных способностей.

По свидетельству Молотова, Сталин работал над второй частью своего труда. Но она так и не увидела света. Учебник «Политическая экономия» (1954), доработанный с учетом опубликованных сталинских положений, стал первым систематическим изложением теоретических основ и апологией административно-командной экономической системы социализма, просуществовавшей в почти неизменном виде до 1985 г.

Таким образом, можно сказать, что политический процесс 1945–1953 гг. не совсем укладывается в расхожие представления о постоянном нарастании черт тоталитаризма в годы правления Сталина. В тот период тесно переплетались два противоположных курса — на сохранение и развитие репрессивной роли государства и на формальную демократизацию политической системы.

Первая тенденция выразилась в большом количестве арестованных и осужденных за контрреволюционные преступления и антисоветскую агитацию. О масштабах репрессий дает представление справка, составленная по тре-

бованию Н. С. Хрущева в 1954 г. В ней значилось, что с 1921 по 1 февраля 1954 г. в СССР за контрреволюционные преступления были осуждены коллегией ОГПУ, тройками НКВД, Особым совещанием, Военной коллегией Верховного суда СССР и военными трибуналами 3 777 880 человек, в том числе к высшей мере наказания — 642 980 человек, 236 922 человек осуждены на различные сроки заключения, 765 180 человек высланы. Ежегодно в исправительно-трудовых лагерях содержалось от 0,5 до 1,5 млн человек, из которых политические заключенные составляли в 1930-е годы до 35%. В 1946–1950 гг. общее число политзаключенных увеличилось (в основном из-за осуждения предателей и бывших военнопленных) с 338 883 до 578 912 человек, однако их доля в общем количестве заключенных снизилась до 23%. Всего в СССР в 1953 г. заключенных (включая контингент исправительно-трудовых колоний) насчитывалось 2 468 524 человека. Все последующие попытки уточнения этих данных не привели к сколько-нибудь существенному изменению порядка приведенных цифр. По данным КГБ (февраль 1990 г.), в СССР с 1930 по 1953 г. осуждены за государственные и контрреволюционные преступления 3 778 234 человека (2% от численности населения СССР в 1953 г.). Из них 786 098 приговорены к расстрелу, реабилитированы (прижизненно и посмертно) 844 470. Через исправительно-трудовые лагеря с 1930 по 1953 г. прошли 11,8 млн человек, через колонии — 6,5 млн. Из общего числа заключенных (18,3 млн) за контрреволюционные преступления осуждено 3,7 млн (20,2%). По существующим оценкам, в заключении умерли около 1,8 млн узников.

Сведения о приговоренных к высшей мере наказания за контрреволюционные и другие особо опасные преступления свидетельствуют, что в 1937–1938 гг. по делам органов НКВД приговорено к высшей мере наказания 681 692 человека. Иначе говоря, в годы «большого террора» страна ежегодно теряла по этой статье 970–900 человек. В 1939–1940 гг. таких приговоров выносилось по 7–5 в день (примерно столько же, сколько в 1932–1934, и почти в два раза больше, чем в 1935–1936 гг.); в 1946 г. — 8, в 1947 — 3; в 1950 г. — 1–2, в 1951–1952 гг. — 4–5, в первую половину 1953 г. — один приговор в день. Жестокость в послевоенной политической и идеологической борьбе по сравнению с 1930-ми годами шла на убыль. С 26 мая 1947-го до 12 января 1950 г. в стране не было смертной казни.

Вторая тенденция в послевоенном политическом процессе проявилась в оживлении общественной жизни, возобновлении после долгого перерыва съездов общественных и общественно-политических организаций СССР. В 1949 г. состоялись X съезд профсоюзов и XI съезд комсомола (случаи соответственно 17 и 13 лет после предыдущих). В 1952 г. состоялся XIX съезд партии.

В 1946–1947 гг. велась разработка проектов новой Конституции СССР и Программы ВКП(б). Конституционный проект предусматривал развитие демократических начал в жизни общества. В процессе обсуждения проекта высказывались пожелания о децентрализации экономической жизни, расширении хозяйственной самостоятельности местных управленческих организаций. Проект партийной Программы базировался на доктрине перерастания диктатуры пролетариата в об-

шенародное государство. Важное место в проекте отводилось социальным аспектам развития страны. Выдвигалась задача развернуть жилищное строительство и обеспечить каждому трудящемуся благоустроенную отдельную комнату, а каждой семье — отдельную квартиру. Предлагалось наладить массовое производство автомобилей и предоставить каждому гражданину в пользование легковой автомобильный транспорт. Говорилось о необходимости развернуть подготовку к обеспечению бесплатного снабжения продуктами питания и обслуживания граждан первоклассными столовыми, прачечными, другими культурно-бытовыми учреждениями. Проект Программы партии предусматривал, по мере продвижения к коммунизму, осуществлять принцип выборности всех должностных лиц государственного аппарата, максимально развивать самостоятельные добровольные организации. Обращалось внимание на необходимость развертывания работы по коммунистическому изменению сознания людей, воспитанию у широких народных масс начал социалистической гражданственности, трудового героизма, красноармейской доблести; повышению всего народа до уровня знатных людей Советской страны.

Работа над обоими проектами прекратилась в связи с ужесточением внутривластного курса и осуждением главных руководителей разработок, деятелей ленинградской «антипартийной группировки». Внимание вновь направлялось не столько на выработку эффективных мер по подъему экономики, сколько на поиски конкретных «виновников» ее неудовлетворительного развития. Вопрос о новой Программе КПСС вновь поставлен на XIX съезде партии. Признав устаревшими многие положения действовавшей программы, съезд постановил руководствоваться при подготовке нового главного партийного документа положениями сталинской книги «Экономические проблемы социализма в СССР». Основные постулаты этого произведения, так же как и разработки программной комиссии А. А. Жданова 1947 г., легко обнаруживаются в принятой много лет позже, в 1961 г., третьей Программе КПСС.

Наиболее пагубным в послевоенном сталинском курсе было продолжение прежней стратегии в отношении деревни и сельского хозяйства — отчуждение тружеников от средств производства, сохранение неэквивалентного обмена с городом. За 1946–1953 гг. стоимость поставок сельского хозяйства в другие отрасли народного хозяйства равнялась 298 млрд рублей, а поставок в сельское хозяйство — 193 млрд рублей. По словам Хрущева, Сталин «знал лишь одно средство работы с деревней — нажим, выколачивание сельскохозяйственных продуктов». Сталинская власть не давала себе отчета в том, что такая стратегия рано или поздно приведет к кризису снабжения городов и легкой промышленности продовольствием и сырьем.

§ 1. Победы и поражения в борьбе за новый курс развития страны. Изменения в общественно-политической жизни

Расстановка сил в политическом руководстве. Начало преодоления «культы личности». Первые 11 лет после смерти И. В. Сталина вошли в историю как время «оттепели» — относительной либерализации во внутренней и внешней политике СССР. Однако реформы в политической и экономической сферах, проводимые сверху, оказались непоследовательными. Традиции авторитаризма, присущие российской политической истории и сугубо усиленные «сталинской эпохой», крепко держали в своем плену наследников власти Сталина и были особенно сильны в партийно-государственном аппарате.

Наследники сталинской власти заявили о своей готовности осуществлять коллективное руководство страной. Ежедневно собирались заседания Политбюро ЦК и правительства СССР, регулярно созывались пленумы ЦК, съезды партии. Однако с первых же дней совместной работы началась борьба за лидерство. Основными соперниками в ней выступали Л. П. Берия, Г. М. Маленков и Н. С. Хрущев, которые находились в ближайшем окружении Сталина и были причастны к необоснованным репрессиям. В то же время они в большей мере, чем представители старшего поколения политических деятелей — А. А. Андреев, К. Е. Ворошилов, В. М. Молотов, Л. М. Каганович, тоже причастные к репрессиям и поставленные на грань исключения из большой политики в конце сталинского правления, — понимали необходимость смены политического курса, восстановления законности, проведения реформ.

В развернувшейся борьбе Берия опирался на силовые ведомства, базой Маленкова было правительство страны, Хрущева — партийный аппарат. Политический вес партаппарата в то время был меньше не только веса Совета министров, но и МВД. О соотношении сил можно судить хотя бы по таким фактам: заработная плата уполномоченных госбезопасности на районном уровне была в 4 раза больше, чем у секретарей райкомов партии. У госчиновников квартиры были лучше, чем у партчиновников. О личном отношении лидера партноменклатуры к шефу МВД свидетельствует выразительная фраза, сказанная Хруще-

вым Н. А. Булганину сразу после смерти Сталина: «Если Берия получит госбезопасность, это будет началом нашего конца».

Борьба за лидерство стоила Берии жизни (декабрь 1953 г.). Она же привела к утрате позиций, завоеванных Маленковым (в феврале 1955 г. он потерял пост главы правительства), Молотовым (снят с поста министра иностранных дел в июне 1956 г.), разгрому так называемой «антипартийной» группы Маленкова, Кагановича, Молотова (июнь 1957 г.), отстранению Г. К. Жукова от руководства Вооруженными силами страны (октябрь 1957 г.). В марте 1958 г. Булганин смещен с поста председателя Совмина СССР. Хрущев, возглавив с этого времени два высших поста в партийно-государственном руководстве (первого секретаря ЦК партии и председателя Совмина), стал единоличным лидером.

Сторонники Хрущева, пришедшие на освобожденные места в Президиум ЦК и Совмин СССР, известными по сталинским временам методами пытались укреплять авторитет нового лидера. Удалось, однако, создать «культ без личности». Безудержное реформаторство Хрущева по большей части не давало плодов и заставляло сомневаться в его мудрости. Большой поддержки Хрущеву не могли оказать А. Н. Косыгин (с июля 1957 г. заместитель, с мая 1960 г. первый заместитель Предсовмина) и Л. И. Брежнев, избранный в мае 1960 г. Председателем Президиума ВС СССР вместо Ворошилова. Напротив, Брежнев оказался одним из организаторов заговора, положившего конец политической карьере Хрущева в октябре 1964 г. Все отставки представлялись народу как следствие ошибок в определении и проведении нового курса внутренней и внешней политики государства.

С первых шагов новое руководство попыталось дистанцироваться от сталинской политики. Это проявилось уже 10 марта 1953 г., когда отчет о похоронах Сталина в «Правде» был оформлен в духе «культы». Речь нового главы правительства на траурном митинге набрана более крупным шрифтом, в газете опубликована сфальсифицированная фотография Маленкова, помещенного между Сталиным и Мао Цзедунем. В этой связи премьер заявил: «В прошлом у нас были крупные ненормальности, многое шло по линии культа личности. И сейчас надо сразу поправить тенденцию, идущую в этом направлении... Считаем обязательным прекратить политику культа личности!».

Однако вплоть до февраля 1956 г. официальное понятие «культы личности» и имя Сталина как бы не имели между собой ничего общего. В газетах, как и раньше, неизменно подчеркивалась его «неоценимая» роль в решении всех вопросов деятельности партии и государства. Например, в редакционной статье «Правды» от 14 января 1954 г. указывалось: «Ленинские программные указания по национальному вопросу нашли свое дальнейшее творческое развитие в произведениях великого

продолжателя бессмертного дела Ленина — И. В. Сталина». Его «классические» статьи по национальному вопросу переиздавались до 1959 г.

Поражение Берия. Несмотря на то что сразу после смерти Сталина фигурой номер один в руководстве страны считался Маленков, фактически ведущую роль начал играть Берия. Он исходил из того, что главным звеном в послесталинском обществе по-прежнему должны оставаться силовые ведомства, к руководству которыми выдвигались его ставленники. Уже 19 марта 1953 г. были заменены руководители МВД во всех союзных республиках, 12 автономных областях, 6 краях и 49 областях России. Новые руководители в свою очередь проводили замену кадров в среднем руководящем звене. Органы госбезопасности имели решающее слово при любых выдвижениях или перемещениях партийных, государственных и хозяйственных кадров. Такая активность не могла не вызывать настороженности коллег по Президиуму ЦК. Однако на первых порах они поддерживали Берию и его инициативы.

Первыми приказами новый министр создал следственные группы и комиссии по пересмотру дел, находящихся в производстве отделов и управлений МВД. Такие группы занимались делами «арестованных врачей», «бывших сотрудников МГБ», «работников Главного артиллерийского управления Военного министерства», по делам «о выселении граждан из Грузии», «по обвинению бывшего руководства ВВС и Министерства авиационной промышленности».

26 марта Берия направил в Президиум ЦК записку об амнистии. В ней отмечалось, что в исправительно-трудовых лагерях, тюрьмах и колониях содержится 2 526 402 заключенных, из них 221 435 (8,8%) особо опасных государственных преступников (шпионы, диверсанты, террористы, троцкисты, эсеры, националисты и др.). В то же время, по данным на начало 1953 г., в стране насчитывалось 2 819 776 состоящих на учете в органах МВД спецпереселенцев, высланных, ссыльных и ссыльнопоселенцев, увеличивая общее число репрессированных до 5,3 млн человек.

Намечая курс на преодоление последствий людоедской сталинской политики, министр МВД для начала предложил освободить из мест заключения осужденных на срок до 5 лет, осужденных за должностные, хозяйственные, некоторые воинские преступления независимо от срока заключения, женщин, имеющих детей до 10 лет, а также беременных, несовершеннолетних, пожилых женщин и мужчин, неизлечимых больных. Предлагалось также сократить наполовину наказание осужденным к лишению свободы на срок свыше 5 лет. 27 марта 1953 г. Президиум ВС издал указ «Об амнистии», по которому на свободу выходило более трети советских заключенных. По подписи, стоявшей под указом, амнистию называли «ворошиловской». Реально было освобождено свыше миллиона человек и остановлено производство около 400 тыс. дел.

Начатые по инициативе Берии расследования привели не только к освобождению в апреле 1953 г. многих осужденных и подследственных по пересматриваемым делам. Они свидетельствовали о его намерениях найти виновников фальсификаций пересматриваемых дел. Главным ответственным за возникновение «дела врачей» был назван М. Д. Рюмин; за убийство С. М. Михоэлса — Сталин и Абакумов; за фальсификацию не только «дела врачей», но и «ленинградского», а также дела о Еврейском антифашистском комитете — бывший министр МГБ С. Д. Игнатьев. Расследование предыстории всех этих дел создало бы большую опасность для Маленкова. Идея «коллективного руководства» грозило разрушение новыми чистками по образцу 1930-х годов.

Однако предложения Берии пересмотреть всю систему арестов, суда и следствия не получили поддержки. С большим сомнением коллеги отнеслись и к его предложениям ослабить контроль государства над колхозами (как способ разрешить аграрный кризис), ограничить функции ЦК партии работой с кадрами и пропагандой, отказаться от курса на строительство социализма в ГДР (для смягчения международной напряженности). В апреле 1953 г. Берия сократил аппарат МВД в ГДР в 6 раз, выступал против начатого руководством ГДР «ускоренного» строительства социализма. Более того, он предлагал объединить ГДР с ФРГ на капиталистической основе в расчете на то, что воссоединенная Германия будет признательна СССР и в будущем поможет ему в экономическом плане.

Принятые 12 июня 1953 г. по инициативе Берии коррективы национальной политики: замещение руководящих кадров национальных республик преимущественно местными уроженцами, ведение делопроизводства на местном языке, отзыв в распоряжение ЦК не знающих местного языка номенклатурных работников — были чреватые, как показала начавшаяся практика их реализации, оживлением антирусских настроений и межнациональной напряженности, усилением потенции центробежных тенденций.

17 июня 1953 г. начались волнения рабочих в Восточном Берлине, а затем и в других городах ГДР, вызванные повышением с апреля цен на мясо, мясо- и сахаросодержащие продукты на 10–15% и обнародованием в мае решения о повышении с июля 1953 г. норм выработки на 10%. Восстание дало повод для развенчания либеральной политики Берии в германском вопросе.

После первых же сообщений о беспорядках в Берлин была направлена группа МВД во главе с заместителем министра С. А. Гоглидзе. С полудня 17 июня к наведению порядка была подключена Группа советских войск в Германии. К 23 июня в ГДР воцарилось спокойствие. Меры, вызвавшие недовольство германского рабочего класса, пришлось отменить. Были расширены поставки в ГДР продовольствия из СССР и других социалистических стран.

Сосредоточенность Берии на германских событиях сыграла свою роль в формировании заговора против него. В Президиуме ЦК КПСС образовался единый фронт всех (за исключением Микояна) членов. Поначалу предполагалось ограничиться перемещением Берии из МВД в Министерство нефтяной промышленности. Но в конце концов согласились с Молотовым, полагавшим, что «без решительных мер» не обойтись. Это означало необходимость ликвидации Берии как «врага народа». 26 июня он был арестован. Большая роль в успехе ареста принадлежала Хрущеву, заместителю министра обороны Г. К. Жукову, командующему Московским военным округом К. С. Москаленко и его заместителю П. Ф. Батицкому (маршалы Советского Союза с 1955 и 1968 г.). В тот же день указом Президиума ВС Берия снят с поста первого заместителя председателя правительства и министра внутренних дел, лишен всех званий и наград. Дело о его «преступных действиях» было передано на рассмотрение Верховного суда СССР.

Были преданы суду и выдвиженцы Берии: министр государственной безопасности СССР, на момент ареста министр госконтроля В. Н. Меркулов; начальник одного из управлений НКВД СССР, перед арестом — министр внутренних дел Грузии В. Г. Деканозов; заместитель наркома внутренних дел Грузии, затем замминистра Госбезопасности СССР, замминистра внутренних дел СССР Б. З. Кобулов; нарком внутренних дел Грузии, перед арестом — начальник одного из управлений МВД СССР С. А. Гоглидзе; начальник одного из управлений НКВД СССР, перед арестом — министр внутренних дел Украины П. Я. Мешик; а также начальник следственной части по особо важным делам МВД Л. Е. Влодзимирский.

Находясь под арестом в помещении штаба Московского округа ПВО, Берия направил в адрес ЦК несколько писем (опубликованы три — от 28 июня, 1 и 2 июля). В них он признал некоторые свои ошибки и просил не допустить расправы над ним «без суда и следствия», назначить комиссию, чтобы его дело тщательно разобрали и убедились, «что я абсолютно чист, честен, верный Вам друг и товарищ, верный член нашей партии». Письма остались без ответа.

2–7 июля «преступные антипартийные и антигосударственные действия» Берии были рассмотрены на пленуме ЦК. Выступивший на нем Маленков сообщил, что Президиум ЦК выявил множество вопиющих фактов нарушения Берией социалистической законности, уставных требований партии, злоупотребления служебным положением. Хрущев рассказал, что Берия не только осуществлял массовые репрессии советских людей, но и в огромных размерах злоупотреблял служебным положением, что на деле граничило с уголовным преступлением; нанес огромный вред ключевым отраслям народного хозяйства, внутренней и внешней политике СССР. Н. Н. Штатин говорил о найденных в сейфах Берии

документах, свидетельствовавших о его слежке за другими членами руководства страны и сборе компромата для того, чтобы при удобном случае их уничтожить. Особо отмечалось нравственное разложение Берии.

23 декабря 1953 г. он был расстрелян по приговору Специального судебного присутствия Верховного суда СССР. Версия об убийстве Берии в момент ареста, пущенная в оборот еще в 1953 г. и получающая новых сторонников в наше время (С. С. Миронин, Ю. И. Мухин, Е. А. Прудникова и др.), живет во многом благодаря тому, что материалы судебного процесса над Берией не опубликованы. Вместе с Берией в измене Родине и совершении террористических актов обвинены и приговорены к смертной казни его «приспешники». На эту группу были взвалены все преступления сталинского режима.

Разоблачение Берии и его сподвижников проходило в полном соответствии с традициями 1930–1940-х годов. В информационном заявлении об антипартийных и антигосударственных действиях Берии сообщалось, что его исключили из КПСС «как врага Коммунистической партии и советского народа». Игнатьев, предназначенный ранее Берией на эту роль, на июльском (1953) пленуме ЦК был восстановлен в рядах его членов и вскоре избран первым секретарем Башкирского обкома партии.

Возглавлявшееся Берией МВД после его расстрела было реорганизовано. На базе выделенных из министерства подразделений и учреждений 13 марта 1954 г. образован Комитет государственной безопасности при Совете министров СССР. Председателем назначен генерал-полковник И. А. Серов (руководил комитетом до декабря 1958 г.). Это был человек, формировавшийся в окружении Берии и Жукова, известный грубостью и бескультурьем, один из непосредственных исполнителей противозаконных акций по отношению к целым народам. Но он обладал также несомненным «достоинством» — был давним другом Хрущева. 8 августа 1955 г. он стал генералом армии. При проведении кампании по разоблачению Берии и чистке чекистских рядов от его единомышленников Серов за 2 года уволил из комитета 16 тыс. сотрудников «как не внушающих политического доверия, злостных нарушителей социалистической законности, карьеристов, морально неустойчивых».

Падение Маленкова. Упрочение позиций Хрущева. 8 августа 1953 г.

Г. М. Маленков выступил на сессии ВС СССР с изложением сообщений «о неотложных задачах в области промышленности и сельского хозяйства и мерах по дальнейшему улучшению материального благосостояния народа». Он предложил резко увеличить производство продовольствия и предметов потребления путем увеличения капиталовложений в легкую и пищевую промышленность, а также за счет повышения заготовительных цен на мясо, молоко, шерсть, картофель и овощи, снижения налогов (в 2 раза) и обязательных поставок с подсобного хозяйства колхозников.

Выступление имело оглушительный резонанс, имя председателя Совмина стало пользоваться огромной популярностью, особенно на селе. Казалось, что «никто не сможет в ближайшее время угрожать доминирующим позициям Маленкова». Таким был и прогноз спецслужб США. Однако они ошибались. Консерваторы в ЦК нашли обещания Маленкова чрезмерными (попросту говоря, демагогией). Они не видели возможностей для их выполнения. Симпатии оказались на стороне Хрущева — предложенный им курс казался предпочтительнее.

В начале сентября 1953 г. на пленуме ЦК был учрежден пост первого секретаря ЦК, на который 7 сентября был избран Хрущев. Избрание было во многом обеспечено поддержкой партийной номенклатуры, недовольной решениями от 25 мая и 13 июня 1953 г. об отмене так называемых «конвертов» — временного денежного довольствия, выплачивавшегося руководящим работникам партийного аппарата ежемесячно с 1948 г. в дополнение к зарплате. В августе стараниями Хрущева эти решения были аннулированы, размеры «довольствия» увеличены, выплачена разница за три месяца.

В ноябре 1953 г. на совещании по кадровым вопросам Хрущев сумел добиться еще большего расположения многочисленных и влиятельных работников партийного аппарата. Маленков, выступая на совещании, стал сетовать на перерождение партаппарата и невозможность обновления страны без его обновления. Хрущев заступился, напомнив, что «аппарат — это наша опора». Одобрением этих слов были долгие аплодисменты. Избрание Хрущева первым секретарем ЦК и его первые шаги в новой должности знаменовали победу аппарата ЦК в столкновении с аппаратом государственных институтов власти. ЦК КПСС и его лидеры вновь становились полновластными хозяевами в стране.

Суд над Берией значительно ослабил позиции Маленкова. Хрущев же, сделав Украине подарок в виде Крыма, переданного в январе 1954 г. из РСФСР по случаю 300-летия воссоединения Украины с Россией, ослабил горечь потерь украинцев от недавних репрессий и приобрел новых влиятельных сторонников в лице руководства украинской парторганизации и секретарей обкомов партии, располагавших значительным числом голосов в ЦК КПСС.

В марте 1954 г. Маленков допустил очередную «оплошность». Он заявил на одном из предвыборных собраний, что новая война при современных средствах ее ведения приведет к «гибели мировой цивилизации». Этим он навлек на себя гнев Молотова и других консерваторов. Маленкова обвиняли в том, что его заявление не способствует мобилизации общественного мнения на активную борьбу против преступных замыслов империалистов, может породить настроения безысходности и ненужности усилий народов, протестующих против империалистических планов. «Добил» Маленкова состоявшийся в декабре 1954 г. суд

над бывшими руководителями МГБ, обвиненными в фабрикации «ленинградского дела». Он был сильно скомпрометирован как один из организаторов расправы над «ленинградцами».

24 января 1955 г. «Правда» опубликовала большую статью секретаря ЦК Д. Т. Шепилова «Генеральная линия партии и вульгаризаторы марксизма». В ней без упоминания имени Маленкова критиковались его «глубоко ошибочные и политически вредные взгляды» на социалистическую экономику, предусматривающие необходимость на определенных этапах преимущественного развития отраслей группы «Б», т. е. производства товаров потребления. В постановлении Президиума ЦК от 31 января 1955 г. отмечалось его «теоретически неправильное и политически вредное противопоставление темпов развития тяжелой промышленности темпам развития легкой и пищевой промышленности» и выдвижение на сессии ВС СССР в августе 1953 г. лозунга «форсированного развития легкой индустрии».

31 января пленум ЦК принял решение об освобождении Маленкова от обязанностей председателя Совмина. Наряду с экономическими прегрешениями ему были поставлены в вину политическая незрелость, совместное с Берией намерение подавить роль Политбюро и ЦК, а также «моральная ответственность за позорное “ленинградское дело”». Покаявшийся и обещавший исправить «ошибки», он был оставлен членом Президиума ЦК и рекомендован на пост министра электростанций. 8 февраля 1955 г. ВС СССР назначил давнишнего сторонника Хрущева Н. А. Булганина новым руководителем правительства. На освобожденный им пост министра обороны был назначен Г. К. Жуков.

В мае 1955 г. по инициативе Хрущева был подписан мирный договор с Австрией, в соответствии с которым советские войска должны были покинуть эту страну в обмен на объявление ею постоянного нейтралитета. Сразу же после этого нормализованы отношения между СССР и Югославией. Хрущеву пришлось при этом признать вину и принести извинения за разрыв отношений в 1948 г., назвав ответственным за это Берию. Докладывая об итогах переговоров на пленуме ЦК в июле 1955 г., Хрущев отметил противодействие Молотова майским договоренностям. Тот пытался отстоять свою позицию, доказывая ошибочность уступок руководителям Югославии, которых продолжал считать «предателями, антимарксистами, перерожденцами», а посылку делегации к ним — «умалением престижа нашей великой страны». Выступившие в прения члены Президиума ЦК позицию Молотова не поддержали.

Сразу же после июльского (1955) пленума ЦК началась подготовка к очередному партийному съезду. Она велась в условиях усиления процесса освобождения политических заключенных. На 1 января 1954 г. их численность составляла 475 тыс. человек, к началу 1956 г. сократилась до 114 тыс. Росло и число реабилитированных. В 1954 г. реабилитиро-

ваны жертвы «ленинградского дела», в ноябре 1955 г. — члены Еврейского антифашистского комитета. Реабилитированы были арестованные после войны военачальники, положено начало пересмотру политических обвинений 1930-х годов. До начала 1956 г. реабилитированных насчитывалось около 16 тыс.

При подготовке к съезду была создана комиссия под руководством секретаря ЦК П. Н. Поспелова для изучения того, каким образом оказались возможными массовые репрессии против большинства членов ЦК, избранных на XVII съезде партии. По мере расследования и докладов о нем Президиуму ЦК Хрущев все настойчивее требовал осудить бывшие «ошибки и извращения», заявлял: «Сталин был предан делу социализма, но все делал варварскими способами. Он партию уничтожил».

Молотов, Каганович, Ворошилов и Маленков выступали против, считая, что осуждение Сталина вызовет недоумение в партийных рядах, создаст трудности для КПСС, плохо скажется не только на престиже страны, но и на авторитете каждого, кто был соратником Сталина. Хрущев заявил, что свою долю ответственности он нести готов, надеясь, видимо, не только не пострадать при этом больше остальных, но и выиграть. Его стремление возложить вину за все плохое в прошлом на Сталина и Берию и тем самым реабилитировать партию и идею коммунизма было внешне логичным и выгодным всем наследникам Сталина. Напоминание о возможности каждому члену Президиума высказать на съезде свою точку зрения по вопросам, связанным с репрессиями и реабилитацией, не прибавляло решительности оппонентам.

В конце концов в Президиуме ЦК был достигнут компромисс: решено сделать доклад на закрытом заседании съезда, не публиковать его в печати. В нем не должна была идти речь о реабилитации подсудимых открытых процессов 1936–1938 гг. Хрущев обещал также «не смаковать» прошлое. 23 февраля вариант доклада был роздан членам Президиума. В нем были объединены материалы комиссии Поспелова, предварительные «диктовки» самого Хрущева, текст, подготовленный Д. Т. Шепиловым. Последний вариант доклада помощники Хрущева П. Н. Демичев и Г. Т. Шуйский представили утром 25 февраля.

XX съезд партии. Преодоление сопротивления курсу съезда. На съезде, открывшемся 14 февраля 1956 г., были подведены итоги 5-й пятилетки, приняты директивы по 6-й пятилетке (1956–1960), поставлена задача догнать и перегнать развитые капиталистические страны «в краткие исторические сроки». Однако съезд вошел в историю в первую очередь благодаря докладу «О культуре личности и его последствиях» на последнем, закрытом заседании 25 февраля, когда повестка дня, известная делегатам, была исчерпана и прошли выборы нового состава ЦК КПСС.

Доклад был неожиданным для делегатов. Впервые было официально заявлено, что большинство репрессированных «врагов народа» — честные граждане. Приводились шокирующие сведения о массовых расстрелах невинных людей, о депортации народов в 1930–1940-е годы. Основная позиция доклада заключалась в том, что репрессии и «культ личности» Сталина являлись в первую очередь следствием отрицательных черт его характера, отступлений от марксистско-ленинского понимания роли личности в истории. Доклад не ставил под сомнение сложившийся при Сталине политический режим, он был призван создать впечатление, что достаточно лишь осудить и искоренить «извращения» социализма — и путь к коммунизму будет открыт. Прения по докладу не открывались.

На заседании съезда было решено ознакомить с содержанием доклада партийные организации. 5 марта Президиум ЦК пошел дальше, решив ознакомить с ним «всех коммунистов и комсомольцев, а также беспартийный актив рабочих, служащих и колхозников» и разослать брошюру с отредактированным текстом доклада. Для широких масс «культ личности» был впервые соединен с именем Сталина 28 марта 1956 г. в статье «Правды» под названием «Почему культ личности чужд духу марксизма-ленинизма».

Чтение брошюры на собраниях, ее содержание вызывали у слушателей возмущение и стремление понять причины попустительства беззакониям со стороны партийных органов, а публичное разоблачение преступлений сталинского режима порождало глубокие перемены в общественном сознании, разрушало систему страха. Поэтому партийное руководство стремилось всячески ограничить нарастающую критику «культа». Желая не допустить использования понятия «сталинист» в негативном свете А. Н. Шелепин заявил на пленуме ЦК ВЛКСМ в апреле 1956 г., что слово это изобретено буржуазной пропагандой, которая пытается сделать его ругательным в своих черных целях. В нашем же понимании «сталинист», утверждал он, «как и сам товарищ Сталин, неотделимы от великого звания коммуниста».

Рамки критики «культа» очерчивало опубликованное в июне 1956 г. постановление ЦК «О преодолении культа личности и его последствий». В нем предлагалось объяснение объективных и субъективных причин возникновения этого феномена. Постановление объявляло «культ» следствием борьбы «отживших классов» с политикой Советской власти, наличием острой фракционной борьбы внутри самой партии, сложностью международной обстановки. Все это приводило к ограничению демократии, к чрезмерной бдительности и централизации. При этом утверждалось: несмотря на все принесенное зло, «культ» не изменил природу социализма: все негативные явления преодолены благодаря решительности «ленинского ядра» партийных руководителей. Перекладывание вины исключительно на Сталина, Берию и Ежова было пред-

принято с целью снять политическую ответственность со сталинского окружения, местных исполнителей и организаторов репрессий.

Большое недовольство вызывалось тем, что власти не решились опубликовать доклад Хрущева, а лишь знакомили подданных с его содержанием. Это воспринималось как нежелание говорить всю правду народу. Положение усугублялось еще и тем, что содержание доклада, начиная с 16 марта 1956 г., пересказывалось ведущими средствами массовой информации стран Запада. Вскоре стали распространяться и копии официального текста доклада, а 4 июня он был опубликован в газете «Нью-Йорк таймс», тогда как в СССР он впервые появился в открытой печати только в конце «перестройки» (Известия ЦК КПСС. 1989. № 3). Скрывая доклад, советские власти сужали возможности сопоставления достоинств социализма со строем других цивилизованных стран. Теоретические и пропагандистские представления о социализме как самой высокой по тем временам ступени в мировом развитии разительно противоречили опыту социалистического строительства, уровню жизни, реальной социалистической повседневности в СССР.

В то же время критика «культы личности» не могла не разрушить одномерности в восприятии советскими людьми истории своей страны, канонов «Краткого курса истории ВКП(б)» и не породить новых критических оценок. С доклада Н. С. Хрущева на XX съезде началось очищение партии и общества от идеологии и практики государственного террора. Вместе с тем доклад имел и негативные последствия. Многие партийцы считали, что под видом развернувшейся борьбы с культом личности со временем была недопустимо снижена значимость достижений советского народа, по сути, началось очернение модернизации сельского хозяйства и промышленности, Великой Отечественной войны; в руководстве страной активно проявились элементы волюнтаризма, а порой и авантюризма. Доклад положил начало расколу в международном коммунистическом движении, стал детонатором для антикоммунистических выступлений в Польше, кризисной ситуации в Венгрии, где началась активная критика старого руководства Венгерской партии трудящихся и просоветской ориентации страны.

Советское руководство видело причину кризиса в происках спецслужб и контрреволюционеров в самой Венгрии. Кризис был разрешен восстановлением советского влияния в Венгрии вводом войск и подавлением всех очагов сопротивления новому Временному революционному правительству во главе с Я. Кадаром (образовано 3 ноября 1956 г.). В ряде партий доклад Хрущева на XX съезде осуждался как ревизионистский. Критику сталинизма болезненно встретило китайское руководство, проявившее в этой связи претензии на лидерство в мировом коммунистическом движении, а также Албания, КНДР, Румыния, где в тот период утвердились собственные «культы личности».

Политические итоги 1956 г. были неоднозначными. Негативные аспекты отмечались в письме Президиума ЦК парторганизациям от 19 декабря с характерным заголовком «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских, враждебных элементов». В нем сообщалось о многочисленных фактах распространения «расширительной» критики «культы личности», об антисоветских выступлениях молодежи в Москве, Свердловске, Каунасе, Таллине, Ереване; о воздействии на общественное сознание мнений злобно настроенных против Советской власти амнистированных и реабилитированных. Письмо призывало «своевременно пресекать преступные действия», но зачастую стимулировало оппозиционные настроения в среде рядовых коммунистов.

В начале 1957 г. Хрущев дал новые поводы для разногласий в Президиуме ЦК. Он предложил реорганизовать управление промышленностью и строительством, создав советы народного хозяйства на местах вместо отраслевых министерств в центре. Члены Президиума начали обсуждение замысла, результаты которого не представлялись однозначными. Не дожидаясь одобрения своих предложений, Хрущев 13 февраля вынес вопрос на пленум ЦК, затем, игнорируя отрицательное заключение Молотова о проекте (что он «явно недоработан», «может внести серьезные затруднения в аппарат управления») и нарушая установленный порядок дальнейших согласований, добился утверждения предложений на сессии ВС СССР. 10 мая 1957 г. реформа стала законом. Подчиненные им предприятия были переданы в ведение совнархозов. Схожим образом Хрущев добился принятия решения об отмене внутренних государственных займов и выплат по ним.

Управление народным хозяйством кардинально перестраивалось с марта 1953 г., когда вместо 24 министерств их стало 11. Однако уже в конце 1953 — начале 1954 г. громоздкие министерства были снова разукрупнены. В 1954 их стало 25, в 1956 — 29. В соответствии с законом 1957 г. упразднено 10 общесоюзных и 15 союзно-республиканских министерств, в целом по стране — 141 общесоюзное, союзно-республиканское и республиканское министерство. Вместо них создано 105 совнархозов (по числу экономических административных районов): 70 — в РСФСР, 11 — на Украине, 9 — в Казахстане, 4 — в Узбекистане и по одному в остальных республиках.

22 мая 1957 г. без совета с Президиумом ЦК Хрущев от имени ЦК и правительства публично выдвинул в Ленинграде в речи на совещании работников сельского хозяйства областей и автономных республик Северо-Запада РСФСР задачу догнать и перегнать Америку по производству мяса на душу населения в 1960–1961, по молоку — к 1958 г., пообещав колхозникам вскоре отменить обязательные поставки с подсобных хозяйств. Специалистам была ясна нереальность выдвинутой задачи,

поскольку в 1956 г. США производили 16 млн т мяса, а СССР — 7,5 млн, и для сокращения такого разрыва условий явно не было.

Уже в мае 1957 г. оппоненты Хрущева в Президиуме пришли к единому мнению: Хрущева надо убирать, чтобы не наломал дров. Предлагалось ликвидировать должность первого секретаря ЦК, произвести необходимую перестановку кадров — Хрущева отправить на должность министра сельского хозяйства, его сторонника Суслова назначить министром культуры, Серова заменить на посту председателя КГБ Булганиным или Патоличевым, Жукова же, напротив, повысить и перевести из кандидатов в члены Президиума ЦК. 19 июня, используя созыв Президиума ЦК для согласования выступлений его членов на предстоящем праздновании 250-летия Ленинграда, Маленков подверг резкой критике деятельность Хрущева и предложил отрешить его от должности. Большинство принадлежало противникам Хрущева (Молотов, Маленков, Каганович Булганин, Ворошилов, Первухин, Сабуров, Шепилов). На стороне Хрущева оказалось всего трое (Микоян, Суслов, Кириченко). Этого вполне хватало для принятия решения. Однако председательствовавший на собрании Булганин вел заседание нерешительно и согласился перенести его на следующий день, с тем чтобы к собранию присоединились отсутствовавшие члены Президиума.

Возобновившееся обсуждение затянулось. Этим воспользовался Хрущев и его сторонники в Москве — Жуков, Серов, Фурцева и др. В Москву были срочно вызваны секретари республиканских, краевых и областных комитетов партии. Расчет делался на то, что большинство членов ЦК, значительно укрепивших свое положение на местах с переходом к совнархозам, не пожелают поддержать партийный переворот. За считанные часы, используя военную авиацию, в Москву было доставлено 107 из 130 членов ЦК. По их настоянию решение вопроса о Хрущеве было перенесено на пленум ЦК. Открывшийся 22 июня пленум решительно поддержал Хрущева. Тогда начали каяться Булганин, Ворошилов, Первухин и Сабуров, утверждая, что они были в неведении относительно подлинных замыслов «тройки» (Маленкова, Кагановича, Молотова).

29 июня пленум вынес окончательный приговор. Деятельность «тройки» и «примкнувшего» к ней Шепилова была признана фракционной. Шепилов оказался принципиальным противником Хрущева не как сталинист, а как противник «культы личности», в том числе в его новом виде, поэтому и был назван «примкнувшим». Противников Хрущева лишили руководящих постов и вывели из ЦК. Состав Президиума ЦК был расширен до 15 членов. В него введены сторонники Хрущева. Новыми членами Президиума стали Л. И. Брежнев, Г. К. Жуков, Ф. Р. Козлов, Е. А. Фурцева, Н. М. Шверник, переведенные из кандидатов, и вновь избранные А. Б. Аристов, Н. И. Беляев, Н. Г. Игнатов и О. В. Куусинен.

Воодушевленный победой Хрущев решил окончательно закрепить ее отставкой министра обороны. Жуков представлялся опасным (как в свое время Сталину) своим авторитетом, независимостью суждений и решений, способностью стать реальной альтернативой первому лицу в государстве. Многим из ближайшего окружения Хрущева казалось, что маршалу не дает покоя «корона Эйзенхауэра», бывшего главкома экспедиционными войсками союзников в Западной Европе, ставшего президентом США. Маршал Р. Я. Малиновский в 1955 г. предупреждал Хрущева: «Берегитесь Жукова, это растущий Бонапарт, он опасный человек, ни перед чем не остановится». Столь же категоричен был маршал И. Х. Баграмян, полагавший, что Жуков «всегда стремился к личной власти и славе. Он просто больной человек. Властолюбие сидит у него в крови».

Хрущев знал о колебаниях Жукова, считавшего одно время целесообразным ликвидировать пост первого секретаря ЦК и обещавшего в случае чего «в два счета» снести КГБ и саму Лубянку. Известно было и о его пренебрежении армейскими политработниками, в отношении которых он заявил на большом собрании: «Привыкли за сорок лет болтать, потеряли всякий нюх, как старые коты... им только наклеить рыжие бороды и дать кинжалы — они перерезали бы командиров».

19 октября 1957 г. на заседании Президиума ЦК в отсутствие Жукова (он был отправлен с государственным визитом в Албанию и Югославию) было решено вывести его из Президиума ЦК и членов ЦК за недостатки партийно-политической работы в армии, преувеличение своей роли в истории Отечественной войны и бонапартизм. Армия с новым министром обороны маршалом Р. Я. Малиновским (назначен на этот пост 26 октября) стала вновь полностью подконтрольной партийному аппарату. Опальному Жукову в отличие от практики прежних лет были сохранены комфортная жизнь и почет.

В конце 1950-х годов от власти были отстранены и другие активные участники демарша против Хрущева. В марте 1958 г. Булганин был смещен с поста председателя правительства, назначен главой Госбанка, через несколько месяцев отправлен председателем совнархоза в Ставрополь, а в сентябре освобожден от обязанностей члена Президиума ЦК. 7 мая 1960 г. Ворошилов покинул пост Председателя Президиума Верховного Совета. Новым председателем почти до конца хрущевского правления был Л. И. Брежнев.

Победив лидеров сопротивления курсу XX съезда, Хрущев форсировал разоблачение «культы личности». На XXII съезде партии (октябрь 1961 г.) Сталин и его защитники были в очередной раз резко осуждены за их преступления. Тело Сталина по решению съезда было вынесено из Мавзолея и захоронено у Кремлевской стены. Отправленные на обычную (не персональную) пенсию Каганович, Маленков и Молотов были

исключены из партии. Шепилов, поначалу отправленный в Киргизию руководить Институтом экономики местной Академии наук, был лишен звания члена-корреспондента АН СССР, позднее его перевели на работу в Главное архивное управление при Совмине СССР. В феврале 1962 г. он был тоже исключен из партии, однако, в отличие от «подельников», еще до выхода на пенсию (1982) восстановлен в рядах КПСС (1976).

В промежутке между XX и XXII съездами партии и позднее продолжалась работа по пересмотру дел репрессированных ранее «врагов народа». К 1962 г. уже было реабилитировано около 1,2 млн человек. Процесс реабилитации наиболее активно развернулся с 1987 г., когда была образована Комиссия Политбюро ЦК по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями 1930-х — начала 1950-х годов. С сентября 1987 г. по октябрь 1988 г. комиссия работала под руководством М. С. Соломенцева, позднее ее возглавлял А. Н. Яковлев. По предложению комиссии в январе 1989 г. был принят указ об отмене как противозаконных всех внесудебных решений, принятых «тройками», коллегиями и особыми совещаниями. В соответствии с указом к началу 1990 г. было реабилитировано 807 288 человек. Помимо этого, были реабилитированы 31 342 человека, привлеченных к ответственности решениями судебных и прокурорских органов.

К августу 1990 г. общее число тех, кому с начала реабилитации было возвращено доброе имя, составляло более 2 млн человек. Вместе с тем в реабилитации было отказано 21 333 лицам, как изменникам Родины, нацистским преступникам, участникам националистических бандформирований и их пособниками, бывшим работникам административных органов, уличенным в фальсификации уголовных дел. По данным комиссии, ей предстояло изучить материалы еще более 40 политических процессов. Однако летом 1990 г. комиссия прекратила работу. Причиной было разделение функций между партийными и государственными органами и раскол среди членов Комиссии по вопросу об убийстве С. М. Кирова.

13 августа 1990 г. был выпущен Указ Президента СССР «О восстановлении прав всех жертв политических репрессий 1920–1950-х годов», которым признавались незаконными, противоречащими основным гражданским и социально-экономическим правам человека репрессии, проводившиеся в отношении крестьян в период коллективизации, а также в отношении всех других граждан по политическим, социальным, национальным, религиозным и иным мотивам, и полностью восстанавливались права этих граждан. Указ не распространялся на лиц, обоснованно осужденных за совершение преступлений против Родины и советских людей. Однако число «обоснованно репрессированных» осталось невыясненным. О результирующих оценках общего числа политических репрессированных за годы советской власти можно судить по данным о наличии уголовных дел в Центральном архиве Министерства безопасности России, фигурировавшим в «деле КПСС» в Конституционном суде (май–ноябрь 1992 г.). Судя по этим данным (обнародованы начальником отдела регистрации архивных фондов ми-

нистерства), за контрреволюционные преступления с 1918 по 1990 г. в СССР было осуждено 3 853 900 человек, из них расстреляно 827 995 человек. Среди них 400 тыс. были коммунистами. Всего же, по опирающимся на документы подсчетам историка В. Н. Земскова, число «жертв политического террора и репрессий» за все 73 года советской власти достигает 2,6 млн. «В это число входят более 800 тыс. приговоренных к высшей мере по политическим мотивам, порядка 600 тыс. политических заключенных, умерших в местах лишения свободы, и около 1,2 млн скончавшихся в местах высылки (включая “кулацкую ссылку”), а также при транспортировке туда (депортированные народы и др.)».

Неудачи начального этапа «развернутого строительства коммунизма». Волнения в Новочеркасске. Внеочередной XXI съезд партии (январь 1959 г.), объявил о полной и окончательной победе социализма в СССР и начале развернутого строительства коммунизма. Он обсудил перспективы развития народного хозяйства на 1959–1965 гг. Заложенное в плане ежегодное ускорение темпов роста во всех отраслях экономики создавало иллюзию достижимости победы в экономическом соревновании с капиталистическими странами и выхода СССР к 1965 г. на первое место в мире по абсолютному объему производства.

Одновременно было решено ускорить подготовку новой, третьей Программы партии, для работы над которой создавались специальные комиссии на трех предыдущих съездах партии. Ее проект был опубликован летом 1961 г., для обсуждения и принятия созывался XXII съезд КПСС. На состоявшемся в октябре форуме, нареченном Съездом строителей коммунизма, Программа КПСС была утверждена. Она определяла перспективы дальнейшего движения советского народа, а заодно и всего человечества, к коммунизму.

В связи с разработкой новой Программы плановые органы подготовили расчеты возможных уровней и темпов развития народного хозяйства СССР на 1961–1980 гг. По расчетам «выходило», что в ближайшее десятилетие Советский Союз превзойдет США по производству продукции на душу населения, а в итоге второго — «вплотную подойдет к осуществлению принципа распределения по потребностям». В выступлении по случаю полета первого космонавта Ю. А. Гагарина в апреле 1961 г. Хрущев говорил, что выполнение семилетки «приблизит нас к тому, что мы переступим высший рубеж достижений капиталистического мира и вырвемся, как мы вырвались сейчас в космос, вперед в развитии нашей экономики, в удовлетворении запросов народа».

Не стоит относить эту высокопарность только на волонтеризм советского лидера. Определенные основания для радужных прогнозов имелись. Экономический рост, демонстрировавшийся Советским Союзом на протяжении 1950-х годов, был настолько значителен, что у мно-

гих не только советских, но и западных экономистов складывалось представление, что в будущем СССР неизбежно опередит в своем развитии ведущие капиталистические страны. В атмосфере эйфории, во власти которой оказались ведущие советские экономисты Е. С. Варга и С. Г. Струмилин, в конце 1950-х годов и рождались планы перехода СССР к коммунизму. Замедлению темпов экономического роста, ставшему результатом начавшегося ранее постепенного демонтажа плановой экономики и малоквалифицированных действий политического и хозяйственного руководства страны, не было придано должного значения.

В результате уже на первых этапах «взлета» к коммунистическому изобилию стали возникать непредвиденные осложнения. 1 июня 1962 г. в обращении к народу пришлось откровенно сказать о трудностях, возникающих в обеспечении населения городов мясными продуктами. Отмечалось, что при существующем уровне механизации животноводства и производительности труда затраты на производство мяса и молока значительно превышают цены, по которым государство закупает эти продукты. Во многих колхозах животноводство приносит не прибыль, а убытки. Учитывая это, руководство страны решило повысить закупочные цены на мясо крупного рогатого скота, свиней, овец, коз и птицу в среднем на 35%. Одновременно решено было повысить цены на мясо и мясные продукты в среднем на 30% (в том числе на говядину в среднем на 31%, баранину — на 34%, свинину — на 19% и на колбасные изделия — на 31%), а также на масло животное в среднем на 25%.

С начала 1960-х годов для ликвидации перебоев со снабжением населения продуктами питания стали прибегать к импорту зерна и нормированному распределению дефицитных продуктов в виде «заказов» по предприятиям и организациям. Ситуация усугубилась в 1963 г., оказавшемся самым засушливым после 1946 г. Урожайность и валовые сборы зерна снизились почти на 30% по сравнению с 1962 г. Импорт зерна в 1963 г. составлял 3 млн т при экспорте 6,2 млн, в 1964 г. — 7,2 млн т при экспорте 3,5 млн. К закупкам приходилось обращаться и позже, несмотря на рост валовых сборов и государственных заготовок зерна в стране. В 1985 г. СССР импортировал 45,6 млн т зерна.

Продовольственные трудности и значительное повышение закупочных и розничных цен на мясо, мясные продукты и масло летом 1962 г. вызвали волнения в ряде городов. Наиболее масштабное из них — в Новочеркасске — имело очень большое значение в послевоенной истории страны.

Обстановка в городе стала накаляться сразу после объявления по телевидению вечером 31 мая о повышении цен со следующего дня. Инициаторами волнений стали рабочие сталелитейного цеха Новочеркасского электровозостроительного завода, которым накануне объявили также об очередном снижении расценок на производимую продукцию. Возмущенные одновре-

менным снижением зарплаты (в среднем на 30 %) и повышением цен, десятеро рабочих утренней смены, не приступая к работе, вышли из цеха в заводской гудок. Начальник цеха с его призывами вернуться к работе, был послан «куда подальше». Катализирующую роль сыграла фраза пытавшегося прекратить начавшуюся «волынку» директора завода Б. Н. Курочкина: «Если не хватает денег на мясо и колбасу, ешьте пирожки с ливером». Фразу передавали из уст в уста, она вдохновляла на протест даже трезвомыслящих. (Многие участники волнений уже с утра подстегивали свою решимость на активные протесты водкой.)

Из заводского сквера выросшая до 500 человек митингующая толпа направилась на площадь у заводоуправления. Появился плакат с главным лозунгом забастовщиков: «Мяса, молока, повышения зарплаты». Стихийный митинг возник у остановленного пассажирского поезда «Саратов–Ростов». (Железнодорожный путь пролегал неподалеку.) На паровозе появилась выразительная надпись мелом: «Хрущева на мясо». Вскоре она уже звучала как лозунг: «Долой правительство Хрущева! На мясо его! Давай сюда Маленкова, Шепилова». Народ был готов видеть в недавних политических оппонентах Хрущева более надежных защитников своих интересов.

Известия о начавшейся забастовке взбудоражили окрестные заводы и поселки. К рабочим присоединились тысячи горожан. К четырем часам на заводе собралось все областное и городское начальство во главе с первым секретарем Ростовского обкома А. В. Басовым. Однако их выступления с балкона здания заводоуправления не внесли успокоения. «Ты нам скажи, как дальше будем жить, нормы снизили, а цены повысили», — кричали снизу. Басов, пересказывавший в ответ обращение ЦК КПСС, был изгнан с балкона и укрылся вместе со своим окружением в кабинетах заводоуправления. Оттуда он обратился в штаб Северо-Кавказского военного округа с просьбой выделить войска для подавления беспорядков. Командующий войсками И. А. Плиев выехал в Новочеркасск. В его отсутствие в кабинет начальника штаба округа позвонил министр обороны СССР маршал Р. Я. Малиновский и распорядился: «Соединения поднять. Танки не выводить. Навести порядок. Доложить!». К этому времени (было уже около 19 часов) попытки навести порядок на заводе силами милиции не удалось: прибывший отряд в количестве 200 человек был обращен в бегство. Позднее на месте волнений появились солдаты местного гарнизона, пока еще только для того, чтобы вызволить оказавшихся в заложниках «начальников». Заложников вывели, войска отошли. Воодушевленные победой восставшие продолжали митинговать около наполовину разгромленного здания заводоуправления. «Оскверняли» и жгли портреты Хрущева. На месте одного из сорванных портретов некоторое время красовалась мертвая кошка с надписью: «При Ленине жила, при Сталине сохла, при Хрущеве сдохла». Ночью на территорию завода были вновь введены войска. Восставшие не спасовали, «нападали на танки, портили приборы, забрасывали камнями, в результате чего некоторые танкисты были ранены». Ввод танков спровоцировал бурную социально-психологическую реакцию. Власть в глазах трудящихся изменила идеалам социальной справедливости и выступила как враг народа.

2 июня к мятежникам присоединились рабочие электродного завода, завода № 17 и «Нефтемаша». Внушительная демонстрация направилась к центру города под красными флагами, с портретом Ленина. По пути к рабочим присоединилась значительная часть горожан. Приближение демонстрации к зданию горкома напугало прибывших из Москвы Ф. Р. Козлова, А. П. Кириленко, А. И. Микояна, Д. С. Полянского (председатель Совмина РСФСР), А. Н. Шелепина. Узнав, что колонну не остановило заграждение из танков, поставленное на мосту через реку Тузлов, «водители» вместе с областным и городским начальством удалились в военный городок. Перед этим в результате переговоров Козлова с Москвой была получена санкция Хрущева на применение оружия против участников беспорядков.

Первая кровь пролилась, когда часть демонстрантов ворвалась в горотдел милиции, для «освобождения» якобы арестованных рабочих. Арестованных не оказалось, но при нападении на военнотружущих один из демонстрантов был убит. Между тем среди демонстрантов возникла идея: послать делегацию на переговоры с «московскими водителями» и потребовать удаления войск из города. Делегацию из 9 человек возглавил рабочий станкостроительного завода Б. Н. Мокроусов (ранее дважды судимый). Членам Президиума ЦК пришлось выслушать резкие требования, упреки и обвинения делегатов. Разговор шел о бедственном положении рабочих, жителей города. Один из членов делегации бросил запоминающуюся фразу: «У нас хорошо живетесь лишь Юрке Гагарину да Маньке буфетчице». Козлов в заключение беседы просил: «Идите к людям, успокойте их, призовите прекратить беспорядки». Позднее сам факт ведения переговоров со стороны восставших был оценен судом как преступление.

Переговоры никак не влияли на поведение толпы. Митингование и беспорядки в здании горкома и около него не прекращались. Попытки военных на бронетранспортере оттеснить демонстрантов не удавались. Вскоре к зданию горкома прибыл начальник Новочеркасского гарнизона генерал И. Олешко с группой автоматчиков. Его призывы к толпе прекратить демонстрацию, обращенные с балкона здания горкома, не возымели действия. Солдаты, выстроенные у фасада, произвели предупредительный залп в воздух. Толпа отхлынула, однако тут же раздались крики: «Не бойтесь, стреляют холостыми». Толпа вновь придвинулась к зданию. Последовал повторный залп вверх и сразу же после него стрельба по толпе. В результате более 10 человек остались лежать на площади. Среди демонстрантов возникла паника. Многие разбежались, однако выступления демонстрантов не прекратились и продолжались у зданий горкома и милиции до вечера. Обращение Микояна по радио с призывами разойтись по домам толпа сопровождала руганью и требованиями снижения цен. После объявления комендантского часа демонстрантов разогнали силами войск и милиции. Однако город утихомирился лишь на следующий день после организации партийного актива и дружинников, начавших массовую агитацию на заводах и среди горожан. Большую роль сыграло выступление по радио в 15 часов Ф. Р. Козлова, отнесшего беспорядки на счет «хулиганствующих элементов», «застрельщиков погромов» и представившего жесткое наведение порядка как якобы сделанное, прежде всего, по требованию рабочей делегации. 4 июня жизнь города начала входить в нормальную колею.

Во время беспорядков в Новочеркасске погибли 23 демонстранта, 70 были ранены. 105 участников протестных акций позднее были осуждены, семеро из них, включая главу делегации на переговорах с московским начальством — к высшей мере наказания.

Повышение розничных цен на продовольственные товары сопровождалось волнениями и в других городах — Муроме, Александрове, Бийске, Кривом Роге, Сумгаите. Однако уровень жизни горожан, падение которого являлось действительной причиной необузданных проявлений протеста, от этого не поднимался.

Возникшие экономические и социальные проблемы заставили Хрущева начать поиски новых возможностей совершенствования хозяйственного руководства, в частности, повести борьбу с «теневиками», занимавшимися подпольной экономической деятельностью. О масштабах перехода представителей партийной и государственной элиты в «тень», начавшего набирать силу в условиях хрущевской «оттепели» и ставшего в конце концов одной из главных причин краха советской системы, позволяют судить цифры, обнародованные на ноябрьском (1962) пленуме ЦК: в начале 1960-х годов к суду по обвинению в коррупции и злоупотреблениях властью было привлечено около 12 тыс. руководящих работников, в том числе 4 тыс. партийных функционеров.

Новая реорганизация управления страной. Этот же пленум по настоянию Хрущева взял курс на перестройку по производственному принципу всех руководящих органов сверху донизу. Решения пленума положили начало уникальному в истории эксперименту — отказу от территориальной организации управления, приведшему к невообразимому хаосу. Партийные организации — от областных и ниже — делились на промышленные и сельские. По такому же принципу пришлось создавать вместо единых Советов и их исполкомов сельские и промышленные Советы и исполкомы. Соответствующим образом разделялись организации профсоюзов, комсомола. Лихорадочные меры привели лишь к росту управленческого аппарата, значительному увеличению расходов на его содержание (например, в Самаркандской области они выросли в 1,7 раза), но были неэффективны. Областные организации и управления связи, торговли, народного образования, здравоохранения, административные органы, подчинявшиеся и промышленным и сельским партийным и советским органам, стали ежедневно получать дублирующие постановления и распоряжения по одним и тем же вопросам. Вместо своей непосредственной работы их руководители и специалисты были вынуждены многие часы проводить на совещаниях и собраниях, число которых увеличилось по меньшей мере вдвое.

Не оправдались расчеты на ускорение экономического развития за счет создания новых звеньев в отраслевом и территориальном управле-

нии хозяйством. Для этого были образованы отраслевые комитеты, укрупнялись совнархозы (в ноябре 1962 г. их стало 43), созданы советы по координации и планированию работы совнархозов. В марте 1963 г. образован Высший совет народного хозяйства СССР, которому были подчинены Госплан, Госстрой, другие хозяйственные госкомитеты. Фактически восстанавливалась централизованная структура управления экономикой. Первые два года ВСНХ возглавлял Д. Ф. Устинов, в 1965 г. — В. Н. Новиков.

Новое наступление на церковь. В конце 1950-х годов власти приняли еще одно ошибочное решение, приведшее к углублению отчуждения значительной части народа от государственного руководства. В связи с курсом на «строительство коммунизма» власть вновь принялась ужесточать государственно-церковные отношения, по сути дела, возобновила гонения на РПЦ. Секретарь ЦК Л. Ф. Ильичев в своем выступлении на совещании по идеологии (декабрь 1961 г.) заявил, что религия, которая всегда была анахронизмом, «сейчас становится нетерпимой помехой на нашем пути к коммунизму». Атеистическая работа признавалась главным рычагом формирования научно-материалистического мировоззрения. Достижение «общества без религии», причем в самое ближайшее время, объявлялось программной целью. Наиболее явно она была обозначена в докладе «Очередные задачи идеологической работы партии» на июньском (1963) пленуме ЦК.

Новое наступление на церковь выражалось не только в усилении атеистической пропаганды, но и в сносе церковных сооружений (в 1954–1964 гг. ежегодно сносилось более тысячи храмов, примерно столько же закрывалось), в административном сокращении числа действующих религиозных объединений. В 1958 г. их насчитывалось 18,6 тыс., в том числе православных — 13,4 тыс., в 1961 — соответственно 16 и 11 тыс., в 1971 г. — 11,7 и 7,2 тыс. Противоречие между провозглашенной в Конституции СССР свободой совести и практикой ее реализации не было снято и в последующем. Лишь с середины 1970-х годов отношение к религии со стороны государства становилось более терпимым. Существование и деятельность религиозных объединений стало рассматриваться как необходимое условие обеспечения свободы совести и прав человека.

Отставка Хрущева. Недовольство Хрущевым в стране по большей части вызывалось его необдуманными действиями в октябре 1962 г., которые привели к острейшему «ракетному кризису» в отношениях с США и поставили мир на грань ядерной войны. Популярность Хрущева резко упала с повышением цен на продукты питания в государственной торговле. На колхозных рынках цены к 1963 г. возросли на 18,5% по сравнению с довоенными, хотя еще в 1960 г. были

ниже довоенных на 3%. Импорт зерна в 1963–1964 гг. означал крах той самой политики, в которой Хрущев считал себя самым большим специалистом. Недовольство членов Президиума ЦК начало оформляться в новый заговор против Хрущева.

События были ускорены хрущевскими затеями новых реорганизаций. В июле 1964 г. он предложил идею очередной перестройки управления сельским хозяйством, замышляя создать около дюжины специализированных главков (отдельно по зерну, сахарной свекле, хлопку и т. д.), перевести сельскохозяйственные научные учреждения из Москвы и Ленинграда в провинцию. Подъем сельского хозяйства и ускорение роста производства средств потребления Хрущев предлагал осуществить также за счет сокращения «прорвы вооружения» и армии. Не находило понимания его предложение о введении десятилетних народнохозяйственных планов. А. Н. Косыгин на октябрьском (1964) пленуме ЦК упрекал реформатора: «Товарищ Хрущев! Вы запутали огромное дело с народнохозяйственными планами, заявив, что нельзя выполнить семилетку и надо разработать новый план на десять лет. Это уже вызвало международный скандал, так как страны содружества работают по согласованным с СССР планам».

Во время отпуска и отдыха Хрущева на юге в октябре 1964 г. коллеги по Президиуму ЦК завершили приготовления к его отставке с руководящих постов. Главные роли в подготовке заговора играли А. Н. Шелепин (в 1958–1961 гг. председатель КГБ, с октября 1962 г. председатель Комитета партийно-государственного контроля при ЦК); Д. С. Полянский, Председатель Совета министров РСФСР в 1958–1962 гг., затем заместитель председателя Совмина СССР; В. Е. Семичастный, председатель КГБ. В центре заговора оказался Л. И. Брежнев — секретарь ЦК, отвечавший за работу с кадрами.

В одном из проектов доклада, подготовленного Полянским от имени Президиума ЦК КПСС на предстоящем пленуме ЦК, Хрущеву предъявлялись серьезные обвинения в провале всех планов экономического развития страны, падении более чем в два раза темпов прироста общественного продукта за последние 8 лет. Утверждалось, что по его вине авантюристичной оказалась и сама Программа КПСС, осуждались его зазнайство, грубость, некомпетентность. Предлагалось освободить Хрущева от всех постов; впредь категорически запретить совмещение должностей Первого секретаря ЦК и Предсовмина; устранить разделение партии по производственному принципу.

12 октября остававшиеся в Москве члены Президиума ЦК приняли решение созвать членов и кандидатов в члены ЦК, членов Центральной ревизионной комиссии КПСС для обсуждения вопроса о разработке нового народнохозяйственного плана. В записке Хрущева, предлагалось одобрить восьмилетку, а также провести реорганизацию, которая прак-

тически ликвидировала бы районные комитеты партии. У членов Президиума это вызвало открытое несогласие. Однако они не хотели отвергать предложение в отсутствие автора, и поэтому решили пригласить его.

13 октября Хрущев прибыл из Пицунды, началось заседание Президиума ЦК, на котором вопрос о плане сразу же превратился в вопрос о положении, сложившемся в Президиуме ЦК из-за «непартийных» действий Хрущева. Попытки смягчить критику Хрущева делал лишь А. И. Микоян, Председатель Президиума Верховного Совета с июля 1964 г. Но это было слабой помощью Хрущеву. На следующий день он подписал заявление об отставке. Состоявшийся в тот же день пленум ЦК заслушал доклад М. А. Суслова и, не открывая прений, освободил Н. С. Хрущева от его постов «в связи с преклонным возрастом и ухудшением состояния здоровья». Первым секретарем ЦК избрали Л. И. Брежнева, на пост Председателя Совмина рекомендовали А. Н. Косыгина. Через год с небольшим был отправлен на пенсию Микоян. 9 декабря 1965 г. Председателем Президиума Верховного Совета стал Н. В. Подгорный.

§ 2. Социально-экономическое развитие

Промышленность. В 1953–1964 гг. экономическое развитие страны осуществлялось по планам 5-й и 6-й пятилеток, а также семилетки, оказавшейся единственной в советской истории. Точнее, на этот период пришлось три последние года 5-й, три года 6-й пятилеток и 6 лет семилетки. Идея последней возникла при уточнении и развитии заданий 6-й пятилетки, 2 последних года которой и следующее (седьмое) пятилетие были сведены в один план. Главной причиной появления семилетнего плана был переход к территориальной структуре управления народным хозяйством, которые потребовали соответствующих изменений в планировании. Для периода в целом характерны довольно высокие (если сравнивать с последующими годами) темпы экономического развития. Опережающими темпами развивалась промышленность.

За годы 5-й пятилетки (1951–1955) промышленное производство в СССР удалось увеличить на 85%, за три года 6-й пятилетки (1955–1958) — на 64, за семилетку (1959–1965) — на 84%. В пересчете на пятилетия промышленное производство за 1956–1960 («6-я пятилетка») возросло на 64,3%; за 1961–1965 («7-я пятилетка») — на 51%.

Пятый пятилетний план выполнен досрочно. К началу 1956 г. выпуск промышленной продукции на 15 процентных пунктов превысил плановые задания. Всего за годы пятилетки построены и введены в действие 3,2 тыс. новых промышленных предприятий, в том числе доменные печи в Череповце, на Орско-Халиловском комбинате; трубопрокат-

ный и металлургический заводы в Закавказье; шахты в Донбассе, Кузбассе, Караганде, в Печорском угольном бассейне; Березниковский калийный и Новокуйбышевский нефтеперерабатывающие комбинаты. Вступили в строй крупные ГРЭС (Приднепровская в Днепропетровской области, Черепетская — в Тульской, Южно-Кузбасская — в Кемеровской, Южно-Уральская — в Челябинской области); мощные гидроэлектростанции (Мингечаурская в Азербайджане, Усть-Каменгорская — в Казахстане; первая очередь Куйбышевской ГЭС). Объем капиталовложений в промышленности был почти в 2 раза большим, чем в 4-й пятилетке.

В 1950-е годы был осуществлен ряд крупных мер по расширению прав союзных республик в управлении народным хозяйством. В 1954–1955 гг., вопреки оправданному для громадной страны «имперскому» принципу управления, из союзного подчинения в ведение союзных республик было передано свыше 11 тыс. промышленных предприятий. В 1956 г., на основе решений XX съезда партии, в ведение республик было передано еще 3,5 тыс. предприятий различных отраслей народного хозяйства. Постановлением Совета министров СССР от 4 мая 1955 г. совминам союзных республик предоставлялось право самостоятельно утверждать планы производства и распределения всех видов промышленной продукции, вырабатываемой в республиках. Республиканские власти стали самостоятельно распределять средства между республиканским и местным бюджетом, полнее учитывать местные условия и нужды при распределении бюджетных средств.

Несмотря на все ошибки хрущевского руководства, 1950-е годы стали временем перехода СССР к научно-технической революции, выразившегося в переходе к автоматизации некоторых производств и развитию таких принципиально новых научно-технических направлений, как электроника, атомная энергетика, космонавтика.

В процессе работы над ядерной бомбой по существу рождалась новая отрасль науки — вычислительная математика. У ее истоков стояли А. Н. Тихонов, А. А. Самарский, М. В. Келдыш. В 1950 г. под руководством С. А. Лебедева была создана малая электронная счетная машина (МЭСМ), в 1952 — большая (БЭСМ), ставшая предшественницей серии отечественных электронных цифровых вычислительных машин («Стрела», «Минск», «Урал», «Днепр», «Мир» и др.). В ноябре 1953 г. вышло постановление Совмина о начале строительства атомного ледокола. В мае 1954 г. принято постановление о создании межконтинентальной баллистической ракеты и выводе в космос искусственного спутника земли. В этой связи в феврале 1955 г. развертывалось строительство ракетно-космического комплекса «Байконур», в январе 1957 г. — испытательного полигона в Архангельской области (ныне космодром «Плесецк»).

27 июня 1954 г. в СССР дала ток первая в мире атомная электростанция мощностью в 5 МВт в г. в Обнинск. Июльский (1955) пленум ЦК партии рассмотрел вопрос о дальнейшем подъеме промышленности, техническом прогрессе и улучшению организации производства. Именно на этом пленуме было впервые отмечено, что страна стоит на пороге новой научно-технической и промышленной революции. Работники промышленности и ученые призывались всесторонне изучать достижения отечественной и зарубежной науки и техники, внедрять их в производство. В июле 1955 г. в СССР был основан второй ядерный центр в Челябинске-70 (ныне Российский Федеральный ядерный центр — Всероссийский НИИ технической физики имени академика Е. И. Забабахина, г. Снежинск). В ноябре 1956 г. с учетом опыта эксплуатации Обнинской АЭС была принята программа по строительству промышленных атомных электростанций. Первой промышленной АЭС в стране стала Сибирская атомная электростанция, расположенная в г. Северске (Томск-7). Её главным назначением являлась наработка плутония для Сибирского химического комбината. Станция запущена в эксплуатацию в декабре 1958 г., вначале она имела мощность 100 МВт, затем — 600 МВт.

Во второй половине 1950-х годов упор по-прежнему делался на развитие промышленности, особенно на производство средств производства (группа «А»), которое составило к началу 1960-х годов почти три четверти общего объема промышленного производства. Опережающими темпами развивались машиностроение, металлообработка, химия, нефтехимия, электроэнергетика. В 1950-х — первой половине 1960-х годов объем их производства вырос в 4–5 раз. Предприятия группы «Б» (легкая, пищевая, деревообрабатывающая и другие отрасли промышленности) развивались гораздо медленнее, однако и их рост был двукратным.

За 1956–1958 гг. вступили в строй 2690 крупных промышленных предприятий. В 1956 г. завешилось строительство Горьковской, начато сооружение Саратовской ГЭС (завершено в 1970 г.). Летом 1958 г. закончено строительство Куйбышевской (Жигулевской) ГЭС. Сданы в эксплуатацию Иркутская и Новосибирская ГЭС, Томь-Усинская и Верхнетагильская ГРЭС, Серовский завод ферросплавов, Саратовский химический комбинат, Новогорьковский и Волгоградский нефтеперерабатывающие заводы, введен в строй газопровод Ставрополь — Москва. Развитие газовой промышленности на территории Северного Кавказа, в Поволжье и других районах позволило газифицировать более 160 городов. В 1958 г. в СССР было газифицировано 2 млн квартир, в 1965 — 10 млн, в 1986 — 65,1 млн.

Объем промышленного производства за годы семилетки (1959–1965) увеличился на 84% вместо намечавшихся 80% (при этом предприятия группы «Б» план не выполнили); введено в действие около

5,47 тыс. новых крупных промышленных предприятий. Наибольшие успехи были связаны с ускоренным развитием нефтяной и газовой индустрии, внедрением автоматики, сооружением гигантов металлургии и электроэнергетики. Построены мощные ГРЭС в Сибири (Беловская и Назаровская), на Урале (Троицкая и Яйвинская), Конаковская в Калининской (Тверской) области. В 1960 г. пущена в ход самая мощная в мире (2541 мВт) Сталинградская (Волжская) ГЭС. Завершение этого строительства положило начало созданию единой энергетической системы. В июне 1959 г. была перекрыта Ангара, где возводилась Братская ГЭС, ставшая после монтажа последнего агрегата в 1964 г. мощнейшей в мире. В марте 1963 г. строители Красноярской ГЭС перекрыли Енисей, где велось сооружение еще более мощного гиганта электроэнергетики — на 6 тыс. мВт. В апреле 1964 г. дала промышленный ток первая очередь Белоярской АЭС, в сентябре пущен первый блок Нововоронежской АЭС.

Один за другим вводились в строй новые объекты на металлургических предприятиях Урала и Череповца, на Новотульском и Новолипецком заводах. Построены Качканарский горно-обогадительный, Барнаульский шинный и Щекинский химический, Солигорский калийный комбинаты. В 1961 г. завершена электрификация железнодорожной магистрали Москва — Байкал; создан самый большой в мире пассажирский теплоход на подводных крыльях; «Аэрофлот» обогнал все страны мира по темпам роста авиаперевозок.

На первую половину 1960-х годов приходится открытия масштабных месторождений нефти в Западной Сибири. 22 июня 1960 г. мощный фонтан обозначил появление Шаимского месторождения в Тюменской области. В 1961 г. там же были открыты Мегионское и Усть-Балыкское месторождения, в 1963 — Федоровское, в 1965 — Мамонтовское и Самотлор. Уже в 1955 г. добыча нефти в СССР составляла 70,7 млн т (в 3,6 раза больше, чем в 1945 г.), в 1960 — 147,9, в 1964 г. — более 223 млн т.

В 1964 г. построена первая очередь (нить) международного магистрального нефтепровода «Дружба» (вторая очередь вступила в строй в 1972 г., третья — в 1981). Нефтепровод длиной свыше 5,2 тыс. км начинается в г. Альметьевск, проходит через Самару, Брянск до Мозыря, затем разветвляется на два участка — северный (по территории Белоруссии, Польши и Германии) и южный по территории Украины, Чехии, Словакии и Венгрии). Расширение добычи и экспорта нефти в результате освоения с 1964 г. месторождений в Западной Сибири становилось основным источником нефтедолларов, заменявшим оскудевающие ресурсы деревни и сельского хозяйства.

Выполнению плановых заданий способствовали рост численности рабочих, занятых механизированным трудом, повышение их общеобразовательного уровня и квалификации, поддержка рационализаторства и изобретательства, различных форм соревнования, распространение

передового опыта, шефства комсомола над строительством предприятий. Молодежь откликалась на призывы участвовать в возведении «строек коммунизма» в необжитых краях Сибири и Дальнего Востока. В апреле 1958 г. коллектив железнодорожной станции Москва-Сортировочная выступил с инициативой о проведении ежегодных коммунистических субботников с переводом заработанных денег в различные фонды. В том же году прядильщица из Вышнего Волочка В. И. Гаганова стала инициатором движения за переход передовиков производства на отстающие участки, чтобы поднять их до уровня передовых. Эти и другие примеры различных общественных инициатив находили многих последователей.

Опережающими темпами в 1950–1960-е годы, как и ранее, развивался в стране военно-промышленный комплекс, предприятия которого отличались высокой производительностью труда, высоким качеством продукции. По данным на 1962 г., предприятия ВПК производили 6 основных видов военной продукции: общевойсковые системы вооружения и боеприпасы (в научно-исследовательских, конструкторских и производственных организациях этого профиля было занято около 270 тыс. человек); общую и специальную авиационную технику (250 тыс.); боевые надводные и подводные корабли (428 тыс.); радиоэлектронное военно-техническое снаряжение (1 млн); системы ракетно-космической техники (свыше 100 тыс.); ядерные и термоядерные боеприпасы.

Значительная часть предприятий атомной промышленности (предприятия по добыче сырья, производству расщепляющихся материалов для атомных энергетических установок и снаряжения ядерных боезарядов, переработке, локализации и захоронению отходов отработанного топлива) размещалась в «закрытых» городах. В общей сложности на этих предприятиях в начале 1960-х годов было занято не менее 1 млн человек. Если не брать в расчет атомную промышленность, то в 1962 г. на предприятиях ВПК работали 3,6 млн — около 5% от общего числа рабочих и служащих, занятых в промышленности, образовании, науке, культуре и здравоохранении.

Для производства военной продукции привлекалось также более 800 предприятий «гражданских» министерств и ведомств. В то же время предприятия ВПК производили значительное количество мирной продукции. В 1962 г. здесь планировалось изготовить 22 тыс. металлорежущих станков, 35,5 тыс. тракторов, 438 тыс. мотоциклов и мотороллеров, 1450 тыс. велосипедов, 342,5 тыс. холодильников, 804 тыс. стиральных машин, 150 тыс. швейных машин, 3175 тыс. часов, 2150 тыс. телевизоров, 4765 тыс. радиоприемников. В общем объеме производства предприятий ВПК мирная продукция в 1962 г. составляла 42%, в авиапромышленности — 25, в судостроении — 40%.

Среднегодовые темпы роста промышленного производства в СССР в 1951–1955 гг. составляли, по официальным данным, 13,1%; в 1956–

1960 — 10,3%; в 1961–1965 гг. — 8,6%. Альтернативные подсчеты каждый из этих показателей представляют меньшим на несколько процентных пунктов, но общую динамику развития промышленности под сомнение не ставят.

Сельское хозяйство. Новый курс во внутренней политике, провозглашенный в августе 1953 г. на сессии Верховного Совета СССР, предполагал повернуть экономику «лицом к человеку», повысив благосостояние народа через ускорение производства предметов потребления и подъем сельского хозяйства. Между тем его уровень едва превышал довоенный. В 1952 г. сельскохозяйственное производство составляло 101% к 1940 г. В начале 1950-х годов в село вкладывали лишь около 20% от общей суммы капиталовложений в промышленность. В 1953 г. только 22% колхозов были электрифицированы, огромное большинство крестьянских изб продолжали освещаться керосиновыми лампами и свечами.

Основы новой аграрной политики были утверждены на сентябрьском (1953) пленуме ЦК КПСС. Основными причинами отставания деревни были названы материальная незаинтересованность колхозников в результатах своего труда; низкий уровень его механизации; отсутствие толкового руководства колхозами, совхозами и МТС. (Все это было следствием принципиальной недооценки особого места сельского хозяйства в экономике «холодной страны».)

Для оздоровления сельской экономики власти ограничились повышением (в 2–5 раз) закупочных цен на молоко, масло, картофель, скот, птицу. Одновременно снижались нормы поставок с личных подворий, уменьшалось налогообложение колхозников. Налог взимался теперь с размера приусадебного участка, а не в отдельности за скот, сады, кусты, ульи и т. п. Уже в 1954 г. налоги на крестьянство были уменьшены вдвое по сравнению с 1952 г., закупочные цены в следующее пятилетие выросли в 3 раза, денежные доходы колхозов в расчете на каждый колхозный двор — в 2,3, выдача денег на трудодень — в 3 раза.

Увеличивалось государственное финансирование отраслей агросферы. В 1954–1955 гг. МТС, совхозы и колхозы получили более 400 тыс. тракторов, 227 тыс. грузовых машин, свыше 80 тыс. комбайнов. Для укрепления руководящих кадров колхозов на работу в них в качестве председателей было направлено более 30 тыс. партработников («тридцатитысячники»). Свыше 120 тыс. специалистов сельского хозяйства из управленческого аппарата переведены на работу в село.

Ситуация в деревне стала поправляться. Производительность труда в сельском хозяйстве в 1955 г. выросла на 38% по сравнению с 1940 г. В течение 5 лет после сентябрьского (1953) пленума среднегодовой прирост продукции аграрного сектора превышал 7%.

На февральско-мартовском (1954) пленуме ЦК было решено для быстрого увеличения производства зерна в течение ближайших трех лет освоить в районах Казахстана, Сибири, Урала, Поволжья 13 млн га целинных и залежных земель. Обращение к молодежи получило широкий отклик. Более 500 тыс. юношей и девушек из разных городов и сел страны отправились на освоение целины. Общее число участников освоения в дальнейшем выросло до 1,3 млн человек. Их трудовой энтузиазм уже за три первых целинных года позволил освоить 32 млн га новых земель. Всего с 1954 по 1960 г. освоено 41,8 млн га целины и залежных земель, в том числе 25,5 млн га в Казахстане. Из общего прироста производства зерна с 1953 по 1958 г. в целом по стране в 58 млн т на долю целинных районов приходилось 31,5 млн (54,3%). В 1960 г. на долю этих районов приходилось 46,8% всего собранного в стране хлеба. В 1960-е годы из-за ветровой эрозии почв урожай в целинных районах снизился, часть освоенных земель пришлось перевести в пастбища. Тем не менее целина продолжала обеспечивать стране заготовку каждой четвертой тонны хлеба. «Решение об освоении целинных земель не было ошибкой, — писал много лет спустя после целинной эпопеи крупнейший отечественный экономист А. А. Никонов. — Но осваивать их нужно было последовательно, закрепляя сделанное, переходя на научно обоснованную систему хозяйства, не допуская спешки и безжалостности к природе».

Гораздо меньший эффект по сравнению с освоением целины дала попытка ускорить разрешение продовольственной проблемы в стране путем повсеместного посева кукурузы. В 1954 г., обращаясь к комсомольцам, уезжающим на целину, Хрущев говорил: «Нам необходимо иметь больше кукурузы... главным образом на откорм птицы, свиней и других видов скота». В январе 1956 г. ЦК КПСС постановил считать распространение этой культуры важнейшей задачей. Под расширение посевов кукурузы планировалось и развитие животноводства. После визита Хрущева в Америку (1959) в стране началась просто кукурузная лихорадка. К 1963 г. площади под кукурузу были увеличены до 37 млн га (с 18 млн га в 1955 г.). Однако «королеве полей» не удалось вывести страну на «орбиту коммунистического изобилия». Сокращение посевов пшеницы и ржи ради кукурузы привело к общему снижению сбора зерновых.

«Соревнование» с США в производстве мяса, молока и масла на душу населения, старт которому был дан в мае 1957 г., окончилось конфузом. Желание поскорее догнать Америку, где условия хозяйствования несравненно более благоприятны, вело не только к росту производства (в первый год «соревнования» в СССР удалось увеличить производство мяса на 301 тыс. т, а в 1960 г. — на 1007 тыс.), но и к припискам, созданию видимости успеха. Наиболее показательна была попытка руководства Рязанской области увеличить в 1959 г. производство мяса в

4–5 раз. Мясо скупалось у населения и в соседних областях, школьники выращивали кроликов. В декабре было доложено, что область продала государству 100 тыс. т мяса вместо плановых 50 тыс., а в следующем году продаст 180–200 тыс. Секретарь обкома А. Н. Ларионов получил звание Героя Социалистического Труда, опыт рязанцев был рекомендован для повсеместного распространения. Но в конце 1960 г. обман раскрылся, и секретарь застрелился. В 1964 г., когда сошел с дистанции главный лидер соревнования, производство мяса в СССР достигло 8,3 млн т. Лишь в 1983 г. СССР произвел 16 млн т мяса (столько же, сколько США в 1956 г.).

Летом 1963 г. Хрущев открыл для себя новую панацею: минеральные удобрения. Он обнаружил, что американцы производят 35 млн т удобрения на 118 млн гектаров пахотной земли, а СССР на свои 218 млн гектаров — только 20 млн т. В октябре ЦК КПСС и правительство СССР опубликовали письмо ученым и работникам химической промышленности об увеличении производства минеральных удобрений и химических средств защиты растений. Декабрьский (1963) пленум ЦК принял специальное постановление о необходимости «в полной мере использовать могучую силу химии для повышения урожайности полей и продуктивности животноводства». Было решено нарастить мощности существовавших и построить 60 новых заводов, довести в 1970 г. производство минеральных удобрений до 70–80 млн т, гербицидов и других средств защиты растений — до 800–900 тыс. т. Отдача от химизации пришлась на 1970-е годы.

Не дала ожидаемого результата и осуществленная в соответствии с постановлением февральского (1958) пленума ЦК реорганизация машинно-тракторных в ремонтно-тракторные станции. Технику продавали колхозам. Предполагалось, что эта мера укрепит их материальную базу, ликвидирует «двоевластие» на земле (колхозов и МТС), разбудит инициативу. Однако для многих слабых колхозов расходы на приобретение техники были непосильными. Ремонтная база в сельском хозяйстве оказалась подорванной, значительная часть механизаторов и специалистов МТС не захотели превращаться в колхозников и отправились в города.

Губительным для деревни было начавшееся в 1950-х годах сселение «неперспективных» деревень, ставшее реализацией высказанной Хрущевым еще при Сталине идеи об агрогородах в сельской местности. Идея была реанимирована на декабрьском (1959) пленуме ЦК, призвавшем разработать «схемы районных и внутрихозяйственных планировок». В выпущенных в 1960 г. рекомендациях Академии строительства и архитектуры СССР говорилось: «Существующие населенные пункты колхозов и совхозов рекомендуется разделять на две группы — перспективные и неперспективные». К концу государственной деятельнос-

ти Хрущева в России исчезло 139 тыс. деревень (13 за день). Провозглашенный же ранее тезис о «сближении города и деревни» предполагал лишь выравнивание уровня жизни, а не уменьшение населения сел.

Не менее пагубным оказалось укрупнение и преобразование колхозов в совхозы с одновременным свертыванием личного подсобного хозяйства. В 1939 г. в стране было 234,1 тыс. колхозов, не считая рыбо-ловецких, и 4 тыс. совхозов. К концу 1965 г. число колхозов сократилось до 36,3 тыс. (в 6,4 раза), количество совхозов выросло до 11,7 тыс. (в 2,9 раза); в них было занято соответственно 18,6 и 8,2 млн человек.

В 1958–1964 гг. размеры приусадебных участков в колхозах сократились на 12% (до 0,29 га), в совхозах — на 28% (до 0,18 га). Производство мяса и молока в личном подсобном хозяйстве упало на 20%. В августе 1958 г. было принято постановление «О запрещении содержания скота в личной собственности граждан, проживающих в городах и рабочих поселках». Мотивировалось это тем, что в отсутствии кормов скоту скармливался хлеб. Постановление касалось около 12 млн городских семей, имевших свои огороды, и воспринималось как «малое раскулачивание». Сведение к минимуму мелкого крестьянского хозяйства опустошало важнейший источник поступления продовольствия, недостаток которого страна остро ощутила уже в начале 1960-х годов. Все это существенно отразилось на уровне производства продукции сельского хозяйства в целом и на общем настрое жителей деревни, особенно молодежи. В 1960–1964 гг. 7 млн сельчан, включая 6 млн молодых людей (до 29 лет), перебрались на жительство в города. С отставкой Хрущева необоснованные ограничения, касающиеся подсобных хозяйств, были отменены, но это не вернуло людей в село.

Общий баланс успехов и неудач в развитии сельского хозяйства виден из следующих цифр. Сельскохозяйственное производство в СССР за 1951–1955 гг. выросло на 20,5%, в 1956–1960 гг. — на 30, в 1961–1965 гг. — на 18% (за 3 года 6-й пятилетки — на 32, в годы семилетки — на 15 вместо запланированных 70%). Среднегодовые темпы прироста валовой продукции сельского хозяйства были значительно ниже, чем в промышленности. В первое из названных пятилетий они составляли 4,1% в год, во второе — 5,7, в третье — 2,4%. Планы подъема сельского хозяйства выполнить не удалось.

Низкие темпы развития сельского хозяйства замедляли рост национального дохода страны (вновь созданная стоимость во всех отраслях сферы материального производства). Тем не менее 1951–1960 гг. в отечественной истории XX в. оказались рекордными по среднегодовому приросту национального дохода — 10,3%, по официальным данным. На протяжении следующего десятилетия они составляли 7% в год.

Национальное богатство РСФСР в 1950-е годы прирастало в среднем на 10% в год, в 1960-е — на 7,55%. Объем ВВП в 1964 г. составлял

1205 млрд рублей (в сопоставимых для всего XX в. ценах) и был почти в 3 раза больше, чем в 1952 г., и в 1,5 раза больше, чем в 1959 г.

Результаты могли быть более впечатляющими, если бы не издержки безудержного реформаторства. Несмотря на это, экономическое развитие страны в период правления Н. С. Хрущева по объективным показателям оказалось наиболее успешным в сравнении с другими периодами развития плановой экономики. Рост ВВП в СССР, основой которого стал мощный экономический потенциал, созданный в 1930–1940-е годы, в 1950-е годы многократно превосходил рост в таких странах, как США и Великобритания, значительно опережал экономический рост во Франции, был выше, чем в ФРГ, и лишь незначительно уступал экономическому росту Японии. В эти годы в СССР были построены 8070 новых государственных предприятий, введено в действие 714,6 млн квадратных метров жилья, уровень жизни населения вырос втрое. Достижения СССР позволяют назвать 1950-е годы эпохой «советского экономического чуда».

Социальная сфера. Первая послевоенная перепись населения СССР, проведенная 15 января 1959 г., отразила существенный рост численности жителей страны (на 22,4%). Их насчитывалось 208,8 млн человек против 170,5 млн, зафиксированных на январь 1939 г. В 1962 г. впервые в истории страны численность городского населения (111,2 млн) превысила численность сельских жителей (108,6 млн). Если за четвертое десятилетие XX в. число рабочих и служащих в промышленности выросло в 1,17 раза, то за пятое десятилетие — почти в полтора раза (с 15,3 до 22,3 млн). Рост происходил за счет колхозников и членов городских промысловых артелей (на их долю в 1955 г. приходилось 8% всей промышленной продукции, они оказывали также различные услуги населению). В 1956 переведены в государственную собственность наиболее крупные промартели, а в 1960 г. промкооперация в городах полностью слилась с государственным сектором экономики. Таким образом 1,4 млн бывших членов артелей приобрели статус рабочих и служащих.

Отрядным явлением 1950-х годов стало завершение истории «архипелага ГУЛАГ» с его своеобразной структурой населения. В 1959 г., прошедшим под знаком эйфории по поводу возможностей общественности в охране правопорядка (к этому времени в стране было 84 тыс. добровольных народных дружин, насчитывающих более 2 млн человек), было предложено упразднить общесоюзное Министерство внутренних дел, в структуре которого находился ГУЛАГ. В январе 1960 г. министерство было упразднено, ряд его служб и функций передали в МВД союзных республик.

Приток новых осужденных «контрреволюционеров» в места заключения с середины 1950-х годов сократился, поток освобожденных и

реабилитированных усилился. Если на 1 января 1955 г. в лагерях и колониях содержалось 309 тыс. политических заключенных, то к началу 1956 г. — 114, а к апрелю 1959 г. — 11 тыс. или 1,5% от всего населения ГУЛАГа. Сокращение числа заключенных в лагерях было связано также со смягчением наказаний по уголовным преступлениям. В результате размер подведомственного Главному управлению лагерей МВД «хозяйства» сократился к 1959 г. по сравнению с 1953 г. более чем в 2 раза: в нем насчитывалось 948 тыс. заключенных.

Еще более масштабные изменения в социальную структуру общества вносило сокращение численности таких сограждан, как спецпоселенцы (трудпоселенцы, спецпереселенцы). В 1954 г. сняты ограничения с бывших кулаков, высланных из своих мест в годы коллективизации, а в 1955 г. спецпоселенцам начали выдавать паспорта, их стали призывать в Советскую Армию. Объявлена была амнистия гражданам, сотрудничавшим с оккупантами в годы Великой Отечественной войны. В 1956 г. последовал целый ряд указов, снимающих правовые ограничения с высланных в годы войны народов.

В 1956–1957 гг. восстановлена государственность чеченцев, ингушей, балкарцев, карачаевцев, калмыков. Поволжских немцев и крымских татар это не коснулось. В 1964 г. был отменен августовский (1941) указ в отношении советских немцев, но лишь в части, содержащей огульные обвинения в пособничестве оккупантам. В 1967 г. подобное обвинение сняли с крымских татар. В конце 1960-х годов процесс реабилитации был свернут.

Развитие народного хозяйства в 1953–1964 гг. позволяло государству направлять все увеличивающуюся часть национального дохода на социальные нужды, улучшать условия труда, повышать заработную плату, продовольственную и товарную обеспеченность населения. В 1955 г. ежемесячная заработная плата рабочих и служащих составляла 71,8 рублей в месяц. В то же время цена на ржаной хлеб равнялась 12 копеек за килограмм, за говядину 1-го сорта — полтора рубля за килограмм, за литр молока — 22–29 копеек (в зависимости от сезона), яйцо — 70–90 копеек за десяток, картофель — 10 копеек за килограмм, яблоки — 70 копеек — 1 рубль 20 копеек за килограмм, ситец — 53 копейки за погонный метр, чистошерстяная костюмная ткань (бостон) — 37 рублей 60 копеек за метр, кожаные мужские полуботинки — 19 рублей 80 копеек. (Здесь и далее сведения приводятся в укрупненной с 1 января 1961 г. денежной единице, когда 1 новый рубль был приравнен 10 старым.)

Уже к 1956 г. люди стали покупать по сравнению с началом десятилетия почти в два раза больше мяса и масла, а также одежды и обуви. После XX съезда эта линия была продолжена. С января 1957 г. повышалась минимальная зарплата на производстве, в строительстве и на транс-

порте, был установлен необлагаемый минимум заработной платы. В марте 1957 г. снижены налоги на рабочих и служащих. Прекратились внутренние займы, раньше составлявшие минимум месячную зарплату и носившие принудительный характер. В 1956 г. рабочий день рабочих и служащих по субботам и в предпраздничные дни был сокращен на два часа, в 1957 г. начался переход на семичасовой рабочий день. Реальные доходы рабочих и служащих с 1950 по 1958 г. выросли в 1,6 раза и увеличивались в последующем. Минимальная зарплата выросла с 40–45 рублей в 1957 г. до 60 в середине 1960-х годов; среднемесячная — с 78 в 1958 г. до 96,5 рубля. При этом месячная зарплата промышленных рабочих в 1965 г. равнялась 101,7 рубля, инженеров и техников — 148,4 рубля, служащих — 85,8 рубля; средний заработок рабочего совхоза (72,4 рубля в месяц) составлял 71,2% от заработка промышленного рабочего. Основную часть семейных расходов горожан составляли затраты на питание — более 50% заработной платы.

Доходы семей несколько возросли с отменой с сентября 1956 г. всех видов оплаты за обучение в школах и вузах, введенной накануне войны, и особенно — в результате радикальной реформы пенсионного законодательства. С июля 1956 г. пенсию могли получать мужчины после 60 лет и женщины — с 55. Размер государственной пенсии составлял от 55 до 100% средней заработной платы, что привело к увеличению пенсий по отдельным группам в два раза и более.

Общее улучшение условий жизни в стране выразилось в увеличении продолжительности жизни. Если в среднем по СССР она составляла в 1926–1927 гг. 44 года, а в 1953–1954 гг. — 63, то в 1958–1959 гг. — 68 лет. По сравнению с дореволюционным временем средняя продолжительность жизни к концу 1950-х годов увеличилась более чем вдвое. В 1896–1897 гг. люди жили в среднем по 32 года.

Настоящей революцией в социальной сфере стало введение пенсий для колхозников. 15 июля 1964 г. Верховный Совет страны принял закон о пенсиях и пособиях членам колхозов, для которых впервые в истории советской деревни устанавливалась государственная система социального обеспечения. Пенсии по старости стали получать мужчины в возрасте 65 лет, женщины — 60. Выплаты проводились из центрального фонда, созданного за счет отчислений колхозов и ежегодных ассигнований из государственного бюджета. До 1964 г. престарелые колхозники и инвалиды получали пенсии от колхозов. Однако пенсионерами была лишь четвертая часть этой категории людей, три четверти из них находились на содержании работающих детей и родственников.

Сумма ежемесячной пенсии рабочих и служащих колебалась от 30 до 120 рублей, колхозников — от 12 до 15 рублей. К 1980 г. пенсионные выплаты колхозникам были увеличены до 28 рублевой. Считалось, что остальные средства для жизни вышедшие на пенсию колхозники могут

получить от подсобного хозяйства. С февраля 1958 г. началась постепенная паспортизация крестьян-колхозников. Паспортный режим в городе и деревне окончательно унифицирован только в 1974 г.

Быстрое развитие промышленности строительных материалов позволило перевести жилищное строительство на индустриальную основу и многократно расширить его масштабы. В ноябре 1955 г. специальным решением были осуждены «парадность и украшательство» в архитектуре. В 1954–1957 гг. принимается целая серия решений, направленных на внедрение типового домостроения, символом которого стали московские Черемушки. Стоимость строительства жилья по новому методу уменьшилась на 25%, трудоемкость в 3–4 раза, сроки сдачи — до одного-полутора месяцев. Это позволило в 1958 г. впервые отказаться от планирования «коммуналок» и начать решение вопроса о посемейном расселении в отдельные квартиры.

В этой связи следует отметить огромную сложность решения жилищной проблемы в нашей «холодной» и бедной стране. По своей реальной стоимости городские жилища и после их относительного удешевления были не по карману для большинства населения. Феноменальный рост городов и городского населения, происходивший в СССР с конца 1920-х годов, шел в основном за счет строительства государством бесплатного для горожан жилья. Без такой политики не было бы индустриализации и последующих успехов промышленного развития страны.

За 1956–1960 гг. в новые квартиры переселились почти 54 млн человек, что составляло четвертую часть жителей СССР. И хотя со временем дешевое жилье перестало отвечать возросшим потребностям людей, его огромную значимость для своего времени трудно переоценить. Остроту проблемы жилья сглаживали получившие большое распространение недорогие жилищные кооперативы на достаточно льготных условиях, с рассрочкой выплаты всей стоимости квартиры на 15 лет.

§ 3. Культура и общественные движения

Наука и техника. После смерти Сталина начались процессы освобождения сферы культуры от жесткого партийного контроля, мелочной регламентации спецслужбами, преодоления догматизма. Относительная терпимость к плюрализму мнений, литературно-художественных и научных школ в 1950–1960-е годы по-разному проявлялись в различных областях культуры и психологии масс. «Шоковый» характер разоблачения «культы личности» имел и свое пагубное следствие — разочарование (и прежде всего в элите) в идее построения коммунизма и реальности социализма, приведшее в итоге к распаду СССР. С наибольшим драматизмом менялись после XX съезда партии насквозь идеологизированные гуманитарные сфе-

ры культуры и генерируемые ими общественные движения. С наименьшими потрясениями «десталинизация» сказывалась на развитии естественных и технических наук, системе образования. Жизненная необходимость разрешения атомной и ракетной проблем породила особое отношение руководства страны к ученым. Колоссальные успехи советской науки, которые в ряде приоритетных направлений превосходили мировой уровень, еще больше подняли престиж ученых в обществе.

Идеология вступления страны в эпоху научно-технической революции, подкрепленная решениями июльского (1955) пленума ЦК, широкая пропаганда научных и технических достижений СССР наряду с завесой секретности вокруг определенных научных учреждений делали научную стезю привлекательной и романтической для молодежи. Материальная основа науки непрерывно расширялась. С начала 1950-х до конца 1960-х годов расходы на науку выросли почти в 12 раз. К этим годам относится мировое признание большей части всех советских работ, удостоенных Нобелевских премий в области точных и естественных наук: изыскания академиков Н. Н. Семенова (1956), П. А. Черенкова, И. М. Франка и И. Е. Тамма (1958), Л. Д. Ландау (1961), Н. Г. Басова и А. М. Прохорова (1964). Позднее нобелевскими лауреатами стали П. Л. Капица (1978), Ж. И. Алферов (2001), А. А. Абрикосов и В. Л. Гинзбург (2003).

Академию наук СССР в эти годы возглавляли замечательные ученые и организаторы — основатель научной школы по химии элементо-органических соединений А. Н. Несмеянов (1951–1961), математик и механик, руководитель ряда советских космических программ М. В. Келдыш (1961–1975). Позднее президентами избирались один из основателей отечественной ядерной энергетики А. П. Александров (1975–1986), математик и физик Г. И. Марчук (1986–1991). С 1991 г. во главе Российской академии наук стоит математик и механик Ю. С. Осипов.

В 1950-е — первой половине 1960-х годов произошло существенное количественное и территориальное расширение сети научно-исследовательских институтов. Только в системе Академии наук СССР за 1956–1958 гг. было организовано 48 НИИ. В 1957 г. был основан Новосибирский академгородок, занявший ведущие позиции в области прикладной математики и физики. Одновременно было создано Сибирское отделение Академии наук с Дальневосточным, Западно-Сибирским и Восточно-Сибирским филиалами, возникли научно-исследовательские институты в Красноярске и на Сахалине.

Приоритет в научных разработках в 1950-е годы, как и в 1940-е, отдавался интересам военно-промышленного комплекса. В 1954 г. в СССР появились первые пять трижды Героев Социалистического Труда (Б. Л. Ванников, Н. Л. Духов, И. В. Курчатов, Ю. Б. Харитон, К. И. Шел-

кин), удостоенные высочайших наград и почестей за заслуги в развитии ВПК. Позднее эту славную плеяду дополнили Я. Г. Зельдович (1956), А. Д. Сахаров (1962), Е. П. Славский (1962), М. В. Келдыш (1971), А. Н. Туполев (1972), А. П. Александров (1973), С. В. Ильюшин (1974).

Крупнейшими достижениями науки и техники того времени стало создание первого дальнего тяжелого турбореактивного бомбардировщика и ракетноносца Ту-16 (принят на вооружение в 1954 г.), затем более совершенной машины «Туполев-95» (принята на вооружение в 1955 г.), двигатели которого (НК-12 конструкции Н. К. Кузнецова) обеспечивали межконтинентальную дальность полета. Еще через год самолетный парк Дальней авиации пополнился стратегическим бомбардировщиком конструкции В. М. Мясничева ЗМ. Событием 1956 г. стал рейс самолета Ту-104 Москва–Иркутск (15 сентября). Этим рейсом было положено начало регулярному сообщению на турбореактивном пассажирском самолете, созданном на базе бомбардировщика «Туполев-95». В следующем году в полет отправился первый в мире двухпалубный аэробус Ту-114, был запущен самый мощный в мире синхрофазотрон; на космодроме Байконур испытана ракета межконтинентальной дальности Р-7 (21 августа), позволившая осуществить запуск в космос искусственного спутника Земли (4 октября), спущен на воду атомный ледокол «Ленин» (5 декабря).

Свидетельством новых успехов науки и техники стали ходовые испытания атомной подводной лодки (июль 1958 г.), создание в 1959 г. первой отечественной крылатой ракеты стартующей с подводной лодки, создание в 1960 г. Н. Г. Басовым и А. М. Прохоровым первого квантового генератора — лазера (позднее ими же создана первая лазерная установка), полет Ю. А. Гагарина в космос (12 апреля 1961 г.), осуществление 30 октября 1961 г. беспрецедентного по мощности (52 мегатонн) взрыва водородной бомбы над Новой Землей (испытанием доказана возможность конструировать на основе предложенного принципа заряда практически неограниченной мощности), создание системы залпового огня «Град» (1962), запуск в 1963 г. маневрирующего автоматического искусственного спутника Земли серии «Полет» — прототипа перехватчиков искусственных спутников; вступление в строй действующих первых мощных промышленных АЭС, вывод на орбиту первого многоместного космического корабля «Восход-1» с космонавтами В. М. Комаровым, К. П. Феоктистовым и Б. Б. Егоровым (1964).

Прокладывание новых путей в будущее было связано с огромным риском. 29 сентября 1957 г. на химкомбинате, расположенном неподалеку от станции Муслимово Южно-Уральской железной дороги (ныне производственное объединение «Маяк»), произошел взрыв емкости с радиоактивными отходами. После него возник так называемый «восточноуральский радиоактивный след», загрязнивший около 23 тыс. кв. км Челябинской, Свердловской и Тюменской областей, облучены око-

ло 300 тыс. человек. Радиоактивное заражение реки Течи до сих пор вызывает у окрестных жителей разных поколений болезни и генетические мутации. 24 октября 1960 г. во время подготовки к запуску на одной из площадок Байконура новой ракеты Р-16, созданной в конструкторском бюро М. К. Янгеля, произошел взрыв, унесший жизни 74 специалистов-ракетчиков. Среди погибших был главнокомандующий ракетными войсками маршал М. И. Неделин. 24 апреля 1967 г. погиб летчик-космонавт СССР В. М. Комаров. Катастрофа произошла при возвращении корабля «Союз-1» из космоса в результате скручивания строп парашюта. Засушливым летом 1967 г. озеро Карачай, куда многие годы сливались отходы производства химкомбината «Маяк», обмелело. Радиоактивная пыль с высушенных солнцем берегов озера была разнесена ветром почти на 2 тыс. км. В этот раз пострадало 400 тыс. человек, а жители 42 населенных пунктов были эвакуированы. В дождливые годы Карачай переполняется, создавая опасность попадания отравленных вод в общую гидросистему края. 30 июня 1971 г. в результате разгерметизации спускаемого аппарата «Союз-11» при возвращении на Землю погибли космонавты Г. Т. Добровольский, В. Н. Волков, В. И. Пацаев.

В 1950-е годы в СССР были возобновлены работы в области генетики, несмотря на то что Н. С. Хрущев продолжал поддерживать ее влиятельного противника Т. Д. Лысенко, который в качестве президента ВАСХНИЛ (1938–1956 и 1961–1962 гг.) осуществлял руководство сельскохозяйственной наукой. Во второй половине 1950-х годов большой проблемой для этой науки стала ветровая эрозия и резкое снижение плодородия освоенных целинных земель, ставшая результатом шаблонного переноса на эти земли агротехнических приемов, применявшихся в центральных влагообеспеченных районах страны. На этом фоне развернулась острая критика травопольной системы земледелия и повсеместное насаждение в административном порядке пропашной системы. В засушливых районах по рекомендации ученых стали с успехом применять безотвальную вспашку, поверхностную обработку почвы и зернопаровые севообороты (Т. С. Мальцев и его ученики), почвозащитную систему земледелия (А. И. Бараев и его ученики).

Определенные достижения наблюдались и в гуманитарных науках. Постепенному преодолению сталинского догматизма, восстановлению, пусть и частично, правды в отношении исторических процессов, событий и отдельных личностей способствовало расширение со второй половины 1950-х годов публикаций воспоминаний, статистических и документальных материалов, доступа к архивам. Большое значение имело обнаружение утаиваемых ранее статей В. И. Ленина, связанных с образованием СССР, характеристиками политических деятелей из ленинского окружения. Развитие общественных наук шло по линии «возврата к ленинизму», выискивания ошибок Сталина даже там, где

их не было, романтизации «чистой» коммунистической идеи периода революции и 1920-х годов. Развитию гуманитарных исследований способствовали новые журналы: «История СССР», «Вопросы истории КПСС», «Новая и новейшая история», «Мировая экономика и международные отношения», «Вопросы языкознания» и др.

В гуманитарной среде создавались новаторские для своего времени труды, подводились итоги исследований в конкретных областях знания, возникали и развивались новые научные школы. За период с начала 1950-х до середины 1960-х годов заметный след в науке оставили философы Э. В. Ильенков, П. В. Копнин, В. С. Степин; специалисты в области отечественной истории М. Н. Тихомиров, Н. М. Дружинин, Б. А. Рыбаков; в области всеобщей истории — В. С. Сергеев, С. Д. Сказкин, А. И. Неусыхин; этнологи С. П. Толстов, С. А. Токарев; археолог А. В. Арциховский; юристы Н. Г. Александров, М. Н. Гернет; экономисты Л. В. Канторович, В. В. Новожилов, В. С. Немчинов; литературоведы М. М. Бахтин, Д. С. Лихачев; языковеды В. В. Виноградов, Ф. П. Филин; психологи А. Н. Леонтьев, А. Л. Лурия; социолог Г. В. Осипов; педагог М. Н. Скаткин и др.

Вместе с тем попытки научной интеллигенции выйти за пределы сложившихся догм, расширение критики «культы личности» вне рамок известного партийного постановления не допускались, упоминания о Троцком, Бухарине, Рыкове и других оппозиционерах тщательно ограничивались цензурой. Дискуссии на темы репрессий пресекались, нередко с подключением органов КГБ.

Образование. В 1950-е годы произошли существенные изменения в системе образования. В соответствии с переписью населения 1959 г. высшее, среднее и неполное среднее образование имело 43% населения. Этот показатель вырос на 76,1% по сравнению с показателем 1939 г. Однако выпускники средней школы, как и в 1930-е годы, ориентировались на учебу в вузах и с неохотой шли на производство. Между тем число выпускников школы, составлявшее накануне войны 468 тыс. человек, в 1951–1955 гг. превышало 1 млн, а в 1956–1960 гг. — 1,7 млн человек. Возникла необходимость реформирования школы таким образом, чтобы превратить ее в резерв пополнения кадров рабочего класса и технической интеллигенции.

Развернувшаяся в 1956 г. дискуссия о том, как приблизить школу к производству, завершилась принятием в декабре 1958 г. закона «Об укреплении связи школы с жизнью и дальнейшем развитии системы народного образования». Вместо семилетки была создана обязательная восьмилетняя политехническая школа. Среднее образование молодежь получала, оканчивая среднее профтехучилище, техникум, вечернюю (заочную) школу рабочей молодежи, аналогичную сельскую, или проучившись 3 года в средней образовательной школе «с производствен-

ным обучением». Для желающих продолжить образование в вузе вводился обязательный производственный стаж. К осени 1963 г. стало ясно, что реформа не удалась. Школьники по-прежнему с неохотой шли на производство, вечерние и заочные старшие классы хороших знаний не давали. Слабая материально-техническая база, узкий и случайный выбор профессий, предлагаемых в школе с производственным обучением, не обеспечивали должной профессиональной подготовки. Качество образования снижалось. С 1964 г. средняя школа вновь стала десятилетней, а школьная реформа 1958–1964 гг. — достоянием истории.

Предпринятые усилия по увеличению числа обучающейся в высшей школе молодежи с производства привели к развитию системы вечернего и заочного обучения. В 1946 г. по этим формам обучалось 28% всех студентов, в 1961 г. — 61%. С этой же целью в 1957 г. были изменены правила приема в высшие учебные заведения. Преимущественное право получали демобилизованные из армии и отработавшие не менее двух лет на производстве. К середине 1960-х годов принятые на льготных основаниях составили среди студентов 70%, что неизбежно вело к снижению требований к уровню подготовки, к девальвации высшего образования.

«Оттепель» в литературно-художественной жизни. Критика «культы личности», начало реабилитации репрессированных и другие признаки потепления общественно-политической атмосферы вызвали повсеместный горячий отклик. Одними из первых на перемены откликнулись литераторы. Осенью 1953 г. редактируемый А. Твардовским «Новый мир» опубликовал статью В. Померанцева «Об искренности в литературе». В ней проводилась мысль о благотворности различных литературных школ, направлений и необходимости «честно писать», не думая «о выражении лиц высоких и невысоких читателей». В обновленном ключе написаны роман «Времена года» В. Пановой, напечатанный в этом журнале в октябре — декабре 1953 г., и опубликованные ранее статьи В. Овечкина, показывавшие действительность без прикрас и лакировки. В апреле 1954 г. на страницах журнала появляется статья Ф. Абрамова «Люди колхозной деревни в послевоенной прозе» с резкой критикой схематического изображения реальности в «образцовых» романах о деревне, созданных в 1940-е годы. Той же весной в журнале «Знамя» появились стихи из романа Б. Пастернака «Доктор Живаго», а в «Новом мире» — повесть «Оттепель» И. Эренбурга. Эти произведения подвели читателей к осознанию губительности атмосферы, царившей ранее в стране. Повесть «Оттепель» дала название для обозначения особенностей нового исторического периода в развитии страны, начавшегося в марте 1953 г.

Однако первую «оттепель» уже в мае 1954 г. сменили «заморозки». Центральные газеты вдруг нашли большие недостатки в повестях В. Па-

новой, И. Эренбурга, статьях В. Померанцева, Ф. Абрамова, пьесах Л. Зорина, А. Мариенгофа, С. Городецкого, Ю. Яновского и подвергли их резкой критике за «абстрактный гуманизм», «ложное разоблачительство», «клеветнический характер», «очернение советской действительности». А 23 июля секретариат ЦК принял постановление в духе 1946 г.: осудил Твардовского за подготовленную к публикации поэму «Теркин на том свете». В августе 1954 г. он был отстранен от руководства «Новым миром» (назначен К. Симонов). Поэма, ставшая причиной отставки, была впервые опубликована по благословию Н. С. Хрущева в августе 1963 г. в газете «Известия». На II съезде советских писателей (декабрь 1954 г.), первые «оттепельные» произведения были осуждены как проявление «стихийного» развития литературы.

Консервативная линия развития литературы, связанная с большими сомнениями по поводу взятого курса на «десталинизацию» и прекращение борьбы с космополитизмом, получила выражение в журналах «Октябрь» и «Нева». Литературным памятником консерватизма послесталинской эпохи является роман «Гля» И. Шевцова, герои которого, молодые московские художники, ведут борьбу «за реалистическое, искусство» с критиками, которым покровительствует художник-модернист Барселонский (пародия на И. Эренбурга). Роман написан в 1952 г. После смерти Сталина он, естественно, в свет не вышел и впервые опубликован после грубой ругани Хрущевым 1 декабря 1962 г. художников-модернистов в Центральном выставочном зале «Манеж».

Таким образом, уже вскоре после марта 1953 г. дали о себе знать группировки реформаторов-антисталинистов и консерваторов-сталинистов, которые породили в дальнейшем все разнообразие направлений в литературно-художественной и общественной жизни страны. Часть интеллигенции, ставшая на сторону хрущевских реформаций и названная позднее, в конце 1960-х годов, либеральной интеллигенцией, поначалу не имела ничего общего с либерализмом как идеологическим течением, отстаивающим свободу предпринимательства, буржуазно-парламентский строй и буржуазную демократию. Понятие «либерализм» в отношении к этой части интеллигенции применимо лишь в смысле, означаящем некое свободомыслие, вольнодумство, терпимость, снисходительность. Сталинисты начала 1950-х годов также не имели ничего общего с консерватизмом как идеологическим течением. Их приверженность к «устаревшим традициям» не предполагала ни «буржуазного национализма», ни воскрешения традиций, порядков дореволюционной России. Просто они увидели в антисталинизме угрозу основам социалистического строя и только в силу партийной дисциплины не выступали открыто против начавшейся борьбы с «культом личности». Но все новые тенденции в художественной культуре, выходявшие за рамки догматических установок, встречались ими непримиримо.

Своеобразие ситуации в литературно-художественном мире после марта 1953 г. во многом определялось тем, что группа писателей и художников, проявившая активность в борьбе с космополитизмом, была сравнительно небольшой и явно проигрывала в численном отношении «жертвам» антикосмополитической борьбы. После реабилитации Михоэлса и «врачей-отравителей» оказалось, что «космополиты» и «низкопоклонники» в большинстве своем не слишком пострадали социально, но тоже требовали реабилитации и компенсаций за причиненный ущерб.

Возникшая в литературно-художественной среде «групповщина» стала проблемой всей последующей истории советской культуры. Складывающуюся ситуацию позднее хорошо обрисовала писательница Л. Н. Васильева в книге «Дети Кремля» (1997). «В нашем литературном мире, разделенном на правых — славянофилов и левых — западников, — пишет она, — лакмусовой бумажкой для определения принадлежности писателя к тому или иному лагерю был еврейский вопрос. Если ты еврей, значит, западник, прогрессивный человек. Если наполовину — тоже. Если ни того, ни другого, то муж или жена евреи дают тебе право на вход в левый фланг. Если ни того, ни другого, ни третьего, должен в творчестве проявить лояльность в еврейском вопросе. Точно так же по еврейскому признаку не слишком принимали в свои ряды группы правого, славянофильского фланга».

Видный представитель советской литературной политики, многолетний главный редактор «Литературной газеты» Б. А. Чаковский причину общего недовольства евреев ситуацией, сложившейся в годы войны и первые послевоенные годы, объяснял следующим образом: «Когда началась война, Сталин увидел, что все интернациональные идеи, все разговоры о солидарности с германским рабочим классом и международным пролетариатом — фикция. Он решил сделать ставку на единственно реальную карту — на национальное чувство русского народа. Постепенно из армии убрали всех евреев-политруков, пропаганда всячески стала использовать имена русских полководцев, верхи стали заигрывать с церковью, а после победы Сталин произнес знаменитый тост за русский народ. Но расплатиться с русским народом за его жертвы было нечем, оставалось одно — объявить его самым великим, самым талантливым. И в угоду этому началась кампания против космополитов, дело врачей, разгон еврейского комитета... А когда наступил 56-й год и пошли всяческие реабилитации, то среди этих реабилитаций не были реабилитированы евреи, пострадавшие в антисемитских кампаниях. А теперь объясните какому-нибудь рядовому Хаиму, почему этого не произошло. Он живет с обидой в душе. И на эту обиду очень легко ложится всяческая сионистская пропаганда, и Хаим подает заявление на выезд в Израиль». Таким образом, главная причина недовольства евреев своим положением в стране заключалась в том, что их представители не были реабилитированы как жертвы сталинизма в годы борьбы с космополитизмом и не восстановлено, видимо, вполне устраивающее их *status quo ante bellum* (положение, существовавшее до войны).

Конфликт групповых интересов в интеллигентской среде перешел в открытую в период с апреля 1955 по март 1956 г. Требования реабилитации бывших «космополитов» и расследования конкретной вины некоторых литературных чиновников вызвали упреки в «реваншистских настроениях» со стороны писателей, обличавших космополитизм. «Групповщина» в литературной среде осуждалась уже на II съезде писателей, в частности, Л. Соболевым, крупнейшим писателем того времени, одним из лидеров русского национального течения в литературе.

«Либеральный лагерь» с середины 1950-х годов контролировал обстановку в крупнейших Московской и Ленинградской писательских организациях, оказывал сильное влияние на столичные литературные журналы «Новый мир», «Юность» и «Литературную газету» (с 1959 г.). Из других журналов, подчиняющихся правлению Союза советских писателей, либералам сочувствовал журнал «Октябрь» (до 1961 г.).

После XX съезда КПСС идеологическое давление со стороны официальных политических и литературных начальников на деятелей литературы и искусства было ослаблено. Ответственность за «перегибы» прежних лет была возложена на Сталина и Жданова. Восстановлены были имена репрессированных деятелей литературы и искусства (В. Мейерхольд, Б. Пильняк, И. Бабель, И. Катаев). Появились новые издания С. Есенина, А. Ахматовой и М. Зощенко. В мае 1958 г. постановлением ЦК об исправлении ошибок в оценке опер «Великая дружба», «Богдан Хмельницкий» и «От всего сердца», «реабилитированы» обвиненные в «формализме» великие творцы музыки Д. Шостакович, С. Прокофьев, А. Хачатурян, а также Н. Мясковский и В. Шебалин. Однако отчаянные попытки А. Фадеева добиться изменения стиля руководства Союзом писателей путем изъятия у Министерства культуры идеологических функций привели к опале и самоубийству писателя 13 мая 1956 г.

Интенсивность и противоречивость обновленческого процесса в культуре и идеологии получили свое выражение в работе I съезда художников и II съезда композиторов (1957), III съезда писателей (1959), совещания историков (1962), на встречах руководителей партии с творческой интеллигенцией (1957, 1962, 1963), в расширении экспозиционной деятельности музеев и выставочных залов. Открытием целой эпохи стала художественная выставка 1962 г., где впервые были экспонированы полотна 1920–1930-х годов, не укладывающиеся в рамки «социалистического реализма» и находившиеся в запасниках музеев.

Потепление общественной атмосферы отразилось и на культурных связях с внешним миром. Проведенный летом 1957 г. в Москве фестиваль молодежи и студентов положил начало послевоенным контактам советской и иностранной молодежи. В 1958 г. в столице прошел первый Международный музыкальный конкурс имени П. И. Чайковского, ставший триумфом советской исполнительской школы. Победа на конкурсе молодого американского пианиста В. Клиберна сделала его в ту пору

любимцем советских меломанов. В конце 1950-х годов проводятся выставки западного искусства — картин из собрания Дрезденской галереи, выставившихся перед передачей их правительству ГДР, полотна П. Пикассо и др. Все это стало вехами на пути к установлению нормальных отношений с зарубежным миром.

Развитию литературы способствовали новые литературно-художественные журналы — «Юность», «Наш современник», «Молодая гвардия», «Иностранная литература», «Советский экран» и др. Центром притяжения либеральной интеллигенции стал «Новый мир», вновь возглавлявшийся А. Твардовским с июня 1958 г. Большой резонанс в обществе вызвали опубликованные в журнале роман В. Дудинцева «Не хлебом единым» (1956), посвященный интеллигенции, рассказы В. Шукшина (1959), и особенно — опубликованная в ноябре 1962 г. повесть А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» — о жизни политического заключенного в лагерях.

В декабре 1960 г. в «Юности» опубликована статья критика Ст. Рассадина «Шестидесятники» — о писателях нового литературного поколения, их героях и читателях. В дальнейшем определение «шестидесятник» стало общеупотребительным — так называли писателей демократического направления, творивших во второй половине 1950-х и в 1960-е годы. Называя отличительную черту шестидесятников, Ю. Карякин говорил о себе и многих других «детях XX съезда»: «Мы ругали Сталина, но это был эзопов язык, потому что по-настоящему нам хотелось ругать Ленина».

Деятельность шестидесятников находила «понимание» и поддержку высокопоставленных либералов в правящей Коммунистической партии. Свидетельством тому служит статья А. Н. Яковлева «Большевизм — социальная болезнь XX века» (1999).

«После XX съезда, — писал он, — в сверхузком кругу своих ближайших друзей и единомышленников мы часто обсуждали проблемы демократизации страны и общества. Избрали простой, как кувалда, метод пропаганды “идей” позднего Ленина. Надо было ясно, четко и внятно вычленить феномен большевизма, отделив его от марксизма прошлого века. А потом без усталости говорили о гениальности позднего Ленина, о необходимости возврата к ленинскому “плану строительства социализма” через кооперацию, через государственный капитализм и т. д. Группа истинных, а не мнимых реформаторов разработала (разумеется, устно) следующий план: авторитетом Ленина ударить по Сталину, по сталинизму. А затем, в случае успеха, Плехановым и социал-демократией бить по Ленину, либерализмом и “нравственным социализмом” — по революционаризму вообще. Начался новый виток разоблачения “культы личности Сталина”. Но не эмоциональным выкриком, как это сделал Хрущев, а с четким подтекстом: преступник не только Сталин, но и сама система преступна».

Консервативные тенденции в развитии культуры 1950-х — начала 1960-х годов проявлялись в ряде инициированных «сверху» акций, направленных на поддержание должного уровня ее идейности. В начале 1957 г. резкой критике за «нигилистическое перечеркивание советской действительности» был подвергнут роман В. Дудинцева. Оскорбительную критику испытали на себе писатели А. Вознесенский, Д. Гранин, С. Кирсанов, художник Р. Фальк, скульптор Э. Неизвестный, режиссер М. Хуциев. Самый громкий скандал разразился в декабре 1962 г., когда Хрущев во время посещения художественной выставки в Манеже подверг резкой критике работы молодых художников.

Гуманистические тенденции в развитии литературы и кинематографа тех лет наиболее ярко сказались на художественном осмыслении темы войны, совершенно по-новому прозвучавшей в рассказе М. Шолохова «Судьба человека», — о тяжелой дороге через войну и фашистский плен русского солдата, в первой части трилогии К. Симонова «Живые и мертвые», в фильмах Г. Чухрая «Баллада о солдате» и М. Калатозова «Летят журавли».

На развитии литературно-художественной и общественной жизни в стране во многом сказалось образование бюро ЦК по РСФСР. Оно было создано 27 февраля 1956 г. в соответствии с решения XX съезда партии о расширении прав союзных республик. В бюро входили три секретаря ЦК КПСС, первые секретари обкомов наиболее крупных областей — Московской, Ленинградской, Горьковской, а также руководитель правительства России; бюро возглавлял Хрущев. В структуре нового органа из семи отделов начал функционировать отдел школ и культуры. В годы работы бюро (1956–1966) в РСФСР был создан ряд республиканских организаций, в том числе Союз писателей, Союз художников, Союз композиторов, Сибирское отделение Академии наук СССР. С июля 1956 г. стала издаваться газета «Советская Россия». Все это оказывало существенное влияние на развитие культурной жизни в РСФСР и стране в целом.

Самым существенным образом на развитие литературно-общественной жизни страны повлиял Союз писателей РСФСР (решение о создании принято 13 мая 1957 г., в декабре того же года прошел учредительный съезд). Руководителями Союза стал Л. Соболев и другие писатели, сочувствующие русской национальной идее. И уже вскоре после этого центральный печатный орган Союза газета «Литература и жизнь» стала выступать как оппонент либеральных начинаний в литературе, а принадлежащий Союзу альманах (с 1964 г. — ежемесячный журнал) «Наш современник» превратился в один из главных журналов «консервативного» направления в литературе.

Группировка русских «консерваторов», сложившаяся в Союзе советских писателей СССР к середине 1950-х годов, в основном состояла

из двух частей. В первую входили признанные писатели С. Сергеев-Ценский, Л. Соболев, Л. Леонов, М. Шолохов и др. Вторую группу образовали недавние фронтовики, большая часть которых учились во второй половине 1940-х годов в Литературном институте имени А. М. Горького. Из них известность приобрели М. Алексеев, Ю. Бондарев, В. Бушин, В. Солоухин, И. Стаднок и др. Фронтовики были главной силой русского общественного движения, которое возродилось как нормальный русский патриотизм в годы войны с фашистской Германией и являлось одной из форм борьбы за права человека.

Свои действия в борьбе с «либералами» «консерваторы-националисты» координировали с «консерваторами-интернационалистами» В. Кочетовым, Н. Грибачевым, С. Бабаевским — государственниками и антизападниками, полагавшими, что любые либеральные, особенно прозападные, веяния ведут к разрушению социалистического государства. Популярным журналом этого направления был «Огонек», возглавлявшийся с 1953 по 1986 г. А. Софроновым.

Основным печатным органом, оппонирующим «Новому миру», был журнал «Октябрь». В 1961–1973 гг. его редактировал В. Кочетов, известный еще со времен своей работы в Ленинграде и во главе «Литературной газеты» в 1956–1961 гг. как непримиримый борец против либеральных веяний в литературе и искусстве. Его романы «Братья Ершовы» (1958), «Секретарь обкома» (1961) вызывали неприятие взыскательных читателей. Одни находили их слишком политизированными, другие — слабыми в литературном отношении, натуралистическими, схематическими, провокационными. Из редакции «Октября» в свою очередь стрелы критики летели в адрес и молодых, и маститых авторов: В. Аксенова и Е. Евтушенко, В. Розова и И. Эренбурга. Опубликованная в «Новом мире» повесть Солженицына критиковалась как «идейно порочная, рассчитанная на сенсацию». В «Октябре» находили изъяны в фильмах «Летят журавли», «Чистое небо». Либералы обижались, считая, что журнал «обливает помоями» самое передовое в кинематографе.

Тем не менее и романы редактора, и сам журнал находили массового читателя. По тиражу он опережал «Новый мир». Кочетов, как и Твардовский, полагал, что возглавляемый им журнал проводит правильную линию партии, и тот и другой пользовались поддержкой влиятельных политических кругов. Выражалось это, в частности, в том, что Кочетов был членом Центральной ревизионной комиссии КПСС (1955–1966), Твардовский — кандидатом в члены ЦК КПСС (1961–1966). «Октябрь» много сделал для В. Шукшина: на его страницах опубликован ряд произведений молодого писателя. «Октябрь» стал первым журналом, который в 1964 г. напечатал первую в Москве подборку стихотворений талантливого поэта Н. Рубцова.

В начале 1960-х годов в редакции журнала «Знамя» сформировалась группа русских «националистов», учеников Я. Смелякова. Ее вдохновителем стал поэт С. Куняев (с 1989 г. — главный редактор «Нашего современника»). В группу входили поэты А. Передреев, Н. Рубцов, В. Соколов, И. Шкляревский. К этой группе был близок известный литературовед и историк В. Кожин.

Расклад сил, сложившийся в литературной среде, был нарушен XXII съездом КПСС, на котором прозвучала резкая критика в адрес Сталина, усилившая процесс десталинизации и либеральные настроения в обществе. В то же время стремительно возрос политический вес главного покровителя консерваторов А. Н. Шелепина (секретарь ЦК и одновременно председатель Комитета партийно-государственного контроля ЦК КПСС и Совмина СССР, зампред Совмина). Председателем КГБ СССР, традиционно уделявшим пристальное внимание настроениям в литературной среде, с ноября 1961 г. был его ближайший сподвижник В. Е. Семичастный. С усилением этого тандема большую возможность для самостоятельной деятельности получил первый секретарь ЦК комсомола С. П. Павлов, которому подчинялось издательство «Молодая гвардия».

Возвышение Шелепина и Павлова усиливало позиции «консерваторов» в литературе. Одним из результатов нового расклада сил стала публикация романа И. Шевцова «Тля» издательством «Советская Россия». Шелепин и секретарь ЦК по идеологии Л. Ф. Ильичев сумели спровоцировать Хрущева на борьбу с современным искусством, которое было символом либеральных надежд. Результатом стали скандальные выступления Хрущева на выставке в Манеже 1 декабря 1962 г., на встречах с интеллигенцией 17 декабря 1962 г. и 7–8 марта 1963 г., создание Идеологической комиссии ЦК.

В качестве разумной альтернативы прозападным настроениям «либералов» Шелепин и Ильичев предлагали не сталинизм, а возвращение к традиционным ценностям. Именно эту идею, с подачи Ильичева, высказал на заседании Идеологической комиссии художник И. Глазунов. В его выступлении призывы к сохранению памятников русской истории перемежались с осуждением современного искусства.

В разгар очередного наступления на Русскую православную церковь подобные призывы Хрущева впечатлить не могли, но и резкой критики новой идеи не последовало. Пользуясь этим, русские «консерваторы» стали гораздо откровеннее обсуждать интересующие их проблемы в печати, в частности, журнале «Молодая гвардия». Это привело к активизации литературной группировки, формировавшейся вокруг журнала и одноименного издательства. Публикуя начинающих авторов, издательство могло вовлекать в литературную среду, «делать имя», возвращать новых русских «консерваторов». Из представителей старшего поколе-

ния, исповедовавших русскую национальную идею, наиболее близки ему были М. А. Шолохов, Л. М. Леонов.

Сторону «консерваторов» в полемике с либералами на страницах комсомольских изданий поддерживали С. П. Павлов и его окружение. Руководители комсомола были недовольны растущим влиянием наиболее радикального направления либеральной литературы — «исповедальной прозы» (А. Кузнецов, В. Аксенов, А. Гладилин, В. Розов, Е. Евтушенко, А. Вознесенский, Б. Окуджава). В 1961 г. Павлов протестовал против публикаций «жалкой группки морально уродливых авторов» на страницах молодежного журнала «Юность».

Либерализму как таковому и либеральному пониманию «жизненной правды» противопоставлялся исторический оптимизм и советский патриотизм в трактовке журнала «Молодая гвардия». Этот патриотизм был связан с традициями военно-патриотического воспитания на материалах не только Гражданской войны, но и дореволюционной истории. Видный «молодогвардеец» В. Ганичев впоследствии отмечал: «Все мы, позже осознавшие себя русскими и возглавившие те или иные русские национальные организации, были воспитаны в русле военного патриотизма». Русская идея без каких-либо противоречий сочеталась в их понимании с идеей социализма. Оказавшись на комсомольской работе, Ганичев вошел в число тех, кто придумал дополнить идею популярных тогда походов по местам боевой славы походами к памятным местам русской культуры. Идея широко популяризировалась журналом «Молодая гвардия» и его редактором А. Никоновым — «предтечей всего русского движения». Видными участниками движения были И. Глазунов и В. Солоухин.

Еще одной сферой, где руководители комсомола помогали «консерваторам» в писательской среде популяризовать русские национальные идеи, была редакционно-издательская деятельность. Большую роль в этом играло издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» и его руководители Ю. Мелентьев, В. Осипов, В. Ганичев.

Главным творческим приобретением русских «консерваторов» в 1960-е годы стали авторы «деревенской прозы». Ее родоначальниками были В. Солоухин с его книгой «Владимирские проселки» (1958) и В. Шукшин, опубликовавший в издательстве «Молодая гвардия» в 1962 г. одну из своих наиболее ярких книг — «Сельские жители». Массовый приход «деревенщиков» в литературу начался в середине 1960-х годов. Он был связан с именами Ф. Абрамова, В. Астафьева, В. Белова, А. Знаменского, В. Лихоносова, Е. Носова, В. Распутина, А. Романова, Г. Тропольского, О. Фокиной, В. Шугаева.

Представители сложившихся в литературе к середине 1960-х и четко обозначившихся двух течений — либерального и консервативного — старались найти поддержку во властных структурах. Первые, делавшие

ставку на разрядку и «интернациональные» («антинационалистические») силы внутри страны, чаще находили сочувствие у секретарей ЦК М. А. Суслова и Б. Н. Пономарева, а вторые, опиравшиеся на силы внутреннего национального развития, — у секретарей ЦК Шелепина и Ильичева, первого секретаря ЦК КП Белоруссии К. Т. Мазурова, председателя правительства России Д. С. Полянского.

Зарождение диссидентства. Термин «диссидент» (от лат. несогласный) получил хождение с середины 1970-х годов для обозначения лиц, оспаривавших официальные доктрины, внутреннюю и внешнюю политику СССР, что приводило их к столкновениям с властью. Диссидентство возникло в условиях относительной либерализации режима после XX съезда партии, когда оппозиционность отдельных граждан и группировок получила сравнительно большие, чем при Сталине, возможности для оформления и выражения. Некоторые исследователи считают, что диссидентство, в силу неоднородности, является не движением, а целым спектром общественных движений, литературных направлений, художественных школ, совокупностью отдельных диссидентских поступков. Единство усматривается лишь в присутствии диссидентам активном неприятии сложившихся в стране порядков, в стремлении к свободе и правам человека. Отличительной чертой собственно диссидентства была подпольная (скрываемая от властей) деятельность, использование, для мобилизации сторонников, «самиздата» (изготовление на пишущих машинках в нескольких экземплярах, с последующей перепечаткой диссидентских материалов и документов) и «тамиздата» (тиражирование материалов за границей с последующим распространением их в СССР).

Первым проявлением диссидентства, обратившим на себя внимание властей и общества, стало «дело» Б. Пастернака, удостоенного в 1957 г. Нобелевской премии за роман «Доктор Живаго», опубликованный итальянским издательством Д. Фельтринелли. Публикация стала поводом для шумной кампании по дискредитации писателя. Угрожая высылкой из страны, его вынудили отказаться от премии, в октябре 1958 г. исключили из Союза писателей.

Менее заметными для общества были такие проявления либерального диссидентства, как деятельность в 1956–1957 гг. ленинградского кружка математика Р. Пименова (пять его участников осуждены в сентябре 1957 г. за то, что «создали из студентов библиотечного института нелегальную группу для организованной борьбы с существующим строем», а фактически — за распространение листовки против безальтернативных выборов). К событиям того же рода можно отнести деятельность кружка под руководством студента Ленинградского педагогического института В. И. Трофимова. Восемь его участников осуждены 19 сентября 1957 г. за объединение в организацию, стоящую на позициях ре-

волюционно-марксистской теории, и распространение листовок с призывом к студентам требовать демократических свобод.

С 1956 г. действовал кружок под руководством аспиранта исторического факультета МГУ Л. Н. Краснопевцева. Его участники пытались создать новую концепцию истории КПСС и новую идеологию. Весной 1957 г. они установили связь с польскими оппозиционерами. Писали исторические заметки об СССР как помехе прогресса цивилизации. Выступали против «сталинского социализма», за создание рабочего самоуправления. В июле 1957 г. распространили листовки с требованиями суда над сообщниками Сталина, усиления роли Советов, права рабочих на забастовки, отмены 58-й статьи Уголовного кодекса. В феврале 1958 г. девять членов этого кружка были осуждены за «антисоветскую» деятельность на 6–10 лет заключения.

Как экстраординарные и таящие опасность восприняты властями неформальные собрания нонконформистской молодежи у памятника Маяковскому в Москве. Собрания начались со дня открытия памятника (29 июля 1958 г.). На них в основном читали стихи, иногда выступали с речами по поводу свободы творчества в СССР. Чтение стихов со временем приобретало все более политизированный оттенок. Наряду с разрешенными стихами читались произведения репрессированных авторов. К осени 1961 г. собрания разогнали, а наиболее активных участников (В. Н. Осипов, Э. С. Кузнецов, И. В. Бокштейн) осудили по статье за антисоветскую агитацию и пропаганду.

В октябре 1958 г. пресечена деятельность группы выпускников ленинградского университета во главе с М. М. Молоствовым. Они были арестованы за содержание переписки, которую вели между собой, за обсуждение возможности создания организации и рукописи о путях реформирования социализма.

В конце 1950-х годов ряд писателей и публицистов либеральной волны начали помещать свои произведения в машинописных журналах, возник «самиздат». Наибольшую известность приобрел журнал «Синтаксис» под редакцией А. И. Гинзбурга. В нем печатались «лагерная» проза В. Шаламова и Е. Гинзбург, не принятые к официальной публикации работы Б. Ахмадулиной, В. Некрасова, Б. Окуджавы и др. Арест в 1961 г. Гинзбурга, приговоренного к двум годам лагерей, прервал издание журнала.

С конца 1950-х годов участилась практика передачи либеральными писателями своих произведений для публикации их на Западе — «Суд идет» (1959), «Любимов» (1963) А. Синявского; «Говорит Москва» (1961), «Искушение» (1963) Ю. Даниэля; «Веселенькая жизнь» (1962), «Сказание о синей мухе» (1963) В. Тарсиса. «Тамиздат» обнаруживал явную тенденцию к росту. Не нашел понимания у властей и законченный в 1960 г. роман В. Гроссмана «Жизнь и судьба». Публикацию рома-

на запретили, рукопись арестовали. Роман, как и повесть «Все течет...» (1963), изображающие «русское развитие» как странное развитие не-свободы и категорически не принятые «русофильскими» кругами, стали известны соотечественникам благодаря ввезенным из-за рубежа экземплярам.

Заметным явлением общественной жизни стало выступление в сентябре 1961 г. генерал-майора П. Г. Григоренко на Московской городской партконференции, посвященной обсуждению проекта Программы партии. Он считал, что в ней недостаточно отработан вопрос о возможности появления нового культа личности, и предлагал «усилить демократизацию выборов и широкую сменяемость, ответственность перед избирателями. Изжить все условия, порождающие нарушение ленинских принципов и норм, в частности высокие оклады, несменяемость... прямо записать в программу о борьбе с карьеризмом, беспринципностью, взяточничеством, обворовыванием покупателей, обманом партии и государства в интересах получения личной выгоды». Выступление очень характерно как первый шаг к освобождению от догм прошлого. Последующие шаги генерала привели к созданию возглавляемого им «Союза борьбы за возрождение ленинизма», исключению его из партии, превращению в активного диссидента и в результате — помещению в феврале 1964 г. в специальную психиатрическую больницу. Григоренко стал одним из тех диссидентов, к которым трудно было предъявить конкретное обвинение, но можно было заподозрить в отклоняющемся от нормы поведении. Таких диссидентов по судебным решениям направляли в психиатрические больницы. В 1956 г. в спецпсихбольницах МВД СССР содержалось 3350 заключенных; при последующих экспертизах многие из них действительно были нездоровы психически.

Большой резонанс имело выступление известного кинорежиссера М. Ромма на конференции «Традиции и новаторство в искусстве социалистического реализма» (ноябрь 1962 г.). Пятикратный лауреат Сталинской премии впервые публично и недвусмысленно высказался об известной кампании против «космополитов» конца 1940-х годов, утверждая, что она была создана искусственно, носила антисемитский характер и по существу сводилась к избиению писательских кадров. Виновниками «избиения» назывались здравствующие Н. М. Грибачев, В. А. Кочетов, А. В. Софронов и «им подобные». Выступление произвело сенсацию в интеллигентской среде, его текст широко разошелся в списках по Москве. Он был одним из первых документов «самиздата». ЦК КПСС по существу уклонился от рассмотрения жалоб названных писателей, избранных в высшие партийные органы, сохранив тем самым двусмысленность своего отношения к ситуации. А. Солженицын полагает, что выступление Ромма имело очень большое значение для дальнейшего развития диссидентского движения. С этого момента он

«стал как бы духовным лидером советского еврейства. И с тех пор евреи дали значительное пополнение “демократическому движению”, “диссидентству” — и стали при том отважными членами его».

Пожалуй, наибольшее влияние на развитие диссидентства в СССР имела неудачная попытка публикации в «Новом мире» романа А. Солженицына «В круге первом». В июне 1964 г. А. Твардовский, заручившись согласием редакции журнала на опубликование романа, передал рукопись на одобрение помощнику Хрущева В. С. Лебедеву. 21 августа тот вернул рукопись, решительно отказавшись от участия в ее «пробивании» через цензуру. Это фактически переводило Солженицына из участников легального либерального общественного движения в ряды диссидентов. Он стал искать возможность издания романа в бесцензурной печати.

Рост русского национального самосознания генетически связан с признанием идейного авторитета русской истории в годы войны, с победой над фашизмом и послевоенными кампаниями по воспитанию патриотизма, преодолению низкопоклонства перед Западом и космополитизма. Это определило и основные направления деятельности радикальных групп, выступающих за дальнейшее укрепление сознания и проведение политики, соответствующей, по их мнению, русским национальным интересам. Поэтому для ряда нелегальных и полуполигальных русских общественных объединений, возникших в 1950-е годы, были характерны так называемый «русский национализм» и усматриваемый либералами «антисемитизм».

Активность такого рода была характерна в основном для провинции, где возникали и быстро раскрывались КГБ многочисленные мелкие группы диссидентов. Большая часть их была социалистической ориентации различных толков — от неосталинистов до меньшевиков и анархо-синдикалистов. Среди таких организаций выделяются две московские группы. Считается, что они положили начало диссидентскому движению «русских националистов».

Одной из них была Народно-демократическая партия, основанная осенью 1955 г. шофером В. Поленовым, уволенным из армии младшим лейтенантом В. Солоневым и студентом Литературного института имени А. М. Горького Ю. Пироговым. В «партию» было вовлечено около 10 человек. А деятельность в основном заключалась в разговорах ее членов о тяжелой доле рабочих и крестьян, недовольстве правящей партией, не обращавшей должного внимания на нужды простых людей. Столь же малочисленной была «Российская национально-социалистическая партия» (фактически дворовая компания), организованная в декабре 1956 г. грузчиком типографии издательства «Правда» А. Добровольским, осужденным в мае 1958 г. по обвинению в антисоветской пропаганде и контрреволюционной агитации, содержащей «призыв к свержению Советской власти и угрозы расправы с коммунистами и комсомольцами».

В Ленинграде в начале 1960-х годов возникло более серьезное антикоммунистическое объединение. Организационно оно оформилось 2 февраля 1964 г., когда выпускник восточного факультета ЛГУ И. В. Огурцов прочел трем своим друзьям программу «Всероссийского социал-христианского союза освобождения народа» для борьбы с существующим строем. Через два месяца учредители распределили между собой обязанности по организации: Огурцов ее руководитель, филолог Е. А. Вагин — идеолог, бывший десантник и чемпион Ленинграда по классической борьбе М. Ю. Садо — ответственный за работу с личным составом и контрразведкой, студент-юрист Б. А. Аверичкин — хранитель архива и списков организации. Разработана была присяга, которую принимал каждый вступающий в союз. Новым членам говорилось, что они вступают в организацию, объединяющую тысячи людей по всей стране. Деятельность организации раскрыли в феврале 1967 г. по доносу одного из ее участников. К тому времени она насчитывала 28 членов, 30 кандидатов и была самой крупной подпольной группой, раскрытой КГБ за постлесталинский период. По делу организации осудили 21 человека.

Наряду с писательскими группировками, пытающимися подвигать власти на усиление русской составляющей в советском патриотизме, в литературно-художественной среде 1950-х — начала 1960-х годов заявляли о себе интеллектуальные группировки, вдохновлявшиеся либеральными русскими идеями и ценностями. Одной из таких группировок можно назвать окружение художника И. Глазунова, который в конце 1950-х годов начал читать лекции по русской культуре и собирать иконы по деревням. Около него к 1962 г. сложилась группа антикоммунистически настроенных монархистов. В нее вошли, в частности, известный и влиятельный литератор В. А. Солоухин и функционер Министерства культуры СССР В. А. Десятников, один из активнейших участников движения за охрану памятников.

Либеральным радикализмом и критическим отношением к советской власти отличались взгляды выпускников МГУ, группировавшихся вокруг литературоведов В. В. Кожина и П. В. Палиевского (окончили филфак в 1954 и 1955 г.). Они еще на университетской скамье увлекались эстетикой дореволюционной России, видели положительную альтернативу коммунизму в монархизме, пытались в качестве мировоззренческой установки использовать русскую философию Серебряного века. К этой группе примыкали поэт С. Ю. Куняев, литературоведы О. Н. Михайлов, В. В. Петелин, историк С. Н. Семанов. По идейным воззрениям этой группе были близки Ф. Ф. Кузнецов и В. А. Чалмаев, оставившие заметный след в качестве членов «русской партии». В 1950-е годы Кожин имел продолжительное общение с крупным российским филологом М. М. Бахтиным и стал популяризатором его работ. Он был также близок к кругу не скрывавшего своих православных убеждений

философа А. Ф. Лосева, в числе учеников и последователей которого оказалось немало известных ученых и общественных деятелей (Ю. М. Бородай, А. В. Гулыга, П. В. Палиевский, В. И. Скурлатов).

Во второй половине 1950-х годов приобрела известность «группа А. А. Фетисова», называвшая себя «Обществом изучения теории систем». Под вывеской общества устраивались лекции и семинары, пользовавшиеся большой популярностью среди студентов технических вузов. В 1963 г. общество раскололось. «Чистых системников» возглавил математик Г. П. Щедровицкий. «Политизированные системники» (10–15 человек) под руководством Фетисова перешли от научной деятельности к политической. Для пропаганды своих идей они использовали популярные в то время в технических вузах лекции и научные дискуссии. В 1965 г. диспуты с их участием были запрещены, в 1968 г. Фетисов и трое его последователей оказались в спецпсихбольницах.

Укреплению позиций русского национального либерализма способствовала деятельность священника Д. С. Дудко, который, по словам писателя Л. И. Бородина, был духовным вождем борцов в стане «неофициальных русистов». Широкою известность принесла ему проповедническая и миссионерская деятельность — незаконная с точки зрения советского права. В период с 1961 по 1974 гг. количество обращений людей в зрелом возрасте в его приходе возросло до 400 человек в год, и если сначала большинство неофитов были малообразованными людьми, то со временем среди них стали преобладать люди с высоким образованием.

В попытке ответить на отнюдь не простой вопрос, почему среди творческой интеллигенции не стало единства, а проблемы будущего страны отошли на задний план, можно лишь предположить следующее: несмотря на огромные успехи в развитии экономики, колоссального роста тяжелой промышленности и «оборонки», быт людей был по-прежнему скромен, деревня в бытовом отношении была просто отсталой. Все это подспудно тревожило интеллигенцию и замыкало ее на круг частных сиюминутных проблем. Это были предвестники грозного кризиса.

§ 4. Национальная политика и национальные движения

Инициативы Берии. Национальная сфера получила, пожалуй, наиболее заметные импульсы для изменений сразу же после смерти Сталина. Во-первых, это было связано с решениями, принятыми по докладным запискам Л. П. Берии в ЦК. В них предлагалось реабилитировать и немедленно освободить из-под стражи лиц, привлеченных по «делу о врачах-вредителях», осудить операцию по убийству Михоэлса и высылку П. С. Жемчужиной как результаты «провокации»

онного измышления обвинения в антисоветской националистической деятельности».

Уже 4 апреля 1953 г. было опубликовано постановление Президиума ЦК о фальсификации «дела врачей» и принятии предложений МВД. Оно санкционировало полную реабилитацию и освобождение из-под стражи 37 врачей и членов их семей, привлечение к уголовной ответственности работников бывшего Министерства госбезопасности, «особо изощравшихся» в фабрикации этого дела; проведение мер, «исключающих возможность повторения впредь подобных извращений».

Содержащийся в записке Берии тезис об «измышлениях» обвинений в националистической деятельности практически являлся основой для осуждения и окончательного прекращения кампании по борьбе с космополитизмом, а также неоднозначной реакции на это общественности. Стремясь приглушить нежелательную антисемитскую реакцию в обществе, Хрущев в начале апреля 1953 г. направил закрытое письмо парторганизациям с требованием не комментировать опубликованное в газетах сообщение МВД и не обсуждать проблему антисемитизма на партийных собраниях. Видимо, этими же соображениями продиктовано первоначальное отклонение предложения о немедленной реабилитации осужденных по делу Еврейского антифашистского комитета: они были реабилитированы лишь в ноябре 1955 г., причем решение о реабилитации не было обнаружено.

Другой импульс для изменений в сфере национальных отношений дали принятые по инициативе Берии постановления от 26 мая и 12 июня 1953 г. Они направлялись на то, чтобы «решительно покончить с извращениями ленинско-сталинской национальной политики партии» на Украине, в Литве и Белоруссии. 12 июня на основании записки Хрущева аналогичное решение было принято по Латвии. Основу предложенной концепции десталинизации межнациональных отношений составляли коренизация (вторая после 1920-х годов) партийно-государственного аппарата и введение делопроизводства в союзных республиках на родном языке.

Бериевская «коренизация» высшего и среднего звена партийно-хозяйственного аппарата грозила немалыми осложнениями, поскольку практика хозяйственной деятельности в многонациональной стране приводила к постоянной миграции кадров из России в другие республики и из республик в Россию. Началась она заменой на посту первого секретаря ЦК КП Украины русского Л. Г. Мельникова украинцем А. И. Кириченко. В Белоруссии пленум ЦК, принял решения, предопределенные постановлением ЦК КПСС: освободить Н. С. Патоличева от обязанностей первого секретаря ЦК КП Белоруссии и рекомендовать первым секретарем М. В. Зимянина, бывшего второго секретаря

ЦК КП Белоруссии, освободив его от работы в Министерстве иностранных дел СССР.

В докладе, подготовленном группой Зимянина для пленума в духе записки Берии, предлагалось ввести белорусскую письменность в государственным аппарате, ведя только на белорусском языке всю переписку, совещания, собрания и съезды. В докладе признавалось, что русским, конечно, труднее будет работать, поскольку не все они хорошо знают белорусский язык. А отношение к ним в выступлениях сторонников коренизации, по воспоминаниям Патоличева, было таково: «Русские товарищи во многом помогли белорусам. Земной поклон им за это. А сейчас, кому из них будет очень трудно, мы им поможем переехать в другое место».

Против доклада Зимянина выступил Герой Советского Союза П. М. Машеров, затем и другие участники пленума. Однако смещение Патоличева не состоялось лишь в связи с арестом Берии и последовавшей отменой (2 июля 1953 г.) его предложений, направленных против сталинских «извращений» национальной политики. Позднее Патоличев говорил об инициативах Берии: «Более худшего вида проявления национализма трудно было найти. Осуществление этой бредовой идеи обернулось бы страшной трагедией для миллионов граждан, проживающих в Белоруссии». Берия «вовсе не заботился о развитии национальных языков и национальных кадров. Реализация бериевского “национального” плана привела бы к перемещению миллионов людей из одних республик в другие».

Коренизация партийно-хозяйственного аппарата, осуществленная в духе предложений Берии на Украине, в Белоруссии и Прибалтике, его попытки ввести в республиках собственные ордена в честь выдающихся национальных деятелей для награждения местных работников культурного фронта, другие меры по развитию национальных традиций в области культуры и языка, которые способствовали бы воспитанию чувства национальной гордости, — все это не проходило бесследно, имея двоякий результат. С одной стороны, это способствовало ликвидации вооруженного националистического подполья в этих республиках. С другой — активизировало национал-сепаратистские и антирусские настроения, способствовало возникновению многочисленных националистических кружков и групп, участниками которых была в основном молодежь.

В. А. Голиков, многолетний помощник Л. И. Брежнева, свидетельствует, что после известных записок Берии мгновенно изменилась обстановка в Молдавии: «произошла сильная вспышка национализма». К. У. Черненко, работавший с 1948 г. заведующим отделом пропаганды и агитации ЦК КП(б) Молдавии, с 1950 г. — под руководством Брежнева, через некоторое время буквально умолял Голикова: «Слушай, помоги мне. Приходят молдаване и говорят, что я восемь лет сижу, место занимаю. Наглостью их бог не обидел.

Помоги куда-нибудь уехать, только в Россию. Куда угодно». Так будущий генсек стал в 1956 г. заведующим одним из секторов отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС.

Стремясь не допустить разрастания местного национализма, Н. С. Хрущев порой резко реагировал на факты явного нарушения «интернационалистских принципов» кадровой политики. Так, он публично выговаривал азербайджанскому руководителю И. Д. Мустафаеву за то, что в Азербайджане был принят ряд решений, ущемляющих представителей некоренной национальности, в частности русских: «Никто... не может заподозрить что они проводят какую-то шовинистическую политику... Они нередко в ущерб своей республике оказывали и оказывают помощь братским народам. И сейчас эти народы не только выровнялись, а нередко по жизненному уровню стоят выше отдельных областей Российской Федерации».

Первые последствия реабилитации. Одна из первых инициатив

Н. С. Хрущева, оказавшая в целом негативное влияние на развитие национальных отношений в стране, связана с празднованием в начале 1954 г. 300-летия воссоединения Украины с Россией. По этому поводу 12 января от имени ЦК опубликованы «Тезисы о 300-летию воссоединения Украины с Россией», где в очередной раз подчеркивалась огромная прогрессивная значимость решений Переяславльской рады: «соединившись с Россией в рамках единого Российского государства, Украина была спасена от порабощения шляхетской Польшей и поглощения султанской Турцией»; «рост силы и могущества СССР дал возможность претворить в жизнь вековые чаяния украинского народа о его национальном воссоединении» (включении в Советскую Украину Западной Украины в 1939 г., Буковины и Измаильской области в 1940 г., Закарпатской Украины в 1945 г.); «только благодаря братской помощи великого русского народа и других народов СССР Украина была освобождена от фашистского ига».

Успехи Украины (17-кратный рост промышленности в советское время, опережение всех стран Европы по числу студентов и др.), согласно «Тезисам», были еще одним доказательством того, что «только социализм обеспечивает свободную и счастливую жизнь, развитие и расцвет всех народов и наций, подлинную дружбу народов, их сотрудничество и взаимопомощь».

В пропагандистской литературе степень единства народов Советского Союза приобретала законченное выражение. Говорилось, что следствием преобразований жизни советских народов после 1917 г. «явились полное и окончательное разрешение национального вопроса». В 1951 г. со страниц партийного журнала (Большевик Украины. № 9) было объявлено, что единство народов СССР приобрело принципиаль-

но новое качественное состояние. «В ходе социалистических преобразований в нашей стране сложилась невиданная в истории общность людей — советский народ, содружество двух классов, рабочих и крестьян, и подлинно народной интеллигенции, содружество всех народов СССР. Советские люди всех национальностей являются тружениками единой социалистической системы хозяйства, имеют единую систему государственной жизни — советское государство, единую идеологию — марксизм-ленинизм, единую цель — построение коммунизма, единую партию, выражающую их кровные интересы и ведущую их от победы к победе, — партию Ленина—Сталина. Все народы имеют единое Отечество — Советский Союз». Противоречия в национальных отношениях стали связываться только с предрассудками в сознании отдельных советских людей и кознями капиталистического окружения.

К долговременным негативным последствиям привела передача Крымской области из состава России Украине по решению Президиума ВС СССР от 19 февраля 1954 г. Мотивировка этой акции была весьма неубедительной («общность экономики, территориальная близость и тесные хозяйственные и культурные связи между Крымской областью и Украинской ССР»). Реальной причиной дара крымской территории с преобладающим русским населением (из 1,2 млн жителей, русские насчитывали 71,4%) было стремление загладить личную вину за санкционированные в 1938–1940 гг. репрессии. Их жертвами стали 167 465 жителей Украины, в том числе более 2 тыс. представителей руководства республики. С осуществлением этой операции («завоевания на свою сторону Украины», как говорил Д. Т. Шепилов) Хрущев рассчитывал не только на поддержку представителей республики в Президиуме ЦК КПСС, но и на 36 гарантированных голосов от украинской партийной организации на пленумах ЦК. (Всего ЦК насчитывал в то время 175 членов).

Одним из основных направлений национальных движений в СССР в 1950-е годы стало движение народов, высланных со своих земель, за предоставление конституционных прав. Письма и жалобы от спецпоселенцев на незаконность депортаций стали поступать в центральные партийные и государственные органы практически с момента выселения. В 1952 г. в различные инстанции ежемесячно направлялось около 6 тыс. жалоб, в 1954 около 11 тыс. В 1953 г. делегация калмыков-иммигрантов добилась приема в ООН, в госдепартаменте США и просила содействовать освобождению репрессированных народов СССР. Однако до 1953 г. в местах спецпоселений, где депортированным по ранее принятым решениям предстояло остаться навечно, жестокими мерами удавалось сохранять относительное спокойствие.

Новая ситуация стала складываться после 10 апреля 1953 г., когда были отменены «как неправильные» постановления 1951 г. о выселе-

нии из Грузии около 11 тыс. граждан, связанных с «мингрело-националистической группой». Реабилитирующее постановление предписывало «всех незаконно выселенных граждан вернуть к прежнему месту жительства». Правительство Грузии обязывалось вернуть им имущество, конфискованное при выселении.

В 1954 г. начался половинчатый и противоречивый процесс реабилитации и возвращения гражданских прав другим выселенным народам. Поначалу были сняты с учета по спецпоселению без права возвращения к прежним местам жительства все немцы, крымские татары, калмыки и балкарцы. В июле 1954 г. сняты административные ограничения с детей карачаевцев, чеченцев и ингушей в возрасте до 16 лет. В марте 1955 г. все спецпоселенцы получили право иметь паспорта, а в мае 1955 г. постановлением Президиума ЦК ликвидированы ограничения для членов КПСС. В декабре 1955 г. последовал указ о снятии ограничений в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении. Однако права на выезд в места прежнего обитания народы не получили. Рассматривалась возможность создания национально-административных образований этих народов в местах высылки. Репрессированные народы категорически возражали против этого и требовали, по примеру мингрелов, возвращения на земли предков и восстановления ранее существовавших автономий.

XX съезд партии дал новый мощный толчок движению наказанных народов. 17 марта 1956 г. издан указ «О снятии ограничений в правовом положении с калмыков и членов их семей, находящихся на спецпоселении». Вскоре аналогичные указы приняты в отношении находившихся на спецпоселении греков, болгар и армян (27 марта), крымских татар, балкарцев, турок, граждан СССР, курдов и хемшилов (апрель), чеченцев, ингушей и карачаевцев (июль 1956 г.). Осуждение сталинской политики депортации народов было воспринято как отмена несправедливых решений военных лет. Положения указов о том, «что снятие ограничений по спецпоселению с лиц... не влечет за собой возвращение имущества, конфискованного при выселении, и что они не имеют права возвращаться в места, откуда они выселены», воспринимались как имеющие временный характер. Не дожидаясь официального разрешения, тысячи бывших спецпоселенцев стали самовольно возвращаться на прежние места жительства.

Опасаясь выпустить ситуацию из-под контроля, ЦК партии принял в ноябре 1956 г. постановление о восстановлении национальной автономии калмыцкого, карачаевского, балкарского, чеченского и ингушского народов. Оно предусматривало организованное переселение этих народов в течение 3–4 лет, начиная с весны 1957 г., с тем чтобы подготовить необходимые условия для устройства населения на местах. Спецпоселенцы ждать не хотели. Начался их массовый выезд. Власти стали

препятствовать этому, выставляя «оперативные заслоны» на железнодорожных станциях.

Стихийное возвращение обострило межнациональную обстановку на Северном Кавказе, где на место выселенных были поселены другие люди. Относительно спокойно проходило возвращение балкарцев. Однако стихийное возвращение карачаевцев вызвало конфликты. Еще большее обострение породило возвращение чеченцев и ингушей. Жители Грозненской области, Дагестанской и Северо-Осетинской АССР выступали против их стихийного возвращения.

Возвращавшихся встречали враждебно. Им отказывали в прописке, не брали на работу. Однако это их не останавливало. Прибывшие ходили вооруженными по селам и устраивали стрельбу, провоцируя местных жителей на ответные действия. Угрозами и силой они вселялись в свои дома, выгоняя из них проживавшие там семьи. Некоторые из возвратившихся пополнили действовавшие в горах со времен войны повстанческие отряды, которые частенько занимались грабежом, угоном скота из колхозов. Их жертвами были и рядовые колхозники. Все это вызвало массовый выезд русского населения из республики.

Борьба народов за поправленные права дала первые результаты. 9 января 1957 г. Президиум ВС СССР рекомендовал восстановить национальную автономию балкарского, ингушского, калмыцкого, карачаевского и чеченского народов. В соответствии с этим были приняты указы о преобразовании Кабардинской АССР в Кабардино-Балкарскую АССР, о восстановлении Чечено-Ингушской АССР, о преобразовании Черкесской автономной области в Карачаево-Черкесскую автономную область, о восстановлении Калмыцкой автономной области.

Чечено-Ингушская республика восстановлена с расширением ее территории. Переданная в свое время в Северную Осетию часть Пригородного района (977,5 кв. км) оставлена в составе этой республики. В то же время к исторической территории расселения чеченцев и ингушей были щедро присоединены три равнинных района поймы реки Терек из состава Ставропольского края (Наурский, Надтеречный и Шелковской), территория которых равнялась 5,2 тыс. кв. км., или 27% всей территории республики. Включение этих районов позволяло сделать экономику республики более устойчивой, за счет увеличения численности русского населения власти надеялись усилить влияние Центра на общественную жизнь автономии. В этих актах и расчетах в очередной раз давала о себе знать давнишняя традиция решать национальные проблемы в стране за счет русского народа.

Вскоре после воссоздания национальная государственность репрессированных народов удостоилась государственных наград. Ордена Ленина в ознаменование 400-летия добровольного присоединения к России были удостоены Кабардино-Балкария (июль 1957 г.) и Карачаево-

Черкесия (сентябрь 1957 г.), а в связи с 350-летием добровольного вхождения в Россию — Калмыкия (август 1957 г.), получившая в июне 1958 г. статус АССР. Чечено-Ингушетия награждена орденом в 1965 г. Награды означали стремление власти подвести черту под прошлыми невзгодами репрессированных народов. Однако это мало способствовало налаживанию добрососедства и «расцвету дружбы» национальностей в этом регионе.

Продолжавшиеся мелкие националистические эксцессы при попустительстве властей привели к трехдневному столкновению в августе 1958 г. в Грозном. Поводом послужило убийство ингушом русского. Волнения подавили, однако противостояния коренного и «пришлого» населения в республике преодолеть не удалось. Тем не менее в последующие годы возвращение чеченцев и ингушей на Северный Кавказ происходило более организованно и сопровождалось меньшими эксцессами. К 1963 г. оно в основном завершилось. Из 418 тыс. чеченцев, проживавших в Казахской и Киргизской ССР, в Чечено-Ингушетию прибыли 384 тыс. (91,7%), из 106 тыс. ингушей 84 тыс. (79,2%). Еще 8 тыс. ингушей (7,5%) направились в Дагестан и Северную Осетию.

Камнем преткновения в отношениях между ингушами и осетинами стала правобережная часть Пригородного района, до 1944 г. принадлежавшая ингушам и оставшаяся в составе Северо-Осетинской ССР после воссоздания Чечено-Ингушской АССР. Ингуши, не переставая, посылали заявления и делегации в ЦК КПСС и правительство с требованием о передаче района Чечено-Ингушетии.

Национальное движение советских немцев долгое время ограничивалось борьбой за восстановление их автономии в Поволжье. Оно включало только легальные методы борьбы: письма, обращения, петиции, делегации, демонстрации. Декабрьский (1955) указ Президиума Верховного Совета снял с немцев ограничения в правовом положении. Реабилитационное движение имело своим результатом и другой указ Президиума (август 1964 г.) — о внесении изменений в принятый в 1941 г. указ о переселении немцев, снимавший клеймо предателей и изменников со всего народа. До этого времени советские немцы испытывали скрытую дискриминацию. Ущемление касалось развития культуры, языка, поступления в высшие учебные заведения; проявлялось при приеме в партию и назначении на руководящие партийные и хозяйственные посты. При призывах на службу в Советскую Армию немецкую молодежь не брали в элитные подразделения (воздушно-десантные, пограничные и др.). Нежелание властей восстанавливать автономию немцев в Поволжье вызвало эмигрантские настроения. Этому в немалой степени содействовала пропагандистская деятельность радиостанции «Немецкая волна», религиозных, культурных и других организаций ФРГ, а также религиозных общин, значительно укрепивших свое влияние сре-

ди немецких «спецпереселенцев» за годы ссылки. Особой активностью в этом отличалась секта меннонитов.

В сложных условиях проходила борьба крымских татар за восстановление автономии и право жить на своей земле. Подозрительное отношение властей к лицам крымскотатарской национальности подогревалось воспоминаниями бывших командиров партизанских отрядов в Крыму. Клеймо предателей и изменников, лежавшее на всем народе со времен войны, было снято постановлением Президиума Верховного Совета (сентябрь 1967 г.). Беспрестанные обращения в высшие партийные и государственные инстанции с просьбами о восстановлении автономии крымских татар не имели положительных последствий. Нелегально переехавших в Крым татар, как правило, сразу же выдворяли.

Запрет властей Украины на переезд татар в Крым стал причиной национального движения, возглавлявшегося «инициативными группами» из представителей крымско-татарской интеллигенции, бывших руководящих партийных и советских работников Крыма. Помимо петиций устраивались митинги и демонстрации, приуроченные к знаменательным датам годовщине образования Крымской АССР, ко дню рождения В. И. Ленина, считавшегося основателем республики. Эти акции нередко заканчивались разгоном участников.

Чтобы как-то приглушить проблему, власти предпринимали попытки представить крымских татар частью татарской нации. Тем из них, кто хотел уехать из Средней Азии, разрешалось поселиться на территории Татарстана. Но это не устраивало крымских татар. В начале 60-х годов их движение приняло более организованные формы. Это проявилось в попытке создания массовой организации Союза крымских татар.

За возвращение выступали и представители других выселенных из Крыма национальных групп греки, болгары, армяне. Неудовлетворенность половинчатой реабилитацией усилила среди них эмиграционные настроения, но власти препятствовали выезду. За создание своих автономий в 1950–1960-х годах выступали месхетинские турки (огрузиненные турки, или отуреченные грузины), курды и хемшины (исламизированные армяне), депортированные в свое время из республик Закавказья. Однако власти в Москве и Закавказских союзных республиках игнорировали требования малых народов, считая национальный вопрос в стране успешно и окончательно решенным.

Национально-государственное устройство СССР за послевоенные годы принципиально не изменилось. В начале 1960-х годов в стране было 15 союзных и 19 автономных республик (из них 15 в РСФСР, 2 в Грузии, по одной в Азербайджане и Узбекистане). Число последних, по сравнению с довоенными годами, менялось с преобразованием в июле 1956 г. Карело-Финской союзной республики в Карельскую автономную рес-

публику, включенную в РСФСР, а в октябре 1961 г. Тувинской автономной области РСФСР в автономную республику. В стране насчитывалось также 8 автономных областей, 5 из них входили в состав российских краев (Адыгейская — в Краснодарский, Карачаево-Черкесская — в Ставропольский, Горно-Алтайская — в Алтайский, Хакасская — в Красноярский; Еврейская — в Хабаровский), 3 были составными частями других союзных республик (Юго-Осетинская — Грузии, Нагорно-Карабахская — Азербайджана, Горно-Бадахшанская — Таджикистана). Неизменным с довоенных времен оставался перечень национальных округов. Все они входили в состав областей и краев РСФСР: Ненецкий (Архангельская обл.), Коми-Пермяцкий (Пермская обл.), Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий (Тюменская обл.), Эвенкийский и Таймырский (Долгано-Ненецкий) в Красноярском крае, Корякский (Камчатская обл.), Чукотский (Магаданская обл.), Агинский (Бурятский) в Читинской и Усть-Ордынский (Бурятский) в Иркутской областях.

Национальные движения в союзных республиках. Одной из проблем в национальных отношениях 1950–1960-х годов оставался «прибалтийский вопрос». Недавнее буржуазное прошлое Литвы, Латвии и Эстонии, традиции либерально-демократического управления, большое влияние в обществе служителей церкви, наличие многочисленных диаспор за рубежом, поддерживающих тесные связи с родиной; позиция США и стран Западной Европы, не признававших легитимности вхождения республик в СССР, все это действовало против ускоренной «социалистической модернизации» республик, вызывали рост сепаратистских общественных настроений, поддерживали националистическое подполье. Этому способствовали бериевская коренизация высшего и среднего звена партийно-хозяйственного аппарата, возвращавшиеся из ссылки бывшие участники вооруженного националистического подполья, которые выдвигались на ответственные посты в сфере образования и культуры. Осуждение Сталина XX съездом партии многими руководителями в республиках Прибалтики было воспринято как карт-бланш на дальнейшую коренизацию руководящих кадров.

Прибалтика живо откликнулась на события осени 1956 г. в Польше и Венгрии. Особенно сильным всплеск национального движения был в Литве и Эстонии. В конце октября в Вильнюсском университете появились лозунги и листовки с заголовками: «Да здравствует революция в Венгрии, последуем ее примеру!»; «Литва литовцам, русские оккупанты, убирайтесь вон!». В начале ноября 1956 г. в Каунасе и Вильнюсе состоялись многотысячные шествия католиков, требующих свободы отправления религиозных обрядов. Демонстранты пели гимн буржуазной Литвы, выкрикивали лозунги «Последуем примеру Венгрии!», «Русские, убирайтесь!». В Каунасе прошла молодежная демонстрация

(до 4 тыс. участников) с лозунгами: «Долой Москву!», «Долой коммунистов!», Листовки с аналогичными лозунгами появились и в Тарту.

Особую тревогу коренного населения вызывал значительный наплыв русскоязычной рабочей силы на промышленные стройки в Прибалтике. По данным переписи населения 1959 г., доля коренной национальности в Литве составляла 79,3%, в Эстонии 74,6, в Латвии 62%. Особенно много инонационального населения было в крупных городах. Лиц коренной национальности в Риге насчитывалось около 44,7%, в Вильнюсе 33,6%. Возникшую острую жилищную проблему местным националистам представлялось «легко решить, если выгнать всех русских». Чтобы избежать потери Ригой своего национального облика, горком партии принял решение, предписывающее латышам изучить в течение двух лет латышский язык; не усвоивших его освобождать от работы с предложением покинуть республику. Решение вводило ограничение прописки латышей в городе. В апреле 1959 г. ЦК КП Латвии принял аналогичное решение, распространяющееся на республику в целом. Подобные решения созревали и в Таллинском райисполкоме.

В письмах, поступающих в ЦК КПСС из республик Прибалтики, сообщалось о проявлениях неприязненного отношения со стороны коренного населения к русским в автобусах, магазинах и других общественных местах. А решением ЦК КП Азербайджана в июне 1959 г. предписывалось, что все граждане республики неазербайджанцы обязаны в течение полугода выучить и сдать письменный и устный экзамен по азербайджанскому языку. Не выдержавшие его подлежали освобождению от работы. Вскоре, однако, эти решения были отменены, а первые секретари компартий республик Я. Э. Калнберзиньш и И. Д. Мустафаев сняты со своих постов.

Негативное отношение к русскоязычному населению в Прибалтике формировалось еще из-за того, что большинство работников милиции состояло из лиц некоренной национальности. Это создавало зримый образ «оккупанта» в лице русскоязычного населения. Действенность советской пропаганды в Прибалтике была невелика. Благодаря незнанию языка русскими представителями власти радиовещание на национальных языках практически вело постоянную антисоветскую пропаганду. Еще эффективнее была работа западных радиостанций и обширная переписка с зарубежными соотечественниками.

Усилением идеологической работы и организационными мерами союзное и республиканское партийное руководство стремилось не допустить разрастания националистических настроений. Июньский пленум ЦК КП Латвии (1959) квалифицировал как проявление национализма предложения ряда руководящих работников Латвии увеличить капиталовложения в легкую промышленность вместо строительства в республике крупных промышленных объектов, намеченного семилет-

ним планом. В октябре 1959 г. ряд министров был снят с работы за предложения не развивать в Латвии тяжелую индустрию, которая требовала импорта рабочей силы. Принятые под нажимом Москвы меры устранили наиболее яркие проявления национализма, однако не смогли полностью ликвидировать его. Учитывая настроения большинства коренного населения, руководители Прибалтийских республик стремились и в последующем проводить политику «мягкой» дерусификации, всячески демонстрируя при этом показной интернационализм и лояльность центральным властям.

Широкий спектр различных течений и форм имело украинское национальное движение. Выдвижение в 1953 г. украинца на пост первого секретаря ЦК КПУ способствовало возрождению политики украинизации, большему учету национальной специфики, в первую очередь на Западной Украине. Репрессивная политика советского руководства на Украине, связанная с послевоенной борьбой против националистического подполья в западной ее части и новой кампанией против «украинского буржуазного национализма» в восточной, смягчилась и сошла на нет.

Однако часть западных украинцев сохраняла неприязненное отношение не только к русским кадровым работникам, но и к восточным украинцам, зачисляемым в разряд «москалей». Националистическое мировоззрение объяснялось многовековой социокультурной изоляцией и недавностью присоединения Западной Украины к СССР, негативной реакцией на недальновидное форсирование после войны социалистической перестройки края, сохранением влияния на широкие слои населения запрещенной в 1946 г., но действующей в подполье униатской церкви.

Главной целью национального движения на Украине была в основном легальная борьба за сохранение национальной культуры, языка. В начале 1960-х годов творческая интеллигенция повела движение за чистоту родного языка, против его русификации. В феврале 1963 г. состоялась конференция по вопросам украинского языка в Киеве. На ней присутствовало более тысячи работников украинской культуры писателей, учителей, языковедов. Конференция возбудила ходатайство перед ЦК КП Украины и правительством страны о том, чтобы «во всех учреждениях и предприятиях, на железной дороге и других видах транспорта, в торговле все дела вести на украинском языке». Ее участники предлагали также открыть средние школы с преподаванием на украинском языке во всех республиках СССР, где живут украинцы. Предложения, выдвинутые на этой конференции, со временем стали требованиями диссидентов.

Движение украинских «шестидесятников» вовлекало в свои ряды значительную часть национальной интеллигенции. Ратующие за сохранение национальной культуры собирались в мастерских художников, выставочных залах, музеях, квартирах почитателей украинской стари-

ны. Большую известность приобрел киевский клуб творческой молодежи, который возглавлял молодой режиссер Лесь Танюк. Там проводились литературные и поэтические вечера, организовывались выставки украинских художников. При нем возникли студенческий межвузовский фольклорно-этнографический кружок и разъездной хор «Жаворонок». Клуб положил начало Шевченковским чтениям 22 мая у памятника поэту. На ставших традиционными чтениях со временем все более откровенно зазвучали диссидентские мотивы. Это стало причиной закрытия клуба властями в 1965 г.

Одним из направлений украинского национального движения была борьба за независимость путем выхода из состава СССР. Движение имело многочисленных сторонников на Западной Украине. Здесь и после разгрома националистического вооруженного движения ОУН были случаи убийства советских работников, поджога партийных и хозяйственных зданий, другие антисоветские акты. Участники нелегальных групп занимались вывешиванием национальных флагов, распространением листовок с антисоветским содержанием. Относительно спокойнее обстояло дело в восточных областях Украины, хотя и здесь (например, в Харькове в 1957 г.) были случаи распространения листовок с антисоветским и националистическим содержанием.

Молодежь, вовлекавшаяся в подпольные группы экстремистского толка, вдохновлялась именем Степана Бандеры, вокруг которого создавался ореол последовательного и негибкого борца за свободу и независимость Украины от «русско-коммунистического ига». В 1962 г. органы госбезопасности ликвидировали молодежную организацию, носившую имя Бандеры, во Львовской области.

Иногда поводом для образования сепаратистских групп служила действовавшая Конституция страны, содержащая статью о сохранении за каждой республикой права свободного выхода из СССР. Рубеж 1950–1960-х годов для украинского национального движения в целом был временем перехода от подпольного этапа к мирному, открытому демократическому движению за национальные права.

В 1960-е годы отмечены случаи отдельных национал-сепаратистских выступлений в Белоруссии и Молдавии, которые не носили столь ощутимого характера, как в Прибалтике и на Украине. Характерной особенностью Молдавии была этнокультурная близость молдаван с румынами. «Национализм» в республике чаще всего проявлялся в разговорах о том, что ей необходимо воссоединиться с Румынией. Там такие разговоры подогревались некоторыми официальными лицами и печатью.

Одним из «слабых мест» советской национальной политики в 1950-е годы стала Грузия. Почитание Сталина в этой республике имело широкое распространение. Разоблачение его преступлений на съезде партии было воспринято как национальное оскорбление. Недовольство

центральной властью вылилось в трагические события в Тбилиси 9–10 марта 1956 г., сопровождавшиеся многочисленными человеческими жертвами. Молодежные просталинские митинги и демонстрации прошли во многих других городах Грузии. Местами они носили откровенно антирусскую направленность. Вместе с лозунгами «Долой Хрущева!», «Молотова во главе КПСС!» демонстранты несли и лозунги «Русские, убирайтесь из Грузии!». Националистические настроения в массах не утихали в течение многих лет.

Борьба за сохранение чистоты грузинского языка привела к возникновению различного рода нелегальных культурных обществ. Одно из них, «Мекартвела сазогадоеба», существовало в Батуми в 1961–1962 гг. В него, кроме представителей интеллигенции, входили государственные служащие. За употребление русских слов на собраниях организации взимался штраф в пользу общества. Грузинское партийное руководство во главе с В. П. Мжаванадзе снисходительно наблюдало за попытками части грузинской интеллигенции выступать против «русификации» и в то же время решительно пресекало радикальные формы проявления национализма. Поэтому экстремизм не стал характерным признаком грузинского национального движения.

Армянское национальное движение инспирировалось главным образом идеей возвращения всех исконных армянских земель в единое армянское государство. Имелись в виду Карс, Ардаган, Саракамыш, оказавшиеся в составе Турции, а также Нахичевань и Нагорный Карабах, включенные в Азербайджан. Вокруг идеи о возвращении этих территорий с редким единодушием объединялись партийные и религиозные деятели, радикальные армянские националисты, представители творческой интеллигенции и заграничных диаспор. Подавляющее большинство армян за рубежом жили мыслями о возвращении на историческую родину. Только в первой половине 1950-х годов в Армению возвратились 100 тыс. репатриантов. Они во многом способствовали популярности заграничной националистической партии «Дашнакцутюн».

Карабахский вопрос был поставлен в ноябре 1945 г. руководителем компартии Армении. Г. А. Арутинов писал И. В. Сталину, что Нагорно-Карабахская автономная область, примыкающая к территории Армении, с 1923 г. входит в состав Азербайджана, население же области в основном армянское (137 тыс.; 89,5%), и просил рассмотреть вопрос о включении области в Армению. Запрошенный в этой связи первый секретарь ЦК КП Азербайджана М. Багиров соглашался на передачу, при условии включения в Азербайджан трех примыкающих к нему районов Армении с преимущественно азербайджанским населением. Начались переговоры, но вопрос остался нерешенным. Предложение вернуть армянам территории, занятые Турцией, было сделано Арутиновым в 1948 г. на его выступлении в ООН. Нерешенность этих вопросов значи-

тельная часть армян связывала с нежеланием советского руководства разрешить армянскую проблему. Это подогревало антисоветские и националистические настроения в массах.

В национальном движении Азербайджана доминирующими были мусульманский фактор и социокультурная отчужденность местного населения от советского мировоззрения. Устойчивой национальной оппозиции там в рассматриваемый период не было. Политическая «неразвитость» национального движения в Азербайджане сближала его с национальными движениями республик Средней Азии и Казахстана. Противостояние союзной власти было слабым. Наиболее остро в республике стоял армяно-азербайджанский этнический конфликт. С молчаливого одобрения азербайджанского руководства в республике фактически проводилась политика этнической дискриминации национальных меньшинств армян, лезгин, талышей. Политика азербайджанизации проявлялась в том, что руководящие партийные и хозяйственные посты в высшем и среднем звеньях были заняты преимущественно представителями коренного этноса, несмотря на то что свыше 40% жителей республики не были азербайджанцами.

«Незрелость» национальных движений в Средней Азии и Казахстане объясняется их сравнительно поздним вступлением в процесс национального строительства. Советская политика коренизации привела к формированию национальной интеллектуальной и политической элиты. Впечатляющим был и подъем культуры, науки, образования. Местное население в основном положительно восприняло блага индустриальной и урбанизированной культуры. В то же время форсированная модернизация традиционных среднеазиатских культур привела к заметной утрате народами собственных этнических и культурно-экологических ценностей. Навязчивая пропаганда Центром идей о старшем брате в содружестве народов, о прогрессивном влиянии русской культуры, языка вызывала обратную реакцию.

Огромное влияние на поведение, характер и стереотипы народов Средней Азии оказывал ислам, являющийся не просто религией, но и образом жизни, мировоззрением, системой этических и эстетических норм. Государственная антирелигиозная политика привела к вытеснению ислама из идеологии и политики в сферу семейно-бытовых отношений. Но эта сфера оставалась практически неприступной для советско-коммунистического мировоззрения. Благодаря этому коренные этносы Средней Азии и Казахстана во многом сохранили фундаментальные традиционные жизненные ценности: многодетную семью, иерархичность и коллективизм социальной организации, культурные и профессиональные предпочтения. Этим же можно объяснить и отсутствие национального движения, выступающего за отделение от СССР. Оппозиция советской власти принимала форму социокультурного и

мировоззренческого противостояния традиционного уклада русскоязычной этнической культуре и коммунистической идеологии.

С ослаблением диктата над республиками Средней Азии и Казахстана, расширением прав союзных республик в 1957 г. (в связи с образованием совнархозов) протест против политической опеки Центра со стороны партийных лидеров коренной национальности выражался в требованиях дальнейшего расширения прав регионов, увеличения инвестиций, сокращения притока русских, выступлениях против тенденции к языковой русификации. Центральные органы власти еще достаточно жестко реагировали на это. В 1958–1961 гг. высшие партийные руководители Туркмении, Узбекистана, Киргизии и Таджикистана (как и Азербайджана, Латвии и Молдавии) были обвинены в националистических проявлениях и сняты с занимаемых должностей. Кадровые перемещения вызвали болезненную реакцию со стороны коренной интеллигенции и номенклатуры, которая усматривала в них проявление имперской сущности Центра и русскоязычного населения.

Так, с перемещением Н. А. Мухитдинова с поста лидера коммунистов Узбекистана в Президиум ЦК КПСС (1957) и с выдвижением к руководству С. К. Камалова в республике началась вторая масштабная коренизация кадров. Местное население воспринимало ее как начало эпохи национального «предвозрождения», отличительным признаком которой стало массовое и демонстративное соблюдение мусульманских обрядов: посещение мечетей, обрезание мальчиков, совершение бракосочетаний и погребений умерших по обычаям предков. Коммунисты в этом отношении вели себя так же, как и «отсталые носители феодально-байских пережитков». С согласия партийного руководства начал возрождаться предусмотренный Кораном сбор пожертвований на благотворительные цели, который в основном предназначался для финансирования религиозных мероприятий. Многие «красные чайные» превратились в центры по пропаганде основ ислама и отправления религиозных обрядов. На рассмотрение высших партийных инстанций был внесен вопрос о замене кириллической основы узбекской письменности арабским алфавитом. Мотивировалось это необходимостью создания кадров арабистов для работы в арабских странах.

Такая коренизация не имела поддержки и была осуждена московским руководящим центром. В республике против нее выступил председатель Президиума ВС, народный писатель Узбекистана Ш. Р. Рашидов. 14 марта 1959 г. на республиканском пленуме ЦК Камалов был снят с руководящих постов «за допущенное засорение кадров политически неблагополучными элементами» и «примиренчески-покровительственное отношение к националистическим проявлениям». С поста секретаря ЦК по идеологии был также снят Х. Турсунов, как «не внушающий доверия и скрывающий националистическое прошлое свое и отца —

активного участника басмаческого движения». Первым секретарем ЦК избран Рашидов, который вплоть до 1983 г. стоял во главе республиканского руководства. В 1959–1961 гг. в республике заменены десятки руководителей министерств и ведомств, многие секретари обкомов, райкомов и горкомов партии.

4 февраля 1961 г. на закрытом партийном активе Рашидов выступил с докладом «Об итогах двухлетней борьбы с антисоветскими элементами», в котором благодарил руководителей КПСС и органов КГБ за «фактическое спасение узбекского народа от попыток империалистов вновь его поработить». В апреле на пленуме ЦК он призывал ответственность республики «принять еще более решительные меры по искоренению остатков националистических элементов». Рашидову удалось создать прочную систему личной власти в республике. Она из года в год увеличивала сдачу хлопка — важнейшего сырья не только для легкой промышленности, но и для оборонного ведомства. Однако созданный в ней режим был очень далек от социализма. В октябре 1964 г., с переменой руководства в Москве, недруги Рашидова предприняли попытку отрешить его от власти. Он обвинялся, в частности, в том, что «расставил на ключевые позиции более 300 своих родственников и лично преданных ему людей». Только в аппарате ЦК КП Узбекистана было 14 его родственников. Однако Рашидов вполне устраивал Л. И. Брежнева, и не в последнюю очередь из-за щедрых подарков.

К началу 1960-х годов миграция русскоязычного населения в Среднюю Азию и особенно в Казахстан достигла своего апогея. В 1959 г. доля населения коренной национальности по сравнению с 1939 г. снизилась в Казахстане с 38,2 до 30%, в Узбекистане с 64,4 до 62,1, в Таджикистане с 59,6 до 53,1, в Киргизии с 51,7 до 40,5% и лишь в Туркмении она чуть выросла с 59,2 до 60,9%. Переселенцы в большинстве своем не тяготели к полному вживанию в среднеазиатское общество. Многие из них с чувством мнимого превосходства и пренебрежения относились к местным жителям. Те платили им тем же, видя в них персонифицированных носителей «имперства» советской власти. Бытовой национализм проходил по линии этнического размежевания и возникал между русскоязычным (русские, украинцы, евреи и др.) и коренным населением. Национальная дискриминация в пользу лиц местной национальности проявлялась в кадровой политике и при приеме в вузы, в антирусских настроениях местного населения. Все это приводило к сравнительно более быстрому росту национального самосознания русского населения национальных окраин в сравнении с центральными районами России. В русском национальном движении в этих регионах были заметны не столько этнические, сколько «державные» мотивы. Для многих здесь впервые становился значимым простой факт, о котором один из читателей «Известий» счел необходимым написать в редакцию газеты: «В Рос-

сийской республике нет ЦК, как это в других союзных республиках, где первым секретарем является представитель своей нации».

Коррективы теоретических основ национальной политики. На волне критики «культы личности» в 1956 г. впервые были опубликованы ленинские письма («К вопросу о национальностях или об “автономизации”» и др.), свидетельствующие о разногласиях между Лениным и Сталиным по вопросам образования СССР. Смысл публикации сводился к тому, что Сталин имел особую, «неправильную» позицию по этим вопросам в отличие от «правильных» установок истинного создателя Союза. Между тем с позиции наших дней становятся отчетливо видны изъяны ленинского плана создания союзного государства. Как считают многие современные историки, реализация сталинского плана создала бы гораздо лучшие предпосылки для последующей оптимизации государственного устройства и всей системы межнациональных отношений в стране. История образования и последующего развития СССР показывает, что русские национально-государственные интересы, по сути дела, были принесены в жертву интересам призрачного мирового СССР и национализму «угнетенных» народов бывшей царской России. Для осуществления принципа об участии в строительстве и функционировании союзного государства всех народов бывшей России «вместе и наравне» ленинский план был не пригоден. Ярким свидетельством этого является иерархия народов и национально-государственных образований, без труда различаемая в архитектонике СССР.

Вместо реалистического анализа процессов в национальной сфере и соответствующего реформирования национально-государственного устройства СССР власть при Хрущеве в очередной раз увлеклась утопическим проектом «окончательного решения национального вопроса», связывая его с форсированной ломкой «национальных перегородок», стиранием национальных различий. Оживление ленинских установок, ориентирующих политику на слияние наций, происходило в связи с разработкой плана построения коммунизма в СССР к 1980 г. Этот план объективно отражал отсутствие в структуре партии серьезных теоретических разработок прогностического характера, опирающихся на глубокий анализ действительности.

Тем не менее Хрущев говорил в 1959 г., что по мере реализации этого плана «успешнее будет идти процесс слияния народов в единую коммунистическую семью». В проект новой Программы КПСС было включено положение о том, что «в СССР происходит слияние наций и их языков, образование одной нации с одним языком, с единой общей культурой».

Коллегам Хрущеву по Президиуму ЦК (прежде всех О. В. Куусинену, Н. А. Мухитдинову) удалось убедить его не ставить в партийной

программе невыполнимые задачи. Частично согласившись с этим, Хрущев актуализировал высказанную ранее идею о появлении в СССР «новой исторической общности». В докладе о Программе КПСС он объявил, что результаты интеграционных процессов в национальной сфере уже привели к тому, что «в СССР сложилась новая историческая общность людей различных национальностей, имеющих общие черты, советский народ». Однако в программный документ положение включено не было. Это значило, что ему, как и ранее высказанным аналогичным утверждениям, еще не придавалось концептуально-методологического значения.

Развитие национальных отношений в СССР в партийной программе характеризуется следующим образом: «В условиях социализма происходит расцвет наций, укрепляется их суверенитет. Развитие наций осуществляется не на путях усиления национальной розни, национальной ограниченности и эгоизма, как это происходит при капитализме, а на путях их сближения, братской взаимопомощи и дружбы. Возникновение новых промышленных центров, открытие и разработка природных богатств, освоение целинных земель и развитие всех видов транспорта усиливают подвижность населения, содействуют расширению взаимного общения народов Советского Союза... Границы между союзными республиками в пределах СССР все более теряют свое бывшее значение, поскольку все нации равноправны, их жизнь строится на единой социалистической основе и в равной мере удовлетворяются материальные и духовные запросы каждого народа, все они объединены общими жизненными интересами в одну семью и совместно идут к единой цели — коммунизму. У советских людей разных национальностей сложились общие черты духовного облика, порожденные новым типом общественных отношений и воплотившие в себе лучшие традиции народов СССР». В этом тексте исчезла диалектическая противоречивость «единства противоположностей». Без нее текст становился уязвимым для критики. Критики постфактум увидели, что эта характеристика весьма показательна сочетанием лакировочной полуправды с противоречивым смыслом.

На деле «равноправия наций» не существовало, оно не могло быть достигнуто в условиях привилегированного положения «титовых наций» соответствующих республик по сравнению с инациональными группами и при иерархическом статусе самих национально-территориальных образований. Материальные и духовные интересы каждого народа удовлетворялись отнюдь не в равной мере, в неблагоприятном положении при этом оказался крупнейший в стране русский народ. Из того факта, что в Советском Союзе увеличилась подвижность населения, совсем не следовало, что границы между республиками теряли значение. Этому явно противоречит утверждение об укреплении суверенитета наций. В Программе констатировалось, что «расширение прав

союзных республик в руководстве хозяйством дало большие положительные результаты», однако ставилась задача преодолеть «проявления местничества и национального эгоизма». Партийный документ содержал неопределенное (допускающее самые разные толкования) положение о том, что национальные отношения в стране характеризуются «дальнейшим сближением наций и достижением их полного единства».

При разработке комиссией под председательством Хрущева новой советской Конституции снова рассматривались предложения о необходимости учитывать, что в СССР «идет консолидация единых национальностей в единую коммунистическую нацию», поэтому рекомендовалось снять графу о национальности из паспортов. Однако здравый смысл взял верх и от рекомендаций такого рода воздержались. Состоявшийся после отставки Хрущева XXIII съезд партии (март–апрель 1966 г.) внес успокоение в смятенные ряды интеллектуалов и творческой интеллигенции из союзных республик. В докладе ЦК съезду содержалась новая уточненная формулировка о советском народе. Применен был термин «многонациональный советский народ». Это исключало возможность отождествления «новой общности» с новой коммунистической нацией, якобы выковывывающейся из традиционных этнических групп и заменяющей их.

§ 5. Внешняя политика

Смерть И. В. Сталина и успешное испытание водородной бомбы стали, пожалуй, двумя наиболее значимыми событиями, определившими как либерализацию, так и конфронтационность внешнеполитического курса СССР последовавшего десятилетия. Выразителем одной из этих тенденций был В. М. Молотов, возглавлявший внешнеполитическое ведомство СССР до июня 1956 г., другой — министр иностранных дел Д. Т. Шепилов и сменивший его 15 февраля 1957 г. А. А. Громыко.

1953 г. открыл первый короткий период «оттепели» в международных отношениях. В июне этого года с одобрения СССР было подписано соглашение о перемирии в Корее. В 1954 г. СССР вступил в ЮНЕСКО. Обозначившееся в мае 1953 г. сближение с Югославией завершилось подписанием в июне 1955 г. советско-югославской декларации, в которой выражались принципы неделимости мира, независимости мирного сосуществования от идеологии и различий в общественном устройстве; признание права народов самостоятельно выбирать конкретные формы социализма. В мае 1955 г. СССР подписал договор о восстановлении суверенитета Австрии. Советский Союз, по договоренности с другими державами-победительницами, согласился вывести свои войска из этой страны, обязавшейся соблюдать строгий нейтралитет. Июльская (1955) встреча лидеров четырех держав-победительниц в Женеве обозначила

потепление мирового политического климата — «дух Женевы». В сентябре 1955 г. при посещении Москвы канцлером ФРГ К. Аденауэром достигнута договоренность о прекращении состояния войны и установлении дипломатических отношений между СССР и ФРГ. В октябре 1956 г. нормализованы отношения с Японией.

Большое внимание вопросам международной обстановки и перспективам мирового развития было уделено на XX съезде КПСС. В его документах сделаны выводы о возможности предотвращения новой мировой войны и разнообразии форм перехода к социализму. Линия на примиренчество с Западом и терпимость к различиям в социаллагере отразилась в роспуске в апреле 1956 г. Информационного бюро коммунистических и рабочих партий, ассоциировавшегося с диктатом КПСС в отношении «братских» партий. С 1955 г. руководство СССР выступало с призывом прекратить гонку вооружений и созвать всемирную конференцию по этому вопросу.

В подтверждение нового внешнеполитического курса Советский Союз сократил численность своих Вооруженных сил с 5,8 млн человек на начало 1955 г. до 3,6 млн к декабрю 1959 г. В рамках сокращения были ликвидированы советские военные базы в Порккалла-Удд в Финляндии, Порт-Артуре в Китае, выведены войска из Австрии, Румынии, уменьшены группы войск в Венгрии, ГДР, Польше. Новое «значительное сокращение» Советской Армии объявлено в 1960 г. (По западным оценкам, советские Вооруженные силы достигли минимальной численности в 3 млн человек к июлю 1961 г., затем она вновь увеличивалась.) Смягчению международной напряженности способствовало развитие внешней торговли. К концу 1950-х годов СССР был связан торговыми договорами более чем с 70 странами мира.

В то же время политику СССР отличала твердость в отстаивании внешнеполитических интересов страны. В ответ на включение в октябре 1954 г. Западной Германии в военную организацию НАТО в мае 1955 г. по инициативе нашей страны была создана Организация Варшавского договора — военно-политический союз стран «социалистического лагеря», противостоящий НАТО и другим военно-политическим блокам, возникшим под руководством США. (ОВД просуществовала до 1 июня 1991 г.) В августе 1957 г. в СССР успешно прошли испытания межконтинентальной баллистической ракеты, делавшие уязвимой территорию США в случае войны. Призрак советского ядерного возмездия стал новым фактором на переговорах советских лидеров с Западом. Во многом благодаря этому осенью 1956 г. удалось прекратить агрессию Англии, Франции и Израиля против Египта в «Суэцком кризисе».

С кризисом связана отставка Д. Т. Шепилова с поста министра иностранных дел. (На этот пост он был назначен 1 июня 1956 г., накануне визита И. Б. Тито в СССР. В этой связи Молотов как проводник поли-

тики, приведшей в свое время к разрыву с Югославией, был освобожден от руководства МИДом.) 26 июля 1956 г. Египет национализировал компанию Суэцкого канала, заявив, что будет уважать свободу судоходства по каналу. Англия и Франция воспротивились национализации, квалифицировали ее как произвольный и односторонний акт. Хрущев выступил за решительную поддержку Египта, обещая при необходимости помочь президенту Египта Г. А. Насеру военной силой. Англия, Франция и США предприняли попытку добиться «интернационализации» канала на Лондонской конференции по этому вопросу. Шепилов поддерживал на ней проект Индии, в основе которого лежал принцип строгого соблюдения прав Египта на канал в сочетании и с учетом интересов его международных пользователей. Американский проект, предполагавший передачу управления каналом в руки международной администрации, не был принят.

Шепилов считал, что конференция прошла хорошо. Однако накануне ее завершения он получил шифровку из Москвы от Хрущева и Булганина: «Перед самым отъездом дайте по мордам этим империалистам», т. е. Англии, Франции, США. Шепилов не пошел на конфронтацию, поскольку канал остался у Египта. Хрущев расценил это как стремление Шепилова самостоятельно руководить внешней политикой страны. По существу это и стало причиной его отставки.

По окончании конференции события в зоне Суэцкого канала развивались вопреки ожиданиям Шепилова. Англия и Франция использовали для развязывания агрессии против Египта Израиль. В ночь на 30 октября израильские войска вторглись на его территорию, Англия и Франция начали бомбардировки Египта. 5 ноября они высадили десант в районе Порт-Саида. Советский Союз выступил с посланиями к правительствам Великобритании, Франции, Израиля с серьезными предупреждениями. Они оказали решающее влияние на прекращение агрессии: 7 ноября военные действия были остановлены. В декабре 1956 г. из зоны канала выведены войска Англии и Франции, в марте 1957 г. — войска Израиля. Во время этих событий 15 февраля 1957 г. состоялось назначение на пост министра иностранных дел А. А. Громыко.

В 1957–1959 гг. в Вооруженных силах формировались первые части и соединения межконтинентальных ракет, велось строительство их стартовых площадок. «Если подойти разумно, — говорил Н. С. Хрущев в сентябре 1958 г., — то можно в короткий срок перевести армию на ракеты и, закрывшись ими, как щитом, заняться мирными делами». В то же время, сознание своей силы позволяло СССР прибегать к резким приемам в отношении западных партнеров. Войска ПВО методично сбивали американские самолеты, нарушавшие наше воздушное пространство. В 1950-х — первой половине 1960-х годов сбито 39 самолетов. После 1 мая 1960 г., когда в небе над Свердловском был уничтожен

высотный разведывательный самолет У-2 (сбит ракетным комплексом С-75, созданным под руководством А. А. Расплетина), а американский летчик Ф. Пауэрс пленен, нарушения свелись к минимуму.

В конце 1950-х годов одним из очагов напряженности в Европе оставался Западный Берлин. В ноябре 1958 г. СССР предложил странам-победительницам заключить мирный договор с двумя германскими государствами и объявить Западный Берлин вольным городом. Предложение было отвергнуто. Не решен был германский вопрос и на встрече министров иностранных дел в Женеве. СССР настаивал на признании ГДР, Запад — на объединении Германии под эгидой ФРГ. Не достигнута договоренность по этому вопросу и во время визита Н. С. Хрущева в США в сентябре 1959 г. Намечавшаяся на май 1960 г. встреча советского лидера с американским президентом Д. Эйзенхауэром в Париже была сорвана из-за полета У-2. Не подвигло к миролюбию западных политиков и выступление Хрущева в ООН (12 октября 1960 г.), сопровождаемое стуком башмака.

Тем не менее в июне 1961 г. советско-американские отношения получили развитие на встрече Хрущева с новым американским президентом Дж. Кеннеди в Вене, во время которой главным вопросом вновь стала ситуация вокруг Берлина. Из-за жесткой позиции Н. С. Хрущева встреча закончилась провалом. В результате Западный Берлин не стал вольным городом и остался в составе ФРГ, однако по рекомендации совещания руководителей стран участниц Варшавского договора в ночь с 12 на 13 августа 1961 г. граница между Восточным и Западным Берлином была закрыта проволочными заграждениями, а затем бетонной стеной. Существовавший до возведения стены порядок движения и контроля на путях между Западным Берлином и Западной Германией был сохранен, но массовый отток населения ГДР на Запад остановлен так же, как и ежедневный наплыв западноберлинцев в ГДР для приобретения там по более дешевым ценам продуктов и некоторых услуг, что, собственно, и было главной причиной кризиса. Напряжение вокруг Западного Берлина некоторое время еще сохранялось, но угроза военного столкновения все же была устранена. Стена, ставшая символом «холодной войны» на многие десятилетия, демонтирована после присоединения ГДР к ФРГ (3 октября 1990 г.).

В 1962 г. разразился «Карибский кризис» в советско-американских отношениях. Он был вызван стремлением США помешать становлению социалистического строя на Кубе после победы народной революции (1 января 1959 г.) и разгрома в апреле 1961 г. созданной с американской помощью бригады кубинских контрреволюционеров в районе Плая-Хирон и Плая-Ларга. Стремясь обезопасить завоевания революции, кубинское правительство обратилось к СССР за дополнительной военной помощью. В результате скрытно осуществленной операции «Ана-

дырь» по перевозке военнoслужаших с вооружением, военной техникой, продовольствием и стройматериалами, на Кубе оказалась группа советских войск (43 тыс. человек), 42 советские ракеты средней дальности, 164 ядерные боеголовки. С обнаружением ракет, могущих взорваться над американской столицей через 4 минуты после запуска с территории Кубы, в США была начата антикубинская и антисоветская кампания, сопровождаемая угрозами американского вооруженного вторжения на остров. 22 октября 1962 г. США объявили «строгий карантин на все виды наступательного оружия, перевозимого на Кубу», фактически была установлена морская блокада Кубы. Открытое советско-американское военное противостояние пришлось на 23–28 октября, достигнув своего пика после того как 27 октября над Кубой советской зенитной ракетой был сбит американский самолет-разведчик У-2, его пилот погиб. Благодарумие Хрущева и Кеннеди позволило в последний момент избежать ракетно-ядерной катастрофы. СССР согласился вывезти свои ракеты в обмен на гарантии безопасности Кубы со стороны США и вывоз американских ракет с баз в Турции. 20 ноября правительство США отменило «карантин» Кубы. К этому времени советское ракетное оружие было вывезено. На Кубе оставалась отдельная мотострелковая бригада. После кризиса началась полоса новой относительной разрядки в советско-американских отношениях. 5 августа 1963 г. СССР, США и Великобритания подписали договор о запрещении ядерных испытаний в атмосфере, космосе и под водой, в 1964 г. соглашение о нераспространении ядерного оружия.

Советский Союз уделял большое внимание развитию взаимоотношений с государствами «третьего мира» — Индией, Индонезией, Бирмой, Афганистаном и др. Им оказывалась помощь в строительстве крупных народно-хозяйственных объектов (металлургический комбинат в Индии, Асуанская плотина в Египте и др.). В 1953–1964 гг. при финансовой и технической помощи СССР в разных странах построено около 6 тыс. предприятий.

В начале 1960-х годов СССР потерпел ряд неудач в отношениях со своими союзниками по «социалистическому лагерю», прежде всего Китайской Народной Республикой. Советские лидеры с конца 1940-х годов видели в союзе с ней залог победы социализма во всемирном масштабе. При поддержке СССР в КНР были созданы первоклассные предприятия по производству реактивных истребителей и бомбардировщиков, артиллерийских систем. Китайские специалисты были ознакомлены с советскими достижениями в области ядерных технологий. Однако курс КПСС на разоблачение культа Сталина вызвал протест руководства Компартии Китая. Маоисты считали, что вооруженные столкновения с империализмом неизбежны, мировой социализм может восторжествовать в результате ядерной войны. Победившие народы, как утверждали

маоисты, «крайне быстрыми темпами создадут на развалинах империализма в тысячу раз более высокую цивилизацию, чем при капиталистическом строе».

Отношения осложнились в конце 1950-х годов, когда руководство КНР отвергло просьбу СССР о размещении на ее территории советских военных баз. В ответ Советский Союз отказался от выполнения подписанного ранее соглашения о сотрудничестве двух стран в области ядерной физики. Весной 1960 г. советское руководство отозвало несколько тысяч своих специалистов, помогавших Китаю в создании индустриальной базы. В 1963 г. советско-китайские отношения перешли в фазу идеологической войны. Советская сторона обвинялась в обуржуазивании, ревизионизме, гегемонизме, капитулянтстве перед американским империализмом в период «Карибского кризиса». Позиции Китая в определенной степени разделяли Албания, КНДР, Румыния, «левацкие» национально-освободительные движения стран Латинской Америки, Азии, Африки. Вскоре отношения между СССР и КНР ухудшились настолько, что Китай выдвинул территориальные претензии к СССР на 1,5 млн кв. км в пограничных районах.

Внешнеполитические конфликты начала 1960-х годов отрицательно сказались на престиже СССР.

«РАЗВИТОЙ СОЦИАЛИЗМ». 1964—1985

---

§ 1. Ранний «развитой социализм». 1964—1977

Контрреформы 1964 г. Переход к консервативному внутриполитическому курсу. 16 октября 1964 г. газеты сообщили о состоявшемся двумя днями ранее пленуме, который «удовлетворил просьбу т. Хрущева Н. С. об освобождении его от обязанностей Первого секретаря ЦК КПСС, члена Президиума ЦК КПСС и Председателя Совета министров СССР в связи с преклонным возрастом и ухудшением состояния здоровья». Население встретило известие с чувством удовлетворения и настороженности. Первое вызывалось надеждой на исправление негативных последствий бесконечных реформаций, второе — очевидной неправдой насчет «ухудшения здоровья» и опасениями возврата к сталинским порядкам.

И действительно, пришедшие к власти лидеры были едины лишь в решимости положить конец хрущевским новациям и измене принципу коллективности руководства. В остальном они существенно разнились. А. Н. Косыгин был известен как сторонник реформ, внедрения некоторых экономических стимулов в административно-командную систему; Ю. В. Андропов — сторонник последовательного продолжения курса XX съезда партии и решительных мер в защиту социалистических ценностей; А. Н. Шелепин — сталинист. Л. И. Брежнев занимал центристскую позицию, М. А. Суслов — правоцентристскую. Позиция нового первого секретаря ЦК КПСС в сочетании с его личными качествами (кажущееся отсутствие амбициозности, осторожное пользование властью) оказалась наиболее приемлемой для большинства членов нового коллективного руководства. Его первые шаги диктовались стремлением покончить с «волюнтаризмом» Хрущева в области партийно-государственного управления.

Первые шаги нового руководства продиктованы стремлением покончить с «волюнтаризмом» Н. С. Хрущева в области партийно-государственного управления. На ноябрьском (1964) пленуме ЦК КПСС с докладом «Об объединении промышленных и сельских областных, краевых партийных организаций и советских органов» выступил Н. В. Подгорный. Контрреформы были распространены на советские, комсомольские и профсоюзные учреждения. На сентябрьском (1965) пленуме объявлено о ликвидации совнархозов и восстановлении отраслевых министерств с начала

новой пятилетки. Однако в адрес Косыгина, выступавшего на пленуме, Брежнев в неофициальной обстановке говорил: «Ну что он придумал? Реформа, реформа... Кому это надо, да и кто это поймет? Работать нужно лучше, вот и вся проблема». В дальнейшем неприятие реформ стало одной из существенных характеристик нового политического курса, демонстрирующих полное непонимание экспериментального характера строящегося, хотя и ставшего «вооруженным до зубов» государства.

Важный шаг к переходу на консервативный курс сделан в мае 1965 г. на праздновании 20-летия победы в Отечественной войне. В докладе Брежнева впервые после многих лет хрущевских обвинений упомянуто о вкладе Сталина в победу над фашистской Германией. Упоминание буквально утонуло в аплодисментах, внося успокоение в номенклатурную среду, осуждавшую немотивированные всплески хрущевского антисталинизма. Линия на отказ от дальнейших разоблачений ужасов сталинизма была продемонстрирована и на XXIII съезде партии (март–апрель 1966 г.). Наиболее отчетливое выражение она получила в выступлении руководителя МГК КПСС Н. Г. Егорычева. «В последнее время, говорил он, стало модным... выискивать в политической жизни страны какие-то элементы так называемого «сталинизма», как жупелом, пугать им общественность, особенно интеллигенцию. Мы говорим им: не выйдет господа!».

Просталинским настроениям отвечало избрание Брежнева не первым (как Хрущева), а генеральным (как Сталина) секретарем ЦК КПСС. Президиуму ЦК было возвращено название Политбюро. Кроме того, сталинисты получили возможность гневно осудить с трибуны съезда писателей-диссидентов. Съезд стал сигналом для поворота к идеологическим ориентирам прошлого, главным из которых было усиление контроля над общественной жизнью.

Реабилитационные настроения относительно Сталина достигли своего пика в 1969 г., когда ряд членов высшего руководства КПСС (Г. И. Воронов, К. Т. Мазуров, П. М. Машеров, Д. С. Полянский, А. Н. Шелепин) пытались существенно подправить официальные оценки исторической деятельности Сталина. В журнале «Коммунист» была опубликована статья просталинского толка. К 90-летию со дня рождения Сталина готовились к изданию его сочинения. Эти планы расстроились главным образом из-за публикаций на Западе хрущевских воспоминаний. Новые разоблачения репрессивного режима, сталинского антигуманизма и антисемитизма резко усилили протесты руководителей компартий и всех «прогрессивных деятелей» Запада по поводу наметившейся частичной реабилитации Сталина. Реабилитация не состоялась. Против нее настроивало также и чувство самосохранения, идущее от ощущения большинства партийных и государственных аппаратчиков. Возврат к сталинизму мог создать угрозу их собственному положению.

На упрочение позиций партийной номенклатуры были направлены и поправки к Уставу КПСС, принятые XXIII съездом партии. Из него были устранены введенные в 1961 г. указания о нормах сменяемости состава партийных органов и секретарей партийных организаций. Ротация «по закону» вносила беспокоящие партийных руководителей элементы неопределенности. Они почти целиком устранялись новым туманным положением о необходимости систематического обновления партийных органов и преемственности руководства, фактически обеспечивавшим бессменное пребывание у власти значительной части номенклатурных кадров. Уже за первые пять лет после 1966 г. сменяемость (по сравнению с прошедшим пятилетием) сократилась: председателей Советов Министров союзных и автономных республик — в полтора раза, первых секретарей ЦК компартий союзных и автономных республик, обкомов и крайкомов партии — в три раза. Стабильность кадров оборачивалась их старением, губительной «геронтократией».

Важнейшей составляющей нового политического курса стала концепция «развитого социализма», заменившая концепцию развернутого строительства коммунизма с ее посулами «догнать и перегнать» США. 21 декабря 1966 г. в «Правде» опубликована статья Ф. М. Бурлацкого под названием «О строительстве развитого социалистического общества». В следующем году в речи по случаю 50-летия Октябрьской революции Брежнев объявил, что в СССР уже построено развитое социалистическое общество.

Официально этот вывод был закреплен решениями XXIV съезда партии (март-апрель 1971 г.). На нем провозглашен курс на повышение эффективности общественного производства и соединение достижений научно-технической революции с преимуществами социалистической системы хозяйства; на расцвет и сближение социалистических наций; достижение большей социальной однородности общества в условиях развитого социализма. Хотя действенных механизмов для реализации этих целей создано не было, расхождение теории с реальными социальными процессами, падением эффективности общественного производства становилось менее заметным, чем при Хрущеве.

Концепция «развитого социализма» стала, по существу, крупной ревизией представлений хрущевского окружения о возможности в исторически обозримом будущем построить коммунизм в отдельно взятой стране. Но она оказалась весьма удобной в том отношении, что переводила «строительство» из практической задачи в теоретическую. Согласно концепции, путь к коммунизму предполагал неопределенно длительный этап развития, во время которого социализм обретал целостность, гармоническое сочетание всех сторон и отношений производственных, социально-политических, нравственно-правовых, идеологических.

В 1973 г. коллективное партийно-государственное руководство рьяно принялось за осуществление мер по повышению авторитета своего лидера, сворачивая на известную дорогу «культы». Л. И. Брежнев, Герой Социалистического Труда с 1961 г., стал вскоре носителем многих новых наград и отличий — звания генерала армии (1975), маршала (1976), золотых звезд Героя Советского Союза (1966, 1976, 1978, 1981), ордена «Победа» (1978), высшей награды в области общественных наук — Золотой медали имени Карла Маркса (1977), становится лауреатом международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» (1973).

Публичные славословия в адрес Брежнева и поток наград ширились по мере того, как он становился все менее дееспособным вследствие перенесенного в 1976 г. инсульта. 16 июня 1977 г. окружение возвело его на пост Председателя Президиума ВС СССР. К этому времени консервативный курс советского партийно-государственного руководства сложился в полной мере, его следствием стал «застой» в развитии общества, характерный для эпохи позднего Брежнева и позднего «развитого социализма».

Изменения в политическом руководстве. С формированием нового политического курса менялся и состав высшего партийно-государственного руководства страны. Первые кадровые перестановки были осуществлены уже через месяц после переворота. На ноябрьском (1964) пленуме ЦК новыми членами его Президиума избраны П. Е. Шелест (первый секретарь ЦК Компартии Украины) и А. Н. Шелепин (один из главных организаторов переворота). В декабре 1965 г. принята отставка председателя Президиума ВС А. И. Микояна. На этот пост в августе 1966 г. избран активный участник антихрущевского заговора Н. В. Подгорный, бывший в 1957–1963 гг. первым секретарем ЦК Компартии Украины, а затем — секретарем ЦК КПСС.

Однако уже с 1965 г. обнаружилась другая тенденция. На периферию власти начали отесняться соратники, представлявшие угрозу новому курсу. Декабрьский (1965) пленум ЦК реформировал Комитет партийно-государственного контроля. Его переименовали в Комитет народного контроля. Это сделано с явной целью сузить властные претензии создателя комитета А. Н. Шелепина. В сентябре 1967 г. он был освобожден от обязанностей секретаря ЦК в связи с избранием его председателем ВЦСПС, позже, в 1975 г., выведен и из состава Политбюро. Такая же участь постигла друга Шелепина и его преемника на посту главы КГБ В. С. Семичастного. Поводом для отставки стали недостатки спецслужб, не сумевших воспрепятствовать в марте 1967 г. дочери Сталина С. Аллилуевой остаться жить на Западе. В апреле 1973 г. посты в Политбюро утратили председатель Совмина РСФСР Г. И. Воро-

нов и первый секретарь ЦК КП Украины П. Е. Шелест, в июне 1977 г. Н. В. Подгорный.

Выбывших заменяли люди, лично близкие генсеку со времен работы на Украине, в Молдавии и Казахстане А. П. Кириленко (секретарь ЦК с 1966 г.), К. У. Черненко (секретарь ЦК с 1976 г.), Д. А. Кунаев (первый секретарь ЦК Компартии Казахстана с 1964 г.). Верными соратниками Брежнева оставались М. А. Сулов (партийный идеолог), А. А. Громыко (министр иностранных дел), Ю. В. Андропов (председатель КГБ), А. А. Гречко и сменивший его в 1976 г. Д. Ф. Устинов (министры обороны), Н. А. Щелоков (министр охраны общественного порядка в 1966–1968 гг., затем министр внутренних дел), Н. А. Тихонов, ставший в 1965 г. заместителем, а в 1976 г. первым зампредом Совмина СССР.

Реформа Косыгина. Председатель Совета министров СССР, утвержденный на этом посту после отставки Хрущева в октябре 1964 г., хорошо сознавал, что одной административной контрреформой (переходом от территориального принципа управления к отраслевому) преодолеть негативные тенденции экономического развития не удастся. В основе его подхода к руководству народным хозяйством лежала идея о необходимости дополнения партийно-административных рычагов элементами рыночной экономики.

Идея эта не родилась в 1964 г. Поиски модели оптимального планирования советские экономисты (Л. В. Канторович, В. С. Немчинов, В. В. Новожилов и др.) вели с конца 1950-х годов. В статье харьковского ученого-экономиста Е. Г. Либермана «План, прибыль, премия», опубликованной в «Правде» (сентябрь 1962 г.), доказывалось, что прибыль и рентабельность (отношение прибыли к основным и нормируемым оборотным фондам) надо рассматривать как один из важнейших критериев успешной работы предприятия. В дискуссии по статье высказывались различные соображения о необходимости перехода к экономическим методам управления, оживлению товарно-денежных отношений. Предложенная Либерманом система внедрена на двух швейных фабриках (в Москве и Горьком), в Западном угольном бассейне на Украине, а также в ряде транспортных предприятий еще до отставки Хрущева. Отставка ускорила реализацию выработанных в ходе дискуссии и эксперимента предложений. Новый экономический курс был обозначен решениями двух пленумов ЦК КПСС 1965 г. мартовским (по сельскому хозяйству) и сентябрьским (по промышленности). Решения положили начало перестройке, вошедшей в историю как экономическая, или косыгинская реформа. Ее образцом, по сути дела, была система, существовавшая при нэпе, но при отсутствии частных предприятий.

Мартовский пленум наметил ряд мер, призванных реформировать сельское хозяйство на основе сочетания общественных и личных ин-

тересов, усиления материальной заинтересованности работников в росте производства. План обязательных закупок зерна был снижен и объявлен неизменным на предстоящие 10 лет. Закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию повышались в 1,5–2 раза. Сверхплановые закупки должны были осуществляться по повышенным ценам (надбавки составляли 50% к основной цене). Снижались цены на технику и запчасти. С колхозов и совхозов были списаны долги государству. Уменьшались ставки подоходного налога на крестьян. Количество отчетных показателей, устанавливаемых для хозяйств сверху, резко ограничивалось. В пределах государственных заданий хозяйствам предоставлялась полная самостоятельность планирования производства. В то же время в решениях пленума особый акцент делался на повышение роли Министерства сельского хозяйства в планировании и руководстве производством и на увеличение капиталовложений. Мероприятия принесли выгоду колхозам и совхозам. За сданную в 1965 г. продукцию они выручили почти на 15% больше, чем в 1964 г. Выгода увеличивалась за счет снижения цен на машины, электроэнергию и списания с колхозов задолженностей по ссудам.

Нововведения в промышленности провозглашены на сентябрьском (1965) пленуме ЦК в докладе А. Н. Косыгина «Об улучшении управления промышленностью, совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленных предприятий». Призывая к отказу от совнархозов и восстановлению отраслевого принципа управления, председатель правительства подчеркивал, что речь идет не о простом восстановлении досовнархозовской системы министерств, а о сочетании централизации руководства с расширением оперативной хозяйственной самостоятельности предприятий.

Добиться этого предполагалось прежде всего путем сокращения числа обязательных плановых показателей до 9 вместо 30 в прежние годы. Главным в работе предприятий и отраслей вместо объема валовой становился объем реализованной продукции. Таким образом, производитель ставился в непосредственную зависимость от спроса на свою продукцию. Натуральные плановые показатели заменялись стоимостными. Для повышения заинтересованности коллективов в лучшем использовании производственных фондов вводилась плата за эти фонды. Зарплата определялась уровнем рентабельности, прибылью, перевыполнением планов. Обобщающий результат хозяйствования измерялся размерами прибыли. Из отчислений от нее предприятия создавали фонды развития производства и материального поощрения. Из этих фондов тратились деньги на премии и «13-ю зарплату» по итогам года; на улучшение условий труда и быта, в частности, на строительство жилья.

В развитие решений пленума в октябре 1965 г. приняты законы об изменении органов управления, созданы 11 общесоюзных и 17 союзно-

республиканских министерств. В республиках создавались не все союзно-республиканские министерства, а лишь те, которые имели в этой республике объекты управления. Всего в стране на начало 1966 г. действовало около 600 министерств, госкомитетов и других ведомств. Примерно такой же структура управления оставалась и в середине 1980-х годов: 594 министерства и ведомства, в том числе 322 союзно-республиканских, 88 республиканских министерств, 172 союзно-республиканских и 12 республиканских госкомитетов. Работа промышленных предприятий строилась на основе Положения о промышленном предприятии, утвержденном в октябре 1965 г. В нем излагались новые права и обязанности предприятий, освобождавшие их от мелочной опеки, регламентирования всех деталей и частностей в работе.

Социально-экономическое развитие в 8-й и 9-й пятилетках. В соответствии с задачами реформы были определены основные направления хозяйственной деятельности 8-й пятилетки (1966–1970). Директивы по новому пятилетнему плану приняты на XXIII съезде партии в конце марта 1966 г. Новых рубежей в «строительстве коммунизма» предполагалось достичь, увеличив за 5 лет выпуск промышленной продукции на 47–50%, сельскохозяйственной — на 25%, реальные доходы населения — в 1,5 раза.

Процесс перехода промышленности на новые условия хозяйствования происходил постепенно. В январе 1966 г. на систему хозрасчета перешли первые 43 завода и фабрики в 20 городах страны. Это были наиболее опытные коллективы. Их работа по-новому показала, что реформа благотворно влияет на деятельность предприятий. В 1967 г. по новой системе работало уже 7 тыс. предприятий с занятостью свыше 10 млн человек. На их долю приходилось около 40% всей промышленной продукции. На новую систему перешли уже целые отрасли индустрии, она стала внедряться на транспорте. К концу пятилетки переход промышленности на систему хозрасчета был в основном завершен. В процессе осуществления реформы развернулось слияние мелких предприятий с крупными. Создавались производственные объединения. Входящие в их состав заводы и фабрики были связаны производственной кооперацией по выпуску готовой продукции или комплексной переработкой сырья. Крупнейшие объединения (АвтоЗИЛ и др.) размещали заводы-филиалы и подразделения в разных экономических районах.

Работа по-новому позволила успешно выполнить восьмой пятилетний план, увеличить выпуск продукции на 50,5% и несколько приостановить падение среднегодовых темпов роста промышленного производства, сохранив их на уровне 8,5%. За пятилетие возведено 1900 новых крупных промышленных предприятий и объектов, в том числе уникальные Западно-Сибирский и Карагандинский металлургические комбинаты, Волжский трубный завод, Братская (1967) и Саратовская (1970)

ГЭС, тепловые электростанции в Криворожье и Конакове, Байкальский целлюлозно-бумажный комбинат, первая очередь Волжского автомобильного завода в Тольятти, Читинский камвольно-суконный комбинат, трикотажные фабрики в Волгограде, Шахтерске и Лениногорске, обувные фабрики в Волгограде и Череповце, Останкинская телебашня в Москве (1967). Закончено было формирование единой энергетической системы европейской части страны, создана объединенная энергосистема Центральной Сибири.

Новая система хозяйствования в 8-й пятилетке внедрялась и в сельском хозяйстве. Совхозы переходили на полный хозрасчет, из своих средств покрывали все производственные затраты, создавали фонды. К концу пятилетки на новых условиях работало более 40% совхозов. Экономическая реформа позволила отказаться от системы оплаты труда колхозников по трудодням. С мая 1966 г. вводилась гарантированная ежемесячная оплата труда деньгами по тарифным ставкам соответствующих категорий рабочих совхозов. Созданный для этого фонд формировался из доходов колхозов (раньше на оплату труда шли средства, остающиеся в колхозах после расчетов с государством). При недостатке средств государство предоставляло колхозу кредит. К концу 1966 г. новая форма оплаты труда введена в большинстве колхозов.

Новые условия хозяйствования в колхозах, расширение самостоятельности и демократии (выборность не только членов правления, председателей колхозов, но и бригадиров, руководителей других подразделений) получили отражение в новом Примерном уставе колхозов, принятом в ноябре 1969 г. на III съезде колхозников СССР. Он заменил Устав 1935 г., закреплял права колхозников на гарантируемую зарплату и пенсионное обеспечение. На съезде избран Союзный совет колхозов, в задачу которого входило обсуждение наиболее важных вопросов колхозной жизни и деятельности; обобщение опыта; выработка рекомендаций по совершенствованию производства. Советы колхозов избирались в республиках, краях, областях, районах.

Для обеспечения намеченных пятилетним планом устойчивых темпов развития сельского хозяйства, в соответствии с решениями майского (1966) пленума ЦК, за счет государственного бюджета проводились работы по мелиорации, повышению плодородия земель. Октябрьский (1968) пленум ЦК принял меры по увеличению поставок колхозам и совхозам машин, минеральных удобрений. К концу пятилетки на полях страны работало около 2 млн тракторов, 623 тыс. зерноуборочных комбайнов; почти все колхозы и совхозы пользовались электроэнергией от государственных энергетических сетей. В основе этих сдвигов было понимание необходимости в российских природно-климатических условиях крупного производства, обладающего возможностями концентрации в критические моменты цикла сельхозработ максимума рабочей

силы и техники. Это приводило к успеху даже при отсутствии настоящей заинтересованности в труде.

В годы 8-й пятилетки получил дальнейшее развитие процесс преобразования колхозов в совхозы. В 1970 г. в стране насчитывалось 15 тыс. совхозов, а число колхозов за 5 лет сократилось с 36,9 до 33,6 тыс. На долю совхозов приходилось 40% всей товарной продукции сельского хозяйства. Широко практиковалось создание межколхозных, колхозно-совхозных производственных объединений, аграрно-промышленных комплексов с предприятиями по переработке сельскохозяйственной продукции, производству стройматериалов, откормочных пунктов. Улучшался состав кадров руководителей колхозно-совхозного производства. К концу пятилетки 95,5% директоров совхозов и более 80% председателей колхозов имели высшее или среднее специальное образование; численность специалистов сельского хозяйства выросла на 400 тыс. человек. Как и в предыдущие пятилетки, большое значение придавалось поддержке соревнования за высокую производительность труда.

Результатом труда колхозников и работников совхозов было увеличение производства продукции сельского хозяйства с 1966 по 1970 г. на 21% вместо 12% в предыдущем пятилетии. Однако и в эту, относительно благополучную, пятилетку плановые задания оказались невыполненными. (Намечалось увеличение производства на 25%.) Объемы сельскохозяйственной продукции удавалось увеличивать лишь на 3,8% в год. Реформа не давала ожидаемого эффекта.

Замедление социально-экономического развития страны, давшее о себе знать уже в конце 8-й пятилетки, во многом объясняется свертыванием управленческих нововведений. Директивная экономика сумела довольно быстро нейтрализовать реформы, предполагавшие расширение демократии и самостоятельности трудовых коллективов. Консерваторы в руководстве страны с самого начала усматривали в реформах угрозу политической стабильности. События Пражской весны 1968 г. стали, с подобной точки зрения, реальным подтверждением угрозы. Используя чехословацкие события как повод, охранители догматической идеологии начали, как позднее выразился Н. И. Рыжков, «откровенно и резко скручивать» реформу уже в конце 1960-х годов. В 1970-е она не получила дальнейшего развития. Этому способствовали и недостатки, присущие самой реформе.

Она предоставляла предприятиям широкое поле для маневров, но не создавала рачительного хозяина, поскольку господство государственной собственности сохраняло отчуждение работника от средств производства. Ущербность реформы во многом определялась абсолютизированием прибыли как обобщающего экономического показателя. Ее можно было получать как за счет оптимизации производства, так и путем искусственного повышения цен, выпуска менее качественной продук-

ции. Такие стремления подчас объединяли и предприятия, и министерства. В итоге в хозяйственный механизм само собой внедрялся механизм инфляции. Стимулирование выпуска сверхплановой продукции вызывало стремление предприятий к занижению планов. Их перевыполнение сулило большие выгоды, чем работа по напряженным планам.

Непредсказуемость последствий косыгинских реформ ярко высветили эксперименты, произведенные в 8-й пятилетке. Так, на Щекинском химическом комбинате в Тульской области в 1967 г. было разрешено сокращать излишний персонал, а часть зарплаты уволенных передавать оставшимся. К началу 1969 г. численность работников на комбинате уменьшилась на 800 человек, выпуск продукции увеличен на 73,3%, производительность труда на 87%. За счет прибыли комбината в городе строились жилье, предприятия культурно-бытового назначения. К сожалению, «не каждого высвобожденного работника», — признавал директор комбината П. М. Шаров, — можно было перевести на другое, новое предприятие». Широкомасштабное внедрение опыта было чревато возникновением массовой безработицы.

Не вписывались в «социалистические» представления и эксперименты в казахстанских совхозах «Илийский (1963–1964) и «Акчи» (1969–1970). Экономисту-практику И. Н. Худенко в марте 1963 г. было разрешено организовать всю работу в совхозе «Илийский» по выращиванию зерна небольшими звеньями, получавшими полную хозяйственную самостоятельность, и оплачивать их работу по конечному результату (количество и качество зерна) без ограничения заработной платы. За первый же сезон работы по этой системе численность занятых в совхозе была сокращена с 863 до 85 человек, производительность труда увеличилась почти в 20 раз, производство зерна на одного работника выросло со 156 центнеров в 1962 г. до 3173 центнеров в 1963-м, прибыль на одного работающего увеличена в 7 раз, себестоимость центнера зерна снижена с 5–7 рублей до 63 копеек, резко поднялись заработки. В 1964 г. успехи оказались еще более значительными. Повсеместное введение такой системы позволяло существенно расширить производство сельскохозяйственной продукции в стране. Однако, в таком случае пришлось бы трудоустраивать заново 33 млн. из 40 млн. занятых тогда в производстве крестьян. Столкнувшись с такой перспективой, Л. И. Брежнев, просмотрев в конце 1964 г. снятый казахскими документалистами фильм о новаторе «Человек на земле», заключил: «Это дело преждевременное».

В 1969 г. И. Н. Худенко добился проведения нового эксперимента. Буквально на голом месте он создал небольшой совхоз «Акчи», официально именованный «опытным хозяйством по производству витаминной травяной муки». Добавка такой муки, содержащей много белка и витаминов, в рацион коров поднимает удои на 30–40%. Хозяйство вновь было выстроено из звеньев, работавших на полном хозрасчете. Производительность труда в нем оказалась в шесть раз выше средней по республике, зарплата выше в 2–3 раза. Необычно высоким было и качество продукции. «Для высшего сорта содержание каротина в травяной муке устанавливалось в 180 единиц, а у нас было 280, — вспоминал один из партнеров Худенко. — Мы высчитали, что его содержание зависит от времени суток. И косили ночью, когда каротина максимум».

В 1970 году эксперимент был закрыт, опять же по причине неоднозначных социальных последствий при его расширении. Одному из высокопоставленных чинов казахского Минсельхоза показались несправедливыми высокие заработки акчинов: «У вас тракторист получает 360 рэ, это больше, чем у заводе в нашем министерстве! Где же здесь справедливость?». Председатель Президиума Верховного Совета Казахской ССР С. Б. Ниязбеков отметил главное: «Худенко экспериментировал у нас в двух хозяйствах, когда я был секретарем Целиноградского обкома. Устроил такую безработицу! Еле от него избавились!». Избавление было необычным. Совхоз закрыли в разгар сезона, не заплатив рабочим денег и не вернув сделанных ими капиталовложений. Худенко, пытаясь вернуть хотя бы заработанные в совхозе деньги, составил иск в суд, скрепив документ печатью не существовавшего уже «Акчи». Это стало поводом обвинить Худенко и его партнеров в попытке хищения госсобственности. Худенко был осужден на 6 лет содержания в лагере и умер в 1974 г. по отбытии двух лет заключения, реабилитирован в 1989 г.

Как видим, власти уже вскоре после начала реформы убеждались, что она имеет не только светлые стороны. Создавая благоприятную среду для роста теневой экономики, она высвечивала также перспективу безработицы, обострения социальной напряженности в стране из-за трудностей с обустройством новых рабочих мест. Главный же «недостаток» заключался в том, что реформа не довольствовалась полумерами, требовала коренных изменений в организации промышленного и сельскохозяйственного производства, подводя к необходимости полного отказа от командно-распределительной системы. К этому брежневское руководство оказалось не готовым.

Социально-экономическое развитие в годы 9-й и последующих пятилеток проходило под знаком усиления централизованного управления, свертывания реформ и падения темпов роста основных социально-экономических показателей. Директивами 9-го пятилетнего плана (одобрены на XXIV съезде КПСС в апреле 1971 г.) намечалось увеличение производства промышленной продукции на 42–46%, сельскохозяйственной — на 20–22%, национального дохода страны — на 37–40%, однако ускорения темпов роста уже не предполагалось. Снижение темпов объяснялось возрастающими масштабами производства. Если в 8-й пятилетке 1% прироста национального дохода равнялся 1,9 млрд, то в 9-й он должен был составлять 2,7 млрд рублей.

Объем промышленной продукции за 1971–1975 гг. удалось увеличить на 43%, сельскохозяйственной — на 13,2%. План по увеличению валового объема промышленной продукции выполнен на 91%, сельскохозяйственной — на 68%. Производство промышленной продукции ежегодно увеличивалось на 7,4%, сельскохозяйственной — на 2,3%.

В строй действующих за годы пятилетки вступили Красноярская (1972) и Зейская ГЭС, Заинская и Рязанская ГРЭС, Ленинградская и Билибинская АЭС. Упор в промышленном развитии был сделан на создание гигантских территориально-производственных комплексов.

Главное внимание уделялось Западно-Сибирскому ТПК. В Тюменской области еще в 1960-е годы были обнаружены огромные залежи нефти и газа. В 1969 г. ЦК партии и правительство приняли решение об ускоренном развитии здесь нефте- и газодобычи. На освоение новых районов Западной Сибири (Самотлор, Сургут, Уренгой, Ямбург и др.) были брошены человеческие ресурсы из всех республик страны, с затратами на освоение не считались. В результате добыча нефти в Западной Сибири выросла с 31,4 млн т в 1970 г. до 218,3 млн т в 1977 г. (почти в 7 раз). В 1973 г. были построены нефтепроводы Усть-Балык — Альметьевск и Самотлор — Альметьевск.

Ускорение получила угледобыча. Развернуты были два комплекса по добыче угля открытым способом: в Казахстане — Павлодарско-Экибастузский топливно-энергетический, в Красноярском крае — Канско-Ачинский. Здесь добывался самый дешевый уголь страны.

В целях активизации развития экономики Сибири и Дальнего Востока в 1974 г. было возобновлено строительство Байкало-Амурской магистрали: первая попытка ее создания предпринималась накануне Великой Отечественной войны. Ее строительство длиной более 3 тыс. км в основном завершено в 1984 г.

Руководство страны максимально использовало естественное преимущество СССР перед другими странами — колоссальные природные богатства. Однако экстенсивное развитие экономики сдерживало развитие наукоемких отраслей, которые определяли научно-технический прогресс — электроники, кибернетики, робототехники, биотехнологии. Расширение продажи нефти и газа в страны Запада давало валюту, на которую закупалось недостающее зерно, высокотехнологичное оборудование.

В области сельского хозяйства в 1970-е годы упор делался на агропромышленную интеграцию, объединение сельского хозяйства с отраслями, которые его обслуживают (промышленность, транспорт, торговля, строительство). Такая интеграция рассматривалась как главное направление сращивания двух форм собственности — государственной и кооперативно-колхозной. Развернуты были большие работы по мелиорации сельскохозяйственных земель. Строились грандиозные каналы (Большой Ставропольский, Северо-Крымский, Каракумский) и системы для обводнения и орошения. В 1974 г. ЦК партии и союзное правительство приняли совместное постановление «О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР».

Программа подъема Нечерноземья была рассчитана на 15 лет и предполагала резкое увеличение капиталовложений в социально-экономическое развитие 29 областей и республик России. Средства выделялись, но существенного улучшения ситуации в деревне не наступало. Деньги шли на «широкую мелиорацию земель», «комплексную механизацию и химизацию»; социальная сфера недопустимо недооценивалась. Более

того, она усугублялась массовой ликвидацией «неперспективных» деревень, якобы препятствующих развитию агропромышленной интеграции и концентрации сельскохозяйственного производства. Численность сельских поселений, по данным переписей населения 1959 и 1979 гг., сократилась с 294 тыс. до 177. Это означает, что количество деревень уменьшалось на 16 каждый день. Для исконного центра Московской Руси это было настоящим бедствием.

Бичом народного хозяйства оставались отвлечение на «шефскую помощь» селу во время уборочной страды до 20% всего активного населения страны, огромные, до 30–40%, потери урожая, неразвитость сферы переработки сельскохозяйственной продукции. Сельское хозяйство все меньше справлялось с задачами продовольственного снабжения страны. С 1970-х годов в разряд дефицита все чаще попадали мясо, колбасы, а в ряде районов сыры и молочные продукты.

Вместе с тем следует отметить, что, несмотря на все противоречия экономического развития на этапе раннего «развитого социализма», экономический потенциал, созданный за 8-ю и 9-ю пятилетки (1966–1975), оказался равен потенциалу, на создание которого в стране ушли предыдущие полвека. Если в 1922 г. доля СССР в мировом промышленном производстве составляла 1%, то в 1975 она выросла до 12,6%.

Победе директивной экономики над ростками реформ способствовала «холодная война». Соревнование с США и странами НАТО, а также с Китаем в области наращивания военного потенциала вело к милитаризации народного хозяйства СССР. Военные расходы поглощали десятую часть валового национального продукта. По заказам ВПК работала значительная часть машиностроительных заводов страны. «Оборонка» снижала возможности интенсификации «гражданского» производства, примиряла с нерациональным расходом сырья, электроэнергии, экстенсивным капитальным строительством, растущей диспропорцией в развитии отраслей народного хозяйства. Значительных средств требовала Советская армия, увеличившаяся за 1965–1977 гг. с 3,68 до 4,19 млн военнослужащих (для сравнения: состав армии США уменьшен за эти годы с 3,5 до 2,06 млн).

Замедление темпов роста экономики отражалось на социальных программах и уровне благосостояния советских людей. При росте в 1960–1970-е годы национального дохода в 3,2 раза реальные доходы населения выросли лишь в 2,3 раза. С середины 1960-х годов замедлились темпы жилищного строительства. С 1956 г. не изменялось законодательство о пенсиях, а число пенсионеров в СССР выросло с 32 млн (1966) до 46 (1977). Усиливавшаяся уравниловка в оплате квалифицированного и неквалифицированного труда вела к падению престижа интеллектуальных профессий (инженер, учитель, врач и др.). Постоянно увеличивавшийся с начала 1970-х годов разрыв между объемом и товар-

ным покрытием денежной массы привел к товарному голоду, который поначалу распространялся на особо престижные товары и предметы длительного пользования, а с годами затронул практически всю сферу товаров и услуг.

«Монолитность» советского народа как новой исторической общности людей, в отличие от пропагандистских клише, отнюдь не была таковой из-за экономического неравенства республик и различий их вклада в развитие страны. По официальной статистике, Российская Федерация в 1975 г. могла оставить себе 42,3% собранного на ее территории налога с оборота, Украина — 43,3, Латвия — 45,6, Молдавия — 50, Эстония — 59,7, Белоруссия — 68,2, Азербайджан — 69,1, Грузия — 88,5, Армения — 89,9, Таджикистан — 99,1, Киргизия — 99,2, Литва — 99,7, Узбекистан — 99,8, Казахстан и Туркмения — 100%. Темпы капитальных вложений в экономику союзных республик в 24 раза превышали аналогичные показатели для России. Вместе с тем за ее пределами были сильны настроения, что именно Россия и русские виноваты в экономических проблемах республик. Тревожным проявлением таких настроений стали взрывы в Москве в январе 1977 г., организованные армянскими националистами.

§ 2. Конституция СССР 1977 г. и положение в стране в годы позднего «развитого социализма»

Третья Конституция СССР. Новый Основной Закон, часто называвшийся «Конституцией развитого социализма», принят 7 октября. По жестокой иронии Истории, завершение разработки и введение его в действие пришлось на время, когда социализм утратил способности к динамичному развитию. Работа над проектом закона заняла долгие годы. Первый проект, который призван был заменить Конституцию 1936 г., готовился и обсуждался вскоре после Великой Отечественной войны, новые комиссии создавались на XIX и XX съездах партии. Однако до принятия новой Конституции дело тогда не дошло. На XXII съезде КПСС в 1961 г. руководство партии в очередной раз решило разработать новую Конституцию, которая, как подчеркивал Н. С. Хрущев, «должна быть приведена в соответствие с третьей Программой партии и законодательно закрепить новые формы общественного и государственного устройства нашей страны, соответствующие периоду развернутого строительства коммунистического общества».

В апреле 1962 г. Верховный Совет СССР утвердил состав Конституционной комиссии во главе с Хрущевым. В своей работе она исходила из того, что новая Конституция должна обозначить основные черты «периода развернутого коммунистического строительства», показать

преимущества нового общественного строя. Одним из ключевых положений нового Основного Закона должен был стать вывод о «перерастании государства диктатуры пролетариата в общенародное государство» и преобразование в этой связи Советов депутатов трудящихся в Советы народных депутатов.

Главным направлением развития политической системы было названо «развертывание общенародной демократии, выражающееся в невиданном росте активности и самостоятельности масс в управлении государством и народным хозяйством, в передаче некоторых функций государственных органов общественным организациям, в усилении общественных начал в деятельности государственных органов». Одновременно предлагалось конституционно закрепить положение о руководящей и направляющей роли КПСС в советском обществе. Выдвигались даже предложения записать в Основном Законе, что высшая власть в стране принадлежит коммунистической партии, а фактическое руководство политической и хозяйственной деятельностью в республиках — Центральным Комитетам компартий и первым их секретарям.

С отставкой Хрущева и ревизией курса на непосредственное строительство коммунизма направление дальнейшей работы над проектом Конституции, естественно, изменилось. Работа над проектом Конституции возобновилась в соответствии с указаниями XXV съезда партии (февраль—март 1976 г.). К этому времени либеральные и технократические тенденции в руководстве страной были прерваны, окончательно возобладали доктрина партийности, формировался жесткий внешнеполитический курс, опиравшийся на развитие военно-промышленного комплекса, были ярко выражены персонализация власти и укрепление позиций партийно-государственной бюрократии. Одновременно пропагандировались тезисы об упрочении ведущей роли рабочего класса, о возрастании социальной однородности общества, расширении прав и свобод граждан (следствие подписания Хельсинкского заключительного акта 1975 г.), растущем демократизме, об участии почти каждого взрослого человека в управлении делами своего государства. Все эти противоречия находили отражение в новом проекте Конституции, авторы которого были вынуждены подчас соединять несоединимое.

Завершенный проект Конституции в мае 1977 г. был одобрен пленумом ЦК и вынесен на обсуждение общественности. 7 октября на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета девятого созыва Конституция была принята. В ней подчеркивалась преемственность идей и принципов с предшествующими ей Конституциями 1918, 1924 и 1936 гг.

Конституция состояла из преамбулы и девяти разделов: Основы общественного строя и политики; Государство и личность; Национально-государственное устройство; Советы народных депутатов и порядок их избрания; Высшие органы власти и управления; Основы построения

органов государственной власти и управления союзных республик; Правосудие, арбитраж и прокурорский надзор; Герб, флаг, гимн и столица; Действие Конституции и порядок ее применения.

Главной новацией была преамбула, в которой констатировалось построение «развитого социализма» и создание «общенародного государства». Таким образом, «отмирание государства» отодвигалось на неопределенный срок, а приоритетной становилась задача всестороннего укрепления законности и правопорядка. В качестве высшей цели государства называлось построение «бесклассового коммунистического общества». Основой экономической системы Союза ССР признавалась социалистическая собственность на средства производства, основой политической системы — Советы, социальной основой — союз рабочих, крестьян и интеллигенции. В тексте Конституции появились новые разделы: о политической системе общества, социальном развитии и культуре, статусе народного депутата.

Новая глава (не имевшая аналогов в предыдущих Конституциях) трактовала вопросы внешней политики. Подчеркивалась ее направленность на обеспечение благоприятных международных условий «для построения коммунизма в СССР»; на «укрепление позиций мирового социализма; поддержку борьбы народов за национальное освобождение и социальный прогресс». Закреплялся принцип социалистического интернационализма в отношениях СССР с социалистическими странами и государствами, освободившимися от колониальной зависимости. На практике эти положения порой вступали в противоречие с обязательствами соблюдения принципа суверенного равенства и прав народов распоряжаться своей судьбой, оправдывали внешнеполитическую экспансию социалистического государства.

Впервые в Основном Законе отражен действительный механизм власти в СССР. КПСС называлась «руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций» (6-я статья). Это узаконение реальной роли партии привело к монопольному контролю партийных организаций за деятельностью предприятий и учреждений. Оно резко повышало значение партийного аппарата по всей властной вертикали, превращало членство в партии в практически обязательное условие для любой служебной карьеры.

На развитие «подлинной демократии» были ориентированы новые формы «непосредственной демократии»: всенародное обсуждение и референдум; новые гражданские права на обжалование действий должностных лиц; судебную защиту от посягательства на честь и достоинство; критику действий государственных и общественных организаций. В Конституции закреплялись права на охрану здоровья, жилище; пользование достижениями культуры; на свободу творчества. Однако

реализация этих прав, так же как и свободы слова, печати, собраний, упиралась во множество действовавших законов и нормативных актов, как и прежде, оставаясь зачастую неосуществимой.

Согласно Конституции, все Советы депутатов: Верховный Совет СССР, Верховные Советы союзных и автономных республик, краевые, областные и другие — составляли единую систему органов государственной власти. Высшим из них являлся двухпалатный Верховный Совет СССР, состоящий из Совета Союза и Совета Национальностей. Он правомочен был решать важнейшие государственные вопросы: принятие, изменение общесоюзной Конституции, включение в состав Союза новых республик, утверждение государственных бюджетов, планов социального и экономического развития. В перерывах между сессиями ВС СССР его функции выполнял Президиум. Повседневная управленческая деятельность осуществлялась при помощи системы государственного управления, которую возглавлял Совет министров СССР. Конституция также закрепила усилившуюся экономическую и политическую роль союзного центра за счет соответствующих прав республик.

Новый Основной Закон сохранял положения Конституции 1936 г. о национально-государственном устройстве. Многочисленные предложения, направленные на устранение иерархии национальных образований (и народов) внутри Союза ССР путем возвращения к традиционному, дореволюционному территориальному принципу административного деления страны, выравнивания статуса республик, перевода отдельных республик из автономных в союзные, в расчет не были приняты. В то же время само определение Союза ССР как «единого союзного многонационального государства» (ст. 69) свидетельствовало о стремлении усилить федеральные централистские начала. В противоречии с этим находилось закрепленное Конституцией за каждой союзной республикой «право свободного выхода из СССР» (ст. 71), подчеркивание ее суверенности (ст. 75, 80).

Конституция различала среди советских народов «нации и народности», но не давала никаких критериев для такого различения. Это было причиной глухого недовольства среди народов, относимых ко «второму сорту». Конституционные положения, относящиеся к сфере и регулированию национальных отношений, оставались во многом противоречивыми и мало способствовали реальному упрочению государственного единства «новой исторической общности» и сплочению народов стран «в целях совместного строительства коммунизма» (ст. 69).

Таким образом, Конституция СССР 1977 г. окончательно оформила консервативный курс брежневской внутренней и внешней политики, узаконила жесткий идеологический контроль партии над обществом, законсервировала взрывоопасные противоречия в национальном вопросе.

Изменения в государственно-политическом руководстве в последние

годы нахождения у власти Брежнева. Следствием отказа от экономических методов управления стала централизация, бюрократизация и разбухание управленческого аппарата. К 1985 г. общая численность управленцев в стране приблизилась к 18 млн человек: на каждых 6–7 работающих приходился один руководитель. Наиболее значительный бюрократический слой (11,5 млн) составлял низовой аппарат предприятий и организаций. На содержание бюрократических структур ежегодно расходовалось до 10% госбюджета. Подчеркивание неуклонного возрастания роли КПСС сопровождалось ее численным ростом. К середине 1980-х годов в ней насчитывалось 19 млн человек. Соответственно расширился и партийный аппарат.

В 1982 г. партийная структура включала 14 ЦК компартий союзных республик, 6 крайкомов, 150 обкомов, 2 горкома, приравненных к обкомам (Московский, Киевский), 10 окружкомов, 872 горкома, 631 городской райком, 2885 сельских райкомов, 419,7 тыс. первичных партийных организаций. Таким образом, одних только первых лиц в партийной иерархии в начале 1980-х годов набиралось (если не считать первичные парторганизации, 80% которых состояли из 3–45 членов партии) 4570 человек. Однако продвижение вверх уже не было, как раньше, связано с обязательным восхождением по партийной лестнице. Высшая элита страны с 1970-х годов начинает все больше воспроизводить себя не за счет выдвинутых снизу, а путем отбора и подготовки кадров в элитных школах. Таковыми были Академия общественных наук при ЦК КПСС, Высшая партийная школа, Высшая школа профдвижения, Высшая комсомольская школа, Дипломатическая академия, Институт международных отношений.

Вместе с тем в настоящие бастионы бюрократии превращались министерства и ведомства. К 1985 г. союзный аппарат органов управления министерств и ведомств насчитывал 107 тыс. человек, республиканский 140 тыс., число работников министерств АССР, краевых, областных управлений и отделов составляло 280 тыс. человек. С 1965 г. министерства были абсолютными монополистами в своей отрасли. Они распоряжались всеми ресурсами, непосредственно руководили предприятиями и организациями по всей стране. Переход к строительству предприятий-гигантов практически во всех отраслях привел к расширению влияния их руководителей. С директорами крупнейших предприятий и производственных объединений считались подчас куда больше, чем с местными партийными и советскими руководителями.

Главной опорой верховной власти в годы брежневского генсекства стал ЦК КПСС и особенно его аппарат. Если во второй половине 1960-х годов основные решения принимались на пленумах, то в последующем центр властных полномочий все больше смещался в отделы ЦК.

Общая численность ответственных сотрудников аппарата ЦК достигала 1500 человек. Пленумы ЦК и съезды партии, хотя и собирались регулярно, стали все больше носить формальный характер, лишь «одобряя» подготовленные аппаратом решения. Механизм пополнения аппарата ЦК и самого Центрального Комитета к концу 1970-х годов отлажен до «совершенства». В определенных пропорциях соблюдалось представительство в аппарате республиканских партийных организаций, краев и областей, ВПК, науки и искусства, правоохранительных органов. В ЦК и его аппарате отражались интересы всех властных структур. Такая ситуация стала благоприятной для лоббирования интересов регионов и отраслей. Большой «пробивной» способностью отличались лоббисты военно-промышленного и аграрно-промышленного комплексов, росло значение «мусульманских» местных и центральной элит со свойственной им повышенной корпоративной сплоченностью.

Высший уровень власти в стране представляли около тысячи человек в Москве и около 3 тыс. по всему Советскому Союзу. В это число входили руководители аппарата ЦК КПСС, Совмина СССР, крупнейших министерств (обороны, внутренних дел, МИДа), секретари обкомов, крайкомов, ЦК компартий союзных республик. В него включались министры, заместители министров, члены коллегии министерств и союзных ведомств, высшие представители советского аппарата, армии, КГБ, юстиции, промышленности, науки, пропаганды и культуры, являвшиеся членами и кандидатами в члены ЦК и ЦКК КПСС. На местах к этому перечню добавляются заведующие отделами обкомов, крайкомов, ЦК компартий союзных республик, директора крупнейших промышленных предприятий, командующие военными округами и крупными воинскими частями, начальники управлений КГБ.

Высшее руководство страны к концу 1970-х годов выродилось в настоящую геронтократию. Средний возраст входящих в Политбюро (21–22 члена и кандидата в члены), секретарей ЦК (10–11) за 1971–1981 гг. возрос с 60 до 68 лет. «Коллективное руководство» проявляло исключительное внимание к здоровью друг друга. 24 марта 1983 г. было принято специальное решение об ограничении времени работы членов и кандидатов в члены Политбюро старше 65 лет. Увеличивалась продолжительность отпуска, один день в неделю они могли работать в домашних условиях. Брежнев около 6 последних лет имел 3 выходных дня в неделю; врачи требовали для него еще один выходной. По этой причине заседания Политбюро, принимавшие важнейшие политические решения, зачастую длились не более 15–20 мин.

Установленные при позднем Брежневе порядки сохранились до 1985 г. «Можно по-всякому смотреть на возрастной состав Политбюро, говорил Ю. В. Андропов (1983). — Здесь концентрация политического опыта нашей партии, и поэтому спешная, непродуманная замена людей

далеко не всегда может быть на пользу дела». С заменой действительно не спешили. В 1978 г. вместо скончавшегося Ф. Д. Кулакова секретарем ЦК по сельскому хозяйству избрали М. С. Горбачева, первого секретаря Ставропольского крайкома КПСС. Новым кандидатом в члены Политбюро в марте 1976 г. стал Г. А. Алиев, первый секретарь ЦК КП Азербайджана, затем (с ноября 1978 г.) Э. А. Шеварднадзе, первый секретарь ЦК КП Грузии. Погибшего в октябре 1980 г. в автомобильной катастрофе П. М. Машерова на посту кандидата в члены Политбюро заменил новый первый секретарь ЦК КП Белоруссии Т. Я. Киселев, скончавшийся в 1983 г. К руководству КГБ был выдвинут В. В. Федорчук (май 1982 г.).

Подчеркивая свою значимость, представители старой гвардии в Политбюро охотно награждали себя всевозможными премиями, орденами и медалями. Л. И. Брежнев с 1981 г. стал рекордсменом по обладанию «золотыми звездами» Героя. Три брошюры воспоминаний генсека («Целина», «Малая земля», «Возрождение»), подготовленные с помощью профессиональных журналистов, отмечены Ленинской премией по литературе (1979). После перенесенного инсульта речь Брежнева оставалась до конца не восстановленной, однако он регулярно появлялся на телеэкранах буквально до последних дней жизни.

Вопрос о своем преемнике Брежнев склонялся решить в пользу К. У. Черненко. В качестве резервной фигуры рассматривался первый секретарь ЦК КП Украины В. В. Щербицкий. По свидетельству В. В. Гришина, незадолго до смерти Брежнев «хотел на ближайшем пленуме ЦК рекомендовать Щербицкого Генеральным секретарем ЦК КПСС, а самому перейти на должность Председателя ЦК партии». В этом случае история пошла бы иным путем.

«Застой» развитого социализма стал временем расцвета номенклатурных привилегий, которые по-прежнему включали госдачи, спецпайки, спецлечение, спецтранспорт и т. п. Однако все эти атрибуты «власти-собственности» нельзя было перевести в личную собственность и передать детям. Стремление к обеспечению безбедного существования родных и наследников в условиях безопасности от преследований для номенклатуры, установленной при Брежневе, привело к тому, что в значительной части она не считала обязанной жить по «моральному кодексу строителей коммунизма».

Ординарным явлением становится злоупотребление служебным положением, стремление пристроить родственников к «хлебной» должности, в элитарный вуз и пр. Было, например, образовано надуманное Министерство машиностроения для животноводства и кормопроизводства, которое возглавил свояк Брежнева. Сын Брежнева без должных на то оснований стал первым заместителем министра внешней торговли (в 1983 г. освобожден от должности). Зять Брежнева стал заместителем

лем министра МВД. Сын Андропова с 1979 г. успешно делал карьеру в МИД, в 1984 г. стал послом в Греции.

Наиболее коррумпированными в годы позднего «развитого социализма» были среднеазиатские республики, где дача взяток чиновникам составляла целую систему. Началось сращивание партийного и государственного аппарата с теневой экономикой. Масштабы последней приобретали все более угрожающий характер. По позднейшим оценкам, в середине 1970-х годов дельцы теневой экономики отчуждали себе примерно седьмую часть доходов трудящихся, к началу 1980-х годов — 18%, к 1985 г. — 21%, а в 1989 г. — 25%. В стране множились бригады «шабашников», строивших дачи и целые поселки. Легальными школами капитализма были молодежно-жилищные кооперативы (МЖК), создававшиеся с 1971 г. для обеспечения молодых семей квартирами на основе хозрасчета. К середине 1980-х годов только в Москве действовали 52 МЖК. Комсомольцы, «выбивая» фонды, стройматериалы, кредиты, становились предпринимателями. Впоследствии на базе МЖК вырастали строительные фирмы, банки.

Все это происходило на фоне навязчивой псевдокоммунистической пропаганды, непрерывных праздников и награждений по случаю разных годовщин, юбилеев и успехов в «совершенствовании» развитого социализма. В то же время созданный десятилетиями производственный механизм страны продолжал действовать, улучшая условия жизни сотням миллионам людей.

Поиски путей упрочения социализма при Андропове и Черненко.

12 ноября 1982 г., через два дня после смерти Л. И. Брежнева, пленум ЦК партии избрал Генеральным секретарем ЦК Ю. В. Андропова. Ему было 68 лет. С июня 1967 г. он был председателем КГБ, а после смерти М. А. Суслова в феврале 1982 г. — главным идеологом партии. Нетерпимость к инакомыслию, приверженность авторитарному стилю, репутация просвещенного партократа, личная скромность — все эти качества перевесили шансы других претендентов на высший пост. Как нельзя лучше они отвечали и ожиданиям «простого народа»: навести порядок в стране, укоротить привилегии, пресечь мздоимство, повести борьбу с «теневиками». Первые шаги Андропова-генсека не обманули ожиданий. «Хотя нельзя все сводить к дисциплине, — заявил он в декабре 1982 г., — но начинать надо именно с нее». Одновременно было дано указание готовить серьезные меры в сфере экономики. Ученые-обществоведы, привлеченные к подготовке под руководством генсека стратегической статьи, были озадачены идеей о том, как «провести в стране нэп без нэпманов». В 1983 г. начался широкомасштабный экономический эксперимент в трех республиканских и двух союзных министерствах (Минтяжмаше и Минэлектропроме).

С начала 1983 г. сотрудники КГБ занялись выявлением нарушителей трудовой дисциплины. Рейдами по магазинам, кинотеатрам, баням и т. п. выявлялись и наказывались те, кому в это время полагалось находиться на работе. Одновременно был дан ход громким делам о коррупции, объявлена борьба с нетрудовыми доходами, спекуляцией. Большой масштаб приобрела борьба со злоупотреблениями в торговле. Отдан был под суд и расстрелян начальник Главного управления торговли Мосгорисполкома; следом за ним заключены под стражу 25 ответственных работников московского Главторга, директора крупнейших московских гастрономов, автомобильного магазина. Потеснены были позиции «хлопковой мафии» в Узбекистане; добрались до первого секретаря Краснодарского обкома КПСС С. Ф. Медунова, министра МВД Н. А. Щелокова и его заместителя Ю. М. Чурбанова, крупно замешанных в коррупции. За короткое время правления Андропова в Москве сменено более 30% партийных руководителей, на Украине — 34, в Казахстане — 32%.

Страна с напряженным вниманием следила за информационным нововведением, предвосхитившим будущую «гласность». Каждую неделю газеты публиковали сообщение «В Политбюро ЦК КПСС». Опираясь прежде всего на Д. Ф. Устинова и А. А. Громько, Андропов «омолодил» Политбюро и Секретариат ЦК. В Политбюро введены Г. А. Алиев, ставший первым заместителем председателя правительства СССР Н. А. Тихонова; В. И. Воротников (председатель Совмина РСФСР с июня 1983 г.); М. С. Соломенцев (председатель Совмина РСФСР до июня 1983 г., позже председатель Комитета партийного контроля при ЦК КПСС с июля 1983 г.). Новым кандидатом в члены Политбюро стал В. М. Чебриков (председатель КГБ с декабря 1982 г.). Новыми секретарями ЦК избраны Н. И. Рыжков (заведующий экономическим отделом ЦК); член Политбюро Г. В. Романов (первый секретарь Ленинградского обкома партии, отвечающий в Политбюро за координацию работы предприятий ВПК); Е. К. Лигачев (заведующий отделом оргпартрabоты ЦК).

Большое оживление в общественном мнении вызвала статья Андропова «Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР» (Коммунист. 1983. № 3). Генсек предостерегал «от возможных преувеличений в понимании степени приближения страны к высшей фазе коммунизма». Признание противоречий и трудностей «развитого социализма» и фраза Андропова «мы не знаем общества, в котором живем», воспринимались как необходимая предпосылка для дальнейшего самопознания и возможного реформирования советского общества. Однако «возрождение коммунистического фундаментализма» оказалось недолгим. 9 февраля 1984 г. Ю. В. Андропов, страдавший неизлечимой болезнью почек, скончался.

Некоторое наведение порядка, дисциплины и другие мероприятия, связанные с его именем, дали заметный экономический эффект. По официальным данным, темпы роста экономики в 1983 г. составили 4,2% (против 3,1 — в 1982 г.); национальный доход вырос на 3,1; промышленное производство — на 4; производство сельскохозяйственной продукции — на 6%.

Андропова на посту генерального секретаря ЦК и председателя Президиума Верховного Совета СССР сменил давний соратник Брежнева К. У. Черненко. Ему в тот момент было 73 года, и у него была тяжелая форма астмы. С 1948 по 1956 г. он работал в Молдавии, там попал в «команду» Брежнева и следовал за ним в ЦК, Верховный Совет; в 1965 был назначен заведующим Общим отделом ЦК, в 1978 стал членом Политбюро. Черненко считался преемником своего друга Брежнева, и после смерти Андропова старшее поколение в Политбюро захотело именно его видеть на посту генерального секретаря.

Приход Черненко к власти сразу же обернулся отказом от андроповских новаций. Выразилось это, в частности, в том, что на прежние должности были возвращены около 50 ответственных работников ЦК, снятых при Андропове. Новых назначений в Политбюро и Секретариат ЦК не произошло, но на второе место в руководстве вместо Н. А. Тихонова был выдвинут М. С. Горбачев. Борьба за дисциплину была свернута, нити дел о коррупции оборваны на уровне среднего управленческого звена. Представители партийной и государственной элиты вновь оказались вне всяких подозрений. На время самыми важными стали разговоры о новой Программе КПСС и дискуссия о «стадии развития общества», которую предлагалось теперь именовать не развитым, а *развивающимся* социализмом. Черненко полагал, что таким образом начиналась работа, придающая «мощное ускорение развитию народного хозяйства».

Знаковым для периода нахождения у власти Черненко стало восстановление в партии Молотова (июнь 1984 г.). Просталинское настроение старой генерации Политбюро при этом было отчетливо выражено Устиновым, предлагавшим восстановить в партии и Маленкова с Кагановичем. По его словам, «ни один враг не принес столько бед, сколько принес нам Хрущев своей политикой в отношении прошлого нашей партии и государства, а также и в отношении Сталина». Однако В. М. Чебриков напомнил о резолюциях на списках репрессированных и о потоке писем с возмущениями, которые следует ожидать в случае восстановления. Неизвестно, как разрешился бы этот вопрос, поскольку «ренессанс» позднего «брежневизма» вскоре закончился. 20 декабря 1984 г. скончался Д. Ф. Устинов, 10 марта 1985 г. — К. У. Черненко. Вскоре в стране началась «перестройка», метко названная впоследствии «благородной по замыслу, смутной по концепции и бездарной по исполнению» (Г. Мирский).

Экономика в 1976–1985 гг. Решениями XXV съезда КПСС намечалось увеличить в 10-й пятилетке (1976–1980) производство промышленной продукции на 35–39%, продукции сельского хозяйства — на 14–17%. Согласно директивам XXVI съезда партии (февраль–март 1981 г.) в 11-й пятилетке (1981–1985) производство промышленной продукции должно было увеличиться на 26–28%, сельскохозяйственной — на 12–14%. Однако неспособность руководства переломить негативные тенденции в народном хозяйстве обусловили опережающее снижение темпов экономического развития. В годы 10-й пятилетки удалось увеличить (по сравнению с предыдущим пятилетием) объем промышленной продукции на 24%, в 11-й — на 20%. Производство сельскохозяйственной продукции за 10-ю пятилетку увеличилось на 8,8%, за 11-ю — на 5,8%.

Среднегодовые темпы прироста промышленной продукции в 10-й пятилетке снизились до 4,4, в 11-й — до 3,6%. Соответствующие показатели среднегодовых приростов сельскохозяйственной продукции составляли 1,7 и 1%. Аналогично снижались и показатели роста производительности общественного труда. Плановые задания по увеличению валовой продукции промышленности в 10-й пятилетке удалось выполнить на 67%, в 11-й — на 77%; по увеличению продукции сельского хозяйства и того меньше — соответственно на 56 и 42%.

Задания 11-й и 12-й пятилеток не были выполнены ни по одному показателю. Тем не менее развитие страны имело поступательный характер. Темпы роста национального дохода (вновь созданная стоимость во всех отраслях сферы материального производства) на протяжении всех 1970-х годов сохранялись на уровне 4,9% ежегодного прироста и даже в самую «застойную» 11-ю пятилетку (1981–1985) обеспечивался ежегодный прирост в среднем на 3,2% в год (в 1986–1990 гг. он снизился до 1,3%). Эти показатели были не намного ниже, чем в большинстве развитых стран. Что же касается общего промышленного производства, то с 1970 по 1988 г. оно возросло в СССР в 2,38 раза против 1,32 раза в Англии, 1,33 в ФРГ, 1,48 во Франции, 1,68 в США, в 2 раза в Японии.

В годы 10-й пятилетки в СССР было построено 1,3 тыс. промышленных предприятий, в РСФСР — 0,8 тыс., в 11-й, соответственно 1,2 тыс. и 0,7 тыс. Продолжалось ускоренное развитие Западно-Сибирского ГПК. Добыча нефти Западной Сибири в 1984 г. выросла до 377,9 млн тонн (в 12 раз больше, чем в 1970 г.). В 1980-е годы Западная Сибирь стала давать более 10% мирового объема добычи нефти и газа. (Тюменская область остается лидером по добыче нефти и газа и в начале XXI в. В 2002 г. здесь добывалось 67% нефти и 90,8% газа Российской Федерации.) В 1979 г. был построен магистральный газопровод «Союз» (2750 км), в 1980-м — газопровод Нижневартовск–Юрга–Новосибирск. В 1983 г. завершено строительство самого протяженного в мире (более

3100 км) нефтепровода Сургут–Омск–Павлодар–Чимкент, в 1984 г. — магистрального газопровода Уренгой–Помары–Ужгород (4451 км). На базе Усть-Илимской ГЭС (введена в эксплуатацию в 1980 г.) был создан Братско-Усть-Илимский лесопромышленный комплекс, а на базе Саяно-Шушенской ГЭС (1985) — Саянский ТПК по обработке цветных металлов.

В 1976 г. был введен в эксплуатацию Камский автомобильный завод и Оскольский электрометаллургический комбинат, в декабре 1978 г. вошла в строй первая очередь огромного Волгодонского завода тяжелого машиностроения (Атоммаш). Именно здесь начиналось поточное производство различных типов ядерных реакторов для АЭС. В строй действующих вступили Смоленская (1982) и Балаковская (1985) атомные электростанции, первая очередь Калининской АЭС (1986). В декабре 1980 г. осуществлен пуск первого агрегата Чебоксарской ГЭС — завершающей ступени Волжского гидроэнергетического каскада. В том же году введен в строй последний, 9-й агрегат Нурекской ГЭС (строилась с 1961 г., 1-й агрегат пущен в 1972 г.). Эта ГЭС с высотой плотины 300 м (до сих пор самая высокая в мире) обеспечивает около трех четвертей всей выработки электроэнергии в Таджикистане. В 1981 г. построен Томский химический комбинат, в 1982 г. — Ачинский нефтеперерабатывающий завод и первая очередь Костомукшского горно-обогатительного комбината. В 1987 г. был уложен первый бетон в здание Бурейской ГЭС (подготовительные работы по строительству велись с 1978 г., 1-й агрегат запущен в июле 2003 г., 6-й — в октябре 2007-го, в 2009 г. станция доводится до проектной мощности 2010 МВт). Однако наряду с работами на этих стройках сооружались дорогостоящие, бесперспективные и экологически небезупречные Астраханский газоконденсатный комбинат, газохимический комплекс Тенгизполимер, канал Волга–Чограй в Калмыкии.

Национальное богатство России в 1970–1980 гг. прирастало в среднем на 7,5% в год против 10,5% ежегодного прироста в 1960-е годы. В целом брежневский, андроповский и черненкоцкий периоды (1964–1985) характеризуются ежегодным приумножением национального богатства на 6,5%, и лишь в горбачевский период этот показатель снизился до 4,2% в год. Рост валового внутреннего продукта России в эти годы характеризуется следующими данными. В 1985 г. его объем составлял 3494 млрд рублей и был в 2,9 раза больше, чем в 1964 г., и в 1,4 раза больше, чем в 1977 г.

СССР располагал мощной многоотраслевой экономикой, обеспеченной практически всеми видами сырья, кадрами ученых, инженеров, рабочих. Произошли существенные сдвиги в решении извечной для страны транспортной проблемы. За 1960–1980-е годы произведена полная замена паровозов тепловозами, самолетов с поршневыми моторами на

реактивные, речные и морские суда оснащены дизельными двигателями. В народном хозяйстве появились мощные специализированные грузовые автомобили, комфортабельные скоростные автобусы, налажено массовое производство легковых автомобилей («Волга» с 1956 г., «Запорожец» с 1960 г., «Жигули» с 1970 г.), заметно расширилась и улучшилась автодорожная сеть, был создан магистральный трубопроводный транспорт. Производственный потенциал был вполне высоким и позволял вести эксперименты по переустройству экономики в нужном направлении без коренной перетряски жизни народов страны. Однако руководству СССР периода позднего «развитого социализма» эта задача оказалась не по силам.

«Наверху», конечно, многие осознавали неблагополучие в развитии экономики. Предпринимались и попытки найти выход из положения. В 1979 г. группой аналитиков под руководством заместителя председателя Совмина академика В. А. Кириллина был подготовлен аналитический доклад о состоянии и перспективах советской экономики. Он содержал реалистическую картину тяжелого положения советской экономики: страна начинает безнадежно отставать в использовании передовых технологий, а нарастающие финансово-экономические проблемы нельзя решить без радикального, структурного реформирования экономики. Предложения аналитиков, как и все более ранние проекты реформ в экономике, были так или иначе связаны с представлениями о необходимости расширения роли элементов рыночных отношений в социалистической экономике.

Однако доклад вызвал лишь раздражение и недовольство большинства членов Политбюро. Кириллин был снят с работы, доклад засекречен. Это, по всей видимости, стало одной из причин обострения болезни А. Н. Косыгина. В конце 1970-х годов он перенес инфаркт, в октябре 1980 г. освобожден от работы, и вскоре, в декабре, скончался от сердечного приступа. Назначенный 23 октября 1980 г. председателем Совмина Н. А. Тихонов к реформам относился столь же подозрительно, как и Брежнев.

«Совершенствование» управления народным хозяйством пошло вставшем к концу 1970-х годов уже привычным русле замещения экономических рычагов административными. Постановление ЦК от 12 июля 1979 г. «О дальнейшем совершенствовании хозяйственного механизма и задачах партийных и государственных органов» делало упор на дальнейшее повышение роли государственного плана как важнейшего инструмента государственной политики. Число обязательных плановых показателей вновь было увеличено, их содержание уточнялось в одновременно принятом постановлении «Об улучшении планирования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности производства и качества работы». Параллельно с этим услож-

нялась и дифференцировалась отраслевая структура управления экономикой.

Попытки интенсифицировать экономику посредством составления многочисленных программ автоматизации и комплексной механизации, носивших административно-бюрократический характер, оказались малоэффективными, поскольку они не влияли на зарплату и уровень жизни. Не удавались и попытки реанимировать трудовой энтузиазм. Многочисленные трудовые почины, вахты, встречные обязательства, работа по бездефектному методу имели мало общего с ударничеством довоенных лет и трудовым энтузиазмом послевоенной пятилетки. Они чаще всего были «инициативой» партийных органов, а не масс, и быстро угасали. Это, конечно, не исключает того, что в трудовых коллективах было немало замечательных, уважаемых мастеров своего дела и честных тружеников, служащих примером для подражания. Особым уважением пользовались Герои Социалистического Труда (20 559 граждан, награжденных в 1938–1991 гг., из них 1945 — в отраслях материального производства).

С конца 1970-х годов нарастало влияние ряда объективных факторов, препятствовавших развитию экономики экстенсивными методами. Осложнилась демографическая ситуация. Уменьшение рождаемости в 1960-х годах привело к сокращению притока трудовых ресурсов. Перемещение центров добывающей промышленности в восточные районы повысило себестоимость топливно-энергетического сырья. Так, добыча топлива с 1971 по 1980 г. увеличилась в СССР более чем в 4 раза, газа — более чем в 8, а нефти — почти в 7 раз. Нефть и газ были важнейшими предметами советского экспорта. Только от вывоза нефти страна получала ежегодно около 16 млрд долларов. Доля топлива и энергоносителей в общем объеме советского экспорта выросла с 15,6% в 1970 г. до 54,4% — в 1984 г. В 1960 г. почти вся нефть и газ добывались в европейской части СССР, в середине 1980-х годов две трети общесоюзной добычи нефти и газа обеспечивала Западная Сибирь. Добывать топливо в северных районах страны становилось все труднее, и в 1984 г. впервые за годы советской власти годовая добыча нефти снизилась.

За 1965–1982 гг. общая валютная выручка СССР от экспорта нефти и газа составила около 170 млрд долларов. Возникла явная зависимость страны от конъюнктуры мирового рынка. Она была довольно благоприятной для СССР в течение более десяти лет после арабо-израильской войны 1973 г. и решения арабских стран-экспортеров нефти сократить объемы ее добычи и экспорта в знак протеста против поддержки Израилем Соединенными Штатами. Цены на нефть на мировом рынке резко повысились по сравнению с 1958–1970 гг., когда она равнялась 16–13 долларов за баррель (в ценах 2004 г.). В марте 1983 г. баррель стоил 34 доллара. Падение мировых цен на нефть в середине 1980-х годов (главным образом после увеличения добычи нефти в Саудовской Аравии более чем втрое за 1985–1986 гг.) до уровня менее 10 долларов за баррель в текущих ценах стало важнейшей причиной

финансового и бюджетного кризиса в СССР. Годы позднего «развитого социализма» стали называть годами «застоя» прежде всего потому, что, поглощая потоки нефтедолларов, советское руководство мало что сделало для перестройки экономических механизмов.

Деревне, традиционно выступавшей донором экстенсивного развития промышленности, с годами все труднее было играть прежнюю роль. Капиталовложения в сельское хозяйство хотя и возрастали, но явно недостаточно. Молодежь продолжала уезжать в город. С 1967 по 1985 г. деревню ежегодно покидало в среднем 700 тыс. человек. Средний возраст сельских жителей неуклонно повышался.

Особенно тяжелое положение складывалось в Нечерноземье — на огромной территории исторического центра России, охватывающей 29 областей и автономных республик. Это была тяжелая расплата за непонимание того, что в «холодной стране» инвестиции в сельское хозяйство должны быть в несколько раз больше, чем в практике властей. Тем не менее реализация принятого в 1974 г. постановления «О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР» позволила построить ряд крупных производственных комплексов. Несомненным достижением стало и завершение электрификации села. Однако на развитие социальной сферы и на инфраструктуру средств выделялось значительно меньше, сельский быт продолжал оставаться примитивным и тяжелым. Продукция, проданная государству колхозниками Нечерноземья в 1980 г., после всех реформ, оставалась убыточной. По молоку убыток составлял 9%, по крупному рогатому скоту — 13%, по свиньям — 20, по птице — 14, по шерсти — 11%. Это оставалось одной из главных причин упадка сельского хозяйства.

Курс на укрупнение мелких населенных пунктов фактически обнаруживал незаинтересованность властей в развитии каждой деревни из-за высоких затрат на индивидуальное жилищное строительство, дороги, мосты, газопроводы. В результате число населенных пунктов постоянно сокращалось под предлогом неперспективности. Жизнь в отдаленных от центральных усадеб деревнях замирала. Закрывались школы, больницы, магазины, предприятия службы быта. По материалам переписей населения 1959 и 1989 гг., численность сельского населения в стране сократилась на 10%, в Нечерноземье — на 42%. Число сельских поселений в РСФСР уменьшилось за это время на 139 тыс., в Нечерноземье — на 76 тыс. Возникла и обнаружила тенденцию к росту особая категория сельских поселений, не имеющих трудоспособного населения. Традиционный и важнейший источник роста численности населения страны фактически не действовал. Исторический центр России исчезал, словно в каком-то мощном катаклизме. Политику ликвидации мелких деревень писатель В. Белов с полным основанием охарактеризовал как «преступление против крестьянства».

В результате преобразований на селе к концу 1985 г. в стране насчитывалось 26,2 тыс. колхозов и 22,7 тыс. совхозов. В них было занято соответственно 12,7 и 12 млн человек и производились примерно равные объемы продукции сельского хозяйства (на 73,9 и 75,2 млрд рублей).

Обстановка кризиса, складывавшегося в сельском хозяйстве в условиях позднего «развитого социализма», коренным образом отличалась от дореволюционного положения в российской деревне. Несмотря на все потрясения советского периода истории и разрушения военных лет, совокупные усилия Советской власти и крестьянства позволили увеличить к началу 1980-х годов производство сельскохозяйственной продукции по сравнению с дореволюционным уровнем в 3–4 раза, годовую производительность индивидуального труда в сельском хозяйстве более чем в 6 раз, а часовую в 10–11 раз (средняя продолжительность рабочего дня крестьянина составляла около 7 ч, а в начале века — 11). Общественная производительность труда в агропромышленном комплексе СССР с учетом худших природных условий (по биоценозу в 2,9 раза, продолжительности стойлового содержания скота в 3,4 раза и т.д.) в сущности не уступала американскому. Все это позволяло Советскому Союзу иметь общенародный продовольственный фонд, достаточный для того чтобы гарантировать своим гражданам потребление продовольствия на $\frac{1}{3}$ большее, чем в среднем в мире.

При всем этом поиски вывода деревни из кризиса, предпринятые в конце 1970-х годов, во многом лежали в традиционном архаичном стереотипе мышления. М. С. Горбачев, ставший в 1978 г. секретарем ЦК по сельскому хозяйству, возглавил разработку очередного проекта его оздоровления под названием «Продовольственная программа СССР на период до 1990 г.» (одобрена в мае 1982 г.). Ее суть состояла в комплексном использовании всего арсенала административно-бюрократических мер для решения продовольственной проблемы в стране к 1990 г.

В основе программы лежала идея агропромышленной интеграции установления производственных связей между колхозами, совхозами, предприятиями пищевой промышленности, торговыми, строительными и транспортными организациями. Производство замыкалось в единый государственный агропромышленный комплекс. На региональном уровне в АПК объединялись все предприятия, связанные с производством и переработкой сельскохозяйственной продукции, с производством удобрений, сельхозтехники и пр. Создавались соответствующие структуры агропромышленных объединений. В ноябре 1985 г. высшей инстанцией стал Госагропром СССР, вобравший функции пяти союзных министерств. К середине 1980-х годов в агро сфере экономики действовало 4,8 тыс. межхозяйственных предприятий. Однако агропромышленная интеграция не принесла ожидаемого эффекта. За счет дополнительных бюджетных ассигнований в 11-й пятилетке удалось преодолеть

спад производства в сельском хозяйстве и даже обеспечить некоторый его рост по сравнению с 10-й. В целом же намеченных показателей достичь не удалось. Продуктов на «душу населения» в стране больше не становилось. Советский Союз был вынужден ввозить из-за рубежа все большее количество продовольствия. В 1976–1980 гг. импорт составлял 9,9% от уровня сельскохозяйственного производства страны, в 1980 – 18,1, в 1981 – 28,4%.

Стратегическая, длящаяся десятилетиями недооценка необходимости особо крупных вложений в сельское хозяйство «холодной страны» и быт крестьян обернулась проеданием нефтедолларов и отсутствием масштабных инноваций в высокотехнологичных отраслях хозяйства. А это имело в будущем роковые последствия.

В целях ускорения развития сельского хозяйства в южных районах страны в начале 1980-х годов в СССР разработаны проекты переброски части стока северных рек на юг: сибирских – в Среднюю Азию, европейских – в Каспий через Волгу. Проекты широко обсуждались в правительстве, находили поддержку в южных регионах страны. Благодаря резкой критике общественности, прежде всего русских ученых (академики А. Л. Яншин, Д. С. Лихачев, Б. А. Рыбаков) и писателей (С. Залыгин, В. Белов, Ю. Бондарев, В. Распутин), правительство СССР своим решением от 14 августа 1986 г. прекратило осуществление экологически опасных проектов.

Социальная сфера. Противоречия индустриальной модернизации страны отражались и на социальной сфере. Социальная структура советского общества приобретала все более городской характер, что явно не соответствовало географической специфике страны. Численность населения городов выросла с 164 млн человек в 1979 г. до 180 в 1985 г., сельское население уменьшилось с 99 до 96 млн. Численность рабочих и служащих в народном хозяйстве с 1975 до 1985 г. выросла со 102 млн до 118,5 млн, число колхозников сократилась с 15 до 12,5 млн человек. Горожане составляли почти $\frac{2}{3}$, в отдельных республиках и регионах до $\frac{3}{4}$ населения. Однако его общий прирост происходил главным образом за счет высокой рождаемости в среднеазиатских республиках. Естественный прирост населения в 1986 г. составлял в России 0,68%, в то время как в Эстонии, Латвии он равнялся 0,40%, на Украине и в Литве – 0,44 и 0,66%, в Белоруссии и Грузии – 0,74 и 0,99%, в Молдавии – 1,30%, в Казахстане и Армении – 1,81 и 1,83%, в Азербайджане – 2,09%; а в Киргизстане и Туркменистане – 2,55 и 2,85%, в Узбекистане и Таджикистане – 3,08 и 3,52%.

Несмотря на официальный тезис об усилении социальной однородности общества, на деле усиливалась дифференциация в качестве и уров-

не жизни различных слоев населения. Доходы верхнего слоя, составлявшего около 2% населения, в 20–25 раз превосходили заработки низших слоев. По официальным данным на март 1986 г., 4,8% рабочих и служащих народного хозяйства СССР зарабатывали менее 80 рублей в месяц; 32,3% — 80–140; 29,5% — 140–200; 22,7% — 200–300; 9,5% — свыше 300 рублей. На рабочего в СССР в виде заработной платы приходилась все меньшая часть стоимости созданного им продукта. В 1971 г. доля зарплаты в чистой продукции промышленности составляла 58%, а в 1985 г. 36%. В середине 1980-х годов свыше 50 млн человек все еще были заняты на производстве неквалифицированным ручным трудом.

Уравнительные тенденции привели к падению престижа квалифицированного труда. Это имело тяжелые последствия, сдвигало в «тень» доходы, получаемые сверх официальной зарплаты. Росла прослойка врачей, помогавших больным за дополнительную плату; расширились репетиторские услуги в сфере образования; в товарный оборот включался используемый гражданами жилищный фонд. Теневая экономика была связана и с чисто уголовной деятельностью, хищениями товаров и сырья, махинациями с отчетностью, изготовлением на государственных предприятиях и последующей продажей неучтенной продукции через государственную торговую сеть, с валютными операциями. По различным оценкам, к середине 1980-х годов в теневой сфере экономики было занято 15 млн человек. Ее объемы оценивались в 80 млрд рублей. В городах на долю этой экономики приходился ремонт 45% квартир, 40% автомобилей, 30% бытовой техники. На селе эта доля доходила до 80%.

Вместе с тем о позитивных сдвигах в развитии общества свидетельствовали многократный рост расходов на культуру; увеличение тиражей книг, периодических изданий; укрепление материальной базы СМИ. В 1970-е годы страна вступила в эпоху «телевизионной культуры». Однако в целом доля государственных средств, выделяемых на социальные и образовательные нужды в условиях позднего «развитого социализма», сокращалась. При Брежневе доля на просвещение в государственном бюджете была меньше, чем даже перед войной, когда страна была гораздо беднее. Это происходило на фоне роста расходов на содержание бюрократических и управленческих структур.

В конечном итоге 1960–1980-е годы были временем существенного повышения благосостояния народа. Среднемесячная денежная заработная плата рабочих и служащих, занятых в 1970 г. в промышленности, равнялась 133,3 рубля в месяц, в сельском хозяйстве 100,9 рубля, она в 2,2 и 1,6 раза превышала прожиточный минимум. В 1985 г. зарплата выросла, соответственно, до 210,6 и 183,2 рублей, а в 1987 г. — до 221,9 и 200,1 рублей. Пенсия при максимальном трудовом стаже составляла 132 руб. Благосостояние граждан значительно улучшали дополнитель-

ные доходы из фонда общественного потребления и личные подсобные хозяйства. Съезды партии постоянно требовали усилить внимание к производству товаров потребления и обеспечить коренные сдвиги в качестве и количестве товаров и услуг для населения. Повышались денежные доходы населения, увеличивалась гарантированная заработная плата колхозников, оклады низкооплачиваемых слоев населения подтягивались к оплате среднеоплачиваемых. Однако в реальности эта политика приводила к тому, что нередко ущемленными в оплате труда оказывались специалисты высокой квалификации. Создавалась нелепая ситуация, когда в машиностроении и строительстве инженеры получали меньше, чем рабочие-сдельщики. Если в конце 1950-х годов инженерно-технические работники в целом получали на 70% больше, чем рабочие, то к середине 1980-х годов разрыв составил лишь 10%, что снижало престиж инженерной профессии и не способствовало развитию научно-технического прогресса.

Реальные доходы в расчете на душу населения в годы брежневского правления выросли в 2,5 раза. За 1965–1975 гг. — на 46%, в 1976–1980 гг. — еще на 18%, в 1981–1985 гг. — на 10%. На протяжении 1970-х годов в стране ежегодно вводилось более 100 млн кв. м жилья, что позволило улучшить жилищные условия более чем 107 млн человек. В 11-й пятилетке новое жилье получили еще 50 млн человек. В 1976–1980 гг. построено жилых домов площадью 527,3 млн кв. м, в 1981–1985 гг. — 552,2 млн. Городской жилищный фонд увеличился с 1867 млн кв. м в 1975 г. до 2561 млн в 1985 г. Это было огромное достижение.

Жизнеобеспечение людей в годы «развитого социализма» улучшалось в результате огромного по масштабам дорожного строительства. Эксплуатационная длина железных дорог Министерства путей сообщения СССР увеличилась с 125,8 тыс. км (конец 1960 г.) до 144,9 тыс. км в конце 1985 г. Длина автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием за это время возросла с 258 тыс. км до 812 тыс. км. К построенным в послевоенные годы метрополитенам в Ленинграде (1955) и Киеве (1960) во времена «застоя» прибавилось метро еще в 8 крупнейших городах — Тбилиси (1966), Баку (1967), Харькове (1972), Ташкенте (1977), Ереване (1981), Минске (1984), Горьком и Новосибирске (1985). Быт людей в городе в основном вышел на современный уровень и существенно улучшился на селе (главным образом за счет завершения его электрификации). Были сделаны большие капиталовложения в гарантированное жизнеобеспечение на долгую перспективу: созданы единые энергетические и транспортные системы, построена сеть птицефабрик, в основном решившая проблему белка в рационе питания. Громадные вложения в Сибирь и Урал, сделанные в 1960–1980-е годы, в принципе обеспечивали жизнь страны на многие десятилетия вперед. Судя по динамике множества показателей, СССР в 1965–1985 гг. нахо-

дился в состоянии благополучия, несмотря на многие неурядицы, которые в принципе могли быть устранены.

Советские люди пользовались бесплатным образованием, медицинским обслуживанием, государство несло большие расходы на содержание жилищного фонда. Выплаты и льготы, полученные населением из общественных фондов потребления, в 1979 г., составляли 4,9 млрд рублей, а в 1985 г. 9,3 млрд. К концу 1970-х годов возрастало или было стабильным потребление непродовольственных товаров и обеспечение товарами длительного пользования.

Розничные цены на основные потребительские товары не претерпели существенных изменений по сравнению с 1950-ми годами, увеличивались медленнее, чем заработная плата основной массы трудящихся. В целом ситуация в этом отношении в 1950–1980-е годы была куда как более выигрышной в сравнении с 1930-ми и 1940-ми годами.

С 1962 г. цены на продовольствие почти не менялись, за исключением рыбных и деликатесных товаров, шоколада, кофе, цитрусовых и вино-водочных изделий. В целом индекс государственных розничных цен на все товары повысился в 1984 г. по сравнению с 1965 г. на 11%. Повышение цен на продовольственные товары произошло главным образом за счет алкогольных напитков. Если это влияние исключить, то повышение цен на продовольствие составляло к 1965 г. 6%, а к 1980 г. — 2%. Достигалось это во многом за счет дотаций государства по продаже продовольствия, главным образом мяса и молока. Впервые дотации появились в 1965 г. в сумме 3,6 млрд рублей и увеличивались в последующем почти на 4 млрд рублей в год, создавая известные «ножницы» цен и серьезные перекосы в экономике. В 1987 г. дотации составляли 57 млрд рублей. Рыночные цены на продукты питания в среднем в 2,5 раза превышали государственные розничные цены.

Поддержание заниженного уровня цен на продовольствие порождало дефицитность, спекуляцию, подрывало принцип социальной справедливости из-за разной доступности каждого покупать продукты по низким государственным розничным ценам. Например, население Москвы и ряда других крупных городов, лучше снабжавшихся мясомолочными продуктами, меньше тратило на покупку продовольствия, чем население других городов и районов, где эту продукцию можно было приобрести в основном в комиссионной торговле и на рынке по ценам в 2 и более раза выше государственных.

Несмотря на все эти перекосы и трудности, вплоть до середины 1980-х годов происходили благоприятные сдвиги в структуре питания населения: увеличилось потребление мяса, овощей, фруктов, ягод; сокращалось потребление хлебопродуктов, картофеля. В 1985 г. в расчете на душу населения в СССР потреблялось: мяса 61,7 (по РСФСР 67) кг,

молока и молочных продуктов — 325 (по РСФСР 344) кг, яиц — 260 (по РСФСР 299) шт. (Соответствующие цифры по РФ на 1995 г. — 55, 253, 214.) В целом во второй половине 1960-х — первой половине 1980-х годов в СССР поддерживалось благосостояние на уровне средне-развитых стран, а по ряду показателей даже выше. К 1985 г. средняя калорийность питания в СССР составляла 3389 ккал, в США — 3652, ФРГ — 3567, Великобритании — 3316, Франции — 3156, Японии — 2916 ккал.

Сопоставление размеров заработной платы населения и цен на основные продукты питания показывает, что в 1913 г. на месячное жалование среднестатистический россиянин мог приобрести 49 кг говядины, или 244 литра молока, или 220 кг хлеба. Во времена нэпа (1924–1927 гг.) — 90 кг мяса, 290 литров молока, 315 кг хлеба. В 1940 г. — 33 кг мяса, 147 литров молока, 170 кг хлеба. В 1960-е годы — 58 кг мяса, 290 литров молока, 237 кг хлеба. В 1980-е годы — 90 кг мяса, 500 литров молока, 500 кг хлеба. В 2002 г. — 20 кг говядины, или 135 литров молока, или 290 кг хлеба.

С начала 1970-х годов страна пошла по пути массовой автомобилизации населения (в 1970 г. на каждые сто семей приходилось два легковых автомобиля, в 1980 г. — 10, в 1985 г. — 15). Несмотря на то что она не шла в сравнение с зарубежными аналогами, ее последствия были значительными. Семейный автомобиль ломал многие стереотипы «советской цивилизации», способствовал индивидуализации повседневной жизни, досуга. Со времени хрущевских «Новых Черемушек» жизненным ориентиром советского человека становятся отдельная квартира для семьи в противовес коммуналкам, и все расширяющееся приобретение бытовых товаров длительного пользования: холодильников, стиральных машин, радио- и видеоаппаратуры, мебели.

В 1970 г. 32 из каждых 100 семей имели телевизоры, в 1980 г. их число удвоилось, а в 1985 г. достигло 90. Достаточно образованное советское общество получало все больше информации не только о своей стране, но и о реальной жизни за рубежом. И эта возможность сравнения была зачастую не в пользу «благоденствия» при «развитом социализме». При дефиците очень многих товаров и услуг в СССР радио, телевидение, видеопродукция, появившиеся в стране товары западного производства создавали впечатление, что общество «загнивающего капитализма» вовсе не знает, что такое дефицит. Практически не знала его и верхняя часть советской партийно-государственной «номенклатуры», для которой еще со сталинских времен власть практически превратилась в синоним частной собственности.

Неблагоприятные тенденции общественного развития, скептическое отношение населения к официальной пропаганде стали причиной нарастающего отчуждения масс от творцов политики, усиления оппозиционных настроений в обществе. Постоянно давало о себе знать недовольство национальной политикой.

§ 3. Культура, официальная идеология, инакомыслие

Противоречия общественной жизни и культуры. В условиях научно-технического прогресса в СССР особое значение придавалось народному образованию и всей системе подготовки квалифицированных кадров. В 1970-х годах был осуществлен переход ко всеобщему среднему образованию, каждый год в стране открывалось до десятка новых вузов, численность обучающихся в них к 1977 г. достигла почти 5 млн человек. В 1979 г. высшее и среднее (полное и неполное) образование имело 80,5% занятого населения, в 1989 г. — 92,1%. К началу 1980-х годов около 40% городских жителей имели вузовские дипломы.

Государственные ассигнования на науку увеличивались от десятилетия к десятилетию. В 1940 г. они составляли 300 млн рублей, в 1950 г. 1 млрд, в 1960 г. — 3,9, в 1970 г. — 11,7, в 1980 г. — 24 млрд рублей. Это позволяло расширять сеть научных учреждений. В 1985 г. в СССР было 2607 НИИ и 1 млн 491 тыс. научных работников. На финансирование науки выделялось 5% национального дохода. Однако в начале 1980-х годов становилось заметным отставание СССР от США в освоении космоса, в прикладных областях науки и особенно в компьютеризации. (Первый персональный компьютер был собран в США в апреле 1976 г., компания IBM выпустила на рынок первую его модель в августе 1981 г. В отличие от США в СССР не был налажен массовый выпуск персональных компьютеров.)

Советские ученые занимали передовые позиции по многим направлениям математики, физики, естествознания. СССР произвел множество запусков пилотируемых космических кораблей. 18 марта 1965 г. космонавт А. А. Леонов осуществил первый выход человека в открытый космос во время полета на космическом корабле «Восход-2». Для изучения Луны и космического пространства в 1959–1976 гг. осуществлено 24 полета автоматических межпланетных станций, в 1970 г. на Луну была доставлена первая в мире автоматическая лунная станция «Луноход-1». Однако лунная экспедиция американцев во главе с Н. Армстронгом в июле 1969 г. покончила с лидерством СССР в освоении космоса.

История отечественной науки и техники пополнилась целым рядом выдающихся достижений. Так, в 1966 г. в СССР был построен первый отечественный самолет с изменяемой в полете стреловидностью крыла конструкции П. О. Сухого; в 1967 г. создана отечественная ЭВМ «БЭСМ-6» с быстродействием миллион операций в секунду; под Серпуховым был запущен синхротрон, остававшийся в течение многих лет крупнейшим в мире; введена в эксплуатацию сеть наземных станций «Орбита» для приема телевизионных передач через искусственные спутники Земли и построена самая высокая в Европе Останкинская телебашня (проект Н. В. Ни-

китина), в опытно-конструкторском бюро имени М. Л. Миля создан вертолет-гигант В-12; в 1968 г. создан сверхзвуковой пассажирский самолет Ту-144 (главный конструктор — А. А. Туполев), создан переносной зенитный ракетный комплекс «Стрела» с самонаводящейся ракетой; в 1969 г. построена титановая атомная подводная лодка с крылатыми ракетами, построен десантный корабль на воздушной подушке «Зубр».

В 1970 г. в Харькове построен самый крупный в стране турбогенератор мощностью 1000 МВт; в 1974 г. спущен на воду атомный ледокол «Арктика»; в 1975 г. осуществлен совместный советско-американский экспериментальный полет космических кораблей по программе «Союз–Аполлон», построен первый отечественный авианосец «Киев», на котором базировались самолеты Як-38 вертикального взлета и посадки и вертолеты Ка-25; в 1976 г. создан первый российский аэробус — пассажирский широкофюзеляжный самолет Ил-86; в 1977 г. создана противолодочная быстроходная подводная ракета «Шквал»; в 1978 построен самый крупный в мире вертолет Ми-26; завершено формирование Единой энергетической системы Советского Союза — крупнейшего в мире энергообъединения; в 1979 г. в Институте атомной энергии имени М. В. Курчатова пущена первая в мире термоядерная установка со сверхпроводящими электромагнитами «Токамак-7», создан многопроцессорный вычислительный комплекс «Эльбрус-Х-1» с быстродействием до 15 млн операций в секунду;

В 1980 г. в СССР построена самая бесшумная в мире дизель-электрическая подлодка «Черная дыра», в 1981 — самый большой в мире атомный подводный крейсер «Акула», с введением в эксплуатацию 4-го блока Ленинградская АЭС стала самой крупной в мире (мощность 4000 МВт); в 1982 г. созданы один из самых больших в мире транспортных самолетов Ан-124 «Руслан» конструкции О. К. Антонова и боевой вертолет Ка-50 «Черная акула» (генеральный конструктор Н. И. Камов); в 1983 г. завершено бурение Кольской сверхглубокой скважины (12 тыс. м); в 1984 г. построена глубоководная титановая подводная лодка К-278, впервые в мире достигшая рабочей глубины погружения 1000 м; в 1985 г. был принят на вооружение сверхзвуковой стратегический бомбардировщик Ту-160, создан многопроцессорный вычислительный комплекс «Эльбрус-2» (125 млн операций в секунду).

В СССР широко использовалась атомная энергия, как в военных, так и в мирных целях. С сентября 1969 г. в стране строился атомный надводный военный флот. В 1981 г. в состав ВМФ был принят авианесущий крейсер «Киров», вслед за ним построены «Адмирал Ушаков», «Адмирал Нахимов», авианосец «Москва», крейсер «Петр Великий». К концу 1986 г. на вооружении ВМФ находились 62 атомные подводные лодки. Вслед за первым в мире невоенным атомным судном — ледоколом «Ленин» в построены более мощные ледоколы «Арктика» (1975), «Сибирь» (1977), «Россия» (1986). К концу 1985 г. в России действовало 9 АЭС (помимо Обнинской, Сибирской в Томске-7, Красноярской-26 и Дмитровградской): Нововоронежская и Белоярская (к настоящему времени первый и второй блоки на АЭС остановлены для выполнения работ по выводу их из эксплуатации), Ленинградская (с 1973 г.), Билибинская (1974), Курская (1976), Смоленская (1982), Калининская (1984), Балаковская (1985). К концу 1995 на российских АЭС вырабатывалось 11,8% общего количества электроэнергии в стране или

24,9% ее европейской части. Для районов, находящихся вдали от действующих энергосистем, создавались малогабаритные блочные ядерно-энергетические установки. В 1960 г. вступила в опытную эксплуатацию передвижная атомная электростанция ТЭС-3, в 1986-м создана транспортная энергетическая установка «Памир». В 1964 г. пущена установка «Ромашка» — реакторная установка с непосредственным преобразованием тепловой энергии в электрическую, проведены испытания двух термоэмиссионных реакторов-преобразователей «Топаз», показавших реальную возможность использования таких установок в качестве бортовых источников электропитания на космических летательных аппаратах. Создана серия изотопных термоэлектрических генераторов для энергоснабжения аппаратов «Луноход», радиометеорологических станций и др.

В 1960–1980-е годы, с принятием курса на химизацию сельского хозяйства, в СССР активно разрабатывались приемы эффективного применения новых форм удобрений (М. В. Каталымов, Я. В. Пейве, Н. С. Авдонин), совершенствовались методы мелиорации, техника и способы полива (Б. А. Шумаков). Ученые-селекционеры создали около 100 высокоурожайных сортов озимой и яровой пшеницы (П. П. Лукьяненко, В. Н. Ремесло, Ф. Г. Кириченко), 42 сорта подсолнечника (В. С. Пустовойт), новые гибриды кукурузы (Г. С. Галлеев, Б. П. Соколов); ученые-зоотехники вывели новые высокопродуктивные породы крупного рогатого скота (А. С. Всяких, С. Я. Дудин), тонкорунных и полутонкорунных овец (В. А. Бальмонт, А. В. Васильев), высокопродуктивные породы свиней (Л. К. Гребень, А. И. Овсянников), новые кроссы кур (В. И. Фысин и др.), обеспечивающие ныне в России свыше 50% яиц и мяса птицы. Во многом благодаря ученым в стране с 1940 по 1985 г. удалось поднять урожай зерновых с 8,6 до 16,2 ц с га, производство мяса с 4,7 до 17,1 млн т, производство шерсти с 161,1 до 446,6 тыс. т. Факты говорят о существенном вкладе ученых в повышение эффективности сельского хозяйства и выводе его на сравнительно высокий уровень (особенно если учесть, что средняя биологическая продуктивность почвы территории, на которой ведется сельскохозяйственное производство в СССР, в несколько раз ниже уровня США и западноевропейских стран).

Явное неблагополучие наблюдалось в области гуманитарных наук. Их развитие сковывал жесткий идеологический прессинг, приведший к застою общественной мысли. Несмотря на это, имелись достижения и в этой сфере. Издавались результаты многолетних обобщающих исследований больших коллективов ученых: «Всемирная история» (т. 1–13, 1956–1983); «Советская историческая энциклопедия» (т. 1–16, 1961–1976), «История СССР с древнейших времен до наших дней» (т. 1–11, 1966–1980); «История Коммунистической партии Советского Союза» (т. 1–5, 1964–1980); «История социалистической экономики СССР» (т. 1–7, 1976–1980); «История Второй мировой войны. 1939–1945» (т. 1–12, 1973–1982); «Очерки истории исторической науки в СССР» (т. 1–5,

1955–1985); «История философии в СССР» (т. 1–5, 1968–1988); «История искусства народов СССР» (т. 1–9, 1971–1984); «Очерки развития техники в СССР» (т. 1–5, 1968–1976) и др. Продолжалась работа по подготовке и изданию многотомных публикаций исторических источников: «Декреты Советской власти» (т. 1–18, 1957–2009); «Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1988)» (т. 1–15, 1983–1989); «Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам» (т. 1–16, 1967–1988); «Собрание постановлений Правительства СССР» (1939–1989); «Ведомости Верховного Совета СССР» (1938–1989) и др. Эти издания являются не только памятниками минувшей эпохи, но и основой для осмысления ее реальных достижений.

Консервативный политический курс, утверждавшийся в стране после октября 1964 г., сопровождался свертыванием демократических начинаний Хрущева. Первоначально это объяснялось необходимостью борьбы с волюнтаризмом и субъективизмом, затем тезисом об обострении идеологической борьбы между социалистической и капиталистической системами. Культурная политика брежневского руководства возводила в принцип борьбу с «очернительством» и «лакировкой» действительности в художественных произведениях, с «фальсификацией истории».

Со второй половины 1960-х годов значительно усиливается идеологический контроль за СМИ, учреждениями культуры. Основанием для этого стало постановление ЦК КПСС «О повышении ответственности руководителей органов печати, радио, телевидения, кинематографии, учреждений культуры и искусства за идейно-политический уровень публикуемых материалов и репертуара» (январь 1969 г.). Цензура нередко запрещала выпуск художественных и публицистических произведений, кинофильмов, организацию художественных выставок. Приоритет отдавался произведениям на историко-революционные, военно-патриотические и производственные темы.

Плюрализм литературного и общественно-политического процесса находил отражение в тенденциях, обозначаемых деятельностью разных журналов. У либералов был «Новый мир», у сталинистов «Октябрь» и «Огонек», у почвенников «Молодая гвардия» и «Наш современник». Власти, стремясь не допустить их радикализации, в 1970 г. наносят удар и по либералам, и по «русофилам».

В феврале 1970 г. на заседании секретариата Союза писателей была подвергнута резкой критике редакция журнала «Новый мир». Поводом стала публикация за рубежом поэмы А. Твардовского «По праву памяти». Попытки литературной общественности защитить главного редактора журнала ни к чему не привели. Твардовский ушел с этого поста, и линия, проводившаяся журналом, была прервана. Однако идеологии неосталинизма и «застоя» объективно противостояли писатели-«дере-

венщики»: Ф. Абрамов, В. Белов, Б. Можаяев, В. Распутин, В. Тендряков, показывавшие в своих произведениях негативные последствия коллективизации для судеб российской деревни. Этой линии придерживались также «Наш современник» (главный редактор в 1968–1989 гг. С. В. Викулов) и журнал русской культуры «Москва» (главный редактор в 1968–1990 гг. М. Н. Алексеев).

5 ноября 1970 г. состоялось заседание Секретариата ЦК партии. Редактор «Молодой гвардии», бывший летчик-истребитель А. В. Никонов, был снят со своего поста за публикацию статей В. Чалмаева и С. Семанова. Формальным поводом для отставки послужило обращение группы видных писателей (Ч. Айтматов, В. Амлинский, В. Цыбин и др.). Вместо Никонова редактором журнала был назначен инструктор ЦК Ф. Е. Овчаренко. После его смерти этот пост в 1972 г. занял идейный соратник прежнего редактора А. С. Иванов, автор известного романа «Тени исчезают в полдень» (1963) и трилогии «Вечный зов» (1970–1976).

Противодействие властей и либеральной критики испытывала также редакция журнала «Октябрь», возглавлявшаяся до 1973 г. известным писателем В. Кочетовым. Публика долго оставалась взбудораженной впервые печатавшимися на страницах журнала романами ее главного редактора «Угол падения» (1967), «Чего же ты хочешь» (1969) и опубликованным уже после смерти автора незавершенным романом «Молнии бьют по вершинам» (1979).

Столь же неоднозначно встречались романы И. Шевцова «Любовь и ненависть» (1969), «Во имя отца и сына» (1970) и вышедший позднее «Набат» (1979). Романы, изображавшие либеральных советских интеллигентов как империалистических агентов, считались властями неуместными как слишком откровенные. Роман «Чего же ты хочешь» был полон неприятия разоблачений прошлого, сделанных на партийных съездах, и глубокого убеждения во вредоносности западного влияния на страну. Он был направлен против не только либеральной интеллигенции, но и почвенников «националистов-славянофилов».

Однако, несмотря на строгую цензуру, время от времени появлялись труды, отражавшие поиски и движение русской мысли. Патриотическим духом пронизана книга Ф. Нестерова «Связь времен» (1980) своеобразный манифест, направленный на подчеркивание национально-исторических особенностей России и развенчание нигилистических концепций русской истории.

8 ноября 1971 г. секретариат Союза писателей РСФСР на своем заседании подверг критике редколлегия журнала «Октябрь» за «ложные и путаные» общественно-политические утверждения журнальных публикаций. Резолюция требовала кадровых изменений в руководстве журнала. С назначением в 1973 г. главным редактором журнала А. Ананьева «Октябрь» вернулся к относительно либеральной линии.

Кураторы советских писателей из ЦК партии и литературные критики, выражавшие их настроения, в 1960–1970-е годы старались воспрепятствовать перемещению центра литературной жизни из «Нового мира» и «Октября» в журнал и издательство «Молодая гвардия», позднее в журналы «Наш современник» и «Москва», издательство «Современник». Однако сделать этого не удалось. Откровением и потрясением для многих стали «Письма из Русского музея» и «Черные доски» В. Солоухина; «Прощание с Матерой» В. Распутина; «Привычное дело» В. Белова; «Матренин двор» А. Солженицына; «Драчуны» М. Алексеева; «Мужики и бабы» Б. Можая; исторические романы о великом прошлом России Д. Балашова, В. Чивилихина, В. Пикуля; художественные биографии Суворова, Макарова, Достоевского, Гончарова, Аксакова, Державина, изданные в серии ЖЗЛ. Все это вызвало большой интерес в обществе и стало причиной специальных мер со стороны ЦК КПСС и КГБ.

Объективно оппозицию брежневскому руководству в культурной области представляли общерусские организации и движения. Одним из таких центров стало основанное в 1966 г. Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры (ВООПИК). Духовными руководителями движения были замечательные патриоты: археолог и историк Б. А. Рыбаков; физико-химик И. В. Петрянов-Соколов; художники П. Корин, И. Глазунов; писатели Л. Леонов, В. Солоухин, В. Д. Иванов; руководитель музеев Московского Кремля В. Н. Иванов (первый фактический председатель центрального совета общества). Архитектор-реставратор П. Д. Барановский в сотрудничестве со своими соратниками по клубу любителей памятников истории и культуры «Родина» (1962–1968) Л. И. Антроповым, Г. И. Гунькиным и В. А. Десятниковым провели всю подготовительную и организаторскую работу по созданию ВООПИК.

В 1968–1969 гг. в его составе на базе секции по комплексному изучению русской истории и культуры действовал «Русский клуб» негласное объединение русской интеллигенции. В нем впервые за многие годы начинали обсуждаться животрепещущие вопросы формирования русской культуры и духовности. Среди национальных ценностей все большее место и значение приобретают имена и наследие выдающихся русских деятелей и мыслителей: Н. Я. Данилевского, М. Н. Каткова, Иоанна Кронштадтского, К. Н. Леонтьева, К. П. Победоносцева, Сергия Радонежского, В. В. Розанова, Серафима Саровского и др. Клуб возглавлял писатель, специалист по Югославии Д. А. Жуков; историк, заведующий серией «ЖЗЛ» в издательстве «Молодая гвардия» С. Н. Семанов; критик и литературовед П. В. Палиевский.

Членами «Русского клуба» были ставшие со временем широко известными П. В. Паламарчук, литературовед и историк, автор классической работы «Сорок сороков» о московских православных храмах;

О. Н. Михайлов, литературовед и автор исторических романов; В. В. Кожин, литературовед, литературный критик и историк; А. П. Ланщиков, журналист и литературовед; А. М. Иванов (Скуратов), автор самиздатских статей; С. И. Шешуков, историк рапповского движения в литературе.

Активными членами клуба были писатели А. И. Байгушев, В. А. Чивилихин; поэты И. И. Кобзев, С. Ю. Куняев, Г. В. Серебряков, В. В. Сорокин (гл. редактор издательства «Современник»); критики и литературоведы В. А. Чалмаев, Ю. Л. Прокушев; журналисты В. Д. Захарченко (гл. редактор журнала «Техника — молодежи»), А. В. Никонов (гл. редактор журнала «Молодая гвардия»), художник И. С. Глазунов. Большим влиянием и уважением среди членов клуба пользовались В. Д. Иванов, исторический писатель, автор «Руси изначальной» и «Руси великой», и О. В. Волков, несломленный многолетним пребыванием в ГУЛАГе публицист.

Заметной вехой в возрождении отечественного самосознания стала организованная ВООПИК в Новгороде конференция «Тысячелетние корни русской культуры». На конференции (май 1968 г.) выступили десятки видных деятелей культуры. В 1969 г. члены «Русского клуба» приняли участие в дискуссии, развернувшейся на страницах журнала «Вопросы литературы», о месте и роли славянофилов в истории. Положение о том, что главной чертой, которую ценили славянофилы в русском народе, было вовсе не смирение, а общинный дух, чувство коллективизма, противоположаемое индивидуализму и эгоизму буржуазного Запада, существенно скорректировало бытовавшие ранее негативные оценки славянофильства.

Некоторые исследователи полагают возможным охарактеризовать движение, складывающееся вокруг ВООПИК, как «Русскую партию». Ее организационное оформление относят к 1966 г. Костяк «партии» составляли О. В. Волков, П. В. Палиевский, В. В. Кожин, А. П. Ланщиков, С. Н. Семанов, Д. А. Жуков, И. В. Петрянов-Соколов, М. Н. Любимудров. Возродив давнюю традицию патриотизма, «партия» была на грани того, чтобы перерасти в широкое национальное движение. Однако в результате «чисток» общества от национально мыслящих деятелей этого не произошло.

Попытками остановить «русификацию» общественного сознания была продиктована статья «Против антиисторизма» в «Литературной газете» от 13 ноября 1972 г., опубликованная за подписью А. Н. Яковлева, занимавшего долгие годы пост исполняющего обязанности заведующего отделом. Обрушиваясь на писателей и критиков М. Лобанова, В. Петелина, В. Чалмаева, В. Кожина, отстаивавших самобытную русскую культуру, Яковлев полагал: «Сегодняшние ревнители патриархальщины, восторгаясь созданным ими же иллюзорным миром, защищают

то прошлое в жизни крестьянства, с которым без какого-либо сожаления расстался современный колхозник».

Статья по своей сути бросала вызов русской интеллигенции. С протестом против нее выступила большая и влиятельная группа писателей, поддержанная М. Шолоховым. Их письмо было направлено в адрес руководства ЦК. Статья не понравилась и осторожному Брежневу. В результате Яковлев был отправлен послом в Канаду.

Тем не менее на рубеже 1970–1980-х годов власти провели масштабную чистку средств массовой информации. От работы были освобождены директора и главные редакторы издательств, журналов и газет «Московский рабочий» (Н. В. Есилев), «Молодая гвардия» (А. В. Никонов), «Комсомольская правда» (В. Н. Ганичев), «Человек и закон» (С. Н. Семанов), «Современник» (Ю. Л. Прокушев, В. В. Сорокин), «Наш современник» (Ю. И. Селезнев), «Волга» (Н. Е. Палькин), «Техника молодежи» (В. Д. Захарченко). Цензура, Агитпроп ЦК, КГБ видели тогда, как и в 1920–1930-е годы, главную опасность в проявлениях русского шовинизма и через либерально-демократические «Новый мир», «Знамя», «Октябрь» всячески клеймили эти «проявления».

Показательна в этом отношении реакция партийного руководства на письмо М. А. Шолохова, направленное в марте 1978 г. на имя Л. И. Брежнева. В нем обращалось внимание на недопустимость положения, когда через кино, телевидение и печать протаскиваются антирусские идеи, порочащие нашу историю и культуру, русское противопоставляется социалистическому. Писатель отмечал, что до сих пор многие темы, посвященные нашему национальному прошлому, остаются запретными, возникают трудности с устройством выставок русских художников патриотического направления, продолжается уничтожение русских архитектурных памятников. Предлагалось «поставить вопрос о более активной защите русской национальной культуры от антипатриотических, антисоциалистических сил, правильном освещении ее истории в печати, кино и телевидении, раскрытии ее прогрессивного характера, исторической роли в создании, укреплении и развитии русского государства». Политбюро проигнорировало острейшую проблему, расценив позицию писателя как «идейно-политическую ошибку». В постановлении значилось: «Разъяснить т. Шолохову действительное положение дел с развитием культуры в стране и в Российской Федерации, необходимость более глубокого и точного подхода к поставленным им вопросам в высших интересах русского и советского народа. Никаких открытых дискуссий по поставленному им вопросу о русской культуре не открывать».

Объективная сложность проблемы состояла в восприятии русского патриотизма как альтернативы строящемуся «развитому социализму». «Интернационалистам» было невдомек, что, как и в Великую Отече-

ственную войну, русский патриотизм мог спасти «развитой социализм», год от года увязающий в проблемах и противоречиях. Позиция правящего режима выражена известной фразой Ю. В. Андропова: «Главная забота для нас русский национализм; диссиденты потом их мы возьмем за одну ночь». В записке, направленной им в ЦК партии в 1981 г., «русизм» квалифицировался как опасная тенденция в настроениях части интеллигенции, выступающей под лозунгом защиты русских национальных традиций. Руководству партии внушалось, что «демагогией о необходимости борьбы за сохранение русской культуры, памятников старины, за “спасение русской нации” прикрывают свою деятельность откровенные враги советского строя». В пособники этих врагов, по логике записки, можно было зачислить многих замечательных русских писателей, ставивших вопросы о вечных ценностях России, о духовной природе русского человека, о необходимости отдать должное православию, о великих достижениях предков.

Вразрез с официальной идеологической линией и с известным уклоном к либерализму в рассматриваемый период вели свою деятельность такие яркие режиссеры, как М. Захаров, О. Ефремов, Г. Товстоногов и другие деятели культуры, предлагавшие свой взгляд на смысл жизни и роль в ней интеллигента.

Идейное противоборство в литературе и художественной жизни страны в 1960–1980-е годы проявлялось и в иных формах, в частности в диссидентских движениях консервативно-охранительного и либерально-разрушительного свойства.

Диссидентские движения. Идейную и организационную оппозицию власти в условиях «развитого социализма» представляли разномастные диссидентские движения. Основные из них обнаруживали идейное родство с известными с середины XIX в. славянофилами, западниками и социалистами. С учетом реалий второй половины XX столетия это были русофильские (почвеннические) течения, в их консервативном и либеральном вариантах, и новые западники. Разновидностями последних были либерально-демократические, социально-демократические и еврокоммунистические потоки. В диссидентстве различались также националистические, религиозные, экологические и другие течения. Со временем движение приобретало все более выраженные черты антикоммунизма и антисоветизма. Именно с этой, наиболее радикализованной частью диссидентского движения в конце 1980-х годов объединилась значительная часть неспособной к «социалистическому новаторству» партийно-советской элиты. Программные лозунги диссидентов, по существу, стали официальными. Начиная с середины 1960-х годов в диссидентском движении можно выделить несколько этапов: становление (1964–1972); кризис (1973–1974), международное признание и расшире-

ние деятельности (1974–1979); сужение движения под ударами репрессий (1980–1984), трансформация в движение «неформалов» в годы перестройки (1985–1991).

В диссидентстве социал-демократического направления наибольшую известность имели братья Р. А. и Ж. А. Медведевы. Они полагали, что все недостатки общественно-политической системы проистекают из сталинизма, являются результатом искажения марксизма-ленинизма и видели основную задачу в «очищении социализма». Начиная с 1964 г. Р. А. Медведев ежемесячно издавал самиздатский журнал, позднее вышедший на Западе под названием «Политический дневник» (1964–1970). Каждый номер печатался на машинке тиражом до 40 экземпляров, распространялся среди «надежных» людей. Журнал имел корреспондентов и авторов в научно-исследовательских институтах Москвы и даже в ЦК КПСС (в их числе был Е. Фролов, ответственный работник журнала «Коммунист»). В журнале отражалось отношение к различным событиям в стране и за рубежом. По выражению А. Д. Сахарова, это было «таинственное издание... нечто вроде самиздата для высших чиновников». В 1976–1977 гг. выходил альманах «XX век» («Голоса социалистической оппозиции в Советском Союзе»). Он выпускался издательством, созданным Медведевыми за границей, переводился на итальянский, японский, английский и французский языки. Альманах был собранием работ советских авторов (Р. Медведев, М. Максудов, А. Красиков, Л. Копелев и др.) о проблемах советской истории и современности, западной и восточной демократии. Р. А. Медведев не признавал правозащитного движения (считал его «оппозицией экстремистского толка»), надеялся, что социалистическое течение станет массовым и позволит осуществить в СССР демократические реформы и построить в XXI в. бесклассовое коммунистическое общество. Тем не менее, Р. А. Медведев в 1969 г. был исключен из партии «за взгляды, несовместимые с членством в партии», его брат Жорес, автор разоблачительной книги о Т. Д. Лысенко, критических работ о положении науки в СССР, в мае 1970 г. принудительно помещен в психиатрическую больницу. В результате протестов представителей интеллигенции (П. Л. Капица, А. Д. Сахаров, И. Л. Кнунянц, А. Т. Твардовский, М. И. Ромм и др.) освобожден, однако в 1973 г. лишен советского гражданства, выдворен из страны. После ввода советских войск в Чехословакию социал-демократическое направление начинает терять своих сторонников.

Из национально-либеральных, почвеннических течений общественной мысли и диссидентства наибольшим антисоветизмом выделялись А. И. Солженицын и И. Р. Шафаревич. Менее радикальными были разрозненные национально-патриотические течения консервативно-государственного и социально-культурного склада, лидерами которых были И. В. Огурцов, В. Н. Осипов, Л. И. Бородин и др. В «реальном

социализме» они не видели почти ничего ценного, но и не поддерживали тех диссидентов, которые, как выяснилось позднее, «целились в коммунизм, а стреляли в Россию».

Либеральное западничество дало о себе знать выпуском в 1965 г. в Москве «самиздатского» журнала «Сфинксы» (редактор поэт В. Я. Тарсис), публикацией за рубежом и распространением в СССР гротескно-сатирических повестей о социальных и психологических феноменах тоталитаризма А. Д. Синявского («Суд идет», «Любимов») и Ю. М. Даниэля («Говорит Москва», «Искушение»). «Литературная газета» назвала эти произведения, опубликованные под псевдонимами А. Терц и Н. Аржак, самой настоящей антисоветчиной, вдохновленной ненавистью к социалистическому строю. КГБ квалифицировал их как «особо опасные государственные преступления». В сентябре 1965 г. писателей арестовали. 5 декабря 1965 г. на Пушкинской площади в Москве состоялась несанкционированная демонстрация под правозащитными лозунгами: «Требуем гласности суда над Синявским и Даниэлем!», «Уважайте Советскую Конституцию — наш Основной Закон!». Одним из организаторов «митинга гласности» был математик и поэт А. С. Есенин-Вольпин. Этот день принято считать началом правозащитного движения в СССР. В феврале 1966 г. Тарсис, выехавший в Англию, был лишен советского гражданства; в Москве состоялся суд над Даниэлем и Синявским, обвиненными по статье 70 УК РСФСР «антисоветская агитация и пропаганда, направленная на подрыв или ослабление Советской власти». В защиту обвиняемых поступило 22 письма от «общественности». Подписали их 80 человек, главным образом члены Союза писателей.

Наиболее известными событиями истории либерального диссидентства стали суд над 21 участником Всероссийского социал-христианского союза освобождения народа (февраль–декабрь 1967 г.) и выпуск 64 номеров «самиздатского» правозащитного бюллетеня «Хроника текущих событий» (апрель 1968–1983 гг.). Ее составители (Н. Е. Горбаневская и др.) стремились фиксировать все случаи нарушения прав человека в СССР, а также выступлений в их защиту. Хроника содержала информацию о национальных движениях (крымских татар, месхов, прибалтов), религиозных (православных, баптистов) и др.

Большую роль в развитии диссидентства сыграли публикации в «самиздате» в июне 1968 г. работы А. Д. Сахарова «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе» (либерально-западническая программа движения); демонстрация протеста против ввода войск в Чехословакию и суд (октябрь 1968 г.) над ее участниками; исключение в ноябре 1969 г. А. И. Солженицына из Союза писателей СССР за публикацию на Западе романов «В круге первом» и «Раковый корпус», присуждение ему Нобелевской премии по литературе (1970). «Нобелевская лекция» Солженицына стала выражением

либерального почвеннического направления в движении. В этой связи он писал: «Когда в Нобелевской лекции я сказал в самом общем виде: “Нации это богатство человечества...” это было воспринято всеобщедобрительно... Но едва я сделал вывод, что это относится также и к русскому народу, что также и он имеет право на национальное самосознание, на национальное возрождение после жесточайшей и суровой болезни, это было с яростью объявлено великодержавным национализмом». Свою идеологию писатель неоднократно определял не как национализм, а как национальный патриотизм.

Летом 1970 г. у трапа пассажирского самолета, курсировавшего из Ленинграда в Приозерск, были арестованы 12 человек, намеревавшихся захватить и использовать самолет для вылета в Израиль. Суд над «самолетчиками», безуспешно добивавшимися разрешения на эмиграцию, закончился вынесением суровых приговоров зачинщикам этой акции и арестами среди сионистской молодежи в ряде городов страны. Суд привлек внимание мировой общественности к проблеме свободы выезда из СССР. Благодаря этому властям пришлось с каждым годом увеличивать количество разрешений на выезд. Всего из СССР с 1971 по 1986 гг. эмигрировало за рубеж более 255 тыс. взрослого населения (с учетом детей свыше 360 тыс.). Почти 80% всех эмигрантов составляли лица еврейской национальности, автоматически получавшие статус беженцев при въезде в США и Канаду. Согласно переписям, численность еврейского населения в СССР сократилась с 2151 тыс. человек в 1970 г. до 1154 тыс. — в 1989 г.

Громкий «самолетный процесс» не мог не привлечь внимания властей и общественности также и к проблеме еврейского национализма и сионизму как одной из форм его выражения. При выработке международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации в 1973 г. представители некоторых государств в ООН пытались осудить антисемитизм, но возражали против предложения советской делегации отнести к расовой дискриминации как антисемитизм, так и сионизм. Тем не менее 10 ноября 1975 г. ООН приняла резолюцию, определявшую, что «сионизм является формой расизма и расовой дискриминации». После упразднения СССР резолюция была отменена.

Процесс над угонщиками самолета показывал, что значительная часть «правозащитников» использовала правозащитную идею для прикрытия воинствующего национализма и других далеких от прав человека идей. К примеру, В. И. Новодворская позднее говорила: «Я лично правами человека накушалась досыта. Некогда и мы, и ЦРУ, и США использовали эту идею как таран для уничтожения коммунистического режима и развала СССР. Эта идея отслужила свое, и хватит врать про права человека и про правозащитников». Однако именно в 1970-х годах правозащитное движение становится одним из главных составляющих

диссидентского движения. В ноябре 1970 г. В. Н. Чалидзе создал Комитет защиты прав человека, куда вошли крупные ученые А. Д. Сахаров и И. Р. Шафаревич. Комитет действовал до 1973 г. В 1973 г. возникла русская секция «Международной амнистии».

Летом 1972 г. были арестованы диссидентские деятели П. И. Якир и В. А. Красин. Арестованные согласились сотрудничать со следствием. Результатом стали широкая волна новых арестов и заметное затухание диссидентского движения. Сужению масштабов движения способствовал также принятый 25 декабря 1972 г. указ Президиума Верховного Совета СССР «О применении органами государственной безопасности предостережения в качестве меры профилактического воздействия». На практике «официальное предостережение» осуществляли следователи КГБ, которые вызывали «профилактируемого» в это учреждение для беседы, ставили его в известность о необходимости прекратить «нежелательную деятельность». В конце беседы собеседнику предлагалось расписаться в документе, подтверждающем получение предупреждения. Если тот продолжал антисоветскую деятельность, то в суде это предупреждение рассматривалось как отягчающее обстоятельство.

Новое расширение диссидентского движения во многом связано с появлением на Западе в 1973 г., а затем и в «самиздате» солженицынского «опыта художественного исследования» государственной репрессивной системы под названием «Архипелаг ГУЛАГ».

5 сентября 1973 г. А. И. Солженицын написал «Письмо вождям Советского Союза», в котором предлагал выход из главных, по его мнению, опасностей, грозивших нам в ближайшие 10–30 лет: войны с Китаем и общей с западной цивилизацией гибели в экологической катастрофе. Предлагалось отказаться от марксистской идеологии, «отдать ее Китаю» а самим, по опыту Сталина от первых дней Отечественной войны, развернуть «старое русское знамя, отчасти даже православную хоругвь», и уже не повторять ошибок конца войны, когда «снова вытащили Передовое Учение из нафталина». Предлагалось также перенести все усилия государства с внешних задач на внутренние: отказаться от водки как важнейшей статьи государственного дохода, от многих видов промышленного производства с ядовитыми отходами; освободиться от обязательной всеобщей воинской повинности; ориентироваться на строительство рассредоточенных городов, признать на обозримое будущее необходимым для России не демократический, а авторитарный строй.

По изучении письма власти в январе 1974 г. решили привлечь писателя к уголовной ответственности «за злостную антисоветскую деятельность», а затем лишить гражданства и выдворить из страны. Писателя арестовали, поместили в Лефортовскую тюрьму, а 13 февраля выслали за границу. В Швейцарии он основал Русский фонд помощи заключенным, первым распорядителем которого стал освободившийся из заклю-

чения А. И. Гинзбург. Помогать было кому. За 1967–1974 гг. к уголовной ответственности за антисоветскую агитацию и пропаганду было привлечено 729 диссидентов. В 1976 г. в СССР насчитывалось около 850 политзаключенных, из них 261 за антисоветскую пропаганду.

В 1974 г. А. Д. Сахаров написал работу «Тревога и надежды», в которой было представлено видение будущего мировой цивилизации, возможное только при условии предотвращения мировой ядерной конфронтации. Лучшим способом избежать этого он полагал конвергенцию двух систем. «Я считаю, писал он, особенно важным преодоление распада мира на антагонистические группы государств, процесс сближения (конвергенции) социалистической и капиталистической систем, сопровождающийся демилитаризацией, укреплением международного доверия, защитой человеческих прав, закона и свободы, глубоким социальным прогрессом и демократизацией, укреплением нравственного, духовного личного начала в человеке. Я предполагаю, что экономический строй, возникший в результате этого процесса сближения, должен представлять собой экономику смешанного типа».

Последующие его работы показывают большое своеобразие представлений о способности СССР внести какой-либо вклад в конвергенцию. Об истории своей страны академик писал, что она «полна ужасного насилия, чудовищных преступлений», «пятьдесят лет назад рядом с Европой была сталинская империя — сейчас советский тоталитаризм». Он выступал против постановки темы о страданиях и жертвах русского народа, которые выпали на его долю в истории. Сахаров полагал, что ужасы Гражданской войны и раскулачивания, голод и репрессии в равной мере коснулись и русских и нерусских народов, а такие акции, как насильственная депортации, геноцид и подавление национальной культуры, — «привилегия именно нерусских». Он не соглашался с утверждениями Солженицына о том, что дореволюционная Россия жила, «сохраняя веками свое национальное здоровье». Напротив, писал он, — «существующий в России веками рабский, холопский дух, сочетающийся с презрением к иноземцам и иноверам, я считаю не здоровьем, а величайшей бедой». Его отношение к стране отличало поставленное им на первый план право на эмиграцию. Свободный выезд из страны он считал самым главным демократическим правом ее граждан.

В телеграмме Сахарова президенту США Дж. Картеру в 1976 г. выражалась уверенность, что «исполненная мужества и решимости... первая страна Запада — США — с честью понесет бремя, возложенное на ее граждан и руководителей историей». В интервью «Ассошиэйтед Пресс» в том же году он заявил: «Западный мир несет на себе огромную ответственность в противостоянии тоталитарному миру социалистических стран». В проекте «Конституции Союза Советских Республик Европы и Азии» (декабрь 1989 г.) Сахаров предлагал конституционно закрепить

положение о том, что создаваемый Союз «в долгосрочной перспективе» стремится «к встречному плюралистическому сближению (конвергенции) социалистической и капиталистической систем как к единственному кардинальному решению глобальных и внутренних проблем. Политическим выражением такого сближения должно стать создание в будущем Мирового правительства».

Суждения «отца водородной бомбы» производили большое впечатление в стране и мире. Однако один лишь М. С. Горбачев со временем положил их в основу курса внутренней и внешней политики государства, полагая возможным начать конвергенцию в одностороннем порядке.

В декабре 1975 г. А. Д. Сахаров стал третьим советским диссидентом, удостоенным Нобелевской премии. Этот акт, наряду с высылкой из страны А. И. Солженицына (февраль 1974 г.), принес диссидентскому движению в СССР широкую международную известность, соответственно и влияние на массы в своей стране. Позднее лауреатом Нобелевской премии стал осужденный в Ленинграде в феврале 1964 г. за «злостное тунеядство» диссидентствующий поэт И. А. Бродский. В 1972 г. он эмигрировал в США, где продолжал писать (по-русски и по-английски) стихи, принесшие ему эту премию в 1987 г.

После заключения Хельсинкских соглашений была создана Московская группа содействия выполнению гуманитарных статей этих соглашений (май 1976 г.). В нее вошли член-корреспондент Армянской Академии наук Ю. Ф. Орлов (руководитель) и еще 10 человек: Л. М. Алексеева, М. С. Бернштам, Е. Г. Боннэр и др. Вскоре подобные группы возникли на Украине, в Грузии, Литве и Армении. В январе 1977 г. при московской Хельсинкской группе образована рабочая комиссия по исследованию использования психиатрии в политических целях, одним из основателей которой стал А. П. Подрабинек, автор книги «Карательная медицина» (1979). В феврале 1977 г., оказавшись перед перспективой расширения оппозиции, власти перешли к репрессиям против участников хельсинкских групп.

В конце 1970-х годов в Москве образовался кружок «либеральных коммунистов», группировавшихся вокруг самизатских журналов «Поиски» (1978–1979), «Поиски и размышления» (1980). Их редакторы и авторы (П. М. Абовин-Егидес, В. Ф. Абрамкин, Р. Б. Лерт, Г. О. Павловский, В. В. Сокирко, М. Я. Гефтер и др.) были людьми преимущественно левосоциалистических взглядов, сторонниками либерализации советской системы, расширения в ней свобод. Они пытались осуществить синтез идей, которые могли бы лечь в основу плавного реформирования системы и в то же время получить поддержку хотя бы части советского общества, включая реформаторское крыло правящей элиты. Особую позицию в кружке занимал В. В. Сокирко, автор, составитель и редактор самиздатского сборника «В защиту экономических свобод»

(1978–1979). Он предлагал образовать буржуазно-либеральную партию, которая выступала бы как оппонент КПСС за развитие экономических свобод, за некое «буржуазно-коммунистическое», «весьма либеральное и коммунистическое будущее общество».

В конце 1970-х годов в Москве действовала группа «молодых социалистов» или «советских еврокоммунистов» (А. В. Фадин, П. М. Кудюкин, Б. Ю. Кагарлицкий и др.). Начиная с 1977 г. группа издавала «самиздатские» журналы «Варианты», «Левый поворот», «Социализм и будущее». В апреле 1982 г. «социалистов» арестовали, однако назначенный на 12 февраля 1983 г. суд был отменен благодаря заступничеству зарубежных компартий и нежелания Ю. В. Андропова начинать «царствование» с громкого процесса. Не было придано большого значения и делу В. К. Демина, техника в музее искусств народов Востока, который в 1982–1984 гг. написал и распространял рукопись «Уникапитализм и социальная революция», а также программные документы для «Революционной социал-демократической партии».

В 1960–1980-е годы в диссидентстве было заметным течение русской либеральной национально-патриотической мысли, дающее о себе знать главным образом в «самиздатской» публицистике, являвшейся своеобразным ответом на «самиздат» либерального космополитизированного толка. Первым из ставших известными широкой публике текстов русских «националистов» было «Слово нации» (конец 1970 г.), написанное от имени русских патриотов А. М. Ивановым (Скуратовым) и др. как ответ на анонимную «Программу Демократического движения Советского Союза», появившуюся в 1969 г. (написана в Таллине в большей части С. И. Солдатовым на основе материалов эмигрантского НТС).

Основным для России в «Слове» представляется национальный вопрос. Констатировалось, что русские играют в жизни страны непропорционально малую роль. Изменить положение должна была национальная революция под лозунгом «Единая Неделимая Россия», которая превратила бы русский народ в господствующую нацию, «не в смысле угнетения других народов», а в том, чтобы русские не становились жертвами дискриминации в пределах собственной страны. Почетное место в будущем государстве отводилось традиционной русской религии.

Важным событием в русском либерально-патриотическом движении стало появление журнала «Вече», который тоже был своеобразным ответом на диссидентские либеральные и национальные издания. Инициатором издания стал В. Н. Осипов, отсидевший 7 лет на строгом лагерном режиме за организацию «антисоветских сборищ» на площади Маяковского в Москве в 1960–1961 гг. и поселившийся в 1970 г. в Александрове. Журнал задумывался как лояльный по отношению к власти (на обложке значились фамилия и адрес редактора).

Первый номер журнала вышел 19 января 1971 г. Почти сразу же на журнал был повешен ярлык шовинистического антисемитского издания. В этой связи редакция 1 марта выступила с заявлением, в котором говорилось: «Мы решительно отвергаем определение журнала как “крайне шовинистического»... Мы отнюдь не собираемся умалять достоинства других наций. Мы хотим одного укрепления русской национальной культуры, патриотических традиций в духе славянофилов и Достоевского, утверждения самобытности и величия России. Что касается политических проблем, то они не входят в тематику нашего журнала».

Число постоянных читателей журнала составляло примерно 200–300 человек. Он рассылался в 14 городов России, а также в Киев и Николаев. Одним из кругов «Веча» были «молодогвардейцы», члены «Русского клуба». Степень их вовлеченности в издание журнала ограничивалась темой защиты памятников истории и культуры, некоторой финансовой поддержкой.

Наиболее ярким выразителем русской идеологии применительно к новым условиям был один из авторов «Веча» Г. М. Шиманов, издавший в 1971 г. на Западе книгу «Записки из Красного дома». Публицист обнажил корень мирового зла (и трагедии России), усматривая его в катастрофическом тупике западной цивилизации, по сути, отказавшейся от христианства и заменившей полноту духовной жизни фальшивым блеском материального благополучия. Он полагал, что судьба России не только ее судьба, но всего человечества, которое сумеет выйти из тупика, опираясь на традиционные духовные ценности русского народа. Русским нужно объединяться на своих духовных основах. И в этом объединении атеистическая советская власть не является препятствием, ибо она может быть преобразована изнутри, главное же возродить в себе коренное русское самосознание.

Журнал просуществовал недолго. В феврале 1974 г. в редакции произошел раскол, а в июле, после выпуска десятого номера журнала, он был закрыт. Осипов решил возобновить издание под новым названием «Земля», вскоре был выпущен его первый номер. Тем временем КГБ начало следствие по факту издания журнала. В конце ноября 1974 г. Осипов был арестован, а пока находился под следствием, В. С. Родионов и В. Е. Машкова выпустили второй номер «Земли». На этом история журнала закончилась. В сентябре 1975 г. В. Н. Осипов осужден Владимирским облсудом на 8 лет строгого режима.

В 1974 г. бывший член ВСХСОНА Л. И. Бородин начал издание журнала «Московский сборник», посвятив его проблемам нации и религии. В своей издательской деятельности он опирался на помощь молодых христиан, которые группировались вокруг Г. М. Шиманова (про-

раб В. В. Бурдюг, поэт С. А. Бударов и др.), принадлежали к пастве отца Дмитрия Дудко и поддерживали отношения с другими диссидентами либерально-патриотической ориентации. Вышло два номера (по 20–25 экз.), подготовлено еще два, но издание прекратилось. Бородин, получив «Предупреждение по Указу ПВС СССР от 1972 г.» о том, что его действия могут нанести ущерб безопасности страны и повлечь наказание, отошел от издания, вернулся в Сибирь и занялся литературной деятельностью. В 1982 г. он был арестован и осужден за публикацию своих произведений на Западе к 10 годам лагерей и 5 годам ссылки.

В середине 1970-х годов произошла идеологическая переориентация математика и диссидента И. Р. Шафаревича (академик РАН с 1991 г., президент Московского математического общества). Он написал ряд работ с критикой тоталитарной системы. Особенно широкую известность приобрели его статьи «Обособление или сближение?», «Есть ли у России будущее?», вошедшие в сборник «Из-под глыб» (составлен А. И. Солженицыным, издан в 1974 г. в Париже), а также книги «Социализм, как явление мировой истории» (впервые опубликована в Париже в 1977 г.) и «Русофобия» (написана в 1980 г., распространялась в самиздате, многократно переиздавалась начиная с 1989 г.). Эти работы создали автору репутацию идеолога национально-православного движения, сразу же вызвав критику в кругах демократически настроенной интеллигенции, профессиональных историков и этнографов, находящихся в них разного рода натяжки и неточности. Однако теория «малого народа», развиваемая Шафаревичем вслед за французским историком О. Кошеном, получила широкое признание в патриотических кругах.

Во второй половине 1970-х годов в самиздате появилось течение, позднее названное «национал-коммунистическим». Оно претендовало на то, чтобы вместе с властями бороться против сионизма за самобытное Российское государство. Существовали две группировки таких «коммунистов»: православные во главе с Г. М. Шимановым и Ф. В. Карелиным; язычники во главе с А. М. Ивановым (Скуратовым), В. Н. Емельяновым, В. И. Скурлатовым. Обе группировки активно отмежевывались от диссидентства в его либеральной ипостаси, критиковали деятельность МХГ, Рабочей комиссии, Христианского комитета защиты верующих, Солженицынского фонда.

В 1980–1982 гг. выпущено пять номеров самиздатского журнала «Многая лета». Основными его авторами, кроме редактора Шиманова, были Ф. В. Карелин и В. И. Прилуцкий. Вокруг них группировался кружок из десятка единомышленников. Основная идея журнала состояла в том, чтобы склонить советскую власть к политике «здорового смысла», укрепить власть за счет коммун, объединенных по родовому и религиозному признакам. В 1982 г., после угроз КГБ, Шиманов прекратил вы-

пуск журнала. С его закрытием организованные структуры русского диссидентского национального движения перестали существовать.

В религиозном отношении в русском национально-патриотическом движении были не только христиане. К середине 1970-х годов сформировались небольшие, но устойчивые группы «неоязычников», призывавших вернуться к дохристианским верованиям. «Неоязычники» считали праславян и древних славян частью племен древних ариев, имевших общую культуру и религию на пространстве от Индии до Испании.

С середины 1970-х годов предметом внимания советского общества становится тема масонства. Интерес к ней пробудился после выпуска массовым тиражом книги Н. Н. Яковлева «1 августа 1914» (1974). В ней впервые в подцензурной советской исторической литературе показана значительная роль масонских лож в организации и осуществлении в России Февральской революции 1917 г. Заметен был и круг авторов, разоблачавших в своих книгах реакционную сущность сионизма и теоретически обосновывавших советскую антиизраильскую и проарабскую политику (Ю. С. Иванов, В. В. Большаков, Е. С. Евсеев, В. Я. Бегун и др.).

Русское национально-патриотическое движение с конца 1970-х годов было представлено обществом «Память». Объединение получило название по историко-публицистическому двухтомнику В. А. Чивилихина «Память» (1978, 1981), в котором с патриотической позиции рассказывалось о русской истории и культуре, показывалось величие России, ее героев и подвижников. Оно выросло из общества книголюбов Министерства авиационной промышленности (1979; руководитель инженер Г. И. Фрыгин) и объединения «Витязи», созданного в 1978–1979 гг. для подготовки к празднованию 600-летия Куликовской битвы (его возглавлял журналист Э. Д. Дьяконов, руководитель московского городского общества ВООПИК). Название «Память» появилось в 1982 г.

Участники объединения были активистами подготовки и проведения празднования 600-летия Куликовской битвы (1980), реставрационных субботников, встреч с отечественными писателями и историками, обсуждений творчества поэтов и художников прошлого, движений против поворота северных рек и в защиту Байкала, трезвеннического движения. Работа «Памяти», носившая в 1982–1984 гг. умеренный характер, подготовила почву для более радикальных выступлений в период «гласности». Новый период в истории общества связан с лидерством в нем с октября 1985 г. фотографа Д. Д. Васильева.

Для борьбы с диссидентами власть использовала соответствующие положения советского законодательства, дискредитацию через средства массовой информации. Проводником карательной политики являлся в основном КГБ. Диссиденты, как правило, обвинялись в таких преступлениях как «общественно опасное умышленное деяние, направленное на подрыв или ослабление советского общенародного государства, го-

сударственного или общественного строя и внешней безопасности СССР, совершенное в целях подрыва или ослабления Советской власти». По данным Верховного суда и прокуратуры СССР, в 1956–1987 гг. за подобные преступления было осуждено 8145 человек. За 1956–1960 гг. ежегодно в среднем осуждалось 935 человек, в 1961–1965 гг. — 214, в 1966–1970 гг. — 136, в 1971–1975 гг. — 161, в 1976–1980 гг. — 69, в 1981–1985 гг. — 108, в 1986–1987 гг. — 14 человек.

Специфическим видом наказания диссидентов было принудительное, по определению суда, помещение их в психиатрическую больницу, что с юридической точки зрения не являлось репрессивной санкцией. Применялась и такая мера воздействия как лишение советского гражданства. С 1966 по 1988 г. за действия, «порочащие высокое звание гражданина СССР и наносящие ущерб престижу или государственной безопасности СССР» были лишены советского гражданства около 100 человек, в т.ч. М. С. Восленский (1976), П. Г. Григоренко (1978), В. П. Аксенов (1980), В. Н. Войнович (1986). Несколько заключенных оппозиционеров (Г. Винс, А. Гинзбург, В. Мороз, М. Дымшиц, Э. Кузнецов) были обменены на арестованных за границей двух советских разведчиков, а В. К. Буковский — на оказавшегося в заключении лидера чилийских коммунистов Л. Корвалана.

Ко второй половине 1980-х годов диссидентство было в основном подавлено. Однако, как показали последующие события, победа оказалась эфемерной. Горбачевская «перестройка» в полной мере выявила его значимость. Оказалось, что открытая борьба нескольких сот инакомыслящих при моральной и материальной поддержке Запада против пороков существовавшего режима власти вызывала сочувствие неизмеримо более широкого круга сограждан. Противостояние свидетельствовало о существенных противоречиях в обществе. Идеи диссидентов широко популяризировались мировыми средствами массовой информации. Один только Сахаров в 1972–1979 гг. провел 150 пресс-конференций, подготовил 1200 передач для иностранного радио. Диссидентству в Советском Союзе активно содействовало американское ЦРУ. Известно, например, что к 1975 г. оно участвовало в издании на русском языке более 1500 книг русских и советских авторов. Все это во много раз увеличивало силу собственно диссидентской составляющей. По оценке Ю. В. Андропова, в Советском Союзе насчитывались сотни тысяч людей, которые либо действуют, либо готовы (при подходящих обстоятельствах) действовать против советской власти. Имелись такие и в составе партийно-государственной элиты советского общества.

Спуск государственного флага СССР с флагштока над куполами Кремля в 1991 г., если смотреть на это событие через призму антисоветского диссидентства, означает, что на позиции движения перешли по существу главные силы бывшего партийного и государственного руко-

водства. Они стали движущей силой номенклатурной революции 1991–1993 гг., которая моментально (по историческим меркам) подрубила устои «развитого социализма». Феномен внутрипартийного либерального диссидентства, его метод хорошо обрисованы в статье А. Н. Яковлева «Большевизм социальная болезнь XX века» (1999). В ней утверждается, что во времена «развитого социализма» группа «истинных реформаторов» раскрутила новый виток разоблачения «культы личности Сталина» «с четким подтекстом: преступник не только Сталин, но и сама система преступна». Партдиссиденты исходили из убеждения, что «советский тоталитарный режим можно было разрушить только через гласность и тоталитарную дисциплину партии, прикрываясь при этом интересами совершенствования социализма».

Политика гласности и другие перестроечные процессы изменили отношение советской власти к диссидентам. С получением свободы эмиграции многие из них выехали из страны, самиздатские издания (к концу 1988 г. их насчитывалось 64) стали действовать параллельно с государственными. Во второй половине 1980-х годов в СССР были освобождены последние отбывавшие наказание диссиденты. В декабре 1986 г. был возвращен из ссылки А. Д. Сахаров. В 1989 г. разрешено опубликовать «Архипелаг ГУЛАГ», в августе 1990 г. было возвращено гражданство СССР А. И. Солженицыну, Ю. Ф. Орлову и другим диссидентам. Диссидентство как движение прекратило свое существование. С 1986 г. на смену диссидентским группам приходят политические клубы, а затем народные фронты. Одновременно начался процесс становления многопартийной системы. До его завершения функции политических партий выполняли «неформальные» общественные организации. Вместе с тем, в 1990 г. в СССР продолжали отбывать наказание 238 политических заключенных.

В 1994 г. Администрация Президента РФ издала книгу «Слово о Сахарове», включающую материалы конференции, приуроченной ко дню рождения выдающегося ученого. В книге помещено выступление С. А. Филатова, который целиком отождествлял действующую власть с участниками возглавляемой А. Д. Сахаровым ветви диссидентства и теми его учениками, «кто взял на себя тяжкую обязанность реализовать многое из того, о чем Андрею Дмитриевичу мечталось... Да помогут нам выполнить эту нелегкую миссию опыт Сахарова, мысли Сахарова, идеи Сахарова и чувства Сахарова!». В этих словах заключена официальная оценка исторической роли одного из течений диссидентства. Что касается движения в целом в целом, то его участники за небольшим исключением (Л. М. Алексеева, Л. И. Бородин, С. А. Ковалев, Р. А. Медведев, В. Н. Осипов, В. И. Новодворская, Г. О. Павловский, А. И. Солженицын и др.) не сохранили заметного влияния на постсоветскую политическую и общественную жизнь страны.

§ 4. Национальная политика и национальные движения

С принятием в 1961 г. новой Программы КПСС связывалось начало нового этапа в развитии национальных отношений в стране. Его особенности виделись в дальнейшем сближении и достижении «полного единства» наций. Национальную политику, призванную регулировать национальные отношения на новом этапе, партия обязывалась проводить «на основе ленинской национальной политики», не допуская «ни игнорирования, ни раздувания национальных особенностей». Важнейшая цель политики виделась «по-прежнему» в обеспечении фактического равенства наций, народностей «с полным учетом их интересов, уделяя особое внимание тем районам страны, которые нуждаются в более быстром развитии». Растущие в процессе коммунистического строительства блага было обещано «справедливо распределять среди всех наций и народностей».

Однако «развернутое строительство коммунизма» в стране продолжалось недолго. В ноябре 1967 г. Л. И. Брежнев объявил, что в СССР построено развитое социалистическое общество, в дальнейшем предстояло его совершенствовать. Новые власти отказались и от других методологических новаций хрущевского периода. Положение о новой исторической общности при этом было сохранено и получило дальнейшее развитие с уточнением представления о ней как о многонациональном народе.

Положение о якобы вполне сформировавшейся в СССР новой исторической общности содержалось в выступлениях генерального секретаря на XXIV (1971) и XXV (1976) съездах партии. В развитие этого положения Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС подготовил и выпустил двумя изданиями книгу «Ленинизм и национальный вопрос в современных условиях» (1972, 1974), дававшую официальную трактовку феномена. В книге разъяснялось: «Советский народ представляет собой не какую-то новую нацию, а является исторической, более широкой, чем нация, нового типа общностью людей, охватывающей все народы СССР. Понятие “советский народ” появилось как отражение коренных изменений сущности и облика советских наций, как выражение их всестороннего сближения, роста их интернациональных черт. Но и при тесном переплетении интернационального и национального в социалистических нациях последние образуют советский народ, оставаясь в то же время его национальными компонентами». Упрочение «новой исторической общности» представлялось важнейшей целью государственной национальной политики.

На протяжении 1970–1980-х годов в стране издавалось несметное количество книг и статей о расцвете и сближении советских наций, о соотношении национального и интернационального, о торжестве

«ленинской национальной политики». Однако работы грешили декларативностью и схоластичностью, практически не способствовали сокращению разрыва между наукой, политикой и жизнью. Быстро оживляющееся национальное самосознание третировалось как проявление национализма. Реальные противоречия национальной жизни и межнациональных отношений упорно игнорировались. «Нациология» в условиях «развитого социализма» заметно активизировалась по праздничным датам в связи с юбилеями Октябрьской революции и образования СССР. Это не могло не накладывать отпечатка «заздравности» на значительную часть трудов, посвященных национальной проблематике.

Разумеется, новая историческая общность людей в СССР была не только сотворенным мифом, но и реальностью. В нынешних средствах массовой информации признание того, что были действительно советские люди, часто отождествляется либералами лишь со своего рода неполноценностью (отсюда презрительное «совок»). Однако этим не отменяется тот факт, что на уровне общественной рефлексии ощущение «советсконародности» имелось. Любители футбола разных национальностей в крупных международных матчах болели, как за *свои* за киевское и тбилисское «Динамо», ереванский «Арарат», за *наших* космонавтов, независимо от их национальной принадлежности. Иными словами, определенно существовало некое субстанционарное пространство не с этническим, а гражданским основанием.

«Согласно всем современным представлениям о государстве и нации советский народ был нормальной полиэтнической нацией, не менее реальной, чем американская, бразильская или индийская», — справедливо утверждает в наши дни С. Г. Кара-Мурза. Разумеется, степень «советскости» была различной у разных групп населения, однако единое хозяйство, единая школа и единая армия делали советский народ гораздо более сплоченным, чем названные полиэтнические нации. Убедительным аргументом в пользу существования такой общности является рост числа этнически смешанных браков. Переписью населения 1959 г. в стране зафиксировано 50,3 млн семей, из них 10,3% смешанных в национальном отношении. К 1970 г. смешанные семьи составляли 13,5%, в 1979 г. — 14,9, а в 1989 г. — 17,5% (12,8 млн из 77,1 млн семей). За каждым из супругов обычно стояли группы родственников, многократно увеличивавшие число породненных между собой людей различных национальностей.

О формировании новой общности говорили также данные о значительном числе нерусских, признававших русский язык языком межнационального общения, своим «родным» языком. По переписи 1926 г. их зафиксировано 6,4 млн, в 1959 г. — 10,2, в 1979 г. — 13; в 1989 г. уже — 18,7 млн. Если бы процесс перехода на русский язык не был достаточно естественным и добровольным, то подавляющее большинство нерусских не стали бы называть его «родным», ограничиваясь указанием на «сво-

боное владение» им. Переписи населения показывали также постоянный рост числа свободно использующих русский язык наряду с родным национальным языком. В 1970 г. в СССР проживали 241,7 млн человек (из них 53,4% были русскими). К 1989 г. их число увеличилось до 286,7 млн, среди них русских по национальности насчитывалось 145,2 млн (50,6%). При этом русский язык считали родным и свободно им владели 81,4% населения СССР и 88% населения России.

Принятая в 1977 г. Конституция характеризовала построенное в СССР «развитое социалистическое общество» как общество, «в котором на основе сближения всех социальных слоев, юридического и фактического равенства всех наций и народностей возникла новая историческая общность людей советский народ». Народ провозглашался главным субъектом власти и законотворчества в стране. Декларировалось равноправие граждан вне зависимости от расовой и национальной принадлежности; утверждалось, что «экономика страны составляет единый народнохозяйственный комплекс»; в стране имеется «единая система народного образования». В то же время Основной Закон утверждал, что «за каждой союзной республикой сохраняется право свободного выхода из СССР», каждая союзная и автономная республика имеет свою Конституцию, учитывающую их «особенности», территория республик «не может быть изменена» без их согласия, «суверенные права союзных республик охраняются Союзом ССР». Таким образом, «советский народ» в Конституции предстал на словах единым, но реально разрезанным на различные «суверенные» и «особенные» части. Последнее соответствовало также духу никем не отмененной Декларации прав народов России, провозгласившей еще на заре советской власти (2 ноября 1917 г.) не только «равенство и суверенность народов России», но также их право «на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства».

Исследователи выделяли в единой «новой исторической общности» явно различающиеся по возможностям реализации своего суверенитета нации, народности, этнические и национальные группы. Единого мнения об их соотношении в советское время так и не было сформировано. К примеру, утверждалось, что из 126 национальных общностей, зафиксированных переписью 1959 г., к категории наций принадлежали 35 национальностей, к народностям — 33, к национальным группам — 35, к этническим группам — 23. Из 123 общностей, выявленных переписью 1979 г., к нациям отнесены 36, народностям — 32, национальным группам — 37, этническим — 18 национальностей. Но это был лишь один из вариантов типологизации общностей; были и другие, существенно отличавшиеся от приведенного. Разные возможности для реализации жизненных интересов имели народы «титультные» и «нетитультные», национальные большинства и меньшинства.

Народы СССР существенно различались по темпам роста численности. Например, с 1959 по 1989 г. число эстонцев и латышей увеличилось соответственно на 3,8 и 4,2%, украинцев и белорусов — на 19 и 27%, русских и литовцев — на 27 и 31%, грузин, молдаван и армян — на 48, 51 и 66%, казахов и азербайджанцев — на 125 и 130%, киргизов и туркмен — на 161 и 172%, а узбеков и таджиков — на 178 и 202%. Все это создавало естественную озабоченность отдельных народов демографической ситуацией, которая усугублялась нерегулируемой миграцией населения.

Территориальный принцип национально-государственного устройства СССР с течением времени обнаруживал все большее противоречие с растущей интернационализацией состава населения «национальных» образований.

Наглядным примером служила Российская Федерация, где в 1989 г. проживали 51,5% населения СССР. Общее число российских народов чаще всего обозначалось неопределенным выражением: «более ста». Республика имела сложную иерархическую систему национально-государственного и административного устройства. В ее состав входили 31 национально-государственное и национально-территориальное образования (16 автономных республик, 5 автономных областей, 10 автономных округов); имелся 31 народ-эпоним (народы, чьим именем названы автономные образования). При этом в четырех автономных образованиях имелось по два «титულных» народа (Кабардино-Балкария, Чечено-Ингушетия, Карачаево-Черкесия, Ханты-Мансийский автономный округ). У бурят и ненцев было по три автономных образования, у осетин — два (одно в России, другое в Грузии). Дагестанскую АССР населяли 26 коренных народов. Другие этносы своих территориальных национальных образований не имели. Наряду с автономными национальными образованиями РФ включала «русские» края и области без официального национального статуса. При такой ситуации среди разных народов естественным образом возникали движения за выравнивание и повышение своего «государственного» статуса или его обретение.

Народы РСФСР, имевшие свои автономные образования, насчитывали 17,7 млн человек, или 12% ее населения (данные 1989 г.). Из них в пределах собственных автономных образований проживали 10,3 млн человек, 7% общей численности населения России. Другие народы, в том числе и составлявший более 80% ее населения русский народ, автономностью не располагали. Лишь 6 «титулных» этносов составляли большинство населения в своих автономиях. По существу, давшие названия большинству российских автономий народы, были в них «титулными» меньшинствами. Многие этносы в значительной части проживали за пределами своих этно-территориальных образований: 99,4% евреев, 73% мордвы, 73% татар, 52% марийцев, 51% чувашей, 44% осетин, 40% башкир, 40% карел и т.д. 30 национальных групп общей численностью 1,3 млн человек составляли в РСФСР народы, основная масса которых жила за пределами СССР, имея там свою государственность (немцы, корейцы, поляки, греки, финны, болгары, насчитывавшие сотни и десятки тысяч человек, а также французы, австрийцы, англичане и американцы, исчисляемые сотнями человек). Экстеррито-

риальную автономию (национально-персональную, национально-культурную) советская власть отвергала, полагая, что она противоречит принципу интернационализма и консервирует «утонченный национализм».

Противоречия в национальной сфере, созданные на разных этапах истории, спустя годы и десятилетия выходили на поверхность общественной жизни. По-прежнему давали о себе знать движения советских немцев и крымских татар за восстановление утраченных в годы войны автономий. Другие репрессированные народы требовали разрешения возвратиться к местам прежнего жительства (турки-месхетинцы, греки и др.). Недовольство условиями жизни в СССР порождало среди ряда народов (евреи, немцы, греки) движения за право эмигрировать на «историческую родину». Протестные движения, эксцессы и другие акты недовольства национальной политикой возникали и по другим поводам. Целый ряд из них можно отметить в соответствии с хронологией событий.

Так, 24 апреля 1965 г. в связи с 50-летием геноцида армян в Турции состоялось стотысячное траурное шествие в Ереване. Студенты и присоединившиеся к ним рабочие и служащие многих организаций шли к центру города с лозунгом «Справедливо решить армянский вопрос!». Демонстрантов разогнали с использованием пожарных машин.

8 октября 1966 г. по случаю 45-летия образования Крымской АССР прошли митинги крымских татар в узбекских городах Андижане и Бекабаде, 18 октября в Фергане, Кувасае, Ташкенте, Чирчике, Самарканде, Коканде, Янгикургане, Учкудуке. Многие митинги были разогнаны. При этом только в Ангрене и Бекабаде 17 митинговавших были осуждены за участие в «массовых беспорядках».

В марте 1967 г. в течение двух недель продолжались «абхазские события», участники которых требовали узаконения абхазской топонимики в республике, предоставления привилегий представителям абхазской национальности в трудоустройстве и поступлении в высшие учебные заведения, изучения абхазского языка во всех неабхазских школах республики и даже выделения Абхазии из состава Грузии со статусом союзной республики в составе СССР. В сентябре 1967 г. в Москву прибыла группа деятелей культуры Абхазии с требованием изъять из обращения изданную в Тбилиси книгу, автор которой пытался доказать, что абхазской национальности не существует, абхазы это грузины, принявшие когда-то мусульманство. В результате секретарь обкома и председатель правительства Абхазии были освобождены от должностей и на их место рекомендованы абхазы. Грузинские названия и вывески на грузинском языке заменены абхазскими. В Тбилисском университете были открыты отделения абхазского языка и литературы.

22 мая 1967 г. во время традиционного собрания и возложения цветов к памятнику Тарасу Шевченко в Киеве задержали за участие в несанкционированном мероприятии несколько человек. Возмущенные люди

обступили милицию и скандировали: «Позор!» Позднее 200–300 участников собрания направились к зданию ЦК, чтобы выразить протест и добиться освобождения арестованных. Власти пытались остановить движение колонны водой из пожарных машин. Министр охраны общественного порядка республики был вынужден освободить задержанных.

2 сентября 1967 г. милиция рассеяла в Ташкенте многотысячную демонстрацию крымских татар, протестующих против разгона 27 августа двухтысячного собрания-встречи с представителями крымско-татарского народа, возвратившимися из Москвы после приема их 21 июня Ю. В. Андроповым, Н. А. Щелоковым, секретарем Президиума ВС СССР М. П. Георгадзе, генеральным прокурором Р. А. Руденко. При этом были задержаны 160 человек, 10 из них осуждены. Однако 5 сентября 1967 г. был издан указ Президиума ВС, снимающий с крымских татар обвинения в предательстве. Им возвращались гражданские права. Татарская молодежь получала право учиться в вузах Москвы и Ленинграда, но татарские семьи не могли приезжать и селиться в Крыму. Против их возвращения возражали партизаны Крыма, но главная причина состояла в том, что Крым к тому времени был «подарен» Н. С. Хрущевым Украине.

Длительного времени потребовало преодоление последствий столкновения между узбекской и русской молодежью, произошедшего в Ташкенте во время и после футбольного матча между командами «Пахтакор» (Ташкент) и «Крылья Советов» (Куйбышев) 27 сентября 1969 г. на более чем стотысячном стадионе. Неприязнь местного населения к русским была вызвана отрицательными чертами (пьянство, хулиганство, воровство, проституция), якобы принесенными в республику в 1920-е годы преимущественно из Поволжья. Презрительное прозвище «самарские» с тех пор укоренилось среди узбеков и перенесено на всех русских. Конфликт возник в середине матча, когда судья не засчитал гол, забитый «Пахтакором». Столкновения продолжались и после матча. В результате более тысячи человек были арестованы. Руководители республики пытались свести к минимуму информацию о масштабах эксцесса. Понимая всю неприглядность случая, особенно на фоне огромной помощи Ташкенту из РСФСР и других союзных республик после разрушительного землетрясения 1966 г., они не хотели, чтобы инцидент расценивался как узбекский национализм.

Период 1960–1980-х годов характеризуется значительным усилением сионистских настроений среди советских евреев. Следствием «пробуждения у молодежи еврейского сознания» был рост эмиграционных побуждений. В целях опровержения обвинений в том, что в СССР якобы проводится политика государственного антисемитизма, была выпущена официальная брошюра «Советские евреи: мифы и действительность» (1972). В ней отмечалось, что составлявшие менее 1% общей численности населения страны евреи насчитывали 11,4% лауреатов

Ленинской премии, высшее звание Героя Социалистического Труда получили 55 человек, дважды этого звания удостоены 4, трижды — 3 представителя этой национальности. При политике государственного антисемитизма такое было бы невозможно.

В 1972 г., когда в Грузии произошла смена на посту первого секретаря ЦК Компартии республики, открывалась возможность для пересмотра отношения ее руководства к национальной проблеме месхетинских турок. В. П. Мжаванадзе в бытность первым секретарем ЦК (1953–1972) считал невозможным их возвращение. «Во-первых, говорил он, земли месхетинцев уже заняты другими, а во-вторых, рядом граница, месхи же занимаются контрабандой, и поэтому пограничники возражают против их возвращения». Попытки руководителей КГБ и погранвойск показать, что это неверная информация, не возымели действия. Э. А. Шеварднадзе, когда он стал первым секретарем ЦК, продолжал придерживаться версии своего предшественника. В результате в Грузию смогли вернуться лишь месхетинцы, решившиеся изменить свою национальность и стать грузинами по паспорту.

30 марта 1972 г. в Политбюро ЦК КПСС при обсуждении книги одного из его членов П. Е. Шелеста «Украина наша советская» (1971) прозвучало: «В этой книге воспевается казачество, пропагандируется архаизм», «на Украине много вывесок и объявлений на украинском языке. А чем он отличается от русского? Только искажением последнего. Так зачем же это делать?». Высказывались возражения против установления гербов городов, экскурсий и туризма по старинным городам и памятным местам. А. Н. Косыгин говорил: «Создание в свое время совнархозов тоже было проявлением национализма... Непонятно, почему на Украине в школах должны изучать украинский язык?.. Севастополь испокон веков русский город. Почему и зачем там имеются вывески и витрины на украинском языке?». Можно предположить, что каждый из выступавших в глубине души считал украинцев или, по крайней мере, их предков русскими. В итоге в журнале «Коммунист Украины» (1973. № 4) была опубликована редакционная статья «О серьезных недостатках одной книги», было дано указание обсудить статью и книгу Шелеста на всех городских и областных активах. Книга была изъята из продажи. В апреле 1973 г. по решению пленума ЦК ее автор «пошел на отдых по состоянию здоровья».

В 1972 г. большой резонанс вызвали похороны Р. Каланты, 18-летнего юноши из Каунаса, совершившего 18 мая самоубийство в знак протеста против «советской оккупации Литвы». Они переросли в масштабную манифестацию национального протеста. Около 400 демонстрантов были задержаны, а 8 из них осуждены.

В 1973 г. обострилась ситуация вокруг Пригородного района Северной Осетии. 16–19 января тысячи ингушей съехались в Грозный, требуя от властей решения этой проблемы. В переданном властям заявлении

перечислялись факты дискриминации ингушского населения в Осетии главным образом при приеме на работу. Ингуши просили обеспечить им на территории спорного района равные с осетинами права. Демонстрации и митинги продолжались несколько дней и в конце концов были разогнаны водой из брандспойтов и милицейскими дубинками.

В январе 1977 г. дело дошло до террора на национальной почве. Трое армян, являвшиеся членами подпольной «Национальной объединенной партии», приехали из Еревана в Москву, взорвали 8 января три бомбы в вагоне метро и двух продовольственных магазинах. 37 человек погибли и были ранены. После неудавшейся попытки взорвать три заряда на Курском вокзале накануне ноябрьских праздников преступники были задержаны. Характерно, что и в этом случае, чтобы не «компрометировать армянский народ», по указанию руководства Компартии Армении ни одна газета, выходившая на армянском языке, не опубликовала сообщения о террористическом акте. Документальный фильм о процессе над террористами тоже запретили показывать. Когда же в «Известиях» появилось выступление А. Д. Сахарова, который протестовал против якобы незаконного ареста армян (он отказывался верить, что террористы могли приехать в Москву совершать убийства), К. С. Демирчян возмутился: «Как смел Сахаров разглашать фамилии преступников, кто дал разрешение редакции печатать этот материал!».

На принятую новую Конституцию СССР одними из первых откликнулись футбольные болельщики в Вильнюсе. 7 октября 1977 г., после победы «Жальгириса» над витебской «Двиной», а через три дня над смоленской «Искрой», несколько сотен зрителей первого футбольного матча и более 10 тыс. после второго двинулись по улицам города, выкрикивая: «Долой конституцию оккупантов!», «Свободу Литве!», «Русские, убирайтесь вон!». Литовская молодежь срывала плакаты к 60-летию Октября, била витрины с наглядной агитацией. Инциденты закончились в первом случае задержанием 17, а во втором — 44 участников этих своеобразных демонстраций.

Противоречия в национальной сфере проявились при принятии в 1978 г. на основе Конституции СССР новых республиканских конституций. Чтобы отразить процесс «сближения» наций, из проектов конституций закавказских союзных республик, по предложению Центра, исключили статьи о государственном языке. Эта «новация» вызвала волну открытого протеста со стороны студенчества и интеллигенции. Статью пришлось сохранить, невзирая на то что их не было ни в конституциях остальных союзных республик, ни в союзной Конституции.

Весной 1978 г. состоялись митинги абхазского населения в различных населенных пунктах автономной республики с требованиями придания государственного статуса абхазскому языку, прекращения миграции в республику грузин, отделения от Грузии и вхождения в состав

РСФСР. Уступкой требованиям абхазов стало включение в конституцию автономной республики положения о введении в ней трех государственных языков: абхазского, русского и грузинского.

В декабре 1978 г. прошла демонстрация немцев-«отказников» в Душанбе с требованием разрешить им покинуть страну. Перед собравшимися выступил первый секретарь горкома и пообещал увеличить число разрешений на выезд. Обещание было выполнено.

В 1979 г. открывалась возможность решения проблемы советских немцев, выселенных в годы войны из мест своего проживания. В книге «КГБ и власть» (1995) Ф. Д. Бобков писал об этом: «Трудно было объяснить, почему их права не были восстановлены после войны... В ФРГ появились центры, которые поддерживали эмиграционные настроения советских немцев... Мы же вели страусову политику, делая вид, будто проблемы вообще не существует. Дело доходило до абсурда. Например, в Казахстане проживало около миллиона немцев, изгнанных с обжитой земли в Поволжье, и этот факт пытались скрыть от советской и мировой общественности. В энциклопедии Казахстана немцы даже не упоминались как национальность в составе населения республики... Но вот Москву собрался посетить канцлер ФРГ Аденауэр. В ЦК КПСС засуетились, понимая, что советские немцы непременно будут апеллировать к нему. И тогда было принято поистине соломоново решение: из многих тысяч желающих уехать в ФРГ разрешение на выезд получили... около трехсот семей. Точно так же поступали и потом, при посещении СССР другими высокопоставленными лицами из обоих немецких государств».

Возглавляемое Бобковым управление КГБ вошло в ЦК с предложением создать немецкую автономную область на территории Казахстана. Предложение было принято, Политбюро издало соответствующее решение. Руководители республики обещали решить вопрос. Определена была территория будущей автономии, названа ее столица (г. Ерментау на востоке Целиноградской области), выбрано здание обкома, намечен его состав. Оставалось лишь провозгласить образование автономной области, намеченное на 15 июня. Однако утром этого дня в Целинограде состоялась манифестация казахских студентов против решения властей в Москве и Алма-Ате о создании автономии. Она проходила под лозунгами: «Казахстан неделим!», «Нет немецкой автономии!». Пришлось просить активистов автономистского движения «пождать» с провозглашением их национально-территориального образования.

Осень 1980 г. стала временем молодежных беспорядков в Эстонии. 22 сентября, после отмены выступления молодежного поп-оркестра «Пропеллер», назначенного на таллинском стадионе после футбольного матча, около тысячи эстонских школьников вышли на улицы с протестом против этого решения. Концерт был отменен в связи с обнаружением в текстах песен «националистических мотивов». Демонстрацию разогнала

милиция, нескольких старшекласников исключили из школ. А 1 и 3 октября милиции пришлось разгонять уже более чем тысячную демонстрацию протеста против этих исключений. Демонстранты размахивали флагами независимой Эстонии, выкрикивали лозунги «Свободу Эстонии!», «Русские вон из Эстонии!». 7 и 8 октября последовали новые демонстрации протеста в Таллине (несколько сотен участников), а 10 октября молодежные демонстрации в Тарту и Пярну. В результате из школ исключили около 100 учащихся, нескольких человек осудили за «хулиганство».

1981 г. характеризует усиление наступления властей на русские патриотические силы. 28 марта Ю. В. Андропов направил в Политбюро записку, в которой отмечал создание среди интеллигенции движения «русистов». Русизм в записке представлялся «демагогией о необходимости борьбы за сохранение русской культуры, памятников старины, за “спасение русской нации”», которой «прикрывают свою подрывную деятельность откровенные враги советского строя». Под лозунгами защиты русских национальных традиций русисты, доносил глава КГБ, «по существу занимаются активной антисоветской деятельностью». Андропов ставил вопрос о скорейшей ликвидации этого движения, угрожавшего, по его мнению, коммунистическим устоям больше, чем так называемые диссиденты. В качестве конкретных мер предлагалось привлечь к ответственности А. М. Иванова и С. Н. Семанова, а также «осуществить профилактические мероприятия в отношении их единомышленников, не склонных к разоружению, и лиц заблуждающихся».

Результатом наступления на «русистов» было увольнение Семанова в апреле с поста главного редактора журнала «Человек и закон». В августе арестовали публициста Иванова, автора известных в патриотических кругах статей в журнале «Вече», работ «Логика кошмара» и «Рыцарь неясного образа», изображающих историю компартии как цепь заговоров, переворотов, грубого насилия, задуманных и осуществленных людьми, мечтавшими только о сохранении своей личной власти. В конце 1981 г. была разгромлена редакция «Нашего современника» за публикацию материалов В. Кожина, А. Ланщикова, С. Семанова, В. Крупина. Авторы осудили публично, редактора журнала С. В. Викулова после соответствующего внушения оставили на посту, но обоих его заместителей уволили. На совещаниях в ЦК подвергались критике такие яркие книги русских писателей, как «Лад» В. Белова и «Память» В. Чивилихина.

В 1982 г. развалили саратовский журнал «Волга». Поводом послужила статья М. Лобанова «Освобождение», написанная по поводу романа М. Алексеева «Драчуны», где рассказывалась правда о голоде 1933 г. в Поволжье. В статье впервые в публицистике омысливались масштабы и причины народной трагедии раскрестьянивания. Публикация была осуждена специальным решением Секретариата ЦК. Главного редактора Н. Е. Палькина уволили. Журнал захирел. Осенью 1983 г. в

«Литературной газете» и «Вопросах литературы» начались нападки на ученых, изучающих творчество русских философов В. С. Соловьева, Н. Ф. Федорова, П. А. Флоренского. Получили строгие взыскания издатели книги выдающегося русского философа А. Ф. Лосева. Во время преследований «русистов» власти помиловали (апрель 1983 г.) арестованных годом ранее диссидентствующих «еврокоммунистов» (А. Фадин, П. Кудюкин, Ю. Хавкин и др.) из Института мировой экономики и международных отношений, которым руководил либеральный академик Н. Н. Иноземцев, а в 1983–1985 гг. А. Н. Яковлев.

Осенью 1981 г. случились крупные беспорядки в столице Северной Осетии. Волнения начались 24 октября, во время похорон в Орджоникидзе таксиста-осетина, убитого двумя ингушами, выпущенными на свободу через три дня после убийства за выкуп в миллион рублей. Участники похоронной процессии организовали митинг и захватили здание обкома. К вечеру порядок на площади был восстановлен силами курсантов местного военного училища. На следующий день столкновения митингующих (более 10 тыс. человек) с силами правопорядка распространились по всему городу. За три дня беспорядков задержано более 800 человек, 40 из них были осуждены. Первый секретарь обкома КПСС Б. Е. Кабалоев снят с должности.

К концу рассматриваемого периода после нескольких довольно спокойных лет произошло крупное волнение на этнической почве в столице Таджикистана Душанбе.

Весной 1985 г. вновь фиксируются давно забытые беспорядки в воинских эшелонах с призывниками в Советскую Армию. В течение двух дней разгоряченные алкоголем призывники-мусульмане выясняли отношения с немусульманами. Этим событием открывалась череда эксцессов с националистической подоплекой в наступившей «эпохе перестройки». События на Северном Кавказе удостоились специального рассмотрения на заседании Секретариата ЦК. Причина неблагополучия в национальной сфере усматривалась, как и ранее, в изъянах нравственного и интернационального воспитания, тлетворном влиянии религии. ЦК тоже привычно призвал строить воспитание таким образом, чтобы советский человек ощущал себя в первую очередь гражданином СССР, а уж потом представителем той или иной нации.

Учебник «Обществоведение» (авторы: Г. Х. Шахназаров и др.), лежащий в основе работы в средней школе по формированию мировоззрения выпускников (в 1983 г. выпущен 21-м изданием), заканчивался на сверхоптимистической ноте: «Теперь мы не предсказываем наступления золотых времен человеческой истории, а говорим об этом со всей уверенностью, какую дают марксистско-ленинская наука и общественная практика. Уже теперь в СССР границы между республиками утратили былое значение, и когда мы путешествуем из конца в конец нашей

необъятной Родины, кому приходит в голову отмечать, сколько пересечено границ? Постепенно сотрутся и национальные различия, и разве только имена останутся напоминанием о прошлом. Объединенное в одну братскую семью человечество достигнет вершин своего могущества, осуществит дерзновенные замыслы покорения природы». Конечно, далеко не все были столь беззаботны в ожидании «золотых времен».

В записке специалиста по национальным проблемам, консультанта ЦК Э. А. Баграмова, направленной в 1983 г. Ю. В. Андропову, были подвергнуты анализу тревожные демографические и социально-психологические тенденции, обозначены конфликтные ситуации во взаимоотношениях грузин и абхазов, осетин и ингушей, армян и азербайджанцев из-за НКАО, сложные межэтнические проблемы в Эстонии, Карачаево-Черкессии, крымско-татарская проблема. Обращалось внимание на то, что в работе по укреплению дружбы народов «много парадности, шумихи, декларативности», существует неправильное представление об отсутствии реальных проблем в национальной сфере, отсутствуют органы, специально занимающиеся разрешением проблем в межнациональных отношениях. Предлагалось начать перестройку всей работы в этой области. Однако секретарей ЦК М. В. Зимянина и И. В. Капитонова, которые принимали автора записки, его доводы не убедили. Поскольку «провалов в национальной политике нет», полагали они, то не стоит и беспокоиться. Андропову о состоявшейся беседе докладывалось, что «выдвинутые предложения о создании органов, занимающихся национальным вопросом в ЦК, Президиуме Верховного Совета, а также о печатном органе нецелесообразны». Проблемы национальных отношений рекомендовалось решать «в контексте развития социально-политических отношений, что естественно и правомерно». Недостаточность таких решений обнаружило ближайшее будущее.

§ 5. Внешняя политика

Со второй половины 1960-х годов в отношениях СССР со странами Запада дала о себе знать известная «разрядка» напряженности. Она явилась следствием достигнутого к тому времени стратегического паритета СССР и США, лишившего любую из сверхдержав возможности победы в ядерной войне. В 1969 г. Запад поддержал предложение стран Варшавского блока о проведении общеевропейского Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Весной 1971 г. на XXIV съезде КПСС была принята так называемая «Программа мира», в которой СССР, не отказываясь от борьбы за «торжество социализма во всем мире», выступил с предложениями о разрядке международной напряженности.

В 1970 г. советско-западногерманским договором признавались окончательными послевоенные границы в Европе; аналогичные дого-

воры ФРГ заключила с Польшей и Чехословакией; в декабре 1972 г. состоялось взаимное признание ФРГ и ГДР. В мае 1972 г. СССР и США заключили Договор об ограничении систем противоракетной обороны (ПРО) и Временное соглашение об ограничении стратегических наступательных вооружений сроком на 5 лет, названное впоследствии договором ОСВ-1. Договор устанавливал для обеих сторон ограничения по количеству межконтинентальных баллистических ракет, а также ракет, запускаемых с подводных лодок; однако число ядерных зарядов у сторон не оговаривалось, их наращивание продолжалось.

В ноябре 1974 г. удалось договориться о новом соглашении об ограничении стратегических наступательных вооружений (ОСВ-2). Этот договор должен был регулировать предельные рамки по более широкому спектру вооружений, включая стратегические бомбардировщики и разделяющиеся боеголовки. Подписание договора намечалось на 1977 г., однако не состоялось из-за появления в США нового типа вооружений — «крылатых ракет» и отказа устанавливать на них ограничения. Таким образом, не останавливая гонку вооружений, договор сужал ее фронт. Этому способствовала подписанная в 1972 г. и вступившая в силу в марте 1975 г. конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического и токсического оружия и об их уничтожении.

Плодотворное развитие сотрудничества между СССР и США сделало возможным совместный космический полет в июле 1975 г. двух кораблей — «Союза» и «Аполлона». В мае 1976 г. заключен советско-американский договор, регламентирующий проведение подземных ядерных испытаний в мирных целях.

Кульминацией «разрядки» международной напряженности стал Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, подписанный 1 августа 1975 г. главами 33 европейских государств, а также США и Канады. Он устанавливал, что впредь взаимоотношения стран участниц Совещания будут определяться рядом принципов. Таковыми считались: суверенное равенство, неприменение силы или угрозы силой, нерушимость послевоенных границ, территориальная целостность государств, мирное урегулирование споров, невмешательство во внутренние дела, уважение прав человека и основных свобод. Однако, как показали дальнейшие события, СССР рассматривал Акт прежде всего с точки зрения признания границ в Европе и своего особого положения в ней. Западные же страны ключевым считали пункт о соблюдении прав человека в Советском Союзе и странах Восточной Европы. С развертыванием на Западе кампании в защиту прав человека «разрядка» оказалась подорванной, а с началом войны в Афганистане (декабрь 1979 г.) и вовсе похороненной.

Отношения со странами «третьего мира» в период раннего «развитого социализма» в СССР определялись его стремлением приобрести но-

вых союзников, наладить взаимовыгодное сотрудничество с ними. Советский Союз выступил на стороне Египта и Сирии в «семидневной войне» с Израилем в июне 1967 г., способствовал погашению очередной военной вспышки на Ближнем Востоке осенью 1973 г., поддерживал Индию в ее конфликтах с Пакистаном в середине 1960-х годов и в 1971-м. В отношениях с развивающимися странами приоритет отдавался странам «социалистической ориентации» (Кампучия, Лаос, Сомали, Ангола, Мозамбик, Никарагуа). Они получали экономическую и военную помощь, исчисляемую порой миллиардами долларов. Военно-блоковая логика во внешней политике приводила к установлению союзнических отношений и с режимами диктаторского типа (Ирак, Сирия, Ливия, Эфиопия). Точно такую же политику вели США, поддерживающие крайне реакционные режимы антикоммунистической и антисоветской ориентации.

Отношения с соцстранами в этот период испытывали определенные трудности. В стороне от согласованной с Советским Союзом политики находились Китай, Албания, Румыния, Югославия, КНДР. Обострились отношения с Китаем. В июле 1964 г. Мао Цзэдун заявил, что «примерно сто лет назад район к востоку от Байкала стал территорией России, и с тех пор Владивосток, Хабаровск, Камчатка и другие пункты являются территорией Советского Союза. Мы еще не предъявляли счета по этому реестру». Вскоре был оглашен список претензий на 1,5 млн кв. км, а в неофициальных беседах говорилось о 3 млн кв. км. В марте 1969 г. произошли вооруженные столкновения в районе острова Даманский на реке Уссури (290 км южнее Хабаровска), а затем и на других участках советско-китайской границы. Всего было около 500 инцидентов, в которых участвовали 2,5 тыс. китайских военных и гражданских лиц. С осени 1969 г. начаты переговоры по пограничным спорным вопросам. Они шли тяжело, часто заходили в тупик. После смерти Мао Цзэдуна (сентябрь 1976 г.) ситуация не улучшилась. (Даманский с сентября 1969 г. стал де-факто, а с марта 1992 г. де-юре китайским о. Чженьбаодао.)

СССР оказывал поддержку Северному Вьетнаму в его борьбе за объединение страны против южновьетнамского режима и открыто выступивших на его стороне США. 5 февраля 1965 г. наше правительство заявило, что «советский народ выполнит свой интернациональный долг в отношении братской социалистической страны». Помощь (в основном вооружением и специалистами, обслуживавшими пусковые установки зенитных ракет) оказывалась более 10 лет, вплоть до поражения южновьетнамского режима. Война, начавшаяся в августе 1964 г., закончилась вступлением северовьетнамских войск в Сайгон 30 апреля 1975 г. и провозглашением Социалистической Республики Вьетнам в июле 1976 г.

«Мировая система социализма» испытывала большие потрясения и в Восточной Европе. В декабре 1967 г. к руководству компартией Чехословакии пришел А. Дубчек. В апреле 1968 г. в ЧССР была принята

программа, открывавшая дорогу экономической реформе и демократизации. Однако уже к лету в стране явственно обозначились признаки общественно-политического кризиса. Средства массовой информации вышли из-под партийного контроля, авторитет КПЧ стремительно пал, вырисовывалась вполне реальная перспектива ее поражения на выборах в Национальное собрание, назначенных на осень. Руководители «братских партий» увидели во всем этом угрозу и для социализма в своих странах.

«Пражская весна» закончилась вводом в Чехословакию в августе 1968 г. войск СССР, Польши, Венгрии, ГДР и Болгарии. «Угроза контрреволюции» была предотвращена. Но эта акция усилила раскол в «социалистическом лагере». Албания вышла из Организации Варшавского договора. Однако реакцией на чехословацкие события стала серия межгосударственных договоров и соглашений в рамках СЭВ, направленных на усиление экономической и военной интеграции стран Восточной Европы. Роль СССР в содружестве усилилась.

На Западе «право на вторжение» СССР в союзные страны под предлогом защиты социализма и «ограничение суверенитета» восточноевропейских стран стали называть «доктриной Брежнева». Она оказалась, однако, малоэффективной. Кризисные явления вскоре дали о себе знать в Польше. С 1970-х годов здесь начались массовые выступления жителей страны против существовавшего политического режима. Польша стала первой страной социалистического содружества, в которой реально возникла альтернативная политическая власть.

Прямолинейность «геронтократов» в осуществлении курса во внешней политике СССР в годы позднего развитого социализма стала одной из причин нового обострения международной напряженности. Соглашение с США об ограничении стратегических наступательных вооружений (ОСВ-2), которым устанавливалась предельная численность у сторон стратегических бомбардировщиков и разделяющихся боеголовок, действовало с 1974 г. Однако оно не приобрело юридической силы из-за отказа США учитывать предельно допустимые уровни по новым видам вооружений. 18 июня 1979 г. во время встречи в Вене Л. И. Брежнева и президента США Д. Картера договор ОСВ-2 был все-таки подписан. Он ограничивал у сторон на период до 1985 г. количество ядерных вооружений всех видов числом 2400. Однако американский конгресс договор не ратифицировал, и администрация США до 1986 г. выполняла его условия «добровольно».

В 1978 г. США развернули кампанию по размещению в Западной Европе нейтронных боеприпасов. Идея массовых убийств при сохранении материальных ценностей вызвала возмущение европейской общественности. 7 апреля 1978 г. нейтронный проект был приостановлен. Но уже 12 декабря 1979 г. на сессии НАТО принято решение о размещении

в Западной Европе крылатых ядерных ракет среднего радиуса действия (Першинг II) и крылатых ракет «Томагавк», способных достигать территории Советского Союза за считанные минуты.

Администрация президента США Р. Рейгана (1981–1988) оказалась совсем не расположенной к поискам компромиссов с «коммунистами». В июне 1982 г., предпринимая новое пропагандистское наступление против СССР, Рейган провозгласил «всемирную демократическую революцию», которая «сметет марксистско-ленинские режимы на свалку истории, как это уже случилось с другими тираниями». В ноябре 1982 г. вышла директива Рейгана по защите национальной безопасности, провозглашавшая, что цель политики США подрыв сырьевого комплекса СССР. Другая директива, от января 1983 г., предусматривала дополнительное финансирование оппозиционного движения в странах Восточного блока в размере 108 млн долларов. По словам одного из ее авторов, она четко формулировала, что американской целью является «не сосуществование с СССР, а изменение советской системы».

В 1983–1984 гг. новые ракеты были размещены на территории ФРГ, Великобритании, Италии. В свою очередь Советский Союз, по согласованию с правительствами ЧССР и ГДР, разместил в этих странах в 1984 г. вместо устаревших ядерных ракет РСД-4 и РСД-5 новые ракеты среднего радиуса действия РСД-20 (на Западе их называли «СС-20»).

Таким образом, европейская разрядка была сломана, гонка вооружений ускорилась, мир снова стал приближаться к опасной черте. Вместе с тем к середине 1980-х годов становился все более очевидным тупик, в который вела гонка вооружений ее участники. В 1983 г. советские ученые во главе с академиком Моисеевым сделали ставшие всемирно известными численные расчеты последствия для планеты полномасштабной ядерной войны, получившие название «ядерная зима» (опубликованы в книге: Моисеев Н. Н., Александров В. В., Тарко А. М. Человек и биосфера. М., 1985). Реальная угроза человечеству в результате войны с применением ядерного оружия немного поубавила число ядерных ястребов на планете, но прекратить гонку вооружений не могла.

Гонка ложилась тяжелым бременем на советскую экономику, усугубляя негативные тенденции ее развития. Темпы гонки оказались для СССР непосильными. С конца 1970-х годов он начал постепенно отставать от США по отдельным видам вооружений. Это обнаружилось с появлением у американцев крылатых ракет и стало еще более очевидно после обнародования в марте 1983 г., в нарушение Договора по ПРО 1972 г., программы стратегической оборонной инициативы (СОИ). Гонка вооружений явилась одной из причин кризиса в СССР. По американской оценке, она отвлекала от работы на потребительские нужды 25–30% производственных мощностей СССР, а у США этот показатель находился на уровне 5–6%.

Другим «источником разорения» СССР становилась помощь развивающимся странам. В конце 1970-х годов он был связан дипломатическими отношениями более чем со 130 государствами, почти половину из них составляли развивающиеся. Стремясь к расширению своего влияния, Советский Союз направлял для работы в страны «третьего мира» военных и гражданских специалистов, выделял огромные льготные долговременные кредиты, осуществлял поставки дешевого вооружения и сырья. Если в 1955–1968 гг. поставки оружия «братским режимам» составляли сумму в 4,5 млрд долларов; а в 1966–1975 гг. — 9,2 млрд; то в 1978–1982 гг. они равнялись 35,4 млрд долларов. СССР нес большие затраты на обучение иностранных студентов и аспирантов. Однако эффективность помощи оказалась незначительной, кредиты по большей части не возвращались.

В конце 1970-х — начале 1980-х годов возросли противоречия в отношениях СССР с его союзниками по Организации Варшавского договора. В государствах Восточной Европы усилилось стремление освободиться от опеки со стороны СССР, добиться самостоятельности в проведении внутренней и внешней политики. Особенно острым стал социально-экономический и политический кризис, разразившийся в конце 1970-х годов в Польше. Расширение советской экономической помощи успеха не имело. Кризис разрастался. В 1980 г. рабочий профсоюз «Солидарность» организовал ряд крупных антиправительственных выступлений, требуя проведения экономических и политических реформ. Правительство было вынуждено пойти на уступки. На встрече с руководством СССР в апреле 1981 г. первый секретарь ЦК ПОРП С. Каяя признал, что «контрреволюция сильнее власти». Однако «братская» помощь Польше по чехословацкому варианту исключалась из-за боязни возникновения «второго Афганистана». Избранный первым секретарем ЦК ПОРП генерал В. Ярузельский ввел 13 декабря военное положение в стране. СССР поддерживал Польшу суммами в 3–4 млрд долларов в год, в середине 1980-х годов эти расходы уменьшились до 1–2 млрд. «Солидарность» была запрещена, антиправительственные силы ушли в подполье, но кризис преодолеть не удалось. В 1989 г. лидеры профсоюза пришли к власти. Поражение социализма в Польше стало началом распада социалистической системы в Европе.

Кризис социалистической системы проявился и в военном столкновении 1979 г. между Китаем и Вьетнамом, в котором Советский Союз поддерживал Вьетнам. В конце 1970-х годов в Китае началось проведение экономических реформ, основанных на принципах нэпа. Советские руководители не сумели извлечь пользы из этого опыта, расценив реформы как начало реставрации капитализма в Китае.

Ослабление, неудачи СССР во внешней политике и особенно участие в афганской войне стали причинами падения его авторитета и рас-

тушей изоляции на международной арене. Ведущие капиталистические страны объявили научно-технический бойкот Советскому Союзу и его союзникам. Координационный комитет по экспортному контролю (создан в 1949 г. по инициативе США) ввел запрет на ввоз в СССР широкого круга наукоемкой продукции и технологий. Следствием широкой антисоветской кампании, развернутой на Западе, стал и отказ сената США ратифицировать подписанный с Советским Союзом в 1979 г. договор ОСВ-2, бойкот XXII Олимпийских игр в Москве и ответный бойкот соцстранами XXIII Олимпиады 1984 г. в США. (Бойкот осуществлен в знак протеста против размещения американских ракет в Европе и военного присутствия в Никарагуа.)

Стратегический курс США в отношении СССР в последний период его существования определялся директивой Совета национальной безопасности США от 17 января 1983 г., озаглавленной «Отношения с СССР» и ставившей следующие задачи: «1. Сдержать, а впоследствии отбросить советскую экспансию повсюду на международной арене, особенно в географических регионах, приоритетных с точки зрения политики США. 2. Содействовать процессу перемен в СССР в направлении создания более плюралистической политической и экономической системы, в рамках которой власть привилегированной правящей элиты будет постепенно уменьшаться. 3. Вовлечь СССР в переговоры с целью достижения соглашений, которые обеспечивали бы защиту и расширение американских интересов». Нельзя сказать, что директива предполагала добрососедские отношения между странами. Антисоветская кампания в США особенно усилилась в связи со сбитым в ночь на 1 сентября 1983 г. над Сахалином южнокорейским «Боингом», принятым за американский самолет-разведчик, и гибелью 269 пассажиров самолета. Тон кампании задал президент США Р. Рейган, который назвал Советский Союз «империей зла» и объявил о начале работ над программой СОИ («звездные войны»).

Призывы к разрушению советской «империи» в США с особенной силой звучали ежегодно в течение третьей недели июля, отмечаемой как Неделя поработанных Советским Союзом наций. Резолюция о них принята конгрессом США в июле 1959 г. В ней утверждалось, что «с 1918 г. империалистическая агрессивная политика русского коммунизма привела к созданию обширной империи, которая представляет зловещую угрозу для безопасности Соединенных Штатов и всех свободных народов мира». Резолюция требовала освобождения и возвращения независимости целому ряду стран и народов, в том числе Польши, Венгрии, Литвы, Украины, Чехословакии, Латвии, Эстонии, Белоруссии, Румынии, Восточной Германии, Болгарии, континентального Китая, Армении, Азербайджана, Грузии, Северной Кореи, Албании, Идель-Урала, Тибета, Козакии, Туркестана, Северного Вьетнама «и других». Решено было еже-

годно отмечать в США третью неделю июля как неделю поработанных наций до тех пор, пока не будет достигнута их свобода и независимость.

Отождествление СССР с империей противоречит данным исторической науки. Хорошо известно, что системообразующим признаком империи является наличие метрополии и колоний — военно-политической системы, ставящей угнетенные народы колоний в зависимое положение от привилегированной нации метрополии. Так было в Римской, Османской, Австро-Венгерской, Британской, Французской и других колониальных империях. Русская нация, несшая в советское время основную тяжесть бремени «братской помощи» другим народам, ничего общего с имперскими нациями не имела. В этом смысле Советский Союз был, скорее, антиимперией. Жесткая централизация управления государством и экономикой, репрессии в отношении ряда народов, имевшая место нетерпимость к «национализму» были проявлениями не имперского, а диктаторского характера советского государства. Диктатура пролетариата и партии представлялась здесь исторически не оправдавшей себя «демократией высшего типа».

Особенно негативным по последствиям оказалось решение Политбюро об оказании помощи революционному движению в Афганистане, на практике Народно-демократической партии Афганистана, пришедшей к власти в результате «апрельской революции» 1978 г. Увидев в Афганистане «вторую Монголию», перепрыгивающую из феодализма в социализм, руководители СССР решили не упускать возможности расширения социалистического содружества. Помощь оказывалась правительству Н. М. Тараки, с сентября 1979 г. правительству Х. Амина, свергнутого Тараки. По его просьбе 25 декабря советские войска вошли в Афганистан. 27 декабря с помощью советского «спецназа» в Кабуле был совершен переворот, к власти пришел Б. Кармаль. На стороне последнего советские войска были втянуты в гражданскую войну. После ввода советских войск в Афганистан США объявили торговые санкции против СССР, а страны НАТО бойкот предстоящих Олимпийских игр в Москве в 1980 г.

«Интернациональная помощь» афганскому народу растянулась на 10 лет. Она обернулась для СССР ежегодными расходами в 3–4 млрд долларов, гибелью 14,5 тыс. советских солдат. Через Афганистан за это время прошло 620 тыс. советских военнослужащих; 35 тыс. из них вернулись оттуда ранеными, более 100 тыс. больными гепатитом. Вывод советских войск в феврале 1989 г. не остановил гражданской войны в Афганистане.

Осложнение внешнеполитических условий развития, неблагоприятная конъюнктура для нашей страны, складывавшаяся на мировом экономическом рынке, ускорили нарастание в ней кризисных явлений.

§ 1. Курс на ускорение социально-экономического развития советского общества. 1985—1986

Начало перемен. Начало масштабных реформ в СССР обычно связывают с 1985 г., когда партию, а фактически и государство, возглавил М. С. Горбачев. Между тем одни исследователи называют «отцом перестройки» Ю. В. Андропова, другие выделяют «эмбриональный период» перестройки (1983–1985), не без оснований полагая, что в первой половине 1980-х годов СССР постепенно входил в стадию реформирования.

К началу десятилетия изменения в стране сделали возможными и во многом неизбежными глубокие преобразования сложившихся социально-экономических и политических отношений. Обусловлено это, с одной стороны, тяжелой ситуацией в экономике, с другой — изменениями в советской политической элите. В начале 1980-х ушли из жизни А. Н. Косыгин, М. А. Сулов, Л. И. Брежнев, А. Я. Пельше, Ю. В. Андропов, Д. Ф. Устинов, К. У. Черненко — последняя когорта руководителей, которые получили политическую закваску в сталинское время и занимали охранительные позиции в отношении модели социализма и взглядов на характер мирового развития, сформированных в 1930–1950-е годы. Им на смену приходили совсем другие лидеры.

М. С. Горбачев принадлежал к поколению, которое формировалось на волне десталинизации после XX и особенно — XXII съезда партии. По сути, это было первое «непуганое» поколение будущих политиков: они не пережили атмосферы репрессий, были намного внутренне свободнее и более образованны. В хрущевские времена в советском обществе, особенно в интеллигентской среде, стало укореняться разномыслие. Свою роль сыграла и большая открытость СССР послесталинского времени, возможность ознакомления с жизнью стран, которые добились наиболее значимых успехов в своем развитии. Все это делало горбачевских сверстников более подготовленными к отходу от тех канонических положений социалистической теории, которые тормозили развитие советского общества в конце XX в.

Переходный характер внутриэлитных отношений и связанной с ними политики проявился вскоре после смерти Л. И. Брежнева. Сменивший его Ю. В. Андропов осознавал необходимость серьезных пере-

мен в СССР, однако предполагал осуществлять их постепенно, ограничиваясь первоначально экономической сферой. Именно такие осторожные преобразования проводились в период его правления. В то же время Андропов начал подбирать «команду» тех, кто был готов энергично взяться за совершенствование социализма. Существуют свидетельства, согласно которым он поощрял инициативное поведение Горбачева, видя в нем возможного преемника. В период правления К. У. Черненко тот уже утвердился в качестве второго лица в партии, которую закономерно возглавил в марте 1985 г.

Однако наличия лишь одной политической воли было недостаточно для вывода страны из кризисного состояния. Многие зависело от представлений о том, как это сделать, и здесь любой потенциальный советский реформатор неизбежно сталкивался с большими трудностями. С одной стороны, новый лидер и его сторонники привлекали в качестве консультантов и советников таких известных ученых, как А. Г. Аганбегян, Г. А. Арбатов, О. Т. Богомолов, Т. И. Заславская, Л. И. Абалкин, Р. А. Белоусов, Н. Я. Петраков, С. А. Ситарян, имевших, по словам Н. И. Рыжкова, «нестандартные наработки и крамольные мысли», которые теперь были востребованы. С другой — до середины 1980-х годов, в силу идеологических причин, усилия экономистов концентрировались на развитии марксистской доктрины. Принципиальные же достижения последующего периода были связаны с ее опровержением. А поскольку в советской экономической системе отсутствовали механизмы, которые являются основным предметом изучения современной экономической науки: конкурентные рынки, сложная банковская система, валютные биржи, финансовые инструменты и т.д. — экономисты развивали преимущественно теорию планирования.

К началу перестройки в стране, за редким исключением, не было специалистов-теоретиков по макроэкономике, рынкам капитала и труда, международным финансам, теории производственных организаций. Это дает основания утверждать, что реформы второй половины 1980-х «не были подготовлены в плане идейно-теоретическом и организационно-прикладном» и «концепция перестройки и практика во многом является чистой импровизацией» (Г. Х. Попов).

Апрельский (1985) пленум ЦК КПСС. После смерти К. У. Черненко в марте 1985 г. на пленуме ЦК КПСС новым Генеральным секретарем был избран М. С. Горбачев. Избрание молодого, энергичного лидера отражало стремление как общества в целом, так и политической элиты к давно назревшим переменам. Проработанного плана реформирования у Горбачева и его единомышленников не было. Но их объединяло желание разгрести накопившиеся «завалы», преодолеть стагнацию, придать больший динамизм построенной в СССР общественной системе, ускорить социально-экономическое развитие

страны. Осуществить это предполагалось перегруппировкой и концентрацией сил и средств на главных направлениях.

В политическом плане задачи нового этапа формулированы в выступлении Горбачева на апрельском (1985) пленуме ЦК КПСС. Генеральный секретарь говорил о необходимости повышения темпов социально-экономического развития. При этом на первый план выдвигались задачи перевода производства на рельсы интенсификации, ускорения научно-технического прогресса. Для реализации масштабных задач предлагалось «решительно поднимать ответственность кадров, организованность, дисциплину». В ускорении центральное место отводилось машиностроению. Темпы его развития предстояло повысить в полтора — два раза, быстро перейти на производство новых поколений машин и оборудования. Первостепенное внимание предполагалось уделить совершенствованию станкостроения, ускорению развития вычислительной техники, приборостроения, электротехники и электроники как катализаторов научно-технического прогресса. Прозвучало намерение решительно ликвидировать ведомственные барьеры в агропромышленном комплексе.

В числе приоритетных была названа подготовка Комплексной программы развития производства товаров народного потребления и сферы услуг. На пленуме говорилось о необходимости удовлетворить потребности населения в садовых участках, изменить ситуацию в здравоохранении, продвинуть школьную реформу, улучшить материальное положение ряда массовых социальных групп. Горбачев поставил вопрос о «перестройке» стиля и «гласности» работы в партийных и государственных учреждениях. С большим одобрением воспринимались заявления нового лидера о недопустимости застоя в движении кадров, назревшей потребности выдвигать молодых, инициативных работников, о роли «человеческого фактора».

Перемены в общественно-политической жизни. Первые позитивные перемены в наибольшей мере проявились в общественно-политической атмосфере. Она во многом определялась личностными качествами нового лидера. «Умное улыбочивое лицо с правильными чертами, необычайно выразительные глаза... ладная, чуть полноватая, но подтянутая фигура; уверенная манера держаться; открытость и доброжелательность в сочетании со строгостью и властным видом. Словом, он весь соткан из обаяния, и этого было достаточно, чтобы с первых появлений на экране и на улице завоевать симпатии» — так воспринимали его современники. «Эффект Горбачева» усиливался и благодаря невольным сопоставлениям нового генсека с его предшественниками. Кроме того, несколькими хорошо продуманными акциями Горбачев сразу заявил о своей особой близости к народу. Этому способствовали его поездки в Ленинград, Киев;

на московские заводы и в подмосковные колхозы; на Урал, Север, Дальний Восток; в некоторые республики, где он часто «без бумажки» общался с «трудящимися». Благоприятное впечатление произвело пресечение Горбачевым попыток возродить унижительную традицию восхваления вождей.

Постепенно набирала темпы его «кадровая революция». Позитивное впечатление производило избавление от престарелой когорты партийных и государственных деятелей, выдвинувшихся при Брежневле. В 1985–1986 гг. важных постов лишились Г. А. Алиев, В. В. Гришин, Д. А. Кунаев, Г. В. Романов, Н. А. Тихонов. Зато в числе первых в центральном партийном аппарате их получили Н. И. Рыжков, Е. К. Лигачев, Э. А. Шеварднадзе, Л. Н. Зайков, Б. Н. Ельцин. К началу 1987 г. было заменено 70% членов Политбюро, 60 — секретарей областных партийных организаций, 40 — членов ЦК КПСС, ставших ими при Брежневле. Изменения шли сверху вниз. С 1986 по 1988 на уровне горкомов и райкомов заменено 70% руководителей. Еще более высокими темпами заменялись хозяйственные управленцы. Из 115 членов Совета Министров СССР, назначенных до 1985 г., в первый год пребывания Горбачева у власти сменилась одна треть, в 1988 г. их осталось 22, а в 1989 — 10. Ротация продолжалась и позднее.

Широкий общественный резонанс получили действия нового первого секретаря московского ГК КПСС Б. Н. Ельцина, который провел настоящую чистку столицы от гришинских кадров в горкоме и райкомах партии. Он изначально выделялся из горбачевских выдвиженцев своей решительностью. Например, в декабре 1985 г. выступил с остро критической речью в Ташкенте о ситуации в Узбекистане, который стал одним из первых полигонов для разоблачений коррупции, расцветшей в брежневскую эру.

На смену, пожилым, утратившим динамизм руководителям, часто подолгу «сидевшим» на своих местах, как правило, приходили люди молодые, энергичные, стремящиеся «развернуться». Это отражало давно назревшую общественную потребность уйти от «геронтократического» правления. Со временем, однако, темпы и масштабы перемен начали вызывать настороженность. Их стали называть «кадровой чисткой», сопоставимой со сталинской «кадровой революцией». При очень быстрой смене кадров нарушается преемственность в работе, дестабилизируется система управления.

Благотворное воздействие на атмосферу первых лет горбачевского правления оказало расширение информированности общества. Этот процесс разворачивался постепенно, шел по нарастающей, ни у кого не вызывая протеста. Люди стали больше узнавать о замалчиваемых ранее страницах прошлого, экономических и социальных проблемах. Определенные итоги первого «послеапрельского» года подведены в материа-

лах XXVII съезда КПСС (конец февраля 1986). В принятых им новой редакции Программы КПСС и Директивах на 12-ю пятилетку отчетливо обозначен курс на ускорение социально-экономического развития советского общества. В 1986–1990 гг. планировалось увеличить промышленную продукцию — на 21–24%, продукцию сельского хозяйства — вдвое. Ставилась задача догнать в 2000 г. США по уровню промышленного производства.

Новые черты в экономической политике. В 1985–1986 гг. назревшие в стране экономические проблемы пытались решать преимущественно административными методами, вопрос о создании экономических механизмов реализации поставленных задач звучал в самой общей форме. Чрезвычайно показательной для начального этапа реформ является антиалкогольная кампания — первое крупное комплексное мероприятие новых лидеров, последовательно осуществлявшееся в 1985–1988.

Это имело большой политический смысл. Речь шла не только о хронической, но и о постоянно прогрессировавшей социальной болезни. «Пьяные» деньги давно и активно использовались бюджетом, а предпринятые ранее попытки «борьбы против пьянства и алкоголизма» фактически носили лицемерный характер: государству катастрофически не хватало средств, и отказываться от надежных источников финансовых поступлений оно не решалось. Упор на «пьяные» деньги, паразитирование на теневых чертах человеческой природы были результатом неспособности добиваться бюджетного успеха более «квалифицированным» путем.

Начатая в мае 1985 г. борьба против пьянства и алкоголизма свидетельствовала о серьезности намерений нового руководства взяться за решение сложнейшей проблемы. В целом она была встречена доброжелательно, хотя многие ставили под сомнение возможность ее успешного завершения. Кампания велась преимущественно административными методами, что было в традициях тех лет, когда параметры проводимых преобразований регламентировались «сверху». В то же время, некоторые члены нового руководства изначально предупреждали о ее бессмысленности, указывая прежде всего на риск недополучения денег в бюджет. Однако победила позиция сторонников более широкого взгляда на проблему, которые помимо политических приводили также экономические доводы. По их расчетам, сокращение потерь от пьянства на производстве (они оценивались в 80–100 млн руб. ежегодно) вместе с постепенным свертыванием выпуска спиртного должны были, если и не свести на нет, то по крайней мере минимизировать неизбежные по началу бюджетные потери.

Проведенные мероприятия имели определенный положительный эффект: сократился травматизм; снизились смертность людей, потери

рабочего времени, хулиганство, разводы по причинам пьянства и алкоголизма. Но, как писал позже Горбачев, «негативные последствия антиалкогольной кампании намного превзошли ее плюсы». К числу издержек кампании относят: спешное закрытие магазинов, винно-водочных заводов; вырубку виноградников; свертывание производства сухих вин; сокращение выпуска пива; массовое развитие самогонварения, что привело к истощению в стране ресурсов сахара. Это потянуло за собой резкое сокращение ассортимента кондитерских изделий; стали исчезать недорогие одеколоны, употреблявшиеся вместо водки, а использование других ее «заменителей» привело к росту заболеваний, озлобленности значительных масс населения.

По данным Горбачева, в результате массовой антиалкогольной кампании бюджет недополучил 37 млрд рублей. Современники приводили и другие цифры: 67 (Н. И. Рыжков) и 200 млрд (В. С. Павлов). Уже в 1989 г. доходы от торговли спиртным вновь пошли вверх и достигли 54 млрд рублей, на 1 млрд превысив уровень 1984. Отрицательный политический эффект антиалкогольной кампании был многократно усилен тем, что она явилась одним из наиболее «видимых» и ярких источников финансовой разбалансированности, происхождение которой носило более глубокий характер.

Тревожная информация о «перегибах» по разным каналам доходила до руководства, но «наверху» не считали необходимым корректировать курс. «Уж очень велико было наше стремление побороть эту страшную беду», — писал позже Горбачев. Стремление «быстрее побороть беду» определяло характер многих решений, принятых в сферах экономической и социальной политики в 1985–1986 гг.

Курс на ускоренное внедрение достижений научно-технического прогресса нашел отражение в создании ряда структур. Было создано Бюро Совмина СССР по машиностроению, образован Государственный комитет по вычислительной технике и информатике (21 марта 1986), принято решение о создании межотраслевых научно-технических комплексов (22 января 1986), организовано Главное управление по созданию и использованию космической техники для народного хозяйства и научных исследований (12 октября 1985). Административный ресурс управления активно использовался и в других сферах. Стремлением ликвидировать бюрократизм и ведомственность продиктовано создание 22 ноября 1985 г. Госагропрома — структуры, поглотившей пять министерств и один госкомитет, отвечавших за производство, хранение и переработку сельхозпродукции. Неповоротливость и неэффективность нового управленческого гиганта постепенно становилась очевидной (он ликвидирован в 1989). Однако в 1985 г. идея единого управления всей сферой агропромышленного производства была новаторской и выглядела перспективной.

На повышение эффективности использования новой техники ориентировались решения о проведении аттестации рабочих мест (12 сентября 1985) и о переводе на трехсменную работу обладавших высокопроизводительным современным оборудованием предприятий. Улучшения качества изделий предполагалось добиться через оправдавший себя в отраслях оборонной промышленности опыт государственной приемки продукции. Майским решением 1986 г. она вводилась с января 1987 г. С идеей наведения порядка было связано и принятие постановления Совета Министров СССР «О мерах по усилению борьбы с нетрудовыми доходами» от 15 мая 1986 г.

Стремление более активно использовать экономические стимулы особенно характерно для середины — второй половины 1986 г. 14 августа Совмин СССР своим постановлением разрешил организацию кооперативов по сбору и переработке вторичного сырья при местных Советах. По другому, принятому 19 августа, 20 министерств и около 60 предприятий получили право самостоятельно выходить на внешний рынок. 19 ноября Закон «Об индивидуальной трудовой деятельности» легализовал частную деятельность и создание кооперативов в некоторых видах производства товаров и услуг. Осенью 1986 г. было разработано, а 13 января 1987 г. принято постановление о создании и деятельности на территории СССР совместных предприятий. Все это были шаги к рыночной экономике, ограничению вмешательства государства в деятельность предприятий.

«Революция ожиданий». 1985–1986 гг. связаны с попыткой проведения активной социальной политики. Государство широко формулировало задачи в области образования и здравоохранения, социального обеспечения и заработной платы, в сфере жилищного строительства. Уже 14 мая 1985 г. приняты постановления о первоочередных мерах по улучшению материального благосостояния малообеспеченных пенсионеров и семей, усилению заботы об одиноких престарелых гражданах, а также о распространении льгот участников Великой Отечественной войны на ленинградцев, работавших в городе в период блокады. Документ от 22 мая предусматривал улучшение пенсионного обеспечения рабочих, служащих, членов колхозов и их семей. В январе 1986 г. повышены пособия детям военнослужащих, одиноким матерям, выплаты вдовам. Тогда же вводились надбавки к зарплате работников ряда регионов. В мае 1986 г. увеличились пенсии пенсионеров, постоянно проживающих в сельской местности, а в сентябре введены дополнительные льготы для участников Великой Отечественной войны и семей погибших военнослужащих.

Намечалось осуществить ряд мер по повышению заработной платы. В мае 1985 г. принято постановление о совершенствовании оплаты труда научных работников, конструкторов и технологов промышлен-

ности, в июле — о повышении материальной заинтересованности для некоторых категорий работников аграрной сферы. Решением от 12 декабря 1985 г. улучшалось материальное стимулирование мастеров, начальников цехов и участков предприятий. Наконец, постановление от 17 октября 1986 г. предусматривало введение новых тарифных ставок и окладов, а также снятие ограничений на фонд заработной платы в производственных отраслях.

Предполагались радикальные изменения в строительстве школ, детских садов, больниц и поликлиник. Специальное постановление касалось поощрения садоводства и огородничества. Комплексная программа развития производства товаров народного потребления и услуг на 1986–2000 гг. обещала прорыв на этом направлении. И, пожалуй, наиболее грандиозной была программа «Жилье-2000», которая предусматривала решение одной из наиболее болезненных социальных проблем в СССР. Согласно документу, каждая семья к 2000 г. должна была жить в отдельной квартире или в собственном доме.

Все эти и другие решения по социальной сфере стимулировали «революцию ожиданий», связанную с надеждой на быстрое решение накопившихся проблем. Первоначально казалось, что для осуществления намеченного достаточно политической воли нового руководства. Однако «революция ожиданий» сыграла злую шутку с инициаторами апрельского курса. К 1989–1990 гг. оказалось, что большую часть обещаний выполнить не удалось.

Решение задач по техническому перевооружению экономики и реализации социальных программ требовало больших ассигнований. Между тем ресурсы государства значительно сократились в связи с неблагоприятной международной конъюнктурой. В 1985 г. резко упали цены на нефть, и союзный бюджет лишился многомиллиардных долларовых поступлений, которые в 1970 — начале 1980-х годов во многом компенсировали недостатки советской экономической системы, позволяя закупать за рубежом недостающие стране продукты питания, изделия легкой промышленности и высокотехнологичное оборудование. Взятый в 1985 г. курс на ускоренное развитие машиностроения повлек за собой увеличение технических приобретений за рубежом, сокращая возможности трат на социальные нужды. Позднее, в 1990-е годы, инициаторы реформ признали ошибкой начало реформирования экономики со сферы тяжелой индустрии. Концентрация внимания на сельском хозяйстве и легкой промышленности позволила бы сохранять социальную стабильность и устойчивую политическую поддержку намечаемым крупномасштабным переменам.

Чернобыльская катастрофа. Весной 1986 г. произошло событие, оказавшее шоковое воздействие на советское общество. 26 апреля случилась авария на Чернобыльской атомной электростанции, где при

проведении эксперимента взорвался четвертый энергоблок. Первоначально не было ясного понимания, что произошло — катастрофа не только национального, но и мирового масштаба, однако по мере накопления информации приходило осознание трагизма случившегося. Радиационному загрязнению подверглась значительная часть Украины, но самый тяжелый удар пришелся на Белоруссию (23% территории, пострадал каждый пятый житель); впоследствии заражение обнаружено в Брянской и Тульской областях.

Для ликвидации последствий аварии была создана специальная правительственная комиссия, которая координировала эту работу в масштабах всей страны. Уже в первые после катастрофы дни действовала сеть медицинской помощи, охватившая почти миллион человек. Принято было решение о выселении жителей из города энергетиков Припять. Сначала эвакуировали людей из 10-, а затем и из 30-километровой зоны. Это оказалось чрезвычайно трудным делом: многие не хотели уезжать, их пришлось перемещать принудительно. В первых числах мая было переселено 135 тыс. человек и установлен контроль над всем районом. В район аварии перебросили войска химической защиты, со всей страны прибывала техника. В Москве, Ленинграде, Киеве круглосуточно работали научные институты, срочно решая целую серию необычных проблем. В послечернобыльские месяцы проявились лучшие качества советских людей: самоотверженность, человечность, высокая нравственность. Многие просили направить их в район Чернобыля, предлагали бескорыстную помощь.

Ликвидация последствий взрыва только в 1986 г. обошлась в 14 млрд рублей; требовала миллиардных затрат и в последующие годы. Организованными усилиями удалось ограничить число пострадавших и локализовать аварию. К июлю была разработана концепция «саркофага», а затем в сжатые сроки возведено уникальное укрытие для поврежденного реактора с постоянно функционирующей системой контроля за его состоянием. По сути вторая половина 1986 г. прошла под знаком Чернобыля.

Чернобыльская катастрофа оказала большое влияние и на общественно-политическую ситуацию в стране. Первоначально скупая информация и очевидная недосказанность поставили под сомнение авторитет власти, заявлявшей о необходимости гласности и большей открытости. Стремление граждан своевременно узнавать правду привело к расширению круга обсуждения ранее запретных тем, способствовало раскрепощению общественного сознания. Большей информационной открытости в связи с Чернобылем требовала и мировая общественность. Катастрофа продемонстрировала разрушительный потенциал атомной энергии, став одним из факторов активизации переговоров о сокращении ядерных вооружений.

«Новое мышление» во внешней политике. К середине 1980-х годов СССР находился в сложных отношениях с окружающим миром. Непопулярной советскую внешнюю политику делало участие страны в многочисленных локальных конфликтах, среди которых на первом месте стояла война в Афганистане. Американская администрация во главе с Р. Рейганом, объявив «крестовый поход» против коммунизма, много сделала для ограничения экономического сотрудничества между СССР и странами Запада. Это наносило огромный ущерб советской экономике. Разорением для страны грозила начатая в США работа над «Стратегической оборонной инициативой» (СОИ или «Программа звездных войн»), предполагавшей перенос гонки вооружений в космос. Народное хозяйство Советского Союза и без того было деформировано непомерными военными расходами. Стремление компенсировать их заставляло пересматривать свои отношения со странами «социалистического лагеря» и государствами «социалистической ориентации», делая их более прагматичными, а главное — дешевыми.

Нормализация отношений с окружающим миром требовала переосмысления концептуальных основ внешней политики СССР, нацеливая на отказ от явно не оправдавших себя подходов и выработку нового кодекса поведения на международной арене, который соответствовал бы современным реалиям, отвечал национальным интересам страны, обеспечивал условия для внутреннего социального и экономического прогресса. Решить эту сложную задачу была призвана советская внешнеполитическая доктрина, получившая название «новое политическое мышление» в международных делах, о чем Горбачев заявил уже в 1985 г.

Доктрина означала отказ от одного из базовых блоков советского марксизма — теории мирового революционного процесса. Аксиомой считалось, что развитие человечества непременно приведет к утверждению на Земле социалистических общественных отношений. Задача же коммунистов всех стран виделась в том, чтобы своей борьбой, носящей не национальный, и интернациональный характер, приближать это время.

Согласно официальной доктрине, международный курс СССР определялся двумя основными принципами — пролетарского интернационализма и мирного сосуществования государств с различным общественным строем. Первый предполагал поддержку коммунистических партий и движений, а также «антиимпериалистических» тенденций («социалистической ориентации») как в развитых, так и в странах «третьего мира». Советские лидеры считали себя ответственными и за защиту «завоеваний социализма», что не исключало оказание военной помощи в тех случаях, когда возникала «угроза власти трудящихся». Другой принцип — «мирное сосуществование» — регламентировал отношения СССР с капиталистическими государствами. И хотя «борьба за мир»

занимала важное место в советской внешней политике, ее рассматривали как форму классовый борьбы. Поэтому в международной деятельности нашей страны реализация национальных интересов и решение идеологизированных задач переплетались. В свою очередь, это нашло отражение в сложном сочетании сотрудничества и соперничества, которое характеризовало связи «восточного» и «западного блоков». В идеологическом отношении обе стороны занимали непримиримые позиции, рассматривая весь мир как арену борьбы за утверждение либо «социалистических», либо «демократических» ценностей.

Первоначально именно в сфере внешней политики новое советское руководство продемонстрировало готовность решительно отойти от традиционных подходов. Прежде всего сделан вывод о том, что в новую эру, в ядерный век стоящие перед человечеством глобальные вызовы и угрозы намного важнее и опаснее тех противоречий, которые существуют между государствами различных социальных систем. На первый план выходят общечеловеческие ценности, которые выше классовых. Поэтому система международных отношений должна далее не рассматриваться как сфера классовый борьбы, а стать областью взаимодействия и сотрудничества. Для нашей страны это означало необходимость сближения с государствами, находящимися за пределами «социалистического содружества». Утверждение приоритета общечеловеческих ценностей повлекло за собой отказ от проблематики пролетарского интернационализма и солидарности, которые постепенно вообще исчезают из лексикона советских лидеров, сменяясь подходом, основанным на свободе выбора.

Представление о том, что безопасность может быть только всеобщей, привело к радикальному изменению подходов к обеспечению национальной безопасности. Место традиционного для эпохи «холодной войны» «баланса сил» должен был занять соответствующий новому времени «баланс интересов», а это в свою очередь предполагало отказ от гонки вооружений и переход к национальному оборонному строительству на основе разумной достаточности. Вооружений должно хватать лишь для организации обороны, избыточное же оружие подлежало ликвидации, чтобы сократить угрозы потенциальной агрессии. Первоначально блок идей под названием «новое мышление и общечеловеческие ценности» охватывал только международную сферу, в 1988–1991 гг. он стал включать и те, которые ранее считались атрибутами «демократических» обществ: приоритет прав человека, систему разделения властей, гражданское общество и т.д.

В центре внимания советского руководства в 1985–1989 гг. находились прежде всего отношения с США, голос которых был решающим при развязывании всех международных «узлов». В 1985–1991 Горбачев девять раз встречался с американскими президентами. Уже в ноябре 1985 г. в Женеве состоялась первая после длительного перерыва совет-

ско-американская встреча на высшем уровне, призванная возобновить диалог и оздоровить отношения между двумя странами. На второй встрече в Рейкьявике в октябре 1986 г. стороны были уже близки к тому, чтобы совершить прорыв в области сокращения ядерных вооружений.

Горбачев предложил три проекта соглашений. Первый: в течение 5 лет на 50% сократить арсенал стратегических ракет. Второй: вернуться к «нулевому варианту» Р. Рейгана (1981) и полностью уничтожить американские и советские ракеты средней и меньшей дальности. Третий: в течение 10 лет не пользоваться правом выхода из бессрочного Договора о противоракетной обороне (1972), при том, что США свои работы по программе СОИ ограничивают лишь лабораторными исследованиями. Все три проекта предполагалось рассмотреть в едином пакете. Однако американская сторона была готова подписать лишь два первых соглашения. Горбачев обвинил США в стремлении добиться превосходства, а Рейган советскую сторону — в попытке навязать неприемлемые условия. В итоге в Рейкьявике не подписано ни одно из соглашений. Чуть позже, в феврале 1987 г., Кремль, идя на уступки, отказался от «пакетного» подхода, что позволило постепенно продвигаться по пути ядерного разоружения.

Большое значение советский руководитель придавал установлению личных доверительных отношений с лидерами западных стран, что, по его мнению, позволяло быстрее решать накопившиеся за долгие годы проблемы. На Западе же первоначально достаточно сдержанно относились к «новому мышлению», усматривая в нем, прежде всего, стремление СССР облегчить бремя гонки вооружений и получить доступ к современным технологиям.

В 1985–1986 гг. продолжалось развитие связей со странами, входившими в Организацию Варшавского Договора. В 1985 г. он вновь был продлен на очередные 20 лет. В соответствии с новым курсом внутри СССР утверждена Комплексная программа научно-технического прогресса стран — членов СЭВ до 2000 г. Продолжались регулярные встречи на высшем уровне с лидерами этих стран. Правда, на них стали звучать новые нотки: советская сторона давала понять, что намерена отходить от роли «старшего брата» в отношениях с партнерами и что СССР не намерен более вмешиваться во внутренние дела соседей.

От «ускорения» к «перестройке». Курс на ускорение социально-экономического развития был важным этапом в осмыслении ситуации, которая сложилась в стране к весне 1985 г. Принимаемые тогда решения опирались на представление о том, что «так (как ранее. — *Авт.*) жить нельзя», и были не столько результатом продуманной системы мер, сколько отражали определенную «философию действия», стремление руководства взяться за решение накопившихся проблем. Одновременно у Горбачева и его окружения постепенно

формировалась собственная концепция необходимых реформ. XXVII съезд КПСС стал определенным рубежом, после которого наметились важные перемены в трактовке преобразований. Формула ускорения наполнялась новым содержанием, проводилась мысль о необходимости более комплексного и глубокого реформирования. В мае–июле 1986 г. термин «ускорение» постепенно вытесняется понятием «перестройка». Раскрывая его, Генеральный секретарь подчеркивал, что перестройка охватывает не только экономику, но и социальные отношения, политическую систему, духовно-идеологическую сферу, стиль и методы работы партии, всех кадров. Он поставил знак равенства между перестройкой и революцией, подчеркнув, что «перестройка — не разовый, одномоментный акт, а процесс, который будет протекать в рамках определенного исторического периода».

Летом 1986 г. у Горбачева появляется еще одна идея, которая со временем стала звучать все громче. Это — тема сознательного или неосознанного противодействия переменам, на которые нацеливает высшее политическое руководство. Основным противником реформ называлась партийная и государственная бюрократия, заинтересованная в сохранении отживших порядков и собственных привилегий. Социологи горбачевского круга приводили обширный перечень групп, подверженных консервативным настроениям. Он впечатлял, поскольку фактически включал всю управленческую верхушку.

Этим людям новый лидер противопоставлял других — «новаторов», «активных, неугомонных, беспокойных», которые разрушают сложившийся стереотип работы руководящих кадров. В своих выступлениях он все чаще апеллирует к интеллигенции и молодежи — двум социальным группам, интеллектуальный потенциал и динамизм которых позволял видеть в них наиболее естественных союзников задуманных масштабных перемен. Так формировалось представление о перестройке как о революции, начатой «просвещенным» руководством «сверху» и проводимой при активной поддержке снизу.

С середины 1986 г. Горбачев начинает повторять, что перемены в обществе идут недостаточно быстро. Среди главных причин он чаще выделял две: сохраняющуюся пассивность подавляющей массы населения и приверженность управленческих структур директивным формам управления. В связи с этим проблема демократизации ставится не только как одна из целей реформ, но и как обязательная их предпосылка. «Важнейший участок перестройки — демократизация. Права даем реальные. А кто будет реализовывать? Есть люди, способные и храбрые, чтобы использовать права? Отучили ведь их от пользования демократией», — говорил Горбачев на одном из заседаний Политбюро летом 1986 г. «Поэтому мы должны включить людей в процесс перестройки через демократизацию общества», — развивал он ту же мысль в сентябре.

В середине 1986 г. происходят существенные перемены в трактовке понятия «гласность». Инициаторы перестройки начинают рассматривать ее как важнейший рычаг демократизации, повышения социальной активности пока еще достаточно инертного населения. Значительное расширение информированности, повышение уровня критичности обсуждаемых проблем, востребованность ранее не задействованного интеллектуального потенциала — все это должно было способствовать преодолению идеологического догматизма и ломке прежних стереотипов политического поведения, что, в конечном счете, и должно было ускорить перестроечные процессы во всех сферах. По этой логике, гласность, интеллектуальное раскрепощение должны были предшествовать преобразованиям и оптимизировать их, обогащая теорию и практику перестройки анализом зарубежного и отечественного опыта. Роль идейной оппозиции консерватизму отводилась прессе. Выступая в 1986 перед работниками средств массовой информации, Горбачев говорил: «Многие из наших консервативных проявлений, ошибок и просчетов, вызывающих застои мысли и действия и в партии, и в государстве, связаны с отсутствием оппозиции, альтернативы мнений, оценок. И здесь, на нынешнем этапе развития общества, такой своеобразной оппозицией могла бы стать наша пресса».

В том же году происходит организационная подготовка «наступления гласности»: во главе целого ряда массовых изданий поставлены новые люди. Новых главных редакторов получили «Известия», «Огонек», «Московские новости», «Комсомольская правда», «Аргументы и факты», «Московская правда», «Московский комсомолец», «Юность», «Новый мир», некоторые другие газеты и журналы, ставшие в 1987–1991 гг. самыми острыми и читаемыми изданиями. При этом «политика гласности» не означала введения свободы слова, будучи изначально «дирижируемым» явлением. Содержание информационных кампаний определялось на инструктажах руководителей СМИ, которые регулярно проводились в идеологических подразделениях ЦК КПСС.

Во второй половине 1986 г. в СССР сложились два различающихся между собой подхода к вопросу о путях реформирования общества. Часть управленцев считала необходимым сконцентрироваться на экономике. Суть преобразований они видели в коренном изменении управления народным хозяйством и мотивации труда. Систему планового централизованного управления экономикой предполагалось перевести с материально-вещественных на приоритет стоимостных критериев, сократить сферу государственного регулирования. Одну из главных задач сторонники этого подхода видели в строгой взаимоувязке личных, коллективных и общегосударственных интересов. Добиться этого предполагалось через реализацию комплекса разноплановых мер, среди которых особое место отводилось реформе ценообразования.

Все это в итоге должно было привести и к легализации частной собственности. Частный сектор должен был развиваться в дополнение к государственному. Принципиальная особенность данного подхода заключалась в намерении осуществить кардинальные экономические реформы при неизбежности политической системы, призванной поддерживать стабильность и порядок в неизбежно болезненный период массовой социальной адаптации к новым условиям.

Второй ориентировал на иной порядок реформирования. В середине — второй половине 1986 г. Горбачев и его окружение пришли к убеждению, что решение всех проблем упирается в неэффективность существующей в СССР политической системы. С этого времени ее реформа рассматривается как главное условие поступательного движения советского общества. В перспективе предполагалось реформировать, уменьшить «глобальную» роль КПСС в жизни общества и государства; организовать полноценные выборы в Советы, повысить ответственность и зависимость депутатов от избирателей; добиться реальной независимости судебной власти; утвердить всестороннюю гласность, организационные формы осуществления права на демонстрации, свободу слова, совести, печати, собраний, права на свободное перемещение; двигаться по пути глубокой демократизации хозяйственной жизни. Все эти вопросы предстояло поставить на специальном Пленуме ЦК КПСС, интенсивная подготовка к которому шла всю осень и зиму 1986 г. Проблемы экономической реформы были отодвинуты на второй план.

В декабре произошли два события, имевших «знаковый» смысл. 23 декабря был возвращен из горьковской ссылки и фактически реабилитирован духовный лидер советских диссидентов западнической ориентации академик А. Д. Сахаров. А с начала месяца в кинотеатрах страны началась демонстрация фильма Т. Абуладзе «Покаяние». Формально посвященная осуждению абстрактного «Диктатора», лента не оставляла сомнений в том, о ком идет речь на самом деле. Физиономическое сходство главного героя с Л. П. Берия, воссоздание атмосферы ужаса, порожденного бессмысленными кровавыми репрессиями, давали такую художественную версию событий, которая далеко выходила за рамки официальной трактовки истории 1920–1950-х годов. Выход на экраны фильма впоследствии назвали «началом обвала коммунистической идеологии». Тем самым лидирующая группа демонстрировала, в каком направлении и насколько далеко она была готова идти в будущем переосмыслении истории и политики.

В первые после апреля 1985 г. полтора года объективно назревшие перемены происходили на базе политических подходов, намеченных еще в андроповский период. Не случайно на Западе это время называют «авторитарной перестройкой». Конец 1986 г. стал определенным рубежом в истории преобразований 1985–1991. К этому времени постепенно ста-

ли обозначаться экономические трудности. Они явились результатом, с одной стороны, неблагоприятного стечения ряда обстоятельств (падение цен на нефть, затраты на ликвидацию последствий Чернобыльской катастрофы), с другой — просчетов собственного горбачевского курса (увеличение ассигнований на машиностроение при сокращении закупок товаров народного потребления за рубежом, широкомасштабные социальные акции, а также антиалкогольная кампания). Все эти мероприятия объективно носили проинфляционный характер и способствовали бюджетной дестабилизации, которая предшествовала значительному ухудшению положения в народном хозяйстве СССР.

Значение этого обстоятельства не было в должной мере осознано в то время. Более того, во второй половине 1986 г. взят стратегический курс на приоритетное преобразование политической системы общества. Прогрессирующее же ухудшение экономических параметров развития, обострение ситуации в социальной сфере стали тем фоном, на котором разворачивались основные политические и идейные баталии тех лет. В этих условиях от реформаторов требовались крайняя осторожность и тщательный просчет дальнейших шагов, ибо кредит доверия, полученный советским лидером в 1985 г., не мог быть бессрочным.

§ 2. Начало перестройки системы общественных отношений в СССР. 1987 — весна 1990

Демократизация и гласность. Период 1987–1988 гг. является в определенном смысле ключевым, во многом предопределившим последующее развитие событий. В это время сформулирована собственно горбачевская стратегия преобразований и началось ее воплощение. Основные усилия были направлены на пробуждение общества, повышение активности всех, заинтересованных в обновленческих процессах. Новый план преобразований озвучен на январском (1987) пленуме ЦК КПСС. Принципиально новым в нем плане было то, что, по сути, впервые в советской истории основное внимание концентрировалось не на изменениях в экономике, а на преобразованиях политической системы, которые в итоге должны дать мощный импульс социально-экономическому и духовному развитию общества.

В докладе на пленуме М. С. Горбачев констатировал, что к середине 1980-х годов в стране сложился «механизм торможения», сдерживающий социально-экономическое развитие и не позволяющий раскрыть преимущества социализма. Его корни — в серьезных недостатках функционирования институтов социалистической демократии, устаревших политических и теоретических установках, в консервативном механизме управления. В качестве главного средства слома «механизма торможения» предлагалось углубление социалистического демократизма,

развитие самоуправления народа. Рассматривались вопросы совершенствования работы Советов, профсоюзов, комсомола; говорилось о необходимости повышения роли суда, усиления прокурорского надзора, обеспечения прав и свобод граждан. Поистине революционной была установка на реформирование избирательного процесса на всех уровнях: впервые за долгие годы предлагались выборы на альтернативной основе.

После пленума завершается формирование нового понимания гласности. Ее начинают рассматривать и как средство пробуждения, и как инструмент формирования общественного сознания в определенном направлении, и как форму контроля за действиями неповоротливых управленцев, и как один из путей мобилизации активных сторонников перестройки. Гласность революционизировала и политизировала общество, резко расширила возможности общественного анализа: по диапазону доступной информации, снятию запретных тем, возможности задавать любые вопросы и предлагать варианты ответов.

Решения январского пленума стимулировали пробуждение общественной активности, формирование инициативного социального поведения, связанного с заинтересованным обсуждением широкого круга наболевших проблем. Начавшаяся самоорганизация общества проявилась в так называемых «неформальных» движениях. Во многих городах стали появляться дискуссионные клубы, самостоятельные объединения и группы, которые удовлетворяли потребности, прежде всего, рядовой интеллигенции и молодежи, в свободном общении и активной полезной деятельности. Определенную известность получил созданный в феврале 1987 г. в Ленинграде клуб межпрофессионального общения «Перестройка». В инициативную группу вошли молодые экономисты, социологи, философы, в их числе И. Б. Чубайс, Е. Т. Гайдар, В. Кикоть. Деятельность направлялась на «выработку программ эффективного и ненасильственного разрешения общественных конфликтов, а также проведение экспертиз по вопросам экономического и политического развития страны». Первая крупная дискуссия, организованная клубом, прошла в марте 1987 г. и была посвящена обсуждению проекта Закона «О государственном предприятии (объединении)». В течение этого года на заседаниях клуба выступали известные экономисты: Г. Х. Попов с докладом «С точки зрения экономиста»; В. И. Данилов-Данильян — «Экономические проблемы перестройки»; Н. Я. Петраков — «Управление экономикой и демократизация». Одним из центров встреч представителей неформального движения в Москве стал созданный при Советской социологической ассоциации «Клуб социальных инициатив».

Курс на проведение политики гласности дал толчок развитию так называемой альтернативной прессы. И хотя ее тиражи были ограничены, тем не менее, именно здесь острые проблемы общественной жизни обсуждались в достаточно откровенной и резкой форме. Издания тако-

го рода не только становились средством выражения определенных позиций, но и сыграли важную роль в организационной консолидации «неформалов». К осени 1987 г. существовало более 100 «неформальных» газет и журналов.

Осень 1987 г. стала определенным водоразделом в развитии общественно-политической ситуации в СССР. На нее повлияли и новые оценки истории и политики, прозвучавшие в связи с празднованием 70-летия Октябрьской революции. В докладе «Октябрь и перестройка: революция продолжается» и книге «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира» лидер партии отметил творческий характер ленинизма, подчеркнув способность Ленина отказываться от догм, не отвечающих жизни. Обращалось внимание на важность живого творчества масс, необходимость смелых социальных экспериментов при созидании нового. Горбачев говорил и о значении внутрипартийных дискуссий, которые помогали выработке нужных решений; о недоиспользованных возможностях нэпа; при признании переломного характера коллективизации необычно много внимания уделил ее негативным последствиям. Поставлен был вопрос о социальной цене революционных преобразований.

На официальном уровне было признано создание к концу 1930-х годов административно-командной системы, не только охватившей экономику, но и распространившуюся на надстройку. При признании «противоречивости» оценки Сталина, больше говорилось о беззакониях, совершенных им и «его ближайшим окружением». Указывая на необоснованность репрессий против руководителей партии, государства, а также деятелей культуры, Горбачев призвал довести до конца приостановленный в середине 1960-х годов процесс «восстановления справедливости» — реабилитировать невинно пострадавших. Политическая реабилитация Н. И. Бухарина, прозвучавшая в докладе, положила этому начало. В докладе было названо имя Л. И. Брежнева как человека прямо ответственного за нарастание негативных процессов в жизни общества в 1970 — начале 1980-х годов.

Доклад Горбачева привел к радикализации политики гласности, которая, в свою очередь, стимулировала поляризацию общественных настроений и впоследствии — политическое размежевание. Активно велась кампания по «дебрежневизации»: в печати разоблачались факты злоупотреблений и коррупции, в которых замешаны многие «первые лица» эпохи «застоя». Особенно большой резонанс вызвала информация по так называемому «узбекскому делу» — о крупномасштабных хищениях в республике. Новый мощный импульс получила кампания по «десталинизации», принявшая широкий размах и имевшая различные формы. В январе 1988 г. при ЦК КПСС создана комиссия по реабилитации жертв репрессий конца 1930-х годов. Одновременно развора-

чивается «десталинизация» «снизу». Учрежденное рядом творческих организаций историко-просветительское общество «Мемориал» ставило задачей содействие полной реабилитации жертв репрессий, оказание помощи пострадавшим от них лицам, создание на территории СССР памятника жертвам сталинизма; восстановление исторической правды о незаконных и террористических методах политической деятельности.

Однако происходящее неоднозначно оценивалось общественным сознанием, так как под лозунгом «возрождения ленинского облика социализма» в средствах массовой информации развертывается кампания по «демифологизации» прошлого, в которой начинается критика идеологических ценностей социализма. На страницах некоторых изданий ликвидация «белых пятен» постепенно превращалась в закрашивание черной краской целых исторических периодов. При этом с понятием «сталинизм» все чаще начинают ассоциировать происходившее в стране в 1920 — середине 1950-х годов, ставить под сомнение социалистичность построенного в СССР общества.

Все это привело к тому, что на рубеже 1987–1988 гг. начинается размежевание относительно проводимого в стране курса. При этом одни полагали, что преобразования идут слишком медленно и не дают результатов — именно в таком духе оценено выступление Б. Н. Ельцина на октябрьском (1987) пленуме ЦК. Другие считали, что под флагом «перестройки» происходит «сдача» социализма, при том что цели «реформаторов» остаются туманными. Эти настроения нашли отражение в нашумевшей весной 1988 г. статье Н. А. Андреевой «Не могу поступиться принципами». Обе позиции резко осуждены «горбачевцами». Ельцин даже лишен своего поста в Московском горкоме КПСС.

Главным политическим событием 1988 г. стала XIX партийная конференция. Она проходила в совершенно новой атмосфере, отразившей перемены последних лет. Это был первый относительно свободный за многие годы форум, на котором прозвучали действительно разные точки зрения по ключевым проблемам. Неравнодушные аудитории проявились в бурных овациях одним и «захлопывании» других. Влияние конференции на идейный климат в обществе усилено трансляцией ее работы по телевидению.

Выступление Горбачева свидетельствовало о дальнейшей идейной эволюции партийного лидера. В качестве «общечеловеческих» представлялись те принципы, которые ранее считались атрибутами «буржуазной демократии»: права человека, правовое государство, разделение властей, парламентаризм. Фактически было заявлено о намерении создать гражданское общество.

Новые подходы конкретизированы в предложениях по реформе политической системы общества, которые затрагивали два базовых института: государство и партию. Намечавшиеся перемены должны были

привести к реальному разграничению функций между ними. Партии предстояло уйти из сферы оперативного управления социальными процессами. Демократизации общества, усилению влияния граждан на принятие решений были призваны способствовать два новых государственных института: съезд народных депутатов и действующий на постоянной основе парламент (Верховный Совет). При этом предпринята попытка обеспечить плавный переход от старой политической системы к новой. Из общего числа в 2250 депутатов, которые должны были составить корпус народных избранников, 750 намечалось выбирать от так называемых общественных организаций на их съездах и пленумах (имелись ввиду партийные, профсоюзные, кооперативные, молодежные, женские, ветеранские, научные, творческие и другие). Это предполагало, особенно важное на первом этапе, менее болезненное встраивание активной части традиционной элиты в новую политическую систему, что должно было умерить возможное сопротивление реформе, обеспечить преемственность власти и управления.

Столь же неординарным было предложение Горбачева о желательности совмещения постов руководителя партийного комитета и председателя Совета соответствующего уровня. Это, во-первых, отражало реально сложившуюся в СССР ситуацию, «легализуя» ее. Во-вторых, должно было ориентировать партийные организации на поиск не аппаратного, а пользующегося у избирателя авторитетом лидера — иначе такой человек не мог возглавить Совет. Вместе с тем при таком подходе партийный руководитель лидер и сама организация как бы ставились под контроль беспартийных масс. Все это могло существенно продвинуть вперед демократизацию в партии.

На конференции прозвучали и критические выступления в адрес нового партийного руководства. Обращалось внимание на то, что за три года не удалось добиться ощутимых перемен, прежде всего в социально-экономической сфере. Звучали упреки в отсутствии ясного плана преобразований, чрезмерной импровизации. Наиболее яркой, отразившей скептическое отношение к происходящим переменам, стала речь писателя Ю. В. Бондарева. Многие сочли точным его сравнение перестройки с самолетом, который подняли в воздух, не зная, «есть ли в пункте назначения посадка».

Осенью 1988 г. развернулась работа по реализации мер, намеченных XIX партконференцией. Удовлетворив «просьбу» А. А. Громько об уходе на пенсию, М. С. Горбачев 1 октября 1988 г. возглавил Президиум ВС СССР, сконцентрировав, таким образом, в своих руках высшую партийную и государственную власть. Та же сессия Верховного Совета утвердила поправки в Конституцию СССР, которые узаконили будущую реформу политической системы. В сентябре началась крупнейшая за многие годы реорганизация аппарата ЦК КПСС. Вместо более

20 «отраслевых» отделов созданы 6 комиссий в соответствии с основными направлениями партийной работы в новых условиях. Все их возглавили секретари ЦК. Значительно сократилась общая численность сотрудников аппарата, что подчеркивало стремление освободить высшие партийные органы от функций оперативного управления. В то же время к работе в ЦК привлекались специалисты, не «отягощенные» опытом длительного пребывания на аппаратной работе и способные формировать её современный стиль. Создаваемая в Центре модель должна была стать образцом для нижестоящих партийных комитетов.

На идеологическую атмосферу осени 1988 г. оказывали влияние и другие события. Постановлением ЦК КПСС от 20 октября отменено постановление ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 г. «О журналах “Звезда” и “Ленинград”», а в редакционной статье «Коммуниста» дезавуированы и другие партийные акты второй половины 1940-х годов по вопросам культуры и искусства. Предприняты были дополнительные меры по возвращению из спецхранов изъятых ранее из широкого обращения книг и журналов. Активизировала свою работу Комиссия Политбюро по реабилитации жертв необоснованных репрессий. Ее итогом стало принятие мер по отмене решений внесудебных органов («двоек», «троек» и др.). Комиссии по реабилитации было разрешено создавать и при Советех различных уровней.

Еще одним важным шагом в сфере идеологии была отмена ограничений на подписку газет и журналов на 1989 г. К тому времени безлимитно печатались только издания КПСС. Ограничения же касались главным образом непартийных и неполитических изданий, пользовавшихся большим читательским спросом; в 1987–1988 гг. к ним прибавилась и общественно-политическая литература оппозиционного плана. И не случайно «неформальные» объединения активно участвовали в кампании за отмену ограничений на подписку. В результате впервые в 1989 г. граждане СССР могли свободно выбирать газеты и журналы по «своему вкусу». Это был крупный шаг в отходе от административных методов регулирования информационной сферы, превращении прессы в относительно самостоятельный субъект идейных и политических баталий в условиях стремительной поляризации общества.

Расширение информированности, поощрение социально значимой самодеятельности, постепенное возвращение в общественное сознание некогда изъятых имен и идей значительно стимулировали интеллектуальную активность, прежде всего в научной и творческой среде. И хотя партийное руководство старалось регулировать этот процесс, определять его рамки становилось все труднее: в постановке волнующих проблем интеллигенция начинает чувствовать себя намного свободнее, выходя за формальные пределы. Так, фактически явочным порядком, «снизу», осенью 1988 г. началась постепенная реабилитация А. И. Со-

лженицына. Группа писателей и кинематографистов поставила вопрос об отмене дискриминационных мер в отношении него и о восстановлении писателя в творческом союзе. В партийном и государственном аппарате предложения о его реабилитации поначалу вызывали активное неприятие. Не было единства и в Политбюро. Однако Горбачев не захотел ссориться с интеллигенцией. В результате с 1989 г. в центральных журналах началась публикация наиболее острых антисоветских произведений писателя, в частности, «Архипелага ГУЛАГ».

Подготовка к XIX партконференции и ее решения подтолкнули идейно-политическое размежевание в среде «неформалов». Наряду со сторонниками совершенствования социализма все громче заявляли о себе те, кто предпочитал либеральный выбор. В июне-июле 1988 г. по всей стране создаются «народные фронты»; их представители 13 августа провели рабочую встречу в Ялте. Наиболее крупными структурами в то время были Байкальский (Иркутск), Ивановский и Уральский народные фронты. Итогом этой инициативы стало создание в середине декабря Российского народного фронта. Процесс образования более массовых, чем элитарные клубы, структур привел к резкой активизации митинговой деятельности. Показательно, что официальные власти сразу же (в июле 1988) отреагировали на это принятием правового акта, регламентирующего проведение митингов и демонстраций. В сентябре-октябре Московский народный фронт развернул широкую кампанию против введенных правил, а также лимитов на подписку. Начиная с октября, в Москве проводились многотысячные политические митинги (7 октября, 20 ноября, 10 декабря). В это время «неформальное» движение постепенно изживает стихийность в развитии, становится более организованным.

В середине — второй половине 1988 г. активизировались группы откровенно антикоммунистической направленности. Заметный резонанс вызвали митинги Демократического союза 21 августа и 5 сентября. В первом случае собрание на Пушкинской площади было связано с 20-летием со дня ввода войск в Чехословакию, во втором — с 70-летним «юбилеем» «красного террора». По сути, впервые призывы к насильственному свержению существующего в СССР строя не получили действительного отпора правоохранительных органов.

Изначально достаточно высокой организованностью отличались неформальные движения в Прибалтике, где разворачивался основанный на национальной идее процесс массовой политизации. Осенью 1988 г. в Латвии, Эстонии и Литве также оформились Народные фронты. Общий «враг» — союзные партийно-государственные и ведомственные органы — обусловил идейную и организационную солидарность прибалтийских народнофронтовцев и российских «неформалов», которые изначально рассматривали себя частями единого протестного движения. При этом

российские «демократы» не без ревности поглядывали в сторону прибалтийских союзников, создавших опережающую модель демократического движения и сумевших собрать под свои знамена практически большую часть граждан этих республик. Российские «демократы» обосновывали роль Прибалтики в качестве «передовой периферии», где быстрее, чем в целом по стране, появлялись ростки гражданского общества.

Взятый в январе 1987 г. курс на демократизацию и гласность к концу 1988-го привел к важным последствиям. К этому времени происходит стремительная эволюция представлений о путях, степени радикальности и конечных целях реформирования общества. И что особенно важно, в это время перестройка приобрела автономность от своих инициаторов, что открывало возможные альтернативы в дальнейшем развитии событий.

Начало реформы политической системы. События 1985–1988 гг. «развязали» ряд важных социально-экономических, социально-политических и идеологических процессов, которые в 1989–1990 гг. зажили своей жизнью, дестабилизируя общественную жизнь и осложняя проведение реформы политической системы.

1989-й стал переломным в истории перестройки: в это время складываются объективные предпосылки широкой антигорбачевской и антикоммунистической оппозиционности. Негативные тенденции в развитии экономики приобрели необратимый характер. Ухудшение экономического положения повлекло за собой повсеместное обострение социальных проблем. В марте состоялась первая шахтерская забастовка, которая летом охватила уже всю отрасль. В 1989–1990 гг. расширились география и масштабы забастовочного движения, а к экономическим требованиям прибавились политические. В большинстве республик Союза политическая жизнь все более окрашивается в этнические краски, что приводит к обострению существующих и появлению новых противоречий и конфликтов. Происходит дальнейшая эскалация вооруженных столкновений (Закавказье, Средняя Азия); отрабатывается прибалтийская модель сепаратизма, на союзной политической сцене впервые как самостоятельный появляется российский фактор. Продолжавшееся углубление критики советского периода отечественной истории подводило к отрицанию социализма как общественной системы; все большее обоснование получала либерально-демократическая альтернатива развития страны. Одновременно происходит организационное оформление политической оппозиции, радикальная часть которой изначально была нацелена на жесткую борьбу за овладение властью.

Общественно-политическая ситуация начала 1989 г. во многом определялась выборами на I съезд народных депутатов. Созданные на предшествующем этапе неформальные клубные объединения стали превращаться в организационные ячейки по выдвижению и поддержке неза-

висимых кандидатов, подготовки их предвыборных программ. В столице был популярен клуб «Московская трибуна», члены которого много сделали для поддержки демократических кандидатов. «Демократ» в терминологии начала 1989 г. — активный сторонник реформ, антипод «консерваторов-партократов». Именно против последних был направлен основной огонь критики, с их нежеланием менять существующие порядки связывали неудачи в экономике 1985–1988. Это привело к тому, что многие «номенклатурные» кандидаты потерпели поражение. Так, в Ленинграде не были избраны первые секретари ни обкома (Ю. Соловьев), ни горкома КПСС (А. Герасимов). В то же время мандаты депутатов здесь получила целая группа независимых кандидатов с радикальными программами: А. Собчак, Ю. Болдырев, А. Денисов и др. Скандально для партаппарата выглядели результаты выборов по Московскому городскому избирательному округу: несмотря на чинимые препятствия, здесь триумфально победил «опальный» Б. Н. Ельцин, получивший рекордное число голосов — около 90%. Популяризации многих независимых кандидатов способствовала такая форма выражения общественного мнения и протестных настроений, как массовые митинги, широко распространенные в это время. На митингах можно было услышать самые радикальные предложения и требования. Вскоре митинговая стихия стала более управляемой и часто использовалась как эффективное средство давления на официальные власти.

Важнейшим политическим событием 1989 г. был I съезд народных депутатов СССР (май — июнь), работа которого означала вступление реформы политической системы в практическую фазу. На съезде избраны постоянно действующий двухпалатный Верховный Совет СССР и его Председатель М. С. Горбачев. На форуме развернулась острая полемика по самому широкому кругу проблем, свидетелями которой благодаря телевидению были многие жители страны. В центре внимания депутатов были волнующие общество экономические проблемы. Сформулированная в докладе Н. И. Рыжкова программа работы правительства удовлетворила далеко не многих. Акцент на поэтапность и постепенность перехода к рынку не соответствовал остроте социально-экономической ситуации. Доклад был подвергнут критике. Высказывались самые разные предложения, включая проведение референдума о целесообразности сохранения колхозов и совхозов, скорейшем переходе к республиканскому и региональному хозрасчету, о важности ограничения произвола ведомств.

А. Д. Сахаров предложил принять Декрет о власти, который предполагал отмену 6-й статьи Конституции СССР о руководящей роли партии в жизни советского общества и установление независимости высших должностных лиц государства от решений КПСС. Много времени на съезде заняло обсуждение проблем межнациональных отноше-

ний. Острота их постановки была связана и с тем, за две недели до его открытия в Тбилиси произошло кровопролитие, ставшее следствием столкновения демонстрантов с армейскими частями. На съезде это вызвало антироссийские и антирусские высказывания. Решено было создать специальную комиссию съезда для выяснения причин трагедии. По предложению делегаций от прибалтийских республик, была сформирована также комиссия по расследованию секретного приложения к пакту Молотова — Риббентропа (1939).

На I съезде народных депутатов впервые за долгие годы началось формирование организованной политической оппозиции. 7 июня 1989 г. депутат из Оренбурга В. Шаповаленко объявил о создании Межрегиональной Депутатской группы (МДГ), в которую первоначально вошли 150 человек. Летом группа увеличилась до 388, из них 286 представляли РСФСР. Окончательное организационное конституирование МДГ произошло 29 июля на первой общей конференции ее членов. На ней избраны пять сопредседателей: Ю. Н. Афанасьев, Б. Н. Ельцин, В. Пальм, Г. Х. Попов и А. Д. Сахаров и Координационный совет из 20. С программными тезисами группы выступил Б. Н. Ельцин, выделив следующие принципиальные идеи: признание частной собственности, децентрализация власти, экономическая самостоятельность и реальный хозяйственный суверенитет республик.

Реформа политической системы связывалась с превращением Советов в главный источник власти, что на политическом языке означало необходимость отмены 6-й статьи Конституции СССР, закреплявшей ведущую роль КПСС. В экономической сфере упор сделан на ускоренный переход к рыночным отношениям. Одним из главных было предложение о перераспределении объектов общественной собственности: в руках государства должны были остаться только отрасли, требующие централизованного управления. В социальной сфере декларировалось создание системы льгот для малообеспеченных и оказание всех бесплатных социальных услуг на конкурентной основе между учреждениями, работающими в этой сфере. Впоследствии идеи МДГ были отчеканены в пяти «де»: децентрализация, демонополизация, департизация, деидеологизация, демократизация.

При популярности демократических депутатов в обеих столицах и некоторых крупных городах их позиции не были столь прочными, чтобы оказывать влияние на официальные структуры. Поэтому изначально перед ними стояла проблема привлечения политических союзников, которые также обозначились в досъездовский период. Намечившееся сближение с националистами и сепаратистами закончилось формированием политического альянса на I съезде.

Другим союзником конституирующейся оппозиции становилось стачечное движение. Интерес к рабочим инициативам в «демократиче-

ской» среде существовал давно, но летом 1989 г. становится более предметным. К этому времени в регионах, охваченных шахтерскими забастовками, идет создание чисто политических объединений. 17 августа на конференции стачечных комитетов шахт, производственных объединений и городов Донбасса учрежден Союз стачечных комитетов региона, принят его Устав и организован Координационный совет. С Донбассом координировали свои действия шахтеры Воркуты и Караганды. Из руководителей МДГ наиболее тесные контакты с лидерами стачкомов поддерживали Г. Х. Попов и Н. И. Травкин, которые в поездках по шахтерским регионам вели переговоры о координации действий с рабочими лидерами. Объективной основой этого альянса была неприязнь к центральным властным структурам: шахтеры «нажимали» на союзные ведомства, требуя быстрого решения накопившихся за десятилетия проблем. «Демократы» подсказывали, когда и какие шаги (лозунги, протесты, забастовки) нужно предпринимать, подключая шахтеров к общеполитической схватке за власть.

Возможности оппозиции в этой борьбе были во многом усилены благодаря наличию в ее рядах яркого харизматического лидера populistского толка. В 1989 г. степень популярности Ельцина являлась зеркальным отражением уровня падения авторитета Горбачева, который воспринимался в качестве его политического антипода. После смерти в декабре этого года А. Д. Сахарова, обладавшего непрерываемым авторитетом в демократическом движении, Ельцин становится главным лидером антикоммунистических сил.

В то время как оппозиционное движение находилось на подъеме, ситуация в КПСС складывалась иначе. Традиционные партийные структуры оказались малопригодными для конкуренции с новыми динамичными организациями. Отставание демократизации в партии от происходящей в обществе было очевидным для многих. Однако ЦК партии не спешил определяться в стратегии перестройки ее деятельности в новых условиях. При запаздывании реформирования «сверху» импульсы стали поступать «снизу». 2 августа на заседании Московского партийного клуба было принято решение о создании Демократической платформы в КПСС. Ее лидеры В. Н. Лысенко, И. Б. Чубайс, В. Н. Шостаковский объявили о создании организации коммунистов — сторонников многопартийности и радикальной демократизации КПСС. Единомышленники «Демплатформы» выступали за немедленную отмену 6-й статьи Конституции СССР; введение фракционного плюрализма в КПСС; переход к созданию компартии России; превращение КПСС в парламентскую партию. Постепенно объединялись и коммунисты, разделявшие и иные взгляды. Таким образом, в 1989 — начале 1990 г. в КПСС фактически развернулся процесс политического «размежевания», официально не признаваемого ее руководством.

В 1989 г. происходили стремительные изменения в идеологической жизни общества. Все чаще в публикациях ученых, прежде всего философов, можно было прочесть, что в СССР построен не социализм, даже не ранний, а казарменный псевдосоциализм, тоталитаризм. Предлагалось полностью и без остатка избавиться от авторитарно-бюрократической социальной и политической системы. Это виделось в возвращении на путь к демократическому, гуманному обществу, через движение к некоей «мировой цивилизации». Воплотить эти намерения предполагалось через осуществление антитоталитарной, антиказарменной революции, которая будет решать свои задачи в течение определенного переходного периода. Показательно, что в вышедшей в конце 1989 г. работе Горбачева впервые лидером столь высокого ранга не упоминалось понятие «реальный социализм» — его вытеснила «социалистическая идея», что фактически означало отрицание социалистического характера построенного в СССР общества. Отсюда вытекала задача не совершенствования, а самого радикального реформирования «реального социализма».

К 1990 г. политическая система СССР находилась в кризисном состоянии. Начало ее реформы привело к общему снижению уровня управляемости социальными процессами. Передача властных функций от партийных структур советским, которые организационно не были к этому подготовлены, привела к ослаблению централизованного влияния на экономику и политику, межнациональные отношения и социальные процессы. Современники констатировали повсеместную «эскалацию безнаказанности». Одновременно приходило осознание необходимости создания политического института, который компенсировал бы утрату интеграционной функции КПСС.

В этих условиях в январе-феврале 1990 г. в окружении Горбачева решают дать ход идее о введении в СССР президентской системы. Представление о том, что ему «не хватает власти», было связано с растущей нелегитимностью партии в условиях проведения курса на разделение функций между КПСС и государством, когда вмешательство в конфликтные ситуации по линии партаппарата стало затруднительным и малоэффективным.

Учреждение поста Президента СССР на III съезде народных депутатов в марте 1990 г. произошло одновременно с отменой 6-й статьи Конституции о руководящей роли КПСС. М. С. Горбачев так оценил это событие: «Это же, товарищи, в буквальном смысле слова переворот, завершение, полное завершение изменения политической системы». Действительно, революционный смысл произошедшего состоял в том, что верховная государственная власть законодательно отделялась от партийной и становилась подотчетной всем гражданам, независимо от их политических взглядов. Сама же партия юридически превраща-

лась в одну из общественных организаций, призванную бороться за влияние сугубо политическими методами.

Почти одновременно с реформой политической системы зимой 1989–1990 гг. разворачивается движение за российский суверенитет, ставшее важнейшим фактором союзного значения. В основе общероссийской консолидации лежали две основных причины: снижение эффективности управления со стороны союзных структур; хроническое нежелание союзного руководства заниматься российскими проблемами. Самосознание россиян было уязвлено и тем, что недовольство со стороны национальных регионов часто направлялось против России и русских, а не того самого «интернационального» «Центра», от которого Россия страдала по крайней мере не меньше других республик.

Поиск решения национальных проблем. Взрыв «национальной бомбы» был полностью неожиданным для инициаторов реформ. В апреле 1990 г. М. С. Горбачев говорил: «Раньше считали, что все вопросы решены, ими можно особо и не заниматься. Ваш покорный слуга на первом этапе перестройки искренне полагал, что здесь больших проблем нет. Так уж мы были воспитаны».

В основе обострения национальных противоречий лежал ряд причин. Во-первых, проводившаяся длительное время бюрократическая унификация всех сторон жизни оказала негативное влияние на этнокультурную сферу. Под лозунгом «социалистического интернационализма» часто скрывался великодержавный космополитизм, вызывавший естественное неприятие у всех национальностей. Во-вторых, все народы страны за годы Советской власти в различной форме (от депортаций до гонений на национальную культуру) испытали немало несправедливостей. Перестройка воспринималась как время для утверждения новой национальной политики. В-третьих, в 1918–1920 гг. было заложено противоречие между национальным составом населения и национально-государственной структурой СССР. В то время как в стране проживало более 100 больших и малых народов, лишь 14 «избранных» получили «свою» союзную республику. Другие довольствовались различного уровня автономиями, у иных не было и автономий. Стремление «выравнять права» было тем обоснованней, что «титульные» народы на «своих» территориях обладали преимуществами в плане политического, экономического, социального, этнокультурного развития в сравнении с другими национальными группами. И наконец, национализм выступал как мощное оружие местных элит в борьбе против союзного «центра» за контроль над республиканскими ресурсами в грядущей экономической реформе.

Все это привело к тому, что после выхода национальных проблем на поверхность общественной жизни (Якутск и Алма-Ата, 1986) они дали о себе знать в 1988–1991 гг. в череде кровавых межэтнических конф-

ликтов в самых разных частях СССР: в Карабахе и Сумгаите (Азербайджан, 1988), Новом Узене (Казахстан, 1989), Фергане (Узбекистан, 1989), Кишиневе (Молдавия, 1989), Сухуми (Абхазия, 1989), Баку (Азербайджан, 1990), Цхинвале (Южная Осетия, 1990). Если в 1989 г. в них погибли 221 человек, то за шесть месяцев 1990 — уже 632. К этому времени было совершено 4648 погромов, более 600 тыс. человек стали беженцами в своей стране. Межэтническая нестабильность все чаще становилась мотивом эмиграции из СССР.

Национальные проблемы стали предметом всестороннего обсуждения на пленуме ЦК КПСС лишь в сентябре 1989 г. Однако принятый в итоге документ «О национальной политике партии в современных условиях» не содержал практически никаких новых подходов, а решения пленума, как полагают современные авторы, даже усугубили ситуацию. Лишь в апреле — мае 1990 г. Верховный Совет СССР принял ряд законов, призванных регулировать межнациональные и федеративные отношения: «Об усилении ответственности за посягательства на национальное равноправие граждан и насильственное нарушение единства территории Союза ССР», «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР», «Об основах экономических отношений Союза ССР, союзных и автономных республик». Однако эти акты появились тогда, когда центральная власть уже была ослаблена, а ситуация в республиках требовала твердой политической воли, немедленных и решительных действий. В результате на всех направлениях национальной политики руководство страны катастрофически запаздывало с принятием необходимых решений, а если и действовало, то крайне вяло. Это проявлялось и в Закавказье, и в Средней Азии, и в Прибалтике. Неэффективность действий Горбачева на «национальном» направлении стала одним из факторов перманентного падения его политического авторитета.

Националисты во всех республиках пользовались схожим набором идей. Вначале использовались экологические мотивы. Естественная реакция на вредные последствия развития индустрии для природной среды и здоровья за пределами РСФСР приобретала форму заботы о сохранении этнической среды, а пренебрежение экологической безопасностью со стороны союзных ведомств — как, в лучшем случае, безразличие к судьбе нерусских народов. Аналогичным образом трансформировались идеи национального возрождения. Вдруг «обнаружилось», что все нерусские народы оказались в состоянии глубокого культурного упадка, деэтнизации и даже на грани исчезновения. Причины связывались со «зловредной» политикой Москвы. В сознание населения республик внедрялась мысль о неэквивалентном экономическом (в пользу «центра») обмене и возможности быстрого улучшения социально-экономической ситуации при условии автономного ведения хозяйства.

Много внимания уделялось обоснованию идеи об аннексии Советским Союзом, а до него Россией, тех государств и территорий, историческими наследниками которых провозглашали себя претендующие на независимость союзные республики. Согласно этой логике, СССР и русские были и остаются оккупантами, пребывание республик в Союзе — незаконно, восстановление исторической справедливости требует воссоздания государственной независимости. Одна из главных исторических идеологем состояла в переносе пороков и преступлений сталинизма на русский народ. К моменту роспуска СССР исторический образ России — страны-агрессора всех времен и при всех вождях в республиках Советского Союза — был демонизирован до немыслимых размеров.

Нарастающая русофобия в республиках вызвала ответную реакцию в РСФСР. «Взрыв» произошел на сентябрьском (1989) пленуме ЦК, когда впервые союзному руководству был «предъявлен счет» за бедственное положение России. Констатировалось, что крупнейшая в стране республика — Россия — находится в условиях финансовой, ценовой, экономической дискриминации. Между тем Горбачев и его окружение оказались не в состоянии предложить какой-либо разумный вариант разрешения давнего исторического противоречия между союзными и российскими властными структурами. Поощряя суверенизаторские «изыски» в других республиках, Горбачев настаивал на «интеграционной особенности» русских, «сложившейся исторически». Как вспоминал помощник генсека А. С. Черняев, его «патрон» «железно» стоял против создания компартии РСФСР и полного статуса России в качестве союзной республики.

Иначе развивались события вокруг Прибалтики. Здесь изначально в основе действий национальных движений лежала идея обретения независимости от СССР. В середине 1988 г. эти республики потребовали «внести ясность» в события 1939 и 1940 гг., связанные с их присоединением к СССР. Тогда же в политический обиход вводится термин «республиканский суверенитет», который трактуется достаточно широко. В документе «Саюдиса» (Литовского Народного фронта в поддержку перестройки) было записано, что «суверенитет Литовской ССР должен охватывать управление всеми отраслями хозяйства, включая экономику, политику, формирование бюджета, финансовую, кредитную, торговую, налоговую и таможенную политику». Осенью-зимой 1988 г. в Прибалтике приняты важные законодательные акты, отразившие движение в этом направлении: местным языкам придан статус государственных, а сессия ВС Эстонии приняла «Декларацию о суверенитете» и дополнения к Конституции, позволявшие в «определенных случаях» приостанавливать или устанавливать пределы применения союзных законов. Позднее такие же акты приняли Литва и Латвия.

В декабре 1989 г. на II съезде народных депутатов СССР «прибалтам» удалось добиться осуждения советско-германского договора 1939.

К этому времени литовцы смогли «оторвать» местную партийную организацию от союзной. XX съезд компартии Литвы (19–20 декабря 1989) объявил ее независимой от КПСС. Тем самым каналы политического влияния Москвы на регион быстро сужались.

11 марта 1990 г. Верховный Совет Литвы принял Акт «О восстановлении независимого Литовского государства». Литовская ССР переименовывалась в Литовскую республику с отменой на ее территории Конституции Литовской ССР и СССР. Вместо них утверждался временный Основной Закон Литовской Республики на базе Конституции 1938 г. 30 марта и 4 мая схожие акты приняли соответственно Эстония и Латвия.

Таким образом, к середине 1990 г. прибалтийские «независимцы» прошли значительную часть пути к «свободе». Дальнейшая судьба «воссозданных стран» зависела от позиции союзного руководства, а также ситуации в других республиках, прежде всего — России.

Эволюция представлений о путях экономических преобразований.

Концепция экономической реформы Горбачева и его «команды» сформулирована на июньском (1987) пленуме ЦК КПСС. Подготовка к нему шла трудно. Горбачев вспоминал, что только в марте 1987 г. стали нащупываться новые подходы.

Основным результатом июньского пленума стало принятие Закона «О государственном предприятии (объединении)» и «пакета» из конкретизирующих его 11 совместных постановлений ЦК и Совмина СССР (о Совмине, о Госнабе, Госплане, Минфине, республиканских органах управления, о реформе ценообразования, совершенствовании банковской системы). Изменялось соотношение прав министерств и предприятий, союзных и республиканских органов власти. Вместо привычного плана вводился «государственный заказ», охватывавший лишь часть производимой продукции, остальную предприятиям разрешалось реализовывать по своему усмотрению. На самих предприятиях предусматривалось избрание руководителей, а также советов трудовых коллективов, что также должно было мобилизовать активность, повысить ответственность и заинтересованность работников. Ту же цель преследовало расширение прав предприятий в определении зарплаты и выбора ассортимента выпускаемой продукции. Очень «рыночной» была статья 23 закона, допускавшая возможность прекращения деятельности убыточного предприятия.

Закон о государственном предприятии обобщил все «лучшее», что существовало в тогдашней практике хозяйствования и было апробировано в порядке эксперимента. Одновременно он стал вершиной предшествующего этапа экономического вольномыслия, предоставляя предприятиям не виданную ранее свободу и вводя реальные элементы рыночного регулирования хозяйственных отношений. И тем не менее, уже первые результаты действия закона были далеки от ожидаемых.

В 1988 г. госзаказ составил в среднем 85%, однако предприятия требовали его увеличения, так как отсутствие опыта, а также рыночной инфраструктуры (бирж, посреднических контор и др.), осложняли реализацию изготовленных изделий. Связи между предприятиями принимали форму преимущественно бартерных отношений, и, следовательно, были шагом назад даже не только в плане продвижения к проектируемому рынку, но и в сравнении с реальной социалистической экономикой. Выборность директоров часто приводила к выдвижению не лучших профессионалов, в деятельности которых к тому же усиливался популизм. Многие предприятия воспользовались возможностью поднять зарплату работникам и в то же время поднимали цены на свои изделия, сокращали выпуск дешевого ассортимента. Не всегда повышали уровень управления и советы трудовых коллективов, дублируя функции и профсоюзов, и администрации. «Зависала» статья 23 закона (о возможном банкротстве): в 1988 г. более 30% предприятий были убыточными, а еще 25 — получали небольшую прибыль; при переходе на самофинансирование и лишении господдержки они рисковали стать банкротами, вызывая взрывы безработицы. К такому повороту событий не были готовы ни общество, ни государство.

Столь же неоднозначной оказалась и кооперативная политика. В 1987–1988 гг. был принят ряд актов, поощряющих частную инициативу. Главным из них стал Закон «О кооперации в СССР» (май 1988). За счет стремительного роста кооперативного движения государство пыталось улучшить положение в социальной сфере: неудовлетворенный спрос на промтовары широкого потребления составлял более 30 млрд. рублей, а в сфере услуг, оказываемых госпредприятиями, — около 15. Однако чем активнее развивалось кооперативное движение, тем более настороженное отношение оно вызывало. Льготы позволяли кооператорам закупать сырье по низким госценам, а продавать продукцию по высоким, коммерческим. При сопоставимой интенсивности труда зарплата в кооперативах была несравненно выше, чем в государственном секторе. Несовершенство системы контроля приводило к тому, что руководители многих предприятий создавали при них кооперативы. Возможности использовать государственную материально-техническую базу и ресурсы, соединенные с преимуществами и льготами кооператоров, давали особенно значительный эффект. Такие кооперативы откровенно паразитировали на государственной экономике. Закон о кооперации способствовал легализации теневого бизнеса, создавал условия для «отмывания» криминальных денег, увеличения социальных диспропорций, появления рэкетиров. В 1988 г. зафиксировано 600 случаев рэкета, но только в 137 из них потерпевшие обратились за помощью в правоохранительные органы.

Реформирование экономики страны в 1987–1988 гг. не ограничилось принятием законов о госпредприятии и кооперации. Создавались

совместные предприятия; были расширены права госпредприятий и кооперативов во внешнеэкономической деятельности; началась коммерциализация отраслевых банков: в августе 1988 г. зарегистрирован первый кооперативный банк. При обсуждении аграрных проблем продвигалась идея аренды; было разрешено приступить к выпуску акций предприятиями и организациями; рассматривался вопрос о возможной конверсии. Преимущественно в этих сферах концентрировалось социально активное население, наиболее заинтересованное в радикализации экономической реформы.

И тем не менее реализация закона о государственном предприятии, попытка использовать «кооперативный» ресурс были наиболее значимыми направлениями экономического курса 1987–1988. Но ни одно из них не решило первоначальных задач. Более того, наложенные на проинфляционные меры предшествующего этапа, эти два элемента политики значительно усугубили ситуацию как в производственной сфере, так и на потребительском рынке. С начала 1988 г. отмечается ажиотажный спрос, к осени стала реальностью перспектива развала потребительского рынка в результате финансовых диспропорций.

Одна из главных причин хозяйственных неудач в СССР в конце 1988 г. — недооценка роли финансовых рычагов регулирования экономики, что было характерно для мышления высшей партийно-хозяйственной элиты в 1985–1988. По мнению специалистов, ценовая и денежная реформы должны были если не предшествовать, то, по крайней мере, сопутствовать, не отставать от других «прорыночных» преобразований. В СССР же ситуация развивалась иначе. Принципиальное решение о реформе ценообразования, принятое на июньском (1987) пленуме ЦК должно было осуществляться с 1 января 1988 г. Всю вторую половину 1987 г. Госкомцен «гнал» подготовку реформы и к намеченному сроку ее параметры были определены. Однако реформу пришлось «отложить». Это было сделано в силу существования ряда стереотипов, мощное давление которых испытывали как рядовые граждане, так и руководство страны.

Известный экономист Е. Ф. Сабуров прямо писал о «разрушительном страхе» как мотиве бездействия. Этим можно объяснить тот факт, что, принимая аргументы в пользу изменения системы цен и неоднократно одобряя предложенные меры, в том числе, и на заседаниях Политбюро, важнейшая рыночная реформа так и не была запущена ни в 1988, ни позже.

О ней открыто заговорили лишь под влиянием кризиса в 1989 г., и она сразу же оказалась в центре политической борьбы и стала предметом популистских спекуляций. Призывая к проведению рыночных реформ, горбачевское руководство само оттягивало их начало. В результате кризисная ситуация в социально-экономической сфере становилась все менее управляемой, сужая возможности относительно плавного

перехода к рыночным отношениям и создавая питательную почву для политического и экономического радикализма.

В 1989 г. негативные тенденции в развитии экономики приобретают необратимый характер. Это вынудило руководство страны искать новые рецепты решения экономических проблем. В 1985–1988 советником М. С. Горбачева по экономическим вопросам был академик С. А. Аганбегян. В 1988–1989 гг. большую известность своими критическими и конструктивными выступлениями приобрел директор Института экономики АН СССР академик Л. И. Абалкин. В июле 1989 г. он в ранге вице-премьера возглавил Государственную комиссию по экономической реформе при правительстве СССР. Она должна была разработать сценарий преобразований, обеспечивающих плавный, регулируемый перевод советской плановой экономики на рыночные рельсы.

Однако почти сразу же после своего создания комиссия вызвала настороженно-критическое отношение. Ее руководитель часто ассоциировался с нерешительным премьером Н. И. Рыжковым и печальными результатами хозяйствования 1985–1989. Ученые-экономисты вне правительства все громче высказывали мысли о необходимости ускоренного движения к рынку, радикального реформирования советской экономики. К ним стал склоняться и Горбачев, что нашло отражение в приглашении им в декабре 1989 г. к себе в качестве советника по экономическим вопросам известного последовательно рыночными взглядами академика Н. Я. Петракова. Однако новые комплексные подходы перехода страны к рынку оформились лишь весной 1990 г., а летом были предложены в виде получивших широкую известность программ.

«Новое политическое мышление» в действии. В 1987–1990 гг., на которые приходится начало реализации принципов «нового мышления», произошли события, вызвавшие большие изменения в мировой политике с неоднозначными последствиями для нашей страны.

Активно развивался советско-американский диалог. Одним из его важных итогов стало заключение 8 декабря 1987 г. договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (РСМД). Согласно ему, ликвидации подлежали 1752 советские ракеты и 869 американских, т.е. сокращение носило асимметричный характер. Плюс к этому советской стороной ликвидированы ракеты малой дальности «Ока», размещавшиеся в Сибири и на Дальнем Востоке, в договоре вообще не упоминавшиеся.

В договоре по РСМД впервые зафиксировано согласие СССР контролировать соблюдение его условий не только национальными средствами (спутниками-«шпионами»), но и проведением инспекций на местах (на ракетных базах, в местах уничтожения). Все это отражало новый общий подход советского руководства к проблеме разоружения. Как писал Горбачев, «от мелочной военной бухгалтерии пора было переходить на широкие политические подходы».

Согласно таким подходам, в 1986–1988 СССР не раз выдвигал масштабные инициативы по сокращению как ядерных, так и обычных вооружений. В январе 1986 г. М. С. Горбачев выступил с заявлением, в котором предлагал государствам, имеющим ядерное оружие, добиваться его поэтапной ликвидации к 2000 г. В декабре 1988 г. советский лидер сообщил в Организации Объединенных наций о решении советского правительства в ближайшие два года сократить численность вооруженных сил на 500 тыс. человек. Там же было объявлено о намерении к 1991 г. вывести из ГДР, ЧССР и ВНР 6 танковых дивизий, сократить на европейской территории СССР и в государствах–союзниках по ОВД 10 тыс. танков, 8,5 тыс. артиллерийских систем, 800 боевых самолетов.

В 1985–1991 гг. СССР последовательно проводил курс на свертывание своего участия в вооруженных конфликтах в странах «третьего мира». Принципиальное решение о выводе войск из Афганистана принято советским руководством еще в 1985 г. Однако сразу это сделать было нельзя. В 1987–1988 гг. в Женеве шли сложные переговоры между СССР, США, Пакистаном и Афганистаном о прекращении военных действий и последующем устройстве этой страны. Вывод советских войск начался 15 мая 1988 г. и был завершён 15 февраля 1989 г. Окончание афганской войны способствовало улучшению отношений с Китаем. Одновременно Советский Союз отошел от участия в других региональных конфликтах (Эфиопии, Анголе, Мозамбике, Никарагуа), резко сократил объем экономической помощи дружественным странам.

В 1988 г. Горбачев развивал концепцию «свободы выбора» в качестве универсального принципа международных отношений. В 1989 г. эта позиция была подкреплена началом вывода советских войск с территорий, которые ранее рассматривались в качестве зоны влияния СССР, в частности — из стран Центральной и Восточной Европы. Это привело к стремительному развитию событий в государствах «социалистического содружества». Специалисты отмечают, что впервые за послевоенный период Советский Союз не проявил внимания к процессам, которые шли внутри этих стран. В итоге к концу 1989 г. в Восточной Европе повсеместно произошли «бархатные» (за исключением Румынии) антикоммунистические революции. Всего за один год континент стал свидетелем разительных перемен. На Западе оценили в первую очередь, что в СССР даже не обсуждались какие-либо варианты «интернациональной помощи братским партиям и народам» в духе «доктрины Брежнева». Во всех восточноевропейских государствах формировались новые политические системы. Они исключали «ведущую роль коммунистической партии», утверждали политический плюрализм, многопартийность, предполагали проведение радикальных рыночных реформ, активно переориентировали внешнюю политику на Запад.

Лавинообразное развитие событий в Восточной Европе резко подтолкнуло начало объединения Германии. В ноябре 1989 г. в процессе стихийных выступлений был разрушен символ «холодной войны» — бетонная стена, разделявшая Западный и Восточный Берлин. В Москве на это событие отреагировали достаточно спокойно. Признание неизбежности объединения Германии предполагало решение комплекса проблем по обеспечению безопасности СССР (нерушимость границ в Европе, членство объединенной Германии в НАТО). Все эти вопросы обсуждались на переговорах по формуле «2+4», в которых участвовали ФРГ и ГДР, а также СССР, США, Англия и Франция. Однако планы поэтапного объединения были окончательно отброшены весной 1990 г. в результате победы на выборах в ГДР «Альянса за Германию» — коалиции партий, выступавшей за немедленное объединение с ФРГ.

В современной литературе нет единого мнения о причинах пассивности и избыточной уступчивости Горбачева при решении вопроса об объединении Германии. В феврале 1990 г. советский лидер предоставил канцлеру ФРГ возможность «взять процесс объединения Германии в свои руки». Первоначально камнем преткновения был вопрос о членстве объединенной Германии в НАТО. Однако, как пишет известный советский дипломат А. Ф. Добрынин, «к немалому удивлению Запада, да и большинства наших дипломатов, во время «блиц-встречи» с Коелем в июле 1990 г. в одной из курортных зон Кавказа Горбачев практически снял все важные возражения и оговорки относительно объединения Германии... Важнейший вопрос о безопасности СССР в рамках новой системы безопасности в Европе даже не стал предметом сколько-нибудь серьезного рассмотрения, а тем более решения... Коль, по его собственному выражению, был поражен таким внезапным полным согласием Горбачева». В числе недостаточно урегулированных вопросов был и вопрос о размерах участия Германии в финансировании затрат, связанных с выводом из ГДР почти полумиллионной Западной группы войск. Предложенная Германией сумма была явно заниженной. Проявленная советской стороной поспешность и уступчивость обернулась тем, что возвращавшиеся на родину семьи были вынуждены жить в палатках, мириться с отсутствием школ, поликлиник.

3 октября 1990 г. ГДР прекратила свое существование, присоединившись к ФРГ. 10 ноября во ходе визита М. С. Горбачева в единое уже государство был подписан советско-германский Договор о добрососедстве, партнерстве и сотрудничестве, закрепивший произошедшие перемены.

Отношение советского руководства к событиям, произошедшим в Европе в 1989 г., стало в глазах Запада своеобразным тестом на действительную приверженность СССР принципам «нового политического мышления». Итоги года подведены в декабре при встрече Горбачева и нового президента США Дж. Буша на Мальте. Здесь были также опре-

делены перспективы активного сотрудничества двух стран по самому широкому кругу международных проблем, которое определялось качественно новыми историческими условиями. Не случайно именно встрече на Мальте Горбачев назвал началом конца «холодной войны».

§ 3. «Парад суверенитетов» и судьба реформ. Середина 1990 — середина 1991

Начало независимой политики РСФСР. Начало движения за российский суверенитет по времени совпало со вступлением СССР в кризисную фазу развития. С 1990 г. обозначившиеся ранее негативные тенденции приобрели обвальный характер, ведя к разрушению всего государственного организма. Продолжалось углубление кризиса в экономике. Практически все параметры хозяйственного развития имели отрицательную динамику (внутренний валовой продукт, капитальные вложения и др.). Невиданными темпами росла инфляция. Значительно снизился жизненный уровень населения. По словам А. А. Собчака, страна оказалась перед «устрашающей экономической пропастью».

Зимой–весной 1990 г. разворачивается движение за российский суверенитет, ставшее важнейшим фактором союзного значения. Самые различные организации считали необходимым уточнить место и полномочия РСФСР в Союзе ССР, сформировать в полном объеме республиканские органы власти и общественные организации по аналогии с другими республиками. Предлагалось делегировать центральному правительству лишь часть властных полномочий, установить новые формы взаимоотношений с национальными регионами на демократической основе. Показательно, что этот напор снизу уже не могли игнорировать обычно лояльные Горбачеву российские официальные структуры. Так, 26 марта 1990 г. Совет Министров РСФСР обсудил проект Концепции экономической самостоятельности республики. При этом выражалась уверенность, что реализация проекта будет способствовать консолидации всех союзных республик в едином народнохозяйственном комплексе.

Единство в стремлении к суверенитету совмещалось с фундаментальными различиями в представлениях о перспективах развития РСФСР. В рамках сложившейся к 1985 г. системы надежды на решение многих проблем связывались с созданием в рамках КПСС республиканской компартии. Многие по-прежнему продолжали считать партию главным звеном в системе государственного управления. Поэтому движение за создание Российской коммунистической партии получило достаточно широкую поддержку.

В то же время в первой половине 1990 г. шло интенсивное структурирование «антикоммунистической альтернативы» в российской поли-

тике. В этот период происходит создание новых партий: возникли Социал-демократическая, Демократическая, Социалистическая, Конституционно-демократическая, Христианско-демократическая, Республиканская. Большинство их объединились в рамках движения «Демократическая Россия». Основой консолидации стал не только антикоммунизм, но и отторжение социалистического принципа в любом его виде. У руководства «Демроссии» оказались радикально настроенные, прагматически мыслящие политики. Для достижения своих целей они поставили задачу овладения республиканским уровнем управления, что и определило их активное участие в кампании по выборам народных депутатов России зимой — весной 1990.

В этой бурной кампании активно эксплуатировался популизм: щедро раздавались обещания поднять зарплату и увеличить пенсии; обеспечить жильем и хорошим медицинским обслуживанием; наполнить магазины продовольствием и защитить от распоясавшихся преступников; очистить от загрязнения водный и воздушный бассейны; помирить враждующие нации и дать всем долгожданную свободу. «Фирменным знаком» кампании стала борьба с необоснованными привилегиями партийно-советской номенклатуры, оскорбляющими чувство социальной справедливости масс. Предвыборные обещания быстро и безболезненно решить накопившиеся проблемы контрастировали с печатными предупреждениями «демократических» авторов о неизбежности серьезных трудностей для населения при проведении рыночных реформ.

Кампания демонстрировала разьединенность левых сил при ее проведении и высокую степень организованности «демократических движений». Не стали серьезной силой организации и объединения патриотической направленности, группировавшиеся вокруг блока «Общественно-патриотических движений России». На том этапе радикалам удалось консолидировать вокруг себя большую часть протестного электората, куда входили и патриоты-государственники, и представители различных социалистических, коммунистических течений. Лозунги демократии как антитезы несвободы, тоталитаризма пользовались широкой популярностью

Формально дискуссии второй половины 1990 — первой половины 1991 гг. велись вокруг вопросов, связанных с различным толкованием понятия «суверенитет» и будущего национально-государственного устройства обновленного Союза. Фактически же расхождения между союзными и российскими политиками касались проблемы социалистического выбора и радикального изменения существовавшей социально-экономической и социально-политической системы. И если Горбачев по-прежнему утверждал, что целью преобразований является обновление социализма, то Ельцин и его окружение все определеннее заявляли о либерально-демократическом характере будущих реформ.

Принятие 12 июня 1990 г. I съездом народных депутатов РСФСР Декларации о российском суверенитете, выборы новых руководителей, готовых этот суверенитет отстаивать, создали уникальную в истории СССР ситуацию: впервые появился альтернативный союзному центр принятия решений, российская власть вышла из тени общесоюзной. Однако если провозглашение суверенитета было делом относительно легким, то для проведения реформ в РСФСР по сценарию радикалов в их руках не было достаточно материальных и властных ресурсов: в 1990–1991 гг. подавляющая часть экономических объектов в России была по-прежнему подчинена союзным ведомствам. Непосредственно республике подчинялись лишь 17% предприятий, расположенных на ее территории (в других союзных республиках эта доля колебалась от 25 до 60%). Общесоюзные же власти управляли и всеми силовыми структурами. Все это предопределило политику российских лидеров: ее содержанием стала борьба за овладение находящимися на территории республики материальными, финансовыми и другими ресурсами. По форме это была жесткая борьба «по всему фронту» против союзных властных структур и проводимой ими политики.

Борьба за власть имеет свою логику. На одном из первых мест в ней — подрыв позиций политического противника. У оппонентов Горбачева изначально была определенная «фора»: они могли резко критиковать Президента СССР за ошибки, бездействие и обещать быстрое решение волновавших общество проблем. Осознание же народом того, что в настоящее время у российских властей нет возможности выполнить обещанное, отодвигало на второй план вопрос о потенциальной ответственности за явно утопические рецепты решения наболевших проблем. Тактика «встречного пожара», при которой любая, даже разумная инициатива Центра «побивалась» более широкомасштабными декларациями, носила конфронтационный характер. Во второй половине 1990 г. «двоцентрие» постепенно превращалось в «двоевластие». А. Н. Яковлев полагает, что уже к декабрю Горбачев потерял власть, лишь формально сохраняя ее внешние атрибуты.

С середины 1990 г. начинается проведение независимой политики России. Реализация принципов ее суверенитета рассматривалась как основа выхода из кризиса. В правовом плане эта политика опиралась на ст. 5 Декларации о суверенитете, где провозглашалось верховенство республиканской Конституции и законов над союзными. Эти идеи были развиты в ряде других документов. 24 октября 1990 г. издан закон, дававший право российским органам власти приостанавливать действие союзных актов в том случае, если они нарушают суверенитет РСФСР. Предусматривалось также, что решения высших органов государственной власти СССР, указы и другие акты Президента СССР вступают в действие лишь после их ратификации Верховным Советом РСФСР.

Соответствующие изменения и дополнения в декабре 1990 г. внесены в российскую Конституцию. Установлен был даже штраф в размере от 500 до 10 тыс. рублей за умышленное невыполнение законов РСФСР.

Конкретная российская политика выразилась в принятии серии актов, развивающих положение одного из первых новых законов России – «Закона о собственности на территории РСФСР» от 4 июля 1990 г. В нем говорилось о том, что право собственности на природные богатства и основные производственные фонды регулируется законами РСФСР и автономных республик. Союзу же ССР эти фонды могли предоставляться «в пользование на основе законов РСФСР и Союзного договора». Постановлением Президиума ВС РСФСР от 9 августа 1990 г. признавались недействительными ранее заключенные без согласования с РСФСР внешнеэкономические соглашения и сделки по продаже драгоценных металлов и других стратегических ресурсов и товаров. Говорилось и о том, что РСФСР не несет ответственности за кредиты, соглашения и сделки, заключенные без согласия ее соответствующих органов. Намечалось введение особого режима осуществления торговых операций с произведенной в республике продукцией.

Решением от 28 августа 1990 г. Совмину РСФСР поручалось заключить торгово-экономические соглашения с правительствами основных стран-импортеров российских товаров. Одновременно Правительству СССР запрещалось «реэкспортировать» произведенные в республике изделия или добытое сырье без ведома российского. Для реализации этой задачи предполагалось создание Торгово-промышленной палаты РСФСР, Главного таможенного управления РСФСР, Главного управления по туризму, Академии внешней торговли, Товарной биржи РСФСР. Оптово-посреднические фирмы Госснаба СССР, находившиеся на территории РСФСР, переводились в ведение Госкомитета РСФСР по материально-техническому обеспечению республиканских и региональных программ.

Те же цели преследовала и реформа российской финансовой системы. Собственностью России объявлялись расположенные на территории республики учреждения Госбанка СССР, Промстройбанка СССР, Агропромбанка СССР, Жилсоцбанка СССР, Сбербанка СССР, Внешэкономбанка СССР. Российский республиканский банк СССР был преобразован в Государственный банк РСФСР. Ряд законов и постановлений конкретизировал политику России в банковском деле, регулируя статус и взаимоотношения действующих здесь субъектов. Изменения в банковской системе были тесно связаны с коренными новациями в подходе к формированию союзного бюджета. Российские законодатели предполагали лишить бюджет СССР собственных источников налоговых поступлений – теперь все собираемые налоги должны были идти в республиканский бюджет; Россия же передавала Союзу ССР «целевые финансовые средства» в размере, утвержденном ВС РСФСР.

Новые задачи ставились и перед судами республики. Постановлением ВС РСФСР от 18 октября 1990 г. Государственному арбитражу РСФСР и его территориальным организациям вменялось в обязанность при разрешении споров исходить из принципа верховенства в республике законодательства, решений ее Верховного Совета и съездов народных депутатов. Защищать республиканские интересы был призван создаваемый Конституционный суд РСФСР.

Постепенно формировались и другие параллельные союзным государственным структуры. Организация Министерства печати и информации предполагала ускорить создание «четвертой власти», без которой нельзя «сделать демократию необратимой». В противостоянии с союзными властями рождалось российское телевидение. Развернулась борьба за обретение республикой своих газет, раздел партийной полиграфической базы. События января 1991 г. в Прибалтике использованы как повод для постановки вопроса о необходимости собственной армии для России. Вскоре было принято решение о создании Комитета по обороне и безопасности, а в мае — собственного КГБ. В январе того же года был создан Совет Федерации РСФСР, началась подготовка Федеративного договора для России. Определялся порядок введения чрезвычайного положения и проведения референдума на территории республики. На государственном уровне началось внедрение идеи о департизации официальных учреждений.

Используя наработки предшественников, российские власти демонстрировали осознанную и энергичную прорывную политику. Закон «О собственности в РСФСР» легализовал многообразие ее форм. В нем говорилось о том, что имущество может находиться в частной, государственной и муниципальной, а также в собственности общественных объединений. Принятый вслед за ним Закон «О предприятиях и предпринимательской деятельности» должен был стимулировать активность предприятий, относящихся к различным формам собственности. Разработана и законодательно была оформлена программа приватизации государственных и муниципальных предприятий в РСФСР. Созданием конкурентной среды и ограничением монополистической деятельности на товарных рынках должен был заниматься соответствующий Госкомитет. Принят закон о приватизации жилищного фонда. Стимулировалась и регламентировалась инвестиционная деятельность, создавались предпосылки для привлечения иностранного капитала.

Российские власти поощряли создание свободных экономических зон: к середине 1991 г. этот статус предоставлен девяти территориям. Все юридические лица и отдельные граждане получили право участия во внешнеэкономической деятельности и прямой выход на внешний рынок. Большое внимание российские законодатели уделяли аграрной проблематике. Предусматривались списание долгов с колхозов и совхо-

зов; приоритетное финансирование производственной и социальной сфер деревни; попытки начать аграрную реформу через поощрение всех форм хозяйствования. При этом имелось в виду использование наряду с административными и рыночные методы управления.

Решения, кардинально отличавшиеся от горбачевских, выдвигались и применительно к проекту нового Союзного Договора. Вместо постепенной трансформации бюрократического государства в новую, (как говорил М. С. Горбачев, «настоящую» федерацию) «сверху» радикалы предлагали фактически его разрушить и строить новую федерацию «снизу». Переход к новой стратегии осуществлен во второй половине 1990 — начале 1991 г. Российская сторона резко критиковала все исходившие от союзных структур проекты договора. В то же время в октябре 1990 г. были заключены прямые двусторонние договоры России с Украиной и Казахстаном. Выдвигалась идея «Союза четырех»: России, Украины, Белоруссии и Казахстана. В подписанных документах говорилось о готовности строить межгосударственные отношения на основе признания взаимного суверенитета, отказа от вмешательства во внутренние дела, нерушимости существующих границ.

Аналогичные, откровенно антисоюзные, договоры были подписаны Россией с Латвией, Литвой, Эстонией в январе 1991 г. В том же месяце за подписью первого заместителя Председателя Верховного Совета РСФСР Р. И. Хасбулатова появился проект преобразования Союза. В нем предлагаемое «Сообщество» определялось как «конфедеративное объединение суверенных с международно-правовой точки зрения государств». Провозглашался абсолютный приоритет законов этих государств над законами Сообщества, которое предполагалось без своей собственности и конституции, а решение вопроса о едином гражданстве откладывалось на более позднее время. В «непосредственное управление» Сообществу передавались лишь оборона, безопасность и атомная энергетика.

В 1990–1991 гг. автономные республики стали объектом борьбы за влияние между союзным Центром и Россией. Стимулирующий самостоятельность автономий важный шаг сделан в конце апреля 1990 г., когда был принят Закон СССР «О разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами федерации». Его содержание свидетельствовало о том, что союзную правосубъектность он распространил и на автономные республики в составе союзных: это означало, что реформирование Союза происходило бы за счет развала союзных республик. Закон рассматривал автономные республики в качестве советских социалистических государств — субъектов Федерации (СССР). Они получили право передавать полномочия Союзу ССР, минуя «свою» союзную республику. Отношения же автономных республик с союзными, в состав которых они входили, предписывалось строить на договорах и соглашениях.

После принятия российской Декларации о суверенитете борьба за автономии проходила под лозунгом: «Кто больше даст?» — и подогревала аппетиты местных национальных элит. При этом союзные власти предполагали участие автономий в общем переговорном процессе, российские же таких условий не ставили. «Россия заключит договор с Татарской Республикой или государством — это как решит Верховный Совет. Будет конфедеративный договор внутри России... Не надо исходить из того, сколько прав даст вам Россия. А надо исходить из того, сколько вы можете взять и какую долю власти делегировать России... Возьмите такую долю самостоятельности, какую можете переварить. А что не можете — отдайте России по договору», — так летом 1990 г. в Татарстане сформулировал позицию руководства РСФСР Б. Н. Ельцин.

Новые «субъекты Союза» сразу же стали действовать по примеру «старших братьев»: до зимы 1990 г. 14 из 16 российских автономных республик провозгласили суверенитет, а две оставшиеся и некоторые из автономных областей приняли декларации, которые в одностороннем порядке повышали свой политический статус. Спустя полгода уже все автономные области (кроме Еврейской) провозгласили суверенитет в качестве республик. Из названий «Автономная Советская Социалистическая Республика» исчезли слова «автономная», «советская», «социалистическая». Декларации бывших автономий повторяли содержание союзных аналогов: в них встречались требования верховенства республиканского законодательства над российским, а также собственности республики на ресурсы на ее территории. Борьба за автономии между союзными и российскими властями продолжалась вплоть до августа 1991.

В сфере внешней политики началась разработка концепции национально-государственных интересов России. Как отмечает бывший министр иностранных дел РСФСР А. В. Козырев, «направленность этой концепции была задана программными документами «Демократической России», идеями ряда публицистов и общественных деятелей, стремившихся выработать альтернативу внешнеполитическому курсу Союза».

Отношения новых российских структур с союзными властями носили остро конфронтационный характер. Российский парламент отверг союзную программу перехода к рынку, не оставляя надежды на компромисс. Российские власти постоянно требовали отставки правительства Н. И. Рыжкова. Они резко осудили решение отставного парламента по изменению системы президентской власти в СССР с целью ее усиления (так называемые «8 пунктов Горбачева», ноябрь 1991). Российская сторона не пошла на заранее согласованную реформу системы ценообразования. ВС РСФСР выступал против посылки российских граждан за пределы республики для урегулирования межнациональных конфликтов, а также против вовлечения войск в политические конфликты.

Несогласованность в действиях союзного и российского центров власти оказала огромное влияние на ситуацию в стране в целом, приведя к последствиям, которые в 1990 г. едва ли кто мог бы предсказать.

Трудности перехода к рынку. Начало конфронтации между российскими и союзными структурами пришлось на период, когда в среде советской хозяйственно-управленческой элиты при значительном влиянии научного экономического сообщества сложилось представление о той системе мер, которую необходимо осуществить для перехода к рыночным отношениям. Намерение проводить решительные, хотя и очевидно болезненные, преобразования было существенно простимулировано нарастающим экономическим хаосом в СССР.

В середине 1990 г. в окружении Н. И. Рыжкова были разработаны два варианта перехода к рынку. Первый («Основные направления») связывался с именем академика Л. И. Абалкина, отвечавшего в ранге вице-премьера союзного правительства за подготовку экономической реформы. Авторами второго («500 дней») были академик С. С. Шаталин и Г. А. Явлинский. Последний длительное время работал в «абалкинской» комиссии, поэтому не случайно специалисты отмечали совпадение базовых положений обеих программ. Они включали приватизацию государственной собственности, поддержку малого и среднего предпринимательства и создание конкурентной среды, восстановление товарно-денежного баланса, плавную реформу ценообразования; индексацию денежных доходов и социальную защиту лиц, оказавшихся за чертой бедности; реорганизацию службы трудоустройства в связи с неизбежным появлением безработицы.

Различия в программах касались двух моментов. Программа «500 дней» предполагала проведение реформы при заключении лишь экономического союза между республиками, отодвигая на дальний срок политический договор. Основными субъектами государственного регулирования считались «суверенные государства»: предполагалось верховенство их законодательств. Отражая настроения нетерпения и выражая их, авторы полагали возможным перейти к рынку за 500 дней. Сторонники абалкинского подхода рассчитывали, что на это уйдет 6–8 лет. Характерно, что в газете «Демократическая Россия» программа опубликована под заголовком «Россия ждать не может». Именно заключавшаяся в плане «500 дней» «философия действия» предопределила то, что он был взят на вооружение руководством РСФСР в качестве российской программы экономических реформ. Различия, которые имели между собой союзная программа и «500 дней» стали трактоваться как непреодолимые. Пропаганда российского плана была сдобрена изрядной дозой популизма. Помимо революционных темпов, переход к рынку обещали осуществить без ущерба населению.

Осенью 1990 г. в полной мере проявилось противоречие между необходимостью проведения активной экономической политики и неготовностью государственно-политических структур это делать. Кризис народного хозяйства требовал принятия срочных мер, однако в Москве не было единства в том, какими они должны быть. Российский парламент одобрил программу «500 дней», Верховный Совет СССР принял свой план рыночного реформирования («Основные направления»). В результате не просто не было согласованных действий, а отношения между союзными и республиканскими властями приобрели остро конфронтационный характер, блокируя любые реформаторские начинания. Союзный премьер-министр Н. И. Рыжков подвергся беспощадной критике за неудачи в экономике предшествующих лет, излишнюю осторожность при выборе мер преобразований, неготовность и даже нежелание переходить к рынку. Внезапная болезнь (инфаркт в конце декабря 1990) поставила окончательную точку в вопросе о его отставке. Вместо него премьером 11 января 1991 г. был назначен В. С. Павлов (министр финансов прежнего правительства), старавшийся в 1989 – 1990 гг. сохранять политическую нейтральность.

Правительство Павлова приступило к работе в нелегких условиях. Оно получило охваченную спадом экономику, острый дефицит бюджетных средств. Эти трудности усугублялись тем, что суверенные республики явочным порядком стали проводить в жизнь систему одноканального поступления налогов в бюджет. Накануне 1991 г. российское руководство решило сократить отчисления Союзу на 100 млрд рублей. Отрицательно повлиял на советскую экономику переход на мировые цены и расчеты в свободно конвертируемой валюте с бывшими социалистическими странами. Связывала руки правительству усиливавшаяся политическая конфронтация между союзными и республиканскими властями. В результате отсутствовала возможность своевременно и комплексно проводить непопулярные, но необходимые меры, что, с одной стороны, снижало их эффективность, а с другой — вновь ставило правительство под огонь жесткой критики.

Экономическое неблагополучие особенно болезненно проявлялось в социальной сфере. В 1991 г. основных продуктов в расчете на душу населения в целом было столько же или несколько меньше, чем в 1985, хотя уже тогда этот уровень признавался недостаточным. Сокращалось производство продовольственных изделий. Меньше было произведено сахара, мяса, колбасных изделий, мясных полуфабрикатов, животного масла и цельномолочной продукции. Продолжавшийся рост объема денежной массы привел к повышению цен практически на все потребительские товары, которые от этого не стали доступнее. А их нехватка порождала ажиотажный спрос, усиливая всяческие дефициты: «про запас» скупалось то, что имело относительно продолжительный срок

хранения. В марте 1991 г. Госкомстат констатировал, что на долю нормированной розничной продажи основных видов продукции приходится от 70 до 100% всех ресурсов. В связи с нехваткой товаров в ряде регионов отменялась талонная система, так как власти не могли обеспечить население даже по заявленным скудным нормам.

Осложнение общественно-политической ситуации. «Парад суверенитетов», экономический хаос, межнациональные конфликты привели к значительному осложнению общественно-политической ситуации. С весны 1990 г. возникают партии откровенно антисоциалистического характера. Судьба же провозглашенных в 1985 г. реформ и судьба самого Союза ССР во многом зависели от состояния ведущего элемента советской политической системы — КПСС. В то время когда в обществе реально существовал инициированный «сверху» идеологический и политический плюрализм, партия формально оставалась единой «монолитной» организацией. Руководство уклонялось от признания того факта, что она уже не была союзом единомышленников, а внутривнутрипартийные разногласия часто имели непримиримый характер. Произошел фактический раскол на ряд фракций или «платформ». «Демократическая платформа» выступала с социал-демократических позиций. «Марксистская платформа» критиковала отступления от марксизма и ратовала за возврат к его классическим образцам. Крайне левые силы объединились в движения «Коммунистическая инициатива» и общество «Единство — за ленинизм и коммунистические идеалы».

Кризис в КПСС возник не случайно и связан с определенными представлениями о характере и перспективах возможной эволюции этого политического института. В 1985–1991 гг. сложились два подхода к партии, которые можно условно назвать ликвидаторским и прагматическим. Первый исходил из того, что КПСС являлась хребтом тоталитарной системы, поэтому ее необходимо ликвидировать. Сторонники такого взгляда не только не занимались разработкой концепции перестройки партии, но и доказывали ее ненужность. А перестройка жесткой иерархической организации могла быть осуществлена лишь «сверху». Эту позицию разделял М. С. Горбачев. Его скептическое к КПСС отношение к лету 1990 г. заметно усилилось. В ответ на совет своего помощника А. С. Черняева оставить пост Генерального Секретаря ЦК КПСС Горбачев произнес: «Знаешь, Толя, думаешь не вижу... как сговорились все, уговаривают бросить генсекство. Но пойми: нельзя эту паршивую взбесившуюся собаку отпускать с поводка. Если я это сделаю, вся эта махина целиком будет против меня».

Сторонники другого подхода в отношении к КПСС рассматривали партию не столько как «тоталитарную структуру», сколько как исторически сложившийся институт управления, «партию власти». Они пола-

гали, что это — единственная общесоюзная сила, держащая в своих руках все общественные связи. Поэтому быстрое ее отстранение от власти фактически будет означать не шаг к демократии, а дезертирство, которое непременно вергнет страну в еще больший хаос. Считалось, что партия, произведя внутреннюю реорганизацию, должна возглавить преобразования при сохранении высокой степени управляемости социальными процессами, «без потрясений». Все эти идеи оказались невосстановленными и даже всерьез «наверху» не обсуждались.

Кризис партии в полной мере проявился на ставшем последним XXVIII съезде КПСС (июль 1990). Многие делегаты выразили неудовлетворенность работой высшего партийного руководства и ближайшего окружения генсека. Съезд заменил Программу партии программным документом «К гуманному демократическому социализму», содержащем достаточно общие декларации. Коренное изменение претерпели и организационные основы деятельности КПСС. Съезд закрепил «право отдельных коммунистов и групп выражать свои взгляды в платформах», т.е. возродил фракционность. Кроме этого, Съезд установил фактически неограниченную «самостоятельность компартий союзных республик». КПСС вместо единой централизованной организации становилась «союзом» республиканских компартий, что наносило удар по государственному единству СССР.

Осенью 1990 г. наблюдалась повсеместная радикализация общественно-политических настроений. Это было во многом связано с ухудшением продовольственного снабжения, нехваткой самых различных товаров. В августе по стране прокатилась волна «табачных» бунтов — только в Москве их было более 100. Несмотря на то что летом 1990 г. собран рекордный урожай зерна (220 млн т), в сентябре разразился хлебный кризис. Одновременная остановка на ремонт табачных фабрик и хлебопекарен у многих вызывала недоумение. Подозрения в «рукотворном» характере трудностей подогревались информацией о наличии огромных запасов товаров в разного рода «накопителях». Одни политики объясняли это пороками существовавшей системы, другие усматривали здесь намеренный саботаж.

Так или иначе, и сторонники сохранения социализма, и те, кто хотел от него уйти, стали говорить о необходимости «наведения порядка», введения жестких, чрезвычайных мер для преодоления кризиса. При этом обе стороны обвиняли друг друга в стремлении к диктатуре. Так, 16 сентября, в день проведения демократического митинга на Манежной площади в поддержку программы «500 дней» были замечены передвижения войск под Москвой, что дало основание бросить обвинение властям в подготовке силовой акции. В том же месяце заметное распространение получил документ под названием «Программа действий-90», подготовленный одной из входивших в «Демократическую Россию»

организаций. Текст содержал призывы к созданию комитетов гражданского действия, цель которых, — дестабилизация в обществе, разгром общественно-политических структур с помощью массовых акций: демонстраций, пикетирования, забастовок. Предлагалось перейти и к «явочной приватизации» — насильственному изъятию у колхозов и совхозов земель с помощью особых групп захвата.

7 ноября, в разгар праздничной демонстрации на Красной площади, член Ленинградского народного фронта с расстояния в 50 метров дважды стрелял в М. С. Горбачева. Неудавшийся теракт заставил Президента СССР резко сдвинуть свой курс вправо. Он внес в Верховный Совет предложения, нацеленные на укрепление исполнительной власти («8 пунктов Горбачева»). При этом подчеркивалось, что речь идет не о диктатуре, а о наведении порядка, развитии подлинно демократических процессов, восстановлении управляемости экономикой, пресечении межнациональных распрей и борьбе против преступности. В начале января 1991 г. по сути утверждалась форма президентского правления. Реорганизованы были исполнительно-распорядительные органы власти, введен в действие совместный приказ министров обороны и внутренних дел об организации совместного патрулирования городов и населенных пунктов солдатами и милицией.

Возможность укрепления союзных структур вызывала озабоченность у либеральных политиков. Они полагали, что Горбачев попал под влияние «реакционеров», под которыми подразумевали «партократов», верхушку ВПК, генералитет и офицерство, сотрудников союзных ведомств, большинство членов Верховного Совета СССР. Отражая эти настроения, Э.А. Шеварднадзе на IV съезде народных депутатов СССР (декабрь 1990) заявил, что «грядет диктатура» и в знак протеста подал в отставку с поста министра иностранных дел. На том же съезде вице-президентом СССР стал Г. И. Янаев (ранее работал в комсомольских и профсоюзных структурах), что было расценено как подтверждение новой, консервативной тенденции.

Огромное влияние на эскалацию противостояния между российскими и союзными властями оказали столкновения гражданского населения и подразделений армии, МВД в Литве и Латвии. В Вильнюсе, в ночь с 12 на 13 января 1991 г., при попытке захвата телевизионного центра пролилась кровь. Противостоящие стороны, как и многие советские граждане, по-разному определяли приведшие к этому причины. Напряженность нарастала и в связи отсутствием вразумительных объяснений со стороны союзного руководства, что некоторыми трактовалось как свидетельство его соучастия в конфликте. Российские либералы болезненно реагировали на произошедшее, опасаясь повторения «вильнюсского сценария» в схожих ситуациях. Усилилась критика в адрес М. С. Горбачева, союзного правительства, военных. 19 февраля 1991 г.

выступая на телевидении, Б. Н. Ельцин потребовал отставки Президента СССР, а 9 марта призвал своих сторонников «объявить войну руководству страны».

Контрпродуктивность проводившейся руководством РСФСР политики становилась для многих очевидной — столь разительным было несоответствие реальностей начала 1991 г. ожиданиям весны — лета 1990. Недовольство сложившейся ситуацией проявилось на самом высоком властном уровне России. 21 февраля 1990 г. на сессии Верховного Совета РСФСР 6 членов его Президиума выступили с заявлением, осуждавшим действия Б. Н. Ельцина, и потребовали его отставки. Заявление подписали заместители Председателя Верховного Совета С. П. Горячева и Б. М. Исаев; председатели Палат Верховного Совета Р. Г. Абдулатипов и В. Б. Исаков; заместитель председателя Палаты А. А. Вешняков и секретарь Президиума Верховного Совета В. Г. Сыроватко. В прошлом все они были сторонниками Ельцина. В документе отмечался авторитарный характер руководства со стороны Председателя Верховного Совета, «пренебрежение теми органами, которые законно избраны», единоличное принятие многих важных решений. Отмечалось также, что Ельцин проводит «проводит узкопартийный курс, отвечающий интересам блока новых политических сил, но противоречащий коренным интересам России». Ельцин обвинялся также в развале СССР, неспособности организовать консолидированную и созидательную работу Верховного Совета РСФСР, нежелании проводить реформы при громких призывах к ним.

Определенной политической развилкой можно считать III внеочередной съезд народных депутатов РСФСР, созванный в марте 1991 г. для отчета российского руководства. Его судьба после этого форума могла сложиться по-разному. Однако ввод союзными властями войск в столицу накануне открытия съезда лишь усилил «антицентристскую» консолидацию российского депутатского корпуса, который почувствовал себя оскорбленным непродуманной горбачевской акцией. Ельцин и его сторонники максимально использовали предоставленный им шанс. Осудив давление на российский съезд, Ельцин заявил, что является сторонником коалиционной политики, в реализации которой могут принять участие все, в том числе «прогрессивно мыслящие члены КПСС». Возможность такой коалиции была подтверждена демаршем полковника А. В. Руцкого, заявившего о создании фракции «Коммунисты — за демократию» и ее готовности поддержать Б. Н. Ельцина. Это раскололо коммунистов. Давление на съезд «снизу» оказали и шахтеры, с которыми весной 1991 г. лидеры радикалов работали в «плотном контакте». В серии своих резолюций горняки требовали отставки Горбачева и безоговорочно поддерживали российских радикалов. Учитывая общие настроения, Ельцин выступил за скорейшее подписание Договора о Со-

юзе Суверенных Государств как «федеративного добровольного и равноправного объединения». В результате он не только не был отстранен от власти, но, наоборот, получил на Третьем съезде дополнительные полномочия, а на Четвертом (май 1991) — решение о проведении выборов президента в сжатые сроки, что повышало его шансы на победу.

12 июня 1991 г. состоялись выборы Президента Российской Федерации. Б. Н. Ельцин набрал 57,3% от числа голосовавших. Конкурировавшие с ним Н. И. Рыжков — 16,8; В. В. Жириновский — 7,8; А. М. Тулеев — 6,8; А. М. Макашов — 3,7; В. В. Бакатин — 3,4%. Победа с большим отрывом от соперников уже в первом туре голосования была политически очень важна, поскольку давала статус «всенародно избранного» и позволяла трактовать предвыборную программу как волю большинства граждан России. Начало оформления института российского президентства, радикализм лидера, поддержанного не менее радикально настроенными реформаторами, оказали значительное влияние на последующее развитие событий.

Что же касается М. С. Горбачева, то к весне 1991 г. он был уже не столь популярен, все чаще публично подвергался жесткой критике со стороны как «левых», так и «правых». На съездах народных депутатов и в Верховном Совете СССР против него активно выступала группа «Союз», обвинявшая Президента в поощрении сепаратизма и развале государства, сдаче внешнеполитических позиций страны. Резкая критика за фактический отход от социализма и СССР, провалы в социально-экономической политике на апрельском пленуме ЦК КПСС едва не привела Горбачева к отставке с поста Генерального секретаря. В июне 1991 г. глава союзного правительства В. С. Павлов запросил у Верховного Совета дополнительные полномочия для принятия срочных мер по спасению экономики, что являлось прямой реакцией на нерешительность союзного Президента. В свою очередь, радикально-либеральные силы критиковали его за нежелание порвать с социализмом и избавиться от влияния связанных с ним консервативных сил.

Вопрос о сохранении Союза ССР. В первые месяцы 1991 г. политическое противостояние между общесоюзными и республиканскими властями приняло форму борьбы за «рамочные» условия влияния в Союзе. На первый план выдвинулась проблема разграничения полномочий между Центром и союзными республиками, получившая название «подготовки нового союзного договора».

Идея проведения всесоюзного референдума была сформулирована Горбачевым и одобрена Верховным Советом СССР в январе 1991 г. Идя на эту акцию, он рассчитывал на численное преобладание русских и их государственнический патриотизм; на представителей этнических групп, живущих на «чужих» национальных территориях и уже не имевших иллюзий относительно своих перспектив в будущих «независимых го-

сударствах». Расчет делался и на мобилизацию консолидирующих сегментов советской исторической памяти о войне, послевоенном восстановлении, совместном освоении территорий, решении общих хозяйственных задач, взаимопомощи в экстренных ситуациях. 17 марта 1991 г. гражданам СССР предстояло ответить на вопрос: «Считаете ли вы необходимым сохранение Союза Советских Социалистических Республик как обновленной федерации равноправных суверенных республик, в которой будут в полной мере гарантироваться права и свободы человека любой национальности?».

Шесть республик — Грузия, Литва, Молдавия, Латвия, Армения и Эстония — отказались проводить референдум на своей территории. Российское руководство также критиковало этот замысел, указывая прежде всего на то, что вынесенная на голосование формулировка вопроса содержит не один, а несколько вопросов, и это способно исказить волю граждан, имеющих разные ответы на фактически поставленные различные вопросы. Одновременно в России объявляется свой референдум об учреждении в республике института президента. Введение этого поста было призвано укрепить ее суверенитет в отношениях с союзным Центром. В конкретных условиях того времени это означало усиление центробежных тенденций, так как суверенитет понимался преимущественно как обособление.

Всего на участки для голосования пришли 80% граждан, имевших право участвовать в референдуме. Из них 76,4% ответили на вопрос референдума «Да», 21,7 — дали отрицательный ответ. Около 2% бюллетеней признаны недействительными. Результаты голосования в РСФСР выглядели несколько парадоксально: с одной стороны, 71,3% участников проголосовали за сохранение Союза в горбачевской формулировке, с другой, — почти столько же (70) высказались за введение в республике поста Президента. Итоги референдума по России трудно было трактовать как победу замысла Президента СССР. Во-первых, республика находилась на предпоследнем месте по проценту положительных ответов, меньше (70,2%) было только у Украины. Во-вторых, они свидетельствовали о высоких шансах Ельцина на победу на грядущих выборах. Все это не сулило мира в отношениях между двумя центрами власти.

Интеграционный ресурс результатов референдума был ослаблен не только в России. На Украине, по постановлению Верховного Совета УССР, одновременно с общесоюзным референдумом проводился опрос населения по вопросу «Согласны ли вы с тем, что Украина должна быть в составе Союза советских суверенных государств на началах декларации о государственном суверенитете Украины?» Число граждан, ответивших «да» на вопрос республиканского бюллетеня, составило 80,17%, т.е. больше, чем высказались за Союз. Это подтверждало базовую идею Декларации о приоритете украинских законов над союзными, что прак-

тически исключало создание нового федеративного государства с полноценным участием Украины. «Отличился» и Казахстан: его власти вместо союзной предложили свою формулировку вопроса референдума: «Считаете ли вы необходимым сохранение Союза ССР как Союза равноправных суверенных государств?». Положительно ответили в республике 94% голосовавших.

Проведение референдума 17 марта 1991 г. и его итоги дали возможность Президенту СССР продолжить попытки возобновления разработки нового Союзного договора, с тем чтобы завершить ее в сжатые сроки. Началась подготовка третьего с весны 1990 г. проекта. Политическая инициатива в этом вопросе с конца 1990 г. целиком перешла к республиканским элитам; влияние центральных структур было предельно ослаблено. В этих условиях Горбачев практически полностью переориентируется на прямой диалог с республиканскими лидерами, игнорируя позицию высших органов власти СССР, используя их лишь в случае необходимости подкрепления собственных инициатив коллегиальными решениями. В новых условиях успех переговоров мог быть достигнут лишь при молчаливом согласии Президента СССР на конфедеративное устройство будущего Союза, хотя это означало отход от позиции, зафиксированной референдумом. Президент СССР пытался хотя бы как-то задержать продолжающийся развал страны. Республики, сознавая слабость позиций союзного президента, требовали себе все новые полномочия, до предела усекая властные возможности Центра. Решая свои, весьма различающиеся задачи стороны, однако, не могли полностью игнорировать итоги референдума и поэтому в своей риторике активно использовали понятия «единое союзное государство», «федерация», в правовом же плане все более отходя от них.

Все это ярко проявилось в так называемом «новоогаревском процессе» (от названия резиденции в подмосковном поселке Ново-Огарево, где состоялись переговоры), первый этап которого продолжался с 23 апреля по 23 июля 1991. Переговоры лидеров республик проходили очень трудно. Как вспоминал их участник А. И. Лукьянов, даже последнее заседание 23 июля, на котором обсуждался итоговый вариант Договора об ССГ, было неконструктивным. Предлагалось исключить из него упоминание о том, что Союз ССР является суверенным федеративным государством; ему отказывали в праве иметь собственность, отстаивали одноканальную систему поступления налогов. Представитель Украины выступил на встрече с заявлением, что эта республика будет решать вопрос о своем отношении к союзному договору не раньше середины сентября. К Договору были готовы присоединиться лишь 8 из 15 союзных республик.

В результате, одобрив в целом проект, участники встречи пришли к выводу о целесообразности подписать Договор в сентябре — октябре на

съезде народных депутатов СССР. Горбачев поддержал такой порядок подписания союзного договора. Однако 29 — 30 июля 1991 г. в Ново-Огарево прошли закрытые встречи Горбачева с Ельциным и Назарбаевым, где союзный предложил президентам России и Казахстана начать подписание проекта не в сентябре — октябре, а 20 августа. Республиканские лидеры согласились с этой идеей, ибо понимали, что проект договора в последней редакции не пройдет в Верховном Совете СССР и уж тем более на союзном съезде народных депутатов. А поскольку в августе парламентарии были на каникулах, то время для подписания «нужного» проекта представлялось удачным. В обмен на согласие республиканских лидеров Горбачев принял требование Ельцина об одноканальной системе поступления налогов в бюджеты. По настоянию собеседников он согласился и на перестановки в высшем эшелоне союзной власти: немедленной замене подлежали В. С. Павлов, В. А. Крючков, Д. Т. Язов, Б. К. Пуго, Г. И. Янаев. Эти люди в июне — июле 1991 г. активно выступали за принятие энергичных мер по сохранению СССР и последовательно критиковали «новоогаревцев». 4 августа Горбачев отправился в отпуск в Крым.

Итоговый проект Договора отразил как масштабы претензий республик, так и уровень фактической дезинтеграции СССР. Согласно документу, республики-участники признавались суверенными государствами, «полноправными членами международного сообщества». Союз Советских Суверенных Республик определялся как «суверенное федеративное демократическое государство», однако из контекста следовало, что суверенитет республик первичен. За Союзом предусматривалось сохранение объектов собственности, необходимых для осуществления возложенных на него полномочий, однако он лишался собственных налоговых поступлений: устанавливалась одноканальная система сбора налогов, при которой союзный бюджет определялся республиками на основе представленных Союзом статей и расходов. В документе не фиксировались сроки принятия нового Основного Закона, что не связывало государства-участники определенными обязательствами. Фактически же это положение на неопределенное время консервировало ситуацию правовой конфликтности, характеризовавшую отношения между Центром и республиками после принятия деклараций о суверенитете, от которых в 1991 г. никто не собирался отказываться. Вполне реальной становилась перспектива, когда для государств, подписавших новый договор, с той же даты считались бы утратившими силу Договор об образовании Союза ССР 1922 г. и Конституция. Это означало бы «мягкий» выход из СССР, который освобождал новые страны от выяснения отношений с бывшими «братьями» по Союзу по закону, принятому в апреле 1990 г.

Юридическая оценка итогового проекта Договора сделана группой из 15 экспертов еще до 19 августа 1991. Они поставили под сомнение

правовую значимость документа, признав его внутренне противоречивым, нелогичным и не имеющим значения правопреемственного. Эксперты констатировали, что, «признав федерацию, договор на деле создает даже не конфедерацию, а просто клуб государств. Он прямым путем ведет к уничтожению СССР, в нем заложены все основы для завтрашних валют, армий, таможен и др. Проводя эту линию тайно, неявно, он вдвойне опасен, поскольку размывает все понятия в такой мере, что возникает государственный монстр». По замечанию свидетеля новоогаревских дискуссий правоведа Ю. М. Батурина, «выбор между юридическим качеством и политической целесообразностью был сделан в пользу последней».

Широкая общественность могла обсуждать только один, самый первый новоогаревский проект, который был одобрен 16 июня 1991 г. и опубликован 27-го. Дальнейшая доработка велась в обстановке секретности, что вызывало различные слухи, будоражило членов правительства, депутатов, общественные организации. Итоговый документ опубликован лишь в пятницу 16 августа 1991 г., за три дня до даты предполагаемого подписания (причем в пятницу), что практически исключало его обстоятельное обсуждение и внесение поправок.

Верховный Совет СССР имел возможность рассмотреть лишь первый подготовленный «десяткой» («9+1») проект Договора. Постановление по проекту от 12 июля 1991 г. предусматривало формирование полномочной делегации Союза ССР для доработки и согласования текста Договора в соответствии с замечаниями и предложениями, высказанными комитетами, комиссиями, членами Верховного Совета СССР, а также народными депутатами СССР. Фактически это означало выражение недоверия Президенту СССР, который в ходе совместной с республиканскими лидерами работе над документами игнорировал позиции союзных законодателей. Поэтому союзные парламентарии сформулировали целый ряд принципиальных замечаний, учет которых был обязательным при подготовке итогового варианта договора. Однако они не были учтены при доработке текста. Этим можно объяснить то, что Горбачев ни разу не собрал союзную делегацию для его обсуждения. Именно это заставило Лукьянова 16 августа подготовить «Заявление Председателя Верховного Совета СССР», в котором он вновь воспроизвел идеи Постановления ВС СССР от 12 июля 1991 г. Автор акцентировал внимание на том, что Союзный договор необходим, но его следует заключать после доработки в ВС СССР и с обязательным отражением результатов референдума 17 марта, где большинство высказались за сохранение обновленного, но единого федеративного государства.

Определенные демарши предприняло и союзное правительство. По инициативе В. С. Павлова итоговый текст Договора 17 августа обсудил Президиум Кабинета министров. Он также одобрил идею, но сформу-

лировал ряд требований, которые министры считали необходимым включить в прилагаемый к Договору протокол, который должен был стать составной и обязательной для исполнения его частью. Горбачев согласился встретиться с премьером 19 августа для обсуждения предложений, однако характер их был таков, что компромисс уже едва ли мог быть достигнут.

Все это привело к тому, что итогом «новоогаревского процесса» еще до 19 августа стало создание документа, который означал прекращение существования СССР как единого государства. Возможное подписание Договора не означало бы «мгновенного» исчезновения СССР, поскольку еще сохранялись единая армия, валюта, связывающая советское пространство инфраструктура (энергетическая, транспортная и т.д.), но их раздел при сознательной ликвидации общих управленческих институтов становился вопросом ближайшего времени. Подготовленный к подписанию проект Договора по сути легализовал отношения между бывшими союзными республиками, зафиксированные позднее в декабрьских документах 1991 г.

Внешняя политика. Колоссальные изменения, произошедшие в 1989–1990 гг. в мире, и в особенности на европейском континенте, были закреплены в серии важных документов. В ноябре 1990 г. в Париже в рамках Соперования по безопасности и сотрудничеству в Европе состоялась встреча делегаций 34 стран. По ее итогам принята «Парижская хартия для новой Европы», которая зафиксировала окончание «эры конфронтации и раскола» европейского континента и декларировала намерение открыть «новую эру демократии, мира и единства». Подписавшие «Хартию» страны выразили готовность не только взаимодействовать по проблемам безопасности, но и развивать широкое всестороннее сотрудничество на основе единых ценностей.

Там же, в Париже, 19 ноября 1990 г. лидеры 22 государств, входивших в Организацию Варшавского Договора и НАТО, подписали Договор об обычных вооруженных силах в Европе. Переговоры по этой проблематике продолжались более 30 лет, но лишь в 1990 г. стороны смогли достичь согласия. Договор предусматривал значительное сокращение вооружений — от Атлантики до Урала. Оставшихся сил должно было быть достаточно для решения оборонительных задач, но при этом возможности для ведения наступательных операций резко сокращались. Устанавливались коллективные предельные уровни для стран НАТО и ОВД. Так, по танкам они не должны были превышать 20 тыс. единиц (на момент подписания страны НАТО располагали 30, а ОВД — 60 тыс.), т.е. сокращение вновь имело асимметричный характер. Договор был призван стать основой новой системы безопасности. В принятой по его итогам 19 ноября 1990 г. «Совместной декларации двадцати двух госу-

дарств» констатировалось, что подписавшие ее страны «больше не являются противниками, будут строить новые отношения партнерства и протягивают друг другу руку дружбы».

В 1990–1991 г. динамично развивались советско-американские отношения. В июне 1990 г. во время визита М. С. Горбачева в Вашингтон подписана серия документов о сотрудничестве в самых разных областях: соглашение по торговле, по уничтожению и непроизводству химического оружия; протокол к договору по ядерным испытаниям, соглашение по сотрудничеству в области использования атомной энергии, по студенческим обменам. По мнению Горбачева, эти документы демонстрировали, что «наша совместная линия на переход от конструктивного взаимопонимания к конструктивному взаимодействию приносит свои плоды». Новые отношения между СССР и США подверглись серьезному испытанию в остром военно-политическом кризисе в Персидском заливе (в августе 1990 — феврале 1991). В ответ на оккупацию Ираком Кувейта страны Запада решили применить силу против агрессора. Для СССР ситуация осложнялась тем, что Ирак длительное время выступал в качестве его важного торгового партнера, связанного к тому же с нашей страной с 1972 г. Договором о дружбе и сотрудничестве. Тем не менее СССР выступил против агрессора единым фронтом с западными странами. 29 ноября 1990 г. наш представитель в ООН голосовал за резолюцию, санкционировавшую использование силы против Ирака.

31 июля 1991 г. в Москве подписан важный советско-американский Договор о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ-1). Согласно этому документу, количество межконтинентальных баллистических ракет у каждого государства сокращалось на 30–40%, с тем чтобы добиться равного предельного уровня у обеих сторон. Он не должен был превышать 1600 носителей и 6000 зарядов. Сокращение учитывало различия в структуре ядерных вооружений СССР и США. Как и в случае с договором по РСМД (1987), подписание этого соглашения оказалось возможным благодаря решению вопроса о проведении инспекций на местах. Договор стал прорывом в сокращении атомных арсеналов двух крупнейших ядерных держав.

В 1990–1991 гг. Советский Союз утрачивал свои позиции в странах Центральной и Восточной Европы, лидеры которых активно переориентировались на Запад. Этому способствовали ошибочные шаги советского руководства, в частности переход в 1990 г. в расчетах со странами СЭВ на мировые цены с использованием свободно конвертируемой валюты. Угасало и сотрудничество бывших соцстран в рамках ОВД, что привело к упразднению этой организации в марте 1991. С весны того же года СССР пытался строить новые отношения с бывшими партнерами на двусторонней основе. В проекты договоров включался пункт, согласно которому ни одна из сторон не могла вступить в союзы, направленные

против другой стороны договора, а также размещать на своей территории иностранные войска. Однако никто из бывших советских союзников не изъявил готовности пойти на подобное ограничение своего суверенитета в будущем. Устные же договоренности с американской и европейскими сторонами о нерасширении НАТО не были подкреплены документально.

Ухудшение экономического положения и политические трудности в СССР конца 1990–1991 гг. осложняли возможности проведения эффективной внешней политики. Негативное влияние оказывал и подрыв единства страны в результате суверенизаторских устремлений ряда союзных республик. Весной 1991 г. в США постепенно вызревает идея «подмены Центра» и переноса центра тяжести в сотрудничестве с союзных преимущественно на республиканские структуры. В июле 1991 г. на встрече «большой семерки» и М. С. Горбачева в Лондоне советскому лидеру было отказано в предоставлении масштабной экономической помощи, о которой он просил. В тех конкретных условиях это серьезно подрывало позиции союзных властных структур. А после политического кризиса 19–21 августа 1991 г. сторонники дезинтеграции СССР на Западе практически не скрывали своих взглядов.

Американскую стратегию в отношении СССР в годы «перестройки» позднее достаточно откровенно разъяснил президент Б. Клинтон. Выступая в октябре 1995 г. в Объединенном комитете начальников штабов, он сказал: «Последние 10 лет политика в отношении СССР и его союзников убедительно доказала правильность взятого нами курса на устранение одной из сильнейших держав мира, а также сильнейшего военного блока. Используя промахи советской дипломатии, чрезвычайную самонадеянность Горбачева и его окружения, в том числе и тех, кто откровенно занял проамериканскую позицию, мы добились того, что собирался сделать Трумэн с Советским Союзом посредством атомной бомбы. Правда, с одним существенным отличием — мы получили сырьевой придаток, не разрушенное атомом государство, которое было бы нелегко создавать... В ходе так называемой перестройки... расшатав идеологические основы СССР, мы сумели бескровно вывести из войны за мировое господство государство, составляющее основную конкуренцию Америке».

Развитие культуры в период «перестройки». Основные процессы в развитии культуры «перестроечного» периода связаны с раскрепощением, преодолением одномерности общественного сознания, формированием более объективной картины окружающего человека мира.

Одной из главных черт культуры тех лет стала ее публицистичность, постановка крупных общественно значимых тем, широкое и заинтересованное внимание к обсуждаемым вопросам. В 1987 г. в толстых журналах была напечатана серия материалов о настоящем, прошлом и будущем России. В «Новом мире» появились статьи И. М. Клямкина «Ка-

кая улица ведет к храму?»; В. И. Селюнина и Г. Н. Ханина — «Лукавая цифра»; Н. П. Шмелева — «Авансы и долги». Эти и другие материалы вызвали большой интерес новизной привлеченных фактов и своим разоблачительным пафосом. В них ставился глобальный вопрос о содержании пройденного страной в XX в. пути и правильности избранной в 1917 г. модели развития.

Утоляя накопившийся за многие годы информационный голод, средства массовой информации печали огромное количество материалов на самые острые современные темы; сюжеты из прошлого и о том, чем и как жили люди в других государствах. Тиражи газет и журналов стремительно шли вверх: в 1989 г. тираж «Аргументов и фактов» «взлетел» до 30 млн экземпляров (это было даже зафиксировано в Книге рекордов Гиннеса); тираж газеты «Труд» вырос до 20 млн, а «Правды» — до 10. Значительно изменился стиль работы телевидения. Оно быстро освоило ранее практически неиспользуемый жанр — «прямой эфир». Большими симпатиями зрителей пользовались передачи «Взгляд», «До и после полуночи», «Пятое колесо». Ведущие этих передач были необычайно популярными, становились и деятелями российской политики. Возможности создания независимых СМИ стали больше после выхода в 1990 г. Закона «О печати».

Никогда ранее не был столь значительным интерес к истории. Страна переживала настоящий «исторический бум». В 1987–1991 гг. газеты и журналы часто печатали материалы «круглых столов» на исторические темы, «размышления» историков и публицистов. Упрощение доступа к архивным фондам привело к появлению в печати массы сенсационных документов, которые становились достоянием самой широкой публики. Принципиально важным было снятие покрова тайны с многих страниц истории КПСС. Возобновлено было издание журнала «Известия ЦК КПСС», знакомившего с закрытыми ранее партийными решениями. Здесь, например, впервые в СССР опубликован доклад Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС о культе личности Сталина. Политические преобразования в СССР позволили реабилитировать не только тех, кто предан забвению, но и тех, кто еще недавно подвергался беспощадной разносторонней критике во всех учебниках по истории КПСС. В историю были «возвращены» Н. И. Бухарин, А. И. Рыков, Л. Д. Троцкий, Л. Б. Каменев, Ф. Ф. Раскольников, В. А. Антонов-Овсеенко и многие другие.

Восстановлению исторической памяти способствовала публикация работ русских философов и писателей, чьи имена были под запретом. Среди них — Н. А. Бердяев, В. С. Соловьев, Г. П. Федотов, П. А. Сорокин, В. В. Розанов, И. А. Ильин. В 1990 г. переиздан сборник «Из глубины», написанный русскими философами в 1918. В 1991 г. опубликованы не менее знаменитые «Вехи», явившиеся в свое время «предостережением русских философов судьбе России и интеллигенции». Массовыми ти-

ражами издавались «Реквием» А. А. Ахматовой, «Котлован» и «Чивенгур» А. П. Платонова, «Мы» Е. И. Замятина. Потрясение вызывали публикации А. И. Солженицына («Архипелаг ГУЛАГ») и В. А. Шаламова («Колымские рассказы»).

Событием огромной культурной важности стал фактический отказ государства от агрессивного атеизма. Возрождались прерванная в 1917 г. традиция христианства. Восстанавливались ранее разрушенные храмы, открывались духовные школы, семинарии. В 1988 г. было зарегистрировано 176, в 1989 — 460 новых православных объединений; в начале 1990 г. в РСФСР действовало 3120 православных приходов. Возрождению интереса к религии и Церкви способствовало празднование в 1988 г. тысячелетия крещения Руси. Возрождались и другие конфессии, исторически существовавшие в России. Восстанавливались старые и открывались новые мусульманские мечети, иудейские синагоги, буддийские пагоды. Важным событием 1990 г. стало принятие союзного и российского законов «О свободе совести и религиозных организациях» и «О свободе вероисповеданий», закреплявших новый характер государственно-церковных отношений. Признание важности религиозной традиции в жизни общества нашло отражение во включении дня Рождества Христова в число национальных праздников России. Впервые в новом качестве он был отпразднован 7 января 1991 г.

Бурные перемены происходили в кинематографе. В 1986 г. потрясением стала демонстрация фильма Т. Е. Абуладзе «Покаяние». Картина свидетельствовала о готовности кинематографического сообщества к глубокому переосмыслению важнейших событий отечественной истории. С «полок» были возвращены более 100 ранее «отложенных» фильмов. Публика смогла познакомиться с работами А. А. Тарковского, А. Ю. Германа, А. С. Михалкова-Кончаловского, других режиссеров. Увлечение публицистической документалистикой в 1985–1991 гг. также отразилось в кино. Классикой тех лет стали полудокументальные фильмы С. С. Говорухина «Так жить нельзя» и Ю. Подниекса «Легко ли быть молодым?». Кинематограф в числе первых среди других видов искусства столкнулся с таким новым явлением, как коммерциализация, значительно влиявшем на содержание художественного творчества.

Во второй половине 1980-х годов новый образ обретал и театр. Характерным стало широкое развитие студийного движения. Интерес публики привлекли театральные эксперименты С. Е. Кургина (Театр-студия «На досках»), М. Г. Розовского (Театр-студия «У Никитских ворот»), В. Беляковича (Театр-студия «На Юго-Западе»). Свойственная времени публицистичность нашла яркое отражение в популярных постановках М. А. Захарова в театре Ленинского комсомола (пьесы М. Шатрова «Диктатура совести», «Синие кони на красной траве», «Дальше, дальше, дальше» по-новому выведившие на сцену ленинскую

проблематику). В первые перестроечные годы из подполья вышла музыкальная рок-культура. Концерты отечественных и зарубежных рок-групп собирали целые стадионы зрителей.

Однако далеко не все происходившие в духовной сфере процессы были однозначно позитивными. «Освобожденные» от прямого партийного диктата средства массовой информации очень быстро оказались втянутыми в острые политические баталии, порой доходя до разнузданного и малоприглядного шельмования оппонентов, что негативно влияло на общественную атмосферу. Провозглашенная «деидеологизация», избавление от коммунистического догматизма на деле оборачивались ускоренным утверждением другой, буржуазно-либеральной идеологии.

Отказ от конфронтации и сближение с Западом часто выливались в некритическое к нему отношение, увлечение его, далеко не бесспорными, «достижениями». Это особенно пагубно сказалось в сфере культуры, искусства и общественных наук. С экранов кинотеатров, телевидения, с театральных подмостков демонстрировались преимущественно невысокого художественного качества ленты и постановки, основным содержанием которых были пропаганда культа насилия, порнография, не ограниченная моралью страсть к наживе. Тем самым наносились весьма ощутимые удары по эстетическим и нравственным ценностям российского общества, что особенно пагубно влияло на формирование сознания молодого поколения.

§ 4. Демонтаж союзной государственности. Конец августа — декабрь 1991

Политический кризис 19–21 августа 1991 г. К середине 1991 г. деструктивные процессы в стране развивались столь интенсивно, что для восстановления элементарной управляемости обычных мер было уже недостаточно. И это осознавали все политические силы. За право вывода страны из кризиса боролись два четко обозначившихся центра политической власти: союзное руководство, за вычетом Горбачева, и российские лидеры. На бескомпромиссность противостояния повлияло то, что за каждым из них стояли не просто личные амбиции, а различные представления о путях экономического, политического и национально-государственного развития страны. Первые выступали за социалистический выбор, развитие системы Советов, сохранение единого государства в рамках СССР. Вторые заявляли о приверженности либеральным подходам в экономике, о необходимости изменения советской системы, считали возможным осуществить это лишь в рамках конфедеративного союза государств.

Высшие руководители СССР резко возражали против намеченного на 20 августа подписания текста Союзного договора. Потерпев неудачу

в попытках убедить Горбачева внести в его текст необходимые изменения, они решили действовать самостоятельно. В отсутствие Президента СССР (он находился на отдыхе в Крыму) 18 августа на одном из «объектов» КГБ в Москве был создан Государственный комитет по чрезвычайному положению (ГКЧП). В его состав вошли О. Д. Бакланов (первый заместитель председателя Совета Обороны СССР), В. А. Крючков (Председатель КГБ СССР), В. С. Павлов (Премьер-министр СССР), Б. К. Пуго (министр внутренних дел СССР), В. А. Стародубцев (председатель Крестьянского союза СССР), А. И. Тизяков (президент Ассоциации государственных предприятий и объектов промышленности, строительства, транспорта и связи СССР), Д. Т. Язов (министр обороны СССР), Г. И. Янаев (вице-президент СССР). Состав комитета должен был продемонстрировать единство высших органов власти и основных социальных групп в их озабоченности судьбой Союза. Прервал свой отпуск и вернулся в Москву Председатель Верховного Совета СССР А. И. Лукьянов, который, однако, в состав ГКЧП не вошел.

Утром 19 августа был обнародован указ вице-президента Г. И. Янаева, в котором сообщалось о «невозможности» Горбачевым выполнять обязанности президента «по состоянию здоровья» и о вступлении в должность главы государства самого Янаева. Вторым документом было «Заявление советского руководства», подписанное Г. И. Янаевым, В. С. Павловым и О. Д. Баклановым, о том, что в отдельных местностях СССР на срок 6 месяцев с 19 августа вводится чрезвычайное положение, осуществлять режим которого был призван ГКЧП. Третий документ — «Обращение к советскому народу», где впервые на столь высоком уровне констатировалось, что «начатая по инициативе М. С. Горбачева политика реформ... зашла в тупик» и анализировались причины, вызвавшие «безверие, апатию и отчаянье», потерю доверия к власти и неуправляемость страны. В числе главных причин называлось «возникновение экстремистских сил, взявших курс на ликвидацию Советского Союза и захват власти любой ценой». Документ едва ли не впервые в советской истории не содержал призывов защищать социализм, в нем даже не встречались прилагательные «коммунистический» и «социалистический». Апелляция к патриотическим чувствам была призвана подчеркнуть критичность момента, консолидировать всех государственных и гражданских настроенных граждан СССР, независимо от их политических симпатий.

В четвертом документе — «Постановление ГКЧП № 1» — перечислялся комплекс первоочередных для исполнения мер: незамедлительное расформирование структур власти и управления, военизированных формирований, противоречащих Конституции СССР и законам СССР, подтверждение недействительности законов и решений, противоречащих Конституции и законам СССР, приоритет общесоюзного законо-

дательства; приостановка деятельности политических партий, общественных организаций и массовых движений, препятствующих нормализации обстановки. Далее следовал перечень необходимых действий по охране общественного порядка и безопасности государства, общества и граждан; мер, не допускающих проведения митингов, уличных шествий и демонстраций, а также забастовок; по установлению контроля над средствами массовой информации, наведению порядка и дисциплины во всех сферах жизни общества; своевременной уборке урожая и удовлетворению первостепенных социальных нужд. В заключение авторы обращались ко всем здоровым политическим силам с призывом объединиться, чтобы «положить конец нынешнему смутному времени». Правотворчество ГКЧП подкреплялось вводом в столицу войск (4 тыс. солдат и офицеров) и бронетехники.

Российское руководство, против которого преимущественно была направлена активность ГКЧП, оперативно, продуманно и комплексно отреагировало на эти действия. Во-первых, была развернута мощная информационная кампания. На одно из центральных мест вышла тема «заботы» о Президенте СССР и его здоровье, что должно было сфокусировать внимание на сомнительности повода отстранения Горбачева от должности. В общественном сознании удалось демонизировать ГКЧП, назвав в первый же день происходящее «путчем хунты», что вызывало ассоциации с образами кровавых диктаторов и правового беспредела. Во-вторых, российские руководители призвали под стены «Белого дома» (резиденцию ВС и Правительства РСФСР) своих сторонников и старались на протяжении всего периода противостояния сохранять «живое кольцо» (по разным сведениям, там находилось от 4 до 90 тыс. «защитников»). Это было важным сдерживающим фактором, поскольку обе противостоящие стороны понимали политические последствия возможного кровопролития. В-третьих, Б. Н. Ельцин, отталкиваясь от идеи утраты легитимности союзным руководством в связи с «совершением государственного преступления», подписал серию указов, которыми переподчинил себе все органы исполнительной власти СССР, находящиеся на территории РСФСР, в их числе — подразделения КГБ, МВД и МО СССР. Он принял также на себя полномочия командующего Вооруженными силами СССР на территории РСФСР.

Противостояние между сторонниками ГКЧП и российских властей происходило лишь в центре столицы. Руководители других союзных республик, а также областей и краев России, чаще проявляли сдержанность, ограничиваясь принятием документов, в которых выражалась готовность следовать Конституции СССР, российским законам и осуждалось введение чрезвычайного положения.

Анализ событий 19–21 августа 1991 г. показывает, что на их исход повлияли не столько силовые факторы или правовая обоснованность

позиций сторон, сколько чувство политической ситуации, умение собрать в нужный момент и в нужном месте своих сторонников и поставить противника в такие условия, в которых даже численное или силовое превосходство не принесет ему победу.

Одна из главных целей ГКЧП состояла в том, чтобы «надавить» на российское руководство, заставить сесть за стол переговоров и сформулировать приемлемые для сохранения СССР и вывода страны из кризиса условия будущего Союзного договора. При этом его лидеры не без оснований рассчитывали на неприятие большинством населения М. С. Горбачева и отсутствие массовой устойчивой политической базы у Ельцина, а также на подвластные им, союзным руководителям, КГБ, МВД и армии. Однако они недооценили информационно-политическую и организационную «отмобилизованность», бескомпромиссность позиции, готовность оппонентов идти «до конца», а также неприятие населением военного вмешательства.

Тбилисский, бакинский и вильнюсский «синдромы», когда армия использовалась против экстремистов, но была подвергнута хуле за то, что было поднято оружие против «мирного населения», затрудняли и даже делали практически невозможным ее привлечение для активных действий в Москве. Но в тех случаях применению Вооруженных сил все же предшествовали крупные провокации, в столице все приобретало вид «верхушечной разборки». В ГКЧП победила позиция тех, кто предлагал привлечь армию для оказания психологического давления. Как позже говорил маршал Д. Т. Язов, он согласился войти в Комитет с твердой оговоркой, что армии будет отведена роль пассивной давящей силы. Нежелание силовых структур (армии, КГБ, МВД) участвовать в политических «разборках», активное неприятие ГКЧП рядом высокопоставленных военных во многом предрешило исход начавшегося 19 августа противостояния.

В ночь с 20 на 21 августа произошел инцидент, которому было суждено оказать значительное влияние на развитие политической ситуации. При странных обстоятельствах погибли три молодых человека из числа «защитников» Белого дома. Последовавшее позже расследование этих событий показало, что случившееся было, скорее, даже не несчастным случаем, а результатом заранее продуманной провокации. Тем не менее факт пролития крови «мирных» жителей находящимися в подчинении ГКЧП военными стал последней каплей, которая предредила конец колебаний и без того неустойчивых сторонников Комитета, позволив российскому руководству начать развернутое политическое наступление на своих противников и одержать полную и безоговорочную победу.

Утром 21 августа Коллегия Министерства обороны СССР высказалась за вывод войск из Москвы и отмену повышенной готовности; министру обороны было рекомендовано без промедления выйти из ГКЧП.

Наиболее определенно за это выступали главкомы: ВВС — Е. И. Шапошников; ракетных войск стратегического назначения — Ю. П. Максимов и ВМФ — В. Н. Чернавин. С ними солидаризировались и заместители Язова. К Москве к этому времени подошли новые воинские части, которые, однако, не были введены в столицу.

События 19–21 августа можно было рассматривать и как проявление остро политического кризиса, и как попытку государственного переворота. Многое зависело от позиции Горбачева, которая не была ясна ни для одной из конфликтующих сторон. Поэтому решающим в противостоянии между ГКЧП и российским руководством на завершающем этапе политического кризиса 19–21 августа 1991 г. стал вопрос о том, кто первый встретится с Горбачевым и «перетянет» его на свою сторону. В Форос к Горбачеву почти одновременно прибыли и сторонники ГКЧП, и представители российского руководства во главе с вице-президентом А. В. Руцким. Горбачев сделал свой выбор, он отказался принять «заговорщиков» и поздним вечером 21 августа вернулся в Москву в окружении «победителей». Там же, во Внуково, по распоряжению Генерального прокурора России В. Г. Степанкова были задержаны и изолированы В. А. Крючков, Д. Т. Язов и А. И. Тизяков. В последующие дни к ним присоединили других активных участников событий.

Кризис 19–21 августа перевел латентный процесс дезинтеграции СССР в открытую форму, положив начало новому периоду (до конца 1991), основным содержанием которого стал последовательный демонтаж союзных структур.

Ликвидация государственно-политических структур СССР. После августовского кризиса сложилась ситуация, когда принимаемые лидерами решения определялись не Конституцией и законами СССР, а реальным соотношением сил и по-разному понимаемой «политической целесообразностью». Республиканские органы власти действовали уже без оглядки на союзный Центр. Выступление ГКЧП стало удобным поводом для отказа от серьезных интеграционных предложений. С конца августа начался набиравший все большие темпы демонтаж союзных политических и государственных структур. На этом основании некоторые историки полагают, что в действительности Советский Союз «умер» сразу после августа, продолжая формально существовать до конца года.

Со 2 по 5 сентября 1991 г. в Москве работал V (внеочередной) съезд народных депутатов, который политически и юридически закрепил посткризисную ситуацию. Из документов съезда следовало, что действовавшая Конституция СССР утратила силу. Объявлялось вступление страны в переходный период, окончание которого связывалось с принятием новой конституции и выбором новых органов власти. В рамках

этого переходного периода предлагалось подготовить и подписать всеми желающими республиками Договор о союзе суверенных государств, в котором каждая из них сможет самостоятельно определить формы своего участия. Выступавшие руководители просили поддержать намерение их республик вступить в ООН и стать полноправными субъектами международного права.

Несмотря на оптимизм лидеров, у многих делегатов складывалось ощущение, что они присутствуют на собрании обреченных, на «похоронах Союза». И действительно, съезд принял конституционный Закон «Об органах государственной власти и управления Союза в ССР в переходный период». Он предусматривал «прекращение деятельности» высших органов государственной власти СССР — Съезда и Верховного Совета, обладавших правом принятия общих для всех республик законов. В соответствии с законом, был создан Госсовет СССР с участием Президента СССР и высших должностных лиц республик, которому на неопределенный по времени «переходный период» передавались реальные функции управления. Оценивая происходящее, Президент России заявил, что наступает конец длившейся больше года между республиками и союзным центром «холодной войне».

Создание Госсовета СССР легализовало положение, существовавшее с конца апреля 1991 г., когда начался «новоогаревский процесс». Именно тогда важнейшие вопросы будущего Союза стали обсуждаться за закрытыми дверями в узком кругу высших руководителей республик, которые далеко не всегда информировали о происходившем на переговорах представительные органы. На практике Госсовет стал не органом «для согласованного решения вопросов внутренней и внешней политики, затрагивающих общие интересы», как декларировалось изначально, а институтом, в рамках которого оформляли свое движение к полной независимости почувствовавшие «вкус свободы» республики.

23 августа 1991 г., Б. Н. Ельцин подписал Указ «О приостановлении деятельности Коммунистической партии РСФСР», положения которого позднее развиты в серии других актов и привели к фактическому запрещению КПСС. Основанием для подготовки указа послужила уверенность в том, что КП РФ поддержала совершивший государственный переворот ГКЧП. МВД и прокуратура РСФСР получили поручение «провести расследование фактов антиконституционной деятельности компартии РСФСР». Согласно Указу Президента РСФСР от 25 сентября «Об имуществе КПСС и Коммунистической партии РСФСР» все партийное движимое и недвижимое имущество, включая денежные и валютные счета, становилось государственной собственностью России. В тот же день Горбачев объявил о сложении с себя обязанностей Генерального секретаря и призвал партию самораспуститься. Эти события вызвали цепную реакцию в союзных республиках. До конца августа де-

тельность компартий была приостановлена в Белоруссии, Грузии, Киргизии, Эстонии; компартии запрещены на Украине, в Молдавии, Литве. Процесс «департизации» республик в основном завершился к середине сентября 1991 г.

Одним из компонентов демонтажа союзных структур стало назначение на высшие должности СССР только лиц, которых поддерживало российское руководство. Горбачев был лишен права самостоятельно подбирать людей по своему усмотрению. «У нас уже есть горький опыт, август нас многому научил, поэтому, прошу вас, теперь любые кадровые изменения — только по согласованию со мной», — заявил ему российский президент после возвращения того из Фороса. Определился и главный критерий выдвижения на ключевые должности: отношение к ГКЧП и степень поддержки российского руководства в августовские дни 1991 г. Шанс на назначение получали лишь те, кто активно выступил на стороне Белого дома, «нейтральные» кандидатуры не рассматривались.

25 августа указом Горбачева был ликвидирован Совет Министров СССР. Вместо него создан Комитет оперативного управления народным хозяйством, который возглавил российский премьер И. С. Силаев. Создание Комитета и назначение его руководства обозначили еще одну важную послеавгустовскую тенденцию — перевод союзных структур под управление российских органов власти. Тем самым преодолевалось «двоевластие», существовавшее на территории республики более года. До конца 1991 г. под юрисдикцию России перешли органы гражданской и военной прокуратуры, Министерство финансов и Госплан СССР.

24 августа 1991 г. ВС УССР провозгласил Украину независимым демократическим государством, заявив, что с этого момента действующими на территории являются лишь Конституция, законы, постановления и другие акты республики. В тот же день о своей независимости заявила Белоруссия, 27 августа это сделала Молдавия, 30 — Азербайджан, 31 — Киргизия и Узбекистан. Грузинский лидер З. Гамсахурдия выступил с требованием, чтобы мировое сообщество фактически и юридически признало независимость Грузии. Верховные Советы Латвии, Литвы и Эстонии еще 20–21 августа объявили о своей независимости и восстановлении конституций, действовавших до 1940 г. Независимость трех последних Россия признала уже 24 августа.

В августе–ноябре 1991 г. развернулось реформирование КГБ. Оно шло по двум направлениям. Первое — дезинтеграция, раздробление КГБ на ряд самостоятельных ведомств и лишение его монополии на все виды деятельности, связанные с обеспечением безопасности. Предполагалось «разорвать комитет на части» (В. В. Бакатин), которые, находясь в прямом подчинении главе государства, конкурировали и уравнивали бы друг друга. Второе направление — децентрализация или вертикальная дезинтеграция, предоставление полной самостоятельности рес-

публиканским органам безопасности в сочетании с главным образом координирующей работой межреспубликанских структур.

Уже в августе КГБ был лишен нескольких десятков тысяч войск специального назначения. Служба охраны преобразована в Управление охраны при аппарате Президента СССР. 29 августа произошло выделение из КГБ комплекса управлений, отвечавших за правительственную связь, шифровку и радиоэлектронную разведку. На их базе создан Комитет правительственной связи при Президенте СССР. После этих, сравнительно небольших по масштабам, структурных изменений дошла очередь и до самых крупных подразделений Комитета — разведки, контрразведки, пограничных войск.

11 сентября вместо Коллегии КГБ создан Координационный совет в составе председателей комитетов республик. Республиканские органы власти получили право самостоятельно назначать председателей своих комитетов, которые фактически становились автономными руководителями с большими полномочиями. Одна из главных проблем, связанных с децентрализацией, решалась при создании самостоятельной службы безопасности РСФСР. Здесь особенностью ситуации была связана с тем, что КГБ Союза лишился «своей» территории и становился сугубо координирующей структурой. Это привело к тому, что еще до формальной ликвидации КГБ СССР характер его отношений с республиканскими комитетами стал определяться двусторонними соглашениями, в которых фиксировались компетенция и объем делегируемых в Центр функций.

К началу декабря большинство союзных структур были либо ликвидированы, либо поделены, либо перешли под юрисдикцию России, либо были просто дезорганизованы. Как отмечал в начале декабря 1991 г., С. М. Шахрай, к тому моменту «юридически и фактически существование Союза не может быть доказано».

«Ново-Огарево-2» и юридическое оформление распада СССР. В центре внимания созданного по решению V съезда народных депутатов СССР Госсовета находились вопросы, касавшиеся возможной формы объединения союзных республик. Эти дискуссии, как и ранее, проходили в Ново-Огарево. Только главную роль в них играли Россия и Украина. За время своего существования (сентябрь — ноябрь) Госсовет провел 7 заседаний.

После августа сторонники сохранения Союза считали, что на подписание экономического договора республики пойдут быстрее и охотнее, чем на заключение политического соглашения. Именно поэтому во второй половине сентября — первой половине октября особенно много внимания уделялось этому сюжету.

Ответственный за разработку документа Г. А. Явлинский полагал, что главная задача Экономического союза состоит в консолидации усилий

суверенных государств с целью образования общего рынка и проведения согласованной экономической политики как неперемennого условия преодоления кризиса. При этом он подчеркивал, что вступление в него не обуславливается подписанием договора о Союзе Суверенных Государств.

18 октября 1991 г. Президент СССР и руководители 8 республик (без Украины, Молдавии, Грузии и Азербайджана) подписали в Кремле Договор об экономическом сообществе суверенных государств. Исходя из факта разрушенности прежнего государства, он предполагал «доделить» союзную собственность, ликвидировать общий центральный банк и допускал введение собственных национальных валют. Для того чтобы договор действовал, были необходимы примерно 20 дополнительных соглашений по конкретным сферам экономики. Они, однако, в лучшем случае могли быть подготовлены и ратифицированы только через четыре месяца. В условиях острого экономического кризиса это делало весь договор декларативным документом. Республики крайне подозрительно относились к возможности создания наднациональных органов управления, что изначально ставило под сомнение реализацию всех договоренностей.

М. С. Горбачев осознавал, что воплощение статей экономического договора в жизнь будет упираться в нерешенность проблемы государственности, проблемы нового Союза. Поэтому параллельно с подготовкой экономического соглашения велись интенсивные консультации о будущем Союзном договоре. С начала сентября 1991 г. разработкой его проекта занимались преимущественно представители союзных и российских властей, причем тон задавали последние. Первоначально Горбачев настаивал на формуле «союзное государство» с общей Конституцией и прямыми выборами общего президента. Но ему не удалось отстоять эти позиции: в итоговом новоогаревском проекте 14 ноября будущее объединение определялось как «конфедеративное демократическое государство». В этом государстве не предусматривалась конституция, однако предполагались выборы (через выборщиков) президента; на два года избирался двухпалатный парламент (и от республик, и от округов); были пункты о правительстве и даже о столице, которую первоначально «россияне» обозначили как «место пребывания союзных органов».

Заседание Госсовета 14 ноября закончилось на оптимистической ноте. Достигнута была договоренность начать парафирование нового Договора 25 ноября 1991 г. Но подписания документов в этот день не состоялось. Российская делегация предложила вернуться к согласованному уже тексту проекта нового Союзного договора и снять формулировку о «конфедеративном демократическом государстве», оставив «конфедерацию независимых государств». В качестве предлога для этого демарша была названа позиция Верховного Совета, который не был готов ратифицировать ранее оговоренный вариант. Кроме того, Ельцин

заявил, что «подписание Договора без Украины — бесполезное дело», и предложил « подождать Украину», пока там 1 декабря не пройдет референдум.

В этот день 90,32% от принявших участие в голосовании высказались за независимость республики, а Л. М. Кравчук был избран президентом. 2 декабря ее признала Россия, а 3 декабря, в разговоре с американским президентом Дж. Бушем, Кравчук сообщил, что в ближайшие дни состоится встреча лидеров славянских республик в Минске. 5 декабря 1991 г. Кравчук был приведен к президентской присяге, а Верховный Совет Украины принял «Послание к парламентам и народам всех стран», где было, сказано, в частности, что Договор об образовании СССР 1922 г. утратил силу.

8 декабря 1991 г. Председатель Верховного Совета Республики Беларусь С. С. Шушкевич, Президент РСФСР Б. Н. Ельцин и Президент Украины Л. М. Кравчук в местечке «Белая Вежа» под Минском подписали «Соглашение о создании Содружества Независимых Государств», в преамбуле которого заявлялось, что «Союз ССР как субъект международного права и геополитическая реальность прекращает свое существование». Однако формально Союз продолжал существовать, так как о выходе из него не заявили другие республики, согласно Конституции являвшиеся соучредителями единого государства наравне с Россией, Украиной и Белоруссией. Поэтому, с международно-правовой точки зрения, СССР перестал существовать 21 декабря 1991 г., когда в Алматы к Беловежскому договору об образовании СНГ на правах учредителей присоединились еще восемь республик.

Ныне очевидны негативные последствия ликвидации СССР, и большая часть россиян сожалеет о распаде единой страны. Однако возникает вопрос о том, почему в конце 1991 г. это большинство российского населения восприняло весть об официальной «кончине» СССР относительно равнодушно? При ответе нужно принять во внимание ряд факторов. Во-первых, сказалась усталость от затянувшейся неопределенности. В течение многих месяцев ощущалось, что страна находится в состоянии полураспада, который никак не может закончиться. В этом плане Беловежье представлялось наконец-то сделанным выбором. Во-вторых, длительное время все являлись свидетелями нарастающей недееспособности растаскиваемых республиками центральных управленческих структур, что привело к их практически полному свертыванию или параличу к декабрю 1991 г. В-третьих, психологически восприятие исчезновения СССР было облегчено тем, что правовое закрепление этого факта осуществлено в Соглашении о создании Содружества Независимых Государств, т.е. преподнесено не как ликвидация, а как трансформация ранее существовавшего государства. К тому же в Белоруссии одновременно был подписан и документ о координации эконо-

мической политики. В этом плане Соглашение соответствовало новогоревской традиции, предполагавшей после заключения Договора о Союзе подписание дополнительных соглашений, без которых он тоже «зависал». Политики же убеждали население в том, что наступает новый этап действительно добровольного объединения и равноправного сотрудничества народов.

23 декабря во время встречи М. С. Горбачева и Б. Н. Ельцина обсуждены вопросы, связанные с прекращением деятельности союзных структур. 25 декабря 1991 г. Верховный Совет РСФСР утвердил новое название республики — Российская Федерация (Россия). В тот же день в 19.38 над Кремлем был спущен красный союзный флаг и заменен на трехцветный российский.

§ 5. РСФСР в канун превращения в Российскую Федерацию. Сентябрь — декабрь 1991

Изменения в системе государственной власти и управления. После политического кризиса 19–21 августа 1991 г. начинается качественно новый этап политики российских властей. Если в 1990 — середине 1991 г. их усилия были направлены на борьбу против союзного «центра», то теперь появилась возможность сконцентрироваться собственно на осуществлении реформ. Развернулось активное преобразование всей системы политических, экономических, социальных отношений.

В среде августовских победителей доминировали антикоммунистические настроения, которые во второй половине 1991 г. стали определять официальный курс политики быстро идущей к независимости РСФСР. Этот курс получал и теоретическое обоснование. 28 августа группа известных общественных деятелей «Демроссии» выступила с Заявлением, где произошедшие 19–21 августа события трактовались как «Августовская революция». Политики отмечали, что можно с разными и смешанными чувствами воспринимать развал государства, которое раньше называлось Российской империей, а затем СССР, но «этот свершившийся факт должны приветствовать все истинные демократы как существенную сторону краха коммунистического режима и проявление в принципе прогрессивной тенденции». Вскоре политический кризис 19–21 августа стали называть антикоммунистической или демократической революцией. Зримым доказательством перемен стал демонтаж памятников — символов «тоталитарной эпохи» — Ленину, Дзержинскому, Андропову, возвращение исторических названий городам, улицам (Екатеринбург, Павлов-Посад).

Поражение высших представителей союзных структур придало новый мощный импульс концентрации управленческих полномочий в

руках исполнительной власти России, олицетворяемых институтом президента. Это было связано с представлением о том, что в период динамичных экономических и политических изменений страна нуждается в усилении исполнительной власти, которая должна квалифицированно и оперативно решать выдвигаемые жизнью проблемы. На государственно-политическом уровне это вело к изменению существовавшей в СССР системы Советской власти, которая соединяла законодательные, распорядительные и контрольные функции. Первыми практическими шагами в этом направлении были прямые выборы глав исполнительной власти на общероссийском уровне (Президента РСФСР) и в обеих «столицах» (мэров Москвы и Ленинграда), состоявшиеся 12 июня 1991 г. Дальнейшее развитие этой тенденции требовало избрания глав исполнительной власти краев, областей, городов России. Следующий шаг диктовал необходимость разделения власти и полномочий между новыми исполнительными структурами и ранее «всевластными Советами».

21 августа на волне противостояния с ГКЧП принято постановление Верховного Совета РСФСР, согласно которому Президенту РСФСР предоставлялось право впредь, до принятия Закона РСФСР об управлении краем, областью, отстранять от должности председателей (всех уровней) Советов народных депутатов в случае неисполнения этими Советами законодательства РСФСР, указов Президента и актов Правительства, а также исполнения ими решений антиконституционных органов. Не менее революционным был второй пункт постановления, которым вводилась должность главы администрации в крае, области и других административно-территориальных единицах как руководителя соответствующего исполнительного органа. Глава администрации становился правопреемником исполкома Совета народных депутатов. В третьем пункте постановления Президенту РСФСР предоставлялось право («впредь до принятия закона»), где регулировался бы порядок выборов, т.е. на четко неопределенный срок, единолично назначать глав администраций и освобождать от этих должностей. Постановление вошло в действие с момента принятия. Документ существенно изменял действовавшую систему управленческих отношений, значительно ограничивая властные функции Советов и усиливая «исполнительную вертикаль», подчиненную непосредственно (и почти исключительно) Президенту.

21 сентября 1991 г. опубликован президентский Указ № 112 «О роли Совета Министров РСФСР в системе исполнительной власти Российской Федерации». Он, с одной стороны, ставил перед Совмином задачи по «построению динамичной модели рыночной экономики», а с другой — определял отношения между предсовмином и президентом. Предусматривалось, в частности, что президент не только должен контролировать деятельность Совмина и «совместно решать принципиальные вопросы

организации работы Правительства РСФСР, комиссий и других рабочих органов», но и, при необходимости, председательствовать на его заседаниях для «обеспечения Правительством РСФСР его полномочий в полном объеме».

Огромное влияние на последующее политическое развитие страны оказали решения об изменении властного баланса, принятые на V съезде народных депутатов РСФСР (28 октября — 13 ноября 1991). Постановление «Об организации исполнительной власти в период радикальной экономической реформы» предоставляло президенту право самостоятельно реорганизовывать структуру высшей исполнительной власти России и самостоятельно решать вопросы кадрового назначения в системе исполнительной власти. Таким образом, президент получал необычайную свободу в плане подбора лиц на высшие посты в структуре исполнительной власти, не будучи при этом обязанным согласовывать даже с парламентом свои назначения.

Другое постановление: «О правовом обеспечении экономической реформы» — предусматривало, что законы СССР и РСФСР «в период проведения радикальной экономической реформы применяются в части, не противоречащей актам, принятым в соответствии с настоящим Постановлением». Эти акты (указы президента) предполагалось издавать в целях оперативного регулирования экономической реформы. Принятие этого постановления знаменовало вступление России в весьма специфический период политико-правового развития, когда президентские указы стали выполнять роль замещающего или конкурирующего законодательства. О направлениях развития формирующегося «указного права» можно судить по сфере интересов Государственно-правового управления (ГПУ) Администрации Президента, созданного и возглавлявшегося в 1991 г. С. М. Шахраем. В его структуру входили отделы: государственного, административного и международного права; правового обеспечения вопросов безопасности, обороны и правоохранительных органов; правовых проблем федерализма, местного самоуправления и взаимодействия с федеральными представительными органами; судебной реформы и судопроизводства; гражданского права и хозяйственного законодательства; систематизации законодательства и правовой информатизации.

Решения V съезда народных депутатов легализовали ситуацию, при которой представительные органы власти фактически лишались реального права корректировать то, что делала исполнительная. При этом направление деятельности и состав высших органов исполнительной власти ставились в зависимость от президента как «высшего должностного лица» государства. Уже тогда Б. Н. Ельцин получил огромные полномочия. И хотя решения предусматривали, что полномочия даются «временно», на один год, он впоследствии настаивал на том, что такое

положение следует сохранить на значительно больший период. Со времени V съезда эти темы (выбор модели экономических преобразований и формирование команды реформаторов, время «чрезвычайных полномочий») стали основными в политическом противостоянии 1992–1993.

На съезде принято еще одно решение, усиливавшее влияние высшей исполнительной власти. Президент получил право приостанавливать действие актов главы исполнительной власти (республик в составе РСФСР), а также иные решения органов власти, если они противоречат Конституции и законам РСФСР. Съезд своим постановлением отменил также назначенные ранее Верховным Советом РСФСР на 8 декабря 1991 г. *выборы* глав администраций, сохранив «августовский» порядок — *назначение* на эти должности указами Президента. Подбором кандидатов и координацией их деятельности занималось Контрольное управление, входившее в структуру Администрации Президента. Забегая вперед, можно отметить, что первые выборы глав администраций (притом лишь в 5 субъектах федерации) прошли в апреле 1993, затем — в виде исключения — в декабре 1995 г. в 12, а с января 1996 по март 1997 — в 56 субъектах Российской Федерации. V съезд народных депутатов сыграл важную роль в рождении нового политического режима.

Быстраивание «президентской вертикали» было одной из стратегических задач российских лидеров и началось до августовского кризиса. Еще 14 августа 1991 г. Указом Президента РСФСР были назначены 14 первых его представителей на местах. До конца года они имелись более чем в 50 регионах России и были народными депутатами либо РСФСР (в основном члены фракций, входящих в «Демократическую Россию»), либо СССР (практически все члены Межрегиональной депутатской группы). Как отмечалось в печати, президентские назначения играли на местах роль «демократических комиссаров».

Стремлением к концентрации власти можно объяснить и появление Указа Президента РСФСР от 19 декабря 1991 г. «Об образовании Министерства безопасности и внутренних дел РСФСР», которое предполагалось создать через слияние существовавших отдельно структур органов госбезопасности и внутренних дел. Он сразу же вызвал огромную тревогу в обществе, всколыхнув воспоминания об аналогичном «объединенном ведомстве» начала 1950-х годов. Поэтому одновременно две депутатские группы и несколько комитетов ВС РСФСР обратились в недавно созданный Конституционный суд с ходатайством о проверке конституционности указа. Это было его первое дело. Оперативно рассмотрев вопрос, он уже 14 января 1992 г. своим решением отменил президентский указ, признав его неконституционным, и слияние ведомств, к удовлетворению многих, не состоялось.

Поворот в федеративной политике. После августа 1991 г. начинается новая федеративная политика России. Звучавшее в 1990 г. предло-

жение «глотать суверенитеты» осенью 1991 г. окончательно признано ошибочным, и началась борьба за сохранение бывших автономий в правовом поле России. Однако сделать это было нелегко, так как процесс суверенизации уже имел свою инерцию.

Наиболее сложная ситуация складывалась в Чеченской республике. Здесь оппозиция в виде Исполкома ОКЧН под руководством генерала Д. Дудаева сразу после «путча» приступила к свержению «партократического клана», который возглавлял Председатель Верховного Совета республики Д. Завгаев. Началось формирование национальной гвардии, захват хранящегося на складах оружия и боевой техники. 1 сентября 1991 г. Исполком ОКЧН постановил распустить ВС ЧИР, преемником которого должен был стать Временный высший совет (ВВС). 4 сентября отряды гвардейцев взяли под контроль республиканское телевидение и административные здания исполнительной власти, включая резиденцию Совета Министров. А 6 сентября сторонники Дудаева штурмом овладели зданием ВС ЧИР, где в это время происходило заседание. Оказавшие сопротивление депутаты были избиты, председатель горсовета Грозного В. Куценко погиб. Именно 6 сентября 1991 г. «день низложения тоталитарного режима и перехода на путь демократически-правовых» структур отмечается в Чечне как День независимости.

Взятый курс на независимость Чечни предполагалось легализовать через ряд правовых процедур. На октябрь и ноябрь назначались принятие гражданства, выборы президента и парламента. Осуждалась проводившаяся ранее политика «геноцида» и «колониального гнета» чеченского народа со стороны «имперских сил», а для наблюдения за выборами приглашались представители лишь тех союзных республик, которые однозначно взяли курс на выход из СССР. По сути, уже в первой половине сентября 1991 г. в Чечено-Ингушской республике произошел военный переворот националистических радикальных сил, направленный не столько против прежней партийно-советской номенклатуры, сколько нацеленный на выход автономии из России.

В сентябре в Грозном побывали многие московские политики, пытавшиеся ввести ситуацию в контролируемое федеральными властями русло. Однако миссии Р. И. Хасбулатова, М. Н. Полторанина, Г. Э. Бурбулиса, А. В. Руцкого успеха не имели. По докладу последнего Президиум Верховного Совета России принял постановление «О положении в Чечено-Ингушской республике», сыгравшее большую роль в дальнейшей эскалации напряженности. В документе единственной законной властью на этой территории назван ВВС ЧИР, а «незаконным вооруженным формированием», под которыми подразумевались дудаевские структуры, предписывалось к 10 октября 1991 г. сдать оружие.

Исполком ОКЧН воспринял решения российского руководства, выглядевшее как ультиматум, буквально в штыки. В Чечне была объяв-

лена мобилизация всех лиц мужского пола от 15 до 55 лет, а Национальная гвардия приведена в боевую готовность. К 1 ноября в ней насчитывалось 62 тыс. человек, а в народном ополчении — более 90 тыс.

Б. Н. Ельцин разделял решительные настроения А. В. Руцкого относительно необходимости принятия чрезвычайных мер в отношении ЧИР. 19 октября он подписал жесткое по тону «Обращение к лидерам Исполкома Общенационального конгресса чеченского народа», в котором предупредил, что в случае невыполнения федеральных требований, примет все предусмотренные законодательством РСФСР меры «в интересах нормализации обстановки, обеспечения безопасности населения и защиты конституционного строя». Выборы в Чечне объявлялись незаконными, а их итоги заранее признавались недействительными. Тем не менее, 27 октября выборы были проведены, в них не участвовали ингуши и часть русскоязычного населения. Голосование прошло менее чем в половине районов республики. Дудаев получил подавляющее большинство голосов избирателей и стал первым чеченским президентом. Избранный парламент оказался практически мононациональным. Результаты выборов не признали не только российские власти, но и оппозиционные Дудаеву силы в Чечне.

С ноября 1991 г. начался особенно драматичный период российской политики в Чечне, который надолго усугубил сделанные ранее ошибки. 4 ноября российский президент распорядился готовить указ о введении в республике чрезвычайного положения. На различных стадиях в его разработке участвовали А. В. Руцкой, С. М. Шахрай, Р. И. Хасбулатов, В. Г. Степанков, Н. В. Федоров, В. П. Баранников, А. Ф. Дунаев. Текст был подписан Ельциным 7 ноября. Согласно указу, в ЧИР с 9 ноября по 9 декабря 1991 г. вводилось чрезвычайное положение. В качестве формы управления учреждалась Временная администрация, ее приказы и постановления подлежали исполнению всеми государственными и общественными организациями. Предполагалось привлечь «дополнительные силы и средства органов МВД и КГБ в зону чрезвычайного положения». По плану в операции против Дудаева должны были участвовать более 1,5 тыс. человек.

Таким образом, осознав, что ситуация зашла слишком далеко, российский президент решился на применение силы. Однако операция была провалена прежде всего технически. 8 ноября, когда она началась, техника приземлилась в аэропорту Моздока, а люди — в Беслане (оба — в Северной Осетии). Дороги, по которым войска из Северной Осетии должны были двигаться в ЧИР, были перекрыты. Аэропорт Ханкала в окрестностях Грозного был блокирован несколькими тысячами хорошо вооруженных людей, а взлетные полосы перегорожены тяжелогруженными автомобилями. Прибывшие ранее спецназовцы были заблокированы в здании МВД республики.

И тем не менее, главные причины неудачи попытки вооруженного вмешательства, видимо, находились в политической сфере. Ельцин в тот период еще не имел возможности в полной мере опереться на российские силовые структуры, которые находились в стадии формирования и подчинялись союзному президенту. М. С. Горбачев же был категорически против применения войск и давал указания союзным «силовикам» — В. П. Баранникову, Е. И. Шапошникову и В. В. Бакатину — не делать этого. Попытки Ельцина, Руцкого, Хасбулатова уговорить Горбачева успеха не имели. В итоге исполнение указа Ельцина о введении в Чечне чрезвычайного положения было фактически заблокировано.

В Чечне известие о намерении ввести в республике чрезвычайное положение привело к сплочению сил оппозиции вокруг Дудаева. Распространявшийся слух о якобы вновь готовящейся депортации чеченцев консолидировал чеченское общество. Чеченский парламент не только осудил указ, но и потребовал от президента РСФСР в течение 24 часов вывести с территории республики все вооруженные формирования. Не прекращались массовые акции протеста, были заблокированы здания МВД, полк Внутренних войск, дислоцированный в Грозном. 9–10 ноября прозвучали угрозы руководства Исполкома ОКЧН осуществить террористические акты на территории России и превратить Москву в «зону бедствия». О серьезности чеченских деклараций свидетельствовал захват самолета, который следовал по маршруту Минеральные Воды — Свердловск.

В этих условиях 11 ноября на заседании ВС РСФСР произошло бурное обсуждение вопроса о конституционности указа Ельцина о введении ЧП в Чечне. И хотя в принятом по этому поводу постановлении ВС содержались «извинительные» для Президента и Президиума ВС формулировки, парламент отказался утвердить указ, обязал урегулировать конфликт политическими средствами, путем переговоров с основными политическими группами, не делая исключения для Исполкома ОКЧН. Как выражение недоверия Президенту звучал пункт, в котором говорилось, что состав «представительной делегации» на переговорах и ее полномочия будет утверждать ВС РСФСР. В пользу отмены указа по разным причинам выступили представители самых разных фракций.

В то же время продолжалась милитаризация чеченского властного режима. Указом от 9 декабря 1991 г. Дудаев подчинил себе все вооруженные формирования на территории республики, предписывал создать Штаб вооруженных сил «для управления частями и подразделениями армии и частями народного ополчения». В ноябре — декабре продолжался «ползучий» захват имущества и вооружений расположенных на территории Чечни частей Советской Армии. Указом от 19 декабря 1991 г. Дудаев возрождал «утраченное в условиях тоталитарной системы пра-

во граждан Чеченской республики на приобретение и хранение огнестрельного оружия», что обуславливалось и «состоянием социально-политической обстановки в республике»

При этом Дудаев не принял 3 декабря независимых экспертов, направленных в Грозный Верховным Советом РСФСР с целью подготовки материалов для переговоров. 19 декабря. Заместитель Председателя ВС РСФСР Ю. Ф. Яров обратился к Дудаеву с просьбой прислать свою экспертную группу в Москву. Тон письма свидетельствовал о том, что Москва смирилась с лидерством генерала в республике. Однако письмо было оставлено без ответа, переговоры начались лишь в марте 1992.

В октябре–декабре 1991 г. процесс «совершенствования» федеративных отношений разворачивался и на других направлениях. Продолжался начавшийся ранее процесс избрания президентов республик в составе России, однако теперь он шел не «явочным порядком», а на основе согласительных постановлений ВС РСФСР. Так были избраны президенты Марийской, Чувашской (оба — 8 декабря 1991), Мордовской (14 декабря 1991), Якутской-Саха ССР (20 декабря 1991). В соответствии с рекомендацией ВС России выборы в Кабардино-Балкарии были перенесены на более поздний срок. 22 декабря 1991 г. проведены выборы в новых субъектах Федерации, созданных на базе повысивших статус национальных областей: в Адыгее, Горно-Алтайской, Карачаево-Черкесской и Хакасской республиках. Это были «инерционные шаги» по укреплению провозглашенных ранее суверенитетов, но теперь они носили более упорядоченный характер.

Несколько особняком на общем фоне стоял Татарстан. Выборы президента здесь состоялись еще 12 июня 1991 г., одновременно с общероссийскими. За избранного на этот пост М. Ш. Шаймиева проголосовали 70% принявших участие в голосовании, в то время как за Ельцина в республике проголосовали лишь 45%. При этом лидер Татарстана изначально имел статус «главы республики», в то время как российский — лишь «высшего должностного лица, главы исполнительной власти». В сентябре 1991 г. в Казани проходили волнения и митинги с требованиями независимости Татарстана, 24 октября ВС республики принял Постановление «Об акте государственной независимости Республики Татарстан». В соответствии с логикой политического поведения руководства в 1990–1991, 26 декабря 1991 г. ВС Татарстана принял декларацию о вхождении в СНГ на правах соучредителя. В то время получило распространение высказывание Шаймиева: «Нет президентов больших и малых, есть президенты равные».

Выбор модели экономических преобразований. Результаты предшествовавшего хозяйствования и политического развития предопределили выбор команды реформаторов и характер проводившегося ими курса. Экономическое положение страны к концу 1991 г. мож-

но охарактеризовать как катастрофическое. За один лишь этот год национальный доход снизился более чем на 11%; ВВП — на 13; промышленное производство — на 2,8; сельскохозяйственное — на 4,5; добыча нефти и угля — на 11; выплавка чугуна — на 17; производство пищевой продукции — на 10. Валовой сбор зерна сократился на 24, а его государственные закупки — на 34%. Особенно сильно уменьшился внешнеторговый оборот — на 37%, причем объем экспорта упал на 35, а импорта — на 46. При сокращении поступления товаров на рынок продолжалась и даже усиливалась накачка экономики деньгами. Прибыли предприятий увеличились в 1,9 раза, денежные доходы населения — в 2, а выпуск денег в обращение — в 4,4. За год уровень потребительских цен увеличился более чем в 2 раза (на 101,2%), при том, что годом раньше рост цен составил всего 5%.

В итоге к осени 1991 г. был полностью потерян контроль над финансовыми процессами и денежным обращением, реальностью стала дезинтеграция денежной системы страны. Ее признаками были растущая долларизация экономики, вытеснение товарно-денежных отношений бартером, а также административные ограничения межрегионального товарообмена. Некоторые республиканские и областные власти приступили к вводу фактических заменителей денег (талонов, карточек покупателей, купонов), а в ряде случаев (Украина, Эстония, Латвия, Литва) заявили о намерении введения полноценных национальных валют. Это увеличивало находящуюся в обращении денежную массу и выталкивало ее на территорию России, усугубляя финансовую ситуацию.

В 1991 г. дефицит государственного бюджета СССР увеличился в сравнении с запланированным в 6 раз и составил огромную цифру в 20% ВВП (по зарубежным оценкам — 30), причем бывшие союзные республики фактически прекратили перечисление средств в общесоюзный бюджет. Соответственно финансирование федеральных служб, внешнеполитической деятельности, армии, спецслужб практически полностью перешло под эгиду бюджета РСФСР.

Значительно ухудшилась валютная ситуация. Внешний долг увеличился до 76, а внутренний — до 5,6 млрд долларов. Резко сократились золотовалютные резервы, их запас был рекордно низким: в 1989–1991 гг. за рубеж было вывезено более 1 тыс. т золота, на 1 января 1992 г. его осталось лишь 289, 6 т. К концу октября 1991 г. ликвидные валютные ресурсы были полностью исчерпаны, и Внешэкономбанку пришлось приостановить все платежи за границу (за поставляемые товары и услуги, взносы в международные организации), за исключением платежей по обслуживанию внешнего долга.

Неблагополучие в производственной и денежно-финансовой сферах привело к распаду потребительского рынка. В разряд дефицитных перешли практически все виды товаров. Большинство городов страны

были охвачены карточной системой. Однако даже скудные нормы, определяемые местными властями, не обеспечивались ресурсами, снабжение не гарантировалось, талоны не отоваривались месяцами, а реализация товаров по ним проходила нервно, с огромными очередями. В результате паралича всех звеньев и систем управления снабжение, прежде всего городов и армии, оказалось практически нарушенным. Так, в январе 1992 г. ресурсы продовольственного зерна составили около 3 млн т в месяц при потребности страны свыше 5 млн т. Это делало обязательным ежемесячный импорт около 3 млн т зерна, на что, как уже отмечалось, в казне не было средств.

Таким образом, любые реформаторы в России в конце 1991 г. должны были исходить из сочетания трех кризисов: инфляционного (ускоряющаяся открытая инфляция при острой нехватке товаров), платежного (острый дефицит золотовалютных ресурсов и подрыв кредитоспособности страны), системного (утрата органами госвласти на всех уровнях способности регулировать ресурсопотоки).

Экономический кризис 1991 г. усугублен (а во многом и обусловлен) острой политической борьбой между различными центрами власти. Особенно жестким и непримиримым было противостояние между российскими и союзными государственно-политическими институтами. К тому времени потеря управляемости экономическими, социальными, политическими, межнациональными процессами в стране стала очевидной для всех. Различия сохранялись лишь в объяснении причин возникновения кризиса. Руководство страны во главе с Горбачевым связывало их с неумными суверенизаторскими амбициями республик, наиболее активные из которых во главе с Россией развернули атаку на союзный Центр. Группировавшиеся же вокруг Ельцина российские лидеры во всем винили «реакционные имперские силы», партийно-хозяйственную номенклатуру, не желавших демонтировать «отжившие экономические и политические структуры» СССР.

Каждая сторона претендовала на большую обоснованность своего права вытаскивать страну из пропасти. Стало очевидным противоречие: в руках союзного руководства находился хозяйственно-управленческий аппарат, но лидерам явно не хватало политического авторитета, были ослаблены и властные механизмы. У России же не было достаточных административно-хозяйственных структур, но авторитет поднявшихся на протестной волне лидеров был явно выше, более привлекательно выглядела и публичная их риторика. В этих условиях рассчитывать на эффективное управление экономикой было невозможно. Поэтому экономический кризис в СССР этого периода следует рассматривать прежде всего как кризис власти. Радикальные и быстрые изменения в системе властных отношений между союзным и российским центрами начались лишь после событий 19–21 августа 1991 г.

Каковы были возможные пути и реальные возможности реформирования российской экономики? В 1990–1991 для всех была очевидной неэффективность социалистической экономики, регулируемой административными методами. Всеобщим было и понимание того, что «лечение» существовавшей системы связано с внедрением в нее рыночных отношений. Однако в представлениях о том, как осуществить переход к рынку и какая модель его функционирования является наиболее предпочтительной, наблюдались значительные отличия.

Говоря о проблеме перехода к рынку, обычно обсуждают «китайский путь» и «польский вариант». Прежде всего обращается внимание на то, что в первом случае реформы проводятся постепенно, поэтапно, охватывают достаточно длительный период. Во втором вхождение в рынок произошло быстро, стремительно; набор проводимых мероприятий был столь радикален и непривычен для населения, что получил название «шоковой терапии». На самом же деле различия носили более глубокий, «качественный» характер.

В отличие от широко пропагандируемых представлений об априорной неэффективности социалистической экономики и невозможности ее реформирования, а следовательно, необходимости слома, в Китае полагали, что «нереформируемых экономик нет». Его руководители считали, что решающая роль принадлежит способности правящего слоя проводить необходимые институциональные и структурные изменения с учетом уже существующих экономических реалий и менталитета связанных с ними людей. В Китае были уверены, что внедрение рыночных отношений не обязательно должно сопровождаться коренной ломкой политико-государственных институтов. Напротив, здесь разделялись убеждения в том, что сохранение политической стабильности снижает связанные с переходным состоянием риски. Признавая достижения стран с развитой рыночной экономикой, Китайское правительство делало акцент не на копирование чужого опыта, не на вестернизацию, а на более широкое использование промежуточных, переходных форм хозяйствования. Это нашло отражение, в частности, в том, что капиталистический сектор строился не вместо, а параллельно с государственным, социалистическим, а рыночное регулирование постепенно распространялось на все большее число субъектов хозяйствования, независимо от формы собственности. Все это привело к тому, что реформы в Китае с самого начала имели надежную и здоровую социальную базу, основанную на последовательном росте уровня жизни людей. Концепция китайских реформ сформулирована Дэн Сяопином в декабре 1978 г. Постепенность и плановость проведения преобразований не означали их бесконфликтности. В стране до сих пор сохраняется высокий уровень безработицы.

Ситуация в Польше была принципиально иной. Польская элита считала свою страну частью западной цивилизации, возвращение в лоно кото-

рой было естественным после освобождения от советской опеки. Здесь был и большой опыт взаимодействия с западным миром. Период существования «социализма советского типа» в Польше был намного короче, чем в СССР, сохранение и воспроизводство рыночного менталитета подпитывалось наличием заметного рыночного сектора (прежде всего, в сфере услуг и в сельском хозяйстве). В то же время, с конца 1970-х годов польская экономика находилась в состоянии затяжного и глубокого кризиса, который к концу 1980-х подвел к ее полному краху. В 1989 г. в результате «бархатной революции» в стране пришли к власти антикоммунистические силы. Новому правительству досталось тяжелое наследство.

Развал экономики требовал принятия срочных мер, которые осуществлялись при поддержке Запада, таких его финансовых институтов, как Международный валютный фонд (МВФ) и Мировой банк. Проведение структурных реформ по их сценарию стало главным условием предоставления новых займов и отсрочек по платежам, полученных ранее, без которых польская экономика уже не могла существовать. Для поддержки требовалось реализовать четыре важнейшие группы мероприятий. Туда входили: 1) обвальная либерализация цен, доходов, всей хозяйственной деятельности; 2) обеспечение макроэкономической стабилизации за счет жесткой денежной политики подавления инфляции (сокращение бюджетного дефицита, эмиссии денег, конвертируемость валюты); 3) проведение срочных системных преобразований в экономике (пересмотр роли государства в экономике, приватизация, развитие рыночной инфраструктуры); 4) курс на открытость экономики (либерализация внешней торговли, сокращение тарифов). Эти рецепты МВФ были первоначально разработаны для стран «третьего» мира — с неразвитым перерабатывающим сектором и сырьевой направленностью экономики — и апробированы на них. Цель такой политики, однако, состояла не в комплексном развитии экономик этих стран, а в повышении их способности расплачиваться по ранее полученным кредитам.

В 1990–1991 гг. в Польше осуществлены либерализация экономики, открытие внешней торговли, шло становление частного сектора. Однако реализация перечисленных мер сопровождалась крутым падением объема промышленного производства, сохранением высокой инфляции, резким ростом дифференциации доходов населения. Реформы были связаны с именем Л. Бальцеровича (в те годы министр финансов, исполнявший обязанности премьера польского правительства), которого Е. Т. Гайдар назвал «одним из самых выдающихся экономических реформаторов двадцатого века».

Что касается функционирования рыночной экономики капиталистического типа, то здесь также имелись разные ориентиры. Один из них был основан на идеях британского экономиста Дж. Кейнса, сформулированных им на основе результатов анализа мирового кризиса и «вели-

кой депрессии» конца 1920–1930-х годов. Кейнс пришел к выводу, что капиталистическая рыночная экономика не является саморегулирующейся, для ее оптимального функционирования необходимо постоянное вмешательство государства. Это касалось, прежде всего, отраслей, обеспечивающих все национальные экономические комплексы сырьем и энергоресурсами, поддержания инфраструктуры. Эффективность подходов Кейнса подтверждена практикой послевоенного развития в ряде европейских стран (Германии, Франции и др.), где идеи кейнсианства, дирижизма разделяются многими экономистами поныне.

Сторонники другого подхода — либерализма — полагают, что экономическая свобода, основанные на ней конкурентность, гибкость и динамизм всех хозяйственных институтов выступают непосредственной производительной силой, т.е. прямо определяет экономическую эффективность. В 1970-е годы оформилась идеология радикального неолиберализма или либерал-монетаризма. Монетаризм предполагает использование финансов в качестве главного рычага регулирования экономики. Возникновение этой доктрины и определенный авторитет, который она завоевала, были связаны с кризисной ситуацией 1970-х годов в мировой экономике, а также с появлением кризисных явлений в социалистической системе хозяйства. Начавшаяся в это время мировая волна либерализации и приватизации (наиболее известные примеры — тэтчеризм и рейганомика) позволили ведущим странам преодолеть опасную инфляцию и спад. Это несколько ослабило позиции кейнсианства и способствовало экспансии идеологии либерализма. Исследователи считают, что в наиболее крайних формах он утвердился в таких международных финансовых организациях, как МВФ и Мировой банк.

Каковы были реальные возможности выбора у России, и были ли они? Очевидно, эволюционный, градуалистский путь реформирования был бы предпочтительнее хаотичной революционной ломки, всегда сопровождающейся большими социальными издержками. В этом плане заслуживал внимания «китайский путь». Однако уже тогда для России он был неприемлем по ряду причин. В Китае изначально концентрировались на экономических преобразованиях, необходимость государственно-политической реформы даже не обсуждалась, как не ставилась под сомнение и социалистическая идеология. Государство являлось главным проводником политики по внедрению и развитию рыночных отношений, определяя и контролируя их формы, сферы применения и темпы внедрения. При том, что мотивы начала реформ связывались с крайне низким уровнем жизни населения и отсталостью китайской экономики даже в сравнении со среднеразвитыми странами, там не было хозяйственного кризиса (ни сокращения производства, ни падения уровня жизни).

В СССР ситуация была принципиально иной. Здесь экономическим преобразованиям в рыночном направлении предшествовала радикаль-

ная реформа политической системы, которая ослабила государство, сопровождалась полной сменой идеологических ориентиров. Острая политическая борьба между различными частями элиты привела к тому, что к осени 1991 г. старое союзное государство уже было сломано, а создание российского находилось лишь в начальной стадии.

Период сентября–декабря 1991 г. характеризуется крайней неустойчивостью и неопределенностью сферы государственно-политического развития. Ликвидированы были или подорваны прежние структуры государственного управления (КПСС, союзные ведомства), началось оттеснение на второй план Советов. В срочном порядке создавались новые институты: Администрация президента, институты глав администраций субъектов Федерации, представителей Президента, мэра. Механизм провозглашенной системы разделения властей не был проработан ни в политическом, ни в правовом плане. Обострился и кризис внутрифедеративных отношений в России, над ней нависла угроза конфедерализации.

Не больше ясности было в вопросе о том, как в перспективе будут строиться отношения между РСФСР и бывшими союзными республиками, которые к тому времени объявили себя суверенными государствами. Еще в конце ноября 1991 г. среди лидеров не было единства относительно того, в рамках какого объединения им предстоит взаимодействовать. А это оставляло нерешенной еще одну проблему: каковы территориальные границы будущих экономических преобразований? Хотя многие принимали участие в разрушении «империи», никто не говорил об автаркии, о независимом экономическом развитии. Именно по просьбе суверенных республик начало реформ в РСФСР было отложено до 2 января 1992 г. В то же время отсутствие проработанного Экономического договора делало поведение ближайших соседей непредсказуемым. После фактической и юридической ликвидации СССР все они продолжали находиться в единой, еще «союзной», рублевой зоне, что позволяло им «корректировать» по своему усмотрению денежно-финансовые мероприятия России, значительно снижая их эффективность, а то и просто срывать. К этому следует добавить проблему границ, которые в одночасье из административных превратились в государственные. Без систем таможенного и пограничного контроля они фактически оказались прозрачными, что наносило России значительный экономический ущерб, создавало множество других проблем.

Таким образом, слабость государства и кризисное состояние экономики делали практически невозможным постепенный и контролируемый переход к рыночным отношениям в России осенью 1991 г. Шансы на использование мер, напоминавших китайский опыт, остались в прошлом. В то время у российского руководства уже не было выбора, пропаганда либерализма стала экономически вынужденной и политически

безвариантной. Сохранение хотя бы относительной социально-политической стабильности и, следовательно, выживание российской власти, диктовали необходимость любой ценой предотвратить проявления массового недовольства (с непредсказуемыми последствиями) в связи с кризисом продовольственного снабжения на рубеже 1991–1992 гг.

После ликвидации СССР и союзных структур все претензии население неизбежно адресовало бы уже российскому руководству. Кризис же можно было преодолеть лишь через закупку продовольствия за рубежом, для чего не было средств и требовались займы. Заимствование предстояло осуществить у МВФ, который предоставление денег обуславливал проведением экономических преобразований по своим «рецептам», напоминаям ранее «выписанные» Польше. Не случайно именно эту страну Е. Т. Гайдар рассматривал «как точку отсчета, позволяющую выявить, проанализировать те проблемы, с которыми предстоит столкнуться России в ходе рыночных преобразований».

Своеобразие российских преобразований в 1990-е годы состояло в том, что становление новой системы государственной власти, в том числе и «сильной исполнительной вертикали», происходило одновременно с радикальным реформированием экономики. Политическая обстановка и состояние социальной сферы осенью 1991 г. требовали преобразований, но при этом неминуемо нарушалась бы общепризнанная логика перехода к рынку: разгосударствление, приватизация собственности должны были предшествовать освобождению цен и либерализации торговли. В российской же действительности все произошло наоборот: рыночные отношения в торговле и финансовой сфере стали утверждаться до приватизации государственного имущества, т.е. до возникновения основного субъекта рыночных отношений — собственника (прежде всего, в производственной сфере) с четко определенными правами и обязанностями. Отсюда — необычайная стихийность экономических процессов, слабая управляемость начатыми реформами.

Отсутствие разработанной нормативно-правовой базы и слабость госструктур привели к тому, что огромные сегменты национального хозяйства вынужденно уходили в «тень» и (или) были во многом криминализованы. А это, в свою очередь, оказывало все большее влияние на политическую сферу. Это усложняло и оформление новой системы власти, и руководство хозяйственными преобразованиями. В результате в России был реализован вариант реформ, отличный и от китайского, и от польского, который некоторые называют «шок без терапии»: быстрые и радикальные изменения в хозяйственной жизни происходили без видимого улучшения состояния экономического организма.

После августа 1991 г. в РСФСР остро встал вопрос о формировании нового Кабинета министров и поиске кандидатуры нового премьера. И. С. Силаев и его правительство решали преимущественно не эконо-

мическую, а политическую задачу: боролись за российский суверенитет. Осенью же 1991 г. для вывода страны из кризиса требовалось понастоящему «работающее правительство», создать которое оказалось нелегко. Недоверие к союзному лишало Б. Н. Ельцина возможности использовать управленцев из его состава: все они рассматривались как «горбачевцы». Возникшие разногласия в «своем» окружении не позволили назначить на пост главы правительства М. А. Бочарова (председатель Высшего экономического совета России), Е. Ф. Сабурова (министр экономики РСФСР), Г. А. Явлинского (самого популярного, по словам Ельцина, в то время экономиста). В числе возможных претендентов на этот пост рассматривались Ю. А. Рыжов, Ю. В. Скоков, А. М. Емельянов, С. Н. Федоров, М. Н. Полторанин, которые, однако, по разным причинам отказались.

Неудача с подбором кандидата в премьеры традиционным способом заставила Ельцина обратиться к другим вариантам решения этой проблемы. Новое предложение исходило от Госсекретаря РСФСР Г. Э. Бурбулиса, который представил президенту уже известного, но прямо не связанного с политическими баталиями 1990–1991 гг. экономиста Е. Т. Гайдара. В 1994 г. мотивы его выбора Ельцин обосновывал следующим образом: «Гайдар прежде всего поразил своей уверенностью... Это... очень независимый человек... Было видно, что он не будет юлить... было важно, чтобы от меня не только ничего не скрывали, но и не пытались скрыть. Гайдар умел говорить просто, и это тоже сыграло свою роль... ведь рано или поздно разговаривать с оппонентами все равно придется ему, а не мне... Он умеет заразить своими мыслями, и собеседник ясно начинает видеть тот путь, который предстоит пройти. И, наконец, два последних, решающих фактора. *Научная концепция Гайдара совпала с моей внутренней решимостью пройти болезненный участок пути быстро.* Я не мог снова заставлять людей ждать, оттягивать главные события... на годы. Решились — надо идти!». Выделенные нами слова, видимо, имеют ключевое значение и для объяснения действий гайдаровской команды осенью 1991. В 1993 г. один из ее членов признавался: «Наша команда не претендует на роль инициаторов или заказчиков социальной политики. Заказчиком является Ельцин. Мы выступили как пожарники — для спасения экономики и для спасения власти Ельцина».

Почему гайдаровская концепция совпала с «внутренними ощущениями» президента? Видимо, основания для этого были. Во-первых, разрушение к тому времени союзных структур и неготовность российских взять на себя их функции управления заставляли уповать на то, что лишь рынок способен все расставить на свои места. Это соответствовало представлениям единомышленников Гайдара, изучавших «выход из социализма» стран Восточной Европы и пришедших к убеждению, что политика либерализма, свободный рынок являются единственными

рычагами, с помощью которых можно двигаться от разрушенной плановой экономики к рыночной. Во-вторых, после августа 1991 г. уже не было ясности относительно пространства возможного реформаторства. По мнению ряда влиятельных политиков, безоговорочно говорить о реформах можно было лишь применительно к российской территории. Экономисты-рыночники, работавшие под руководством Гайдара и Бурбулиса, обосновывали возможность успеха реформ лишь в том случае, если Россия будет проводить их изолированно. В этом свете курс на окончательную дезинтеграцию СССР выглядел вполне логичным, а борьба российских лидеров против союзного центра в 1990–1991 гг. получала положительное объяснение. В-третьих, состав ядра команды реформаторов — молодые, не политики, не профессиональные управленцы — позволял президенту концентрировать в своих руках всю полноту исполнительной власти и выступать в роли высшего арбитра, не опасаясь конкуренции. В то же время он имел возможность при необходимости дистанцироваться от ошибочных и непопулярных мер правительства. Сами же «молодые реформаторы» как профессионалы получали уникальный шанс быть непосредственными участниками одной из крупнейших социально-экономических трансформаций XX столетия. Под «прикрытием» «харизматического» президента они надеялись осуществить прорыв к новым общественным отношениям, надеждой на утверждение которых вдохновлялось демократическое движение СССР в 1985–1991.

Конкретизация новой политической и экономической линии российского руководства началась сразу после кризиса 19–21 августа. В начале сентября на госдаче в Архангельском (Подмосковье), по инициативе Г. Э. Бурбулиса, над стратегией и тактикой правительства начали работать Е. Т. Гайдар, В. М. Машиц, А. А. Нечаев, А. А. Головков, К. Г. Кагаловский, А. П. Вавилов; позже к ним присоединились Е. Г. Ясин и Л. М. Григорьев. В обсуждении и подготовке материалов в различных формах участвовали А. Б. Чубайс, В.И. Данилов-Данильян, П. О. Авен, Б. Г. Салтыков, С. Ю. Глазьев, М. Н. Полторанин, В. А. Махарадзе, А. В. Козырев, Н. В. Федоров, С. М. Шахрай. Идеология будущих преобразований нашла отражение в двух концептуальных документах. Первый имел название «Стратегия России в переходный период» (известен также как «Меморандум Бурбулиса»), второй — «Ближайшие экономические перспективы России».

Авторы «Стратегии» полагали, что главный вопрос осени 1991 г. — не последовательность реформ, а совсем другой — осуществлять ли реформирование российской экономики, сохраняя «рудименты союзного государства, интегрированного хозяйства, а значит, и рудименты соответствующей им экономической политики, или осуществлять стратегию скорейшего достижения Россией экономической самостоятельности».

сти и независимого проведения экономических реформ». Разработчики концепции утверждали, что до августа-91 существовал промежуточный союз республиканских элит, которые боролись против союзного Центра. Однако после августа на первый план вышли объективные противоречия между Россией и остальными республиками. Эти противоречия связывали с различными масштабами экономик, разницей ресурсных потенциалов, неодинаковым видением перспектив исторического развития, а также с различным «политическим весом» в глазах международного сообщества.

«Стратегия» определила принципиальный курс на экономическую независимость при «мягком» политическом союзе. Из него вытекала необходимость создания независимого российского государства со всеми его атрибутами, включая собственную валюту, таможенную и пограничную службу. «Ближайшие экономические перспективы России» конкретизировали эти установки применительно к ее хозяйственной политике.

В перспективе выделялись, во-первых, обретение полноценной экономической независимости и самостоятельное проведение реформ, к которым могут присоединиться (или не присоединиться) другие республики. Во-вторых, возложение Россией на себя ответственности по обязательствам, касающимся внешнего долга СССР, что давало ей возможность претендовать на союзный золотой запас, собственность за границей и долги иностранных государств Союзу. При этом Россия становилась естественным партнером западных стран и международных финансовых организаций, помощь которых была остро необходимой. Привлекательность же России для Запада связывалась с ее емким внутренним рынком и богатым экспортным потенциалом, которые предполагалось переориентировать на развитые страны. В-третьих, наряду с объявлением госсобственности на российской территории объявлялось и сохранение контроля над финансовой сферой во всей рублевой зоне до тех пор, пока она будет существовать. Документ фиксировал необходимость в межреспубликанских расчетах переходить на мировые цены. И, наконец, именно в «Экономических перспективах» гайдаровцы определили финансово-денежную сферу в качестве первичного звена стабилизационных и реформаторских усилий.

В последовавших за «Стратегией» и «Перспективами» документах были определены основные направления послеавгустовского политического курса. Его анализ свидетельствует о том, что в своей практической деятельности российские лидеры руководствовались сформулированными в них идеями.

Начало перехода к политике реформ связано с решениями V съезда народных депутатов России. 28 октября 1991 г. с его трибуны Б. Н. Ельцин обратился к гражданам Российской Федерации. Констатируя, что

«поле для реформ разминировано», он призвал осуществить «крупный реформистский прорыв» в экономике. Для этого предлагались: 1) разовое введение свободных цен, которое должно было «запустить» механизм рыночной конкуренции и ликвидировать товарный дефицит; 2) либерализация торговли, призванная создать рыночную инфраструктуру и активизировать товарооборот; 3) приватизация жилья, государственных промышленных, торговых и прочих предприятий, имевшая целью создание как можно большего числа субъектов рынка и экономических мотивов деятельности. Из речи Ельцина следовало, что Россия приступала к преобразованиям самостоятельно, без согласования с другими республиками. Как справедливо отмечал Е. Т. Гайдар, в выступлении были обозначены «контуры программы реформ».

Признавая болезненность предложенных мер, Президент заметил, что их может осуществить лишь правительство народного доверия, состоящее не из политиков, а из профессионалов. Стремясь поддержать их своим авторитетом, он предложил лично возглавить правительство, на что и получил согласие съезда. Ельцин попросил депутатов внести ряд важных изменений в систему высшей государственной власти России, и съезд также пошел ему навстречу. Постановление «Об организации исполнительной власти в период радикальной экономической реформы» предоставляло Президенту право самостоятельно реорганизовывать структуру высшей исполнительной власти и решать вопросы кадрового назначения в ее системе. Другое постановление — «О правовом обеспечении экономической реформы» — предоставляло ему право издавать указы, имеющие силу закона. Если же действовавшие в РСФСР законы оказывались в противоречии с ними, то указы имели приоритет над законами.

В начале ноября Ельцин, возглавивший правительство реформ, начал практическую подготовку к их реализации. 5 ноября подписан указ о назначении Г. Э. Бурбулиса первым вице-премьером, Е. Т. Гайдара — вице-премьером, министром экономики и финансов, а А.Н. Шохина — вице-премьером, министром труда и социальной защиты. Дальнейший подбор «экономических» министров и их заместителей проходил при участии всех трех вице-премьеров преимущественно на основе «архангельской» команды Гайдара.

15 ноября, после формирования нового Правительства РСФСР, Ельцин подписал пакет из десяти президентских указов и правительственных распоряжений, которые намечали конкретные шаги в сторону рыночной экономики. Начался процесс слияния российских органов управления с общесоюзными: функции 88 министерств и ведомств СССР передавались соответствующим министерствам России, число которых — 41 — при этом уменьшалось. Вместо 129 союзных и российских структур предполагалось сформировать лишь 20 при сокращении

чиновников более чем в два раза, что означало крупнейшую административно-управленческую реорганизацию. В числе первых был взят под контроль Госплан СССР, следующим шагом стало объединение Минфинов Союза и России и консолидация их бюджетов. В конце ноября 1991 г. Россия взяла на себя обязательства по долгам СССР и активизировала попытки убедить западных лидеров предоставить ей крупномасштабную помощь.

Новый курс правительства нашел отражение в базовых параметрах бюджета на 1992 г. Резкому сокращению подверглись государственные расходы. Ассигнования на закупку вооружений снижались в 7,5 раз; централизованные капиталовложения — в 1,5; ценовые дотации — почти в 3. Снижались расходы в аграрном секторе и социальной сфере. Эти «драконовские меры», по словам Гайдара, «давали шанс» избежать гиперинфляции и «послать импульс для запуска мотора рыночной экономики».

К январю 1992 г., когда начались преобразования, программы перехода к рынку как комплексной системы поэтапных мер, имеющих целью достижение определенного экономического и социального результата, в России создано не было. Существовало лишь представление о наборе необходимых экономических инструментов, позволяющих включить в действие рыночные механизмы. Е. Т. Гайдар и члены его правительства рассматривали свою деятельность исключительно как стратегическую, направленную на изменение исторического вектора развития страны, осуществления в ней системной трансформации. Поэтому понимание и верность избранному курсу ценились выше навыков профессионального управления.

Тем не менее, проект документа под названием «Программа углубления экономических реформ Правительства Российской Федерации» к лету 1992 г. все же был создан и в июле представлен в Верховный Совет России.

Это был насыщенный расчетами достаточно объемный (336 с.) материал, в котором реформаторы предлагали свое видение этапов преобразования отечественной экономики. Первый — кризисное развитие (1992–1993). Либерализация и финансовая стабилизация рассматривались здесь в качестве главных приоритетов этапа. В его рамках предполагалось не только навести порядок в финансовой сфере, но и начать приватизацию, структурную перестройку в промышленности, реформу в аграрном секторе, масштабные преобразования социальной сферы. Предполагалось также создать основные предпосылки для выхода из кризиса и формирования рыночной экономики. Второй этап — восстановление народного хозяйства (из текста следовало, что он охватит 1994–1995) предполагал в качестве приоритета создание и упорочение институтов, способствующих развитию предпринимательства и конку-

ренции. На нем намечалось осуществить массовую приватизацию, добиться эффективного функционирования финансового рынка, в основном реформировать социальную сферу. К концу этапа доля госсектора в производстве не должна была превышать 40% (в торговле — не более 10), предполагалось оживление производственной активности и достижение докризисного уровня ВВП. На третьем этапе, который по логике документа должен был наступить после 1995 г., прогнозировался экономический рост, составляющий не менее 3–4% в год; опережающий темп экспорта продукции высокой степени готовности, норма накопления ВВП — не менее 15%. Документ представляет исключительный интерес с точки зрения оценки способности правительства прогнозировать последствия своих действий.

§ 1. Начало перехода к новому обществу. 1992

Антикризисные меры и рыночные преобразования. История современной России начинается с конца декабря 1991 г., когда в результате глубокого социально-экономического и политического кризиса прекратил свое существование СССР. Новому государству предстояло остановить действие деструктивных процессов, охватывавших многие сферы, восстановить управляемость в стране и перейти к реформированию всей системы общественных отношений. В этом плане особое место занимает 1992-й, события которого оказали большое влияние на последующее развитие государства и общества в России.

Радикальные экономические реформы, о которых много говорилось в 1990–1991 гг., начались в Российской Федерации 2 января 1992 г. Именно с этого дня вступал в силу президентский указ об освобождении цен: на подавляющее большинство товаров (за исключением хлеба, молока, спиртного, а также коммунальных услуг, транспорта и энергоносителей) они были освобождены, а оставшиеся регулируемые — повышены. Это привело к тому, что на полках магазинов появились многие забытые продукты и товары, которые оказалась, однако, малодоступны основной части населения вследствие их необычайной дороговизны.

Большие изменения произошли во внешнеэкономической сфере. Сняты были количественные ограничения по экспорту готовой продукции, сохранялись лишь квоты на вывоз топливно-энергетических и сырьевых ресурсов. В то же время, учитывая тяжесть давившего на рынок денежного навеса и скудость товарных запасов, были временно отменены ограничения на импорт. Это достигнуто посредством установления нулевого импортного тарифа. Принятые меры привели к тому, что в страну хлынул поток товаров самого различного ассортимента и качества. Свободный импорт в начале 1992 г. сыграл роль катализатора в развитии частной рыночной торговли.

Для того чтобы активизировать рыночный товароборот, ликвидировать монополию государственной торговли, стимулировать адаптацию населения к новым условиям, 29 января 1992 г. Президент РФ подписал Указ «О свободе торговле». Это был весьма демократичный акт, дававший возможность заниматься торговлей каждому, кто пожелает.

Население быстро на него откликнулось. Повсеместно в российских городах появились многолюдные неорганизованные «толкучки», где можно было приобрести самые разнообразные вещи. Зарисовку одного из таких «рынков» начала февраля 1992 г. сделал Е. Т. Гайдар: «Зажав в руках несколько пачек сигарет или пару банок консервов, шерстяные носки и варежки, бутылку водки или детскую кофточку, прикрепив булавочкой к своей одежде вырезанный из газеты «Указ о свободе торговли», люди предлагали всяческий мелкий товар... Не эстетично? Не благородно? Не цивилизованно? Пусть так. Но... младенцы не появляются на свет такими уж красавцами».

В последние дни 1991 г. появился президентский указ, утверждавший основные положения программы приватизации, — временный документ, действовавший до принятия Верховным Советом соответствующей госпрограммы. 29 января 1992 г. в его развитие был подписан важный указ, которым утверждались основные нормативные документы, регламентирующие порядок главных приватизационных процедур: проведение конкурсов и аукционов, порядок оплаты и т.п. В них сформулированы принципы, идеология и технология приватизации, которые действовали до 1996. В феврале — марте 1992 г. на основе этих документов набирает темп «малая приватизация» (предприятия торговли, общественного питания, сферы обслуживания). К июню в частную собственность перешли почти 10 тыс. объектов государственной и муниципальной собственности и на 30 тыс. поданы заявки.

К весне 1992 г. относятся попытки осмысления первых результатов нового экономического курса, выглядевших достаточно противоречиво. Либерализация цен привела к такому их росту, который значительно отличался от правительственных прогнозов. Первоначальный скачок цен в январе сопровождался их относительной стабилизацией в феврале, однако за март — май потребительские цены на товары и услуги выросли почти вдвое, и летом этот процесс не остановился. Вместо первоначально обещанного двух-трехкратного повышения цен, на многие основные товары они выросли в 10–12 раз (к концу года — в 36). Резкое сокращение розничного товарооборота (в первом квартале в среднем на 50% в сравнении с аналогичным периодом 1991) свидетельствовало о резком снижении покупательной способности и без того не избыточного российского населения.

Неблагополучно складывалась ситуация и с денежными доходами граждан. Либерализация цен позволила снять «денежный навес» — накопленный к 1991 г. избыток денег над товарами. Это, однако, привело к тому, что в огне инфляции сгорели многолетние сбережения населения. Большую их часть составляли относительно небольшие вклады далеко не самых богатых граждан. Отрицательный общественный резонанс вызвал невнимание властей к этой острой проблеме. Ухудшилось

положение пенсионеров, работников бюджетных организаций. Усилилась дифференциация населения по уровню доходов. На старте реформ не удалось предотвратить кризиса наличной денежной массы: темпы инфляции были столь значительны, что власти не успели и не успевали напечатать требуемого в обороте количества денег. В результате постоянно росла задолженность государства по выплате зарплат, пенсий и пособий (на 1 апреля 1992 — 40 млрд. руб., а к 1 июня — уже 150), что являлось дополнительным фактором роста социальной напряженности. Согласно опросам общественного мнения, примерно половина населения страны стала жить гораздо хуже, более четверти — немного хуже, чем в декабре 1991 г. Определенные улучшения констатировал лишь каждый одиннадцатый из опрошенных.

Не более оптимистично складывалась ситуация в сфере материального производства. В промышленности наблюдалось сокращение объемов выпускаемой продукции при значительном росте цен на изделия. В результате прекращения финансирования государством нерентабельных предприятий весной 1992 г. все более острым становился платежный кризис. Резко увеличилась взаимная задолженность предприятий, усилился дефицит платежных средств. Взаимная задолженность нарастала как снежный ком: к концу января она составляла 140, к концу февраля — 390, а к концу марта 780 млрд. рублей, что соответствовало примерно 40% объема продукции промышленного производства (в июне сумма достигла 2-х триллионного уровня). Чисто «рыночное» решение проблемы требовало банкротства несостоятельных плательщиков, однако ее масштабность делала неизбежным государственное вмешательство.

Нелегким было положение в аграрном секторе. Правительство делало ставку на форсированное развитие фермерства, активно лоббировало введение свободной купли-продажи земли. В СМИ развернулась кампания по дискредитации колхозно-совхозного строя. Новация должна была подтолкнуть и начавшаяся перерегистрация хозяйств, в процессе которой крестьянам предстояло как бы заново определиться, с каким производством — коллективным или индивидуальным — связать свое будущее. В результате же проводимого курса проиграла деревня в целом: «неперспективным», часто дотационным, колхозам и совхозам были значительно урезаны масштабы финансовой поддержки, хотя на ближайшее будущее они неизбежно оставались главными поставщиками продовольствия и сырья для пищевой и легкой промышленности. В то же время фермерское движение получило преимущественно моральную поддержку: не были решены вопросы его финансового, материально-технического и правового обеспечения.

В центре внимания правительства находились почти исключительно стратегические и макроэкономические проблемы. Прежде всего, предполагалось восстановление утраченного контроля над государственными

ми финансами. Проводилась жесткая бюджетная политика, направленная на устранение дефицита госбюджета, который к концу 1991 г. достиг огромной суммы — в 20% ВВП. Эта политика включала резкое сокращение расходных статей, куда включались затраты на отрасли социальной сферы (коммунальную, здравоохранение, образование, науку, культуру), закупки вооружений, централизованные инвестиции, бюджетные дотации и субсидии территориям и предприятиям. Резкое сокращение государственных расходов привело к тому, что уже в январе 1992 г. дефицит бюджета сменился его профицитом в размере 5,1%; в феврале бюджетный дефицит составил 2,7; в марте — 2,3; а в апреле был вновь зафиксирован профицит в 4,4%. Реформаторы в качестве позитивного отмечали тот факт, что за пять месяцев с начала либерализации дефицит государственного бюджета не превысил 0,5% ВВП.

Жесткая бюджетная политика привела к снижению темпов инфляции. После всплеска в январе 1992 г. ее уровень в феврале составил уже 38,3; в марте — 30; в апреле — 22; в мае — 12%. Объем производства понижался высокими, но вполне допустимыми, по мнению правительства, темпами. По сравнению с декабрем 1991 г. ВВП сократился в январе 1992 г. 3,9%; в феврале — 6,9; в марте — 7,2; в апреле — 11,7.

Однако формальное улучшение макроэкономических показателей оставляло без ответа насущные вопросы: как выживать основной массе населения (при потере накоплений и резком уменьшении доходов) и каким образом смогут функционировать в новых условиях промышленные и сельскохозяйственные предприятия, из которых около половины не могли обходиться без государственных бюджетных «вливаний»? Теоретически было ясно, что в «будущем» все должно измениться, и экономике страны ожидается динамичный рост. Но когда это произойдет, и какие хозяйственные субъекты станут реальной опорой движения к новому общественно-экономическому порядку, сказать было нелегко.

Преобразования первых месяцы 1992 г. привели к появлению большого числа людей, недовольных их результатами. Поэтому перед президентом и правительством весной этого года возникла проблема определения той социальной базы, которая позволит двигаться к рынку дальше. После августа 1991 г. появилась определенная коалиция сил, выступавших за ускоренное движение к рынку. Заинтересованные в этом социальные группы можно условно разделить на три части. В первую войдут те, кто составлял основу массового «протестного», антитоталитарного, антиноменклатурного демократического движения 1988–1991 гг., выступавшего под лозунгом «Демократия и рынок». Это были преимущественно представители интеллигенции, инженерно-технические работники, управленцы, служащие, которые после провала «путча» надеялись быстро реализовать свои надежды. Во вторую можно зачислить те элитные и околоэлитные слои, которые в 1987–1991 гг. уже вклю-

чилились в полуофициально поощряемые «сверху» рыночные отношения через валютно-финансовые, экспортно-импортные и прочие коммерческие операции. К ним примыкали организаторы торговли разного уровня и связанные с ними предприниматели, которые лучше других видели перспективы, открывавшиеся перед ними в случае появления свободного рынка и ликвидации «социалистических» ограничений. В третью группу часто включают руководителей промышленности, директоров предприятий и связанных с ними структур. Их «рыночные перспективы» определялись расширяющимися возможностями распоряжаться материальными и финансовыми ресурсами, которые формально оставались государственными.

«Директорский корпус» рассчитывал также на активное участие в приватизации, неизбежность которой становилась очевидной. В то же время эта группа была далеко не однородной. Более заинтересованными в либерализации экономических отношений были управленцы сырьевых отраслей, продукция которых пользовалась гарантированным спросом. Особенно привлекательным для них был самостоятельный выход на внешние рынки, где газ, нефть и другие ресурсы продавались по ценам, намного превышавшим внутренние, что существенно облегчало адаптацию к новым хозяйственным условиям и снимало зависимость от государственного бюджета. Иной была позиция руководителей отраслей перерабатывающей промышленности, многие предприятия которых могли существовать лишь при финансовой поддержке государства. Они выступали за постепенное вхождение страны в рынок и за активное регулирование этого процесса правительством, рассчитывая на его помощь через бюджетные источники.

Следует отметить, что хотя первая и третья из названных групп в целом были ориентированы на рыночные преобразования, их позиции и интересы потенциально конфликтны. Массовое протестное движение выступало за отстранение от власти партийно-государственной и хозяйственной номенклатуры, противопоставляя этому радикально-демократический вариант реформ. Директорский же корпус сам во многом являлся частью существовавшей системы, в которой переплетены политические и экономические связи. Поэтому советские хозяйственные управленцы ратовали за более плавную социальную трансформацию, которая позволила бы им сохранить или использовать уже «завоеванные» преимущества. На этапе начала реформ эти различия были приглушены. Но позднее Правительству и Президенту все равно пришлось бы выбирать между двумя этими ориентациями.

Проблема широкой общественной поддержки начатых преобразований была существенно осложнена тем, что перед их началом в 1992 г. власти практически не проводили никакой работы по морально-психологической подготовке населения к неизбежно болезненным реформам.

Никто не разъяснял, в чем они будут состоять, какова в них роль основных социальных групп и как может измениться положение каждой. В 1990–1991 гг., в противовес союзным лидерам, российское руководство настойчиво убеждало население республики в том, что необходимые меры можно осуществить без снижения уровня жизни, а президент даже заверял, что «ляжет на рельсы», если это произойдет. Отсюда — завышенные ожидания, надежды лишь на позитивные перемены, готовность в лучшем случае к умеренно-жертвенному курсу, но никак не к радикальному их варианту.

Практически впервые публично о трудностях, которые предстоит испытать населению, президент сообщил лишь в конце октября 1991 г. на V съезде народных депутатов РСФСР, *одновременно* с объявлением о начале преобразований. Характеризуя разовый переход к рыночным ценам как «тяжелую, вынужденную, но необходимую меру», он вновь сообщил, что «хуже будет всем примерно полгода, затем — снижение цен, наполнение потребительского рынка товарами. А к осени 1992 г., как я обещал перед выборами, — стабилизация экономики, постепенное улучшение жизни людей». Далее граждан информировали, что «либерализация цен будет сопровождаться мерами по социальной защите населения». И лишь на этом фоне следовали достаточно осторожные предупреждения о том, что «защитить уровень жизни всех на первом этапе реформ мы не сможем» и «нам придется нелегко». Именно «поддержку и веру» (а не осознанное участие) Б. Н. Ельцин считал необходимыми условиями успеха реформ. В новогоднем обращении он вновь говорил о трудном периоде в 6–8 месяцев и подтверждал, что к концу 1992 г. начнется улучшение жизни.

Не более многословным было и «правительство реформ». О «непопулярности» предлагаемых мер говорилось уже на первой встрече Е. Т. Гайдара и Б. Н. Ельцина в конце октября 1991 г., *накануне* V съезда. Будущий вице-премьер прямо сказал Президенту, что тот сам через несколько месяцев отправит первое реформаторское правительство в отставку. О понимании неизбежности нарастания конфликтного потенциала свидетельствовало подписание 15 ноября 1991 г. президентского указа «О социальном партнерстве», которым создавалась трехсторонняя комиссия по регулированию социально-трудовых отношений. В нее должны были входить представители государства, предпринимателей и профсоюзов.

Разъяснения того, что реально ожидает страну в ближайшие месяцы, носили весьма общий и ограниченный характер. Силы коммунистической и социалистической, а также патриотической ориентации в расчет не принимались. Представители традиционной хозяйственно-управленческой элиты не привлекались как «носители прежних стереотипов экономического мышления». Сам Е. Т. Гайдар нелюбовь к пуб-

личным выступлениям объяснял отсутствием привлекательных аргументов в пользу проводимой правительством политики и признавался, что «невозможность сказать правду людям приходит вместе с властью. Именно здесь хорошо понимаешь точность кантовского принципа: «Все, что ты говоришь, должно быть правдой, но отсюда не следует, что надо говорить всю правду».

Все это привело к тому, что к весне 1992 г. политическая поддержка «правительства реформаторов» кардинально сократилась. Вместе с президентом оно опиралось лишь на те силы, которые уже получили выигрыш от реформ и были кровно заинтересованы в их продолжении. Им противостояли Съезд народных депутатов и Верховный Совет России, которые как представительные органы власти, отражавшие широкий спектр интересов избирателей, во все большей степени испытывали на себе давление тех, кто был недоволен реформами. Помимо традиционных противников из лево-патриотического лагеря, в число оппонентов попали и те, кто ранее горячо выступал за рыночные преобразования или был объективно заинтересован в их успешном продвижении. В этом суть того «парадокса», на который указывают некоторые авторы: «демократический» Съезд народных депутатов, в целом одоббивший правительственный курс в октябре 1991, столкнувшись с его первыми результатами, к апрелю 1992 г. уже стал «консервативным».

Рубежным в плане изменения экономического курса и складывания новой конфигурации прореформистских сил стал VI съезд народных депутатов России в апреле 1992 г. На нем деятельность правительства подверглась резкой критике. Депутаты приняли постановление, в котором содержалась малоприятная оценка работы команды «профессионалов»: «Признать ход экономической реформы неудовлетворительным в области социальной защиты граждан, инвестиционной, промышленной и аграрной политики, комплексности проводимых мероприятий». Президенту было предложено в месячный срок подготовить и представить Верховному Совету проект закона о правительстве и, что особенно важно, новую кандидатуру его руководителя. Разразился кризис, когда «гайдаровцы» коллективно подали в отставку. Конфликт разрешился при активном участии главы правительства — президента. Ему удалось убедить съезд предоставить Кабинету министров возможность спокойно работать до декабря 1992 г., когда, как он надеялся, смогут проявиться какие-то позитивные итоги проводимого курса. За согласие депутатов пришлось заплатить серией важных уступок, которые вносили существенные коррективы в экономическую политику и на многие годы определили лицо российских реформ.

Некоторые исследователи и практики считают, что первый этап реформ в России продолжался с ноября 1991 по апрель 1992 г. Его называют по-разному: «рыночный штурм», «реформаторское наступление»

и т.п. Главная отличительная черта этапа — переход к регулированию экономики исключительно финансовыми, денежно-кредитными рычагами. На наш взгляд, не лишено оснований сравнение либерального «рыночного штурма» 1992 г. и большевистской «красногвардейской атаки на капитал» зимы — весны 1918. В обоих случаях основой проводимого курса были катастрофическое состояние народного хозяйства и форсированное осуществление преобразований на базе определенного политико-идеологического курса, а после исчерпания избранных ресурсов следовало обращение к компромиссу со старыми хозяйственно-управленческими слоями. Однако, временный «откат» осуществлялся для перегруппировки сил и обеспечения дальнейшего движения к изначально поставленной цели. Поэтому некоторые исследователи считают возможным называть проводившийся в 1990-е годы в России курс «рыночным большевизмом».

В Российской Федерации компромисс между либералами-рыночниками и «старой» хозяйственной элитой начинает оформляться весной — летом 1992. Он нашел выражение в смягчении денежно-кредитной политики и восстановлении льготного кредитования предприятий, а также в привлечении в правительство представителей директорского корпуса. Уже в мае 1992 г. под влиянием лоббистских групп вновь началось, пока, правда, нешироко, выделение государственных средств некоторым группам предприятий. Тогда же вице-преьерами были назначены В. С. Черномырдин, В. Г. Шумейко, Г. С. Хижа, которые должны были представлять в правительстве интересы разных секторов отечественной индустрии. Однако не менее знаковым было назначение в июне 1992 г. вице-премьером и А. Б. Чубайса, к тому времени уже приобретшего репутацию одного из самых жестких либералов-рыночников. В итоге президент как глава правительства намного расширял границы для столь необходимого в тех условиях политического и экономического маневрирования.

В программной работе «Государство и эволюция» (1995) Е. Т. Гайдар признавался, что весной 1992 г. реформаторы исходили из того, что «экономически оправданных решений достичь практически едва ли удастся. В долгосрочной перспективе экономически оптимальным может стать то, что сегодня является максимально социально приемлемым». На том этапе основные революционные изменения должны были произойти в сфере отношений собственности. Поэтому упор делался на «создание приватизационных коалиций», позволяющих инициировать массовый приватизационный процесс снизу, «интегрировать интересы тех социальных групп, которые способны его парализовать, если не увидят в нем своего места (трудовые коллективы, руководители предприятий, региональные органы власти)». Под влиянием «промышленников» в правительственную программу был введен новый, не самый оптималь-

ный, по мнению «реформаторов», вариант приватизации, позволяющий «трудовым коллективам» выкупать по остаточной стоимости 51% акций своих предприятий. На деле это означало закрепление преимуществ для администраций переходящих в собственность объектов, и не случайно впоследствии около 70% предприятий были приватизированы именно по данной схеме.

Формирование коалиции (или союза) «либеральных рыночников» и старой хозяйственно-управленческой элиты происходило постепенно, в течение второй половины 1992 г., и сопровождалось достаточно острыми противоречиями. В июне возник политический блок «Гражданский союз». В него вошли Демократическая партия России, (наиболее массовая в «Демроссии», лидер Н. И. Травкин), Народная партия «Свободная Россия» (лидер вице-президент А. В. Руцкой), Союз промышленников и предпринимателей (лидер А. И. Вольский). Президент и правительство не могли не считаться с блоком: по некоторым оценкам, входившие в него организации могли контролировать до 40% голосов на съездах народных депутатов, имели хорошо отлаженные связи с хозяйственными, а также региональными руководителями. Кроме того, «Гражданский союз» поддерживал тесные контакты с Федерацией независимых профсоюзов России, претендуя на выражение интересов самых широких и разнообразных социальных групп. С одной стороны, он заявлял о себе как о центристской организации, чуждой крайностей, а с другой — резко выступал против макроэкономического курса Гайдара, настаивал на необходимости разработки государственной промышленной политики, которая должна была смягчить тяготы кризиса и стимулировать структурную перестройку в производящих отраслях.

Опасаясь открытого социального взрыва, неизбежного при последовательном проведении гайдаровской политики финансовой стабилизации (в этом случае должна была обанкротиться почти половина предприятий — как нерентабельные и малорентабельные), а также испытывая давление стоящих за «Гражданским союзом» сил, Б. Н. Ельцин внес существенные изменения в правительственный курс. В июне — августе 1992 г. Правительство и Центральный банк приняли меры по дополнительному кредитованию отраслей и регионов (сельского хозяйства, угольной и некоторых других; северных районов); отсрочке и частичному погашению за счет госбюджета ранее выданных кредитов; введению новых налоговых и таможенных льгот, кредитованию предприятий под чрезвычайно льготный процент. А в сентябре — октябре был произведен взаимозачет долговых платежей предприятий, резко увеличивший их оборотные средства и общий объем предложения денег. Все эти меры в корне противоречили идеологии российских «монетаристов», но приближалось 1 декабря, когда на VII съезде народных депутатов предстояло проанализировать работу правительства и рассмотреть

вопрос о продлении дополнительных полномочий президенту. И хотя глава правительства к тому времени уже не раз допускал малопочтительные выражения в адрес парламента и съезда, полностью их игнорировать *тогда* Ельцин еще не мог.

Более того, весь ноябрь 1992 г. прошел в интенсивных консультациях с «Гражданским союзом», в которых Ельцин заявлял о близости позиций «Союза» и правительства, выражал готовность учесть его мнение при корректировке состава правительства, удалил из своего окружения фигуры, вызывавшие наиболее раздражение оппозиции (руководителя «Останкино» Е. В. Яковлева; вице-преьера, министра печати и информации М. Н. Полторанина; Госсекретаря Российской Федерации Г. Э. Бурбулиса, чья должность была вообще ликвидирована). По поручению Ельцина Гайдар несколько раз встречался с лидерами «промышленников», в результате чего была согласована компромиссная экономическая программа, которая впоследствии и была представлена съезду.

Оставляя *пока* в стороне сложные политические перипетии, предшествовавшие и сопутствовавшие работе этого съезда народных депутатов России, отметим, что он *первоначально* признал неудовлетворительную работу правительства по реализации экономической реформы. Затем констатировал, что формы и методы ее проведения не соответствуют интересам большинства граждан и привели к отрицательным социально-экономическим последствиям. Он отклонил кандидатуру Е. Т. Гайдара, предложенного Ельциным на пост премьера как и его предложения поправок в Конституцию, сохранявшие за ним право формировать правительство, издавать акты, имеющие, по сути, законодательный характер.

Однако результате возникшего политического кризиса съезд пошел на уступки, вновь оставив за президентом почти все полученные годом ранее «временные» полномочия. Ельцин, в свою очередь, должен был учитывать мнение депутатов. Проявлением компромисса было то, что для мягкого рейтингового (т.е. не обязывающего прямо) голосования на пост премьера он предложил съезду не одну, а пять кандидатур, четыре из которых представляли директорский корпус. Наибольшую поддержку получил Ю. В. Скоков («за» — 637, «против» — 254, «воздержались» — 25), далее следовал В. С. Черномырдин (621 — 280 — 24), и лишь затем — Е. Т. Гайдар (400 — 492 — 33).

Внешне казалось, что все сложилось в пользу назначения премьер-министром Ю. В. Скокова — директора оборонного предприятия, человека из ближнего окружения Б. Н. Ельцина, чьи преданность и высокие деловые качества котировались достаточно высоко (Ельцин: «Скоков — реальный «теневой» премьер-министр, которого я всегда как бы имел в виду»). Однако Президент отказал этому кандидату, сославшись на то, что его имя связывают с военно-промышленным комплексом. Позже

он открыто признавал, что «общая политическая линия Скокова, а тем более в вопросах экономики, сильно отличается от моей, от позиции Гайдара или того же Бурбулиса». Ельцина как политика не могло не смущать то, что Скоков пользовался авторитетом в среде старых хозяйственных и политических управленцев, но главное, имел тесные связи с группами интересов, которые оказались ущемленными в результате «рыночного штурма» 1992 г. и стремились к исправлению «макроэкономических перегибов».

В. С. Черномырдин выглядел более предпочтительно. Он также был прочно связан с прежней экономической элитой, но в то же время сумел перевести газовую отрасль страны на рыночные рельсы и вполне оценил полученные от этого выгоды. Черномырдин успел поработать в правительстве Гайдара и, как писал Ельцин, «понял логику действий не со стороны, а изнутри». Назначение его премьером позволяло Президенту снять еще один упрек оппозиции: она обвиняла «молодых реформаторов» в том, что не знают реальной экономики, промышленности. Сказалось, видимо, и понимание того, что экономика страны в значительной степени зависела от топливно-энергетического комплекса, и эта ситуация изменится не скоро. Черномырдин как представитель «директоров-предпринимателей» был более способен выступить в качестве центра консолидации центристских сил, заинтересованных в стабилизации. В этом плане он оказывался наиболее приемлемой компромиссной фигурой, что и подтвердило съездовское голосование, когда именно его кандидатура была предложена президентом на должность премьера: «за» Черномырдина проголосовали 721 депутат, «против» — 172.

Полная, по сути, политико-правовая зависимость главы правительства от президента предопределяла его лояльность по отношению к «высшему должностному лицу» государства (он, а не премьер подбирал и назначал министров; несопоставимыми выглядели их полномочия и в нормотворческой сфере). Позднее Ельцин высоко оценил человеческие качества Черномырдина: «Он оказался по-настоящему надежен. Он не подвел ни в одной критической ситуации». В то же время были все основания предполагать, что в центре внимания премьера-газовика окажутся, прежде всего, проблемы выживания и развития близких ему отраслей (газовая, нефтяная, энергетика). Но в правительстве на ключевых должностях остались и активные либералы-рыночники «гайдаровского призыва»: пост вице-премьера и министра финансов занимал Б. Г. Федоров, вице-премьером, ответственным за приватизацию, по-прежнему был А. Б. Чубайс, вице-премьером остался и А. Н. Шохин. Такой персональный состав высших исполнительных структур отразил одну из характерных черт новой России — сращивание власти, администрации и бизнеса. Такая «модель» воспроизводилась и на более низких уровнях управления. На этом основании некоторые экономисты и соци-

ологи считают, что главными субъектами реформ были номенклатура второго и третьего «эшелонов», а также старое и новое чиновничество.

Статистические показатели итогов 1992 г. не удовлетворяли — хотя и по разным причинам — ни одну из политических сил. На продовольственные товары цены выросли в 26 раз; реальные доходы населения равнялись всего 44% от уровня начала года, доля расходов семьи на питание в среднем превышала 60. Прямые потери населения по вкладам составили около 500 млрд рублей. По производству национального дохода страна оказалась отброшенной к показателям 1976 г., а по уровню потребления — к середине 1960-х. Вопреки прогнозам, в трудную ситуацию попали не только отсталые производства, но и технически современные предприятия. Практически прекратились инвестиции. Без финансовой поддержки государства ухудшалось положение в сельском хозяйстве. Тяжелый удар был нанесен интеллектуальному потенциалу общества: сокращение ассигнований на науку, высшую школу спровоцировало массовый исход из исследовательских учреждений в коммерцию; началась «утечка мозгов» за рубеж; резко сократился приток в науку молодежи. На «голодный паек» были переведены и другие бюджетники: средняя школа, здравоохранение, система социального обеспечения, учреждения культуры. Для государства все эти сферы надолго выпали из числа приоритетных.

«Реформаторам» не удалось решить и главную из поставленных ими же задач — добиться бездефицитного бюджета и сбить инфляцию. После профицита в апреле 1992 г. в мае бюджетный дефицит вырос до 5,2% ВВП; июне — 17; августе — 19,6. Осенью это вновь привело к всплеску инфляции. В сентябре она составила 11,5; октябре — 22,9; ноябре — 26,1; декабре — 25,4%, т.е. уже к октябрю 1992 г. страна вновь оказалась на грани гиперинфляции. В декабре 1991 г. соотношение рубля и доллара равнялось 1:20, в середине 1992 г. предполагалось удержать его на отметке 1:60, но в декабре за один доллар давали уже 308 рублей (а летом 1993 — более 1 тыс.).

В оценке экономических преобразований 1992 г. общество раскололось на две части. Лица, выигравшие от перемен, вслед за реформаторами давали им сугубо позитивные оценки. В заслугу правительству ставили то, что, в противопоставление предшественникам, оно перешло от разговоров к делу и наконец-то «двинуло» экономику в сторону рынка: реформы хотя и получились болезненными, пошли по единственно возможному в тех условиях пути. Достижением считалось начало массовой приватизации, которая должна была создать рыночную конкурентную среду. К числу наиболее важных, с точки зрения перспективы, достижений относили изменение сознания населения: лишённые традиционной государственной поддержки люди были вынуждены все больше полагаться на собственные силы. А это должно было раскрепостить созида-

тельный, предпринимательский потенциал тех, кто более готов утверждать новые формы общественного устройства.

Лица, проигравшие от перемен, оценивали произошедшее совершенно иначе. Указывали на непомерно высокую социальную цену, которую платит население за переход к рынку (огромный рост цен и резкое падение уровня жизни, «ограбление» граждан через обесценивание многолетних накоплений, нарастание социальных контрастов вследствие резкой имущественной дифференциации). Ставился под сомнение профессионализм команды «реформаторов»: ими были допущены существенные просчеты при прогнозировании роста цен и динамики инфляции, пренебрежение к реальной экономике, «жесткое» (если не жестокое) отношение к бюджетным отраслям и социальной сфере. Недовольство вызывала и криминализация общественной, прежде всего экономической, жизни — коррупция чиновничества и рост имущественных преступлений с применением физического насилия.

Упомянутые группы пользовались различными критериями при оценке изменений, произошедших в 1992 г. Сторонники первой группы полагали, что сделано все возможное в тех конкретных исторических условиях. Хозяйственная разруха, принципиальная недееспособность прежней системы управления, отсутствие навыков рыночного поведения привели, согласно этой позиции, к большим «издержкам» при выходе из социализма. Сопrotивление «консервативных» сил, «родимые пятна социализма» предопределили болезненное восприятие необходимых мер, которые не были осуществлены полностью, что и затянуло процесс в целом.

Основная же масса российского населения исходила из сопоставления ранее обещанного и реально полученного в результате начала реформ. На фоне удручающей действительности конца 1992 г. особенно досадно вспоминались популистские обещания 1990–1991 гг. перейти к рынку быстро и с минимальными потерями. Накануне 1993 г. стало ясно, что утверждения рынка не произошло, страна находится в начале нового «переходного периода», конца которого пока не видно, а «потерпеть» придется явно не 6–8 месяцев. И политики, и экономисты все чаще использовали термин «обман» при сравнении того, на что ориентировалось население изначально, и тем, что позже правительство ставило себе в заслугу. Недоверие к реформаторам, ощущение осознанного обмана подпитывалось отсутствием с их стороны самокритики, а ускоренное перераспределение накопленного ранее богатства усиливало впечатление, что сутью происходящих в стране «реформ» является вульгарное ограбление основной части населения.

Попытка остановить дезинтеграционные процессы. В сфере федерального устройства в 1992 г. новое Российское государство унаследовало проблемы, возникшие в период противостояния между его и союзными властями в 1990–1991 гг. В это время союзные лидеры

приглашали автономные республики к участию в разработке и прямому подписанию нового Союзного договора. В юридическом плане это фактически означало повышение статуса автономных республик до уровня союзных, на практике вело к ослаблению тех союзных республик — прежде всего России и Грузии, в составе которых автономии занимали важное место. В РСФСР полагали, что это может привести к развалу России. Поэтому, «в пику» союзным, российские лидеры предложили своим автономиям любую приемлемую для них степень свободы («суверенитета»), не оговаривая никаких предварительных условий.

Руководство российских автономий, лавируя между союзным и российским центрами власти, стремилось извлечь для себя максимальную выгоду. С одной стороны, лидеры крупных автономий участвовали в горбачевском «новоогаревском процессе» наравне с союзными республиками, с другой — принимали декларации о суверенитете, в которых провозглашали создание своей государственности со всеми ее атрибутами, верховенство собственных законов; содержались притязания на республиканские имущество и недра. Все это создавало крайне запутанную политико-правовую ситуацию.

Поражение сторонников сохранения СССР в августе 1991 г. и победа российских лидеров над своими политическими оппонентами положили начало новому этапу «федеративной» политики России. Необходимо было заново отстраивать становящееся независимым Российское государство, отказываясь от многих политических, экономических, идеологических атрибутов прошлого. Предстояло упорядочить и отношения между «центром» и субъектами Федерации, выстроив систему, учитывающую как общегосударственные интересы, так и национально-региональную специфику. Стала очевидной непродуктивность используемых в 1990 — середине 1991 гг. подходов.

Между тем, запущенные в 1990 г. процессы имели мощную инерцию. Во второй половине 1991 г. в ряде бывших автономий избраны президенты, что должно было подчеркнуть их статус как государственных образований. В сентябре независимость провозгласила Чеченская республика. В октябре ВС Татарии принял Постановление «Об акте государственной независимости республики Татарстан», а в декабре его лидеры заявили о готовности республики выступить в качестве соучредителя СНГ. В сентябре — октябре 1991 г. «суверенные республики» в составе России «прибирали к рукам» находившуюся ранее в распоряжении союзных ведомств собственность. Представители большей части бывших автономий настаивали на подписании Федеративного договора, который закрепил бы их односторонне провозглашенные привилегии. На деле это вело к конфедерализации России, ставило под угрозу территориальную целостность страны.

Стремясь воспрепятствовать центробежным процессам, российские власти осенью 1991 г., в противовес прежней идее Федеративного договора, предложили вариант, в котором на первое место выдвигалось создание документа о разграничении полномочий между федеральными и властями субъектов Федерации. Такую позицию активно поддержали российские края и области, которые еще с весны выражали недовольство своим заниженным в сравнении с республиками статусом.

Трудности первого этапа экономических преобразований, начало противостояния исполнительных и законодательных структур России способствовали оживлению этносепаратистских движений в начале 1992 г. Это вынудило центральные власти ускорить подготовку документа, регламентирующего федеративные отношения. Им стал подписанный 31 марта 1992 г. Федеративный договор. В действительности этот термин объединял три документа, начальная часть наименований которых имела одинаковый вид: «Федеративный договор: Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти ...», а различия касались окончаний: 1) «... и органами власти суверенных республик в составе Российской Федерации», 2) «... органами власти краев, областей, городов Москвы и Санкт-Петербурга Российской Федерации», 3) «... органами автономной власти, автономных округов в составе Российской Федерации». Из текстов следовало, что республики имели более высокий статус в сравнении с краями, областями и автономиями. Республики назывались «суверенными», за ними закреплялась целостность их территорий; достоянием проживающих в них народов объявлялись земля и недра; для них предусматривалась вся полнота государственной власти; они являлись самостоятельными участниками международных и внешнеэкономических отношений. Юридический статус краев и областей всего этого не предусматривал.

Документы оказали противоречивое влияние на политическую жизнь страны. С одной стороны, они зафиксировали именно федеративный характер устройства государства и тем самым ослабили центробежные процессы. С другой — сохранили неравенство статусов республик и краев (областей) России; создали ситуацию соперничества, отчуждения одних субъектов Федерации от других. Вскоре после подписания Договора был создан Совет глав республик, призванный вновь подчеркнуть их отличие от других субъектов Федерации. Да и само понятие «субъект федерации» главы республик не считали возможным использовать применительно к краям и областям. Из принятых в 21 республике конституций, 19 противоречили российской. «Суверенные» образования добивались больших привилегий в бюджетных отношениях с центром, в формировании своей правоохранительной системы.

Уже осенью 1992 г. началась активная борьба краев и областей за равные с республиками права. В ноябре представители 53 регионов

создали Союз губернаторов, руководитель которого вошел в Совет глав республик. Ликвидацию несправедливости края и области видели в повышении их статуса до уровня республик. Вновь активизировался процесс суверенизации, в котором теперь основная роль принадлежала региональным образованиям. Вскоре в Вятке и Туле были приняты свои конституции, государственный суверенитет провозглашен в Вологде, о повышении статуса заявили другие края и области. Апогеем борьбы стало провозглашение в ноябре 1993 г. Уральской республики.

Строительство новой Федерации осложнялось и ситуацией в отдельных регионах страны. Федеративный договор не подписала Республика Татарстан. Более того, вопреки протестам федеральных властей, в ноябре 1992 г. после референдума, ее Верховный Совет утвердил новую Конституцию, представляющую Татарстан как «суверенное государство, субъект международного права, ассоциированное с Россией на основании Договора». Тем самым между Россией и одним из ее субъектов в одностороннем порядке фактически устанавливался конфедеративный характер отношений. Руководители Татарстана, Башкортостана, Якутии встали на путь «бюджетного сепаратизма», одностороннего перераспределения ресурсов, собственности и власти в пользу своих республик.

В 1992 г. все дальше от правового поля Федерации отходила Чеченская республика, превращаясь в особую зону России. На ее территории осуществлялись беспощадный ввоз и вывоз товаров, нелегальная торговля оружием, финансовые спекуляции. Регион стал крупным производителем и перевалочным пунктом торговли наркотиками; вступил в полосу острого социально-экономического кризиса. Стремительно шла криминализация чеченского общества. С конца 1991 г. начался захват военных объектов и складов с вооружением. К маю 1992 г. в распоряжении дудаевцев оказалось 80% боевой техники (108 танков, 51 самолет, 153 артиллерийских орудия и миномета, 600 противотанковых управляемых ракет и зенитно-ракетных комплексов) и 75% стрелкового оружия, ранее принадлежавших Советской Армии. К июню численность регулярных войск республики достигла 15 тыс. человек. Камнем преткновения на переговорах между Москвой и Грозным оставался вопрос о статусе Чечни: чеченская сторона настаивала на признании независимости республики.

Формирование пояса нестабильности по периметру российских границ. Ликвидация СССР в конце 1991 г. породила ситуацию политико-правовой неопределенности в отношениях между бывшими союзными республиками. С одной стороны, они провозгласили себя суверенными государствами, добились независимости от «имперского центра» в Москве. С другой — объединение в рамках СНГ позволяло определить возможные формы и направления нового взаимодействия. Этого, однако, в 1992 г. сделано не было. Внимание ме-

стных элит сконцентрировалось на строительстве независимой государственности, стремлении контролировать начатые экономические реформы. Отношения между Россией и ее ближними соседями осложнялись и рядом других факторов.

Экономическая политика России значительно отличалась от методов преобразований в других республиках. Однако все они продолжали находиться в единой рублевой зоне, что порождало острые межгосударственные противоречия. Новые государства начали интенсивный поиск новых политических и экономических союзников в Европе и Азии.

Политики понимали трудности возможного раздела вооружений бывшего Союза, и первоначально тлела надежда на сохранение в рамках СНГ единой армии. В конце 1991 г. создано общее командование Объединенных вооруженных сил (ОВС) СНГ, которое возглавил маршал авиации Е. И. Шапошников. В самой армии были сильны настроения против ее раздела. В феврале 1992 г. участники Всеармейского офицерского собрания выступили с обращением, в котором призвали «руководителей государств Содружества на переходный период сохранить целостность государственной границы, единую систему безопасности, единое военно-стратегическое пространство, единую систему управления Вооруженных сил». Президент России был готов «на смерть» стоять за единые Вооруженные силы. Тогда же, в феврале, под юрисдикцию России были переведены войска в Прибалтике, Закавказье, Молдове, а также в странах Центральной и Восточной Европы.

Однако верх взяла тенденция к созданию собственных армий. В «авангарде» шла Украина. Ее позицию открыто выразил президент Л. М. Кравчук: «У нас нет единого государства и не может быть единых Вооруженных сил». Процесс образования новых армий происходил в одностороннем порядке, без предварительных договоренностей. Он часто приобретал форму «национализации» целых военных округов, армий, «приватизации» военного имущества и вооружений. Положение армии в «правовом вакууме» становилось критическим. Нередкими стали переходы солдат на территории «своих» республик. На советское военное имущество заявили свои претензии и агрессивные националистические силы, в частности в Закавказье. Начался стихийный захват вооружений, в результате чего большое количество оружия попало в руки неконтролируемых формирований. Все это подтолкнуло Россию к созданию собственной армии, и соответствующий указ был подписан Б. Н. Ельциным 7 мая 1992 г. В мае же прекратило существование и единое командование ОВС СНГ.

Начало практического раздела «советского военного наследства» привело к острому кризису в российско-украинских отношениях летом 1992 г. В центре внимания оказались вопросы о статусе Севастополя и судьбе Черноморского флота (ЧФ). Уже в январе того же года Украина,

игнорируя статус ЧФ как составной ОВС СНГ, стала требовать от личного состава принятия присяги на верность этой республике. В ответ последовал визит Ельцина в Севастополь и его заявление о неправомерности претензий Украины. В конце марта Кравчук издал указ о переводе всех дислоцированных на Украине формирований под ее юрисдикцию, Президент РФ отреагировал 7 апреля указом о переводе ЧФ под юрисдикцию России. 9 апреля оба указа были приостановлены, однако решение о поднятии на кораблях ЧФ русского Андреевского флага едва не привело к вооруженному столкновению в Крыму. Конфликт подтолкнул президентов двух стран к личной встрече, которая состоялась 3 августа 1992 г в Ялте. Решение проблемы Севастополя и флота было отложено до 1995 г., а на «переходный период» ЧФ переходил в совместное подчинение президентов России и Украины.

В 1992 г. возникли проблемы и с ядерным оружием бывшего СССР. Первоначально предусматривалось сохранение объединенных стратегических сил сдерживания и нерасчлененность ядерного оружия. Управление им находилось лишь в руках президента России и Главнокомандующего ОВС СНГ. Далее, однако, в отличие от Белоруссии и Казахстана, Украина не стала отказываться от статуса ядерной державы. Более того, 2 июля 1992 г. она объявила своей собственностью 2 тыс. ядерных боеголовок, находящихся на ее территории (одна пятая стратегического потенциала бывшего СССР), что вызывало дополнительную тревогу, и не только у России. Начались «торги»: отказ от статуса ядерной державы Украина обуславливала требованиями материального и политического порядка, которые адресовались как России, так и мировому сообществу в целом.

Обретение независимости почти повсеместно сопровождалось ростом национализма титульных наций, что сказалось на «некоренном» населении. В новых государствах оказалось и 25 млн русских. Трудности получения гражданства, сокращение сферы применения русского языка и возможности получения на нем образования, официальные и неформальные препятствия для занятий определенными видами деятельности — все эти проблемы ставили новую для правительства России проблему — защиту прав этнических россиян в новом зарубежье.

Распад СССР и раздел его вооружений привели к новым всплескам межэтнических конфликтов в молодых государствах. Молдова усилила политический и военных нажим на Приднестровье, апогеем которого стал вооруженный штурм Бендер в июне 1992 г. Почти одновременно Грузия предприняла попытку с помощью оружия «усмирить» Южную Осетию. В августе начались грузинские войсковые операции против «абхазских сепаратистов». В войне в Абхазии дала о себе знать Конфедерация горских народов Кавказа (КГНК) — организация солидарности, созданная четырнадцатью народами Северного Кавказа. КГНК

объявила Грузии тотальную партизанскую войну и направила в зону конфликта до 5 тыс. добровольцев. В их числе находился чеченский батальон под командованием Ш. Басаева.

В октябре 1992 г. начались столкновения между ингушами и осетинами — первый вооруженный межнациональный конфликт на территории собственно Российской Федерации. Неблагоприятно для нее складывалась ситуация и в других регионах бывшего СССР. К моменту свержения в Афганистане дружественного нашей стране режима Наджибуллы и занятия войсками моджахедов Кабула в Таджикистане уже началась гражданская война. Россия, заинтересованная в сохранении порядка на границе с Афганистаном, была вынуждена вмешаться и в межджиджикские столкновения.

Все конфликты на постсоветском пространстве сопровождались многочисленными человеческими жертвами, в том числе среди мирного населения. Россия по историческим и политическим мотивам не могла оставаться в стороне от конфликтов. Это дестабилизировало обстановку внутри страны, осложняло ее отношения как с «ближним», так и с «дальним» зарубежьем.

Нарастание политического противостояния. Стремление обеспечить России достойное место в Союзе ССР и начать проведение эффективных реформ в 1990 — середине 1991 г. спланивало россиян. На политическом уровне это нашло отражение в поддержке действий президента и правительства со стороны съезда и Верховного Совета РСФСР. С началом обсуждения конкретных преобразований во второй половине 1991 г. ситуация стремительно изменяется, а с 1992 г. политический климат в обществе определяется в первую очередь состоянием экономики, которое оказывало решающее влияние на расстановку и позиции основных политических сил. В оппозицию правительству стали переходить значительные социальные группы, самые различные общественно-политические организации. При этом условно можно выделить «непримиримую», «конструктивную» и парламентскую оппозицию.

Зимой и весной 1992 г. дало о себе знать возрождающееся коммунистическое движение. Руководство Российской коммунистической рабочей партии в качестве основной формы протеста против политики правительства избрало демонстрации и митинги. Совместно с «Трудовой Россией» они провели 9 февраля в Москве манифестацию, названную «походом на Белый дом», в которой участвовали до 100 тыс. человек. Активизировались и различные течения национально-патриотической направленности. 8 февраля в Москве состоялся Конгресс гражданских и патриотических сил России, а 15 февраля образован Русский национальный собор.

23 февраля 1992 г. «коммунисты» и «патриоты» приняли активное участие в демонстрации, которая состоялась в Москве. В этот день произошло первое открытое столкновение между властями и «непримиримой» оппозицией. На пути демонстрантов, собравшихся в центре столицы для шествия к могиле Неизвестного солдата и возложения цветов, оказались отряды ОМОНа. У многих участников осталось ощущение, что власти сознательно пошли на обострение ситуации, желая «преподать урок» левым силам. События 23 февраля были названы «кровавым воскресеньем» и послужили катализатором объединения оппозиции в блок коммунистических и державно-патриотических сил. Такое решение принято 1 марта на встрече лидеров партий, движений, депутатов Советов различных уровней, редакторов «патриотических» изданий. Участники встречи приняли декларацию о создании объединенной оппозиции под лозунгом «Справедливость. Народность. Государственность. Патриотизм». Организационное оформление этого замысла произошло 24 октября 1992 г., когда был создан Фронт национального спасения.

К «конструктивной» оппозиции принадлежали разноплановые организации. Среди них были известный государственно-патриотической ориентацией блок «Народное согласие» (участники: Демократическая партия — ДПП; Российское христианско-демократическое движение; Конституционно-демократическая партия), вышедший в ноябре 1991 г. из движения «Демократическая Россия». Корректировки реформ требовал также образованный в январе 1992 г. блок «Новая Россия», который объединил партии «левого центра» (Социал-демократическую, Народную партию России, Крестьянскую партию России, Социально-либеральное объединение Российской Федерации). Наиболее влиятельной организацией центристского толка считался возникший в июне 1992 г. Гражданский союз (ГС). В него вошли ДПП во главе с Н. И. Травкиным, Народная партия «Свободная Россия» возглавляемая вице-президентом РФ А. В. Руцким, а также Союз промышленников и предпринимателей (впоследствии — Российский союз «Обновление»), лидером которого был А. И. Вольский.

В течение 1992 г. нарастало противоборство между законодательной и исполнительной властью, которое часто называют «кризисом двоевластия». Формально в его основе лежали противоречия в конституционном строе России, фактически — недовольство со стороны парламентариев проводимыми преобразованиями. Все это привело к тому, что конфликтующие стороны оспаривали друг у друга право определять их курс и влиять на формирование правительства. К весне 1992 г. в парламенте сложились три основных блока: проправительственный, объединявший около 250 депутатов, центристский, куда входило более 300 человек, и откровенно оппозиционный блок «Российское единство» — до

350 депутатов. Два последних во время голосований часто занимали сходные позиции в отношении президентского курса.

Первый кризис в отношениях между законодательной и исполнительной властью проявился в марте 1992 г. на VI съезде народных депутатов. Тогда его удалось разрешить президенту, который своим авторитетом «прикрыл» правительство и обещал пойти на некоторые уступки взамен на предоставление «молодым реформаторам» возможности поработать до конца года, с тем чтобы «выправить» ситуацию.

Однако основные баталии между конфликтующими ветвями власти развернулись на VII съезде народных депутатов 1–14 декабря 1992 г. Уже в первый день его работы Б. Н. Ельцин предложил ввести «стабилизационный период», в рамках которого обе стороны следовали бы предварительно оговоренным «правилам игры». Предлагалось расширить полномочия правительства, подотчетного как Президенту РФ, так и съезду народных депутатов. При этом Верховный Совет терял право вмешиваться в его деятельность, но мог «оспаривать решения правительства как в Конституционном суде, так и у Президента». Последний же сохранял право выбора премьера и назначения министров. Ельцин предлагал съезду на время отказаться от попыток усилить влияние на исполнительную власть, используя свое право внесения поправок в Конституцию. По сути это означало сохранение того соотношения властных полномочий, которое было одобрено V съездом в октябре 1991 г.

Съезд отверг эти предложения, отклонив затем большинством голосов и кандидатуру Е. Т. Гайдара, которого Президент предложил на пост премьер-министра. В ответ 10 декабря Ельцин на заседании Съезда «через голову» депутатов выступил с телеобращением к народу. Он назвал Съезд и лично Р. И. Хасбулатова главными оплотами консерватизма, возложив на них основную ответственность за тяжелую ситуацию в стране и обвинив в подготовке «ползучего переворота». И предложил провести референдум по вопросу: «Кому вы поручаете вывод страны из экономического и политического кризиса, возрождение Российской Федерации: нынешнему составу съезда и Верховного Совета или Президенту России?» Вслед за этим Ельцин призвал своих сторонников покинуть зал заседаний.

Однако попытка сорвать работу съезда не удалась. С Президентом ушли только около 150 парламентариев: в зале остался кворум. В накаленной обстановке съезд принял ряд поправок к Конституции, ограничивающих полномочия Президента. Возник острейший политический кризис, чреватый дестабилизацией в стране и расколом государственного аппарата. Компромисс был достигнут 12 декабря, при активном посредничестве председателя Конституционного суда В. Д. Зорькина. В результате обращение Президента и поправки к Конституции отменялись, на апрель 1993 г. намечался референдум по проекту нового

Основного Закона, Президент обязался назначить премьер-министра с учетом мнения съезда.

§ 2. Экономические преобразования и их социальные последствия. 1992–1998

Борьба с инфляцией. Применительно к посткоммунистическим преобразованиям в экономике России часто используют термин «шоковая терапия», хотя ее временные границы понимаются различно. Некоторые связывают «шоковую терапию» лишь с мерами правительства зимы–весны 1992 г., когда либеральный курс проводился в наиболее чистом виде. Другие имеют в виду весь 1992 г., когда реформами руководила команда во главе с Гайдаром. Третьи этот курс определяют рамками 1992–1998 гг., когда правительство возглавляли соответственно Е. Т. Гайдар, В. С. Черномырдин, С. В. Кириенко. Четвертые считают, что базовые идеи шокотерапии не исчезли и из сегодняшней экономической политики. Существует также мнение, что «шоковая терапия» как целостная система мер в нашей стране вообще не применялась.

Однако во всех случаях в качестве грани выделяют 1998 г., когда, по утверждению известного экономиста А. В. Улюкаева, «закончился важнейший цикл рыночных реформ в России. Начался новый и очень сложный этап развития страны». Бесспорным же является то, что в 1992–1998 гг. в центре внимания российского руководства была проблема финансовой стабилизации, добиться которой предполагалось средствами монетаристской политики. В то же время эта политика проводилась не всегда последовательно. Большое влияние на нее оказывали внутриполитическая ситуация (противостояние исполнительной и законодательной властей, предвыборные парламентская и президентская кампании), социально-экономическое положение страны (состояние отдельных отраслей и регионов, уровень социальной напряженности), внешние факторы (отношения с международными финансовыми институтами и мировая экономическая конъюнктура).

Путь к финансовой стабилизации лежал через борьбу с инфляцией и сокращение бюджетного дефицита. Из мировой практики известно, что экономический рост наблюдается в тех случаях, когда годовой уровень инфляции не превышает 40%, в России же в 1992 г. он составлял 2509. В 1993–1998 подавление инфляции осуществлялось высокими темпами: в 1993 г. она равнялась 840, в 1994 — 215, в 1995 — 131, а в 1996 — уже 21. Однако, несмотря на столь заметный результат, он мало кем в обществе воспринимался как достижение. Это было связано с ухудшением основных макроэкономических показателей, что намного очевиднее. За 1992–1998 гг. российский ВВП сократился почти на 44% (для

сравнения: за годы Великой Отечественной войны — на 24), объем промышленного производства — на 56, резко снизились масштабы инвестиций. Дефицит бюджета уменьшился с 30 до 4,8%, что достигнуто за счет отказа государства от важных традиционных обязательств и функций (в медицине, образовании, науке, социальной сфере).

Потребительский рынок был наполнен разнообразными товарами, но эта проблема была решена не в результате развития собственного производства, а за счет увеличения импорта в обмен на топливно-энергетические ресурсы, металлы и другие сырьевые материалы. Если следовать этой тенденции, то только для закупки хлеба за счет экспорта нефти ее добычу необходимо увеличить в 6–8 раз. При открытости экономики в чисто рыночных условиях отечественное производство развиваться было просто невыгодно, так как Россия — самая холодная страна мира, здесь выше уровень удельного потребления энергии и, следовательно, — затраты. В то же время добыча топливно-энергетических ресурсов в районах Крайнего Севера и за Уралом ведет и к их удорожанию в 1,5–2 раза.

Помимо этого, российский рынок был наполнен товарами не вследствие активизации и расширения их производства, а через элементарное повышение цен. Это привело к колоссальному разрыву между платежеспособным спросом большинства российских граждан и предлагаемой для потребления товарной массой. В 1995 г. 40% населения, относящегося к бедным, имели душевой доход в 2,5 раза ниже среднего уровня, а 20% состоятельной его части — в 2,3 раза выше среднего уровня. У 22% жителей страны доходы были меньше прожиточного минимума. Это свидетельствовало о том о том, что «экономика дефицита» была не ликвидирована, а перешла из одной формы (товарной) в другую (денежную).

Результатом «шокового» характера изменений в 1992–1998 гг. стал отрыв экономической жизни на монетарном, денежно-финансовом уровне от процессов в реальной экономике; «уход» или даже «бегство» денег из сферы производства. Это привело к тому, что в 1990-е годы отечественную экономику охватил глубочайший инвестиционный кризис. Абсолютный уровень инвестиций снизился с 1990 г. на три четверти, а объем инвестиций производственного назначения — на четыре пятых. Многие предприятия были лишены возможности обновлять свою техническую базу. При общем сокращении вложений в производственный сектор повысился удельный вес инвестиций в топливно-энергетический комплекс, металлургию, транспорт, связь. Доля вложений в обрабатывающие отрасли сократилась. Наметились тенденции опережающего развития энергосырьевых отраслей, нефтегазовой промышленности, черной и цветной металлургии, лесозаготовительного производства, ориентированных на экспорт. Все это вело к тяжелым последствиям для

российской экономики. Снижалась конкурентоспособность отечественных товаров не только на мировом, но и на внутреннем рынке; росли число аварий, расходы на ремонт изношенного оборудования; сузились возможности экономического роста, особенно в наукоемких отраслях; уменьшился спрос на строительные-монтажные работы и научно-техническую продукцию. Складывалась угрожающая ситуация, когда неизбежно масштабное и быстрое сокращение устаревшего производственного оборудования не сопровождалось его заменой новым.

Причины кризиса инвестиций носили комплексный характер. Основная была связана с тем, что государство из этой сферы фактически ушло, а новые субъекты инвестирования были либо экономически слабы, либо до конца не сформировались, либо не имели достаточных стимулов для вложений в реальный сектор. Приватизированным предприятиям не всегда хватало средств даже для обслуживания текущих производственных нужд, многие оставались нерентабельными (40% предприятий в 1996 г. по-прежнему были убыточными). Нехватка денежно-кредитных ресурсов приводила даже к воспроизводству бартерных отношений, введению заменителей, суррогатов денег. Сложные процессы становления переживали инвестиционные фонды, страховые компании и другие институты, обычно аккумулирующие в условиях рынка финансовые ресурсы населения и ориентированные на их приумножение.

Прямо заинтересованы в финансировании промышленности не были и коммерческие банки, которые в 1992–1998 гг. вели себя вполне «по рыночному». В это время государство прибегало к заимствованию у них средств под очень высокие проценты. По уровню доходности и степени риска финансовые рынки выглядели намного предпочтительнее реального сектора. В отдельные периоды вложения в государственные ценные бумаги обеспечивали инвесторам стабильную годовую доходность на уровне 80–100% и более. Это создавало неблагоприятную для капиталовложений конъюнктуру, которая предъявляла предельно высокие требования к эффективности предпринимательских проектов. Чтобы быть сопоставимой с финансовым сектором, норма прибыли на вложенный капитал должна была составлять как минимум 50–80% годовых, чего отечественные предприятия обеспечить практически не могли. Таким образом, сформировалась хозяйственная модель, которую называют спекулятивной экономикой.

Взятые в совокупности, все эти факторы обусловили *депрессивное состояние* реального сектора российской экономики 1992–1998 гг. Главным фактором углубления кризиса было состояние российского бюджета.

Правительство жестко придерживалось курса на сокращение государственных расходов, которые, тем не менее, составляли около 45% ВВП. В то же время, через всю финансовую систему удавалось мобилизовать намного меньше средств, в среднем 32–33% ВВП. Бюджетный

дефицит воспроизводился из года в год, составляя около 7%. Это было связано с сокращением финансовой базы в результате падения объема ВВП, широко распространенной практикой неплатежей в бюджет, плохой собираемостью налогов, сокрытием значительной части доходов от налогообложения. Государство было вынуждено постоянно заимствовать средства для покрытия дефицита в бюджете. Он покрывался на 25–40% облигациями федеральных займов (ОФЗ); до 25% — кредитами международных финансовых организаций; на 10 — кредитами зарубежных коммерческих банков и фирм; более чем на 5% — кредитами иностранных правительств; государственными краткосрочными обязательствами (ГКО) — на 25%.

В 1990-е годы государственный долг превратился в одну из центральных экономических проблем России. Стремительно увеличивался внутренний государственный долг: к середине 1998 г. он превысил 25% ВВП. Соответственно возрастали бюджетные расходы по его обслуживанию, достигшие почти 4% ВВП. Не менее опасным было нарастание внешнего государственного долга, к началу 1998 г. превысившего 20% ВВП. К унаследованным Россией от СССР долгам в 105 млрд долларов прибавились более 50 млрд новых, превысив в 1998 г. 156 млрд долларов (сумма внешнего долга). По этому показателю Россия переместилась с 12-го на 1 место в мире. В течение нескольких лет она вела переговоры о реструктуризации долгов. В результате получила не списание, а лишь отсрочку возврата основной суммы с уплатой процентов. С 2000 г. наша страна должна была ежегодно выплачивать по внешнему долгу свыше 10 млрд долларов.

Реформирующие свою экономику государства часто пользуются техническими кредитами, которые берутся на длительный срок для реализации конкретных промышленных и прочих проектов. Российская Федерация страна прибегала к потребительским кредитам, идущим преимущественно на удовлетворение текущих потребностей в экономике и социальной сфере. При этом материализация кредитов осуществлялась за счет приобретаемых за рубежом потребительских товаров. В этом случае фактически происходило кредитование производства страны-кредитора.

Однако основной проблемой государственного долга России была не величина, хотя и огромная, а срочность (большая доля «коротких», до одного года, долгов) и «дороговизна», высокая стоимость его обслуживания. В результате все большая доля новых заимствований тратилась на выплаты процентов по старым долгам, а доля средств, шедших на финансирование собственно бюджетного дефицита, т.е. на внутренние нужды, сокращалась. Если в 1996 г расходы по обслуживанию государственного долга составили 12,8% от общего объема расходов федерального бюджета, то в 1998 аналогичные выплаты должны были соста-

вить почти 33! Это была критическая точка, после которой хронический кризис российской финансовой системы перешел в острейший. 17 августа правительство пошло на ряд чрезвычайных мер, в числе которых была девальвация рубля: его стоимость по отношению к доллару снизилась втрое; а уровень инфляции «прыгнул» с 11% в 1997 г. до 84,4 — к концу 1998.

Важнейшими социально-экономическими последствиями кризиса 17 августа стали: масштабное свертывание деятельности в наиболее продвинутых рыночно секторах экономики, заметное увеличение безработицы, подрыв позиций среднего класса, быстрый рост потребительских цен, существенное сокращение реальных доходов, снижение уровня жизни населения и доверия к банкам, российской национальной валюте. Кризис не только продемонстрировал неэффективность проводившегося с 1992 г. курса реформирования, но и нанес мощный удар по профессиональному, политическому авторитету тех, кто за ним стоял.

Приватизация в России. Приватизация государственной собственности в России — одно из наиболее сложных и дискуссионных направлений экономической политики 1992–1998. Логика инициаторов избранного в этой сфере курса изложена в книге «Приватизация пороссийски», вышедшей в 1999 г. под редакцией А. Б. Чубайса. К работе следует относиться как к документу, в котором обозначены основные проблемы и наиболее спорные моменты.

В результате сложных политических, экономических и идеологических процессов перестроечного времени в 1990 г. в СССР была легализована частная собственность. Осознание необходимости демонополизации, создания конкурентной среды как обязательного условия вывода страны из кризиса и экономического роста привело к тому, что в наиболее известных программах перехода к рынку (план Л. И. Абалкина, программа «500 дней» Г. А. Явлинского) приватизация уже фигурировала в качестве одного из главных элементов структурной реформы экономики. С конца этого года в Комитете по экономической реформе ВС РСФСР началась проработка возможных вариантов приватизации. Весной 1991 г. в России создан Государственный комитет по управлению имуществом (ГКИ), который до ноября возглавлял М. Д. Малей, также занимавшийся этой проблематикой. 3 июля 1991 г. ВС РСФСР принял закон о приватизации. Однако политические перипетии в СССР в июле–октябре заблокировали возможность проведения какой-либо целенаправленной экономической политики, в том числе и в сфере приватизации.

Провозглашение курса на самостоятельное проведение рыночных преобразований V съездом народных депутатов России (октябрь 1991) в качественно новой политической и экономической ситуации, создание «правительства реформ» под фактическим премьерством Е. Т. Гайдара сопровождалось существенной корректировкой представлений о

приоритетах и форме осуществления необходимых мероприятий. Заниматься приватизацией в правительстве было поручено А. Б. Чубайсу, который в ноябре возглавил ГКИ. Вместе с ним туда пришли М. Бойко, Д. Васильев, А. Евстафьев, А. Казаков, А. Кох, П. Мостовой и некоторые другие, чьи имена также получили известность в 1990-е годы.

Новая «команда» активно занялась подготовкой изменения отношений собственности в контексте намеченных на 1992 г. радикальных экономических перемен. Причем реформаторы исходили из своего видения сложившейся к концу 1991 г. обстановки. Во-первых, по их мнению, процесс «стихийной приватизации» уже шел полным ходом, происходило неконтролируемое растаскивание государственного имущества. Во-вторых, государство было разрушено и неспособно влиять на то, что происходило в этой сфере. В-третьих, тяжелейшее состояние российской экономики требовало срочного принятия нестандартных мер, которые не встретят широкой социальной и политической поддержки. Все это было отягощено отсутствием проработанной нормативно-правовой базы приватизации, необходимых организационных структур и подготовленных кадров.

В таких условиях прогнозировать экономическую эффективность приватизации представлялось затруднительным, главной считалась задача «запустить процесс». Поэтому перевод государственной собственности в частные руки должен производиться не «штучно», а приобрести массовый характер: предстояло «разгосударствить» более 240 тыс. хозяйственных объектов. Нехватка средств, инфляционное сгорание сбережений делали невозможным полноценный «выкуп» общественного имущества, что обусловило его распродажу по символическим, явно заниженным ценам. Требовалась срочная разработка правовой основы приватизации, осуществить которую предстояло «правительству реформаторов» при согласовании с Верховным Советом, и что особенно важно, активно используя ресурс огромных правовых полномочий президента.

Уход государства из сферы управления экономикой аксиоматически считался условием ее подъема в будущем. Однако появление «эффективного собственника», «стратегического инвестора» мыслилось как результат вначале денационализации, а затем уже рыночного перераспределения бывшей «общенародной» собственности. От скорости и интенсивности этого процесса зависело приближение времени экономического роста. Поэтому, как считают некоторые исследователи, курс на «перманентную приватизацию» рассматривался и как часть рыночной перedelки экономики страны, и как способ изменения менталитета ее населения.

Новая идеология приватизации нашла отражение в двух документах конца декабря 1991 г., определивших ее задачи на ближайший период. Это были Указ Президента «Об ускорении приватизации государственных и муниципальных предприятий» и «Основные положения

программы приватизации государственных и муниципальных предприятий на 1992 год», одобренные Президиумом ВС. Отвечать за реализацию программы должен был ГКИ. Он издавал собственные распоряжения и готовил относящиеся к приватизации постановления правительства. Для минимизации возможных злоупотреблений было решено разделить функции подготовки объектов к приватизации и их продажи. Реализацией первой должен был заниматься сам ГКИ, а для продажи создан Российский фонд федерального имущества. Аналогичные структуры создавались во всех регионах.

В первой половине 1992 г. набирала темпы «малая приватизация», однако в центре внимания политиков находилось обсуждение поправок к ранее принятому закону о приватизации. Они должны были определить рамочные условия «большой приватизации» — массовой продажи средних и крупных предприятий самых различных отраслей промышленности. 11 июня 1992 г. такой закон Верховным Советом был принят.

14 августа опубликован Указ Президента, предопределивший начало и содержание первого, «ваучерного» этапа приватизации, продлившегося 22 месяца, до 1 июля 1994 г. Ваучерная, или чековая модель приватизации предусматривала преобразование крупных и средних государственных предприятий в акционерные общества с их последующей передачей непосредственно гражданам, среди которых работники трудового коллектива приватизируемого предприятия получали льготы. Для участия населения в приобретении акций вводились приватизационные чеки — ваучеры, которые символизировали равенство стартовых условий всех участников приватизации.

Балансовая стоимость производственных фондов России к концу 1991 г. оценивалась в сумму 1260,5 млрд рублей. Она была разделена на численность населения страны — 148,7 млн человек, что дало сумму в 8476 рублей, которая для удобства округлена до 10 тыс. и была определена как доля собственности каждого гражданина России во «всенародном» имуществе. В сентябре 1992 г. в отделениях Сбербанка началась выдача ваучеров населению, в основном завершённая к весне 1993. Всего граждане России получили 146 064 млн ваучеров. В связи с ростом инфляции их стоимость катастрофически падала: если в конце 1991 г. 10 тыс. рублей составляли примерно половину стоимости автомобиля (типа «Жигулей»), то в конце 1993 г. это была цена 3–4 бутылки водки.

Полученные ваучеры населению предстояло обменять на акции предприятий, что означало бы юридическое вхождение в права собственника. Однако поскольку далеко не все были готовы вникнуть в тонкости приватизационного процесса, то в стране началось создание чековых инвестиционных фондов (ЧИФ). К весне 1994 г. их было уже около 650, многие получили широкую рекламу. Задача фондов состояла в аккумуляции значительных пакетов ваучеров населения с целью

их дальнейшего вложения в акции наиболее рентабельных предприятий и, следовательно, получения максимального дохода. Однако отсутствие контроля со стороны государства, неквалифицированное, а то и просто полууголовное руководство фондами привели к тому, что большая их часть «умерла», обесценив десятки миллионов ваучеров и сформировав у рядовых граждан негативное представление о приватизации.

В целом же судьба ваучеров была такова. 25% чеков ушли в ЧИФы, 25 — проданы: с ними расстались преимущественно люди, относившиеся к приватизации скептически. Эти чеки перешли в руки физических, а также юридических лиц, которые реально участвовали в чековых аукционах и вкладывали ваучеры более или менее эффективно. Примерно 50% оставшихся чеков вложены членами трудовых коллективов и их родственниками в акции собственных предприятий (либо по закрытой подписке, либо на чековых аукционах).

Решения о закреплении акций в федеральной собственности или их продаже (полной или частичной) принимали правительство и ГКИ, они же определяли сроки сделок. В приватизации участвовали все граждане России, но работники приватизируемых предприятий получали преимущества. Всего было три группы льгот.

В первом варианте именные привилегированные «неголосующие акции» (25% уставного капитала предприятия) передавались членам трудового коллектива. Еще 10%, но уже обыкновенных акций, работники могли купить на льготных основаниях. 5% акций имела право приобрести администрация предприятия.

Во втором все члены трудового коллектива могли приобрести обыкновенные, голосующие, акции, составляющие до 51% капитала. В этом случае не было безвозмездной передачи и льготной продажи акций. Однако работникам предприятия предоставлялось право участвовать в закрытой подписке на его акции.

В третьем варианте группа работников предприятия (чаще включавшая высших управленцев) при выполнении определенных обязательств перед коллективом, а также государственными органами, получала право на приобретение 20% обыкновенных акций. Кроме этого, все работавшие на предприятии (и администрация, и другие сотрудники) могли на льготных основаниях приобрести еще 20% обыкновенных акций.

Выбор льгот приватизации по второму и третьему вариантам осуществлялся на основании решения трудового коллектива, если за него высказалось не менее 2/3 общего числа работников. При отсутствии согласованного решения льготы предоставлялись по первому варианту. Помимо перечисленных, одним из способов российской приватизации была аренда с правом выкупа.

По оценкам ГКИ, к весне 1994 г. доля в капитале внутренних акционеров составила 60–65%, внешних — 18–22, государства — до 17. Это

свидетельствовало о том, что сформировалась достаточно размытая структура собственности, не предоставлявшая явных преимуществ контроля ни одной группе акционеров. К 1 июля 1994 г. было разгосударствлено 70% промышленных предприятий, а доля государственной собственности в общем объеме стоимости имущества сократилась до 35.

В обобщающей работе «Экономика переходного периода», изданной в 1998 г. под редакцией Е. Т. Гайдара, чековая модель приватизации оценивается так: «Достаточно наивно оценивать итоги реализации этой модели по тем формальным целям, которые были записаны в программах приватизации. Реальная цель была лишь одна: временное массовое распределение и закрепление формальных прав частной собственности... при минимуме социальных конфликтов в расчете на следующие транзакции в пользу эффективных собственников».

9 декабря 1994 г. Государственная дума приняла постановление, в котором признала итоги первого этапа приватизации неудовлетворительными. Ее негативное восприятие обусловлено расхождением между публично декларированными принципами, целями, задачами и теми непосредственными результатами приватизации, с которыми столкнулось большинство граждан. Позднее сами «приватизаторы» отличия от «эталонной» модели связывали с сопротивлением проводимому курсу, в реализации которого многочисленные нарушения закона стали неизбежной платой за то, чтобы радикальное перераспределение собственности состоялось в принципе. Противоречия первого этапа описаны в документе, подготовленном для главы правительства В. П. Полевановым, который короткое время после А. Б. Чубайса (конец 1994–начало 1995) в ранге вице-премьера возглавлял ГКИ и попытался проанализировать доставшееся ему наследство.

В документе отмечалось, что программа приватизации намечала семь главных целей. Первая — формирование слоя частных собственников, способствующих созданию социально ориентированной рыночной экономики. Автор констатировал, что формально 40 млн человек стали акционерами, на деле же распоряжается и владеет собственностью незначительная часть населения. Вторая цель программы — повышение эффективности деятельности предприятий путем их приватизации — также оказалась невыполненной. Не реализована и третья цель — социальная защита населения и развитие объектов социальной инфраструктуры за счет средств от приватизации. Четвертая цель — содействие процессу стабилизации финансового положения страны — также оказалась лишь продекларированной. Движение к пятой цели — создание конкурентной среды и содействие демонополизации — вызвало большие нарекания, так как стремление к демонополизации любой ценой способствовало разрыву технологических цепочек и способствовало спаду промышленного производства. Оказалась иллюзорной и надеж-

да на реализацию шестой цели — привлечение иностранных инвестиций: они, во-первых, даже сократились, а, во-вторых, направлялись преимущественно в добывающие отрасли. Седьмая цель предусматривала создание условий и организационных структур для расширения масштаба приватизации. Для ее реализации по всей стране была создана система органов ГКИ, Российского фонда федерального имущества, Федерального агентства по банкротству, сеть ЧИФов.

Таким образом, из семи целей приватизации полностью реализована лишь седьмая и формально — первая, практически же провалены пять. Отрицательным следствием избранной модели разгосударствления стал колоссальный рост преступности, связанной с приватизацией. Вице-премьер также полагал, что преобразования способствовали подрыву национальной безопасности, что проявилось в трех сферах. В экономической произошло крупнейшее в России разбазаривание государственной собственности, что явилось одним из источников кризиса и будущих конфликтов, направленных на ее передел. В социально-политической — недовольство граждан властью, устойчивое убеждение большинства населения, что его не столько наделили собственностью, сколько ее экспроприировали, лишив и без того скудных социальных гарантий. В оборонной — скрытая интервенция иностранного капитала в отрасли ВПК с целью его ослабления.

Полеванов предлагал: воздержаться от форсированного проведения второго этапа приватизации, выявить и устранить очевидные просчеты, усилить внимание к управлению государственным имуществом и государственными пакетами акций, отстранить от управления приватизацией людей, которые несут ответственность за ошибки первого этапа. Его доклад получил определенное распространение и понимание в политической и научной среде, однако в правящей элите был встречен без энтузиазма. Вскоре автора отправили в отставку, а на его место был назначен С. Г. Беляев — человек из «команды Чубайса», и курс на приватизацию с многочисленными «компромиссами» и «учетом российской специфики» был продолжен.

22 июля 1994 г был издан Указ Президента, утвердивший «Основные положения государственной программы приватизации государственных и муниципальных предприятий после 1 июля 1994 года». Он положил начало второму, «денежному» этапу приватизации, который продолжается и поныне. С того времени предприятия или пакеты их акций стали передаваться исключительно за деньги. Приватизация имущества осуществлялась через денежные, специализированные аукционы, коммерческие и инвестиционные конкурсы, по закрытой подписке. Интенсивно развивался фондовый рынок, складывались система институциональных инвесторов и оформление социального слоя, обладающего правами собственника.

Однако, несмотря на заявления руководителей ГКИ о начале после июня 1994 г. «инвестиционной эры» в российской приватизации, ситуация оказалась намного сложнее. В 1994–1997 гг. правительство использовало приватизацию преимущественно как средство получения бюджетных доходов. Это было во многом обусловлено конъюнктурными политическими мотивами: в 1995 проходили парламентские, а в 1996 — президентские выборы, и выполнение обязательств перед «бюджетниками» становилось одним из важных условий сохранения сложившегося политического режима. Помимо продажи, получили распространение различные «нестандартные» методы приватизации: «залоговые аукционы», передача федеральных акций регионам в качестве покрытия федерального долга, конвертация долгов в ценные бумаги и др. Особенно широкий общественный резонанс получили «залоговые аукционы».

Во второй половине 1995 г. правительство заимствовало у ряда банков деньги, отдав им в залоговое управление по конкурсу на год большие пакеты акций крупнейших объектов государственной собственности (21 предприятие). Это принесло в бюджет 5,1 трлн рублей, однако всем было ясно, что средства в казне для выкупа акций во второй половине 1996 г. едва ли найдутся. Как отмечают экономисты гайдаровского круга, фактически это была неконкурентная продажа пакета акций заинтересованным банкам (среди победителей доминировали два крупнейших — ОНЭКСИМ и МЕНАТЕП). Легитимность этих сделок уже тогда многими ставилась под сомнение, но в судебных разбирательствах 1996–1997 гг. их правомерность удалось отстоять. Однако это признание, по мнению специалистов, свидетельствовало не о «чистоте» проделанных операций, а прежде всего о неполноте и несовершенстве нормативной базы приватизации. Не меньше вопросов вызывала и «экономическая эффективность» осуществленных продаж: после президентских выборов 1996 г. цены на их акции выросли в 5–10 раз. Фактически было создано несколько промышленно-финансовых империй.

Некоторые авторы выделяют с 1997 г. и третий этап приватизации (после «чекового» и «денежного»), считая его специфической чертой отказ от фискальной направленности, переход от массовой приватизации к индивидуальным проектам с акцентом на эффективное использование приватизированного имущества. Начало этапа связывают с новым Федеральным законом «О приватизации государственного имущества и об основах приватизации муниципального имущества в Российской Федерации», подписанном Президентом 21 июля 1997 г. Однако не все экономисты считают возможным выделять третий этап приватизации, поскольку изменения в экономической политике середины 1997 г. не носили качественного характера. Действительно, отныне правительством и органами ГКИ ежегодно составлялись списки выставляемых на продажу предприятий, что делало приватизацию «штуч-

ной». Теперь цена «имущественного комплекса» определялась не только его уставным капиталом и балансовой оценкой, но и рыночной стоимостью. Все это позволяло продать объект гораздо дороже.

«Модельной» была сделка по приватизации Связьинвеста — компании монополиста в сфере коммуникаций. В июле 1997 г. 25% ее акций проданы за 1875 млн долларов — сумма почти вдвое превышала полученную правительством во всех «залоговых аукционах» второй половины 1995 г. Руководители ГКИ заговорили о начале «приватизации нового типа», когда собственность передается в результате действительной конкуренции между претендентами тому из них, кто предложит большую цену. Цель же приватизации, по сути, не изменилась: увеличение финансовых поступлений для покрытия текущих нужд бюджета. И действительно, 1997-й был первым годом в истории «денежной приватизации», который увенчался успехом с точки зрения выполнения бюджетного задания без схем типа «залоговых аукционов».

В результате проведенных в России преобразований к концу 1990-х годов произошли радикальные изменения в структуре собственности. В 1998 г. к государственной (федеральной, муниципальной) собственности относились 12,5% предприятий, к частной — 73,1; в собственности общественных организаций находилось 5,7; к смешанной принадлежали 8,7% хозяйственных объектов. В 1998 г. негосударственный сектор произвел свыше $\frac{2}{3}$ ВВП, доля государства в акционерном капитале большинства предприятий перестала играть ключевую роль. Российскую экономику отличает более высокая, чем в развитых макросистемах, концентрация собственности. Там крупным считается пакет в 5–10% акций, в нашей же стране внешний акционер, являющийся крупнейшим владельцем акций, обладает в среднем пакетом в 26–35%. Причем размер минимального пакета акций для крупного акционера не является обратно пропорциональным размеру хозяйственного объекта; наоборот, на сверхкрупных предприятиях концентрация собственности выше.

Приватизация в России к концу 1990-х не привела к возникновению рациональной системы корпоративного управления, не сделала поведение предприятий рыночным. Это было связано с тем, что при ее проведении государство одновременно не стимулировало производственные и инновационные процессы на предприятиях, явно отставало с разработкой комплексной, действительно эффективной экономической политики, направленной не просто на раздел собственности, а сконцентрированной на создании по-настоящему конкурентной среды.

Подводя итоги политики приватизации 1992–1998 гг., следует отметить, что она рассматривалась как важнейшая часть процесса системной трансформации, предполагавшей утверждение рынка, либеральной демократии и открытости внешнему миру. При этом инициаторы курса

исходили из неподготовленности большинства населения к решительному движению в этом направлении. Они, тем не менее, считали допустимым осуществить намеченные реформы «сверху», используя имеющийся властный ресурс. А это возможно только при поддержке того политического режима, который готов реализовать именно этот вариант преобразований. Поэтому на первых этапах экономическая политика была во многом подчинена задаче сохранения и упрочения сложившейся к началу 1992 г. системы властных отношений.

Для того чтобы придать процессу изменения отношений собственности необратимый характер, его осуществляли директивно (спускали из «центра» жесткие планы и добивались их выполнения), в сжатые сроки, принимая как неизбежное зло многочисленные отступления от несовершенного законодательства. В результате были минимизированы масштабы государственной собственности, произошло ее перераспределение, концентрация в руках ограниченного круга новых владельцев. Далеко не все смогли ощутить позитивные итоги ухода государства из сферы регулирования экономики, негативно оценивался уровень социальной защищенности населения. Для всех было очевидно, что пока не удалось создать экономический и правовой механизмы эффективного использования новых отношений собственности в целях роста отечественного производства и повышения благосостояния больших групп российского общества. Сторонники избранного курса объясняют это незавершенностью качественного изменения отношений собственности, полагая, что переход имущества от формального владения к эффективному использованию займет определенный исторический период.

Криминализация экономической жизни. Рыночные преобразования в России привели к росту преступности, породили качественные перемены в структуре экономики и общества. Происходящее в России в 1990-е годы С. С. Говорухин назвал «великой криминальной революцией». По выражению Г. А. Явлинского, страна стала «криминальной олигархией с монополистическим государством». В. С. Черномырдин говорил о «тотальной криминализации российского общества».

В публицистике и научной литературе часто пишут о «коррупцированности власти», отражающей сращивание власти и криминала. Многие признают усиление влияния преступности на развитие экономики и общества, беспрецедентность масштабов взаимодействия госчиновников и криминальных группировок. Это, в частности, нашло отражение в появлении нового смысла в слове «крыша». Под этим ныне понимают неформальные (чаще всего преступные), объединения, захватившие и успешно выполняющие функции, которые в силу своей слабости не в состоянии выполнять государство. Речь идет, прежде всего, о сборе налогов, обеспечении безопасности граждан и предприятий, о выполнении принятых законов.

«Крыша» может выступать как параллельная власть, сосуществующая с легальной, например, с владельцами контрольных пакетов акций предприятий. Однако методы действия «крыш» преимущественно криминальны: шантаж, запугивания, убийства тех собственников и управленцев, которые нарушают определенные «условия» и «обязательства». «Крыша» может возбуждать судебные дела с участием подставных лиц для сокрытия истинных заказчиков убийств, оказывать давление (в разных формах) на работников правоохранительных органов с целью недопущения раскрытия преступлений. И, как пишут, чем крупнее бизнес, тем более мощной должна быть охраняющая его «крыша». С легкой руки бывшего министра финансов России А. Лившица в обиход политиков и бизнесменов вошла фраза «Надо делиться». Не меньшее распространение получил связанный с «дележом» неформальный термин «наезжать».

Следствием стремительного перехода к рынку стала криминализация социальной структуры российского общества, что связано со значительным ростом численности «групп риска», которые появились в начале 1990-х. Это — обнищавшие слои населения; определенная часть безработных и не полностью занятых; «социальное дно» — нищие, бомжи, бывшие заключенные, беспризорные и т.п.; некоторые группы беженцев из «горячих точек» на территории бывшего СССР; неустроенные лица, демобилизованные из армии и находящиеся в состоянии «поствоенного шока». Все эти группы способны репродуцировать криминогенное поведение и асоциальную мораль, выходящие за пределы собственно перечисленных слоев.

1991–1992 гг. ознаменованы всплеском преступности, рост которой продолжался и в последующем. Так, в 1992 г. увеличение числа правонарушений составило более 70% в сравнении с предыдущим годом. Росли «традиционные» виды преступности: кражи имущества, хищения государственной собственности, хулиганство, бандитизм, убийства на бытовой почве, изнасилования и др. Появились и такие, почти не известные ранее в стране, преступления, как политический терроризм, захват заложников с целью выкупа, заказные убийства, связанные прежде всего с предпринимательской деятельностью. К 1995 г. в стране совершалось более тысячи заказных убийств в год. Резко росли обороты наркоторговли, которые, по оценкам МВД, в 1992 г. достигли 2 млрд долларов в год и увеличивались ежегодно на 1 млрд. Широкий размах приобрела торговля оружием.

Если в 1991 г. в России действовало не менее 3 тыс. организованных преступных групп, то на конец 1994 г. сообщалось о 5,5; а на конец 1995 — уже о 6,5 тыс. таких «объединений». Около 50 из них имели «отделения» по всей стране. В распоряжении этих организаций «под ружьем» находились группы хорошо подготовленных боевиков. Около тысячи группировок организованы по этническому принципу: азербайджанская,

грузинская, чеченская, таджикская, армянская, осетинская и др. О точной численности «бойцов» преступного мира судить трудно; в печати встречались упоминания о десятках и даже сотнях тысяч. В российских тюрьмах и лагерях в 1990-е годы постоянно находилось около миллиона людей, приговоренных к разным срокам за различные преступления; мест для вновь осужденных не хватало.

В прессе часто публиковались материалы, авторы которых были тревогу по поводу масштабов криминальной деятельности в различных отраслях экономики (например, в автомобилестроении, алюминиевой промышленности), а также в регионах России. Так, в Красноярском крае, по свидетельству газеты «Известия», в 1994 г. действовали полторы сотни бандитских группировок, объединенных в пять сообществ, по 2–2,5 тыс. человек в каждом. Они контролируют все банки, рынки, 90% коммерческих и 40 – государственных структур. Город разделен на 8 секторов. Но это не просто шайки рэкетилов. Ныне хорошо организованные группы вторглись в область экономики. Красноярский союз товаропроизводителей должен был объявить край «зоной, неблагоприятной для развития экономики». Из-за тотальной криминализации, вездесущего рэкета свертывается производство, сокращаются рабочие места. Сопrotивление подавляется жестоко. За декаду убрали пять гендиректоров и президентов компаний... Некогда подпольные «малины» снимают оборудованные компьютерами офисы, набирают штаты клерков и отнюдь не шарахаются от человека в милицейской форме. Реальной силой обладают сегодня именно лидеры откровенно бандитских и полукриминальных групп, что свидетельствует как о силе криминального сообщества, так и о немощи официальных властей».

Рост преступности и криминальных группировок привел к появлению таких новых профессий, как частные телохранитель и детектив, которые обычно объединялись в рамках частных охранных структур и агентств, число которых также росло. К защите частного предпринимательства и бизнесменов привлекались и высококвалифицированные кадры, ранее работавшие в правоохранительной системе, но оказавшиеся невостребованными государством в новых условиях. Масштабы деятельности «криминалитета» диктовали необходимость адекватных ответных мер, значительного увеличения частных ассигнований на эту сферу (создание служб безопасности, приобретение спецтехники и т.п.), что приводило к «ползучей» милитаризации общества в целом. При этом до 10% частных охранных фирм действовали без лицензий, порой понятие «защита» трактовалось достаточно широко.

С криминализацией экономической жизни связана и ее *теневизация*, хотя второй процесс шире первого. Теневая, «неофициальная» экономика включает некриминальные виды предпринимательской деятельности, находящиеся вне системы государственного учета и регу-

лирования и, как правило, вне сферы выполнения официальных налоговых обязательств. С криминальной ее роднит избирательное отношение к существующему законодательству, вовлеченность в «неформальные» контакты с представителями госаппарата, а также занятие некоторыми видами бизнеса (например, в 1992–1995 государство контролировало лишь $\frac{1}{3}$ производства алкогольной продукции, приносявшего очень высокую прибыль).

От криминальной экономической деятельности теневую отличает то, что это — преимущественно социально-необходимая и полезная активность, легализации которой в современной России препятствуют некоторые политические, экономические, правовые и другие факторы. Причина масштабной «теневилизации» хозяйственной жизни в том, что на смену административному регулированию экономики, существовавшему 75 лет, пришло если не полное отсутствие государственного управления, то его явная недостаточность. Как отмечал известный экономист Е. Ф. Сабуров, «государственное управление экономикой исчезло, а какое-либо иное не возникло». Начало перехода к рынку не сопровождалось созданием адекватных ему новых институтов, форм государственного регулирования. Между тем и отечественные, и зарубежные исследователи признают исключительную роль государства в обеспечении условий функционирования именно «свободной», рыночной экономики.

В книге по истории развития капиталистического хозяйства в Европе (Как Запад стал богатым? Новосибирск, 1995) отмечается, что «правительства предоставляли правовые механизмы, обеспечивавшие возврат кредитов и выполнение соглашений; они решительно определяли и защищали права собственности, без которых невозможны инвестиции и торговля; они создавали правовые нормы, отвечавшие потребностям предприятий; они субсидировали сооружение каналов, железных и шоссейных дорог; разумно или ошибочно, но они защищали с помощью тарифов и квот национальную промышленность от иностранной конкуренции. Некоторые достижения правительств, такие, как бесплатное обязательное образование и транспортные системы, просто изумительны».

По мнению многих российских экономистов, эти универсальные для всех демократических обществ и рыночных экономик задачи российское государство в 1990-е годы решало недостаточно эффективно, указывая, прежде всего, на состояние налоговой, денежно-кредитной и банковской систем, налоговой службы страны. Некоторые авторы оценивают ситуацию еще жестче. Социолог Р. В. Рывкина полагает, что «государство оказалось фактором не институционального порядка, а дезорганизации работы всех функциональных институтов российской экономики на этапе ее перехода к рынку».

Теневизация экономических отношений обусловлена и той политической нестабильностью, которая сопровождала реформы с самого начала. Многочисленные политические кампании — преодоление последствий «путча», противостояние Президента и Верховного Совета, борьба за новую Конституцию, выборные кампании — все это отвлекало от решения сложных экономических проблем, отодвигало их на второй план. При этом часто доминировала не борьба против свергнутых классов, а противостояние политических группировок. Эксперты выделили четыре группы политических факторов, воспроизводивших в 1990-е угрозу распада государства и дестабилизировавших экономическую жизнь. Они определялись характером взаимодействия: 1) законодательной и исполнительной власти; 2) центральных и местных органов власти; 3) взаимоотношений России с бывшими союзными республиками; 4) взаимоотношений между регионами России.

Политическая нестабильность провоцировала то, что стали называть «правовым беспределом», когда многие законы не действовали, а граждане (как руководящие работники, так и исполнители) часто считали необязательным связывать себя правовыми рамками. Отсутствие необходимых и несовершенство имевшихся актов также ограничивали возможности полнокровной и эффективной работы судебной системы и института прокурорского надзора. Все это делало проблематичным здоровое развитие экономики и обрекало ее на уход в «тень». Много внимания в литературе обращают на проблемы охраны безопасности граждан в 1990-е годы, что связано с изменениями, происходившими в это время с милицейскими службами.

Особую роль в теневизации экономики отводят действовавшей в России в 1990-е годы налоговой системе. Можно встретить ее определение как «несовершенной», «порочной», «полностью неадекватной реальным условиям в стране», «основным препятствием для развития предприятий, привлечения как национальных, так и иностранных инвестиций». Указывают, во-первых, на высокий уровень налоговых ставок, делающий затруднительным рентабельное ведение бизнеса; во-вторых, на скрытую налоговую дискриминацию ряда секторов экономики (особенно предприятий-производителей); в-третьих, на неясность и противоречивость налоговых норм, что допускало их различные трактовки и применение. В этой связи не выглядят удивительными результаты исследования (опроса руководителей различных форм собственности), проведенного в 1996 г. Рабочим центром экономических реформ при правительстве России. Выяснилось, что только 1,5% предпринимателей оформляют в установленном порядке сделки и уплачивают все налоги. Треть (33,1) считали, что 25% сделок остаются в тени; 29% опрошенных предпринимателей полагали, что в «тени» совершается около 50% сделок. Остальные (около 36,4) были уверены, что теневыми являются 70–90% деловых операций.

Точных данных о масштабах теневилизации экономики, естественно, нет. Но в литературе встречаются оценки, согласно которым в теневом секторе России производится от 25 до 40% товаров и услуг. В 1994–1995 гг. с теневой экономикой в качестве рабочей силы соприкасались не менее 60 млн человек, которые — самое меньшее — уклонялись от уплаты налогов.

Одной из важных составляющих теневой экономики стала *коррупция*, понимаемая как поборы, которые вынуждены испытывать граждане в своей трудовой и другой деятельности. Некоторые политики полагают, что ее причиной является дефицит правовой базы, для ее искоренения достаточно принять закон или разработать и реализовать какую-либо антикоррупционную программу. Другие считают, что коррупция в России носит системный характер и представляет собой следствие роста масштабов теневых процессов, без минимизации которых излечить страну от этой «болезни» едва ли возможно.

Теневилизация экономики повлекла за собой *теневилизацию всей системы общественных отношений*, в которые оказались втянутыми сферы как материального производства, так и обслуживания (в широком смысле) населения. Распространение теневых процессов на политику, органы правопорядка, СМИ, медицину, образование, науку способствуют формированию и воспроизводству «теневых» стереотипов поведения, которое сами становятся важным фактором социального развития.

О характере российской экономики середины 1990-х годов можно судить по тому, какие виды деятельности отечественные бизнесмены считали наиболее прибыльными. Проведенный среди них опрос дал следующую картину. На первое место была поставлена торговля, в особенности сырьем, валютой, электроникой и алкоголем. На втором по доходам оказался банковский бизнес. На третьем месте находилась государственная служба. (Имелись в виду доходы некоторых чиновников, получаемые ими за «содействие» предпринимателям. В начале 1990-х широкий общественный резонанс вызвало предложение известного политика легализовать взятки, уподобив их чаевым, которые получает официант ресторана за хорошее обслуживание.) На четвертом месте по доходности стояло брокерство. На пятом — воровство, под которым понималась реализация недостаточно контролируемых и охраняемых ресурсов. Шестое место в списке занимали операции с недвижимостью. На седьмое поставлены консалтинговые услуги. И наконец, на восьмом оказалось производство товаров широкого потребления — отрасль, которая составляет основу динамичного развития естественно развивающейся экономики.

Изменения в социальной структуре. Экономические преобразования 1990-х годов оказали большое влияние на социальную структуру общества. Масштабы, глубина и особенности ее трансформации определяются, во-первых, изменениями отношений собственности, преж-

де всего появлением частной и развитием предпринимательства; во-вторых, глубокими переменами в системе занятости (плановое использование рабочей силы уступило место стихийному рынку трудовых ресурсов); в-третьих, снижением уровня жизни подавляющей части населения; в-четвертых, социальной аномией (разрушением одной системы ценностей и несформированностью другой) и социальной депривацией (ограничением или лишением доступа к материальным и духовным ресурсам).

Основу современной социальной структуры по-прежнему составляют рабочий класс, крестьянство и интеллигенция. Но по сравнению с советским прошлым их количественные показатели и социальные роли изменились. Появились и новые социоструктурные слои. Ведущие тенденции социальных изменений состоят в углублении неравенства (экономического, политического, социального) и маргинализации значительной части населения. Неравенство между регионами достигает соотношения 1:10. Увеличивается разрыв в оплате труда в различных отраслях хозяйства. Особенности процессов социального расслоения определяются их быстротой и биполярностью: верхние слои (до 8% населения) все более обособляются от тех, кто тяготеет к полюсу бедности. Это приводит к гипертрофированным формам социального неравенства, создавая внутри одной страны две России, все более отдаляющиеся друг от друга. Наблюдается процесс «размывания» границ прежних классов групп и слоев, что связано с исчезновением зависимости между качественным содержанием труда и его оплатой: большее значение имеет не *кто и как*, а главное — *где* работает.

Переплетение в современной России прежней советской и новой постсоветской социальных структур не позволяет рассматривать нынешнее общество как единую социальную систему. Фактически оно распадается на отдельные сегменты или уклады: авторитарный, олигархический, либеральный, криминальный, в которых, в свою очередь, существуют собственная иерархия, система ценностей, мораль, социальные институты. Эти сегменты находятся в сложных, часто конфликтных отношениях между собой.

Для характеристики российского общества социологи прибегают к многомерным стратификационным моделям с использованием различных критериев. В их числе имущественное положение и доход, образование, позиция во властной структуре, социальный статус и престиж, самоидентификация. По мнению академика Т. И. Заславской, стратификационная модель современного общества в России выглядит следующим образом: элита (правлящая политическая и экономическая) — до 0,5%; верхний слой (крупные и средние предприниматели, директора крупных и средних приватизированных предприятий, другие субэлитные группы) — 6,5; средний (представители мелкого бизнеса, ква-

лифицированные профессионалы, среднее звено управления, офицеры) — 20; базовый (рядовые специалисты, помощники специалистов, рабочие, крестьяне, работники торговли и сервиса) — 61; нижний (малоквалифицированные и неквалифицированные работники, временно безработные) — 7; социальное «дно» — до 5%.

По уровню материального благосостояния выделяют следующие слои: богатые (средств достаточно не только для удовлетворения потребностей, но и для организации самостоятельной экономической деятельности) — 7; состоятельные (средств хватает и для высокого уровня жизни, и для приумножения капитала) — 7; обеспеченные (средств достаточно для обновления предметов длительного пользования, улучшения жилищных условий, собственного переобучения и образования детей, для организации отдыха во время отпуска) — 15,8; малообеспеченные (средств хватает только на повседневные расходы и в случае крайней необходимости — минимум для лечения и укрепления здоровья) — 50; неимущие (наличие минимальных средств лишь для поддержания жизни и отсутствие средств для улучшения своего существования) — 20,2%.

Социальная структура современной России заметно отличается от развитых стран. В нашем случае обращает на себя внимание малочисленность средних слоев, которые во всех обществах рассматриваются как цементирующая сила. При этом за 1990-е годы Россия «потеряла» средний класс интеллектуалов и интеллигенции («новый» средний класс), получив средний класс предпринимателей («старый» средний класс). В то же время многочисленная часть российского населения пребывала в состоянии маргинальности, связанном с вынужденным переходом человека из одной социально-профессиональной группы в другую и существенным изменением статуса. В это число входят несколько групп: 1) квалифицированные рабочие, специалисты, ИТР, часть управленческого корпуса, работавшие в государственном секторе экономики (ВПК, конверсионные производства, закрывающиеся предприятия), имевшие в прошлом высокий статус, а ныне оказавшиеся в среде социально беспомощных; 2) представители мелкого и среднего бизнеса, «новых» профессий, соответствующих рыночным условиям («челноки», охранники, члены криминальных сообществ и т.д.), чье положение оставалось неустойчивым; 3) мигранты (вынужденные переселенцы из зон конфликтов в России и «ближнего зарубежья»). Маргинализация общества сопровождается ростом напряженности, экстремизма, различных форм нетерпимости. Получают распространение разные виды девиантного поведения: пьянство, наркомания, проституция и т.д.

Спад производства, безработица, инфляция, конверсия и подобные причины привели к резкому уменьшению доходов большей части населения. В их числе оказались люди, по прежним меркам достаточно

обеспеченные. Появились «новые бедные», ядро которых составляют научные работники, учителя, врачи, руководители низшего уровня, инженеры. В основном это люди дееспособного возраста. Дальнейшее развитие социальной структуры российского общества будет зависеть от скорости и направленности экономического реформирования и социальной политики государства, способности населения адаптироваться к радикальным переменам.

§ 3. Формирование и развитие новой политической системы. 1992–1999

Углубление конституционного кризиса. Январь–октябрь 1993. Время с конца августа 1991 до декабря 1993 г. было особым периодом политической истории России, который называют «августовской республикой». Его начальная грань связана с обретением Россией фактической независимости после «путча», а последняя — с политико-юридическим оформлением новых отношений в результате референдума по Конституции и выборов в Думу. «Августовская республика» была начальной — революционной — фазой трансформации всех общественных подсистем, причем вектор изменений был направлен от советского социализма к капитализму. 1992–1993 гг. стали началом: в экономике — смены форм и способов перераспределения собственности, уходом государства из сферы прямого управления экономикой; в социальной — демонтажа социальных институтов и гарантий, созданных за годы Советской власти; в идеологической — агрессивной либеральной экспансии, имевшей целью изменение традиционных социокультурных стереотипов народов России. Однако главные события развернулись в политической области. В 1992–1993 гг. решался ключевой вопрос всякой революции — о власти. Внешне он принял форму столкновения двух моделей ее организации: президентской и парламентской республики.

В начале 1993 г. острота конфликта между съездом народных депутатов, с одной стороны, и Президентом РФ — с другой, определялась не только неудовлетворительными итогами развития страны в 1992 г., но и противоречиями конституционного строя России, которые стали особенно очевидными в это время. Государственно-политический строй определялся Конституцией 1978 г., однако, вследствие внесения поправок, в 1990–1992 гг. он претерпел большие изменения (всего к лету 1993 г в Конституцию внесено 320 поправок).

В 1990 г. в РСФСР (вслед за СССР) был введен новый государственный институт — съезд народных депутатов. Это делалось для демократизации политической жизни и сферы управления (ограничения власти КПСС, партийно-государственной номенклатуры). С одной сто-

роны, съезд стал вершиной системы Советской власти. Согласно Конституции, он был «правомочен принять к своему рассмотрению и решить любой вопрос, отнесенный к ведению Российской Федерации». С другой — именно съезд поправкой к ст. 1 внес в Конституцию норму, провозглашавшую принцип разделения властей. В соответствии с этим учрежден действующий на постоянной основе парламент, принято решение о создании Конституционного суда, введена должность Президента, который определялся как «высшее должностное лицо, глава исполнительной власти» России. Все это коренным образом видоизменяло традиционную систему Советов, построенных на соединении нормотворчества, контроля и исполнительно-распорядительных функций.

В процессе самостоятельной деятельности между четырьмя этими институтами (съездом, Верховным Советом, Конституционным судом и Президентом) неизбежно возникал вопрос о разделении полномочий. И если функции последних трех в системе разделения властей были понятны, то съезд постепенно превращался бы в рудиментарный элемент переходного времени. Передавая свои полномочия соответствующим ветвям власти, он явно требовал реорганизации как выполнивший свои учредительные функции. Все это обсуждалось уже с конца 1991 г.

Первоначально противоречие между всевластием съезда и исполнительной властью в лице президента было разрешено через компромисс, заключенный на V съезде народных депутатов РСФСР, когда он добровольно, но на время (на один год) передал часть своих огромных конституционных полномочий Президенту. Это решение уже тогда содержало большой конфликтный потенциал, так как в своих политических и экономических воззрениях Б. Н. Ельцин проявлял готовность опираться лишь на радикально-либеральные силы. Начало экономических преобразований вызвало раскол сложившейся в 1990–1991 гг. протестной коалиции, и к концу 1992 г. Президент мог опираться лишь на последовательных сторонников либеральных реформ и тех, кто получил от них выгоду, а таких было меньшинство. В этих условиях съезд, выражавший интересы более широких слоев населения, объективно становился препятствием на пути избранной модели преобразований, что и обусловило резкие атаки на него со стороны исполнительной власти, которые с конца 1992 г шли по нарастающей.

В конце 1992 — первой половине 1993 г. в центре дискуссии между высшей законодательной властью и Президентом был вопрос о порядке формирования правительства и, следовательно, решающем влиянии на характер и методы проводимого экономического курса. Притязания парламента на решающую роль в определении состава кабинета министров обосновывались неудачами первого этапа реформ, что связывалось с некомпетентностью и неспособностью исполнительной власти учесть весь спектр существующих в обществе интересов. Сторонники

же Президента рассматривали события в более широком историческом контексте. В отличие от подходов 1988 — середины 1991 гг., когда переход от социализма («тоталитаризма») к демократии виделся как относительно безболезненный и ограниченный во времени акт, в конце 1991 — 1993 ситуацию анализировали совершенно иначе. Утвердилось представление о том, что между тоталитаризмом и демократией неизбежен достаточно продолжительный во времени переходный период «диктатуры демократии» («демократуры»), в рамках которого будут утверждаться новые ценности и нормы. С учетом того, что смысл и направленность происходящих изменений в обществе понимали далеко не все, а еще существовало и сопротивление (сознательное или стихийное) применявшимся необычным мерам, представлялось, что «диктатура демократии» должна была осуществляться в форме авторитарного правления. Этот «просвещенный авторитаризм» в условиях России связывался с концентрацией властных ресурсов в руках Президента, который своей последовательной борьбой против «тоталитарных» структур в 1987–1991 гг. доказал преданность демократическим идеалам и продемонстрировал готовность решительно их отстаивать.

В 1993 г. стороны использовали различную аргументацию для обоснования своего права определять содержание и методы реформ. Сторонники высшей законодательной власти Конституционный суд делали акцент на следовании «букве закона», настаивая на соблюдении действовавших законов и Конституции. Сторонники же Президента подчеркивали ее «социалистическое происхождение» и обращали внимание на содержащиеся в ней лакуны и противоречия. В полемике с оппонентами они использовали политико-правовые аргументы, ставя во главу угла «дух закона», трактуя «право как справедливость». В этой связи сторонники президента прямо ставили под сомнение «конституционность Конституции». Большую легитимность политики президента связывали с его прямым избранием 12 июня 1991 г., а также с победой «августовской демократической революции» в России. Юристы из президентского окружения особое значение придавали факту всенародного избрания Ельцина, поскольку, по их мнению, выбирали не просто человека — главу исполнительной власти, но политика с определенной политической и экономической программой, которая и была освящена результатами общенародного голосования. По этой логике, съезд и Конституция обладали более низким уровнем легитимности, так как появились ранее, в условиях «ушедшего социалистического порядка». На этом основании вполне легитимными считались формально антиконституционные меры по ограничению деятельности съезда, которые якобы соответствовали «духу» общенародного волеизъявления. Отсюда вытекал также соблазн трактовать правовые нормы с точки зрения политической целесообразности.

Несовершенство действовавшей Конституции в начале 1993 г. оознавали обе противостоящие стороны, хотя выход из кризиса видели по-разному. Большинство народных депутатов — их позицию выражал Председатель Верховного Совета Р. И. Хасбулатов — исходили из того, что острой необходимости принятия новой Конституции нет, следует продолжить постепенное внесение в действующий Основной Закон поправок, которые сделают его реально демократическим. По их мнению, съезд народных депутатов и Верховный Совет объективно играют стабилизирующую роль, поэтому новую Конституцию следует разрабатывать под их эгидой и принять на одном заседании съезда.

Депутатам решительно противостояла президентская сторона. Она активно развивала тезис, что «Советы и демократия несовместимы», нужно упразднить эти «последние бастионы тоталитаризма, партократии» и создать принципиально новую политическую систему. Поэтому принятие новой Конституции — неотложная и важнейшая задача современной России, без решения которой невозможно вести работу по ее глубокому реформированию. Очевидно было, что президентские идеи не встретят поддержки в депутатском корпусе и подготовленная на их основе Конституция не будет одобрена съездом. Поэтому президентская сторона придавала исключительное значение проведению референдума либо по основным положениям новой Конституции, либо о доверии ветвям власти. Трактовку результатов в обоих случаях можно было использовать для конституционного закрепления своих идей или обоснования возможных «нестандартных действий». Обе противостоящие стороны были готовы к решительным политическим баталиям, свидетелями которых стала страна весной—осенью 1993 г.

Собравшийся 10 марта 1993 г. VIII съезд народных депутатов отказался от ряда компромиссных соглашений предыдущего, в числе которых было и согласие на проведение референдума. В ответ на это Президент выступил 20 марта с Обращением к гражданам России, в котором сообщил, что подписал Указ об особом порядке управления страной до преодоления кризиса. В соответствии с ним на 25 апреля назначалось голосование о доверии Президенту и вице-президенту, а также проектах новой Конституции и закона о выборах в Федеральный парламент. В случае поддержки Президента и внесенных им проектов документов новые Конституция и Закон вступают в силу, а съезд и Верховный Совет автоматически лишаются своих полномочий.

Созванный на экстренное заседание Конституционный суд 22 марта пришел к заключению, что предпринятые президентом действия не соответствуют 9-ти статьям Основного Закона. Вердикт Суда послужил основанием для созыва 26 марта IX (внеочередного) съезда, который оценил случившееся как попытку государственного переворота и принял решение о проведении процедуры импичмента. Президент заранее

отказался подчиниться возможному отрицательному решению съезда. Выступая 28 марта на Васильевском спуске, недалеко от Кремля, перед своими сторонниками, он заявил: «Не им, этим шестистам, решать судьбу России. Я не подчинюсь, я подчинюсь воле народа». Как стало известно позднее, на случай положительного голосования по импичменту у президентской стороны существовал сценарий силового «расставания» со съездом сразу же после объявления итогов голосования. Однако отстранить Президента от власти не удалось: вместо необходимых 689 голосов оппозиция собрала 617, против отрешения выступили 268 парламентариев. Депутаты и Президент пришли к очередному компромиссу: на 25 апреля назначался референдум, результаты которого открывали возможность досрочных выборов как Президента, так и Верховного Совета.

На референдум были вынесены четыре вопроса: Доверяете ли вы Президенту РФ Б. Н. Ельцину?; Одобряете ли вы социально-экономическую политику, осуществляемую Президентом и Правительством с 1992 г.?; Считаете ли вы необходимым проведение досрочных выборов Президента?; Считаете ли вы необходимым проведение досрочных выборов народных депутатов РФ? Положительный ответ на первый вопрос дали 40 млн человек (отрицательный — 27), на второй — 36 (против — 31), на третий — 34 (против — 32) и на четвертый — 47 (против — 21). Чаша весов склонилась в пользу Президента в значительной мере благодаря доминированию его команды на информационном поле.

Результаты голосования для Ельцина выглядели предпочтительнее, хотя и абсолютной победой их назвать трудно. Они свидетельствовали, прежде всего, о глубоком расколе общества. Президенту и его сторонникам не удалось набрать большинства почти в половине республик и регионов России. Голосование о доверии депутатам выглядело еще менее утешительным. Кроме того, из 107 млн россиян, имевших право голоса, избирательными бюллетенями воспользовались лишь 69 млн (около 65%). Это означало, что доверие Президенту выразили лишь 37% избирателей, имеющих право голоса. Тем не менее сторонники президента говорили о своей победе, а некоторые из них считали, что Президент может использовать и силовые структуры при разрешении острых конфликтных ситуаций. Проба сил состоялась уже 1 мая 1993 г. в Москве. Здесь, во время демонстрации, собравшей значительные, но разношерстные оппозиционные силы, произошло столкновение с ОМОНОм и милицией, повлекшее за собой кровопролитие. В медицинские учреждения за помощью обратились 579 человек. Ельцин квалифицировал случившееся как попытку «экстремистского коммунистического меньшинства... навязать стране методы политического насилия». Хасбулатов же заявил, что столкновение произошло между «широким союзом антимафиозных сил» и «мафиозными представителями власти и их высокими покровителями». В результате прошедшие 9 мая 1993 г. демон-

страции оппозиции отличались не только массовостью, но и организованностью.

Итоги референдума позволяли президенту активизировать конституционный процесс по своему сценарию. Для этого его указом от 12 мая 1993 г. создавалось Конституционное совещание, которое 5 июня начало свою работу. Оно должно было окончательно доработать подготовленный сторонниками сильной президентской власти проект. Тщательно продуманный состав участников (762 человека) был призван продемонстрировать представленность всех уровней российской власти (федеральной, региональной, местного самоуправления), всех ее ветвей (законодательной, исполнительной, судебной), а также партий, движений, профсоюзов, предпринимателей и товаропроизводителей, представителей конфессий, Академии наук. Участники совещания, однако, не видели возможности для конструктивного взаимодействия с Конституционной комиссией съезда народных депутатов, разработавшей проект с более сбалансированным разделением власти между ее ветвями. Неготовность к совместной работе проявилась и том, что занявший трибуну совещания Председатель Верховного Совета, был «захлопан», так и не получив слова. В итоге к концу июня 1993 г. существовали три различных проекта конституции: «президентский», «парламентский», а также предложенный коммунистами России. 12 июля 1993 г. в руках президента находился доработанный совещанием проект.

На совещании выявилось, что на конфликт между исполнительной и представительной властями накладывались и другие — между Центром и провинцией, а также между «суверенными» республиками, с одной стороны, и российскими краями и областями — с другой. Республики упорно пытались сохранить завоеванный ими суверенный статус и придать федерации не конституционный, а договорной характер. Края же и области активизировали попытки поднять свой статус до уровня республик. Существовавшие подспудно противоречия на совещании вышли наружу. Показательно, что именно в период его работы областной Совет Екатеринбурга принял 1 июля решение образовать Уральскую республику. Характерно и объяснение этого шага губернатором Э. Росселем: «Все области и республики в равной степени экономически самостоятельны. Но где равенство, если область платит от прибыли налог 50%, а субъекты федерации — 12–20%? Жители республик более защищены в социальном плане, чем жители областей». Центральной власти было трудно в равной мере учесть столь различающиеся интересы, она была вынуждена балансировать, поскольку обе ее ветви нуждались в политической поддержке со стороны регионов. Стремлением привлечь на свою сторону региональные элиты была обусловлена инициатива Ельцина по созданию Совета Федерации (13 августа 1993), в состав которого по его предложению должны были войти по два чело-

века (один — от представительной, другой — от исполнительной власти) от каждого субъекта Российской Федерации. Совет Федерации кремлевские политтехнологи были готовы предложить в качестве «легитимного органа», альтернативного действующему парламенту.

После получения от Конституционного совещания 12 июля 1993 г. «нужного» Президенту проекта Конституции в практическую плоскость перешла проблема ее принятия. Осознание сложности этой задачи, с одной стороны, и готовность решительно выйти из конституционного кризиса, с другой — прозвучали в его выступлении еще 12 июня. В этот день Б. Н. Ельцин оповестил журналистов о том, что к существующим уже вариантам он намерен прибавить еще один, говорить о котором «сейчас пока рано».

Июль 1993 г. прошел относительно спокойно, но в августе напряжение в политической жизни нарастало с каждым днем. С начала месяца в центральных печатных СМИ появляются подробные сценарии насильственных действий, намерение осуществить которые приписывается как президентской, так и парламентской стороне. Никем официально они не подтверждались, но и не опровергались. 10 августа Ельцин, прервав отпуск, вернулся в Москву и в тот же день на заседании Президентского совета в узком составе прямо заявил, что «нерешенность вопроса о Конституции выводит нас на силовые методы». 12 августа состоялась его встреча с руководителями СМИ, значение которой вышло далеко за рамки информационной политики. Президент сообщил, что «план действий уже готов... По всему видно, что настоящая политическая схватка наступит в сентябре. Август — время артподготовки, в том числе и для средств массовой информации». Позже он добавил, что в сентябре потребуется «крепкий министр безопасности». Этим качеством, по мнению его советников, не обладал действовавший тогда министр В. П. Баранников, за что и был отправлен в отставку. Новым министром стал Н. М. Голушко. Психологическое давление оказывалось также на Конституционный суд и его Председателя.

Со стороны президента и спикера парламента звучали все более хлесткие и жесткие политические обвинения, которые дополнительно накаляли обстановку. Авторитет обеих ветвей власти значительно снижали публикации о масштабных злоупотреблениях в высших эшелонах. Это мотивировало издание Ельциным 1 сентября указа о временном отстранении от должности вице-президента А. В. Руцкого и первого вице-премьера В. Ф. Шумейко «в связи с ущербом, который нанесен и наносится государственной власти в результате взаимных обвинений в коррупции».

20 августа 1993 г. президент прямо обратился к депутатам Верховного Совета с предложением «обсудить вопрос об условиях и порядке проведения досрочных парламентских выборов». Через 10 дней «пред-

ложение» было подкреплено излюбленным «фирменным» жестом — Ельцин совершил поездку в Таманскую и Кантемировскую дивизии. Демонстрация в СМИ политической воли Президента на фоне стрельб из танков, высадки десанта и показательного рукопашного боя имела четкую адресную направленность. В начале сентября в прессе появились статьи в обоснование того, что Россия не готова к «широкой» демократии и «чрезмерному парламентаризму». В то же время, особенно популярными стали ссылки на режим генерала де Голля и опыт Пятой республики в преодолении внутривнутриполитического кризиса.

Политический кризис 21 сентября — 4 октября 1993. 16 сентября Президент посетил дивизию внутренних войск имени Ф. Э. Дзержинского. Во время визита он объявил о возвращении в правительство на должность вице-премьера и министра экономики Е. Т. Гайдара, что было открытым вызовом депутатскому корпусу. В ответ Всероссийское совещание народных депутатов всех уровней 18 сентября принимает антипрезидентское Обращение к гражданам России, в котором апеллирует «с особым чувством к личному составу армии, милиции и органам государственной безопасности». Обстановка накаляется настолько, что ночь на 20 сентября члены Президиума Верховного Совета решили провести в Белом доме. Они заявили, что пошли на это, так как «имели место передвижения воинских частей, подозрительные сборы... руководства МВД».

Наконец, 21 сентября в 20 часов с телеэкрана прозвучало обращение Ельцина, в котором он просил граждан России «поддержать своего президента в это переломное для страны время», а затем был оглашен его указ № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации». Президент постановлял: прервать осуществление законодательной, распорядительной и контрольной функций съездом народных депутатов и Верховным Советом, а до избрания нового парламента руководствоваться указами президента и постановлениями правительства. Запрещались заседания съезда, а полномочия народных депутатов России прекращались, хотя у представительных органов власти в субъектах сохранялись. Конституционному суду было «предложено» не созывать заседания до начала работы нового парламента. Выборы в Государственную Думу назначались на 11–12 декабря 1993 г. К этому времени Конституционной комиссии и Конституционному совещанию предписывалось представить единый согласованный проект Конституции. К Президенту переходило право назначения Генерального прокурора. Все это означало, что в стране фактически вводилось не предусмотренное законом прямое президентское правление. Отдавая себе отчет в правовой «небезупречности» указа, Президент отметил, что для него «безопасность России и ее народа имеют большую ценность, чем формальное соблюдение изживших себя норм».

Указ был подкреплён рядом «организационных» мероприятий. Установлена была информационная блокада Белого дома. СМИ, в первую очередь электронные, давали лишь президентскую версию развития событий. Уже 21 сентября в здании парламента были отключены телефоны правительственной, а затем и городской связи. Одновременно сюда стягивались грузовики с милицией. 25 сентября она заблокировала все подходы к зданию. В нем были отключены электричество, лифты, перекрыто поступление горячей и холодной воды, перестала действовать канализация. С 27 сентября начинают циркулировать слухи о готовящемся штурме резиденции Верховного Совета. 28 сентября блокада ужесточилась: здание было обнесено ограждением из спиральной режущей проволоки, взяты под контроль все входы и выходы. К вечеру была завершена эвакуация сотрудников из прилегающих к парламентам зданий американского посольства. Сторонников депутатов еще на дальних подступах к Белому дому «встречали» милиция и ОМОН, что приводило к неизбежным столкновениям, первоначально небольшим, с силами правопорядка.

Уже вечером 21 сентября после телевыступления Президента в Белый дом стали стекаться депутаты, были вызваны в Москву и те, кто уже уехал домой. Охране здания начали выдавать автоматы и бронежилеты, руководство его обороной было возложено на А. В. Руцкого. Собравшийся на экстренное заседание Конституционный суд уже к полуночи признал Указ № 1400 незаконным. Это было сделано на основании ст. 121-6 Конституции, которая гласила: «Полномочия Президента Российской Федерации не могут быть использованы для изменения национально-государственного устройства Российской Федерации, роспуска либо приостановления деятельности любых законно избранных органов государственной власти, в противном случае они прекращаются немедленно». Собравшийся на экстренное заседание Верховный Совет, опираясь на решение Конституционного суда, оценил поступок Президента как государственный переворот. В связи с этим его полномочия прекращались с 20.00 часов 21 сентября, а президентские обязанности надлежало исполнять вице-президенту А. В. Руцкому.

Сессия ВС приняла решение о созыве чрезвычайного (внеочередного) съезда народных депутатов, постановления «О неотложных мерах по преодолению государственного переворота» и «Об информировании международной общественности о ситуации в России». Приняты были также поправки в Уголовный кодекс, ужесточившие наказание за действия, направленные на насильственное изменение конституционного строя.

Вечером 23 сентября начал работу X (чрезвычайный) съезд народных депутатов. Он утвердил министром обороны В. А. Ачалова, министром безопасности — В. П. Баранникова, министром внутренних дел —

А. В. Дунаева. Принят был ряд обращений к мировой общественности, а также к гражданам России (к соотечественникам, москвичам, рабочим, молодежи, личному составу МВД, к воинам армии и флота), где разъяснялась сложившаяся ситуация и содержались предложения по ее изменению. Началась работа по формированию нового правительства. В стране складывалось опасное положение двоевластия, началось «конкурентное» правотворчество: съезд принял закон «О порядке принятия Конституции» и другие акты, шедшие вразрез с указами Президента. Ситуация копировала «дуэль указов» периода политического кризиса 19–21 августа 1991 г.

Дважды — 22 и 29 сентября — к конфликтующим сторонам с призывом не допустить кровопролития обращался патриарх Алексий II. К 24 сентября действия президента были осуждены, а решения Верховного Совета и съезда — поддержаны 57 (из 89) областными и республиканскими Советами России. Еще 7 облсоветов заняли нейтрально-выжидательную позицию. Глухое недовольство ситуацией проявлялось и в армии, руководство которой, однако, стремилось избежать ее втягивания в политический конфликт. 30 сентября на Лубянской площади в Москве прошел митинг сотрудников Центрального аппарата Министерства безопасности, Управления военной контрразведки по МВО, а также Управления МБ по Москве и Московской области. Его участники осудили Указ № 1400 и последующие действия по его реализации, потребовали от Коллегии МБ войти в контакт с руководством других силовых министерств для выработки мер по цивилизованному выходу из критической ситуации.

Понимая уязвимость своего предложения о перевыборах только парламента, Ельцин 23 сентября подписал указ о новых выборах, уже и президента, которые назначались на 12 июня 1994 г. Идея одновременных перевыборов парламента и президента часто звучала в те дни, поскольку в представлении многих, обе стороны внесли свою лепту в эскалацию кризиса. Согласно опросам общественного мнения, президенту не доверяли 63% опрошенных, а съезду — 71. 25 сентября представители умеренных сил (В. Д. Зорькин, Г. А. Явлинский, С. Ю. Глазьев, А. П. Владиславлев) предложили «нулевой» вариант выхода из кризиса, т.е. возврат к положению до обнародования Указа № 1400, с последующим проведением одновременных президентских и парламентских выборов, которые назначались бы на 12 декабря 1993 г. С таким же предложением выступили представители 30 регионов России, собравшиеся в Санкт-Петербурге (их назвали «питерской тридцаткой»). В Москве 30 сентября прошло совещание представителей органов государственной власти 62 субъектов Федерации, которые потребовали снять блокаду Дома Советов, цензуру на телевидении, отменить Указ №1400 и последовавшие за ним акты. Участники совещания настаива-

ли также на проведении одновременных досрочных выборов нового Парламента и Президента не позднее первого квартала 1994 г. При этом организация выборов и контроль за ними возлагались бы не на центральные структуры, а на Совет субъектов Федерации. В документе содержалось предупреждение о готовности принять «все необходимые меры экономического и политического воздействия, обеспечивающие восстановление конституционной законности в полном объеме». Регионам, однако, не удалось завладеть инициативой и направить ситуацию в желаемое русло.

30 сентября, по инициативе и посредничестве Патриарха, в Свято-Даниловом монастыре в Москве была предпринята попытка примирить конфликтующие стороны. Начались переговоры между представителями Президента и Парламента, которые закончилась безрезультатно. Как полагают современные исследователи, президентской стороной был взят курс на окончательную победу. Наличие оружия в местах противостояния сторонников Президента и Верховного Совета, провокации и недостаточный уровень ответственности некоторых политиков привели 3 октября к кровопролитию у здания Московской мэрии и особенно массовому — у телекомплекса «Останкино». Эти события послужили для Президента поводом для введения в Москве чрезвычайного положения и перехода в наступление. В 6 часов 45 минут 4 октября начался штурм Белого дома, в 9.00 он был обстрелян из танков. К 17 часам здание было захвачено, а руководство парламента и его защитники препровождены в тюрьму «Лефортово». В тот же день на месяц был приостановлен выпуск «Правды», «Советской России», «Рабочей трибуны» и еще двенадцати оппозиционных изданий.

Согласно официальным данным, в трагических событиях погибли 145 человек. Однако в российской и зарубежной печати приводились многократно большие цифры погибших и без вести пропавших. Отвечая на связанные с этим вопросы, один из руководителей МВД позже заявил: «Мы, откровенно говоря, и не ожидали такого ажиотажа вокруг трупов. Если бы предполагали его, то специально считали бы их потом». Сегодня случившееся в сентябре — октябре 1993 г. историки расценивают как ограниченный во времени и пространстве эпизод Гражданской войны, который, к счастью, ограничился верхушечной борьбой за власть в столице. Он не распространился на другие регионы страны и не привел к масштабному столкновению тех социальных сил, интересы которых объективно представляли Президент и Верховный Совет.

Президента и руководимые им исполнительные структуры поддерживали те группы, которые стали после августа 1991 г. активными участниками передела власти и собственности. На стороне народных депутатов, напротив, были разнородные слои, которые многое утратили за годы реформ, чувствовали себя «униженными и оскорбленными»

в результате шокового «лечения» экономики. И хотя «потерпевшие» по численности в 2–4 раза превосходили своих более удачливых сограждан, исход столкновения был предрешен другими факторами. Как это бывало и ранее в периоды революционных потрясений, меньшинству удалось в решающем месте и в решающий час добиться силового перевеса над большинством. События 21 сентября — 4 октября 1993 г. убедительно подтвердили и то, что инициативное политическое поведение и политическая воля являются далеко не абстрактными историческим категориями.

После завершения острой фазы кризиса Президент с удовлетворением констатировал, что «период двоевластия в России закончился... Октябрьские события открыли новые перспективы для проведения экономических преобразований. Дан мощный толчок конституционной реформе, глубоким преобразованиям российской государственности». Иначе оценивал их смысл ставший бывшим Председатель Конституционного Суда В. Д. Зорькин: «3–4 октября 1993 года войдут в историю России как одна из самых мрачных ее страниц. В этот день было покончено не только с двоевластием, но и с троевластием, то есть с конституционным принципом разделения властей. Фактически президент совершил антиконституционный переворот, разрушил государственный строй».

Осеннее наступление Президента было бы едва ли возможным без политической поддержки со стороны Запада. Уже 22 сентября Б. Ельцин позвонил Б. Клинтону и проинформировал о происходящем в Москве; контакты между российскими и американскими властями не прекращались на протяжении всего кризиса. 5 октября, на следующий день после событий 3–4 октября, госсекретарь США К. Кристофер заявил, что «у президента Ельцина не оставалось другого выхода, кроме применения силы. Его действия были полностью оправданы. Он продолжает следовать демократическим курсом». А на следующий день на пресс-конференции в поддержку действий российского президента выступил и сам Б. Клинтон.

До середины декабря 1993 г. Россия оставалась без высшей представительной и законодательной властей. Многие важные стороны ее жизни регулировались президентскими указами. Б. Н. Ельцин воспользовался сложившейся ситуацией, чтобы в правовом плане закрепить достигнутую в начале октября победу.

Символическим жестом, призванным продемонстрировать смысл произошедшего, стало снятие уже 6 октября почетного караула у мавзолея В. И. Ленина. Вслед за этим в октябре — ноябре 1993 г. Б. Н. Ельцин подписал ряд важных указов, определивших дальнейшую судьбу Советов. 7 октября прекращены полномочия Московского городского и районных Советов. 24 октября подписан указ о реформировании органов государственной власти и местного самоуправления в Москве и

Московской области: выборы в столичном регионе предлагалось провести 12 декабря 1993 г. И наконец, указом от 26 октября «О реформе местного самоуправления в Российской Федерации» прекращалась деятельность всех местных Советов. Их функции передавались назначаемой Президентом администрации. Выборы новых органов местного самоуправления (Дум, Собраний, Муниципальных комитетов и т.д.), а также глав местного самоуправления (глав администраций, старост, мэров) должны были пройти с декабря 1993 г. по июнь 1994 г. Таким образом, Советская власть через 76 лет после ее провозглашения в России завершила свое существование.

27 октября 1993 г. Президент подписал Указ «О регулировании земельных отношений и развитии аграрной реформы в России». Он обобщал ранее принятые по аграрной реформе «бесспорные» акты; провозглашал многообразие форм собственности на землю; равноправие форм хозяйствования, основанных на личном, семейном или коллективном труде. Подчеркивалась самостоятельность сельских товаропроизводителей и одновременно декларировалась государственная поддержка аграриев в переходный к рынку период. Однако главным было то, что указ радикальным образом решал вопрос о собственности на землю: в документе она приравнивалась к обычной недвижимости, имуществу, которое разрешалось продавать, покупать, сдавать в аренду, дарить. Государство гарантировало неприкосновенность и защиту частной собственности на землю. Это формально «рыночно-экономическое» решение вызвало громкий политический резонанс и полусюжные оценки со стороны различных общественных сил.

Указом Президента от 6 ноября 1993 г. вводилась в действие новая Военная доктрина России, которая должна была играть важную роль в закреплении новых общественно-политических отношений. В ней определялись основные задачи и направления реформирования Вооруженных сил. Подчеркивавший необходимость сохранения и повышения боеготовности армии документ ставил целью создание более дешевой, компактной, хорошо технически оснащенной армии, отвечающей самым высоким современным стандартам. Реорганизацию структуры Вооруженных сил намечалось завершить к 2000 г. К тому же времени предполагалось перейти на смешанную систему их комплектования. Наряду с сохранением призыва на срочную службу по экстерриториальному принципу важнейшую роль в армии должны были играть профессионалы, служащие по контракту. Уже к 1995 г. численность Вооруженных сил должна была сократиться до 1,9 млн человек (в 1993 составляла 3 млн).

В доктрине впервые в отечественной законодательной практике исполнительная власть в лице президента и правительства наделялись правом использовать армию при решении не только внешних, но и внутриполитических проблем. К числу «внутренних источников военных

угроз» Доктрина относилась не только «попытки свержения конституционного строя, дезорганизации функционирования органов государственной власти и управления», но и всякого рода внутривнутриполитические акции «националистических, сепаратистских, других организаций». Уже тогда критиковали и внешнеполитическую ее часть за недооценку собственных национальных интересов. При чтении документа создавалось представление о большей приоритетности для России общих с международным сообществом целей. Это ощущение подпитывалось действовавшей Концепцией внешней политики (январь 1993), где на первый план также выдвигались задачи укрепления партнерских отношений со странами Запада, с международными институтами.

Претерпела изменение и государственная символика страны. Еще в 1990 г. Россия обрела свой гимн, созданный на основе «Патриотической песни» М. И. Глинки. После событий августа-91 в качестве государственного стал использоваться бело-сине-красный флаг. А 30 ноября 1993 г. Указом президента прежний Государственный герб РСФСР — с серпом и молотом, пшеничными колосьями — был заменен новым. Им вновь, как и до 1917 г., стал Двуглавый орел. Таким образом, из государственных символов страны исчезли элементы, связывавшие ее с 76-летним периодом советской истории.

Выборы в Федеральное Собрание и принятие новой Конституции.

В октябре 1993 г. скорректированы условия проведения выборов в парламент и принятия новой Конституции. 1 октября Указом Президента количественный состав Государственной думы увеличивался с 400 до 450 депутатов; устанавливалось равное распределение мест между избранными по мажоритарной и пропорциональной (через партийные списки) системам (225 на 225). Тем самым «уточнялись» первоначальные планы, согласно которым 2/3 мест должны были получить депутаты-«мажоритарщики». Формально это преследовало цель стимулировать формирование в стране нормальной многопартийной системы. Фактически же увеличение числа депутатов-«списочников» повышало шансы на избрание уже «раскрученных» политиков федерального уровня, имевших доступ к СМИ (прежде всего, на телевидение), который зависел от исполнительной власти.

Указ от 11 октября «О выборах в Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» также вносил существенные изменения в Указ № 1400. Первоначально на 11–12 декабря назначались выборы лишь в Государственную думу — нижнюю палату парламента, а роль верхней должен был играть орган, образованный незадолго до роспуска съезда и названный Советом Федерации (в него входили главы российских регионов). Теперь же вводился выборный принцип формирования верхней палаты: от каждого субъекта Федерации избирались по два депутата на основе мажоритарной системы по двухмандатным

(один округ — два депутата) избирательным округам. Депутатами стали два кандидата, набравшие наибольшее число голосов.

Указ № 1400 предполагал, что новую Конституцию будет утверждать вновь избранный парламент. Во изменение этого положения Указ президента от 15 октября предусматривал проведение 12 декабря общероссийского голосования по новому Основному Закону. Это позволяло избежать возможных осложнений в случае избрания недостаточно лояльной в отношении Президента Думы. Для доработки проекта Конституции, одобренного еще 12 июля, была образована Государственная палата Конституционного совещания, состоящая из представителей Президента, субъектов Российской Федерации, Конституционного, Верховного и Высшего арбитражного судов, Генеральной прокуратуры. Вместе с созданной еще 24 сентября Общественной палатой Государственная палата Конституционного совещания завершила подготовку документа, и 15 ноября он был опубликован для широкого обсуждения. В «ноябрьском» проекте Конституции права Президента были расширены даже в сравнении с его же предложениями весны—лета 1993 г. Отвечая на связанный с этим вопрос журналистов, Ельцин сказал: «Не буду отрицать, полномочия президента в проекте действительно значительные. А как вы хотели? В стране, привыкшей к царям или вождям; в стране, где не сложились четкие группы интересов, не определены их носители, где только-только зарождаются нормальные партии; в стране, где чрезвычайно слаба исполнительная дисциплина, где всюду гуляет правовой нигилизм, — в такой стране делать ставку только или главным образом на парламент? Да через полгода, если не раньше, люди потребуют диктатора. И такой диктатор быстро найдется, уверяю вас и, возможно, в том же парламенте».

Принципиальное значение имело внесение изменений в Закон о референдуме, предусматривавший для принятия решений по конституционным вопросам порог в 50% голосов от общего числа имеющих право голоса граждан. Теперь устанавливался порог в 50% от числа проголосовавших избирателей, а референдум назван «всенародным голосованием».

В середине октября набирала темп предвыборная кампания. Ее условия были определены указами Президента, и оппозиционные политики были поставлены перед дилеммой: либо отказаться от участия, признав выборы незаконными, либо принять предложенные правила игры. Большая их часть пошла по второму пути. «Победители» же попытались сформировать новую, приемлемую для себя партийно-политическую конфигурацию в парламенте, и в октябре—ноябре полным ходом шло формирование новых партий и движений, которым предстояло конкурировать с уже существующими. Называвшие себя демократами политики решили идти на выборы разными партийными «колоннами». «Отколовшись, мы самоорганизуемся и можем использовать некоторую

энергию оппозиционности. Безграмотно этот капитал отдавать неприемлемым», — говорил Г. А. Явлинский. Ряд создаваемых партий и движений должны были представлять интересы отдельных групп населения (региональных, экологических, женских, молодежных), ориентируя их на конструктивное взаимодействие с исполнительной властью.

Центральная избирательная комиссия зарегистрировала списки 13 партий и движений, собравших необходимое для участия в выборах количество подписей избирателей. Блок «Выбор России» объединил сторонников продолжения радикальных либеральных реформ. В него вошли объединенные Всероссийской ассоциацией приватизируемых и частных предприятий предприниматели, ряд небольших по численности демократических партий, некоторые творческие союзы, а также члены правительства и президентской администрации. Это дало основание рассматривать блок как главную «партию власти». Блок выступал под девизом: «Свобода, собственность, законность», а возглавил его вице-премьер Е. Т. Гайдар. Предвыборные плакаты с его изображением сопровождались словами: «Говорят все, делает он!».

17 октября представители 72 регионов России учредили Партию российского единства и согласия (ПРЕС), положившую в основу своей платформы идею развития федерализма и местного самоуправления. Она выступала под девизом «В единстве и согласии — к обновленной России». Партию возглавил вице-премьер правительства, министр по делам национальностей и региональной политики С. М. Шахрай. Объявив, что объединяет управленцев-профессионалов, партия декларировала, что не является ни проправительственной, ни оппозиционной.

Тогда же был создан избирательный блок «Яблоко», названный так по первым буквам фамилий учредителей и лидеров (Г. А. Явлинский, Ю. Ю. Болдырев, В. П. Лукин). Он выступал под девизом «Достоинство, порядок, справедливость», ставил целью построение в России гражданского общества и правового государства с учетом историко-культурных особенностей страны; обеспечение экономических и политических свобод граждан; создание эффективной, социально ориентированной рыночной экономики. Блок заявил о себе как о демократической оппозиции Б. Н. Ельцину, хотя его активисты в конфликтах 1991–1993 гг. поддерживали президента. Созданы были также Политическое движение «Женщины России» (лидер А. В. Федулова), молодежное движение «Будущее России — новые имена» (лидер В. В. Лащевский), «конструктивно-экологическое» движение «Кедр».

На роль основной оппозиционной политической силы выдвинулась Коммунистическая партия Российской Федерации, воссозданная в феврале 1993 г. В избирательной кампании она выступала за ненасильственное возвращение страны на социалистический путь развития. В экономическом плане настаивала на формировании многоукладного рыноч-

ного хозяйства с эффективным государственным регулированием и активной социальной политикой; в политической сфере ставила задачей «избавление России законными методами от правящего политического режима». Возглавляемая Г. А. Зюгановым КПрФ стала наиболее массовым общественным объединением, насчитывая в своих рядах более 500 тыс. членов.

В качестве союзника КПрФ по оппозиции выступала Аграрная партия России (лидер М. И. Лапшин), созданная также в феврале 1993 г. Она считала своим долгом отстаивать интересы как агропромышленного комплекса в целом, так и преимущественно тех его работников, которые связаны с предприятиями коллективных форм собственности — бывшими колхозами и совхозами, ставшими в годы реформ акционерными обществами (интересы фермеров бралась защищать Крестьянская партия России во главе с Ю. Д. Черниченко, входившая в «Выбор России»). Аграрная партия выступала против частной собственности на землю, за постепенный переход к рыночным отношениям и за государственную поддержку АПК.

На роль третьей силы, выступавшей с государственно-патриотических, национально-патриотических позиций, претендовала Либерально-демократическая партия России (ЛДПР), учрежденная — как ЛДП СССР — еще в 1990 г. Она выступала за возрождение Российского государства в границах СССР, сильную президентскую республику с регулируемой и социально ориентированной рыночной экономикой. В избирательной кампании остро ставила проблемы армии, защиты прав русскоязычного населения в республиках бывшего Союза ССР, положения беженцев из зон межэтнических конфликтов. Известность ЛДПР была во многом связана с личностью ее лидера В. В. Жириновского, который проявил себя как яркий оратор популистского плана, способный своими адресными обращениями привлекать симпатии достаточно широкого числа, в первую очередь «обездоленных», избирателей.

Состоявшиеся 12 декабря выборы в Думу дали следующую картину. По партийным спискам из 225 мест ЛДПР получила 59, «Выбор России» и КПрФ — по 40, Аграрная партия — 21, «Женщины России» — 21, Яблоко — 20, ПРЕС — 18, Демократическая партия России (ДПР) — 14. При этом 7% бюллетеней признаны недействительными, а 17% избирателей проголосовали против всех кандидатов, что свидетельствовало о недовольстве достаточно большой их части властью и всеми политическими силами. Всего из 450 мест в Думе (с учетом избранных и по территориальным округам) «Выбор России» получил 96, ЛДПР — 70, КП РФ — 65, Аграрная партия — 47 депутатских мандатов.

Согласно официальной кремлевской версии, «демократы» выборы проиграли, а успех ЛДПР связывали с «демократической незрелостью» российского народа. Однако это утверждение нуждается в уточнении.

В действительности проправительственный «Выбор России» получил намного меньшую поддержку, чем на это рассчитывали. Вместе с тем, в целом демократы — «Выбор России», ПРЕС, Яблоко и ДПР — свои голоса «взяли», даже увеличив общую долю представительства в сравнении с прежним парламентом. Что же касается «феномена ЛДПР», то политологи объясняли его собственными просчетами Кремля. Утверждали, что эта партия избрана в качестве «спарринг-партнера» «Выбора России», а «экстравагантные» манеры и резкие высказывания ее лидера должны были выгодно оттенять взвешенность и респектабельность «гайдаровских» кандидатов. Именно с этим связывали предоставление Жириновскому несравнимого с другими количества эфирного времени, что во многом предопределило успех его партии. Однако неприятие реформаторов со стороны избирателей оказалось сильнее, и они протестно проголосовали за новую, не связанную с действовавшей властью фигуру, несмотря на все ее своеобразие.

В сравнении с распущенным Верховным Советом Государственная Дума не стала менее оппозиционной. Большая часть депутатов была настроена по отношению к высшей исполнительной власти весьма критически. Намного более деполитизированными и «сдержанными» были члены верхней палаты Федерального Собрания — Совета Федерации с немалым представительством правящей региональной элиты, более заинтересованной в конструктивном взаимодействии с центральными властями. Во всех случаях для президента и правительства высший представительный и законодательный орган России уже не мог быть «тормозом реформ», поскольку, согласно принятой Конституции, обладал достаточно ограниченными полномочиями.

Новый Основной Закон одобрили на референдуме 58,4% принявших участие в голосовании (32,3 — от общего числа избирателей страны). Сам Президент главным итогом волеизъявления 12 декабря считал именно принятие новой Конституции. «Подведена окончательная черта под советским коммунистическим режимом, сделан важный шаг в будущее», — так оценивал смысл произошедшего Б. Н. Ельцин. В ней подробно излагались принципы устройства нового российского государства. Конституция провозглашала, что Россия — «демократическое федеративное государство с республиканской формой правления». В документе содержалось также положение, что она является социальным государством, призванным создать условия для достойного развития человека; указывалось на светский характер республики, где ни одна из религий не является государственной. Важнейшее значение имел обширный раздел о правах и свободах человека и гражданина, выдержанный в полном соответствии с нормами международного права. Здесь содержался перечень экономических и социальных гарантий граждан, которые брало на себя государство. Важным был пункт Конституции,

предполагавший выравнивание статуса краев, областей и республик: все они становились «субъектами федерации», объединенными в государство не на основе договоров, а на базе общей Конституции.

Для политиков наиболее значимым был раздел, в котором устанавливались принцип разделения властей и новое соотношение полномочий между ее ветвями. Становилась очевидным превращение России в «суперпрезидентскую» республику. Большинство реальных прерогатив передавалось от законодательной власти к президенту. Он определяет основные направления внутренней и внешней политики, утверждает военную доктрину, назначает без согласия парламента всех членов правительства (за исключением председателя), референдум и выборы Государственной думы. Президент обретает реальный контроль над назначением высших должностных лиц государства, представляет Думе и Совету Федерации кандидатуры на должность председателя Центробанка, Судей Конституционного, Верховного, Высшего арбитражного судов, Генпрокурора. Ранее инициатором таких назначений выступала законодательная власть. Правительство фактически выводилось из-под контроля парламента и решающая роль в его формировании отводилась Президенту, который не только назначает главу правительства, но и получает право в случае сопротивления парламента (трехкратное отклонение президентских кандидатур, либо парламентамское недоверие правительству) распустить Госдуму. В этих условиях Президент и Правительство получали возможность проводить политический курс, не оглядываясь на парламентам. В свою очередь, лишённая ответственности и возможности влиять на правительство, Государственная дума оказалась перед соблазном усилить в законотворческой деятельности популистскую составляющую, способную осложнить работу Кабинета министров.

По новой Конституции парламентам утратил право приостановки или отмены президентского указа; напротив, Президент приобрел возможность приостанавливать действие некоторых правовых актов. В общей форме была предусмотрена возможность отстранения его от должности, однако определяющая процедура делала ее иллюзорной. Таким образом, баланс полномочий между ветвями власти по существу не фиксировалось.

Все это дало основания политологам утверждать, что в конце 1993 г. в России установился особый «внесистемный политический режим Бориса Ельцина» (И. М. Клямкин); некоторые называют этот режим «выборной монархией» (Л. Ф. Шевцова). Академик П. В. Волобуев предложил другой термин — «четверооктябрьская политическая система» — по аналогии с «третьеиюньской системой» (1907), возникшей в России после разгона Государственной думы.

В условиях концентрации основных властных полномочий в руках президента объективно возрастала роль лиц, которые формировали его

представления о том, что происходит в стране, выступали в роли помощников и советников. Вместе с тем, опорой режима личной власти и проводником политики Президента неизбежно становился государственный аппарат и верхушка чиновничества. В ноябре–декабре 1993 г. Ельцин продемонстрировал готовность учитывать интересы этого слоя. В ноябре было создано Управление делами Президента, которое взяло на обслуживание всю политическую элиту страны. Его «клиентами» стали 12 тыс. высших сановников. Ими стали и парламентарии, и верховные судьи, и руководители Счетной палаты, но основной костяк составили высокопоставленные госслужащие (примерно 10 тыс. человек). 22 декабря Ельцин подписал Указ, которым федеральные чиновники были выделены в особую категорию со своим уставом и льготной системой финансового, медицинского, бытового и иного обеспечения.

Общественно-политическое развитие России в 1994–середине 1996.

Принятие новой Конституции и выборы 12 декабря 1993 г. способствовали формированию политико-правовой определенности в государственном строе России, открывали возможности для всех ветвей власти сконцентрироваться на решении созидательных задач. Стремление к снижению напряженности, к стабильности нашло отражение в ряде событий первой половины 1994 г. В феврале Госдума приняла решение об амнистии участникам событий августа-91 и 3–4 октября 1993 г. в Москве. 28 апреля 1994 г. по инициативе Кремля подписан «Договор об общественном согласии». Под документом поставили подписи более 800 политиков: лидеры общественных движений, руководители думских фракций. Его цель видели в поиске компромиссов, налаживании конструктивного диалога между государственными структурами и различными политическими силами России. В феврале 1994 г. в первом своем ежегодном послании Президент говорил о неприемлемости как возвращения к плановой экономике советского образца, так и продолжения «шоковой терапии», проводил мысль о необходимости усилить социальную направленность реформ. О необходимости «корректировки» и исправления экономического курса в начале 1994 г. неоднократно говорил и премьер-министр В. С. Черномырдин.

В то же время именно экономика продолжала оставаться самым уязвимым местом действовавшего под эгидой Президента правительства. Все более деградировали наукоемкие отрасли и укреплялись позиции сырьевых. Быстро увеличивался внешний и внутренний долг. При росте социальных контрастов сокращались реальные доходы основной массы населения. Однако даже при этом на первое место среди волнующих тем граждане выдвигали рост преступности. Давали о себе знать и не решенные ранее проблемы федеративных отношений.

15 февраля 1994 г. подписан Договор между Россией и Татарстаном. В нем не было сказано о том, что республика находится в составе России и признает верховенство федеральной Конституции. Договор снял некоторые проблемы, но многие политики считали, что он является шагом назад в сравнении с Конституцией, отступлением от конституционной федерации к асимметричной, договорной. Татарстан сохранял большую, чем другие субъекты, самостоятельность во внутренних делах, но, что важнее, оговорил особые, льготные бюджетные отношения с Москвой. Этот пример оказался заразительным. В 1994–1995 гг. другие республики также пошли на заключение договоров с Федеральным центром. В результате они перечисляли в общий бюджет намного меньше средств, чем «рядовые» субъекты, и, следовательно, не участвовали в решении программ, требовавших общегосударственного финансирования. Естественно, что к борьбе за привилегии, а фактически к расшатыванию Федерации, позже подключились и другие регионы.

Намного более драматично складывалась ситуация вокруг Чеченской республики. Негативные последствия ее фактического пребывания вне правового поля России осознавали многие политики. Но в отношении путей исправления ситуации единства не было. В 1992–1994 гг. ставка делась на поддержку внутричеченской оппозиции режиму Д. Дудаева, которая, однако, не привела к ожидаемому результату. Особенно трагичными выглядели события 26 ноября 1994 г., когда возглавляемая У. Автурхановым группа противников Дудаева (численностью около 2 тыс.) двинулась на штурм Грозного. Ее сопровождали более 100 танков и бронетранспортеров. Но город взять не удалось, танковая колонна была разгромлена, а несколько десятков танкистов попали в плен к дудаевцевцам. На допросах выяснилось, что это — не представители оппозиции, а кадровые российские офицеры, привлеченные для спецоперации. Ее неудача склонила некоторых московских политиков и военных к убеждению, что проблему можно решить только силами войсковой операции. 11 декабря 1994 г. на территорию республики, при поддержке танков и авиации, были введены армейские части. Они должны были «разоружить незаконные бандформирования» и «восстановить конституционный порядок». Расчеты на то, что поставленные задачи можно решить ограниченными силами и в сжатые сроки, не оправдались. Начавшаяся, как говорили, «война в Чечне» унесла десятки тысяч человеческих жизней, стала одним из важнейших факторов внутренней политики России.

Неудачи в социально-экономическом развитии, вызывающая все большее общественное возмущение вооруженная кампания в Чечне делали правительство все менее популярным, часто под огонь критики попадал и Президент. Важным индикатором массового недовольства стали результаты выборов в Госдуму, прошедших в декабре 1995 г. Все-

го в кампании участвовали 43 партии и избирательных объединения, но в Думу прошли лишь четыре. КПРФ получила 157 мест (34,9%), ЛДПР — 51 (11,4), «Яблоко» — 45 (10) и «Наш дом Россия» — 55 (12,2). Результаты выборов выглядели крайне неблагоприятно для исполнительной власти. Во-первых, более чем вдвое, увеличили свое представительство коммунисты. Секретарь ЦК КПРФ Г. Н. Селезнев стал спикером, а его товарищи по партии возглавили важные думские комитеты. Во-вторых, прошедшие в Думу ЛДПР и «Яблоко» также демонстрировали оппозиционность правительству. В-третьих, гайдаровский «Демократический выбор России» (преемник «Выбора России») в Думу не прошел вовсе, а проправительственный НДР набрал голосов намного меньше, чем прогнозировали его лидеры.

В этой связи намного более важными представлялись намеченные на июнь 1996 г. президентские выборы. Кандидатами на этот пост были зарегистрированы Б. Н. Ельцин, Г. А. Зюганов, Г. А. Явлинский, В. В. Жириновский, А. И. Лебедь, С. Н. Федоров, М. С. Горбачев, М. Л. Шакум, В. А. Брынцалов. Рейтинг действующего главы государства не превышал 7–8 %, в то время как его основной потенциальный соперник, Зюганов, опирался на поддержку 20% населения. Стремление сохранить за собой высший государственный пост заставило Ельцина особенно чутко учитывать и внимательно откликаться на доминирующие в обществе настроения, оперативно решать волновавшие людей проблемы. Эти обстоятельства предопределили общественно-политическое развитие страны в 1996 г.

В конце 1995 — начале 1996 гг. президент отправил в отставку непопулярных лиц из своего окружения (А. В. Козырева, А. Б. Чубайса, С. М. Шахрая, С. А. Филатова), с именами которых связывались неудачи 1992–1995. В январе 1996 г. правительство призывает к разработке новой программы преобразований, выступает с осуждением «реформ, не нацеленных на человека», против некритического использования западного опыта. В январе–апреле 1996 г. Президент подписывает серию указов, направленных на своевременную выдачу зарплаты работникам бюджетной сферы, компенсационные выплаты пенсионерам, повышение стипендий студентам и аспирантам. Предпринимаются энергичные шаги в решении чеченской проблемы (от разработки плана мирного урегулирования до физического устранения Дудаева и прекращения военных операций). Подписанием соглашений между Россией и Белоруссией, а также между Россией, Белоруссией, Казахстаном и Киргизией демонстрируется серьезность интеграционных намерений на постсоветском пространстве. Президент совершил 52 поездки в регионы, Москва активизировала заключение двусторонних договоров — наподобие «татарстанского» — теперь уже с краями и областями России, которым предоставлялись льготы. Мобилизуется международная под-

держка: России обещают новые кредиты, в мае 1996 г. лидеры «большой семерки» собираются в Москве для обсуждения проблем ядерной безопасности. В эфире абсолютно доминировал действующий Президент, выступавший в роли общенационального лидера.

Все эти и другие меры дали значительный, но все же ограниченный эффект. Ельцину удалось быть избранным 53,8% голосами во втором туре, во многом благодаря заключенному с А. И. Лебедем союзу. Набравший в первом туре 14,5% генерал принял предложение Президента возглавить Совет безопасности и призвал своих избирателей голосовать за Ельцина. В первом туре превосходство действовавшего Президента над основным конкурентом не выглядело убедительно: несмотря на использование многих преимуществ (административных, финансовых, информационных ресурсов), Ельцин получил лишь 35,2 % голосов против 32% Зюганова. Вторая победа первого российского Президента знаменовала сохранение сложившейся к тому времени системы общественных отношений.

Второе президентство Б. Н. Ельцина. Эффективное функционирование политической системы России во многом зависит от Президента. Его взгляды, позиции, а также дееспособность и личностные особенности оказывают большое влияние на формирование государственной политики в самых разных областях. В период второго президентства Ельцина стали очевидны авторитаризм, стремление удержаться у власти, патернализм, отход от конструктивного диалога с другими структурами публичной власти при подготовке и принятии многих важных решений.

«Президентская гонка–96» оказала большое влияние на социально-экономическую и политическую ситуацию в России. Некоторые журналисты характеризовали ее как «пейзаж после битвы». Ускорился промышленный спад, в первом полугодии «заморожено» большинство инвестиционных проектов. Правительству пришлось пойти на значительные заимствования, чтобы профинансировать предвыборные обещания президента (не только прямые агитационные затраты, но и расходы, направленные на временное улучшение благосостояния избирателей). Под выборы был выделен кредит МВФ на 10,2 млрд долларов, а также 3 млрд в виде займов западных правительств. Однако основное бремя расходов пришлось нести населению России. За шесть месяцев внутренний государственный долг в виде обязательств по ГКО вырос почти на 100 трлн рублей или на 20 млрд долларов. Это означало, что правительству долгое время предстояло отказываться от реализации насущных бюджетных нужд во имя погашения «выборных» долгов.

Не оправдались прогнозы некоторых политиков и экономистов, согласно которым после ликвидации угрозы победы коммунистов инвестиции «хлынут в страну рекой». После выборов Запад открыто дал по-

нять, что угроза возвращения к власти КПРФ — не единственное препятствие для вложений. Основной тормоз для экономического роста виделся в политической нестабильности России, непредсказуемом поведении ее лидеров.

Положение в Чеченской республике, где накануне выборов было достигнуто временное замирение, вновь обострилось, а вскоре возобновились боевые действия. 6 августа 1996 г. отряды чеченских боевиков штурмом взяли Грозный. 10 августа — следующий после инаугурации день — Б. Н. Ельцин объявил днем траура. 22 и 30 августа в Хасавьюрте состоялись переговоры секретаря Совета безопасности России А. И. Лебеда и начальника штаба дудаевских войск А. Масхадова. В результате были подписаны важные документы, согласно которым стороны прекращали боевые действия, федеральная власть выводила свои войска с территории Чеченской республики, а решение вопроса о статусе Чечни откладывалось до 2001 г.

Хасавьюртовские соглашения вызвали неоднозначную оценку. Чеченцы трактовали их как закрепление своей победы в войне и суверенитета, поскольку «враг» покидал территорию республики. Генерал А. И. Лебедь усматривал успех в том, что удалось остановить кровопролитие и открывалась возможность вновь перевести урегулирование конфликта в политическое русло. Лебеда поддержали «правозащитники». Однако соглашение резко осудили воевавшие в Чечне генералы. Военные были недовольны тем, что политики, решая сиюминутные задачи, не дали войскам возможности «добить противника». Они обращали внимание и на то, что передышка до 2001 г. была выгоднее чеченским сепаратистам, дает им возможность найти поддержку внутри России и за ее пределами, лучше подготовиться к возобновлению войны («помех» со стороны политиков военные опасались и во второй чеченской кампании, однако в ноябре 2002 г. Президент заверил, что «второго Хасавьюрта не будет»).

Летом–осенью 1996 г. возросло политическое влияние сил, выступавших в поддержку Б. Н. Ельцина при повторном переизбрании. Большую активность проявлял Секретарь Совета безопасности А. И. Лебедь, который давал понять, что не считает нынешнюю должность вершиной своей политической карьеры. Главный «менеджер» избирательной кампании Ельцина А. Б. Чубайс был назначен главой президентской Администрации, став, как считали, фактически вторым лицом в государстве. В. С. Черномырдин укрепил свои позиции на посту премьер-министра. В правительстве на роль вице-преьера был приглашен президент ОНЭКСИМ — банка В. Потанин. Его имя связывали с понятием «семибанкирщина», означавшем соглашение нескольких наиболее богатых и влиятельных российских банкиров, объединившихся в феврале 1996 г. в Давосе для поддержки Ельцина на выборах (сам термин навел вос-

поминания о «семибоярщине» — особом органе власти периода Смутного времени 1610–1612 в России).

Примерно в это же время в политический лексикон вошло и прочно утвердилось слово «олигарх». Понятие «олигархия» стали использовать при характеристике взаимоотношений власти и бизнеса в России. Под этим имелись в виду неформальные союзы крупных предпринимателей и высшего чиновничества. При поддержке зависимых от них СМИ, они показали свои способности добиваться значительных результатов и в бизнесе, и в политике. После 1996 г. это выразилось, в частности, в подборе кадров высшей бюрократии. Ранее при назначении чиновника определяющее значение имела его политическая ориентация, теперь — принадлежность к олигархической группировке. После выборов, когда миновала общая для всех опасность «коммунистической реставрации», на первый план вышли конкурентные противоречия между разными олигархическими кланами. Это породило череду публичных скандалов, приводивших к настоящим «информационным войнам».

В 1996–1999 гг. существенным фактором российской политики стало состояние здоровья Президента. Известие о своем повторном избрании Ельцин встретил на больничной койке. Осенью 1996 г. он перенес тяжелую операцию на сердце, а зимой 1996–1997 гг. боролся с простудным заболеванием. Все это привело к возникновению такого специфического российского института поддержки президентской власти, который получил название «Семья». Ее образовал достаточно узкий круг лиц, в который входили некоторые члены семьи Б. Н. Ельцина в буквальном смысле слова, и люди, предельно ей близкие или стремившиеся стать таковыми, а также те, кто был готов играть по правилам «семейной» политики. Появление «Семьи» было связано с «недостроенностью» российской политической системы, когда в условиях отсутствия демократических процедур «подстраховки» теряющего дееспособность лидера их роль могла выполнять близкая ему неформальная группа. Она брала на себя функции выработки курса и подбора кадров. Тем самым актуализировались теневые политические механизмы, которые содержали большой риск их использования в узкогрупповых интересах.

Оправившись от болезней, весной 1997 г. Б. Н. Ельцин вернулся к активной деятельности. Произведена была реорганизация правительства, в котором ключевая роль отводилась двум вице-преьерам — А. Б. Чубайсу и Б. Е. Немцову, тесно связанным с партией «Демократический выбор» Е. Т. Гайдара. Новым Кабинетом была разработана программа первоочередных мер, известная под названием «Семь главных дел». Намечалось ликвидировать задолженности по зарплате, перейти к «адресной» социальной поддержке, внедрить единые правила игры для банкиров и предпринимателей, ограничить влияние «естественных монополий», вести борьбу с чиновничьим произволом и коррупцией, ак-

тивизировать региональную экономическую инициативу, широко разъяснять общественности смысл и цели предпринимаемых шагов. Проводимый курс стали называть «Второй либеральной революцией»

Правительство энергично взялось за решение поставленных задач, однако не все предлагаемые им меры получили парламентскую и более широкую общественную поддержку. Особенно бурно обсуждалась намеченная реформа жилищно-коммунального хозяйства, означавшая для населения «шоковое» повышение цен на услуги в этой сфере: до 1997 г. оно оплачивало лишь 10–20% реальных коммунальных расходов. Внимание общественности привлекли и жесткие бескомпромиссные столкновения между различными группировками российского бизнеса, развернувшими борьбу за передел лакомых кусков приватизируемой собственности. Осенью 1997 г. широко обсуждали обстоятельства приватизации «Связьинвеста» и проявленную при этом необъективность некоторых членов правительства. Это наносило ощутимый удар по престижу власти, провоцируя скандалы и отставки.

Итоги годовой деятельности команды «младореформаторов» получили в целом доброжелательную оценку в прессе, несмотря на то что большую часть намеченного сделать не удалось. В ежегодном Послании Президента Федеральному Собранию в феврале 1998 г. констатировалось, что правительство не справилось со своими задачами. Однако острой публичной критики премьера и его заместителей не последовало, поэтому Указ Ельцина от 23 марта 1998 г. об увольнении в отставку В. С. Черномырдина и его правительства выглядел сенсационно. Отсутствие объяснений со стороны главы государства многим дало основание трактовать его поступок как проявление сумасбродства. Однако уже вскоре стало ясно, что в основе решения Президента было осознание приближения краха проводившейся много лет экономической политики, которую связывали с именем премьера.

Указ Президента положил начало затяжному политическому кризису. На фоне отставки политического «тяжеловеса» В. С. Черномырдина предложение Думе одобрить в качестве премьера малоизвестного молодого С. В. Кириенко выглядело как очередной «каприз» главы государства. И хотя под нажимом Ельцина депутаты утвердили внесенную кандидатуру, правительство Кириенко не могло рассчитывать на безоговорочную поддержку парламента в то время, когда ситуация требовала быстрых и решительных действий.

Финансовый обвал 17 августа 1998 г. привел не только к падению правительства. 21 августа на внеочередном заседании Думы 248 депутатов призвали Президента добровольно уйти в отставку — в его поддержку выступили лишь 32 законодателя. На этот раз парламент продемонстрировал невиданное единодушие и готовность решительно противостоять Президенту при формировании нового Кабинета. Чтобы

обезопасить Думу от возможного роспуска, депутаты выразили готовность инициировать процедуру импичмента. Перед угрозой утраты власти Ельцин был вынужден уступить. 10 сентября 1998 г. он предложил на пост премьера академика Е.М. Примакова, который в том момент возглавлял российский МИД. Глава государства впервые назначил главой правительства кандидата, предложенного Думой: его одновременно выдвинули и коммунисты, и «Яблоко», поддерживали и другие фракции. Показательно, что Примаков был утвержден с первой попытки, получив 315 голосов вместо необходимых 226.

Включение в состав правительства на должность вице-премьера коммуниста Ю. Д. Маслюкова дало основание говорить о «полевении» исполнительной власти, хотя в целом премьер и новый Кабинет стремились быть политически нейтральными. Стремясь уйти от возможных обвинений, Примаков не выступал с широковещательными программами, придерживаясь тактики решения конкретных дел. В то же время правительство не пошло на радикальные изменения курса. Важность широкой общественной поддержки для исполнительной власти ярко продемонстрирована при обсуждении бюджета на 1999 г.: самое «левое» после 1992 г. правительство провело через Думу самый «жесткий», «либеральный» бюджет. Сделаны были шаги в сторону поддержки реального сектора. Примаков выступал за государственное регулирование экономики, которое, по его мнению, отличает цивилизованный капитализм от дикого.

Время премьерства Примакова в политической истории России характеризуется как период «двойного лидерства». Главой государства с огромными полномочиями оставался утративший былую популярность Президент. Другим лидером был Председатель Правительства, который опирался на поддержку большинства Думы, пользовался авторитетом среди предпринимателей. Его влияние и популярность росли и в связи с длительными перерывами в работе часто болевшего Ельцина. За 8 месяцев удалось добиться некоторых позитивных перемен в экономике, но главное — значительно стабилизировать общественно-политическую ситуацию. Тем неожиданней был Указ об отставке Е. М. Примакова, подписанный президентом 12 мая 1999 г. Причины этого, казавшегося тогда иррациональным, шага обнаружились позднее.

Примаков за короткое время сумел стать крупной, достаточно самостоятельной политической фигурой. Стремясь оставаться в политическом «центре», он не торопился бросить весь свой авторитет на поддержку уже не очень популярного Президента. Так, в Кремле не могли быть довольны тем, что лояльная к премьеру Дума, не отказалась от проведения импичмента в отношении Президента в мае 1999 г. Для успеха задуманной акции требовалось собрать 300 голосов по одному из пяти пунктов обвинения. За признание Ельцина виновным в подписании

Беловежских соглашений и развале СССР голосовали 240 депутатов, против — 72. Виновным в трагических событиях осени 1993 г. Ельцина сочли 263 депутата, не согласились с этим 60. Обвинение в развязывании войны в Чечне поддержали 283 депутата, не разделяли этого мнения — 43. В развале армии его обвинил 241 депутат, голосовали против 77. Проведение политики геноцида против российского населения поставили ему в вину 238 депутатов, против голосовали 88. Фактически три четверти депутатов выразили политическое недоверие Ельцину. Результаты голосования отражали массовые общественные настроения: по данным социологов, в конце 1998 г. 85% опрошенных преодоление кризиса в России связывали с уходом в отставку действующего Президента.

Однако не импичмент был главной причиной отстранения Е. М. Примакова. В окружении Ельцина он вызывал сомнения как возможный преемник на посту Президента, выборы которого должны были состояться через год, в июне 2000. Премьер-министр не раз высказывал резко отрицательное отношение к коррупции в высших эшелонах власти. Зимой 1999 г. Генеральный прокурор России Ю. И. Скуратов «дал ход» расследованию ряда дел, в которых могли оказаться замешанными известные политики. Подобные расследования были способны привести к самым непредсказуемым результатам. Уже тогда многие политологи считали, что с весны 1999 г. в центре внимания Б. Н. Ельцина была именно проблема поиска преемника.

Его имя названо Ельциным 9 августа 1999 г. после подписания указа о назначении В. В. Путина и.о. премьер-министра, чье вступление в должность совпало по времени с началом крупномасштабной операции против чеченских боевиков. Он возглавил антитеррористическую операцию, выступив не только в качестве энергичного организатора борьбы, но и человека, способного морально, психологически объединить россиян, которые стали связывать с молодым премьером надежды на восстановление стабильности, порядка и постепенное улучшение жизни. Имидж «молодого Андропова» многим импонировал. О росте популярности молодого премьера свидетельствовал значительный успех поддержанного им нового общероссийского движения «Единство», которое на парламентских выборах в декабре 1999 г. набрало 23,3% голосов, едва не обойдя коммунистов (24,2).

Наличие политической воли, готовность российского руководства решительно вести борьбу против терроризма и сепаратизма не могли автоматически гарантировать установление скорого мира в республике. Это было во многом обусловлено ситуацией, которая сложилась в Чечне к лету 1999 г. После хасавюртовских соглашений 1996 г. чеченские политики пытались решить три задачи: консолидировать общество и заложить основы чеченской государственности; наладить отношения с Россией и получить от нее компенсацию за ущерб; добиться междуна-

родного признания Чеченской республики Ичкерия. Однако ни одной из этих целей им достигнуть не удалось.

В этих условиях были необходимы новые выборы президента Чечни, способного сплотить общество и вести продуктивный диалог с Москвой. Прошедшие в январе 1997 г. выборы принесли убедительную победу А. Масхадову, получившему 60% голосов, его основные противники — Ш. Басаев и З. Яндарбиев — собрали соответственно 20 и 10. Выборы «умеренного» Масхадова демонстрировали желание большинства чеченцев избегать крайностей и создавали предпосылки для нормализации обстановки. Одновременно голосование показало, что часть чеченского общества, прежде всего молодежь, по-прежнему разделяли радикальные настроения. Раскол внутри сепаратистов имел в основе три причины: борьбу за власть; отсутствие единой позиции в отношении Москвы; различия во взглядах на будущее чеченского общества и государства. Последняя причина во многом связывалась с религиозным фактором.

Дудаев, а вслед за ним Масхадов, будучи приверженцами ислама, выступали за светское государство. Им противостояла группа радикалов во главе с Яндарбиевым, взявшая на вооружение фундаменталистскую версию ислама (она получила название «ваххабизма»). Эти лидеры настаивали на создании государства на религиозной основе. В 1997 г. в Конституцию республики были внесены изменения, и ислам стал государственной религией. Создан был Верховный шариатский суд. Все это ставило под сомнение легитимность «светского» президента Масхадова, о чем вскоре заговорили Ш. Басаев и другие полевые командиры.

Инструментальное использование религии как орудия в борьбе за власть привело к острым — вплоть до вооруженных — столкновениям между сторонниками Масхадова и более «правоверными» его соперниками. Последние стремились опереться на поддержку международных исламских фундаменталистских организаций, что уже в 1996 г. привело к интернационализации конфликта. В Чечне появились иностранные наемники, сторонники «ваххабитов» стали пользоваться различными формами помощи из-за рубежа. К началу 1999 г. в республике фактически сложилось двоевластие, раскол в среде сепаратистов стал постоянно действующим фактором. Это, с одной стороны, облегчало борьбу Москвы против «повстанцев», а с другой — крайне осложняло переговорный процесс. Кроме того, в Чечне действовали и относительно автономные полевые командиры, специализировавшиеся на криминальном «бизнесе».

Радикально настроенные чеченские политики выступили за объединение Северного Кавказа на основе исламской идеологии. В середине 1999 г. их главной задачей стало даже не закрепление независимости Чечни, а политическая и идейная экспансия в ближайшие республики, прежде всего в Дагестан и Ингушетию. Поход Ш. Басаева в августе

1999 г. в Дагестан, несмотря на всю его авантюренность, в случае успеха мог быть использован для окончательного оттеснения Масхадова от власти в Чечне и ужесточения отношений с Москвой. Однако этим планам не суждено было сбыться, поскольку ситуация менялась в России.

§ 4. Российская культура в 1990-е годы

Общие условия развития культуры. На развитие российской культуры в 1990-е годы большое влияние оказывали сложные процессы, происходившие в экономической, социальной и политической сферах. Государственное регулирование культурной жизни осуществлялось прежде всего на базе «Основ законодательства РФ о культуре», утвержденных в 1992. Документ определяет, что к обязанностям государства в области культуры относятся: разработка и осуществление федеральных государственных программ сохранения и развития культуры, создание условий для развития национальных культур РФ, обеспечение доступности для граждан культурной деятельности, культурных ценностей и благ, свобод и самостоятельности всех субъектов культурной деятельности, условий для самореализации талантов, сохранение памятников истории и культуры, ведение статистики культуры, деятельность по преодолению монополии в области культуры.

Специальные акты (законы, указы, постановления) конкретизировали политику в отдельных областях культуры. В 1990-е годы приняты Законы «О библиотечном деле», «О музейном фонде РФ и музеях в РФ», «О государственной поддержке кинематографии РФ». Федеральные государственные программы сохранения и развития культуры и искусства (на 1993–1996, 1997–1999, 2001–2005). Однако острейшими вопросами, вплоть до наших дней, остаются выполнение государством обширного перечня взятых на себя социальных обязательств, их ресурсное обеспечение, создание организационных и правовых механизмов их реализации на федеральном, региональном и муниципальном уровнях.

В эти годы произошли коренные изменения в сфере управления культурой. Если ранее монопольную роль здесь играло государство, то теперь в центре внимания были активизация внутренних сил культуры и усиление самоорганизации культурных процессов. Речь идет о преодолении жестких рамок контроля административной системы, бюрократических традиций, о повышении автономности учреждений культуры и ее создателей при усилении контроля со стороны гражданского общества. В этой связи выделяют следующие принципы современной культурной политики. Во-первых, проблемно-целевая ориентация культурной политики, предполагающая решение проблем в определенной сфере культуры, а также вопросов, касающихся социально-культурной

деятельности конкретных групп и категорий населения. Во-вторых, самоорганизация культурной жизни. В-третьих, обеспечение многообразия, полифоничности социально-культурной жизни, что предполагает многосубъектность социокультурной деятельности, альтернативность проектов, программ, концепций, идей.

Практическая реализация целей и принципов культурной политики в современной России сталкивается с большими трудностями. Следует отметить значительную сложность происходящих в российской культуре изменений. Положительные перемены противоречивы и обусловлены ее освобождением от идеологического диктата, приобретением художниками невиданной ранее свободы творчества, усилением интенсивности культурного обмена, децентрализацией управления процессом создания, распространением и потреблением духовно-культурных ценностей. Констатация позитивных перемен не снимает вопроса о кризисном состоянии культуры, выражающемся в информационной и культурной изоляции ряда регионов, ухудшении материальной базы культуры и сохранности памятников, музейных экспонатов и архивных фондов, сокращении кадрового потенциала и оттоке работников в другие сектора, миграции за рубеж. Следствием реформ стали отчуждение многих людей от богатств национальной культуры, сокращение возможностей воспроизводства различных субъектов культурной деятельности, утрата контроля над важными процессами в этой сфере.

Уже в 1992–1993 гг. ассигнования на культуру были невелики. Однако ситуация радикально изменилась в середине 1990-х, когда произошло обвальное сокращение бюджетного финансирования социально-культурной сферы. Развитие отрасли происходило в условиях значительного дефицита ресурсов. В 1995 г. объем финансирования культуры уменьшился на 40% по сравнению с 1994, а в 1996 — на 43 по сравнению с 1995. Из-за секвестирования федерального бюджета в 1996 средств на культуру выделено 42% от запланированных, а в 1997 — только 40. В 1998 г. реальные расходы бюджета (с учетом инфляции) на социально-культурную сферу и науку по сравнению с предшествующим годом снизились в 2,2 раза. Только в 1999, по свидетельству вице-премьера В. И. Матвиенко, впервые культура профинансирована на 100%, а федеральные программы — на 90. Не выглядела оптимистично и динамика бюджетных расходов: в 1996 г. ассигнования на культуру и искусство составили 0,83, а в 2000 — 0,55% от бюджета. Все это свидетельствует о том, что установленные законом нормативы бюджетных расходов на культуру (2%) на федеральном уровне не только не выдерживаются, но и уменьшаются. Резко ухудшилось материальное положение работников образования, науки и культуры, что повлекло за собой падение престижности их профессий.

Образование и наука. Скудость финансирования (в 2000 — 40% от уровня 1991) предопределила кризисное состояние системы образова-

ния. В 1992 г. принят «Закон об образовании», согласно которому уровень обязательного школьного образования был понижен до 9 классов (в СССР предусматривалось обязательное полное среднее образование). Конкурсный отбор в десятый класс оставил за пределами школы многих ребят — в 1995 г. их оказалось 1,5 млн. И хотя впоследствии Указом Президента конкурс был отменен, негативные результаты предыдущего решения преодолеть не удалось. Современная школа играет определенную роль и в развитии социально-классовой структуры, углублении социальной поляризации общества. Ухудшение экономического положения значительных социальных слоев сократило возможности для получения образования их детьми. Появление же «дополнительных образовательных услуг» (как правило платных) в старших классах, открытие платных школ, гимназий, лицеев обуславливает воспроизводство социального неравенства уже на уровне молодежи.

Пыталась адаптироваться к новым условиям и высшая школа. С 1992 по 2000 г. число государственных вузов выросло с 535 до 590. Особенно популярными были «рыночные» профессии: экономист, финансист, менеджер, юрист. Преимущественно по этим и некоторым другим специальностям вели подготовку и новые негосударственные, в основном коммерческие, вузы. Их число с 1993 по 2000 г. выросло с 78 до 349. Однако в 1992–1995 общее число студентов было меньше, чем в советское время, составляя в среднем чуть более 2,6 млн в год (1991 — 2,8). Затем желающих учиться становилось все больше, и в 2000 г. численность студентов превысила 4 млн человек.

В Законе «Об образовании» 1992 г. проводились идеи о его деидеологизации и вариативности. Утверждение этих принципов шло противоречиво. Деидеологизация образования часто сводилась к замещению коммунистической идеологии, которая господствовала в советской школе, либеральной в ее крайне упрощенном, вульгаризованном виде. Вариативность же оказалась средством размывания общегосударственного стандарта. Появились сотни новых учебников и пособий, прежде всего по гуманитарным дисциплинам, которые внедрялись в учебный процесс без должной предварительной апробации. Многие содержавшиеся в них идеи получили неоднозначную оценку научной и педагогической общестственности.

К началу нового тысячелетия сформировались представления об основных направлениях модернизации всей системы образования в России. Ее цель — осуществить переход на сопоставимую с мировой систему показателей качества и стандартов образования всех уровней. Школа станет 12-летней: 10 классов обязательны для всех, 2 последних — профильное образование. Начинать учиться дети будут с 6 лет, а в 16 смогут получить аттестат зрелости. После этого ученик должен определить-

ся — идти в профтехучилище или продолжать образование в старшей, профильной школе. Переход на «двенадцатилетку» планировалось осуществить к 2006/07 учебному году. Планировалось полностью изменить систему сдачи выпускных и вступительных экзаменов. В 2005 г. их заменит единый государственный экзамен (ЕГЭ), который будет проводиться вне стен вуза и школы. Существенные изменения претерпят и принципы финансирования вузов: каждый потенциальный студент должен получить Государственное индивидуальное финансовое обязательство (ГИФО), общее их количество и определит масштабы финансирования вуза в зависимости от его востребованности и популярности. В 2002 г. в эксперименте по введению ЕГЭ приняли участие 17 регионов (в 2001 г. — 5). Началась и апробация механизма ГИФО.

1990-е годы были очень трудными для отечественной науки. Резкое сокращение инвестирования в фундаментальные исследования и НИОКР (научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы) оказало негативное влияние на состояние как естественных, так и гуманитарных наук. Численность работающих в научно-технической сфере снизилась более, чем в 2,5 раза — с 2,1 млн в 1990 до менее 800 тыс. в 2000. До критического уровня уменьшился приток в науку молодых специалистов: ныне средний возраст докторов наук более 60 лет, а кандидатов — приближается к 55. Свыше 50 тыс. ученых (прежде всего математиков, физиков, химиков, биологов), вынужденных покинуть Россию, работают в других странах. Крайне недостаточно обновляется материально-техническая база науки, сократилось ее информационное обеспечение.

Согласно принятому в 1996 г. «Закону о науке и государственной научно-технической политике», расходы на науку гражданского назначения должны составлять не менее 4% расходной части бюджета. Однако добиться этого не удалось. В этих условиях укрепляется представление о том, что приоритетному финансированию подлежат те отрасли науки, в которых Россия уже занимает признанные в мире позиции, а также сферы, способные обеспечить технологической прорыв в отечественной экономике. На это направлена реализация таких федеральных начинаний, как «Российская космическая программа», Программа конверсии, «Электронная Россия». Признанием достижений российской науки стало награждение Нобелевской премией известного физика академика Ж. И. Алферова.

Проблемы духовного развития общества. Создание сильного государства, действенность власти, проведение жизнеспособной политики, опирающейся на созидательную энергию общества, невозможно без представлений об общих идеалах, целях и ценностях. Однако в 1990-е годы положение и в этой сфере оставалось неблагоприятным. Социологи констатируют глубокий социокультурный кризис российского общества. Он характеризуется распадом привычной кар-

тины мира, социальных и культурных ценностей; дестабилизацией социального положения людей и общественных структур, что ведет к конфликтам различных ценностных систем. В чем этот проявился этот кризис?

Во-первых, в утрате прежних, социалистического и коммунистического, идеалов, которые — при всех оговорках — формировали и картину мира советского человека. После 1991 г. путь, пройденный страной в XX в., все чаще трактовался как ошибочный и тупиковый, что ставило под сомнение смысл жизни многих людей. Вместе с тем идея «демократических реформ» по западному образцу показала неспособность выступать в качестве долговременного объединяющего идеала, тем более что первые годы экономических и политических преобразований многим не позволили ощутить преимущества радикальной смены общественного строя. Негативное влияние на сознание оказывал и распад исторического Российского государства, фактическая утрата страной статуса великой державы, чем ранее справедливо гордились.

Во-вторых, наблюдался нравственный кризис большей части общества. Смещались понятия добра и зла, долга, чести, совести; притуплялись чувства стыда, сострадания, любви, дружбы, товарищества. Уходит в прошлое тип нравственности, связанный с коллективизмом, со стремлением быть полезным обществу. В то же время выросла значимость индивидуалистических ценностей эгоистической направленности. Размывалось представление о такой прежде фундаментальной ценности, как труд. Происходящие перемены деформировали нравственность и социальную ориентацию людей, что нашло отражение в изменении престижа профессий. Ученый, инженер, летчик, врач, учитель уступали место банкиру, предпринимателю, охраннику, шоумену или даже проститутке. «Привлекательность» второй группы профессий была связана с видимой возможностью быстро и легко зарабатывать деньги, демонстрировать стандарты высокого уровня потребления. Еще более в общественном сознании девальвировалась такая ценность, как социальная справедливость. Пренебрежение ею со стороны советской партийно-государственной бюрократии не выдерживало сравнения с возможностями «новых русских» и «олигархов».

О кризисе культуры свидетельствовало также размывание представлений о социально допустимых нормах поведения. На практике это вело к вседозволенности, на фоне которой развивались различные формы преступности — от мелкого хулиганства и наркомании до организации криминальных сообществ и заказных убийств.

Отсутствие общего идеала, кризис ценностей вызывали озабоченность у российской правящей элиты. В 1996 г. российский Президент призвал активизировать поиск национальной идеи для современной России. Задача эта, однако, не решена и поныне.

Уход от авторитарной системы управления и организации духовной жизни способствовал формированию целой системы субкультур, т.е. «культуры в культуре», имеющей свои, четко очерченные, границы знаний, норм, ценностей, представлений, вкусов, идеалов, традиций. Социологи выделяют несколько основных субкультурных систем в России 1990-х годов. Это — «высокая» интеллигентская культура, развивающая историческую традицию русской национальной элитарной культуры; «советская» культура, продолжающая традицию минувших десятилетий и основанную на совокупности ценностей, образов, символов старшего и среднего поколений; западная культура либеральных ценностей, социокультурного индивидуализма и экономической независимости, охватывающая значительную часть молодежи, предпринимателей и интеллигенции; маргинальная субкультура социальных низов.

Определенное консолидирующее влияние в 1990-е оказывало распространение религиозных взглядов. Отказ от идеологии воинствующего атеизма во второй половине 1980-х годов значительно повысил воспитательную, мировоззренческую и социальную роль Церкви. Утвердилась практика соблюдения прав верующих и атеистов в конституционных рамках светского государства. Ведущие политические партии и движения, включая КПРФ, демонстрируют лояльное, уважительное отношение к религии. Можно утверждать, что атеистический экстремизм прошлых лет преодолен, и российское общество постепенно восстанавливает историческую преемственность в духовно-религиозной сфере. Принятие Закона «О свободе совести и религиозных объединениях» в 1997 г. укрепило правовую базу деятельности Церкви в стране. Численность зарегистрированных религиозных организаций увеличилась в 3,5 раза — с 4846 (1992) до 17 427 (2000).

В этих условиях повысился уровень религиозности населения. Особенно интенсивно его повышение происходило в 1988–1992. С середины 1990-х годов тенденция роста уровня религиозности потеряла былые темпы, а в конце десятилетия он стабилизировался. По данным социологов, соотношение религиозного и нерелигиозного населения составляет примерно 2:1. Если же разделить верующих по конфессиям, то соотношение групп будет следующим. Из каждых 100 граждан России 29 — люди неверующие, 49 считают себя православными, 8 — последователями ислама, 2 — других конфессий, 12 верят «по-своему» и не считают себя приверженцами какой-либо конфессии. Уровень реальной религиозности оценивается по-разному, однако Церковь рассматривается в качестве важного традиционного исторического института, оказывающего стабилизирующее воздействие на общество.

Огромная роль в формировании духовного климата в обществе принадлежит средствам массовой информации. За годы реформ кардиналь-

но изменились их функции. Стали иными структура периодических изданий, их объем, содержание, политическая и информационная направленность. В 1990–1999 гг. число газет увеличилось с 4808 до 5535 наименований. Но одновременно разовый тираж уменьшился со 166 до 104 млн экземпляров, а — годовой в 5,4 раза. Для большинства семей выписка и покупка периодики стала недоступной. Крайне ограничено поступление журналов и газет в библиотеки, школы, вузы, научно-исследовательские институты и учреждения культуры. Аналогичные изменения претерпело производство журнальной продукции.

Заметно выросла роль телевидения, в информационное пространство которого включено практически все население России. В 1990-е годы появились новые общероссийские каналы; сложилась сеть региональных телекомпаний; стал необычайно широким диапазон информационных и развлекательных передач. Ныне в обществе превалируют две основные точки зрения на роль СМИ. Одна рассматривает их как инструмент власти, другая — как институт гражданского общества, в оценке их деятельности присутствует «двойной стандарт», в основе которого — сложное взаимодействие между двумя основными функциями.

Утверждение свободы слова в СМИ происходило не всегда безболезненно. Их, порой бросающаяся в глаза, ангажированность; резкий переход к полифоническому изложению событий; многоголосица в оценке фактов; тяготение к сенсационности или, наоборот, к замалчиванию событий оказывали негативное влияние на общественное сознание, формировали скептическое отношение к СМИ. Право на свободу слова часто вступало в противоречие с правом на получение правдивой информации.

Художественное творчество в России. Сложные, многоплановые процессы происходили в российском искусстве и сфере художественного творчества. К числу наиболее зримых черт 1990-х годов можно отнести коммерциализацию, отсутствие идеологических ограничений, огромное влияние западной массовой культуры.

Последнее десятилетие XX столетия прошло под знаком возвращения художественных произведений, ранее недоступных или малодоступных российским гражданам. Этому способствовало и бурное развитие частного книгоиздания. На прилавках появились ранее запрещавшиеся произведения выдающихся русских писателей, поэтов, мыслителей — А. Ахматовой, М. Цветаевой, П. Васильева, В. Набокова, М. Булгакова, А. Солженицына, И. Бродского, В. Максимова и многих других. Российские читатели получили возможность познакомиться с произведениями мировой литературы, которые раньше в стране не издавались. Новые газеты и журналы рассчитаны на самые разные вкусы. Восстанавливали связи с Россией ранее покинувшие ее деятели культуры. Огромную работу по сохранению культурного наследия, возвра-

щению утраченных в разные годы произведений отечественного искусства проводил Российский фонд культуры.

В литературе продолжалось развитие отечественных реалистических традиций. В этом направлении продолжили свое творчество В. Астафьев, В. Распутин, М. Алексеев, Ю. Бондарев, Г. Бакланов и др. Вместе с тем большую популярность приобрели писатели, работающие в постмодернистской манере. В числе наиболее читаемых — В. Войнович, А. Битов, Т. Толстая, Д. Пригов, В. Пелевин, В. Пьецух, Е. Попов, Л. Петрушевская. Для приверженцев этого направления характерен отказ от социальности и морализма. На первый план выдвигается эстетическое значение литературы. При этом авторы скептически относятся к возможности существования общественного идеала. В числе признаков этой «литературной» литературы называют: несущественность места действия, социальной принадлежности персонажей, афористичность текста произведения, отсутствие определенной идеи и пронизывающую все произведение иронию.

Новые экономические реалии оказали заметное влияние на развитие российского кинематографа. Отсутствие государственной поддержки привело к резкому сокращению выпуска фильмов. Если в 1992 г. было снято 178 кинокартин, то в 1995 г. — лишь 46. Это привело к тому, что в 1990-е годы на российском кинорынке доминировали западные ленты. И опытные, и начинающие российские режиссеры столкнулись с проблемой экономической эффективности кино. Коммерциализация этого вида искусства оказала влияние, прежде всего, на его проблематику и стилистику. Если «криминально-детективные» особенности 1990-х годов нашли достаточно «красочное» отражение, то вопрос о положительном «герое нашего времени» остается открытым. В отечественном же кинематографе значительный резонанс получили фильмы режиссеров Н. Михалкова, П. Лунгина, В. Тодоровского, А. Рогожкина, Э. Рязанова, С. Бодрова-старшего, В. Хотиненко. В стране ежегодно проводится Всероссийский кинофестиваль «Кинотавр» в Сочи. В конце 1990-х годов возродился Международный московский кинофестиваль. Бурное развитие получили отечественные телесериалы, не отличающиеся, однако, большим тематическим разнообразием.

Получило дальнейшее развитие музыкальное искусство. С одной стороны, ценители классики имели возможность посещать концерты выдающихся дирижеров и исполнителей симфонических произведений, оперных и балетных спектаклей. С другой стороны — 1990-е годы стали временем бурного развития новой молодежной музыкальной культуры, отличающейся большим стилевым разнообразием и охватом самой широкой аудитории.

Появилось в это десятилетие много ярких театральных постановок. Наряду с известными театральными коллективами создавались новые

театры, студии. Возродились спектакли-антрепризы. Зрителя чаще привлекали оригинальные режиссерские решения, игра старых и новых атральных «звезд». Многообразие форм, стилей и тем было присуще также изобразительному искусству. В целом развитие культуры отразило незавершенность и противоречивость российских преобразований 1990-х годов. Перспективы духовного и культурного прогресса страны напрямую зависят от успеха начатых реформ.

§ 5. Внешняя политика России в 1990-е годы

Формирование концепции. Распад СССР стал важнейшим событием международной жизни конца XX в., оказавшим огромное влияние на систему международных отношений. На смену биполярному миру, многолетнему противостоянию двух социальных систем должна была прийти иная организация международной жизни, отражавшая новое соотношение сил и соответствующая глобальным вызовам современности.

В российском обществе осмысление посткоммунистических реалий проходило непросто, дискуссии о приоритетах внешней политики были связаны как с оценкой состояния международных отношений, так и с фундаментальными представлениями о путях будущего развития России. Некоторое время в общественном сознании царил эйфория. Политики ожидали, что радикальный поворот от конфронтации к сближению с западными странами автоматически изменит их отношение к России, мобилизует массивную политическую поддержку и экономическую помощь. В этих условиях ставка была сделана на ускоренную интеграцию в евро-атлантические структуры. В первой половине 1990-х годов получила теоретическое обоснование и практическое воплощение политика *атлантизма*. В основе атлантической внешнеполитической концепции лежали ориентация на западную модель развития, неконфронтационное видение современных международных отношений, отрицание примата силы в решении международных проблем, оптимизм в оценке развала СССР и в оценке международной ситуации. США, Западная Европа представлялись главными союзниками и партнерами как на международной арене, так и в проведении демократических реформ в России.

На Западе ситуацию воспринимали иначе. Нашу страну считали проигравшей «холодную войну», не спешили устанавливать «стратегическое партнерство» и тем более не видели Россию в качестве равноправного союзника. Ей в лучшем случае отводилась роль младшего партнера, любое же проявление самостоятельности рассматривалось как рецидив советской «имперской» политики. Об игнорировании интере-

сов России свидетельствовало продвижение к ее границам НАТО, противодействие реинтеграционным тенденциям на постсоветском пространстве. Россия оставалась отгороженной от Запада визовыми и таможенными барьерами, его рынки защищались высокими тарифами, квотами и другими регуляторами. Все это оказало отрезвляющее воздействие на российскую политическую элиту. Критическое отношение к «атлантизму» в среде политиков стало звучать все громче уже в середине — второй половине 1993 г.

В середине 1990-х годов окрепло убеждение в том, что единственным надежным ориентиром внешней политики должна стать твердая защита национальных интересов. Появился больший реализм в оценке последствий распада СССР и ситуации в мире. Утверждаются представления о становлении многополярного мира, в котором абсолютно доминировать не способна ни одна, даже самая мощная держава. Анализ реформ внутри России подводил к выводу о непродуктивности копирования западного опыта без тщательного учета особенностей своей страны. Осознание геополитического и культурно-исторического своеобразия России возрождало интерес к идеям *евразийства*, которые также привлекались при обосновании внешнеполитической стратегии.

Утверждение представлений о многополярности формирующейся системы международных отношений, отход от атлантизма и переход к курсу на *разновекторную* внешнюю политику связывались с именем Е. М. Примакова, который в 1996 г. после отставки А. В. Козырева возглавил российский МИД.

Проведению эффективной внешней политики препятствовала и нерешенность ряда важных организационных проблем. Одна из них была связана с уходом из МИД опытных дипломатов на более высокооплачиваемые должности в частном бизнесе. Это сказалось на работе внешнеполитического ведомства. Выступая на коллегии МИД в октябре 1992 г., Б. Н. Ельцин говорил: «Во внешней политике России, к сожалению, много импровизации, непоследовательности и противоречивости. Есть ошибки и просчеты... Беда в том, что МИД следует за событиями и редко предвидит их. Не хватает информации, не хватает анализа, и главное действий... Куда делись мыслители, аналитики, практики — все они оказались неспособными в новых условиях?.. Что тревожит? Россию воспринимают сейчас на Западе как государство, говорящее только «да», государство, которое иногда не замечает, как по отношению к нему другие не выполняют своих обязательств, молча снося обиды, даже оскорбления».

Изменившиеся внешние и внутренние условия существования России ставили новые задачи в области координации международной деятельности между различными ее субъектами. Общими вопросами межгосударственных отношений занимался МИД; свое видение внешней

политики имели военные структуры; формирующийся российский бизнес заявлял о своих приоритетах; субъекты Федерации также заметно активизировали внешнеполитическую деятельность. Между тем в стране не сложилось единой формы организованного представительства и согласования интересов всех действовавших на этом направлении групп. Так, в ноябре 1993 г. руководство Службы внешней разведки (СВР) выступило против расширения НАТО на Восток, а МИД заявил, что это не угрожает России. Именно поэтому в начале 1995 г. в послании Федеральному Собранию Президент прямо поставил задачу «улучшения координации внешнеполитической деятельности». Однако созданный Б. Н. Ельциным в конце 1995 г. Совет по внешней политике полностью с этой задачей так и не справился.

Российско-американские отношения. Отношения с США занимали ключевое место во внешней политике России в 1990-е годы. В целом они заметно изменились в лучшую сторону. В то же время российско-американские связи представляли сложное переплетение взаимодействия, поиска сфер совпадающих интересов и разногласий по конкретным вопросам международных и двусторонних отношений. На взаимодействие двух государств оказывали влияние различия их экономических и политических возможностей. России было трудно претендовать на роль глобальной державы. В сравнении с СССР она обладает более скромным экономическим потенциалом. Ее национальный доход в условиях кризиса сократился вдвое и по оптимистическим подсчетам составляет 8–9% от американского. В 10 раз по сравнению с серединой 1980-х годов уменьшились военные расходы России. Кроме того, в результате дезинтеграции СССР она лишилась прежних союзников и не приобрела новых, в то время как США укрепили лидирующее положение в переживших «холодную войну» военно-политических блоках Европы и Азии.

Новый характер российско-американских отношений получил отражение в двух документах 1992 г.: «Декларация президентов России и США» и «Хартия российско-американского партнерства и дружбы». В них предусматривались отказ сторон рассматривать друг друга в качестве противников; общая приверженность правам человека, экономической свободе; поддержки США курса России на углубление реформ; продолжение процесса сокращения вооружений и сотрудничество в поддержании стратегической и региональной стабильности.

Значительно активизировались российско-американские политические связи. Приобрели регулярный характер встречи президентов двух стран. Оживились межпарламентские контакты, взаимодействие по линии других государственных учреждений и ведомств. Все это позволило добиться важных результатов.

Активно развивалось сотрудничество в сфере сокращения вооружений. В 1992 г. ратифицирован подписанный годом ранее Договор об ограничении стратегических наступательных вооружений (СНВ-1), а уже в 1993 подписан Договор СНВ-2. Стороны достигли рамочной договоренности, предусматривавшей радикальные сокращения наступательных вооружений США и России к началу XX в. Сферой двустороннего взаимодействия становилось сотрудничество в безопасном уничтожении ядерных и химических боеприпасов, а также вопросы нераспространения оружия массового поражения и ракетной технологии.

Начало рыночных реформ в России открыло значительные перспективы для сотрудничества в торгово-экономической области. Снят был ряд ограничений периода «холодной войны», создавалась договорно-правовая база экономического взаимодействия. Рабочим механизмом решения проблем в этой сфере стала созданная в 1993 г. межправительственная российско-американская Комиссия по экономическому и технологическому сотрудничеству (известная по именам ее сопредседателей как «Комиссия Гор–Черномырдин»). Всего в 1990-е годы подписано более 200 двусторонних документов, включая крупные межправительственные и межведомственные соглашения в самых различных областях.

Развернулось российско-американское сотрудничество в урегулировании острых региональных проблем. Эта касалась преодоления последствий кризиса в Персидском заливе, ситуации в Анголе, Никарагуа. Россия и США кооперировали усилия в качестве сопредседателей мирной конференции по Ближнему Востоку. Обсуждался вопрос об ограничении поставок оружия в страны «третьего мира», велся интенсивный поиск нормализации обстановки в Афганистане, бывшей Югославии, Камбодже, Сальвадоре, на Кипре.

В середине 1990-х происходит определенная эволюция российско-американских отношений. Избавление от угрозы коммунистической реставрации в России в результате президентских выборов 1996 г. привело к ужесточению диалога американской администрации с Москвой по спорным вопросам. США стремились реализовать свои планы перестройки международных отношений в духе моноцентризма и американского лидерства. Интенсификация российско-американских контактов в первой половине 1990-х не привела к снятию существовавших в их отношениях противоречий, многие из которых весьма значительны.

США все больше отходили от поддержки традиционных принципов международного права, базирующихся на уважении суверенитета и невмешательстве в чужие дела, в сторону так называемого «гуманитарного вмешательства» под предлогом защиты прав человека и этнических меньшинств. Обосновываемая Вашингтоном правомерность «гуманитарной интервенции» получила название «доктрины Клинтона» и была апробирована во время вооруженной операции на территории бывшей Югосла-

вии в 1999 г. Натовские бомбардировки Белграда привели к значительному охлаждению отношений России с США и их союзниками.

Россия выступала против построения формирующейся системы международной безопасности на основе НАТО, понижения в международных делах роли ООН, ОБСЕ. Американская сторона и ее партнеры по блоку оставили без внимания возражения России по поводу намеченного расширения альянса за счет включения в него бывших стран-участниц Варшавского Договора и некоторых республик распавшегося СССР. США отказывались признать территорию бывшего Советского Союза зоной приоритетных интересов России, интеграционные импульсы в рамках СНГ трактовали как стремление возродить «советскую империю». На противодействие этому была направлена американская доктрина поддержания «геополитического плюрализма» на постсоветском пространстве. Все более острые разногласия заявляли о себе в связи с Договором по ПРО (1972) и попыткам США обойти его и отказаться от ограничений. Несмотря на положительную динамику экономического сотрудничества, в США в отношении российских товаров не были отменены дискриминационные ограничения, сохранялись антидемпинговые пошлины и квоты, существовали препятствия для ввоза в Россию высокотехнологичной продукции. Более агрессивной стала политика Вашингтона по вытеснению России с высокотехнологичных товарных рынков. В целом же в 1990-е годы в российско-американских отношениях сложился достаточно отлаженный механизм взаимодействия и преодоления разногласий.

Россия и Европа. Европейское направление российской внешней политики в 1990-е годы являлось одним из приоритетных. С одной стороны, в Европе были особенно зримыми результаты преодоления «холодной войны», что открывало для России благоприятные перспективы активного участия в жизни континента. С другой — происходившие в Европе глубокие перемены были способны серьезно осложнить ее объективно неизбежное взаимодействие с нашей страной. Среди них наиболее значимы объединение Германии; активизация интеграционных процессов в западной части континента; внешнеполитическая переориентация бывших советских союзников; конфликты на территории бывшей Югославии. Зарождение новой европейской политики России также было осложнено сужением пространственного ареала, значительным сокращением экономического и особенно военного потенциала государства. Все это содержало опасность оттеснения нашей страны на периферию международно-политического развития.

Для России наиболее острой проблемой формирования европейской безопасности был вопрос о роли НАТО в новых условиях. Первоначально были распространены представления о том, что этот блок ожи-

дает та же судьба, что и Организацию Варшавского Договора, поскольку исчез главный объект противостояния альянса. Рассчитывали также, что постепенно НАТО будет трансформироваться из преимущественно военной в политическую структуру обеспечения безопасности. В декабре 1991 г. Б. Н. Ельцин заявил о готовности России присоединиться к этой организации. Однако развитие событий пошло по третьему сценарию. Произошла переориентация НАТО на новые военно-стратегические цели, взят курс на расширение круга участников, появились притязания на исключительное право принимать решения по самым острым вопросам обеспечения европейской безопасности, в том числе и в обход ООН. Россия стремилась противодействовать этим тенденциям, однако начала делать это не сразу.

Во второй половине 1993 г., в связи с обсуждением вопроса о расширении альянса путем включения в него новых членов из числа стран Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ), в России началась антинаатовская кампания, впервые объединившая самые различные политические силы. Лидеры западных стран были проинформированы о решительном возмущении России против включения государств ЦВЕ в НАТО. Кампания подогрела настроения бывших советских союзников в пользу присоединения к альянсу, однако оказала определенное влияние и на западные страны. При обсуждении вопроса о расширении стали подчеркивать, что оно не должно привести к возникновению новых разграничительных линий в Европе или оттеснению России. В связи с этим предполагалось параллельное решение двух задач: включение в НАТО новых членов и развитие отношений с Россией.

Для сотрудничества со странами, не участвующими в альянсе, в январе 1994 г. принята программа «Партнерство во имя мира» (ПРМ). Москва сдержанно отнеслась к этому проекту, присоединилась к нему лишь в мае 1995 г., но участвовала формально. Российское руководство стремилось обеспечить своей стране особый, более привилегированный статус, однако добиться этого не удалось. Ситуация серьезно осложнилась после декабря 1996 г., когда сессия НАТО санкционировала начало процесса расширения альянса. Россия была поставлена перед дилеммой: либо дальнейшее активное противостояние ему (со всеми вытекающими из него политическими и военными последствиями), либо согласие с его решением и попытка обеспечить прорыв в двусторонних отношениях Россия–НАТО.

Под влиянием российского МИД во главе с Е. М. Примаковым выбор сделан в пользу второго, более прагматичного варианта. В результате в мае 1997 г. стороны подписали Основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности. В документе определялись «цели и механизм консультаций и сотрудничества, совместного принятия решений и совместных действий, которые составят ядро взаимо-

отношений между Россией и НАТО». Был создан Совместный постоянный совет Россия–НАТО. Таким образом закладывались политико-правовые основы для превращения отношений Россия–НАТО в один из центральных элементов европейской безопасности.

Однако дальнейшие события показали, что стороны по-разному трактовали смысл достигнутых договоренностей. Если Россия склонялась к тому, чтобы созданный механизм принимал совместные решения по вопросам безопасности в Европе, то в НАТО его рассматривали лишь как форум для совместного обсуждения проблем, рекомендации которого не носили обязательного характера для руководства альянса. Эти различия в позициях ярко проявились в связи с событиями вокруг Косово в 1999 г.

Для России особенно болезненным было то, что совершен не просто акт агрессии против ее исторического союзника, а что это сделано вопреки ее активным возражениям. Бомбардировки Югославии показали неготовность лидеров ведущих западных стран превратить отношения Россия–НАТО в значимый компонент европейской безопасности. Более того, альянс претендовал на право применения силы за пределами стран-участниц без санкции Совета Безопасности ООН. В новой «Стратегической концепции НАТО», одобренной на юбилейном саммите альянса в апреле 1999 г., в число задач организации впервые включалось «проведение операций по реагированию на кризисные ситуации», не связанные с коллективной обороной от внешней агрессии.

Активное участие в европейских делах Россия принимала в рамках Общеввропейского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) — наиболее представительной по составу участников и универсальной по функциям структуры. В отличие от других европейских объединений, здесь она является полноправным участником. По ее инициативе разработана и на саммите ОБСЕ в Стамбуле (1999) одобрена Хартия европейской безопасности, где анализировались вызовы, с которыми предстоит столкнуться континенту в XXI в. В документе подтверждалась приверженность Уставу и ООН и отсутствовала проблематика «нового интернационализма» по гуманитарным основаниям. Под влиянием России в Хартии нашла широкое отражение анти-террористическая проблематика. В рамках ОБСЕ велись переговоры о сокращении вооружений. В 1999 г. одобрена важная для России новая редакция Договора об обычных вооруженных силах в Европе, где учитывались возникшие после окончания «холодной войны» новые реалии.

Не менее важным для России было расширение связей с Европейским Союзом (ЕС) — едва ли не самой влиятельной организацией, в рамках которой осуществляется интеграция государств-участников. Главной областью интеграционного развития в ЕС является экономика, но объединительные усилия постепенно распространяются и на другие

сферы. В 1990-е годы ЕС выступал как важнейший торгово-экономический партнер России. В 1997 г. вступило в силу Соглашение о партнерстве и сотрудничестве между ЕС и Россией, открывающее широкие возможности для привлечения инвестиций в нашу страну.

В 1996 г. Россия принята в Совет Европы — организацию, имеющую целью добиваться расширения демократии и защиты прав человека, развития сотрудничества по вопросам культуры, образования, здравоохранения, молодежи, спорта, информации, охраны окружающей среды. Ориентация на высокие европейские стандарты также важна для динамично развивающейся России.

В целом многосторонние и двусторонние отношения России с европейскими государствами развивались динамично, во многом конструктивно, хотя сохранялись различия по некоторым важным подходам. Помимо вопросов международной безопасности, партнеры далеко не всегда находили общий язык по внутренним проблемам России. Чаше других в центре дискуссий оказывалась чеченская проблематика.

Во второй половине 1990-х годов внешняя политика России приняла более сбалансированный характер. Российская дипломатия стала уделять больше внимания не только западным партнерам. Активнее стали контакты со странами Дальнего, Среднего и Ближнего Востока, государствами Юго-Восточной Азии.

Новый характер приобрели отношения между Россией и странами Центральной и Восточной Европы. В 1992 г. глава российского МИДа А. В. Козырев формулировал задачи на этом направлении следующим образом: «С восточноевропейскими странами Россия придерживается иной, принципиально обновленной стратегии международных отношений. Она полностью избавлена от присущих бывшему СССР элементов высокомерия и эгоцентризма и основана на принципах равноправия и взаимной выгоды. Стратегическая задача на нынешнем этапе — предотвратить превращение Восточной Европы в своего рода буферный пояс, изолирующий нас от Запада. Мы стремимся также к тому, чтобы не допустить вытеснения России из восточноевропейского региона». Однако решить эти задачи не удалось. Как отмечают специалисты, в 1990-е годы восточноевропейские страны стали для России «зоной холода и недоверия».

Руководители государств ЦВЕ в качестве главных задач ставили укрепление экономической и политической интеграции с Западом путем постепенного присоединения к Европейскому Союзу и вступления в НАТО в качестве основы обеспечения своей безопасности. Первоначально Россия не видела в этом большой угрозы. Так, в подписанной в августе 1993 г. советско-польской декларации отмечалось, что намерение Польши вступить в НАТО «не противоречит интересам других стран, в том числе и России», что многими было расценено как согласие

на расширение альянса за счет стран ЦВЕ. Это положение, однако, вызвало критическое отношение среди большей части российской политической элиты и особенно в военной среде. В результате через некоторое время Б. Н. Ельцин направил письмо лидерам Англии, Франции, США и Германии, где он фактически дезавуировал свою прежнюю позицию.

Однако механизм вовлечения в альянс новых членов был запущен и после подготовительной работы 1992–1998 в апреле 1999 г. на юбилейном саммите НАТО в Брюсселе в союз были приняты «кандидаты первой очереди». Ими стали Польша, Чехия и Венгрия. Характерно, что на этом, приуроченном к 50-летию создания этой организации, саммите присутствовали главы всех государств ЦВЕ, Балтии и практически все главы стран СНГ за исключением России и Белоруссии. Особую озабоченность нашей страны вызывало то, что празднования пришлось на период, когда авиация НАТО (с 24 марта) наносила ракетно-бомбовые удары по территории суверенной СРЮ. Приближение — произошедшее и намеченное — границ альянса к территории Российской Федерации при новой трактовке задач НАТО вызывало обоснованную тревогу в самых разных кругах российского общества.

В 1990-е годы намного сократились масштабы экономического сотрудничества между Россией и странами ЦВЕ. Практически свернутой оказалась производственная кооперация, связи сводились в основном к торговле, притом в относительно скромных масштабах. Исключение составляли страны Балтии, которые за счет российских грузопотоков получали до 60% своих валютных доходов. Налаживание новых отношений на рыночной основе тормозилось и таким «наследием прошлого», как проблема взаимных долгов. После перехода в 1990 г. во взаиморасчетах со странами СЭВ с переводных рублей на твердую валюту СССР превратился из кредитора восточноевропейских стран в их должника. Россия же, приняв на себя после распада СССР его долговые обязательства, оказалась должна практически всем государствам Восточной Европы. Сумма долга варьировалась от нескольких десятков миллионов переводных рублей Румынии до 5 млрд долларов Чехословакии. Все это блокировало экономические связи между бывшими союзниками. Только во второй половине 1990-х годов переговоры о порядке погашения долгов привели к конструктивным взаимоприемлемым соглашениям.

При однозначном экономическом стремлении стран ЦВЕ в ЕС здесь в этот период происходило осознание сложности интеграции в европейские структуры. Наметился взаимный спад существовавшей в 1991–1992 гг. эйфории. Более строгий учет собственных возможностей и геоэкономических процессов подводил лидеров этих стран к заявлениям о своем особом пути европейской интеграции и отношениях с соседними странами, включая Россию.

Россия и Содружество Независимых Государств. Два первых года существования Содружества характеризовались центробежными тенденциями, быстрым распадом целостности пространства бывшего СССР. В 1993 г., с ликвидацией единой рублевой зоны, прекратилось существование общего экономического пространства. В разных направлениях развивались политические и правовые системы. Новые государства активно устанавливали самостоятельные экономические, политические и военно-политические отношения с третьими странами. К 1993 г. завершился раздел Советской Армии и формирование национальных Вооруженных сил.

Российская политика в отношении стран СНГ в 1990-е годы СНГ определялась противоборством двух тенденций. Часть политиков считали необходимым сохранить Содружество в качестве сплоченного геополитического объединения при доминирующей роли России. Сохранение и укрепление многостороннего сотрудничества в рамках СНГ рассматривалось в качестве главного направления российской политики. Другой подход исходил из признания неизбежности геополитического и геоэкономического плюрализма на постсоветском пространстве, обусловленного как ограниченностью ресурсов России, так и ее приоритетной заинтересованностью в интеграции в глобальные экономические процессы. В середине 1990-х доминировала первая линия, которая определена Б. Н. Ельциным, утвердившим своим указом в сентябре 1995 г. документ «Стратегический курс России с государствами — участниками Содружества Независимых Государств».

В январе 1993 г. принят Устав СНГ. Координация действий в рамках Содружества осуществлялась Советом глав государств, Советом глав правительств, Советом министров иностранных дел, Советом министров обороны и Советом командующих пограничными войсками, Межпарламентской ассамблеей, а также через органы отраслевого сотрудничества. В Минске функционировал Исполнительный секретариат СНГ. Всего в рамках Содружества в 1990-е годы было подписано около 2 тыс. различных соглашений, большая часть которых не реализована.

К концу десятилетия стало очевидным, что в рамках СНГ удалось смягчить последствия распада СССР, но интеграционные цели не достигнуты. Сократилось экономическое сотрудничество между Россией и странами СНГ (уменьшился объем внешнеторгового оборота, не удалось создать ни Экономический союз, ни даже зону свободной торговли). Не увенчалось успехом взаимодействие и в военно-политической области: не выполнен в полном объеме Ташкентский договор о коллективной безопасности (1992), сокращалось российское военное присутствие в государствах Содружества, оказалась нереализованной концепция совместной охраны границ. В политической сфере не удалось решить главную поставленную задачу — превратить СНГ в «политическое объединение

государств, способное претендовать на достойное место в мировом сообществе». Более того, внутри СНГ шел процесс формирования разнонаправленных коалиций, притом без участия России. Не сложилось многостороннего сотрудничества стран СНГ и в гуманитарной сфере.

Во второй половине 1990-х в российской политике в отношении СНГ обозначились перемены. Наша страна стала более прагматично подходить к его проблемам. Отступили на второй план задачи интеграции в военно-политической сфере, происходила «экономизация» связей. С 1999 г. Россия перестала настаивать на наделинии органов СНГ национальными полномочиями, против чего возражало большинство государств-участников. Постепенно акцент переносился на эффективность двустороннего и многостороннего сотрудничества в рамках Союза Белоруссии и России, а также с участниками Договора между Россией, Белоруссией, Казахстаном и Киргизией об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях.

Россия и югославский кризис. Начало боевых действий на территории

Югославии связано с объявлением 25 июня 1991 г. Словенией и Хорватией о своей полной независимости и о выходе из состава Югославии. Это произошло после проведения на территории этих республик референдумов, в которых за это проголосовало большинство населения. Вслед за объявлением независимости на территорию сепаратистов вступили части Югославской народной армии (ЮНА).

Особенно сложно складывалась ситуация в Хорватии. Здесь жило много сербов, которые не хотели отделяться от Югославии. Власти же Хорватии стремились «самоопределиться» в существовавших административных границах, установленных вскоре по окончании Второй мировой войны бывшим руководителем Югославии И. Тито (хорватом по национальности), а также включить в состав вновь образуемого государства населенные хорватами земли Боснии и Герцеговины. Это привело к тому, что хорватские сербы осенью 1991 г. провозгласили независимость от Хорватии, создали ряд своих территориальных образований и заявили о желании объединиться с Югославией. Им на помощь пришла ЮНА, и в места ее столкновений с хорватами в конце 1991 г. были введены «голубые каски» ООН.

Намного запутаннее этнополитическая и конфессиональная ситуация была в Боснии и Герцеговине. Мусульманская и хорватская общины стремились к отделению от СФРЮ, чего не желали жившие здесь сербы. В результате весной 1992 г. в регионе существовали: Хорватское государство Герцег–Босния, мусульманское Босния и Герцеговина; им противостояла Республика Сербская Боснии и Герцеговины. Еще ранее на территории республики использовались силы ЮНА. В столкновениях между общинами имели место и «этнические чистки».

В последний год существования СССР высказывался за сохранение целостности СФРЮ и дистанцировался от происходящих в ней событий. Однако с начала 1992 г. ситуация резко изменилась. Вслед за США и рядом европейских государств независимость Хорватии, Словении, Боснии и Герцеговины признала и Россия. Она также «положительно отнеслась к воле народов Сербии и Черногории жить в едином государстве», созданном в апреле 1992 г. и взявшем название Союзная Республика Югославия (СРЮ). Российская внешнеполитическая линия в конфликте в 1990-е годы определялась, с одной стороны, давлением патриотического, коммунистического большинства в парламенте, требовавшего защиты исторического союзника России на Балканах, с другой — позициями западных партнеров, от кредитов и политической поддержки которых во многом зависела стабильность внутривнутриполитического положения руководства Российской Федерации.

Изначально страны Запада стремились помешать использованию вооруженных сил СРЮ для поддержки сербских сил на территориях недавно возникших стран. С этой целью 30 мая 1992 г. СБ ООН принял решение о введении режима санкций против СРЮ за участие в боснийском конфликте. Тогда Россия проголосовала за санкции, которые больно ударили по экономике СРЮ. В то же время она принимала активное участие в попытках урегулирования югославского кризиса, будучи членом международной Контактной группы (КГ). Однако становилось все очевиднее, что Запад не является беспристрастной стороной в конфликте, поддерживая антисербские силы. Это нашло отражение в бомбардировках в 1994 и 1995 гг. позиций воюющих сербов авиацией стран НАТО, осуществленных на основе расширительной трактовки резолюций ООН, против чего выступала Россия. В результате политического и военного давления руководство СРЮ (воглавляемое С. Милошевичем) весной 1995 г. согласилось признать Боснию и Герцеговину, а также и Хорватию в их, международно признанных, границах, а также бойкотировать боснийских и краинских сербов до принятия мирного плана.

Широкий круг проблем бывшей Югославии нашел отражение в документах, подготовленных в ноябре 1995 г. в Дейтоне (США) и оформленных в Парижских соглашениях 14 декабря 1995. Соглашения предусматривали и проведение военной операции, согласно которой в регион вводились международные силы для выполнения достигнутых договоренностей. Их общая численность определялась в 60 тыс. человек, в том числе 20 — военнослужащие США. Россия свое участие в миротворческих силах оговорила особыми условиями.

Новое обострение югославского кризиса началось в 1998 г. Фактическое поражение сербов в 1991–1996 гг. способствовало оживлению радикального сепаратистского движения албанцев в сербской области Косово. На территории соседней Албании формируется так называе-

мая «Освободительная армия Косово». В ответ на ее террористические действия против сербов сербская полиция проводит ответные операции, которые албанской стороной квалифицируются как геноцид против мирного населения. Однако при активном участии стран НАТО формируется международное мнение об ответственности за этнические чистки, в первую очередь сербской стороны. Предлогом для силового решения конфликта стало для НАТО обнаружение тел 45 албанцев, убитых в местечке Рачак в Косово. В рамках начавшейся 24 марта 1999 г. военной операции под названием «Союзнические силы», в которой приняли участие 13 стран-членов НАТО, были нанесены ракетно-бомбовые удары по военным и гражданским объектам СРЮ, которые повлекли за собой огромные человеческие жертвы и материальные потери. Погибли 2 тыс. гражданских лиц, 7 тыс. получили ранения, 30% из них — дети. Материальный ущерб превысил 200 млрд долларов. Бомбардировки были прекращены 10 июня 1999 г., когда СРЮ приняла натовский ультиматум. Из Косово выведены сербские войска, а вместе с международными силами в край вернулись не только албанские беженцы, но и боевики ОАК. В результате сложившейся обстановки вероятность отторжения Косово от СРЮ заметно возросла.

Россия и страны Азиатско-Тихоокеанского региона. Преобразования в СССР и России в конце 1980 — начале 1990-х годов делали политику страны в АТР более динамичной. 1989 г. был поворотным для нормализации отношений с Китаем: в мае этого года состоялся официальный визит в Пекин М. С. Горбачева, во время которого нормализованы межгосударственные отношения СССР и КНР. Взятый тогда курс закреплен после распада СССР. В 1992 г. в период визита в Пекин уже Президента РФ Б. Н. Ельцина подписана Пекинская декларация, подтверждающая волю сторон к активному сотрудничеству.

В 1990-е годы отношения между двумя странами развивались достаточно стабильно. Всего с 1991 по 1999 г. состоялось 6 российско-китайских встреч на высшем уровне, которые происходили поочередно в Москве и Пекине. КНР стал вторым по значению торговым партнером России и одним из основных покупателей российской промышленной продукции, в том числе военной техники и технологий. Российские специалисты участвовали в реализации китайских проектов по развитию атомной энергетики.

России и Китаю удалось достичь важных договоренностей в области урегулирования пограничных вопросов, длительное время осложнявших отношения между государствами. В 1991 г. подписано соглашение о восточном участке российско-китайской границы, а в 1994 — о западном. Оба договора ратифицированы парламентом. К 1997 г. российско-китайская граница была согласована на 97% ее протяженности. В апреле 1996 г. подписано российско-китайское соглашение о мерах доверия

в зоне границы, к которому в 1997 г. присоединились Казахстан, Киргизия, Таджикистан (возникла так называемая «шанхайская пятерка»). Стороны согласились о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы, в результате чего на протяжении 7,5 тыс. км создана полоса пониженной военной активности глубиной 100 км по обе стороны ее линии. «Шанхайский форум» — встречи руководителей пяти стран на высшем уровне для обсуждения вопросов пограничного сотрудничества — регулярно проводился в 1990-е годы.

Важное место в развитии российско-китайского политического сотрудничества заняла двусторонняя Декларация о многополярном мире и формировании нового международного порядка, подписанная в Москве в апреле 1997 г. Стороны заявляли о стремлении к установлению «равноправного доверительного партнерства, направленного на стратегическое взаимодействие в XXI веке». В документе констатировалось окончание эпохи биполярности и выражалась готовность содействовать формированию иной, многополярной структуры международных отношений. Россия и Китай осудили гегемонизм как явление международной жизни.

Достаточно устойчиво развивались отношения России с Японией. Их значение обусловлено тем, что эта страна занимает второе место в мире по экономической мощи, а также тем, что сотрудничество с ней в регионе (как и с США) является особенно важным для России в связи с ростом экономической мощи и повышением самооценки Китая. В то же время российско-японские связи были отягощены спором о принадлежности южной части Курильской гряды. Признав в 1956 г. возможность обсуждения «территориального вопроса», советская сторона под влиянием изменения международной ситуации в начале 1960-х годов до конца 1980-х отказывалась это делать. Положение изменилось в период «перестройки», когда во время апрельского 1991 г. визита М. С. Горбачева в Японию текст советско-японского коммюнике зафиксировал о стремление сторон к мирному урегулированию (в виде подготовки мирного договора), определил территориальные его аспекты в форме демаркации. Аппетит японцев был подогрет как ослаблением СССР, так и готовностью некоторых отечественных политиков быстро и решительно — в духе «нового мышления» — решить территориальный вопрос.

После распада СССР и до 1993 г. Япония настаивала на категоричной формуле «только все и только сразу», т.е. на одновременной передаче всех четырех островов, отойдя даже от компромисса, зафиксированного в декларации 1956 г., которая предполагала передачу лишь двух островов при условии заключения мирного договора. В 1992 г., под влиянием критики общественности и возражений властей Сахалинской области, российское руководство в полуофициальных выступлениях своих представителей говорило о несвоевременности и неприемлемос-

ти требований японской стороны. Однако жесткая позиция Японии привела к тому, что в 1992 г. визит Ельцина в Токио дважды откладывался.

Позже Япония, убедившись в невозможности разрешения проблемы в условиях неустойчивой политической ситуации в России и сильной общественной оппозиции передаче островов, смягчила свои позиции. В ноябре 1993 г. во время визита в Японию российский президент принес извинения японскому народу за жестокости, с которыми столкнулись в СССР японские военнопленные, удерживавшиеся в советских лагерях до 1950-х годов. Тогда же была подписана Токийская декларация, в которой стороны выразили готовность продолжить поиск решения проблемы мирного договора и в этом контексте — обсуждение проблемы спорных островов. Новым шагом в этой дискуссии стала состоявшаяся в 1997 г. в Красноярске «встреча без галстуков» Б. Н. Ельцина и премьер-министра Р. Хасимото, на которой подписано соглашение о намерениях добиваться разрешения спора об островах до 2000 г. Однако в дальнейшем эта инициатива развития не получила.

Еще в январе 1990 г. восстановлены дипломатические отношения между СССР и Республикой Корея. В 1990-е годы контакты между Россией и Южной Кореей развивались достаточно стабильно. Они опирались на заключенный в 1992 г. Договор о дружбе и сотрудничестве. Это пока единственный случай подписания такого рода документа с восточно-азиатским государством—союзником США. Особенно динамично развивались торгово-экономические отношения между двумя странами. Вместе с тем установление Москвой дипломатических отношений с Сеулом привело к охлаждению ее отношений с КНДР, которые на протяжении 1990-х годов оставались достаточно натянутыми.

Россия стремилась включиться в региональные экономические процессы, используя для этого участие в многосторонних институтах региональной интеграции, которые в 1990-е годы приобрели важное значение в АТР (их насчитывалось более 15). С 1996 г. Российская Федерация в качестве гостя и наблюдателя участвовала в работе структур наиболее важной региональной организации — АСЕАН, охватывающей зону Юго-Восточной Азии. В 1998 г. наша страна принята во вторую по важности региональную структуру — Азиатско-Тихоокеанский экономический совет (АТЭС).

§ 1. Стабилизация системы общественных отношений

Поиск новых ориентиров. 31 января 1999 г. Президент РФ Б. Н. Ельцин во время новогоднего Обращения к гражданам России объявил о своей отставке. Обязанности президента, в соответствии с Конституцией, возлагались на Председателя Правительства В. В. Путина, а новые президентские выборы назначались на май 2000 г.

Накануне в прессе появилась программная статья В. В. Путина «Россия на рубеже тысячелетий», в которой потенциальный еще тогда президент изложил свое видение прошлого и представления о стоящих перед страной задачах. По его мнению, прежде всего была необходима консолидация российского общества. «Плодотворная, созидательная работа, в которой нуждается наше Отечество, невозможна в обществе, находящемся в состоянии раскола, внутренне разобщенном». При том, подчеркивал автор, «не должно быть принудительного гражданского согласия. Любое общественное согласие здесь может быть только добровольным».

В. В. Путин писал о важности укрепления государства. «Ключ к возрождению и подъему России находится сегодня в государственно-политической сфере. Россия нуждается в сильной государственной власти и должна иметь ее». И, конкретизируя эту идею, автор подчеркивал: «Сильная государственная власть в России — это демократическое, правовое, дееспособное федеративное государство».

Касаясь экономических проблем, он писал о необходимости значительного повышения эффективности экономики, проведении последовательной и результативной социальной политики, нацеленной на борьбу против бедности, на обеспечение устойчивого роста благосостояния населения.

В статье говорилось о важности государственной поддержки науки, образования, культуры, здравоохранения, поскольку «страна, где люди не здоровы физически и психически, малообразованны и невежественны, никогда не поднимется на вершины мировой цивилизации».

Заканчивалась статья тревожной констатацией того, что Россия переживает один из самых трудных периодов своей многовековой истории. «Пожалуй, впервые за последние 200–300 лет она стоит перед лицом реальной опасности оказаться во втором, а то и в третьем эшелоне государств мира». Чтобы этого не произошло, нужно огромное на-

пряжение всех интеллектуальных, физических и нравственных сил нации. Потому что «все сейчас зависит только от нашей способности осознать степень опасности, сплотиться, настроиться на длительный и нелегкий труд».

Укрепление государственности. Основные идеи статьи нашли отражение в предвыборной платформе В. В. Путина и поддержаны большинством граждан страны, что в полной мере проявилось в мае 2000 г., когда второй президент России был избран уже в первом туре, набрав 52% голосов избирателей. Началась интенсивная работа по совершенствованию всех общественных структур. Ее смысл он определил в одном из выступлений, где констатировал, что в 1990-е годы в стране были *заложены основы* рыночной экономики и демократического устройства, для закрепления и развития которых в новых условиях необходимо *навести порядок*.

По мнению Президента, к 2000 г. Россия приобрела ряд признаков, присущих «не федеративному, а децентрализованному», конфедеративному государству. Ослабление Центра не позволяло ему проводить в регионах России эффективный социально-политический и экономический курс. Поэтому насущной стала задача укрепления и совершенствования «вертикали власти». С этой целью уже в мае 2000 г. Указом Президента РФ на территории России создано семь федеральных округов: Северо-Западный, Центральный, Приволжский, Южный, Уральский, Сибирский, Дальневосточный. Они не были ни новыми административными единицами, ни тем более субъектами федерации. Их возглавили полномочные представители президента, на которых возлагалась обязанность координировать деятельность местных органов власти на основе общероссийского законодательства, добиться неукоснительного исполнения Конституции России всеми субъектами федерации. Развернулась большая работа по приведению региональных правовых актов (конституций, законов, указов) в соответствие с общефедеральными нормами.

На повышение эффективности государственного управления была направлена и реформа верхней палаты Федерального Собрания России — Совета Федерации, в который входили главы исполнительной власти (президенты, губернаторы) и законодательных собраний субъектов федерации. В 2000 г. места руководителей республик, краев и областей стали постепенно занимать их представители, которые теперь работали в Совете Федерации на постоянной основе. Бывшие члены Совета Федерации вошли в состав созданного Государственного совета.

В Думе сформировалось устойчивое пропрезидентское большинство, стоящее на центристских позициях. В 2000 г. его составляли фракции «Единство», «Отечество — вся Россия», «Народный депутат» и группа «Регионы России», которые вместе располагали 235 мандатами. Это

позволяло Президенту проводить более активную политику, опираясь на поддержку законодателей.

Дан был новый импульс реформе Российской армии. В соответствии с «Планом строительства Вооруженных сил РФ» (январь 2001) предусматривался рост их финансирования при сокращении личного состава; запланировано оснащение войск современной и перспективной боевой техникой. К 2010 г. предполагалось перейти преимущественно на контрактную основу комплектования армии. В процессе экспериментов 2001–2004 гг. отработывались элементы этой программы. В июне 2002 г. был принят закон «Об альтернативной гражданской службе».

В том же году озвучены планы радикальной перестройки системы МВД. На его базе намечалось создать муниципальную милицию (бытовые преступления), федеральную полицию (угрозыск, ГАИ, борьба с оргпреступностью и наркотиками, лицензионно-разрешительные и миграционные службы), а также Федеральную службу расследований и Национальную гвардию. Эта реформа на время отложена.

Произошли значительные структурные изменения в системе органов государственной безопасности. В 2003 г. Федеральной службе безопасности возвращены Федеральная погранслужба (ФПС) и Федеральное агентство правительственной связи (ФАПСИ). Расформирована Федеральная служба налоговой полиции (ФСНП), налогово-фискальные функции которой переданы в МВД.

Активизировалась работа по совершенствованию организационных и правовых основ деятельности других звеньев государственного аппарата. Модернизировалась судебная система: в 2002 г. приняты новые акты, регулирующие деятельность суда и адвокатуры, интенсивно вносились поправки в действующие кодексы. В 2003 г. подготовлены акты, определяющие основные параметры административной реформы, призванной четко определить перечень полномочий различных уровней власти и обеспечить их необходимыми финансовыми источниками.

Обеспечение гражданского согласия. Широкая поддержка антитеррористической операции федеральных сил в Дагестане и Чечне осенью 1999 г. отразила стремление россиян к избавлению от беспредела, обеспечению безопасности, наведению порядка, утверждению стабильности в обществе. Борьба против террористов, которую возглавил тогда еще премьер-министр В. В. Путин, сплотила большинство российских граждан. Вновь избранный Президент придавал большое значение преодолению разобщенности, достижению национального согласия, развитию структур гражданского общества в России.

После долгих лет острых дискуссий в декабре 2000-го по предложению Президента Дума утвердила государственные символы России. Ими стали: Герб в виде двуглавого орла и трехцветный флаг; за Вооружен-

ными силами сохранялись красные знамена советской эпохи; в качестве музыкального символа был возвращен созданный в годы Великой Отечественной войны гимн А. В. Александрова с новыми словами прежнего автора — С. В. Михалкова. Такое сочетание элементов символики имеет целью объединить различные эпохи истории России, примирить сторонников различных политических настроений, продемонстрировать преемственность и новизну в развитии страны.

Весной 2001 г. Госдума приняла новый закон о политических партиях. Его идея состояла в том, чтобы партии были не узкими региональными объединениями, а являлись выразителями интересов граждан в государственном масштабе. Поэтому все существующие должны в течение двух лет пройти перерегистрацию, чтобы доказать свое право выступать от имени граждан в качестве общенациональных объединений.

В 2000–2004 гг. большое внимание в публичной политике уделялось укреплению института Президента, который рассматривался не только как высшее должностное лицо, но и один из спланированных обществом личностных символов. Очевидно стремление главы государства выступать в роли общенационального лидера, проводящего политику с учетом позиций всех социальных групп для укрепления страны в целом. Путин часто, и в разных формах, выступал с разъяснением принимаемых руководством мер, в том числе, тех, которые длительное время считались непопулярными. Президент и Правительство налаживали конструктивный диалог с организациями, отражающими интересы различных корпоративных и других структур. Так, в ноябре 2001 г. в Москве прошел Гражданский форум, на котором присутствовали делегаты, представлявшие сотни общественных неполитических организаций. Он принял решения, направленные на координацию усилий представителей общественных объединений и государственных учреждений по обсуждению крупных, социально значимых проблем. В этом контексте следует рассматривать и острую полемику о роли средств массовой информации в формировании гражданского общества в России.

Экономическая политика. В 2000 г. Министерство экономического развития и торговли подготовило обширный документ — «Основные направления социально-экономического развития Российской Федерации на долгосрочную перспективу», который определил стратегические приоритеты экономической политики государства на период до 2010 г. С первых дней нового тысячелетия внимание Президента и Правительства, руководимого в период первого президентского срока В. В. Путина премьер-министром М. М. Касьяновым, было сосредоточено на решении серии безотлагательных вопросов.

Уже вскоре после избрания Президент провозгласил необходимость «равноудаления олигархов» от власти, т.е. ликвидации необоснованных привилегий и, следовательно, доходов, которые имели некоторые пред-

приниматели за счет «особых» отношений с чиновничеством и политиками. К этой теме общественное внимание было привлечено в 2003 г. при расследовании так называемого «дела ЮКОСА», когда были усилены многие акценты, касавшиеся ответственности крупного бизнеса перед государством и обществом и провозглашалось намерение создать равные «правила игры» для всех участников хозяйственной деятельности. Был принят Закон РФ «О противодействии отмыванию преступных доходов». Для реализации этой задачи в ноябре 2001 г. при Минфине был учрежден новый орган — Комитет по финансовому мониторингу. Россия вступила в сообщество международных финансовых разведок.

Улучшению делового климата способствовало принятие в конце 2000 г. новых Налогового и Таможенного кодексов, а также добавлений в Гражданский кодекс РФ. Шкала налогов снижена с 30 до 13% и стала самой низкой в Европе, что создало предпосылки для выхода многих секторов экономики из «тени». Уменьшены таможенные ввозные пошлины. Эти меры привели к заметному пополнению казны за счет налогов и таможенных сборов в 2001 г. Но обсуждались и пути дальнейшей оптимизации налоговой системы.

В 2000–2003 гг. сделаны важные шаги к углублению рыночных преобразований в секторах, которые называют «естественными монополиями». Уже осуществленные и намечаемые преобразования в управлении нефтяной, газовой индустрией, электроэнергетикой, в системе железнодорожного транспорта и сфере жилищно-коммунального хозяйства направлены на создание конкурентной среды, привлечение инвестиций, что должно привести к качественному улучшению положения в этих областях. Многие министры экономического блока Правительства исходили из того, что государственное управление неэффективно «по определению» и потому государство должно оставить в своей собственности лишь те объекты, которые необходимы для реализации его функций. На этой основе проводилась дальнейшая приватизация государственных предприятий, которая постепенно охватывала новые отрасли.

Огромное экономическое, а также политическое значение имело принятие Думой в сентябре 2001 г. нового Земельного кодекса, закрепившего право собственности на землю и определившего механизм ее купли-продажи. Документ не затрагивал лишь земли сельскохозяйственного назначения. Однако уже в июне 2002-го парламент одобрил закон «Об обороте земель сельхозназначения», который санкционировал куплю-продажу и этой категории угодий. Принятый акт сравнивали по значению с реформой Александра II. На улучшение ситуации в аграрной сфере направлено льготное кредитование аграрных предприятий, увеличение поставок техники, некоторые протекционистские меры.

В 2000–2004 гг. руководство страны не раз высказывало озабоченность по поводу «сырьевого крена» в развитии российской промышлен-

ности. В качестве стратегической поставлена задача добиться прогресса в отраслях, базирующихся на современных технологиях и производящих наукоемкую продукцию. Указывалось на необходимость обеспечить прорыв на тех направлениях, где российская наука соответствует мировому уровню.

В этой связи государство стало уделять больше внимания оборонно-промышленному комплексу (ОПК), в котором традиционно сосредоточен колоссальный высокоинтеллектуальный потенциал. Расширение финансирования и начавшиеся в ОПК преобразования направлены на решение проблем как военного, так и гражданского характера.

Новые инициативы экономической политики дали положительный эффект. В течение четырех лет госбюджет сводился с профицитом. Это дало возможность поставить вопрос о подготовке перехода страны к устойчивому и более динамичному экономическому развитию.

Позитивные перемены в народном хозяйстве позволили значительно усилить социальную направленность проводимой политики. Уже к концу 2000-го удалось погасить большую часть многомесечной задолженности по зарплате, пособиям и пенсиям. В 2001–2004 гг. несколько раз повышалась зарплата различным категориям работников бюджетной сферы, увеличены пенсии. Постепенно стали расти реальные доходы граждан. Появлялись новые рабочие места, что только в 2001 г. привело к сокращению числа безработных на 700 тыс. человек. Приняты новый Трудовой кодекс, пакет законов по пенсионной реформе. На перспективы социального развития благотворное влияние оказывало увеличение ассигнований на поддержку учреждений науки, культуры и образования. Особое внимание правительство уделяло модернизации средней и высшей школы.

Население РФ по переписи 2002 г. Согласно опубликованным основным итогам Всероссийской переписи населения (первой после 1991 г.), численность населения России (145 164 тыс. человек) по сравнению с переписью 1989 г. (147 022 тыс.) уменьшилась на 1,8 млн, в том числе в городских поселениях — на 1,6 млн, в сельской местности — на 0,2 млн. Распределение населения между городом и селом не изменилось. В городах в 2002 г., как и в 1989 г. проживало 73% населения, на селе — 27%. При этом 62,2 млн россиян в качестве источника средств к существованию указали доход от трудовой деятельности. Почти треть населения (43,5 млн) являлась иждивенцами отдельных лиц. Стипендии, пенсии по старости и другие виды государственного обеспечения были источником средств к существованию для 58,5 млн человек. Впервые получена численность лиц, у которых источником существования являются сбережения и доход от ценных бумаг (0,4 млн), доход от сдачи внаем или в аренду имущества (0,2 млн). Пособие по безработице получали 1,2 млн человек.

Впервые при переписи получена информация о статусе населения в занятости. Из общего числа лиц в возрасте 15 лет и более, занятых в экономике,

58 млн человек (95%) являлись работающими по найму, примерно 1 млн (1,5%) — работодатели, привлекающие для осуществления своей деятельности наемных работников, и около 2 млн (3%) — индивидуальные предприниматели.

Перепись показала существенные изменения в этнической структуре российского народа. При переписи было получено более 800 различных вариантов ответов населения на вопрос о национальной принадлежности. Госкомстат представил данные о 192 национальностях, проживающих в стране. Зафиксированы 33 народа, численность которых превышает 100 тыс. человек (в это число входит 7 народов, насчитывающих более миллиона человек: русские—115 868,5 тыс. человек, татары — 5558 тыс., украинцы — 2943, 5 тыс., башкиры — 1673,8 тыс., чувашы — 1637,2 тыс., чеченцы — 1361 тыс., армяне — 1130,2 тыс.). По недавним представлениям, народы с такой численностью, имеющие свои национально-государственные образования на территории России, относили к числу наций. По переписи 2002 г. в их число можно включить 24 народа (русские, татары, башкиры, чувашы, чеченцы, мордва, аварцы, удмурты, марийцы, кабардинцы, осетины, даргинцы, буряты, якуты, кумыки, ингуши, лезгины, коми-зыряне, тувинцы, калмыки, лакцы, адыгейцы, коми-пермяки, балкарцы). Народы с меньшей численностью ранее относили к числу народностей и этнических групп. Национальности, независимо от численности, имеющие свои национальные образования за пределами России, относили к числу национальных групп. В наше время наиболее многочисленными из них — украинцы, армяне, белорусы, казахи, азербайджанцы, немцы, евреи, грузины, корейцы. За межпереписной период 11 из крупных российских народов (русские, украинцы, чувашы, мордва, белорусы, удмурты, марийцы, немцы, коми-зыряне, евреи, коми-пермяки) уменьшили свою численность.

Причина — в отрицательном естественном приросте, а также и в эмиграции или переселении. Часть крупных народов значительно (в 1,3–2,1 раза) увеличили свою численность — в основном за счет естественного прироста (ингуши, кумыки, чеченцы, лезгины, лакцы, даргинцы, аварцы, балкарцы, кабардинцы, корейцы) и иммиграции в Россию (армяне, азербайджанцы, грузины). Впервые после переписи 1897 г. получена численность лиц, отнесших себя к казакам (140 тыс.) и также впервые после переписи 1926 г. зарегистрированы назвавшие себя кряшенами (около 25 тыс. человек). Около 1,5 млн человек не указали свою национальную принадлежность.

Согласно переписи, почти 142,5 млн человек (98% населения) являются гражданами Российской Федерации, более миллиона человек — гражданами других государств, 430 тыс. — лица без гражданства. Из общей численности граждан России 44 тыс. человек имеют двойное гражданство. Значительная их часть — евреи, которых насчиталось в России 230 тыс. (0,16% всего населения России). Примерно 1,3 млн человек не указали свое гражданство.

Новые черты во внешней политике. К началу тысячелетия российская внешняя политика завершила стадию своего становления. Результатом осмысления роли и места в мировом сообществе и путей реализации долгосрочных национальных интересов нашей страны на международной арене стало появление в 2000 г. трех новых важных

базовых документов. Концепция национальной безопасности содержит анализ внешних угроз интересам Российского государства. На ее основе принята Военная доктрина, развивающая положения этой Концепции применительно к оборонному строительству. Концепция внешней политики решает ту же задачу применительно к конкретным областям внешнеполитической деятельности страны.

Суть внешней политики России в концентрированном виде изложена В. В. Путиным в Послании Федеральному Собранию Российской Федерации в апреле 2002 г. «Мы строим со всеми государствами мира — хочу это подчеркнуть — со всеми государствами мира — конструктивные нормальные отношения. Однако хочу обратить внимание и на другое: нормой в международном сообществе, современном мире является и жесткая конкуренция — за рынки, за инвестиции, за политическое и экономическое влияние. И в этой борьбе России надо быть сильной и конкурентоспособной... Российская внешняя политика и в дальнейшем будет строиться сугубо прагматично, исходя из наших возможностей и интересов — военно-стратегических, экономических, политических. А также с учетом интересов наших партнеров, прежде всего по СНГ».

Реализуя идею разновекторной политики, Россия в 2000–2004 гг. поддерживала связи со многими странами мира на разных континентах. Продолжался интенсивный диалог по самой широкой проблематике с США и другими государствами Запада. Наряду с двусторонними контактами сотрудничество осуществлялось в рамках многосторонних форумов и организаций («большая восьмерка», НАТО, ОБСЕ, ЕС, МВФ и др.) Помимо визитов в западные страны, российский президент посетил Китай, Индию, Японию, Северную и Южную Корею, Вьетнам, Кубу, участвовал в региональных форумах Азиатско-Тихоокеанского региона.

Огромное влияние на состояние международных отношений оказали террористические акты в США 11 сентября 2001 г. Они привели к консолидации мирового сообщества в борьбе против мирового терроризма. Сентябрьские события объективно способствовали осознанию той важной роли, которую призвана играть Россия в формировании новой системы международной безопасности, где на первый план выдвигается противостояние терроризму и борьба за нераспространение средств массового поражения.

В октябре 2001 г. США начали крупную акцию возмездия в Афганистане, где, по их мнению, находился центр главной «виновницы» американской трагедии 11 сентября — руководимой бен Ладеном организации «Аль-Каида». Центральным событием международной жизни в 2003 г. стала начатая 20 марта США и Великобританией антитеррористическая операция в Ираке. Формальным предлогом для вооруженного вмешательства в обход ООН стала информация о наличии у «непредсказуемого» иракского руководства оружия массового уничтоже-

ния. Однако подтвердить эти сведения не удалось. Руководство России назвало агрессию «серьезной ошибкой США». События в Ираке привели к росту антиамериканизма в мире, вызвали всплеск терроризма. Вновь, как и после югославских событий 1999 г., возобновилась дискуссия о месте ООН в структуре современных международных отношений.

Интенсивными были многосторонние и двусторонние контакты России со странами, входящими в СНГ. И хотя уровень взаимодействия с различными государствами был разным, концентрация внимания на решении конкретных проблем (безопасность, совместные экономические проекты и т.д.) способствовала прагматизации отношений между ними. Наша страна стала уделять больше внимания поддержке российской диаспоры за рубежом. Этой теме посвящался Конгресс соотечественников в Москве в октябре 2001 г.

Проблема чеченского урегулирования. Эта проблема и в 2000–2004 гг. занимала важное место в политической жизни России. Походом Ш. Басаева в Дагестан в августе 1999 г. террористические действия сепаратистов не ограничились. 5 и 9 сентября последовали взрывы домов в Буйнакске (Дагестан) и Москве. В результате 147 человек погибли и десятки получили ранения. Комментируя все эти события В. В. Путин еще в ранге и.о. премьера, заявил: «Россия защищается: на нас напали. И поэтому мы должны отбросить все синдромы, в том числе и синдром вины». 23 сентября ракетно-бомбовому удару были подвергнуты склады боеприпасов и оружия боевиков в окрестностях Грозного, а 29 сентября федеральные войска перешли границу с Чечней и начали наземные операции против бандформирований. Активные боевые действия продолжались зимой 1999–2000 гг., в феврале федеральные войска взяли Грозный. В марте 2000-го командующий российской группировкой генерал Г. Н. Трошев заявил о завершении войсковой фазы операции. Однако в дальнейшем проявились сложности партизанской войны. Будучи победителями в дневное время, «федералы» уступали инициативу противнику ночью. Зимой 2001 г. руководство операцией в Чечне передано от Министерства обороны Федеральной службе безопасности (руководитель — Н. П. Патрушев).

В 2000 г. федеральный центр предпринял решительные шаги по созданию гражданских органов власти в Чечне. В июне указом Президента РФ муфтий Чечни А. Кадыров назначен главой администрации. Утверждение в этом статусе бывшего активного участника первой чеченской войны свидетельствовало о готовности Москвы считаться со сложившимися внутричеченскими реалиями. В январе 2001 г. в правительстве России была учреждена должность федерального министра по делам Чечни, создано правительство Чеченской республики, принята Федеральная программа восстановления ее экономики и социальной

сферы, на которую выделено 14,7 млрд. руб. (примерно 500 млн долл.). Реализовать же мирные планы оказалось трудно, поскольку оставшиеся отряды боевиков вели борьбу как против российских военных, так и кадыровской администрации. Сохранялась ситуация вялотекущего конфликта и по-прежнему оставался открытым вопрос о его политическом урегулировании в новых условиях. С конца 2001 г. велись переговоры между доверенным лицом А. Масхадова М. Удуговым и представителем Президента РФ в Южном федеральном округе В. Казанцевым. Однако видимых результатов они не дали.

23 октября 2002 г. отряд чеченских террористов-смертников под командованием М. Бараева численностью более 50 человек захватил в заложники около тысячи зрителей и актеров мюзикла «Норд-Ост» в Театральном центре на Дубровке в Москве. Лидеры боевиков требовали от российского руководства полного вывода войск с территории Чечни, угрожая взорвать здание. Но в спецоперации по спасению заложников 26 октября почти все террористы были уничтожены, взрыв здания удалось предотвратить. В результате штурма погибли и 129 заложников — в основном, вследствие вынужденного применения усыпляющего газа на фоне переутомления и длительного стресса. Впервые со времен рейда Басаева на Буденновск в 1995 г. террористам не удалось уйти с места преступления. Российская власть продемонстрировала твердое намерение не идти на уступки террористам.

События октября 2002 г. актуализировали поиск альтернативных военным подходов. В ноябре того же года инициировано начало конституционного процесса в Чечне. В марте 2003 г. в республике проведен референдум, в котором за принятие предложенного проекта Конституции высказались 96% его участников. Они поддержали также идею выборов президента и парламента республики, что отразило стремление населения к нормализации обстановки. В октябре 2003 г. выборы состоялись, президент и парламент избраны. Началась подготовка договора о разграничении полномочий между федеральными и республиканскими органами власти, значительно увеличились ассигнования на восстановление разрушенной экономики и социальной сферы. Эти меры призваны привести к постепенному перенесению центра тяжести борьбы с боевиками и наведения порядка в Чечне на местные структуры. Для решения этих проблем активно привлекалась чеченская диаспора России, возвращающиеся беженцы из Ингушетии. Однако, события 2000–2004 гг. продемонстрировали, что и у новой чеченской политики Москвы по-прежнему имеются непримиримые противники. Помимо действий боевиков в самой Чечне, страна узнала новый вид преступлений — акции террористов–смертников. Жертвой теракта стал и Президент Чеченской республики А. Кадыров, взорванный на стадионе в Грозном 9 мая 2004 г. во время торжественного парада.

Итоги первого президентства В. В. Путина. Еще в марте 2000 г. В. В. Путин в книге-интервью «От первого лица» наметил график действий на предстоящие годы. «Технологи, с которыми мы работаем, выстраивают программу действий по годам. Первый год — формирование целей и команды; второй год и половина третьего — поэтапное достижение конкретных результатов; конец третьего и начало четвертого — предъявление этих результатов и вхождение в новую избирательную кампанию», — говорил тогда будущий президент.

Анализ основных событий 2000–2004 гг. позволяет сделать вывод о том, что в целом этот график выдерживался. К середине 2002 г. стабилизирована общественно-политическая и социально-экономическая ситуация, намечены основные направления дальнейшего совершенствования государственного устройства, продолжения либерального реформирования экономики и социальной сферы. В то же время на характер внутренней политики с середины 2002 г. во все возрастающей степени оказывало влияние приближение электорального цикла 2003–2004 гг., когда россиянам предстояло избирать новую Думу (декабрь 2003) и президента РФ (март 2004). Поэтому в центре внимания властных структур находилась задача выстраивания баланса общественных сил, позволяющего, с одной стороны, поддерживать стабильность, а с другой — добиться наилучшего результата на выборах.

Это нашло отражение в практике бесконфликтного согласования интересов между различными частями политической, экономической и региональной элиты. Не было громких разоблачений и отставок среди политиков, продолжалась приватизация привлекательных кусков государственной собственности, подтверждено право глав исполнительной власти в регионах переизбираться на третий срок. Одновременно создавались политические и организационно-правовые условия для предсказуемого исхода будущих голосований. Президентские структуры обозначили цель парламентских выборов — формирование конституционного пропрезидентского большинства в нижней палате.

Поправки в Закон о референдуме, запрещающие его проведение за год до общенациональных выборов, предусматривали ограничение возможностей использования этого института в популистских предвыборных целях. Сближением дат выборов парламента и президента они превращались в единый неразрывный цикл, а на политическую рекламу отводился лишь один месяц. Развернулась кампания по вовлечению в партии известных журналистов, деятелей культуры, космонавтов, что должно было улучшить имидж предвыборных объединений.

Обстановка грядущих выборов оказала влияние и на экономическую политику, рамки которой определялись итогами развития предшествующего периода и ожидавшимся осложнением условий функционирования экономики в 2003. В 2000–2002 гг. она развивалась в благопри-

ятной обстановке, что было во многом обусловлено высокими мировыми ценами на сырьевые товары, составляющие основу российского экспорта, — нефть, газ, черные металлы, продажа которых обеспечивала надежные поступления в бюджет. Ожидавшегося в связи с войной в Ираке падения цен на нефть (до 17,5 долл. за баррель) не произошло: она осталась на уровне 25 долларов. Государство безболезненно выплатило 17 млрд долларов по внешним долгам, а золотовалютные резервы Центрального банка достигли рекордного уровня за всю историю страны — 84 млрд долларов.

К началу 2004 г. удалось добиться существенного снижения темпов инфляции. В 1999 г. она составляла 36%; в 2001 — 18; а в 2003 — 12. Рост валового внутреннего продукта (ВВП) колебался, составив в 2003 г. 7%. На этот показатель влияла совокупность внешних и внутренних факторов. Как отмечал В. В. Путин, за эти годы был создан плацдарм для решительного поворота в экономическом развитии страны.

К началу 2004 г. у окружения президента сложилось достаточное четкое понимание задач, которые стране предстоит решать, и представление о механизмах, посредством которых это можно сделать. С этой целью в конце 2003 — начале 2004 гг. предприняты значительные усилия для концентрации властных полномочий группирующихся вокруг президента реформаторов.

В результате выборов в Государственную Думу изменилась политико-политическая конфигурация нижней палаты: ослаблены силы, игравшие видную роль в политике 1990-х годов. Пятипроцентный барьер не преодолели кандидаты от Союза правых сил и «Яблока», а КПРФ получила почти вдвое меньше прежнего число голосов (12,7% голосов вместо 24,3). В парламент прошла ЛДПР (11,6) и новое объединение — блок «Родина» (9,1), отстаивавшие национально-государственные позиции и выступавшие за продолжение социально ориентированных рыночных реформ. Наибольший успех сопутствовал партии «Единая Россия» (37%), откровенно заявлявшей о себе как о партии поддержки Президента. Этой партии, с учетом прошедших по одномандатным округам депутатов, удалось сформировать самую большую фракцию и возглавить все думские комитеты. В новой Думе сторонники Президента получили конституционное большинство (304 депутата).

Реализуемые В. В. Путиным идеи сохранения социально-политической стабильности при проведении назревших, но неизбежно болезненных, реформ нашли поддержку у населения и отразились в результатах голосования по выборам Президента России 14 марта 2004 г. В. В. Путин получил 71,2% голосов участвовавших в выборах, кандидат от КПРФ Н. М. Харитонов — лишь 13,7.

§ 2. От стабилизации — к динамичному развитию

Новые условия развития. На жизнь страны в 2004–2006 гг. оказывали влияние как позитивные факторы, так и осложняющие обстоятельства. Безусловным достижением 2000 — начала 2004 гг. была стабилизация общественно-политической ситуации, являющаяся одним из важных условий совершенствования тех новых политических, экономических, социальных отношений, которые утверждались в стране с начала 1990-х годов. Изменилась и социально-экономическая обстановка. Благоприятная международная экономическая конъюнктура (сохранение высоких цен на нефть и газ) позволяла решать внутренние социально-экономические задачи, отказаться от займов и безболезненно расплачиваться с внешними кредиторами, а также создать мощный Стабилизационный фонд, который, по мнению инициаторов его организации, должен «страховать» бюджет от разного рода рисков. Значительные доходы позволили государству «вернуться лицом» к социальной проблематике. В области внешней политики поддерживались конструктивные отношения с основными участниками мировой политики и международных экономических отношений.

В то же время, многие сферы оставались *«недореструктурированными»*. Прежде всего, предстояло отладить систему государственного управления на всех уровнях, провести административную реформу, оптимизировать структуру правительства и подотчетных ему звеньев. Общероссийская власть и руководство субъектов федерации (краев, областей, республик) должны были определить основные принципы региональной политики, которая отражала бы интересы как всей страны, так и ее весьма разнородных частей. России предстоит масштабное реформирование системы местного самоуправления. Проблемой является слабость партийной системы, других структур гражданского общества, что осложняет выявление и представительство во власти интересов различных социальных групп, а также затрудняет контроль над самой властью.

При том, что в России утвердилась рыночная экономика, ее важнейшие составляющие далеки от совершенства. Стремительное изменение отношений собственности в 1990-е годы до сих пор является причиной неуверенности многих ее новых владельцев. Налоговая политика недостаточно стимулирует отечественный, прежде всего, средний и малый бизнес. Принципиально важным является преодоление «сырьевого крена» национальной экономики, ее диверсификация (гармоничное сочетание сырьевых, добывающих и перерабатывающих и особенно — наукоемких отраслей), что диктует необходимость поиска новых стимулов роста. Большие проблемы накопились в социальной сфере: в 2000–2003 гг. здесь удалось несколько снять напряжение, но механизма предоставления качественных услуг в условиях рыночной экономики

создано не было. Болезненно воспринимается разрыв в материальном положении различных социальных групп.

В 2003–2006 гг. значительно изменилась обстановка в мире. Во многих государствах дал о себе знать международный терроризм. Его новая волна прокатилась после вторжения США в Ирак (октябрь 2003 г.) К концу 2009 г. потери иракцев (в основном среди мирного населения) по западным оценкам превысили один миллион чел., официальные США и их союзников — 4,3 тыс. События в Ираке усилили угрозу расползания экстремизма. Эта беда коснулась и России. 1 сентября 2004 г. в североосетинском городе Беслане была захвачена школа, в результате действий боевиков погибли 333 человека. Тогда на Северном Кавказе удалось предотвратить крупный этно-конфессиональный конфликт, очаг которого, однако, продолжает тлеть.

На 2003–2009 гг. приходится новая фаза борьбы за влияние на пространстве бывшего СССР. В результате внутренних трудностей и не без воздействия извне, в ряде окружающих Россию стран сменилось руководство. Новые власти не только переориентируют свою политику на Запад, но и переходят на откровенно недружественные в отношении России позиции. Как их стали называть, «цветные революции» (2003 г. — «революция роз» в Грузии, 2004 г. — «оранжевая» на Украине, 2005 г. — «тюльпанов» в Киргизии) были активно поддержаны США и странами Евросоюза. Предпринимались закончившиеся неудачей попытки повторить «оранжевый сценарий» в Узбекистане (2005 г.) и Белоруссии (2006 г.) И на Западе, и в нашей стране есть желающие обсудить «перспективы» «цветной революции» применительно к России. Все это предъявляет особые требования к внутренней устойчивости государства и его внешней безопасности.

Начало нового тысячелетия характеризуется обострением борьбы за рынки сырья, и в особенности — за энергетические ресурсы в мире. У России — двойственное положение: с одной стороны, наличие значительных природных богатств — ее естественное преимущество, позволяющее обеспечивать потребности собственной экономики и активно участвовать в международном сотрудничестве. С другой, наша страна — объект психологического, политического и экономического давления со стороны развитых государств, стремящихся закрепить за Россией ее сложившийся в 1990-е годы статус.

Административная реформа. В результате победы на выборах 14 марта 2004 г. благодаря подавляющему перевесу над соперниками В. В. Путин обрел новую легитимность. И поскольку согласно Конституции Президент является ключевой фигурой российской политики, основным институтом национальной интеграции, это открывало новые возможности для проведения инициативного курса по реализации необходимых и уже ранее намеченных преобразований.

В каждодневной деятельности Президент опирается на свою Администрацию. Как орган, непосредственно обеспечивающий реализацию Президентом своих функций, Администрация занимает особое место среди государственных органов России. В марте–апреле 2004 г. была проведена масштабная реорганизация ее структуры. Около двух тысяч сотрудников были выведены «за штат», из них на работу вернулись около 80%. О сферах, которые находятся в орбите внимания Президента, свидетельствуют названия структурных подразделений Администрации. Из прежних сохранились: Аппарат Совета безопасности, Контрольное управление, Государственно-правовое управление, Экспертное, Управление по внутренней политике, Управление по внешней политике, Управление по работе с обращениями граждан, Управление информационного и документального обеспечения Президента. Были вновь созданы: Управление по делам государственной службы и Управление по обеспечению конституционных прав граждан. Три структуры созданы из шести старых: Управление пресс-службы и информации, протоколно-организационное и Управление по кадровым вопросам и государственным наградам. Вместо территориального Управления регионами России стали вести аппараты полпредов Президента в федеральных округах. На важный пост главы Руководителя Администрации Президента еще до реформы (30 октября 2003 г.) был назначен Д. А. Медведев. 14 ноября 2005 г. на этом посту его сменил С. С. Собынин (ранее — губернатор Тюменской области).

В марте 2004 г. началась самая масштабная за постсоветскую историю России административная реформа, затронувшая, прежде всего, Правительство и другие органы исполнительной власти. В 2004–2007 гг. правительство возглавлял М. Е. Фрадков, которого на этом посту сменил В. А. Зубков. В 1990-е гг. структура Кабинета министров складывалась под влиянием самых различных экономических и политических обстоятельств, порой без должного системного обоснования. Между ведомствами не были четко разделены функции; ставшие хроническими правительственные кризисы и смены состава кабинетов дестабилизировали работу, снижали авторитет высшей исполнительной власти, делали ее недостаточно эффективной.

Административная реформа призвана ввести единые правила управления и контроля в системе исполнительной власти. Ее цели: ликвидировать ведомственные барьеры; упростить управленческую структуру, сделать прозрачными и понятными функции всех ее звеньев; снизить уровень бюрократизации; уменьшить коррупционную составляющую управления. В основе реформы лежит ряд идей. Во-первых, выделение основных функций управления, ликвидация их «перекрещивания» и дублирования, сосредоточение в одном ведомстве. Во-вторых, сокращение числа министерств, превращение их из органов преимуще-

ственно оперативного управления в структуры, занимающиеся крупными, стратегическими проблемами соответствующих направлений. В-третьих, формирование своеобразной системы «разделения властей» внутри каждого «министерского направления»: министерство, федеральные агентства и федеральные службы. Сами *министерства* (в 2006 г. их было 16) помимо определения общей стратегии должны заботиться о ее правовом и бюджетном обеспечении. *Агентства* (в 2006 г. их было 34) должны сосредоточиться на реализации принятых решений. *Службы* (их было 34) призваны контролировать финансовую и организационно-правовую стороны функционирования отрасли. Так, например, Министерству здравоохранения и социального развития РФ подчиняются три федеральных агентства (по здравоохранению и социальному развитию; медико-биологическое; по физкультуре и спорту) и три федеральные службы (по труду и занятости; по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека; по надзору в сфере здравоохранения и социального развития). При этом часть министерств и служб подчиняется напрямую Президенту (например, министерства обороны, иностранных дел; служба внешней разведки, служба по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ), остальные — Правительству. Кроме того, по ряду направлений созданы координационные органы (например, советы по иностранным инвестициям и конкурентоспособности; комиссии по развитию минерально-сырьевой базы и ТЭК, антитеррористическая, по ВТО, по работе с регионами), число которых достигло 26.

Все это позволило частично ликвидировать административные барьеры, освободиться от влияния некоторых коммерческих структур. Признавая необходимость и важность административной реформы, многие политики и эксперты весьма сдержанно оценивают первые результаты ее реализации. Во-первых, число ведомств продолжало расти (с 53 в 2004 г. до 84 в 2006 г.), что сопровождалось не сокращением, а ростом количества чиновников. Во-вторых, новая структура потребовала переоформления законодательства, поскольку то, что раньше закон обязывал делать одни ведомства, теперь передавалось в ведение других. Кроме того, для успешной деятельности новых структур предстоит большая работа по созданию новой недостающей правовой базы. Имея в виду все это, в октябре 2006 г. Председатель Государственной Думы даже заявил, что административная реформа в части де бюрократизации и упрощения управления потерпела провал. Такие высказывания свидетельствуют не столько о неудаче реформы, сколько о сложности решаемой задачи и неизбежности преодоления значительных трудностей в ходе «отладки» вновь формируемой системы.

Федеральное Собрание и политические партии. Важная особенность функционирования Государственной Думы и Совета Федерации

2004–2007 гг. состояла в том, что впервые в постсоветской истории одна партия, «Единая Россия», которую называли правящей, имела большинство в обеих палатах. В Думе также работали фракции КП РФ, ЛДПР, а также партии «Родина». Партии СПС и «Яблоко», ранее имевшие свои фракции, были представлены лишь депутатами-одномандатниками. Такой состав парламента позволил добиться более энергичной работы законодателей, Президента и Правительства, обеспечил оперативность в подготовке законов: за год их принималось около 300. Мнение многих депутатов выразил один из руководителей нижней палаты парламента: «Дума не место для дискуссий». Однако, «партийная монолитность» Думы привела к снижению уровня критичности при обсуждении правительственных инициатив, что порой приводило к принятию актов, вызывавших неоднозначный общественный резонанс (как было с принятым в 2004 г. законом о монетизации льгот). На повышение роли законодателей направлен Закон «О проведении парламентского расследования», открывший возможности создания временных депутатских комиссий для изучения остро волнующих общество событий и проблем (в 2004 г. была создана комиссия по изучению бесланской трагедии). На большую независимость верхней палаты парламента направлены предложения по переходу от назначения сенаторов (сейчас их «делегируют» губернаторы и местные заксобранья) к их прямым выборам.

Партийное строительство 2000–2007 гг. учитывало недавнее прошлое российских партий. Постоянной конфронтацией и непримиримой риторикой основные парламентские партии 1990-х годов во многом утратили конструктивный ресурс. Это дало возможность «Единой России» на определенном этапе выступить в качестве партии, выражающей интересы большинства, отсекающей «левые» и «правые» крайности. Партия сыграла важную роль в восстановлении «вертикали власти»: большинство губернаторов являются ее выдвиненцами, она не раз делегировала своих представителей в правительство, имеет мощные фракции в Думе и законодательных собраниях регионов. В 2009 г. в партию входило более 1 млн человек.

Однако вскоре «Единую Россию» стали критиковать за неопределенность идеологических ориентиров: в ней уживались сторонники и либеральных, и социал-демократических и консервативных взглядов. Осенью 2005 г. обсуждался вопрос о выделении «левого» и «правого» крыльев партии, чего, однако, не произошло. Все это дало основание рассматривать «Единую Россию» не просто как «партию власти», но и как объединение федеральных и региональных «начальников», многие из которых сосредоточены лишь на решении своих корпоративных задач. Это вело и к сужению поля политической конкуренции, превращению «единороссов» в замкнутую касту.

В силу этих причин к 2006 г. вызревает идея создания новой крупной партии левого типа, которую продвигал спикер Совета Федерации С. М. Миронов. По его мнению, новая партия должна перенести акцент в реформировании на социальные вопросы, а также стимулировать конкуренцию среди тех, кто в целом разделяет курс Президента. Реализацией проекта стало объединение в октябре 2006 г. «Партии жизни», партии «Родина» и «Российской партии пенсионеров» в новую организацию — партию «Справедливая Россия. Родина. Жизнь. Пенсионеры». Учитывая значимость социальной проблематики и масштабы групп, которые она волнует, лидеры «новой левой» рассчитывали значительно усилить влияние в ходе региональных и федеральных избирательных кампаний 2006–2008 гг. Успех реализации этого проекта мог стать важным этапом строительства в России двухпартийной политической системы — задачи, которую многие политики считали актуальной с середины 1990-х годов. В декабре 2006 г. было продекларировано создание новой общероссийской либеральной партии, которую предполагали назвать «Свободная Россия», однако партстроительство на этом политическом фланге успехом не увенчалось.

В 2004–2006 гг. предпринимались шаги по стимулированию партийного строительства, причем в рамках крупных объединений. Во-первых, установлен новый порядок формирования Государственной Думы. Узаконен переход от смешанной (мажоритарная + пропорциональная) к пропорциональной выборной системе. Отменено избрание депутатов в одномандатных округах, отныне кандидаты конкурируют только в рамках партийных списков. Во-вторых, поднята «количественная» планка, дающая право объединению считаться общероссийской партией: она должна иметь не менее 50 тыс. членов и партийные организации численностью не менее 500 человек в большинстве субъектов федерации. В результате перерегистрации число общероссийских политических партий сократилось с 35 до 19, этот процесс продолжался и позднее. В-третьих, по новому порядку, в выборах могут участвовать не «избирательные объединения» (куда ранее входили различные партии, ассоциации, движения), а только политические партии. Повышение с 5 до 7% от общего числа проголосовавших как условия прохождения партии в Думу оставляет шансы на успех лишь крупным и влиятельным партиям. В-четвертых, только партии могут выдвигать своего кандидата в Президенты, а на региональном уровне — партия-победитель на выборах в законодательное собрание — кандидата в губернаторы. Новые правила запрещали партиям и их кандидатам критиковать своих оппонентов в ходе выборов.

Перечисленные меры «подталкивали» к политическому самоопределению в новых правовых реалиях. Это предстояло сделать как рядовым избирателям, так и гражданам, уже объединенным в рамках суще-

ствующих, но небольших партий. Самым же крупным электоральным нововведением стала отмена минимального порога явки избирателей: теперь выборы считаются состоявшимися независимо от того, сколько граждан примут в них участие.

В декабре 2007 г. прошли выборы в Государственную Думу пятого созыва. На них победу одержала «Единая Россия», избирательный список которой возглавил Президент. Из 11 участвовавших в избирательной кампании партий в Госдуму также прошли КПРФ (11%), ЛДПР (8%) и «Справедливая Россия» (7%).

Особенности конституционного устройства России позволяют подчиненным ее Президенту структурам оказывать влияние на формирование партийной системы государства. В последние годы утвердилось представление о том, что в ближайшие 10–20 лет для страны будет предпочтительнее полупарламентарная система. Это система, где в политической сфере доминирует одна партия, которая постоянно побеждает на выборах, опираясь на мощный административный, финансовый и информационный ресурсы. При этом существуют и другие партии, пользующиеся намного меньшим влиянием; добиться заметных электоральных успехов они не могут. Полупарламентарная система более 50 лет существовала в Италии, Японии, Мексике. Считалось, что это нормальное условие для переходного периода, когда меняются формы собственности, идет болезненный процесс освоения новых ценностей и институтов, общество не интегрировано и существуют мощные антисистемные силы. На это время для сохранения стабильности требуется гарантированная преемственность и предсказуемость, которую и обеспечивает полупарламентарная система.

С осмыслением особенностей перехода России к новым политическим порядкам связано появление понятия «суверенная демократия». (Сформулировано в феврале 2006 г. В. Ю. Сурковым, отвечавшем в Администрации Президента за взаимодействие со структурами гражданского общества.) Первоначально термин был подвергнут критике с позиций классической теории: «суверенитет» — принцип, обосновывающий свободу и независимость наций в отношениях с другими субъектами международных отношений, т.е. — *во внешнем мире*; «демократия» же описывает формы *внутреннего устройства* государства. Сторонники допустимости объединения двух разнородных понятий ссылаются на международный политический контекст появления этой идеологической конструкции. После распада СССР на Западе стали говорить не только о кризисе идеи суверенного государства, но и о переходе государств в иное качество. При этом международные институты берут верх над национальными государствами, готовы вмешиваться в их внутренние дела путем «гуманитарных» и прочих интервенций. В практической политике США стали претендовать на роль единственной сверхдержавы, не толь-

ко формирующей черты нового мирового порядка, но и «продвигающей» демократию в избранных для этого странах. Некоторые же крупные государства (прежде всего Россия, Китай, Индия, Иран) хотят сохранить себя в качестве самостоятельных субъектов мировой политики.

В то же время, в России осознана важность демократических институтов и ценностей, к которым предполагается идти суверенно, т.е. без внешнего влияния и доминирования и тем более навязывания форм и темпов освоения. Именно в этом видят суть концепции «суверенной демократии» ее сторонники. Тем не менее, некоторые политики и политологи опасаются, что под флагом необходимости учета «национальной специфики» на деле произойдет торможение демократических процессов. Среди главных угроз видят подмену политического управления бюрократическим администрированием, пагубно влияющем на естественную политическую самоорганизацию и реальную конкуренцию в политике.

Совершенствование правоохранительных органов и силовых структур.

Важную роль в обеспечении порядка внутри страны, соблюдения конституционных прав граждан, нормального функционирования государственных и политических институтов, экономики принадлежит органам внутренних дел, прокуратуры, судам, государственной безопасности и вооруженным силам. Заметную активность в сфере надзора за соблюдением законности в 2004–2008 гг. проявляла прокуратура. После президентского послания 2006 г. особое внимание привлекла проблема коррупции. По словам руководства Генеральной прокуратуры, коррупция «пронизывает все уровни власти, приобретает системный характер, проявляется, по сути, во всех сферах государственной деятельности». Есть понимание, что для борьбы с коррупцией потребуется комплекс мер, однако ее искоренение не будет ни простым, ни быстрым.

Продолжалась реформа судопроизводства. Устранялись противоречия в законодательстве, оставлявшие широкий простор для его толкований; преодолевалась зависимость судей от исполнительной власти, устранялись проявления коррупции. На изживание этих явлений были направлены улучшение ресурсного обеспечения судебной системы (значительное повышение зарплат, обеспечение жильем, современное информационно-техническое переоснащение) и работа квалификационных судебных коллегий, призванных анализировать и корректировать работу судейского корпуса.

Начало процесса укрепления российской государственности по времени совпало с активизацией террористической деятельности. В этой связи повышенное внимание в 2004–2009 гг. привлекали совершенствование структуры и деятельность подразделений Министерства внутренних дел (здесь служат 800 тыс. человек) и Федеральной службы безопасности. Как и другие ощутившие на себе удары террористов государ-

ства, Россия решает непростую задачу: повышение уровня безопасности не должно вести к ограничению гражданских свобод в стране.

Продолжалась модернизация Вооруженных Сил России. Ныне их численность составляет 1130 тыс. человек (в 3,5 раза меньше, чем в 1991 г.), с 2000 г. постоянно растут ассигнования на армейские нужды. В центре реформы армии — совершенствование структуры Вооруженных Сил, обеспечение современным оружием, переход к профессиональной армии при сокращении срока службы по призыву. Необходимость реформы стала особенно актуальной после пятидневной войны на Кавказе в августе 2008 г. По словам министра обороны А. Э. Сердюкова, она будет включать следующие направления. Во-первых, сокращение численности армии с 1130 тыс. до миллиона. Во-вторых, уменьшение офицерского корпуса: вместо нынешних 355 тыс. человек останется 150 тыс. В-третьих, будет изменена организационно-штатная структура армии: вместо четырехзвенной (округ—армия—дивизия—полк) появится трехзвенная (округ—оперативное командование—бригада). В-четвертых, в составе Вооруженных сил останутся только части постоянной боевой готовности. Это значит, что в несколько раз сократится количество частей и подразделений. В-пятых, будет ликвидирован институт прапорщиков, вместо него появится корпус профессиональных младших командиров. В-шестых, вместо ныне действующих 65 военных учебных заведений будет создано 10 учебных центров. При сокращении числа отсрочек от армии (из 22 ликвидированы 9), с 2008 г. продолжительность службы по призыву уменьшилась до одного года. Специалисты отмечают, что реформа ориентирована решать те задачи, с которыми армии приходилось сталкиваться в последние пятнадцать лет — добиваться разгрома противника в локальных конфликтах.

Несмотря на завершение холодной войны, многие страны наращивают военные бюджеты и расширяют производство новых преимущественно «наукоемких» и дорогостоящих видов оружия. В этих условиях важная задача России — не повторять ошибок 1960–1970-х годов и не дать втянуть себя в изнурительную гонку вооружений. Тогда это вело к подавлению гражданских отраслей экономики и отставанию социальной сферы. Ныне расходы на оборону составляют 2,6% ВВП (в долларовом эквиваленте — 30 млрд.; для сравнения: США—750 млрд., Китай—65, Франция—45). Россия ориентируется на асимметричную (т.е. не копирующую зеркально другие государства) структуру вооруженных сил, которая способна обеспечить гарантированное возмездие любому потенциальному агрессору при существенно меньших затратах

Экономическая политика. В 2004–2008 гг. российская экономика продолжала развиваться стабильно, давая устойчивый ежегодный прирост ВВП более 7%. Россия по объему экономики вышла на седьмое место в мире. С начала века товарооборот с зарубежными странами

увеличился более чем в пять раз. Накопленный объем иностранных инвестиций в российскую экономику вырос в семь раз. 2007 год был отмечен рекордным притоком капитала: он составил 82,3 млрд долларов. Капитализация отечественного фондового рынка по отношению к 1999 г. выросла в 22 раза.

Прекращение государственных заимствований в 2003 г. позволило разрабатывать экономическую политику без согласования с международными институтами (МВФ, Всемирный банк). Событием исторического значения стало досрочное возвращение долга Парижскому клубу кредиторов в августе 2006 г. Стране удалось накопить значительные золотовалютные резервы, объем которых в 2006 г. достиг 260 млрд долл., а в 2008 г. — уже 484 млрд, т.е., почти удвоился. По размеру золотовалютных резервов Россия заняла третье место в мире. Помимо этого, «избыточные» деньги аккумулировались в Стабилизационном фонде, который рассматривался как неприкосновенный резерв на случай возможного падения цен на нефть. В начале 2008 г. здесь было сосредоточено 156 млрд долларов, что в восемь раз превышало первоначально установленный предел. В феврале Стабфонд был поделен на две части — Фонд национального благосостояния и Резервный фонд.

Еще в 2003–2004 гг. говорили о «голландской болезни» российской экономики (ситуации, при которой заработанные на благоприятной международной конъюнктуре значительные средства не инвестируются в национальную экономику, а идут на спекулятивные операции или вкладываются за рубежом). Постепенно ситуация начала меняться. Диверсификация экономики была названа главной задачей на ближайшее десятилетие. В условиях роста ресурсов правительству приходится решать новые задачи — определение приоритетов развития экономики (в том числе и ее отдельных отраслей), выбор методов реализации задуманного, выявление источников финансирования. В 2004–2005 гг. было постепенно реабилитировано понятие «промышленная политика», заявлено о готовности государства вернуться в инвестиционный процесс. В 2005 г. был создан Инвестиционный фонд, объем которого на 2006 г. был определен в 70 млрд руб. Его задача — выявление и финансирование наиболее перспективных проектов, прежде всего, в социальной и инфраструктурной сферах. С реализацией этой цели было связано формирование нового института, получившего название «государственно-частное партнерство» (ГЧП). Его содержание — соединение ответственности государства с финансовыми и организационными возможностями частного бизнеса. ГЧП успешно развивалось в ЖКХ, строительстве авто- и железных дорог, терминалов, здравоохранении и образовании.

На одном из главных мест в экономической политике по-прежнему стояла борьба с инфляцией. Ее подавление рассматривалось как важное условие повышения уровня жизни населения, сохранения сбережений и

предпосылка привлечения инвестиций. В сравнении с 1999 г. (36,5%) ситуация в этой сфере улучшилась, хотя правительству не всегда удавалось удержать инфляцию на уровне запланированных показателей. Так, в 2007 г. ее рост составил 11,9 вместо ожидавшихся 8% (т.е. в 1,4 раза выше).

Одним из наиболее заметных событий в 2007–2009 гг., обозначившим глубокое проникновение государства в экономику, стали так называемые государственные корпорации. Среди главных задач, поставленных перед ними — обеспечить быстрыми темпами реструктуризацию перспективных отраслей, способствовать инновационному развитию страны на базе эффективного применения новых знаний и совершенствования технологий. Предполагается, что это позволит добиться значительных экономических результатов и позволит кардинально повысить уровень жизни в стране. Всего было создано семь таких структур.

В числе первых статус госкорпорации нового типа получил «Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк)», призванный обеспечить диверсификацию и реальное повышение конкурентоспособности отечественной экономики. Вскоре в том же 2007 г. были созданы «Объединенная авиастроительная корпорация», «Объединенная судостроительная корпорация», «Государственная корпорация в области атомной энергии (Госатом)», Государственная корпорация, объединившая производство вооружений — Ростехнология, а также Российская корпорация нанотехнологий. В конце 2007 г. В. В. Путин подписал Закон «О государственной корпорации по строительству олимпийских объектов и развитию Сочи как горноклиматического курорта». Корпорациям был предоставлен эксклюзивный режим. Под каждую структуру принимался новый закон; устанавливались особые условия финансирования, управления и контроля; переданное государством госкорпорации имущество переходило в ее собственность на праве владения и распоряжения; госкорпорации не подлежат проверке Счетной палатой; они выведены из-под прямого контроля правительства; их руководителей назначает лично президент.

В 2005–2008 гг. федеральное правительство проводило двойственную политику. С одной стороны, шел поиск форм экономического стимулирования регионов посредством создания территориальных корпораций (Красноярский край, Иркутская область, уральские регионы), инвестиционных фондов и банков, венчурных фондов для развития инновационного бизнеса, особых экономических зон (ОЭЗ) разных типов. Так, в Дубне, Зеленограде, Томске и Елабуге — насыщенных исследовательскими центрами городах — создаются правовые, организационные и финансовые рычаги для развития отраслей, «завязанных» на новейшие научные достижения. В ЖКХ и на транспорте внедряется механизм концессий. Эту линию, предполагающую бюджетные вложения, отстаивают Министерство экономического развития и торговли,

отраслевые министерства и губернаторы. Их оппоненты в Минфине, напротив, выступают за жесткий монетарный контроль над уровнем инфляции и по-прежнему неодобрительно оценивают инвестиционную активность государства.

Кабинет министров определяет работу Федеральных целевых программ (ФЦП) и Федеральной адресной инвестиционной программы (ФАИП), которые являются основными инвестиционными ресурсами правительства. Деньги на программы выделяются из федерального бюджета на условиях софинансирования с региональными бюджетами и частными структурами. Эти программы стали прообразом при разработке приоритетных национальных проектов, выдвинутых осенью 2005 г. Так, в 2005 г. финансировалось 53 федеральные целевые программы, на которые затрачено 1 трлн 400 млрд руб. (средства федерального бюджета составили 308 млрд руб.). Среди них: программа по развитию Сочи до 2014 г., восстановление Чечни, морской терминал в Санкт-Петербурге, Транспортный комплекс в Усть-Луге, развитие Калининградской области, Дальнего Востока и Забайкалья, модернизация транспортной системы. В 2006 г. действовало 50 ФЦП, объем госфинансирования которых вырос до 363 млрд руб.

Многие считают фундаментальным противоречием российской политики 2004–2008 гг. разрыв между объективной потребностью в дальнейшем проведении рыночных реформ, прежде всего в социальной сфере, и доминированием в сознании (как основной части населения, так и правящей элиты) настроений на усиление социальных функций и обязательств государства. Это ведет к тому, что, связанные между собой экономика и социальная сфера существуют в разных условиях: одна живет по законам рынка, другая — часто в режиме централизованного непрозрачного бюрократического распределения.

Современная российская экономика являет собой монетарно-кейнсианский гибрид, в котором ужесточение финансовых показателей сочетается с «накачкой» экономики деньгами по линии государственного заказа. Это, прежде всего, реализация национальных проектов, перевооружение армии, развитие коммунальной инфраструктуры, а также усиление роли госкорпораций и госкомпаний.

Российская экономика развивается как неотъемлемая часть глобальной. Более десяти лет ведутся переговоры о присоединении нашей страны к Всемирной торговой организации (ВТО). Вступление в ВТО открывает непростой период адаптации к новым для России внешним условиям конкуренции. В этой связи заинтересованно обсуждается вопрос о характере участия России в новом для нее международном разделе труда. В декабре 2005 г. Президент выдвинул задачу превратить страну в лидера мировой энергетики. Россию стали позиционировать как «Великую энергетическую державу» или даже как «энергетическую

сверхдержаву». Это предполагает не только добычу и транспортировку энергетических ресурсов, но их глубокую высокотехнологичную переработку, интенсивное развитие комплекса связанных с энергетикой отраслей (от нефтехимии до ядерной энергетики), что требует поддержки соответствующих направлений науки и образовательного сектора.

В ходе подготовки встречи «Большой восьмерки» в Санкт-Петербурге в июле 2006 г., посвященной вопросам мировой энергетической безопасности, уточнялась и роль России в решении этой задачи. Говорилось о важности стратегического партнерства России с потребляющими ее нефтегазовые ресурсы странами (Евросоюз, США, Китай, Япония). В ответ на гарантии стабильности поставок российские власти пытаются распространить партнерские отношения не только на куплю-продажу, но и на разведку, добычу и транспортировку энергоносителей, что позволит более равномерно распределить связанные с этим расходы и риски.

В условия глобальной конкуренции наибольший успех демонстрируют крупные транснациональные, а также национальные компании. Именно поэтому в фокусе внимания российских властей было создание и укрепление мощных корпораций (как государственных, так и частных). В 2004–2006 гг. в орбиту государственного влияния были возвращены стратегически важные крупнейшие компании «Юганскнефтегаз», «Сибнефть», «Сахалин-2», «АвтоВАЗ», «ВСМПО-Ависма» (второй в мире по величине производитель титана). На президентском и правительственном уровнях поддерживается их продвижение на внешние рынки. Так, государственная компания «Газпром» стала одним из мировых лидеров в газовой отрасли, а созданная из двух российских (и одной швейцарской) алюминиевая компания (РУСАЛ) является самой крупной ТНК в своей сфере. Долговременные планы внешней экономической экспансии в XXI в. озвучили и пытаются реализовать и другие крупные российские компании.

Существенным направлением международной экономической интеграции России является сотрудничество в военно-технической сфере (ВТС). Несмотря на жесткую конкуренцию, эта отрасль приносит нашей стране значительные доходы, это позволяет поддерживать и развивать КБ и предприятия оборонно-промышленного комплекса, где все еще сохраняется высокий научный и технологический потенциал. ВТС сопровождается развитием политических связей с государствами-партнерами, что укрепляет позиции России в Азии, на африканском континенте, в Латинской Америке.

Одна из главных проблем современной российской экономики — ее масштабная технологическая модернизация, что в условиях глобализации диктует необходимость приобщения к постиндустриальным достижениям, прежде всего Западной Европы, США, Японии. На этом направлении сохраняются значительные трудности. В странах Запада дале-

ко не все готовы допускать Россию на рынки высоких технологий и тем более делиться ими с нашей страной. Сами зарубежные инвесторы в России предпочитают вкладывать деньги в добычу сырья, пищевую промышленность, сферу услуг.

В то же время, в некоторых отраслях наметился переход от импорта товаров к организации сборки изделий в самой России. Это наиболее заметно в автомобильной промышленности. О намерении работать на российском рынке заявили 15 крупнейших мировых компаний (в их числе — Форд, Тойота, БМВ, Фольксваген, Рено). Предполагается, что помимо сборки, часть узлов, агрегатов и деталей (от 50% и более) должна производиться в самой России, что призвано повысить технологический уровень и культуру производства. Другой путь Российских компаний — приобретение лицензий на производство высокотехнологичных изделий с их последующим усовершенствованием.

Проблема реформы социальной сферы. В ходе президентской избирательной кампании В. В. Путин делал особый акцент на приоритетности административной реформы и реформы социальной сферы. Необходимость продуманной социальной политики сохраняла остроту. Однако обстановку для начала реформ в 2004–2006 гг. трудно назвать благоприятной. Еще в эпоху «развитого социализма» социальная сфера финансировалась по остаточному принципу, а в 1990-е ситуация усугубилась: мизерные вложения привели к крайней изношенности материальной базы жилищно-коммунального хозяйства, здравоохранения, образования, науки и культуры. Отрасли стали испытывать острые кадровые проблемы. В то же время, рыночная логика реформирования предполагает сокращение государственного участия и повышение ответственности (в том числе материальной) самих граждан. Низкий уровень доходов большей части населения создает для этого почти непреодолимые препятствия. По мнению специалистов, смягчить эти противоречия могла бы *поэтапность* преобразований, поставленная в зависимость от роста доходов населения и его материальной готовности жить по новым правилам.

Несмотря на ряд позитивных, сохранялись и некоторые негативные тенденции в социальной динамике. С одной стороны, за 8 лет в 2,5 раза выросли реальные доходы населения, на такую же величину — пенсии. Почти вдвое сократилось число живущих за чертой бедности (с 42,3 до 22,3 млн человек). В то же время, увеличивался разрыв между обеспеченными и малообеспеченными гражданами: доходы самых богатых росли намного быстрее доходов наименее благополучных. (С каждого рубля прироста ВВП на самых богатые 10% россиян приходилось 45 копеек, а на 10% самых бедных — 3 копейки. Только за два года (2006–2007 гг.) число российских миллиардеров увеличилось с 44 до 87. Устра-

нение этого дисбаланса поставлено в качестве главной социальной задачи страны на ближайшее будущее.

В середине — второй половине 2004 г. были определены правительственные подходы, разработаны и приняты документы, которые должны «двинуть» социальные реформы. Основные параметры реформы ЖКХ (отражены в принятом Жилищном кодексе) предполагают переход на 100% оплату коммунальных услуг. Отказ от традиции предоставления бесплатного жилья предложено компенсировать активным развитием ипотечного кредитования. Увеличение налога на недвижимость, в том числе, и на жилье станет механизмом его перераспределения, включая и выселение неплательщиков. Все эти направления реформы социальной сферы в 2005–2008 гг. получили законодательное обеспечение, тогда же началась их постепенная реализация.

Одной из самых болезненных и экономически «тяжелых» является пенсионная реформа. В 2008 г. в стране насчитывалось 38,3 млн пенсионеров, что составляло 27% населения. До этого года для большинства действовала «распределительная» система: пенсии выплачивались за счет отчислений от зарплаты работающих граждан. Однако, демографическая ситуация ухудшается, и, согласно прогнозам, вскоре число пенсионеров вплотную приблизится к числу трудящихся, что заведет «распределительную» систему в тупик. Поэтому был взят курс на переход к «распределительно-накопительной» системе. Ее суть состоит в том, что трудовая пенсия по старости состоит из трех частей: базовой пенсии, гарантированной законом и равной для всех; страховой части, которая зависит от зарплаты и трудового стажа и выплачивается из бюджета Пенсионного фонда; накопительной части, которая формируется из добровольных отчислений самих граждан, сделанных в допенсионный период. Опыт 2008–2009 гг. показал, что переход на новую систему не будет безболезненным.

Отмена прежней системы социальных льгот предполагала их перевод в форму денежных компенсаций, сопровождающийся масштабным пересмотром категорий, которые должны их получать. Одновременно намечалось отказаться и от необоснованных льгот. Правительство рассмотрело концепцию реформы образования, которая предусматривает сохранение бесплатности фактически только среднего образования. В одобренной в общих чертах концепции реформы Академии наук на видном месте стоит коммерциализация использования госсобственности, находящейся в ведении РАН. Озвученные ключевые идеи разрабатываемой реформы здравоохранения также ориентированы на его коммерциализацию.

Население с тревогой ожидало начала социальных преобразований. Уже попытка увеличения оплаты за коммунальные услуги натолкнулась на серьезное недовольство материально неготового к этому населения, и в конце 2005 г. реформа ЖКХ была «отложена». Широкий обществен-

ный резонанс зимой 2004–2005 гг. вызвала реформа по монетизации льгот. Ее ход вызвал резкое неприятие значительной части населения, продемонстрировавшего готовность к серьезным протестным действиям. Это во многом было связано и с недоработками самой власти, которая, «потеряв» в ходе подготовки два миллиона льготников, была вынуждена с запозданием маневрировать. И хотя весной 2005 г. монетизацию льгот в целом удалось завершить, она показала реальную опасность возникновения очагов потенциальных масштабных конфликтов. В результате реформы образования и здравоохранения, которые планировалось начать в 2005 г., были отложены на неопределенный срок. Все это, а также приближение избирательного цикла 2007–2008 гг., заставило правительство изменить тактику и перейти от «реформ» к социально популярным преобразованиям, рассчитанным, прежде всего, на массовые слои бюджетников.

Переход к новому курсу начался 5 сентября 2005 г., когда Президент объявил о необходимости сконцентрировать государственные ресурсы на нескольких направлениях — здравоохранении, образовании, жилищной политике и сельском хозяйстве. Эти направления получили статус национальных проектов, на реализацию которых было выделено 180 млрд. руб. В октябре 2005 г. был создан Совет по реализации национальных проектов, который возглавил лично Президент, а в правительстве была специально введена должность первого вице-премьера, ответственного за их реализацию.

В 2006 г. в социальной политике было выделено еще одно важное направление: для стимулирования рождаемости принято решение с первого января 2007 г. выплачивать 250 тыс. рублей всем женщинам, родившим второго либо последующих детей. Эти деньги разрешено потратить на обучение ребенка, на приобретение жилья либо положить в накопительную часть пенсии на будущее. Было увеличено пособие по уходу за ребенком до полутора лет, введены льготы по пребыванию детей из многодетных семей в дошкольных учреждениях. Эти, а также другие меры, привели к тому, что в 2008 г. в стране была зафиксирована самая высокая за последние 15 лет рождаемость.

Региональная политика. В 2004–2008 гг. отношения между федеральным центром и региональными властями претерпели значительные изменения. С первого января 2005 г. изменился порядок формирования исполнительной власти в регионах: теперь глава администрации («губернатор») не избирается напрямую гражданами субъекта, а «наделяется полномочиями» законодательным собранием региона, его кандидатура вносится президентом РФ. Это логически завершает начатое ранее формирование единой «вертикали» исполнительной власти в России.

Перечень кандидатов на губернаторский пост готовят полпреды Президента в округах. В этом качестве может также выступать представи-

тель партии, победившей на выборах в местный парламент. Именно из этого круга делает выбор Президент. С 2005 г. в таком порядке не только избирались новые губернаторы, но и прошли процедуру «перезаверждения» все прежние. 2007 год стал периодом «великого перелома»: за это время прошла масштабная ротация губернаторского корпуса; свои должности оставили люди, длительное время руководившие регионами. Итогом реформы стало изменение политического статуса глав областей и республик: отныне они превращались в своего рода нижнее звено федеральной вертикали власти. Характерным для нового статуса регионов стало содержание подписанного в 2007 г. Федеративного договора с таким мощным субъектом, как Татарстан. Из текста были исключены все юридические возможности для обоснования примата регионального законодательства над федеральным, а также особые права во внешнеэкономической деятельности.

Если в период первого президентства Путина в сфере региональной политики решались, прежде всего, задачи по ликвидации угрозы распада, укреплению единства российской Федерации, то в 2004–2009 гг. на первый план выдвинулись проблемы социально-экономического развития. Наметилась тенденция отхода от жесткого централизма к более гибкому курсу, предполагающему определенную самостоятельность регионов, поиск более динамичной стратегии. В значительной мере это находило отражение в межбюджетных отношениях.

С середины 2002 г. Центр сосредоточивал в своих руках все большую часть собираемых налогов, в то же время переводя на региональный уровень социальные обязательства. По данным Счетной палаты, в рамках «перераспределения полномочий» в 2003–2006 гг., региональные бюджеты потеряли почти 600 млрд руб. доходов, а приобрели лишь 53. При этом «федералы» вели двойную политику: с одной стороны, финансировались регионы, способные к реализации крупных проектов и проведению реформ; с другой, — через дотации обеспечивалась сбалансированность бюджетов (там, где они были дефицитны), проводя тем самым политику выравнивания регионального развития. Однако, в 2005–2006 гг. этот подход претерпел изменения. Стали считать, что назрела потребность перейти от перераспределительной политики выравнивания межрегиональных различий к практике поляризованного развития территорий. В ее основе лежит выявление и поддержка регионов и городов-«локомотивов». В эту концепцию вписывалась и идея объединения регионов по принципу «донор + реципиент».

С середины 2005 г. в регионы возвращался ряд управленческих полномочий. После дискуссий с губернаторами в рамках Госсовета было заявлено о передаче на места 114 полномочий. Они касались лесного хозяйства, водных отношений, охраны окружающей среды, ветеринарии, лицензирования, охраны памятников, образования, землепользования, жилищного законодательства.

Одновременно создаются и совершенствуются инструменты и технологии контроля над социально-экономическими и политическим процессами в регионах — над этим трудится как Администрация Президента, так и Правительство в лице Министерства регионального развития. С декабря 2005 г. эффективность губернаторов оценивает компьютерная программа, включающая более ста разнообразных параметров их деятельности. Помимо этого вводятся «паспорта регионов», которые позволяют контролировать финансовые потоки, отслеживать содержание проводимых реформ.

В 2005 г. берет начало процесс объединения регионов. 17 марта 2005 г. большинство избирателей Красноярского края, Таймыра и Эвенкии проголосовали за слияние этих регионов в новый субъект федерации. Объединением Камчатской области и Корякского автономного округа создается Камчатский край. Идет процесс создания нового субъекта, объединяющего Иркутскую область и Усть-Ордынский автономный округ; объединяются Читинская область и Агинский округ; на очереди — слияние Хабаровского края и Еврейской автономной области. Обсуждаются и готовятся проекты и более «сложных объединений», к их числу относят: Санкт-Петербург и Ленинградская область, Москву и Московскую область, Архангельскую область и Ненецкий АО, Тюменскую область и Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский АО, Магаданскую область и Чукотский АО. Объединение Краснодарского края и Республики Адыгея, а также Республики Алтай с Алтайским краем осложняется позицией местных этнических элит.

Особое место в региональной политике занимал самый беспокойный Южный федеральный округ, прежде всего, северокавказские республики. Сложность ситуации обусловлена рядом обстоятельств. Во-первых, в экономическом плане это — один из самых неблагополучных регионов России, с крайне слабой собственной налоговой базой, что компенсируется высокими федеральными дотациями (до 80% местных бюджетов). В то же время, в республиках отмечается высокий уровень коррупции, значителен удельный вес теневой экономики (игорный бизнес, торговля ГСМ, алкогольное производство, нелегальная переработка морепродуктов и оборот зерна). К этим сферам примыкает и «чистый криминал»: нелегальная торговля оружием, наркотиками, браконьерство.

Во-вторых, здесь длительное время сохраняются высокий уровень безработицы (до 70%), низкие доходы населения, что создает неустойчивую социальную ситуацию, облегчает приобщение населения, особенно молодежи, к радикальным исламистским течениям, в том числе, к ваххабизму. В-третьих, все это мешает искоренению террористического подполья, которое в некоторых проявлениях даже расширяет географию. Если ранее активность боевиков была сосредоточена в Чечне, Ингушетии и Дагестане, то в 2004–2005 гг. этот список пополнила Кабардино-Балкария.

Все это сохраняло важность силового противодействия боевикам. В 2004–2009 гг. военные меры все более дополняются социально-экономическими, призванными переломить социальную ситуацию и минимизировать риски воспроизводства терроризма. Работа в регионе осложняется спецификой межэтнических отношений и межклановых противоречий.

Постепенно и не без трудностей происходила нормализация обстановки в Чеченской республике. Принципиальным успехом российских спецслужб стала ликвидация в 2005 г. «президента Ичкерии» Масхадова и бывшего «вице-президента» Арсанова, что лишило организации боевиков видимости законности и ограничило их финансовую подпитку. В июле 2006 г. был убит террорист № 1 Басаев. Борьбу с экстремистами ведут не только российские спецслужбы, но и чеченские силы (около 30 тыс.) Для нейтрализации боевиков не раз прибегали к амнистии, однако к концу 2006 г. численность все еще действующих участников бандформирований оценивали в 600 чел.

В ноябре 2005 г. проведены выборы и был торжественно открыт двухпалатный парламент Чеченской республики. Тем самым был восстановлен российский суверенитет и «достроена» система легитимных органов государственной власти. В 2006 г. республику возглавил Р. Кадыров, в регионе постепенно налаживается мирная жизнь. В то же время, между Москвой и Грозным сохраняются разногласия по важным вопросам. Они касаются проекта федеративного договора с Чеченской республикой, разделения зоны ответственности федеральных и местных силовых органов, контроля над нефтяной отраслью республики, объема дотаций (в республике считают необходимым их шести- или даже десятикратное увеличение).

Масштабные преобразования в новом столетии предстоят в сфере становления полноценной системы органов местного самоуправления. Первого января 2006 г. вступил в силу закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ». На этом этапе в полном объеме он реализуется лишь в 46 регионах, муниципалитеты которых получили все 27 полномочий, передаваемые от региональных властей местным. Правом отложить вступление закона в силу до 2009 г. воспользовались 42 (преимущественно дотационных) региона, рассчитывая, что к этому моменту будут отлажены финансовые механизмы деятельности муниципалитетов.

В то же время, в 2004–2008 г. не прекращались дискуссии о содержании местного самоуправления и формах его организации. Высказывалось мнение, что повседневные заботы граждан государства, провозгласившего себя социальным, не могут оставаться вне зоны его внимания. В этом контексте местное самоуправление предлагается рассматривать как часть единой вертикали исполнительной власти государства. Из этого логиче-

ски вытекало предложение не выбирать глав местных самоуправлений (мэров городов, глав районных администраций), а назначать их.

Такой подход вызвал веские возражения. Они последовали, прежде всего, со стороны мэров крупных («самодостаточных») городов. Выказывались опасения и о возможности конфликта с Советом Европы, где местное самоуправление рассматривается в качестве структуры гражданского общества и одного из базовых элементов демократии.

Выборы президента и новая конфигурация власти. В силу моноцентризма российской государственно-политической системы выборы президента имеют критически важное значение. Глава государства определяет не только основные направления внутренней и внешней политики, но и является высшим арбитром в отношениях ведущих групп политической элиты, интересы которых обладают своей спецификой. Поэтому возможная смена власти в Кремле таит элементы непредсказуемости, которую многие хотели избежать. Ситуация 2005–2006 гг. определялась, с одной стороны, устраивавшей большинство (по разным причинам) стабильностью, а другой — намерением популярного Президента следовать действующей Конституции и оставить свой пост после истечения второго срока. В этой связи сохранение преемственности власти как условия продолжения проводимого курса рассматривалась как важнейшая политическая задача.

Форма преемственности была постепенно выработана при заинтересованном участии главы государства. К концу 2005 г. из числа его единомышленников выделились двое: курировавший реализацию национальных проектов первый вице-премьер Д. А. Медведев и вице-премьер С. Б. Иванов, занимавший также и пост министра обороны. Оба потенциальных претендента в 2005–2007 гг. проявляли заметную активность. Одновременно президент концентрировал новые политические ресурсы, которые позволяли ему сохранять влияние и после 2008 г.

В июне 2007 г. на встрече с В. В. Путиным руководство партии «Единая Россия» в лице Б. В. Грызлова заявило о том, что на предстоящие в декабре парламентские выборы партия пойдет с программой «план Путина», которая являет собой синтез основных идей президентских посланий Федеральному собранию 2000–2007 гг. В ответ президент сказал, что видит за «Единой Россией» политическое будущее, а первого октября 2007 г. дал согласие возглавить предвыборный список этой партии. Позднее Путин не раз выступал в поддержку «Единой России», видя в ней законодательную опору своего курса: перехода от стабилизации к развитию страны. Поддержка президента имело важное значение для победы партии на думских выборах 2007 г.

В ноябре 2007 г. было создано движение «За Путина!», главной целью которого объявлялась мобилизация российского общества для превращения в жизнь стратегии развития России — «Плана Путина». Здесь

же президент был провозглашен общенациональным лидером как человек, наиболее четко сформулировавший основные стратегические цели развития государства. Вскоре «проблема 2008» обрела еще большую определенность. 10 декабря 2007 г. на встрече с лидерами четырех партий («Единой России», «Справедливой России», Аграрной и «Гражданской силы») Путин назвал Медведева своим преемником на президентском посту. На следующий день Медведев предложил уходящему президенту возглавить правительство после мартовских выборов 2008 г. 17 декабря Путин на съезде «Единой России» дал на это согласие, а съезд официально подтвердил выдвижение Медведева от имени партии.

Важное место в избирательной кампании заняла представленная В. В. Путиным 8 февраля 2008 г. на расширенном заседании Государственного совета программа «Стратегия-2020», где он сформулировал инновационный сценарий развития России до 2020 г. Выступивший 15 февраля на Красноярском экономическом форуме Д. А. Медведев ознакомил с теми задачами, которые предстоит решать стране в ближайшие 4–5 лет.

Состоявшиеся 7 марта президентские выборы продемонстрировали высокую явку избирателей (69,7% от общего числа). За Д. А. Медведева было отдано 70,28, за Г. А. Зюганова 17,22, за В. В. Жириновского 9,35, за А. В. Богданова 1,3% голосов. Особенность выборов состояла в том, что одновременно с выборами президента одобрялась и долгосрочная стратегия государства. 8 мая кандидатура В. В. Путина была внесена президентом в Государственную Думу, и он был утвержден Председателем Правительства. Одновременно Путин официально возглавил партию «Единая Россия».

Избирательная кампания 2007–2008 гг. привели к формированию новой для современной России конфигурации власти. С одной стороны, обладающий всей полнотой конституционных полномочий Президент, с другой — Премьер, опирающийся на конституционное большинство самой влиятельной российской партии, лидером которой он является; к его важным политическим ресурсам следует отнести наработанный кадровый потенциал, а также высокую личную популярность среди населения. Однако 2008–2009 гг. показали, что такое положение не нарушает устойчивости сложившейся политической системы. Премьер энергично занимался решением экономических и социальных проблем, сложность которых была усугублена дошедшим в 2008 г. до нашей страны мировым финансовым кризисом. Президент же сосредоточил внимание на развитии государственных структур, внешней политике, совершенствовании демократических институтов. Как знаковое высказывание его можно считать: «Свобода лучше, чем несвобода».

Внешняя политика России в 2005–2009 гг. определялась рядом внешних и внутренних обстоятельств. Во-первых, Соединенные Штаты продолжали распространять свое влияние на новые регионы мира,

и к 2005 г. их массивированная политическая экспансия достигла зоны жизненно важных интересов России в странах СНГ. Во-вторых, на одно из первых в мировой политике вышла энергетика, что связано как с растущим потреблением нефти и газа, так и с осознанием ограниченности ресурсов планеты. В-третьих, укрепление экономического положения России позволило ставить новые задачи во внешней политике, которые в мае 2006 г. сформулировал ее Президент: «Россия в целом должна нести соразмерную своему положению и возможностям ответственность за глобальное и социально-экономическое развитие». Имелось в виду приведение влияния страны в мире в соответствие с возросшими экономическими ресурсами. Россия расставалась с ролью «ведомого» партнера, которую в 1990-е годы многие на Западе стали считать естественной. В-четвертых, внешняя политика нашего государства во многом определялась задачами внутренней экономической и социальной модернизации, поэтому ее содержание можно определить как «великодержавный прагматизм».

Несмотря на координацию усилий в борьбе с терроризмом, возрастала напряженность в отношениях *России и США*. Разногласия касались пяти крупных проблем: отношение к ядерной программе Ирана, продажа оружия на мировых рынках, отношения с Китаем, энергетические ресурсы и продвижение военной инфраструктуры НАТО к границам России. Осознавая опасность появления ядерного Ирана, Россия выступала противником наложения санкций через механизм ООН, полагая необходимым продолжать работу через Международное агентство по атомной энергии. При этом Москва исходила из всего комплекса своих экономических, политических и военных отношений с соседним Ираном. Россия не считала продуктивным использование угрозы силой и возможное сползание к военной конфронтации, потенциально чреватые повторением югославского или иракского сценариев.

США выражали протест против продажи Россией оружия на мировых рынках тем государствам, которые рассматривались в Америке как недружественные. В их числе — Китай, ряд стран в Латинской Америке (в их числе — Венесуэла) и на Ближнем Востоке (Иран, Сирия). В 2006 г. продажа оружия Россией увеличилась на 20% и составила 6,5 млрд. долларов. Наша страна настаивает на том, что сделки носят сугубо коммерческий характер, а поставляемое оружие имеет оборонительную направленность. При этом в России обращали внимание на то, что США торгуют оружием по всему миру, продавая его и таким не вполне дружественным в отношении России странам, как Грузии и Азербайджану.

В 2005–2009 гг. стабильно во всех областях развивались отношения между Россией и Китаем. Однако российско-китайское сотрудничество в сфере безопасности в регионе Центральной Азии беспокоило Соединенные Штаты. Оно рассматривалось как попытка ограничить амери-

канское влияние в странах, которые США включили в зону своих интересов. Здесь был оформлен региональный союз — Шанхайская Организация Сотрудничества (ШОС), — с относительно жесткими правилами. В ШОС помимо России и Китая вошли государства Центральной Азии, а на правах ассоциированных членов — Индия и Иран. Организация исключает участие США: им было отказано даже в ассоциированном членстве.

Недовольство США вызвала и новая энергетическая стратегия России, которая включала: увеличение доли государственных долей в нефтяных и газовых компаниях (часто за счет долей западных корпораций), строительство трубопроводов во всех географических направлениях, повышение цен на энергоносители для стран-соседей; стремление контролировать их транспортную инфраструктуру; координацию своей политики с другими добывающими нефть и газ странами. На саммите НАТО Риге в декабре 2006 г. из уст американцев звучали предложения включить энергетические вопросы в компетенцию альянса, говорилось об энергетической угрозе со стороны России. США стимулировали завершение строительства альтернативного российским маршрутам трубопровода Баку–Джейхан. Однако попытка США убедить потенциальных инвесторов Транскаспийского трубопровода проложить его по дну Каспийского моря в обход России не увенчалась успехом. Более того, в мае 2007 г. Россия заключила соглашения с Казахстаном, Туркменистаном и Узбекистаном по увеличению экспорта энергоносителей из этих стран через российскую территорию.

Россия неоднократно возражала против расширения НАТО в направлении своей территории. Однако США продолжали активные контакты с Азербайджаном, Грузией и Украиной, выражавшими намерение вступить в альянс. Помимо этого США озвучили планы по размещению элементов системы противоракетной обороны (ПРО), направленной против Ирана и ряда других неназванных стран, на территории Чехии и Польши, и, возможно, Грузии и Украины. Военное руководство России назвало систему ПРО «серьезным дестабилизирующим фактором, который может оказать значительное влияние на региональную и глобальную безопасность». В качестве возможных ответных мер рассматривалась возможность объявления моратория на выполнение обязательств по Договору об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ, 1990 г.), размещение дополнительных ракетных комплексов в западных регионах, а также выход из Договора о ликвидации ракет малой и средней дальности (РМСД, 1987 г.)

В отношениях России *с государствами Европы* сочетались сотрудничество и соперничество. Интенсивно развивались связи в сфере энергетики. Российский Газпром заключил договор с германскими компаниями по строительству трубопровода по дну Балтийского моря. Со-

глашение с Венгрией предусматривает продолжение «Голубого потока» от Турции через Болгарию и Румынию в Венгрию. Была достигнута договоренность о строительстве нефтепровода в Болгарию и Грецию.

Вместе с тем, Россия и Евросоюз (ЕС) расходились в определении экономической безопасности. В ЕС газовые споры России с Украиной и Белоруссией (тогда возникли краткосрочные перебои в поставках газа в Европу) восприняли как угрозу своим интересам. ЕС настаивал на ратификации Россией Энергетической Хартии, допускавшей третьи страны к системе российских газопроводов. Концепция документа была сформулирована в начале 1990-х годов и отражала интересы лишь стран-потребителей ресурсов. Россия же рассматривала ситуацию с точки зрения их производителя, стремилась к подписанию долгосрочных контрактов с европейскими партнерами и не принимала идею внешнего доступа к своим трубопроводам. В ЕС поставили вопрос о необходимости диверсификации поставок на континент из других регионов, а также о разработке новых источников получения энергии.

Непросто развивались отношения России с европейскими странами в рамках Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). Россия критиковала эту структуру за отклонение от своей основной миссии по разрешению существующих конфликтов и сосредоточении вместо этого на продвижении в регионе демократии западного типа. Последовательно антироссийские позиции занимали некоторые новые члены ЕС и НАТО, прежде всего страны Балтии и Польша. В июле 2009 г. в рамках Парламентской ассамблеи ОБСЕ была принята резолюция, в которой утверждалось, что в XX веке европейские страны пострадали от двух мощных тоталитарных режимов, которые несли с собой геноцид и преступления против человечества, — нацистского и сталинского. Европейские парламентарии выступили с призывом учредить общеевропейский день памяти «жертв сталинизма и нацизма», приурочив его ко дню подписания пакта Молотова–Риббентропа (23 августа 1939 году). Эту же дату предложено считать началом Второй мировой войны.

Российские политики оценили резолюцию ОБСЕ как оскорбительный антироссийский выпад и осквернение истории. Обоснование концепции оккупации чревато выдвиганием требований компенсации всем ее «жертвам», куда войдут не только страны Балтии, но и, возможно, всей Восточной Европы.

Сферой приоритетного внимания российской внешней политики были страны, объединенные в *Содружество Независимых Государств*. В 2005–2009 гг. исходили из того, что прежние попытки интеграции в рамках СНГ давались России слишком дорого и не привели к желаемому результату. Выбор был сделан в пользу прагматического выстраивания двусторонних отношений. Важность сохранения Содружества

обусловлена возможностью обсуждать в рамках этой структуры широкий круг разнородных проблем, которые вынуждены решать новые страны, связанные между собой и общим прошлым, и новыми вызовами.

Важной вехой в реализации нового курса стал конец 2005 г., когда Россия объявила о переходе к новым ценам на газ в отношениях с Украиной. Российский Президент пояснял, что «последние 15 лет Россия субсидировала украинскую экономику в ежегодном объеме от 3 до 5 млрд долларов», и «каждый год мы поднимали вопрос о переходе на европейскую систему ценообразования». С необходимостью платить по ценам, втрое превышающим прежние, столкнулись и ближайшие российские союзники — Армения и Беларусь. Новый курс России вызвал кризисные явления в отношениях с Украиной и Беларусью, усмотревших в нем попытку политического давления. Резко выразили недовольство и США: Государственный департамент назвал действия России «использованием энергии в качестве политического рычага влияния на деятельность соседей». Россия делала акцент на чисто экономическом характере своих действий, необходимых для вступления в ВТО и продолжения поставок на европейские рынки.

Отношения в СНГ осложнялись ситуаций вокруг непризнанных («самопровозглашенных») республик: Абхазии, Южной Осетии, Приднестровья и Нагорного Карабаха. Здесь с нетерпением ждали разрешения проблемы Косово: признание международным сообществом независимости этого края давало надежду поднять свой статус до уровня международно признанных государств. Весной 2008 г. независимость Косово была провозглашена, однако Запад не считал возможным распространить этот прецедент на постсоветское пространство. Одновременно в Грузии с ведома США готовилась военная акция против Южной Осетии. Начатая 8 августа 2008 г. война против «сепаратистов» продолжалась пять дней и завершилась разгромом грузинских войск. Это было результатом поддержки Южной Осетии со стороны России, которая действовала в соответствии со своими международно-правовыми обязательствами. Следствием Пятидневной войны стало признание Россией независимости Южной Осетии и Абхазии, с которыми заключены договоры о дружбе и взаимопомощи. Позиция России в августе 2008 г. привела к охлаждению отношений с Евросоюзом, который тогда безоговорочно поддержал Грузию.

Политика России в *Центральной Азии* была связана со стремлением остановить общий рост насилия в регионе, стабилизировать ситуацию и минимизировать угрозы, связанные с масштабным воздействием на регион зарубежных экстремистских сил (часто религиозного толка). С государствами региона Россия активно развивает двусторонние связи, а также в рамках двух международных союзов: ШОС и «Организации договора коллективной безопасности» (ОДКБ). В 2009 г. ее состав

входили Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Россия и Таджикистан. В структуре ОДКБ много внимание уделялось созданию мобильных коллективных сил быстрого реагирования, что связано с одной из главных задач организации — противодействия международному терроризму. Крупномасштабные военные учения таких сил успешно прошли в октябре 2009 г. в Казахстане.

Новый акцент во внешней политике России 2005–2009 г. связан с *активизацией взаимодействия с исламским миром*, роль которого в глобальной политике существенно возросла. Начатая США «война против террора» со временем стала восприниматься как война против образа жизни мусульман. Политически изолированными оказывались даже умеренные мусульмане, что способствовало росту антиамериканских и антизападных настроений. Для нашей же страны, где проживает более 20 млн. мусульман, идея междивизиационного диалога особенно актуальна. Россия приняла участие в работе Организации Исламской Конференции, поддерживала идею созыва международной конференции по Ираку, что должно было сопровождаться постепенным выводом американских войск из страны. Москва пыталась вывести Иран из области подозрений со стороны зарубежного общественного мнения в отношении ядерной программы, предложив переправлять отработанное ядерное топливо в Россию. Другая важная новация касалась открытия политического диалога с партией Хамас, победившей на палестинских выборах, но отвергающей право Израиля на самостоятельное государство. Обе инициативы способны существенно повлиять на динамику безопасности в регионе. Помимо этого, Россия подвергла жесткой критике публикацию в Дании и некоторых других европейских странах оскорбительных для мусульман карикатур с изображением пророка Мухаммеда, назвав их «недопустимой» провокацией против мусульман.

12 июля 2008 г. Президент утвердил новую Концепцию внешней политики, уточнявшую положения прежней (от 28 июня 2000 г.). Изменения потребовались в связи с эволюцией международных отношений в начале XXI в. и необходимостью переосмыслить цели и задачи внешней политики России с учетом ее изменившейся роли в мировых делах. Определены следующие приоритеты Российской Федерации в решении глобальных проблем: 1) формирование нового мироустройства с опорой на многосторонние институты; 2) верховенство права в международных отношениях, противодействие попыткам его односторонней ревизии; 3) укрепление международной безопасности на коллективной основе; 4) широкое международное экономическое и экологическое сотрудничество; 5) международное гуманитарное сотрудничество и защита прав человека; 6) информационное сопровождение внешнеполитической деятельности, призванное обеспечить объективное восприятие России в мире.

БИБЛИОГРАФИЯ

Учебники, пособия, справочники

- История России XX — начала XXI века / Под ред. Л. В. Милова. М., 2006–2009.
- История России с древнейших времен до наших дней: В 2 т. / А. Н. Сахаров, А. Н. Боханов, В. А. Шестаков. М., 2009. Т. 2.
- Новейшая отечественная история. XX в.: В 2 кн.: Учебник / Под ред. Э.М. Щагина, А.В. Лубкова. М., 2008.
- Новейшая история России. 1914–2008. / Под ред. М. В. Ходякова. М., 2008.
- Отечественная история новейшего времени. 1985–2008 гг. / Отв. ред. А. Б. Безбородов. М., 2009.
- Хрестоматия по новейшей истории России, 1917–2004: В 2 ч. / Под ред. А. Ф. Киселева, Э. М. Щагина. М., 2005.
- Государственная власть СССР. Высшие органы власти и управления и их руководители. 1923–1991 гг.: Ист.-биограф. справочник. М., 1999.
- Центральный комитет КПСС, ВКП(б), РКП(б), РСДРП(б). 1917–1991: Ист.-биограф. справочник. М., 2005.
- Зенькович Н. А.* Самые открытые люди: Энциклопедия биографий. М., 2004.

Источники

- Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б)–КПСС. 1922–1991. [Т. 1]: 1922–1952. М., 2000.
- Александр Яковлев. Перестройка. 1985–1991 / Под ред. А. А. Яковлева. М., 2008. (Россия. XX век. Документы).
- Антология Самиздата: Неподцензурная литература в СССР. 1950–1980-е: В 3 т. М., 2005.
- Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957: Документы. М., 2001.
- Аппарат ЦК КПСС и культура 1958–1964 гг.: Документы. М., 2005.
- Архив русской революции: В 22 т. М., 1991. (Русский архив).
- Архивы Кремля: Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. М., 2003.
- Атомный проект СССР: Документы и материалы. М., Саров. Т. I: 1938–1945. Ч. 1. М., 1988. Ч. 2. М., 2002; Т. II: Атомная бомба. 1945–1954. Кн. 1. Саров, 1999; Кн. 2. Саров, 2000; Кн. 3. Саров, 2002. Кн. 4. Саров, 2003. Кн. 5. М., 2005; Кн. 6. М., 2006; Кн. 7. М., 2007.
- Большая цензура: Писатели и журналисты в стране Советов. 1917–1956 гг. М., 2005.
- В жерновах революции: Российская интеллигенция между белыми и красными в пореволюционные годы: Сб. док. и мат. М., 2008.
- В Политбюро ЦК КПСС: По записям А. Черняева, В. Медведева, Г. Шахназарова. 1985–1991 гг. М., 2006.
- Ведомости Верховного Совета СССР. М., 1938–1989.
- Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР. М., 1989–1991.
- Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного совета Российской Федерации. М., 1992–1993.
- Ведомости Федерального Собрания Российской Федерации. М., 1994. № 1. (Продолжающееся издание).

- «Великая книга дня...»: Радио в СССР: Документы и материалы. М., 2007.
- Великая Отечественная. М., 1993–2002. (Русский архив). Т. 1–17.
- Власть и диссиденты: Из документов КГБ и ЦК КПСС. М., 2006.
- Власть и художественная интеллигенция: Документы ЦК РКП(б)–ВКП(б)–ВЧК–ОГПУ–НКВД о культурной политике. 1917–1953 гг. М., 1999.
- Военнопленные в СССР. 1939–1956: Документы и материалы. М., 2000.
- Военный совет при Народном комиссаре обороны СССР. Ноябрь 1937 г.: Документы и материалы. М., 2006.
- Военный совет при Народном комиссаре обороны СССР. 1938. 1940: Документы и материалы. М., 2006.
- Всесоюзная перепись населения 1937 г.: Общие итоги: Сборник документов и материалов. М., 2007.
- Высылка вместо расстрела: Депортация интеллигенции в документах ВЧК–ГПУ. 1921–1923. М., 2005.
- Георгий Жуков. Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 2001.
- Главный военный совет РККА. 13 марта 1938 г. – 20 июня 1941 г.: Док. и мат. М., 2004.
- Главный противник: Документы американской внешней политики и стратегии 1945–1950 гг. М., 2006.
- Горбачев–Ельцин: 1500 дней политического противостояния. М., 1992.
- Государственный антисемитизм в СССР. От начала до кульминации. 1938–1953. М., 2005.
- ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1917–1960: Сб. документов. М., 2002.
- Декреты Советской власти. Т. I–XVIII. [Октябрь 1917 – август 1921]. М., 1957–2009.
- Денежная реформа 1921–1924 гг. Создание твердой валюты. Документы и материалы. М., 2008.
- Десятый (чрезвычайный) съезд народных депутатов Российской Федерации. 23 сентября – 4 октября 1993 года. Стеногр. отчет. М., 2008.
- Доклад Н. С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС: Документы. М., 2002.
- За советы без коммунистов: Крестьянское восстание в Тюменской губернии. 1921: Сборник документов. Новосибирск, 2000.
- Заключенные на стройках коммунизма. ГУЛАГ и объекты энергетики в СССР: Сб. документов и фотографий. М., 2008.
- Зданович А. А.* Органы госбезопасности и Красная Армия: Деятельность органов ВЧК–ОГПУ по обеспечению безопасности РККА (1921–1934). М., 2008.
- Ельцин–Хасбулатов: единство, компромисс, борьба. М., 1994.
- И. В. Сталин. Историческая идеология в СССР в 1920–1950-е годы: Переписка с историками, статьи и заметки по истории, стенограммы выступлений. Сборник документов и материалов. Часть 1. 1920–1930-е годы. СПб., 2006.
- Изгнанники в своей стране: Письма из советской ссылки 1920–1930-х гг.: по документам фонда «Е. П. Пешкова. Помощь политическим заключенным». М., 2008.
- Индустриализация Советского Союза: Новые документы, новые факты, новые подходы: Сборник. Ч. 1–2. М., 1997–1999.
- Исаков В. Б.* Расчлененка. Кто и как развалил Советский Союз: Хроника, документы. М., 1998.
- История советского атомного проекта: Документы, воспоминания, исследования. Вып. 1–2. СПб., 1998–2002.
- История Советской Конституции (в документах). 1917–1956. М., 1957.
- История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7 т. М., 2004–2005.

- Как ломали нэп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б), 1928–1929 гг.: В 5 т. М., 2000.
- Кинематограф Оттепели: Документальные свидетельства. М., 1998.
- Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. (1898–1988). Т. 1–15. 9-е изд. М., 1983–1989.
- Коминтерн и идея мировой революции: Документы. М., 1998.
- Конституции СССР 1924, 1936, 1977 г.; Конституции РСФСР 1918, 1925, 1937, 1978 гг.; Конституция РФ 1993 г. // Хрестоматия по истории государства и права России. М., 2007.
- Крамola: Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежневе. 1953–1982 гг. Рассекреченные документы Верховного суда и Прокуратуры СССР. М., 2005.
- Кремлевский кинотеатр. 1928–1953: Документы. М., 2005.
- Крестьянские восстания в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг. Антоновщина: Док. и мат. Тамбов, 1994.
- Лаврентий Берия. 1953: Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1999.
- «Ленинградское дело». Л., 1990.
- «Литературный фронт». История политической цензуры 1932–1946 гг. Сб. документов. М., 1994.
- Лубянка: Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД. Архив Сталина. Январь 1922 – декабрь 1936. М., 2003.
- Лубянка: Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. 1937–1938. М., 2004.
- Лубянка: Сталин. НКВД–НКГБ–НКГБ–ГУКР «Смерш». 1939 – март 1946. Архив Сталина. М., 2006.
- Молотов, Маленков, Каганович. 1957. Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1998.
- Народное хозяйство СССР за 70 лет. Юбилейный стат. ежегодник. М., 1987.
- Население России за 100 лет (1897–1997): Стат. сборник. М., 1998.
- Несостоявшийся юбилей: Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия? М., 1992.
- Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине 1918–1921 гг.: Документы и материалы. М., 2006.
- Никита Сергеевич Хрущев. Два цвета времени. Документы из личного фонда Н. С. Хрущева. В 2 т: Сб. документов. М., 2009.
- Никита Хрущев. 1964. Стенограммы пленумов ЦК КПСС и другие документы. М., 2007.
- НКВД–МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939–1956 гг.). Сборник документов. М., 2008.
- Президиум ЦК КПСС. 1954–1964: Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления: В 3 т. Т. 1: Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. М., 2003; Т. 2: Постановления, 1954–1958. М., 2006. Т. 3: Постановления. 1959–1964. М., 2008.
- Оглашению подлежит: СССР – Германия. 1939–1941: Док. и мат. М., 2004.
- Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сб. документов. М., 1995–2003. Т. 1–3
- Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. М., 2003.
- «Очистим Россию надолго...»: Репрессии против инакомыслящих. Конец 1921 – начало 1923 г.: Документы. М., 2008.
- Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 2005.

- Письма во власть. 1928–1939. М., 2002.
- Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940: В 2 кн. М., 2005–2006.
- Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945–1953. М., 2002.
- Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн: 1919–1943 гг.: Документы. М., 2004.
- Политическая история русской эмиграции. 1920–1940 гг.: Док. и мат. М., 1999.
- Постановления Совета Министров СССР. М., 1989–1990.
- Постановления Совета Министров и Кабинета Министров СССР. М., 1991.
- Президиум ЦК КПСС. 1954–1964: Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления: В 3 т. М., 2003–2008.
- Приватизация по-русски. М., 1999.
- 58–10. Надзорные производства Прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганды. Март 1953–1991: Аннот. каталог. М., 1999.
- Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы: В 3 т. М., 2000–2004.
- Реабилитация народов России: Сб. документов. М., 2000.
- Региональная политика Н.С. Хрущева. ЦК КПСС и местные партийные комитеты. 1953–1964 гг. М., 2009. (Документы советской истории).
- Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: Сб. документов. Т. 1–16. М., 1967–1988.
- Российский статистический ежегодник. 1994: Стат. сборник. М., 1994. (Продолжающееся издание)
- Россия (СССР) в локальных войнах и вооруженных конфликтах второй половины XX века. М., 2000.
- Россия–2000. Современная политическая история (1985–1999 годы). 3-е изд. М., 2000. Т. 1–2.
- Русская Православная церковь в советское время (1917–1991): Мат. и док. по истории отношений между государством и Церковью. М., 1995. Кн. 1–2.
- Самиздат века. Минск; М., 1997.
- Самиздат Ленинграда. 1950-е — 1980-е: Литературная энциклопедия. М., 2003.
- Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства СССР. М., 1924–1938.
- Собрание законодательства Российской Федерации. Еженедельное издание Администрации Президента РФ. М., 1994.
- Собрание постановлений Правительства СССР. М., 1939–1989.
- Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР. М., 1917–1938.
- «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). М., 2001–2008. Т. 1–8.
- Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939: Док. и мат.: В 4 т. М., 1998–2003.
- Советская жизнь. 1945–1953. М., 2003.
- Советская повседневность и массовое сознание. 1939–1945. М., 2003.
- Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. т. 1–2. М., 1999.
- Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945: Док. и мат.: В 2 т. М., 1984.
- Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945: Док. и мат.: В 2 т. М., 1983.
- Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945: Док. и мат.: В 2 т. М., 1983.
- Совещания Коминформа. 1947, 1948, 1949: Док. и мат. М., 1998.

- Союз можно было сохранить. Белая книга: Док. и факты о политике М. С. Горбачева по реформированию и сохранению многонационального государства. 2-е изд. М., 2007.
- СССР — Германия. 1939–1941 гг.: Док. и мат. о советско-германских отношениях: В 2 т. Вильнюс, 1989.
- Сталин и космополитизм: Док. Агитпропа ЦК КПСС. 1945–1953 М., 2005.
- Сталин И. В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 2002.
- Сталинские депортации 1928–1953. М., 2005.
- Сталинские стройки ГУЛАГа. 1930–1953. М., 2005.
- Стенограммы заседаний Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б). 1923–1938 гг. В 3 т. М., 2007. Т.1: 1923–1926 гг.; Т. 2: 1926–1927гг.; Т. 3: 1928–1938 гг.
- Стенографические отчеты съездов народных депутатов СССР. М., 1989–1991.
- Съезды Советов Союза ССР, союзных и автономных советских социалистических республик. Сб. документов 1917–1937 гг.: В 7 т. М., 1957–1965.
- Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Док. и мат.: В 5 т. М., 1991–2002.
- Учредительное собрание России 1918 г. (Стенограмма и другие документы). М., 1991.
- Федеральное Собрание РФ. Государственная Дума: Стенограмма заседаний. Весенняя сессия. Т. 1. 11–21 января 1994 г. М., 1994. (Продолжающееся издание).
- Федеральное Собрание РФ. Совет Федерации. Заседание первое. 11–15 января 1994 г.: Стенографический отчет. М., 1995. (Продолжающееся издание).
- Цензура в Советском Союзе. 1917–1991: Документы. М., 2004.
- ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты. 1945–1953. М., 2004.
- ЦК РКП(б)–ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1: 1918–1933 гг. М., 2005; Кн. 2: 1933–1945 гг. М., 2009.
- Ямпольский В. П.* «...Уничтожить Россию весной 1941 г.» (А Гитлер, 31 июля 1940 года): Документы спецслужб СССР и Германии. 1937–1945 гг. М., 2008.

* * *

- Абросимов П. А.* Четверть века послем Советского Союза. М., 2007.
- Александров-Агентов А. М.* От Коллонтай до Горбачева. Воспоминания дипломата, советника А. А. Громыко, помощника Л. И. Брежнева, Ю. В. Андропова, К. У. Черненко и М. С. Горбачева. М., 1994.
- Арбатов Г. А.* Жизнь, события, люди: Автобиография на фоне исторических перемен. М., 2008.
- Афанасьев В. Г.* Четвертая власть и четыре генсека. М., 1994.
- Афганистан. Спецоперация в Кабуле. 1979 г. Воспоминания участников. М., 1999.
- Байбаков Н. К.* От Сталина до Ельцина. М., 1998.
- Байгушев А. И.* Русский орден внутри КПСС: Помощник М. А. Суслова вспоминает... М., 2005.
- Берия С.* Мой отец Берия. В коридорах сталинской власти. М., 2002.
- Бобков Ф. Д.* КГБ и власть. М., 2003.
- Бородин Л. И.* Без выбора: Автобиографическое повествование. М., 2003.
- Борщоговский А.* Записки баловня судьбы. М., 1991.
- Брутец К. Н.* Несбывшееся. Неравнодушные заметки о перестройке. М., 2005.
- Буковский В.* «И возвращается ветер...»: Письма русского путешественника. М., 1990. «В Белом море красный СЛОН...» (Воспоминания узников Соловецкого лагеря). М., 2006.
- Василевский А. М.* Дело всей жизни: В 2 т. М., 1989.
- Викюлов С. В.* На русском направлении: Записки главного редактора «Нашего современника» (1970–1980 годы). М., 2002.

- Воронцов В. А.* В коридорах безвластия: (Премьеры Ельцина). М., 2006.
- Воротников В. И.* Кого хранит Мемор. М., 2007.
- Гайдар Е. Т.* Дни поражений и побед. М., 1996.
- Гвишиани А.* Феномен Косыгина: Записки внука; Мнения современников. М., 2004.
- Глазунов И. С.* Россия распятая. В 2 т., 4 кн. 2-е изд. М., 2008.
- Глазьев С. Ю.* Я просто выполняю свой долг. М., 2007.
- Горбачев М. С.* Жизнь и реформы: В 2 кн. М., 1995.
- Григоренко П. В.* В подполье можно встретить только крысы: Воспоминания. М., 1997.
- Гришин В. В.* От Хрущева до Горбачева: Политические портреты пяти генсеков и А. Н. Косыгина: Мемуары. М., 1996.
- Громов Б. В.* Ограниченный контингент. М., 1993.
- Громыко А. А.* Памятное: В 2 кн. М., 1990.
- Давидсон А.* Я вас люблю. Страницы жизни. М., 2008.
- Деникин А. И.* Очерки русской смуты. М., 1991; Минск, 2003, 2004.
- Добрынин А. Ф.* Сугубо доверительно: Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986 гг.). М., 1996.
- Доллежалъ Н. А.* У истоков рукотворного мира: Записки конструктора. М., 1989.
- Дорога в космос: Воспоминания ветеранов ракетно-космической техники и космонавтики: В 2 т. М., 1992–1993.*
- Дубинин Ю. В.* Время перемен: Записки посла в США. М., 2003.
- Евтушенко Е.* Шестидесятник. Мемуарная проза. М., 2008.
- Ельцин Б. Н.* Записки президента. М., 1994.
- Ельцин Б. Н.* Президентский марафон. М., 2000.
- Еременко А. И.* В начале войны: Воспоминания Маршала Советского Союза. М., 2006.
- Еременко А. И.* Сталинград. М., 2006.
- Жданов Ю. А.* Взгляд в прошлое: Воспоминания очевидца. Ростов н/Д: Феникс, 2004.
- Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления: В 2 т. 13-е изд. М., 2002.
- Иванов И. С.* Новая российская дипломатия: Десять лет внешней политики страны. М., 2001.
- Ивановский О. Г.* Записки офицера «Смерша». В походах и рейдах гвардейского кавалерийского полка, 1941–1935. М., 2006.
- Игорь Васильевич Курчатов в воспоминаниях и документах. М., 2004.*
- «Из памяти выплыли воспоминания...»: Дневниковые записи, путевые заметки, мемуары академика АН СССР Исаака Израилевича Минца. М., 2007. 600 с.*
- Исповедь царевичей. Убийство Царской Семьи в материалах предварительного следствия и в воспоминаниях лиц, причастных к совершению этого преступления. М., 2008.*
- Каганович Л. М.* Памятные записки рабочего, коммуниста-большевика, профсоюзного, партийного и государственного работника. М., 2003.
- Капитанец И. М.* На службе океанскому флоту. 1946–1992: Записки командующего двумя флотами. М., 2000.
- Катто А. С.* На переломе века: Записки политика и дипломата. М., 2006.
- Карпов В. В.* Большая жизнь. М., 2009.
- Керенский А. Ф.* Воспоминания. М., 1996.
- Кисунько Г.* Секретная зона: Исповедь генерального конструктора. М., 1996.
- Кобзон И. Д.* Как перед Богом. М., 2006.
- Козырев А. В.* Преображение. М., 1995.
- Кондрашов С. Н.* На сломе эпох. 1982–2006. Летопись очевидца. М., 2007. Т. 1: 1982–1991; Т. 2: 1991–2006.
- Корниенко Г. М.* «Холодная война»: свидетельство ее участника. М., 2001.
- Кравченко П.* Беларусь на распутье, или Правда о Беловежском соглашении: Записки дипломата и политика. М., 2006.

- Краснопевцев Л. Н.* Записки хранителя. М., 2008.
- Кривопусков В.* Мятежный Карабах: Из дневника офицера МВД СССР. М., 2008.
- Крючков В. А.* Личное дело. М., 2003.
- Крючков В. А.* Без скидок давности: В 2 кн. М., 2006.
- Кузнецов Н. Г.* Крутые повороты: Из записок адмирала. М., 1995.
- Куликов В. Г.* Война: Размышления Маршала Советского Союза. М., 2008.
- Куняев С.* Мои печальные победы. М.: Алгоритм, 2007.
- Куняев С.* Поэзия. Судьба. Россия: В 3 кн. М., 2001–2002.
- Лигачев Е. К.* Кто предал СССР? М., 2009.
- Лукьянов А. И.* В водовороте российской смуты. М., 1999.
- «Лучше десять дней переговоров, чем один день войны»: Воспоминания об А. А. Громыко. М., 2009 .
- Майоров А. М.* Вторжение. Чехословакия. 1968: Свидетельства командарма. М., 1998.
- Маленков А. Г.* О моем отце Георгии Маленкове. М., 1992, 2007.
- Мерецков К. А.* На службе народу. М., 1988.
- Месяцев Н. Н.* Горизонты и лабиринты моей жизни. М., 2005.
- Микоян А. И.* Так было: Размышления о минувшем. М., 1999.
- Министры советской эпохи. О времени и о себе. М., 2009.
- Мухитдинов Н. А.* Река времени. От Сталина до Горбачева: Воспоминания. М., 1995.
- Оников Л. А.* КПСС: анатомия распада. Взгляд изнутри аппарата ЦК. М., 1996.
- Осилов В. Н.* Корень нации. Записки русофила. М., 2008.
- От оттепели до застоя: Сборник воспоминаний бывших партийных и государственных деятелей. М., 1990.
- Печенев В. А.* «Смутное время» в новейшей истории России (1985–2003): Исторические свидетельства и размышления участника событий. М., 2004.
- Павлов В. С.* Упущен ли шанс? Финансовый ключ к рынку. М., 1995.
- Попцов О. М.* Тревожные сны царской свиты. Россия, Кремль. М., 2000.
- Премьер известный и неизвестный: Воспоминания о А. Н. Косыгине. М., 1997.
- Примаков Е. М.* Минное поле политики. М., 2006.
- Прокофьев Ю. А.* До и после запрета КПСС: Первый секретарь МГК КПСС вспоминает... М., 2005.
- Пстыго И. И.* Жизнь: (Так это было). М., 2006.
- Рапорт Я. М.* На рубеже двух эпох: Дело врачей 1953 года. М., 1988.
- Рогозин Д. О.* Враг народа. М., 2006.
- Рокоссовский К. К.* Солдатский долг. М., 1997.
- Рудинский Ф. М.* «Дело КПСС» в Конституционном Суде. Записки участника процесса. М., 1999.
- Рыжков Н. И.* Главный свидетель. М., 2009.
- Рыжков Н. И.* Трагедия великой страны. М., 2007.
- Сахаров А. Д.* Воспоминания: В 2 т. М., 1996.
- Свиридов Г. В.* Музыка как судьба. М., 2002.
- Семёнов Н. П.* Тревожная Прага: Воспоминания советского вице-консула в Чехословакии (1968–1972). М., 2004.
- Семичастный В. Е.* Беспокойное сердце. М., 2002.
- Симонов К. М.* Глазами человека моего поколения: Размышления о И. В. Сталине. М., 1989.
- Смирнов Г. Л.* Уроки минувшего. М., 1997.
- Солоухин В.* Последняя ступень: (Исповедь вашего современника). М., 1995.
- Судоплатов П. А.* Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930–1950 гг. М., 1997.
- Суханов Н. Н.* Записки о революции. 3-е изд. В 3 т. М., 1991.
- Суходрев В. М.* Язык мой — друг мой: От Хрущева до Горбачева. 2-е изд. М., 2008.

- Троцкий Л. Д.* История русской революции. Т. 2. Ч. 1–2. М., 1997.
- Трошев Г. Н.* Чеченский излом: Дневники и воспоминания. М.: Время, 2008.
- Трояновский О. А.* Через годы и расстояния. М., 1997.
- Устинов Д. Ф.* Во имя победы: Записки наркома вооружения. М., 1988.
- Усубалиев Т. У.* Эпоха. Созидание. Судьбы. Бишкек, 1995.
- Феокистов К. П.* Зато мы делали ракеты: Воспоминания и размышления космонавта-исследователя. М., 2005.
- Ходяков М. В.* Деньги революции и Гражданской войны: денежное обращение в России 1917–1920. СПб., 2009.
- Хрущев Н. С.* Время. Люди. Власть: (Воспоминания): В 4 кн. М., 1999.
- Чазов Е. И.* Здоровье и власть: Воспоминания кремлевского врача. М., 1992.
- Черняев А. С.* Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972–1991 годы. М., 2008.
- Черток Б. Е.* Ракеты и люди: Горячие дни холодной войны. М., 1999.
- Чивилихин Владимир.* Дневники, письма. Воспоминания современников. М., 2008.
- Чуев Ф. И.* Молотов: Полудержавный властелин. М., 1999.
- Чуйков В. И.* От Сталинграда до Берлина. М., 1985.
- Чуковский К. И.* Дневник (1930–1969). М., 1994.
- Шаламов В. Т.* Воспоминания. М., 2001.
- Шелест П. Е.* ...Да не судимы будете: Дневниковые записи, воспоминания члена Политбюро ЦК КПСС. М., 1994.
- Шенилов Д. Т.* Непримкнувший. М., 2001.
- Щелкин Ф. К.* Апостолы атомного века: Воспоминания, размышления. 2-е изд. М., 2004.
- Юлий Борисович Харитон: Путь длиною в век.* 2-е изд. М., 2005.
- Язов Д. Т.* Удары судьбы. Воспоминания солдата и маршала. 4-е изд. М., 2004.
- Яковлев А. Н.* Омут памяти: От Сталина до Путина: В 2 кн. М., 2001.
- Яковлев А. Н.* Сумерки. М., 2003.

Литература

- Абалкин Л.И.* Россия: Поиск самоопределения: Очерки. 2-е изд., доп. М., 2005.
- Абдулатипов Р. Г.* Этнонациональная политика в Российской Федерации. М., 2007.
- Абдулатипов Р.Т., Болтенкова Л.Ф., Яров В.Ф.* Федерализм в истории России: В 3 кн. М., 1992–1993.
- Абрамов Е.* «Черные дьяволы»: Морская пехота в Великой Отечественной войне. М., 2008.
- Авакьян С.А.* Конституция России: природа, эволюция, современность. М., 1997.
- Адибеков Г. М.* Коминформ и послевоенная Европа. 1947–1956 гг. М., 1994.
- Административно-территориальное устройство России: История и современность.* М., 2003.
- Аксютин Ю. В.* Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. М., 2004.
- Алексеева Л. М.* История инакомыслия в СССР. Новейший период. Вильнюс; М., 1992, 2001.
- Алексеева Л.М., Голдберг П.* Поколение оттепели. М., 2006.
- Андреевский Г. В.* Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху. 1930–1940-е годы. 2-е изд. М., 2008.
- Андрянов В. И.* Косыгин. М., 2003.
- Анатомия революции. 1917 год в России: Массы, партии, власть.* СПб., 1994.
- Анисков В. Г.* Крестьянство против фашизма. 1941–1945: История и психология подвига. М., 2003.
- Байгушев А. И.* Русская партия внутри КПСС. М., 2005.

- Баландин Р. К.* Маленков. Третий вождь Страны Советов. М., 2007.
- Барсенков А. С.* Введение в современную российскую историю. 1985–1991: Курс лекций. М., 2002.
- Баталов Э.Я., Журавлева В.Ю., Хозинская К.В.* «Рычащий медведь» на «диком Востоке» (Образы современной России в работах американских авторов: 1992–2007. М., 2009.
- Безбородов А. Б.* Власть и научно-техническая политика в СССР середины 50-х – середины 70-х годов. М., 1997.
- Безугольный А. Ю.* Народы Кавказа и Красная Армия. 1918–1945 годы. М., 2007.
- Богданов Ю. Н.* Министр сталинских строек. 10 лет во главе МВД. М., 2007. (С. Круглов).
- Бокарев Ю. П.* СССР и становление постиндустриального общества на Западе, 1970–1980-е годы. М., 2007.
- Боффа Дж.* История Советского Союза: В 2 т. М., 1990. Т. 2: 1941–1964.
- Боффа Дж.* От СССР к России: История неоконченного кризиса. 1964–1994. М., 1996.
- Бочарова Т. П.* Новочеркасск. Кровавый полдень. Ростов н/Д, 2008.
- Бугай Н. Ф.* Л. Берия – И. Сталину: «Согласно вашему указанию...» М., 1995.
- Бугай Н.Ф.* Реабилитация репрессированных граждан России (XX – начало XXI века). М., 2006.
- Бугай Н.Ф.* Чеченская республика: конфронтация, стабильность, мир. М., 2006.
- Бугай Н. Ф., Ионов А. М.* Северный Кавказ: новые ориентиры национальной политики (90-е годы XX века). М., 2004.
- Бузин А. С.* Александр Фадеев. Тайны жизни и смерти. М., 2008.
- Бурмистрова Т. Ю.* Зерна и плевелы: Национальная политика в СССР. 1917–1984 гг. СПб., 1993.
- Бутенина Н. В.* Ленд-лиз: сделка века. М., 2004.
- Бушин В.С.* Неизвестный Солженицын. М., 2009.
- Бушуев В. Г.* Свет и тени: От Ленина до Путина: Заметки о развилках и персонах российской истории. М., 2006.
- Быстрова И. В.* Советский военно-промышленный комплекс (1930–1980-е годы). М., 2006.
- Быстрова Н. Е.* СССР и формирование военного блокового противостояния в Европе (1945–1955): В 2 кн. М., 2005.
- Васильев Ю. А.* Модернизация под красным флагом. М., 2006.
- Вахрамеев А. В., Кулешов С. Г.* Очерки истории советской внешней политики (1917–1991). М., 2007.
- Вдовин А. И.* Русские в XX веке. М., 2004.
- Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание. М., 2009.
- Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-ист. очерки: В 4 кн. М., 1995–1999.
- Вербницкая О. М.* Население российской деревни в 1939–1959 гг.: Проблемы демографического развития. М., 2002.
- Верхотуров Д. Н.* Экономическая революция Сталина. М., 2006.
- Вишневский А. Г.* Серп и Рубль: Консервативная модернизация в СССР. М., 1998.
- Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия. М., 1995.
- Внешняя политика Российской Федерации. 1992–1999. М., 2000.
- Военная экономика России в первой половине XX столетия. М., 2006.
- Война. Народ. Победа: Материалы междунар. науч. конф. М., 2008.
- Война и общество в XX веке: В 3 кн. М., 2008.
- Восленский М. С.* Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. Лондон, 1990; М., 1991, 2005.

- Всероссийская книга памяти, 1941–1945. Обзорный том. 2-е изд. М., 2005.
- Гайдар Е. Т.* Гибель империи: Уроки для современной России. 2-е изд., испр. и доп. М., 2007.
- Галкин А. А., Чернев А. С.* Михаил Горбачев и германский вопрос: Сб. документов. 1986–1991. М., 2006.
- Гареев М. А.* Афганская страда (с советскими войсками и без них). 2-е изд. М., 1999.
- Гареев М. А.* Сражения на военно-историческом фронте: Сборник статей. М., 2008.
- Гасанлы Дж. П.* СССР – Иран – Азербайджан. Кризис и начало холодной войны (1941–1946 гг.). М., 2006.
- Гаспарян А. С.* Операция «Трест». Советская разведка против русской эмиграции. 1921–1937 гг. М., 2008.
- Геллер М., Некрич А.* Утопия у власти [1917–1985]. М., 2000.
- Герасименко Г. А.* Народ и власть. 1917. М., 1995.
- Гераскин Ю. В.* Взаимоотношения Русской Православной Церкви, общества и власти в конце 30-х – 1991 г. (на материалах областей Центральной России). М., 2008.
- Гимпельсон Г. Е.* Формирование советской политической системы. М., 1995.
- Голдин В.И.* Солдаты на чужбине. Русский Обще-Воинский Союз. Россия и русское зарубежье в XX–XXI веках. Архангельск, 2006.
- Голованов Я.* Королев: Факты и мифы: В 2 т. М., 2007.
- Голуб П. А.* Белый террор в России (1918–1920 гг.). М., 2006.
- Горелик Г.* Андрей Сахаров: Наука и свобода. М., 2004.
- Гореславская Н. Б.* Андрей Громыко. Ошибка Мистера Нет. М., 2009
- Горинов М. М.* Москва. Война. Победа. 1941–1945. М., 2008.
- Горохов В. Н.* История международных отношений. 1918–1939. М., 2004.
- Горьков Ю. А.* Государственный Комитет Обороны постановляет (1941–1945). М., 2002.
- Горяева Т. М.* Радио России. Политический контроль радиовещания в 1920-х – начале 1930-х годов. М., 2008.
- Горяева Т. М.* Политическая цензура в СССР. 1917–1991 гг. М., 2009.
- Гражданская война в России, 1917–1922.* М., 2006.
- Грациози А.* Великая крестьянская война в СССР: Большевики и крестьянство. 1917–1933. М., 2008.
- Грешилов А. А., Езутов Н. Д., Матушенко А. М.* Ядерный щит. М., 2008.
- Грицаева Л. Е.* Россия и ООН: история и современность. М., 2007.
- Громов Е. С.* Сталин: Власть и искусство. М., 1998.
- Гросул В.Я.* Образование СССР (1917–1924 гг.). М., 2007.
- Губарев В. С.* Атомная бомба. Хроника великих открытий. М., 2009.
- Губарев В. С.* Ракетный щит империи. М., 2006.
- Губарев В. С.* Русский космос. М., 2006.
- ГУЛАГ: Экономика принудительного труда.* М., 2008.
- Дайнес В. О.* Заградотряды и штрафбаты Красной Армии. М., 2009.
- Данилов А. А., Пыжиков А. В.* Рождение сверхдержавы. 1945–1953 годы. М., 2001, 2002.
- Данилушкина М. Б., Никольская Т. К., Шкаровский М. В.* История Русской Православной Церкви: От восстановления патриаршества до наших дней. СПб., 1997. Т. 1: 1917–1970.
- Два президентских срока В. В. Путина. Динамика перемен.* М., 2008.
- Двадцать лет перестройке: Эволюция гуманитарного знания в России: Материалы международного научно-образовательного форума.* М., 2005.
- Двадцать лет религиозной свободы в России.* М., 2009.
- Денисова Л. Н.* Исчезающая деревня России: Нечерноземье в 1960–1980-е годы. М., 1996.
- Джэдан И.* Пятидневная война. Россия принуждает к миру. М., 2008.
- Дихтерис М. К.* Убийство царской семьи и членов Дома Романовых на Урале. М., 2006.

- Добронуженко Г. Ф.* Кулак как объект социальной политики в 20-е — первой половине 30-х гг. (На материалах Европейского Севера России). СПб., 2008.
- Дробязко С. И.* Под знаменами врага: Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил 1941–1945 гг. М., 2004.
- Дубинин С. К.* Россия против кризиса. Кто победит? М., 2009.
- Дубинин Ю. А., Мартынов Б. Ф., Юрьева Т. В.* История международных отношений. 1975–1991 гг. М., 2006.
- Единство фронта и тыла в Великой Отечественной войне (1941–1945): Материалы Всероссийской научно-практической конференции. М., 2007.
- Ефимов Н. Н. Красная империя: взлет и падение: Военная политика СССР (1917–1991 годы). М., 2006.
- Еврейский антифашистский комитет в СССР. 1941–1948: Документированная история. М., 1996.
- Емельянов Ю. В.* Сталин: Путь к власти. М., 2006.
- Емельянов Ю. В.* Сталин: На вершине власти. М., 2006.
- Емельянов Ю. В.* Хрущев: От пастуха до секретаря ЦК. М., 2005.
- Есаков В. Д., Левина Е. С.* Сталинские «суды чести». М., 2005.
- Жизнин С.* Энергетическая дипломатия России. М., 2005.
- Жиромская В. Б.* Демографическая история России в 1930-е гг.: Взгляд в неизвестное. М., 2001.
- Жуков В. И.* Российские преобразования: социология, экономика, политика. М., 2003.
- Жуков Ю. Н.* Иной Сталин: Политические реформы в СССР в 1935–1937 гг. М., 2003, 2008.
- Жуков Ю. Н.* Сталин: тайны власти. М., 2005, 2007.
- Зезина М. Р.* Советская художественная интеллигенция и власть в 1950–60-е годы. М., 1999.
- Зеленин И. Е.* Аграрная политика Н. С. Хрущева и сельское хозяйство. М., 2001.
- Зеленин И. Е.* Сталинская «революция сверху» после «великого перелома», 1930–1939: Политика, осуществление, результаты. М., 2006.
- Земсков В. Н.* Спецпоселенцы СССР. 1930–1960. М., 2003.
- Зенькович Н. А.* СССР. Конец проекта. М., 2009.
- Зимица В. Д.* Белое дело взбунтовавшейся России: Политические режимы Гражданской войны. 1917–1920 гг. М., 2006.
- Зимняя война 1939–1940 гг. Политическая история: В 2 кн. М., 1998.
- Зимонин В. П.* Последний очаг второй мировой войны. М., 2002.
- Зубкова Е. Ю.* Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953 гг. М., 2000.
- Зубкова Е. Ю.* Прибалтика и Кремль. 1940–1953. М., 2008.
- Зырянов П. Н.* Адмирал Колчак. Верховный правитель России. М., 2006.
- Иванов В.* Путинский федерализм. Централизаторские реформы в России в 2000–2008 годах. М., 2008.
- Иванова Г. М.* История ГУЛАГа. 1918–1958: Социально-экономический и политико-правовой аспекты. М., 2006.
- Иванченко А.В., Любарев А.Е.* Российские выборы от перестройки до суверенной демократии. 2-е изд. М., 2007.
- Ивницкий Н. А.* Репрессивная политика советской власти в деревне (1928–1933 гг.). М., 2000.
- Иойрыш А. И.* Советский атомный проект. Судьбы. Документы. Свершения. М., 2008.
- Историография сталинизма: Сб. статей. М., 2007.
- История второй мировой войны. 1939–1945: В 12 т. М., 1973–1982.

- История государственного управления в России. М., 2002.
- История Коммунистического Интернационала. 1919–1943: Документальные очерки. М., 2002.
- История национально-государственного строительства в СССР. 1917–1978. В 2 т. 3-е изд. М., 1979.
- История партизанского движения в Российской Федерации в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 2001.
- История России. XX век: 1939–2007 гг. / Отв. ред. Зубов А. Б. М., 2009.
- История русской культуры IX–XX веков. 4-е изд. М., 2006.
- История страны — История кино. М., 2004.
- Итоги Второй мировой: Покушение на Великую Победу. М., 2005.
- К 70-летию начала Второй мировой войны. Исследования, документы, комментарии. М., 2009.
- Кабанов В. В.* Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма». М., 1998.
- Капченко Н. И.* Политическая биография Сталина: В 3 т. Тверь, 2004–2009. Т. I (1879–1924). 2004; Т. II (1924–1939). 2006; Т. III (1939–1953). 2009.
- Кара-Мурза С. Г.* Советская цивилизация. М., 2002–2008.
- Кафенгауз Л. Б.* Эволюция промышленного производства в России (последняя треть XIX в. — 30-е годы XX в.). М., 1994.
- Квакин А. В.* Между белыми и красными. М., 2006.
- Квицинский Ю. А.* Иуды, или Колесо Предательства. М., 2009.
- Кива А. В.* Российские реформы в контексте мирового опыта. М., 2005.
- Климкин И. И.* Российское крестьянство в годы новой экономической политики (1921–1927): В 2 ч. СПб., 2007.
- Ковалев Б. Н.* Нацистская оккупация и коллаборационизм в России, 1941–1944. М., 2004.
- Кодин Е. В.* «Гарвардский проект». М., 2003.
- Кожин В. В.* Россия. Век XX. М., 2005, 2008.
- Козлов В. А.* Неизвестный СССР. Противостояние народа и власти 1953–1985 гг. М., 2006.
- Комаров Н. Я.* Государственный Комитет Оборона постановляет... М., 1990.
- Кондрашин В. В.* Голод 1932–1933 годов: Трагедия российской деревни. М., 2008.
- Кондрашин В. В.* Крестьянство России в Гражданской войне: К вопросу об истоках сталинизма. М., 2009.
- Коргунюк Ю. Г.* Становление партийной системы в современной России. М., 2007.
- Королева Н. С. С. П.* Королев: Отец: К 100-летию со дня рождения: В 3 кн. М., 2007. Кн. 1: 1907–1938; Кн. 2: 1938–1956; Кн. 3: 1957–1966.
- Кортунов С. В.* Современная внешняя политика России. Стратегия избирательной вовлеченности. М., 2009.
- Костырченко Г. В.* Сталин против «космополитов». Власть и еврейская интеллигенция в СССР. М., 2009.
- Костырченко Г. В.* Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм. М., 2003.
- Красовицкая Т. Ю.* Модернизация России: национально-культурная политика 20-х гг. М., 1998.
- Кудров В. М.* Советская экономика в ретроспективе: Опыт переосмысления. М., 2003.
- Кукушкин Ю. С., Тимофеев Н. С.* Самоуправление крестьян России (XIX — начало XXI в.). М., 2004.
- Кукушкин Ю. С., Чистяков О. И.* Очерк истории Советской Конституции. 2-е изд., доп. М., 1987.
- Кульков Е. Н., Мязгов М. Ю., Ржешевский О. А.* Война 1941–1945. М., 2005.

- Куманев Г. А.* Проблемы военной истории Отечества (1938–1945 гг.). М., 2007.
- Куманев Г. А.* Подвиг и подлог: Страницы истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 2007.
- Лауров В. М., Лобанов В. В., Лобанова И. К., Мазарин А. В.* Иерархия Русской Православной церкви, патриаршество и государство в революционную эпоху. М., 2008.
- Лебедев С. В.* Слово и дело национальной России. Очерки истории русского патриотического движения. М., 2007.
- Лебина Н.* Энциклопедия банальностей. Советская повседневность: Контуры, символы, знаки. СПб., 2006.
- Ленин В. И.* Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата. — Полн. собр. соч. Т. 35.
- Ленин В. И.* Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции. — Полн. собр. соч. Т. 33.
- Ленин В. И.* Очердные задачи Советской власти. — Полн. собр. соч. Т. 36.
- Ленин В. И.* Последние статьи и письма. — Полн. собр. соч. Т. 45.
- Леонов С. В.* Рождение советской империи: государство и идеология 1917–1922 гг. М., 1997.
- Лельчук В. С.* Научно-техническая революция и промышленное развитие СССР. М., 1987.
- Ляховский А. А.* Трагедия и доблесть Афгана. Ярославль, 2004; М., 2009.
- Майсурия А.* Другой Брежнев. М., 2004.
- Малашенко А., Тренин Д.* Время Юга: Россия в Чечне. Чечня в России. М., 2002.
- Медведев Р. А.* Никита Хрущев: Отец или отчим советской «оттепели»? М., 2006.
- Медведев Р. А.* Окружение Сталина. М., 2006.
- Медведев Р. А.* Солженицын и Сахаров: Два пророка. М., 2004.
- Медведев Р. А.* Юрий Андропов: неизвестное об известном. 2-е изд. М., 2004.
- Мельгунов С. П.* Красный террор в России: 1918–1923. Чекистский Олимп. М., 2006.
- Мельтохов М. И.* Освободительный поход Сталина: Бессарабский вопрос в советско-румынских отношениях (1917–1940 гг.). М., 2006.
- Мельтохов М. И.* Советско-польские войны: Белый орел против красной звезды. 2-е изд. М., 2004.
- Мельтохов М. И.* Упущенный шанс Сталина: Схватка за Европу. 1939–1941 гг. 3-е изд., испр. и доп. М., 2008.
- Микоян С.* Анатомия Карибского кризиса. М., 2006.
- Минаков С. Т.* Военная элита 20–30-х годов XX века. М., 2005.
- Миронин С. С.* Дело генетиков. М., 2008.
- Митрохин Н. А.* Русская партия: Движение русских националистов в СССР. 1953–1985 гг. М., 2002.
- Музрукова Е. Б.* Наука и техника в первые десятилетия советской власти (очерки истории в социокультурном измерении). М., 2008.
- Мякишев А. П.* Власть и национальный вопрос: Межнациональные отношения и Совет Национальностей Верховного Совета СССР (1945–1991). Саратов, 2004.
- На пороге кризиса: Нарастание застойных явлений в партии и обществе. М., 1990.
- Наринский М. М.* История международных отношений. 1945–1975. М., 2004.
- Население России в XX веке: Ист. очерки: В 3 т. Т 1: 1900–1939 гг. М., 2000; Т. 2: 1940–1959 гг. М., 2001; Т. 3. Кн. 1: 1960–1979. 2005.
- Наука в России: современное состояние и стратегия возрождения. М., 2004.
- Наука и общество: История советского атомного проекта (40-е — 50-е годы). М., 1999.
- Национальная политика России: История и современность. М., 1997.
- Невежин В.* «Если завтра в поход...»: Подготовка к войне и идеологическая пропаганда в 30-х — 40-х годах. М., 2007.

- Николаев В. Д.* Красное самоубийство. М., 2007.
- Никонова С. И.* Духовная жизнь советского общества в 1965–1985 гг.: Идеология и культура. Казань, 2006.
- Новиков М. Д.* СССР, Коминтерн и гражданская война в Испании. 1936–1939. В 2 кн. Ярославль, 1995.
- Носач В. И., Зверева Н. Д.* Расстрельные 30-е годы и профсоюзы. СПб., 2007.
- НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты. М., 2006.
- Нэх В. Ф.* Пограничная политика Советского государства (1917–1941 гг.). М., 2006.
- Огороков А. В.* Антисоветские воинские формирования в годы Второй мировой войны. М., 2000.
- Осипов Г. В.* Российская академия наук — великое национальное достояние России. М., 2006.
- Осокина Е. А.* Социалистическая торговля: распределение и рынок. 1927–1941. М., 1998.
- От Ельцина до Путина. Три эпохи в историческом сознании россиян. 2007.
- Отечественный военно-промышленный комплекс и его историческое развитие. М., 2005.
- Павлов В. С.* Упущен ли шанс? Финансовый ключ к рынку. М., 1995.
- Павлюков А.* Ежов: Биография. М., 2007.
- Павлюченков С. А.* Военный коммунизм в России: власть и массы. М., 1997.
- Павлюченков С. А.* «Орден меченосцев»: Партия и власть после революции. 1917–1929 гг. М., 2008.
- Павроз А. В.* Группы интересов и трансформация политического режима в России. СПб., 2008.
- Паюв А.* Россия и Япония. Становление и развитие отношений в конце XX — начале XXI века (достижения, проблемы, перспективы). М., 2007.
- Песков Ю. С.* СССР — КНР: от конфронтации к партнерству. 2-е изд. М., 2007.
- Петров Н., Янсен М.* «Сталинский питомец» — Николай Ежов. М., 2008.
- Петров Н. В.* Первый председатель КГБ Иван Серов. М., 2005.
- Петрова Н. К.* Антифашистские комитеты в СССР. 1941–1945 гг. М., 1999.
- Печатнов В. О.* От союза — к холодной войне: Советско-американские отношения в 1945–1947 гг. М., 2006.
- Печатнов В. О.* Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг.: Документальные очерки. М., 2006.
- Печенев В. А.* «Смутное время» в новейшей истории России (1985–2003). М., 2004.
- Пивовар Е. И.* Российское зарубежье: социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. М., 2008.
- Пихоя Р. Г.* Москва. Кремль. Власть: В 3 т. М.: Новый хронограф. Т. 1: 1945–1964. 2009. Т. 2: 1964–1985. 2008. Т. 3: 1985–2005. 2009.
- Пихоя Р. Г., Соколов А. К.* История современной России: кризис коммунистической власти в СССР и рождение новой России. Конец 1970-х — 1991 гг. М., 2008.
- План Президента Путина. Руководство для будущих президентов России. М., 2007.
- Политические институты на рубеже тысячелетий. М., 2001.
- Пономарев А. Н.* Александр Щербаков: Страницы биографии. М., 2004.
- Попов В. П.* Экономическая политика советского государства. 1946–1953 гг. М.; Тамбов, 2000.
- Поспеловский Д. В.* Русская Православная церковь в XX веке. М., 1995.
- Прибытков В. В.* Черненко. М., 2009.
- Примаков Е.* Мир без России. К чему ведет политическая близорукость. М., 2009.
- ПРО суверенную демократию. М., 2007.
- Пряхин В. Ф.* Региональные конфликты на постсоветском пространстве (Абхазия, Южная Осетия, Нагорный Карабах, Приднестровье, Таджикистан). М., 2002.

- Пушкарев Б. С.* Две России XX века. Обзор истории 1917–1993 / Пушкарев Б. С., Александров К. М., Балмасов С. С., Долинин В. Э., Цветков В. Ж., Цурганов Ю. С., Штам А. Ю. М., 2008.
- Пылицын А. В.* Главная книга о штрафбатах. 3-е изд., испр. и доп. М., 2009.
- Пыжиков А. В.* Хрущевская «оттепель». М., 2002.
- Пыхалов И. В.* За что Сталин выселял народы. Сталинские депортации — преступный произвол или справедливое возмездие? М., 2008.
- Раев М.* Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919–1939. М., 1994.
- Ребров М. Ф.* Сергей Павлович Королев: Жизнь и необыкновенная судьба. М., 2002.
- Регельсон Л.* Трагедия русской Церкви. 1917–1945. 3-е изд. М., 2007.
- Режимные люди в СССР / Отв. ред. Т.С. Кондрагьева, А. К. Соколов. М., 2009.
- Ржешевский О. А.* История второго фронта: Война и дипломатия. М. 1988.
- Романько О. В.* Советский легион Гитлера: Граждане СССР в рядах вермахта и СС. М., 2006.
- Россия (СССР) в локальных войнах и вооруженных конфликтах второй половины XX века. М., 2000.
- Россия в XX веке: Война 1941–1945 годов: современные подходы. М., 2005.
- Россия в XX веке: Реформы и революции: В 2 т. М., 2002.
- Россия и СССР в войнах XX века: Историко-статистическое исследование. 2-е изд. М., 2005.
- Россия нэповская. М., 2002.
- Рубцов Ю. В.* Мехлис. Тень Вождя. М., 2007.
- Рыбас С. Ю.* Сталин. М., 2009.
- Рывкина Р. В.* Драма перемен. Экономическая социология переходной России. М., 2001.
- Савоскул С. С.* Русские нового зарубежья: Выбор судьбы. М., 2001.
- Сараскина Л. И.* Александр Солженицын. М., 2008.
- Север А.* История КГБ. М., 2008.
- Семанов С. Н.* Леонид Брежнев. М., 2005.
- Семанов С. Н.* Председатель КГБ Юрий Андропов. М., 2008.
- Семиряга М. И.* Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000.
- Сенявский А. С.* Урбанизация России в XX веке: Роль в историческом процессе. М., 2003.
- Симбирцев И.* ВЧК в ленинской России. 1917–1922. М., 2008.
- Симбирцев И.* Спецслужбы первых лет СССР. 1923–1939. М., 2008.
- Симонов Н.С.* Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: Темпы экономического роста, структура, организация, производство и управление. М., 1996.
- Симчера В. М.* Развитие экономики России за 100 лет: 1900–2000. Исторические ряды, вековые тренды, периодические циклы. М., 2007.
- Системная история международных отношений / Под ред. А. О. Богатурова. В 2 т. М., 2009. Т. 1: События 1918–1945 годов. Т. 2: События 1945–2003 годов.
- Смирнова Т. М.* «Бывшие люди» Советской России: Стратегии выживания и пути интеграции. 1917–1936 годы. М., 2003.
- Смыслов О. С.* Генерал Абакумов: Всесильный хозяин СМЕРШа. М., 2005.
- Сойфер В. Н.* Власть и наука (Разгром коммунистами генетики в СССР). 4-е изд. М., 2002.
- Соколов Б. В.* Молотов: Тень вождя. М., 2005.
- Соколов К. Б.* Художественная культура и власть в постсталинской России: союз и борьба (1953–1989 гг.). СПб., 2007.

- Солженицын А. И.* Двести лет вместе. М., 2006. Ч. 2.
- Сталинское десятилетие холодной войны: Факты и гипотезы. М., 1999.
- Старцев В. И.* Немецкие деньги и русская революция: Ненаписанный роман Фердинанда Оссендовского. 3-е изд. СПб., 2006.
- Стивен С. Операция «Раскол». М., 2003.
- Сурков В. Ю.* Основные тенденции и перспективы развития современной России. М., 2008.
- Суслов Ю. П.* Противоречия и трудности социально-политического и духовного развития СССР. 1965–1985 гг. Саратов, 1998.
- Сухомлинов А. В.* Кто вы, Лаврентий Берия? Неизвестные страницы уголовного дела. М. 2004.
- Таубман У.* Хрущев. М., 2005.
- Тимошина Т. М.* Экономическая история России. 15-е изд. М., 2009.
- Титков Е.П.* Патриарх Сергей (Страгородский): подвиг служения Церкви и Родине. Арзамас, 2007.
- Тихонов В.* Закрытые города в открытом обществе. М., 1996.
- Томилин В. Н.* Наша крепость. Машинно-тракторные станции Черноземного Центра России в после-военный период: 1946–1958 гг. М., 2009.
- Топтыгин А. В.* Лаврентий Берия: Неизвестный маршал госбезопасности. М., 2005.
- Торкунов А. В.* Загадочная война: корейский конфликт. 1950–1953. М., 2000.
- Трагедия великой державы: Национальный вопрос и распад Советского Союза. М., 2005.
- Трансформации на постсоциалистическом пространстве. М., 2009.
- Трофим Денисович Лысенко — советский агроном, биолог, селекционер. М., 2008.
- Трофимов Е.Н. Национальная политика России (законодательный аспект). М., 2007.
- Уроки реформы 1965 г. М., 1992.
- Уткин А. И.* Мировая «холодная война». М., 2005.
- Уткин А. И.* Русские войны. Век XX. М., 2008.
- Фалин В.* Второй фронт. Антигитлеровская коалиция: конфликт интересов. М., 2000.
- Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997.
- Федюк В. П.* Керенский. М., 2009.
- Филатов В. И.* Власовщина. РОА: белые пятна. М., 2005.
- Фирсов Б. М.* Разномыслие в СССР. 1940–1960-е годы. История, теория и практика. СПб., 2008.
- Фурсенко А. А.* Россия и международные кризисы: середина XX века. М., 2006.
- Фурсенко А., Тимоти Н.* Безумный риск: Секретная история кубинского ракетного кризиса 1962 г. М., 2006.
- Ханин Г. И.* Экономическая история России в новейшее время. Новосибирск. Т. 1: Экономика СССР в конце 30-х — 1960 г. 2003; Т. 2: Экономика СССР в 1961–1987 гг. 2007.
- Хасбулатов Р. И.* Великая российская трагедия. В 2-х кн. М., 1994.
- Хейфец Б. А.* Долговая политика России. М., 2007.
- Хлебников П.* Крестный отец Кремля Борис Березовский, или История разграбления России. М., 2001.
- Хлобутов О. М.* Неизвестный Андропов. М., 2009.
- «Холодная война»: Новые подходы, новые документы: Сб. ст. М., 1995.
- Холодная война. 1925–1963 гг. Историческая ретроспектива. М., 2003.
- Хохлов Е. В.* Военная экономика СССР накануне и в годы Второй мировой войны. СПб., 2005.
- Хромов С. С.* Иностранные концессии в СССР: Исторический очерк. Документы: В 2 ч. М., 2006.

- Чеботарева В. Г.* Наркомнац РСФСР: Свет и тени национальной политики 1917–1924 гг. М., 2003.
- Чеботарева В. Г.* Национальная политика Российской Федерации 1925–1938 гг. М., 2008.
- Цыганков А. П.* Внешняя политика России от Горбачева до Путина. Формирование национального интереса. М., 2008.
- Цытин В. А.* История Русской Церкви. 1917–1997. М., 1997. (История Русской Церкви. Кн. 9).
- Чертюк Б. Е.* Люди и ракеты. Т. 1: От самолетов до ракет. М., 2006; Т. 2: Подлипки — Капустин Яр — Тюратам. М., 2006; Т. 3: Горячие дни холодной войны. М., 2007.
- Черушев Н. С.* Удар по своим. Красная Армия. 1938–1941. М., 2003.
- Чеченская война: боевые операции. М., 2009.
- Чешко С. В.* Распад Советского Союза. М., 2000.
- Шамбаров В. Е.* Белогвардейщина. М., 2007.
- Шаститко П. М.* Обреченные догмы: Большевизм и национальный вопрос. М., 2002.
- Шаццлло М. К.* Русская буржуазия в период Гражданской войны и первые годы эмиграции. 1917 — начало 1920-х годов. М., 2008.
- Шейн О. В.* Разгром грузинских захватчиков под Цхинвали. М., 2009.
- Шелестов Д. К.* Время Алексея Рыкова. М., 1990.
- Шестаков В. А.* Социально-экономическая политика советского государства в 50-е — середине 60-х годов. М., 2006.
- Шишкин В. А.* Власть. Политика. Экономика: Послереволюционная Россия (1917–1928 гг.). СПб., 1997.
- Шишкин В. А.* Становление внешней политики послереволюционной России (1917–1930 годы) и капиталистический мир: От революционного «западничества» к «национал-большевизму». СПб., 2002.
- Шкаровский М. В.* Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве: Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах). М., 2005.
- Шкаровский М. В.* Крест и свастика. Нацистская Германия и Православная Церковь. М., 2007.
- Шкаровский М. В.* История русской церковной эмиграции. СПб., 2009.
- Шубин А. В.* Диссиденты, неформалы и свобода в СССР. М., 2008.
- Шубин А. В.* Золотая осень, или Период застоя. СССР в 1975–1985 гг. М., 2008.
- Шумов С. А.* Петлюровщина. М., 2005.
- Шумов С. А., Андреев А. Р.* Махновщина. М., 2005.
- Шутов А. Д.* Россия в жерновах истории. М., 2008.
- Щагин Э. М.* Очерки истории России, ее историографии и источниковедения. М., 2008.
- Эггелинг В.* Политика и культура при Хрущеве и Брежневе. 1953–1970 гг. М., 1999.
- Экономическая история СССР. М., 2007.
- Эпоха Ельцина: Очерки политической истории. М., 2001.
- Ясин Е. Г.* Российская экономика: Истоки и панорама рыночных реформ. М., 2002.

Именной указатель

- Абакумов В. С. 309, 338, 380, 385–387, 389, 438
Абалкин Л. И. 588, 620, 630, 702
Абдулатипов Р. Г. 635
Абовин-Егидес П. М. 561
Абрамкин В. Ф. 561
Абрамов Ф. А. 474, 475, 482, 551
Абрикосов А. А. 470
Абрикосов В. В. 177
Абуладзе Т. Е. 601, 645
Авдонин Н. С. 549
Авен П. О. 672
Авербах Л. Л. 189, 190
Аверичкин Б. А. 487
Авилов (Глебов) Н. А. 40
Авторханов А. Г. 336
Автурханов У. 738
Аганбегян А. Г. 588
Агапов Б. Н. 188
Аденауэр К. 373, 508
Адливанкин С. Я. 191
Адуев Н. 188
Айрапетьянц Э. Ш. 417
Айтматов Ч. 551
Аксаков С. Т. 552
Аксенов В. П. 480, 482, 566
Алафузов В. А. 381
Алгасов В. А. 52
Александр II 215, 779
Александров А. В. 346, 773
Александров А. П. 340, 396, 470, 471
Александров В. В. 583
Александров Г. В. 240, 346
Александров Г. Ф. 415, 420, 421
Александров И. Г. 218
Александров Н. Г. 473
Александрович В. А. 74
Александровский В.Д. 188
Алексеев М. В. 19, 47, 48, 51
Алексеев М. Н. 480, 551, 552, 577, 754
Алексеев Н. Н. 194
Алексеева Л. М. 561, 567
Алексий I (С. В. Симанский), патриарх 344, 345
Алексий II (А. М. Ридигер), патриарх 727
Алиев Г. А. 532, 534, 590
Алиханов А. И. 395
Аллилуева А. С. 385
Аллилуева Е. А. 385
Аллилуева К. П. 386
Аллилуева С. И. 516
Алтаузен Дж. 189
Алферов Ж. И. 470, 750
Альтер В. 347
Альтман И. Л. 426
Амин Х. 586
Амлинский В. И. 551
Ананьев А. А. 551
Андреасян Н. 214
Андреев А. А. 288, 383, 387, 435, 400
Андреев Н. А. 192, 244, 605
Андреева Н. А. 605
Андропов Ю. В. 513, 517, 531, 533–535, 555, 562, 566, 573, 577, 579, 587, 588, 656
Анненков Ю. П. 191
Анохин П. К. 417
Антоний (А. Храповицкий), митрополит 180, 194
Антонов А. И. 365
Антонов А. С. 121
Антонов О. К. 548
Антонов-Овсеенко В. А. 40, 150, 644
Антоновская А. А. 297
Антропов Л. И. 552
Анчишкин И. А. 431
Апсит А. П. 112
Арбатов Г. А. 588
Арватов Б. И. 188
Аристов А. Б. 447
Армстронг Н. 547
Арнольд В. В. 249
Арский П. А. 188
Артемьев В. А. 238
Артемьев П. А. 317
Арутинов Г. А. 501
Архангельский А. А. 278
Архипкин В. 3
Арциховский А. В. 473
Асеев Н. Н. 188, 190, 191
Астафьев В. П. 482, 754
Астахов Г. А. 213, 271
Ауззов М. О. 240, 407
Афанасьев Ю. Н. 611

- Ахмадулина Б. А. 484
Ахматова А. А. 383, 477, 645, 753
Ачалов В. А. 726
- Бабаевский С. П.** 480
Бабель И. Э. 190, 240, 477
Багиров М. Д. А. 501
Баграмов Э. А. 579
Баграмян И. Х. 324, 351, 448
Багрицкий Э. Г. 188, 189, 190
Бажан М. 240
Базаров В. А. 168
Базилевич К. В. 259
Байгушев А. И. 553
Бакаев А. С. 237
Бакаев И. П. 248
Бакатин В. В. 636, 652, 662
Бакланов Г. Я. 754
Бакланов О. Д. 647
Балашов Д. М. 552
Бальмонт В. А. 549
Бальцеревич Л. 667
Бандера С. А. 500
Банников А. П. 218
Бараев А. И. 472
Бараев М. 779
Барамия М. И. 388
Баранников В. А. 726
Баранников В. П. 661, 662, 724
Барановский П. Д. 552
Бардин И. П. 218, 335
Бармин В. П. 396
Барсова В. В. 194
Бартольд В. В. 184
Басаев Ш. 695, 764, 778, 779, 800
Басов А. В. 452
Басов Н. Г. 470, 471
Баталов Н. П. 194
Батицкий П. Ф. 439
Батурин Ю. М. 640
Бахрушин С. В. 184, 258, 259, 295
Бахтин М. М. 473, 487
Бегун В. Я. 565
Бедный Д. 107, 189, 258
Безыменский А. И. 188
Белинский В. Г. 346
Белов В. И. 482, 540, 542, 551, 552, 577
Белоусов Р. А. 588
Беляев Н. И. 447
Беляев С. Г. 707
- Беляков И. 195
Белякович В. 645
Бенедиктов И. А. 223
Берг А. И. 186, 335
Бергельсон Д. Р. 386
Бердяев Н. А. 178, 194, 644
Березовский Ф. А. 188
Берзин Я. А. 92
Берзин Я. К. 265
Бериташвили И. С. 417
Берия Л. П. 308, 348, 378, 379, 382, 385,
386, 388, 391, 392, 395, 417, 429, 435–
444, 488–490, 601
Берия С. Л. 288, 303, 399
Берман К. Б. 248
Берман М. Д. 222
Бернштам М. С. 561
Бернштейн С. Н. 237
Билль-Белоцерковский В. Н. 193
Бирнс Д. 368, 369
Биценко А. А. 64
Бицилли П. М. 194
Благолепов Д. П. 110
Благодравов А. А. 335
Блок А. А. 107
Блюмкин Я. Г. 74
Блюхер В. К. 201, 262
Бобков Ф. Д. 576
Богаевский К. Ф. 191
Богданов А. А. 106, 380
Богданов А. В. 802
Боголюбов Н. Н. 237
Богомоллов О. Т. 588
Бодров А. М. 218
Бодров С. 754
Бойко М. 703
Бок Ф. 306
Бокштейн И. В. 484
Болдуин С. 199
Болдырев Т. Е. 336
Болдырев Ю. Ю. 610, 733
Большаков В. В. 565
Бондарев Ю. В. 480, 542, 606, 754
Бонне Ж. 267
Боннэр Е. Г. 561
Бородай Ю. М. 488
Бородин А. П. 258
Бородин Л. И. 488, 556, 563, 564, 567
Бородин М. М. 201
Бородин С. П. 297

- Борткевич Г. С. 398
 Борщаговский А. М. 426
 Боткин С. П. 386
 Бочаров М. А. 671
 Бояджиев Г. Н. 426
 Брегман С. Л. 386
 Брежнев Л. И. 358, 436, 447, 448, 456, 457, 490, 504, 513–517, 522, 530–533, 535, 538, 543, 554, 568, 582, 587, 590, 604
 Брик О. М. 188
 Бриллиантов А. И. 52
 Бродский И. А. 191, 192, 561, 753
 Бродский И. И. 191, 192
 Брусилов А. А. 347, 412
 Бруцкус Б. Д. 177
 Брынцалов В. А. 739
 Бубнов А. С. 148, 232, 258
 Бударов С. А. 564
 Буденный С. М. 84, 249, 314, 316
 Буковский В. К. 566
 Булгаков М. А. 190, 193, 240, 753
 Булганин Н. А. 308, 314, 381, 383, 388, 391, 392, 395, 436, 442, 447, 448, 509
 Бунин И. А. 194
 Бурбулис Г. Э. 660, 671, 672, 674, 686, 687
 Бурденко Н. Н. 336
 Бурдюг В. В. 564
 Бурлацкий Ф. М. 515
 Бурмистенко М. А. 315
 Буров А. К. 192
 Бусыгин А. Х. 221
 Бухарин Н. И. 4, 65, 66, 93, 94, 107, 117, 130, 137, 144, 145, 150–152, 155, 156, 165, 166, 168, 204–206, 209–211, 255, 257, 286, 287, 420, 473, 604, 644
 Буш Дж. 369, 655
 Бушин В. С. 480
 Быков К. М. 417
 Быков П. Б. 398
 Бьюкенен Д. У. 18
- В**авилов А. П. 672
 Вавилов Н. И. 186, 416, 239, 295
 Вавилов С. И. 236, 335, 417, 422
 Ваганян В. А. 172
 Вагин Е. А. 487
 Валк С. Н. 295
 Ванаг Н. Н. 258
 Ванников Б. Л. 278, 331, 366, 395, 470
 Варга Е. С. 295, 379, 415, 416, 431, 451
- Вардин И. В. 189
 Варейкис И. М. 214
 Варшавский Н. М. 407
 Варшавский Я. Л. 426
 Василевский А. М. 290, 313, 326, 328, 355, 356, 365, 381
 Василенко В. Х. 389
 Васильев А. В. 549
 Васильев Г. Н. 240
 Васильев Д. В. 703
 Васильев Д. Д. 565
 Васильев П. Н. 191, 753
 Васильев С. Д. 240
 Васильева Л. Н. 476
 Васнецов В. М. 296
 Ватагин В. А. 192
 Вагутин Н. Ф. 324, 326, 328, 350
 Вахтангов Е. Б. 194
 Вацетис И. И. 82, 199
 Введенский А. И., протоиерей 115, 179
 Вдовиченко В. Г. 427
 Венжер В. Г. 431
 Вердеревский Д. Н. 36
 Верещагин В. В. 260, 296
 Вернадский В. И. 111, 186
 Вернадский Г. В. 194
 Верховский А. И. 36
 Вершигора П. П. 351
 Веселовский А. Н. 424
 Веселый А. 189
 Веснин А. А. 192, 240
 Веснин В. А. 192, 240
 Веснин Л. А. 192, 240
 Вешняков А. А. 635
 Викулов С. В. 551, 577
 Вильямс В. Р. 186, 239, 294, 401
 Вильямс П. В. 191
 Виноградов В. В. 429, 430, 473
 Виноградов В. Н. 388
 Виноградов И. М. 186, 237
 Виноградова Е. В. 221
 Виноградова М. И. 221
 Винс Г. 566
 Винтер А. В. 218
 Владиславлев А. П. 727
 Власик Н. С. 387
 Власов А. А. 321
 Влодзимирский Л. Е. 439
 Вовси М. С. 339, 389
 Вознесенский А. А. 479, 482

- Вознесенский Н. А. 308, 378, 379, 382, 384, 395, 416
 Войков П. Л. 201
 Войнович В. Н. 566
 Волин Б. М. 189, 232
 Волков В. Н. 472
 Волков М. 188
 Волков О. В. 553
 Волкотрубенко И. И. 381
 Волобуев М. 171
 Волобуев П. В. 736
 Волошин В. И. 398
 Волошин М. А. 191
 Вольский А. И. 685, 696
 Воровский В. В. 92
 Воронов Г. И. 514, 516
 Воронский А. К. 189
 Воротников В. И. 534
 Ворошилов К. Е. 151, 153, 205, 214, 249, 284, 287, 289, 308, 313, 314, 378, 382, 387, 392, 411, 435, 436, 443, 447, 448
 Восленский М. С. 566
 Врангель П. Н. 84, 85, 88, 90, 115
 Всяких А. С. 549
 Вышеславцев Б. П. 194
 Вышинский А. Я. 383
- Габрилович Е. И.** 188
 Гаганова В. И. 461
 Гагарин Ю. А. 450, 453, 471
 Гайдар Е. Т. 603, 667, 670, 671, 672, 674, 675, 678, 682, 684, 685, 686, 687, 697, 698, 702, 706, 725, 733, 742
 Галлеев Г. С. 549
 Галлер Л. М. 381
 Гамарник Я. Б. 249, 290
 Гамсахурдиа К. С. 297
 Ганин А. 178, 191
 Ганичев В. Н. 482, 554
 Гарриман У. А. 319
 Гастелло Н. Ф. 364
 Гаусс К. Ф. 411
 Гаха Э. 268
 Гвай И. И. 278
 Гвишиани Д. М. 292
 Геббельс Й. П. 303, 337, 353
 Георгдзе М. П. 573
 Герасимов А. 407
 Герасимов А. 610
 Герасимов А. М. 191, 192, 407
- Герасимов М. П. 188
 Герасимов С. А. 191, 192, 346, 240, 407, 413
 Герасимов С. В. 191, 192, 240, 346
 Герасимова В. 188
 Геринг Г. В. 355
 Герман А. Ю. 645
 Гернет М. Н. 473
 Гесс Р. 355
 Гефтер М. Я. 561
 Гинзбург А. И. 484, 560, 566
 Гинзбург В. Л. 417, 470
 Гинзбург Е. С. 484
 Гинзбург М. Я. 192, 193
 Гиппиус З. Н. 194
 Гитлер А. 268, 269, 275, 302, 353
 Гладилин А. Т. 482
 Гладков Ф. В. 190, 240, 407
 Глазунов А. К. 194
 Глазунов И. С. 481, 482, 487, 552, 553
 Глазьев С. Ю. 672, 727
 Глинка М. И. 260, 346, 731
 Глузкин А. М. 191
 Глушко В. П. 238, 396
 Говоров Л. А. 326, 350, 365
 Говорухин С. С. 645, 710
 Гоглидзе С. А. 389, 438, 439
 Гоголева Е. Н. 194
 Гоголь Н. В. 194, 260, 346
 Голиков В. А. 490
 Голиков Ф. И. 324
 Голобородько Г. С. 353
 Головенченко Ф. М. 426
 Головкин А. Г. 351
 Головкин А. А. 672
 Голодный М. 188, 189
 Голосов И. А. 192
 Голубкина А. С. 192
 Голушко Н. М. 724
 Гольцман Э. С. 248
 Гомулка В. 377
 Гончаров А. Д. 191
 Гончаров И. А. 552
 Гончарова Н. С. 191
 Горбаневская Н. Е. 557
 Горбатов А. В. 352, 380
 Горбатов Б. Л. 414
 Горбачев М. С. 358, 532, 535, 541, 561, 587–590, 592, 596, 598–602, 604–606, 608, 610, 612–617, 620–625, 628, 629,

- 632, 634, 636, 638, 639, 641–643, 646–652, 654, 656, 662, 665, 739, 767, 678
- Горбунов В. П. 278, 279
- Гордов В. Н. 381
- Горемыкин П. Н. 278
- Городецкий С. М. 475
- Горчаков А. М. 347
- Горький А. М. 107, 108, 189, 190, 240, 480
- Горячева С. П. 635
- Готт Г. 328
- Готье Ю. В. 184, 258, 295
- Грабарь И. Э. 191, 192, 240
- Грабин В. Г. 279, 330
- Гранин Д. А. 479
- Гребень Л. К. 549
- Греков Б. Д. 11, 258, 259, 295
- Греков М. Б. 191, 192, 240
- Гречанинов А. Т. 194
- Гречко А. А. 517
- Грибачев Н. М. 480, 485
- Григоренко П. Г. 485, 566
- Григорьев Л. М. 672
- Григорьев Н. А. 87, 192
- Гринько Г. Ф. 286
- Гришин В. В. 532, 590
- Громан В. Т. 168, 222
- Громыко А. А. 376, 507, 509, 534, 606
- Гронский П. П. 194
- Гроссман В. С. 484
- Груздев И. А. 188
- Грузинов И. 189, 191
- Грызлов Б. В. 801
- Грязнов А. С. 365
- Гудериан Х. В. 315
- Гудков М. И. 278, 279
- Гудов И. И. 221
- Гульга А. В. 488
- Гумилев Н. С. 177
- Гумилев Н. С. 383
- Гумилевский Л. И. 410
- Гуныкин Г. И. 552
- Гурвич А. С. 426
- Гуревич М. И. 278
- Гучков А. И. 31
- Давиденко В. А. 335
- Даладьё Э. 269
- Даллес А. У. 376
- Даллес Дж. Ф. 371
- Данилевский Н. Я. 552
- Данилов В. П. 126
- Данилов-Данильян В. И. 603, 672
- Данишевский И. 427
- Даниэль Ю. М. 484, 557
- Даргомьжский А. С. 260
- Дауэс Ч. Г. 200
- Девятаев М. П. 367
- Дегтярев В. А. 279, 331
- Деев-Хомьяковский Г. 191
- Дейнека А. А. 191, 192, 240, 346
- Деканозов В. Г. 303, 439
- Демин В. К. 562
- Демирчян К. С. 575
- Демичев П. Н. 443
- Демченко М. С. 221
- Деникин А. И. 24, 47, 83, 84, 86, 87, 88, 90, 94, 115
- Денисов А. А. 610
- Дёниц К. 353, 355
- Деревянко К. Н. 357
- Державин Г. Р. 552
- Десятников В. А. 487, 552
- Джалиль М. М. 240
- Джойс Д. 383
- Дзержинский Ф. Э. 74, 80, 130, 133, 177, 656, 725
- Дзиган Е. Л. 240
- Димитров Г. 255, 301, 311
- Добровольский А. А. 486
- Добровольский Г. Т. 472
- Добрынин А. Ф. 622
- Добужинский М. В. 191, 192
- Доватор Л. М. 365
- Довженко А. П. 347, 413
- Докучаев В. В. 401
- Доллежалъ Н. А. 396, 397
- Домогацкий В. Н. 192
- Дорогойченко А. Я. 188
- Дорошин И. 191
- Достоевский Ф. М. 260, 383, 552, 563
- Драгомиров М. И. 347, 412
- Древин А. Д. 192
- Дрейцер Е. А. 348
- Дружинин Н. М. 259, 295, 473
- Дружинин П. 191
- Дубковецкий Ф. И. 402
- Дубчек А. 581
- Дудаев Д. М. 660, 661, 662, 663, 738, 739
- Дудин С. Я. 549
- Дудинцев В. Д. 478, 479

Дудко Д. С. 488, 564
Думбадзе Л. Е. 131
Дунаев А. Ф. 661, 727
Дунаевский И. О. 194, 240
Дутов А. И. 47, 76
Духов Н. Л. 366, 470
Духонин Н. Н. 45
Дыбенко П. Е. 21, 40
Дымшиц М. 566
Дьяконов Э. Д. 565
Дэви Г. 411

Евдокимов Г. Е. 248
Евсеев Е. С. 565
Евстафьев А. В. 703
Евтушенко Е. А. 480, 482
Егоров А. И. 290
Егоров Б. Б. 471
Егоров Д. Ф. 237
Егоров М. А. 353
Егоров П. И. 388
Егорычев Н. Г. 514
Ежов Н. И. 246, 287, 288, 389, 444
Ельцин Б. Н. 9, 369, 590, 605, 610, 611, 612, 624, 629, 635, 636, 637, 639, 648, 649, 651, 654, 655, 656, 658, 661, 662, 663, 665, 671, 673, 674, 682, 685, 686, 687, 693, 694, 697, 719, 720, 722, 723, 724, 725, 727, 729, 733, 735, 736, 737, 739, 740, 741, 742, 743, 744, 745, 756, 757, 760, 763, 764, 767, 769, 770
Емельянов А. М. 671
Емельянов В. Н. 564
Енукидзе А. С. 134, 247
Еременко А. И. 315, 316, 325, 326
Ермилов В. В. 189, 412
Ермолаева В. 192
Ермолов А. П. 347
Есенин С. А. 178, 189, 190, 191, 477
Есенин-Вольпин А. С. 557
Есилев Н. В. 554
Ефимов И. С. 192
Ефремов О. Н. 555

Жадов А. С. 328
Жаров А. А. 188, 191
Жданов А. А. 214, 215, 232, 256, 288, 314, 315, 378, 379, 387, 411, 413, 420, 423, 434, 477
Жегин Л. Ф. 191

Железняков А. Г. 55
Желябужский Ю. А. 193
Жемчужина П. С. 488
Жириновский В. В. 636, 734, 735, 739, 802
Житков Б. С. 190
Жолтовский И. В. 191, 193, 240
Жуков Г. К. 284, 290, 303, 304, 309, 312–316, 319, 323, 324, 326, 328, 352, 353, 365, 380, 381, 385, 436, 439, 442, 447, 448
Жуков Д. А. 552, 553
Жуковский Н. Е. 346, 410

Забабихин Е. И. 459, 405
Завадовский М. М. 401
Завгаев Д. 660
Завенягин А. П. 218, 395
Зайков Л. Н. 590
Залкинд И. А. 93
Залуцкий П. А. 19, 247
Зальгин С. П. 542
Замятин Е. И. 190, 240, 645
Заславская Т. И. 588, 716
Захаров Г. Ф. 350
Захаров М. А. 555, 645
Захарченко В. Д. 553, 554
Зверев А. Г. 402, 403
Зворыкин В. К. 194
Зеленский И. А. 286
Зелинский К. Л. 188
Зелинский Н. Д. 236
Зельдович Я. Б. 335, 395, 417, 471, 405
Зернов П. М. 395
Зимянин М. В. 489, 490, 579
Зиновьев А. А. 14, 290
Зиновьев Г. Е. 38, 51, 80, 94, 139, 144, 145, 147, 148, 151, 153, 154, 172, 203, 205, 210–213, 216, 248
Знаменский А. 482
Зорин Л. Г. 475
Зорькин В. Д. 697, 727, 729
Зоценко М. М. 188, 240, 383, 412, 477
Зубачев И. Н. 307
Зубков В. А. 784
Зускин В. Л. 386
Зюганов Г. А. 734, 739, 740, 802

Иван Грозный 413
Иваненко Д. Д. 237
Иванов (Скуратов) А. М. 553, 562, 564, 577

- Иванов А. С. 551
 Иванов В. Д. 552, 553
 Иванов В. Н. 552
 Иванов Вс. В. 188
 Иванов Г. В. 194
 Иванов И. И. 279, 330
 Иванов М. С. 212
 Иванов М. Ф. 187
 Иванов Н. И. 19
 Иванов С. Б. 801
 Иванов Ю. С. 565
 Ивановский А. 193
 Иванов-Смоленский А. Г. 417
 Ивнев Р. 189
 Игнатов Н. Г. 447
 Игнатьев С. Д. 387, 392, 438, 440
 Изотов Н. А. 218
 Иконников И. А. 222
 Икрамов А. И. 286
 Ильенков Э. В. 473
 Ильин И. А. 194, 644
 Ильичев Л. Ф. 455, 481, 483
 Ильф И. (Файнзильберг И. А.), 240
 Ильюшин С. В. 278, 330, 471
 Инбер В. М. 188
 Иноземцев Н. Н. 578
 Иоанн Кронштадтский (И. И. Сергеев),
     протоиерей 552
 Иогансон Б. В. 191, 240
 Иофан Б. М. 240
 Иоффе А. А. 64, 93
 Иоффе А. Ф. 186, 238, 294, 395, 417, 422
 Исаев Б. М. 635
 Исаков В. Б. 635
 Исаковский М. В. 191
 Исбах А. А. 188
- К**абалевский Д. Б. 194, 240
 Кабалоев Б. Е. 578
 Кабахидзе А. А. 133
 Каверин В. А. 188
 Кагаловский К. Г. 672
 Каганович Л. М. 211, 287, 308, 378, 389,
     391, 392, 435, 436, 443, 447, 448, 535
 Каганович М. М. 214, 220, 278, 382, 387–
     389
 Кагарлицкий Б. Ю. 562
 Кадар Я. 445
 Кадыров А. 778, 779
 Кадыров Р. 800
- Казаков А. И. 703
 Казаков М. Ф. 346
 Казин В. В. 188
 Каланта Р. 547
 Калатозов М. К. 479
 Калашников М. Т. 335
 Каледин А. М. 34, 47
 Калинин М. И. 121, 134, 137, 145, 153,
     181, 205, 214, 247, 253, 366, 378
 Калинин Ф. И. 106
 Калининников И. А. 168
 Калнберзиньш Я. Э. 498
 Камалов С. К. 503
 Каменев Л. Б. 38, 50, 51, 64, 93, 130, 141,
     144, 145, 147, 148, 150, 152–154, 177,
     203, 205, 211–214, 216, 248, 644
 Каменев С. С. 82, 121
 Каменский В. В. 188
 Каминский Г. Г. 223
 Камов Н. И. 548
 Кандинский В. В. 192, 194
 Кантария М. В. 253
 Канторович Л. В. 295, 473, 517
 Кая С. 584
 Капитонов И. В. 579
 Капица П. Л. 236, 238, 293, 294, 395, 410,
     470, 556
 Караваева А. А. 189
 Карамзин Н. М. 8
 Кара-Мурза С. Г. 569
 Карахан Л. М. 67
 Карбышев Д. М. 364
 Карелин В. А. 52
 Карелин Ф. В. (Н. Радугин) 564
 Кармаль Б. 586
 Карпинский А. П. 111, 185, 236
 Карпов П. 191
 Карсавин Л. П. 194
 Картер Дж. 560, 582
 Карякин Ю. Ф. 478
 Касьянов М. М. 773
 Катаев И. И. 189, 301, 477
 Катальмов М. В. 549
 Катков М. Н. 552
 Катуков М. Е. 365
 Кауфман К. П. 347
 Кауфман М. А. 193
 Кафка Ф. 383
 Кафтанов С. В. 235
 Кацман Е. А. 191

- Качалов В. И. 194
 Качанов К. М. 265
 Каюров В. Н. 212
 Квитко Л. М. 386
 Кейнс Дж. 667, 668
 Кейтель В. Б. И. Г. 353
 Келдыш М. В. 458, 470, 471
 Кемал Ш. 240
 Кенигсон В. К. 407
 Кеннан Дж. Ф. 370
 Кеннеди Дж. 510, 511
 Керенский А. Ф. 19, 32, 34, 35, 36, 37, 39,
 44, 45, 49, 50, 53, 60
 Керженцев П. М. 190
 Керзон Д. Н. 198
 Кернкросс Д. 327
 Кизеветтер А. А. 177
 Кикоин И. К. 238, 395
 Кикоть В. 603
 Кириенко С. В. 698, 742
 Кириленко А. П. 517
 Кириллин В. А. 538
 Кириченко А. И. 447, 489
 Кириченко Ф. Г. 549
 Киров С. М. 130, 211, 214, 247, 256, 287,
 449
 Кирпонос М. П. 307, 315
 Кирсанов С. И. 188, 479
 Киришон В. М. 189
 Киселев Т. Я. 532
 Клейменов И. Т. 238
 Клемансо Ж. Б. 154
 Клиберн В. 477
 Климов В. Я. 278
 Клинтон Б. 643, 729
 Клычков С. 178, 191
 Клюев Н. А. 191, 240
 Клюева Н. Г. 191, 413, 414
 Клюн И. В. 191
 Ключевский В. О. 8, 260
 Ключников Ю. В. 176
 Клямкин И. М. 643, 736
 Кнузянц И. Л. 556
 Кобзарев Ю. Б. 279
 Кобзев И. И. 553
 Кобулов Б. З. 439
 Ковалев С. А. 567
 Ковалевский В. О. 260
 Ковпак С. А. 338, 351
 Коган Б. Б. 389
 Кожедуб И. Н. 365
 Кожин В. В. 481, 487, 553, 577
 Козелев Б. Г. 210
 Козинцев Г. М. 240
 Козлов Д. Т. 323
 Козлов Ф. Р. 447, 453
 Козловский И. С. 194
 Козырев А. В. 629, 672, 739, 765, 762
 Колегаев А. Л. 52
 Коллонтай А. М. 103, 143
 Колмогоров А. Н. 237, 335
 Коломиец Г. Т. 294
 Колосков М. Б. 188
 Колчак А. В. 82, 83, 86, 90, 94, 115
 Коль Г. 622
 Кольцов Н. К. 239, 295, 416
 Комаров В. Л. 236
 Комаров В. М. 471, 472
 Кондаков Н. П. 194
 Кондратьев Н. Д. 187, 222
 Конев И. С. 290, 316, 319, 326, 350–352,
 365, 381
 Кононенко Л. Ф. 398
 Константинов А. П. 186
 Кончаловский П. П. 191, 192, 240
 Копелев Л. З. 556
 Копнин П. В. 473
 Корвалан Л. 566
 Корин П. Д. 240, 346, 552, 407
 Корк А. И. 249
 Корнейчук А. Е. 240
 Корнилов Л. Г. 34, 35, 36, 48
 Коровин Е. А. 423
 Коровин К. А. 194
 Королев Б. П. 191, 192
 Королев С. П. 238, 279, 395, 396
 Короленко В. Г. 107, 190
 Косиор И. В. 218
 Косиор С. В. 211, 214
 Косминский Е. А. 295
 Космодемьянская З. А. 364
 Костиков А. Г. 278
 Костов Т. 377
 Костычев П. А. 401
 Косыгин А. Н. 378, 436, 456, 457, 513, 514,
 517, 518, 538, 574, 587
 Косынкин П. Е. 388
 Котин Ж. Я. 278, 330
 Котовский Г. И. 89
 Котцебу А. Л. 353

- Кох А. Р. 703
 Кочетов В. А. 480, 485, 551
 Кошевой О. В. 364
 Кошен О. 564
 Кошкин М. И. 278, 330
 Кравченко А. И. 191
 Кравчук Л. М. 655, 693, 694
 Красиков А. 556
 Красин В. А. 559
 Красницкий В. 179
 Краснов П. Н. 83
 Краснопевцев Л. Н. 484
 Крестинский Н. Н. 143, 200, 286
 Кржижановский Г. М. 161, 167, 168
 Кривонос П. Ф. 221
 Кронрод Я. А. 431
 Кротков Ф. Г. 336
 Круглов С. Н. 382
 Круглянский И.-Д. И. 248
 Крушин В. Н. 577
 Крупская Н. К. 133, 152
 Крыленко Н. В. 40, 45, 62, 66
 Крылов А. Н. 111
 Крылов И. А. 346
 Крылов Н. П. 192
 Крымов А. М. 35
 Крюков В. В. 380, 381
 Крючков В. А. 639, 647, 650
 Кудюкин П. М. 562, 578
 Кузнецов А. 482
 Кузнецов А. А. 382, 384, 425
 Кузнецов В. И. 380, 396
 Кузнецов Н. Г. 308, 365, 381
 Кузнецов Н. К. 471
 Кузнецов П. В. 191
 Кузнецов Ф. И. 307
 Кузнецов Ф. Ф. 487
 Кузнецов Э. С. 484, 566
 Кузьмин Н. К. 3, 212
 Куйбышев В. В. 129, 130, 139, 168, 203,
 214, 286, 287
 Куксенко П. Н. 399
 Кулаков Ф. Д. 532
 Кулешов П. Н. 187
 Кулидж К. 199
 Кулиев К. Ш. 240
 Кулик Г. И. 381
 Кунаев Д. А. 517, 590
 Куно В. 199
 Куняев С. Ю. 481, 487, 553
 Куприн А. В. 191, 192
 Куприянов Н. Н. 191
 Кургинян С. Е. 645
 Курнаков Н. С. 111, 236
 Курочкин Б. Н. 452
 Курский Д. И. 177
 Курчатов Б. В. 335
 Курчатов И. В. 238, 335, 395, 397, 405, 470
 Кусиков А. Б. 189
 Куусинен О. В. 273, 419, 447, 505
 Куценко В. 660
 Кучеренко Н. А. 278
Лабос А. А. 191
 Лависс Э. 260
 Лавочкин С. А. 278, 279, 330
 Лавренев Б. А. 193
 Лаврентьев М. А. 335
 Ладовский Н. А. 192
 Лампе А. А. 194
 Лангемак Г. Э. 238
 Лангман А. 240
 Ландау Л. Д. 237, 294, 417, 470
 Ландсберг Г. С. 237
 Ланщиков А. П. 553, 577
 Лапшин М. И. 734
 Ларин Ю. 120
 Ларионов А. Н. 464
 Ларионов М. Ф. 194
 Ларичев В. А. 222
 Латр де Тассиньи Ж. М. де 354
 Лащевский В. В. 733
 Лебедев В. С. 486
 Лебедев П. Н. 236, 260, 410, 411
 Лебедев С. А. 458
 Лебедева С. Д. 192
 Лебедева-Кумач В. И. 346
 Лебедь А. И. 739, 740, 741
 Лееб В. Й. Ф. Р фон 306
 Лежнев И. Г. 176
 Лейбниц Г. В. 418
 Лелевич Г. 189
 Лемешев С. Я. 194
 Ленин В. И. 27, 28, 32, 33, 36, 37, 38, 40 ,
 41, 42, 43, 45, 46, 50, 51, 52, 53, 54, 56,
 57, 60, 61, 62, 63, 66, 67, 68, 71, 75, 77,
 78, 79, 84, 86, 92, 94, 95, 96, 99, 101, 102,
 103, 104, 105, 106, 107, 108, 111, 112,
 113, 116, 121, 122, 123, 127, 130, 132,
 133, 134, 137, 141, 144, 145, 146, 147,

- 148, 149, 150, 151, 154, 172, 177, 179,
185, 194, 195, 197, 205, 207, 209, 212,
237, 252, 287, 293, 308, 437, 452, 453,
472, 478, 492, 496, 505, 604, 656, 729
- Лентулов А. В. 191, 192
- Леонидов И. И. 192
- Леонов А. А. 547
- Леонов Л. М. 188, 189, 240, 407, 480, 482,
552
- Леонтьев А. Н. 473
- Леонтьев В. В. 194
- Леонтьев К. Н. 552
- Леонтьев Л. А. 430
- Лепорская А. 192
- Лермонтов М. Ю. 296, 346
- Лерт Р. Б. 561
- Либединский Ю. Н. 188, 189
- Либерман Е. Г. 517
- Ливанов Б. Н. 194
- Лившиц А. И. 711
- Лигачев Е. К. 534, 590
- Лисицкий Л. М. 192
- Литвинов М. М. 92, 197, 261, 270
- Лифарь С. М. И. 194
- Лихачев Д. С. 473, 542
- Лихачев Н. П. 184
- Лихоносов В. И. 482
- Ллойд Джордж Д. 93, 197
- Лобанов М. П. 427, 553, 577
- Лобачевский Н. И. 260, 346, 410, 411
- Лобов С. С. 218
- Лозовский С. А. 349, 386
- Ломинадзе В. В. 211
- Ломоносов М. В. 340, 410, 411
- Лопатин А. И. 325
- Лосев А. Ф. 488, 578
- Лосский Н. О. 178, 194
- Луговской В. А. 188
- Лузин Н. Н. 237, 300
- Лука (В. Ф. Войно-Ясенецкий), епископ
366
- Лукин В. П. 733
- Лукин М. Ф. 316
- Лукин Н. М. 258
- Луков Л. Д. 413
- Лукомский А. С. 47
- Лукомский П. Е. 390
- Лукьяненко П. П. 549
- Лукьянов А. И. 638, 640, 647
- Луначарский А. В. 40, 105, 107, 112, 232,
257
- Лунгин П. 754
- Лунц Л. Н. 188
- Лурия А. Л. 473
- Лурье М. И. 248
- Лурье П. Л. 248
- Лучишкин С. А. 191
- Лысенко В. Н. 612
- Лысенко Т. Д. 239, 416, 472, 556
- Львов Г. Е. 20, 32
- Любавский М. К. 184
- Любимов И. Е. 218
- Любомиров П. Г. 184
- Любомудров М. Н. 553
- Людников И. И. 325
- Ляпунов А. М. 410, 411
- Лященко П. И. 295
- Мабли** Г. М. де 418
- Мазуров К. Т. 483, 514
- Майский И. М. 265
- Макаров С. О. 346, 552
- Макартур Д. 357
- Макашов А. М. 636
- Макдональд Д. Р. 199
- Максакова М. П. 194
- Максимов В. 753
- Максимов Ю. П. 650
- Максудов М. 556
- Малевич К. С. 192, 240
- Малей М. Д. 702
- Маленков Г. М. 288, 303, 308, 378, 379,
381–383, 385, 390, 391, 395, 396, 430,
435–443, 447, 448, 452, 535
- Малинина П. А. 402
- Малиновский Р. Я. 326, 350, 356, 365, 448
- Мальшев В. А. 331, 389
- Мальшкин А. Г. 188, 189
- Мальцев Т. С. 472
- Малюгин Л. А. 426
- Малявин Ф. А. 194
- Мандельштам Л. И. 237, 383
- Мандельштам О. Э. 190, 240, 383
- Манизер М. Г. 240
- Маннергейм К. Г. 273
- Мануильский Д. З. 386
- Манштейн Э. фон 328
- Мао Цзэдун 436, 581
- Маресьев А. П. 364
- Марецкий Д. П. 212, 326
- Мариенгоф А. Б. 189, 475

- Маринеско А. И. 366, 367
 Маркиш П. Д. 386
 Марков С. Л. 47
 Маркони Г. 411
 Маркс К. 42, 43, 113, 516, 534
 Марр Н. Я. 428, 430
 Мартов Ю. О. 40
 Марчук Г. И. 470
 Маршак С. Я. 190, 240
 Маршалл Дж. К. 371
 Масловский С. Д. 64
 Маслоковец Ю. П. 294
 Маслоков Ю. Д. 744
 Масхадов А. 741, 746, 747, 779, 800
 Матвеев А. Т. 191, 192
 Матвиенко В. И. 748
 Матросов А. М. 364
 Махарадзе В. А. 672
 Махарадзе Ф. И. 130
 Махнев В. А. 395
 Махно Н. И. 87, 88, 121
 Мацкевич В. В. 375
 Мацуока Ё. 274
 Машеров П. М. 490, 514, 532
 Машиц В. М. 672
 Машкин П. П. 191, 192
 Машков И. И. 191, 192
 Машкова В. Е. 563
 Маяковский В. В. 112, 188, 189, 190, 194,
 346, 484, 562
 Мдивани П. Г. 130, 133
 Медведев Д. А. 10, 784, 801, 802
 Медведев Ж. А. 556
 Медведев Р. А. 556, 567
 Медведев С. П. 103, 247
 Медунов С. Ф. 534
 Меерсон (Меир) Г. 386
 Межлаук В. И. 218
 Межлаук И. И. 235
 Мейер К. 422
 Мейерхольд Вс. Э. 112, 194, 240, 477
 Мелентьев Ю. С. 482
 Мельгунов С. П. 194
 Мельников К. С. 192, 193, 240
 Мельников Л. Г. 489
 Менделеев Д. И. 260, 410
 Менжинский В. Р. 178, 199, 287
 Мережковский Д. С. 105, 194
 Мерещков К. А. 350, 351, 356, 365
 Меркадер Р. 205
 Меркулов В. Н. 309, 439
 Мехлис Л. З. 276, 289, 299, 340
 Мечников И. И. 346, 410
 Мешик П. Я. 439
 Мещанинов И. М. 428
 Мжаванадзе В. П. 501, 574
 Микоян Анастас И. 139, 218, 308, 323,
 378, 387, 432, 439, 447, 453, 457, 516
 Микоян Артем И. 139, 278, 384
 Микулин А. А. 278
 Миллер Е. К. 83, 84
 Милов Л. В. 14
 Милованов К. К. 401
 Милошевич С. 766
 Миль М. Л. 548
 Милюков П. Н. 34, 47, 50, 194, 420
 Милютин В. П. 40, 51
 Милютин Н. А. 122
 Минин К. 254, 256
 Минц А. Л. 186
 Минц И. И. 256
 Мирбах В. 74
 Мирзаханов И. А. 381
 Миронин С. С. 440
 Мирский Г. 535
 Митерев Г. А. 414
 Михаил Александрович, великий князь
 19, 20
 Михайлов О. Н. 487, 553
 Михалков Н. С. 754
 Михалков С. В. 773
 Михалков-Кончаловский А. С. 645
 Михоэлс С. М. 385, 438, 476, 488
 Мичурин И. В. 186, 239, 410
 Можаяев Б. А. 346, 551, 552
 Моисеев Н. Н. 6, 10, 14, 583
 Мокроусов Б. А. 346
 Мокроусов Б. Н. 453
 Моло Э. 247
 Молоствов М. М. 484
 Молотов В. М. 130, 135, 145, 153, 206, 211,
 214, 257, 261, 280, 287, 288, 293, 299,
 303, 304, 308, 344, 371, 378, 381–383,
 387, 388, 391, 392, 418, 432, 435, 436,
 439, 442, 443, 446–448, 507, 508, 535,
 611
 Молочников Н. В. 385
 Молчанов И. Н. 188, 191
 Монтгомери Аламейнский Б. Л. 369, 370
 Моор Д. С. 112

Мороз В. 566
Морозов А. А. 278, 330
Морозов Г. И. 385
Москаленко Г. К. 439
Москаленко К. С. 439
Мостовой П. П. 703
Мрачковский С. В. 248
Музруков Б. Г. 366, 397
Муравьев М. А. 74
Мурадели В. И. 413
Муралов Н. И. 150, 249
Мусоргский М. П. 260
Муссолини Б. 267, 269, 329
Мустафаев И. Д. 491, 498
Мухин Ю. И. 440
Мухина В. И. 191, 192, 240
Мухитдинов Н. А. 503, 505
Мясищев В. М. 278, 471
Мясковский Н. Я. 407, 477
Мясников (Мясникян) А. Ф. 45, 131
Мясников А. Л. 390

Набоков В. В. 753
Назарбаев Н. А. 639
Наполеон Бонапарт 260, 448
Нариманов Н. Н. 134
Наровчатов С. С. 413
Наседкин В. 191
Насер Г. А. 509
Нахимов П. С. 346
Неделин М. И. 472
Неизвестный Э. И. 479
Некрасов В. П. 407, 484
Немирович-Данченко В. И. 194, 240
Немцов Б. Е. 742
Немчинов В. С. 431, 473, 517
Несмеянов А. Н. 470
Нестеров М. В. 240, 295
Нестеров Ф. Ф. 551
Неусыхин А. И. 473
Нечаев А. А. 672
Нечкина М. В. 295
Нижинский В. Ф. 194
Никитин А. М. 36
Никитин Н. В. 188, 547
Никитин Н. Н. 188
Никитин С. А. 295
Николаев Л. В. 215
Николаевский И. А. 407
Николай (Б. Д. Ярушевич), митрополит
344

Николай II 19
Никольский А. С. 192
Никольский Н. В. 213
Никонов А. А. 463
Никонов А. В. 482, 551, 553, 554
Ниязбеков С. Б. 523
Новгородцев П. И. 194
Новиков А. А. 356, 380
Новиков В. Н. 455
Новиков М. М. 177
Новиков-Прибой А. С. 297
Новодворская В. И. 558, 567
Новожилов В. В. 473, 517
Ногин В. П. 40, 51
Носенко И. И. 278
Носов Е. И. 482
Ноткин А. И. 431
Нусинов И. М. 418
Нюренберг А. М. 191

Оборин Л. Н. 194
Обрадович С. А. 188
Овечкин В. В. 474
Овсянников А. И. 549
Овчаренко Ф. Е. 551
Огнев Н. 189
Огурцов И. В. 487, 556
Окуджава Б. Ш. 482, 484
Окуджава М. С. 131
Олешко И. 453
Ольберг В. П. 248
Оппоков (Ломов) Г. И. 40
Орахелашвили И. (М.) Д. 141
Орбели Л. А. 417
Орджоникидзе Г. К. (Серго) 131, 133, 211,
214
Орешин П. 178, 191
Орлов Г. М. 192
Орлов Ю. Ф. 561, 567
Орловский К. П. 402
Осинский Н. 122, 143
Осипов В. Н. 484, 556, 562, 563, 567
Осипов В. О. 482
Осипов Г. В. 483
Осипов Ю. С. 470
Осоргин М. А. 178
Островитянов К. В. 430, 431
Островский А. Н. 194, 192
Остроумова-Лебедева А. П. 191
Осьмеркин А. А. 191, 192
Ощепков П. К. 238

- Павленко П. А.** 240
Павлов В. С. 592, 631, 636, 639, 640, 647
Павлов Д. Г. 307, 314
Павлов И. П. 9, 186, 293, 296, 346, 410, 417
Павлов С. П. 481, 482
Павлов Я. Ф. 364
Павловский Г. О. 561, 567
Паламарчук П. В. 552
Палиевский П. В. 487, 488, 552, 553
Палькин Н. Е. 554, 577
Пальм В. А. 611
Пальчинский П. И. 222
Панова В. Ф. 474
Панферов Ф. И. 240
Папанин И. Д. 294
Парин В. В. 414
Паршин П. И. 331
Пастернак Б. Л. 188, 190, 474, 483
Патоличев Н. С. 425, 447, 489, 490
Патон Е. О. 279, 331, 335
Патрушев Н. П. 778
Паулос Ф. В. Фон 326
Пауэрс Ф. 510
Пацаев В. И. 472
Пашенная В. Н. 194
Пейве Я. В. 549
Пелевин В. 754
Пельше А. Я. 587
Первухин М. Г. 392, 447
Переверзев В. Ф. 240
Перегудов В. Н. 396
Передреев А. К. 481
Перестиани И. Н. 193
Пересыпкин И. Т. 331
Перов В. Г. 296
Петелин В. В. 487, 553
Петляков В. М. 278, 279, 330
Петр (П. Ф. Полянский), митрополит 180
Петр Первый 69
Петраков Н. Я. 588, 603, 620
Петржак К. А. 294
Петров В. В. 411
Петров Е. (Катаев Е. П.) 240
Петров И. Е. 351
Петров Ф. Ф. 279, 330
Петров-Водкин К. С. 192, 240
Петровский Г. И. 67, 134
Петропавловский Б. С. 238
Петрянов-Соколов И. В. 294, 552, 553
Пик В. 373
Пикассо П. 478
Пикель Р. В. 248
Пикуль В. С. 552
Пилсудский Ю. 84, 85
Пильняк Б. А. 190, 240, 477
Пильняк Б. А. 190, 477
Пилюгин Н. А. 396
Пименов Р. И. 483
Пименов Ю. И. 191, 192, 240
Пирогов Н. И. 410
Пирогов Ю. А. 486
Пичета В. И. 184, 258, 259, 295
Пластов А. А. 240
Платонов А. П. 240, 645
Платонов С. Ф. 10, 184
Плевицкая Н. В. 194
Плетнев В. Ф. 106, 188
Плеханов Г. В. 110, 246, 478
Плиев И. А. 452
Плинер И. И. 222
Плотников И. В. 335
Победоносцев К. П. 552
Победоносцев Ю. А. 278
Подгорный Н. В. 457, 513, 516, 517
Подникс Ю. 645
Подрабинек А. П. 561
Пожарский Д. 254, 256
Позерн Б. П. 45
Покрас Даниил Я. 194
Покрас Дмитрий Я. 194
Покровский М. Н. 5, 65, 105, 241, 258, 424
Покрышкин А. И. 365
Полеванов В. П. 706, 707
Полевой Б. Н. 407
Поленов В. С. 486
Ползунов И. И. 411
Поликарпов Н. Н. 186, 220, 330
Полонская Е. Г. 188
Полторанин М. Н. 660, 671, 672
Полянский Д. С. 453, 456, 483, 514
Померанцев В. М. 474, 475
Померанчук И. Я. 335
Пономарев Б. Н. 483
Пономаренко П. К. 313
Понтрягин Л. С. 237
Попов А. С. 410
Попов Г. М. 425
Попов Г. Х. 611, 612

- Попов Д. И. 74
 Попов Е. 754
 Попов М. М. 191, 307, 328
 Попов Н. 191
 Поскребышев А. Н. 387
 Посмитный М. А. 402
 Поспелов П. Н. 241, 392, 425, 443
 Потанин В. О. 741
 Пошехонов А. 32
 Презент И. И. 239
 Преображенский Е. А. 103, 143, 149, 166
 Пржевальский Н. М. 410
 Пригожин А. Г. 6, 258
 Прилуцкий В. И. (Л. Ибрагимов) 564
 Примаков В. М. 249
 Примаков Е. М. 14, 744, 745, 756, 760
 Пришвин М. М. 189
 Прозоров П. А. 402
 Прокопович С. Н. 177
 Прокофьев А. А. 191
 Прокофьев С. С. 240, 346, 413, 407, 477
 Прокушев Ю. Л. 553, 554
 Протазанов Я. А. 193
 Прохоров А. М. 470, 471
 Прохоров М. Д. 7
 Прошьян П. П. 52
 Прудникова Е. А. 440
 Прянишников Д. Н. 186, 239, 294
 Пуго Б. К. 639, 647
 Пудовкин В. И. 296, 407
 Пуркаев М. А. 356
 Пустовойт В. С. 549
 Путин В. В. 10, 12, 745, 770–773, 777–780, 782, 792, 795, 798, 801, 802
 Пухов Н. П. 328
 Пушкин А. С. 8, 14, 260, 346
 Пырьев И. А. 407
 Пьецух В. А. 754
 Пятаков Ю. Л. 149, 154, 166, 200, 249, 420
- Р**адек К. Б. 93, 154, 199, 249
 Радищев А. Н. 346, 418
 Райк Л. 377
 Раковский Х. Г. 93, 130, 132, 137, 140, 141, 154, 286
 Рамбо А. 260
 Рамзин Л. К. 222
 Рапорт Я. Д. 223
 Раскольников Ф. Ф. 644
 Расплетин А. А. 399, 510
- Распутин (Новых) Г. Е. 17
 Распутин В. Г. 482, 542, 551, 552, 754
 Рассадин Ст. 478
 Рассел Б. 421
 Ратенау В. 197
 Рахманинов С. В. 194, 260
 Рашидов Ш. Р. 503, 504
 Рейган Р. 583, 585, 596, 598
 Рейналь Г. Т. 418
 Рейнгольд И. И. 248
 Рейно П. 270
 Ремесло В. Н. 549
 Решин И. Е. 260, 296, 346
 Рерих Н. К. 194
 Рерих С. Н. 194
 Реформатский А. А. 429
 Риббентроп И. У. Ф. В. Фон 271, 335
 Римский-Корсаков Н. А. 260
 Рогачев Д. Д. 326
 Рогожкин А. 754
 Родзянко М. В. 19, 20, 47
 Родимов П. 191
 Родимцев А. И. 325
 Родин А. Г. 328
 Родионов В. С. 563
 Родионов М. И. 382, 384
 Родов С. А. 188, 189
 Родченко А. М. 188, 192
 Рождественский Д. С. 186
 Рожнева М. И. 398
 Розанов В. В. 552, 644
 Розенберг А. 345
 Розенгольц А. П. 286
 Розов В. С. 480, 482
 Розовский М. Г. 645
 Рокоссовский К. К. 326, 328, 350, 352, 365, 381
 Романов А. 482
 Романов Г. В. 534, 590
 Ромм М. И. 485, 556
 Роскин Г. И. 413, 414
 Россель Э. Э. 723
 Ростовцев М. И. 194
 Ротмистров П. А. 328
 Рубцов Н. М. 480, 481
 Руденко Р. А. 573
 Рудзутак Я. Э. 214
 Руднев В. В. 44
 Руднев Л. В. 240
 Рузвельт Ф. Д. 354

- Румянцев А. М. 431
 Рундштедт Г. К. Р фон 302, 306
 Русланова Л. А. 346, 380
 Руссо Ж.-Ж. 418
 Рустам С. 240
 Рухадзе Н. М. 388
 Рухимович М. Л. 218, 220
 Рухлядев А. М. 192
 Руцкой А. В. 635, 650, 660, 661, 662, 685, 696, 724, 726
 Рыбаков Б. А. 473, 542, 552
 Рыбалко П. С. 381
 Рывкина Р. В. 712, 713
 Рыжков Н. И. 521, 534, 588, 590, 592, 610, 620, 629, 630, 631, 636
 Рыжов Ю. А. 671
 Рыков А. И. 40, 51, 61, 98, 133, 141, 145, 147, 151, 154, 166, 168, 204, 206, 209, 211, 213, 286, 473, 644
 Рылов А. А. 240
 Рыльский М. Ф. 240
 Рынди́н В. Ф. 192
 Рюмин М. Д. 386, 438
 Рютин М. Н. 212
 Рябцев К. И. 44
 Ряжский Г. Г. 191
 Рязанов Э. А. 754
 Рязанский М. С. 396
- Сабуров Е. Ф.** 619, 671, 713
 Сабуров М. З. 378, 392, 396, 447
 Савельев М. А. 185
 Савинков Б. В. 47
 Савицкий П. Н. 194
 Савченко И. А. 296
 Садо М. Ю. 487
 Салтыков Б. Г. 672
 Самарский А. А. 458
 Санина А. В. 431
 Сапронов Т. В. 143
 Сарьян М. С. 191, 240, 407
 Сафаров Г. И. 247
 Сахаров А. Д. 405, 471, 556, 557, 559–561, 566, 567, 575, 601, 610–612
 Сахаров В. А. 165
 Свердлов Я. М. 61, 54, 71, 75, 287
 Светлов М. А. 188, 190
 Свилова Е. 193
 Седов Г. Я. 346
 Сезанн П. 191
- Сейфуллина Л. Н. 188, 190
 Селезнев Г. Н. 739
 Селезнев Ю. И. 554
 Селивановский А. П. 189
 Сельвинский И. Л. 188
 Селонин В. И. 644
 Семанов С. Н. 487, 551–554, 577
 Семенов Н. Н. 186, 237, 422, 470
 Семичастный В. Е. 456, 480, 516
 Серафим Саровский (П. Мошнин), православный святой 552
 Серафимович А. С. 188, 190
 Сергеев В. С. 473
 Сергеев И. П. 278
 Сергеев-Ценский С. Н. 297, 480
 Сергей (И. Н. Стратгородский), патриарх 180, 344, 345
 Сергей Радонежский, православный святой 552
 Сердюков А. Э. 786, 790
 Серебровский А. А. 239, 416
 Серебровский А. П. 218
 Серебровский А. С. 295
 Серебряков Г. В. 553
 Серебряков Л. П. 143, 149, 249
 Серебрякова З. Е. 194
 Серов В. А. 260
 Серов И. А. 440, 447
 Сеченов И. М. 346, 410, 417
 Сигэмицу М. 357
 Сикорский И. И. 194
 Силаев И. С. 652, 670
 Сильвестр (Ольшанский), епископ 115
 Симонов К. М. 297, 312, 346, 362, 414, 427, 475, 479
 Симонов П. Ф. 92
 Синявский А. Д. 484, 557
 Ситарян С. А. 588
 Сказкин С. Д. 295, 473
 Скаткин М. Н. 473
 Склянский Э. М. 128, 150
 Скобелев М. Д. 347, 412
 Скобелев М. И. 19, 32
 Скобельцын Д. В. 237
 Скоков Ю. В. 671, 686
 Скоропадский П. П. 87
 Скрышник Н. А. 130, 137, 139
 Скуратов Ю. И. 745
 Скурлатов В. И. 488, 564
 Славский Е. П. 471

- Сланский Р. 377
Слепков А. Н. 212
Слепушкин А. Б. 279
Слонимский М. Л. 188
Смеляков Я. В. 481
Сметанин Н. С. 221
Смилга И. Т. 154
Смирнов А. П. 213
Смирнов Е. И. 336, 389
Смирнов И. Н. 248
Смирнов С. Г. 331
Смит У. 413
Снегов А. В. 214
Соболев Л. С. 477, 479, 480
Собчак А. А. 610, 623
Собянин С. С. 784
Сокирко В. В. 561
Соколов А. 188
Соколов Б. П. 549
Соколов В. Н. 481
Соколов-Скаля П. П. 192
Соколовская И. И. 401
Соколовский В. Д. 328, 380
Сокольников Г. Я. 50, 64, 67, 130, 152, 249
Солдатов С. И. 562
Солженицын А. И. 337, 478, 480, 485, 486, 552, 556, 557, 559–561, 564, 567, 607, 645, 753
Соловьев В. С. 578, 644
Соловьев Ю. Ф. 610
Соловьев-Седой В. П. 346
Солодуб П. 132
Соломенцев М. С. 449, 534
Солонев В. Л. 486
Солоухин В. А. 480, 482, 487, 552
Сорокин В. В. 553, 554
Сорокин П. А. 77, 178, 194, 644
Сосюра В. Н. 240
Софронов А. В. 480, 485
Спаатс К. 354
Сперанский А. Д. 417
Спиридонова М. А. 27, 74
Стаднюк И. Ф. 480
Сталин И. В. 13, 40, 94, 129, 132, 133, 135–137, 139, 144, 145, 147–151, 153–155, 166, 172, 174, 207–216, 225, 241, 247, 249, 254–257, 261, 275, 276, 287, 289, 293, 300–304, 308–312, 319, 323, 326, 343, 348, 354, 358, 365, 368, 371, 376–379, 382, 385, 387, 388, 391, 392, 404, 410, 411, 417, 423, 428, 430–432, 434–438, 443, 444, 448, 452, 469, 472, 475–478, 481, 483, 492, 500, 501, 505, 507, 511, 514, 516, 535, 559, 567, 604, 644
Стальский С. 240
Станиславский К. С. 194, 240
Стародубцев В. А. 647
Стаханов А. Г. 221
Стеклов В. А. 186, 236
Степанков В. Г. 650, 661
Степанов А. Н. 297
Степанов Г. А. 381
Степин В. С. 473
Степун Ф. А. 178
Стерлигов В. 192
Стерн Л. 418
Стецкий А. И. 232
Стечкин Б. С. 293
Столыпин П. А. 230
Стороженко Н. А. 212
Стравинский И. Ф. 194
Стратонов В. В. 177
Строилов М. С. 249
Струве П. Б. 47
Струмилин С. Г. 451
Стэн Я. Э. 213
Суворов А. В. 297, 552
Судоплатов П. П. 215, 349
Сулимов Д. Е. 211
Султан-Галиев М. Х. 132, 137, 138, 139
Сунь Ятсен 20
Суриков В. И. 260
Суриц Я. З. 92
Сурков А. А. 190, 346
Сурков В. Ю. 788
Суслов М. А. 420, 423, 447, 457, 483, 513, 517, 533, 587
Сутырин В. А. 189
Суханов (Гиммер) Н. Н. 222
Сухой П. О. 278, 547
Сыроватко В. Г. 635
Сырцов С. И. 211
- Т**
Табидзе Т. Ю. 240
Таганцев В. Н. 177
Таиров А. Я. 194, 240, 258
Таль Б. В. 232
Тамм И. Е. 237, 238, 405, 417, 470
Танюк Л. 500
Тараки Нур М. 586

- Тарасова А. К. 194
 Тарасов-Родионов А. И. 158
 Тареев Е. М. 390
 Тарко А. М. 583
 Тарковский А. А. 645
 Тарле Е. В. 11, 184, 222, 258, 260, 295, 411
 Тарсис В. 484, 557
 Татлин В. Е. 112, 188, 192
 Твардовский А. Т. 412, 474, 475, 478, 480, 486, 550, 556
 Тевосян И. Ф. 218, 278, 331
 Теддер А. 354
 Телегин К. Ф. 380
 Тендряков В. Ф. 551
 Теодорович И. А. 40, 51
 Тер-Ваганян В. А. 248
 Терещенко М. И. 36
 Термен Л. С. 186
 Тизяков А. И. 647, 650
 Тимашук Л. Ф. 387
 Тимирязев К. А. 192, 346, 410
 Тимошенко С. К. 194, 284, 303, 307, 314, 319, 324, 365
 Тимошенко С. П. 134
 Тито И. Б. 508
 Тихомиров М. Н. 295, 473
 Тихомиров Н. И. 238
 Тихон (В. И. Беллавин), патриарх 114, 115, 180
 Тихонов А. Н. 458
 Тихонов Н. А. 188, 190, 517, 534, 535, 538, 590
 Тихонов Н. С. 188, 190
 Товстоногов Г. А. 555
 Тодоровский В. 754
 Тодт Ф. 320
 Токарев С. А. 473
 Токарев Ф. В. 279
 Толбухин Ф. И. 326, 350, 351, 365
 Толмачев В. Н. 213
 Толстов С. П. 473
 Толстой А. Н. 190, 240, 297, 301, 346, 407
 Толстой Л. Н. 8, 346
 Томме М. Ф. 401
 Томсинский С. Г. 258
 Томский М. П. 145, 151, 166, 168, 211, 214, 286
 Томский Н. В. 145, 151, 168, 240
 Травкин Н. И. 612, 685, 696
 Трауберг Л. З. 240
 Тренев К. А. 193
 Третьяков С. М. 155
 Трибуц В. Ф. 351
 Трилиссер М. А. 205
 Троепольский Г. Н. 482
 Трофимов В. И. 483
 Троцкий Л. Д. 33, 38, 40, 50, 51, 54, 64–66, 71, 79, 101, 107, 121, 130, 143–145, 147–151, 153, 154, 157, 200, 203, 205, 210, 211, 216, 248, 249, 274, 275, 420, 473, 644
 Трошев Г. Н. 778
 Трубецкой Г. 47
 Трубецкой Н. С. 194
 Трумэн Г. 354, 369, 423, 643
 Трутовский В. Е. 52
 Тулайков Н. М. 239, 294, 295
 Тулеев А. М. 636
 Туманский С. К. 278
 Тушиков В. И. 315
 Туполев А. А. 548
 Туполев А. Н. 186, 293, 330, 471
 Турсун-заде М. 240
 Турсунов Х. 503
 Тухачевский М. Н. 84, 89, 94, 121, 150, 199, 249
 Тынянов Ю. Н. 190
 Тычина П. Г. 240
 Тышлер А. Г. 191
 Тюленев И. В. 307
Уатт Дж. 411
 Уборевич И. П. 89, 249
 Угланов Н. А. 204, 206, 212
 Угрюмов Г. И. 296
 Удальцова Н. А. 192
 Удугов М. 779
 Улюкаев А. В. 698
 Умэдзу Й. 357
 Уншлихт И. С. 177, 199, 200
 Урицкий М. С. 80
 Урмин Е. В. 278
 Усама бен Ладен 777
 Устинов Д. Ф. 278, 331, 455, 517, 534, 535, 587
 Устрялов Н. В. 176
 Утесов Л. О. 346
 Ушаков Н. Н. 188
 Ушаков Ф. Ф. 188
 Ушинский К. Д. 346

- Фаворский** А. Е. 236
Фадеев А. А. 188, 189, 190, 240, 407, 414, 419, 425, 477
Фадин А. В. 562, 578
Фальк Р. Р. 191, 192, 479
Федин К. А. 188, 190, 407
Федоров Б. Г. 687
Федоров В. П. 279
Федоров М. М. 47
Федоров Н. В. 661, 672
Федоров Н. Ф. 578
Федоров С. Н. 671, 739
Федорчук В. В. 532
Федотов Г. П. 644
Федулова А. В. 733
Федько И. Ф. 290
Федюнинский И. И. 380
Фейхтвангер Л. 280
Фельдман Б. М. 249
Фельгринелли Д. 483
Феоктистов К. П. 471
Ферсман А. Е. 111, 186
Фетисов А. А. 488
Фефер И. С. 386
Филатов С. А. 567, 739
Филин Ф. П. 473
Филонов П. Н. 240
Фирин С. Г. 223
Флеров Г. Н. 294, 335
Флоренский П. А. 187, 578
Фокин М. М. 194
Фокина О. А. 482
Фомин И. А. 192
Фонвизин А. В. 192
Форш О. Д. 190
Фрадков М. Е. 784
Франк И. М. 237, 470
Франк С. Л. 178, 194
Франко Баамонде Ф. 267
Френкель Н. А. 223
Фридебург Г. Г. Фон 353
Фридлянд Г. С. 258
Фриче Г. 304
Фролов Е. 556
Фрумкин А. А. 422
Фрунзе М. В. 85, 89, 121, 137, 150, 151, 153, 186
Фрыгин Г. И. 565
Фукуяма Ф. 3
Фурманов Д. А. 188–190
Фурцева Е. А. 447
Фысин В. И. 549
Хабалов С. С. 18
Хавкин Ю. Л. 578
Хакен Г. 6
Ханин Г. И. 644
Хантингтон С. 14
Харитон Ю. Б. 335, 395, 405, 417, 470
Харитонов Н. 780
Хасбулатов Р. И. 628, 660, 661, 662, 697, 721
Хасимото Р. 769
Хачатурян А. И. 240, 477
Хвылевой Н. 171
Хижа Г. С. 684
Хиранума К. 272
Хлебников В. В. 191
Хлопин В. Г. 395
Хмелев Н. П. 194
Хмельницкий Богдан 296, 477
Хо Ши Мин 375
Ходасевич В. Ф. 194
Ходжа Э. 392
Ходжаев Ф. 286
Холодов Е. Г. 426
Хотиненко В. 754
Хренников Т. Н. 240
Хрулев А. В. 331
Хрущев Н. С. 217, 314, 324, 358, 368, 383, 388, 391, 392, 433–436, 439–443, 445–448, 450, 452–457, 463–466, 472, 475, 478, 479, 481, 486, 489, 491, 492, 505–507, 509–511, 513–515, 517, 526, 527, 535, 550, 573, 644
Худенко И. Н. 522, 523
Худяков А. С. 380
Хуциев М. М. 479
Цадаса Г. 240
Цандер Ф. А. 186
Цветаева М. И. 194, 751
Цинцадзе К. М. 131
Циолковский К. Э. 186
Цыбин В. Д. 551
Цюрупа А. Д. 141
Чаадаев П. Я. 7
Чайкина Е. И. 364
Чайков И. М. 192

- Чайковский П. И. 260, 346, 477
Чаковский Б. А. 476
Чалидзе В. Н. 427
Чалмаев В. А. 487, 551, 553
Чан Кайши 153, 201
Чаплыгин С. А. 238, 410
Чаренц Е. 240
Чарквиани К. Н. 429
Чаромский А. Д. 278
Чаянов А. В. 187, 222
Чебриков В. М. 534, 535
Чекрыгин В. Н. 191
Чемберлен Н. 269
Чемберлен О. 201
Червяков А. Г. 134
Черемухин А. М. 439
Черенков П. А. 237, 470
Чернавин В. Н. 650
Черненко К. У. 490, 517, 532, 533, 535, 587, 588
Черниченко Ю. Д. 734
Чернов В. М. 27, 32, 45, 50, 55
Чернов Д. К. 346
Чернов М. А. 223, 286
Черномырдин В. С. 648, 686, 687, 698, 737, 741, 743
Черный С. 194
Чернышев Н. М. 191, 192
Чернышевский Н. Г. 340, 410
Черняев А. С. 616, 632
Черняев М. Г. 347
Черняховский И. Д. 350
Черчилль У. Л. С. 322, 354, 369, 391
Чехов М. А. 194
Чивилихин В. А. 552, 553, 565, 577
Чижевский А. Л. 186, 238
Чикобава А. С. 429
Чингисхан 205, 297
Чичерин А. 188
Чичерин Г. В. 67, 129, 195, 196, 197, 261
Чубайс А. Б. 672, 684, 687, 702, 703, 706, 707, 739, 741, 742, 672
Чубайс И. Б. 603, 612
Чубарь В. Я. 141
Чуев Ф. И. 293
Чужак Н. Ф. 188
Чуйков В. И. 325, 380
Чуковский К. И. 190, 240
Чурбанов Ю. М. 534
Чутких А. С. 398
Чухрай Г. Н. 479
Чхендзе Н. С. 19, 25, 150
- Шагал М. З.** 192
Шадр И. Д. 192, 240
Шаймиев М. Ш. 663
Шаккум М. Л. 739
Шаламов В. А. 484, 645
Шаляпин Ф. И. 77, 107, 194
Шаповаленко В. 611
Шапорин Ю. А. 194
Шапошников Б. М. 315, 323, 341
Шапошников Е. И. 650, 662, 693
Шарангович В. Ф. 286
Шаров П. М. 522
Шаталин Н. Н. 392
Шаталин С. С. 630
Шатров М. Ф. 645
Шатуновская О. Г. 214
Шаумян Л. С. 214
Шафаревич И. Р. 427, 556, 559, 564
Шахназаров Г. Х. 5, 578
Шахрай С. М. 653, 658, 661, 672, 733, 739
Шахурин А. И. 278, 331, 380
Шварцман Л. Л. 387
Шверник Н. М. 378, 391, 447
Шебалин В. Я. 194, 413, 477
Шеболдаев Б. П. 214
Шевардинадзе Э. А. 532, 574, 590, 634
Шевцов А. Д. 278
Шевцов И. М. 475, 481, 551
Шевцова Л. Ф. 736
Шевченко А. В. 192
Шелепин А. Н. 444, 453, 456, 481, 483, 513, 514, 516
Шелест П. Е. 516, 517, 574
Шепилов Д. Т. 420, 425, 430, 431, 442, 443, 447, 449, 452, 492, 507–509
Шершеневич В. Г. 189
Шестаков А. В. 241, 259
Шешуков С. И. 553
Шиманов Г. М. 563, 564
Шимелиович Б. А. 386
Ширяевец А. 191
Шкирятов М. Ф. 386
Шкловский В. Б. 188
Шкляревский И. И. 481
Шляпников А. Г. 19, 40, 103, 143, 247
Шмелев И. С. 194
Шмелев Н. П. 644

Шмидт В. В. 200
Шолохов М. А. 188, 190, 209, 240, 334,
346, 479, 480, 482, 554
Шостакович Д. Д. 194, 240, 346, 407, 413,
477
Шостаковский В. Н. 612
Шохин А. Н. 674, 687
Шпагин Г. С. 330
Штейн А. П. 414
Штейнберг И. З. 52
Штерн Г. М. 265, 386
Штернберг Д. П. 191
Штреземан Г. 199, 200
Штумпф Г. Ю. 353
Шугаев В. М. 482
Шуйский Г. Т. 443
Шукшин В. М. 478, 480, 482
Шуленбург Ф. В. фон дер 303
Шульженко К. И. 346
Шумаков Б. А. 549
Шумейко В. Г. 684
Шумейко В. Ф. 724
Шумилов М. С. 325
Шумский А. Я. 171
Шушкевич С. С. 655

Щаденко Е. А. 290
Щедровицкий Г. П. 488
Щелкин К. И. 405, 470
Щелоков Н. А. 517, 534, 573
Щепкин М. С. 346
Щербаков А. С. 232, 256, 317, 340, 387
Щербицкий В. В. 532
Щукин Б. В. 194
Щусев А. В. 191, 192, 240

Эйдеман Р. П. 249
Эйзенхауэр Д. Д. 370, 371, 376
Эйзенштейн С. М. 192, 240, 296, 413
Эйнштейн А. 417, 422
Эйсмонт Н. Б. 213
Эйхе Р. И. 223
Экк Н. 240
Энгельс Ф. 431, 432
Эренбург И. Г. 346, 409, 426, 474, 475, 480

Эрлих Г. 348
Эррио Э. 199
Этингер Я. Г. 386
Эттли К. Р. 354

Юденич Н. Н. 83, 84
Юдин Л. 192
Юзефович И. С. 386
Юзовский Ю. (И. И.) 426
Юмашев И. С. 356, 381
Юровский Л. Н. 222
Юткевич С. И. 413

Явлинский Г. А. 630, 653, 671, 702, 710,
727, 733, 739
Ягода Г. Г. 222, 225, 246, 286, 288, 289
Язов Д. Т. 639, 647, 649, 650
Якир И. Э. 89, 249
Якир П. И. 559
Якобсон Р. О. 194
Яковлев А. И. 184, 258
Яковлев А. Н. 449, 478, 553, 554, 567, 625
Яковлев А. С. 278, 330
Яковлев Е. В. 686
Яковлев Н. Д. 381
Яковлев Н. Н. 565
Яковлев Я. А. 223
Якушин А. Я. 398
Ямада О. 357
Ян (Янчевский) В. Г. 297
Янаев Г. И. 634, 639, 647
Янгель М. К. 472
Яндарбиев З. 746
Яновский Ю. И. 475
Янсон Н. М. 222
Яншин А. Л. 542
Яншин М. М. 194
Яров Ю. Ф. 663
Ярославский Е. М. 185, 241, 295
Ярошенко Л. Д. 431
Ярузельский В. 584
Ясин Е. Г. 672
Ясный А. 189
Ястребов И. 335
Яшвили П. 240
Ященко А. С. 420

Содержание

Предисловие	3
Глава I. РЕВОЛЮЦИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ. 1917–1920	17
§ 1. Революция 1917 г. в России	17
§ 2. Первые преобразования Советской власти	41
§ 3. Апогей вооруженного противостояния	76
§ 4. Культурная и церковная политика Советской власти	103
Глава II. ОБРАЗОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ СССР В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ. 1921–1928	119
§ 1. Переход к нэпу, первые этапы его осуществления	119
§ 2. Образование и конституционное оформление СССР	126
§ 3. Политическая борьба за утверждение курса на строительство социализма в одной стране	143
§ 4. Восстановление народного хозяйства, переход к индустриализации и коллективизации	156
§ 5. Изменения в составе СССР, эволюция национальной политики	168
§ 6. Преобразование культуры	175
§ 7. Внешняя политика	194
Глава III. ФОРСИРОВАННАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ СССР. 1928–1937	203
§ 1. Идеология и политика социалистических преобразований	203
§ 2. Индустриализация	216
§ 3. Коллективизация	223
§ 4. Первые пятилетки как этап «культурной революции»	232
§ 5. Конституция 1936 года и борьба с «врагами народа»	241
§ 6. Национальная политика	253
§ 7. Внешняя политика	260
Глава IV. СОЮЗ ССР НАКАНУНЕ ВОЕННЫХ ИСПЫТАНИЙ. 1938 – 22 июня 1941	267
§ 1. Внешняя политика в условиях нарастания военной опасности. Расширение СССР	267
§ 2. Предвоенная модернизация экономики и Вооруженных сил	276
§ 3. Удары по потенциалу «пятой колонны»	286
§ 4. Модернизация в культуре и патриотическая подготовка населения к войне	290
Глава V. ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА	302
§ 1. Начальный период. 22 июня 1941–19 ноября 1942	302
§ 2. Коренной перелом в войне. 19 ноября 1942 – 1943	325
§ 3. Внутренняя и внешняя политика в годы войны	329
§ 4. Победный этап войны. 1944–1945	350
Глава VI. СССР В ГОДЫ ПОСЛЕВОЕННОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ. 1945–1953	368
§ 1. Внешняя и внутренняя политика в послевоенный период	368
§ 2. Восстановление и развитие народного хозяйства. Изменения в социальной сфере	392
§ 3. Культурная жизнь. Идеологические кампании и дискуссии	406

Глава VII. «ОТТЕПЕЛЬ». 1953–1964	435
§ 1. Победы и поражения в борьбе за новый курс развития страны. Изменения в общественно-политической жизни	435
§ 2. Социально-экономическое развитие	457
§ 3. Культура и общественные движения	469
§ 4. Национальная политика и национальные движения	488
§ 5. Внешняя политика	507
Глава VIII. «РАЗВИТОЙ СОЦИАЛИЗМ». 1964–1985	513
§ 1. Ранний «развитой социализм». 1964–1977	513
§ 2. Конституция СССР 1977 г. и положение в стране в годы позднего «развитого социализма»	526
§ 3. Культура, официальная идеология, инакомыслие	547
§ 4. Национальная политика и национальные движения	568
§ 5. Внешняя политика	579
Глава IX. «ПЕРЕСТРОЙКА». 1985–1991	587
§ 1. Курс на ускорение социально-экономического развития советского общества. 1985–1986	587
§ 2. Начало перестройки системы общественных отношений в СССР. 1987 — весна 1990	602
§ 3. «Парад суверенитетов» и судьба реформ. Середина 1990 — середина 1991	623
§ 4. Демонтаж союзной государственности. Конец августа — декабрь 1991 ...	646
§ 5. РСФСР в канун превращения в Российскую Федерацию. Сентябрь — декабрь 1991	656
Глава X. РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ В 1992–2004	677
§ 1. Начало перехода к новому обществу. 1992	677
§ 2. Экономические преобразования и их социальные последствия. 1992–1998	698
§ 3. Формирование и развитие новой политической системы. 1992–1999	718
§ 4. Российская культура в 1990-е годы	747
§ 5. Внешняя политика России в 1990-е годы	755
Глава XI. РОССИЯ В НАЧАЛЕ НОВОГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ	770
§ 1. Стабилизация системы общественных отношений	770
§ 2. От стабилизации — к динамичному развитию	782
Библиография	808
Именной указатель	825

Учебное издание

Барсенков Александр Сергеевич,
Вдовин Александр Иванович

ИСТОРИЯ РОССИИ
1917–2009

Редактор **Э. М. Харланова**
Корректор **А. А. Баринова**
Художник **Д. А. Сенчагов**

Компьютерная верстка **С. А. Артемьевой**

Подписано к печати 25.11.2009. Формат 60×90¹/₁₆.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 53. Тираж 2000 экз. Заказ №

ЗАО Издательство «Аспект Пресс»
111141 Москва, Зеленый просп., 8.
e-mail: info@aspectpress.ru. www.aspectpress.ru
Тел. (495)306-78-01, 306-83-71

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200 г. Можайск, ул. Мира, 93.

Для заметок
